
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.
ІЮЛЬ, 1892.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1892.

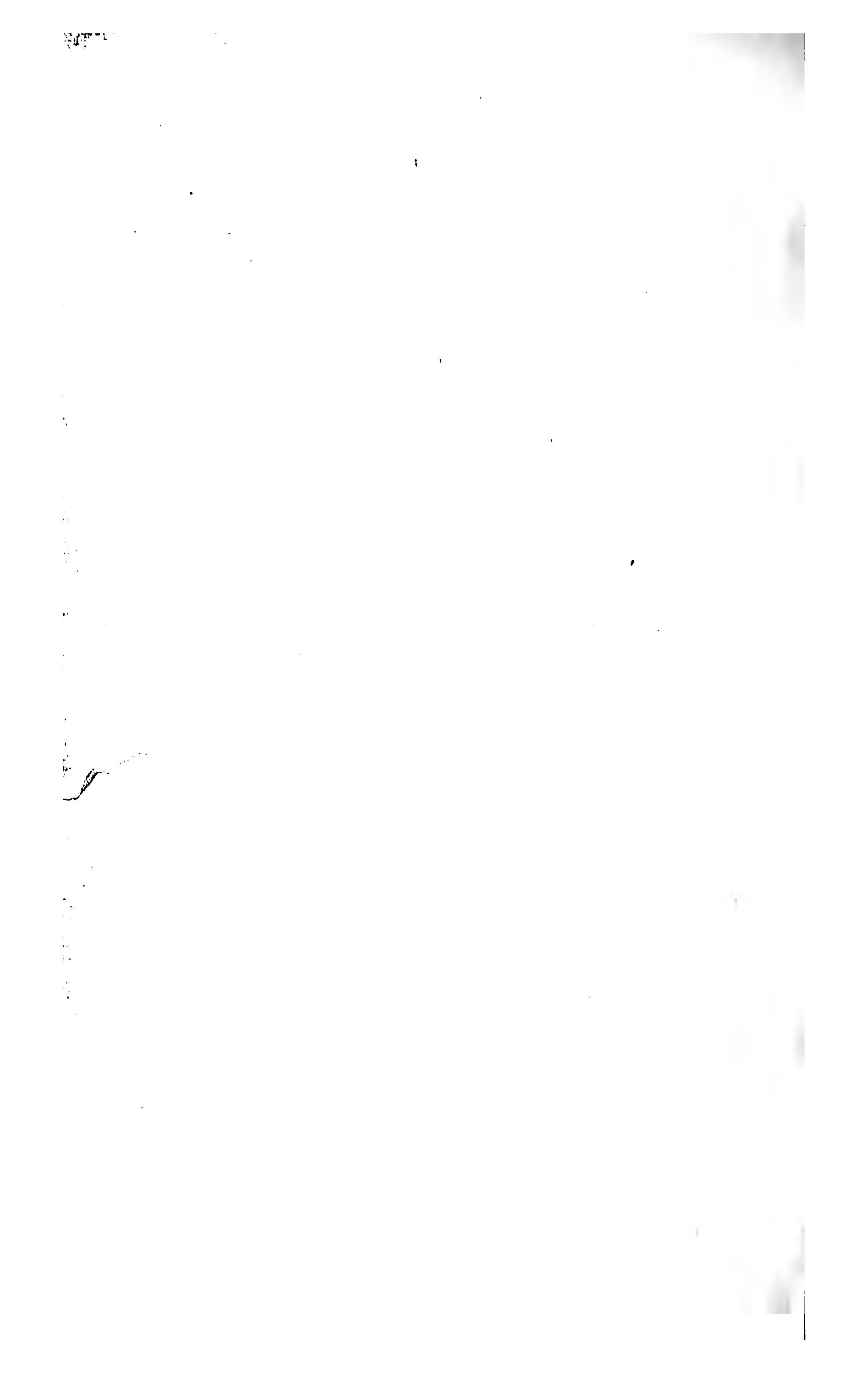
Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

VI. — ТОМЪ CCCXXX. — 1/13 іюля, 1892.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

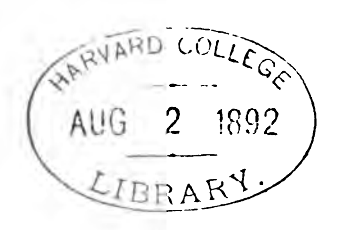
Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1892

(1959)

Н. В. ГОГОЛЬ

въ

ПЕРІОДЪ „АРАБЕСОКЪ“ и „МИРГОРОДА“

(1832-1835 гг.).

Ни одному изъ современниковъ Гоголя не удалось такъ мѣтко и вполнѣ согласно со всѣми біографическими данными въ немногихъ словахъ очертить сущность его задушевныхъ стремленій и характеръ внѣшнихъ условій, въ которыхъ онъ находился въ бытность свою въ Петербургѣ, какъ П. В. Анненкову. „Съ 1830 по 1836 г., т.-е. вплоть до отъѣзда за границу,—говоритъ Анненковъ,—Гоголь былъ занятъ исключительно одною мыслью—открыть себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который, по злоупотребленію эпитетовъ, называется обыкновенно большимъ и пространнымъ; въ сущности онъ всегда и вездѣ тѣсенъ—для начинающаго“ [1]). Свидѣтельство такого человѣка, какъ Анненковъ, близко знавшій тогда Гоголя и въ то же время безпристрастный наблюдатель, должно имѣть высокую цѣну. Онъ не былъ, подобно нѣжинскимъ товарищамъ поэта, связанъ съ Гоголемъ воспоминаніями вмѣстѣ проведеннаго дѣтства, но какъ членъ общаго кружка, къ которому примкнулъ еще съ 1832 г. [2]), получилъ полную возможность узнать его коротко. Въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ Кулишъ упоминаетъ объ энтузіазмѣ, съ которымъ впослѣдствіи

---

[1]) „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 181.
[2]) Тамъ же, стр. 172.

относился къ петербургскому періоду жизни своего пріятеля Прокопович [1]); мы лично имѣли случай слышать такой же сочувственный, почти восторженный отзывъ уже престарѣлаго Данилевскаго. Но, съ одной стороны, ни Прокоповичъ, ни Данилевскій, не могли достаточно отрѣшиться отъ субъективнаго отношенія къ Гоголю, что вполнѣ естественно и ясно уже изъ самаго характера ихъ отзывовъ (ихъ воспоминанія гораздо важнѣе фактическимъ матеріаломъ, нежели окончательными выводами, въ которыхъ, по сущности дѣла, они не могли быть нелицепріятными судьями); съ другой стороны,—и это самое главное,—въ настоящемъ случаѣ эти отзывы не даютъ намъ ключа къ пониманію дѣла. Любопытно, что г. Кулишъ, собиравшій матеріалы для біографіи Гоголя непосредственно отъ лицъ близко знавшихъ его и притомъ почти вслѣдъ за кончиной писателя, долженъ былъ выразить сожалѣніе, что изъ разсказовъ о петербургской порѣ его жизни можно было вынести очень немного. Однимъ изъ существенныхъ затрудненій было то обстоятельство, что, чувствуя себя среди товарищей-однокашниковъ совершенно въ родной сферѣ и отдыхая въ ихъ обществѣ отъ свѣтскихъ и служебныхъ отношеній, отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ,—Гоголь, несмотря на то, никогда не держалъ себя „на распашку“ и совсѣмъ не былъ склоненъ даже самыхъ близкихъ людей посвящать въ свои завѣтные планы. Наиболѣе любимый имъ изъ кружка, Данилевскій, по его собственному показанію, никогда не рѣшался начинать съ Гоголемъ разговоръ о серьезныхъ его интересахъ, а вступалъ въ откровенную бесѣду о такихъ предметахъ только но приглашенію послѣдняго. По справедливому выраженію г. Кулиша, представляющему, безъ сомнѣнія, итогъ слышаннаго имъ отъ многихъ пріятелей и знакомыхъ Гоголя, послѣдній, „предаваясь врожденной наблюдательности“, самъ какъ бы „защищался личиной человѣка обыкновеннаго отъ наблюдательности другихъ“ и „всегда былъ на-сторожѣ“; подмѣтить въ немъ что-либо можно было только „безъ его вѣдома“ [2]). Понятно поэтому, что товарищи-нѣжинцы, давно хорошо знавшіе Гоголя и считавшіе его своимъ человѣкомъ, но не введенные въ его интимный міръ, удовлетворялись преимущественно своими прочно установившимися личными отношеніями къ нему, и только со стороны радовались или удивлялись его быстрымъ успѣхамъ. Въ иномъ, гораздо болѣе выгодномъ положеніи былъ Анненковъ, впервые познакомившійся тогда

---

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 101.

[2]) „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 100.

съ Гоголемъ и уже заранѣе сильно заинтересованный его личностью и славой: онъ съ самаго начала, насколько могъ, старался незамѣтно проникнуть въ сущность характера Гоголя и его поступковъ, къ чему притомъ гораздо лучше другихъ членовъ кружка былъ подготовленъ болѣе обширнымъ образованіемъ и многосторонне развитымъ умомъ.

Чтобы убѣдиться, насколько вѣрны въ примѣненіи къ разсматриваемой порѣ жизни Гоголя особенно послѣднія изъ приведенныхъ выше словъ Анненкова, достаточно припомнить, какъ, несмотря на почти сказочный успѣхъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, на успѣхъ, превзошедшій его собственныя пылкія мечты и надежды, Гоголю приходилось, однако, упорно бороться съ обстоятельствами, отчасти отстаивая съ напряженными усиліями уже занятую позицію, отчасти, подвигаясь впередъ, употреблять большую энергію для обезпеченія желаемыхъ результатовъ. Такъ было въ началѣ его петербургской жизни, такъ было и при полученіи имъ университетской каѳедры.

Было бы, однако, непростительно-грубой ошибкой видѣть въ заботахъ Гоголя о будущемъ обыкновенный пошлый карьеризмъ. Противъ такого ложнаго толкованія достаточно, напримѣръ, указать одно письмо его къ дядѣ П. П. Косяровскому [1]), въ которомъ вылилось чистое, юношеское, никѣмъ не подсказанное желаніе посвятить свои лучшія силы на служеніе общественному благу. Конечно, не изъ скромной и довольно патріархальной домашней среды, вѣроятно также и не изъ школы (судя по всѣмъ даннымъ) вынесъ онъ эти возвышенныя и, можетъ быть, притязательныя стремленія. Напротивъ, въ натурѣ самого Гоголя было всегда что-то выводившее его далеко изъ предѣловъ рутинныхъ рамокъ, и онъ всюду являлся оригинальнымъ, въ лучшемъ значеніи слова. Въ этомъ сказывался тотъ присущій геніальнымъ людямъ инстинктъ, который пробуждаетъ въ нихъ большія надежды на себя и внушаетъ имъ обширные замыслы. Поэтому-то и Гоголь, какъ бы отмѣченный особой печатью свыше, съ самаго дѣтства былъ непримиримымъ врагомъ зауряднаго ничтожества, и это одно не позволяетъ намъ смѣшивать его съ толпой алчущихъ земныхъ благъ безъ всякаго помышленія о какомъ-либо нравственномъ совершенствѣ. Какъ въ школѣ Гоголь не щадилъ насмѣшекъ надъ самолюбивой бездарностью, такъ, по наблюденіямъ Анненкова, и въ пору усиленныхъ работъ о карьерѣ онъ питалъ ожесточенную ненависть къ пошлости во всѣхъ ея ви-

---

[1]) „Русская Старина“, 1876, т, I. стр. 41—42.

дахъ и съ особымъ наслажденіемъ разоблачалъ мелкое искательство и голый, циническій разсчетъ. „Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи,—говоритъ Анненковъ,—*даже и противъ него самого, еслибы нужно было*“ [1]). Впрочемъ, едва-ли можно сомнѣваться и безъ того, что одинъ только талантъ, какъ бы онъ ни былъ колоссаленъ, никогда не могъ бы вдохнуть такое воодушевленіе и энергію для борьбы съ общественнымъ зломъ, какія создали „Ревизора“ и „Мертвыя Души“; мало того, онъ не получилъ бы даже такого направленія, какое мы находимъ у Гоголя, всего меньше испытавшаго на себѣ дѣйствіе прогрессивнаго движенія своего времени. Если жизненная волна со временемъ исказила до нѣкоторой степени чистыя юношескія стремленія Гоголя, то самое ихъ существованіе отрицать невозможно. Намъ кажется даже, что въ извѣстныхъ словахъ: „нынѣшній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, еслибы показали ему его же портретъ въ старости“,—Гоголь имѣлъ въ виду не только другихъ, но прежде всего себя и мечты лучшей поры своей жизни.

Какое же значеніе имѣютъ въ такомъ случаѣ приведенныя выше слова Анненкова? Разъяснить это всего лучше можно его же словами: „Онъ былъ весь обращенъ лицомъ къ будущему, къ расчищенію себѣ путей во всѣ направленія, движимый потребностью развить всѣ силы свои, богатство которыхъ невольно сознавалъ въ себѣ“ [2]).

I.

Первые два года петербургской жизни Гоголя прошли для него не даромъ: онъ научился мириться съ обстоятельствами, постепенно подготовляя ихъ улучшеніе, но отказавшись отъ неисполнимыхъ и дѣтски-рѣшительныхъ плановъ. Особенно неудачная поѣздка за границу не осталась безъ пользы. Пришлось подавить въ себѣ на время страстное желаніе выбиться скорѣе изъ общей колеи; пришлось подумать и о выборѣ болѣе вѣрнаго пути для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь становится еще замкнутѣе, еще осторожнѣе въ откровенныхъ изліяніяхъ; если прежде они вырыва-

---

[1]) „Воспоминанія и критическіе очерки“ Анненкова, т. I, стр. 190.

[2]) Тамъ же, стр. 181.

лись въ исключительныхъ случаяхъ и имѣли характеръ исповѣди (письмо къ Косяровскому), то теперь мы не могли бы указать ни одного примѣра подобной откровенности. А между тѣмъ теперь было гораздо больше причинъ волноваться опасеніями о томъ, что „неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ его съ толпой самодовольной черни въ самую глушь ничтожности и отведетъ ему черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ“ [1]).

Хотя склонность къ широкимъ задачамъ и вполнѣ понятное сознаніе превосходства надъ массой никогда не угасали въ душѣ Гоголя, но излишества въ этомъ отношеніи послѣ первой его заграничной поѣздки начинаютъ уже сильно умѣряться жизненнымъ опытомъ и составляютъ нерѣдко полезный противовѣсъ удручающимъ впечатлѣніямъ отъ неудачъ. Самонадѣянность была въ немъ не поколеблена, но получила иной характеръ и значеніе. Такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ грустнаго извѣщенія о томъ, что онъ „холодно и безжизненно встрѣтилъ наступающій 1830 годъ“ [2]), Гоголь писалъ уже матери: „въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ“ [3]). Гораздо позднѣе, уже въ половинѣ 1830 года, у Гоголя, судя по его письмамъ, какъ будто еще и не мелькала мысль о перемѣнѣ служебной карьеры; могло бы казаться,—хотя едва-ли это было такъ,—что онъ колебался тогда только между дилеммой—оставаться ли въ Петербургѣ, или переѣхать служить въ провинцію [4]), постоянно склоняясь, впрочемъ, въ пользу перваго рѣшенія,—такъ какъ, по его словамъ, выгоды служить непремѣнно должны быть „для того, кто имѣетъ умъ, знающій извлечь пользу, предположившій впереди себѣ мѣту, ставши на которую, онъ въ состояніи дать обширный просторъ своимъ дѣйствіямъ, *сдѣлаться необходимымъ огромной массѣ государственной*“ (въ послѣднихъ словахъ звучитъ нота прежняго Гоголя). „Черезъ годъ, а можетъ быть и ранѣе,—продолжаетъ онъ,—надѣюсь я получить штатное мѣсто. *Это составляетъ покамѣстъ единственное мое желаніе*“. Когда въ сентябрѣ штатное мѣсто было, наконецъ, получено, Гоголь не переставалъ преимущественно заботиться объ успѣхахъ департаментской карьеры и однажды просилъ мать переговорить съ ея знакомыми (Шамшевыми), чтобы черезъ нихъ найти способъ повліять на одного изъ начальниковъ, прибавляя при этомъ:

[1]) Соч. и письма Гоголя, т. I, стр. 58.
[2]) Тамъ же, стр. 100.
[3]) Тамъ же, стр. 103.
[4]) Тамъ же, стр. 105.

„Словца два отъ хорошихъ людей всегда не помѣшаютъ“ [1]. Въ томъ же положеніи находилось дѣло и въ октябрѣ; но къ новому году Гоголь уже сообщаетъ, что впереди онъ „предвидитъ для себя много хорошаго“, послѣ чего извѣщаетъ въ каждомъ письмѣ о новыхъ удачахъ. Вскорѣ, въ началѣ 1831 года, съ поступленіемъ на службу въ патріотическій институтъ и съ пріобрѣтеніемъ литературныхъ знакомствъ, въ судьбѣ Гоголя произошла крупная перемѣна, тотчасъ благопріятно отразившаяся на его настроеніи, такъ что самый тонъ переписки замѣтно измѣняется, становясь постоянно увѣреннѣе и авторитетнѣе.

Любопытно, что когда Марья Ивановна Гоголь обращалась къ сыну съ просьбами о совѣтѣ или протекціи для своихъ знакомыхъ, которымъ было что-нибудь нужно въ Петербургѣ, то послѣдній сталъ отвѣчать ей тономъ опытнаго и знающаго дѣла человѣка, слова котораго показываютъ зрѣлость сужденія и не лишены практическаго значенія. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ числѣ членовъ коммиссіи по построенію храма Спасителя въ Москвѣ находился нѣкто Клименко (сосѣдъ родителей Гоголя по имѣнію), жена котораго, несмотря на отрѣшеніе мужа отъ должности, по смерти его не теряла надежду исходатайствовать себѣ пенсію и просила Марью Ивановну справиться о томъ черезъ сына въ Петербургѣ. Отвѣтъ былъ полученъ слѣдующій: „Насчетъ дѣла г-жи Клименко удовлетворительнаго ничего не могу сказать. Одна только сильная протекція могла бы сдѣлать что-нибудь въ ея пользу, но и то не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ ея нынѣшнія. Вамъ, я думаю, извѣстно, что коммиссія построенія храма въ Москвѣ уничтожена по причинѣ страшныхъ суммъ, истраченныхъ ея чиновниками. Всѣ они находятся едва ли не до сихъ поръ подъ слѣдствіемъ; слѣдовательно, не только не въ правѣ требовать себѣ пенсіи, но даже могутъ ожидать непріятностей. Впрочемъ, Государь милостивъ. Если бы она нашла себѣ другой какой предлогъ требовать, можетъ быть, тогда было бы это успѣшнѣе. *Въ томъ и другомъ случаѣ не совѣтуйте ей слишкомъ надѣяться и ожидать многаго. Если и получитъ успѣхъ, пусть лучше успѣхъ этотъ будетъ для нея неожиданный. Ничего нѣтъ хуже и горестнѣе для человѣка несбывшихся надеждъ*“ [2].

Нѣкто Шостакъ, родственникъ Гоголя по матери [3], „былъ

[1] Тамъ же, стр. 121.
[2] Соч. и письма Гоголя, I т., стр. 127.
[3] Родной братъ Марьи Ильинишны Косяровской, матери М. И. Гоголь.

одинъ изъ числа откупщиковъ, взявшихъ на себя городъ Петербургъ" [1]). Сначала дѣло пошло, повидимому, успѣшно, и онъ могъ даже прислать всѣмъ сестрамъ по десяти тысячъ, но вскорѣ разорился, подвергся за долги домашнему аресту и наконецъ скрылся неизвѣстно куда. На просьбу матери разузнать объ немъ Гоголь отвѣчалъ, что найти его не можетъ, но встрѣчалъ его прежде и кое-что объ немъ слышалъ. „Откупщики эти—писалъ онъ—не получили никакихъ совершенно выгодъ; въ разговорѣ, однакожъ, со мною онъ старался не давать этого замѣтить. Мнѣ странно только было найти въ этомъ человѣкѣ, можно сказать, изжившемъ всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности. Бывшіе съ нимъ въ короткихъ связяхъ говорятъ, что онъ при рѣдкомъ счастьѣ всегда бывалъ почти самъ причиной его утраты. Впрочемъ, одинъ поступокъ тотъ, посредствомъ котораго онъ помогъ роднымъ своимъ, извиняетъ его много". Вообще сужденія Гоголя постоянно становятся рѣшительнѣе и отражаютъ явный подъемъ духа. Вскорѣ онъ уже не могъ не чувствовать себя вознесеннымъ обстоятельствами и быстро подхваченнымъ вверхъ благопріятной волной, и въ самомъ дѣлѣ сознаніе успѣха сквозитъ всюду, а на первыхъ порахъ проявляется даже не совсѣмъ въ скромной формѣ, на что уже указывалось въ нашей печати съ большимъ осужденіемъ, *но внѣ связи съ причинами, вызвавшими такое настроеніе* [2]). Такъ однажды онъ пишетъ матери: „мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства" [3]); въ другой разъ онъ прямо говоритъ: „Я душевно былъ радъ оставить ничтожную мою службу, *ничтожную, я полагаю, для меня*, потому что иной Богъ знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Я могъ бы остаться теперь безъ мѣста, если бы не показалъ уже нѣсколько себя. Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ ея вѣденіи институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, и лекціи мои мало-по-малу заставляютъ говорить обо мнѣ" [4]). Надо, впрочемъ, сказать, что Гоголь долго не писалъ потомъ въ этомъ тонѣ, до времени позднѣйшаго своего проповѣдничества, и этотъ тонъ въ данномъ случаѣ совершенно объясняется какъ ранней молодостью, такъ и временнымъ чрезмѣрнымъ

[1]) Соч. и письма Гоголя, 1 т., стр. 126.

[2]) „Николай Васильевичъ Гоголь и неизданныя его письма" („Русская Старина" 18.. IX, стр. 101).

[3]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 128.

[4]) Тамъ же, стр. 129.

упоеніемъ отъ неожиданныхъ удачъ. Въ самомъ дѣлѣ, новый родъ карьеры слишкомъ выгодно отразился на всемъ строѣ жизни молодого писателя: вмѣсто прежняго обязательнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ въ департаментѣ, онъ пользуется теперь значительнымъ просторомъ для любимыхъ литературныхъ занятій, посвящая всего по шести часовъ въ недѣлю на лекціи, надѣясь, впрочемъ, занять вскорѣ до 20 часовъ въ другихъ институтахъ [1]). Матеріальное положеніе его улучшилось, пріобрѣталась извѣстная независимость; не надо было уже на каждомъ шагу одолжаться у матери или у дяди [2]). Теперь Гоголь былъ воодушевленъ уже не мнимыми надеждами, но имѣющими дѣйствительное основаніе, хотя при всемъ томъ онъ все-таки остается попрежнему въ положеніи человѣка, упорнымъ трудомъ пробивающаго себѣ дорогу и, по собственному его выраженію, „живетъ на чердакѣ" [3]).

Необходимо отмѣтить еще одну черту въ Гоголѣ въ разсматриваемое время: онъ сильно гордился патріотическимъ институтомъ и своей службой въ немъ. Къ его репутаціи и молвѣ объ немъ онъ относился очень ревниво. Такъ однажды его задѣло заживо освѣдомленіе одной сосѣдки по имѣнію о томъ, что не обучаются ли въ патріотическомъ институтѣ дѣти разночинцевъ и неблагородныхъ, которыя не пара ея дочерямъ и роднымъ. „Зеленецкую [4]) — писалъ Гоголь матери — вы можете успокоить насчетъ ея опасенія: она слышала, что звонятъ, только не знаетъ, на которой колокольнѣ. Въ патріотическій институтъ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ я служу [5]), не принимаютъ ни изъ купцовъ, ни изъ мѣщанъ. Уже самое его названіе показываетъ это. Стало быть, родственница Зеленецкой должна радоваться и посылать своихъ дѣтей: они попадутся въ хорошія руки" [6]).

Очень естественно, что, имѣя искреннее высокое мнѣніе о тѣхъ институтахъ, въ которыхъ онъ преподавалъ, и которые, слѣдовательно, зналъ хорошо, Гоголь сталъ думать о помѣщеніи въ одномъ изъ нихъ своихъ подроставшихъ сестеръ и вскорѣ осуществилъ свою мечту. Однажды онъ такъ писалъ матери: „Что касается до маленькихъ сестрицъ, то онѣ, можетъ быть, лучшее

---

[1]) Впрочемъ это ожиданіе не исполнилось.

[2]) А. А. Трощинскаго.

[3]) См. Соч и письма Гоголя, т. V, 234; такъ же называлъ квартиру Гоголя и Пушкинъ. См. Соч. Пушкина, изд. лит. фонда, т. VII, стр. 332.

[4]) Въ изданіи Кулиша фамилія этой сосѣдки Гоголя обозначена иниціаломъ, но А. С. Данилевскій называлъ намъ съ увѣренностью ее полнымъ именемъ.

[5]) Въ изданіи писемъ явная опечатка: *не служу*, вм. служу, ибо Гоголь оставилъ службу въ патріотическомъ институтѣ только въ 1835 г.

[6]) Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 147—148.

получатъ воспитаніе, нежели мы. Если бы вы знали, моя безцѣнная маменька, какія здѣсь превосходныя заведенія для дѣвицъ, то вы бы, вѣрно, радовались, что ваши дочери родились въ нынѣшнее время. Я не могу налюбоваться здѣшнимъ порядкомъ. Здѣсь воспитанницы получаютъ свѣденія обо всемъ, что̀ нужно для нихъ, начиная отъ домашняго хозяйства до знанія языковъ и опытнаго обращенія въ свѣтѣ, и вовсе не выходятъ тѣми вѣтреными, легкомысленными дѣвчонками, какими дарятъ другіе институты" [1])...

II.

Таковы были внѣшнія условія жизни Гоголя въ Петербургѣ. Но мы уже говорили, что его во всякомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ тѣми заурядными личностями, для которыхъ приличное положеніе и извѣстная степень матеріальнаго обезпеченія составляютъ все. Напротивъ, онъ долженъ былъ уходить въ созданный имъ и тщательно оберегаемый интимный міръ, чтобы забыться иногда отъ неизбѣжной, но несносной будничной прозы. По основнымъ свойствамъ характера Гоголя міръ этотъ былъ нисколько не фантастическій; его составляло все, что̀ онъ любилъ и чему былъ особенно преданъ; но въ силу особенностей своей южной природы, онъ настолько же имѣлъ склонность придавать въ своемъ воображеніи блестящую окраску любимымъ образамъ и предметамъ и окружать ихъ яркимъ ореоломъ, иногда преувеличивая ихъ достоинства, насколько въ обыкновенныхъ случаяхъ онъ тонко схватывалъ и безпристрастно изображалъ повседневную дѣйствительность.

Какъ въ личности, такъ и въ творчествѣ Гоголя необходимо строго различать двѣ существенно несходныя стороны: несомнѣнно, что Гоголь-практическій человѣкъ сильно отличался отъ Гоголя-идеалиста; точно также въ его произведеніяхъ, несмотря на преобладающее изображеніе отрицательныхъ сторонъ жизни, встрѣчаются нерѣдко картины и образы въ высокой степени привлекательные и несвободные подчасъ отъ пламенной идеализаціи. И здѣсь не можемъ также не привести, въ подтвержденіе своихъ словъ, нѣсколько строкъ изъ цитированной не разъ статьи Анненкова: признавая въ Гоголѣ глубоко практическую натуру, онъ замѣчаетъ съ другой стороны, что „природа его имѣла многія изъ свойствъ южныхъ народовъ, которыхъ онъ такъ цѣнилъ вообще.

[1]) Тамъ же, стр. 136.

Онъ необычайно дорожилъ внѣшнимъ блескомъ, обиліемъ и разнообразіемъ красокъ въ предметахъ, пышными, роскошными очертаніями. Полный звукъ, ослѣпительный поэтическій образъ, мощное, громкое слово, все исполненное силы и блеска потрясало его до глубины сердца. Въ жизни онъ былъ очень цѣломудренъ и трезвъ, если можно такъ выразиться, но въ представленіяхъ онъ совершенно сходился со страстными, внѣшне-великолѣпными представленіями южныхъ племенъ" [1]). Г-нъ Скабичевскій, сравнивая (въ своей статьѣ: „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ") историческія повѣсти Пушкина и Гоголя, на основаніи ихъ разбора, приходитъ къ заключенію, совершенно сходному съ тѣмъ, что̀ Анненковъ уловилъ въ характерѣ послѣдняго по впечатлѣніямъ личнаго знакомства, и такое совпаденіе, по нашему мнѣнію, должно служить вѣскимъ доказательствомъ вѣрности взглядовъ обоихъ. „Въ то время, какъ Пушкинъ—замѣчаетъ г. Скабичевскій — все необычайное и выдающееся старается свести къ будничному, показать намъ, что необычайнымъ оно кажется только издали, а на самомъ дѣлѣ тонетъ въ уровнѣ повседневной жизни, Гоголь, наоборотъ, всѣ образы въ своемъ романѣ („Тарасъ Бульба") освѣщаетъ бенгальскимъ огнемъ, и они рисуются въ дивномъ, волшебномъ сіяніи" [2]). Несомнѣнно, что внимательное изученіе Гоголя можетъ привести только къ этому выводу, который слѣдуетъ распространить также на всѣ тѣ случаи, гдѣ Гоголь говоритъ вообще о предметахъ и лицахъ ему сочувственныхъ, и, по нашему мнѣнію, все, что̀ возбуждало въ немъ идеализацію, требуетъ никакъ не меньшаго вниманія сравнительно съ остальной сокровищницей его произведеній, такъ какъ въ этой идеализаціи именно и выливалось его завѣтное внутреннее содержаніе, въ ней находили себѣ отголосокъ самыя задушевныя его чувства и мечты. Если другіе образы имѣютъ несравненно бо̀льшее общественное значеніе, если, можетъ быть, они вообще гораздо вѣрнѣе дѣйствительности, то для цѣлей біографическихъ едва-ли не бо̀льшее значеніе имѣютъ тѣ, въ которыхъ съ бо̀льшей непосредственностью отразилась личность автора [3]).

Въ „Вечерахъ на Хуторѣ", какъ мы говорили раньше [4]),

---

[1]) „Воспоминанія и критическіе очерки", т. I, стр. 186—187.

[2]) Сочиненія А. Скабичевскаго, т. II, стр. 678.

[3]) Г. Кояловичъ въ статьѣ: „Дѣтство и юность Гоголя", также отмѣчаетъ „двѣ основныя стихійныя силы его характера: комизма и лиризма" (см. „Московскій Сборникъ", 1887, стр. 210).

[4]) См „Вѣстникъ Европы", 1890, августъ.

всего ярче бросается въ глаза страстная идеализація юной женской красоты, проявившаяся въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ образовъ, но нашедшая себѣ законченное выраженіе только въ „Миргородѣ“ въ лицѣ панночки и въ повѣсти „Тарасъ Бульба“, точно также какъ пламенныя юношескія мечты о женщинѣ всего ярче воспроизведены въ симпатичномъ образѣ Андрія. Въ періодъ, слѣдующій за „Вечерами“, потребность южной натуры автора въ энтузіазмѣ нашла себѣ также другую, болѣе возвышенную цѣль, избравъ своимъ излюбленнымъ предметомъ апоѳеозъ національнаго чувства. Мысль Гоголя останавливалась теперь съ особенной любовью на изображеніи наиболѣе сочувственныхъ ему сторонъ сперва малороссійскаго, а потомъ вообще русскаго характера.

Любовь къ отечеству, какъ инстинктъ, сильно отличающійся отъ отвлеченнаго, такъ сказать, головного патріотизма, обыкновенно коренится въ какихъ-либо опредѣленныхъ симпатіяхъ, часто не легко поддающихся объясненію. Лермонтовъ прекрасно выразилъ это въ своемъ стихотвореніи „Родина“. Такъ и Гоголю нравилась особенно русская и еще болѣ казацкая широкая удаль, беззавѣтная отвага и безразсчетная щедрость. Изученіе малороссійскихъ народныхъ преданій и собираніе пѣсенъ должно было еще болѣе углубить и упрочить это чувство.

Начало пламенной любви въ Гоголѣ къ украинскимъ пѣснямъ, къ національнымъ танцамъ и вообще ко всему малороссійскому, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ искать еще въ самыхъ раннихъ впечатлѣніяхъ, когда при захватывающихъ душу звукахъ родныхъ мелодій и при видѣ разудалаго, бѣшенаго гопака, его дѣтское сердце переполнялось трепетомъ невыразимаго восторга. Это почти безотчетное сладостное обаяніе сохранило навсегда свою власть надъ нимъ, и во всю жизнь свою Гоголь никогда не могъ относиться равнодушно къ тому, чтò ему напоминало далекое дѣтство и родину, затрогивая самыя отзывчивыя струны его души. Такъ, кромѣ прекраснаго лирическаго отступленія о дѣтствѣ въ началѣ VI-ой главы „Мертвыхъ Душъ“, Гоголю не разъ случалось и въ другихъ мѣстахъ вспоминать съ задушевнымъ чувствомъ впечатлѣнія, запавшія въ его душу въ нѣжномъ возрастѣ. Укажемъ, напр., слѣдующее мѣсто въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“: „Я знаю, что многимъ очень не нравится (этотъ) звукъ (поющихъ дверей); но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревней: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ, ужиномъ, уже поставленнымъ на столѣ; майской темной ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное

окно, на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и Боже, какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!" [1]) Мы видимъ, что впечатлѣнія были слишкомъ ярки, чтобы не оставить по себѣ глубокаго слѣда навсегда. Извѣстно также, что Гоголь въ интимной бесѣдѣ охотно предавался воспоминаніямъ о своей школьной жизни, и притомъ не только въ бесѣдѣ съ Данилевскимъ или Прокоповичемъ, но нерѣдко и съ А. О. Смирновой, а однажды внесъ яркую картину своихъ школьныхъ развлеченій въ „Мертвыя Души". Всѣ подобныя воспоминанія Гоголя, какъ поэта, поражаютъ богатствомъ глубоко запавшихъ въ душу и слившихся навсегда образовъ. Такъ, описывая недоумѣніе школьника, проснувшагося отъ засунутаго въ носъ „гусара", Гоголь по этому поводу даетъ намъ прекрасную картину солнечнаго ранняго утра: „Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ (школьникъ) пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ" [2]).

Но ни въ чемъ поэзія дѣтскихъ воспоминаній не сказалась въ Гоголѣ такъ сильно, какъ въ его горячей любви къ малороссійскимъ пѣснямъ и къ тому танцу „самому вольному, самому бѣшеному, какой только видѣлъ когда-либо свѣтъ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, названъ казачкомъ". Особенно нравилась Гоголю въ этомъ танцѣ и вообще въ казацкомъ разгулѣ какая-то отчаянная заразительная веселость, которую онъ считалъ общимъ достояніемъ и преимуществомъ славянской натуры. Казакъ, по словамъ его, „вслушиваясь въ звуки пѣсни, чувствуетъ себя исполиномъ; душа и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ" [3]).

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 127.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 189.
[3]) Тамъ же, т. V, стр. 293.

Эту могучую веселость, какъ потребность національнаго темперамента, Гоголь рѣзко отличаетъ отъ пошлаго, отвратительнаго пьянства, находя въ ней, напротивъ, высокую поэтическую прелесть. „Пѣсни сочиняются не съ перомъ въ рукѣ,—говоритъ онъ,—не на бумагѣ, не съ строгимъ разсчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становятся свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны восторга уносятъ его отъ всего" [1]).

Ту же особенность Гоголь охотно признаетъ и за любимыми представителями романской расы, именно итальянцами. Описывая римскій карнавалъ, онъ восклицаетъ: „Эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги—замашка сильныхъ народовъ. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой нѣтъ у другихъ народовъ... веселость эта прямо изъ природы; ею не хмель дѣйствуетъ; тотъ же самый народъ освищетъ пьянаго, если встрѣтитъ его на улицѣ" [2]). Послѣднія слова замѣчательно сходятся съ подобнымъ описаніемъ въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ изображенъ разгулъ казака, который „беззаботно предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, гулякъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Веселость была пьяна, шумна, но при всемъ томъ это не былъ черный кабакъ, гдѣ мрачно искажающимъ весельемъ забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей" [3]). Но всего ярче эта особенность русскаго характера обрисована, конечно, въ извѣстномъ лирическомъ отступленіи о „птицѣ-тройкѣ": „И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, не сказать иногда: „чортъ побери все!" его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное?" [4]) Нельзя не отмѣтить также, что съ этой точки зрѣнія Гоголь относился, можетъ быть, слишкомъ снисходительно и къ наклонности всякаго молодого русскаго „жить на фу-фу", между тѣмъ какъ нѣмецъ „еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ этого счастливаго времени, уже размѣряетъ всю свою жизнь и никакого ни въ какомъ случаѣ не дѣлаетъ исключенія" [5])...

Такъ вылились въ окончательной формѣ національныя сим-

---

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 292.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 155.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 268—269.
[4]) Тамъ же, т. III, стр. 248.
[5]) Тамъ же, т. V, стр. 282.

патіи Гоголя; посмотримъ теперь, какъ онѣ постепенно слагались.

Начиная съ трехъ лѣтъ, какъ ребенкомъ заслушивался Гоголь мастерскихъ разсказовъ отца, дышавшихъ всей силой свѣтлаго малороссійскаго юмора, въ немъ зашевелилось сочувствіе къ этой „рѣзкой чертѣ, которою отличается донынѣ отъ другихъ русскихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ". Глядя на сцену деревенскаго театра Трощинскаго, онъ впервые переживалъ сильныя художественныя впечатлѣнія, и они также были неразрывно связаны съ родной Украйной, ея бытомъ и нравами. Вообще въ его домашней обстановкѣ не было недостатка въ пищѣ для развитія глубокихъ патріотическихъ симпатій: его мать прекрасно знала малороссійскія народныя преданія и повѣрія, одна изъ бабушекъ [1]) обладала тонкимъ малороссійскимъ юморомъ, одна изъ тетокъ съ увлеченіемъ пѣла по цѣлымъ днямъ малороссійскія пѣсни, такъ что Гоголь въ одномъ изъ писемъ къ Данилевскому, гостившему однажды въ его отсутствіе въ Васильевкѣ, высказываетъ увѣренность, что она уже напѣла ему уши пѣснями *по богрендомъ-духтеромъ* (напѣвъ одной полу-цыганской пѣсни). По свидѣтельству П. А. Кулиша, подтверждаемому воспоминаніями родственниковъ Гоголя, тетка эта, Катерина Ивановна Ходаревская, была его любимой пѣвицей малороссійскихъ пѣсенъ [2]). Между сосѣдями Гоголя не было также недостатка въ людяхъ, представлявшихъ собой коренные малороссійскіе типы. Такъ какъ Гоголь такимъ образомъ воспитался въ чисто національной сферѣ, то въ немъ всегда, при каждомъ поводѣ, просыпался истинный малороссіянинъ. При своей извѣстной скрытности онъ былъ несравненно общительнѣе съ земляками; въ Петербургѣ, напр., по воспоминаніямъ не только Анненкова, но Данилевскаго, Прокоповича, Пащенка [3]) и другихъ, Гоголь въ кружкѣ нѣжинцевъ являлся истинно-добрымъ товарищемъ, а въ первые же пріѣзды въ Москву общая любовь къ Украйнѣ, въ силу какого-то магическаго притяженія, сразу сблизила его съ Максимовичемъ и особенно съ Щепкинымъ, съ которымъ они всегда уединялись вдвоемъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ и отводили душу въ сердечной бесѣдѣ; то же чувство симпатіи въ немъ, еще застѣнчивомъ юношѣ, побѣдило неловкую робость передъ блестящей фрейлиной Россетъ, лишь только она заговорила съ нимъ объ Украйнѣ, въ которой провела самое раннее дѣтство. Со временемъ недоброжелатели

[1]) Агаѳья Матвѣевна Лукашевичъ.

[2]) См. Соч. и письма Гоголя, т. V, стр. 174.

[3]) Въ передачѣ г. Пашкова, см. „Берегъ", 1880, № 268, дек. 18.

Гоголя, замѣчая въ немъ эту страсть къ Малороссіи, усматривали что-то недружелюбное, какое-то „невольно вырвавшееся небратство“, напр., въ такомъ невинномъ выраженіи, какъ „два русскихъ мужика“, и провозгласили его за это „врагомъ Россіи“, утверждая съ другой стороны, что „вся хохлацкая душа Гоголя вылилась въ „Тарасѣ Бульбѣ“ [1]). Въ самомъ Римѣ, упоенный прелестью Италіи, Гоголь между прочимъ цѣнилъ ее и за находимое въ ней сходство съ Малороссіей. Въ одинъ изъ послѣднихъ пріѣздовъ на родину Гоголя покоробило и непріятно поразило смущеніе одной матери-баловницы при малороссійскомъ произношеніи ея маленькимъ сыномъ слова вареники [2]). Подобныхъ мелкихъ случаевъ можно было бы указать множество. Наконецъ, еще за годъ до кончины, когда онъ страшно состарѣлся душевно, достаточно было ему услышать звуки родныхъ мелодій, чтобы все въ немъ встрепенулось и ярко вспыхнула едва тлѣющая искра воодушевленія. Кн. Репнина разсказывала намъ, какъ Гоголь, во время своей жизни въ Одессѣ въ домѣ ея отца, пріобрѣлъ себѣ этимъ поэтическимъ энтузіазмомъ общую любовь, не исключая даже прислуги и дворни, которая восхищалась, во-первыхъ, тѣмъ, что „сочинитель“ молится совсѣмъ какъ простой человѣкъ, кладетъ земные поклоны и, вставая, сильно встряхиваетъ волосами [3]), и во-вторыхъ, что онъ любитъ пѣть и слушать простыя пѣсни [4]). Кромѣ того, той же кн. Репниной случилось и раньше убѣдиться въ страстномъ чувствѣ любви Гоголя къ Украйнѣ, ярко выразившемся однажды, когда, гуляя съ нею, по возвращеніи изъ Іерусалима, въ саду родового помѣстья Репниныхъ, въ Яготинѣ (въ Малороссіи), онъ вдругъ началъ восторгаться высокими, рослыми деревьями (кленами) и вообще растительностью Украйны. Сначала этотъ внезапный приливъ восхищенія показался княжнѣ напускной аффектаціей, но когда она переѣхала потомъ съ отцомъ въ Одессу и убѣдилась въ преимуществѣ малороссійской растительности, она припомнила этотъ случай и поняла Гоголя.

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, 1888, X, стр. 133. Ср. враждебные отзывы о Гоголѣ, переданные ему К. С. Аксаковымъ („Русск. Арх.“, 1890, VIII, стр. 87).

[2]) „Берегъ“, 1880, № 268.

[3]) Гоголь обыкновенно становился за печкой домовой церкви Репниныхъ, но его да все-таки видѣли.

[4]) Для той цѣли Гоголь любилъ собирать дѣтей и молодыхъ людей и аккомпаювалъ имъ. Онъ вообще любилъ хорошую, вокальную и инструментальную музыку. также въ дневникѣ Никитенка („Русская Старина“, 1889, X) о пѣніи малоросскихъ пѣсенъ, по просьбѣ Гоголя, на вечерѣ у Аксакова. О томъ же см. въ сск. Архивѣ“, 1890, VIII, 195.

III.

Мы говорили, что въ 1831 г. Гоголь далеко уже не былъ тѣмъ неоперившимся и неопытнымъ птенцомъ, какимъ онъ явился въ Петербургъ двумя годами раньше. Но вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ опыта и познанія жизни отъ него отлетѣла навсегда та безпечная веселость, которая излилась въ „Вечерахъ на хуторѣ" и оставила по себѣ такія отрадныя воспоминанія. Онъ самъ сознавалъ это и, издавая „Вечера", какъ бы прощался съ той счастливой порой, которая никогда не возвращается, съ порой, когда, по позднѣйшему его признанію, его „подталкивала" (на смѣхъ и веселье) „молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы". Переходомъ къ болѣе зрѣлымъ произведеніямъ должно считать вторую часть „Вечеровъ", заключающую въ себѣ: „Страшную Месть", повѣсть, во многомъ близкую уже къ „Вію" и „Тарасу Бульбѣ", а также повѣсть о Шпонькѣ, гдѣ фантастическій элементъ впервые уступаетъ мѣсто всецѣло строгому реализму и изображенію бытовыхъ картинъ, вообще тѣмъ элементамъ творчества Гоголя, окончательное торжество которыхъ находимъ уже въ „Мертвыхъ Душахъ". Оставляя теперь въ сторонѣ повѣсть „объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ", остановимся подробнѣе на „Страшной Мести" и постараемся указать ея отношеніе къ „Вечерамъ" и связь съ другими сочиненіями Гоголя, получившими общее названіе „Миргородъ".

Не подлежитъ сомнѣнію, что первый неясный еще замыселъ такихъ фантастическихъ разсказовъ, какъ „Вій" и „Страшная Месть", зародился въ головѣ Гоголя одновременно съ мыслью воспользоваться для повѣстей собственнымъ знаніемъ малороссійскаго быта и пополнять ихъ иными матеріалами, изъ которыхъ впослѣдствіи создались „Вечера". Отдѣльно стоятъ лишь недоконченные юношескіе опыты, какъ „Страшный Кабанъ" и сохранившійся только въ двухъ отрывкахъ историческій романъ, заглавіе котораго намъ неизвѣстно. Но уже и эти опыты указываютъ на одинаково раннее пробужденіе въ Гоголѣ интереса къ прошлому и настоящему своей родины,—интереса, позднѣе постоянно возроставшаго. Составивъ планъ собирать, при помощи родныхъ, матеріалы для задуманныхъ литературныхъ работъ, Гоголь, съ самаго начала, на ряду съ изученіемъ современнаго быта и собираніемъ костюмовъ сельскихъ дьячковъ и крестьянскихъ женщинъ, ставитъ вопросъ уже о подготовленіи свѣденій иного характера и о присылкѣ костюмовъ, касающихся временъ до-гет-

манскихъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ почаще сообщать страшныя сказанія, простонародныя повѣрія, анекдоты. Но, конечно, готовые образцы въ заученныхъ наизусть съ дѣтства комедіяхъ отца и бо̀льшая вообще доступность первой серіи матеріаловъ должны были направить творчество Гоголя прежде всего на созданіе повѣстей съ сюжетами изъ современной малороссійской жизни. Притомъ собираніе данныхъ, такъ сказать, историческаго характера все-таки меньше интересовало Гоголя въ началѣ, хотя онъ и включилъ ихъ въ программу, которою должны были руководиться въ своемъ сотрудничествѣ его домашніе, но поставилъ на второмъ планѣ и въ дальнѣйшей перепискѣ долго не возобновлялъ о нихъ напоминаній [1]). Въ „Вечерѣ накануне Ивана Купала" Гоголь говоритъ устами разсказчика: „Ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго, не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ" [2]). Слова эти могли быть справедливы и по отношенію къ самому Гоголю, пока онъ не увлекся собираніемъ и изученіемъ пѣсенъ, „этой", по его выраженію, „звучащей о прошедшемъ лѣтописи". Понятно, что разсказы объ играхъ и преданіяхъ, о свадебныхъ обрядахъ были доставлены Гоголю раньше, такъ что онъ могъ воспользоваться ими уже въ первой книжкѣ „Вечеровъ", гдѣ историческій элементъ еще почти вовсе отсутствуетъ, исключая только описанія свадьбы, эпизодически внесеннаго въ повѣсть: „Вечеръ накануне Ивана Купала". Но въ предисловіи къ первому тому, написанномъ, безъ сомнѣнія, позднѣе самой книги, уже во время ея печатанія, обѣщаны повѣсти, въ которыхъ „можно будетъ постращать выходцами съ того свѣта и дивами, *какія творились въ старину* въ православной сторонѣ нашей" [3]). Здѣсь Гоголь разумѣлъ, по всей вѣроятности „Страшную Месть", а судя по предисловію ко второму тому „Вечеровъ", быть можетъ, и „Вія". Въ предисловіи сказано: „Я, помнится, обѣщалъ вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ-было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по крайней мѣрѣ, три такихъ

[1]) См. Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 81, 99, 103 и проч.; *только во второй июнѣ 1831 года* Гоголь снова не разъ настоятельно просилъ мать прислать старинные малороссійскіе костюмы (Соч. и письма Гог., т. 5, стр. 135 и 140).

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 37—38.

[3]) Тамъ же, стр. 7.

книжки" [1]). Но если послѣднія слова не могутъ быть приняты въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ объемъ повѣсти, оконченной черезъ два года, не могъ въ то время опредѣлиться съ точностью и былъ въ дѣйствительности гораздо меньше, то въ реальномъ значеніи предыдущихъ, какъ и большинства намековъ пасѣчника „Рудаго Панька", едва-ли можно сомнѣваться: несмотря на шутливый тонъ, болтовня его далеко не сплошь праздная и безцѣльная. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, что, напр., въ словахъ предисловія къ первому тому: „Какъ доживу, если Богъ дастъ, до новаго года, и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ постращать выходцами съ того свѣта" и проч.,—рѣчь идетъ, несомнѣнно, о совершенно реальномъ намѣреніи, которое и *было дѣйствительно исполнено въ предположенный срокъ*: въ самомъ дѣлѣ второй томъ „Вечеровъ" въ январѣ получилъ цензурное разрѣшеніе, а въ мартѣ появился въ продажѣ [2]). Такъ какъ первая книга „Вечеровъ" была отпечатана всего лишь за полгода до выпуска второй, то очевидно, что когда Гоголь писалъ эти строки, тогда уже вполнѣ выяснилось содержаніе *обѣихъ*, если не была уже почти готова въ рукописи, по крайней мѣрѣ вчернѣ, вся вторая часть, что̀ всего вѣроятнѣе, принимая въ разсчетъ медленность работы Гоголя и особенно необходимость извѣстнаго промежутка для напечатанія. Притомъ же вполнѣ опредѣленные намеки давно уже признаны всѣми въ предисловіи Рудаго Панька къ „Вечеру наканунѣ Ивана Купала", гдѣ Гоголь въ юмористической формѣ передаетъ исторію передѣлки его рукописи въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ" и сравниваетъ объемъ журнала съ книжечками „не толще букваря", а таковъ именно и былъ форматъ тогдашнихъ „Отечественныхъ Записокъ".

Мы указывали въ другихъ мѣстахъ въ разныхъ произведеніяхъ Гоголя частью сходные образцы, частью даже поразительное совпаденіе кое-гдѣ отдѣльныхъ выраженій. Такія же черты сходства могутъ быть отмѣчены съ одной стороны между „Страшной Местью" и другими разсказами въ „Вечерахъ", съ другой — между ею же и „Тарасомъ Бульбой". Такъ, прежде всего въ названномъ выше описаніи старинной малороссійской свадьбы въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала" замѣтно поразительное сходство съ такимъ же описаніемъ въ началѣ „Страшной Мести", такъ что послѣднее въ сущности представляетъ собой лишь сокращенное

---

[1]) Тамъ же, стр. 97—98.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 539—541 (примѣчанія редактора).

повтореніе эпизода въ „Вечерѣ“, что может быть доказано слѣдующимъ небольшимъ сличеніемъ [1]).

„Въ старину свадьба водилась не въ сравненіе съ нашей. Тетка моего дѣда бывало разскажетъ — люли только!“ такъ начинается описаніе свадьбы въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“. Въ „Страшной Мести“—почти такія же выраженія: „Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться“. Но кромѣ этого, хотя почти дословнаго, но болѣе внѣшняго сходства, послѣднія изъ приведенныхъ словъ „Страшной Мести“ явно повторяютъ мысль, проведенную подробно во всемъ описаніи свадебнаго веселья въ отрывкѣ изъ „Вечера наканунѣ Ивана Купала“ до самыхъ заключительныхъ словъ: „Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы“. Изображеніе пани Катерины съ ея „бѣлымъ лицомъ и черными, какъ нѣмецкій бархатъ, бровями“ сходно съ описаніемъ дивчинъ въ первой части „Вечеровъ“, а описаніе ея наряда — полутабенекъ, серебряныя подковы, синій кунтушъ, корабликъ на головѣ—почти безъ перемѣнъ или съ самыми незначительными варіаціями воспроизводитъ описаніе женскихъ нарядовъ въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“. Въ послѣднемъ, напр., молодицы изображены въ *„синихъ, изъ лучшаго полутабенека кунтушахъ“* — въ „Страшной мести“ находимъ просто „голубой полутабенекъ“; тамъ — у женщинъ *сапоги* на высокихъ желѣзныхъ *подковахъ*—здѣсь тѣ же самые сапоги, но желѣзныя подковы замѣнены серебряными; въ „Вечерѣ“ у молодицъ „синій кунтушъ“ и „кораблик на головѣ“—въ „Страшной Мести“ (VI глава) [2]) — на Катеринѣ „развѣвается зеленый кунтушъ и горитъ на головѣ золотой кораблик“. Вездѣ, слѣдовательно, незначительная разница сводится къ тому, что убранство пани Катерины является болѣе великолѣпнымъ и изящнымъ сравнительно съ тѣмъ, что носятъ обыкновенныя дѣвушки и бабы. Все это не имѣло бы особаго значенія, если бы намъ не было извѣстно *навѣрное*, что Гоголь не только собиралъ точныя описанія нарядовъ, но и нарочно покупалъ ихъ,—слѣдовательно, очевидно, пользовался въ обоихъ случаяхъ одинаковымъ, полученнымъ имъ, матеріаломъ; притомъ указанными кунтушами и корабликами не исчерпываются, конечно, женскіе малороссійскіе наряды [3]).

---

[1]) Сличить въ Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 46—47 и 144—145.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 162.

[3]) По словамъ П. А. Кулиша, кунтушъ кораблик, намітка, составляли принадлежность праздничнаго наряда украинскихъ женщинъ, но особаго *свадебнаго* костюма не было.

Послѣ этого намъ нѣтъ нужды сопоставлять почти перефразированное описаніе гопака въ обоихъ сравниваемыхъ мѣстахъ, гдѣ весьма сходно представлено, какъ по одиночкѣ выступали изъ рядовъ молодицы, а паробки, „схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ на встрѣчу“ (послѣдній образъ встрѣчается почти въ такомъ же видѣ еще въ „Сорочинской ярмаркѣ“, гдѣ Солопій Черевикъ, „гордо подбоченившись, выступилъ впередъ и пустился въ присядку“ (передъ своей дочерью); не станемъ также перечислять разныя мелочныя, но не случайныя совпаденія въ названіяхъ блюдъ, музыкальныхъ инструментовъ и проч. На это сходство имѣлъ вліяніе, конечно, одинаковый матеріалъ, и если, напр., у Гоголя всегда находимъ вмѣстѣ цимбалы, скрипки и бубны, то у Нарѣжнаго встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ названія другихъ инструментовъ [1]). Не будемъ также настаивать и на томъ, что воображеніе автора одинаково занято въ обѣихъ сравниваемыхъ повѣстяхъ изображеніемъ уродливыхъ существъ, имѣющихъ сношенія съ нечистой силой, тѣмъ болѣе, что эти образы должны были возникнуть хотя подъ вліяніемъ подобныхъ, но не тождественныхъ сказаній. Здѣсь поразительно сходство лишь во второстепенныхъ подробностяхъ; такъ волшебный красный свѣтъ, которымъ все покрылось въ глазахъ Петра послѣ убійства Ивася и которымъ озарило хату, когда потомъ Ивась явился ему привидѣніемъ, соотвѣтствуетъ тонкому розовому свѣту, разливающемуся по комнатѣ колдуна передъ вызовомъ души Катерины.

Самая душа Катерины представлена, напротивъ, сходно съ русалкой въ повѣсти „Вій“—также въ видѣ облака. Здѣсь опять встрѣчаемъ варіацію тѣхъ же образовъ: то же фантастическое изображеніе женщины въ видѣніи, тѣ же аттрибуты волшебства—чудные звуки, непонятныя отраженія, игра цвѣтовъ и проч. Приводимъ оба эти мѣста. „Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, *какъ будто бѣлое облако вѣяло посреди хаты*, и чудится пану Данилѣ, *что облако то не облако, что тó стоитъ женщина*; только изъ чего она—*изъ воздуха, что-ли, выткана?* Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки?“ [2]) Не похоже ли это описаніе въ „Страшной Мести“ на нижеслѣдующее въ „Віѣ“: „Онъ (философъ Хома Брутъ) слышалъ, какъ голубые

---

[1]) У Нарѣжнаго обыкновенно упоминаются изъ „мусикійскихъ орудій“: гудки, волынки и цимбалы“ (См. „Два Ивана“, ч. 3, стр. 148).

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 158—159.

колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога—выпуклая, упругая, вся *созданная изъ блеска и трепета, и облачныя перси* ея, матовыя какъ фарфоръ, не покрытый глазурью, просвѣчивали передъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности" [1]). Тонкіе серебряные колокольчики, въ свою очередь, являются одинаково аттрибутами волшебства въ „Віѣ" и въ „Вечерѣ накануне Ивана Купала": „И почуялось ему (Петру), будто трава зашумѣла, цвѣты начали между собой разговаривать голоскомъ тоненькимъ, *словно серебряные колокольчики*"—описаніе въ „Вечерѣ накануне Ивана Купала" [2]);—дикіе вопли издала вѣдьма; сначала были они сердиты и угрожающи, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо, едва звенѣли, *какъ тонкіе серебряные колокольчики*" [3])—описаніе впечатлѣній философа Хомы Брута въ „Віѣ". Отмѣчая всѣ эти черты сходства въ нѣкоторыхъ подробностяхъ повѣстей „Страшная Месть" и „Вечеръ накануне Ивана Купала", мы, кажется, имѣемъ право большинство изъ нихъ отнести на долю той естественной внутренней связи, которую сообщаетъ „Вечерамъ на хуторѣ" фантастическій элементъ, перешедшій и въ „Миргородъ", хотя бы только въ одной повѣсти „Вій"; такое же сходство встрѣчается въ ней въ описаніяхъ природы, напр., съ „Майской Ночью" (напр. въ описаніи восхода мѣсяца) [4]); но при сличеніи эпизодовъ о свадьбѣ мы убѣждаемся, что мысль объ изображеніи стариннаго быта созрѣла у Гоголя въ промежутокъ, отдѣляющій время написанія обѣихъ повѣстей. Если въ предисловіи къ первому тому уже дается обѣщаніе разсказать о томъ, что̀ дѣлалось въ старину, то оно было написано уже въ 1831 г., а повѣсть „Вечеръ накануне Ивана Купала"—въ 1829 г. Воспользовавшись однажды описаніемъ старинной свадьбы и истощивъ весь собранный матеріалъ хотя и въ искусственно введенномъ въ повѣсть эпизодѣ (въ „Вечерѣ накануне Ивана Купала"), Гоголь долженъ былъ позднѣе прибѣгнуть къ варіаціямъ, что̀ онъ дѣлалъ вообще нерѣдко въ тѣхъ случаяхъ, когда пользовался заимствованнымъ матеріаломъ, но пользовался чрезвычайно искусно, какъ истинный художникъ, нисколько не впадая въ однообразіе.

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 375—376.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 44.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 377.
[4]) Сравнить Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 146 и стр. 57.

IV.

Съ другой стороны въ повѣсти „Страшная Месть“ мы находимъ и новые элементы, ясно указывающіе на поворотъ въ творчествѣ Гоголя и сближающіе ее съ „Віемъ“ и „Тарасомъ Бульбой“.

Уже въ первыхъ строкахъ видно желаніе автора ввести разсказъ въ историческую обстановку. На это указываетъ самое перенесеніе мѣста дѣйствія изъ предѣловъ полтавской губерніи въ историческій городъ—въ Кіевъ. Въ этомъ отношеніи „Страшная Месть“ рѣшительно выдѣляется изъ всѣхъ остальныхъ разсказовъ въ „Вечерахъ“ и стоитъ особнякомъ. Въ „Вечерахъ“ мы всюду встрѣчаемъ Псёлъ, Яреськи, Диканьку, Гадячъ, Миргородъ, Сорочинцы; въ „Страшной Мести“ авторъ какъ будто совершенно забываетъ о вечерахъ пасѣчника и пренебрегаетъ личностью дьячка-разсказчика. Не указываетъ ли это на позднѣйшее сравнительно включеніе „Страшной Мести“ въ „Вечера“, вслѣдствіе отчасти случайныхъ причинъ, такъ сказать хронологическихъ, какъ съ тѣмъ же правомъ можно было бы внести въ нихъ и „Вія“, если бы онъ былъ уже написанъ во время печатанія „Вечеровъ“, тогда какъ по своему характеру повѣсть „Страшная Месть“ уже во многомъ отличается отъ „Вечеровъ“ и притязаніемъ изображать старинный бытъ примыкаетъ къ „Миргороду“ [1]). Какъ „Сорочинская Ярмарка“ и „Майская Ночь“, начатыя, по всей вѣроятности, до знакомства съ Плетневымъ и изобрѣтенія послѣднимъ извѣстнаго псевдонима, еще не знаютъ ни дьячка, ни пасѣчника, такъ точно „Страшная Месть“, какъ позднѣйшая повѣсть, забываетъ о нихъ по причинѣ противоположной, вслѣдствіе того, что надобность въ псевдонимѣ перестала чувствоваться и онъ сдѣлался пустой формальностью. Конечно, все это нуждается въ окончательномъ подтвержденіи, но мы все-таки считаемъ небезполезнымъ высказать эти и многія другія соображенія, провѣрить которыя предстоитъ, на основаніи дальнѣйшихъ изслѣдованій, такимъ знатокамъ Гоголя, какъ уважаемый академикъ Н. С. Тихонравовъ и П. А. Кулишъ.

Слѣды явной заботы объ исторической обстановкѣ въ „Страшной Мести“ видны и изъ слѣдующихъ словъ въ началѣ повѣсти: „Пріѣхалъ (на свадьбу) на гнѣдомъ конѣ своемъ и запорожецъ

[1]) Т.-е. собственно къ „Тарасу Бульбѣ“.

Микитка прямо съ разгульной попойки съ Перешляя [1]) поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ“ [2]). Это мѣсто, незначительное само по себѣ, имѣетъ для насъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что такъ какъ нигдѣ больше во всей повѣсти ни однимъ словомъ не упоминается названный здѣсь запорожецъ, то, очевидно, здѣсь сказалась потребность автора воспользоваться мелькнувшимъ въ его творческой фантазіи образомъ, возникшимъ подъ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсенъ, собирать и изучать которыя съ особенною ревностью Гоголь сталъ, сдѣлавшись преподавателемъ исторіи въ патріотическомъ институтѣ. Тогда же у него явилась также мысль написать малороссійскую исторію.

Сравненіе битвы съ пиромъ вообще весьма употребительно въ южно-русской поэзіи и встрѣчается еще въ извѣстной картинѣ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ („Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую“). Гоголь воспользовался имъ въ качествѣ эпическаго пріема, съ первыхъ же строкъ настроивая свое повѣствованіе на пѣсенный ладъ во вкусѣ народныхъ думъ и былинъ. Впрочемъ у него вообще нерѣдко встрѣчаются въ „Страшной Мести“ и „Тарасѣ Бульбѣ“ эпическіе отголоски, какъ напр. въ вопросахъ Тараса къ куреннымъ: „А что паны? есть еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли казацкая сила? не гнутся ли казаки?“ [3]) или: „гдѣ прошли незамайковцы — такъ тамъ и улица! гдѣ поворотили—такъ ужъ тамъ и переулокъ!“ [4]) Такъ точно и излюбленное Гоголемъ сравненіе битвы съ пиромъ повторяется не разъ въ обѣихъ названныхъ повѣстяхъ (въ „Страшной Мести“: „посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ батоговъ“, или: „не забудьте набрать свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей“; но особенно въ слѣдующихъ словахъ: „И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони; отъ крику безумѣетъ голова“ и проч. Послѣднее мѣсто особенно сходно съ слѣдующимъ описаніемъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“: „Андрій весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что̀ такое значитъ обдумывать, или

---

[1]) По мнѣнію П. А. Кулиша, Гоголь выдумалъ названіе этого урочища и выдумалъ не по-малорусски. „Слова *шляться* — говоритъ г. Кулишъ—у насъ нѣтъ, а приставка къ нему предлога *пере* еще больше портитъ названіе“.

[2]) Соч. Гог., т. I, стр. 144.

[3]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 334.

[4]) Соч. Гог., стр. 332.

расчитывать, или измѣрять заранѣе свои и чужія силы. Бѣшеную нѣгу и упоеніе онъ видѣлъ въ битвѣ: что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ громомъ падаютъ на землю кони, а онъ несется какъ пьяный, въ свистѣ пуль, въ сабельномъ блескѣ, и наноситъ всѣмъ удары и не слышитъ нанесенныхъ" [1]). До какой степени Гоголь проникался духомъ народныхъ пѣсенъ и самымъ строемъ ихъ міросозерцанія, видно изъ того, что въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ" онъ высказываетъ мимоходомъ чрезмѣрную идеализацію боевой жизни въ духѣ воззрѣній казачества: „Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою казакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться *во всю поэзію битвъ*, опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами" [2]). Но статья о малороссійскихъ пѣсняхъ была написана уже гораздо позднѣе, когда Гоголю многое представлялось яснѣе, что̀ еще смутно носилось въ его воображеніи во время сочиненія имъ „Страшной Мести". Статья „О малороссійскихъ пѣсняхъ" имѣетъ уже самую тѣсную, самую непосредственную связь съ „Тарасомъ Бульбой", какъ въ частности приведенныя строки указываютъ на возникновеніе у Гоголя подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ той сцены въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ Тарасъ неожиданно приходитъ къ рѣшенію ѣхать въ Сѣчь, а также и другихъ сценъ (напр., сборы къ битвѣ въ IV-ой главѣ исправленнаго изданія). Вообще не нужно обстоятельныхъ сравненій, чтобы убѣдиться, что образы, сложившіеся у Гоголя послѣ изученія имъ пѣсенъ и бѣгло намѣченные въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ", въ значительной степени пошли въ дѣло въ „Тарасѣ Бульбѣ", одновременно ли создавались оба эти произведенія, или же статья о пѣсняхъ служила переходнымъ звеномъ къ „Бульбѣ" отъ „Страшной Мести". Такъ и въ слѣдующихъ за приведенными выше словахъ мы снова находимъ продолженіе той же канвы для первой главы „Тараса Бульбы": „Ни чернобровая подруга, удерживающая за стремя коня его, ни престарѣлая мать, разливающаяся какъ ручей слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство,—ничто не въ силахъ удержать казака. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшитъ въ степи, въ вольницу товарищей" [3]).

Такимъ образомъ „Тарасъ Бульба", какъ намъ кажется,

---

[1]) См. эти мѣста въ томъ же I томѣ, стр. 154, 167 и 286.
[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 288.
[3]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 288.

является лишь настолько вѣрнымъ воспроизведеніемъ стариннаго украинскаго быта и изображенныхъ въ поэмѣ историческихъ событій, насколько геніальная отгадка автора позволила ему, на основаніи преимущественно пѣсенъ, возсоздать отжившее прошлое [1]), исходя, однако, первоначально *изъ личныхъ, довольно субъективныхъ представленій*, только впослѣдствіи все болѣе получавшихъ опору въ тѣхъ историческихъ источникахъ, которыми пользовался авторъ. Все то, любовь къ чему Гоголь всосалъ съ молокомъ матери, что запало въ его душу въ дѣтствѣ и потомъ такъ или иначе находило себѣ пищу и поддержку въ впечатлѣніяхъ жизни, мало-по-малу нашло здѣсь исходъ, служа основаніемъ для разработки воспринятыхъ образовъ на основаніи внѣшнихъ пособій. Такимъ образомъ, въ строго-научномъ отношеніи, очевидно, такое произведеніе художественнаго творчества можетъ имѣть лишь очень условное значеніе. Но оцѣнка послѣдняго уже сдѣлана г. Скабичевскимъ въ его статьѣ: „Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ", а историческіе источники обстоятельно указаны въ примѣчаніяхъ къ „Тарасу Бульбѣ", Н. С. Тихонравова [2]).

Кромѣ указанныхъ выше чертъ сходства между „Страшной Местью" и „Тарасомъ Бульбой", укажемъ еще на изображеніе въ нихъ казацкой удали и безстрашія, трогательной любви къ отчизнѣ до самопожертвованія, непримиримой ненависти къ католикамъ [3]), наконецъ—высокаго чувства товарищества и безпощаднаго презрѣнія къ перенимающимъ чужіе обычаи. Въ послѣднемъ случаѣ разница лишь та, что панъ Данило изливаетъ накипѣвшее чувство негодованія только въ разговорѣ съ женой, тогда какъ Бульба произноситъ воодушевленную рѣчь въ присутствіи цѣлаго войска. Въ изображеніи Бульбы, осыпающаго градомъ сабельныхъ ударовъ непріятельское войско („схвативши саблю наголо, началъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки"), опять большое сходство съ изображеніемъ пана Данила въ подобномъ же случаѣ („какъ птица мелькаетъ онъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча". Слѣдующее затѣмъ лирическое обращеніе автора къ пану Данилѣ: „руби, казакъ! гуляй, казакъ!" и пр. или: „казакъ, на ги-

[1]) См. мнѣніе объ этой поэмѣ Максимовича, „Русская Бесѣда", 1858, № 1, Кри[illegible], стр. 15; „День", 1861, № 3, стр. 15.

[2]) См. Соч. Скабичевскаго, т. II, стр. 675—682, и Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 5[illegible] и слѣд.

[3]) Ср. изображеніе поляковъ въ „Страшной Мести" (т. I, стр. 165, 166 и 312 [illegible]).

бель идешь!"—имѣетъ соотвѣтствующее и въ „Тарасѣ Бульбѣ": „Казаки, казаки! не выдавайте лучшаго цвѣта вашего войска!" Наконецъ, описаніе смерти пана Данила, сражавшагося за отчизну, дало какъ бы программу для цѣлаго ряда подобныхъ описаній въ „Тарасѣ Бульбѣ"; но предсмертная забота его о семьѣ замѣнена въ послѣднихъ трогательными и глубоко-поэтическими пожеланіями вѣчнаго процвѣтанія родины. Явное сочувствіе автора къ умирающимъ на полѣ чести за благородное дѣло защиты отчизны и вѣры, кажется, вполнѣ объясняетъ причину отмѣченнаго распространенія въ „Бульбѣ" въ нѣсколькихъ мѣстахъ одного и того же образа. Въ „Страшной Мести" сказано только: „вылетѣла казацкая душа изъ дворянскаго тѣла; посинѣли уста; спитъ казакъ непробудно"; въ „Тарасѣ Бульбѣ" изображается смерть Шила („и зажмурилъ ослабѣвшія очи свои, и вынеслась казацкая душа изъ суроваго тѣла"), Гуски, Бовдюга и Кукубенка. Особенно замѣчательно описаніе смерти послѣдняго, въ которомъ съ наибольшей силой проявился лиризмъ Гоголя, не только въ прекрасномъ сравненіи убитаго съ драгоцѣннымъ сосудомъ, но и въ его явномъ подражаніи духовнымъ стихамъ: „И вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли къ небесамъ. Хорошо будетъ ему тамъ".—„Садись, Кукубенко, одесную Меня!" скажетъ ему Христосъ: „ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ мою церковь". Возвращаясь далѣе снова къ „Страшной Мести", не можемъ не отмѣтить причитанія Катерины по убитомъ мужѣ, снова навѣянныя народной поэзіей. Тризна, совершаемая есауломъ Горобцемъ по панѣ Данилѣ, напоминаетъ такую же тризну по Остапѣ Тараса, а пробужденіе Катерины отъ тяжелаго сна послѣ смерти пана Данила — то мѣсто въ „Бульбѣ", гдѣ Гоголь изображаетъ послѣдняго очнувшимся отъ бреда. Наконецъ, есть сходство и во внѣшнемъ описаніи старинной казацкой избы не только въ „Страшной Мести" и въ „Тарасѣ Бульбѣ", но и въ отрывкахъ изъ историческихъ романовъ.

Въ заключеніе нашего обзора сходныхъ чертъ въ „Страшной Мести" и „Тарасѣ Бульбѣ" отмѣтимъ еще двѣ-три мелочныя подробности.

Въ концѣ первой главы „Страшной Мести" есть разительное сходство въ разсказахъ наперерывъ цѣлой толпы о колдунѣ и въ изображеніи послѣдовавшаго затѣмъ разгула съ подобными же разсказами казаковъ объ ихъ подвигахъ,—разсказами, заканчивающимися общей пирушкой въ III-ей главѣ „Тараса Бульбы" и отчасти

въ концѣ VII-ой главы того же произведенія [1]). Оно еще рѣзче бросается въ глаза при сличеніи послѣднихъ словъ, тамъ и здѣсь эффектно завершающихъ картину. Въ „Страшной Мести“ читаемъ: „Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во-свояси: много осталось ночевать у есаула на полу, возлѣ коня, близь хлѣва: *гдѣ пошатнулись съ хмеля, тамъ и лежатъ и храпятъ на весь Кіевъ*“ [2]). Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ сходное мѣсто немного распространено: „Наконецъ, хмель и утомленіе стали одолѣвать крѣпкія головы. И видно было, какъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ падалъ на землю казакъ; какъ товарищъ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ гурьбою улеглась цѣлая куча; тамъ выбиралъ иной, какъ бы получше ему улечься, и легъ прямо на деревянную колоду“ и проч. Правда, приведеннаго отрывка нѣтъ въ первоначальной редакціи повѣсти, и онъ внесенъ въ нее многими годами позднѣе „Страшной Мести“, но это тѣмъ болѣе подтверждаетъ высказанную нами раньше мысль, что Гоголь любилъ пользоваться въ своихъ произведеніяхъ излюбленными образами, не разъ подвергая ихъ новой переработкѣ, и причиной этого было такое же пристрастіе къ нѣкоторымъ изъ нихъ, какое мы встрѣчаемъ иногда и у другихъ поэтовъ, особенно у Лермонтова. По этимъ часто повторяющимся образамъ можно отчасти слѣдить за постепеннымъ зарожденіемъ въ душѣ поэта цѣльныхъ картинъ и даже произведеній, а съ другой стороны это можетъ оказать помощь при болѣе точномъ опредѣленіи источниковъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ ими нельзя пренебрегать ни для цѣлей біографіи, ни тѣмъ болѣе для уясненія исторіи творчества Гоголя. Даже такія мѣста, какъ описаніе ночлега казаковъ въ „Бульбѣ“, сперва дома, а потомъ въ дорогѣ, имѣютъ себѣ соотвѣтствующее описаніе въ „Страшной Мести“: „казаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина; онъ мостить себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ; ему весело взглянуть, проснувшись середи ночи, на высокое, засѣянное звѣздами небо, и вздрогнуть отъ ночного холода“ [3]) и пр. Въ „Бульбѣ“, какъ и въ другихъ случаяхъ, прежній образъ сильно распространенъ и украшенъ новыми картин-

---

[1]) Т. I, стр. 275 и 319 („Потомъ сѣли кругами всѣ курени вечерять и долго говорили о дѣлахъ и подвигахъ, доставшихся въ удѣлъ каждому, на вѣчный разсказъ пришельцамъ и потомству“).

[2]) Т. I, стр. 146.

[3]) Ср. т. I, стр. 150 и 254, 264.

ными штрихами. Всѣ эти совпаденія едва-ли случайны [1]), даже Стецько „Страшной Мести“ явно соотвѣтствуетъ Товкачу въ „Тарасѣ Бульбѣ“. Разумѣется, впрочемъ, далеко не всѣ образы, заимствованные Гоголемъ въ „Страшной Мести“ изъ народной поэзіи, непремѣнно повторены потомъ въ болѣе современной обработкѣ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Такъ, едва-ли не пѣснями навѣяно, напр., слѣдующее мѣсто въ „Страшной Мести“: „Блеснулъ день, но не солнечный; небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна“. По крайней мѣрѣ въ имѣющихся у насъ собственноручныхъ тетрадяхъ Гоголя, въ которыхъ имъ записывались малороссійскія и русскія пѣсни, встрѣчаются не разъ сходные пѣсенные пріемы; напр.:

Слала зоря до мисяца:
Ой мисяцю, мой товарищу!
Не заходи ты раній меня
И зайдемо оба разомъ,
Освятимо небо и землю;
Зрадуется звѣрь у поли, гость у дорози.
Слала Марусечка да до Ивашка:
„Ой, Ивасе! мій суженый!
Не сідяй на посяду раній меня,
Обсадимо оба разомъ,
Свеселимо два двора разомъ:
Ой первый дворъ батька твоего,
Ой другой дворъ батька моего“.

V.

„Страшной Местью“ и повѣстью „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“ заканчиваются произведенія перваго періода литературной дѣятельности Гоголя, признанныя имъ впослѣдствіи незрѣлыми ученическими опытами. Обѣ эти повѣсти во многомъ представляютъ замѣтный переходъ къ „Арабескамъ и „Миргороду“ и къ цѣлому ряду драматическихъ произведеній Гоголя, начатыхъ въ серединѣ тридцатыхъ годовъ. Діалогическая форма изложенія, наклонность къ которой сильно чувствуется уже въ „Сорочинской Ярмаркѣ“ и въ другихъ разсказахъ перваго тома

[1]) Мы не дѣлаемъ здѣсь сопоставленій мѣстъ изъ „Тараса Бульбы“ и „Остраницы“, такъ какъ найти ихъ весьма легко, и пропускаемъ уже сдѣланныя г. Скабичевскимъ (Соч., т. II, стр. 681).

„Вечеровъ на хуторѣ“, въ „Страшной Мести“ становится очень замѣтною. И тамъ, и здѣсь собственно-повѣствовательный элементъ весьма часто уступаетъ мѣсто какъ описаніямъ природы, такъ и разговорамъ дѣйствующихъ лицъ. Если вообще трудно указать какое-нибудь эпическое произведеніе, въ которомъ не только не являлся бы діалогъ, но и не занималъ бы весьма виднаго мѣста, то между тѣмъ какъ у большинства другихъ писателей онъ лишь не надолго заступаетъ мѣсто разсказа, составляющаго во всякомъ случаѣ главную форму изложенія, у Гоголя нерѣдко, особенно въ „Страшной Мести“, наоборотъ, діалогъ, чередуясь съ описаніями и характеристиками, оставляетъ мало мѣста повѣствованію въ строгомъ смыслѣ слова [1]). Собственно повѣствовательный элементъ является у Гоголя господствующимъ уже позднѣе — коегдѣ въ „Арабескахъ“, но особенно въ повѣсти „Римъ“ и наконецъ въ „Мертвыхъ Душахъ“; но онъ имѣетъ еще весьма второстепенное значеніе въ „Вечерахъ“ и „Миргородѣ“, причемъ матеріалъ, которымъ пользовался для него авторъ, чаще всего оказывается заимствованнымъ. Происходила ли эта особенность творчества Гоголя исключительно отъ потребности въ живыхъ картинахъ и образахъ и отъ пристрастія къ яркимъ драматическимъ положеніямъ, или отъ другихъ причинъ—рѣшить не беремся, но, кажется, уясненіе этого вопроса облегчается собственнымъ признаніемъ Гоголя въ „Авторской Исповѣди“, что онъ „никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства“. „У меня—говорилъ Гоголь—только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности“. Основываясь на этихъ словахъ Гоголя и на многихъ примѣрахъ въ его произведеніяхъ, можно предположить, что господствующую роль въ его творчествѣ игралъ скорѣе даръ тонкой проницательности, нежели способность воображенія. „Воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня — продолжаетъ онъ — ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ“ [2]). Впрочемъ, творческая работа фантазіи Гоголя несомнѣнно проявляется въ художественномъ воспроизведеніи поразившихъ его характеровъ и картинъ природы, но на основаніи матеріала, добы-

[1]) Ср., напр., съ произведеніями Достоевскаго, гдѣ часто встрѣчается почти сложповѣствовательная форма, напр. въ повѣсти „Маленькій герой“, въ „Запискахъ Мертваго Дома“ и проч.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 256 и 257.

таго личной наблюдательностью. Такъ, съ изумительнымъ искусствомъ онъ рисуетъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“ роскошную картину дѣвственныхъ новороссійскихъ степей въ періодъ войнъ казаковъ съ поляками; а звуки народныхъ пѣсенъ, какъ мы видѣли, находили въ чуткой душѣ поэта горячій сочувственный оттолосокъ, пробуждая въ немъ длинную вереницу думъ и чувствъ, озаренныхъ пламеннымъ энтузіазмомъ южной натуры. Отдаваясь неизъяснимому очарованію этихъ звуковъ, Гоголь переживалъ минуты, въ которыя передъ его умственнымъ взоромъ рисовались картины, просившіяся на бумагу, такъ что для него пѣсни были дѣйствительно „надгробнымъ памятникомъ былого“, въ которыхъ было все: „и поэзія, и исторія, и отцовская могила“ [1]).

Особенно любопытно заимствованіе повѣствовательнаго матеріала и переработка его примѣнительно къ любимымъ образамъ поэта—въ „Віѣ“. Въ примѣчаніи къ повѣсти Гоголь ясно указываетъ ея происхожденіе: она представляетъ передѣлку народнаго преданія, которое, впрочемъ, оставлено будто бы почти безъ измѣненія. Но такое объясненіе нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ: въ сущности въ основаніе разсказа положено нѣсколько варіантовъ одной малороссійской сказки, во многихъ своихъ частяхъ настолько отличающихся одинъ отъ другого, что ихъ можно считать самостоятельными произведеніями украинской народной словесности. Сверхъ того, авторомъ въ большой степени введенъ также посторонній матеріалъ, созданный его творческой фантазіей и не разъ прерывающій основную нить разсказа, заимствованнаго изъ сказокъ. Такъ, начало повѣсти написано подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ отъ романа Нарѣжнаго „Бурсакъ“, чѣмъ, между прочимъ, объясняется замѣна главнаго героя сказокъ, дьячка или просто парня, бурсакомъ, философомъ Хомой Брутомъ, и выборъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ изъ семинарской среды (считая здѣсь также отца-ректора).

Намъ кажется, однако, что вообще придаютъ слишкомъ большое значеніе мнимому вліянію Нарѣжнаго на Гоголя, основываясь на сходствѣ начала „Вія“ съ „Бурсакомъ“ и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ съ романомъ „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“. Фабула Нарѣжнаго, безъ сомнѣнія, слишкомъ слаба и незначительна въ „Бурсакѣ“, чтобы она могла привлечь Гоголя; предположить подражаніе было бы совсѣмъ несообразно съ силой дарованія обоихъ; но Нарѣжный могъ быть полезенъ Гоголю, какъ предшественникъ

[1]) Т. V, стр. 287.

въ простомъ и сравнительно правдивомъ изображеніи стариннаго малороссійскаго быта, притомъ особенно быта частнаго, домашняго, или—какъ въ „Бурсакѣ“—семинарскаго. Знакомство съ стариннымъ бурсацкимъ бытомъ несомнѣнно почерпнуто Гоголемъ изъ „Бурсака“ и притомъ онъ воспользовался этимъ матеріаломъ не только въ Віѣ“, но отчасти и во второй главѣ „Тараса Бульбы“ [1]). Онъ взялъ изъ „Бурсака“ преимущественно изображеніе устройства бурсы съ ея богословами, философами, риторами и грамматиками [2]), съ консулами, ликторами и цензорами; изображеніе быта, нравовъ и обычаевъ бурсы, между которыми встрѣчались столь оригинальные, какъ обычай своеобразнаго покровительства побоями и проч.; далѣе можно отмѣтить описаніе нападеній бурсаковъ на чужіе огороды, возвращенія ихъ домой на каникулы, пѣнія по дорогѣ кантовъ передъ домомъ какого-нибудь зажиточнаго малороссійскаго пана. Всѣ эти цѣнныя данныя весьма искусно извлечены Гоголемъ изъ массы мелочныхъ приключеній главнаго героя, среди которыхъ они тонутъ въ „Бурсакѣ“,—и собраны въ одну яркую картину. Необходимо, однако, замѣтить капитальное различіе въ пріемахъ и характерѣ творчества обоихъ писателей: вся сила Нарѣжнаго заключалась единственно въ извѣстномъ умѣніи развивать фабулу, обставляя разсказъ во вкусѣ тогдашняго времени, сплетеніемъ болѣе или менѣе занимательныхъ подробностей и приключеній, если ужъ признать за ними это свойство, — но у него почти совсѣмъ не встрѣчаются описанія природы, характеристики и нигдѣ нѣтъ діалогической формы изложенія; у Гоголя, наоборотъ, послѣдніе элементы являются преобладающими. При такомъ существенномъ несходствѣ Гоголю могло пригодиться у Нарѣжнаго очень немногое; но романы послѣдняго дали извѣстный толчокъ и пищу фантазіи Гоголя заключающимся въ нихъ бытовымъ матеріаломъ. То, что̀ составляетъ главное содержаніе „Бурсака“, какъ и естественно, оставлено Гоголемъ безъ вниманія; но за то нѣкоторыя черты, которымъ, можетъ быть, не придавалъ особаго значенія Нарѣжный, были замѣчены и выдвинуты Гоголемъ. Но замѣчательно, что, взявъ у Нарѣжнаго матеріалъ для сжатой характеристики семинарскаго быта, Гоголь существенно измѣнилъ дѣло, надѣливъ главнаго героя *сочувственными ему чертами удали и веселости*, тогда какъ Iарѣжнаго нигдѣ не выступаютъ замѣтно именно эти черты цкаго характера. „*Казакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксендзовъ*

[1]) Ср. т. I, стр. 258—260 и 368—369.

[2]) У Нарѣжнаго упоминаются также поэты, целеры, этимологи.

не боится" [1]), отвѣчаетъ панъ Данило Катеринѣ на ея застращиваніе колдуномъ (въ „Страшной Мести"): „Много было бы проку, еслибы мы стали слушаться женъ? *Наша жена—люлька да острая сабля!*"—„*Да, что я за казакъ, когда бы устрашился?* [2]) одобряетъ себя Хома Брутъ во время ночныхъ ужасовъ при чтеніи имъ псалтыри по покойницѣ-вѣдьмѣ. Онъ тоже не прочь по-казацки въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгнуть къ куренію люльки или нюханію табака. Замѣтимъ также, что соотвѣтствующія черты часто встрѣчаются и въ „Тарасѣ Бульбѣ": „пусть теперь подвернется какая-нибудь татарва,—говоритъ Андрій,—будетъ знать она, что̀ за вещь казацкая сабля!" [3]) А словамъ: „наша жена—люлька да острая сабля" и „много было бы проку, еслибы мы стали слушаться женъ?"—въ „Тарасѣ Бульбѣ" совершенно соотвѣтствуютъ слѣдующія: „Не слушайся, сынку, матери: она баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба—чистое поле да добрый конь—вотъ ваша нѣжба!" [4]) Таковъ идеалъ браваго казака и таковы же самыя завѣтныя мечты его о будущемъ сыновей въ „Страшной Мести": „какъ вихорь будешь ты летать передъ казаками, съ бархатной шапочкой на головѣ, съ острой саблей въ рукѣ" [5]); въ „Тарасѣ Бульбѣ": „теперь онъ (Бульба) тѣшилъ себя заранѣе мыслью, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими въ Сѣчь и скажетъ: „Вонъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ вамъ" [6]). Подобно Остапу въ „Бульбѣ" философъ часто пробовалъ „крупнаго гороху", но съ совершенно философическимъ равнодушіемъ, говоря, что чему быть, того не миновать" [7]). Философъ мастеръ лихо танцовать, и какъ на танецъ запорожца съ восхищеніемъ любуются въ „Тарасѣ Бульбѣ" окружающіе; такъ, глядя на него, дворня сотника приговариваетъ съ удивленіемъ: „Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!" [8]) Всѣхъ этихъ чертъ нѣтъ у Нарѣжнаго, но у Гоголя онѣ далеко не лишены значенія.

---

[1]) Т. I, стр. 48.

[2]) Тамъ же, стр. 394.

[3]) Тамъ же, стр. 251.

[4]) Тамъ же, стр. 248.

[5]) Тамъ же, стр. 153.

[6]) Тамъ же, стр. 253. Ср. также изображеніе Петра въ „Вечерѣ накануне Ивана Купала": „еслибы одѣть его въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ паробковъ тогдашних" (стр. 40).

[7]) Тамъ же, стр. 371.

[8]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 402.

Переходя теперь къ сличенію „Вія“ съ его главными источниками, остановимся сперва на напечатанной въ сборникѣ Драгоманова („Малороссійскіе народные преданія и разсказы“) былицѣ: „Відьма та видьмак“ [1]).

Она начинается такъ: „Була собі мати та дочка, і обидви відьми. От дочка і полюби парня. Так і чипляеться за ёго, а він не хоче, значить, ночувать, а вона, як узнала, давай на ёго сідать; він вертаеться з вулеці, а вона очепеться за ёго, та він и таска ii до світа“ и проч.

Эти немногія строки были распространены Гоголемъ въ связи и соотвѣтствіи съ предъидущимъ разсказомъ, причемъ мѣстами введена и любимая имъ діалогическая форма; далѣе, при переходѣ къ изображенію вѣдьмы, онъ, по своему обычаю, пользуется нѣкоторыми излюбленными художественными образами. Такъ онъ рисуетъ ее, уже послѣ превращенія въ красавицу, „созданною изъ блеска и трепета“, подобно тому какъ въ „Майской Ночи“ о тѣлѣ утопленницы сказано, что оно „какъ будто изваяно изъ прозрачнаго облака, и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ“ [2]) (другой сходный образъ въ „Страшной Мести“ уже указанъ выше, какъ отмѣчено сходство въ сравненіи звука, слышимаго Хомой Брутомъ, съ „тонкими серебряными колокольчиками“, и такого же звука, слышимаго Петромъ въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала“). Самое превращеніе старухи-вѣдьмы въ красавицу находится, очевидно, въ связи съ другимъ малороссійскимъ сказаніемъ, помѣщеннымъ въ первомъ томѣ „Трудовъ“ Чубинскаго [3]), которое начинается такъ: „Въ еднымъ селі не мігъ ны еденъ дячокъ довго жыти: поступыть на прыходъ, послужыть місяцівъ пъять—и умре. Прычыною этому було то, що у едного хозяіна *була дуже гарна дочка*, которая була дуже велька відьма“.—Такимъ образомъ превращеніе старухи-вѣдьмы въ такую красавицу понадобилось Гоголю, чтобы скомбинировать нѣкоторыя подробности обоихъ разсказовъ (между прочимъ ухаживаніе старухи за философомъ), а дальше онъ также говоритъ устами Дороша о прежнихъ поступкахъ вѣдьмы (причемъ превращеніе ея въ собаку и полученіе ею удара отъ Шепчихи напоминаетъ обращеніе жены сотника—въ „Утопленницѣ“—въ кошку и нанесеніе ей сабельнаго удара [4]). Какъ въ былицѣ

---

[1]) Драгомановъ, стр. 71—73.
[2]) Соч. Гог., изд. X, стр. 76.
[3]) Т. I, стр. 200—202.
[4]) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 56 и 392.

„Відьма та відьмак“, такъ и въ другой сказкѣ читатель находитъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, намѣренно пропущенныхъ въ разсказѣ Гоголя; такъ, дьяку своими совѣтами помогаетъ баба, у которой онъ нанялъ квартиру, и которая была посвящена во всѣ тайны вѣдьмы; въ первомъ разсказѣ парня постоянно выручаетъ батька-відьмакъ. И парень, и дьячокъ одинаково сознаютъ свое ничтожество передъ нечистой силой и охотно прибѣгаютъ къ посторонней помощи. Этого не могъ удержать въ своей повѣсти Гоголь, желавшій представить въ своемъ героѣ безстрашнаго, полагающагося на собственную отвагу казака. Въ разсказѣ, напечатанномъ въ „Трудахъ“ Чубинскаго, баба объясняетъ дьяку, что вѣдьма разгнѣвалась на него за то, что онъ не оказалъ ей почтенія при встрѣчѣ и не отвѣтилъ на ея заискивающій привѣтъ; предсказывая дальнѣйшіе поступки вѣдьмы, она даетъ такой совѣтъ: „Як сядешъ на нюю, то вона тебе буде дюже носыты и поверхъ воды и поверхъ ліса. Вона схоче тебе скынуты, а ты держыся и бый ii, скілько зможешъ и куда попадешъ“. Далѣе, въ „Віѣ“, возвращеніе Хомы Брута въ Кіевъ представляетъ дополненіе со стороны автора къ народному преданію, допущенное имъ для того, чтобы имѣть возможность связать оба разсказа, которые легли въ основу повѣсти. Вторичное прибытіе философа въ хуторъ по требованію сотника соотвѣтствуетъ слѣдующимъ словамъ народной сказки: „Отъ на третій день та дівка заслабла, полежала дві неділі, та й умерла“. Але какъ умирала, то батька просыла: „Як я вмру, то візмешь мене на трыдобі до церквы, и дяк нехай тры ночы чытае надо мною псавтыру, и що він схоче, то ёму й дайте. Батька зробывъ так, як вона хотіла“ и проч. Въ передачѣ Гоголя здѣсь вставленъ цѣлый эпизодъ объ отправленіи Хомы Брута ректоромъ изъ бурсы и рядъ дорожныхъ сценъ, причемъ, какъ и ниже, въ промежуткахъ между описаніями ночныхъ страховъ философа, мимоходомъ очерчено нѣсколько простонародныхъ типовъ, изображается ихъ застольная бесѣда, подобно тому, какъ такія сцены уже являлись у Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ“, въ „Сорочинской ярмаркѣ“ и „Утопленницѣ“ [1]) (разговоръ головы съ винокуромъ); внесено также описаніе малороссійской панской усадьбы и, наконецъ, въ уста философа вложены задушевныя въ то время мечты самого автора о привольной жизни на живописныхъ берегахъ Днѣпра, а въ описаніи сада уже мелькаютъ черты, имѣющія хотя и отдаленное сходство съ описаніемъ сада Плюшкина. Разговоромъ съ сотни-

¹) Соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 21—25.

комъ Гоголь, повидимому, имѣлъ цѣлью связать предъидущее изложеніе съ послѣдующимъ и объяснить, какимъ образомъ философу пришлось читать псалтырь надъ гробомъ умершей панночки. Тогда какъ въ народной сказкѣ распоряженіе вѣдьмы по отношенію къ дьяку выходило вполнѣ просто и естественно, Гоголю пришлось сдѣлать небольшую натяжку, рѣшительно незамѣтную, впрочемъ, при обыкновенномъ чтеніи, благодаря мастерскому діалогу между сотникомъ и философомъ. У него, между прочимъ, на вопросъ сотника философъ объясняетъ такъ странную просьбу панночки: „Извѣстное дѣло, что панамъ подчасъ захочется такого, что̀ и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ“ [1]), и онъ же потомъ, желая освободиться отъ непріятнаго порученія, напоминаетъ, что для чтенія псалтыри приличнѣе требовалось бы дьякона или по крайней мѣрѣ дьячка“ [2]). Описаніе ночныхъ ужасовъ въ церкви заимствовано частью изъ того же разсказа, частью имѣетъ сходство со сказкой: „Упирь и Миколай“, особенно въ подробностяхъ („церква тріщить, ставники падають, образі падають. Господи, яке лихо! А труна тільки: лусь! лусь! И знов вона піднимаецця. Устала з труни, то як шугне по церкві. То це що пріскочіть до вальків (Святой Николай совѣтовалъ обложиться ими и взять съ собой грушъ, потомъ разсыпать ихъ; вѣдьма станетъ собирать, пока не запоютъ пѣтухи, и опасность минуетъ; но отнюдь не должно оглядываться)—хоче його вхопить, то й одскочить; що прискочить—то одскочіть. А полумъя так з рота й паше, так и паше. Металась, металась вона по церкві—скрізь по кутках; а він тоді у труну“ [3]) и проч.—Въ варіантѣ, напечатанномъ Чубинскимъ, когда поиски вѣдьмы въ третью ночь остаются безуспѣшными, она посылаетъ за той самой старой бабой, которая покровительствовала дьяку, но баба его снова щадитъ. У Гоголя вмѣсто старой бабы является Вій („Иде дяк знов чытаты до церквы“). Чытае він, чытае, тріснуло разъ труна, а він хутко зірвався та въ шафу, вона за нымъ, та й утратыла: тутъ був, та нема. Шукала, шукала, а далі и пійшла за товарышкамы: „Глядіть ёго, зперед моіхъ очей утікъ“. Глядилы, глядилы,—нема!—„Васъ выдно нема всіхъ. Нема ще староі: щдіть за нею, прышліть іі сюды“). Въ этомъ же варіантѣ идетъ [illegible] и объ огражденіи кругомъ („Візмы собі свѣжный роговый [illegible], и якъ тріснe третій разъ, то скоро падай на землю и

Т. I, стр. 385.
Т. I, стр. 386.
Рудченко, „Южно-русскія народныя сказки“, т. II, стр. 27—31.

обцирклюйся тѣмъ ножемъ“). Въ былицѣ „Відьма та відьмак“ роль Вія заступаетъ тетка вѣдьмы изъ Кіева („Шукали ёго, шукали— не найдуть.—„Э, постойте, кае, у мене в Кіеве е тетка, та ёго найде“). Тамъ же, какъ и въ „Віѣ“, было, наконецъ, найдено мѣсто, гдѣ находился философъ („Як метнулись вони за тією, зараз і привелі; вона туді-сюда повернулась. — „Ось він, кае! так в лоб чуть не пхнула“). Всѣ три сказки оканчиваются благополучно, а въ концѣ сказки „Упирь и Миколай“ вѣдьма принимаетъ даже крещеніе, и нечистая сила изгоняется изъ нея. Гоголь, существенно измѣнивъ народное преданіе, какъ извѣстно, оканчиваетъ повѣсть смертью философа [1]).

VI.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ впечатлѣній петербургской жизни, въ воображеніи Гоголя накоплялся обширный запасъ новыхъ картинъ и образовъ, требовавшихъ, въ свою очередь, выраженія въ словѣ. И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, его творчество работало методически, постепенно переходя отъ небольшихъ отрывковъ къ цѣлымъ, законченнымъ произведеніямъ. Въ одной изъ записныхъ книжекъ Гоголя сохранился небольшой отрывокъ неоконченной повѣсти подъ заглавіемъ „Страшная рука“, въ которомъ нельзя не узнать первыхъ набросковъ возникшихъ въ душѣ его новыхъ образовъ, послужившихъ первоначальной основой для такъ-называемыхъ „петербургскихъ повѣстей“. Это особенно явно при сличеніи одного мѣста третьяго отрывка съ нижеслѣдующей выдержкой изъ „Записокъ сумасшедшаго“: „Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; однѣ только бабы, накрывшись полами платья, да русскіе купцы подъ зонтиками, да курьеры попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: „*Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь,*

[1]) Въ числѣ источниковъ для творчества Гоголя въ сборникахъ малороссійскихъ сказокъ и преданій можно еще отмѣтить сказку „Музыкантъ и Черти“, имѣющую нѣкоторое сходство относительно сюжета съ „Пропавшей грамотой“ (см. Драгомановъ: „Малороссійск. народн. пред. и разсказы“, т. I, 52—53; также Рудченка: „Народныя южно-русскія сказки“, т. I, стр. 74, и Чубинскаго, т. I, стр. 186). Кромѣ того, по мнѣнію П. А. Кулиша, къ повѣсти Гоголя „Ночь передъ Рождествомъ“ можетъ имѣть нѣкоторое отношеніе явившаяся въ концѣ царствованія Екатерины опера „Черевички“ (см. объявленіе о ней въ „Моск. Вѣд.“, 1786 г., 11-го іюля, и дневникъ Храповицкаго подъ 12-мъ іюля того же года).

ты спѣшишь вонъ за тою, чтó бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки [1])". Въ третьемъ отрывкѣ повѣсти „Страшная Рука" это мѣсто читается такъ [2]): „Чортъ возьми, люблю я это время! Ни одного зѣваки на улицѣ. Теперь не найдешь ни одного изъ тѣхъ господъ, которые останавливаются для того, чтобы посмотрѣть на сапоги, на штаны, на фракъ или на шляпу, и потомъ, разинувши ротъ, поворачиваются нѣсколько разъ назадъ для того, чтобы осмотрѣть задній фасадъ вашъ [3]). Теперь раздолье мнѣ закутаться крѣпче въ свой плащъ. Какъ удираетъ этотъ любезный молодой франтъ, съ личикомъ, которое можно упрятать въ дамскій ридикюль. Напрасно: не спасетъ новенькаго сюртучка, красу и заглядѣніе Невскаго проспекта. Крѣпче его, крѣпче, дождикъ! пусть онъ бѣжитъ, какъ мокрая крыса, домой. *А вотъ и суровая дама бѣжитъ въ своихъ пестрыхъ тряпкахъ* [4]), *поднявши платье, далѣе чего нельзя поднять, не нарушая послѣдней благопристойности. Куда дѣвался характеръ! и не ворчитъ, видя, какъ чиновная крыса въ вицъ-мундирѣ съ крестикомъ, запустивъ свои зеленые, какъ его воротникъ, глаза, наслаждается видомъ полныхъ, на каждомъ шагѣ трепещущихъ ногъ*". Здѣсь промелькнула мимоходомъ и черта, напоминающая „Невскій проспектъ". Это сличеніе показываетъ, однако, что въ позднѣйшей переработкѣ Гоголь не распространилъ, какъ онъ дѣлалъ прежде, но съузилъ первоначальный набросокъ.

Другая картина, въ началѣ второго отрывка изъ „Страшной Руки", повторена съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ „Шинели", а именно вотъ это мѣсто: „Какъ страшно, когда каменный тротуаръ прерывается деревяннымъ, когда деревянный даже пропадаетъ, когда отдаленный будочникъ спитъ, когда кошки, безсмы-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 346.

[2]) Тамъ же, стр. 96.

[3]) Ср. въ „Невскомъ проспектѣ": „Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непремѣнно посмотрятъ на сапоги ваши, и если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотрѣть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но, однакоже, ничуть не бывало: они большею частью служатъ въ разныхъ департаментахъ" и пр. (тамъ же, стр. 255; въ „Шинели": „Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ (Акакій Акакіевичъ) вниманія на то, чтò дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на чтó, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до [illegible] о проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на др[illegible] сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка,—чтó вызываетъ вс[illegible] лукавую усмѣшку на лицѣ его" (Т. II, стр. 89).

Ср. въ „Запискахъ Сумасшедшаго": „И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дож[illegible]дору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тр[illegible]"."

сленныя кошки, однѣ спѣвываются и бодрствуютъ! Но человѣкъ знаетъ, что онѣ не дадутъ сигнала и не поймутъ его несчастья, если внезапно будетъ аттакованъ мошенниками, выскочившими изъ этого темнаго переулка, который распростеръ къ нему мрачныя объятія" [1]).

Всѣ эти сопоставленія ясно показываютъ, что въ душѣ Гоголя всегда жила потребность естественнаго и правдиваго изображенія дѣйствительности, являвшаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его тонкой наблюдательности, о которой мѣтко выразился Анненковъ, что „его лица не покидала постоянная, какъ бы приросшая къ нему наблюдательность". Гоголю не было, такимъ образомъ, нужды придумывать сложные сюжеты и обставлять ихъ постепенное развитіе вымученными эффектами; ему необходима была только внѣшняя фабула, въ которую онъ и вкладывалъ уже готовое содержаніе. Поэтому онъ высоко понимаетъ и цѣнитъ значеніе простоты въ истинно художественныхъ произведеніяхъ, и охотно допуская въ нихъ высокіе, вдохновенные лирическіе порывы, въ то же время онъ—отъявленный врагъ всего натянутаго и напускного. Образцомъ ложной аффектаціи и заказныхъ восторговъ былъ для него со школьной скамьи товарищъ его Кукольникъ, котораго онъ всегда презиралъ какъ писателя, и которому далъ насмѣшливое прозвище „Возвышеннаго". Гоголь, напримѣръ, никакъ не могъ мириться съ его безвкусіемъ и отъ всей души возмущался на него за то, что онъ „Пушкина все попрежнему не любитъ; „Борисъ Годуновъ" ему не нравится" [2]). Надо помнить при этомъ, что эстетическій вкусъ Гоголя въ значительной степени образовался самъ собою, независимо отъ постороннихъ вліяній, которыя и не могли бы имѣть значенія для него, даже если бы они и существовали, потому что онъ чувствовалъ непреодолимое внутреннее отвращеніе ко всему навязываемому извнѣ и особенно ко всему ходульному, — отвращеніе, которое не могло быть заглушено ничѣмъ. Если въ раннемъ дѣтствѣ, какъ говорятъ, онъ и поддался не надолго вліянію произведеній, написанныхъ въ реторическомъ духѣ, то это была единственная, почти неизбѣжная уступка неустойчивости возраста.

Въ статьѣ о Пушкинѣ Гоголь разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее. „Я всегда чувствовалъ въ себѣ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на

[1]) Т. V, стр. 95.
[2]) Соч. и письма Гог., т. V, стр. 152.

первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: „Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе,—хорошо ростущее, а не сухое. Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость знать, что̀ нравится и не нравится толпѣ“ [1]). Очевидно, сужденіе взрослаго сосѣда нисколько не поколебало Гоголя-ребенка въ его намѣреніи нарисовать сухое дерево, точно также какъ въ школѣ на него не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія увѣщанія начальства, направленныя противъ смѣлаго реализма его игры на сценѣ гимназическаго театра; Гоголь твердо стоялъ на своемъ и не могъ перемѣнить мнѣнія, потому что внутренній голосъ говорилъ въ немъ громче и убѣдительнѣе. Та же самостоятельность сужденій отличала его и впослѣдствіи.

Въ статьѣ о Пушкинѣ, развивая далѣе свою мысль и объясняя особенно причины непониманія въ нѣкоторыхъ случаяхъ поэта толпою, Гоголь говоритъ между прочимъ: „Поэту остаются два средства (чтобы привлечь на свою сторону толпу): или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что̀ само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара: тогда толпа почитателей, толпа народа—на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ: быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ—прощай, толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвесть всеобщаго энтузіазма“. Ниже онъ заключаетъ статью словами: „Но, увы! это неотразимая истина: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ болѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя однимъ поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается кругъ обступившей его толпы, и, наконецъ, такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей“. И здѣсь Гоголь, какъ всегда, остается вполнѣ самостоятельнымъ въ своихъ сужденіяхъ, не слушая толпы и никакого общепризнаннаго ареопага. „Мнѣ всегда было странно слушать—говорилъ онъ—сужденія многихъ, слывущихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, пока-

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 211.

мѣстъ еще не слышалъ ихъ толковъ о небольшихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика". Эти толки литераторовъ, какъ извѣстно, были Гоголемъ потомъ охарактеризованы въ „Театральномъ разъѣздѣ". Во всю жизнь свою Гоголь исключительно дорожилъ мнѣніемъ Пушкина и, можетъ быть, нѣкоторыхъ членовъ пушкинскаго кружка, напр. Жуковскаго. По словамъ всѣхъ знавшихъ Гоголя, онъ ставилъ гораздо выше мнѣнія обыкновенныхъ людей, какихъ-нибудь узкихъ спеціалистовъ, нежели толки литераторовъ. Сужденія же толпы воспроизводятся имъ не только въ „Театральномъ разъѣздѣ", но и въ другихъ произведеніяхъ, напр. въ „Портретѣ", гдѣ напр. квартальный, по-своему любившій оцѣнивать произведенія искусства, совѣтуетъ отнести тѣнь „куда-нибудь въ другое мѣсто", такъ какъ подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто, а домохозяинъ высказываетъ согласіе повѣсить „на стѣну генерала со звѣздой, или князя Кутузова портретъ" и негодуетъ на Черткова за то, что онъ „вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ"...

Такимъ образомъ, задолго до „Мертвыхъ Душъ", Гоголь касался столь занимавшаго его впослѣдствіи вопроса объ изображеніи обыденной стороны жизни. Высказаннымъ здѣсь принципамъ Гоголь оставался вѣренъ и впослѣдствіи, но одно изображеніе пошлости никогда не удовлетворяло его, и въ немъ постоянно жило стремленіе къ чему-то высокому, исключительному, подъ вліяніемъ котораго поэтъ создавалъ себѣ свой собственный идеальный міръ.

Несомнѣнно, что вопросы объ искусствѣ были для Гоголя всегда не только однимъ предметомъ отвлеченнаго, теоретическаго интереса; такими они дѣйствительно были и остались для него въ сферѣ живописи, музыки, скульптуры; но все, что̀ касается области слова и особенно поэзіи, имѣло всегда для него значеніе близкое, первостепенное, захватывающее. Въ статьѣ о Пушкинѣ впервые были имъ высказаны взгляды на художественное творчество, и замѣчательно, что въ нихъ Гоголь обсуждаетъ вопросъ не со стороны, какъ присяжный литературный критикъ, но говоритъ преимущественно то, что̀ имѣло въ его глазахъ самое обширное значеніе и болѣе или менѣе, хотя бы косвеннымъ образомъ, относилось къ нему.

Тонко оцѣнивъ художественныя красоты „Бориса Годунова" Пушкина, Гоголь былъ сильно возмущенъ невниманіемъ къ этому произведенію со стороны публики и такихъ литераторовъ,

какъ Кукольникъ, и тогда же, въ недавно изданномъ отрывкѣ: „Борисъ Годуновъ“, сдѣлалъ попытку охарактеризовать нелѣпые толки профановъ, какъ позднѣе онъ повторилъ это въ болѣе совершенномъ видѣ въ „Портретѣ“ [1]) и наконецъ въ „Театральномъ разъѣздѣ“. Такимъ образомъ уже тогда былъ сдѣланъ первый шагъ къ созданію этихъ произведеній. Кромѣ того, въ статьѣ о Пушкинѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія строки, показывающія, что идея „Портрета“ созрѣвала въ его умѣ одновременно съ статьей о Пушкинѣ, т.-е. въ 1832 г.: „Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были“. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: „это вяло, это слабо, это нехорошо, это ни мало не похоже на то, что̀ было“. *Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій; но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ*“. Основываясь на поразительномъ совпаденіи мыслей, заключающихся въ этихъ строкахъ, съ главной идеей „Портрета“, а также на томъ внѣшнемъ, повидимому незначительномъ обстоятельствѣ, что оба произведенія слѣдуютъ одно за другимъ въ той же самой записной тетради Гоголя, мы имѣемъ, кажется, несомнѣнное право сдѣлать заключеніе о существованіи между ними внутренней, органической связи. Съ другой стороны, повѣсти „Портретъ“ и „Невскій Проспектъ“, написанныя почти одновременно, въ свою очередь связаны одной общей нитью, представляя одна—художника-идеалиста, гибнущаго отъ полнаго незнакомства съ пошлостью обыденной жизни, другая—художника, погибающаго отъ поглощенія этою самою пошлостью его высшихъ стремленій. Къ этимъ двумъ произведеніямъ мы теперь и обратимся.

В. Шенрокъ.

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 209.

СТОЛПЫ ОБЩЕСТВА

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, Генриха Ибсена.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КОНСУЛЪ БЕРНИКЪ.
Г-жа БЕРНИКЪ—его жена.
ОЛАФЪ—ихъ сынъ, мальчикъ 14-ти лѣтъ.
МАРТА БЕРНИКЪ—сестра консула.
ЮГАННЪ ТÖНЕЗЭНЪ—младшій братъ г-жи Берникъ.
ЛОНА ГЕССЕЛЬ—ея старшая сводная сестра.
ГИЛЬМАРЪ ТÖНЕЗЭНЪ—двоюродный братъ г-жи Берникъ.
РЕКТОРЪ РЁРЛУНДЪ.
РУММЕЛЬ, ВИГЕЛАНДЪ, САНДСТАДЪ — коммерсанты.
ДИНА ДОРФЪ—молодая дѣвушка, которая живетъ въ домѣ консула.
КРАПЪ—секретарь консула.
АУЛЕРЪ—кораблестроитель.
Г-жа РУММЕЛЬ.
Г-жа ГОЛЬТЪ—жена почтмейстера.
Г-жа ЛИНГЭ—жена доктора.
ГИЛЬДА—дочь г-жи Руммель.
НЭТТА—дочь г-жи Гольтъ.
Горожане, иностранные матросы, пассажиры парохода и др.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ консула Берникъ, въ небольшомъ прибрежномъ норвежскомъ городкѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Большой зимній садъ въ домѣ консула Берника. На авансценѣ слѣва дверь ведетъ въ контору консула; далѣе, сзади — другая такая же дверь. Направо, посрединѣ—большая парадная дверь. Задняя стѣна почти вся изъ зеркальныхъ стеколъ, съ отворенной дверью, ведущей на широкую лѣстницу, надъ которой спущены маркизы. За лѣстницей виднѣется часть сада, окруженнаго рѣшеткой съ калиткой. За рѣшеткой — улица; видны небольшіе, ярко окрашенные деревянные домики. Лѣто, солнце ярко свѣтитъ. По временамъ на улицѣ виднѣются прохожіе; они останавливаются и разговариваютъ другъ съ другомъ; покупатели подходятъ къ маленькой угловой лавкѣ и уходятъ.

Въ зимнемъ саду собралось за столомъ дамское общество. По срединѣ — г-жа Берникъ. Налѣво отъ нея—г-жа Гольтъ съ дочерью; рядомъ съ ними — г-жа Руммель съ дочерью. Направо отъ г-жи Берникъ — г-жа Лингэ, Марта Берникъ и Дина Дорфъ. Всѣ дамы заняты рукодѣльемъ. На столѣ лежатъ груды полу-готоваго и скроеннаго бѣлья, а также выкройки. Немного дальше, у небольшого стола, на которомъ два цвѣточныхъ горшка и стаканъ сахарной воды, сидитъ ректоръ Рёрлундъ и читаетъ вслухъ книгу въ золоченомъ переплетѣ; слышатся по временамъ отдѣльныя слова. Снаружи по саду бѣгаетъ Олафъ Берникъ и стрѣляетъ въ цѣль изъ лука. Изъ двери направо входитъ корабластроитель Аулеръ. Чтеніе на минуту пріостанавливается; г-жа Берникъ дѣлаетъ ему знакъ, указывая на дверь налѣво. Аулеръ тихими шагами подходитъ къ двери консула, слегка стучится, останавливается на минуту, затѣмъ опять стучитъ.—Крапъ, секретарь консула, отворяетъ дверь; въ рукахъ у него шляпа и бумаги.

Крапъ.—А, это вы!

Аулеръ.—За мной присылалъ г-нъ консулъ...

Крапъ.—Да, но теперь онъ не можетъ васъ принять; онъ поручилъ мнѣ...

Аулеръ.—Вамъ? Я бы предпочелъ...

Крапъ.—Онъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобъ вы прекратили ваши субботнія чтенія рабочимъ.

Аулеръ.—Какъ?.. Мнѣ казалось, что я могу располагать моимъ досугомъ...

Крапъ.—Вы не должны тратить досуга на то, чтобы дѣлать людей непригодными въ рабочее время. Въ послѣднюю субботу вы вздумали говорить имъ о вредѣ для нихъ новыхъ машинъ и новой системы работъ на верфи. Къ чему это?

...леръ.—Къ тому, чтобы поддерживать общество.

...апъ.—Это и замѣтно! Консулъ говоритъ, что этимъ подр... ...ся основы общества.

...леръ.—Мое „общество“ — не общество консула, г-нъ К... Я—представитель „рабочаго союза“. Я обязанъ...

Крапъ.—Вы прежде всего—„представитель" верфи консула Берника. Ваша первая обязанность—по отношенію къ обществу, называемому „Берникъ и Компанія". Не забывайте, что мы всѣ живемъ этимъ обществомъ... Ну-съ, вы теперь слышали, что̀ хотѣлъ сообщить вамъ консулъ?

Аулеръ.—Консулъ не такъ говорилъ бы, г-нъ Крапъ! Я знаю, кому я обязанъ такой лекціей: это все проклятый американецъ!.. Да!.. Эти сосѣди думаютъ, что здѣсь можно работать такъ, какъ у нихъ, и что будто...

Крапъ.—Ну, да, да... Мнѣ некогда распространяться. Вы знаете теперь мнѣніе консула — и довольно. Потрудитесь опять пойти на верфь; тамъ вы, навѣрное, нужны. Я самъ иду сейчасъ туда.—Извините!

(Кланяется дамамъ и выходитъ черезъ садъ на улицу. Аулеръ спокойно идетъ направо. Ректоръ Рёрлундъ, продолжавшій читать въ теченіе всего предъидущаго разговора, теперь съ шумомъ закрываетъ книгу.)

Рёрлундъ.—Итакъ, уважаемыя слушательницы, — разсказъ конченъ.

Г-жа Руммель.—Ахъ, какой поучительный разсказъ!

Г-жа Гольтъ.—И какой нравственный!

Г-жа Берникъ.—Такая книга, дѣйствительно, заставляетъ призадуматься.

Рёрлундъ.—Да, это отрадная противоположность тому, что̀ мы, къ несчастью, ежедневно встрѣчаемъ въ газетахъ и журналахъ. Вѣдь, собственно, что̀ скрывается подъ мишурой современнаго большого общества?—Пустота и гниль! Никакой нравственной почвы подъ ногами. Всѣ эти великія современныя общества—да это просто разукрашенныя гробницы...

Г-жа Гольтъ.—Горькая правда!

Г-жа Руммель.—Посмотрите только на этихъ американскихъ моряковъ, которые остановились у насъ!

Рёрлундъ.—Ну, ужъ о такихъ подонкахъ человѣческаго общества я и не говорю. Но возьмемъ высшіе круги. Тамъ что̀ происходитъ?—Повсюду сомнѣнія, тревога, броженіе! Въ умахъ—недовольство, въ отношеніяхъ—шаткость. Какъ не разрушиться тутъ семьѣ!.. Наглый духъ разрушенія подкапывается даже подъ самыя святыя истины!

Дина (не поднимая глазъ).—Но развѣ во всемъ этомъ нѣтъ ничего больше?

Рёрлундъ.—Больше?! Не понимаю.

Г-жа Гольтъ (удивленная).—Боже мой... Дина!..

Г-жа Руммель (одновременно).—Дина,—какъ это вы можете?

Рёрлундъ.—Едва-ли было бы къ нашему благу, еслибъ такія „дѣла" нашли отголосокъ среди насъ. Нѣтъ, мы должны благодарить Бога, что у насъ дѣло обстоитъ иначе. Къ сожалѣнію, плевелы выростаютъ среди пшеницы, но мы напрягаемъ всѣ силы, чтобы вырвать ихъ съ корнемъ. Наша задача, mesdames,—охранять чистоту общества, исключать изъ него всѣ опасные элементы, которые навязываются намъ нашимъ лихорадочнымъ вѣкомъ.

Г-жа Гольтъ.—Къ несчастью, этихъ элементовъ — болѣе чѣмъ достаточно.

Г-жа Руммель.—Да, въ прошломъ году мы были на волоскѣ отъ постройки желѣзной дороги.

Г-жа Берникъ.—Ну, да, Карстенъ затормазилъ тогда это дѣло.

Рёрлундъ.—Провидѣніе, Провидѣніе, г-жа Берникъ! Повѣрьте, что вашъ супругъ, отказывая въ поддержкѣ этому проекту, былъ только орудіемъ высшей десницы.

Г-жа Берникъ.—И между тѣмъ въ газетахъ писали такіе ужасы о немъ! — Но мы забываемъ поблагодарить васъ, любезный ректоръ. Какъ вы добры, жертвуя намъ столько своего времени!

Рёрлундъ.—О, помилуйте! теперь вѣдь каникулы...

Г-жа Берникъ.—Да, но все же это жертва.

Рёрлундъ (пододвигая свой стулъ).—Полноте... Развѣ вы не приносите жертвъ во имя хорошаго дѣла? И притомъ,—добровольно и радостно? Эти нравственно испорченныя женщины, для исправленія которыхъ вы работаете, похожи на раненыхъ въ битвѣ солдатъ; а вы, mesdames,—діакониссы, сестры милосердія: вы заготовляете для этихъ несчастныхъ корпію, вы осторожно перевязываете имъ раны, вы ухаживаете за ними и исцѣляете...

Г-жа Берникъ.—Видѣть все въ такомъ прекрасномъ свѣтѣ —это великій даръ Божій!

Рёрлундъ.—Многое, mesdames, намъ въ этомъ отношеніи прирожденный даръ; но кое-что можетъ быть и пріобрѣтено. Главное же—нужно смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія серьезно жизненной задачи. Что вы на это скажете, m-lle Марта? Не чувствуете ли вы, такъ сказать, болѣе твердую почву подъ но..ми съ тѣхъ поръ, какъ вы посвятили свою жизнь школѣ?

Марта.—Не знаю, что̀ и сказать. Очень часто, когда я въ

классной, мнѣ такъ бы хотѣлось быть далеко отсюда, на бурномъ морѣ.

Рёрлундъ.—Смотрите,—все это искушенія. Надо гнать такихъ безпокойныхъ гостей. Бурное море—вѣдь вы не буквально это понимаете; бурное море—великій волнующійся міръ, гдѣ столь многіе терпятъ крушеніе.—И неужели вы, дѣйствительно, такъ цѣните ту жизнь, которая кипитъ и бушуетъ вдали? Взгляните хотя бы на улицу. Взгляните на народъ, который подъ знойными лучами солнца въ потѣ лица копошится, мечется изъ-за своихъ жалкихъ дѣлишекъ! Наша доля, безъ сомнѣнія, счастливѣе: мы сидимъ здѣсь, въ прохладной тѣни, повернувшись спиной къ тревогамъ и соблазнамъ.

Марта.—Да, въ этомъ отношеніи, вы правы...

Рёрлундъ.—И въ такомъ домѣ, какъ вашъ,—въ хорошемъ, непорочномъ домѣ, гдѣ семья является въ лучшемъ своемъ образѣ, гдѣ царствуетъ миръ и согласіе... (Обращаясь къ г-жѣ Берникъ.) Къ чему вы прислушиваетесь, г-жа Берникъ?

Г-жа Берникъ (повернувшись къ двери налѣво).—Какъ они громко тамъ разговариваютъ!

Рёрлундъ.—Вѣрно, что-нибудь случилось.

Г-жа Берникъ.—Не знаю. Я слышу, что у мужа кто-то есть.

(Гильмаръ Тёнизэнъ, съ сигарой во рту, входитъ изъ двери направо, но останавливается при видѣ дамъ.)

Гильмаръ.—Извините... (Хочетъ уходить.)

Г-жа Берникъ.—Войди, Гильмаръ; ты намъ не мѣшаешь. Тебѣ что-нибудь нужно?

Гильмаръ.—Нѣтъ, я мимоходомъ. Здравствуйте, mesdames. (Къ г-жѣ Берникъ.) — Ну-съ, что же, однако, изъ всего этого выйдетъ?

Г-жа Берникъ.—Изъ чего?

Гильмаръ.—Вѣдь Берникъ созвалъ совѣтъ.

Г-жа Берникъ.—Въ самомъ дѣлѣ! По поводу чего?

Гильмаръ.—Опять заговорили объ этой желѣзнодорожной чепухѣ.

Г-жа Руммель.—Неужели?

Г-жа Берникъ.—Бѣдный Карстэнъ! неужели у него опять будутъ непріятности?..

Рёрлундъ.—Что же это можетъ означать, г-нъ Тёнезэнъ? Вѣдь консулъ Берникъ далъ ясно понять въ прошломъ году, что онъ не допуститъ здѣсь желѣзной дороги.

Гильмаръ.—Да... Но я встрѣтилъ сейчасъ Крапа, и онъ

сказалъ мнѣ, что желѣзнодорожный вопросъ опять поднятъ, и что Берникъ совѣщается съ тремя нашими капиталистами.

Г-жа Руммель.—Кажется, я слышала тамъ голосъ Руммеля.

Гильмаръ.—Да, и г-нъ Руммель здѣсь, и Сандстадъ, и Микаэль Вигеландъ—„св. Микаэль", какъ его зовутъ.

Рёрлундъ.—Гм...

Гильмаръ.—Виноватъ, г-нъ ректоръ.

Г-жа Берникъ.—И какъ разъ когда все у насъ было такъ хорошо и тихо!

Гильмаръ.—Ну, что касается меня, я не прочь, чтобы они опять погрызлись изъ-за этой желѣзной дороги. По крайней мѣрѣ, было бы какое-нибудь развлеченіе.

Рёрлундъ.—Я думаю, безъ такихъ развлеченій мы могли бы обойтись.

Гильмаръ.—Это смотря по человѣку. Для нѣкоторыхъ натуръ нужна по временамъ борьба, возбужденіе. Но, къ сожалѣнію, для этого нѣтъ мѣста въ нашей мелочной провинціальной жизни, и не всякій можетъ... (Перевертывая листки книги Рёрлунда.) Девятая глава—„Женщины, какъ слуги Общества",—это что за чепуха?

Г-жа Берникъ.—Ахъ, Гильмаръ, не говори такъ. Ты вѣдь навѣрное не читалъ этой книги.

Гильмаръ.—Избави Богъ!..

Г-жа Берникъ.—Ты, кажется, не въ духѣ сегодня.

Гильмаръ.—Я? Нисколько!..

Г-жа Берникъ.—Или ты не выспался?

Гильмаръ.—Спалъ прескверно. Вчера, послѣ вечерней прогулки, засѣлъ въ клубѣ и читалъ тамъ описаніе полярной экспедиціи. Какъ-то укрѣпляются нервы, когда видишь людей въ борьбѣ со стихіями.

Г-жа Руммель.—Но вамъ, какъ кажется, это не особенно послужило на пользу, г-нъ Тӧнéзэнъ.

Гильмаръ.—Вы правы. Метался всю ночь въ какомъ-то полуснѣ, и мнѣ все казалось, что за мной гонится моржъ.

Олафъ (входитъ на лѣстницу).—Какъ, дядя,—за тобой гонялся моржъ?

Гильмаръ.—Во снѣ, глупышъ! А ты все еще играешь съ эт[illegible]ъ смѣшнымъ лукомъ... Отчего ты не заведешь себѣ настоящ[illegible] ружья?

[illegible]лафъ.—Мнѣ бы очень хотѣлось, но...

[illegible]ильмаръ.—Въ ружьѣ есть хоть какой-нибудь смыслъ; по к[illegible]чей мѣрѣ возбуждаются нервы, когда изъ него стрѣляешь.

Олафъ.—И тогда я бы могъ охотиться на медвѣдя... но папа мнѣ не позволяетъ.

Г-жа Берникъ.—Гильмаръ! не внушай ему такихъ мыслей.

Гильмаръ.—Гм! Вотъ оно, подростающее поколѣніе!—Толкуютъ о смѣлости, о силѣ,—и все это кончается игрой; гдѣ теперь найдешь эту природную отвагу, которая глядитъ опасности прямо въ глаза?—Не цѣлься въ меня, однако, пріятель: еще выстрѣлитъ!

Олафъ.—Да въ немъ, дядя, и стрѣлы-то нѣтъ.

Гильмаръ.—Почему ты знаешь? Можетъ быть, и есть. Убирайся съ нимъ, говорятъ тебѣ! — Отчего ты не отправишься въ Америку на одномъ изъ кораблей твоего отца? Тамъ ты увидѣлъ бы охоту на буйволовъ и битвы съ краснокожими...

Г-жа Берникъ.—Но, Гильмаръ...

Олафъ.—Мнѣ бы очень хотѣлось, дядя; я, можетъ быть, встрѣтилъ бы тамъ дядю Іоганна и тетю Лону.

Гильмаръ.—Гм... Вздоръ!

Г-жа Берникъ.—Ну, ступай-ка опять въ садъ, Олафъ!

Олафъ.—А можно мнѣ на улицу, мама?

Г-жа Берникъ.—Да, только не заходи далеко. (Олафъ убѣгаетъ черезъ калитку сада.)

Рёрлундъ.—Вамъ бы не слѣдовало внушать ребенку такихъ мыслей, г-нъ Тёнезэнъ.

Гильмаръ.—Да, разумѣется, — онъ долженъ быть квашней, какъ большинство.

Рёрлундъ.—Отчего же вы сами не отправитесь въ Америку?

Гильмаръ.—Я? Съ моей болѣзнью? Конечно, здѣсь никто этому не придаетъ особаго значенія. Хоть бы подумали, что вѣдь существуютъ извѣстныя обязанности къ обществу, среди котораго живешь! Долженъ же быть хоть одинъ человѣкъ, который бы высоко держалъ знамя идеала... Тьфу, какъ онъ кричитъ тамъ!

Дамы.—Кто кричитъ?

Гильмаръ.—Ахъ, не знаю... У нихъ тамъ шумъ, и это раздражаетъ мнѣ нервы.

Г-жа Руммель.—Это навѣрное мой мужъ, г-нъ Тёнезэнъ; онъ до такой степени привыкъ говорить въ большихъ собраніяхъ...

Рёрлундъ.—Остальные тоже говорятъ, кажется, не шопотомъ.

Гильмаръ.—Еще бы! Разъ дѣло идетъ о карманѣ... Вѣдь у насъ все сводится къ жалкимъ денежнымъ разсчетамъ. Тьфу!

Г-жа Берникъ.—Во всякомъ случаѣ это лучше, чѣмъ прежде, когда все сводилось къ кутежамъ...

Г-жа Лингэ.—Неужели это было такъ прежде?

Г-жа Руммель.—Могу васъ увѣрить въ этомъ, г-жа Лингэ. Счастье ваше, что васъ не было тогда здѣсь.

Г-жа Гольтъ.—Да, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось! Какъ подумаю я о томъ времени, когда я была дѣвочкой...

Г-жа Руммель.—О, возьмите хоть 14—15 лѣтъ тому назадъ, —Господи помилуй, что это была за жизнь! Тутъ были и танцовальные, и музыкальные клубы...

Марта.—И драматическій клубъ,—я это такъ хорошо помню.

Г-жа Руммель.—Да, тамъ игралась пьеса г-на Тѐнезэна.

Рёрлундъ.—Пьеса г-на Тѐнезэна?

Г-жа Руммель.—Да, это было задолго до вашего прибытія сюда, ректоръ. При томъ, она шла только одинъ разъ.

Г-жа Лингэ.—Не въ этой ли пьесѣ вы, г-жа Руммель, — помните, сами разсказывали мнѣ?—играли влюбленную?

Г-жа Руммель (бросивъ взглядъ на ректора).—Я? Не припомню что-то. Но я отлично помню, какая шумная, веселая жизнь кипѣла здѣсь.

Г-жа Гольтъ.—А я даже знаю домà, гдѣ еженедѣльно давалось по два большихъ обѣда.

Г-жа Лингэ.—И кромѣ того, мнѣ говорили, здѣсь была труппа актеровъ.

Г-жа Руммель.—Да, это было хуже всего...

Г-жа Гольтъ (съ безпокойствомъ).—Гм., гм...

Г-жа Руммель.—Труппа актеровъ, говорите вы? Нѣтъ, этого я не помню.

Г-жа Лингэ.—Какъ? а мнѣ говорили, что именно они и дѣлали тутъ разныя глупыя выходки... Что же тутъ было такое?..

Г-жа Руммель.—Да ничего. Пустяки въ сущности...

Г-жа Гольтъ.—Дина, милая, передай мнѣ, пожалуйста, этотъ кусокъ полотна.

Г-жа Берникъ.—Дина, другъ мой, пойди, скажи Катеринѣ, чтобы она несла кофе.

(Дина и Марта выходятъ во вторую дверь налѣво.)

Г-жа Берникъ (вставая).—Я на минутку,—извините; я думаю, лучше пить кофе въ саду.

(Она идетъ въ садъ и приготовляетъ чашки на столѣ; Рёрлундъ стоитъ въ дверяхъ и разговариваетъ съ нею. Гильмаръ сидитъ снаружи и куритъ.)

Г-жа Руммель (тихонько къ г-жѣ Лингэ).—Боже мой, какъ вы меня испугали!

Г-жа Лингэ.—Я?

Г-жа Гольтъ (къ г-жѣ Руммель).—Да, но вѣдь вы сами начали.

Г-жа Руммель.—Я? Что вы! Я ни однимъ словомъ.

Г-жа Лингэ.—Но въ чемъ же дѣло?

Г-жа Руммель.—Какъ могли вы заговорить о...! Только подумайте,—развѣ вы не видѣли, что Дина была въ комнатѣ?

Г-жа Лингэ.—Дина? Но развѣ она...

Г-жа Гольтъ.—И тѣмъ болѣе въ этомъ домѣ! Развѣ вы не знаете, что братъ г-жи Берникъ?..

Г-жа Гольтъ.—Что такое братъ г-жи Берникъ? Я ровно ничего не знаю; вѣдь я здѣсь недавно...

Г-жа Руммель.—Такъ вы, слѣдовательно, не слышали, что... Гм... (Къ своей дочери.) Пройдись немного по саду, Гильда.

Г-жа Гольтъ.—И ты тоже, Нэтта, пойди. И будь какъ можно ласковѣе къ бѣдной Динѣ.

(Гильда и Нэтта выходятъ въ садъ.)

Г-жа Лингэ.—Вы что-то хотѣли сказать о братѣ г-жи Берникъ?

Г-жа Руммель.—Развѣ вы не знаете, что онъ-то и былъ героемъ скандала?

Г-жа Лингэ.—Г-нъ Гильмаръ—былъ героемъ скандала!

Г-жа Руммель.—Да нѣтъ же, Боже мой; Гильмаръ — ея двоюродный братъ. А я говорю о ея родномъ братѣ...

Г-жа Гольтъ.—О погибшемъ Тőнезэнѣ...

Г-жа Руммель.—Его звали Іоганномъ. Онъ убѣжалъ въ Америку.

Г-жа Гольтъ.—Понимаете, онъ долженъ былъ бѣжать...

Г-жа Лингэ.—Такъ это съ нимъ случился скандалъ?

Г-жа Руммель.—Ну да, онъ былъ, какъ бы вамъ сказать?.. въ такихъ отношеніяхъ съ матерью Дины. О, я это хорошо помню, точно это было вчера. Іоганнъ Тőнезэнъ служилъ въ конторѣ старой г-жи Берникъ; Карстэнъ Берникъ только-что возвратился изъ Парижа,—это было передъ его помолвкой...

Г-жа Лингэ.—Да, но скандалъ?..

Г-жа Руммель.—Ну-съ, а въ эту самую зиму пріѣхала въ городъ труппа актеровъ Мőллера...

Г-жа Гольтъ.—И въ труппѣ былъ Дорфъ съ своей женой. Всѣ молодые люди съума по ней сходили.

Г-жа Руммель.—Да! Удивительно, какъ они могли находить ее хорошенькой... Однажды вечеромъ Дорфъ возвратился домой очень поздно...

Г-жа Гольтъ.—И совсѣмъ неожиданно...

Г-жа Руммель.—И тутъ онъ засталъ... Нѣтъ, право, мнѣ просто неловко разсказывать...

Г-жа Гольтъ.—Да нѣтъ! Что вы?!.. онъ ничего не засталъ, потому что дверь была заперта изнутри.

Г-жа Руммель.—Да, такъ вотъ я и говорю, — дверь была заперта... И тутъ-то, представьте себѣ,—изъ окна кто-то выскочилъ.

Г-жа Гольтъ.—Прямо изъ окна верхняго этажа.

Г-жа Лингэ.—И это былъ братъ г-жи Берникъ?

Г-жа Руммель.—Разумѣется!.. Братъ г-жи Берникъ.

Г-жа Лингэ.—И онъ бѣжалъ въ Америку?

Г-жа Гольтъ.—Да,—долженъ былъ бѣжать въ Америку.

Г-жа Руммель.—Потому что впослѣдствіи открылось нѣчто другое, почти столь же предосудительное. Вообразите, онъ изъ кассы укралъ...

Г-жа Гольтъ.—Но вѣдь объ этомъ никто ничего не знаетъ, г-жа Руммель. Можетъ быть, это были однѣ сплетни.

Г-жа Руммель.—Полноте!.. Это извѣстно всему городу! И развѣ не изъ-за этого старая г-жа Берникъ почти что обанкротилась?.. Руммель самъ разсказывалъ мнѣ. Но Боже меня сохрани, чтобы *я* стала говорить объ этомъ!

Г-жа Гольтъ.—Во всякомъ случаѣ, деньги не достались г-жѣ Дорфъ, потому что она...

Г-жа Лингэ.—Но какъ же потомъ уладилось съ родителями Дины?

Г-жа Руммель.—Дорфъ бросилъ и жену, и ребенка. Но особа эта была настолько нахальна, что оставалась здѣсь цѣлый годъ. Она не осмѣливалась показываться опять на сценѣ театра; но она заработывала себѣ кусокъ хлѣба стиркой и шитьемъ...

Г-жа Гольтъ.—Пробовала завести танцовальные классы...

Г-жа Руммель.—Дѣло, конечно, не пошло. Какіе же родители довѣрятъ своихъ дѣтей подобной особѣ?—Но она не долго прожила; красавица наша, видите ли, не привыкла къ работѣ; у нея сдѣлалась грудная болѣзнь, и она умерла.

Г-жа Лингэ.—И вправду, какая отвратительная исторія!..

Г-жа Руммель.—Да, вы можете представить, какъ это было ужасно для семьи Берникъ! Это—темное пятно на солнечномъ свѣтѣ ихъ счастья, какъ выразился однажды мой мужъ. Но никогда не упоминайте объ этой исторіи въ *этомъ* домѣ!

Г-жа Гольтъ.—И, ради Бога, не упоминайте тоже о сводной сестрѣ!

Г-жа Лингэ.—Развѣ у г-жи Берникъ есть также сводная сестра?

Г-жа Руммель.—Была,—къ счастью, это въ прошломъ; потому что теперь съ этимъ родствомъ покончено. Да, странная была особа! Представьте, — она носила короткіе волосы и въ дождь надѣвала мужскіе сапоги!

Г-жа Гольтъ.—И когда ея сводный братъ—этотъ вполнѣ потерянный субъектъ—бѣжалъ, и весь городъ, разумѣется, былъ возмущенъ этой исторіей, что̀ бы вы думали она сдѣлала? Она послѣдовала за нимъ!

Г-жа Руммель.—Да, но вспомните, какой былъ скандалъ, прежде чѣмъ она уѣхала!

Г-жа Гольтъ.—Тс! не говорите объ этомъ.

Г-жа Лингэ.—Какъ, и съ нею скандалъ?

Г-жа Руммель.—Да! Вотъ я вамъ все разскажу. Берникъ въ то время только-что сдѣлался женихомъ Бэтти Тёнезэнъ; и въ ту самую минуту, когда онъ шелъ съ ней подъ руку въ комнату ея тетушки, чтобы сообщить, что они помолвлены...

Г-жа Гольтъ.—Братъ и сестра Тёнезэнъ были сироты, понимаете.

Г-жа Руммель.—Въ эту самую минуту, Лона Гессель встала съ своего мѣста и со̀ всего размаху дала красивому, аристократичному Карстэну Берникъ звонкую пощечину...

Г-жа Лингэ.—Возможно ли?!..

Г-жа Гольтъ.—Да, это именно такъ и было.

Г-жа Руммель.—Потомъ она уложила свои пожитки и отправилась въ Америку.

Г-жа Лингэ.—Вѣроятно, она сама была къ нему неравнодушна.

Г-жа Руммель.—Именно. Она вообразила, что онъ сдѣлаетъ ей предложеніе, какъ только возвратится изъ Парижа.

Г-жа Гольтъ.—Подумайте только, какъ могла она мечтать о чемъ-либо подобномъ! Берникъ—свѣтскій молодой человѣкъ, настоящій джентльменъ, любимецъ всѣхъ дамъ...

Г-жа Руммель.—И такой порядочный, притомъ,—такой высоконравственный!

Г-жа Лингэ.—Но что же сталось съ этой дѣвицей въ Америкѣ?

Г-жа Руммель.—Ну, на это, какъ выразился однажды мой мужъ, наброшенъ покровъ, который едва-ли слѣдуетъ подымать.

Г-жа Лингэ.—То-есть, какъ же?

Г-жа Руммель.—У нея, конечно, нѣтъ никакихъ сношеній

съ семьей; но всѣ въ городѣ знаютъ, что она тамъ пѣла за деньги въ трактирахъ...

Г-жа Гольтъ.—И читала лекціи.

Г-жа Руммель. — И написала какую-то безсмысленную книжку.

Г-жа Лингэ.—Неужели?

Г-жа Руммель.—Да, Лона Гессель—тоже своего рода пятно на семейномъ счастьѣ Берникъ. Но теперь вы знаете все. Видитъ Богъ,—я разсказала это исключительно для того, чтобы вы были осторожны.

Г-жа Лингэ.—Будьте покойны на этотъ счетъ. Но бѣдная Дина Дорфъ! Мнѣ отъ души жаль ее!

Г-жа Руммель.—О, для нея это было большое счастье. Только подумайте, еслибъ она осталась у своихъ родителей! Конечно, всѣ мы приняли въ ней участіе и постарались внушить ей нравственныя правила. Наконецъ, Марта Берникъ выпросила ей позволеніе поселиться въ этомъ домѣ.

Г-жа Гольтъ.—Но съ ней всегда было трудно ладить, понимаете,—послѣ всѣхъ дурныхъ примѣровъ, которые она имѣла передъ глазами. И, разумѣется, она не такая какъ всѣ наши дѣти...

Г-жа Руммель.—Тс! вотъ она! (Громко.) Да, вы правы,—Дина—способная дѣвушка. Какъ, ты здѣсь, Дина? А мы какъ разъ кончаемъ нашу работу.

Г-жа Гольтъ.—Ахъ, какъ прекрасно пахнетъ вашъ кофе, милая Дина... Такая чашка кофе утромъ...

Г-жа Берникъ (съ лѣстницы).—Кофе готовъ, mesdames.

(Между тѣмъ Марта и Дина помогли служанкѣ принести подносъ съ кофеемъ. Всѣ дамы выходятъ и садятся; онѣ стараются наперерывъ быть ласковыми съ Диной. Спустя нѣкоторое время, она входитъ въ комнату и ищетъ свою работу.)

Г-жа Берникъ (за столомъ).—Дина, а ты развѣ не хочешь?..

Дина.—Нѣтъ, благодарю.

(Она садится и принимается за работу. Г-жа Берникъ и Рёрлундъ обмѣниваются нѣсколькими словами; спустя короткое время, онъ входитъ въ комнату.)

Рёрлундъ (подходитъ къ столу, какъ бы ища чего-то, и говоритъ вполголоса).—Дина!

Дина.—Что?

Рёрлундъ.—Скажите, почему вы не идете къ нимъ?

Дина.—Когда я приносила кофе, очевидно было, по взглядамъ незнакомой дамы, что онѣ говорили обо мнѣ.

Рёрлундъ.—Но развѣ вы не замѣтили, какъ она была съ вами ласкова?

Дина.—Вотъ именно это мнѣ и не нравится.

Рёрлундъ.—Вы—упрямая дѣвушка, Дина.

Дина.—Да, упрямая.

Рёрлундъ.—А почему вы такая?

Дина.—Такая ужъ уродилась.

Рёрлундъ.—Но развѣ вы не можете постараться измѣниться?

Дина.—Нѣтъ, не могу.

Рёрлундъ.—Почему же?

Дина (взглянувъ на него).—Вѣдь я принадлежу къ „нравственно погибшимъ".

Рёрлундъ.—Чтò вы, Дина!

Дина.—И моя мать тоже принадлежала къ нравственно падшимъ.

Рёрлундъ.—Кто же вамъ могъ это разсказать?..

Дина.—Никто; вѣдь со мной не говорятъ. Почему—не знаю. Онѣ обращаются со мной такъ осторожно, какъ будто я разобьюсь въ дребезги, если... О, какъ я ненавижу все это мягкосердечіе!

Рёрлундъ.—Милая Дина, я понимаю, что вамъ тяжело здѣсь, но...

Дина.—О, еслибъ можно было уйти отсюда! Я могла бы жить сама по себѣ, лишь бы только окружающіе меня люди не были такіе... такіе...

Рёрлундъ.—Какіе?

Дина.—Такіе добропорядочные и нравственные.

Рёрлундъ.—Дина, чтò вы хотите сказать этимъ?

Дина.—О, вы прекрасно знаете, чтò я хочу сказать. Каждый день Гильда и Нэтта приходятъ сюда, чтобы я могла брать съ нихъ примѣръ. Я никогда не буду такой примѣрной барышней, какъ онѣ,—и *не хочу* быть. Ахъ, еслибъ только уйти куда-нибудь подальше,—я могла бы стать порядочнымъ человѣкомъ!

Рёрлундъ.—Вы и такъ хорошій человѣкъ, дорогая моя Дина.

Дина.—Какой толкъ мнѣ здѣсь отъ этого?

Рёрлундъ.—Такъ вотъ какъ: уѣхать отсюда... Вы серьезно думаете объ этомъ?

Дина.—Я бы не осталась лишняго дня, еслибъ васъ не было здѣсь.

Рёрлундъ.—Скажите, Дина, почему вы такъ любите быть со мною?

Дина.—Потому что вы мнѣ внушаете такъ много прекраснаго.

Рёрлундъ.—Прекраснаго? Такъ вы называете прекраснымъ все то, чему я учу васъ?

Дина.—Да, или, собственно говоря... не то, чему вы меня учите; но когда я слушаю васъ, я думаю о многомъ, что̀ дѣйствительно прекрасно.

Рёрлундъ.—Что же вы понимаете, въ такомъ случаѣ, подъ словомъ „прекрасное“?

Дина.—Я никогда объ этомъ не думала.

Рёрлундъ.—Такъ подумайте теперь. Что вы называете прекраснымъ?

Дина.—Прекрасное?—Это... это что-то великое... и далекое отъ насъ.

Рёрлундъ.—Гм... Дина, милая, я принимаю въ васъ горячее участіе...

Дина.—И только?

Рёрлундъ.—Вѣдь вы знаете, какъ безконечно до̀роги вы мнѣ.

Дина.—Еслибъ я была Гильда или Нэтта, вы не боялись бы, что это кто-нибудь замѣтитъ.

Рёрлундъ.—Ахъ, Дина, какъ это вы не думаете о тысячѣ разныхъ соображеній!.. Когда человѣкъ призванъ быть нравственной опорой общества, въ которомъ онъ живетъ,—онъ долженъ быть крайне остороженъ. Еслибъ только я былъ увѣренъ, что мои дѣйствія не будутъ объяснены ложными мотивами! Но это все равно,—вамъ нужна помощь, и она вамъ будетъ дана. Дина, когда я приду и скажу вамъ... когда обстоятельства позволятъ мнѣ сказать: вотъ моя рука... примете ли вы ее и согласитесь ли быть моей женой? Вы обѣщаете, Дина?

Дина.—Да.

Рёрлундъ.—Благодарю васъ, благодарю! Вѣдь и я... О, Дина, вы мнѣ такъ до̀роги... Тс! Кто-то идетъ. Дина, ради меня—идите къ нимъ!

(Дина идетъ къ столу, гдѣ пьютъ кофе. Въ эту минуту Руммель, Сандстадъ и Вигеландъ выходятъ изъ конторы консула, у котораго связка бумагъ въ рукѣ.)

Берникъ.—Такъ это дѣло рѣшенное...

Вигеландъ!—Да, съ Божьей помощью...

Руммель.—Рѣшено, Берникъ! Слово норвежца нерушимо.

Берникъ.—И никто не отступится, какія бы препятствія ни встрѣтились.

Руммель.—Мы побѣдимъ, Берникъ, или потерпимъ крушеніе вмѣстѣ.

Гильмаръ (входя изъ сада).—Извините,—не желѣзная ли дорога терпитъ крушеніе?

Берникъ.—Напротивъ,—она должна пойти въ ходъ.

Руммель.—На всѣхъ парахъ, г-нъ Тёнезэнъ.

Гильмаръ (подходя).—Вотъ какъ!

Рёрлундъ.—Что?.. желѣзная дорога?

Г-жа Берникъ (у двери).—Карстэнъ, другъ мой,—что же это значитъ?..

Берникъ.—Бэтти, милая, развѣ это можетъ тебя интересовать? (Обращаясь къ тремъ мужчинамъ.)—Теперь надо приготовить списки; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Разумѣется, мы четверо запишемся первыми. Наше положеніе въ обществѣ обязываетъ насъ быть дѣятельнѣе другихъ.

Сандстадъ.—Безъ сомнѣнія, консулъ.

Руммель.—Мы направимъ дѣло, Берникъ; мы обязаны это сдѣлать.

Берникъ.—О, да; я увѣренъ въ успѣхѣ. Мы должны усердно дѣйствовать, каждый въ кругу своихъ знакомыхъ, и разъ намъ удастся возбудить сочувствіе всѣхъ слоевъ общества,—городское управленіе приметъ участіе въ дѣлѣ.

Г-жа Берникъ.—Да разскажи же намъ, наконецъ, Карстэнъ, въ чемъ дѣло...

Берникъ.—Ахъ, милая Бэтти, это совсѣмъ не дамское дѣло.

Гильмаръ.—Такъ ты, въ самомъ дѣлѣ, намѣренъ проводить желѣзную дорогу?

Берникъ.—Да, разумѣется.

Рёрлундъ.—Но вѣдь въ прошломъ году, г-нъ консулъ?..

Берникъ.—Въ прошломъ году было совсѣмъ иное дѣло. Тогда предлагали провести линію вдоль берега...

Вигеландъ.—Что̀ было бы совершенно безполезно, ректоръ, потому что вѣдь у насъ есть пароходы.

Сандстадъ.—И что̀ потребовало бы громадныхъ расходовъ...

Руммель.—Да, и кромѣ того—подорвало бы мѣстные интересы.

Берникъ.—А главное въ томъ, что это не принесло бы пользы громадному большинству населенія. Вотъ почему я и воспротивился этому проекту; и такимъ образомъ мы остановились на внутренней линіи.

Гильмаръ.—Да, но вѣдь она не коснется ближайшихъ городовъ?

Берникъ.—Она коснется *нашего* города, другъ мой: мы проведемъ боковую вѣтвь.

Гильмаръ.—А-а! такъ это совсѣмъ новый проектъ?

Руммель.—Да, мысль великолѣпная—не такъ ли?

Рёрлундъ.—Гм...

Вигеландъ.—Безспорно, что Провидѣніе какъ бы предназначило эту мѣстность для постройки боковой вѣтви.

Рёрлундъ.—Вы говорите это серьезно?

Берникъ.—Да, признаюсь, я тоже смотрю, какъ на внушеніе свыше, что во время моей весенней поѣздки въ деревню я случайно попалъ въ долину, гдѣ я никогда не былъ раньше. Меня, какъ молніей, осѣнила мысль, что вотъ гдѣ самое подходящее мѣсто для боковой линіи! Я послалъ инженера осмотрѣть мѣстность; у меня вотъ тутъ предварительные отчеты и смѣты: препятствій—никакихъ.

Г-жа Берникъ (стоитъ, съ другими дамами, у двери сада).—Но, Карстэнъ, другъ мой, почему ты держалъ все это въ тайнѣ?

Берникъ.—Ахъ, Бэтти, милочка, вѣдь ты все равно не поняла бы сущности дѣла. Притомъ, до сегодняшняго дня я не говорилъ объ этомъ ни единому живому существу. Но теперь рѣшительная минута настала. Теперь мы должны работать открыто и всѣми силами. Да, хотя бы пришлось мнѣ поставить для этого предпріятія на карту все, что я имѣю,—я не отступлюсь отъ него.

Руммель.—И мы тоже, Берникъ; вы можете положиться на насъ.

Рёрлундъ.—Неужели, господа, вы въ самомъ дѣлѣ ожидаете такихъ громадныхъ результатовъ отъ этого предпріятія?

Берникъ.—Да, безъ сомнѣнія! Какой это будетъ подъемъ для всего нашего города! Подумайте только—какія лѣсныя пространства сдѣлаются доступны намъ, какія богатыя копи можно будетъ эксплуатировать! Подумайте, наконецъ, о рѣкѣ,—не говорю уже о водопадѣ! Какая громадная промышленность можетъ скоро возникнуть здѣсь!

Рёрлундъ.—И вы не боитесь, что соприкосновеніе съ развращеннымъ внѣшнимъ міромъ...

Берникъ.—Нѣтъ, успокойтесь, ректоръ. Нашъ дѣятельный маленькій городокъ стоитъ, слава Богу, на здоровой, прочной нравственной почвѣ; мы всѣ помогали дренировать ее,—если можно такъ выразиться; и мы будемъ продолжать это дѣло, каждый въ своей сферѣ. Вы, ректоръ, будете продолжать вашу [illegible]творную дѣятельность въ школѣ и въ семьѣ. Мы, люди [illegible]тической дѣятельности, будемъ поддерживать общество, распространяя благосостояніе въ возможно болѣе широкомъ кругу. А [illegible]ши женщины,—да подойдите поближе, mesdames; я радъ,

что вы это слышите,—наши женщины, говорю я, наши жены и дочери—будутъ неустанно работать на пользу ближняго, будутъ помощницами и утѣшительницами для тѣхъ, кто имъ всѣхъ ближе и дороже,—вотъ какъ моя дорогая Бэтти и Марта... (Осматриваясь кругомъ.) Но гдѣ же сегодня Олафъ?

Г-жа Берникъ.—О, по праздникамъ нѣтъ возможности удержать его дома.

Берникъ.—Такъ онъ, навѣрное, опять пошелъ къ водѣ. Вотъ увидишь,—это кончится бѣдой.

Гильмаръ.—Ну, что за бѣда потѣшиться немного съ силами природы...

Г-жа Руммель.—Какъ хорошо, что у васъ такія семейныя чувства, г-нъ Берникъ!

Берникъ.—О, семья — ядро общества. Хорошій домашній очагъ, честные и вѣрные друзья, небольшой кружокъ, не тревожимый никакими мятежными элементами...

(Крапъ выходитъ справа съ книгами и бумагами.)

Крапъ. — Заграничная почта, консулъ, и телеграмма изъ Нью-Іорка.

Берникъ (беретъ у него). — А! Отъ владѣльцевъ „Дѣвы Индіи“.

Руммель.—Почта пришла? Такъ извините меня...

Вигеландъ.—И меня также...

Сандстадъ.—До свиданія, консулъ.

Берникъ.—До свиданія, до свиданія, господа. Не забудьте, что сегодня, въ пять часовъ пополудни, назначено наше собраніе.

Всѣ трое.—Да, да... конечно.

(Всѣ вмѣстѣ выходятъ направо.)

Берникъ (прочитавъ телеграмму).—Ну, ужъ это слишкомъ по-американски! Просто возмутительно!

Г-жа Берникъ.—Господи, что такое, Карстэнъ?

Берникъ.—Взгляните, Крапъ, прочтите!

Крапъ (читаетъ).—„Какъ можно менѣе поправокъ; пришлите „Дѣву Индіи“ немедленно; погода благопріятная; въ худшемъ случаѣ, грузъ поддержитъ судно“.—Ну, признаюсь...

Берникъ.—Грузъ поддержитъ судно! Эти господа прекрасно знаютъ, что съ такимъ грузомъ оно пойдетъ ко дну, какъ камень, еслибъ что̀ случилось.

Рёрлундъ.—Видите, каково положеніе вещей въ этихъ хваленыхъ большихъ городахъ.

Берникъ.—Да, вы правы. Разъ дѣло коснется выгоды, жизнь

человѣка не ставится ни во что. (Къ Крапу.)—Можетъ „Дѣва Индіи“ отплыть черезъ четыре—пять дней?

Крапъ.—Да, если Вигеландъ согласится повременить съ „Пальмой“.

Берникъ.—Гм!—онъ не согласится. Просмотрите, пожалуйста, почту. Кстати, что вы не видѣли Олафа на пристани?

Крапъ.—Нѣтъ, консулъ. (Идетъ въ контору консула.)

Берникъ (перечитывая телеграмму).—Рискнуть жизнью 18-ти человѣкъ—это имъ ни по чемъ...

Гильмаръ.—Что-жъ,—призваніе моряка бороться съ силами природы; тутъ что-то возбуждающее, когда знаешь, что одна тонкая доска отдѣляетъ тебя отъ бездны...

Берникъ.—Кто изъ нашихъ кораблевладѣльцевъ рѣшился бы на такое дѣло? Никто! Ни одинъ! (Увидавъ Олафа.)—Ахъ, слава Богу,—онъ живъ и невредимъ.

(Олафъ, съ удочкой въ рукѣ, бѣжитъ по улицѣ черезъ калитку.)

Олафъ (изъ саду).—Дядя Гильмаръ, я видѣлъ пароходъ.

Берникъ.—Ты былъ опять на пристани?

Олафъ.—Нѣтъ, я былъ только въ лодкѣ. Но вообрази, дядя Гильмаръ, на пароходѣ пріѣхала цѣлая труппа наѣздниковъ, съ лошадьми и дикими звѣрями; и какая пропасть пассажировъ!

Г-жа Руммель.—Такъ у насъ будетъ циркъ!

Рёрлундъ.—У насъ? Ну, не думаю.

Г-жа Руммель.—Не у насъ, конечно, но...

Дина.—Мнѣ бы хотѣлось видѣть искусныхъ наѣздниковъ.

Олафъ.—И мнѣ тоже.

Гильмаръ.—Ты—дурачокъ. Что тамъ смотрѣть? Одна дрессировка. Другое дѣло—смотрѣть, какъ Гауко, на дикомъ конѣ, скачетъ по пампасамъ. Но, чортъ побери! Здѣсь, въ этомъ... дрянномъ городишкѣ...

Олафъ (дергая Марту за платье).—Тётя Марта, смотри, смотри—вотъ они!

Г-жа Гольтъ.—Да, въ самомъ дѣлѣ, это они.

Г-жа Лингэ.—Боже мой, какой ужасный народъ!

(По улицѣ идутъ много путешественниковъ и масса горожанъ.)

Г-жа Руммель.—Цѣлая толпа фокусниковъ! Смотрите, смотрите вонъ на ту, въ сѣромъ платьѣ, съ дорожной сумкой на спинѣ!

Г-жа Гольтъ.—Да, да! Она еще повѣсила ее на зонтикъ! Конечно, это жена директора труппы.

Г-жа Руммель.—А вонъ и самъ директоръ, вонъ тотъ—съ бородой. Совершенный разбойникъ, тьфу! Не смотри на него, Гильда!

Г-жа Гольтъ.—И ты тоже, Нэтта.

Олафъ.—Мама, директоръ кланяется намъ!

Берникъ.—Что?

Г-жа Берникъ.—Что ты говоришь, дитя мое?

Г-жа Руммель.—Да, въ самомъ дѣлѣ,—и женщина киваетъ тоже.

Берникъ.—Ну, ужъ это слишкомъ!

Марта (невольно вскрикнувъ).—Ахъ!..

Г-жа Берникъ.—Что это, Марта?

Марта.—О, ничего,—мнѣ только показалось...

Олафъ (радостно вскрикиваетъ).—Смотрите,—вонъ идутъ и другіе, съ лошадьми и дикими звѣрями! А вотъ и американцы! Всѣ матросы съ „Дѣвы Индіи“...

(Слышится напѣвъ „Янки Дудль“, съ акомпаниментомъ кларнета и барабана.)

Гильмаръ (зажимая уши).—О-о-о!

Рёрлундъ.—Я думаю, намъ слѣдуетъ пока удалиться, mesdames. Это зрѣлище—не для насъ. Будемъ продолжать наши занятія.

Г-жа Берникъ.—Не спустить ли сторы?

Рёрлундъ.—Да, я именно это и думалъ.

(Дамы занимаютъ свои мѣста за столомъ. Рёрлундъ затворяетъ дверь въ садъ, опускаетъ портьеру и спускаетъ сторы; въ комнатѣ дѣлается полумракъ.)

Олафъ (выглядывая въ окно).—Мама, жена директора остановилась у фонтана и моетъ себѣ лицо!

Г-жа Берникъ.—Какъ? Посреди площади!

Г-жа Руммель.—И среди бѣлаго дня!

Гильмаръ.—Ну, еслибъ я странствовалъ въ пустынѣ и встрѣтилъ ключъ, я бы никогда не постѣснился... Фу! какой возмутительный кларнетъ!

Рёрлундъ.—Мнѣ кажется, полиціи слѣдовало бы вмѣшаться.

Берникъ.—О, нѣтъ; съ иностранцами не надо быть слишкомъ строгими. У этихъ людей нѣтъ того врожденнаго чувства деликатности, которое сдерживаетъ насъ въ надлежащихъ границахъ. Пусть они дѣлаютъ, что хотятъ,—намъ что до этого! Вся эта вульгарность—протестъ противъ порядочности и хорошихъ манеръ — къ счастью, не касается нашего общества... Это что значитъ?

(Незнакомая дама вдругъ входитъ изъ двери направо.)

Дамы (испуганныя, говорятъ вполголоса).—Женщина изъ цирка! Жена директора!

Г-жа Берникъ.—Боже мой! что же это такое?

Марта (вскакивая).—Ахъ!..

Дама.—Здравствуй, милая Бэтти! Здравствуй, Марта! Здравствуй, шуринъ!

Г-жа Берникъ (вскрикиваетъ).—Лона!..

Берникъ (отступая въ изумленіи).—Кого я вижу!..

Г-жа Гольтъ.—Боже мой!..

Г-жа Руммель.—Возможно ли!..

Гильмаръ.—О-хъ!

Г-жа Берникъ.—Лона! Ты ли это?..

Лона.—Я ли? Конечно, я. Поэтому вы можете заключить меня въ свои объятія.

Гильмаръ.—О-хъ!

Г-жа Берникъ.—И ты сюда пріѣхала?..

Берникъ.—Ты, въ самомъ дѣлѣ, думаешь выступить?..

Лона.—Какъ выступить?

Берникъ.—Я хочу сказать—въ циркѣ?

Лона.—Ха, ха, ха! Да ты съума сошелъ, шуринъ?! Ты думаешь, я принадлежу къ цирку? Нѣтъ, я подвизалась на многихъ поприщахъ и на многихъ опростоволосилась...

Г-жа Руммель.—Гм...

Лона.—Но я никогда не пробовала учиться всѣмъ этимъ фокусамъ верховой ѣзды.

Берникъ.—Такъ ты не?..

Г-жа Берникъ.—Слава Богу!

Лона.—Нѣтъ, мы пріѣхали сюда, какъ и прочіе порядочные люди, во второмъ классѣ, правда; но мы къ этому привыкли.

Г-жа Берникъ.—Вы?

Берникъ (выступая впередъ).—Кто же это *вы*?

Лона.—Какъ кто,—я и мой мальчикъ, разумѣется.

Дамы (восклицаютъ).—Вашъ мальчикъ!

Гильмаръ.—Что-о?

Рёрлундъ.—Ну, признаюсь...

Г-жа Берникъ.—О комъ же ты говоришь, Лона?

Лона.—Разумѣется, я говорю о Іонѣ; другого мальчика у ме нѣтъ, кромѣ Іона, или Іоганна, какъ вы его зовете.

-жа Берникъ.—Іоганнъ!..

-жа Руммель (въ сторону, г-жѣ Лингэ). — Это погибшій бр !

ерникъ (запинаясь).—Такъ Іоганнъ пріѣхалъ съ тобой?

Лона.—Разумѣется, разумѣется; я не хотѣла ѣхать безъ него. Но у всѣхъ у васъ такія разстроенныя лица! И вы сидите въ полумракѣ и шьете что-то бѣлое?—Ужъ не умеръ ли кто въ семьѣ?

Рёрлундъ.—Вы находитесь, г-жа Гессель, въ „Обществѣ поднятія нравственно-падшихъ“.

Лона (вполголоса).—Что вы говорите? Всѣ эти съ виду порядочныя дамы—неужели онѣ?..

Г-жа Руммель.—О, это ужъ слишкомъ!

Лона.—А, поняла, поняла! Боже мой, да вѣдь это г-жа Руммель! А вотъ и г-жа Гольтъ! Ну, всѣ мы не помолодѣли съ тѣхъ поръ какъ видѣлись въ послѣдній разъ. Но послушайте, друзья, оставьте на сегодняшній день нравственно-падшихъ: онѣ отъ этого не пострадаютъ. Такая радостная минута, какъ эта...

Рёрлундъ.—Возвращеніе на родину—не всегда радостная минута.

Лона.—Въ самомъ дѣлѣ? Какъ же вы читаете вашу библію, пасторъ?

Рёрлундъ.—Я не священникъ.

Лона.—Ну, такъ вы будете священникомъ когда-нибудь... Фи, однако, какъ скверно пахнетъ это высоко-нравственное бѣлье: совершенный саванъ! Я привыкла къ воздуху прэрій.

Берникъ (вытирая лобъ).—Да, здѣсь что-то тяжело дышется.

Лона.—Подождите минуту,—мы сейчасъ выйдемъ изъ склепа. (Отдергиваетъ занавѣси.) Здѣсь должно быть свѣтло, когда придетъ мой мальчикъ. Да,—вы увидите его чистымъ, умытымъ...

Гильмаръ.—О-хъ!

Лона (отворяя дверь и окна).—Я хочу сказать, когда онъ умоется тамъ въ гостинницѣ, потому что на пароходѣ становишься грязнымъ какъ кочегаръ.

Гильмаръ.—Фу, фу!

Лона.—Фу? Ну, въ самомъ дѣлѣ... (Указывая на Гильмара, спрашиваетъ у другихъ.) Чтò онъ все по прежнему слоняется и приговариваетъ ко всему *фу*?

Гильмаръ.—Я не слоняюсь; я живу здѣсь вслѣдствіе моей болѣзни.

Рёрлундъ.—Гм... mesdames, я не думаю, чтобы...

Лона (замѣтивъ Олафа).—Это твой сынъ, Бэтти? Дай мнѣ твою руку, дитя мое! Или ты боишься своей старой, некрасивс тетки?

Рёрлундъ (беретъ свою книгу подъ мышку).—Не думаю mesdames, чтобы мы расположены были работать еще сегодня Но мы соберемся опять завтра,—не такъ ли?

Лона (въ ту минуту, какъ всѣ встаютъ).—Да, соберемся вмѣстѣ; я буду здѣсь.

Рёрлундъ.—Вы? Извините, сударыня, но позвольте спросить, что *вы* будете дѣлать въ нашемъ обществѣ?

Лона.—Я васъ буду провѣтривать, пасторъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Лѣтній садъ въ домѣ консула Берника. Г-жа Берникъ сидитъ одна за столомъ и шьетъ. Послѣ нѣкотораго времени консулъ Берникъ входитъ справа, со шляпой, перчатками и палкой въ рукѣ.

Г-жа Берникъ.—Ты уже возвратился, Карстэнъ?

Берникъ.—Да, ко мнѣ придутъ по дѣлу.

Г-жа Берникъ (вздыхая).—Ахъ, вѣрно Іоганнъ скоро опять придетъ.

Берникъ.—Нѣтъ, не онъ, а одинъ изъ моихъ служащихъ. (Снимаетъ шляпу.)—Гдѣ же сегодня всѣ дамы?

Г-жа Берникъ.—Г-жѣ Руммель и Гильдѣ некогда было придти.

Берникъ.—Вотъ какъ! Онѣ прислали записку съ извиненіями?

Г-жа Берникъ.—Да, у нихъ очень много дѣла дома.

Берникъ.—Ну, разумѣется. И остальныя тоже, конечно, не придутъ?

Г-жа Берникъ.—Нѣтъ; и имъ что-то помѣшало.

Берникъ.—Этого можно было впередъ ожидать. А гдѣ Олафъ?

Г-жа Берникъ.—Я позволила ему прогуляться немного съ Диной.

Берникъ.—Гм... съ Диной... Это—легкомысленная дѣвочка. Очень ей нужно было вчера такъ много заниматься Іоганномъ!..

Г-жа Берникъ.—Но, Карстэнъ, другъ мой, Дина вѣдь понятія не имѣетъ.

Берникъ.—Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, Іоганнъ долженъ бы имѣть настолько такта, чтобы не обращать на нее вниманія. Посмотрѣла бы ты, какими глазами глядѣлъ на нихъ Вигеландъ.

Г-жа Берникъ (роняя работу на колѣни).—Карстэнъ, ты не знаешь, зачѣмъ они вернулись сюда?

Берникъ.—Гм... вѣроятно его ферма идетъ не совсѣмъ успѣшно; она намекнула вчера, что они не въ состояніи ѣздить въ первомъ классѣ...

Г-жа Берникъ.—Да, кажется, что такъ. Но какимъ обра-

зомъ она рѣшилась пріѣхать съ нимъ! Она! Послѣ того ужаснаго оскорбленія, которое она нанесла тебѣ!..

Берникъ.—Ахъ, не вспоминай больше объ этихъ старыхъ исторіяхъ!

Г-жа Берникъ.—Могу ли я не вспоминать ихъ? Онъ—мой родной братъ... и между тѣмъ я думаю не о немъ, а о всѣхъ непріятностяхъ, которыя онъ навлечетъ на тебя. Карстэнъ, я такъ боюсь...

Берникъ.—Чего ты боишься?

Г-жа Берникъ.—Скажи: могутъ арестовать его за деньги, которыя пропали у твоей матери?

Берникъ.—Какая нелѣпость! Кто можетъ доказать, что у нея пропали деньги?

Г-жа Берникъ.—Къ несчастью, весь городъ это знаетъ, и ты самъ говорилъ...

Берникъ.—Ничего я не говорилъ. Что можетъ знать объ этомъ городъ? Все это однѣ сплетни.

Г-жа Берникъ.—О, какой ты великодушный, Карстэнъ!

Берникъ.—Не разстроивай меня этими воспоминаніями,—прошу тебя! Ты не знаешь, какъ ты мучаешь меня, перебирая все это вновь. (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; затѣмъ отбрасываетъ въ сторону свою палку.)—Надо же было имъ возвратиться какъ разъ въ то время, когда мнѣ такъ необходимо безусловное сочувствіе и прессы, и города! Теперь пойдутъ писать статьи во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ. Какъ бы я ни принялъ этихъ гостей,—хорошо ли, дурно ли,—все равно будутъ разбирать и перетолковывать на всѣ лады мое поведеніе. Опять поднимутъ всѣ эти старыя исторіи,—ни дать, ни взять, какъ ты. Въ такомъ кругу, какъ нашъ... (Бросаетъ перчатки на столъ.)—И никого у меня нѣтъ здѣсь, кому бы я могъ довѣриться, въ комъ могъ бы найти поддержку!

Г-жа Берникъ.—Никого, Карстэнъ?..

Берникъ.—А кто жъ бы, напримѣръ?.. Конечно, никого. И надо же имъ было пріѣхать теперь! Они навѣрное устроятъ какой-нибудь скандалъ, такъ или иначе,—особенно она. Это прямо несчастье—имѣть такихъ родственниковъ.

Г-жа Берникъ.—Но это не моя вина, если...

Берникъ.—Что не твоя вина? Что у тебя такіе родные? Конечно, нѣтъ.

Г-жа Берникъ.—И не я просила ихъ возвращаться домой.

Берникъ.—Такъ, такъ! опять старая пѣсня. „*Я* не просила

ихъ пріѣхать; *я* имъ не писала, *я* не тащила ихъ за волосы домой".—О, я наизусть знаю всю эту исторію!

Г-жа Берникъ (со слезами).—О, какъ ты несправедливъ!

Берникъ.—Да, вотъ такъ, такъ; поплачь хорошенько, чтобы въ городѣ было о чемъ поболтать. Брось весь этотъ вздоръ, Бэтти! Ступай лучше туда, въ садъ; кто-нибудь можетъ взойти. Или ты хочешь, чтобы тебя видѣли съ красными глазами?—Да, это будетъ очень мило, если распространятся слухи, что... Я слышу, кто-то вошелъ въ переднюю... (Стучатъ.)—Войдите.

(Г-жа Берникъ уходитъ въ садъ съ своей работой. Аулеръ входитъ справа.)

Аулеръ.—Здравствуйте, консулъ!

Берникъ.—Здравствуйте. Вѣроятно, вы угадываете, о чемъ я хочу поговорить съ вами?

Аулеръ.—Вашъ секретарь сказалъ мнѣ вчера, что вы недовольны.

Берникъ.—Я вообще недоволенъ всѣмъ ходомъ дѣлъ на верфи, Аулеръ. Вы совсѣмъ не подвигаетесь съ поправками. „Пальма" давно уже должна быть въ морѣ. Вигеландъ давнымъ-давно уже пристаетъ ко мнѣ. Это пренесносный компаньонъ.

Аулеръ.—„Пальма" можетъ отплыть послѣ-завтра.

Берникъ.—Наконецъ!.. Но американское судно—„Дѣва Индіи", которая стоитъ здѣсь пять недѣль, и...

Аулеръ.—Американское судно? Я понялъ, что мы должны сначала всѣ силы направить на поправку вашего собственнаго корабля.

Берникъ.—Я не давалъ вамъ никакого повода такъ думать. Американскій корабль надо было поправить тоже въ скорѣйшемъ времени, а между тѣмъ онъ до сихъ поръ не готовъ.

Аулеръ.—Дно судна совсѣмъ прогнило, консулъ; чѣмъ болѣе мы чинимъ, тѣмъ хуже оно становится.

Берникъ. — Это не настоящая причина. Крапъ разсказалъ мнѣ всю правду. Вы не умѣете работать новыми машинами, — или, вѣрнѣе, вы не хотите работать ими.

Аулеръ. — Консулъ Берникъ, мнѣ скоро 60 лѣтъ; съ самаго отрочества я привыкъ къ старымъ порядкамъ...

Берникъ. — Они непригодны въ настоящее время. Не ду-ми[illegible]е, Аулеръ, что я хлопочу изъ-за матеріальныхъ выгодъ; къ сч[illegible]тью, я въ нихъ не нуждаюсь; но я долженъ принимать въ со[illegible]раженіе городъ, въ которомъ я живу, и дѣло, во главѣ котор[illegible] я стою. Прогрессъ долженъ исходить отъ меня, или его н[illegible]да не будетъ.

Аулеръ. — Я самъ стою за прогрессъ, консулъ.

Берникъ.—Да, за прогрессъ въ интересахъ вашего собственнаго узкаго круга, въ интересахъ одного рабочаго сословія. Я слышалъ про агитацію, которая исходитъ отъ васъ: вы говорите рѣчи, вы возбуждаете народъ; но когда дѣло доходитъ до осязательнаго проявленія прогрессивныхъ идей, какъ въ этомъ вопросѣ о машинахъ,—вы не желаете дѣйствовать, вы боитесь.

Аулеръ.—Да, я боюсь, консулъ; я боюсь за многихъ, которыхъ машины лишатъ насущнаго куска хлѣба. Вы такъ часто говорите о долгѣ относительно общества, консулъ; но мнѣ кажется, что и общество также имѣетъ свои обязанности. Какъ могутъ наука и капиталъ примѣнять на практикѣ новыя изобрѣтенія, пока общество не воспитало поколѣнія, умѣющаго обращаться съ нимъ?

Берникъ.—Вы слишкомъ много читаете и умствуете, Аулеръ; вамъ это не въ прокъ; это дѣлаетъ васъ недовольнымъ своимъ положеніемъ.

Аулеръ.—Нѣтъ, консулъ,—не то. Просто я не могу равнодушно видѣть, какъ изъ-за этихъ машинъ одинъ хорошій рабочій за другимъ обрекаются на безработицу и голодъ.

Берникъ.—Гм... Когда изобрѣли книгопечатаніе, многимъ переписчикамъ также пришлось умирать съ голоду.

Аулеръ.—И что же—вы бы радовались этому изобрѣтенію консулъ, еслибъ сами были въ то время переписчикомъ?

Берникъ.—Я за вами послалъ вовсе не для того, чтобы разсуждать съ вами, а чтобы сказать вамъ, что „Дѣва Индіи“ должна быть готова къ отплытію послѣ-завтра.

Аулеръ.—Но, консулъ...

Берникъ.—Послѣ-завтра, слышите, — одновременно съ нашимъ кораблемъ, ни единымъ часомъ позже. У меня свои причины, чтобы торопиться съ этимъ. Вы читали сегодняшнюю газету?.. А! такъ вы знаете, что американцы опять подняли у насъ безпорядки. Безстыдная шайка переворачиваетъ весь городъ вверхъ дномъ. Ни одной ночи не проходитъ безъ свалокъ въ трактирахъ или на улицѣ, не говоря уже о другихъ мерзостяхъ.

Аулеръ.—Да, это, конечно, народъ негодный.

Берникъ.—И на кого падаетъ отвѣтственность за все это?— На меня!—да, я страдаю за все это. Эти газетные писаки исподтишка укоряютъ насъ за то, что мы направили всю рабочую силу на поправку „Пальмы“. И я, который долженъ служить примѣромъ для моихъ согражданъ,—я долженъ выслушивать та

кія обвиненія! Я не потерплю этого. Я не позволю такъ пятнать мое имя.

Аулеръ.—О, ваше имя такъ уважаемо, что оно способно выдержать не только это...

Берникъ.—Да, но не теперь: именно въ эту минуту я нуждаюсь въ полномъ уваженіи и расположеніи моихъ согражданъ. Я замышляю большое предпріятіе, какъ вы слышали, вѣроятно; но если злонамѣреннымъ лицамъ удастся поколебать безусловно довѣріе ко мнѣ со стороны общества, это можетъ вовлечь меня въ величайшія затрудненія. Я долженъ во что бы то ни стало избѣжать клеветы этихъ злобныхъ писакъ. Вотъ почему я назначаю вамъ двухъ-дневный срокъ.

Аулеръ.—Вы могли бы, точно также, дать мнѣ двухъ-часовой срокъ, консулъ.

Берникъ.—Вы хотите сказать, что я требую невозможнаго?

Аулеръ.—Да, при настоящемъ рабочемъ составѣ...

Берникъ.—О, въ такомъ случаѣ намъ придется принять другія мѣры.

Аулеръ.—Неужели вы хотите разсчитать еще кого-нибудь изъ старыхъ рабочихъ?

Берникъ.—Нѣтъ, я думаю не объ этомъ.

Аулеръ.—Вѣдь это возбудило бы недовольство и въ городѣ, и въ газетахъ.

Берникъ.—Весьма вѣроятно; поэтому я и не сдѣлаю этого. Но если „Дѣва Индіи“ не будетъ готова послѣ-завтра, я откажу вамъ.

Аулеръ (вздрогнувъ).—Мнѣ?—(Смѣясь.) Это, конечно, только шутки, консулъ.

Берникъ.—Напрасно вы такъ думаете.

Аулеръ.—Вы не откажете мнѣ! Вѣдь и отецъ мой, и дѣдъ всю жизнь проработали на верфи, и самъ я...

Берникъ.—А кто же заставляетъ меня прибѣгать къ этому?

Аулеръ.—Вы требуете невозможнаго, консулъ.

Берникъ.—Твердая воля не знаетъ препятствій. Да или нѣтъ?—Отвѣчайте мнѣ сейчасъ, или я теперь же разсчитаю васъ.

Аулеръ (подходя къ нему).—Консулъ Берникъ, подумали ли вы, чтò значитъ отказать старому рабочему? Вы скажете,—онъ м[illegible]етъ поискать другой работы? О, да, конечно,—но развѣ въ э[illegible]тъ дѣло? Еслибъ вы могли заглянуть въ домъ разсчитаннаго р[illegible]чаго въ тотъ вечеръ, когда онъ возвращается домой и при[illegible]тъ съ собой ящикъ съ своими инструментами!

Берникъ.—Неужели, вы думаете, мнѣ легко разстаться съ вами? Развѣ я не былъ всегда добрымъ хозяиномъ для васъ?

Аулеръ.—Тѣмъ хуже, консулъ. Именно вслѣдствіе этого мои домашніе не станутъ обвинять васъ. Они и мнѣ ничего не скажутъ, потому что у нихъ не хватитъ духу; но они украдкой будутъ посматривать на меня и думать: „онъ, вѣрно, заслужилъ это".—Видите ли... этого, видите ли... этого я не могу вынести. Какъ я ни бѣденъ, я всегда былъ главой своей семьи. Моя скромная семья сама представляетъ небольшую общину, консулъ Берникъ. Эту маленькую общину я въ состояніи былъ поддерживать и направлять, потому что и жена моя, и дѣти вѣрили въ меня. И теперь все это должно рушиться.

Берникъ.—Что дѣлать! Если другого исхода нѣтъ, то иначе быть не можетъ; меньшее должно уступить бòльшему, единица должна быть принесена въ жертву общему. Я не могу дать вамъ другого отвѣта; повѣрьте, что такъ водится во всемъ мірѣ. Но вы упрямый человѣкъ, Аулеръ! Вы оказываете мнѣ сопротивленіе не потому, что не можете поступить иначе, но потому, что не хотите доказать превосходства машинъ надъ ручнымъ трудомъ.

Аулеръ.—А вы настаиваете, консулъ, зная, что если вы меня разсчитаете, то, по крайней мѣрѣ, докажете газетамъ вашу ревность къ общественному дѣлу.

Берникъ.—А еслибы и такъ? Вы слышали, въ какой я дилеммѣ: мнѣ приходится или привлечь на свою сторону газеты, или подвергнуться ихъ нападкамъ, какъ разъ въ ту минуту, какъ я работаю для великой и благодѣтельной цѣли. Разсудите—могу ли я дѣйствовать иначе? Повторяю: чтобы поддержать вашу семью, какъ вы говорите, пришлось бы пожертвовать сотней другихъ семействъ. Сотни семействъ никогда не будутъ обезпечены, не пріобрѣтутъ собственнаго очага, если не удастся настоящее мое предпріятіе. Предоставляю вамъ выборъ.

Аулеръ.—Если такъ, мнѣ ничего болѣе не остается сказать.

Берникъ.—Гм... Другъ мой Аулеръ, я отъ души сожалѣю, что мы должны разстаться.

Аулеръ.—Мы *не* разстанемся, консулъ Берникъ.

Берникъ.—Какимъ же образомъ?

Аулеръ.—Даже у простого человѣка, какъ я, есть за что бороться въ этомъ мірѣ.

Берникъ.—Конечно, конечно. Такъ, значитъ, вы можете обѣщать?..

Аулеръ.—„Дѣва Индіи" будетъ готова послѣ-завтра.

(Кланяется и уходитъ направо.)

Берникъ.—А-а! я сломилъ-таки его упрямство. Это хорошее предзнаменованіе...

(Гильмаръ Тöнезэнъ, съ сигарой во рту, входитъ чрезъ калитку сада.)

Гильмаръ (съ лѣстницы).—Здравствуй, Бэтти! Здравствуй, Берникъ!

Г-жа Берникъ.—Здравствуй.

Гильмаръ.—Я вижу,—ты плакала. Такъ вы все знаете?

Г-жа Берникъ.—Что?

Гильмаръ.—Что скандалъ въ полномъ разгарѣ! О-хъ!

Берникъ.—Что ты хочешь сказать?

Гильмаръ (входя въ комнату).—Да то, что оба американца разгуливаютъ по улицамъ въ обществѣ Дины Дорфъ.

Г-жа Берникъ (входя въ комнату).—О, Гильмаръ, — можетъ ли быть?..

Гильмаръ.—Къ несчастью, это такъ! Лона имѣла даже безтактность назвать *меня*; но я, натурально, притворился, что не слышу.

Берникъ.—И, конечно, — все это не прошло незамѣтно.

Гильмаръ.—Разумѣется. Прохожіе останавливались и смотрѣли на нихъ. Это разнеслось молніей по всему городу. Во всѣхъ домахъ люди выглядывали изъ оконъ за занавѣсками, въ ожиданіи процессіи. О-хъ!—Извините меня, Бэтти; я охаю такъ потому, что все это разстроиваетъ мои нервы. Если это будетъ продолжаться, я на время уѣду куда-нибудь подальше.

Г-жа Берникъ.—Но тебѣ слѣдовало бы поговорить съ нимъ и представить ему...

Гильмаръ.—На улицѣ, при всѣхъ? Нѣтъ, благодарю покорно. И какъ этотъ господинъ осмѣлился показываться здѣсь! Ну, посмотримъ, не укротятъ ли его газеты. Извини, Бэтти, но...

Берникъ.—Газеты, говоришь ты? Развѣ ты слышалъ какіе-нибудь намеки?

Гильмаръ.—Еще бы! Когда я ушелъ отсюда вчера вечеромъ, я зашелъ въ клубъ. По молчанію, внезапно водворившемуся при моемъ появленіи, я понялъ ясно, что рѣчь шла о двухъ американцахъ. Затѣмъ пришелъ этотъ нахальный редакторъ Гаммеръ и при всѣхъ поздравилъ меня съ возвращеніемъ моего богатаго [родс]твенника.

Берникъ.—Богатаго?..

Гильмаръ.—Да, онъ такъ выразился. Я смѣрилъ его съ [голо]вы до ногъ съ тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ заслуживалъ, [и да]лъ ему понять, что ничего не знаю о богатствѣ Іоганна Тöне-

зэна.—„Въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ онъ,—это странно. Въ Америкѣ всѣ обыкновенно богатѣютъ, у кого есть кой-какія средства, а вашъ двоюродный братъ отправился не съ пустыми руками".

Берникъ.—Гм... прошу тебя...

Г-жа Берникъ (взволнованно).—Вотъ видишь, Карстэнъ!..

Гильмаръ.—Ну, во всякомъ случаѣ я ни на минуту не могъ заснуть, думая объ этомъ молодцѣ. А теперь онъ разгуливаетъ по улицамъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Отчего съ нимъ не кончили сразу. Невѣроятно, какъ живучи иные люди.

Г-жа Берникъ.—Ахъ, Гильмаръ, что ты говоришь?

Гильмаръ.—Ничего особеннаго не говорю. Но вотъ онъ остался цѣлъ послѣ всѣхъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ и послѣ борьбы съ калифорнскими медвѣдями и съ черноногими индѣйцами; его даже не скальпировали... О-хъ! да вотъ и они.

Берникъ (выглядывая на улицу).—И Олафъ съ ними.

Гильмаръ.—Да, разумѣется; имъ же нужно напомнить, что они принадлежатъ къ первой семьѣ въ городѣ. Смотрите, смотрите,—вонъ выходятъ всѣ зѣваки изъ москательной лавки, чтобы поглазѣть на нихъ и дѣлать свои замѣчанія. Право, это черезъчуръ дѣйствуетъ на мои нервы; какъ вы тутъ прикажете, при такихъ обстоятельствахъ, высоко держать знамя идеала...

Берникъ.—Они идутъ прямо сюда. Слушай, Бэтти,—я тебя убѣдительно прошу: будь все-таки съ ними какъ можно дружелюбнѣе!

Г-жа Карстэнъ.—Ты мнѣ позволяешь это, Карстэнъ?

Берникъ.—Конечно, конечно; и ты тоже, Гильмаръ. Надѣюсь, они не останутся здѣсь долго; а когда мы одни съ ними, надо избѣгать всякихъ намековъ... ничѣмъ не оскорблять ихъ.

Г-жа Берникъ.—О, Карстэнъ, какой же ты благородный!

Берникъ.—Ну, ну, хорошо.

Г-жа Берникъ.—Нѣтъ, дай мнѣ поблагодарить тебя. Прости, что я раньше погорячилась. Ты имѣлъ полное основаніе.

Берникъ.—Ну, хорошо, хорошо.

Гильмаръ.—О-хъ!

(Іоганнъ Тӧнезэнъ и Дина, за ними Лона и Олафъ, входятъ изъ сада.)

Лона.—Здравствуйте, здравствуйте, друзья мои!

Іоганнъ.—Мы осматривали знакомыя мѣста, Карстэнъ.

Берникъ.—Да, я слышалъ. Много перемѣнъ,—не правда ли?

Лона.—Вездѣ видны добрыя и великія дѣянія консула Берника. Мы были въ саду, который ты подарилъ городу...

Берникъ.—Ну, оставимъ это!

Лона.—„Даръ консула Берника", какъ гласитъ надпись у входа. Да, ты здѣсь—первый человѣкъ.

Іоганнъ.—И какіе у тебя великолѣпные корабли!—Я встрѣтилъ моего школьнаго товарища, капитана „Пальмы".

Лона.—Ты построилъ и новую школу.

Іоганнъ.—Я слышалъ, что городъ обязанъ тебѣ также газовымъ освѣщеніемъ и водопроводомъ.

Берникъ.—О, надо работать для блага города, въ которомъ живешь.

Лона.—Это прекрасно, Берникъ; пріятно также видѣть, какъ тебя цѣнятъ здѣсь. Я, кажется, не тщеславна, но не могла удержаться, чтобы не напомнить тому и другому, съ кѣмъ пришлось говорить,—что и мы тоже принадлежимъ къ вашей семьѣ.

Гильмаръ.—О-хъ!..

Лона.—Ты опять—„о-хъ!"?

Гильмаръ.—Нѣтъ, я сказалъ—„а-хъ!"...

Лона.—Вы здѣсь совсѣмъ одни сегодня!

Г-жа Берникъ.—Да, сегодня мы совсѣмъ одни.

Лона.—Кстати, мы встрѣтили на рынкѣ одну или двухъ изъ „падшихъ"; онѣ, казалось, были очень заняты. Но мы еще ни разу какъ слѣдуетъ не поговорили... Вчера были здѣсь три піонерки прогресса, и пасторъ также...

Гильмаръ.—Ректоръ.

Лона.—Я зову его пасторомъ. Но скажите, что̀ вы думаете о результатѣ моихъ трудовъ? Не правда ли, какой онъ сталъ славный малый? Кто бы узналъ въ немъ повѣсу, бѣжавшаго изъ дома пятнадцать лѣтъ тому назадъ!

Гильмаръ.—А-а!..

Іоганнъ.—О, Лона, не хвались слишкомъ!

Лона.—Какъ!—я не могу гордиться тобой? Господи Боже, да это единственное дѣло, которое я сдѣлала въ жизни...

Гильмаръ.—Хорошее дѣло... О-хъ!

Лона.—Да, Іоганнъ, какъ подумаешь, какъ мы вдвоемъ начали жизнь тамъ, съ пустыми руками...

Гильмаръ.—Съ пустыми? Ну, признаюсь!..

Лона.—Въ чемъ ты признаешься?

Берникъ.—Гм!

Гильмаръ.—Да, признаться сказать — о-хъ!

(Выходитъ на лѣстницу.)

Лона. — Что съ нимъ?

Берникъ.—Не обращайте на него вниманія,—онъ въ нерв-

номъ настроеніи. Не хочешь ли взглянуть на садъ? Ты еще не была тамъ, а я теперь пока свободенъ.

Лона.—Съ удовольствіемъ. Вы не повѣрите, какъ часто я мысленно бывала съ вами здѣсь въ саду.

Г-жа Берникъ.—О, ты увидишь тамъ большія перемѣны.

(Консулъ, жена его и Лона идутъ въ садъ, гдѣ они показываются, отъ времени до времени, въ продолженіе всей сцены.)

Олафъ (у двери сада).—Дядя Гильмаръ, знаешь ли, что̀ спросилъ у меня дядя Іоганнъ? Онъ спросилъ, не хочу ли я ѣхать съ нимъ въ Америку.

Гильмаръ.—Какъ, ты, этакій дурачокъ,—все еще за юбку матери цѣпляешься?

Олафъ.—Да, но этого послѣ не будетъ. Вотъ увидишь, когда я выросту большой...

Гильмаръ.—Экій вздоръ! Вѣдь не хочешь же ты въ самомъ дѣлѣ быть...

(Сходятъ вмѣстѣ въ садъ.)

Іоганнъ (обращаясь къ Динѣ, которая сняла свою шляпу и стоитъ у двери направо, отряхая пыль съ своего платья).—Прогулка согрѣла васъ.

Дина.—Да, какъ было хорошо! Никогда еще не гуляла я съ такимъ наслажденіемъ.

Іоганнъ.—Вы, вѣроятно, рѣдко гуляете утромъ.

Дина.—Очень рѣдко; я гуляю только съ Олафомъ.

Іоганнъ.—А! Можетъ быть, вы теперь предпочли бы идти въ садъ?

Дина.—Нѣтъ, я предпочитаю остаться здѣсь.

Іоганнъ.—И я также. Итакъ, рѣшено — мы будемъ гулять каждое утро?

Дина.—Нѣтъ, лучше мы не будемъ этого дѣлать, г-нъ Тѐнезэнъ.

Іоганнъ.—Почему же? Вѣдь вы обѣщали.

Дина.—Да, но, обдумавъ... Нѣтъ, лучше не гуляйте со мной!

Іоганнъ.—Почему же?

Дина.—Ахъ, вѣдь вы здѣсь чужой человѣкъ; вотъ вы и не понимаете; но я должна сказать вамъ...

Іоганнъ.—Ну?

Дина.—Нѣтъ, впрочемъ, я предпочитаю не говорить.

Іоганнъ.—Да нѣтъ,—вы можете сказать мнѣ все, что̀ хотите

Дина.—Такъ я скажу вамъ, что я не такая, какъ другія дѣвушки; во мнѣ есть нѣчто... нѣчто особенное. Вотъ почему вы не должны гулять со мной.

Іоганнъ.—Но я васъ совсѣмъ не понимаю. Вѣдь вы ничего не сдѣлали дурного?

Дина.—Нѣтъ, не я, но... нѣтъ, болѣе я ничего не скажу. Вы, безъ сомнѣнія, услышите это отъ другихъ.

Іоганнъ.—Гм...

Дина.—Но я хотѣла спросить у васъ еще о другомъ.

Іоганнъ.—О чемъ же?

Дина.—Дѣйствительно ли такъ легко жить съ пользой тамъ въ Америкѣ?

Іоганнъ.—Нѣтъ, это не всегда *легко*; часто приходится много страдать и много трудиться вначалѣ.

Дина.—Этого бы я и желала.

Іоганнъ.—Вы?

Дина.—Я могу порядочно работать; я сильна и здорова, и тетя Марта многому научила меня.

Іоганнъ.—Такъ чего же еще, чортъ побери! Ѣдемте съ нами.

Дина.—Вы это такъ только,—шутя; вы и Олафу говорили то же. Но мнѣ хотѣлось бы прежде знать: что̀—люди тамъ очень... очень нравственны, понимаете?

Іоганнъ.—Нравственны?

Дина.—Да, я хочу сказать,—что̀ они также... такъ же приличны, и благовоспитанны, какъ здѣсь?

Іоганнъ.—Ну, во всякомъ случаѣ, они не такъ плохи, какъ здѣсь думаютъ. Вы этого не опасайтесь.

Дина.—Вы не понимаете меня. Я именно желаю, чтобы они не были такіе же приличные и высоконравственные.

Іоганнъ.—Въ самомъ дѣлѣ? Такъ какими же желали бы вы ихъ видѣть?

Дина.—Я желала бы, чтобъ они были естественны.

Іоганнъ.—Что-жъ, быть можетъ, они именно таковы.

Дина.—Такъ Америка—самое подходящее для меня мѣсто.

Іоганнъ.—Да, конечно! Ну, такъ и поѣзжайте съ нами.

Дина.—Нѣтъ, только не съ вами; я должна ѣхать одна. О, я бы съумѣла устроиться; я была бы молодцомъ...

Берникъ (внизу у лѣстницы съ обѣими дамами). — Подождите здѣсь, подождите; я принесу, милая Бэтти. Ты можешь такъ п[illegible]тудиться.

(Входитъ въ комнату и ищетъ шаль жены.)

Г-жа Берникъ (изъ сада). — Приходи и ты, Іоганнъ; мы [illegible]ъ въ гротъ.

Берникъ.—Нѣтъ, Іоганнъ пусть останется пока здѣсь. Вотъ,

Дина, возьми шаль жены и ступай съ ними. Іоганнъ останется со мной, милая Бэтти. Я хочу разспросить его объ Америкѣ.

Г-жа Берникъ.—Хорошо; такъ приходите къ намъ послѣ; ты знаешь, гдѣ насъ найти.

(Г-жа Берникъ, Лона и Дина спускаются въ садъ, слѣва.)

Берникъ (съ минуту провожаетъ ихъ взглядомъ, идетъ и затворяетъ вторую дверь налѣво, затѣмъ подходитъ къ Іоганну, схватываетъ его за руки, потрясаетъ и, говоря, горячо жметъ ихъ).—Іоганнъ, наконецъ мы одни, и теперь позволь мнѣ поблагодарить тебя.

Іоганнъ.—За что?!

Берникъ.—Мой домашній очагъ, мое семейное счастіе, мое общественное положеніе,—я всѣмъ обязанъ тебѣ.

Іоганнъ.—Я очень радъ, милый Карстэнъ; значитъ, изъ этой нелѣпой исторіи все-таки вышло и хорошее.

Берникъ (жметъ ему опять руки).—Благодарю тебя, сердечно благодарю! Изъ десяти тысячъ ни единый человѣкъ не сдѣлалъ бы того, что̀ ты сдѣлалъ для меня.

Іоганнъ.—Ну, вотъ пустяки! Развѣ мы не были оба молоды и легкомысленны? Одинъ изъ насъ долженъ же былъ взять вину на себя...

Берникъ.—Но кого это ближе касалось, какъ не виновнаго?

Іоганнъ.—Постой! *Тогда* это ближе касалось невиннаго. Я былъ сирота, одинокъ, свободенъ; для меня было прямо счастьемъ избавиться отъ конторской рутины. Съ другой стороны,—у тебя была старуха-мать; и притомъ, ты былъ тайно помолвленъ съ Бэтти, и она тебя любила. Что̀ бы съ ней сталось, еслибъ она узнала?..

Берникъ.—Правда, да, правда; но...

Іоганнъ.—И не ради ли Бэтти ты разорвалъ связь съ г-жей Дорфъ? Желая положить всему этому конецъ, ты пришелъ къ ней въ тотъ вечеръ...

Берникъ.—Да, въ тотъ роковой вечеръ, когда это пьяное животное возвратилось домой!.. Да, Іоганнъ, я сдѣлалъ это ради Бэтти; но все же—взять на себя стыдъ и оставить родину...

Іоганнъ.—Какіе тутъ счеты, милый Карстэнъ! Мы рѣшили это такъ: тебя надо было спасти, и ты былъ моимъ другомъ. Я прозябалъ здѣсь несчастнымъ затворникомъ, когда ты возвратился вполнѣ образованнымъ, развитымъ изъ своего заграничнаго путешествія; ты побывалъ и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ. Затѣмъ ты сдѣлалъ меня своимъ ближайшимъ другомъ, хотя я на четыре года былъ моложе тебя. Конечно, ты это сдѣлалъ потому, что былъ

влюбленъ въ Бэтти; теперь я это отлично понимаю. Но какъ я гордился этимъ въ то время! Да и кто бы не возгордился на моемъ мѣстѣ? Кто бы добровольно не пожертвовалъ собою ради тебя, особенно когда дѣло шло лишь о городскихъ пересудахъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль и о переселеніи въ Новый Свѣтъ?

Берникъ.—Гм... милый Іоганнъ, я долженъ признаться тебѣ, что исторія эта и теперь еще не совсѣмъ позабыта.

Іоганнъ.—Въ самомъ дѣлѣ? Но что же мнѣ до того, если я опять возвращаюсь къ своей фермѣ!

Берникъ.—Такъ ты уѣзжаешь?

Іоганнъ.—Разумѣется.

Берникъ.—Но еще не такъ скоро, надѣюсь?

Іоганнъ.—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я и пріѣхалъ сюда въ угоду Лонѣ.

Берникъ.—Въ самомъ дѣлѣ! Какъ же такъ?

Іоганнъ.—Вотъ видишь, Лона уже не молода, и съ нѣкоторыхъ поръ на нее напала тоска по родинѣ, хотя она и не признается въ этомъ.—(Улыбаясь). Она не рѣшалась покинуть легкомысленнаго юношу, какъ я, который уже на двадцатомъ году запутался...

Берникъ.—Ну?

Іоганнъ.—И вотъ, Карстэнъ, я долженъ сдѣлать признаніе, за которое мнѣ, право, совѣстно...

Берникъ.—Ты не сказалъ ей всю правду?

Іоганнъ.—Нѣтъ, сказалъ. Это было нехорошо, но мнѣ нельзя было поступить иначе. Ты не можешь представить себѣ, чѣмъ была для меня Лона. Ты никогда не могъ выносить ее; но для меня она была матерью. Въ первые годы тамъ, когда мы такъ бѣдствовали, — о, какъ она работала! И когда я долгое время былъ боленъ и ничего не заработывалъ, она стала пѣть въ кофейняхъ,—я не могъ удержать ее отъ этого,—читала лекціи народу, который смѣялся надъ ней; написала книгу, которую сама осмѣяла и оплакала,—и все это чтобы поддержать меня. Прошлой зимой, видя, что она тоскуетъ,—она, которая работала и мучилась для меня,—могъ ли я сидѣть на мѣстѣ и спокойно относиться къ этому? Нѣтъ, Карстэнъ, это было невозможно. И тогда я сказалъ ей: „Поѣзжай, Лона; обо мнѣ не безпокойся. Я не такъ легкомысленъ, какъ ты думаешь“. И затѣмъ,—затѣмъ я все разсказалъ ей.

Берникъ.—И какъ же она это приняла?

Іоганнъ.—Она сказала, и совершенно справедливо, что такъ какъ я невиненъ, то мнѣ нѣтъ причины не пріѣхать сюда. Но

не бойся, Лона ничего не разскажетъ; а я—въ другой разъ не проговорюсь.

Берникъ.—Да, да, я въ этомъ увѣренъ.

Іоганнъ.—Вотъ моя рука. И теперь не будемъ болѣе говорить объ этой старой исторіи; къ счастію, надѣюсь,—это единственная продѣлка, въ которой ты или я были когда-либо замѣшаны. Теперь я хочу какъ слѣдуетъ насладиться немногими днями, которые проведу здѣсь. Ты не можешь себѣ представить, какъ мы славно прогулялись сегодня. Кто бы подумалъ, что эта дѣвочка, представлявшая ангеловъ на сценѣ... Но скажи мнѣ, — что̀ сталось впослѣдствіи съ ея родителями?

Берникъ.—Ахъ, другъ мой, я ничего не могу разсказать тебѣ, кромѣ того, что̀ писалъ тотчасъ послѣ твоего отъѣзда. Вѣдь ты, конечно, получилъ мои два письма?

Іоганнъ.—Да, конечно; оба. Пьяный негодяй бросилъ ее?

Берникъ.—И вскорѣ былъ убитъ во время попойки.

Іоганнъ.—И она скоро тоже умерла? Вѣроятно, ты сдѣлалъ для нея все, что̀ могъ сдѣлать, не возбуждая вниманія?

Берникъ.—Она была очень горда; она ничего не выдала, но ничего также не хотѣла принять.

Іоганнъ.—Во всякомъ случаѣ, ты хорошо поступилъ, что взялъ къ себѣ Дину.

Берникъ.—Конечно, конечно... Но, въ сущности, все это устроила Марта.

Іоганнъ.—А, Марта? Кстати, гдѣ она сегодня?

Берникъ.—О, она постоянно занята или въ школѣ, или съ своими больными.

Іоганнъ.—Такъ Марта взяла на себя заботы о ней?

Берникъ.—Да; Марта всегда имѣла слабость къ педагогіи,—потому-то она и взяла мѣсто въ народной школѣ. Это было колоссальной глупостью съ ея стороны.

Іоганнъ.—Правда, она была очень утомлена вчера; я боюсь, что здоровье ея не выдержитъ этого.

Берникъ.—О, что касается ея здоровья,—я полагаю, все обстоитъ благополучно. Но это непріятно для меня. Можно подумать, что я, ея братъ, не желаю содержать ее.

Іоганнъ.—Содержать ее? Я полагалъ, у нея достаточно собственныхъ средствъ...

Берникъ.—У нея нѣтъ ни гроша. Ты, вѣроятно, помнишь, въ какихъ затрудненіяхъ была моя мать, когда ты уѣзжалъ. Она продержалась нѣкоторое время съ моей помощью; но, конечно, въ концѣ концовъ, такъ продолжаться не могло. Поэтому я вст-

пилъ въ компанію; но еще тогда дѣла шли нехорошо. Наконецъ, я принужденъ былъ взять въ свои руки все дѣло, и когда мы подвели счеты, на долю моей матери почти ничего не осталось, и такъ какъ она скоро умерла, Марта осталась ни при чемъ.

Іоганнъ.—Бѣдная Марта!

Берникъ.—Бѣдная! Почему же? Вѣдь не можешь же ты думать, что я оставляю ее въ нуждѣ? О, нѣтъ, кажется, можно сказать: я—хорошій братъ. Разумѣется, она живетъ съ нами и раздѣляетъ нашъ столъ; жалованья для нея вполнѣ достаточно, чтобы одѣться. Чего же еще нужно одинокой женщинѣ?

Іоганнъ.—Гм... не такъ думаемъ мы въ Америкѣ.

Берникъ.—Еще бы! Въ такомъ расшатанномъ обществѣ, какъ американское... Но здѣсь, въ нашемъ маленькомъ кругу, куда, слава Богу, развратъ еще не проникъ, женщины довольствуются скромнымъ и приличнымъ положеніемъ. Что касается остального, Марта сама виновата; она уже давно могла бы устроиться, еслибъ пожелала.

Іоганнъ.—Ты хочешь сказать, что она могла бы выйти замужъ?

Берникъ.—Да, и даже составить очень хорошую партію; ей было сдѣлано нѣсколько хорошихъ предложеній; это довольно странно, — женщина безъ средствъ, уже немолодая и, притомъ, совершенно незначительная...

Іоганнъ.—Незначительная?

Берникъ.—Я не порицаю ее за то. Я бы даже не хотѣлъ, чтобы она была другою. Знаешь, въ такомъ большомъ домѣ, какъ нашъ, всегда удобно имѣть положительную особу, какъ она, которой можно поручить всякое дѣло.

Іоганнъ.—Да, но она сама...

Берникъ.—Она? Ну, что-жъ она? у нея есть не мало близкихъ лицъ, которыми она можетъ интересоваться, — и Бэтти, и Олафъ, и я. Люди не должны прежде всего думать о себѣ; женщины—менѣе всего. У всѣхъ у насъ есть своя община, великая или маленькая, которую мы должны поддерживать, и ради которой должны работать. По крайней мѣрѣ, такъ поступаю я. (Указывая на Крапа, который входитъ справа.) Посмотри, вотъ тебѣ доказательство. Ты думаешь, я занимаюсь собственнымъ дѣломъ? - чсколько. (Поспѣшно обращаясь къ Крапу.)—Ну?

Крапъ (говоритъ шопотомъ, указывая на связку бумагъ).—В бумаги готовы.

Берникъ.—Отлично! превосходно!—Іоганнъ, извини, если я о ѣлю тебя на минуту. (Тихо, пожимая ему руку.)—Благодарю

тебя, благодарю, Іоганнъ, и будь увѣренъ, что если я могу для тебя что-нибудь сдѣлать... ну, ты понимаешь!.. Пойдемте, Крапъ! (Уходитъ въ свою контору.)

Іоганнъ (слѣдитъ за нимъ нѣкоторое время взглядомъ).—Гм!..

(Собирается идти въ садъ. Въ эту минуту Марта входитъ справа, съ маленькой корзинкой въ рукахъ.)

Іоганнъ.—А, Марта!

Марта.—Ахъ, Іоганнъ,—это ты!

Іоганнъ.—Ты спѣшишь куда-то?

Марта.—Да... Подожди немножко; всѣ скоро придутъ.

Іоганнъ.—Слушай, Марта, ты всегда такъ спѣшишь?

Марта.—Я?

Іоганнъ.—Вчера ты все время сторонилась отъ меня: я не могъ съ тобой слова сказать, и сегодня...

Марта.—Да, но...

Іоганнъ.—Прежде мы, какъ товарищи дѣтства, всегда были вмѣстѣ.

Марта.—Ахъ, Іоганнъ, это было много, много лѣтъ тому назадъ!

Іоганнъ.—Да, это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ,—ни болѣе, ни менѣе. Можетъ быть, ты находишь, я очень измѣнился съ тѣхъ поръ?

Марта.—Ты? О, да, и ты также, хотя...

Іоганнъ.—Что ты хочешь сказать?

Марта.—Нѣтъ, ничего.

Іоганнъ.—Ты, кажется, не особенно рада моему возвращенію.

Марта.—Я ждала такъ долго, Іоганнъ,—слишкомъ долго!

Іоганнъ.—Ждала? Меня?

Марта.—Да.

Іоганнъ.—Почему же ты думала, что я долженъ вернуться?

Марта.—Чтобы искупить свой грѣхъ.

Іоганнъ.—Я?

Марта.—Развѣ ты позабылъ, что изъ-за тебя умерла женщина въ позорѣ и нуждѣ? Развѣ ты забылъ, что по твоей винѣ были омрачены лучшіе годы въ жизни молодой дѣвушки?

Іоганнъ.—И я долженъ слышать это отъ тебя? Марта, развѣ твой братъ никогда?..

Марта.—Мой братъ... Что же?

Іоганнъ.—Развѣ онъ никогда... о, я хочу сказать,—развѣ онъ никогда не сказалъ слова въ мою защиту?

Марта.—Іоганнъ, вѣдь тебѣ извѣстны строгіе принципы Карстэна?

Іоганнъ.—Гм!—Конечно, конечно,—да, я знаю строгіе принципы моего стараго друга Карстэна. Но вѣдь это однако... Я сейчасъ разговаривалъ съ нимъ. Мнѣ кажется, онъ во многихъ отношеніяхъ очень перемѣнился.

Марта.—Какъ ты можешь это говорить? Карстэнъ всегда былъ отличнымъ человѣкомъ...

Іоганнъ.—Я не то хотѣлъ сказать, но оставимъ это... Гм! теперь я понимаю, въ какомъ свѣтѣ я тебѣ представлялся: ты ждала возвращенія блуднаго сына.

Марта.—Слушай, Іоганнъ, я скажу, въ какомъ свѣтѣ я видѣла тебя. (Указываетъ по направленію къ саду.)—Видишь эту дѣвушку, играющую на травѣ съ Олафомъ?—Это Дина. Помнишь ли неясное письмо, которое ты написалъ мнѣ, уѣзжая? Ты просилъ меня, чтобы я вѣрила тебѣ. И я тебѣ вѣрила, Іоганнъ. Всѣ дурныя дѣла, о которыхъ доносился впослѣдствіи слухъ, были сдѣланы съ отчаянія, необдуманно, безразсудно...

Іоганнъ.—Я тебя не понимаю...

Марта.—О, ты отлично понимаешь меня; но оставимъ это. Тебѣ надо было уѣхать, чтобы начать новую жизнь. И вотъ, Іоганнъ, я—твоя старая подруга—замѣнила тебя здѣсь. Обязанности, которыми ты пренебрегъ, или которыя не могъ исполнить, я ихъ взяла на себя. Я говорю это тебѣ, чтобы ты хоть въ этомъ не упрекалъ себя. Я была матерью этому несчастному ребенку, воспитала её, какъ только умѣла...

Іоганнъ.—И пожертвовала для этого всей своей жизнью...

Марта.—Эта жертва не была напрасной. Но ты долго не возвращался, Іоганнъ.

Іоганнъ.—Марта, еслибъ я могъ сказать тебѣ... По крайней мѣрѣ, позволь поблагодарить тебя за вѣрную дружбу!

Марта (принужденно улыбаясь).—Гм... ну, теперь мы объяснились, Іоганнъ. Молчи, кто-то идетъ. Прощай; я не хочу, чтобы они... (Выходитъ во вторую дверь налѣво. Лона Гессель идетъ изъ сада въ сопровожденіи г-жи Берникъ.)

Г-жа Берникъ (изъ сада).—Ради Бога, Лона, что ты хочешь дѣлать?

Лона.—Оставь меня, говорю тебѣ; я должна—и буду говорить съ нимъ.

Г-жа Берникъ.—Подумай, какой это былъ бы скандалъ! ъ, Іоганнъ, ты еще здѣсь?

Лона.—Ступай, другъ мой; не сиди въ душной комнатѣ; иди садъ и побесѣдуй съ Диной.

Іоганнъ.—Я только-что собирался...

Г-жа Берникъ.—Но...

Лона.—Слушай, Іоганнъ, обратилъ ли ты должное вниманіе на Дину?

Іоганнъ.—Да, кажется.

Лона.—Ну, тебѣ бы слѣдовало обратить на нее серьезное вниманіе. Она какъ-разъ подходящая для тебя...

Г-жа Берникъ.—Но, Лона...

Іоганнъ.—Для меня?

Лона.—Да, я такъ думаю. А теперь ступай!

Іоганнъ.—Да, да, съ большимъ удовольствіемъ. (Идетъ въ садъ.)

Г-жа Берникъ.—Лона, ты меня изумляешь. Неужели ты говоришь серьезно?

Лона.—Да, разумѣется. Она молода, здорова и порядочна,—настоящая жена для Іоганна. Она именно та подруга, въ которой онъ нуждается тамъ; получше, чѣмъ старая сводная сестра.

Г-жа Берникъ.—Дина! Дина Дорфъ! Только подумай...

Лона.—Я думаю прежде всего и болѣе всего о его счастьѣ. Я должна помочь ему и сдѣлаю это; онъ совсѣмъ неумѣлый въ такихъ вещахъ и никогда не обращалъ вниманія на женщинъ.

Г-жа Берникъ.—Онъ? Іоганнъ! Да развѣ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ...

Лона.—О, не упоминай объ этой нелѣпой исторіи! Гдѣ Берникъ? Мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Г-жа Берникъ.—Лона, повторяю,—не дѣлай этого!

Лона.—Непремѣнно сдѣлаю. Если она нравится Іоганну, а онъ—ей, такъ пусть они женятся. Берникъ—такой умный человѣкъ, онъ долженъ это устроить...

Г-жа Берникъ.—И ты думаешь, что здѣсь потерпятъ такое безобразіе, какъ въ Америкѣ...

Лона.—Пустяки, Бэтти...

Г-жа Берникъ.—... Что человѣкъ, какъ Карстэнъ, съ строгими нравственными понятіями...

Лона.—Ну, полно; я не думаю, чтобы его принципы были такъ строги...

Г-жа Берникъ.—И ты рискуешь говорить это?

Лона.—Да, я дерзаю сказать, что врядъ-ли Берникъ много нравственнѣе другихъ людей.

Г-жа Берникъ.—Ты еще до сихъ поръ такъ ненавидишь его? Но что же тебѣ нужно здѣсь, если ты никогда не могла позабыть, что... Не понимаю, какъ ты можешь смотрѣть ему въ глаза, послѣ того какъ ты такъ жестоко оскорбила его.

Лона.—Да, Бэтти; я тогда совсѣмъ вышла изъ себя.

Г-жа Берникъ.—И какъ благородно онъ тебя простилъ,—онъ, который ни въ чемъ не былъ виноватъ!—Что же ему было дѣлать, если ты льстила себя надеждами? Но съ тѣхъ поръ ты возненавидѣла и меня. (Разражаясь слезами.) Ты всегда завидовала моему счастью, и теперь ты пріѣхала на горе мнѣ,—чтобы показать всему городу, въ ка́кую семью я ввела Карстэна. Да, и ясно, что это была твоя цѣль. О, какъ это возмутительно съ твоей стороны! (Выходитъ, въ слезахъ, во вторую дверь налѣво.)

Лона (глядя ей вслѣдъ).—Бѣдная Бэтти! (Консулъ Берникъ выходитъ изъ своей конторы.)

Берникъ (у двери).—Да, да, хорошо, Крапъ, — превосходно. Примите четыреста талеровъ на обѣдъ для бѣдныхъ. (Оборачивается.)—Лона! (Подходитъ къ ней.)—Ты одна? Развѣ Бэтти нѣтъ здѣсь?

Лона.—Нѣтъ. Позвать ее?

Берникъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не надо. О, Лона, ты не знаешь, какъ я жаждалъ откровенно поговорить съ тобой, — попросить у тебя прощенія!

Лона.—Полно, Карстэнъ; оставимъ всякія сантиментальности. Онѣ не къ лицу намъ.

Берникъ.—Но ты меня выслушаешь, Лона. Все, повидимому, противъ меня, такъ какъ ты все знаешь о матери Дины. Но клянусь тебѣ, — это было лишь кратковременное увлеченіе; одно время я искренно, правдиво и честно любилъ тебя.

Лона.—Какъ ты думаешь,—что̀ побудило меня пріѣхать сюда?

Берникъ.—Каковы бы ни были твои намѣренія,—умоляю тебя,—не предпринимай ничего прежде, чѣмъ я себя оправдаю. Я могу это сдѣлать, Лона; по крайней мѣрѣ, я могу доказать, что я не заслуживаю такого строгаго порицанія.

Лона.—Теперь ты испугался... Ты одно время любилъ меня, говоришь ты? Да, въ своихъ письмахъ ты часто увѣрялъ меня въ этомъ; и можетъ быть, это была правда — пока ты жилъ тамъ, въ великой, свободной сферѣ, дававшей тебѣ мужество самому мыслить свободно и широко. Быть можетъ, ты видѣлъ во мнѣ нѣсколько болѣе характера и независимости, чѣмъ въ здѣшнемъ обществѣ. И при томъ, это была тайна между нами; никто не могъ смѣяться надъ твоимъ дурнымъ выборомъ.

Берникъ.—Лона, какъ ты можешь думать?..

Лона.—Но когда ты возвратился домой и увидѣлъ, въ какомъ смѣшномъ свѣтѣ меня представляли, и какъ смѣялись надъ моими такъ-называемыми эксцентричностями...

Берникъ.—Ты, дѣйствительно, была въ то время эксцентрична.

Лона.—Да, въ сущности для того только, чтобы досадить этимъ фарисеямъ обоего пола, которые наводняли городъ. Затѣмъ ты встрѣтилъ эту очаровательную молодую актрису...

Берникъ.—Все это было одно лишь сумасшествіе,—не болѣе. Клянусь тебѣ, не было и десятой доли правды во всѣхъ этихъ сплетняхъ.

Лона.—Быть можетъ; но затѣмъ явилась Бэтти, — молодая, красивая, всѣми обожаемая, и когда стало извѣстно, что она должна получить все состояніе тетушки, а я ничего...

Берникъ.—Да, теперь мы дошли до самой сути, Лона; и теперь ты узнаешь всю правду. Въ то время я не любилъ Бэтти; я порвалъ съ тобой не ради какого-либо новаго увлеченія,—единственной причиной были деньги. Я принужденъ былъ такъ поступить.

Лона.—И ты говоришь это мнѣ прямо въ лицо!

Берникъ.—Да. Выслушай меня, Лона...

Лона.—И между тѣмъ ты написалъ мнѣ, что тебя охватило неотразимое чувство къ Бэтти, ты взывалъ къ моему великодушію и умолялъ меня, ради Бэтти, умолчать о томъ, что было между нами...

Берникъ.—Повторяю, я долженъ былъ такъ поступить.

Лона.—Если такъ, клянусь Богомъ, я не раскаиваюсь, что такъ позабыла о себѣ въ тотъ день.

Берникъ.—Дай мнѣ объяснить тебѣ спокойно, не горячась, каково было въ то время мое положеніе. Всѣмъ дѣломъ, какъ ты помнишь, управляла моя мать, но она не была дѣловымъ человѣкомъ. Меня поспѣшно вызвали домой изъ Парижа; время было критическое; я долженъ былъ поправить положеніе дѣлъ. И что я здѣсь нашелъ по возвращеніи?—Я нашелъ—и это необходимо было сохранить въ тайнѣ — почти разоренный домъ. Да, онъ былъ почти разоренъ,—старый, всѣми уважаемый домъ, продержавшійся въ теченіе трехъ поколѣній. Что долженъ былъ сдѣлать я, единственный сынъ, какъ не искать средства спасти его?

Лона.—Итакъ, ты спасъ домъ Берника цѣной счастья женщины...

Берникъ.—Ты знаешь, что Бэтти любила меня.

Лона.—А я?

Берникъ.—Повѣрь, Лона, ты никогда не была бы счастлива со мной.

Лона.—Такъ забота о моемъ счастьѣ побудила тебя бросить меня?

Берникъ.—Ты думаешь, можетъ быть, что я дѣйствовалъ изъ эгоистическихъ побужденій? Еслибъ я въ то время былъ одинъ, —я съ спокойнымъ сердцемъ и мужественно началъ бы жизнь сызнова. Но ты не понимаешь, какую громадную отвѣтственность несетъ глава большого дома въ дѣлахъ, которыя перешли къ нему по наслѣдству. Знаешь ли, что отъ него зависитъ благосостояніе или несчастье сотенъ, даже тысячъ людей? Понимаешь ли, что весь городъ, который и ты, и я зовемъ родиной, сильно пострадалъ бы отъ паденія дома Берникъ?

Лона.—Такъ ты ради блага города жилъ эти пятнадцать лѣтъ, опираясь на ложь?

Берникъ.—На ложь?..

Лона.—Знаетъ ли Бэтти обо всемъ томъ, что было до вашего брака и впослѣдствіи?

Берникъ.—Неужели ты думаешь, что я сталъ бы безцѣльно огорчать её признаніемъ?

Лона.—Безцѣльно, — ты говоришь? Да, ты человѣкъ практичный, ты хорошо понимаешь, что̀ полезно. Но слушай, Карстэнъ, и я также буду говорить спокойно, не горячась. Скажи мнѣ, въ концѣ концовъ,—ты въ самомъ дѣлѣ счастливъ?

Берникъ.—Въ семьѣ, ты хочешь сказать?

Лона.—Разумѣется.

Берникъ.—Да, я счастливъ, Лона. О, ты пожертвовала собой не даромъ. Могу сказать по истинѣ, — съ каждымъ годомъ я становился счастливѣе. Бэтти такъ добра и покорна. Мало-помалу, она съумѣла приспособить свой характеръ ко всѣмъ особенностямъ моего характера...

Лона.—Гм!

Берникъ.—Вначалѣ, дѣйствительно, у нея были какія-то выспреннія понятія о любви; она не могла примириться съ мыслью, что эта страстная любовь должна постепенно перейти въ чувство спокойной дружбы.

Лона.—А теперь она вполнѣ съ этимъ примирилась?

Берникъ.—Вполнѣ. Ты понимаешь, что ежедневное общеніе со мной не могло остаться безъ благотворнаго вліянія на нее. Люди должны обоюдно умѣрять свои личныя требованія, если они хотятъ добросовѣстно исполнить свои общественныя обязанности. Бэтти постепенно поняла это, такъ что теперь домъ нашъ можетъ служить примѣромъ для нашихъ согражданъ.

Лона.—Но эти сограждане ничего не знаютъ о лжи?

Берникъ.—О лжи?

Лона.—Да, о лжи, которою ты жилъ эти пятнадцать лѣтъ.

Берникъ.—Ты называешь это?..

Лона.—Я называю это ложью—тройной ложью: ложь передо мной, ложь передъ Бэтти и ложь передъ Іоганномъ.

Берникъ.—Бэтти никогда ни о чемъ не спрашивала меня.

Лона.—Потому что она ничего не знала.

Берникъ.—И ты не потребуешь, чтобъ я говорилъ; ты не сдѣлаешь этого изъ участія къ ней!

Лона.—Да, я съумѣю снести всѣ насмѣшки; я—человѣкъ выносливый.

Берникъ.—И Іоганнъ не потребуетъ, чтобъ я говорилъ,—онъ мнѣ это обѣщалъ.

Лона.—Но ты самъ, Карстэнъ, развѣ въ тебѣ самомъ нѣтъ ничего, что̀ побуждало бы тебя стряхнуть эту ложь?

Берникъ.—Ты хочешь, чтобы я добровольно отказался отъ семейнаго счастья и отъ общественнаго положенія?

Лона.—А какое ты имѣешь право на это счастье?

Берникъ.—Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ я пріобрѣталъ на это все болѣе и болѣе права, — всей моей жизнью, всѣмъ, ради чего я трудился и что я довелъ до конца.

Лона.—Да, ты трудился много и сдѣлалъ многое, — и для себя, и для другихъ. Ты—самый богатый и самый вліятельный человѣкъ во всемъ городѣ; они преклоняются предъ твоей волей, считая тебя чистымъ и безупречнымъ; твой домъ считается примѣрнымъ, какъ и твоя жизнь. Но все это величіе и ты самъ—зиждетесь на очень шаткой почвѣ; можетъ настать минута, можетъ быть сказано слово, и если ты не спасешь себя во̀-время, ты самъ и твое величіе—пойдете ко дну.

Берникъ.—Лона, съ какимъ намѣреніемъ ты пріѣхала сюда?

Лона.—Чтобы помочь тебѣ стать на твердую почву, Карстэнъ.

Берникъ.—Мщеніе? Ты хочешь отмстить? Я давно ждалъ этого. Но это тебѣ не удастся. Здѣсь одинъ только имѣетъ право говорить,—и онъ будетъ молчать.

Лона.—Іоганнъ?

Берникъ.—Да, Іоганнъ. Если кто другой обвинитъ меня, я буду все отрицать. Если ты захочешь моей гибели, я буду бороться на жизнь и на смерть. Повторяю—тебѣ это никогда не удастся. Тотъ, кто можетъ погубить меня,—не станетъ говорить. Онъ уѣзжаетъ.

(Руммель и Вигеландъ входятъ справа.)

Руммель.—Здравствуй, здравствуй, любезный Берникъ, т должен идти съ нами въ коммерческій совѣтъ. У насъ вѣд собраніе по поводу желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Берникъ.—Невозможно; въ настоящую минуту не могу идти.

Вигеландъ.—Вамъ необходимо быть тамъ, консулъ.

Руммель.—Да, необходимо, Берникъ. Есть лица, агитирующія противъ насъ. Издатель Гаммеръ и другіе, стоявшіе за береговую линію, пустили слухъ, что за новымъ предпріятіемъ скрываются частные интересы.

Берникъ.—Такъ объясните имъ...

Вигеландъ.—Безполезно объяснять, консулъ.

Руммель.—Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ быть тамъ лично. Разумѣется, никто не посмѣетъ высказать такое подозрѣніе въ твоемъ присутствіи.

Лона.—Конечно, нѣтъ.

Берникъ.—Не могу, говорю вамъ; мнѣ нездоровится, или, по крайней мѣрѣ, подождите—дайте мнѣ собраться съ мыслями.

(Ректоръ Рёрлундъ входитъ справа.)

Рёрлундъ.—Извините меня, консулъ; вы видите меня смущеннымъ и взволнованнымъ...

Берникъ.—Что такое?

Рёрлундъ.—Я долженъ предложить вамъ одинъ вопросъ, консулъ. Съ вашего ли разрѣшенія молодая дѣвушка, нашедшая пріютъ подъ вашимъ кровомъ, открыто показывается на улицѣ въ обществѣ лица, которое...

Лона.—Какого лица, пасторъ?

Рёрлундъ.—Въ обществѣ лица, отъ котораго она должна быть дальше, чѣмъ отъ кого-либо въ мірѣ.

Лона.—О-о!

Рёрлундъ.—Такъ это дѣлается съ вашего разрѣшенія, консулъ?

Берникъ.—Я ничего объ этомъ не знаю. (Ищетъ свою шляпу и перчатки.) — Извините меня, я тороплюсь. Я иду въ совѣтъ.

Гильмаръ (входитъ изъ сада и идетъ ко второй двери налѣво). —Бэтти, Бэтти, поди сюда!

Г-жа Берникъ (у двери).—Что такое?

Гильмаръ.—Ты должна пойти въ садъ и прекратить ухаживаніе извѣстнаго лица за Диной Дорфъ. Это мнѣ совсѣмъ разстроило нервы.

Лона.—Въ самомъ дѣлѣ? Что же онъ говорилъ ей?

Гильмаръ.—Онъ хочетъ, чтобы она ѣхала съ нимъ въ Америку, ни болѣе ни менѣе. О-хъ!

Рёрлундъ.—Возможно ли?!

Г-жа Берникъ.—Не можетъ быть!

Лона.—Что-жъ, это было бы отлично.

Берникъ.—Быть не можетъ! Ты, вѣрно, не такъ понялъ.

Гильмаръ.—Такъ спроси его самого. Вотъ идетъ парочка. Только не впутывай меня въ это дѣло.

Берникъ (къ Вигеланду и Руммелю).—Я послѣдую за вами—черезъ минуту...

(Руммель и Вигеландъ выходятъ направо. Іоганнъ Тёнезэнъ и Дина входятъ изъ сада.)

Іоганнъ.—Ура!.. Лона, она ѣдетъ съ нами!

Г-жа Берникъ.—Іоганнъ, какое легкомысліе!..

Рёрлундъ.—Возможно ли? Такой ужасный скандалъ! Какими же низкими происками?..

Іоганнъ.—Что, что такое?

Рёрлундъ.—Отвѣчайте мнѣ, Дина: это ваше собственное свободное рѣшеніе?

Дина.—Я должна уѣхать отсюда.

Рёрлундъ.—Но съ нимъ—съ нимъ!

Дина.—А скажите,—кто бы другой рѣшился взять меня съ собой.

Рёрлундъ.—Такъ я долженъ открыть вамъ, кто онъ...

Іоганнъ.—Молчите!

Берникъ.—Ни слова!

Рёрлундъ.—Плохимъ бы я былъ служителемъ общинѣ, обычаи и нравы которой я обязанъ охранять, и непростительно поступилъ бы я относительно этой молодой дѣвушки, въ воспитаніи которой я принималъ такое важное участіе, и которая...

Іоганнъ.—Берегитесь!

Рёрлундъ.—Нѣтъ, она должна узнать! Дина, человѣкъ этотъ—виновникъ несчастья и позора вашей матери.

Берникъ.—Ректоръ!..

Дина.—Онъ!—(Къ Іоганну.) Правда ли это?

Іоганнъ.—Карстэнъ, тебѣ отвѣчать!

Берникъ.—Довольно! ни слова болѣе сегодня!

Дина.—Такъ это правда!..

Рёрлундъ.—Правда, правда! и болѣе того. Этотъ человѣкъ, которому вы довѣряетесь, бѣжалъ не съ пустыми руками, но съ кассой вдовы Берника,—свидѣтелемъ тому консулъ!

Лона.—Лгунъ!

Берникъ.—О!..

Г-жа Берникъ.—О, Боже! о, Боже мой!

Іоганнъ (подходитъ къ нему съ поднятой рукой).—Вы дерзаете!..

Лона (удерживая его).—Не трогай его, Іоганнъ!

Рёрлундъ.—Да, да; нападайте на меня, если хотите. Но истина все-таки должна всплыть; а то, что̀ я сказалъ, есть истина. Консулъ Берникъ самъ объявилъ объ этомъ, и весь городъ это знаетъ. Дина, теперь и вы знаете, что̀ это за человѣкъ.

(Короткая пауза.)

Іоганнъ (тихо, схватывая Берника за руку).—Карстэнъ, Карстэнъ, что̀ ты сдѣлалъ!

Г-жа Берникъ (тихо, въ слезахъ).—О, Карстэнъ, и это я навлекла на тебя весь этотъ позоръ!

Сандстадъ (быстро входитъ справа и говоритъ, держась за ручку двери).—Идите скорѣй, поспѣшите, консулъ! Желѣзная дорога виситъ на волоскѣ.

Берникъ (растерянно).—Что же это? Что мнѣ дѣлать?..

Лона (съ силой и страстно).—Ты долженъ встать и поддержать общество!

Сандстадъ.—Да, да, идемте; намъ необходимъ весь вашъ нравственный престижъ.

Іоганнъ (тихо).—Берникъ, мы поговоримъ объ этомъ завтра наединѣ.

(Выходитъ въ садъ. Сандстадъ идетъ направо. Берникъ какъ бы машинально слѣдуетъ за нимъ.)

ДѢЙСТВІЕ III.

Зимній садъ въ домѣ консула Берника. Берникъ, съ тростью въ рукѣ, взбѣшенный, входитъ изъ второй двери налѣво, оставляя за собой дверь полуотворенною.

Берникъ.—Вотъ! Наконецъ-то я по настоящему раздѣлался съ нимъ; не скоро позабудетъ онъ такую трепку.—(Къ кому-то въ другой комнатѣ.)—Что ты говоришь?—А я скажу, что ты неразумная мать! Ты оправдываешь его и потакаешь его шалостямъ... Какъ не шалости? Какъ же иначе назвать? Прокрался ночью изъ дома и отправился въ море въ рыбацкой лодкѣ; явился только въ 10-мъ часу утра, смертельно напугавъ меня, — какъ будто у меня и безъ того мало заботъ!.. И повѣса смѣетъ еще грозить мнѣ, что убѣжитъ! Пусть попробуетъ!.. Ты? Конечно, нѣтъ; тебѣ, повидимому, дѣла нѣтъ, что̀ съ нимъ станется. Я думаю, еслибъ о[illegible] и погибъ... А! въ самомъ дѣлѣ? Но я не могу остаться без-[illegible]ымъ,—у меня есть начатое дѣло; не спорь, Бэтти, такъ и б[illegible]тъ, какъ я говорю; пусть сидитъ дома.—(Прислушивается.)—Т[illegible]е, не замѣтили бы чего посторонніе.

(Крапъ входитъ справа.)

Крапъ.—Можете ли удѣлить мнѣ минуту, консулъ?

Берникъ (бросая трость).—Разумѣется, разумѣется. Вы—съ верфи?

Крапъ.—Да, прямо оттуда. Гм!..

Берникъ.—Ну? Ничего не случилось съ „Пальмой"?

Крапъ.—„Пальма" можетъ отплыть завтра, но...

Берникъ.—А что же „Дѣва Индіи"?.. Я такъ и зналъ, что этотъ упрямецъ...

Крапъ.—„Дѣва Индіи" тоже можетъ отправляться завтра; но не думаю, чтобы она уплыла далеко.

Берникъ.—Что вы хотите сказать?

Крапъ.—Извините, консулъ, дверь отворена, и, кажется, въ той комнатѣ есть кто-то.

Берникъ (притворяя дверь).—Ну вотъ... Что же означаетъ вся эта таинственность?

Крапъ.—Вотъ что: я полагаю, Аулеръ намѣренъ отправить „Дѣву Индіи" ко дну, со всей ея командой.

Берникъ.—Боже мой! ужели вы думаете?..

Крапъ.—Я не могу объяснить этого иначе, консулъ.

Берникъ.—Такъ объясните въ двухъ словахъ.

Крапъ.—Сейчасъ. Вамъ извѣстно, какъ тянулись дѣла на верфи съ тѣхъ поръ, какъ у насъ новыя машины и новые, неопытные рабочіе?

Берникъ.—Да, да.

Крапъ.—Но сегодня утромъ, спустившись туда, я увидѣлъ, что поправки на американскомъ суднѣ были сдѣланы необычайно скоро. Большая заплата на днѣ его—знаете, то прогнившее мѣсто...

Берникъ.—Да, да; что же?

Крапъ.—Съ виду оно совсѣмъ исправлено,—обшито: смотритъ какъ новое. Я слышалъ, Аулеръ самъ всю ночь работалъ надъ нимъ.

Берникъ.—Да, да; ну—и что же?..

Крапъ.—Я пошелъ и осмотрѣлъ; рабочіе завтракали, такъ что я могъ все оглядѣть и ощупать извнѣ и изнутри. Трудно было пробраться въ трюмъ, такъ какъ онъ былъ нагруженъ; но я видѣлъ достаточно, чтобы убѣдиться. Какъ хотите, тутъ что-то неладно, консулъ.

Берникъ.—Я не могу этому повѣрить, Крапъ. Я не могу, не хочу повѣрить такому дѣлу со стороны Аулера.

Крапъ.—Я очень сожалѣю, но это истинная правда. Повторяю, тутъ скрывается нехорошее дѣло. Новаго тимберса не положено, сколько я могъ замѣтить. Прогнившее мѣсто было только

подправлено, заложено и прикрыто брезентами и т. п. Все это— никуда не годная работа! „Дѣва Индіи“ никогда не дойдетъ до Нью-Іорка. Она пойдетъ ко дну какъ треснувшій горшокъ.

Берникъ.—Но вѣдь это ужасно! Какой же вы предполагаете у него мотивъ?

Крапъ.—Вѣроятно, онъ хочетъ дискредитировать машины, хочетъ отмстить, хочетъ чтобы взяли обратно старыхъ рабочихъ.

Берникъ.—И ради этого онъ готовъ пожертвовать столькими жизнями?

Крапъ.—Онъ говорилъ недавно: „на бортѣ „Дѣвы Индіи“ нѣтъ людей,—есть одни звѣри“.

Берникъ.—Да, да, положимъ; но развѣ онъ забываетъ, какой громадный капиталъ пропадетъ?

Крапъ.—Аулеръ вѣдь не приверженецъ капитала, консулъ.

Берникъ.—Правда; онъ — агитаторъ; но такой возмутительный поступокъ!.. Слушайте, Крапъ, дѣло это должно быть вновь пересмотрѣно. Ни слова объ этомъ кому бы то ни было. Наша верфь будетъ скомпрометтирована, если это станетъ извѣстнымъ.

Крапъ.—Конечно, но...

Берникъ.—Вы должны еще разъ спуститься туда въ обѣденный часъ; мнѣ необходимо удостовѣриться вполнѣ.

Крапъ.—Я доставлю вамъ всѣ свѣденія, консулъ; но, извините меня,—что же вы тогда сдѣлаете?

Берникъ.—Какъ что сдѣлаю? Разумѣется, донесу объ этомъ. Мы не можемъ быть соучастниками въ преступленіи. Я долженъ поступить по совѣсти. Къ тому же, это произведетъ хорошее впечатлѣніе и на прессу, и на публику: они увидятъ, что я поступаюсь личными интересами и предоставляю дѣло суду.

Крапъ.—Вы правы, консулъ.

Берникъ.—Но прежде всего необходимо вполнѣ удостовѣриться. А до тѣхъ поръ—молчаніе.

Крапъ.—Я никому ни словомъ не проговорюсь, консулъ, и вы получите несомнѣнныя доказательства.

(Выходитъ черезъ садъ на улицу.)

Берникъ (вполголоса).—Ужасно! Но нѣтъ, это невозможно, невообразимо!

(Въ ту минуту, какъ онъ поворачивается, чтобы идти въ свою комнату, справа входитъ Гильмаръ Тёнезэнъ.)

Гильмаръ.—Здравствуй, Берникъ! Ну, поздравляю тебя со вчашней побѣдой въ совѣтѣ.

Берникъ.—Благодарю.

Гильмаръ.—Это была, я слышалъ, блестящая побѣда; побѣда интеллигентнаго общественнаго духа надъ эгоистическимъ интересомъ и предразсудкомъ. Удивительно, что послѣ непріятной сцены здѣсь, ты...

Берникъ.—Да, да, оставимъ это.

Гильмаръ.—Но вѣдь генеральное сраженіе еще впереди.

Берникъ.—Ты говоришь о желѣзнодорожномъ дѣлѣ?

Гильмаръ.—Да. Ты вѣдь слышалъ, какую штучку готовитъ издатель Гаммеръ?

Берникъ (тревожно).—Нѣтъ! что такое?

Гильмаръ.—Онъ воспользовался распространившимся слухомъ и собирается, по этому случаю, писать статью.

Берникъ.—Какой слухъ?

Гильмаръ.—Да, разумѣется, слухъ о пріобрѣтеніи большихъ участковъ земли вдоль боковой линіи.

Берникъ.—Что ты говоришь? Развѣ есть такой слухъ?

Гильмаръ.—Да, онъ ходитъ по всему городу. Я слышалъ въ клубѣ. Говорятъ, что одному изъ нашихъ адвокатовъ секретно поручено скупить всѣ лѣса, всѣ минеральныя жилы, всѣ водяныя пространства.

Берникъ.—И что же—извѣстно, для кого это пріобрѣтается?

Гильмаръ.—Въ клубѣ говорятъ, что покупаетъ, должно быть, компанія сосѣдняго города, которая прослышала о вашемъ проектѣ и спѣшитъ скупить земли, прежде чѣмъ поднялись цѣны. Ну, развѣ не подлость это?

Берникъ.—Подлость?

Гильмаръ.—Да, чтобы посторонніе такъ нахально врывались къ намъ. И чтобы одинъ изъ нашихъ же адвокатовъ пошелъ на такую штуку! Теперь вся выгода достанется постороннимъ лицамъ.

Берникъ.—Но вѣдь это только слухи.

Гильмаръ.—Однако, имъ вѣрятъ, и завтра или послѣ-завтра издатель Гаммеръ объявитъ это какъ фактъ. Всѣ уже возмущаются этимъ. Я слышалъ, нѣкоторые говорили, что если этотъ слухъ подтвердится, они вычеркнутъ свои имена изъ списковъ.

Берникъ.—Невозможно!

Гильмаръ.—Будто бы? Почему, думаешь ты, эти бездѣльники съ такой готовностью примкнули къ твоему предпріятію? Ты полагаешь, они уже не облизываются заранѣе въ ожиданіи наживы?..

Берникъ.—Повторяю, это невозможно; настолько-то есть общественнаго духа въ нашемъ маленькомъ обществѣ.

Гильмаръ.—Здѣсь? Ну, да вѣдь ты оптимистъ и судишь о

другихъ по себѣ. Но я довольно тонкій наблюдатель, и говорю тебѣ—здѣсь нѣтъ никого, за исключеніемъ насъ, разумѣется,—кто бы высоко держалъ знамя идеала.—(Подходя къ задней сторонѣ сцены.) О-хъ! вотъ они опять.

Берникъ.—Кто?

Гильмаръ.—Оба американца.—(Смотритъ направо.) И кто же это съ ними? А, да это капитанъ „Дѣвы Индіи“. О-хъ!

Берникъ.—Что имъ нужно отъ него?

Гильмаръ.—О, это очень подходящая компанія. Говорятъ, онъ занимался торговлей невольниками или былъ пиратомъ; и кто знаетъ, чѣмъ эта парочка занималась всѣ эти годы.

Берникъ.—Говорю тебѣ, такія предположенія совершенно несправедливы.

Гильмаръ.—Ну, да вѣдь ты оптимистъ. Но вотъ они опять идутъ на насъ; я ужъ во-время уберусь.

(Идетъ къ двери налѣво. Лона Гессель входитъ справа.)

Лона.—Подожди, Гильмаръ,—ты это отъ меня убѣгаешь?

Гильмаръ.—Нисколько, нисколько. Я очень спѣшу; мнѣ нужно кое-что сказать Бэтти.

(Выходитъ черезъ вторую дверь налѣво.)

Берникъ (послѣ короткой паузы).—Ну что же, Лона?

Лона.—А что?

Берникъ.—Что ты обо мнѣ думаешь сегодня?

Лона.—То же, что̀ вчера; одной ложью больше или меньше!..

Берникъ.—Я долженъ все объяснить. Куда ушелъ Іоганнъ?

Лона.—Онъ сейчасъ придетъ; онъ остановился, чтобы переговорить съ однимъ человѣкомъ.

Берникъ.—Послѣ того, что̀ ты слышала вчера, ты понимаешь, я погибъ, если истина станетъ извѣстна.

Лона.—Я понимаю.

Берникъ.—Разумѣется, ты знаешь, что *я* не виновенъ въ предполагаемомъ преступленіи.

Лона.—Конечно, нѣтъ; но кто же воръ?

Берникъ.—Никакого вора не было. Никакихъ денегъ не крали,—ни одного гроша!

Лона.—Что?

Берникъ.—Я говорю—ни единаго гроша.

Лона.—Но слухъ? Какъ возникъ этотъ позорный слухъ, будто Іоганнъ?..

Берникъ.—Лона, я чувствую, что могу говорить съ тобой какъ ни съ кѣмъ другимъ; я ничего не скрою отъ тебя. *Я* участвовалъ въ распространеніи этого слуха.

Лона.—Ты? И ты могъ такъ поступить относительно человѣка, который ради тебя...?

Берникъ.—Не осуждай меня; вспомни, въ какомъ положеніи были тогда дѣла. Я тебѣ вчера разсказывалъ—по возвращеніи домой, я нашелъ мою мать вовлеченной въ цѣлый рядъ нелѣпыхъ предпріятій. Тутъ всевозможныя несчастія... цѣлый рядъ неудачъ сразу обрушился на насъ. Нашему дому грозило разрушеніе. Я былъ и легкомысленъ, и, въ то же время, доведенъ до отчаянія.

Лона.—Гм...

Берникъ.—Ты можешь себѣ представить, какіе толки поднялись, когда вы съ нимъ уѣхали вдвоемъ. „Это не первый его проступокъ",—говорилъ одинъ; другой разсказывалъ, будто Дорфъ получилъ отъ него большую сумму денегъ, чтобы молчать и ни во что не вмѣшиваться; другіе объявляли, что деньги получила она. Одновременно съ этимъ распространился слухъ, что дому нашему трудно выполнить свои обязательства. Весьма естественно, что сплетники соединили эти два слуха. Такъ какъ г-жа Дорфъ осталась здѣсь и жила въ нуждѣ, то стали говорить, что онъ взялъ деньги съ собой въ Америку, и сумма денегъ, благодаря сплетнямъ, возростала съ каждымъ днемъ.

Лона.—А ты, Карстэнъ?..

Берникъ.—Я ухватился за эту молву, какъ утопающій хватается за соломинку.

Лона.—Ты помогалъ распространять эти слухи?

Берникъ.—Я ихъ не опровергалъ. Наши кредиторы начинали прижимать насъ; я долженъ былъ успокоить ихъ,—скрыть отъ нихъ шаткость нашей фирмы; дать имъ понять, что насъ постигло минутное затрудненіе, но что если насъ не станутъ тѣснить, если дадутъ время,—каждый получитъ свое.

Лона.—И каждый получилъ свое?

Берникъ.—Да, Лона; этотъ слухъ спасъ нашъ домъ и сдѣлалъ меня такимъ, какъ ты меня видишь.

Лона.—Такъ, значитъ, ложь сдѣлала тебя такимъ человѣкомъ?

Берникъ.—Кому же повредило это въ то время? Іоганнъ никогда не намѣревался возвратиться.

Лона.—Ты спрашиваешь, кому это повредило? Загляни къ себѣ въ душу и скажи мнѣ: не повредило ли это тебѣ самом ?

Берникъ.—Возьми кого хочешь, и въ каждомъ ты найдешь темное пятно, которое надо скрывать.

Лона.—И вы называете себя столпами общества!

Берникъ.—Лучшихъ общество не имѣетъ.

Лона.—Такъ не все ли равно—держится ли на чемъ такое общество, или нѣтъ? Какой здѣсь господствующій принципъ? Лицемѣріе и обманъ—болѣе ничего. И вотъ ты, первый человѣкъ въ городѣ, живешь въ богатствѣ, силѣ, почести, ты, наложившій клеймо преступленія на невиннаго человѣка!

Берникъ.—Или ты думаешь, что я не чувствую, какъ дурно я поступаю относительно его, и что я не готовъ загладить свою вину?..

Лона.—Какимъ образомъ? Открывши всю правду?

Берникъ.—И ты можешь требовать этого?

Лона.—Какъ же иначе загладить такое безчестное дѣло?

Берникъ.—Я богатъ, Лона; Іоганнъ можетъ требовать, чего хочетъ.

Лона.—Да, предложи ему денегъ, и ты увидишь, что̀ онъ тебѣ отвѣтитъ.

Берникъ.—Ты знаешь, что̀ онъ намѣренъ дѣлать?

Лона.—Нѣтъ. Со вчерашняго дня онъ молчитъ, какъ будто все это сразу сдѣлало его зрѣлымъ человѣкомъ.

Берникъ.— Я долженъ переговорить съ нимъ.

Лона.—Вотъ онъ.

(Іоганнъ Тӧнезэнъ входитъ справа.)

Берникъ (идетъ къ нему).—Іоганнъ!..

Іоганнъ.—Дай мнѣ сказать сперва. Вчера утромъ я далъ тебѣ слово молчать.

Берникъ.—Да.

Іоганнъ.—Но я тогда не зналъ...

Берникъ.—Іоганнъ, дай мнѣ въ двухъ словахъ объяснить тебѣ обстоятельства...

Іоганнъ.—Это безполезно, я отлично понимаю обстоятельства. Домъ вашъ былъ въ затруднительномъ положеніи, когда я уѣхалъ отсюда, и когда ты могъ дѣлать что̀ хотѣлъ съ моимъ беззащитнымъ именемъ и доброй славой... Но я не стану строго порицать тебя за это; мы были въ то время молоды и легкомысленны. Но теперь мнѣ необходимо, чтобы люди узнали правду, и ты долженъ открыть ее.

Берникъ.—И какъ разъ теперь мнѣ необходимо сохранить весь мой нравственный престижъ; а потому я не могу теперь [говорить].

Іоганнъ.—Мнѣ мало дѣла до выдумокъ, которыя ты распро[стр]анялъ обо мнѣ; но есть нѣчто другое, въ чемъ ты долженъ [со]знать себя виновнымъ.—Дина будетъ моей женой, и я оста[нус]ь съ ней здѣсь, въ этомъ городѣ.

Лона.—Здѣсь?

Берникъ.—Съ Диной! Она будетъ твоей женой? Здѣсь, въ этомъ городѣ!

Іоганнъ.—Да, именно здѣсь; я останусь здѣсь на зло всѣмъ этимъ подлымъ клеветникамъ. Но для того, чтобы я могъ на ней жениться, ты долженъ оправдать меня.

Берникъ.—Подумалъ ли ты, что признать одно — значитъ признать также и другое? Ты скажешь, я могу доказать по нашимъ счетнымъ книгамъ, что никакой покражи не было. Но я не могу этого сдѣлать; въ то время книги наши не были ведены аккуратно. И еслибъ даже я могъ доказать,—къ чему бы это послужило? Во всякомъ случаѣ, я оказался бы человѣкомъ, который, спасши себя однажды посредствомъ обмана, допускалъ существованіе этого обмана и всѣхъ его послѣдствій въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, не сдѣлавъ ни шагу, чтобы опровергнуть его. Ты позабылъ, что̀ представляетъ собой наше общество,—иначе зналъ бы, что это безвозвратно погубитъ насъ.

Іоганнъ.—Я могу только повторить, что дочь г-жи Дорфъ будетъ моей женой, и что я буду жить съ ней здѣсь, въ этомъ городѣ.

Берникъ (вытирая лобъ).—Выслушай меня, Іоганнъ, и ты тоже, Лона. Положеніе мое въ данную минуту исключительное. Если вы нанесете мнѣ этотъ ударъ, вы совсѣмъ уничтожите меня, и не только меня, но также великую, прекрасную будущность всей общины, бывшей очагомъ вашего дѣтства.

Іоганнъ.—А если я не нанесу тебѣ этого удара, я тѣмъ самымъ погублю все мое будущее счастье.

Лона.—Продолжай, Карстэнъ.

Берникъ.—Такъ выслушайте меня. Все зависитъ отъ этого желѣзнодорожнаго дѣла, которое не такъ просто, какъ вы думаете. Разумѣется, вы слышали, что въ прошломъ году толковали о береговой линіи? Проектъ этотъ имѣлъ много сильныхъ сторонниковъ въ нашей мѣстности, особенно среди прессы; но я отстранилъ его, такъ какъ онъ повредилъ бы нашему береговому пароходству.

Лона.—А ты заинтересованъ въ пароходной торговлѣ?

Берникъ.—Да. Но никто не посмѣлъ заподозрить меня. Имя мое, всѣми уважаемое, оградило меня отъ всякихъ подозрѣній. Впрочемъ, я былъ бы въ состояніи перенести убытки; но горо[д] они были бы не подъ силу. Тогда остановились на проектѣ вн[у]тренней линіи. Когда это было рѣшено, не говоря никому, [я] собралъ свѣденія и удостовѣрился, что къ городу можетъ бы[ть] проведена боковая вѣтвь.

Лона.—Почему же ты это скрывалъ, Карстэнъ?

Берникъ.—Слышали ли вы толки о предполагаемой покупкѣ лѣсовъ, рудъ и водяныхъ пространствъ?

Іоганнъ.—Да, компаніей какого-то другого города.

Берникъ.—Въ настоящемъ своемъ положеніи, земли эти не имѣютъ почти цѣны для своихъ разбросанныхъ владѣльцевъ; поэтому они продали ихъ сравнительно дешево. Еслибы покупатель подождалъ, пока распространится слухъ о боковой линіи, владѣльцы запросили бы громадныя цѣны.

Лона.—Да, ну и что же?

Берникъ.—Теперь мы пришли къ предмету, который можетъ быть различно истолкованъ. Признаться, на это рѣшится лишь тотъ, кто можетъ опереться на безупречное, почитаемое имя.

Лона.—Ну?

Берникъ.—Я скупилъ всѣ земли.

Лона.—Ты?

Іоганнъ.—На свои средства?

Берникъ.—Да, на свои собственныя средства. Если боковая линія состоится, я—милліонеръ; если нѣтъ—я разоренъ.

Лона.—Это смѣло, Карстэнъ.

Берникъ.—Я поставилъ на карту все свое состояніе.

Лона.—Я думала не о деньгахъ, но когда станетъ извѣстно...

Берникъ.—Да въ этомъ весь вопросъ! Съ безупречнымъ именемъ, которое я имѣлъ до сихъ поръ, я могу взять на себя все дѣло и провести его, сказавши своимъ согражданамъ: „смотрите, вотъ на что я рѣшился для блага общины!“

Лона.—Общины?

Берникъ.—Да, и никто не станетъ подозрѣвать мои мотивы.

Лона.—Такъ, слѣдовательно, здѣсь есть лица, дѣйствовавшія болѣе открыто, чѣмъ ты, безъ заднихъ мыслей и личныхъ цѣлей.

Берникъ.—Кто же?

Лона.—Да, разумѣется, Руммель, Сандстадъ и Вигеландъ.

Берникъ.—Чтобы привлечь ихъ, я долженъ былъ посвятить ихъ въ тайну.

Лона.—И тогда?

Берникъ.—Они условились получить одну пятую барышей.

Лона.—О, вотъ они—столпы общества!

Берникъ.—Развѣ вы не видите, что само общество принуж-ъ насъ дѣйствовать окольными путями? Что бы случилось, бъ я поступилъ иначе? Всѣ заразъ бросились бы въ пред-.іе, и все дѣло было бы испорчено, искажено, погублено. съ нѣтъ ни единаго человѣка, кромѣ меня, кто бы могъ руко-

7*

водить такимъ громаднымъ дѣломъ; въ этой странѣ всѣ люди съ практическими дѣловыми способностями—почти всѣ иностранцы. Вотъ почему моя совѣсть спокойна. Лишь въ моихъ рукахъ пріобрѣтенія эти могутъ приносить постоянную пользу тысячамъ людей, которые будутъ существовать благодаря имъ.

Лона.—Я думаю, въ этомъ ты правъ, Карстэнъ.

Іоганнъ.—Но мнѣ неизвѣстны эти тысячи людей, а на карту поставлено все мое счастье.

Берникъ.—На карту поставлено также благосостояніе твоего родного края. Если откроются дѣла, которыя бросятъ тѣнь на мою прошлую жизнь, всѣ враги мои нападутъ на меня соединенными силами. Юношеское заблужденіе никогда не прощается нашимъ обществомъ. Люди станутъ разбирать всю мою жизнь, откроютъ тысячу незначительныхъ обстоятельствъ, объяснятъ и истолкуютъ ихъ согласно тому, что̀ открылось; они уничтожатъ меня подъ тяжестью злословія и клеветы. Мнѣ придется выйти изъ желѣзнодорожной компаніи; а если я отступлюсь—все дѣло распадется, и я буду не только разоренъ, но и погубленъ въ общественномъ мнѣніи.

Лона.—Іоганнъ, послѣ всего, что̀ ты слышалъ, ты долженъ молчать и уѣхать отсюда.

Берникъ.—Да, да, Іоганнъ, ты долженъ это сдѣлать!

Іоганнъ.—Хорошо, я уѣду и ничего не скажу; но я возвращусь и тогда буду говорить.

Берникъ.—Останься тамъ, Іоганнъ; сохрани тайну, и я готовъ подѣлиться съ тобой...

Іоганнъ.—Оставь себѣ деньги и возврати мое доброе имя.

Берникъ.—Цѣною моего собственнаго!

Іоганнъ.—Общество и ты должны это уладить. Дина будетъ моей женой. Итакъ, я ѣду завтра съ „Дѣвой Индіи“.

Берникъ.—Съ „Дѣвой Индіи“?

Іоганнъ.—Да, капитанъ обѣщалъ взять меня. Итакъ, я уѣду; продамъ свою ферму и устрою дѣла. Черезъ два мѣсяца я возвращусь.

Берникъ.—И тогда ты все откроешь?

Іоганнъ.—Тогда виновный долженъ будетъ отвѣчать за свою вину.

Берникъ.—Ты забываешь, что я долженъ также взять на себя и то, въ чемъ я неповиненъ.

Іоганнъ.—Кто же, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, извлекъ выгоды изъ безсовѣстной клеветы?

Берникъ.—Ты доводишь меня до отчаянія! Но если ты

будешь говорить, я все стану отрицать! Я скажу, что это заговоръ противъ меня, месть, что ты пріѣхалъ сюда, чтобы выманить у меня денегъ...

Лона.—Стыдись, Карстэнъ!

Берникъ.—Говорю вамъ, я доведенъ до отчаянія; я борюсь за свою жизнь. Я все, все буду отрицать!

Іоганнъ.—На этотъ случай у меня твои два письма. Я нашелъ ихъ въ своемъ ящикѣ между другими бумагами. Я внимательно прочелъ ихъ сегодня утромъ; они вполнѣ доказательны.

Берникъ.—И ты предашь ихъ гласности?

Іоганнъ.—Когда представится необходимость.

Берникъ.—Черезъ два мѣсяца ты возвратишься?

Іоганнъ.—Надѣюсь. Вѣтеръ попутный. Черезъ двѣ недѣли я буду въ Нью-Іоркѣ, если „Дѣва Индіи" не потонетъ.

Берникъ (вздрогнувъ).—Потонетъ? Почему же ей потонуть?

Іоганнъ.—Я тоже такъ думаю.

Берникъ (едва слышно).—Если она не потонетъ!

Іоганнъ.—Итакъ, Берникъ, ты знаешь теперь, что̀ тебя ожидаетъ; дѣлай пока что̀ знаешь. Прощай! Поцѣлуй за меня Бэтти, хотя, признаться, она приняла меня не по родственному. Но Марту мнѣ необходимо видѣть. Она должна сказать Динѣ... должна обѣщать мнѣ... (Выходитъ во вторую дверь налѣво.)

Берникъ (про себя).—„Дѣва Индіи"?..—(Поспѣшно.) Лона, ты должна этому воспрепятствовать!

Лона.—Ты самъ видишь, Карстэнъ, я потеряла всякое вліяніе на него.

(Выходитъ вслѣдъ за Іоганномъ въ комнату налѣво.)

Берникъ (тревожно).—Потонетъ...?

(Аулеръ входитъ справа.)

Аулеръ.—Извините меня, консулъ, вы не заняты?

Берникъ (сердито обернувшись).—Что вамъ нужно?

Аулеръ.—Съ вашего позволенія, мнѣ хотѣлось бы предложить вамъ одинъ вопросъ, консулъ Берникъ.

Берникъ.—Ну, поскорѣе. Въ чемъ дѣло?

Аулеръ.—Я хочу знать, рѣшили ли вы—рѣшили ли безповоротно разсчитать меня, если „Дѣва Индіи" не можетъ отплыть завтра?

Берникъ.—Что же это значитъ? Вѣдь корабль *будетъ* готовъ къ отплытію?

Аулеръ.—Да. Вѣдь въ противномъ случаѣ—вы удалите меня?

Берникъ.—Къ чему такой пустой вопросъ?

Аулеръ.—Мнѣ это нужно знать, консулъ. Отвѣтьте мнѣ: вы меня удалите?

Берникъ. — Я не имѣю обыкновенія измѣнять свои рѣшенія.

Аулеръ.—Такъ завтра я потерялъ бы положеніе, которое занимаю теперь въ своемъ домѣ и въ своей семьѣ, потерялъ бы всякое вліяніе на рабочихъ, всякую возможность помогать нищей братіи?

Берникъ.—Аулеръ...

Аулеръ.—Хорошо; стало быть „Дѣва Индіи“ должна отплыть.

(Короткая пауза.)

Берникъ.—Слушайте: я не могу смотрѣть за всѣмъ лично; не могу быть отвѣтственнымъ за все. Я полагаю, вы можете поручиться мнѣ, что всѣ поправки произведены добросовѣстно?

Аулеръ.—Вы дали мнѣ очень мало времени, консулъ.

Берникъ.—Но поправки, не правда ли, сдѣланы безукоризненно?

Аулеръ.—Погода хорошая, время лѣтнее.

(Пауза.)

Берникъ.—Вы ничего болѣе не имѣете мнѣ сказать?

Аулеръ.—Кромѣ этого—ничего, консулъ.

Берникъ.—Такъ „Дѣва Индіи“ отплываетъ...

Аулеръ.—Завтра?

Берникъ.—Да.

Аулеръ.—Хорошо.

(Кланяется и выходитъ. Берникъ съ минуту стоитъ въ нерѣшительности; затѣмъ быстро подходитъ къ двери, какъ бы съ тѣмъ, чтобы позвать Аулера, но останавливается и стоитъ въ колебаніи, не выпуская ручку двери. Въ эту минуту отворяется наружная дверь и входитъ Крапъ.)

Крапъ (вполголоса).—А-а! онъ былъ здѣсь. Что же—признался?..

Берникъ.—Гм... Вы что-нибудь открыли?

Крапъ.—Чего же еще? Развѣ не проглядываетъ нечистая совѣсть въ самомъ его взорѣ?

Берникъ.—Пустяки! Этого нельзя замѣтить. Скажите мнѣ, открыли ли вы что-нибудь... Да или нѣтъ?

Крапъ.—Я не могъ туда пробраться; было слишкомъ поздно; они уже готовились спускать корабль въ море. Но эта самая поспѣшность, очевидно, доказываетъ...

Берникъ.—Она ничего не доказываетъ. Такъ осмотръ былъ произведенъ?

Крапъ.—Разумѣется, но...

Берникъ.—Вотъ видите! и что же,—они остались довольны?

Крапъ.—Консулъ, вы отлично знаете, какъ производятся такіе осмотры, особенно на верфи, имѣющей такую репутацію, какъ наша.

Берникъ.—Все равно; это снимаетъ съ насъ всякую отвѣтственность.

Крапъ.—Неужели, консулъ, вы въ самомъ дѣлѣ не замѣтили по лицу Аулера?..

Берникъ.—Говорю вамъ, Аулеръ совсѣмъ успокоилъ меня.

Крапъ.—А я вамъ говорю, что я нравственно убѣжденъ, что...

Берникъ.—Что это значитъ, Крапъ? Я знаю, вы питаете злобу противъ него; но если вы хотите повредить ему, ищите другого повода. Вы знаете, какъ необходимо для меня, или вѣрнѣе, для владѣльцевъ, чтобы „Дѣва Индіи“ отправилась завтра.

Крапъ.—Хорошо; пусть будетъ такъ; но если мы когда-нибудь еще услышимъ о ней...

(Вигеландъ входитъ справа.)

Вигеландъ.—Какъ поживаете, консулъ? Есть у васъ свободная минута?

Берникъ.—Къ вашимъ услугамъ, Вигеландъ.

Вигеландъ.—Я только хотѣлъ знать, согласны ли вы, чтобъ „Пальма“ отправлялась завтра?

Берникъ.—Конечно; я думалъ, что это дѣло рѣшеное.

Вигеландъ. Но капитанъ пришелъ сейчасъ сказать мнѣ, что поднимается вѣтеръ и надо ожидать бури.

Крапъ.—Барометръ быстро падаетъ съ сегодняшняго утра.

Берникъ.—Въ самомъ дѣлѣ? Такъ предвидится буря?

Вигеландъ.—По крайней мѣрѣ, сильный вѣтеръ, но не противный вѣтеръ, наоборотъ...

Берникъ.—Гм... Такъ что же вы скажете?

Вигеландъ.—Я скажу то, что̀ сказалъ капитану,—судьба „Пальмы“ въ рукахъ Провидѣнія. И притомъ вначалѣ она пойдетъ только Сѣвернымъ моремъ, а въ Англіи въ настоящее время фрахты высокіе...

Берникъ.—Да, мы, вѣроятно, потеряли бы, еслибъ промедлили.

Вигеландъ.—Корабль, какъ вамъ извѣстно, построенъ прочно и хорошо застрахованъ. Вотъ „Дѣва Индіи“—это дѣло другое...

Берникъ.—Что вы хотите сказать?

Вигеландъ.—Вѣдь она тоже отправляется завтра?

Берникъ.—Да, владѣльцы торопили насъ, и притомъ...

Вигеландъ.—Что-жъ, если эта старая ветошь пускается въ путь, да еще, притомъ, съ такимъ экипажемъ,—стыдно, еслибъ мы...

Берникъ.—Ну да, да; вѣроятно, вы захватили документы?

Вигеландъ.—Да, вотъ они.

Берникъ.—Хорошо; можетъ, быть вы просмотрите съ Крапомъ.

Крапъ.—Пожалуйте сюда; мы скоро приведемъ ихъ въ порядокъ.

Вигеландъ.—Благодарю... А результатъ предоставимъ на волю Всевышняго.

(Уходитъ съ Крапомъ въ первую комнату налѣво. Ректоръ Рёрлундъ входитъ изъ сада.)

Рёрлундъ.—Какъ! Вы дома въ этотъ часъ, консулъ!

Берникъ (въ задумчивости).—Какъ видите.

Рёрлундъ.—Я зашелъ къ вашей женѣ. Я полагалъ, что она нуждается въ словѣ утѣшенія.

Берникъ.—Весьма возможно. Но и мнѣ также нужно сказать вамъ нѣсколько словъ.

Рёрлундъ.—Къ вашимъ услугамъ, консулъ. Но что съ вами? Вы блѣдны и такъ разстроены.

Берникъ.—Въ самомъ дѣлѣ? Вы находите? Это неудивительно, когда у меня столько тревогъ заразъ. Кромѣ моихъ обычныхъ занятій, еще это желѣзнодорожное дѣло... Послушайте, ректоръ, позвольте сказать вамъ слово—предложить вамъ одинъ вопросъ.

Рёрлундъ.—Сдѣлайте одолженіе, консулъ.

Берникъ.—Мнѣ недавно пришла въ голову одна мысль: если стоишь во главѣ великаго предпріятія, которое должно быть источникомъ благосостоянія для тысячъ, и если для этого предпріятія надо поступиться одной жертвой...

Рёрлундъ.—Что вы хотите сказать?

Берникъ.—Возьмите, для примѣра, человѣка, который устроиваетъ большую фабрику. Онъ вполнѣ увѣренъ, на основаніи многолѣтняго опыта, что рано или поздно фабричное дѣло неизбѣжно сгубитъ жизнь нѣсколькихъ человѣкъ.

Рёрлундъ.—Да, это болѣе чѣмъ вѣроятно.

Берникъ.—Или кто-нибудь предпринимаетъ эксплуатацію рудниковъ. Онъ беретъ для этого дѣла отцовъ семействъ и молодыхъ людей въ полномъ цвѣтѣ жизни. Развѣ нельзя навѣрное предсказать, что нѣкоторые изъ нихъ обречены погибнуть въ предпріятіи?

Рёрлундъ.—Къ несчастію, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Берникъ.—Хорошо; слѣдовательно, человѣкъ этотъ заранѣе знаетъ, что начатое имъ дѣло,—рано ли, поздно ли,—поведетъ къ потерѣ человѣческой жизни. Но предпріятіе это клонится ко благу большинства; въ вознагражденіе за каждую жизнь оно, несомнѣнно, вызоветъ благосостояніе сотенъ, тысячъ людей.

Рёрлундъ.—А-а! вы думаете о желѣзной дорогѣ, о тоннеляхъ, взрывахъ и т. п...

Берникъ.—Да, да, разумѣется; я думаю о желѣзной дорогѣ. Кромѣ того, желѣзная дорога вызоветъ устройство заводовъ, эксплуатацію рудниковъ. Не полагаете ли вы...

Рёрлундъ.—Любезный консулъ, вы ужъ слишкомъ совѣстливы,—это просто донъ-кихотство. На мой взглядъ, если предоставить дѣло Провидѣнію...

Берникъ.—Да, да, разумѣется, Провидѣніе...

Рёрлундъ.—Нечего больше и колебаться. Приступайте съ спокойнымъ сердцемъ къ постройкѣ вашей желѣзной дороги.

Берникъ.—Да, но возьмемте исключительный случай. Положимъ, что для открытія рудной жилы предстоитъ произвести взрывъ въ завѣдомо опасномъ мѣстѣ; если его не произвести,—остановится все предпріятіе. Инженеръ знаетъ, что рабочій, который зажжетъ фитиль, поплатится за это жизнью; но фитиль долженъ быть зажженъ, и долгъ инженера — заставить рабочаго исполнить это.

Рёрлундъ.—Гм...

Берникъ.—Я знаю, что̀ вы скажете. Было бы благородно со стороны инженера зажечь самому фитиль. Но никто такъ не поступаетъ. Поэтому приходится пожертвовать однимъ изъ рабочихъ.

Рёрлундъ.—Ни одинъ инженеръ у насъ не сдѣлалъ бы этого.

Берникъ.—Ни одинъ инженеръ великаго европейскаго государства дважды не задумался бы надъ этимъ.

Рёрлундъ.—Великаго европейскаго государства? Да, это болѣе чѣмъ вѣроятно. Въ этихъ развращенныхъ, безпринципныхъ общинахъ...

Берникъ.—Эти общины имѣютъ также свои хорошія стороны....

Рёрлундъ.—И это говорите вы—вы, который самъ?..

Берникъ.—Въ большомъ государствѣ всегда есть возможность подвинуть впередъ полезное предпріятіе. Тамъ человѣкъ

имѣетъ мужество пожертвовать кое-чѣмъ ради великой цѣли, но здѣсь чувствуешь себя связаннымъ разнаго рода мелочными соображеніями.

Рёрлундъ.—Развѣ человѣческая жизнь—мелочное соображеніе?

Берникъ.—Да, когда она угрожаетъ благосостоянію тысячъ.

Рёрлундъ.—Но вы берете совершенно невозможные случаи, консулъ. Я не понимаю васъ сегодня. Вы ссылаетесь на большія общины,—да развѣ тамъ цѣнится человѣческая жизнь? Тамъ смотрятъ на человѣческую жизнь, какъ на капиталъ. А мы, надѣюсь, смотримъ на вещи совсѣмъ съ иной—нравственной точки зрѣнія. Посмотрите на нашихъ благородныхъ кораблевладѣльцевъ! Назовите хоть одного коммерсанта между нами, который, ради жалкой наживы, пожертвовалъ бы единой человѣческой жизнью! А затѣмъ посмотрите на этихъ мошенниковъ въ большихъ общинахъ, которые, ради наживы, посылаютъ въ море одинъ негодный корабль за другимъ...

Берникъ.—Я не говорю о негодныхъ корабляхъ.

Рёрлундъ.—А я говорю о нихъ, консулъ.

Берникъ.—Да... но... къ чему? Это совсѣмъ не относится къ дѣлу. Ахъ, эти ничтожныя, жалкія соображенія! Еслибъ у насъ какой-нибудь полководецъ повелъ свои войска въ огонь и, по неосмотрительности, потерялъ бы нѣсколькихъ лишнихъ солдатъ,—онъ, послѣ этого, не могъ бы заснуть съ спокойнымъ сердцемъ. Не то въ другихъ странахъ. Вы бы послушали, чтò онъ говоритъ!

(Указываетъ на дверь налѣво.)

Рёрлундъ.—Онъ? Кто? Американецъ?

Берникъ.—Разумѣется. Вы бы послушали, какъ въ Америкѣ...

Рёрлундъ.—Развѣ онъ здѣсь? Что же вы не сказали мнѣ? Я сейчасъ пойду...

Берникъ.—Это безполезно. Вы не убѣдите его.

Рёрлундъ.—Посмотримъ. А, вотъ онъ.

(Іоганнъ Тённезэнъ входитъ изъ комнаты налѣво.)

Іоганнъ (говоритъ черезъ полуотворенную дверь).—Да, да, Дина, пусть будетъ такъ, но я все-таки не оставлю васъ. Я возвращусь, и все уладится между нами.

Рёрлундъ.—Позвольте узнать, чтò это значитъ? Что вы -тите этимъ сказать?

Іоганнъ.—Я хочу, чтобы эта молодая дѣвушка, пер ь которой вы вчера такъ подло оклеветали меня, стала моей жен .

Рёрлундъ. Вашей женой? Неужели вы думаете?..

Іоганнъ.—Она *будетъ* моей женой.

Рёрлундъ.—Хорошо; въ такомъ случаѣ вы узнаете... (Идетъ къ полуотворенной двери.)—Г-жа Берникъ, я попрошу васъ быть свидѣтельницей... И васъ также, m-lle Марта; и пусть также придетъ Дина. (При видѣ Лоны.)—А, вы здѣсь?

Лона (у двери).—И мнѣ войти?

Рёрлундъ.—Кому угодно—чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Берникъ.—Что вы намѣрены сдѣлать?

(Лона, г-жа Берникъ, Марта, Дина и Гильмаръ Тённезэнъ входятъ изъ комнаты налѣво.)

Г-жа Берникъ.—Ректоръ, при всемъ моемъ желаніи, я не могла помѣшать ему...

Рёрлундъ.—Ну, такъ я не допущу его, г-жа Берникъ. Дина—вы легкомысленная дѣвушка. Но я не особенно васъ порицаю. Вы оставались здѣсь слишкомъ долго безъ нравственной опоры, которая бы поддержала васъ. Я порицаю себя за то, что я ранѣе не далъ вамъ этой опоры.

Дина.—Не говорите объ этомъ теперь!

Г-жа Берникъ.—Что значитъ все это?

Рёрлундъ.—Теперь-то я и долженъ говорить, Дина, хотя ваше поведеніе вчера и сегодня дѣлаетъ это мнѣ въ десять разъ труднѣе. Но всѣ другія соображенія должны быть отстранены ради вашего спасенія. Вы помните обѣщаніе, которое я далъ вамъ? Такъ вспомните также, чтò *вы* обѣщали отвѣтить мнѣ, когда я найду, что время настало. Теперь я не могу больше колебаться, и потому... (Обращаясь къ Іоганну Тённезэнъ.)—Эта молодая дѣвушка, которую вы преслѣдуете,—моя невѣста.

Г-жа Берникъ.—Что вы говорите?

Берникъ.—Дина!

Іоганнъ.—Она! Ваша невѣста?..

Марта.—Нѣтъ, нѣтъ, Дина!

Лона.—Это ложь!

Іоганнъ.—Дина, этотъ человѣкъ говоритъ правду?

Дина (послѣ короткой паузы).—Да.

Рёрлундъ.—Надѣюсь, это прекратитъ всѣ ваши попытки соблазнить ее. Шагъ, на который я рѣшился для счастья Дины, м... тъ быть теперь объявленъ всей нашей общинѣ. Надѣюсь,— я ...же увѣренъ,—онъ не будетъ ложно истолкованъ. А теперь, г... Берникъ, полагаю лучше удалить ее отсюда и постараться в...ätить ей миръ и духовное равновѣсіе.

Г-жа Берникъ.—Да, уйдемте. О, Дина,—какое счастье для тебя!

(Уводитъ Дину въ дверь налѣво; ректоръ Рёрлундъ уходитъ вслѣдъ за ними.)

Марта.—Прощай, Іоганнъ! (Выходитъ.)

Гильмаръ (у двери сада).—Гм... Ну, признаюсь...

Лона (проводивъ взглядомъ Дину). — Не падай духомъ, другъ мой! Я останусь здѣсь и буду слѣдить за пасторомъ.

(Выходитъ направо.)

Берникъ. — Іоганнъ, теперь ты не поѣдешь съ „Дѣвой Индіи"?

Іоганнъ.—Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

Берникъ.—Такъ ты не возвратишься?

Іоганнъ.—Нѣтъ, возвращусь.

Берникъ.—Какъ!—послѣ того, что̀ было? Что же ты сдѣлаешь послѣ этого?

Іоганнъ.—Я отомщу всѣмъ вамъ, уничтожу васъ.

(Выходитъ направо. Вигеландъ и Крапъ выходятъ изъ конторы консула.)

Вигеландъ.—Бумаги теперь въ порядкѣ, консулъ.

Берникъ.—Хорошо, хорошо...

Крапъ (вполголоса).—Такъ рѣшено—„Дѣва Индіи" отплываетъ завтра утромъ?

Берникъ.—Да, завтра утромъ.

(Идетъ въ свою комнату. Вигеландъ и Крапъ выходятъ направо. Гильмаръ Тёнезэнъ идетъ за ними, въ ту минуту какъ Олафъ осторожно выглядываетъ изъ двери налѣво.)

Олафъ.—Дядя! Дядя Гильмаръ!

Гильмаръ.—Это ты? Отчего ты не наверху? вѣдь ты же наказанъ.

Олафъ (дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ). — Тс! Дядя Гильмаръ, ты знаешь новость?

Гильмаръ.—Я знаю, что тебя отодрали.

Олафъ (угрожающе смотритъ на комнату отца).—Этого больше не будетъ. Но знаешь,—дядя Іоганнъ уѣзжаетъ завтра съ американцами?

Гильмаръ.—Тебѣ какое дѣло? Убирайся наверхъ!

Олафъ.—Можетъ быть, мнѣ еще удастся поохотиться буйволовъ, дядя.

Гильмаръ.—Вздоръ! Такой трусъ, какъ ты...

Олафъ.—Подожди немного; ты завтра кое-что услышишь

Гильмаръ.—Ахъ, ты пустомеля!

(Выходитъ въ садъ. Олафъ опять вбѣгаетъ и затворяетъ дверь, но въ эту минуту видитъ Крапа, выходящаго справа.)

Крапъ (идетъ къ двери консула и пріотворяетъ ее).—Извините, что я опять пришелъ, консулъ, но собирается страшная буря. (Ждетъ съ минуту; отвѣта нѣтъ.) Скажите, „Дѣва Индіи“ все-таки должна отплыть?

Берникъ (послѣ короткой паузы отвѣчаетъ изъ конторы).—Да, что бы ни было, „Дѣва Индіи“ должна отплыть.

(Крапъ затворяетъ дверь и выходитъ направо).

ДѢЙСТВІЕ IV.

Зимній садъ въ домѣ консула Берника. Рабочій столъ отставленъ. Смеркается; погода бурная. Слуга зажигаетъ люстры; двѣ служанки вносятъ горшки съ цвѣтами, лампы, свѣчи и ставятъ ихъ на столы и кронштейны вдоль стѣны, Руммель, во фракѣ, бѣлыхъ перчаткахъ и бѣломъ галстухѣ, стоитъ въ комнатѣ и дѣлаетъ распоряженія.

Руммель (слугѣ).—Зажигайте черезъ свѣчу, Якобъ. Не надо слишкомъ большого освѣщенія; вы знаете, вѣдь это должно имѣть видъ сюрприза. И всѣ эти цвѣты... Ну, да пусть они здѣсь останутся; подумаютъ, что они всегда стоятъ здѣсь.

(Консулъ Берникъ выходитъ изъ своей комнаты.)

Берникъ (у двери).—Что все это значитъ?

Руммель.—Какъ! это ты? Какая досада!—(Прислугѣ.) Ну, пока можете идти.

(Слуги выходятъ во вторую дверь налѣво).

Берникъ (входитъ въ комнату).—Руммель, что же все это значитъ?

Руммель.—Это значитъ, что настала самая славная минута въ твоей жизни. Весь городъ является процессіей, чтобы почтить серенадой своего перваго гражданина.

Берникъ.—Что ты хочешь сказать?

Руммель.—Съ знаменами и музыкой, милостивый государь! Мы хотѣли захватить и факелы; но не рѣшились въ эту бурную погоду. Тѣмъ не менѣе, будетъ иллюминація... Какой это произведетъ эффектъ въ газетахъ!

Берникъ.—Слушай, Руммель, я не хочу всѣхъ этихъ затѣй.

Руммель.—О, теперь слишкомъ поздно: они будутъ здѣсь черезъ полчаса.

Берникъ.—Зачѣмъ ты не предупредилъ меня заранѣе?

Руммель.—Я именно и боялся того, что ты будешь упрямиться. Но я сговорился съ твоей женой; она позволила мнѣ все устроить, и сама распорядится объ угощеніи.

Берникъ (прислушиваясь).—Что это? Они уже идутъ? Мнѣ послышалось пѣніе.

Руммель (у двери сада).—Пѣніе? О, это американцы. Они спускаютъ „Дѣву Индіи".

Берникъ.—Спускаютъ! Да!.. Нѣтъ, право, не могу сегодня вечеромъ, Руммель; мнѣ нездоровится.

Руммель.—Въ самомъ дѣлѣ, у тебя видъ нездоровый. Но ты долженъ подбодриться... взять себя въ руки, чортъ возьми! Еслибъ ты зналъ, чего намъ стоило все это устроить! Наши противники должны быть уничтожены подавляющимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Ходятъ слухи по всему городу; покупка земель не можетъ быть долѣе скрыта. Сегодня же вечеромъ, среди пѣнія, рѣчей и звона бокаловъ,—словомъ, въ разгаръ торжества,—ты долженъ объявить, на какой рискованный шагъ ты рѣшился ради блага общины. Удивительно, чего у насъ можно достигнуть въ такія торжественныя минуты! Торжество необходимо устроить,—иначе ничто не удастся.

Берникъ.—Да, да, да...

Руммель.—И особенно когда долженъ быть поднятъ такой трудный, щекотливый вопросъ. Благодаря Бога, съ твоимъ именемъ бояться нечего, Берникъ. Но выслушай меня; надо сговориться относительно подробностей. Гильмаръ Тёнезэнъ сочинилъ въ твою честь стихи. Они начинаются очень мило словами: „Выше, выше знамя идеала!"... А ректору Рёрлунду поручено произнести торжественную рѣчь. Разумѣется, ты долженъ отвѣчать ему.

Берникъ.—Не могу, право, не могу сегодня вечеромъ, Руммель. Нельзя ли тебѣ?..

Руммель.—Невозможно, при всемъ желаніи. Рѣчь будетъ, разумѣется, обращена къ тебѣ. Быть можетъ, нѣсколько словъ достанутся на долю остальныхъ изъ насъ. Я говорилъ объ этомъ съ Вигеландомъ и Сандстадомъ. Мы согласились, чтобы ты отвѣтилъ тостомъ за благосостояніе общины; Сандстадъ скажетъ нѣсколько словъ о единеніи между различными классами общества; Вигеландъ выразитъ пламенную надежду, что наше новое предпріятіе не поколеблетъ нравственной основы, на которой зиждется община; а я, въ нѣсколькихъ теплыхъ словахъ, обращу вниманіе на заслуги женщинъ, скромная дѣятельность которыхъ не пропадаетъ безъ пользы для общества. Но ты не слушаешь.

Берникъ.—Да, да, я слушаю. Но скажи, чтò—море очень бурное?

Руммель.—Развѣ тебя тревожитъ участь „Пальмы"? Вѣдь она хорошо застрахована, не правда ли?

Берникъ.—Да, она застрахована, но...

Руммель.—И исправлена хорошо; а это самое главное.

Берникъ.—Гм... но даже если что-нибудь случится съ кораблемъ, изъ этого не слѣдуетъ, что погибнутъ люди. Корабль и грузъ могутъ потонуть,—пассажиры потеряютъ свои чемоданы и бумаги...

Руммель.—Господи, что ты тревожишься о чемоданахъ и бумагахъ...

Берникъ.—Тревожусь?! Нѣтъ, нѣтъ, я только думалъ... Слышишь... опять запѣли!

Руммель.—Это матросы „Пальмы".

(Вигеландъ входитъ справа.)

Вигеландъ.—Да, они спускаютъ „Пальму". Здравствуйте, консулъ!

Берникъ.—И вы, опытный морякъ,—вы все-таки надѣетесь?..

Вигеландъ.—Я надѣюсь на Провидѣніе, консулъ; при томъ, я былъ на кораблѣ и роздалъ нѣсколько листковъ, которые, надо полагать, будутъ имѣть благотворное и душеспасительное дѣйствіе.

(Сандстадъ и Крапъ входятъ справа.)

Сандстадъ (у двери).—Это будетъ чудо, если они спасутся. А, вотъ и вы,—здравствуйте, здравствуйте!

Берникъ.—Что—развѣ случилось что-нибудь, Крапъ?

Крапъ.—Я ничего не говорилъ, консулъ.

Сандстадъ.—Всѣ матросы на „Дѣвѣ Индіи" пьяны. Если только животныя эти доѣдутъ живыми,—тогда я не пророкъ.

(Лона входитъ справа.)

Лона (къ Бернику).—Ну, я его проводила.

Берникъ.—Онъ уже на кораблѣ?

Лона.—Скоро будетъ тамъ, во всякомъ случаѣ. Мы расстались въ гостинницѣ.

Берникъ.—И онъ все стоитъ на своемъ?

Лона.—Твердъ какъ скала.

Руммель (у одного изъ оконъ). —Чортъ побери всѣ эти ново-из...вѣтенныя приспособленія! Я не могу спустить сторы.

...она.—А развѣ надо спустить ихъ? Я думала—напротивъ...

...уммель.—Надо сначала спустить ихъ, m-lle Гессель. Вѣро..., вы знаете, чтò готовится?

...на. О, разумѣется. Дайте, я помогу вамъ. (Беретъ одинъ

изъ шнурковъ.) — Я спущу стору ради моего шурина... хотя я предпочла бы поднять ее.

Руммель.—Вы можете сдѣлать это позднѣе. Когда толпа хлынетъ въ садъ, тогда мы поднимемъ сторы, и всѣмъ взорамъ представится смущенная, счастливая семья... Домъ гражданина долженъ быть прозраченъ для всего міра.

(Берникъ хочетъ что-то сказать, но быстро повертывается и идетъ въ свою контору.)

Руммель.—Ну, соберемъ послѣдній нашъ совѣтъ. Пойдемте, Крапъ; вы должны объяснить намъ кой-какіе факты.

(Всѣ мужчины идутъ въ контору консула. Лона спустила сторы и собирается задернуть занавѣсъ открытой стеклянной двери, въ ту минуту какъ Олафъ спрыгиваетъ на лѣстницу сада; на плечахъ его накинутъ плэдъ, въ рукахъ узелъ.)

Лона.—Боже мой, какъ ты испугалъ меня!

Олафъ (пряча узелъ).—Тише, тетя!

Лона.—Зачѣмъ ты выпрыгнулъ изъ окна? Куда ты идешь?

Олафъ.—Тсс! молчи, тетя. Я иду къ дядѣ Іоганну; только на пристань, понимаешь; только чтобы проститься съ нимъ. Прощай, тетя!

(Выбѣгаетъ черезъ садъ.)

Лона.—Стой! остановись! Олафъ... Олафъ!

(Іоганнъ Тѣнезэнъ, одѣтый по дорожному, съ сумкою черезъ плечо, прокрадывается изъ двери направо.)

Іоганнъ.—Лона!

Лона (оборачиваясь).—Какъ! Ты опять вернулся?

Іоганнъ.—У меня еще осталось нѣсколько свободныхъ минутъ. Я долженъ еще разъ видѣть ее. Мы не можемъ такъ разстаться.

(Марта и Дина—обѣ въ пальто и послѣдняя съ маленькой сумкой въ рукѣ—входятъ изъ второй двери налѣво.)

Дина.—Къ нему, къ нему!

Марта.—Да, я тебя отведу къ нему, Дина.

Дина.—Ахъ, вотъ онъ!

Іоганнъ.—Дина!

Дина.—Возьмите меня съ собой!

Іоганнъ.—Что?!

Лона.—Ты согласенъ?

Дина.—Да, возьмите меня съ собой! Онъ написалъ мнѣ, что сегодня вечеромъ всѣмъ будетъ объявлено...

Іоганнъ.—Дина, вы не любите его?

Дина.—Я никогда не любила этого человѣка. Лучше бо-

ситься въ море, чѣмъ стать его женой! О, какъ онъ оскорбилъ меня вчера своими высокомѣрно-покровительственными рѣчами! Какъ онъ заставилъ меня почувствовать, что снисходитъ къ презрѣнному существу! Я не хочу быть презираемой. Я уѣду. Могу я уѣхать съ вами?

Іоганнъ.—Да, да, тысячу разъ—да!

Дина.—Я вамъ не буду долго въ тягость. Только помогите мнѣ добраться туда; помогите мнѣ устроиться...

Іоганнъ.—Мы это все устроимъ вамъ, Дина!

Лона (указывая на дверь консула).—Тише, не говорите такъ громко.

Іоганнъ.—Дина, я буду охранять васъ, буду носить васъ на рукахъ.

Дина.—Я не этого хочу. Я сама проложу себѣ дорогу; тамъ я съумѣю устроить свою жизнь. Лишь бы мнѣ уйти отсюда. О, эти женщины!—вы не знаете, онѣ писали мнѣ сегодня; онѣ увѣщевали меня оцѣнить выпавшее на мою долю счастье; внушали мнѣ, какъ онъ великодушенъ... Каждый день онѣ слѣдили бы за мной, чтобы видѣть, достойна ли я такого великаго счастья... Мнѣ ненавистно все это лицемѣріе!

Іоганнъ.—Скажите, Дина, это единственная причина, почему вы уѣзжаете? А я—ничто для васъ?

Дина.—Нѣтъ, Іоганнъ, вы для меня дороже, чѣмъ кто-либо другой.

Іоганнъ.—О, Дина!

Дина.—Всѣ они твердятъ мнѣ, что я должна ненавидѣть васъ; что это, будто бы, мой долгъ; но я этого долга не понимаю.

Лона.—И никогда не поймешь, дитя мое!

Марта.—Нѣтъ, конечно нѣтъ; и вотъ почему ты должна уѣхать съ нимъ, какъ его жена.

Іоганнъ.—Да, да.

Лона.—Какъ?.. Дай мнѣ обнять тебя, Марта! Вотъ чего бы я никогда не ожидала отъ тебя!..

Марта.—Да, я сама этого не ожидала. Но, рано или поздно, это должно было обнаружиться. О, какъ мы изнемогаемъ подъ гнетомъ обычая и условности! Возстань противъ этого, Дина! Будь его женой! Брось вызовъ всему нашему обществу съ его лицемѣріемъ и приличіемъ!

Іоганнъ.—Что вы отвѣтите на это, Дина?

Дина.—Да, я буду вашей женой.

Іоганнъ.—Дина!

Дина.—Но прежде всего я буду работать и стану чѣмъ-ни-

будь сама по себѣ, также какъ вы. Я отдаюсь добровольно: я не хочу быть вещью, которую берутъ или оставляютъ.

Лона.—Такъ это и слѣдуетъ! Ты права!

Іоганнъ.—Хорошо; я буду ждать и надѣяться...

Лона.—И ты дождешься, другъ мой! Но теперь пора на корабль.

Іоганнъ.—Да, пора! О, Лона, дорогая сестра, — еще одно слово; пойди сюда...

(Ведетъ ее въ глубину сцены и торопливо говоритъ ей.)

Марта.—Дина, счастливица,—дай мнѣ посмотрѣть на тебя еще разъ,—въ послѣдній разъ!

Дина.—Не въ послѣдній разъ; нѣтъ, милая, дорогая тетя,—мы увидимся еще!

Марта.—Никогда! Обѣщай мнѣ, Дина, обѣщай никогда не возвращаться! (Схватываетъ ее за обѣ руки и смотритъ прямо въ лицо.)—Теперь ступай къ своему счастью, за море, дорогое дитя мое!.. О, какъ часто я сидѣла въ классной и мечтала быть тамъ! Тамъ должно быть прекрасно... небо шире... облака носятся выше, чѣмъ здѣсь, и болѣе свѣжій воздухъ струится надъ головой людей...

Дина.—О, тетя Марта, ты когда-нибудь пріѣдешь къ намъ!

Марта.—Я? Никогда, никогда. Скромная задача моей жизни—здѣсь.

Дина.—Какъ, навѣки разстаться съ тобой!.. Нѣтъ, я не выношу этой мысли!

Марта.—О, человѣку приходится со многимъ разставаться, Дина. (Цѣлуетъ ее.) Но ты никогда не узнаешь этого, милое дитя мое. Обѣщай мнѣ, что онъ будетъ счастливъ съ тобой.

Дина.—Я ничего не буду обѣщать. Я ненавижу эти обѣщанія; какъ Богъ велитъ,—такъ и будетъ.

Марта.—Да, да, правда; тебѣ надо лишь остаться тѣмъ, что ты есть,—правдивой и вѣрной самой себѣ.

Дина.—И я останусь такой, тетя Марта.

Лона (кладетъ въ свой карманъ нѣсколько бумагъ, которыя ей далъ Іоганнъ).—Прощай, прощай, милый Іона! А теперь пора.

Іоганнъ.—Да, пора, очень пора. Прости, Лона! Благодарю тебя, благодарю за всю твою любовь ко мнѣ! Прости, Марта! Благодарю тебя также за твою вѣрную дружбу.

Марта.—Прощай, Іоганнъ! Прощай, Дина! Будьте счастли[...] вмѣстѣ!..

(Марта и Лона торопятъ ихъ, направляясь къ двери [...] глубинѣ сцены. Іоганнъ и Дина поспѣшно выходятъ садом[...] Лона затворяетъ дверь и задергиваетъ занавѣсъ.)

Лона.—Теперь мы однѣ, Марта. Ты потеряла ее, а я—его.

Марта.—Ты—его?

Лона.—О, я наполовину потеряла его уже тамъ. Юноша стремился стать на собственныя ноги; вотъ почему я постаралась ему внушить, что у меня тоска по родинѣ.

Марта.—Въ самомъ дѣлѣ? Теперь я понимаю, почему ты пріѣхала. Но онъ опять будетъ звать тебя къ себѣ, Лона.

Лона.—Старая сестра—на что она ему теперь? Люди разрываютъ много связей, чтобы достигнуть счастья.

Марта.—Да, случается.

Лона.—Но теперь мы должны быть вмѣстѣ, Марта.

Марта.—На что я тебѣ?

Лона.—Какъ на что? Ты нужнѣе мнѣ, чѣмъ кто-либо. Мы обѣ—пріемныя матери, и обѣ потеряли своихъ дѣтей. Теперь мы остались однѣ.

Марта.—Да, однѣ. И поэтому я откроюсь тебѣ, — я его любила.

Лона.—Марта? (Схватываетъ ее за руку!) Правда ли это?

Марта.—Весь смыслъ моей жизни въ этихъ словахъ. Я любила его и ждала. Лѣто за лѣтомъ ожидала я возвращенія его. И вотъ онъ возвратился — и не замѣтилъ меня.

Лона.—Ты любила его!—И ты же заботилась о его счастьѣ!

Марта.—Кому же, какъ не мнѣ, было заботиться о его счастьѣ, —вѣдь я его любила! Да, я его любила. Вся жизнь моя была посвящена ему, съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ. Ты спросишь— какое основаніе имѣла я надѣяться? Я думаю, что имѣла *нѣкоторыя* основанія. Но затѣмъ, когда онъ вернулся,—казалось, все изгладилось изъ его воспоминанія. Онъ не замѣтилъ меня.

Лона.—Дина тебя затмила, Марта.

Марта.—И хорошо сдѣлала! Когда онъ уѣхалъ, мы были съ нимъ однихъ лѣтъ; когда мы свидѣлись,—о, какая ужасная минута! — мнѣ стало ясно, что я на десять лѣтъ старше его. Онъ жилъ въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ, каждую минуту вдыхая въ себя молодость и здоровье, а я, между тѣмъ, сидѣла здѣсь и пряла... пряла...

Лона.—Нить его счастья, Марта.

Марта.—Да, я пряла золотомъ. Но не будемъ питать горькихъ чувствъ! Мы обѣ были ему добрыми сестрами, Лона,—не правда ли?

Лона (цѣлуетъ ее).—Марта!

(Консулъ Берникъ выходитъ изъ своей комнаты.)

Берникъ (къ мужчинамъ въ его комнатѣ).—Да, да, устрои-

вайте это какъ знаете. Когда настанетъ минута, ужъ я... (Затворяетъ дверь.) А, вы здѣсь? Послушай, Марта, тебѣ слѣдуетъ нѣсколько пріодѣться. И Бэтти также, скажи ей. Не нужно никакой роскоши, понимаешь; простой, приличный домашній туалетъ. Но поторопитесь.

Лона.—И ты должна смотрѣть довольной и счастливой, Марта... чтобы не было слезъ на глазахъ...

Берникъ.—И Олафъ также пусть сойдетъ. Я хочу, чтобы онъ былъ со мною.

Лона.—Олафъ...

Марта.—Я скажу Бэтти! (Выходитъ во вторую дверь, налѣво.)

Лона.—Итакъ, настала великая, торжественная минута.

Берникъ (въ волненіи ходитъ взадъ и впередъ). — Да, настала.

Лона.—Въ такую минуту, я думаю, человѣкъ долженъ чувствовать себя гордымъ и счастливымъ.

Берникъ (взглядываетъ на нее).—Гм...

Лона.—Я слышала, весь городъ будетъ иллюминованъ.

Берникъ.—Да, кажется, намѣрены устроить что-то въ этомъ родѣ.

Лона.—Всѣ клубы явятся съ своими знаменами. Имя твое будетъ блистать огненными буквами. Сегодня же вечеромъ во всѣ стороны полетятъ телеграммы: „Окруженный своей счастливой семьей, консулъ Берникъ получилъ дань уваженія отъ своихъ согражданъ, какъ одинъ изъ столповъ общества"...

Берникъ.—Да, и они будутъ кричать „ура" на улицѣ, и меня вызовутъ къ порогу двери, и я долженъ буду кланяться и благодарить ихъ.

Лона.—Долженъ будешь?..

Берникъ.—Ты думаешь, я чувствую себя очень счастливымъ въ такую минуту?

Лона.—Нѣтъ, не думаю, чтобы ты былъ вполнѣ счастливъ.

Берникъ.—Лона, ты презираешь меня.

Лона.—Пока еще—нѣтъ.

Берникъ.—И ты не имѣешь права презирать меня... Нѣтъ,— презирать меня ты не должна!.. Лона, ты не можешь себѣ представить, какъ безконечно одинокъ я здѣсь, въ этомъ ограниченномъ, тупомъ обществѣ, — какъ я, изъ году въ годъ, подавлялъ въ себѣ стремленіе къ высокой жизненной задачѣ, которая наполняла бы всю мою жизнь. Что значатъ мои успѣхи, — какъ они, повидимому, ни велики? Мишура, блёстки — и больше ничего. — Здѣсь нѣтъ мѣста для другой, болѣе широкой задачи

Еслибъ я попытался опередить современные идеи и взгляды, вся сила моя пропала бы. Знаешь ли, чтò мы представляемъ собой,—мы, которыхъ называютъ „столпами общества“? На дѣлѣ мы—орудія общества, ни болѣе, ни менѣе.

Лона.—Почему ты только теперь понялъ это?

Берникъ.—Потому что я много, много думалъ за послѣднее время... съ тѣхъ поръ какъ ты здѣсь... и особенно сегодня вечеромъ... О, Лона, отчего я такъ мало зналъ тебя въ былое время!..

Лона.—Что же было бы?

Берникъ.—Я никогда не оставилъ бы тебя; еслибъ ты была со мной, я былъ бы другимъ человѣкомъ.

Лона.—А ты никогда не думалъ, чѣмъ могла бы быть для тебя та, которую ты избралъ вмѣсто меня?

Берникъ.—Я знаю, во всякомъ случаѣ, что она не была для меня тѣмъ, чего я желалъ.

Лона.—Потому что ты никогда не дѣлалъ ее участницей интересовъ твоей жизни, потому что ты никогда не ставилъ ее въ правильное, свободное отношеніе къ себѣ. Ты допускалъ ее томиться подъ бременемъ позора, который ты набросилъ на близкихъ ея родственниковъ.

Берникъ.—Да, да, да; все это—послѣдствія лицемѣрія и лжи.

Лона.—Такъ почему же не разорвать со всѣмъ этимъ лицемѣріемъ и ложью?

Берникъ.—Теперь? Теперь слишкомъ поздно, Лона.

Лона.—Карстэнъ, скажи мнѣ,—какое удовлетвореніе доставляетъ тебѣ весь этотъ обманъ и внѣшній блескъ?

Берникъ.—Никакого. Я долженъ пасть вмѣстѣ со всѣмъ этимъ дряннымъ обществомъ. Но новое поколѣніе выростетъ послѣ насъ; я работаю для моего сына; ему подготовляю я настоящую жизненную задачу. Настанетъ минута, когда истина проникнетъ въ нашу общественную жизнь, и на ней-то онъ можетъ основать болѣе счастливую будущность, чѣмъ его отецъ.

Лона.—Какъ—когда въ основаніи лежитъ ложь? Подумай, чтò ты оставляешь въ наслѣдство твоему сыну!

Берникъ (съ сдержаннымъ отчаяніемъ). — Я оставляю ему наслѣдство въ тысячу разъ хуже, чѣмъ ты думаешь. Но рано или поздно,—проклятіе снимется. И между тѣмъ... между тѣмъ... (...рывисто.) Зачѣмъ ты навлекла все это на мою голову!.. Но ...о сдѣлано. Я долженъ продолжать, я остановиться не могу. ...мъ не удастся сокрушить меня!

(Гильмаръ Тёнезэнъ поспѣшно входитъ справа съ открытой запиской въ рукѣ и очень разстроенный.)

Гильмаръ.—Да вѣдь это... Бэтти, Бэтти!

Берникъ.—Что такое? Они уже близко?

Гильмаръ.—Нѣтъ, нѣтъ; но я долженъ непремѣнно сейчасъ переговорить съ кѣмъ-нибудь.

(Выходитъ во вторую дверь налѣво.)

Лона.—Берникъ, ты говоришь—мы возвратились, чтобы погубить тебя. Такъ я тебѣ скажу, какого закала этотъ блудный сынъ, отъ котораго ваше высоконравственное общество отшатывается какъ отъ зачумленнаго. Опасаться тебѣ его нечего,—онъ уѣхалъ.

Берникъ.—Но онъ возвратится.

Лона.—Іоганнъ никогда не возвратится. Онъ совсѣмъ уѣхалъ, и Дина уѣхала съ нимъ.

Берникъ.—Совсѣмъ? И Дина съ нимъ?

Лона.—Да, она будетъ его женой. Вотъ какую пощечину они даютъ вашему добродѣтельному обществу: это какъ я нѣкогда... Но оставимъ это!

Берникъ.—Уѣхалъ! и она также! съ „Дѣвой Индіи"?

Лона.—Нѣтъ, онъ не рѣшился довѣрить такой драгоцѣнный грузъ этой прогнившей старой бочкѣ. Іоганнъ и Дина уѣхали съ „Пальмой".

Берникъ.—А! Итакъ... напрасно...—(Бросается къ двери конторы, растворяетъ ее и зоветъ.) Крапъ! остановите „Дѣву Индіи"! она не должна отплыть сегодня.

Крапъ (изъ конторы).—„Дѣва Индіи" уже въ морѣ, консулъ.

Берникъ (затворяетъ дверь и говоритъ едва слышно).—Слишкомъ поздно и все напрасно!

Лона.—Что ты говоришь?

Берникъ.—Ничего, ничего. Оставь меня!..

Лона.—Слушай, Карстэнъ. Іоганнъ поручилъ передать тебѣ, что онъ оставляетъ въ моихъ рукахъ доброе имя, которое ты похитилъ у него, когда онъ былъ на чужбинѣ. Іоганнъ будетъ молчать: въ моей власти поднять дѣло или оставить его. Посмотри, въ моихъ рукахъ твои два письма.

Берникъ.—Они въ твоихъ рукахъ! И теперь... теперь ты, сегодня же вечеромъ, быть можетъ, во время торжества...

Лона.—Я возвратилась не для того, чтобы выдать тебя, но чтобы побудить тебя открыться добровольно. Мнѣ это не удалос[ь]. Оставайся во лжи. Смотри, я разрываю на клочки твое письм[а]. Возьми эти клочки,—вотъ они. Теперь ничего нѣтъ, что̀ бы свид[ѣ]тельствовало противъ тебя, Карстэнъ. Теперь ты въ безопасности. Будь счастливъ... если можешь.

Берникъ (глубоко тронутый).—Лона, почему ты не сдѣлала этого раньше? Теперь слишкомъ поздно; вся жизнь моя погублена теперь; я не могу жить послѣ сегодняшняго дня.

Лона.—Что случилось?

Берникъ.—Не спрашивай меня. И между тѣмъ—я долженъ жить! Я *буду* жить — ради Олафа. Онъ все исправитъ и все искупитъ...

Лона.—Карстэнъ!..

(Гильмаръ Тöнезэнъ поспѣшно опять входитъ.)

Гильмаръ.—Никого! всѣ ушли, даже Бэтти!

Берникъ.—Что съ тобой?

Гильмаръ.—Я не смѣю сказать.

Берникъ.—Что это? Ты долженъ сказать мнѣ!

Гильмаръ.—Такъ знай: Олафъ бѣжалъ и уѣхалъ съ „Дѣвой Индіи"!

Берникъ (пошатнувшись). — Олафъ — съ „Дѣвой Индіи"! Нѣтъ, неправда!

Лона.—Да, убѣжалъ! Теперь я понимаю: я видѣла, какъ онъ выпрыгнулъ изъ окна.

Берникъ (у двери своей комнаты, взываетъ въ отчаяніи).—Крапъ, остановите „Дѣву Индіи" во что бы то ни стало!

Крапъ (входитъ).—Невозможно, консулъ. Неужели вы думаете, что...

Берникъ.—Мы должны остановить ее! Олафъ на кораблѣ!

Крапъ.—Что?

Руммель (входитъ изъ конторы).—Олафъ убѣжалъ? Быть не можетъ!

Сандстадъ (входитъ изъ конторы).—Его отправятъ назадъ съ лоцманомъ, консулъ.

Гильмаръ.—Нѣтъ, нѣтъ; онъ написалъ мнѣ (показываетъ письмо); онъ говоритъ, что спрячется въ трюмѣ за грузомъ, пока они не выйдутъ въ открытое море.

Берникъ.—Я никогда болѣе не увижу его!

Руммель.—О, пустяки; хорошій, крѣпкій корабль, только-что исправленный...

Вигеландъ (входитъ).—И притомъ на вашей собственной верфи, консулъ.

Берникъ.—Говорю вамъ,—я никогда болѣе не увижу его. Я потерялъ его, Лона; и—я чувствую это теперь—онъ никогда въ дѣйствительности не былъ близокъ ко мнѣ. (Прислушивается.) Что это?

Руммель.—Музыка... Приближается процессія.

Берникъ.—Не могу, не хочу никого принять!

Руммель.—Что ты говоришь? Это невозможно...

Сандстадъ.—Невозможно, консулъ; подумайте, какъ много отъ этого зависитъ для васъ самихъ!

Берникъ.—Какое мнѣ дѣло до всего этого? Для кого стану я теперь работать?

Руммель.—Какъ для кого? Для насъ и для общества.

Вигеландъ.—Да, разумѣется.

Сандстадъ.—И при томъ, консулъ, не забывайте, что мы...

(Марта входитъ изъ второй двери налѣво. Съ улицы доносятся звуки музыки.)

Марта.—Приближается процессія; но Бэтти нѣтъ дома; не понимаю, гдѣ она...

Берникъ.—Нѣтъ дома! Вотъ видишь, Лона,—нѣтъ мнѣ поддержки ни въ радости, ни въ горѣ.

Руммель.—Надо поднять сторы. Помогите мнѣ, Крапъ! И вы также, Сандстадъ! Какъ досадно, что семья разсѣялась какъ разъ въ такую минуту, совсѣмъ несогласно съ программой!

(Поднимаютъ сторы на окнахъ и портьеру на двери. Вся улица иллюминована. На противоположномъ домѣ прозрачными буквами изображены слова: „Да здравствуетъ консулъ Берникъ, опора нашего общества!“)

Берникъ (отступая).—Прочь все это! Я не хочу этого видѣть! Тушите, гасите все!

Руммель.—Послушай,—въ своемъ ли ты умѣ?

Марта.—Что съ нимъ, Лона?

Лона.—Тише! (Говоритъ съ ней шопотомъ.)

Берникъ.—Говорю вамъ—прочь! это насмѣшки! Или вы не видите — всѣ эти свѣчи смѣются надъ нами?!

Руммель.—Ну, признаюсь...

Берникъ.—О, вы ничего не знаете!.. Но я, я!.. Это свѣчи надъ гробомъ покойника!

Крапъ.—Гм!..

Руммель.—Право же,—ты принимаешь это слишкомъ близко къ сердцу.

Сандстадъ.—Мальчикъ проѣдется по океану и затѣмъ возвратится къ вамъ.

Вигеландъ.—Только довѣрьтесь Всевышнему, консулъ.

Руммель.—И также кораблю, Берникъ; онъ выдержитъ бурю.

Крапъ. Ну!

Руммель.—Еслибъ это былъ одинъ изъ тѣхъ негодныхъ кораблей, которые посылаютъ большія государства...

Берникъ.—Я чувствую... о, Боже мой!..

(Г-жа Берникъ съ большой шалью, накинутой на голову, входитъ изъ двери сада.)

Г-жа Берникъ.—Карстэнъ, Карстэнъ, ты знаешь?..

Берникъ.—Да, я знаю... Но ты—чего ты глядѣла, гдѣ твое материнское попеченіе?..

Г-жа Берникъ.—О, выслушай меня!..

Берникъ.—Зачѣмъ ты не смотрѣла за нимъ? Теперь я потерялъ его. Возврати мнѣ его, если можешь!

Г-жа Берникъ.—Да, я возвращу тебѣ его; онъ здѣсь!

Берникъ. Здѣсь!?

Мужчины.—А!

Гильмаръ.—Да, я такъ и думалъ.

Марта.—Теперь онъ возвращенъ тебѣ, Карстэнъ!

Лона.—Да, теперь съумѣй привлечь его къ себѣ!

Берникъ.—Онъ у тебя! Правда ли это? Гдѣ онъ?

Г-жа Берникъ.—Я не скажу, пока ты не простишь его.

Берникъ.—О, я прощаю, прощаю!.. Но какъ ты узнала?..

Г-жа Берникъ.—Или ты думаешь—мать слѣпа? Я была въ смертельномъ страхѣ, чтобы ты не узналъ объ этомъ. Онъ вчера проговорился... затѣмъ я нашла его комнату пустой; сумка и одежда исчезли...

Берникъ.—Да, да?..

Г-жа Берникъ.—Я бросилась бѣжать, отыскала Аулера; мы отправились въ его лодкѣ; американскій корабль готовился къ отплытію. Слава Богу, мы поспѣли во время, взошли на корабль, стали искать въ трюмѣ—и нашли его. О, Карстэнъ, не наказывай его!

Берникъ.—Бэтти!

Г-жа Берникъ!—И прости также Аулера!

Берникъ.—Аулера? Что же съ нимъ? Развѣ „Дѣва Индіи“ въ морѣ?

Г-жа Берникъ.—Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло...

Берникъ.—Говори, говори!

Г-жа Берникъ.—Аулеръ былъ такъ же встревоженъ, какъ и я; поиски взяли довольно много времени; между тѣмъ стемнѣло, и лоцманъ сталъ дѣлать возраженія, а поэтому Аулеръ рѣшился твмъ именемъ...

Берникъ.—Ну?

Г-жа Берникъ.—Остановить корабль до завтра.

Крапъ.—Гм...

Берникъ.—Какое невыразимое счастье!

Г-жа Берникъ.—Ты не сердишься?

Берникъ.—О, какое великое счастье, Бэтти!

Руммель.—Право, у тебя нервы черезъ-чуръ разстроены.

Гильмаръ.—Да, какъ только дѣло доходитъ до небольшой борьбы съ природой, тотчасъ... о-хъ!

Крапъ (у окна).—Процессія входитъ въ садъ, консулъ.

Берникъ.—Да, пусть теперь идутъ!

Руммель.—Весь садъ полонъ народа.

Сандстадъ.—Вся улица запружена.

Руммель.—Весь городъ вышелъ къ тебѣ, Берникъ. По истинѣ, это минута вдохновляющая.

Вигеландъ.—Примемъ это со смиреннымъ сердцемъ, Руммель.

Руммель.—Несутъ всѣ знамена! Какая величественная процессія! А вотъ и комитетъ съ ректоромъ Рёрлундомъ во главѣ.

Берникъ.—Да, да—пусть идутъ.

Руммель.—Но послушай, — въ твоемъ возбужденномъ состояніи...

Берникъ.—Что же?

Руммель.—Я не отказался бы говорить за тебя.

Берникъ.—Нѣтъ, благодарю; сегодня вечеромъ я буду самъ говорить.

Руммель.—Такъ ты знаешь, что долженъ говорить?

Берникъ.—Будь покоенъ Руммель, теперь я знаю, что̀ мнѣ надо сказать.

(Музыка между тѣмъ остановилась. Дверь въ садъ отворяется настежъ. Ректоръ Рёрлундъ входитъ во главѣ комитета, въ сопровожденіи двухъ носильщиковъ, которые несутъ закрытую корзину. За ними входятъ горожане всѣхъ классовъ, сколько можетъ вмѣстить комната. Въ саду и на улицѣ—громадная толпа съ знаменами и флагами.)

Рёрлундъ.—Высокоуважаемый консулъ Берникъ! я вижу по удивленію, выражающемуся на вашемъ лицѣ, что мы нежданными гостями вторгаемся въ вашъ счастливый семейный кружокъ, въ вашъ мирный очагъ, окруженный честными друзьями и доблестными согражданами. Оправданіе наше въ томъ, что, принося вамъ дань своего уваженія, мы повинуемся сердечному влеченію. Мы это дѣлаемъ не первый разъ, но впервые мы привѣтствуемъ васъ такъ торжественно и единодушно. Мы часто выражали вамъ сво признательность за широкую нравственную основу, на котору вы, такъ сказать, поставили нашу общину.

Вигеландъ и голоса изъ толпы.—Браво, браво!

Рёрлундъ.—Сегодня мы, главнымъ образомъ, привѣтствуем

въ лицѣ вашемъ проницательнаго, неутомимаго, безкорыстнаго, болѣе того—самоотверженнаго гражданина, взявшаго иниціативу въ предпріятіи, которое, по свидѣтельству компетентныхъ людей, послужитъ могущественнымъ двигателемъ для земного процвѣтанія и благосостоянія общины.

Голоса (въ толпѣ).—Браво, браво!

Рёрлундъ.—Консулъ Берникъ! въ продолженіе многихъ лѣтъ вы служили блестящимъ примѣромъ для нашего города. Я не говорю о вашей примѣрной семейной жизни, о вашей безупречной нравственной репутаціи. Обо всемъ этомъ слѣдуетъ молчать, а не объявлять всенародно. Я говорю о вашей гражданской доблести, которая на глазахъ у всѣхъ. Прекрасно снаряженные корабли выходятъ изъ вашихъ верфей и подымаютъ нашъ флагъ въ самыхъ далекихъ моряхъ. Многочисленная и счастливая артель рабочихъ смотритъ на васъ какъ на отца. Введеніемъ новыхъ отраслей промышленности вы внесли благосостояніе въ сотни домовъ. Другими словами, вы, въ высшемъ значеніи слова, столпъ и краеугольный камень этой общины.

Голоса.—Слушайте, слушайте! Браво!

Рёрлундъ.—И это-то безкорыстіе, освѣщающее всѣ ваши дѣйствія, такъ невыразимо благотворно, особенно въ настоящія времена. Теперь вы намѣрены въ ближайшемъ будущемъ снабдить насъ—я выражусь прямо и прозаично—желѣзной дорогой.

Много голосовъ.—Браво! браво!

Рёрлундъ.—Но предпріятію этому, повидимому, суждено встрѣтить затрудненія, возникающія, главнымъ образомъ, отъ узкихъ, эгоистическихъ интересовъ.

Голоса.—Слушайте, слушайте!

Рёрлундъ.—Теперь уже извѣстно, что нѣкоторыя личности, не принадлежащія къ нашей общинѣ, заранѣе сговорились съ нѣсколькими предпріимчивыми мѣстными адвокатами, и разными происками присвоили себѣ нѣкоторыя преимущества, которыя, по праву, исключительно должны были достаться на долю нашего собственнаго города.

Голоса.—Да, да! Слушайте, слушайте!

Рёрлундъ.—Вамъ, конечно, извѣстенъ этотъ печальный фактъ, консулъ Берникъ. Но, тѣмъ не менѣе, вы твердо преслѣдуете ваше предпріятіе, памятуя, что гражданинъ-патріотъ не долженъ исключительно заботиться объ интересахъ своего прихода.

Разные голоса.—Гм! Нѣтъ, нѣтъ! Да, да!

Рёрлундъ.—Итакъ, мы собрались сегодня вечеромъ, чтобы, въ лицѣ вашемъ, почтить идеальнаго гражданина, представляющаго

собой образецъ всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей. Да послужитъ ваше предпріятіе къ упроченію благосостоянія этой общины! Желѣзная дорога, безъ сомнѣнія,—учрежденіе, которое подвергаетъ насъ вторженію вредныхъ вліяній; но въ то же время это есть путь къ скорѣйшему избавленію отъ нихъ. Отъ внѣшнихъ элементовъ зла даже теперь мы не можемъ быть вполнѣ застрахованы. Но я съ великой радостью услышалъ, что именно въ этотъ торжественный вечеръ, мы избавились, скорѣе чѣмъ можно было ожидать, отъ извѣстныхъ элементовъ такого рода...

Голоса.—Ш-ш!.. ш-ш!

Рёрлундъ.—Я считаю это счастливымъ предзнаменованіемъ для вышеупомянутаго предпріятія. Я бы не затронулъ здѣсь этого предмета, еслибъ мы не были въ домѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, семейныя узы подчинены этическому идеалу.

Голоса.—Слушайте, слушайте! Браво!

Берникъ (одновременно).—Позвольте мнѣ...

Рёрлундъ.—Только еще нѣсколько словъ, консулъ Берникъ. Вы трудились для этой общины безъ всякихъ разсчетовъ на собственную матеріальную выгоду: это несомнѣнно. Но вы не можете отвергнуть скромнаго выраженія признательности вашихъ благодарныхъ согражданъ, а тѣмъ болѣе при этомъ знаменательномъ случаѣ, когда, по свидѣтельству компетентныхъ людей, мы стоимъ на порогѣ новой эры!

Много голосовъ.—Браво! Слушайте, слушайте!

(Рёрлундъ подаетъ знакъ носильщикамъ; они приносятъ корзину; члены комитета, въ продолженіе слѣдующей рѣчи, вынимаютъ и подносятъ подарки.)

Рёрлундъ.—Позвольте, уважаемый консулъ, передать вамъ этотъ серебряный кофейный сервизъ. Пусть красуется онъ на вашемъ столѣ, когда мы будемъ имѣть удовольствіе по прежнему встрѣчаться подъ этимъ гостепріимнымъ кровомъ. И вы тоже, господа, которые такъ энергично содѣйствовали первому гражданину нашей общины,—мы просимъ васъ принять небольшой знакъ нашего уваженія. Позвольте приподнести вамъ этотъ серебряный кубокъ, г-нъ Руммель. Много разъ, среди звона бокаловъ, вы въ краснорѣчивыхъ словахъ сражались за гражданскіе интересы нашей общины; желаю, чтобы вамъ представились достойные случаи поднимать и осушать этотъ кубокъ. Вы, г-нъ Сандста[illegible], примите этотъ альбомъ, съ фотографическими изображеніями [illegible]шихъ согражданъ. Ваша столь извѣстная и высоко цѣнимая г[illegible]манность поставила васъ въ счастливое положеніе имѣть друз[illegible]й во всѣхъ партіяхъ нашей общины. А вамъ, г-нъ Вигеланд[illegible],

я имѣю предложить, для украшенія вашего домашняго святилища, эту душеспасительную книгу на веленевой бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ. Подъ отрезвляющимъ вліяніемъ лѣтъ, вы достигли возвышеннаго міросозерцанія; ваша дѣятельность всегда просвѣтлялась и облагораживалась размышленіями о высшемъ, о небесномъ... (Обращается къ толпѣ.)—А теперь, друзья мои, да здравствуютъ консулъ Берникъ и его сотрудники! Ура! да здравствуютъ столпы общества!

Вся толпа.—Да здравствуетъ консулъ Берникъ! Да здравствуютъ столпы общества!—Ура! ура! ура!

Лона.—Поздравляю тебя!—(Наступаетъ молчаніе.)

Берникъ (начинаетъ медленно и торжественно).—Сограждане! ораторъ вамъ сказалъ, что мы стоимъ сегодня на порогѣ новой эры; и въ этомъ, надѣюсь, онъ правъ. Но чтобы эти слова оправдались, мы должны усвоить себѣ истину, которая, до сегодняшняго вечера, была вполнѣ и во всемъ изгнана изъ нашей общины. (Изумленіе среди слушателей.)—Прежде всего, я долженъ отвергнуть похвалы, которыми вы, ректоръ Рёрлундъ, осыпали меня согласно обычаю, принятому въ такихъ случаяхъ. Я ихъ не заслуживаю, потому что до настоящаго дня я не былъ безкорыстенъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Если я не всегда стремился къ матеріальной выгодѣ, по крайней мѣрѣ я сознаю теперь, что страстное стремленіе къ власти, къ вліянію, къ почестямъ было главнымъ побужденіемъ большей части моихъ дѣйствій.

Руммель (вполголоса).—Что же это?

Берникъ.—Я не упрекаю себя за это передъ моими согражданами, потому что и теперь мнѣ кажется, что я могу стать въ первомъ ряду между людьми практической дѣятельности.

Много голосовъ.—Да, да, да!

Берникъ.—Но я порицаю себя за то, что имѣлъ слабость идти окольными путями, зная, какъ наше общество готово подозрѣвать нечистыя побужденія во всемъ, что предпринимаетъ человѣкъ. А теперь я перехожу къ главному вопросу.

Руммель (тревожно).—Гм... гм!..

Берникъ.—Распространились слухи о продажѣ земель вдоль проектированной линіи. Эти земли купилъ я,—всѣ купилъ я одинъ.

Сдержанные голоса.—Что онъ говоритъ? Консулъ Берникъ?

Берникъ.—Въ настоящее время онѣ — въ моихъ рукахъ. Разумѣется, я довѣрилъ эту тайну моимъ сотрудникамъ, г-дамъ Руммель, Вигеландъ и Сандстадъ, и мы согласились.

Руммель.—Это неправда! Докажите! докажите!..

Вигеландъ.—Между нами никакого не было соглашенія.

Сандстадъ.—Ну, признаюсь...

Берникъ.—Правда, мы еще не согласились относительно того, что̀ я хочу вамъ сообщить. Но я вполнѣ увѣренъ, что эти господа не станутъ противорѣчить, если я скажу, что сегодня вечеромъ я рѣшился составить компанію для эксплуатаціи этихъ земель; всякій, кто пожелаетъ, можетъ вступить въ нее.

Много голосовъ.—Ура! Да здравствуетъ консулъ Берникъ!

Руммель (въ сторону Бернику). — Какое низкое предательство!

Сандстадъ (также).—А, такъ вы насъ водили за носъ!..

Вигеландъ.—Если такъ, чортъ побери!.. О, прости Господи, что̀ я говорю?

Толпа (снаружи).—Ура, ура, ура!

Берникъ.—Тише, господа. Я не имѣю права на такой почетъ; высказанное сейчасъ предложеніе не было первоначально моимъ намѣреніемъ. Намѣреніе мое было все оставить себѣ; и теперь я того мнѣнія, что земли всего выгоднѣе могутъ быть эксплуатированы, когда администрація ихъ въ рукахъ одного лица. Но выборъ зависитъ отъ васъ. Если вы желаете, я готовъ взять на себя администрацію этихъ земель.

Голоса.—Да, да, да!

Берникъ.—Но прежде всего мои сограждане должны вполнѣ узнать меня. Пусть каждый испытуетъ свою совѣсть, и пусть осуществится предсказаніе, что съ этого вечера начинается новая эра. Старое—съ его мишурой, лицемѣріемъ, пустотой, съ его лживымъ приличіемъ и жалкой трусостью—пусть останется за нами, сложенное въ музей, открытый для поученія нашего; и этому музею мы приподнесемъ—не правда ли господа? — и кофейный сервизъ, и кубокъ, и альбомъ, и душеспасительную книгу на веленевой бумагѣ, въ роскошномъ переплетѣ.

Руммель.—Да, разумѣется.

Вигеландъ (бормочетъ).—Разъ вы отняли главное, такъ...

Сандстадъ.—Какъ вамъ угодно.

Берникъ.—А теперь я долженъ покончить счеты съ обществомъ. Было сказано, что элементы зла покинули насъ сегодня вечеромъ. Я могу прибавить то, что̀ вамъ неизвѣстно: человѣкъ, на котораго намекали, уѣхалъ не одинъ; съ нимъ отправила ь, чтобы стать его женой...

Лона (громко).—Дина Дорфъ!

Рёрлундъ.—Что?..

Г-жа Берникъ.—Что ты говоришь?

(Сильное волненіе среди присутствующихъ.)

Рёрлундъ.—Бѣжала? Убѣжала?.. Съ нимъ! Невозможно!

Берникъ.—Чтобы стать его женой, ректоръ Рёрлундъ. И я долженъ прибавить еще кое-что.—(Въ сторону.) Бэтти, соберись съ духомъ, чтобы выслушать то, что я долженъ сказать.—(Громко.) Я говорю: преклонимся передъ этимъ человѣкомъ, потому что онъ благородно взялъ на себя грѣхъ другого. Сограждане, я хочу выйти изъ неправды; неправда отравила всѣ фибры моего существа. Вы узнаете все. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, виновникомъ грѣха былъ я.

Г-жа Берникъ (тихимъ, дрожащимъ голосомъ).—Карстэнъ!

Марта (также).—А, Іоганнъ!..

Лона.—Теперь, наконецъ, ты сталъ самимъ собою.

(Безмолвное изумленіе среди присутствующихъ.)

Берникъ.—Да, сограждане, виновникомъ былъ я, а онъ оставилъ родину. Опровергнуть гнусные, ложные слухи, распространившіеся впослѣдствіи,—теперь не въ человѣческой власти. Но пятнадцать лѣтъ тому назадъ я построилъ свое величіе на основаніи этихъ слуховъ; долженъ ли я теперь пасть съ высоты—рѣшать вамъ.

Рёрлундъ.—Какой громовой ударъ! Первый человѣкъ въ городѣ!—(Въ сторону, г-жѣ Берникъ.) О, какъ я жалѣю васъ, г-жа Берникъ!

Гильмаръ.—Такое признаніе! Ну, нечего сказать!..

Берникъ.—Но не принимайте никакого рѣшенія сегодня вечеромъ. Я прошу васъ идти домой, сосредоточиться въ себѣ, заглянуть въ свою совѣсть. Когда умы успокоятся, будетъ видно, проигралъ я или выигралъ, сказавъ правду. Прощайте! Я имѣю еще многое, очень многое, въ чемъ раскаиваться, но это касается лишь одной моей совѣсти. Прощайте! Прочь весь этотъ праздничный блескъ! Мы всѣ чувствуемъ, что онъ не у мѣста здѣсь.

Рёрлундъ.—Разумѣется, не у мѣста.—(Въ сторону г-жѣ Берникъ.) Такъ, значитъ, она была все-таки недостойна меня.—(Вполголоса, обращаясь къ комитету.) Да, господа, послѣ этого, я думаю, намъ лучше спокойно удалиться.

ильмаръ. — Какъ же мнѣ теперь держать высоко знамя ...а?.. О-хъ!

(Сообщеніе между тѣмъ шопотомъ перешло отъ одного къ другому. Всѣ члены процессіи удаляются черезъ садъ. Руммель, Сандстадъ и Вигеландъ продолжаютъ спорить

горячо, но вполголоса. Гильмаръ тихонько прокрадывается направо и уходитъ. Берникъ, г-жа Берникъ, Марта, Лона и Крапъ—одни остаются въ комнатѣ. Краткое молчаніе.)

Берникъ.—Бэтти, ты прощаешь мнѣ?

Г-жа Берникъ (смотритъ на него, улыбаясь).—Знаешь, Карстэнъ, какую свѣтлую будущность ты мнѣ открылъ сегодня?

Берникъ.—Какъ?

Г-жа Берникъ.—Сколько лѣтъ мнѣ казалось, что ты когда-то былъ моимъ, и я потеряла тебя. Теперь я знаю, что ты никогда не былъ мнѣ близокъ; но ты будешь моимъ.

Берникъ (обнимая ее).—О, Бэтти, я уже твой. Благодаря Лонѣ, я, наконецъ, узналъ тебя. Но гдѣ Олафъ? Пусть онъ придетъ.

Г-жа Берникъ.—Теперь ты увидишь и его. Г-нъ Крапъ!.. (Шопотомъ говоритъ съ нимъ въ глубинѣ сцены. Онъ выходитъ въ дверь сада. Въ продолженіе слѣдующаго разговора транспаранты и огни въ домахъ постепенно гасятъ.)

Берникъ (тихо).—Благодарю тебя, Лона; ты спасла что̀ есть лучшаго во мнѣ—и для меня.

Лона.—Чего же я добивалась?!

Берникъ.—Еще чего-нибудь?—Я тебя не пойму.

Лона.—Гм...

Берникъ.—Такъ это была не ненависть? Не месть? Зачѣмъ ты возвратилась?

Лона.—О, старая дружба не остываетъ.

Берникъ.—Лона!

Лона.—Когда Іоганнъ разсказалъ мнѣ все какъ было, я дала себѣ клятву: герой моей юности будетъ свободенъ и вѣренъ правдѣ.

Берникъ.—А я—жалкій человѣкъ! какъ мало я заслужилъ это отъ тебя!

Лона.—Да, еслибъ мы, женщины, всегда требовали заслуженнаго, Карстэнъ!..

(Аулеръ и Олафъ входятъ изъ сада.)

Берникъ (бросаясь къ нему).—Олафъ!

Олафъ.—Отецъ, я обѣщаю никогда болѣе не дѣлать ничего такого...

Берникъ.—Не убѣжишь больше?

Олафъ.—Да, да, я обѣщаю, отецъ.

Берникъ.—А я обѣщаю, что я никогда не дамъ тебѣ п. вода бѣжать изъ дома. Отнынѣ ты будешь рости не какъ прее. -

никъ моей жизненной задачи, а какъ человѣкъ, которому предстоитъ въ будущемъ своя собственная жизненная задача.

Олафъ.—И мнѣ позволятъ быть тѣмъ, чѣмъ я пожелаю?

Берникъ.—Да, чѣмъ ты пожелаешь.

Олафъ.—Благодарю тебя, отецъ. Такъ я не буду столпомъ общества!

Берникъ.—А?! Почему же не будешь?

Олафъ.—Мнѣ кажется это скучно.

Берникъ.—Но ты будешь порядочнымъ человѣкомъ, Олафъ, а остальное—какъ Богу угодно. А вы, Аулеръ...

Аулеръ.—Я знаю, консулъ: я уволенъ.

Берникъ.—Мы останемся вмѣстѣ, Аулеръ, и простите меня...

Аулеръ.—Какъ? Вѣдь корабль не отплываетъ сегодня вечеромъ!

Берникъ.—Онъ не отплыветъ и завтра. Я далъ вамъ слишкомъ мало времени. Надо отнестись къ поправкамъ болѣе основательно.

Аулеръ.—Все будетъ сдѣлано, консулъ, и даже при помощи новыхъ машинъ!

Берникъ.—Хорошо, но основательно и добросовѣстно. Многіе изъ насъ нуждаются въ основательномъ исправленіи. Итакъ, прощайте, Аулеръ.

Аулеръ.—Прощайте, консулъ; благодарю васъ, благодарю.

(Выходитъ направо.)

Г-жа Берникъ.—Теперь всѣ ушли.

Берникъ.—И мы одни. Имя наше уже не свѣтится на транспарантахъ; всѣ огни погашены въ окнахъ.

Лона.—А ты желалъ бы, чтобъ ихъ вновь зажгли?

Берникъ.—Ни за какія блага въ мірѣ. Гдѣ я былъ? Вы ужаснулись бы, еслибъ узнали. Теперь я чувствую, какъ будто бы я только-что пришелъ въ себя послѣ медленнаго отравленія. Но я чувствую—я чувствую, что вновь *могу* стать молодымъ и сильнымъ. О, подойдите, подойдите ко мнѣ поближе! Подойди, Бэтти! И ты, Олафъ, сынъ мой! И ты, Марта! Ахъ, Марта, мнѣ кажется, какъ будто я совсѣмъ не замѣчалъ тебя всѣ эти годы.

Лона.—Да, это вѣрно, ты не замѣчалъ ее. Вѣдь ваше общество—въ духовномъ отношеніи—общество холостяковъ; вы женщ v не замѣчаете.

ерникъ.—Правда, правда. И теперь, разумѣется, рѣшено, Л ,—ты не оставишь Бэтти и меня?

-жа Берникъ.—Да, Лона, останься съ нами.

она.—Вы правы; могу ли я уѣхать и покинуть васъ—мо-

лодежь, только-что начинающую жизнь? Развѣ я не пріемная ваша мать? Я и ты, Марта,—мы двѣ старыя тетки. Что ты такъ глядишь?

Марта.—Какъ небо очищается! Какъ свѣтлѣетъ надъ моремъ! „Пальма" вышла въ море въ добрый часъ...

Лона.—И уноситъ съ собою двухъ счастливцевъ.

Берникъ.—А намъ—намъ предстоитъ долгій день усиленной работы; мнѣ—болѣе всѣхъ. Но я этого не страшусь; соберитесь поближе вокругъ меня, честныя, вѣрныя женщины. Я узналъ въ эти дни великую истину: вы, женщины — настоящіе столпы общества.

Лона.—Это ты узналъ не большую премудрость, Карстэнъ. (Кладетъ ему руку на плечо.)—Нѣтъ, нѣтъ: правда и свобода—вотъ истинные столпы общества!

З. И—ва.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

„Жерминаль“—романъ Эмиля Зола.

I.

„Жизнь—не романъ“, говорили въ старину положительные люди, и подсмѣивались надъ институтками, изучающими жизнь по романамъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, справедливость этого мнѣнія остается непоколебимою и по сіе время, потому что если подъ изученіемъ жизни разумѣть пріобрѣтеніе того—для многихъ единственно цѣннаго—знанія, которое называютъ savoir vivre, то оно, конечно, не дается никакой литературой. Чичиковъ, великій въ своемъ родѣ знатокъ жизни и ловецъ человѣковъ, не на чтеніи „Герцогини Лавальеръ“ развилъ свои замѣчательные таланты. Справедливо также, что въ ту пору, когда сложилось и особенно было распространено у насъ мнѣніе о несоизмѣримости этихъ двухъ величинъ — жизни и поэзіи, ходячіе романы и повѣсти того времени не мало способствовали его распространенію; дѣйствительно, такія произведенія, какъ „Графъ Монтекристо“, Дюма, или „Фрегатъ Надежда“, Марлинскаго, столько же подходили къ окружающей жизни и имѣли ровно столько же смысла, какъ тѣ глупые, ярко-блестящіе стеклянные шары, которые служатъ для украшенія цвѣтниковъ на петербургскихъ дачахъ, самымъ нелѣп ь образомъ нарушая гармонію окружающей ихъ живой и м вой природы. Какъ услаждать свои глаза созерцаніемъ стекл ыхъ шаровъ—не значитъ наслаждаться природой, такъ и чит трескучіе романы и изучать природу человѣка — не одно и же.

Но времена перемѣнились, и мнѣніе положительныхъ людей можно теперь измѣнить какъ-разъ противоположнымъ образомъ: нельзя знать жизни, не изучая романовъ. Романъ есть та литературная форма, въ которой по преимуществу вылилось поэтическое творчество нашего вѣка, особенно—второй его половины; и въ томъ духовномъ наслѣдствѣ, которое мы передадимъ грядущимъ вѣкамъ, одно изъ первыхъ мѣстъ—не въ обиду будь сказано положительнымъ людямъ—займутъ именно романы.

Для насъ, простыхъ смертныхъ, жизненный путь нашъ представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ лѣсной дороги, гдѣ кругозоръ ограниченъ нѣсколькими шагами этой же дороги впереди, а налѣво, направо—стѣною деревьевъ. Мы видимъ только непосредственно окаймляющія нашъ путь деревья; нужно подняться на высоту, чтобы схватить общій характеръ мѣстности, увидѣть ея неровности, долины и возвышенности, увидѣть размѣры, характеръ, границы лѣса. Художникъ-писатель и есть такой человѣкъ, стоящій на высотѣ; его глазамъ доступно то, что̀ ускользаетъ отъ нашихъ глазъ. Онъ разсказываетъ намъ, что̀ видитъ, и мы понимаемъ тогда то, что̀ насъ окружаетъ, видимъ, куда мы идемъ, и откуда пришли, и какія препятствія ожидаютъ насъ на дорогѣ; онъ предостерегаетъ насъ, когда мы идемъ по направленію къ непроходимому, глубокому болоту, и указываетъ, какого пути держаться.

Гдѣ дѣло идетъ объ изученіи человѣческой природы, первое мѣсто принадлежитъ художнику. Можно ли понимать исторію и бытъ современной Россіи безъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя? Исторія, статистика, политическая экономія — всѣ такъ-называемыя науки о человѣческомъ обществѣ, никогда не дадутъ намъ такого яснаго и конкретнаго представленія о жизни, о ея явленіяхъ и формахъ, какъ художественное произведеніе. Это относится и къ историческому прошлому, и къ настоящему времени. На человѣка, привыкшаго вращаться въ мірѣ точныхъ наукъ, гдѣ критика фактовъ и провѣрка доказательствъ достигаютъ чрезвычайной силы и приводятъ къ результатамъ въ извѣстной степени безспорнымъ, историческія сочиненія производятъ всегда „ненаучное“ впечатлѣніе, впечатлѣніе случайности и сомнительности, и никогда не могутъ возбудить къ себѣ такое полное и безусловное довѣріе, какъ произведеніе великаго художника. Историкъ имѣ ъ дѣло съ событіями, это — фактъ его изслѣдованія, какъ н туралистъ изслѣдуетъ факты (тѣла и явленія) природы; но меж у событіями и тѣми историческими памятниками, которые сох нили для насъ свѣденія о нихъ, существуетъ такое же отнош -

ніе, какъ, напр., между манифестомъ о войнѣ и самымъ фактомъ войны. Семейная драма кончается самоубійствомъ; приходитъ полиція и составляетъ протоколъ; какое понятіе даетъ намъ этотъ протоколъ о сложной душевной жизни нѣсколькихъ лицъ, закончившейся дѣяніемъ, въ немъ занесеннымъ? Никакого. Вотъ въ какомъ отношеніи стоитъ исторія къ событіямъ, о которыхъ она говоритъ. Можетъ ли здѣсь быть рѣчь о строгой достовѣрности, когда самый матеріалъ изслѣдованія, самые точные историческіе факты неизбѣжно представляютъ изъ себя всегда лишь нѣкоторое подобіе дѣйствительности. Утверждаютъ же, что всѣ знаменитыя изреченія никогда не были произнесены! Но когда за изображеніе жизни берется художникъ, онъ даетъ намъ именно то, что ускользаетъ отъ историка, отъ статистика, отъ политическаго дѣятеля: живые люди встали передъ нами, и въ событіяхъ, изображенныхъ художникомъ, мы видимъ ихъ глубокій внутренній смыслъ, живую душу, стремленія и страсти людей, тысячи мелкихъ и скрытыхъ причинъ; мы не только узнаемъ разсказъ о событіи, мы воочію видимъ, какъ онъ происходитъ на нашихъ глазахъ. Развѣ можетъ быть какое-нибудь историческое сочиненіе такъ точно и такъ близко къ жизни, какъ „Война и Миръ" Толстого; вся „фактическая точность" историческаго описанія (перечисленіе войскъ, число убитыхъ, число раненыхъ) способны воспроизвесть лишь самое грубое, несомнѣнно ошибочное подобіе дѣйствительности. Въ „Войнѣ и Мирѣ" мы прямо видимъ, какъ происходили на самомъ дѣлѣ всѣ эти факты; отбрасывая случайные и неясные элементы, художникъ воспроизводитъ намъ явленія жизни во всей ихъ полнотѣ, и, конечно, картины Толстого имѣютъ болѣе абсолютнаго достоинства, болѣе истины, чѣмъ всѣ оффиціальные акты, документы и мемуары современниковъ. Ибо онъ пророкъ, vates, и мертвые люди встаютъ передъ нимъ и повторяютъ вновь дѣянія, совершонныя имъ при жизни.

Впрочемъ, я не о Толстомъ хочу теперь вести рѣчь. Такимъ же таинственнымъ свойствомъ ясновидѣнія обладаетъ въ большей или меньшей степени каждый талантливый художникъ; только художникъ воспроизводитъ жизнь такою, какъ она есть, и изучать его произведенія значитъ дѣйствительно проникать въ жизнь. Историкъ, политическій дѣятель, законодатель—должны неизбѣжно пользоваться ег услугами; разъ вы имѣете дѣло съ живыми людьми, худож-ни будетъ вашимъ надежнымъ компасомъ.

ченый агрономъ увлеченъ своими идеями; онъ постигъ химі почвы и физіологію растеній; онъ стремится постигнуть зак метеорологіи, чтобы овладѣть погодой и сообразоваться съ

нею въ своей дѣятельности, точно также какъ мы сообразуемъ свой трудъ съ свѣтомъ дня и темнотою ночи; онъ знаетъ, что поле ржи или пшеницы есть въ сущности лабораторія для синтеза органическихъ веществъ. Но если онъ хочетъ выйти изъ своего опытнаго поля и понести свои драгоцѣнныя идеи и методы въ міръ, къ помѣщикамъ и мужикамъ,—пусть онъ оставитъ на время суперфосфаты и гелльригелевскія бактеріи и проштудируетъ Гончаровскаго „Обломова" да мужиковъ Глѣба Успенскаго; тогда только онъ можетъ заранѣе знать свои шансы на успѣхъ и умѣло приняться за дѣло, избѣгнувъ тысячи разочарованій.

А между тѣмъ не такъ давно тотъ же Толстой отрекался отъ своего художественнаго призванія и смѣялся надъ нами, жадными къ словамъ его, и надъ собой, когда мы считали его „учителемъ жизни", тогда какъ онъ самъ не зналъ, чему насъ учить. Но мы не убѣдились его смѣхомъ и поступили согласно мудрому изреченію Кузьмы Пруткова:

„Если на клѣткѣ слона прочтешь надпись:
„буйволъ"—не вѣрь глазамъ своимъ".

II.

Эмиль Зола—несомнѣнно тоже учитель жизни, человѣкъ, стоящій на высотѣ и умѣющій разсказать намъ много такого, чего мы сами не видимъ. Кого интересуютъ вопросы: „was bedeutet der Mensch? woher ist er kommen? wo geht er hin?" въ томъ освѣщеніи, въ какомъ они представляются людямъ въ концѣ XIX-го вѣка, тотъ не обойдется безъ изученія его романовъ. Этимъ животрепещущимъ вопросамъ, которые никогда не сходятъ со сцены въ жизни человѣчества, особенно обостряясь въ иныя эпохи, много мѣста отведено въ нѣкоторыхъ изъ его послѣднихъ произведеній, которыя для насъ, русскихъ, имѣютъ поэтому особливый интересъ. Его чисто-бытовые романы, бичующіе „развращенные нравы" французскаго общества, менѣе важны и любопытны, чѣмъ послѣднія его произведенія, при большихъ художественныхъ достоинствахъ полныя широкаго соціальнаго и философскаго интереса. Таковы: „Germinal", „L'oeuvre", „La bête humaine".

Высказать тѣ мысли и впечатлѣнія, которыя были навѣяны на меня чтеніемъ этихъ превосходныхъ произведеній, — вотъ

цѣль настоящей статьи. Я не критикъ по ремеслу, и, можетъ быть, съ моей стороны большая смѣлость рѣшаться говорить о художественныхъ произведеніяхъ; но, во-первыхъ, „и кошка имѣетъ право смотрѣть на королеву"; во-вторыхъ, я и не критику собираюсь писать — для этого я не знакомъ даже достаточно съ новѣйшей французской литературой, чтобы судить о значеніи и роли Зола среди другихъ писателей его страны. Я хочу писать только о своихъ впечатлѣніяхъ. Изученіе художественныхъ произведеній есть для меня, какъ и для большинства, лишь кратковременный и любимый отдыхъ отъ умственной работы совсѣмъ другой категоріи; и это отчасти и даетъ мнѣ смѣлость говорить. Историкъ литературы, художественный критикъ— привыкаютъ смотрѣть на литературныя произведенія съ опредѣленной точки зрѣнія, прилагая извѣстный методъ къ ихъ оцѣнкѣ; читатель, который беретъ въ руки романъ безъ всякой критической цѣли, смотритъ на литературное произведеніе—какъ дикарь на линейный корабль. Онъ не задается вопросомъ о связи этого произведенія съ остальной литературой; впечатлѣніе не разбивается постояннымъ анализомъ и сравненіемъ, что̀ лучше, что̀ хуже, повысился талантъ автора или понизился, какія вліянія замѣтны на немъ и въ какую сторону склоняется его творчество. Для него каждая прочитанная книга есть нѣчто самодовлѣющее, an sich und für sich; какое ему дѣло до „генезиса" тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя она вызываетъ, лишь бы она дѣйствительно ихъ вызывала. Съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія непосредственныхъ впечатлѣній читателя, интересующагося литературой и не чуждаго вопросовъ жизни, я и позволю себѣ говорить; и если мнѣ удастся, можетъ быть, передать мой интересъ нѣкоторымъ изъ моихъ читателей, и—если они не успѣли этого сами сдѣлать еще раньше—побудить ихъ взять въ руки тѣ романы Зола, о которыхъ пойдетъ рѣчь, я сочту себя счастливымъ и задачу мою исполненною.

„Germinal", несомнѣнно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній современной литературы; сколько бы вы разъ ни перечитывали его,—всякій разъ, наравнѣ съ высокимъ художест[illegible]нымъ наслажденіемъ, вы вынесете одно и то же не ослабѣ[illegible]ющее ощущеніе—подавляющее ощущеніе ужаса, жалости и ст[illegible]а. Художникъ, написавшій такую вещь, дѣйствительно имѣетъ п[illegible]о на признательность человѣческаго рода.

[illegible]Герой извѣстенъ и не новъ предметъ". Тема романа не бле-

щетъ оригинальностью; это вопросъ дня современной жизни западной Европы, такъ-называемый рабочій вопросъ. Можетъ быть, онъ всѣмъ набилъ уже оскомину въ газетахъ? Дѣйствительно, ему отводится теперь много мѣста и въ серьезной литературѣ, и въ беллетристической. И нужно обладать выходящимъ изъ ряду талантомъ, чтобы на такую, казалось бы, всѣмъ извѣстную и избитую тему дать произведеніе такой необычайной свѣжести и яркости впечатлѣнія.

Сочувствіе къ положенію низшихъ классовъ общества составляетъ, конечно, руководящую нить въ гуманной и демократической по преимуществу литературѣ XIX-го вѣка; но никогда, можетъ быть, вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о несправедливости современнаго общественнаго строя, не былъ выраженъ въ художественномъ произведеніи такъ широко, такъ просто и животрепещуще-наглядно, съ такою строгостью и глубиною. Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи романъ Зола съ романомъ, напр., Диккенса, одного изъ наиболѣе гуманныхъ писателей нашего вѣка, одного изъ любимѣйшихъ у насъ западныхъ романистовъ. Демократическія идеи вѣка нашли отзвукъ въ гуманной и великодушной душѣ англійскаго писателя, но, отдавая все должное его великому художественному таланту и по истинѣ золотому юмору, нельзя не признать, что отношеніе его къ жизни довольно неопредѣленно. Онъ въ патетическихъ чертахъ изображаетъ намъ самый фактъ человѣческаго несчастья, но не проникая глубоко въ его причины; несчастіе является у него всегда слѣдствіемъ какъ бы нѣкоторой force majeure, диссонансомъ, ненормальнымъ, случайнымъ явленіемъ жизни. Онъ говоритъ о подонкахъ общества, о нищихъ, о преступникахъ, учитъ насъ уважать человѣка и въ такихъ лицахъ, которыя, казалось, забыты обществомъ: вернуть ихъ обратно, возвратить въ ту среду, изъ которой они были выброшены, вотъ въ какую сторону должна быть направлена, по его мнѣнію, дѣятельность прогрессирующаго общества. Его идеалъ—чтобы всѣ нищіе и преступники сдѣлались вновь „честными рабочими". Но самыя основы современнаго строя—что такое рабочіе, что такое господа—остаются незатронутыми въ романахъ Диккенса. Онъ—буржуа по міросозерцанію, несмотря на весь свой демократизмъ и пламенное чувство.

Или возьмемъ другого знаменитаго демократическаго писателя—Виктора Гюго. Кто такіе его „Несчастные" (Misérables)?. Это Фантина, дѣвушка, брошенная соблазнителемъ и сдѣлавшая я проституткою; воры и гамены Парижа; Жанъ Вальжанъ, бѣглый каторжникъ, обладающій добродѣтелями странствующаго рыцаря.

Каторжники, воры, проститутки, люди, выкинутые изъ общества, давимые тяжелой пятой государства въ интересахъ самосохраненія. Гюго беретъ ихъ подъ свою защиту, показывая намъ въ отверженцахъ общества людей обиженныхъ, несчастныхъ и страдающихъ, не виновныхъ въ томъ, что они сдѣлались его врагами: вина лежитъ на самомъ обществѣ. Но какъ бы то ни было, вы не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что и Фантина, и Жанъ Вальжанъ, и вся длинная галерея выведенныхъ у Гюго лицъ, которымъ нѣтъ мѣста въ жизни, которые погибаютъ, выброшенные за бортъ государственнаго корабля, представляютъ изъ себя все-таки прискорбныя, хотя и обычныя исключенія: это не современное намъ общество,—это отдѣльныя лица, не нашедшія себѣ въ немъ мѣста. Это не физіологія, а патологія общества. Но, конечно, разъ это выкидываніе людей за бортъ происходитъ хронически и въ большихъ размѣрахъ,—несомнѣнно на государственномъ кораблѣ не все обстоитъ благополучно; въ его порядкахъ есть какой-нибудь крупный изъянъ. Въ чемъ же дѣло?

На это даетъ намъ отвѣтъ романъ Зола. Въ „Germinal“ нѣтъ ни каторжниковъ, ни убійцъ, ни проститутокъ, ни нищихъ, никакихъ подонковъ или отбросовъ общества. Мы имѣемъ дѣло съ нормальнымъ обществомъ, а не съ его пораженными членами, не съ болѣзненными наростами, а съ необходимыми составными частями. Здѣсь фигурируютъ не каторжники, а честные рабочіе. Нѣтъ такого человѣка, который считалъ бы нищихъ и проститутокъ необходимыми ингредіентами общества; ихъ существованіе всѣми признается и ненормальнымъ, и вреднымъ. Но рабочіе? Вѣдь это цѣлый общественный классъ, основаніе общества. Мы предлагаемъ, вмѣстѣ съ Гюго и Диккенсомъ, всѣмъ отверженцамъ вернуться вновь въ общество, предлагаемъ имъ сдѣлаться пассажирами нашего корабля. Но что такое эти пассажиры, какъ живутъ тѣ „полезные члены“ общества, которыми мы готовы сдѣлать всѣхъ несчастныхъ? На этотъ вопросъ намъ отвѣчаетъ Зола, и отвѣчаетъ съ такою безпощадностью, передъ которой приподнятое воодушевленіе Гюго и сентиментальные порывы Диккенса кажутся розовой водицей.

III.

аглавіе романа напоминаетъ намъ одинъ изъ эпизодовъ фран-
кой революціи. Съ паденіемъ Робеспьера поступательное дви-
е революціи кончилось, и итогъ ея привелъ во Франціи къ
еству буржуазіи въ ущербъ плебсу, къ установленію эконо-

мическаго неравенства и рабства вмѣсто политическаго. Мечты о золотомъ вѣкѣ остались неосуществленными, а простой народъ —голоднымъ. 12-го жерминаля 1794 г. конвентъ былъ наводненъ толпою народа, требовавшаго хлѣба и конституціи 1793 года; но подоспѣвшій баталіонъ національной гвардіи заставилъ инсургентовъ разбѣжаться, и конвентъ приступилъ къ строгимъ мѣрамъ противъ бунта. Побѣдою 12-го жерминаля притязанія низшихъ слоевъ народа и пролетаріата были подавлены, и во всей странѣ началъ окончательно устанавливаться новый порядокъ. Дальнѣйшія улучшенія общественнаго строя были отложены до слѣдующихъ вѣковъ; неудовлетворительное положеніе „четвертаго сословія" осталось въ организмѣ, какъ вогнанная внутрь золотуха, не проявляющаяся до поры до времени.

Къ этому недосказанному слову исторіи и примыкаетъ романъ Зола.

Авторъ переноситъ насъ на сѣверъ Франціи, гдѣ по сосѣдству съ Бельгіей, въ унылыхъ равнинахъ департамента du Nord, залегаютъ огромные пласты каменнаго угля—одно изъ богатствъ промышленной Франціи. Дѣйствіе происходитъ въ его романѣ на копяхъ Монсу (подъ этимъ именемъ не трудно отгадать Монсо-ле-минь, театръ извѣстныхъ волненій въ 1882 году), составляющихъ собственность богатой каменноугольной компаніи; ей принадлежитъ цѣлый городокъ построекъ и нѣсколько шахтъ, гдѣ работаетъ десять тысячъ углекоповъ. Эти десять тысячъ рабочихъ и представляютъ изъ себя героя романа Зола.

Въ первыхъ главахъ романа мы попадаемъ въ семью французскаго рабочаго и видимъ день за днемъ, и почти часъ за часомъ, ея обыденную жизнь. Это настоящіе крѣпостные труда: ничѣмъ не обезпеченные, ничего не имѣющіе, они связаны цѣпью рабства съ шахтой, которая ихъ питаетъ, рабства, передающагося изъ поколѣнія въ поколѣніе. Семья Магё, въ которую насъ вводитъ авторъ, работаетъ въ шахтахъ съ тѣхъ поръ, какъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія здѣсь былъ сдѣланъ первый ударъ лопатой. Въ то время, когда происходитъ дѣйствіе въ романѣ, семья Магё представлена тремя поколѣніями: старый дѣдъ,— прозванный Bonnemort, за то что его нѣсколько разъ замертво вытаскивали изъ шахты, а онъ все оставался живъ,—отецъ съ матерью и семь человѣкъ дѣтей. Дѣдъ, отецъ, мать и трое старшихъ дѣтей работаютъ въ шахтѣ.

Передъ нами проходитъ рядъ превосходно-художественныхъ сценъ: отъ каждой страницы романа вѣетъ жизнью. Конечно, намъ трудно судить о степени реальности и фотографиче-

ской точности смѣняющихся одна за другою картинъ: мы не знаемъ ни быта тѣхъ людей, которыхъ описываетъ Зола, ни въ особенности ихъ языка. Въ сочиненіяхъ нашихъ лучшихъ писателей мы привыкли къ необычайной типичности въ передачѣ языка разныхъ общественныхъ слоевъ; у нихъ мы улавливаемъ малѣйшія колебанія и нюансы. Аристократическій французско-русскій языкъ начала этого столѣтія въ „Войнѣ и Мирѣ“ является недосягаемымъ перломъ такой тонкой художественной работы (Билибинъ съ его бонмо̀, письма Жюли Карагиной съ ихъ тонкимъ ароматомъ женской глупости). У Островскаго, у Глѣба Успенскаго изображеніе языка мужиковъ, мѣщанъ, купцовъ—доходитъ до виртуозности.

Конечно, эта сторона романовъ Зола ускользаетъ отъ иностранцевъ. Мы можемъ только сказать, что рабочіе Зола мало напоминаютъ мужиковъ Гл. Успенскаго, и мы не замѣчаемъ въ ихъ языкѣ такого рѣзкаго различія съ языкомъ образованныхъ классовъ, какое знаемъ у себя дома; то же самое можно сказать и про французскихъ мужиковъ, изображенныхъ въ „La terre“. Мы не знаемъ, можно ли здѣсь упрекнуть Зола въ недостаткѣ точности, но во всякомъ случаѣ я не думаю, чтобы это вредило красотѣ художественнаго цѣлаго. Въ изображеніи быта рабочихъ въ „Жерминалѣ“ Зола все-таки является реалистомъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова; можетъ быть, языкъ углекоповъ на самомъ дѣлѣ богаче какими-нибудь особенными реченіями, можетъ быть французы умѣютъ найти въ его описаніи не мало мелочныхъ ошибокъ, но духовная сущность этихъ людей несомнѣнно схвачена вѣрно—вы это чувствуете по той образности и силѣ впечатлѣнія, которую выносите изъ чтенія.

Общій тонъ, въ которомъ ведется изложеніе у Зола, выше всякой похвалы. Здѣсь онъ является дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ онъ стремится быть, но не всегда удачно: холоднымъ и строгимъ, безпристрастнымъ, объективнымъ изобразителемъ жизни. Это пріемы и тонъ истиннаго натуралиста, естествоиспытателя: говорить „всю правду и только правду“, ничего не скрывать, не дѣлать перевѣса ни въ ту, ни въ другую сторону, ничего не упускать изъ виду. Его невозможно упрекнуть въ тенденціозности, въ чемъ его готовы, конечно, обвинять буржуа всѣхъ странъ. Такимъ буржуа романъ его, конечно, не можетъ нравиться; но и пламенные поклонники народа найдутъ въ „Жерминалѣ“ много горькихъ пилюль. Въ его изображеніи простого народа нѣтъ никакой идеализаціи, никакой утрировки; это не Жанъ Вальжанъ, и не тотъ интересный страдалецъ, какимъ представ-

ляется народъ въ произведеніяхъ иныхъ нашихъ писателей. Народъ не является у Зола, въ противность интеллигенціи, носителемъ здравыхъ началъ жизни—взглядъ, весьма распространенный у насъ и считающій въ числѣ своихъ приверженцевъ отчасти даже Л. Толстого. У Зола народъ не имѣетъ ничего ни мистическаго, ни революціонно-тенденціознаго.

Англійскій натуралистъ Гёксли, обсуждая вопросъ о положеніи человѣка въ природѣ, приглашаетъ читателя отрѣшиться на время отъ представленія, что онъ самъ человѣкъ, и для большей свободы и безпристрастія разсужденія поставить себя въ положеніе „образованнаго обитателя Сатурна", который получилъ съ отдаленной планеты Земли, наравнѣ съ другими животными, въ бочкѣ со спиртомъ, экземпляръ „безперыхъ и прямоходящихъ двуногихъ существъ", населяющихъ Землю. Жители Сатурна, очевидно, изучали бы ихъ съ идеальною объективностью, ибо не считали бы себя нисколько заинтересованными въ полученныхъ результатахъ, тогда какъ мысль человѣка такъ легко пугается выводовъ, къ которымъ приводитъ ее логическая цѣпь умозаключеній. Еслибы Зола случилось прочитать эту фантазію Гёксли, онъ, конечно, нашелъ бы ее точно выражающею его собственныя стремленія. Изучая людей, онъ самъ хочетъ встать въ сторонѣ отъ людей, совершенно отрѣшиться отъ идеи, что онъ самъ часть того міра, который описываетъ; съ холодною безпристрастностью онъ описываетъ бытъ людей, какъ Форіель или Лёббокъ описываютъ жизнь муравьевъ. Ихъ страсти его не касаются, худое и доброе изображается съ одинаковою точностью, и строго логическая мысль не останавливается ни передъ какими выводами, не пугается никакихъ наблюденій. Его холодная строгость часто смущаетъ васъ при чтеніи; но безбоязненность его изложенія придаетъ его словамъ огромную цѣнность, цѣнность правды и безпристрастія. Конечно, не всегда ему удается приближаться къ тому идеалу научнаго объективизма, о которомъ онъ мечтаетъ.

Мы видимъ углекоповъ Монсу въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, за разными житейскими обязанностями, за дѣломъ и бездѣльемъ. Бо̀льшую часть дня они проводятъ подъ землей, за работой, которая въ старину считалась каторгой; вся тяжелая, мрачная, гнетущая сторона труда углекопа превосходно изображена у Зола,—труда такого же безсмысленнаго (въ смыслѣ интереса и личнаго удовлетворенія), какъ трудъ фабричнаго, и совершающагося при подавляющей обстановкѣ: среди вѣчнаго мрака, въ грязи и сырости, при невозможно-неудобномъ положеніи тѣла, при отвратительныхъ гигіеническихъ условіяхъ. Все то, что̀ намъ

извѣстно по изслѣдованіямъ и сухимъ описаніямъ экономистовъ, статистиковъ и врачей, встаетъ во-очію передъ нами, облеченное плотью и кровью,—и, конечно, никакое перечисленіе всѣхъ неудовлетворительныхъ сторонъ труда горнорабочихъ не можетъ произвести такого впечатлѣнія, какъ спокойныя, безстрастныя и яркія картины Зола. Третья и четвертая главы первой части вводятъ насъ въ этотъ міръ людей, превращенныхъ въ кротовъ. Чѣмъ проще и спокойнѣе изложеніе, тѣмъ мрачнѣе получается картина. Та сцена въ пятой части, гдѣ дочь Магё, Катерина, и Шаваль (ея любовникъ) работаютъ въ шахтѣ Денёлена, принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ изображеній тягости непосильнаго труда, какія мы знаемъ.

Результатомъ этого убійственнаго труда, поглощающаго всю жизнь людей, поколѣніе за поколѣніемъ, является нищета, или бѣдность, граничащая съ нищетою. Этой сторонѣ жизни отведено въ романѣ особенно много мѣста, и мы встрѣчаемъ опять такую же спокойную и объективную характеристику, какъ и въ описаніи труда рабочихъ. Семья Магё слишкомъ велика, чтобы существовать на бѣломъ свѣтѣ. Отецъ не пьяница и одинъ изъ лучшихъ рабочихъ компаніи; но когда онъ въ понедѣльникъ уходитъ на работу, его жена должна ломать себѣ голову: какъ имъ пробиться до получки жалованья въ субботу, если въ домѣ нѣтъ ни денегъ, ни съѣстного. Неудачная попытка нищенства у богатыхъ буржуа, которые „по принципу“ не помогали деньгами, приводитъ ее къ лавочнику, готовому дать ей въ кредитъ: онъ получаетъ процентъ натурой, съ женъ или дочерей углекоповъ. Мать семерыхъ дѣтей для него не представляетъ интереса, но онъ имѣетъ въ виду ея молоденькую дочь Катерину.

Всѣ бытовыя подробности и экономическія детали изложены въ романѣ съ великимъ мастерствомъ и тактомъ. Нигдѣ онѣ не принимаютъ характера экономическаго изслѣдованія или публицистическаго трактата. Мы постоянно видимъ передъ собою большую группу живыхъ лицъ; условія, опредѣляющія весь характеръ ихъ жизни, невольно и неизбѣжно развертываются передъ нашими глазами; но все-таки на первомъ планѣ постоянно живыя лица и ихъ душевная жизнь. Цѣлый рядъ коротко и рѣзко очерченныхъ типовъ проходитъ передъ нами, со всѣми ихъ индивидуальными особенностями и самостоятельнымъ душевнымъ складомъ.

Всѣ эти сцены изъ будничной жизни рабочихъ составляютъ только фонъ для той мрачной и потрясающей драмы, которая разыгрывается во второй половинѣ романа. Художникъ менѣе

талантливый и менѣе свободный не рѣшился бы на фонѣ такой картины положить и свѣтлыя краски; онъ побоялся бы ослабить впечатлѣніе. Но Зола, избѣгая односторонности, рисуетъ не однѣ картины нищеты и труда; мы не видимъ умышленности въ мрачныхъ деталяхъ его картинъ; свободная и пестрая, какъ сама жизнь, она передаетъ намъ и свѣтъ и тѣнь въ художественной пропорціи. И черная сторона жизни тѣмъ сильнѣе производитъ впечатлѣніе, что вы видите ее не одну; вы видите проблески свѣта, еще рѣзче выставляющіе на видъ окружающій ихъ мракъ.

Къ такимъ свѣтлымъ пятнамъ на общемъ фонѣ мрака принадлежитъ, напр., семейная жизнь Магё; нѣсколько грубоватыхъ, но не лишенныхъ поэзіи сценъ вводятъ насъ въ ихъ интимную жизнь. Таково, напр., возвращеніе Магё домой въ тотъ понедѣльникъ, когда онъ ушелъ на работу утромъ, оставивъ домъ пустымъ, безъ денегъ и безъ провизіи. Его жена, однако, раздобыла и того, и другого; войдя въ дверь и увидѣвъ провизію, Магё повеселѣлъ. Онъ ничего не сказалъ, но лицо его прояснилось. Весь день, пока онъ работалъ въ шахтѣ, воспоминаніе о пустомъ шкафѣ его грызло. Теперь онъ можетъ весело пообѣдать, и онъ обѣдаетъ, забравши себѣ на колѣни дѣтей, которыхъ жена прогоняла, чтобы они не надоѣдали отцу. Чувство читателя отдыхаетъ на этихъ короткихъ эпизодахъ, утомленное тяжелыми сценами предшествующихъ главъ. Жена разсказываетъ ему происшествія дѣлъ: какъ она достала денегъ, какъ ихъ квартиру посѣтила жена управляющаго копями, г-жа Hennebeau, съ какими-то парижскими гостями. Посѣщеніе элегантной барыни втайнѣ льститъ самолюбію обоихъ.

Отъ идилліи семейной Зола переводитъ насъ къ идилліи общественной; широкая и яркая картина народнаго праздника и гулянья составляетъ одну изъ лучшихъ бытовыхъ главъ романа. Праздникъ la ducasse вноситъ необыкновенное оживленіе въ угольное царство. Изъ ряду выходящій вонъ праздникъ у Магё (жареный кроликъ); тасканье по кабачкамъ въ теченіе цѣлаго дня; вечеромъ балъ въ кабачкѣ вдовы Дезиръ, — гдѣ въ поту и въ пыли, въ облакахъ табачнаго дыма, кружились веселые забойщики (haveurs) и откатчицы (herscheuses). Картины во вкусѣ Теньера; на-лицо даже неизбѣжный на сельскихъ праздникахъ голландской школы—уединившійся на минутку гость. Зола останавливается съ безцеремонностью человѣка съ планеты Сатурна, наблюдающаго бытъ животныхъ, на дѣйствіи, которое оказываетъ въ избыткѣ выпитое пиво. Шумно, пестро, весело и грубо, но значительно менѣе грубо, чѣмъ подобныя сцены у насъ,—и пьянства меньше: что

ни говори, а нельзя не признать въ картинахъ, изображаемыхъ Зола, народъ болѣе культурный и болѣе воспитанный, чѣмъ нашъ простой народъ.

Но веселыя картины являются лишь короткими эпизодами, отдѣльными вспышками человѣческой жизни; онѣ тонутъ среди общаго фона бездушнаго труда, нищеты, озлобленія и разъѣдающаго разврата. А развратъ царствуетъ среди этого народа. Съ своею обычною манерою срыванья виноградныхъ листьевъ, Зола посвящаетъ насъ во всю грязь отношеній, доведенныхъ почти до степени половыхъ отношеній между животными. Дѣвственность превращается въ фикцію; смѣшанность половъ при работѣ, крайняя тѣснота помѣщеній, гдѣ въ перемежку спятъ члены семьи (avec l'aisance tranquille d'une portée de jeunes chiens grandis ensemble), вмѣстѣ съ случайными постояльцами, тонкія стѣны, прозрачныя для слуха и посвящающія жителей каждой квартиры во всѣ подробности интимной жизни сосѣдей,— развращаетъ маленькихъ дѣтей и разнуздываетъ инстинкты. Религія не можетъ наложить узды на половыя отношенія, да у рабочихъ Зола почти нѣтъ религіи. Къ католическому духовенству они питаютъ презрительное и враждебное чувство, и, по образному выраженію Зола, боясь привидѣній въ шахтѣ, смѣются надъ пустымъ небомъ (gardant la peur secrète des revenants de la fosse, mais s'égayant du ciel vide). „Если бы патеры вѣрили въ то, чему учатъ, они ѣли бы меньше и больше трудились, чтобы сохранить себѣ на томъ свѣтѣ хорошее мѣстечко", говоритъ спокойный и разсудительный Магё. Среди жестокихъ сценъ разврата, изображенныхъ въ романѣ (обольщеніе Катерины Шавалемъ, характеристика добродушной Mouquette), всего ужаснѣе развратъ среди дѣтей: Жаклинъ—этотъ малолѣтній, прожженный негодяй, Гаврошъ романа—каррикатура, можетъ быть, умышленная, антитезъ милому мальчику парижской улицы въ эпопеѣ Гюго—и дѣвчонка Лидія, его „жена". Мерзость запустѣнія... Къ сожалѣнію, и въ этомъ лучшемъ, можетъ быть, своемъ произведеніи, какъ и въ другихъ романахъ, Зола не соблюдаетъ чувства мѣры и художественнаго такта въ изображеніи мерзостей; многія подробности или совершенно ненужны, или гиперболически-каррикатурны (опасенія стараго Муке, чтобы объятія влюбленныхъ не разрушили стѣнъ его хижины). Вы скажете—это звѣри и звѣриная жизнь. Нѣтъ, это люди, теряющіе часто людской обликъ. Среди этой безконечной грязи мы встрѣчаемъ все-таки нѣжную любовь матери и хорошей жены (жена Магё), романическую привязанность Катерины и Этьена. Исторія этой любви корот-

кими эпизодами проходитъ черезъ весь романъ, и неожиданны проблески нѣжнаго и поэтическаго чувства кротко и робко про свѣчиваютъ черезъ его жестокія подробности. Катерина, этот несчастный ребенокъ, грубо, почти насильственно развращенны физически, но совершенно нетронутый душевно, своимъ появле ніемъ производитъ всякій разъ невыразимо жалкое впечатлѣні Боже мой, за что пропала эта милая человѣческая душа! Поэти ческій талантъ Зола высказался въ этомъ эпизодѣ любви во все своей силѣ; умѣть среди человѣкоубійственной обстановки по мѣтить такія скрытыя и чистыя душевныя движенія, изобразит ихъ такими нѣжными и тонкими чертами — это можетъ сдѣлат лишь большой талантъ. О, этотъ человѣкъ съ Сатурна, любящі притворяться сердитымъ людоѣдомъ, въ глубинѣ души обладаєт нѣжнымъ и глубокимъ чувствомъ, тонкою впечатлительностью к людскому горю и къ душевной красотѣ.

IV.

Изъ этого міра пота и мозолей, скотскаго труда и скотска разврата, нищенскаго существованія и нищенскаго озлобленія Зола вдругъ круто переноситъ насъ въ совершенно другую сред другую обстановку: въ мирное и тихое, счастливое и безупречн добродѣтельное буржуазное семейство. Эффектъ получается чре вычайный, но, надо признаться, немного слишкомъ рѣзкій, чтоб быть художественнымъ. Жизнь, конечно, соткана изъ контра стовъ, но анти-художественна эта правильность, симметричнос контраста. Жизнь не правильна и не симметрична, и излишня симметричность въ ея художественномъ воспроизведеніи прои водитъ такое же впечатлѣніе, какъ на натуралиста — искусственн система Линнея: это красиво, очень понятно и наглядно, но н силуетъ истину. Гомеръ, Левъ Толстой — не симметричны; „Вой и Миръ“ — это дѣвственный лѣсъ, природа во всей своей вел чавой неприкосновенности; у Зола — паркъ, правильно расплан рованный, съ искусно подобранными сочетаніями цвѣтовъ.

Несмотря на такую изысканность контраста, глава о Грегу рахъ хорошо написана и производитъ удивительное впечатлѣ ніе. Рукою мастера изображены картины сытой, мирной, тихо хотя и глуповатой жизни людей зажиточныхъ, несомнѣнно до рыхъ, порядочныхъ и любящихъ, изображены просто и объе тивно, безъ юмористическихъ подчеркиваній, отъ которыхъ, к залось бы, такъ трудно было бы воздержаться; лишь кое-гдѣ,

отдѣльныхъ фразахъ, въ уголкахъ фразы, мелькаетъ подавленная ироническая улыбка.

Вырѣжьте эту главу изъ „Жерминаля“ и прочитайте ее отдѣльно—вы получите мило написанную буржуазную идиллію, нѣчто въ родѣ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны въ переводѣ на французскіе нравы нашего времени. Между тѣмъ въ романѣ, гдѣ эпизодъ этотъ является какъ бы маленькимъ островкомъ благополучной жизни среди бурнаго моря житейскаго, мирные старички съ своей невинной дочкой производятъ на васъ впечатлѣніе чуть не разбойниковъ. Почему? Они вовсе не разбойники,—они только паразиты. Но, наглотавшись угольной пыли, грязи и смрада, вы глядите на нихъ невольно глазами углекоповъ, и видите вещи совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ онѣ обыкновенно вамъ представляются. Сами вы, можетъ быть, не съумѣли бы этого сдѣлать, но великій художникъ заставляетъ васъ противъ воли, и вы вдругъ начинаете понимать, какъ въ сердцахъ людей можетъ корениться ненависть къ другимъ людямъ огуломъ, безъ всякаго вниманія къ тому, хорошіе это люди или дурные сами по себѣ, каждый отдѣльно. О! Зола дѣйствительно умѣетъ „глаголомъ жечь сердца людей“!

V.

Противорѣчіе между жизнью буржуа и жизнью рабочаго представляетъ узелъ романа Зола—какъ это и есть въ дѣйствительности, въ жизни. У рабочихъ сознаніе тяжести своего положенія обостряется сознаніемъ его несправедливости.

Рабочіе Зола—не забитая скотина, не рабы; это люди, въ которыхъ живетъ и чувство, и мысль. Они очень хорошо знаютъ, что другимъ людямъ живется на свѣтѣ лучше, чѣмъ имъ, и не понимаютъ причинъ своего бѣдственнаго состоянія. Сложныя и отдаленныя причины общественныхъ отношеній недоступны пониманію простыхъ людей; самыя окружающія условія жизни не понятны. Старикъ Бонньморъ не умѣетъ отвѣтить Этьенну на вопросъ, кому принадлежатъ копи: „à qui tout ça?.. On n'en sait rien. A des gens“. И неопредѣленнымъ жестомъ руки онъ [illegible] будто указывалъ въ темнотѣ на отдаленное и невѣдомое [illegible], населенное тѣми людьми, на которыхъ всѣ Магё, одинъ [illegible] ругимъ, выбивали уголь уже болѣе ста лѣтъ. И Бонньморъ, [illegible] ивая мумія, кашлявшая углемъ, свидѣтель нѣсколькихъ по[illegible]ій, смѣнявшихъ другъ друга на копяхъ, относится съ со-

вершенно магометанскимъ фатализмомъ къ тому, что̀ дѣлается на свѣтѣ, лишь бы ему перепадала кой-когда кружка пива: „Les chefs, c'est souvent de la canaille; mais il y aura toujours des chefs, pas vrai? Inutile de se casser la tête à réfléchir là-dessus“ —вотъ его мнѣніе. Но люди младшаго поколѣнія думаютъ иначе; новыя вѣянія проникаютъ въ массу, вмѣстѣ съ образованіемъ: дѣды не умѣли подписывать своего имени, отцы уже подписывались, а дѣти читаютъ и пишутъ „какъ профессора“. „Ah! ça poussait, ça poussait petit à petit, une rude moisson d'hommes, qui mûrissait au soleil!“ И теперь углекопамъ непонятно современное положеніе вещей, но они не относятся уже къ нему какъ къ чему-то совершенно непреодолимому. Въ душѣ назрѣла смертельная жажда перемѣны, стремленіе измѣнить свое положеніе. Въ массѣ это стремленіе бродитъ въ формѣ безсознательнаго недовольства и готовности къ какимъ-нибудь поступкамъ; въ отдѣльныхъ личностяхъ они быстро переходятъ въ слово и дѣло—и мы видимъ передъ собою агитаторовъ.

Въ „Углекопахъ“ изображены нѣсколько фигуръ такихъ вожаковъ народа и агитаторовъ; ширина и свобода таланта Зола выразились здѣсь опять во всей своей силѣ. Что его симпатіи всецѣло на сторонѣ рабочихъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; но какъ далеки его герои отъ Гракховъ или отъ Шпильгагенскаго Лео! Зола остается вѣренъ жизни и ни на минуту не измѣняетъ правдѣ; его симпатіи ни при чемъ; ни идеализаціи, ни сатиры; онъ изображаетъ только то, что̀ есть на самомъ дѣлѣ. И, конечно, написанныя имъ фигуры вырваны прямо съ плотью и кровью изъ того соціальнаго движенія, которое ростетъ и зрѣетъ во всѣхъ странахъ западной Европы.

Любопытно, что изъ главныхъ представителей дѣйствія, фигурирующихъ въ романѣ, только одинъ коренной углекопъ изъ Монсу: это Рассенеръ. Остальные явились въ Монсу со стороны, и черезъ ихъ посредство идеи проникаютъ въ массу *сверху*. Рассенеръ былъ первоначально рабочимъ въ копяхъ (haveur); отличный рабочій, онъ былъ въ то же время главой всѣхъ недовольныхъ, стоялъ во главѣ всякихъ претензій, за что потомъ компанія и выгнала его со службы. Жена его и раньше держала маленькую торговлю; Рассенеръ присоединился къ ней, досталъ деньжонокъ и, въ пику компаніи, открылъ кабачокъ прямо противъ шахты. Кабачокъ привлекалъ его прежнихъ товарищей, и сдѣлался центромъ недовольныхъ. Но дѣятельность Рассенера весьма умѣренная; въ немъ очень мало революціоннаго духа; онъ „постепеновецъ“ и отнюдь неспособенъ къ увлеченію крайними доктринами и мечтами

о золотомъ вѣкѣ. Требованія его чисто практическія и не идутъ дальше уступокъ, легко осуществимыхъ безъ всякаго измѣненія общаго порядка вещей. Онъ противъ стачекъ, противъ соціалистовъ (въ лицѣ „интернаціоналки") и противъ всякаго насилія. Онъ пользуется большою популярностью среди углекоповъ, но популярность его быстро падаетъ, какъ только начинаются смуты. Въ личной жизни онъ практиченъ, хорошо устроиваетъ свои дѣла и кулаковатъ; кабачокъ его процвѣтаетъ; il s'enrichissait des colères qu'il avait peu à peu soufflées au coeur de ses anciens camarades. Жена Рассенера гораздо радикальнѣе его самого.

Главный коноводъ рабочихъ во время стачки—Этьенъ, въ то же время главный герой романа, одно изъ центральныхъ лицъ. По манерѣ Зола, его родословную нужно искать въ предъидущихъ романахъ серіи Ругонъ-Маккаровъ: онъ—сынъ Жервезы и Лантье, изъ „Assommoir'a". Пресловутая наслѣдственность, которая по мысли Зола должна служить ключомъ къ пониманію характеровъ и жизни его героевъ, выразилась у Этьена въ его способности приходить въ бѣшенство отъ одной рюмки водки, которую онъ, вслѣдствіе этого, и ненавидитъ отъ всей души, ненавистью „послѣдняго ребенка цѣлой расы пьяницъ", для котораго каждая капля спирта превратилась въ ядъ. По правдѣ сказать, эта черта совершенно излишня и ничего не объясняетъ намъ въ его характерѣ. Хотя въ сценѣ бунта мы видимъ его опьянѣвшимъ и потерявшимъ обычное самообладаніе, но это понятно намъ и безъ всякой наслѣдственности: онъ уже много дней голодаетъ въ буквальномъ смыслѣ слова, а голодный человѣкъ одурѣетъ и отъ одной рюмки водки. Эта несчастная наслѣдственность, притянутая за волосы кстати и некстати—больное мѣсто Зола.

Этьенъ—несомнѣнно даровитый человѣкъ; голова у него работаетъ и жаждетъ знанія; онъ стыдится своего невѣжества. Въ Монсу онъ попадаетъ случайно: раньше онъ имѣлъ гораздо лучшее положеніе,—служилъ машинистомъ на желѣзной дорогѣ въ Лиллѣ. Но, потерявъ мѣсто и дойдя до совершенно безвыходнаго положенія, онъ дѣлается углекопомъ. Разъ назвавшись груздемъ, онъ чувствуетъ, конечно, на себѣ всѣ неудобства кузова; но тогда какъ старые углекопы смотрятъ на эти неудобства какъ на непреложные законы природы, Этьенъ стремится анализировать и бороться съ ними. Болѣе развитой и воспитанный, онъ ствительнѣе своихъ товарищей къ ихъ бѣдствіямъ. Впрочемъ, его нѣтъ никакихъ элементовъ личнаго озлобленія: какъ отный рабочій, онъ быстро выдвигается впередъ; не имѣя на ихъ семьи, онъ можетъ даже дѣлать сбереженія, которыя тра-

титъ на покупку книгъ. Онъ горько сознаетъ свое невѣжество, и тяготится имъ; но по мѣрѣ того, какъ прочитанныя книги постепенно расширяютъ его кругозоръ, онъ быстро переходитъ къ тщеславному увлеченію своимъ знаніемъ; эта перемѣна, нерѣдкая у малообразованныхъ людей и самоучекъ, превосходно изображена въ романѣ. Не пройдя основательной школы, безъ запаса знаній, безъ выработанной логики и безъ критическаго отношенія, легковѣрный Этьенъ быстро дѣлается жертвой, рабомъ всякой прочитанной книги. Это именно тотъ матеріалъ полуобразованныхъ головъ, который доставляетъ всегда главный контингентъ послѣдователей всѣхъ крайнихъ ученій. Увлеченіе его совершенно искренно и глубоко; онъ человѣкъ не робкаго десятка, рѣшительный и съ сильнымъ темпераментомъ. Это дѣйствительно человѣкъ безкорыстный, увлеченный идеей, что̀ не мѣшаетъ ему, конечно, быть тщеславнымъ къ успѣху, относиться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ своему общественному положенію и къ быту своей среды, гордиться своею популярностью и въ пылкихъ мечтахъ грезить о блестящей карьерѣ—перваго депутата изъ рабочихъ, громящаго и подавляющаго буржуазію. Успѣхъ его обольщаетъ и льститъ его самолюбію; но неудача не заставляетъ его отрекаться отъ своихъ идей и стремленій.

На протяженіи тѣхъ полутора лѣтъ, въ теченіе которыхъ разыгрывается дѣйствіе „Жерминаля", Этьенъ на нашихъ глазахъ развивается изъ вспыльчиваго, страстнаго и даровитаго мальчика въ смѣлаго и опаснаго политическаго дѣятеля. Постепенное развитіе способностей, въ зародышѣ лежавшихъ въ его душѣ, развитіе его характера изображены въ романѣ тонкими и мѣткими чертами. Но параллельно съ тѣми страстями и идеями, которыя наполняютъ его жизнь, въ душѣ Этьена постоянно тлѣетъ, временами вспыхивая огонькомъ и разгораясь подъ конецъ въ яркій трагическій пламень, любовь къ Катеринѣ, дочери Магё. Мы говорили уже объ этомъ романтическомъ эпизодѣ, представляющемъ настоящій перлъ художественнаго творчества Зола.

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно,
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

На гастроли появляется въ Монсу еще одинъ агитаторъ, уж агитаторъ по профессіи. Это Плюшаръ. Слесарь или механикъ п ремеслу, онъ оставилъ его для карьеры политическаго дѣятеля; вс его жизнь проходитъ въ разъѣздахъ и на сходкахъ, гдѣ онъ прои

носить рѣчи тономъ проповѣдника. Въ то время, какъ разыгрываются событія романа, онъ дѣйствуетъ какъ агентъ интернаціональнаго общества рабочихъ. Своимъ ораторскимъ упражненіемъ онъ нажилъ себѣ ларингитъ. Охрипшій, хлопотливый, съ озабоченнымъ видомъ сильно занятого человѣка, человѣкъ ограниченный, несомнѣнно менѣе даровитый, чѣмъ Этьенъ, Плюшаръ всю жизнь съ упорствомъ твердитъ одни и тѣ-же воззванія; его ограниченный кругозоръ ограждаетъ его отъ нерѣшительности и сомнѣній, которымъ предается иногда Этьенъ. Какъ фонографъ, онъ воспроизводитъ отпечатавшіяся на немъ пять-шесть идеекъ. Но его устойчивость и самоувѣренность производятъ впечатлѣніе на публику, необразованную и не знающую, что̀ дѣлать; ему вѣрятъ, потому что онъ вѣритъ самъ себѣ.

Какъ видите, Зола не льститъ французской демократіи; его герои не казисты. Но вглядитесь въ нихъ попристальнѣе,—они заслуживаютъ вашего вниманія не меньше любого романтическаго героя или народнаго трибуна. Шиллеровскій маркизъ Поза—благородная мечта, а герои Зола—фактъ, будничный фактъ; и въ этомъ ихъ цѣнность, въ этомъ разница между временемъ Шиллера и нашимъ временемъ. Не бѣда, что это маленькіе людишки, что ихъ идеи не оригинальны, свѣденія слабы, краснорѣчіе банально: въ нихъ большая политическая сила. Ихъ сила въ томъ, что ихъ много, что они вышли изъ народа, и что они хотятъ, а не мечтаютъ; это тѣ бактеріи, которыя разносятъ ферментъ (идеи), приводящій въ броженіе инертную массу. Гейне мерещился человѣкъ, представлявшій собою „das Schwert von seinen Gedanken“; люди „Жерминаля“ и есть такой „мечъ идеи“. Только тамъ, гдѣ есть Рассенеры, Этьены и Плюшары, только тамъ возможны правильныя политическія движенія народа, сознательныя и ведущія къ цѣли; безъ нихъ будетъ имѣть мѣсто только жакерія, пугачевщина, бунтъ „безсмысленный и безпощадный“. Если бы Тургеневскій Неждановъ („Новь“) могъ проштудировать „Жерминаля“, онъ, можетъ быть, не надѣлалъ бы тѣхъ десять тысячъ глупостей, которыя заставили его застрѣлиться отъ конфуза.

На ряду съ воинствующими представителями четвертаго сословія, продолжающими дѣло 12-го жерминаля 1794 г., мы видимъ случайнаго гостя Франціи, продуктъ чужой страны и чужого [illegible]да,—rara avis въ средѣ французской демократіи. Это рус[illegible] анархистъ Суваринъ, одна изъ самыхъ оригинальныхъ фи[illegible] романа. Съ нашей точки зрѣнія, т.-е. точки зрѣнія русскаго [illegible]теля, Суваринъ представляетъ изъ себя вопіющій анахронизмъ, [illegible] что въ то время, когда происходитъ дѣйствіе „Жерминаля“,

русская жизнь еще не была потрясена тѣми событіями, которыми изукрашена его біографія. Но въ этомъ нѣтъ, конечно, большого грѣха, потому что люди такого темперамента, такого душевнаго склада, какимъ изобразилъ своего героя Зола, существовали и прежде, какъ и всегда. У Зола это человѣкъ, стоящій на границѣ безумія, фанатическій маньякъ, съ прямолинейною логикою сумасшедшаго, человѣкъ крайняго аскетизма и безумнаго личнаго мужества, типъ людей, играющихъ видную роль въ исторіи расколовъ, религіозныхъ сектъ и крайнихъ политическихъ движеній всѣхъ странъ и временъ, людей, кончающихъ свою карьеру въ сумасшедшемъ домѣ или на плахѣ.

VI.

Длинный рядъ картинъ, потрясающихъ по содержанію и удивительныхъ по художественному исполненію, проходитъ передъ нашими глазами.

Когда, подъ вліяніемъ экономическаго кризиса, наступившаго въ странѣ, каменноугольная компанія въ Монсу стала стремиться къ пониженію производительности своихъ копей, она сочла нужнымъ въ то же время измѣнить и условія заработной платы. Рабочіе, на которыхъ тяжело ложилось уже и уменьшеніе производства, не вынесли новой нагрянувшей на нихъ бѣды. Разыгрывается грандіозная стачка, одно изъ тѣхъ рабочихъ движеній, которыя составляютъ заурядное явленіе въ современной жизни западной Европы.

Не стану передавать здѣсь всего хода событій, излагаемыхъ Зола съ обстоятельностью и подробностью лѣтописца. Точность и кажущаяся мелочность его описанія, безстрастный и ровный тонъ, безъ паѳоса, безъ юмора, дѣлаетъ чтеніе сперва скучнымъ и нѣсколько утомительнымъ. Но по мѣрѣ чтенія вы замѣчаете, какъ мало-по-малу детали, не интересовавшія васъ первоначально, начинаютъ пріобрѣтать смыслъ, какого вы раньше не замѣчали; одна подробность лѣпится за другой, и постепенно передъ вашими глазами выростаютъ картины необычайной жизненной правды.

„Жерминаль" показываетъ намъ, какой цѣной покупается такъ-называемая „эволюція экономическихъ отношеній". Голод[illegible] и бунтъ—вотъ темы, разработанныя въ романѣ съ особенно тщательностью. Бѣдствія рабочихъ во время стачки достигаютъ крайней степени; мы видимъ, какъ тяжко они отражаются н[illegible] мирной семьѣ Магё, гдѣ мы присутствовали первоначально пр[illegible]

такихъ идиллическихъ сценахъ. Стачка погубила семью совсѣмъ; самъ Магё былъ убитъ во время безпорядковъ; дѣвочка-подростокъ Эльзира умерла почти отъ голода; Катерина погибла въ шахтѣ, —жертва Суварина. Старая la Maheude, какъ Ніобея, претерпѣла казнь надъ своими близкими, а на послѣднихъ страницахъ романа мы видимъ ее вновь опускающеюся въ шахту. Главы, изображающія гибель семьи Магё, постепенное обнищаніе, смерть голодной дѣвочки, отчаяніе и бѣшенство матери—превосходны въ своемъ мрачномъ трагизмѣ; мало есть вещей въ литературѣ, гдѣ человѣческія бѣдствія были бы описаны съ такою потрясающею силою, такъ просто, безъискусственно и правдиво. Никакихъ возгласовъ, патетическихъ восклицаній, укоровъ и обличеній; правда говоритъ сама за себя и не нуждается въ адвокатахъ. Вы не видите автора, не видите намѣренія поразить ваше воображеніе; какъ натуралистъ, Зола даетъ вамъ живую природу и самъ отходитъ къ сторонѣ, не выражая ни жалости, ни негодованія.

Какими различными путями достигаетъ своихъ цѣлей искусство! Эти главы „Жерминаля“ по силѣ впечатлѣнія и по трагическому порыву всякій разъ напоминаютъ мнѣ невольно одну сцену изъ произведенія художника, имѣющаго весьма мало общаго съ Зола. Помните въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго то удивительное мѣсто про „дитё“, когда Митя Карамазовъ, при первомъ допросѣ по обвиненію въ убійствѣ отца, засыпаетъ, утомленнымъ, на сундукѣ и видитъ во снѣ унылую степь, погорѣлую деревню, голодныхъ бабъ и одну изъ нихъ съ голоднымъ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Помните слова ямщика, что „дитё плачетъ, иззябло дитё... промерзла одежонка“, и т. д., и безумные вопросы Митиньки, „почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дитё, почему гола степь“. Измученная душа грѣшнаго и погибшаго человѣка поражена глубиною человѣческихъ страданій, потрясена тяжелою мыслью о томъ, что „всѣ за всѣхъ виноваты“. Читайте главы „Жерминаля“, о которыхъ шла рѣчь—и вы будете потрясены тѣмъ же сознаніемъ своего грѣха и чувствомъ, что „всѣ за всѣхъ виноваты“.

Настойчивость рабочихъ и неуступчивость компаніи затянули стачку надолго; нищета, достигшая крайней степени, отчаяніе, овладѣвшее сердцами, кладутъ конецъ дисциплинѣ, такъ долго с... живавшей рабочихъ; авторитетъ вожаковъ, руководившихъ д... кеніемъ, падаетъ, и начинаются неистовства голодной и обезу... зшей толпы. Рядъ удивительныхъ сценъ—можетъ быть, лучш... ъ въ романѣ—показываетъ намъ эту толпу, превратившуюся въ м... толоваго звѣря. Только у Толстого можно найти такое изо-

браженіе народной массы, высокохудожественное воспроизведеніе психологіи толпы. Воля и индивидуальность отдѣльнаго человѣка исчезаетъ, тонетъ въ массѣ; воля нѣсколькихъ тысячъ лицъ сливается какъ бы въ одну общую, самостоятельную, безумную волю, обладающую неудержимою силою; это „сила природы“, по мѣткому выраженію Зола. Вотъ онѣ, эти безумныя народныя массы, такъ часто появляющіяся въ исторіи, хотя на короткое время, и оставляющія послѣ себя такія мрачныя воспоминанія. Живое видѣніе мятежа проходитъ передъ нами, и Зола, измѣнивъ на мгновенье холодному и безстрастному тону, дѣлаетъ слѣдующій грозный комментарій къ своему описанію.

Инженеръ Негрель съ нѣсколькими дамами, спрятавшись на сѣновалѣ фермы, смотрѣлъ на толпу изъ нѣсколькихъ тысячъ углекоповъ, пробѣгающую по дорогѣ, мимо фермы: „C'était la vision rouge de la révolution qui les emporterait tous, fatalement, par une soirée sanglante de cette fin de siecle. Oui, un soir, le peuple lâché, débridé, galoperait ainsi sur les chemins; et il ruissellerait du sang des bourgeois, il promenerait des têtes, il semerait l'or des coffres éventrés. Les femmes hurleraient, les hommes auraient ces mâchoires de loups, ouvertes pour mordre. Oui, ce seraient les mêmes guenilles, le même tonnerre de gros sabots, la même cohue effroyable, de peau sale, d'haleine empestée, balayant le vieux monde, sous leur poussée débordante de barbares. Des incendies flamberaient, on ne laisserait pas debout une pierre des villes, on retournerait à la vie sauvage dans les bois, après le grand rut, la grande ripaille, où les pauvres, en une nuit, efflanqueraient les femmes et videraient les caves des riches. Il n'y aurait plus rien, plus un sou des fortunes, plus un titre des situations acquises, jusqu'au jour où une nouvelle terre repousserait peut-être. Oui, c'étaient ces choses qui passaient sur la route, comme une force de la nature, et ils en recevaient le vent terrible au visage“.

Въ безчинствахъ, произведенныхъ углекопами на шахтахъ, пока не подоспѣли жандармы, первенствующую роль играли женщины; онѣ бѣжали впередъ толпы, описанной Зола. Глумленіе надъ трупомъ Maigrat, лавочника, взыскивавшаго долги живымъ товаромъ и убившагося нечаянно на глазахъ у толпы, показываетъ намъ нашихъ старыхъ знакомыхъ — смирную жену Мэ[illegible] и др. въ совершенно звѣриномъ видѣ. Зола часто, и основатель[illegible], упрекаютъ въ цинизмѣ, и, конечно, онъ пишетъ не для гимна[illegible]стокъ; но развѣ въ дикомъ цинизмѣ той сцены, которая разыгр[illegible]вается надъ трупомъ Мэгрà, не заключается страшная траги[illegible]

свая сила? Неужели это порнографія? Изображеніе безумствъ разъяренной толпы было бы неполно безъ этой ужасной сцены, и нагая откровенность Зола, часто неудобная для чтенія, выливается здѣсь въ картинѣ по истинѣ художественной. Вы чувствуете, что было бы лицемѣріемъ умолчать о томъ, о чемъ онъ говоритъ.

Столкновеніе между взводомъ солдатъ, охраняющихъ шахту, гдѣ начались работы при помощи рабочихъ, привезенныхъ изъ Бельгіи, и толпой углекоповъ, дерзко поносящихъ солдатъ и забрасывающихъ ихъ каменьями, кладетъ трагическій финалъ драмѣ въ Монсу. Залпъ, послѣдовавшій почти невольно, раньше команды, въ порывѣ самосохраненія, разсѣялъ и на этотъ разъ „четвертое сословіе". Въ числѣ убитыхъ углекоповъ былъ и Магё.

VII.

Параллельно со всѣми перипетіями непосильной борьбы рабочихъ съ могущественной компаніей, передъ нами проходитъ рядъ картинъ будничной жизни буржуа, лишь мало затронутой народными волненіями. По своему значенію и достоинству, буржуазныя сцены романа далеко уступаютъ сценамъ изъ жизни рабочихъ. Конечно, и здѣсь есть типы мѣтко и вѣрно очерченные—въ родѣ, напр., инженера Негреля, — но они мало пропорціональны другимъ лицамъ и сценамъ романа. Негрель дѣйствительно типичная фигура: умный, энергичный и работящій французъ, знающій свое дѣло, развращенный до мозга костей, эгоистъ до nec plus ultra, онъ одинъ, можетъ быть, относится съ пониманіемъ дѣла къ происходящимъ событіямъ, но, поскольку они не касаются его шкуры, совершенно къ нимъ равнодушенъ. Онъ цинично говоритъ дамамъ при приближеніи грозной толпы углекоповъ (въ цитированной выше сценѣ): „prenez vos flacons, la sueur du peuple qui passe", и умѣетъ въ то же время кратко, но внушительно показать глупому старику Грегуару, чтò такое „красный призракъ". Одной стороной своего характера онъ заслуживаетъ полнаго сочувствія; онъ работникъ усердный и талантливый, въ дѣлѣ исполненія своего профессіональнаго долга безукоризненный, и смѣлый до самопожертвованія; но сердца у него нѣтъ, и есть ли у него совѣсть—сомнительно. Отношенія его къ женщинамъ—глубоко безнравственны; его девизъ—брать чтò плохо лежитъ. Личное благополучіе—единственный мотивъ его существованія, а на все остальное ему „въ высшей степени наплевать". Вообще—дрянь-человѣкъ; а человѣкъ

неглупый. Это типично-французская фигура; едва-ли такой калибръ часто попадается среди нашей интеллигенціи; наши люди работающей интеллигенціи въ среднемъ гораздо менѣе способны къ труду, но и гораздо мягкосердечнѣе, чѣмъ этотъ маленькій, бойкій французикъ.

Остальныя интеллигентныя лица романа слабѣе. Грегуары, такъ мило описанные въ началѣ, во второй половинѣ романа все болѣе и болѣе отдаютъ каррикатурой. Недурна m-me Эннебо, отцвѣтающая, но еще пикантная дама, для которой „порядочность" обстановки есть альфа и омега жизни, ограниченная въ то же время, какъ московская купчиха. Она живетъ для ѣды, для чувственныхъ удовольствій, для мягкой мебели и изящной обстановки, а мужъ состоитъ при ней для доставленія средствъ. Но въ общемъ эти мелкіе люди и мелкія страсти мало васъ интересуютъ и теряются въ сравненіи съ той захватывающей душу драмой, которая разыгрывается внизу. Они нарушаютъ художественное впечатлѣніе романа своей непропорціональностью. Въ этомъ отношеніи любовные эпизоды (Негрель и m-me Эннебо, Негрель и Сесиль) можно считать совсѣмъ лишними: вниманіе читателя все время такъ приковано къ драматическимъ событіямъ въ Монсу, что любовныя шашни г-жи Эннебо и другихъ лицъ не въ состояніи заинтересовать и остановить на себѣ. Точно также незначительны мученія ревности г. Эннебо, этого заживо погребеннаго мужа; можетъ быть, Зола хотѣлъ противопоставить матеріальнымъ страданіямъ низшаго класса образъ человѣка, совершенно обезпеченнаго матеріально, и тѣмъ не менѣе переносящаго жестокія душевныя муки. Но вѣдь въ исторіи любви Катерины и Этьена, хотя они и простые, грубые люди, мы видимъ не менѣе тонкія и нѣжныя душевныя движенія, чѣмъ среди болѣе развитой буржуазіи. Нѣкоторая искусственность въ противопоставленіи народа и буржуазіи замѣчается и здѣсь, какъ и въ началѣ романа; тонкій обѣдъ у Эннебо, когда приходитъ депутація отъ стачниковъ—эффектъ довольно грубый, хотя и превосходно написанный. И ужъ совсѣмъ не слѣдовало бы прибѣгать къ этому эффекту два раза, какъ это дѣлаетъ Зола; но зато какъ ужасна сцена — въ описаніи этого втораго обѣда, — когда гости m-me Эннебо смотрятъ изъ окна на женщинъ, ругающихся надъ трупомъ Мэгрà!

VIII.

Ружейными выстрѣлами, собственно говоря, и заканчивается драма въ Монсу. Рабочіе должны были признать себя побѣжденными; компанія, подъ давленіемъ правительства, сдѣлала нѣкоторыя ничтожныя уступки. Но Зола не заканчиваетъ на этомъ свой романъ. Вводя въ дѣйствіе разрушительныя революціонныя силы, онъ прибавляетъ еще новый неожиданный и печальный эпизодъ, послѣднюю трагическую черту къ созданной имъ мрачной исторической картинѣ. И при чтеніи этихъ превосходныхъ заключительныхъ главъ романа, нельзя не удивляться огромной силѣ воображенія и неистощимости творчества знаменитаго писателя. Зола сразу, съ первыхъ строкъ романа, ведетъ разсказъ въ такомъ мрачномъ и трагическомъ тонѣ и поднимается на такую художественную высоту, что при чтеніи у васъ невольно является опасеніе: долго ли это можетъ идти crescendo? хватитъ ли у автора силы, чтобы завершить романъ въ такихъ же сильныхъ и трагическихъ чертахъ, какъ онъ началъ? не ослабѣетъ ли его талантъ, не утомится ли его воображеніе, не будетъ ли конецъ слабѣе начала? Но эти опасенія совершенно напрасны; строгая гармонія соединяетъ всѣ части романа въ одно прекрасное цѣлое. Тонъ, однажды взятый, не измѣняетъ автору. Съ неутомимой свѣжестью и все новой и новой силой развертываетъ онъ свое повѣствованіе, и когда уже вамъ кажется близокъ конецъ,— дальше уже идти некуда,—авторъ вдругъ переходитъ въ новый фазисъ и заканчиваетъ романъ картиной такой силы, такой блестящей поэзіи и глубокаго чувства, что вы невольно изумляетесь. Уже то, что̀ сдѣлано, казалось продуктомъ необычайнаго творческаго труда; но вы видите, что это было только какъ бы подготовительною работою, написано какъ бы въ полъ-таланта, въ полъ-силы, а свою настоящую художественную силу поэтъ приберегъ къ концу, чтобы въ утомленной уже душѣ читателя вызвать еще новый рядъ удивительныхъ впечатлѣній.

Этотъ эпизодъ романа, конечно, слишкомъ памятенъ всѣмъ читавшимъ „Жерминаль“, чтобы его слѣдовало излагать подробно. Суваринъ, видя, что стачка окончилась пораженіемъ рабочихъ, по[illegible]илилъ деревянную обшивку шахты; онъ это сдѣлалъ одинъ, по[illegible]о, съ величайшею опасностью для жизни; а днемъ, когда на[illegible]лись работы, шахта обвалилась. Негрель, спустившійся, чтобы из[illegible]довать причину несчастія, убѣдившись въ преступномъ у[illegible]ѣ, сообщилъ объ этомъ Эннебо, и они оба „не могли по-

нять этой безумной отваги разрушенія, отказывались вѣрить очевидности, какъ съ трудомъ вѣрятъ исторіямъ о знаменитыхъ бѣгствахъ, объ узникахъ, ушедшихъ въ окошко на высотѣ пяти саженъ отъ земли". Большинство рабочихъ успѣло спастись, нѣсколько человѣкъ было убито, и трое остались засыпанными заживо: эти трое были Этьенъ, Катерина и ея любовникъ Шаваль. Общественная драма кончилась, но индивидуальная драма, драма душевной жизни этихъ тѣсно связанныхъ между собою лицъ, достигаетъ здѣсь своего апогея. Отрѣзанные отъ міра, обреченные на смерть, медленно заливаемые водой, утратившіе всякую надежду, они не утратили своихъ страстей. Шаваль, мучимый ревностью, оскорбляетъ Этьена, оскорбляетъ Катерину, и Этьенъ его убиваетъ. Они остаются вдвоемъ съ Катериной умирать отъ голода; и пока маленькій Негрель, со всею энергіею своей натуры, вмѣстѣ съ толпой самоотверженныхъ углекоповъ, работаетъ надъ новой галереей, чтобы проложить путь къ несчастнымъ, яркимъ пламенемъ вспыхиваетъ наканунѣ смерти романъ Этьена и Катерины. Любовь и смерть въ ихъ мистической непонятности сливаются въ одно загадочное и ужасное цѣлое. Какъ хороша сцена, когда Катерина бредитъ, бредитъ солнцемъ, травою, хлѣбами и своею подавленною любовью—всѣмъ, что̀ осталось милаго тамъ, наверху! Съ какимъ реализмомъ и какой поэзіей описаны мученія голода и нравственныя мученія Этьена при видѣ страданій Катерины! Она умираетъ у него на рукахъ, и когда, наконецъ, черезъ два дня до него докопались углекопы, его нашли сидящимъ съ мертвою Катериной на колѣняхъ.

„Затѣмъ, ничего болѣе не было. Этьенъ сидѣлъ на землѣ, все въ одномъ и томъ же углу, и держалъ на колѣняхъ Катерину, лежавшую безъ движенія. Часы проходили за часами. Долго онъ думалъ, что она спитъ; потомъ онъ потрогалъ ее—она была холодная, она умерла. Однако онъ не шевелился, боясь ее разбудить. Онъ съ нѣжностью думалъ, что она могла быть беременною. Другія мысли, желаніе уйти съ нею, радость о томъ, какъ они будутъ жить вдвоемъ впослѣдствіи, временами приходили ему въ голову,—мысли такія смутныя, что, казалось, онѣ едва касались его чела и проходили какъ сновидѣнія. Онъ слабѣлъ, у него оставалось силы только для одного жеста—медленнаго движенія рукой, чтобы убѣдиться, что она все здѣсь и спитъ какъ ребенокъ въ своей холодной окоченѣлости. Все исчезало; ночь еще болѣе потемнѣла; онъ находился внѣ времени и внѣ пространства. Что-то все стучало у его головы; удары станови-лись сильнѣе и приближались; сначала ему было лѣнь отвѣчать,

онъ былъ объятъ необычайной усталостью; теперь ужъ онъ не понималъ ничего; ему грезилось, что она идетъ передъ нимъ, и онъ слышитъ легкій стукъ ея башмаковъ. Такъ прошло два дня; она не пошевельнулась; онъ трогалъ ее машинальнымъ жестомъ, успокоиваясь тѣмъ, что она лежитъ неподвижно". По интенсивности изображенія ужаснаго, по яркости и образности, доходящей до степени галлюцинаціи, эти заключительныя страницы „Жерминаля" по истинѣ безподобны; въ нихъ талантъ Зола достигаетъ совершенно неожиданной высоты, и мы видимъ, что его истинный родъ въ искусствѣ—это трагическое.

IX.

Поэзія существуетъ главнымъ образомъ для юности. Конечно, человѣкъ съ прирожденнымъ и развитымъ чувствомъ изящнаго— удѣлъ сравнительно немногихъ — до сѣдыхъ волосъ и до гроба не утратитъ способности наслаждаться художественными произведеніями; зрѣющій вкусъ и развивающаяся съ годами опытность и чуткость въ распознаваніи истиннаго отъ подложнаго сдѣлаютъ его съ годами болѣе вѣрнымъ и тонкимъ цѣнителемъ художественныхъ достоинствъ поэта. Но только разъ въ жизни, только въ ранней юности, поэзія имѣетъ чарующую и непреодолимую силу; только въ это время она достигаетъ той цѣли, къ которой стремится, сознательно или безсознательно, каждый поэтъ, каждый художникъ: дѣлать новыхъ людей, какъ Прометей, по образу своему и подобію. Только въ это время жизни прочитанныя книги такъ сильно дѣйствуютъ, что надолго, на всю жизнь иногда, даютъ тонъ всей душевной дѣятельности молодого читателя; идеи и чувства поэта передаются обществу, прививаются къ нему, главнымъ образомъ черезъ посредство молодежи. „Wer fertig ist, dem ist nichts recht zu machen, ein werdender wird immer dankbar sein",—говоритъ Гёте.

Кто хорошо прочитаетъ и прочувствуетъ „Жерминаль", тотъ пойметъ и почувствуетъ самое важное въ жизни современнаго общества. Жгучіе вопросы, волнующіе умы и сердца современниковъ, сами собою, конечно, во всевозможныхъ отраженіяхъ и отголоскахъ, до[illegible]гаютъ до нашего сознанія. Но одинъ романъ Зола можетъ сд[illegible]ть больше, чѣмъ сдѣлаютъ тысячи статей, изслѣдованій и па[illegible]етовъ. Всякій пойметъ, прочитавъ его, ясно и отчетли[illegible] самое важное зло того общества, въ которомъ ему приxо[illegible]ч жить; онъ сразу почувствуетъ тотъ тонъ, въ которомъ

должна быть построена его дальнѣйшая жизнь, получитъ правильное отношеніе къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Я не хочу сказать, конечно, чтобы этимъ предрѣшалась дальнѣйшая практическая дѣятельность человѣка,—нисколько; теченіе жизни слагается изъ безчисленнаго множества струй, и всѣ онѣ имѣютъ свою важность. Но чѣмъ бы человѣкъ ни занимался,—будетъ ли онъ нотаріусомъ, докторомъ или капельмейстеромъ,—въ его душѣ должно быть опредѣленное отношеніе къ основнымъ и важнымъ вопросамъ времени. Его совѣсть должна быть построена на извѣстный ладъ. Художникъ-мыслитель и есть тотъ великій мастеръ, который настроиваетъ на извѣстный тонъ совѣсть людей. Зола—человѣкъ большого ума и огромнаго художественнаго таланта, и онъ написалъ книгу, которую, конечно, можно назвать одною изъ самыхъ важныхъ книгъ конца этого вѣка; та закваска, которую вынесетъ изъ „Жерминаля“ душа чуткаго и впечатлительнаго читателя, есть самое нужное, необходимо нужное для того, чтобы и наше время было переходной ступенью къ лучшему будущему.

В. Андреевичъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Сладко спи, разсвѣтъ багряный!
Спи, закутанный въ туманы,
Пробуждаться погоди!
Ночи трепетныя тѣни,
Сонмъ чарующихъ видѣній
Разгонять не приходи!..

Что̀ ты дашь и что̀ отнимешь,
Чуть съ улыбкой приподнимешь
Тьмы густую пелену?
—Призовешь ты къ безобразной
Битвѣ, къ сутолокѣ праздной
Жизни мутную волну!

Безпощадно-живо, ясно
Будетъ все, о чемъ напрасно
Позабыть стремился я,
Что̀ въ полночный часъ покоя
Заслонять могла собою
Греза райская моя!..

О, помедли, дерзновенный!
Въ грезѣ блещетъ лучъ нетлѣнный
Вѣчной правды, красоты,—
Въ дымкѣ радужныхъ мечтаній,
Ярче, радостнѣй, багрянѣй,
Животворнѣе, чѣмъ ты!..

II.

ИЗЪ ПРИЗНАНІЙ.

О, самый нѣжный другъ тѣхъ радостей мнѣ не́ далъ,
Которыя не разъ я съ трепетомъ извѣдалъ
Благодаря врагамъ!
Ихъ непрестанная, докучная забота
Меня всегда влекла изъ топкаго болота
Къ спасенья берегамъ—

И побѣждалъ я лѣнь, и пошлыя забавы
И суету презрѣвъ, на путь стремился правый,—
На тотъ единый путь,
Гдѣ слову лживому отвѣтить можно дѣломъ,
Подъ истины броней гдѣ ядовитымъ стрѣламъ
Недостижима грудь!

Смертельнымъ не бывалъ врага ударъ жестокій:
Не сердце онъ разилъ, а лишь его пороки,—
И становился я
Свободнѣе, сильнѣй!.. Да, послѣ каждой битвы
Яснѣе былъ мой взоръ, возвышеннѣй молитвы
И слаще прелесть бытія!

Подъ натискомъ вражды, какъ звѣрь, гонимый сворой,
Взбирался иногда, израненный и хворый,
Я до такихъ высотъ,
Куда свободно я поднялся бы едва-ли,
Откуда новыя мнѣ открывались дали,
Гдѣ былъ яснѣе небосводъ!..

Грозой былъ духъ омытъ отъ плесени и пыли!..
А для друзей моихъ какимъ мѣриломъ были
Ненастья злого дни!
Отстало большинство!.. Но тѣ, что̀ раздѣляли
Со мной безропотно гоненья и печали,—
Какъ дороги они!..

А ты, подруга дней томительныхъ и бурныхъ,
Въ чьемъ взорѣ свѣтится мнѣ даль небесъ лазурныхъ,
Лучъ радостнаго дня!
Среди мятели бѣдъ,—чѣмъ больше тучъ сбиралось,
О, тѣмъ сильнѣй ты вся любовью разгоралась,
Чтобъ отогрѣть меня!!..

И ты, поэзіи незримая богиня!
Ты въ бурю, какъ баластъ, все отдала пучинѣ:
Тщеславья мишуру
И жажду бренныхъ благъ!.. Взялась рукою властной
За руль—и повела мой челнъ сквозь мракъ ненастный
Къ свободѣ и добру!..

III.

Донынѣ, какъ во дни печальной старины,
Корысть—гнѣздо вражды, вражда—гнѣздо войны!..
Охотнѣй человѣкъ словамъ науки внемлетъ
И признаетъ любовь,—но звѣрь въ немъ только дремлетъ!
Не умеръ лютый звѣрь!.. Онъ былъ когда-то львомъ,
Онъ живописенъ былъ въ нарядѣ боевомъ:
Гарцуя на конѣ, изъ-за зубчатыхъ башенъ
Стремился рыцарь въ бой, прекрасенъ и безстрашенъ!..
Затѣмъ... онъ спѣшился, и шлемъ и латы снялъ:
Тѣ горделивый левъ презрѣннымъ волкомъ сталъ!..
Теперь, изобрѣтя жестокіе снаряды,
Легли всѣ на-землю—и поползли, какъ гады,
Да съ цѣлью низкою въ синѣющую высь
На крыльяхъ знанія иные поднялись,—
Чтобъ, на подобіе чудовища-дракона,
Огонь и смерть метать на смертныхъ съ небосклона:
Тѣ къ первообразу вернулся сатана—
И хитрымъ змѣемъ сталъ,—хоть наши времена
На бытіе въ раю нимало не похожи!..
Спаси дѣтей своихъ! повѣдай намъ, о, Боже,
Когда же сбудутся пророчества твои?!
огда же человѣкъ сотретъ главу змѣи?!..

IV.

Отойдите, думы неотвязныя,
Какъ стенанья однозвучныя!
Скройтесь, призраки докучные,
Порожденья мрака безобразныя!..

Божій свѣтъ вы мнѣ тумаяите,
Налегли на грудь,—что цѣпь тяжелая!
Передъ вами пѣснь молчитъ веселая,
Вянетъ все, на что ни глянете!..

Не надѣйся, нечисть окаянная:
Предъ твоею тучей черною
Не склонюсь главой покорною!
Не угаснетъ вѣра, небомъ данная!

За желѣзными засовами
Не погубишь истину нетлѣнную!
День придетъ—и озаритъ вселенную
Солнце, прбклятое совами!..

Вѣдь не даромъ звѣзды золотистыя
Предвѣщаютъ зорю ясную,
Вѣдь не даромъ тьму ненастную
Прорѣзаютъ молніи огнистыя!—

И, шумя, на берегъ каменный
Океанъ воспрянувшій кидается,
И внезапно въ сердцѣ пробуждается
Властный голосъ пѣсни пламенной!..

Василій Величко.

КЫЛЫЧЪ-АЛАЙ

Страница изъ новѣйшей исторіи Турціи.

(По воспоминаніямъ очевидца).

I.

Раннимъ, дождливымъ утромъ 18-го мая 1876 года, жители мирной при-босфорской деревушки Буюкдере были чрезвычайно удивлены прибытіемъ на зарѣ турецкаго фрегата, который, ставъ на якорь какъ разъ противъ лѣтняго дворца русскаго посольства, открылъ свои борта и показалъ жерла громадныхъ орудій, какъ бы приготовляясь приступить къ бомбардировкѣ. Въ то же время узнали, что еще въ полночь мѣстная телеграфная станція была занята отрядомъ турецкихъ войскъ, а другіе отряды прекратили всякое сообщеніе Буюкдере съ окрестными мѣстами. Было очевидно, что въ Константинополѣ что-то произошло чрезвычайно важное, но что̀ именно—оставалось неизвѣстнымъ.

Погода въ то утро была отвратительная—густой туманъ лежалъ на Босфорѣ, съ Чернаго моря дулъ порывистый вѣтеръ, моросилъ мелкій, упорный дождь. Несмотря на все это, на набережной была масса народа; на лицахъ всѣхъ было написано не умѣніе.

асъ проходилъ за часомъ, а неизвѣстность все длилась, лю лытство достигало своего крайняго напряженія—тѣмъ болѣе, чт авно уже миновалъ часъ, когда въ Буюкдере долженъ

былъ придти изъ города первый пароходъ—ширкетъ [1]), съ которымъ могли бы быть получены какія-нибудь извѣстія, и только потомъ оказалось, что, по приказанію Порты, были прекращены всѣ сообщенія между Царьградомъ и окрестностями: изъ города не выпускали ни пароходовъ, ни экипажей, ни верховыхъ.

Наше посольство находилось въ такомъ же невѣденіи, какъ и остальные простые смертные, и лишь въ десятомъ часу утра явился туда гонецъ изъ Перы (европейское предмѣстье Константинополя), одинъ изъ курьеровъ посольства, Гвоздинскій, которому удалось пѣшкомъ пробраться въ Буюкдере. Онъ разсказалъ, что въ Константинополѣ — общее ликованіе: въ ночь произошла революція, султанъ Абдуль-Азизъ свергнутъ и на престолъ взошелъ Мурадъ V.

Причины низверженія Абдуль-Азиза были сложны, но главною, повидимому, было опасеніе нѣкоторыхъ западныхъ державъ, какъ бы султанъ, слывшій за приверженца искренняго соглашенія съ Россіею, не принялъ какихъ-либо рѣшеній, напоминавшихъ рѣшенія отца его, Махмуда, рѣшившагося поставить въ 1833 г. Турцію подъ покровительство императора Николая I. Исторія, конечно, выяснитъ въ свое время, въ подробностяхъ, роль, какую играли во всемъ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ западныхъ дипломатовъ. Тогдашній великобританскій посолъ, сэръ Генри Эллiотъ, уже успѣлъ пріобрѣсти къ тому времени репутацію *бѣдоваго* (jettatore), приносившаго несчастіе всякому государю той страны, гдѣ онъ бывалъ аккредитованъ. Такъ, сначала король Обѣихъ Сицилій—Францискъ, а затѣмъ греческій король—Оттонъ утратили свои престолы именно въ бытность сэра Эллiота англійскимъ представителемъ въ этихъ государствахъ.

Внутренними же причинами паденія Абдуль-Азиза выставлялось общее положеніе дѣлъ, вызывавшее повсюду недовольство. Дѣйствительно, послѣдніе мѣсяцы царствованія этого султана были ознаменованы цѣлымъ рядомъ несчастныхъ событій, потрясшихъ до основанія оттоманскую имперію. Сначала финансовое банкротство Турціи, къ которому она, благодаря участію нѣкоторыхъ европейскихъ дѣльцовъ, неотвратимо стремилась уже издавна, и которое выразилось, наконецъ, 6-го октября 1875 года въ распоряженіи великаго визиря Махмудъ-Недима-паши, объявившаго, что платежъ процентовъ по турецкимъ государственнымъ бумагамъ будетъ производиться въ продолженіе пяти лѣтъ лишь въ полю-

[1]) Называемый такъ отъ общества *Ширкети Хайріе*, поддерживающаго посредствомъ многочисленныхъ пароходовъ постоянное сообщеніе между Константинополемъ и всѣми при-босфорскими деревнями.

винномъ размѣрѣ, дабы дать финансамъ Турціи возможность придти въ бо̀льшій порядокъ. Слѣдствіемъ этого распоряженія было страшное паденіе турецкихъ фондовъ, благодаря чему полагавшіе себя вчера богачами обратились въ сегодняшнихъ нищихъ съ ничего нестоющими кусками бумаги въ рукахъ.

По всей справедливости, Махмудъ-Недимъ-паша лично даже и не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за принятую имъ мѣру, такъ какъ, собственно говоря, онъ лишь засвидѣтельствовалъ на бумагѣ то, что̀ существовало уже въ то время на дѣлѣ, т.-е. абсолютную невозможность для Турціи продолжать платить ростовщическіе проценты по огромнымъ займамъ, навязаннымъ Турціи Европою съ той поры, когда имперія османовъ была насильно втиснута въ совсѣмъ несвойственную ей роль участницы въ европейскомъ концертѣ и вынуждена нести непосильные расходы, въ особенности по организаціи турецкой арміи и флота, покрывавшіеся въ бо̀льшей своей части не изъ государственныхъ доходовъ, а путемъ внѣшнихъ займовъ изъ щедро раскрытаго кошелька западной Европы, видѣвшей въ этомъ—и не безосновательно—наилучшій способъ къ пріобрѣтенію въ Турціи преобладающаго вліянія.

Государство съ 1453 года, въ теченіе четырехъ столѣтій не задолжавшее на сторону ни одной копѣйки, принялось, начиная съ крымской войны, заключать внѣшніе займы въ огромныхъ размѣрахъ. Съ 1854 по 1875 годъ было заключено двѣнадцать внѣшнихъ займовъ на суммы: въ 1854 году—3 милліона фунт. стерл.; въ 1855 году—5 мил. фунт. стерл.; въ 1858 году—5 мил. фунт. стерл.; въ 1860 году—2.037.220 фунт. стерл.; въ 1862 году—8 мил. фунт. стерл.; въ 1863 году—8 мил. фунт. стерл. и еще 6 мил. фунт. стерл.; въ 1869 году—22.222.220 фунт. стерл.; въ 1870 году—31.680.000 фунт. стерл.; въ 1871 году—5.700.000 фунт. стерл.; въ 1872 году—10 мил. фунт. стерл.; въ 1873 году—27.777.780 фунт. стерл.—всего 124.417.220 фунтовъ стерлинговъ [1]) (свыше 995 мил. рублей), т.-е., круглымъ числомъ, изъ 9% годовыхъ турецкое казначейство обязано было уплачивать ежегодно однихъ процентовъ до 90 милліоновъ рублей.

Въ мемуарѣ, представленномъ конфиденціально Мидхатомъ-[...]ей 9-го марта 1876 года берлинскому, лондонскому, париж[...]у и римскому кабинетамъ, турецкій государственный долгъ

---

[1]) Stambul und das moderne Türkenthum, von einem Osmanen. 1877—78, [...]0—239.

представлялся еще болѣе значительнымъ, такъ какъ доходилъ, вмѣстѣ съ внутренними обязательствами, до 277 милліоновъ турецкихъ лиръ (2.078 милліоновъ рублей) и требовалъ на уплату процентовъ ежегодно по 24.931.000 тур. лиръ, т.-е. около 187 мил. рублей.

Какимъ же образомъ турецкое казначейство могло справиться съ подобными колоссальными обязательствами, когда по бюджету 1876 года всѣ доходы Турціи, вмѣстѣ съ египетскою данью, простирались до 4.776.583 кошельковъ (179.122.050 рублей), при ежегодномъ расходѣ въ 5.785.729 кошельковъ [1]), т.-е. сводились къ нормальному дефициту болѣе чѣмъ въ милліонъ кошельковъ, или около 38 милліоновъ рублей.

Тогдашнее политическое положеніе оттоманской имперіи было также крайне тяжело. Ничтожное во время своего возникновенія невесиньское возстаніе ширилось все болѣе и болѣе, вызвавъ открытую борьбу съ Черногоріей и вмѣшательство Европы, настоятельно требовавшей осуществленія дѣйствительныхъ реформъ въ пользу христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Вмѣшательство это, всегда нестерпимое для мусульманъ, давало благодарную почву для проповѣди мусульманскихъ патріотовъ и фанатиковъ, разжигавшихъ обѣднѣвшій народъ противъ правительства, накликавшаго будто столько бѣдствій; султана выставляли главнымъ виновникомъ; его называли гяуромъ за сближеніе съ Европой, припоминали его путешествіе на Парижскую выставку 1867 года. Абдуль-Азиза обвиняли въ намѣреніи пригласить русскія войска для расправы съ волновавшимися его подданными; обвиняли, наконецъ, въ намѣреніи измѣнить вѣками установленный порядокъ престолонаслѣдія въ династіи Османа, путемъ объявленія наслѣдникомъ престола своего сына Юсуфъ-Изеддина, въ видахъ чего и состоялось будто бы его назначеніе начальникомъ гвардіи.

Но все это волненіе, быть можетъ, не привело бы ни къ какимъ крайностямъ, не облеклось бы въ осязательную форму, если бы не нашлось умѣлой руки, которая сплотила бы главныхъ недовольныхъ и внушила имъ убѣжденіе, что единственнымъ выходомъ изъ тогдашняго тяжелаго положенія было вернуться къ прежнимъ янычарскимъ порядкамъ и замѣнить султана его братомъ Мурадомъ, слывшимъ за противника Россіи и приверженца Англіи, казавшейся истинною защитницею мусульманъ отъ насилія *москововъ* (турецкое названіе русскихъ). Такая рука скоро нашлась и, какъ кажется, въ средѣ дипломатическаго корпуса.

---

[1]) Ibid. II, 323—326.

Однимъ изъ орудій начавшагося движенія явилась партія такъ-называемой „молодой Турціи". Партія эта образовалась еще въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ и считалась въ Европѣ представительницею истиннаго либерализма и молодыхъ, полныхъ энергіи силъ турецкаго народа, ищущихъ сближенія съ западной Европой, дабы путемъ заимствованія представительныхъ учрежденій Запада оживить состарившійся государственный организмъ Турціи и тѣмъ возродить его къ новой жизни. Истинные идеалы „младо-турокъ" были однако далеко не тѣ; но сначала руководящія лица этой партіи успѣшно скрывали ихъ отъ Европы, предоставляя ей восхищаться вновь народившимся вѣяніемъ въ турецкомъ народѣ. „Младо-турки", столь либерально защищавшіе въ своей газетѣ „Ибретъ" даже парижскую коммуну 1871 года, въ сущности были не что иное, какъ вымазанная европейскими красками маска, которая скрывала за собою крайній магометанскій обликъ со всѣмъ его необузданнымъ фанатизмомъ.

Самая ярая ненависть къ Европѣ, къ цивилизаціи, къ христіанству—вотъ дѣйствительная подкладка „младо-турокъ". Впервые заявили они себя въ 1867 году заговоромъ, направленнымъ преимущественно противъ тогдашняго великаго визиря Аали-паши: цѣлью ихъ было устраненіе отъ власти Аали-паши, искорененіе изъ турецкаго строя всѣхъ вкравшихся въ него нововведеній, возвращеніе къ чисто мусульманскому укладу, уничтоженіе вліянія христіанскаго элемента въ государствѣ—и въ концѣ концовъ нападеніе на Европу. Въ теоріи имъ все казалось возможнымъ, и они добивались немедленнаго осуществленія своихъ плановъ. Быть можетъ, и самъ отъявленный противникъ „младо-турокъ", Аали-паша, въ глубинѣ души вполнѣ раздѣлялъ, какъ добрый мусульманинъ, ихъ воззрѣнія, но какъ дипломатъ онъ не могъ одобрять ихъ слишкомъ уже откровеннаго и рѣзкаго образа дѣйствій. Какъ бы то ни было, заговоръ былъ открытъ, и самые выдающіеся члены партіи „молодой Турціи"—Али-Суави-эфенди, Кемаль-бей, Тевфикъ-бей, Зія-бей, Мехмедъ-бей, Ахмедъ-Мидхатъ-бей и нѣкоторые другіе, спасаясь отъ преслѣдованій, бѣжали за границу, откуда они вернулись въ Константинополь лишь послѣ смерти Аали-паши, когда ихъ помиловалъ новый великій визирь, Махмудъ-Недимъ-паша.

Съ теченіемъ времени, истинныя стремленія „младо-турокъ" ...и высказываться все болѣе и болѣе открыто. Они сочли ...ожнымъ выступить понемногу уже во всей наготѣ, вклю... въ число своихъ идеаловъ еще одинъ важный принципъ ...ъединеніе всѣхъ правовѣрныхъ во имя ислама. Одинъ изъ ... Эссадъ-эфенди, издалъ въ 1875 году брошюру подъ за-

главіемъ: „Объединеніе Ислама“, въ которой онъ доказывалъ, что исламъ есть источникъ всякаго образованія и знанія; внѣ его — невѣжество и варварство. Нынѣ настала пора всѣмъ мусульманамъ сплотиться и собрать подъ знаменемъ халифа—знаменемъ истины и правосудія—всѣ страны отъ Марокко до Китая. Всѣ мусульмане, по мнѣнію Эссада-эфенди, должны были сойтись въ меккскомъ святилищѣ и ополчиться на невѣрныхъ христіанъ и язычниковъ. Брошюра эта, переведенная на арабскій языкъ, разошлась по магометанскому міру въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Младо-турки были логичны въ своихъ поработительныхъ стремленіяхъ: они прежде всего—горячіе приверженцы своей религіи и убѣжденные ея защитники, а коранъ, какъ извѣстно, не допускаетъ соглашенія между мусульманами и не-мусульманами; онъ знаетъ и узаконяетъ лишь вѣчную борьбу между ними, прекращаемую лишь конечнымъ покореніемъ послѣднихъ или, на время, истощеніемъ первыхъ.

Главный редакторъ журнала „Мухбиръ“, Али-Суави-эфенди, родъ магометанскаго Петра-пустынника, Савонаролы и Мадзини вмѣстѣ, сложившій впослѣдствіи свою голову въ чераганскомъ бунтѣ, требовалъ, уже начиная съ конца шестидесятыхъ годовъ, конституціи на томъ основаніи, что по коренной догмѣ ислама общественныя дѣла должны зависѣть отъ общественнаго же обсужденія, но притомъ формально оговаривалъ, что такъ какъ такое обсужденіе установляется именно догматомъ ислама, то само собою разумѣется, что не-магометане *не должны* принимать въ немъ участія. Въ то же время онъ печатно доказывалъ, что допущеніе христіанъ свидѣтелями въ мусульманскихъ судилищахъ—немыслимо. Сдѣланный, по возвращеніи въ Константинополь, въ 1876 году, директоромъ лицея въ Галата-Сераѣ, Али-Суави началъ свою педагогическую дѣятельность тѣмъ, что выгналъ изъ лицея всѣхъ бывшихъ тамъ 95 учениковъ не-турецкой національности, хотя первый же параграфъ лицейскаго устава гласитъ, что это учебное заведеніе открыто для всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ безъ различія.

Люди, проникнутые подобными воззрѣніями, конечно, могли только съ ненавистью относиться къ правительству, которое вынуждено было прислушиваться къ настояніямъ Европы и недостаточно, по словамъ „младо-турокъ“, ограждало мусульманъ, а своею безумною расточительностью разоряло окончательно этихъ послѣднихъ. Смѣлыя рѣчи „молодой Турціи“ встрѣчали сочувственный отголосокъ не только среди старыхъ мусульманъ-фанатиковъ, о...ъ

всего сердца желавшихъ осуществленія идеаловъ „младо-турокъ“, бывшихъ ихъ же собственными, но и среди многочисленнаго служилаго сословія, между которымъ недовольство росло пропорціонально нищетѣ, явившейся слѣдствіемъ какъ оттяжки въ выдачѣ имъ жалованья—имъ его приходилось ждать иногда по 15, 18 мѣсяцевъ—такъ и увольненія ихъ цѣлыми массами отъ службы.

Дѣло въ томъ, что великій визирь Махмудъ-Недимъ-паша думалъ достичь экономіи въ запутанномъ государственномъ хозяйствѣ Турціи, главнымъ образомъ, путемъ сокращенія штатовъ и урѣзыванія жалованья чиновниковъ. Изъ Эдхема-паши, Джевдета-паши, Сафвета-паши и Кіани-паши составилась, подъ громкимъ титуломъ „коммиссіи реформъ“, настоящая проскрипціонная коммиссія, которая еженедѣльно представляла великому визирю списки чиновниковъ, подлежавшихъ отрѣшенію. Увольняли всѣхъ —виновныхъ и невинныхъ, придираясь ко всякому случаю; ябедничеству и доносамъ данъ былъ самый широкій просторъ. Но все это дѣлалось чисто по-турецки: мелкимъ чиновникамъ содержаніе было понижено на 40, 50 и даже 60%; нѣкоторымъ же крупнымъ пашамъ, напротивъ, безъ всякой особой нужды, увеличено. Хищенія и взятки сановниковъ процвѣтали по прежнему. Требованія денегъ самимъ султаномъ нисколько не уменьшались въ виду пустоты государственнаго сундука, а наоборотъ, изо дня въ день увеличивались. Расточительность Абдуль-Азиза въ послѣдніе годы его царствованія дошла, дѣйствительно, до геркулесовыхъ столповъ, непростительныхъ въ особенности при всеобщей нищетѣ народа. Дворцы строились и перестроивались безъ конца: въ чераганскомъ саду была воздвигнута громадная оранжерея, вся изъ желѣза и стекла, по образцу знаменитаго англійскаго Хрустальнаго дворца; въ нее впущены были тысячи разныхъ птицъ. Едва успѣли ее выстроить, какъ султанъ нашелъ, что птицы слишкомъ шумятъ, а стекла оранжереи, накаляясь въ теченіе дня, слишкомъ нагрѣваютъ сосѣдній съ нею дворецъ и мѣшаютъ спать султану, а потому, оранжерея была немедленно же сломана. Самъ чераганскій дворецъ, поглотившій чудовищныя суммы, не долго служилъ резиденціей Абдуль-Азиза: однажды подъ вечеръ, султанъ замѣтилъ, что на крышѣ дворца сидитъ сова. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы истолковали появленіе этой птицы какъ дурное предзнаменованіе для самого султана—дворецъ былъ тотчасъ же покинутъ и дворъ переѣхалъ въ Дольмабахче. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣйствительно сова оказалась вѣщею птицею: предчувствіе Абдуль-Азиза не обмануло его, и

въ этомъ самомъ чераганскомъ дворцѣ застигла его потомъ ужасная смерть.

Груды денегъ тратились также на содержаніе мечетей, и лишь низложеніе Абдуль-Азиза помѣшало осуществленію проекта постройки громаднѣйшей мечети на высотахъ близъ Дольма-багче, стоимость которой опредѣлена была смѣтою въ 800.000 турецкихъ лиръ (около 6 милліоновъ рублей).

Немудрено, что, сопоставляя подобныя траты государственныхъ денегъ на неоправдываемыя ничѣмъ надобности—съ общимъ обнищаніемъ, всѣ классы турецкаго общества, страдавшіе отъ такого положенія дѣлъ, не могли не испытывать чувства горькаго недовольства и съ жадностью прислушивались къ рѣчамъ тѣхъ, кто сулилъ имъ возможность хотя какой-либо перемѣны. Такимъ настроеніемъ народа не замедлили воспользоваться люди, съ своекорыстными цѣлями добивавшіеся власти, какъ напр. пресловутый Мидхатъ-паша, Халиль-Шерифъ-паша, Дервишъ-паша, Вели-паша, Риза-бей, Зія-бей, Эминъ-бей и др. Люди эти поняли, что одно лишь сословіе улемовъ (мусульманскихъ законниковъ) обладаетъ достаточнымъ нравственнымъ вліяніемъ, чтобы помочь имъ эксплуатировать общее народное недовольство и извлечь изъ него, говоря именемъ всего народа, тѣ результаты, къ которымъ были направлены всѣ усилія вышеназванныхъ честолюбцевъ, прикрывавшихся соображеніями якобы государственной пользы. Къ сдѣланнымъ имъ въ этомъ смыслѣ предложеніямъ улемы, представляющіе изъ себя, такъ сказать, мусульманскую интеллигенцію, отнеслись сочувственно, будучи очень довольны предоставляемою имъ ролью спасителей отечества. Безъ опасенія ошибиться можно сказать, что съ самой осени 1875 года весь Стамбулъ представлялъ изъ себя одинъ обширный заговоръ: совѣщанія заговорщиковъ происходили въ *медресе* (школахъ при мечетяхъ), въ кофейняхъ, даже въ канцеляріяхъ разныхъ правительственныхъ учрежденій; заговоръ развивался на глазахъ самого правительства, и участвовавшіе въ немъ не принимали почти никакихъ предосторожностей, какъ бы вполнѣ увѣренные въ своей полной безнаказанности. Виня во всемъ и прежде всего самого султана, общій гласъ народа видѣлъ исходъ изъ невыносимаго положенія—въ ограниченіи правъ султанской власти.

Исходя изъ такого воззрѣнія, участвовавшіе въ заговорѣ м[illegible]-скіе офицеры хотѣли воспользоваться посѣщеніемъ султана [illegible]а только-что прибывшій въ Босфоръ и построенный въ Англ[illegible]и броненосный фрегатъ „Массудіэ“, чтобы попытаться захват[illegible]ь Абдуль-Азиза въ плѣнъ и заставить его подписать нѣкотор[illegible]я

условія, ограничивающія его власть. Предувѣдомленный кѣмъ-то заранѣе, султанъ уклонился отъ визита на броненосецъ, которымъ онъ передъ тѣмъ такъ интересовался, и прибытія котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Попытка заговорщиковъ на этотъ разъ не имѣла успѣха.

Ухудшеніе финансоваго положенія, въ связи съ продолжавшимися затрудненіями въ Герцоговинѣ, могли только усилить волненіе. Оно въ особенности проявилось въ февралѣ 1876 года, во время опасной болѣзни Абдуль-Азиза, когда всѣ ожидали его смерти и надѣялись на перемѣну къ лучшему при его преемникѣ. Но султанъ выздоровѣлъ, и надежды всѣхъ были обмануты. Тогда-то партія „молодой Турціи", руководительство которою переходило все болѣе и болѣе къ Мидхату-пашѣ, рѣшила выступить болѣе активнымъ образомъ съ своими требованіями объ измѣненіи вѣками сложившихся основъ государственнаго устройства Турціи путемъ дарованія турецкому народу особой конституціи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ былъ разосланъ государственнымъ людямъ разныхъ государствъ (за исключеніемъ Россіи и Австріи) анонимный „манифестъ мусульманскихъ патріотовъ", приписываемый Мидхату-пашѣ, Халиль-Шерифу-пашѣ и армянину Одіану-эфенди. Манифестъ этотъ, помѣченный 9-мъ марта 1876 г., былъ посланъ Дизраэли—лорду Биконсфильду, лорду Дерби, лорду Гренвилю, маршалу Макъ-Магону, Тьеру, Гамбеттѣ, князю Бисмарку и итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста. Въ немъ выражалось убѣжденіе, что стоитъ лишь Турціи облечься въ европейскій костюмъ, ограничить деспотическую власть султана, благодаря которой онъ самъ былъ лишь игрушкою въ рукахъ придворныхъ партій, созвать палату изъ представителей всѣхъ племенъ и исповѣданій, и тогда не только прекратится внутреннее неустройство оттоманскаго государства, но оно „безъ труда займетъ принадлежащее ему въ Европѣ, по плодородности его почвы, видное мѣсто". Но манифестъ указывалъ также, что выработанная графомъ Андраши, по порученію европейскихъ державъ, нота о необходимости въ Босніи реформъ по отношенію къ мѣстнымъ христіанамъ доведетъ мусульманъ до отчаянія, такъ какъ они никогда не смогутъ понять, чтобы Европа—этотъ очагъ цивилизаціи,—могла требовать исключительныхъ правъ для одной только [illegible]ти турецкаго населенія и притомъ въ ущербъ остальнымъ на[illegible]мъ Турціи. Всѣ бѣды происходятъ исключительно „отъ си[illegible]ы управленія и отъ деспотизма султана, — дѣло перемѣни[illegible] бы, еслибы въ Турціи была палата народныхъ представите[illegible] что не только не противорѣчитъ правиламъ корана, но на-

противъ, вполнѣ съ ними согласуется". Обрисовавъ жалкое состояніе, въ которомъ находится Турція, благодаря деспотическому правительству, манифестъ говорилъ, что существуетъ лишь одинъ выходъ изъ такого невыносимаго положенія: „пусть европейскія державы прикажутъ своимъ представителямъ въ Константинополѣ войти въ искреннее соглашеніе съ людьми, составляющими ту энергическую, но въ то же время умѣренную партію, во главѣ которой стоитъ Мидхатъ-паша и многіе другіе, не столь извѣстные, какъ этотъ послѣдній, но столь же, какъ и онъ, просвѣщенные и мужественные,—и тогда все быстро перемѣнится. Если державы не могутъ согласиться по этому поводу относительно коллективнаго дѣйствія, то поддержки со стороны одного вашего посла будетъ достаточно, чтобы дать намъ ту нравственную опору, въ которой мы нуждаемся. Быть можетъ, намъ удастся обойтись и безъ низложенія нынѣшняго султана, обуздавъ лишь его безумный деспотизмъ. Въ такомъ случаѣ у насъ быстро были бы введены учрежденія, способныя уравновѣсить неограниченную власть султана, изъ которой онъ дѣлаетъ такое печальное употребленіе, и тогда для нашей страны настала бы пора спокойствія и возрожденія".

Такимъ образомъ, возставая противъ вмѣшательства Европы во внутреннія дѣла Турціи вообще, мусульманскіе „патріоты" сами какъ будто упрашивали, чтобы иностранные представители въ Константинополѣ помогли имъ расправиться съ султаномъ.

Подъ вліяніемъ улемовъ, пропаганда о необходимости государственнаго переворота нашла себѣ наиболѣе благопріятную почву между мусульманскою учащеюся молодежью, *софтами*, т.-е. учениками духовныхъ заведеній (нѣчто въ родѣ нашихъ семинаристовъ), всегда отзывчивыхъ въ Турціи на всякаго рода агитацію, и которыхъ убѣдили въ томъ, что они призваны явиться спасителями отчизны. Сначала софты разсчитывали на открытую поддержку ихъ со стороны турецкой арміи. Когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1876 года они къ прискорбію своему убѣдились, что на войска имъ надѣяться нечего, тогда они рѣшили совершенно устранить военный элементъ, а вооружиться самимъ, чтобы произвести революцію исключительно во имя соціальныхъ началъ. Тогда-то произошли массовыя покупки софтами оружія на всѣхъ константинопольскихъ базарахъ, такъ напугавшія жителей европейскаго квартала Константинополя—Перы. Деньги софтамъ на покупку оружія были доставлены членомъ англійскаго парламента, рѣшительнымъ туркофиломъ, восхищавшимся неистовствами башибузуковъ въ Болгаріи—Джонсономъ (Butler Johnson). Изъ Лондона же были, какъ говорятъ,

присланы на пароходѣ одной англо-греческой компаніи ружья и револьверы, розданные приверженцамъ Мидхата.

Движеніе, созданное „молодою Турціею“ и партіею мусульманъ-фанатиковъ и направленное къ ограниченію деспотизма султана, обратилось прежде всего противъ великаго визиря, Махмудъ-Недима-паши. Его упрекали въ излишней уступчивости предъ Европой, навязавшей свои условія умиротворенія мятежныхъ подданныхъ султана въ Герцеговинѣ. Уступки христіанамъ глубоко оскорбляли самолюбіе турокъ и безъ того уже негодовавшихъ на то, что имъ не позволили расправиться съ Сербіей и Черногоріей. Махмудъ паша, при своемъ гордомъ характерѣ, не хотѣлъ видѣть опасности и, въ виду общности его интересовъ съ султанскими, былъ увѣренъ, что Абдуль-Азизъ его не выдастъ.

Но число недовольныхъ увеличивалось, мусульманскій фанатизмъ разгорался все болѣе и болѣе, а политическіе противники Махмуда раздували пламя и возбуждали софтъ, выставляя ихъ истинными патріотами.

Новую пищу мусульманскому фанатизму дало происшедшее въ то время злодѣяніе—убійство французскаго и германскаго консуловъ. Оно произошло при обстоятельствахъ, нѣсколько напоминающихъ трагическую смерть Грибоѣдова въ Тегеранѣ.

Въ деревнѣ Богданца, близь Солуни, люди, посланные однимъ изъ мѣстныхъ богачей, Эминъ-беемъ, похитили 21-го апрѣля девятнадцати-лѣтнюю болгарскую дѣвушку, Стефану, когда она брала воду у источника. Похищенная красавица, стройная брюнетка, провела въ гаремѣ Эминъ-бея три дня, и ее уговорили принять исламъ. Такъ какъ по правиламъ, установленнымъ въ Турціи для желающихъ перемѣнить религію, необходимо, чтобы вѣроотступникъ сдѣлалъ лично заявленіе мѣстнымъ властямъ о своемъ переходѣ въ мусульманство, то и Стефана—для исполненія этой формальности—была привезена, уже одѣтая въ турецкій костюмъ и въ сопровожденіи негритянокъ, на желѣзнодорожную станцію Карасули, чтобы съ первымъ же поѣздомъ отправиться въ Солунь. Тутъ съ ней повстрѣчалась ея мать, начавшая уговаривать дочь не отступать отъ родной религіи. Стефана упорствовала—мать не отставала отъ нея и съ тѣмъ же поѣздомъ отправилась въ Солунь. Тамъ на станціи была масса народу, такъ какъ это было [illegible]го апрѣля—столь популярный у грековъ праздникъ св. Ге[illegible]ія. Плачущая мать Стефаны обратилась къ собравшимся тутъ [illegible]стіанамъ, разсказала имъ исторію ея дочери и умоляла спасти [illegible]отъ турокъ. Христіане напали тогда на провожатыхъ Стефаны; [illegible]послѣднихъ заступились бывшіе на станціи мусульмане, про-

изошла общая свалка; но такъ какъ христіане были многочисленнѣе, то они отбили дѣвушку, сорвали съ нея яшмакъ (вуаль) и фераджe (верхнюю одежду турецкихъ женщинъ), и въ каретѣ американскаго консула, Хаджи Лазаро, случайно тутъ бывшей, отвезли ее въ американское консульство.

Въ тотъ же день, для совѣщанія по поводу происшествія на желѣзнодорожной станціи, старшій имамъ (священникъ) созвалъ въ мечети сходку, на которой среди неистовыхъ воплей фанатиковъ было рѣшено завладѣть отбитою дѣвушкою. На слѣдующій день, 24-го апрѣля, депутація мусульманъ явилась къ солунскому генералъ-губернатору съ требованіемъ возвратить имъ Стефану. Генералъ-губернаторъ, Мехмедъ-Реефетъ-паша, тотчасъ же послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ американское консульство, но тамъ отвѣтили, что дѣвушки уже болѣе нѣтъ въ консульствѣ. Тѣмъ временемъ въ мечети Саатли-Джами происходила вторая сходка, которая рѣшила, что всѣмъ мусульманамъ надлежитъ вооружиться. Глашатаи были посланы по городу и призывали по всѣмъ улицамъ народъ вооружиться чѣмъ попало; муэззинъ съ минарета также не переставалъ распалять толпу. Вооружившіеся мусульмане, по преимуществу торговцы, заперевъ свои лавки, устремились къ конаку (губернаторскій домъ) и съ громкими криками требовали выдачи дѣвушки. При продолжающейся растерянности мѣстныхъ властей, толпа росла ежеминутно и затѣмъ снова собралась на совѣщаніе въ мечети Саатли. Проходившіе въ то время случайно мимо германскій консулъ, Абботъ, и французскій, Муленъ, втащены были фанатиками въ мечеть и заперты тамъ въ комнаткѣ. Освѣдомившись объ арестѣ консуловъ, генералъ-губернаторъ тотчасъ же прибылъ въ мечеть, извинился передъ консулами за ихъ заключеніе и просилъ ихъ употребить все вліяніе къ тому, чтобы добиться скорѣйшей выдачи Стефаны. Абботъ послалъ письмо въ желаемомъ смыслѣ къ своему брату, а въ виду нетерпѣнія толпы—отправилъ ему вскорѣ затѣмъ и второе письмо.

Все, однако, было напрасно. Бѣсновавшіеся фанатики взломали двери и окна комнатки, гдѣ находились консула вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ, начальникомъ полиціи и членами меджлиса (управительнаго совѣта), и ринувшись, какъ дикіе звѣри, на несчастныхъ, безоружныхъ консуловъ, умертвили ихъ самымъ жест-кимъ образомъ. Французскому консулу было нанесено шестнадцать ранъ въ различныхъ мѣстахъ тѣла,—германскій былъ искрошенъ до того, что его невозможно было потомъ распознать. Эта зл-дѣйская бойня произошла на глазахъ у всѣхъ городскихъ властей

Солуни, выказавшихъ при этомъ самую преступную слабость, и ни одна мужественная рука не поднялась на защиту несчастныхъ жертвъ.

Видя, что Стефаны все нѣтъ, остервенившіеся мусульмане густою толпою двинулись, со знаменами впереди, къ американскому консульству, съ твердымъ намѣреніемъ перерѣзать всѣхъ въ немъ живущихъ. Но въ это время кавасъ англійскаго генеральнаго консульства открылъ убѣжище Стефаны, гдѣ она скрывалась по уходѣ отъ Хаджи-Лазаро, и привелъ ее къ шедшей къ американскому консульству толпѣ фанатиковъ, что̀ и предотвратило дальнѣйшія убійства.

Извѣстіе объ этомъ злодѣйствѣ произвело панику въ Перѣ, гдѣ стали опасаться какъ бы стамбульскіе фанатики не захотѣли послѣдовать примѣру, поданному ихъ солунскими собратьями: и дѣйствительно, среди улемовъ и софтъ замѣтно было скорѣе сочувственное отношеніе къ образу дѣйствій солунскихъ убійцъ; софты считали это убійство справедливымъ возмездіемъ за оскорбленіе мусульманской религіи, выразившееся въ похищеніи новообращенной.

Германія и Франція потребовали немедленнаго удовлетворенія и примѣрнаго наказанія виновныхъ. Вмѣстѣ съ турецкою слѣдственною коммиссіею въ Солунь были отправлены чрезвычайные коммиссары—германскій Жиллетъ и французскій Роберъ. Хорошее впечатлѣніе на ходъ слѣдствія было произведено сосредоточеніемъ на солунскомъ рейдѣ иностранныхъ военныхъ судовъ. Шесть главныхъ, по предположенію, убійцъ были повѣшены въ маѣ мѣсяцѣ на самой набережной. Нѣкоторые, однако, утверждаютъ, что казненные никакого участія въ убійствѣ не принимали, а что это были обыкновенные преступники албанцы и цыгане, сидѣвшіе тою порою въ мѣстной тюрьмѣ и потому попавшіеся подъ руку. Генералъ-губернаторъ былъ приговоренъ къ годичному заключенію въ тюрьмѣ, трое изъ высшихъ офицеровъ—къ разжалованію, притомъ жандармскій полковникъ Селимъ-бей къ 15-лѣтнему заключенію въ крѣпости на островѣ Родосѣ, гдѣ онъ и умеръ; комендантъ солунской крѣпости и командиръ бывшаго на рейдѣ военнаго судна—къ тюремному заключенію, первый на 10, а второй на 5 лѣтъ, и одинъ изъ мусульманскихъ членовъ меджлиса—къ заключенію на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Лишь въ концѣ іюля мѣсяца, и то послѣ угрозъ пословъ французскаго и германскаго, Порта согласилась исполнить остальныя требованія ихъ правительствъ, а именно особою нотою къ обоимъ посламъ Порта обязалась не назначать болѣе никуда Мехмедъ-

Реефета-пашу и привести въ исполненіе въ солунской крѣпости обрядъ разжалованія надъ офицерами, признанными виновными. Въ то же время банкиръ Зарифа далъ Портѣ деньги, необходимыя на уплату вознагражденія вдовамъ убитыхъ: г-жѣ Муленъ, какъ имѣвшей дѣтей, 600,000 франковъ, и г-жѣ Абботъ—400.000 франковъ. Два векселя на эти суммы были выданы графу Бургоэну и барону Вертеру.

Невольная виновница убійства консуловъ, Стефана, была отправлена генералъ-губернаторомъ въ Константинополь, во вселенскую патріархію для допроса (истинтака), дѣйствительно ли она желаетъ сдѣлаться мусульманкой. Однако патріархія, напуганная всѣмъ уже происшедшимъ изъ-за Стефаны, безъ всякихъ разговоровъ, какъ говорятъ нѣкоторые,—не будучи въ состояніи преодолѣть упорства Стефаны,—отдала ее похитителю, Эминъ-бею, съ которымъ она и живетъ въ настоящее время въ Малой Азіи.

Происходившее въ концѣ апрѣля 1876 года въ Стамбулѣ волненіе усилилось подъ вліяніемъ писемъ съ театра войны, полученныхъ софтами изъ уроженцевъ Босніи и Герцеговины: письма эти повѣствовали о неудачахъ турецкихъ войскъ, о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ тамошними мусульманами. Шумными толпами стали софты собираться въ оградахъ мечетей Сулейманіэ, Баязидіэ и въ особенности Мехмедіэ и требовали, чтобы ихъ отправили противъ инсургентовъ. Вожаки ихъ совѣщались тѣмъ временемъ съ однимъ изъ пользовавшихся тогда популярностью имамовъ—Хайрулла-эфенди и съ эмиссарами Мидхата и Халиль-Шерифа пашей, насчетъ реформъ, которыя были бы необходимы. Но, несмотря на то, что все было подготовлено къ открытому возстанію, день, въ который оно должно было вспыхнуть, не былъ назначенъ.

Случайное обстоятельство ускорило взрывъ.

Улемы уже давно были недовольны своимъ главою Шейхъ-уль-исламомъ. Его упрекали въ жадности и въ разныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ: особенное же неудовольствіе сословія законниковъ было вызвано, когда, въ видахъ государственной экономіи, онъ измѣнилъ прежній законъ о пенсіяхъ улемовъ, причемъ вмѣсто прежняго 15-лѣтняго срока выслуги на пенсію былъ установленъ срокъ двадцатилѣтній; равнымъ образомъ и довольствіе натурою (паекъ), отпускаемое *ходжамъ* (учителямъ), было также сокращено на половину. Ходжа училища при мечети Мехмедіэ былъ первымъ, къ которому пришлось примѣнить новый пенсіонный уставъ. Въ знакъ протеста, ходжа опрокинулъ свой складной столикъ, что по значенію своему одинаково съ опрокидыва-

ніемъ въ прежнее время янычарскихъ котловъ, какъ знакъ недовольства правительствомъ. За ходжей вышли изъ училища (медресе) сначала лишь собственные его ученики въ количествѣ 250 человѣкъ. Вѣсть о происшествіи быстро распространилась по Стамбулу, и въ результатѣ оказалось прекращеніе лекцій во всѣхъ медресе. Къ первоначально вышедшимъ на улицу софтамъ присоединились ходжи и софты другихъ мечетей, и менѣе чѣмъ въ часъ времени на площади Баязида собралось до 5.000 человѣкъ, сбѣжавшихся въ полной увѣренности, что насталъ день для давно ожидаемой сходки, на которой народъ долженъ былъ высказать свою волю. Пользуясь удобнымъ случаемъ, толпа разбила всю движимость въ домѣ шейхъ-уль-ислама; самъ шейхъ-уль-исламъ, Хасанъ-эфенди, поспѣшилъ скрыться изъ своего дома, а настоящія главы заговора все еще не знали ничего о происходившемъ.

Проѣзжавшій въ это время въ военное министерство сераскиръ (военный министръ) подъѣхалъ къ толпѣ и вошелъ съ нею въ переговоры. Шейхъ Махмудъ-эфенди, отъ имени всего сборища, высказалъ ему, что софты и ходжи не довѣряютъ болѣе шейхъ-уль-исламу и великому визирю—измѣнникамъ странѣ и религіи, и желаютъ, чтобы ихъ воля была передана султану. Сераскиръ подозвалъ къ себѣ случайно бывшаго въ военномъ министерствѣ султанскаго адъютанта и повторилъ ему—для сообщенія султану—заявленія толпы.

Послѣ этого софты удалились въ мечеть Ахмедіэ, гдѣ и начали открыто совѣщаться какъ о цѣли, которую слѣдуетъ теперь имѣть въ виду, такъ и о средствахъ, какъ ее достигнуть. Уже слышались голоса о необходимости низложенія султана, какъ получено было извѣстіе о готовности правительства смѣнить шейхъ-уль-ислама.

Софты разсѣялись по городу, и тогда лишь начали свои совѣщанія истинные вожаки движенія. Улемы прямо заявили, что не хотятъ конституціи и желаютъ лишь обезпеченія преимуществъ за мусульманами, избавленія отъ европейской опеки, а также чтобы, во-первыхъ, были объявлены совершенно уничтоженными всѣ тѣ неразумныя уступки, которыя были сдѣланы христіанамъ со времени гюльханейскаго хатти-шерифа и, во-вторыхъ, чтобы весь административный строй Турціи былъ преобразованъ въ старомъ строго-мусульманскомъ духѣ. Предводители партій рѣшили недовольствоваться одною смѣною великаго визиря, а низложить самого султана; для назначенія же ему преемника вернуться къ прежнему выборному началу, избравъ халифомъ того изъ принцевъ Осма-

нова рода, который для управленія государствомъ приметъ систему, основанную исключительно на принципахъ ислама.

Не взирая на разгоравшееся пламя народнаго недовольства, Махмудъ-Недимъ-паша, вмѣсто мѣръ энергичныхъ, которыя однѣ могли спасти его и султана, продолжалъ дѣйствовать весьма вяло и нерѣшительно, какъ бы заранѣе отдаваясь на произволъ грядущей волнѣ событій. Съ другой стороны, повидимому, онъ сознавалъ, что не могъ разсчитывать ни на кого: всѣ обстоятельства слагались противъ великаго визиря и облегчали задачу его политическихъ враговъ.

Послѣ солунской катастрофы, паника въ Перѣ все усиливалась. Иностранные подданные подали своимъ посламъ прошенія о принятіи мѣръ къ ихъ защитѣ. Они указывали, что не только ихъ имущество, но и жизнь въ опасности, такъ какъ мусульманская чернь опустошила уже всѣ оружейныя лавки, покупая себѣ оружіе, и дѣлается все враждебнѣе по отношенію къ христіанамъ, положеніе которыхъ тѣмъ болѣе опасно, что турецкія войска далеко не надежны. Затѣмъ приводились слѣдующіе факты: софты въ броженіи; мусульмане приписываютъ упадокъ Турціи европейскому вліянію и тому, что сами мусульмане забыли коранъ; софты, по слухамъ, имѣютъ намѣреніе сжечь Перу, чтобы, пользуясь замѣшательствомъ, вырѣзать христіанъ, доведшихъ турокъ до нищеты. Въ виду этого и христіане, въ свою очередь, вооружаются. Турки и христіане стоятъ другъ противъ друга, какъ два военныхъ лагеря, и малѣйшая искра можетъ вызвать страшный взрывъ народныхъ страстей и ужасныя убійства.

Множество семействъ, дѣйствительно, уѣхало тогда изъ Константинополя. Пароходы, отправлявшіеся въ Россію, въ Грецію, во Францію, каждый день были переполнены бѣгущими; болѣе отважные оставались, но отсылали за границу свои капиталы и драгоцѣнныя вещи.

Подъ давленіемъ иностранныхъ пословъ, великій визирь воспретилъ дальнѣйшую продажу оружія, велѣлъ на ночь разводить мосты на Золотомъ-Рогѣ и полиціи быть особенно бдительною въ христіанскихъ кварталахъ. Въ то же время онъ распорядился, чтобы по ночамъ у стамбульскаго берега Золотого-Рога не было ни каиковъ, ни вообще какихъ-либо перевозочныхъ судовъ. Такимъ образомъ софты были на ночь совершенно отрѣзаны отъ христіанскихъ кварталовъ Перы и Галаты, такъ какъ, въ случаѣ желанія ихъ двинуться туда во чтò бы то ни стало, имъ оставался лишь сухопутный, кружный путь чрезъ Кяатъ-Хане (евро-

пейскія Сладкія-Воды), протяженіемъ въ нѣсколько верстъ, чрезъ что̀ власти имѣли возможность своевременно перехватить наступленіе толпы фанатиковъ.

28-го апрѣля было многочисленное собраніе софтъ въ мечети Фитхіэ: туда отправился министръ полиціи, чтобы освѣдомиться о причинахъ волненія. Ему отвѣтили, что они изыскиваютъ средство спасти отечество, для чего прежде всего необходимо смѣнить великаго визиря. Затѣмъ двѣсти человѣкъ изъ софтъ отправились къ Ильдызъ-Кіоску. Султанъ завидѣлъ ихъ и послалъ спросить, чего они хотятъ. Софты отвѣчали, что просятъ позволенія и средствъ отправиться драться противъ мятежниковъ и въ то же время подать просьбу о необходимости увольненія шейхъ-уль-ислама и великаго визиря, своею уступчивостью иностранцамъ ведущихъ государство къ погибели. Абдуль-Азизъ велѣлъ тогда софтамъ прислать къ нему своихъ начальниковъ. „Мы всѣ начальники",—былъ ихъ отвѣтъ, и никто не пошелъ во дворецъ.

Ночью софты возобновили свои совѣщанія. Во дворцѣ же въ то время султанша-валидэ (мать Абдуль-Азиза) умоляла сына уступить требованіямъ толпы. На другой день, 29-го апрѣля, султанъ еще разъ попробовалъ склонить софтъ, собравшихся въ мечети Сулейманіэ, прислать къ нему депутатовъ для изложенія своихъ желаній. Въ виду ихъ новаго, рѣшительнаго отказа, султанъ имѣлъ слабость уступить и, отобравъ государственную печать отъ Махмудъ-Недима паши, передалъ ее Мехмеду-Рушди-пашѣ, къ великому разочарованію вожаковъ движенія и англичанъ, надѣявшихся, что на вакансію великаго визиря будетъ призванъ Мидхатъ-паша. Хайрулла-эфенди былъ назначенъ шейхъ-уль-исламомъ, а Хусейнъ-Авни-паша — военнымъ министромъ.

День 29-го апрѣля 1876 года былъ днемъ наибольшей паники за весь періодъ такъ-называемаго константинопольскаго „смутнаго времени".

Напуганные солунскою рѣзнею и постепенно разгоравшимся пламенемъ вражды турокъ ко всѣмъ христіанамъ,—вражды, которая ежеминутно могла разразиться кровавыми сценами, видя, наконецъ, безсиліе властей смирить броженіе софтъ, отваживавшихся прямо ставить султану свои требованія,—христіане Перы имѣли основаніе опасаться съ часу на часъ взрыва мусульманскаго фанатизма и потому, въ свою очередь, приняли нѣкоторыя необходимыя мѣры защиты собственными средствами, тѣмъ болѣе, что высшая административная власть отсутствовала: въ

теченіе 24 часовъ, т.-е. въ промежутокъ между отставкою Махмудъ-Недима и назначеніемъ Мехмеда-Рушди, у Турціи не было великаго визиря, и, слѣдовательно, вся администрація была какъ бы безъ головы. Болѣе осторожные христіане заготовили даже необходимые запасы на случай осады ихъ забаррикадированныхъ домовъ. Вооруженные софты бродили по улицамъ. Какъ это всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, досужіе языки распространяли самые фантастическіе разсказы о намѣреніяхъ и средствахъ софтъ, утверждая, что поголовное избіеніе христіанъ назначено именно на полночь 29-го апрѣля, и что сигналомъ къ тому послужитъ пожаръ въ одномъ изъ христіанскихъ кварталовъ Константинополя.

Общественное мнѣніе было сильно удручено постояннымъ ожиданіемъ всякихъ страстей и полагало, что подобное состояніе анархіи въ столь важномъ торговомъ и политическомъ пунктѣ, какъ Константинополь, могло быть измѣнено лишь вооруженнымъ вмѣшательствомъ Европы, которая должна бы прислать сюда свой флотъ, а Россія—нѣсколько пѣхотныхъ полковъ. Мысль эта находила сторонниковъ даже между нѣкоторыми западно-европейскими дипломатами.

Встревоженные всѣмъ происходившимъ, иностранные послы, чтобы обсудить положеніе дѣлъ, собрались у русскаго посла генерала Игнатьева, какъ тогдашняго декана дипломатическаго корпуса. Эллiотъ не мало удивилъ всѣхъ собравшихся сообщеніемъ, что онъ уже вытребовалъ англійскую эскадру въ Безику, очевидно питая надежду, что англійскія суда, какъ ближайшія, скорѣе другихъ могли бы быть приглашены явиться для успокоенія константинопольскихъ христіанъ. Имѣя же своихъ броненосцевъ въ Босфорѣ, Англія тѣмъ самымъ пріобрѣтала преобладающее вліяніе на Порту и легко могла добиться назначенія великимъ визиремъ своего сторонника Мидхата или Халиль-шерифа пашей. Генералъ Игнатьевъ разгадалъ умыселъ великобританскаго посла и заранѣе отклонилъ возможность приглашенія англійскихъ броненосцевъ, какъ противорѣчащее трактатамъ о закрытіи Дарданеллъ, а предложилъ вызвать сюда вторыхъ стаціонеровъ (стаціонеръ — легкое судно, состоящее въ распоряженіи каждаго посольства), на что трактаты давали право. Предложеніе это было принято единогласно. Въ виду ожидавшагося на ту же ночь нападенія мусульманъ, послами было рѣшено, что, при первомъ же сигналѣ, команды съ стаціонеровъ, стоявшихъ у Топъ-Хане (одно изъ прибрежныхъ предмѣстій Константинополя) высаживаются и направляются въ Перу къ тому посольству, которому будетъ

угрожать опасность: въ то же время команды эти послужатъ ядромъ, около котораго могли бы собираться преслѣдуемые христіане. Кромѣ того, было рѣшено, что каждая иностранная колонія должна постараться и сама организовать сопротивленіе на случай нападенія враговъ. Для выработки же плана сопротивленія, по распоряженію пословъ, было созвано въ тотъ же день, 29-го апрѣля, совѣщаніе консуловъ. На этомъ послѣднемъ большинство боялось вообще высказаться вполнѣ категорически: причиною нерѣшительности было то, что съ одной стороны консулы опасались принятіемъ явныхъ мѣръ предосторожности еще болѣе напугать христіанъ, съ другой—они не могли не отдавать себѣ отчета, что, не принимая помянутыхъ мѣръ, они рисковали, въ случаѣ дѣйствительнаго нападенія турокъ, оставить христіанъ совершенно беззащитными. Тогда русскій генеральный консулъ, рѣзко обрисовавъ всѣ опасности тогдашняго положенія дѣлъ, сталъ настаивать на необходимости мѣръ предосторожности, которыя должны быть приняты именно сообща, на основаніи полной солидарности,—обязательной для всѣхъ иностранныхъ колоній въ дѣлѣ защиты общихъ интересовъ; прежде же всего надлежитъ подсчитать силы, которыя, въ случаѣ надобности, колоніи эти могли бы противопоставить мусульманскому натиску.

Австрійскій консулъ объявилъ, что, въ случаѣ опасности, онъ можетъ выставить до полутора тысячъ хорватовъ; русскій генеральный консулъ имѣлъ основаніе разсчитывать на нѣсколько сотенъ черногорцевъ. Другіе консулы прямо заявили, что не могутъ собрать во-едино своихъ соотечественниковъ, разбросанныхъ какъ по всему городу, такъ и въ при-босфорскихъ мѣстностяхъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣкотораго времени, обязанность спасенія христіанъ возлагалась самими европейскими представителями исключительно на австрійскихъ славянъ и черногорцевъ. На нихъ смотрѣли въ тотъ день какъ на лучшую гарантію безопасности для всѣхъ европейскихъ колоній въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе, что вызванный въ засѣданіе консуловъ мутессарифъ (губернаторъ) Перы давалъ уклончивые отвѣты, изъ которыхъ можно было понять, что онъ не увѣренъ ни въ полиціи, ни въ жандармахъ, и что, слѣдовательно, христіанамъ нужно было самимъ позаботиться о своей защитѣ.

Вечеръ наступилъ при тревожныхъ ожиданіяхъ, что̀-то произойдетъ въ полночь. Пера походила отчасти на осажденный городъ. Движеніе по улицамъ притихло, — всѣ попрятались по домамъ. Массивныя ворота нашего генеральнаго консульства — постройкѣ тоже своего рода крѣпость — были закрыты на-

глухо, но за ними слышалось движеніе, звукъ оружія: то были черногорцы, въ количествѣ около трехсотъ человѣкъ.

Ночь была холодная, а потому въ разныхъ мѣстахъ двора были разложены костры. Ярко освѣщенныя усатыя фигуры выдѣлялись своими рѣзко очерченными контурами; вспыхнувшее пламя играло и на шитой золотомъ черногорской шапочкѣ, и на цѣломъ арсеналѣ оружія, заткнутомъ у всѣхъ за поясомъ; причудливыя тѣни ложились и перебѣгали по землѣ. Изъ мрака выдвигались иногда новыя фигуры, въ своемъ живописномъ черногорскомъ костюмѣ, чтобы снова исчезнуть въ ночной темнотѣ: иногда сверкнетъ лишь клинокъ, пробуемый какимъ-то худощавымъ, черноволосымъ юношею, почти ребенкомъ, то загорится зловѣщимъ блескомъ дуло огромнаго пистолета, осматриваемаго его осторожнымъ владѣльцемъ. Надъ всею этой картиной стоялъ непрерывный гомонъ южной толпы, не терпящей ни спокойствія, ни молчаливости.

Ровно въ 12 часовъ ночи раздался на улицѣ крикъ наубетчи (дозорнаго), который, по константинопольскому обычаю, бѣжитъ во всю прыть по большой Перской улицѣ и громко возвѣщаетъ о пожарѣ.

Немедленно затѣмъ раздались мѣрные удары о мостовую окованной желѣзомъ палицы ночныхъ сторожей (бекчи), затянувшихъ свой зловѣщій вопль: „янгынъ варъ!“ (пожаръ!); этотъ вопль тономъ своимъ и въ обыкновенное-то время способенъ нагнать на новичка невольный ужасъ. Въ то же время съ галатской башни донеслись пушечные выстрѣлы, оповѣщающіе, по мѣстному обычаю, что гдѣ-то въ городѣ загорѣлось.

Этотъ пожаръ, вспыхнувшій ровно въ полночь, какъ бы подтверждалъ справедливость ходившихъ въ Перѣ толковъ, и я убѣжденъ, что не было тогда въ Перѣ человѣка, который, заслышавъ полночный крикъ дозорнаго, не подумалъ, что теперь настаетъ серьезная минута, предсказанная заранѣе настойчивыми увѣреніями, распространенными уже нѣсколько дней предъ тѣмъ между мѣстными жителями.

Однако оказалось, что толки были преувеличены. Совпаденіе часа пожара съ заранѣе объявленнымъ было чисто случайное. Горѣлъ домъ въ Галатѣ, тоже христіанскомъ кварталѣ Константинополя, но никакихъ попытокъ къ рѣзнѣ христіанъ сдѣлано не было, хотя на пожарѣ и присутствовало нѣсколько софтъ скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ ненавистью смотрѣвшихъ на нѣкоторыхъ служащихъ при нашемъ посольствѣ чиновниковъ

рискнувшихъ, несмотря на предупрежденія, отправиться лично на этотъ пожаръ.

Ночь прошла спокойно: въ нашемъ генеральномъ консульствѣ догорали костры, еле-еле освѣщая ряды спавшихъ уже черногорцевъ, пріютившихся по всѣмъ лѣстницамъ, корридорамъ, а то и просто на голой землѣ.

По нѣкоторымъ свѣденіямъ, софты дѣйствительно замышляли что-то на эту ночь, но отказались отъ своего намѣренія, убѣдившись, что христіане вовсе не расположены продавать дешево свою жизнь, и что ими приняты всѣ нужныя мѣры, чтобы отбить нападеніе.

II.

Несмотря на блистательный успѣхъ, увѣнчавшій всѣ домогательства софтъ, эти послѣдніе, подъ вліяніемъ партіи „молодой Турціи", чувствовали себя неудовлетворенными происшедшими 29-го апрѣля перемѣнами личностей, стоявшихъ во главѣ турецкой духовной и гражданской администраціи. Софты разсчитывали, что великимъ визиремъ будетъ Мидхатъ-паша, и что тогда съ его помощью можно будетъ добиться ограниченія власти султана и получить конституцію, т.-е. имѣть совѣщательную палату представителей, великаго визиря съ заранѣе опредѣленною программою (какъ они выражались по-турецки — *програмли садразамъ*) и, наконецъ, совѣтъ министровъ, гдѣ всѣ дѣла рѣшались бы по большинству голосовъ—султанъ же долженъ былъ бы лишь утверждать то или другое рѣшеніе совѣта. Считая подобныя условія единственнымъ средствомъ къ возрожденію Турціи, софты поставили свое дѣло подъ защиту Англіи.

Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ настоящаго столѣтія Константинополь былъ мѣстомъ борьбы двухъ вліяній — русскаго и англійскаго; это послѣднее, вслѣдъ за крымскою войною, казалось, было окончательно упрочено на берегахъ Босфора. Постоянныя усилія русской дипломатіи, личное вліяніе нашего посла на султана и на турецкихъ министровъ, успѣли нѣсколько измѣнить въ нашу пользу взаимное соотношеніе двухъ боровшихся на жгучей почвѣ восточнаго вопроса вліяній: турки начали понимать общность нѣкоторыхъ интересовъ между обоими смежными государствами, а также и тѣ выгоды, которыя Турція, лично для себя, могла извлечь изъ соглашенія съ Россіею. Усилившееся притяженіе другъ къ другу обѣихъ этихъ странъ, ко-

нечно, не входило въ виды Англіи, и вполнѣ естественно, что она стала приводить въ дѣйствіе всѣ пружины, чтобы только помѣшать начавшемуся сближенію, которое, при тяжелыхъ политическихъ обстоятельствахъ середины семидесятыхъ годовъ, во многомъ напоминавшихъ затрудненія, испытанныя султаномъ Махмудомъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, могло завершиться какимъ-нибудь новымъ соглашеніемъ, напоминающимъ столь ненавистный Англіи хункяръ-искелессійскій договоръ.

Общее броженіе въ турецкомъ народѣ и въ особенности движеніе въ пользу конституціи было какъ нельзя болѣе на руку Великобританіи, давая собою прочную точку опоры для дѣйствія въ смыслѣ противоположномъ стараніямъ Россіи. Отсюда щедрыя раздачи, какъ мы уже видѣли выше, денегъ софтамъ; отсюда же сосредоточеніе въ Безикѣ сильнаго англійскаго флота. Изъ того же источника проистекала радость сэра Элліота, когда свои конституціонныя стремленія софты поставили подъ открытую защиту Англіи. Великобританскій посолъ по этому случаю сталъ усиленно разъяснять тѣ выгоды, политическія и финансовыя, которыя Турція извлечетъ изъ сочувствія и поддержки просвѣщенной части Европы, въ особенности если, давъ своимъ подданнымъ конституцію, она тѣмъ самымъ опередитъ Россію— „этого традиціоннаго врага оттоманской имперіи". Что не искреннее желаніе облегчить участь христіанскихъ подданныхъ Порты руководило сэромъ Эллiотомъ, когда онъ притворно восхищался стремленіями „младо-турокъ" ввести въ Турціи конституцію,—ясно изъ того, что англійскій посолъ не могъ не знать, что христіанамъ нечего разсчитывать на конституцію, такъ какъ она давала все мусульманамъ, узаконяя за христіанами роль исключительно служебную; по мысли создателей турецкой конституціи, въ будущей палатѣ представителей, турки должны были быть въ большинствѣ и притомъ занимать привилегированное положеніе. Наконецъ, вся борьба противъ Махмудъ-Недима-паши имѣла девизомъ—„да не будетъ болѣе уступокъ христіанамъ, ни уступчивости по отношенію къ Европѣ". По новому укладу, какъ это было извѣстно сэру Генри, во всей имперіи османовъ долженъ господствовать законъ корана, такъ какъ всѣ несчастія, постигшія имперію, начались будто съ того момента, когда стали пренебрегать правилами этого священнаго закона и частью замѣнили ихъ новыми регламентами, введенными въ угоду иностраннымъ дипломатамъ и капиталистамъ.

Поддерживая движеніе конституціоналистовъ и входя въ открытыя сношенія съ вожаками этой партіи, сэръ Эллiотъ не за-

бывалъ дѣйствовать и на самое правительство, и успѣлъ увѣрить турокъ, что Англія — единственная защитница ихъ интересовъ противъ трехъ союзныхъ тогда имперій, рѣшившихъ обращаться съ Турціею по-диктаторски. Англійскій посолъ не задумался даже взвести на Россію обвиненіе въ томъ, что она, съ цѣлью ослабить авторитетъ турецкаго правительства, умышленно преувеличивала опасность переживаемаго Константинополемъ положенія, забывая, что онъ первый вызвалъ англійскую броненосную эскадру въ Безику, рѣшеніе же вытребовать вторыхъ стаціонеровъ состоялось лишь чрезъ два дня послѣ этого.

Такъ какъ требовательность толпы—разъ ей въ чемъ-либо уступило правительство—неминуемо можетъ только возростать, то и опьяненные успѣхомъ софты съ каждымъ днемъ давали желаніямъ своимъ все бо́льшій размахъ. Они теперь задумали уже отдѣлить отъ султана халифатъ и, въ случаѣ упорства Абдуль-Азиза, посадить на престолъ его племянника Мурада, приверженца „молодой Турціи“, уже обѣщавшаго даровать конституцію. Для осуществленія этого плана софты ждали подкрѣпленій изъ Анатоліи, откуда къ нимъ должны были подъѣхать, по ихъ счету, около 12.000 софтъ.

Когда движеніе, направленное теперь уже къ низложенію царствующаго султана, охватило значительныя массы и заговоръ разросся, Дервишъ-паша хотѣлъ имъ воспользоваться съ тѣмъ, чтобы возвести на престолъ Юсуфа-Изеддина, сына Абдуль-Азиза и тогдашняго начальника гвардіи. Но большинство стояло за Мурада, который, кромѣ своихъ неоспоримыхъ правъ на наслѣдіе престола, извѣстенъ былъ за человѣка мягкаго, обходительнаго, отчасти боязливаго и поддающагося постороннему вліянію, тогда какъ его двоюродный братъ, Юсуфъ-Изеддинъ, отталкивалъ отъ себя всѣхъ своимъ гордымъ, жестокимъ и неискреннимъ характеромъ, своею жадностью и своею склонностью къ интригамъ вообще.

Кое-какіе слухи о подобныхъ замыслахъ дошли до Абдуль-Азиза, и онъ велѣлъ строже смотрѣть за Мурадомъ: ему было запрещено выходить изъ дворца, не предупредивъ заранѣе о томъ оберъ-камергера. Принцы, сыновья Абдуль-Меджида, а болѣе всѣхъ Абдуль-Хамидъ (нынѣшній султанъ), такъ оскорбились этимъ распоряженіемъ, что предпочли лучше жить добровольными з[illegible]орниками, чѣмъ подчиняться условію столь унизительному для и[illegible] гордости.

Приверженцы Мурада, узнавъ о новомъ султанскомъ распор[illegible]еніи, стали опасаться за жизнь Мурада, и это обстоятельство и[illegible]ло впослѣдствіи свою долю вліянія на ускореніе общаго взрыва.

Люди, находившіеся во главѣ тогдашняго турецкаго правительства, поняли наконецъ опасность оказывать дальнѣйшее покровительство шумнымъ манифестаціямъ софтъ, которыя могли повести къ крупнымъ замѣшательствамъ, тѣмъ болѣе, что появившіяся уже въ Босфорѣ иностранныя военныя суда свидѣтельствовали о твердомъ намѣреніи державъ неумолимо наказать всякую попытку, направленную къ нарушенію правъ ихъ подданныхъ. Хусейнъ-Авни-паша велѣлъ передать софтамъ, что онъ съумѣетъ справиться съ ними, если они посмѣютъ снова появиться на улицахъ. Часть софтъ обратилась тогда къ султану и просила прощенія за то, что софты вмѣшались въ государственныя дѣла; разсказываютъ, что тронутый тѣмъ Абдуль-Азизъ выдалъ имъ по этому случаю десять тысячъ турецкихъ лиръ (около 80.000 рублей) въ подарокъ. Одновременно съ тѣмъ курсы при мечетяхъ были открыты снова, а наиболѣе безпокойные изъ софтъ высланы изъ столицы въ провинцію. Впрочемъ, эта послѣдняя мѣра Порты была скорѣе пагубна для султана, такъ какъ ею воспользовались вожаки революціоннаго движенія, чтобы и въ провинціи искусно подготовить умы въ желаемомъ имъ смыслѣ. По ихъ наущеніямъ, софты, высланные въ большомъ количествѣ изъ Стамбула, расхаживали по городамъ и деревнямъ, проповѣдуя повсюду о необходимости перемѣны правительства и распространяя воззванія, въ которыхъ изложенъ былъ перечень обвиненій „партіи дѣйствія“ противъ правительства. Обвиненія эти состояли изъ слѣдующихъ:

Законъ пророка нарушается самымъ постыднымъ образомъ.

Необузданная страсть султана къ пышности и къ разврату перешла всякія границы и довела народъ до нищеты, а государство до погибели.

Жалованье бѣднымъ солдатамъ и вообще служащимъ задерживается по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Правительство находится въ рукахъ министровъ жадныхъ, безпощадныхъ, не знающихъ ни чести, ни совѣсти (*аинсизъ, имансизъ*).

Оттоманская имперія утратила силу, богатство и славу.

Беззаконныя учрежденія, введенныя изъ подражанія невѣрнымъ, смѣнили священный законъ корана.

Въ виду всего этого, каждый добрый мусульманинъ долженъ присоединиться къ заговорщикамъ, дабы могла быть осуществлена предположенная ими программа реформъ, а именно:

Возведеніе на престолъ племянника султана.

Задержаніе, осужденіе и казнь всѣхъ министровъ, какъ измѣнниковъ Аллаху и отечеству.

Уничтоженіе *танзимата* [1]) и всѣхъ его учрежденій, съ удаленіемъ изъ управленія всякаго европейскаго элемента.

Возстановленіе шеріата или священнаго закона корана.

Покровительство христіанамъ.

Уваженіе по отношенію къ Европѣ.

Но и въ самой столицѣ броженіе постепенно усиливалось при все болѣе и болѣе обрисовывавшейся слабости правительства.

Видя возростающее значеніе Мидхата-паши, тайнаго главы партіи конституціоннаго движенія, боясь его и тѣмъ не менѣе не рѣшаясь отъ него отдѣлаться, великій визирь Мехмедъ-Рушди-паша упросилъ султана, въ началѣ мая мѣсяца, назначить Мидхата министромъ безъ портфеля. Несмотря на всю свою ненависть къ бывшему дунайскому генералъ-губернатору, Абдуль-Азизъ уступилъ, но, одновременно съ тѣмъ, назначилъ такими же министрами Намика-пашу и Дервиша-пашу, завѣдомыхъ враговъ Мидхата.

Добившись своего назначенія и упоенный своею популярностью, выражавшеюся въ народныхъ манифестаціяхъ, зачастую имъ же самимъ подстроенныхъ, Мидхатъ-паша былъ увѣренъ, что отнынѣ онъ сдѣлается человѣкомъ, необходимымъ для султана, который станетъ за нимъ ухаживать, и онъ такимъ образомъ пріобрѣтетъ преобладающее вліяніе на всѣ послѣдующія распоряженія падишаха. Велико было его разочарованіе, когда, пріѣхавъ съ радужными мыслями во дворецъ, чтобы поблагодарить султана за назначеніе, онъ узналъ, что Абдуль-Азизу не угодно его принять.

Это былъ новый ударъ его самолюбію, лишь еще болѣе усилившій ту ненависть, которую онъ издавна уже питалъ къ своему государю. Теперь для него сдѣлалось совершенно яснымъ, что было бы безуміемъ разсчитывать на возможность перемѣны настроенія султана къ своему навязанному обстоятельствами министру, а что, наоборотъ, слѣдовало опасаться, какъ бы не поплатиться своею головою—случайность, по традиціямъ константинопольскаго двора, далеко не невѣроятная. Съ удвоенною энергіею принялся Мидхатъ-паша трудиться надъ приведеніемъ въ исполненіе своего давнишняго плана низложенія ненавистнаго ему султана. Ника[illegible] средство не было имъ пренебрежено, чтобы подѣйствовать [illegible] массы. Однимъ онъ со слезами на глазахъ разсказывалъ, что

---

[1]) Турецкое названіе новой организаціи оттоманской имперіи на европейскихъ [illegible]ляхъ, введенной султаномъ Абдуль-Меджидомъ какъ слѣдствіе гюльханейскаго [illegible]-шерифа 1839 года.

во снѣ явился ему пророкъ Магометъ и поручилъ ему позаботиться о спасеніи мусульманскаго народа. Относительно другихъ онъ старался подѣйствовать на чувства патріотизма, рисуя имъ картину будущаго величія оттоманской имперіи, какъ только она добьется необходимыхъ реформъ, когда у нея будетъ палата представителей, выбранныхъ прямо населеніемъ, безъ различія расы или религіи. Палата будетъ заниматься преимущественно финансовыми дѣлами, доходами и расходами государства. На содержаніе султана будетъ отпускаться лишь опредѣленная, ежегодная сумма: султанъ же долженъ будетъ представить отчетъ въ деньгахъ, незаконно присвоенныхъ имъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Въ политическомъ отношеніи—поучалъ Мидхатъ—у Турціи одинъ врагъ—славяне, и одна искренняя и вѣрная союзница—Англія, непримиримая соперница Россіи въ дѣлахъ Востока. Интересы Турціи солидарны съ интересами Венгріи и Греціи. Самимъ грекамъ королевства Мидхатъ предлагалъ совмѣстное существованіе съ турками на основахъ системы дуализма: онъ намекалъ имъ даже, что было бы крайне легко изгнать изъ Греціи короля Георга и его династію, дабы тогда эллинское королевство могло быть включено въ составъ оттоманской имперіи, причемъ грекамъ было бы предоставлено такое же положеніе, какое венгерцы занимаютъ въ монархіи Габсбурговъ.

Какъ вѣрный отголосокъ рѣчей своего предводителя, софты снова усиливаютъ свою дѣятельность: они стараются установить болѣе близкія связи съ войскомъ, заискиваютъ расположенія мѣстныхъ христіанъ, предлагая имъ дѣйствовать сообща, дабы соединенными усиліями работать противъ произвола главы государства; въ то же время они силятся увѣрить, что нынѣшнее мусульманское движеніе, вполнѣ прогрессивное, проникнуто духомъ терпимости по отношенію къ христіанамъ. Нѣкоторые же симптомы нетерпимости, выказанные софтами, приписывались софтамъ-самозванцамъ славянскаго происхожденія.

Вообще какая-то невидимая рука направляла все движеніе, внушая чувства вражды къ Россіи и ко всему, что носитъ славянское имя. Цѣлью агитаціи было—пріобрѣсть во что бы то ни стало поддержку европейскаго общественнаго мнѣнія, дабы противопоставить западныя тенденціи русскому вліянію, успѣвшему было уже пустить корни въ Турціи. Конституціонная Турція—внушали софтамъ—не замедлитъ найти себѣ защитниковъ между просвѣщенными державами, которыя не позволятъ къ ней прикоснуться; нѣтъ ничего—говорили имъ—невозможнаго и въ томъ, что въ такомъ случаѣ снова можетъ возникнуть сочувственное дви-

женіе въ пользу оттоманской имперіи, подъ покровомъ котораго легко можетъ быть возстановленъ даже ея государственный кредитъ.

Въ свою очередь, сэръ Элліотъ не считалъ нужнымъ скрывать своихъ симпатій къ софтамъ, совѣщался совершенно открыто съ Мидхатомъ и его приспѣшниками и утверждалъ, что въ случаѣ счастливаго исхода задуманнаго ими движенія въ пользу конституціи немедленнымъ результатомъ того будетъ полнѣйшая перемѣна какъ настроенія общественнаго мнѣнія Англіи, такъ и, вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, въ образѣ дѣйствія самого великобританскаго правительства.

Насколько былъ пріятенъ „младо-туркамъ“ представитель королевы Викторіи, настолько же ненавистнымъ казался софтамъ представитель русскій. Софты обвиняли его въ систематическомъ противодѣйствіи стремленіямъ „молодой Турціи“, въ томъ, что онъ внушаетъ Портѣ реформы, благопріятствующія исключительно христіанамъ,—мѣшаетъ раздавить славянское возстаніе и напасть одновременно и въ удобный моментъ и на Черногорію, и на Сербію. Подъ вліяніемъ такихъ толковъ, какъ говорятъ, существовало у нѣсколькихъ горячихъ головъ намѣреніе прибѣгнуть даже къ самымъ крайнимъ средствамъ, чтобы только избавиться отъ присутствія столь неудобнаго для нихъ дипломата.

III.

Подъ вліяніемъ причинъ, коренившихся въ политическихъ обстоятельствахъ—внутреннихъ и внѣшнихъ, общія условія существованія государства были таковы, что многіе изъ турецкихъ дѣятелей, даже крайне умѣреннаго оттѣнка, дѣйствительно предпочитали, во избѣжаніе смерти Турціи отъ истощенія, испробовать отчаянное средство, а именно перемѣнить государя, котораго считали виновникомъ всѣхъ бѣдствій. Непосредственная опасность для Абдуль-Азиза усилилась, когда глава военной партіи, ловкій организаторъ Хусейнъ-Авни паша, примирился съ Мидхатомъ,—первымъ слѣдствіемъ чего было удаленіе вліятельнаго Дервиша-паши изъ Константинополя въ Битолію, куда онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ.

Помимо личной ненависти, которую Хусейнъ-Авни, дважды побывавшій въ ссылкѣ, питалъ къ Абдуль-Азизу, какъ самъ сераскиръ, такъ и прочіе министры оправдывали свой образъ дѣйствія государственною пользою. По ихъ словамъ, капризный, по-

дозрительный нравъ султана, побуждавшій его мѣнять столь часто своихъ министровъ, его странности, чтобы не сказать безумства,— все это представляло крайнія неудобства и для самого государства. Могъ ли хотя одинъ министръ быть увѣренъ, что завтра его не смѣнятъ? Могли ли, наконецъ, министры уважать своего повелителя, главная забота котораго была—какъ бы увеличить свое личное состояніе, и который испугался уличныхъ манифестацій школьниковъ-софтъ? Съ другой стороны, министры были убѣждены, что революція, направленная къ ограниченію правъ султана, должна была идти сверху — отъ министровъ и высшихъ сановниковъ, а не снизу—отъ невѣжественной толпы, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ могли быть пролиты потоки крови.

Въ срединѣ мая, затѣянное министрами дѣло ограниченія власти султана достаточно созрѣло: на сторону заговорщиковъ постепенно были привлечены наиболѣе выдающіеся турецкіе сановники, между ними и глава мусульманскаго духовенства — шейхъ-уль-исламъ.

Въ субботу, 15-го мая, Мидхатъ-паша у себя на дому открылся великому визирю и сталъ уговаривать его перейти на сторону заговорщиковъ. Слабохарактерный и имѣвшій причины уже издавна питать вражду къ султану, Мехмедъ-Рушди однако колебался, хотя и одобрялъ намѣренія заговорщиковъ. Когда же великій визирь и сераскиръ убѣдились, что у Мидхата имѣется на-готовѣ десять тысячъ человѣкъ, и что онъ не отступитъ даже предъ перспективою взять дворецъ приступомъ, оба министра ужаснулись предстоящаго кровопролитія, неминуемаго въ такомъ случаѣ. Съ другой стороны, они опасались, что подобныя смуты и междоусобная вооруженная борьба между согражданами можетъ ослабить политическое положеніе Турціи, доставивъ предлогъ къ чьей-либо иностранной оккупаціи, а между тѣмъ внѣшнія обстоятельства требовали отъ Турціи полнаго сосредоточенія силъ. Европейскія державы, недовольныя продолжающимися неустройствами на Балканскомъ полуостровѣ, пришли къ соглашенію относительно болѣе рѣшительныхъ мѣръ, которыя слѣдовало предпринять, дабы добиться отъ Турціи дѣйствительныхъ реформъ въ пользу мѣстныхъ христіанъ. Около середины мая былъ окончательно выработанъ извѣстный берлинскій меморандумъ; оставалось лишь предъявить его Портѣ, что̀, впрочемъ, въ дѣйствительности не состоялось, въ виду отказа Англіи.

Взвѣсивъ все это, Мехмедъ-Рушди и Хусейнъ-Авни предпочли, чтобы революція была совершена самимъ правительствомъ. Рѣшено

было собраться въ среду, 19-го мая, въ сераскератѣ (военномъ министерствѣ), чтобы всѣмъ министрамъ сообща обсудить мѣры къ ограниченію султанской власти; рѣшено было также, ранѣе этого, попытаться еще разъ непосредственно обратиться къ султану съ соотвѣтственными вѣрноподданническими представленіями.

Въ понедѣльникъ, 17-го мая, Хусейнъ-Авни посвятилъ въ тайну морского министра, Ахмеда-Кайсарли-пашу — онъ былъ необходимъ по множеству турецкихъ броненосцевъ, стоявшихъ на Босфорѣ, и которые въ послѣднюю минуту могли разыграть рѣшающую роль. Ахмедъ-Кайсарли былъ глубоко потрясенъ сдѣланными ему разоблаченіями и выказалъ при этомъ такой страхъ предъ важностью грядущихъ событій, что заговорщики стали раскаиваться въ своей неосторожности — морской министръ могъ сгубить все ихъ дѣло.

Въ тотъ же день, три министра—Мехмедъ-Рушди, Хусейнъ-Авни и Мидхатъ — отправились во дворецъ и умоляли Абдуль-Азиза предоставить совѣту министровъ нѣкоторыя преимущества и ограничить нѣсколько придворные расходы. Они представили своему повелителю плачевное состояніе турецкихъ финансовъ, нужды арміи и флота, служащіе въ которыхъ не получали жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ, и просили султана дать изъ своихъ собственныхъ средствъ триста тысячъ турецкихъ лиръ на покрытіе самыхъ неотложныхъ расходовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ армія и флотъ могли выказать свое недовольство. Тѣмъ не менѣе Абдуль-Азизъ, не желая понять или вѣрнѣе не подозрѣвая серьезности положенія, отказалъ на-отрѣзъ, вѣсть о чемъ тотчасъ же разгласилась между солдатами и матросами.

Рѣшившіеся на такой смѣлый шагъ три министра, безспорно, выказали не мало гражданскаго мужества: своенравный властелинъ однимъ мановеніемъ руки могъ заставить ихъ горько раскаяться въ такой рѣшимости: какъ потомъ признавались сами министры, они ежеминутно ждали приказа объ ихъ арестованіи и свободно вздохнули лишь переступивъ обратно порогъ дворца и усѣвшись въ свой каикъ.

Совершенно случайное обстоятельство ускорило ходъ событій. Въ понедѣльникъ же, 17-го мая, послѣ того какъ Хусейнъ-Авни, Мидхатъ и Мехмедъ-Рушди покинули Дольма-багче, прошелъ по Босфору мимо султанскаго дворца военный транспортъ съ войсками, отправлявшимися противъ Черногоріи. Абдуль-Азизъ увидѣлъ ихъ изъ окна и поинтересовался узнать, куда именно направляются эти солдаты. Для разъясненія вопроса онъ приказалъ позвать сераскира. Получивъ внезапно приглашеніе явиться во

дворецъ, откуда онъ только-что вернулся, Хусейнъ-Авни-паша, не зная причины, зачѣмъ его требовалъ султанъ, совершенно растерялся. Еще ранѣе того военный министръ имѣлъ основаніе опасаться измѣны со стороны Ахмеда-Кайсарли-паши, которому утромъ онъ довѣрилъ тайну, а тутъ какъ нарочно султанскій адъютантъ передаетъ ему повелѣніе немедленно прибыть во дворецъ. Хусейнъ-Авни былъ увѣренъ, что заговоръ открытъ, что все пропало. Прежде всего онъ отговорился невозможностью, изъ-за сильнѣйшей болѣзни ноги, исполнить повелѣніе падишаха. Но чрезъ нѣсколько часовъ явился новый гонецъ—съ настойчивымъ требованіемъ въ тотъ же вечеръ явиться къ султану. Тѣмъ временемъ и друзья сераскира предупредили его, что если онъ явится во дворецъ, то будетъ арестованъ, такъ какъ до султана будто бы дошло о томъ, что̀ замышлялось противъ него. Впослѣдствіи выяснилось, что, дѣйствительно, бывшій великій визирь, Махмудъ-Недимъ-паша, поздно вечеромъ 17-го мая узналъ о намѣреніяхъ заговорщиковъ, и чтобы сообщить о томъ султану, послалъ во дворецъ своего племянника, не зная, что этотъ послѣдній самъ участвуетъ въ заговорѣ, и что вмѣсто того, чтобы исполнить порученіе дяди, онъ предпочтетъ извѣстить обо всемъ заговорщиковъ.

Неумолимый рокъ преслѣдовалъ Абдуль-Азиза. Сцѣпленіе всѣхъ этихъ мелкихъ случайностей само собою вело къ тому, что судьба несчастнаго султана должна была свершиться уже неотвратимо и въ ту же ночь.

Хусейнъ-Авни-паша видѣлъ, что отнынѣ медлить было нельзя ни минуты. Махмудъ-Недимъ могъ быть призванъ снова къ власти, и заговоръ былъ бы потопленъ въ волнахъ крови. Сераскиръ, этотъ типъ циническаго честолюбца, рѣшилъ произвести переворотъ — уже съ низложеніемъ султана — въ ту же ночь и самъ взялъ на себя наблюдать за исполненіемъ плана.

Дабы узаконить предъ мусульманами задуманный переворотъ, Хусейнъ-Авни тотчасъ же созвалъ главныхъ заговорщиковъ въ сераскератъ (военное министерство) и просилъ заключенія о настоящемъ случаѣ шейхъ-уль-ислама. Тотъ, заранѣе уже подготовленный къ такому вопросу, издалъ *фетву* о низложеніи царствующаго султана. Фетвою называется основанное на мусульманскомъ правѣ краткое письменное заключеніе шейхъ-уль-ислама по тому или другому юридическому вопросу, предложенному ему въ особой безличной формѣ.

Текстъ фетвы, узаконявшей низложеніе Абдуль-Азиза, былъ напечатанъ въ турецкихъ газетахъ. Вотъ она въ переводѣ: „Если

Зендъ [1]), начальникъ правовѣрныхъ, имѣя помраченный разсудокъ и утративъ качества, необходимыя для правленія, употребляетъ народную казну на свои личныя издержки и притомъ въ размѣрѣ высшемъ противъ того, который можетъ вынести страна и народъ,—если онъ вноситъ въ дѣла духовныя и гражданскія смуту и замѣшательство,—если онъ такимъ образомъ разоряетъ страну и народъ, необходимо ли его низложеніе въ томъ случаѣ, когда дальнѣйшее сохраненіе за нимъ власти будетъ вредно народу и странѣ?" Отвѣтъ: „Да". Затѣмъ подпись: „Хасанъ Хайрулла".

Заручившись санкціею мусульманскаго закона, Хусейнъ-Авни-паша собралъ нѣсколько батальоновъ на площадь сераскерата,—изъ нихъ четыре подъ командою людей извѣстныхъ своею рѣшительностью—Редифа-паши, родственника сераскирова, и Сулеймана-паши, тогдашняго начальника военнаго училища, въ послѣднюю войну отличившагося своими отчаянными аттаками русскихъ позицій на Шипкѣ; они окружили дворецъ Дольма-багче, причемъ солдатамъ намекнули, что они посланы защищать султана отъ предполагаемаго нападенія на него со стороны христіанъ. Самъ Хусейнъ-Авни-паша отправился въ военное училище, находящееся на высотахъ Панкальди, и, собравъ воспитанниковъ, держалъ имъ рѣчь о томъ, что страна и народъ разсчитываютъ на ихъ патріотизмъ и самоотверженіе, что они должны принять непосредственное участіе въ спасеніи отечества и т. п. Затѣмъ воспитанники этой школы были присоединены къ войскамъ, окружавшимъ дворецъ.

Наступила уже глухая ночь и дворецъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ; не спалъ лишь главный евнухъ — кызларъ-ага, привлеченный на сторону заговорщиковъ и предувѣдомленный заранѣе о томъ, что должно было произойти въ эту ночь. Содѣйствіе этого высшаго придворнаго сановника было заговорщикамъ безусловно необходимо, такъ какъ, по обычаямъ турецкаго двора, султанъ не имѣетъ, изъ предосторожности, постоянной опочивальни и спитъ въ одной изъ комнатъ своего дворца, а въ какой именно, это бываетъ извѣстно исключительно одному кызларъ-агѣ. Еслибы заговорщики не заручились содѣйствіемъ этого послѣдняго, они были бы поставлены въ крайнее затрудненіе, гдѣ имъ разыскивать Абдуль-Азиза по обширному дворцу, а тѣмъ временемъ султанъ могъ бы бѣжать и организовать сопротивленіе изъ войскъ, оставшихся ему вѣрными.

Какъ мало были увѣрены заговорщики въ войскахъ, собран-

---

[1]) Имя фиктивнаго лица, употребляемое обыкновенно въ фетвахъ.

ныхъ на площади предъ Дольма-багче, видно изъ того, что полковникъ одного изъ находившихся тамъ батальоновъ показался въ самую послѣднюю минуту подозрительнымъ; его немедленно посадили подъ арестъ, замѣнивъ его въ командованіи подполковникомъ, тутъ же произведеннымъ въ полковники, а солдатамъ снова дали понять, что они созваны для отраженія нападенія христіанъ.

Когда, благодаря принятымъ мѣрамъ, дворецъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, Сулейманъ-паша, съ нѣсколькими воспитанниками военнаго училища, отправился въ помѣщеніе Мурада-эфенди, сына Абдуль-Меджида и, какъ старшаго въ родѣ, наслѣдника турецкаго престола. Тотъ встрѣтилъ его ни живъ, ни мертвъ: предполагая, что за нимъ пришли, чтобы вести его на казнь, онъ упорно отказывался послѣдовать за Сулейманомъ-пашей и упрашивалъ его объ одномъ, чтобы тутъ же поскорѣе покончили съ нимъ. Вошедшій въ это время къ нему Хусейнъ-Авни всячески старался успокоить перепуганнаго принца, объясняя, что дѣло идетъ не о казни его, а о воцареніи. Когда Мурадъ рѣшился, наконецъ, переступить порогъ своихъ покоевъ, онъ былъ такъ блѣденъ и такъ трясся всѣмъ тѣломъ, что сераскиръ, съ цѣлью ободрить его, взялъ принца за руку, далъ ему одинъ изъ своихъ револьверовъ и добавилъ, что пусть Мурадъ убьетъ его, какъ только замѣтитъ малѣйшую измѣну съ его стороны.

Выйдя изъ дворца, Хусейнъ-Авни-паша посадилъ Мурада рядомъ съ собою въ карету и направился къ мечети у Дольма-багче, гдѣ ихъ долженъ былъ ожидать каикъ, чтобы затѣмъ перевезти въ Стамбулъ. Но каика не оказалось въ условленномъ мѣстѣ, и оба ночныхъ путника провели тогда нѣсколько чрезвычайно тяжелыхъ минутъ. Принца сераскиръ спряталъ пока въ мечети— самъ же остался на берегу Босфора, тревожно устремляя взоры въ глубокій ночной мракъ и весь обливаемый брызгами волнъ, не на шутку тогда разбушевавшихся. Минуты казались ему тогда часами, а каждая минута была дорога: при подобныхъ обстоятельствахъ малѣйшее промедленіе можетъ вызвать неисчислимыя послѣдствія. Сколько иногда самымъ лучшимъ образомъ обдуманныхъ предпріятій рушилось изъ-за какой-нибудь маленькой случайности—этой песчинки, останавливающей ходъ громаднаго механизма! Сухопутный путь къ сераскерату былъ слишкомъ длиненъ и небезопасенъ—надо было по-неволѣ ждать каика.

Наконецъ у военнаго министра отлегло отъ сердца: въ темнотѣ вырисовался остроносый контуръ каика, ловко причалившаго къ набережной. Чрезъ нѣсколько времени Мурадъ и Хусейнъ-Авни

прибыли въ сераскератъ, гдѣ уже были собраны великій визирь, шейхъ-уль-исламъ, братъ шерифа мекскаго. Тутъ собрались Мидхатъ-паша и многіе другіе сановники и посвященные въ заговоръ, всего отъ 500 до 600 мусульманъ и христіанъ, въ присутствіи которыхъ и былъ произнесенъ *біатъ* — оффиціальное провозглашеніе новаго султана. Тогда же новый владыка — Мурадъ V, лишь въ сераскератѣ окончательно успокоившійся за свою жизнь, даровалъ амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ и объявилъ, что отдаетъ казнѣ всѣ деньги, какія только найдутся во дворцѣ бывшаго султана.

Какъ только Редифъ-паша узналъ, что Мурадъ въ безопасности, онъ передалъ начальство Сулейману-пашѣ, а самъ, съ револьверомъ въ рукахъ, велѣлъ, именемъ султана Мурада, отворить дворцовыя ворота. Солдатъ, бывшій на часахъ внутри дворца, не хотѣлъ-было пропускать пашу, но его убѣдили, что Абдуль-Азизъ уже не султанъ, и что если онъ не хочетъ быть убитъ, какъ ослушникъ законному падишаху, то долженъ безъ шума пропустить людей, идущихъ по его повелѣнію.

Разыскавъ кызларъ-агу, Редифъ-паша велѣлъ разбудить Абдуль-Азиза и объявить ему, что волею народа и войска онъ пересталъ быть султаномъ, и что Редифу-пашѣ поручено доставить его съ семействомъ во дворецъ Топъ-капу, назначенный ему отнынѣ въ жительство. Абдуль-Азизъ, заслышавъ разговоръ и шумъ, самъ проснулся и вошелъ въ комнату кызларъ-аги, гдѣ Редифъ-паша повторилъ слова только-что сказанныя имъ евнуху. Абдуль-Азизъ при этомъ держалъ себя по отношенію къ Редифу съ большимъ достоинствомъ и даже надменностью: онъ не захотѣлъ вступать съ пашею въ препирательство и весь послѣдующій разговоръ велъ обращаясь къ кызларъ-агѣ. Прежде всего султанъ замѣтилъ: „Какое зло причинилъ я Редифу-пашѣ, человѣку, котораго я осыпалъ благодѣяніями? Если я сдѣлалъ какія-либо ошибки, я готовъ ихъ загладить". Редифъ быстро перебилъ его, сказавъ: „Теперь не до разговоровъ; нужно торопиться,—иначе можетъ произойти какое-нибудь несчастіе, такъ какъ недовольный народъ, въ сильно возбужденномъ состояніи, толпится на прилегающихъ ко дворцу улицахъ, и я хочу выразить вамъ мою благодарность хотя бы тѣмъ, что доставлю васъ здравымъ и невредимымъ въ Топъ-капу".

Кызларъ-ага, видя продолжающееся колебаніе Абдуль-Азиза понимая необходимость окончить сцену какъ можно скорѣе, крикнулъ тогда на султана: „Да развѣ вы не понимаете, что все уже кончено, и что народъ провозгласилъ себѣ новаго султана?"

Тогда Абдуль-Азизъ наскоро одѣлся и въ молчаніи послѣдовалъ за Редифомъ. Выказанная имъ при этомъ нерѣшительность погубила его: какъ затѣмъ признавался самъ Хусейнъ-Авни паша, еслибы Абдуль-Азизъ оказалъ Редифу-пашѣ сопротивленіе, пославъ въ то же время нѣсколько преданныхъ офицеровъ съ тѣмъ, чтобы они пробрались въ казармы — весь переворотъ могъ не удаться, и роли бы перемѣнились.

Но какой-то рокъ тяготѣлъ надъ Абдуль-Азизомъ, и твердость духа оставила его въ рѣшительный моментъ. Достойно замѣчанія также и то, что среди безчисленной дворцовой челяди не нашлось ни одной преданной руки, достаточно мужественной, чтобы подняться на защиту своего повелителя.

Въ ту минуту когда нужно было входить въ каикъ, Абдуль-Азизъ пріостановился — видъ разъяренныхъ волнъ пугалъ его; Редифъ-паша тогда силою втолкнулъ свергнутаго падишаха въ каикъ. Когда Абдуль-Азизъ сталъ просить, чтобы по крайней мѣрѣ съ нимъ вмѣстѣ отправили его мать и дѣтей,—бывшій тутъ адмиралъ, Арифъ-паша, отказалъ въ удовлетвореніи этой просьбы, ссылаясь на свои инструкціи. Послѣ этого Редифъ-паша сѣлъ въ каикъ вмѣстѣ съ своимъ плѣнникомъ, вчера еще могущественнымъ повелителемъ многочисленнаго народа, сегодня—игрушкою въ рукахъ нѣсколькихъ пашей, спѣшившихъ выказать надъ нимъ всю силу своей новой власти.

Какое это было страшное паденіе, въ особенности для восточнаго государя, не знающаго обыкновенно преградъ своей волѣ и вдругъ сброшеннаго такъ быстро, такъ для него неожиданно съ вершины власти въ положеніе простого подданнаго того самаго принца, съ которымъ еще нѣсколько часовъ тому назадъ онъ могъ сдѣлать все, что бы ему ни заблагоразсудилось! И горьки, невыразимо горьки должны были быть мысли несчастнаго Абдуль-Азиза, когда каикъ быстро мчалъ его по Босфору въ Эски-Серай, и куда лишь позднѣе были перевезены ближайшія къ свергнутому падишаху лица — султанша-валиде, принцы, жены и около тридцати рабынь.

Такъ палъ султанъ Абдуль-Азизъ, наслѣдовавшій въ 1861 году своему брату Абдуль-Меджиду при общихъ ликованіяхъ толпы, упрекавшей его предшественника въ излишней слабости и въ недостаткѣ энергіи. Мягкій характеромъ, Абдуль-Меджидъ былъ на турецкомъ престолѣ копіей Людовика XV, и въ его уста точно также можно было бы вложить фразу: „après nous le déluge“. Абдуль-Меджида никто не ненавидѣлъ, но и о смерти его никто не пожалѣлъ. Преемникъ его былъ извѣстенъ за человѣка твер-

даго, прямого и настолько же бережливаго, насколько братъ его былъ расточителенъ. Новый султанъ представлялся залогомъ новой эры благополучія для Турціи, и восторгъ толпы, привѣтствовавшей своего новаго повелителя, не зналъ предѣловъ. Прошло пятнадцать лѣтъ, и этотъ же самый народъ ликовалъ по случаю его паденія, и точно также думалъ, что именно теперь-то начнется ожидаемое благополучіе, и все измѣнится согласно затаеннымъ желаніямъ каждаго.

IV.

Около полудня 18-го мая новый тридцати-шестилѣтній султанъ—тридцать-третій султанъ династіи Османа — въ сопровожденіи всѣхъ министровъ отправился изъ сераскерата, среди радостныхъ кликовъ толпы, моремъ, при грохотѣ орудій, въ Дольмабагче, гдѣ немедленно же началась церемонія *рикябъ*—т.-е. принесеніе новому падишаху поздравленій отъ всѣхъ находившихся въ Константинополѣ турецкихъ сановниковъ.

Въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней военныя суда были расцвѣчены флагами, и палили изъ пушекъ; вечеромъ же городъ и Босфоръ были пышно иллюминованы—такъ, какъ только въ Константинополѣ умѣютъ иллюминовывать.

Тотчасъ по воцареніи Мурада, первый драгоманъ Порты былъ посланъ сообщить о томъ всѣмъ иностраннымъ представителямъ. Вотъ текстъ этого сообщенія: „Par la volonté unanime des ministres, des troupes et de la nation le sultan Abdul Aziz a été déposé et Mourad effendi proclamé sultan“. Одновременно съ тѣмъ была отправлена циркулярная телеграмма мекскому шерифу, египетскому хедиву, всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, составленная въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Божіею властью и съ общаго согласія султанъ Абдуль-Азизъ низложенъ. Законный наслѣдникъ султанъ Мурадъ V взошелъ сегодня на престолъ Османовъ. Да сдѣлаетъ Аллахъ всѣхъ счастливыми. Объявите немедленно населенію о воцареніи новаго султана. 7 джемази-уль-евеля 1293 г.“ (18-го (30) мая 1876 г.).

Сэръ Эллiотъ тотчасъ же разослалъ англійскимъ консуламъ [illegible] Турціи телеграмму о совершившемся переворотѣ и о томъ, что [illegible]шествіе на престолъ Мурада произвело всеобщую радость какъ [illegible]жду мусульманами, такъ и между христіанами, причемъ велико[illegible]танскій посолъ прибавилъ, что взаимныя отношенія между этими [illegible]мя общинами запечатлѣны сердечностью и полною дружбою.

Одно изъ первыхъ дѣлъ, которымъ занялись министры послѣ успѣшнаго для нихъ исхода революціи, было наложеніе печатей и составленіе описи имущества бывшаго султана, оцѣниваемаго всего въ 30 милліоновъ лиръ; найдено было много драгоцѣнностей и на десять милліоновъ лиръ—турецкихъ государственныхъ бумагъ *консолиде*; но наличныхъ денегъ нашли не болѣе 500.000 лиръ. Оказалось, что отчетность по частному имуществу Абдуль-Азиза велась чрезвычайно тщательно однимъ христіаниномъ-коптомъ. Изъ записей узнали, что шесть милліоновъ лиръ были израсходованы на броненосцы, почти столько же—на пріобрѣтеніе крупповскихъ орудій, три милліона—на постройку арсеналовъ; такъ что половина суммъ, полученныхъ за время царствованія Абдуль-Азизомъ, была имъ употреблена на государственныя надобности.

Большая часть найденныхъ въ Дольма-багче суммъ была распредѣлена между министрами—по словамъ однихъ, просто въ ихъ личную пользу,—по словамъ другихъ, дабы служить запаснымъ фондомъ на случай войны. Но въ чемъ невозможно сомнѣваться, такъ это въ томъ, что вожаки переворота постарались вознаградить сами себя нѣкоторыми вещами, принадлежавшими бывшему султану: они забрали себѣ прекрасныя запряжки чистокровныхъ арабскихъ коней, получили табакерки, усыпанныя брилліантами, цѣнностью въ три, пять тысячъ турецкихъ лиръ, и драгоцѣнные каменья для своихъ женъ.

Вечеръ 18-го мая и слѣдующіе два дня министры провели въ Дольма-багче, обсуждая редакцію манифеста о воцареніи и различные проекты конституціи, принятой уже безъ затрудненій въ принципѣ молодымъ султаномъ, дѣйствовавшимъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ масоновъ, къ числу которыхъ Мурадъ, какъ утверждаютъ [1]), принадлежалъ уже издавна. Мидхатъ и Халиль-шерифъ хотѣли-было провозгласить конституцію немедленно же. Ярыми противниками ихъ въ этомъ оказались Мехмедъ-Рушди и Хусейнъ-Авни. Во избѣжаніе раздора было рѣшено погодить радикальнымъ измѣненіемъ формы правленія до того времени, когда новый султанъ будетъ признанъ державами, и когда уладятся нѣкоторыя внутреннія затрудненія, неизбѣжныя при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

20-го мая въ Портѣ былъ прочитанъ султанскій *хаттъ* (вы-

---

[1]) „La Turquie officielle", par de Régla, 318.

сочайшій манифестъ), наполненный обѣщаніями, которыя обыкновенно даются въ такого рода документахъ: единственное отличіе его состояло въ томъ, что однимъ изъ его параграфовъ султанъ поручаетъ совѣту министровъ заняться изысканіемъ реформъ, необходимыхъ въ тогдашнемъ тяжеломъ положеніи. Тѣмъ же хаттомъ султанъ утвердилъ всѣхъ министровъ въ ихъ должностяхъ, а чтобы помочь разстроеннымъ турецкимъ финансамъ, онъ отдалъ въ казну доходъ съ гераклейскихъ рудниковъ,—съ многихъ фермъ, принадлежавшихъ прежнему султану лично, и съ пароходнаго общества Азизіэ, соглашаясь довольствоваться на содержаніе своего двора—liste civile—ежегодною суммою въ триста тысячъ лиръ.

Партія „молодой Турціи“ осталась крайне недовольна этими уступками, считая ихъ совершенно недостаточными. Въ свою очередь, и улемы были недовольны, слыша изъ устъ султана рѣчи о равенствѣ между мусульманами и христіанами. Такимъ образомъ хаттъ не удовлетворилъ ни одну изъ этихъ партій.

Франція была первою державою, которая 20-го мая оффиціально признала султана Мурада. Элліотъ тотчасъ же затѣмъ присоединился къ заявленію французскаго посла, графа Бургоэна, какъ бы желая подчеркнуть ту поддержку, которую Западъ готовъ оказать вновь установившемуся въ Турціи порядку вещей.

Такъ какъ султанъ Мурадъ не былъ еще признанъ Россіей,—что произошло лишь 25-го мая,—то наши военныя суда въ Босфорѣ не расцвѣтились флагами въ день революціи, подобно нѣкоторымъ иностраннымъ стаціонерамъ. Обстоятельство это произвело впечатлѣніе и вызвало толки, что Россія не желаетъ признавать Мурада,—что сильная русская эскадра крейсируетъ близь входа въ Босфоръ съ цѣлью проникнуть въ проливъ, похитить Абдуль-Азиза и перевезти его въ Россію. Вообще нельзя было не замѣтить, что однимъ изъ слѣдствій только-что происшедшаго переворота было усиленіе ненависти къ Россіи, какъ естественной покровительницѣ возставшихъ славянъ. „Молодая Турція“ была бы даже не прочь объявить Россіи войну, въ увѣренности, что тогда, какъ и въ 1854 году, немедленно придутъ на помощь Турціи европейскія державы, изъ которыхъ ни одна не можетъ желать ни величія Россіи, ни осуществленія славянскихъ вожделѣній.

Тѣмъ временемъ Абдуль-Азизъ съ семействомъ находился подъ строгимъ присмотромъ въ Топъ-капу, въ небольшомъ, тѣсномъ кіоскѣ изъ пяти комнатъ. Люди, ставшіе во главѣ движенія, поспѣшили на первыхъ же порахъ дать почувствовать старому султану всю тяжесть его новаго положенія. Ссылаясь на отсутствіе

инструкцій, они не позволили Абдуль-Азизу перемѣнить ни бѣлья, ни одежды, когда онъ, въ ночь низложенія, прибылъ въ Топъ-капу, промокнувъ до костей во время своего переѣзда въ каикѣ подъ проливнымъ дождемъ. Приставъ его, Ибрагимъ-Эдхемъ-бей, точно также затруднился собственною властью дать завтракъ бывшему своему повелителю, и отправился за указаніями въ Дольма-багче. Спрошенный имъ гофмаршалъ, Нури-паша, отозвался, что это его не касается. Не зная, какъ поступить, приставъ встрѣтилъ затѣмъ во дворцѣ Хусейнъ-Авни-пашу и обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ. Сераскиръ поднимался въ то время по лѣстницѣ въ засѣданіе совѣта министровъ и отвѣтилъ Ибрагиму, что онъ доложитъ о настоящемъ дѣлѣ министрамъ. Нѣсколько спустя, Ибрагима-Эдхема-бея позвали въ совѣтъ министровъ и возложили на него всѣ хозяйственныя заботы относительно содержанія и продовольствія заключенниковъ. Пока же шли всѣ эти переговоры, Абдуль-Азизъ со всѣми близкими къ нему лицами сидѣлъ голоднымъ и даже для дѣтей своихъ не могъ выпросить тарелки супа.

Низверженный повелитель, поставленный въ такія условія, долженъ былъ переносить жестокія душевныя страданія. Все время онъ проводилъ въ глубокомъ молчаніи, разглаживая себѣ бороду и съ усиленнымъ стараніемъ вырывая изъ нея волосокъ за волоскомъ—привычка, усвоенная имъ въ теченіе двухъ, трехъ послѣднихъ лѣтъ. Впервые онъ выразилъ безпокойство, когда ему, по турецкому обычаю, стали брить голову: онъ при этомъ закрывалъ себѣ обѣими руками горло, какъ бы опасаясь какой-нибудь умышленной неловкости цирюльника. Наконецъ, томительность положенія пересилила гордость, и Абдуль-Азизъ послалъ своего камергера, Фахрибея, спросить Мурада, каковы по отношенію къ нему намѣренія правительства и можетъ ли онъ считать себя лично въ безопасности. Мурадъ поспѣшилъ отвѣтить въ самыхъ благосклонныхъ выраженіяхъ, обѣщая относиться къ своему предмѣстнику всегда съ самымъ глубокимъ уваженіемъ: новый султанъ, какъ бы оправдываясь передъ своимъ дядей, прибавилъ, что онъ не виноватъ во всемъ случившемся, и что онъ вынужденъ былъ лишь сообразоваться съ народною волею. Тогда-то Абдуль-Азизъ написалъ своему счастливому преемнику пріобрѣвшее извѣстность письмо, впослѣдствіи появившееся въ турецкихъ газетахъ, въ которомъ, признавая совершившіеся факты, онъ поздравляетъ новаго государя и заканчиваетъ такъ: „что касается до меня, то единственное мое желаніе,—это жить спокойно и скромно подъ покровительствомъ вашего величества. Искреннѣйшее мое поже-

ланіе состоитъ въ томъ, чтобы вы были счастливѣе меня, такъ какъ я имѣлъ горе видѣть, какъ обратилось противъ меня то самое оружіе, которое я лично далъ войскамъ"—горькій намекъ на образъ дѣйствій, въ ночь 18-го мая, войска, бывшаго любимымъ дѣтищемъ несчастнаго Абдуль-Азиза. Въ то же время Абдуль-Азизъ, любившій вольный воздухъ и загородное раздолье, просилъ Мурада разрѣшить ему переѣхать въ Чераганъ, гдѣ онъ надѣялся имѣть возможность дѣлать прогулки и поселиться, въ кіоскѣ Феріэ, томъ самомъ, который былъ построенъ дабы служить мѣстопребываніемъ самого Мурада, когда онъ еще былъ принцемъ. Султанъ поспѣшилъ исполнить желаніе своего царственнаго дяди, пославъ ему словесное разрѣшеніе чрезъ помянутаго уже выше дворцоваго чиновника Ибрагимъ-Эдхемъ-бея. Такимъ образомъ было оставлено безъ послѣдствій обсуждавшееся уже во дворцѣ предположеніе отправить бывшаго султана на жительство въ Бруссу.

Благодаря своему письму, равносильному формальному отреченію отъ престола, Абдуль-Азизъ переставалъ быть опасенъ своему преемнику самъ по себѣ; но имя его, какъ ни мало было у него искреннихъ приверженцевъ, продолжало казаться вожакамъ революціи опаснымъ, какъ центръ, около котораго могли сгруппироваться всѣ недовольные новыми порядками и устроить контръ-революцію, волна которой, конечно, смыла бы всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ вслѣдствіе переворота во главѣ власти. И вотъ въ тиши Мидхатова дома сталъ обдумываться планъ, какъ бы обезпечить себя отъ нежелательнаго для вчерашнихъ заговорщиковъ обратнаго возстановленія Абдуль-Азиза на престолъ. Наилучшимъ къ тому способомъ, безъ сомнѣнія, было отправить стараго султана туда, откуда уже нѣтъ болѣе возврата: подъ вліяніемъ такого вывода заинтересованныя лица стали принимать исподволь мѣры, чтобы осуществить свое злодѣйское намѣреніе.

Скромный и добрый по своему характеру, новый султанъ, не отличавшійся никогда особенно цвѣтущимъ здоровьемъ, съ самаго начала своего царствованія сталъ стремиться пріобрѣсти всѣми средствами популярность: онъ со всѣми былъ крайне милостивъ, обходителенъ, принималъ не только сановниковъ, но и мелкихъ чиновниковъ Порты, негоціантовъ, даже журналистовъ. Окружавш[illegible] Мурада лица въ особенности старались заручиться содѣйст[illegible]мъ прессы; тогда же первый секретарь султана, Саадулла-бе[illegible] (впослѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ въ началѣ нынѣшн[illegible] года покончилъ съ жизнью самоубійствомъ), устроилъ во д[illegible]цѣ особое бюро печати.

Въ первую же пятницу по своемъ воцареніи, султанъ Мурадъ отправился съ большою помпою въ мечеть св. Софіи: несмѣтныя массы народа толпились на его пути; Константинополь имѣлъ совершенно праздничный видъ; не скрывали только своего неудовольствія улемы по поводу того, что халифъ правовѣрныхъ, въ противность обычаю, отправился въ мечеть въ перчаткахъ.

Но если партія „старой Турціи" упрекала Мурада въ нѣкоторомъ западничествѣ, то партія „молодой Турціи" жаловалась, наоборотъ, что онъ выказываетъ слишкомъ мало склонности къ заимствованію европейскихъ учрежденій. Дѣятели этой послѣдней партіи старались народными манифестаціями вырвать у Мурада конституцію, прибѣгая даже къ пріемамъ совершенно необычнымъ на Востокѣ: такъ, въ четвергъ 20-го мая, софты устроили вечеромъ громадную манифестацію, закончившуюся прогулкой съ факелами. Софты прошлись по разнымъ кварталамъ Константинополя. Предъ домомъ Мидхата-паши они сначала произнесли молитву, а потомъ кричали:—*Падишахимъ бинъ яша* („да здравствуетъ султанъ!" буквально: „да живетъ нашъ падишахъ тысячу лѣтъ")! *Шураи Умметъ* (конституція)! и—„да здравствуетъ Мидхатъ-паша!"

Между тѣмъ султанъ Мурадъ, силою обстоятельствъ, и самъ очутился какъ бы въ положеніи плѣнника: при немъ неотступно находились его министры; трое изъ нихъ даже ночевали во дворцѣ, дабы помѣшать султану освободиться изъ-подъ ихъ вліянія и завязать сношенія съ другими лицами. Что касается до конституціи, то совѣтъ министровъ снова рѣшилъ отложить ее до упроченія новаго правительства и до умиротворенія возставшихъ областей.

Успокоенный милостивыми увѣреніями Мурада, Абдуль-Азизъ съ радостью переѣхалъ въ Чераганъ. Какъ только каикъ его причалилъ къ набережной, развѣнчанный владыка тотчасъ же направился въ сторону, противоположную входу во дворецъ, чтобы пройти во внутренній садъ и удовлетворить своей давнишней, въ послѣднее время по-неволѣ сдерживаемой, страсти къ движенію, къ прогулкѣ. Сопровождавшій Абдуль-Азиза офицеръ заставилъ его, однако, войти прямо въ домъ, откуда ему не суждено было выходить болѣе. Старый султанъ горестно содрогнулся, видя необходимость уступить силѣ; онъ ясно почувствовалъ себя плѣнникомъ, и съ этого момента душевное волненіе и безпокойство завладѣли всѣмъ его существомъ.

Огромное торговое движеніе Босфора, безпрерывно проходящія по проливу суда, шмыгающіе ежеминутно ширкеты,—хотя по приказанію свыше и дѣлавшіе огромный кругъ, чтобы не проходить

подъ окнами султанскаго дворца,—наконецъ, видъ этой фаланги броненосцевъ, на которые затрачены были такія бѣшеныя деньги изъ личныхъ суммъ султана, — все это до крайности волновало бѣднаго Абдуль-Азиза, болѣзненно раздражая его потрясенные нервы. Прислушиваясь къ каждому движенію въ домѣ, онъ совершенно потерялъ сонъ: малѣйшій стукъ заставлялъ его вздрагивать. Постоянно опасаясь насильственной смерти, съ минуты на минуту онъ ожидалъ появленія убійцъ. Упадокъ духа смѣнялся иногда у него порывами бѣшенства: онъ начиналъ осыпать жестокими упреками сына своего, Юсуфъ-Изеддина, за то, что тотъ, будучи начальникомъ гвардейскаго корпуса, недостаточно наблюдалъ за настроеніемъ духа между генералами и вообще войсками и не съумѣлъ предупредить революцію. Иногда онъ начиналъ горько жаловаться окружающимъ, зачѣмъ броненосцы и дворцовая стража не хотятъ защитить его отъ враговъ. Разсказываютъ, что въ порывѣ изступленія онъ разъ хотѣлъ выброситься изъ окна, но его удержалъ камергеръ Фахри-бей, допущенный, въ противность всѣмъ турецкимъ обычаямъ, въ султанскій гаремъ. Но такіе порывы бывали рѣдки—чаще и чаще нападало на низвергнутаго властителя полное, безнадежное отчаяніе. Завидѣвъ разъ въ окошко садовниковъ, копавшихъ землю въ саду, бывшій султанъ пророчески воскликнулъ: „они роютъ мою могилу! скоро все будетъ кончено". Черныя предчувствія, смертельная, гложущая сердце тоска не покидали уже его.

Исторія не выяснила вполнѣ точно истинную роль, выпавшую на долю султана Мурада въ дни, предшествовавшіе смерти Абдуль-Азиза. Не подлежитъ однако, повидимому, сомнѣнію, что въ то время на Мурада V было производимо сильное давленіе со стороны заговорщиковъ, которымъ онъ обязанъ былъ престоломъ. Чтобы побудить его дать желаемый ими приказъ объ умерщвленіи его предшественника, они разсказывали, будто Абдуль-Азизъ выразился, что три сѣверныя державы—Россія, Германія и Австрія—не признаютъ Мурада и придутъ на помощь свергнутому султану. Мидхатъ-паша увѣрялъ, что если Россіи удастся похитить Абдуль-Азиза, то она создастъ Турціи множество непріятностей. Въ городѣ распространяли слухъ, что Мухтаръ-паша со всею герцеговинскою арміею идетъ на Константинополь, чтобы снова [посадить] на престолъ низведеннаго съ него повелителя. Такими [разг]оворами достигалось общее безпокойство умовъ, а въ этомъ [по]слѣднемъ заговорщики-министры черпали свои доводы, чтобы [док]азать Мураду, какъ затруднительно для правительства дальнѣйшее существованіе бывшаго султана и какъ необходимо, въ

видахъ пользы государственной, избавиться отъ него окончательно и какъ можно скорѣе. Подѣйствовали ли эти доводы на Мурада —неизвѣстно; по крайней мѣрѣ соучастіе его не было доказано при разбирательствѣ, въ 1881 году, дѣла объ убійцахъ Абдуль-Азиза.

Какъ бы то ни было, съ согласія или безъ согласія султана Мурада, но наканунѣ смерти Абдуль-Азиза весь штатъ его служителей былъ перемѣненъ, а въ воскресенье, 23-го мая, въ нашъ Троицынъ день, по городу распространилось извѣстіе о смерти бывшаго султана. Оффиціальная версія говорила, что въ припадкѣ сумасшествія онъ вскрылъ себѣ вены на обѣихъ рукахъ ножницами, которыя попросилъ дать ему утромъ, чтобы подстричь себѣ бороду.

Скоро отъ окрестныхъ жителей узнали подробности, рисовавшія событіе въ совершенно иномъ свѣтѣ. Сдѣлалось извѣстнымъ, что кіоскъ Феріэ, въ которомъ жилъ Абдуль-Азизъ, съ утра былъ окруженъ войсками, какъ съ суши, такъ и съ моря. Сосѣдняя съ Чераганомъ улица была оцѣплена и всякое движеніе по ней прекращено. Внутри кіоска, въ помѣщеніи стараго султана былъ слышенъ шумъ, возня и крики; отъ времени до времени раздавался звонъ разбиваемыхъ оконныхъ стеколъ; женщины бросались къ окнамъ, взывая о помощи; крики ихъ были слышны на противоположномъ берегу Босфора—въ Скутари и въ Бейлербеѣ. Очевидцы утверждали, что видѣли, какъ—то въ томъ, то въ другомъ окнѣ показывалось блѣдное, искаженное смертельнымъ ужасомъ лицо Абдуль-Азиза. Когда спокойствіе возстановилось, султаншу-валиде увезли въ Топъ-капу безъ чувствъ: вынесли ее изъ кіоска какъ трупъ, всю укутанную въ длинную бѣлую одежду.

Несчастной матери Абдуль-Азиза, испытавшей уже столько горя, въ тотъ день пришлось испить чашу до дна. Необузданныя въ проявленіи своихъ чувствъ одалиски жестоко избили ее, осыпавъ упреками и обвиненіями, что всѣ несчастія обрушились на нихъ изъ-за дурного вліянія ея на сына и изъ-за гнусной, всѣмъ извѣстной страсти ея къ скряжничеству.

На третью жену Абдуль-Азиза смерть ея владыки подѣйствовала такъ сильно, что она тотчасъ же покончила жизнь самоубійствомъ.

Такъ какъ Порта желала убѣдить всѣхъ, что Абдуль-Азизъ погибъ отъ собственной руки, то она распорядилась послать въ Чераганъ, для составленія протокола о смерти бывшаго султана, коммиссію изъ 19 докторовъ, въ составъ которой входили, между

прочимъ, Сотто, докторъ австрійскаго посольства, и Диксонъ— англійскаго. Составленный коммиссіею подробный протоколъ былъ тогда же напечатанъ въ мѣстныхъ журналахъ. Изъ него мы узнаемъ, что докторамъ былъ предъявленъ трупъ Абдуль-Азиза, лежавшій на полу, на тюфякѣ и прикрытый бѣлымъ полотномъ, въ нижнемъ этажѣ гауптвахты, помѣщающейся рядомъ съ чераганскимъ дворцомъ. Для того чтобы пронести трупъ на гауптвахту, проломали стѣну, отдѣляющую эту послѣднюю отъ кіоска Феріэ. Докторамъ предъявили и мнимое орудіе самоубійства—окровавленныя ножницы, длиною въ 10 сантиметровъ, а затѣмъ докторовъ ввели въ бывшее помѣщеніе султана: въ угловой комнатѣ, выходящей на Босфоръ, они нашли много крови на диванѣ, стоявшемъ у окна; на полу стояла цѣлая лужа запекшейся крови; кровь же виднѣлась и во многихъ другихъ мѣстахъ. Давъ подробное описаніе ранъ, найденныхъ на трупѣ, и скрывъ обстоятельство, выяснившееся изъ показаній доктора Маркеля-эфенди лишь въ 1881 году, а именно, что доктора осматривали только руки, ноги и лицо покойнаго султана, и то крайне поспѣшно,— коммиссія удостовѣрила послѣднимъ пунктомъ своего протокола, что „направленіе и свойство ранъ, а также осмотръ орудія, которымъ онѣ были произведены, приводятъ насъ къ заключенію, что причиною смерти Абдуль-Азиза было самоубійство“.

Каково было положеніе этихъ девятнадцати докторовъ, скрѣпившихъ протоколъ своею подписью, — а въ особенности Сотто и Диксона, которые по своему независимому оффиціальному положенію могли высказать всю истину, — когда впослѣдствіи, на процессѣ 1881 года, было доказано, что Абдуль-Азизъ былъ убитъ подосланными убійцами!

Не удовольствовавшись подписью на протоколѣ, докторъ англійскаго посольства разрѣшилъ одной изъ мѣстныхъ газетъ — „Stamboul“, органу „молодой Турціи“, заявить отъ имени его, Диксона, что „кромѣ ранъ, поименованныхъ въ протоколѣ, на трупѣ Абдуль-Азиза не было никакихъ другихъ ранъ или знаковъ насилія“. Мало того, въ своемъ донесеніи сэру Элліоту, поданномъ 5-го іюня н. с., Диксонъ говоритъ: „тщательный осмотръ тѣла не обнаружилъ никакихъ знаковъ насилія. Черты лица были спокойны, глаза и ротъ полуоткрыты; на кожѣ не было ни кровоподтековъ, ни ссадинъ, которые неизбѣжно должны были бы на ней оказаться, если бы смерти предшествовала борьба или чье-либо нападеніе“. Такое заключеніе было впослѣдствіи опровергнуто свидѣтельскими показаніями, установившими тотъ фактъ, что, кромѣ ранъ на рукахъ, у покойнаго султана была еще другая

рана надъ лѣвымъ сосцомъ и многіе знаки насилія по всему тѣлу.

Полная картина убійства Абдуль-Азиза можетъ быть возстановлена лишь изъ показаній лицъ, замѣшанныхъ въ процессѣ государственныхъ преступниковъ 1881 года, когда нынѣ царствующій султанъ Абдуль-Хамидъ, въ противность всѣмъ преданіямъ династіи Османа, рѣшилъ предать гласному суду всѣхъ виновныхъ въ смерти Абдуль-Азиза.

22-го мая, Махмудъ Джелаль-Эддинъ-паша и Нури-паша, доводившіеся родственниками султану, какъ женатые сами на султаншахъ, призвали къ себѣ троихъ мелкихъ придворныхъ служителей, пехлевановъ (*пехлеванъ*—борецъ по профессіи, атлетъ) Мустафу, Мустафу-Джезаирли и Хаджи-Ахмеда-агу, и, взявъ съ нихъ клятву молчать обо всемъ, что̀ они имъ довѣрятъ, предложили имъ убить бывшаго султана, за что̀ имъ было обѣщано единовременно по 30 турецкихъ лиръ каждому (турецкая лира составляетъ по курсу около 8 рублей) и пожизненная пенсія по сту лиръ въ мѣсяцъ. Безъ всякаго колебанія они согласились на предложеніе и тогда же получили отъ пашей ножъ съ бѣлой ручкой, которымъ должны были убить Абдуль-Азиза. Въ тотъ же вечеръ камергеръ низложеннаго султана, Фахри-бей, былъ вызванъ на Ортакейскую гауптвахту, помѣщающуюся рядомъ съ дворцомъ Феріэ, гдѣ начальники дворцовой стражи, Неджибъ-бей и Али-бей, объявили ему, что на основаніи султанскаго *ираде* (повелѣнія) трое человѣкъ должны быть впущены завтра въ помѣщеніе Абдуль-Азиза, чтобы тамъ прибрать кое-какія вещи. По словамъ самого Фахри-бея, онъ сначала будто бы воспротивился, предугадывая злодѣйское покушеніе, но вынужденъ былъ уступить. Эту ночь Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли и Хаджи-Ахмедъ-ага провели на гауптвахтѣ.

Въ день своей смерти Абдуль-Азизъ съ утра казался болѣе спокойнымъ; мрачныя предчувствія какъ бы отлетѣли отъ него, а быть можетъ и наоборотъ, какъ убѣжденный фаталистъ, онъ обрѣлъ въ себѣ силу съ твердостью перенести все, что̀ Аллаху угодно будетъ ему послать. Сдѣлавъ обычныя омовенія, онъ прочелъ нѣсколько главъ изъ корана и въ домашнемъ костюмѣ — рубашкѣ, исподнемъ платьѣ и въ ватной стеганой кацавейкѣ — занялъ мѣсто на диванѣ въ своей любимой комнатѣ, откуда, хотя какъ плѣнникъ, онъ могъ постоянно имѣть предъ глазами чудную голубую ленту Босфора, а вдали и самый царственный городъ, надъ которымъ властвовалъ онъ столько лѣтъ, не помышляя, что

страшная катастрофа въ одинъ мигъ лишитъ его всего, чтȣ только было ему дорого.

Горькія размышленія его были прерваны появленіемъ убійцъ, впущенныхъ офицерами Неджибъ-беемъ и Али-беемъ, которые сами остались сторожить у дверей. Убійцы ринулись на Абдуль-Азиза, но не могли сразу съ нимъ справиться, такъ какъ бывшій султанъ былъ одаренъ геркулесовскою силою. Тогда-то началась борьба, во время которой султанъ искалъ спасенія у оконъ. Фахри-бей, въ котораго Абдуль-Азизъ такъ вѣрилъ, оказался главнымъ распорядителемъ всего: быть можетъ, еще долго продолжалась бы изступленная борьба между жертвою и ея палачами, если бы одному изъ евнуховъ не удалось напасть сзади и повалить султана на полъ; тутъ на него тотчасъ же насѣли всѣ убійцы и стали его душить; Фахри-бей держалъ Абдуль-Азиза за плечи, Мустафа-Джезаирли и Хаджи-Ахмедъ-ага—каждый за одну ногу бившейся на полу жертвы; Мустафа-пехлеванъ сначала нанесъ смертельный ударъ въ грудь, а затѣмъ, уже по перенесеніи тѣла на диванъ, разрѣзалъ, согласно даннымъ ему инструкціямъ, вены на обоихъ предплечіяхъ, дабы была возможность объяснить потомъ смерть султана самоубійствомъ.

V.

Мы упомянули о политическомъ процессѣ 1881 года, а потому необходимо теперь перенестись отъ всѣхъ этихъ описанныхъ нами трагическихъ событій на пять лѣтъ впередъ и сказать нѣсколько словъ объ этомъ дѣлѣ, въ теченіе многихъ недѣль волновавшемъ Константинополь и бывшемъ тогда предметомъ главныхъ заботъ султана Абдуль-Хамида.

Возникло оно по слѣдующему поводу, какъ то установлено самимъ обвинительнымъ актомъ. По повелѣнію Абдуль-Хамида было рѣшено привести въ ясность дворцовыя издержки и для того, между прочимъ, разсмотрѣть основанія, по которымъ получали жалованье всѣ служащіе при дворѣ. При этомъ замѣтили, что трое придворныхъ служителей—Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли и Хаджи-Ахмедъ-ага — хотя и занимали самыя мел-кі[illegible] должности, тѣмъ не менѣе получали крупную сумму, по сто л[illegible]ь въ мѣсяцъ. Изъ наведенныхъ справокъ оказалось, что это б[illegible]а пенсія, назначенная имъ въ награду за убійство султана А[illegible]уль-Азиза. На допросѣ эти личности сознались въ преступле-н[illegible] объявивъ, что къ тому ихъ подговорили Махмудъ-Джелаль-

Эддинъ-паша и Нури-паша. Данныя, собранныя слѣдствіемъ, указывали, что убійство султана было исполнено по приказанію особой коммиссіи министровъ, состоявшей изъ Мехмеда-Рушди-паши, Мидхата-паши, Хусейна-Авни-паши, Махмудъ-Джелаль-Эддина-паши, Нури-паши и шейхъ-уль-ислама Хайрулла-эфенди. Безъ согласія этой коммиссіи не могло быть принимаемо, по повелѣнію султана Мурада, никакого правительственнаго мѣропріятія. Слѣдствіе установило также, что одновременно съ убійствомъ Абдуль-Азиза предполагалось истребить всѣхъ принцевъ Османова рода, для осуществленія чего Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша приглашалъ ихъ на банкетъ въ кіоскъ Несбетіэ, расположенный на высотахъ Бебека. Но Абдуль-Хамидъ-эфенди, одинъ изъ всѣхъ турецкихъ принцевъ, возъимѣлъ тогда подозрѣніе: догадался ли онъ, или былъ кѣмъ-либо предувѣдомленъ о готовившемся покушеніи, но, какъ бы то ни было, умыселъ не пришлось привести въ исполненіе, такъ какъ принцы, по настоянію Абдуль-Хамида, отказались отъ приглашенія.

Обнаруженныя данныя привели султана Абдуль-Хамида къ убѣжденію, что память умерщвленнаго его дяди нуждается въ отмщеніи. Нѣкоторые недоброжелатели султана, впрочемъ, прибавляли, что главною цѣлью, съ которою было возбуждено все это дѣло, было желаніе скомпрометтировать однимъ ударомъ какъ непосредственнаго его предшественника—Мурада, такъ и въ особенности ненавистнаго нынѣшнему султану Мидхата-пашу.

По всей вѣроятности предположеніе это не совсѣмъ справедливо, такъ какъ нынѣ уже извѣстно, что Абдуль-Хамидъ всегда сохранялъ особенную привязанность къ своему дядѣ, и тогда еще, когда по городу распространилась первая вѣсть о мнимомъ самоубійствѣ Абдуль-Азиза, онъ болѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобы немедленно было начато строжайшее слѣдствіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эту таинственную смерть.

Какъ бы то ни было, въ настоящемъ случаѣ султанъ принялся горячо за дѣло: рѣшивъ придать ему самую широкую гласность, онъ повелѣлъ даже отступить отъ обычнаго порядка судебнаго производства, указавъ, что процессъ долженъ разбираться, такъ сказать, у него на глазахъ, у самыхъ дверей его дворца. И вотъ, въ половинѣ іюня мѣсяца, адъютантъ султана и одинъ изъ султанскихъ секретарей явились къ нашему повѣренному въ дѣлахъ, М. К. Ону, замѣнявшему отсутствовавшаго тогда посла, Е. П. Новикова, съ приглашеніемъ присутствовать на засѣданіяхъ суда, созваннаго для постановленія приговора надъ убійцами Абдуль-

Азиза. Всѣ остальные иностранные представители получили приглашенія такимъ же порядкомъ.

Представители державъ рѣшили, съ общаго согласія, не присутствовать на судѣ лично; имъ было слишкомъ тяжело видѣть на скамьѣ подсудимыхъ убійцъ того самаго Мидхата, творца конституціи, на котораго въ теченіе долгаго времени они смотрѣли какъ на человѣка, предназначеннаго самою судьбою спасти и возродить Турцію. У нашего повѣреннаго въ дѣлахъ не было, конечно, такихъ причинъ, чтобы не присутствовать на процессѣ, —тѣмъ не менѣе, не желая отставать отъ прочихъ, онъ присоединился къ предложенію послать въ судъ однихъ драгомановъ посольства.

Обстановка суда была столь же необычна, какъ живописна. Огромная, изящная палатка была разбита близь гауптвахты Мальта, прилегающей къ дворцовой оградѣ Ильдызъ-кіоска—резиденціи султана Абдуль-Хамида. Въ глубинѣ палатки на возвышеніи стоялъ столъ, расположенный подковою и покрытый зеленымъ сукномъ. Близь него, на маленькомъ столикѣ положены были Евангеліе, Коранъ и Талмудъ, на которыхъ затѣмъ присягали свидѣтели. Судьи сидѣли на золоченыхъ стульяхъ. Въ судѣ предсѣдательствовалъ Сурури-эфенди, первоприсутствующій апелляціоннаго суда; судьями были Христофоридесъ-эфенди, предсѣдатель уголовной палаты, Хусейнъ-бей, Эминъ-бей, Такворъ-эфенди и Хаджи-Эминъ-эфенди. Прокурорскія обязанности исполнялъ Латифъ-бей. Одиннадцать обвиняемыхъ: Мидхатъ-паша, Нури-паша, Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша, Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли, Хаджи-Ахмедъ-ага, Фахри-бей, Неджибъ-бей, Али-бей, Сеидъ-бей и Иззетъ-бей — сидѣли на простыхъ соломенныхъ стульяхъ противъ суда; отъ публики ихъ отдѣляли низкія перила и рядъ жандармовъ. Кромѣ драгомановъ, въ залѣ въ числѣ публики было много представителей прессы, какъ мѣстной, такъ и иностранной.

Первое засѣданіе суда было 15-го (27) іюля и продолжалось съ 11 часовъ утра до 7 часовъ вечера. Много времени заняло чтеніе обвинительнаго акта и допросъ главныхъ подсудимыхъ. Относительно бывшаго султана Мурада было заявлено, что онъ не привлекается къ отвѣтственности лишь потому, что онъ сумасшедшій. Фахри-бей хотя и отвергалъ уличающія его показанія и продолжалъ увѣрять, что при входѣ въ комнату онъ нашелъ Абдуль-Азиса на диванѣ уже зарѣзавшимся ножницами, тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ сознаться, что именно онъ обезоружилъ

бывшаго султана, отобравъ отъ него саблю, принадлежавшую еще султану Селиму.

Второе засѣданіе, происходившее на другой день и затянувшееся до 8 часовъ вечера, было ознаменовано эпизодомъ, произведшимъ на всѣхъ присутствующихъ тяжелое впечатлѣніе, а именно, публикѣ были показаны вещественныя доказательства: изъ большого узла, завязаннаго въ богатую шолковую матерію, вынули одежду, въ которой былъ несчастный Абдуль-Азизъ въ моментъ его убійства, а также четыре простыхъ коленкоровыхъ шторы, въ которыя былъ обернутъ затѣмъ его трупъ: всѣ эти предметы были пропитаны кровью, выступавшею большими пятнами почти уже чернаго цвѣта.

Во время судебныхъ преній, защитникъ обоихъ сознавшихся пехлевановъ—Мустафы и Хаджи-Ахмеда-аги—старался доказать, что они дѣйствовали, подчиняясь принципу *амири-муджбиръ* — арабское выраженіе, означающее всякаго начальника, который располагаетъ средствами предать смерти всякаго, кто слѣпо не исполнитъ его приказанія. Адвокатъ доказывалъ, что если судъ признаетъ, что въ данномъ случаѣ такими „амири-муджбиръ" были Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша и Нури-паша, то защищаемые имъ подсудимые должны быть освобождены отъ наказанія, такъ какъ мусульманскій законъ прямо говоритъ, что если убійство совершено по приказанію начальника, располагающаго средствами заставить исполнить свое приказаніе, то тогда наказывается, какъ убійца, лишь самъ начальникъ.

Защитники другихъ подсудимыхъ настаивали преимущественно на неполнотѣ предварительнаго слѣдствія и на многочисленныхъ, встрѣчающихся въ этомъ дѣлѣ, противорѣчіяхъ.

Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша отказался отъ услугъ защитника и самъ очень энергично старался выяснить свою невиновность. Также точно самъ защищался и Мидхатъ-паша, доказывая всю ничтожность собранныхъ слѣдствіемъ противъ него уликъ и жалуясь на непривлеченіе къ суду многихъ замѣшанныхъ въ дѣло лицъ, которыхъ ему запрещено было вызвать даже въ качествѣ свидѣтелей, дабы онъ, Мидхатъ, могъ лично сдѣлать имъ, чрезъ посредство предсѣдателя, нѣкоторые вопросы и оправдаться отъ взводимыхъ на него возмутительныхъ обвиненій.

Послѣ часоовго совѣщанія, судъ вынесъ всѣмъ подсудимым обвинительный приговоръ, раздѣливъ осужденныхъ на три кат горіи: 1) Мустафа-пехлеванъ, Мустафа-Джезаирли, Хаджи-Ахмед ага и Фахри-бей — виновны въ убійствѣ съ предумышленіем 2) Мидхатъ-паша, Махмудъ-Джелаль-Эддинъ-паша, Нури-паш

Али-бей и Неджибъ-бей—виновны какъ соучастники убійства; и 3) Сеидъ-бей и Иззетъ-бей—какъ пособники убійства.

Третье и послѣднее засѣданіе суда происходило 17-го іюня: въ немъ обсуждалось лишь опредѣленіе степени наказанія. Въ ожиданіи приговора, осужденные держали себя далеко не одинаково. Махмудъ-Джелаль-Эддинъ паша и Нури-паша были крайне убиты: выраженіе сильныхъ страданій было написано на ихъ лицахъ. Фахри-бей былъ полонъ спокойствія и твердости. Особенно волновались Иззетъ-бей и Али-бей, что составляло совершенную противоположность съ способомъ держать себя обоихъ сознавшихся въ преступленіи пехлевановъ, которые сохраняли поразительное равнодушіе; казалось, какъ будто все происходящее вокругъ нихъ нисколько до нихъ не касается. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что самая внѣшность ихъ не соотвѣтствовала ихъ профессіи, съ которою принято соединять понятіе о человѣкѣ росломъ, атлетическаго тѣлосложенія. Мустафа-пехлеванъ, небольшого роста, очень тучный, представлялъ изъ себя не типъ богатыря-борца, а скорѣе толстяка, любящаго прежде всего хорошо покушать. Другой пехлеванъ—Хаджи-Ахметъ-ага—былъ собою тоже невеликъ, худощавъ и совсѣмъ слабаго тѣлосложенія.

Сначала судъ произнесъ приговоръ относительно всѣхъ обвиненныхъ, кромѣ Мидхата-паши. За исключеніемъ Сеидъ-бея и Иззетъ-бея, приговоренныхъ къ десятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, всѣ остальные приговорены были къ смертной казни. Обвиненные выслушали свой приговоръ съ достоинствомъ, какъ бы покоряясь постигшей ихъ судьбѣ. Тѣмъ неприличнѣе выдѣлялось обращеніе предсѣдателя суда, Сурури-эффенди: одѣтый въ костюмъ улема, онъ произносилъ приговоръ самымъ развязнымъ тономъ, помахивая своимъ pince-nez и показывая пальцемъ поочередно на каждаго обвиненнаго, по мѣрѣ того, какъ произносилъ въ приговорѣ его имя. Эта турецкая безцеремонность и отсутствіе чувства собственнаго достоинства въ такую безспорно-торжественную минуту, какъ произнесеніе смертнаго приговора, произвели тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи иностранцевъ.

Насталъ чередъ Мидхата-паши. Все время онъ держался стоя, надменно вперивъ взоръ въ своихъ судей. Отъ времени до [illegible]ени онъ взглядывалъ на публику, и на устахъ его бродила [illegible]кая и саркастическая усмѣшка. Послѣ новыхъ пререканій [illegible]ду Мидхатомъ и судомъ судьи удалились и, послѣ короткаго [illegible]щанія, вынесли смертный приговоръ.

[illegible]ыслушавъ свой приговоръ, Мидхатъ-паша произнесъ съ от-

тѣнкомъ ироніи: „Хорошо, очень хорошо! они не желаютъ дѣлать никакого различія между мною, пехлеванами и евнухами!" Когда онъ сѣлъ и къ нему подошелъ его защитникъ, проговоривъ въ утѣшеніе: „Что дѣлать, паша хазретлери, мы должны повиноваться закону!"—„Да увѣрены ли вы вполнѣ,—быстро возразилъ ему бывшій великій визирь,—что именно законъ приговариваетъ меня къ смертной казни?" Затѣмъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: „Я доволенъ, я даже очень доволенъ, потому что, право, лучше не жить, чѣмъ жить въ подобномъ мірѣ".

Замѣчательная поспѣшность, съ которою судъ велъ свои пренія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ настоящій процессъ, не даетъ никакой возможности безошибочно опредѣлить степень дѣйствительной преступности нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Фахри-бея, видимо принимавшаго прямое участіе въ убійствѣ. По отношенію къ Мидхату-пашѣ судъ поступилъ совсѣмъ несправедливо, отказавъ ему въ совершенно законномъ требованіи вызвать въ судъ свидѣтелей, которые могли бы доказать его невинность.

Вообще, благодаря слабости, неумѣлости слѣдствія, а также неспособности судей, Мидхату-пашѣ, составлявшему центръ, около котораго сосредоточивался весь интересъ процесса, — удалось переставить роли, выступить обвинителемъ своихъ собственныхъ судей и тѣмъ привлечь къ себѣ сочувствіе какъ дипломатическаго корпуса въ Константинополѣ, такъ и публики—мѣстной и иностранной.

Какъ бы то ни было и не взирая на тайну, окружающую смерть Абдуль-Азиза, можно считать вполнѣ установленнымъ, что низвергнутый султанъ былъ убитъ, но на судѣ не было окончательно доказано, что совершено было убійство по приказанію коммиссіи изъ пяти министровъ, въ числѣ коихъ былъ и Мидхатъ. Послѣ суда, какъ и до него, оставалось лишь догадываться, на основаніи всей совокупности тогдашнихъ обстоятельствъ, кто былъ истинный убійца Абдуль-Азиза, и кому смерть этого послѣдняго была особенно нужна.

Ильдызскій процессъ произвелъ въ свое время большое впечатлѣніе; вновь назначенный великобританскій посолъ, лордъ Дёфферинъ, получилъ тогда отъ своего правительства приказаніе постараться добиться смягченія наказанія нѣкоторымъ осужденнымъ и въ особ[illegible]ности Мидхату-пашѣ. Въ то же время, по просьбѣ лорда Гренви[illegible], тогдашній турецкій посолъ въ Лондонѣ, Муссурусъ-паша, п[illegible]слалъ телеграмму первому секретарю султана, обращаясь къ чу[illegible]-

ствамъ милосердія падишаха и умоляя его быть милостивымъ къ преступникамъ.

Крайне смущенный тѣмъ, что первыя же сношенія съ султаномъ должны были касаться предмета завѣдомо непріятнаго Абдуль-Хамиду, англійскій посолъ намѣревался-было повліять на прочихъ представителей европейскихъ державъ въ Константинополѣ, дабы и они присоединились къ нему, сдѣлавъ сообща дружескія представленія султану. Однако намеки лорда Дёфферина были дипломатами приняты очень холодно. Никто не счелъ возможнымъ вмѣшаться во внутреннее дѣло Турціи; въ особенности сдержанно отнесся къ тому австрійскій посолъ, баронъ Каличе, который въ то время употреблялъ всѣ усилія, чтобы достигнуть соглашенія съ Портою по вопросу о соединеніи австро-турецкихъ желѣзныхъ дорогъ.

Тѣмъ временемъ кассаціонный судъ въ Ильдызѣ разсматривалъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ султана кассаціонную жалобу осужденныхъ. Процессъ этотъ такъ поглощалъ вниманіе султана, что всѣ остальныя дѣла государственнаго управленія остановились. Въ продолженіе почти мѣсяца Абдуль-Хамидъ проводилъ время исключительно съ турецкими законниками. Въ половинѣ іюля, въ теченіе цѣлой недѣли ежедневно собирался во дворцѣ совѣтъ улемовъ, отъ которыхъ султанъ требовалъ заключенія о правильности произнесеннаго приговора съ точки зрѣнія мусульманскаго закона. Улемы затруднились или не захотѣли дать отвѣта относительно сущности самого процесса, т.-е. вопроса объ убійствѣ, а высказались лишь по вопросу о наказаніи виновныхъ, выразивъ мнѣніе, что̀ къ данному случаю должна быть примѣнена мусульманская формула „*таазиръ*“, которая предоставляетъ султану самый широкій просторъ въ назначеніи степени наказанія, начиная отъ простого заключенія въ тюрьмѣ до побіенія камнями.

Недовольный уклончивымъ отзывомъ улемовъ, не дававшимъ категорическаго отвѣта на вопросъ, болѣе всего его интересовавшій, Абдуль-Хамидъ созвалъ въ Ильдызѣ большой совѣтъ (диванъ) изъ двадцати-четырехъ тогдашнихъ и прежнихъ министровъ. Голоса въ совѣтѣ раздѣлились: десять, принадлежавшихъ главнѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ сановникамъ, не входя въ сущность вопроса, в[ысказ]ались за примѣненіе милосердія; четырнадцать было подано з[а с]мертную казнь, но нѣкоторые изъ подавшихъ такой голосъ, т[отч]асъ же послѣ подачи, заявили, что они перемѣнили мнѣніе и [пр]исоединяются къ меньшинству. Такимъ образомъ въ совѣтѣ о[браз]овалось большинство въ пользу смягченія приговора. Въ

свою очередь и улемы въ послѣднюю минуту признали отвѣтственнымъ за убійство Абдуль-Азиза бывшаго султана Мурада, дѣйствовавшаго по уговору съ султаншей-валиде.

Одно новое обстоятельство прекратило всѣ колебанія чрезвычайнаго совѣта министровъ—совѣту было сообщено письмо на имя султана, подписанное Махмудъ-Джелаль-Эддиномъ пашей и Нури-пашей, въ которомъ они заявляли, что приказъ убить Абдуль-Азиза былъ данъ бывшимъ султаномъ Мурадомъ. Тогда чрезвычайный совѣтъ немедленно и единогласно высказался противъ примѣненія къ осужденнымъ смертной казни, и султанъ смягчилъ судебный приговоръ, замѣнивъ смертную казнь ссылкою преступниковъ навсегда въ Аравію, а именно въ Таифъ—мѣстность, лежащую къ сѣверу отъ Мекки.

18-го іюля 1881 года осужденные государственные преступники были отправлены на султанской яхтѣ „Изедуинъ" въ Джедду, гдѣ они и были переданы подъ надзоръ меккскаго шерифа.

Повидимому, правительство имѣло основаніе опасаться попытки насильственнаго освобожденія преступниковъ или, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь народной манифестаціи въ ихъ пользу, такъ какъ въ день отъѣзда изгнанниковъ изъ Константинополя, въ видахъ предосторожности, войска были выстроены на всемъ протяженіи отъ Йльдыза до Босфора и ссыльные были проведены на пароходъ между двумя шпалерами солдатъ.

Въ 1883 году сосланные въ Таифъ государственные преступники умерли, — по странной случайности, всѣ въ одинъ день; всѣ говорили громко, что они были отравлены.

Такова была развязка мрачной дворцовой драмы, связанной съ послѣдними днями жизни Абдуль-Азиза.

В. Тепловъ.

ПОДЪ „ИВАНА-ПОСТНАГО“

РАЗСКАЗЪ.

Въ средней полосѣ Россіи къ концу августа бо̀льшая часть полевыхъ работъ бываетъ окончена.

Рожь и яровыя свезены съ поля, и частью даже—для первой надобности—обмолочены. Въ землѣ остаются овощи да картофель; но это уже сравнительно дѣло не трудное.

Конецъ лѣта, начало осени — въ теченіе всего года самое свободное время для женской половины деревенскаго населенія. Не даромъ оно называется „бабьимъ лѣтомъ“. Зимой, когда отдыхають мужики, у бабъ идетъ усиленная работа—пряжа шерсти и льна. Весною снуютъ красна̀. Бабьимъ лѣтомъ постлавши выбранный ленъ и остригши осеннюю шерсть, деревенскія работницы переживаютъ короткій промежутокъ сравнительнаго отдыха, проводя его по своему усмотрѣнію.

Это время далекихъ лѣсныхъ прогулокъ, собиранья запасовъ на зиму: ягодъ, орѣховъ, грибовъ. Въ эту же пору совершаются нерѣдко бабьи путешествія „по обѣщанію“ на поклоненіе угодникамъ и безъ обѣщанія.

Только-что пережита лѣтняя страда; впереди—зима съ холодами и мятелями, съ темнотой и тѣснотой убогаго жилья: дѣти, телята, а въ полъ-избы станутъ чудовищныя красна. Лампа, замѣнившая лучину, плохо слажена, съ плохимъ керосиномъ, коптитъ и свѣтитъ скупо. Тѣсно, смрадно, темно... А кругомъ—хорошъ вольный міръ Божій. На просторѣ есть гдѣ разойтись и вздохнуть полной грудью. И не бываетъ онъ, можетъ быть, краше, какъ въ эту пору, въ расцвѣтѣ осеннихъ цвѣтовъ и красокъ наканунѣ ихъ увяданія.

Кому не знакомы вереницы бабьихъ фигуръ по колѣно подобранныя, обутыя и разутыя, съ палками и котомками за плечами, ровнымъ шагомъ пробирающіяся по всѣмъ направленіямъ, гдѣ найдутся какіе-нибудь пути сообщенія. Идутъ онѣ по Россіи проѣзжими дорогами, вдоль шоссе протоптанными тропинками, вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ. Случается на ходу летящаго поѣзда поднимется окошко вагона, протянется шаловливая ребячья ручонка и броситъ богомолкамъ въ бумагѣ остатки зачерствѣвшихъ дорожныхъ припасовъ. Какъ птицы налетаютъ онѣ на добычу. Въ котомкѣ у нихъ—кромѣ запасной рубахи да снятыхъ изъ предосторожности башмаковъ—остатки искрошившагося хлѣба и лепешки, взятой на дорогу. Въ сумочкѣ у креста полтинникъ, много—гривенъ шесть, и въ видѣ исключенія рублевая бумажка. Идутъ онѣ бодро и весело, пересмѣиваясь, а случается и перебраниваясь на ходу. До серьезнаго дѣло, впрочемъ, не доходитъ. У всѣхъ въ виду конечная цѣль—угодникъ, обитель святая, молитва. У большей части радостное и тихое настроеніе. На привалахъ и ночлегахъ завязываются общіе разговоры, разсказы безъ конца. Ночуютъ въ повалку, подъ кровомъ, на соломѣ, коли пустятъ, и на волѣ подъ открытымъ небомъ, если не пускаютъ или вѡ-время не добредутъ до ночлега.

Въ каждой мѣстности и навѣрное въ каждой губерніи есть своя святыня, угодникъ, монастырь, куда по обычаю стекаются богомольцы. Подъ стѣнами монастыря, также по исконному обычаю, устроивается—если есть она—и мѣстная ярмарка.

Въ Рязани годовая ярмарка 29-го августа.

Тихій городъ, въ лѣтнее время пустынный и пыльный, на недѣлю замѣтно оживляется. За всенощной, наканунѣ праздника подъ „Ивана Постнаго", городской соборъ переполненъ молящимися. Огромный и старинный соборъ; онъ построенъ въ княженіе Олега Рязанскаго и поражаетъ размѣрами, но все-таки мѣста не хватило и для половины желающихъ. Шляпокъ, мужскихъ, непокрытыхъ и стриженыхъ головъ—почти не видно. Все платки, платки, бѣлые, красные, пестрые платки. Все въ рамкахъ темныхъ и свѣтлыхъ платковъ, безусыя, молодыя и старыя, красивыя и дурныя бабьи лица. Глаза изъ-подъ платковъ устремленные вверхъ, или низко къ землѣ припадающія женскія головы, сотни свѣчей у иконъ, къ которымъ все еще тянутся бабьи руки, и шопотъ, раздающійся въ разныхъ мѣстахъ церкви, съ придыханіями, съ вбираніемъ воздуха и произнесеніемъ словъ какъ бы внутри себя, особый шопотъ бабій, которымъ шепчутъ русскія бабы—и никто больше.

Августовскій день замѣтно уменьшился. Къ концу всенощной уже темно.

Народъ медленной волной выливаетъ изъ церкви. Лѣстница необыкновенной вышины, ступеней во сто, слабо освѣщена снизу фонаремъ у начала ея, и слабѣющимъ съ каждой минутой свѣтомъ храма вверху. Въ мерцающемъ, фантастическомъ освѣщеніи выступаетъ бѣлая колонка на лѣстницѣ, бѣлое въ шушпанѣ плечо осторожно спускающейся женщины. Народъ толпится на ступеняхъ—какъ бы въ ожиданіи и нерѣшительности. Посреди сливающагося гула человѣческихъ голосовъ раздаются отдѣльныя восклицанія.

— Авдотья! А, Авдотья? Ты гдѣ? Не видать. Ишь, поди, притча-то какая! Отбилась знать!—слышенъ женскій, озабоченный голосъ.

— Бабочку мы тутъ свою потеряли.

— Не серебро, найдется. Въ соборѣ, знать, осталась. А ты сядь да посиди. Можетъ—и подойдетъ. Ишь народу-то сила какая. Все валитъ, все валитъ.

Двѣ бабы—старая въ понявѣ и шушпанѣ, и молодая въ темной модной „корсеткѣ" [1]), садятся съ краю послѣдней ступеньки лѣстницы подъ самымъ фонаремъ, оглядывая проходящихъ.

Я въ первый разъ въ Рязани, попала случайно,—и все тутъ для меня неожиданно. Вдвоемъ съ сестрой, мы присаживаемся къ бабамъ тутъ же на ступеньку и заводимъ разговоръ, сожалѣя о томъ, что надѣли шляпки и не вздумали для удобства повязаться платкомъ. Но пришлось убѣдиться, что шляпки не причемъ, и въ сущности не мѣшаютъ ничему.

Я часто думала о томъ, чѣмъ объяснить дѣтскую откровенность, съ которою отвѣчаютъ на всевозможные разспросы простые люди—наши бабы и мужики, добродушно вводя постороннее лицо въ кругъ своихъ интересовъ, открывая иногда задушевныя и интимныя стороны своей жизни?

Что это? Простодушіе или потребность въ изліяніи, въ откровенности, хотя бы и съ чужимъ человѣкомъ, которому довѣрчиво открываешь душу хотя бы только за живой интересъ, который чуешь въ немъ, и котораго, можетъ быть, недостаетъ тамъ у себя, въ своемъ деревенскомъ углу?

Черезъ нѣсколько минутъ мы оживленно бесѣдуемъ съ окружими женщинами. Говорятъ больше онѣ. Мы спрашиваемъ.

— Что же, здѣсь развѣ ночевать будете?

---

[1]) Родъ поддёвки.

— А то гдѣ же? Знамо, здѣсь. Квартиръ-то про насъ не припасено. Ишь бабы-то, бабы! Полегли, что твои овцы бѣлыя. Гляди, тысячи двѣ будетъ.

Сказать съ точностью, разумѣется, трудно, но что-то много головъ, рукъ и ногъ шевелится тамъ внизу въ темнотѣ, въ сплошной массѣ человѣческихъ тѣлъ, сплошнымъ слоемъ покрывшихъ собою землю по обѣ стороны лѣстницы на площади, подъ стѣнами собора.

Народъ все подходитъ.

Прежде чѣмъ улечься, каждая становится на колѣни. Въ темнотѣ на разстояніи чуть видны припадающія къ землѣ бѣлыя фигуры, слышны вздохи и опять тотъ же шопотъ.

— Коли постлать, укрыться нечѣмъ, а укроешься—постлать нечего,—объясняетъ въ отвѣтъ на вопросы пожилая, въ понявѣ и лаптяхъ, крестьянская женщина.—А въ головы, обыкновенное дѣло, кулакъ. Съ устатку заснешь и не охнешь. Эки ночи, ночи-то темныя!

Въ самомъ дѣлѣ темно.

Кругомъ то-и-дѣло раздаются вопросы, оклики. Въ тѣснотѣ въ соборѣ разбились и растеряли своихъ.

Въ небѣ какой-то хаосъ. Облака быстро бѣгутъ. Звѣзды то показываются, то исчезаютъ за ними. На горизонтѣ вспыхиваютъ далекія, рѣдкія молніи.

— Авдоть! Ты что-ль? Обознадась, гляди!

— Работа теперь какая! Съ работой управились. Да мнѣ что! У меня свекры! Пустили!—оживленно и радостно говоритъ молодая женщина, поворачивая миловидное, по-рязанскому повязанное высоко „съ рожками", какъ въ рамкѣ, въ красномъ платкѣ, улыбающееся лицо.

— А хозяинъ есть?

— Есть.

— Давно за мужемъ?

— Седьмой годъ.

— И дѣти есть?

— Нѣту. Дѣтокъ нѣту.

— Что же, пожалуй ужъ и не будутъ?—необдуманно говорю я.

— Н... нѣ, будутъ... Богъ дастъ, будутъ!—съ убѣжденіемъ повторяетъ она и продолжаетъ еще оживленнѣе:

— Я вѣдь и допрежь рожала, да не жили у меня дѣти-то. Мальчикъ первенькій все хворалъ, съ тѣмъ и померъ; а дѣвочку-то я въ себѣ попортила.

— Какъ попортила?

— Да такъ. Ватолъ [1]) ткала. Сама знаешь, какое тканье. А хотѣлось мнѣ такъ, чтобы кончить. Красна-то тяжелыя. Ну, знать, и замяла. Такъ за краснами и родила.

— Богъ съ тобой! Какъ же ты такъ! Надо быть осторожнѣе въ другой разъ.

— Теперь-то я обѣщалась! Мужъ, пожалуй, не пускалъ. Говоритъ: „не дойдешь! какъ бы опять не случилось чего“. А я говорю: коли обѣщалась, такъ пойду. Завтра обѣдню отстоимъ... Авдотьи-то не видать!—неожиданно спохватившись, словно вспомнивъ что̀, прибавила она.—Тетка Матрена, а, тетка Матрена! Пойдемъ коли... Она найдетъ. У насъ фатера у дворника.

Обѣ поднялись, поправили котомки и, кивнувъ головой, ушли въ темноту.

На ступенькѣ произошло движеніе.

— Что же, и ты пойдешь на квартиру?—спрашиваю я высокую, худую женщину въ темномъ. Она поднялась-было вслѣдъ за уходившими и остановилась въ раздумьѣ.

— Оно пойти бы ничего. Надо бы пойти. Достатковъ не хватаетъ. Мнѣ на волѣ-то негоже ночевать, — прибавляетъ она послѣ минутнаго молчанія. — Порченая я.

— Какъ порченая?

— Да какъ порченыя бываютъ. Слыхали, которыя въ церкви кричатъ? Испортили меня.

Кликуша! Боязливое чувство, страхъ припадка, судорогъ, падучей, можетъ быть, на минуту останавливаетъ меня. Я пересиливаю себя и уговариваю ее остаться. Мы вдвоемъ. Народу много—опасности не можетъ быть.

Нѣсколько шушпановъ, привлеченныя, вѣроятно, интереснымъ сюжетомъ, придвигаются ближе къ намъ.

— Испортили меня, — повторяетъ на мой повторенный вопросъ высокая женщина, тяжело длиннымъ и костлявымъ тѣломъ опускаясь на прежнее мѣсто на ступенькѣ.—Двадцать лѣтъ вотъ маюсь.

— Эко дѣло! Грѣхи! Долго ли до грѣха! — раздаются восклицанія.

— Да какъ же тебя испортили? Кто?

— Знамо, люди. Свой человѣкъ. На селѣ у насъ человѣкъ, М... той звать. Намъ онъ сродни доводится. Вотъ ей, золовкѣ

---

[1]) Необыкновенно грубая ткань изъ отбросовъ пряжи. Употребляется крестьянами для подстилокъ и одѣялъ.

моей (она указала на сидѣвшую рядомъ женщину), мужу моему двоюродный братъ.

Осторожно, боясь задѣть за больное мѣсто и желая во что бы то ни стало услышать объясненіе, мы наводимъ на него вопросами.

Больная подняла голову.

Она сидитъ какъ разъ подъ фонаремъ. Намъ хорошо видны мелкія, тонкія, когда-то навѣрное красивыя черты. Лицо и теперь еще пріятное и привлекательное. Разсказывая, она часто закрываетъ глаза. Это придаетъ лицу выраженіе чего-то таинственнаго и загадочнаго.

— Давно дѣло было,—говоритъ она.—Я по семнадцатому году замужъ шла. Послѣ свадьбы, значитъ, на третій ли, на четвертый ли день, иду это я холстъ мыть,—свадебный, значитъ. И прохожу мимо него, мимо Микиты. А онъ срубъ рубилъ; плотникъ онъ, и сейчасъ плотничаетъ. Иду мимо, а онъ мнѣ:— Ты куда?—На рѣчку, молъ.—Зачѣмъ?—Да какъ взглянулъ!.. Вижу я—негоже онъ на меня взглянулъ, нехорошо такъ. Пошла скорѣй. Гляжу—онъ за мной. Я бѣжать—онъ за мной. Господи, батюшка! Поджилки всѣ затряслись. Бѣгу — не знаю куда. Народу не видать, ухорониться негдѣ. Я къ рѣкѣ—онъ за мной. Я на мостъ — за мной. Какъ ухватитъ меня... Я съ моста, да въ рѣку... Тутъ ужъ ничего не помню. Прохожіе, баютъ, вытащили. А дѣло-то по осени было, ужъ заморозки. Какъ тащили, какъ домой вели – ничего не помню. Два мѣсяца головы не поднимала. Съ того времени и вступило.

— Да что же онъ, Никита-то,—можетъ быть, самъ любилъ прежде тебя? Самъ жениться хотѣлъ?—допрашиваю я, стараясь найти какую-нибудь нить, какое-нибудь романическое объясненіе возмутительнаго поступка.

Дѣйствительность оказывается, какъ всегда, жестокой и грубой, безжалостно разбивающей романическія фантазіи.

— Чего любилъ! Разожгло его въ ту пору на меня, а ему тутъ все одно, дѣвка ли, баба, ребенокъ малый,—ничего не разбираетъ. Онъ у насъ въ деревнѣ по этимъ дѣламъ...—Она махнула рукой. — Та̀къ вотъ съ того время двадцатый годъ все и мучаюсь, все маюсь.

— Что же ты чувствуешь?

— А чувствую — смерть моя, тоска. Душа съ тѣломъ разстается—тоска. Перво оно на̀-перво, бывало, его увижу—это самый, который испортилъ-то, Микита — затрясусь вся, кричать стану. А тамъ дальше-больше, дальше да больше, стала и все кричать. Людямъ праздникъ, а я кричу. Люди въ церковь, я

кричу. Подойду подъ страхъ [1]), да въ источный голосъ. А слеза-то слеза неустанно такъ и льетъ, сама-то вся какъ въ водѣ стою...

Мои литературныя соображенія отступаютъ на заднiй планъ. Не продолжая разспросовъ, мы стараемся объяснить причину болѣзни, какъ она представляется намъ самимъ, уговариваемъ ее лечиться, обратиться къ доктору, толкуемъ и даемъ адресъ знакомой женщины-врача.

Безполезно. Больная качаетъ головой и недовѣрчиво усмѣхается.

— Не вѣрите! Какъ же вы не вѣрите, когда ходила я къ Лизаветѣ Ивановнѣ!

— Кто это Лизавета Ивановна?

— А это дѣвка, пользуетъ—значитъ, лекарка, попова дочь. Такая ли дѣвушка, такая ли раскрасавица. А народу-то народу во дворѣ—не плоше что твоя ярмонка. Выйдетъ она это сейчасъ во дворъ, чайникъ съ водой у ей, уголь въ рукѣ. „Ты, говоритъ мнѣ, бабочка, какая въ тебѣ боль? У тебя, говоритъ, не болѣсть, а у тебя порчь“. Не вѣрите! Какъ же это она узнала-могла? Я напередъ ей не сказывала.

— Одобряютъ ее. Очень слышно, одобряютъ!—слышатся замѣчанія съ разныхъ сторонъ.

Вокругъ разсказчицы собралось цѣлое общество. Бабьи фигуры сидятъ согнувшись, охвативъ руками колѣна, или полу-лежатъ опершись на котомки на землѣ. Вечеръ свѣжій. Всѣ жмутся другъ къ другу. Женщина съ усталымъ лицомъ—золовка разсказчицы—оперлась обѣими руками на мои колѣни. Сестру чуть-было не оттѣснили отъ меня. Очевидно, шляпки не смущаютъ уже никого и никому не приходитъ въ голову вопросъ: зачѣмъ мы собственно здѣсь въ темный вечеръ однѣ, послѣ того какъ отошла всенощная и городскіе жители разошлись по домамъ.

Вначалѣ изъ предосторожности мы пробовали-было сочинить разсказъ, будто въ толпѣ потеряли своихъ и рѣшились посидѣть и подождать ихъ; но затѣмъ не поддерживали своей выдумки. Ясно было, что она ни для кого не нужна. Никому нѣтъ надобности ни въ какихъ объясненіяхъ. Всѣ мирятся съ фактомъ нашего присутствія. Остается пользоваться случаемъ, смотрѣть и слушать.

Больная продолжаетъ съ одушевленіемъ разсказъ о лекаркѣ, дѣвкѣ-красавицѣ, поповой дочери.

— И говоритъ это она мнѣ, Лизавета Ивановна: „Поди ты, го-

---

[1]) Во время выноса св. даровъ.

ворить, къ Василію Рязанскому и купи масла, и поди въ женскій монастырь, купи составу". Составъ такой пользительный, монашки пользуютъ,—поясняетъ она.—„И будешь масломъ тѣмъ мазаться и составъ тотъ пить двадцать-три зори. И подавай о здравіи просвиры девятичастныя"...

— Что-жъ, полегшало ли?—участливо, съ тревогой въ голосѣ спрашиваетъ кто-то изъ слушательницъ.

— Достатковъ не хватаетъ. Оно, можетъ быть, и полегшало бы, да, сама знаешь, просвиры-то—дороги онѣ. Опять же составъ...

— А ты бы въ старцу, къ Макарію бы сходила!—раздается соболѣзнующій голосъ съ другой стороны.

— Была, матушка. Пытала и къ Макарію,—отзывается больная. — Вступило это разъ въ меня, да таково тяжко, ровно бы останный конецъ пришелъ. Стала кричать не своимъ голосомъ. Дѣти это вокругъ меня: „матушка, что ты? матушка, что ты?"

— А ты и дѣтей рожала въ этой скорби, въ порчѣ-то?

— Рожала, родимая ты моя. Дѣти-то у меня хорошія.

— И ничего, не больныя они?—спрашиваю я.

— И-и что̀ ты! Здоровенькія. Чего имъ? Не въ нихъ всажено, въ часъ сказать, въ меня. И жалко-то имъ меня, и боятся. А я кричу! ой, боюсь, ой, боюсь! Вижу это сама—быки на меня идутъ, да рыжіе этакіе, рогатые, косматые. Рогами-то въ меня такъ и прутъ, все тѣло ровно макъ синій сдѣлали.

— Ну, а мужъ твой гдѣ? Живъ?—спрашиваю я, желая во всѣхъ подробностяхъ уяснить себѣ положеніе.

Женщина отворачивается быстро и молчитъ съ минуту.

— Живъ. Что ему дѣется. Съ рыжимъ съ Микиткой останное доброе прогуливаетъ, которое послѣ родителевъ осталося. Дѣтей по міру пустить хочетъ...

Наступаетъ молчаніе.

Всѣ, видимо, подавлены тяжелымъ впечатлѣніемъ. Разговоръ обрывается на нѣсколько минутъ. Не хочется спрашивать. Снизу доносится слитный гулъ тихихъ голосовъ.

— Грѣхи! Спаси, Владычица Царица Небесная!—раздается старушечій шопотъ, прерываемый зѣвотой, откуда-то изъ темноты.

— Ну, а старецъ то что же тебѣ, Макарій-то что же сказалъ? Отъ его, батюшки, слышно, много тоже помоги бываетъ — говоритъ одна изъ женщинъ.

— Ходила къ Макарію, сказывала ему все какъ есть, какъ на духу. „Ты, говоритъ мнѣ, женщина, который, значитъ, человѣкъ

тебя испортилъ, и пойди ты къ этому человѣку, и поклонись ему въ ноги“...

— Этакъ, этакъ!—радостно перебивая, довольная тѣмъ, что можетъ тоже вступить въ разговоръ, говоритъ съ шустрымъ лицомъ, быстроглазая, еще совсѣмъ молодая бабенка.—У насъ, милыя, этакъ же было, молодайку испортили. И испортила-то женщина, прямо сказать—колдунья. Ка̀къ билась тоже сердешная, и-и страсть! И пошла это она этакъ же къ Макарію, и говоритъ онъ ей: „поди, говоритъ, ты, раба, поклонись той женщинѣ“—это, значитъ, самой вѣдьмѣ-то—„и проси ее: прости ты меня, молъ, Христа ради, какая есть на мнѣ моя вина. И коли скажетъ она тебѣ „Богъ проститъ“, полегчаетъ тебѣ. А не скажетъ—ну, на̀ смерть, значитъ, тогда, съ тѣмъ и помирать будешь“. И что же бы вы думали: вѣдь сказала: „Богъ проститъ“, говоритъ ей. Какъ же, какъ же! Выздоровѣла молодуха. Съ той поры рукой сняло.

При послѣднихъ словахъ больная задрожала всѣмъ худымъ, длиннымъ тѣломъ. Глаза ея, все время полузакрытые, раскрылись широко, не отходя отъ лица молодайки. Странный звукъ—не то хрипъ, не то всхлипываніе—вылетѣлъ изъ губъ. Съ минуту она какъ будто не въ силахъ была говорить. Мы начинали опасаться припадка, но она вздохнула, опустила голову и, помолчавъ, продолжала по прежнему, не поднимая глазъ:

— Пытала этакъ-то и я, да не на то вышло. Не велѣлъ Господь. Три разъ ходила, въ ноги кланялась:—Батюшка, Микитушка, прости ты меня, какая моя есть передъ тобою вина! А онъ замѣсто: „Богъ проститъ“—зубы скалитъ: „Чего мнѣ тебя прощать. Я не попъ“. Только и всего. На̀ смерть, значитъ, теперь. На̀ смерть. Съ тѣмъ и въ землю пойду.

Она замолчала и еще ниже уронила голову, подавшись впередъ, опершись щекой на дорожную палку.

Нѣсколько минутъ никто не прерывалъ молчанія.

Тысячи мыслей, вопросовъ, горькихъ и необдуманныхъ словъ шевелились въ умѣ. Хотѣлось говорить, найти нужныя, убѣдительныя слова, объяснить... „На̀ смерть. На̀ смерть теперь“... безнадежно-покорнымъ тономъ раздавалось въ ушахъ.

Я готова была уже заговорить, когда вдругъ откуда-то близко изъ темноты и неожиданно для всѣхъ въ полосу свѣта выставил[illegible]ъ мужская, бородатая, приземистая фигура и, обращаясь [illegible] къ намъ, барынямъ, вступила въ разговоръ.

– Это собственно она вѣрно говоритъ. Ихней сестрѣ—это, къ [illegible]имѣру, бабамъ то-есть... самая ихъ плохая жисть. Хуже че[illegible]че бываетъ. У меня этакимъ же манеромъ жена...

У этого существа была жена!

Сѣдой, съ однимъ глазомъ, съ изуродованнымъ подтеками, какими-то пятнами, какими-то рубцами, одутловатымъ лицомъ, старикъ производилъ почти фантастически-ужасное впечатлѣніе. Одѣтъ онъ былъ въ лохмотья, въ какую-то темную рвань, рѣзко выдѣлявшуюся посреди благообразныхъ костюмовъ богомолокъ (женскій рязанскій нарядъ необыкновенно красивъ, затѣйливъ и живописенъ). Черезъ плечо привязанная за два угла на покромкѣ, болталась холщевая сума. Обращаясь къ намъ, онъ снялъ шапку въ видѣ вороньяго гнѣзда и заправилъ назадъ длинныя, въ войлокъ сбившіяся космы. Шапка и произношеніе пѣвучее на *а*— обличали страннаго, по всему вѣроятію московскаго человѣка, изъ породы вѣчныхъ странниковъ, отбившихся отъ дому, перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного монастыря въ другой, поспѣвая къ ярмаркамъ, къ храмовымъ праздникамъ.

Несмотря на безобразіе и коренастую, еще сильную фигуру, въ наружности старика не было ничего внушавшаго опасеніе, ничего такого, съ чѣмъ страшно было бы повстрѣчаться одинъ-на-одинъ въ лѣсу, ночью, въ глухомъ, безлюдномъ мѣстѣ.

Было что-то, напротивъ, робкое въ немъ самомъ, отвратительное и въ то же время жалкое. Въ первую минуту пришло на мысль, что онъ пьянъ; но можетъ быть и пьянства не было, а было что-нибудь другое, чего съ перваго раза нельзя было себѣ уяснить.

Во все продолженіе нашей бесѣды онъ находился, очевидно, гдѣ-нибудь неподалеку, слышалъ все—и самъ, наконецъ, пожелалъ вступить въ разговоръ.

Въ первую минуту всѣ были поражены неожиданностью, и никто изъ присутствовавшихъ не возражалъ ему, не дѣлалъ замѣчаній или вопросовъ.

Онъ говорилъ самъ, не смущаясь молчаніемъ.

Родомъ онъ оказался, точно, подгородній, московскій, изъ деревни недалеко отъ Сергіева посада, гдѣ у него остался домъ, старики-родители и двое ребятъ. Отбился онъ отъ дому и началъ странствовать сравнительно недавно, небольше десяти лѣтъ, и годами не былъ, вѣроятно, такъ старъ, какъ казался, хотя съ точностью не могъ сказать, сколько ему лѣтъ. Женатъ онъ былъ второй разъ. Первая жена умерла, не доживъ года; вторую онъ взялъ также „по согласію“.

— И во второй разъ,—говорилъ онъ,—опять же таки дѣвку бралъ. Хозяйствомъ мы въ тѣ поры маленько поисправились, избу постановили, задумали невѣсту искать. Что-жъ, дѣтей нѣтъ все

равно я какъ и не вдовый. Всю округу сваты изъѣздили, найти не могли. Та курносая, эта волосомъ не вышла, али шепелявая какая. Ѣздили, ѣздили, на конецъ тому дѣлу—нашли. Всѣмъ взяла. Дѣвка, что и говорить, красовитая дѣвка, изъ себя видная. И пѣсельница же была! Ну, а между прочимъ приданаго за ей сто рублей, окромя сряды, потому у отца двѣ кузницы въ деревнѣ и въ посадѣ тоже ковалъ.

— Ну и что же?—спрашиваю я заинтересованная разсказомъ, видя, что онъ вдругъ замолчалъ и сидѣлъ молча, понурившись, съ такимъ видомъ, какъ будто и не собирался продолжать.

— Дѣдушка, что же ты? А! Гдѣ же теперь твоя жена?

— Ась? Жена гдѣ?

Старикъ поправилъ свое воронье гнѣздо на головѣ и поднялъ слезящійся единственный глазъ, въ которомъ я не съумѣла прочесть слѣдовъ душевнаго волненія. Ничего особеннаго не слышно было и въ голосѣ его въ то время, какъ онъ сталъ продолжать съ моего послѣдняго слова, пропустивъ, про себя продумавъ, вѣроятно, предшествовавшее.

— Жена гдѣ? Жена больна, затылокъ пролежала и на спинѣ тоже пролежни. Свекоръ ее убилъ, т.-е. это мой отецъ. Зимой дѣло было. Поѣхалъ я ледъ рубить, а онъ мнѣ: „ты, Филька, ледъ руби, а я твою жену въ гости къ матери свезу“. Ну, я рублю, а онъ, значитъ, повезъ. Гладкій былъ, высокій... ну, дорогой-то... Нехорошо вамъ сказать... А мать-то моя—чѣмъ бы за нее, а она на нее же поворотилась. Стали они ее вдвоемъ бить. Вотъ били, вотъ били, по ладони лоскуты кожи висѣли.

— И ты это стерпѣлъ! Ты не могъ сказать, заступиться за нее!—говоритъ моя сестра голосомъ, въ которомъ слышатся слезы.

Мужикъ дѣлаетъ комическое движеніе, какія бываютъ у людей, привыкшихъ потѣшать слушателей, служить посмѣшищемъ окружающихъ, и лицо его принимаетъ еще болѣе слабое, жалкое выраженіе.

— Заступиться! Какъ было заступиться-то! Когда онъ насъ и то на четыре дня хлѣба лишилъ. Такъ безъ хлѣба и сидѣли. Позвали его на сходку: „ты, Кузьма Антонычъ, учить-то учи, а безъ хлѣба не мори; безъ хлѣба какъ же можно!“ Спрашиваютъ меня: „ты чего хочешь, чего себѣ желаешь?“ А на мнѣ такъ одна ... тушка бабья была.—Ничего, говорю я, не хочу, а прошу себѣ ...ого родительскаго благословенія. А мать—она тутъ на сходкѣ ...а—схватила палку, да на меня. „Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, гово...ъ, мое благословеніе!“ А староста ей: „Ты что же, говоритъ, ...ая чертовка, не знаешь!? Нешто палкой можно благословлять?!“

Ну, и отпихнули меня, не дали ни двора, ни куринаго пера, да и бабу испортили. А баба-то какая была! Баба легкая была, заботливая. Холстину, бывало, выткетъ бѣлую, ровно грамота. Прежде-то жили, бывало,—животъ радовался. Ну, теперь лежитъ десятый годъ. „Какъ хотите теперь, говоритъ, какъ знаете! Я вамъ теперь болѣ не помогательница".

— Гдѣ-жъ она сейчасъ у тебя?—спрашиваетъ больная женщина, все такъ же припавъ щекой къ посоху и не поднимая глазъ.

— А у матери у своей. Отецъ-то у ей удавился. Три съ половиною тысячи получилъ семейскія; у нихъ пять кузнецовъ было. Ну сталъ загуливать, сталъ загуливать. Мать-то, теща моя, слѣпая была. Ей и говорятъ: „Мавра, ты чего смотришь! Вези его къ исправнику". Привезла. Стегали, стегали его—курицѣ клюнуть негдѣ. Поутихъ, а тамъ опять зачалъ. Опять, говорятъ, вези. Дѣти, девять человѣкъ, домъ—жалко. Повезла, а она-то слѣпая, а онъ-то убѣгъ. Возчикъ ей и говоритъ: „Мавра, а, Мавра! Осипъ-то убѣгъ". А она: „ахъ онъ такой, этакой!" Четыре дня пропадалъ, на пятый нашли. Глядь, а ужъ онъ на березѣ виситъ...

. . . .

Мы не слушали больше.

Старикъ говорилъ еще съ тѣми же развинченными движеніями, представляя чуть не въ лицахъ, перескакивая отъ одной подробности къ другой.

Вѣроятно по той же причинѣ, что и мы, утомленныя слушательницы расходились по сторонамъ. Въ разныхъ мѣстахъ слышалась зѣвота. Кто-то охалъ—во снѣ или наяву. Кто-то читалъ вслухъ молитву.

— Эхма! Всего, видно, не переслушаешь. Кума, что-жъ! Иди что-ли? Спать пора.

— Родимы, фартука не видали-ль? Фартука не найду, обронила!—жаловался чей-то голосъ и умолкъ, заглушенный смѣхомъ.

— Эко хватилась! Фартукъ! Мало-ль народу! На ногахъ выволокли. А ты спи, спи знай! Чай, спать время. Господи Іисусе Христе! Владычица Небесная, покрой въ темную ночь!..

Мы простились съ оставшимися женщинами и пошли.

По всей площади у колокольни, вдоль стѣнъ стараго собора, слышались голоса, бѣлѣли одѣянія, лежали люди.

Слѣдующія улицы были пусты и въ рѣдкихъ домахъ горѣли еще огни.

Въ сторонѣ большихъ зданій, надъ тучами, тусклый и печальный, словно обломанный, выплылъ мѣсяцъ.

Мы шли молча. Не говорилось.

Какой-то французскій писатель находилъ, что между женщинами вообще, какъ между духовенствомъ различныхъ націй, существуетъ лига, безмолвный женскій союзъ, котораго сами онѣ не сознаютъ иногда.

Въ эту минуту мы соглашались съ этимъ французскимъ писателемъ и сознавали его. Чувство кровной обиды, личнаго оскорбленія горѣло въ сердцѣ, жгло щеки, волновало умъ.

Идти къ смертельно оскорбившему человѣку, кланяться въ ноги, просить прощенія въ томъ, что на вѣки изуродована, исковеркана жизнь—имъ же!..

Быть женой, вещью (не даромъ же слово характерное: *хозяинъ*) человѣка, неспособнаго сказать слова, двинуть пальцемъ въ защиту отъ ужасающаго, чудовищнаго надругательства. Родить за краснами, работать, нести тяготу кропотливаго женскаго труда и кончать жизнь калѣкой въ темномъ углу... Ахъ, эти углы, углы темные! Эта темная дѣятельность въ вѣчной темнотѣ, эта „власть тьмы“!

Упрекаютъ нашего великаго художника въ преувеличеніи, въ томъ, что онъ сгустилъ тѣни, усилилъ краски.

Мы невольно остановились и обернулись назадъ.

Сколько осталось еще этихъ разсказовъ, печальныхъ новостей, скорбныхъ листовъ, загадочныхъ болѣзней—тамъ, въ этомъ женскомъ лагерѣ, расположившемся у соборныхъ стѣнъ подъ покровомъ темноты?

Гдѣ же свѣтъ?..

Л. Нелидова.

БОТАНИЧЕСКІЕ САДЫ
ТРОПИКОВЪ

Воспоминанія изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Во время моего послѣдняго кругосвѣтнаго плаванія, въ 1891 г., мнѣ пришлось познакомиться съ ботаническими садами тропиковъ обоихъ полушарій.

Задача всякаго ботаническаго сада, независимо отъ широты и долготы, подъ которыми онъ лежитъ, несомнѣнно состоитъ въ томъ, чтобы обладать наибольшимъ, для него возможнымъ, числомъ особенно важныхъ въ научномъ отношеніи растительныхъ формъ, при томъ возможно точно и полно опредѣленныхъ и расположенныхъ, и въ наиболѣе строго естественно-систематическомъ порядкѣ, разумѣя подъ этимъ систематику въ смыслѣ результата всесторонняго изученія отдѣльныхъ формъ, сливающихся въ одно органически общее цѣлое — въ стройную картину всего растительнаго царства, освѣщенную постепеннымъ осложненіемъ формъ его составляющихъ,—начиная съ элементарныхъ одноклѣточныхъ организмовъ и кончая сложными типами совершеннѣйшихъ представителей всего міра растеній.

Отсюда понятная, необходимая для каждаго современно устроеннаго ботаническаго сада, потребность имѣть, кромѣ неизбѣжныхъ гербарія и библіотеки, также и лабораторіи, дающія возможность изучать какъ внутреннее строеніе растеній, такъ и физіологическія явленія, въ нихъ совершающіяся, вмѣстѣ съ вытекающими изъ этихъ явленій химическими процессами, результатомъ чего является накопленіе въ растительномъ организмѣ

тѣхъ его специфическихъ продуктовъ, изученіемъ которыхъ занимается растительная химія.

Таковы общія научныя требованія для всѣхъ ботаническихъ садовъ. Будемъ имѣть ихъ въ виду и при сравненіи между собою тропическихъ садовъ англичанъ (Перадэнія, Сингапуръ, Гонгъ-Конгъ), французовъ (Сайгонъ) и голландцевъ (Бейтэнзоргъ и Твибодасъ). Начнемъ съ Перадэніи, этого несомнѣнно важнѣйшаго изъ всѣхъ садовъ англійскихъ колоній (въ Калькуттѣ я не былъ, и объ ея садѣ личныхъ свѣденій не имѣю),—богатѣйшаго въ смыслѣ роскоши растительности Цейлона, — этой сказочной „Тапробаны" древнихъ, куда я попалъ въ февралѣ прошлаго года черезъ погребенную въ снѣгу необычно суровой зимы Италію, очень прохладный по той же причинѣ Египетъ и менѣе обычнаго жаркій Адэнъ, гдѣ въ день моего прихода собирался даже идти, хотя все-таки не пошелъ, дождь, не выпадающій тамъ по нѣскольку лѣтъ подъ-рядъ.

Въ Перадэніи подавляющая роскошь флоры самаго острова усиливается еще значительно богатствомъ и обиліемъ иныхъ—африканскихъ и южно-американскихъ—экваторіальныхъ и тропическихъ формъ, нашедшихъ для себя здѣсь, въ полномъ смыслѣ слова, второе отечество.

Понятно, что въ бѣгломъ очеркѣ намъ возможно будетъ остановиться лишь на замѣчательнѣйшихъ представителяхъ сада, такъ или иначе сообщающихъ ему особо характерныя и типическія особенности.

Перадэнія расположена по желѣзнодорожной линіи между Канди, древнею столицею острова, и Коломбо, главнымъ въ настоящее время приморскимъ городомъ Цейлона, отстоящимъ отъ Канди на пять часовъ времени ѣзды по живописнѣйшей желѣзной дорогѣ. Перадэнія находится въ 1/4 часа разстоянія отъ Канди по желѣзной дорогѣ и около часа ѣзды въ коляскѣ, по шоссе, превосходному, какъ и вообще всѣ главныя дороги Цейлона. Поѣздъ останавливается у маленькой станціи: Peradenia Garden, лежащей недалеко (около 1/4 километра приблизительно) справа, если ѣхать со стороны Канди. Здѣсь открывается передъ вами дѣйствительно дивная по живописности положенія и могучей, разнообразной растительности Перадэнія—главный ботаническій садъ Г…лона, расположенный на высотѣ около 1.500 футовъ надъ …внемъ моря (высота Канди 1.532 фута), тогда какъ Коломбо …тъ у самой песчаной отмели Индійскаго океана, заливаемой …мъ во время дующаго здѣсь въ іюнѣ—сентябрѣ юго-запад…о муссона.

Садъ занимаетъ пространство въ 150 акровъ. Сама мѣстность Перадэніи представляется въ видѣ какъ бы окруженнаго холмами, выдающагося удлиненнаго мыса, омываемаго извивомъ рѣки Mahaweli-Ganga (Ganga—рѣка). Это—красивая котловина, охваченная кольцомъ окружающихъ ее холмовъ горной цѣпи, поднимающейся постепенно отъ низменнаго и плоскаго морского берега къ возвышенному центру острова. Такимъ образомъ, красота мѣстности, благопріятнѣйшія климатическія условія, роскошная растительность и мастерская разбивка сада дѣлаютъ Перадэнію роскошнѣйшимъ въ мірѣ паркомъ; его великолѣпіе и могучую, въ особенности для непривычнаго взгляда гиперборейца, фантастическую мощь можетъ понять и представить себѣ только тотъ счастливецъ, на чью долю выпала возможность полюбоваться богатѣйшимъ проявленіемъ растительной силы на земномъ шарѣ вообще.

Уже одинъ входъ въ садъ очаровываетъ зрителя. Каменная ограда и столбъ двойныхъ изящныхъ металлическихъ воротъ покрыты сплошнымъ зеленымъ ковромъ, на которомъ большими, неправильными участками рѣзко выдѣляются ярко-фіолетовыя пятна—цвѣтки повидимому, но такъ кажется лишь на первый взглядъ: подойдя ближе, вы видите, что предполагаемые цвѣтки на самомъ дѣлѣ только покрашенные верхніе листья: ярко-фіолетовые прицвѣтники, въ углахъ которыхъ сидятъ довольно мелкіе и невзрачные желтовато-бѣлые, издали совершенно незамѣтные, цвѣтки. Передъ вами бразильская красавица Bougainvillea Spectabilis Willdenow, нашедшая для себя на Цейлонѣ новое отечество.

У входа въ садъ видимъ двѣ роскошныя, приземистыя еще по ихъ молодости, масляныя пальмы: Elaeis Guinensis Jaquin, съ ихъ очень толстымъ (характернымъ для молодого возраста) стволомъ и длинными, лишь постепенно расходящимися кверху перистыми листьями.

Тотчасъ противъ входа, за этими двумя великолѣпными представителями западной Африки, расположена изящная группа могучихъ великановъ: перистыхъ (виды родовъ: Phoenix, Areca, Pinanga), пальчатыхъ (Sabal, Levistonia) и папоротниковидныхъ (Caryota urens L.) пальмъ, у подножія которыхъ выдѣляются столь же изящныя, какъ и типичныя: Furcroya, Dasylirion и другія, напоминающія внѣшнимъ видомъ агавы и алоэ, сочныя растенія, окаймленныя въ свою очередь различными перистыми и вѣерными низкорослыми пальмами-карликами.

Великолѣпное зрѣлище представляетъ убѣгающая отсюда въ

глубь сада, изящными извивами, пальмовая аллея величественной уроженки Кубы—орэдоксы, Oreodoxa regia Kunth. Гладкій, совершенно прямой и блестящій, желто-красноватый, кольчатый стволъ этой высокой пальмы, увѣнчанный развѣсистымъ опахаломъ длинныхъ перистыхъ листьевъ, является постоянно равномѣрно утолщеннымъ у основанія и нерѣдко веретенообразно вздутымъ по срединѣ его.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ пальмъ самого Цейлона принадлежитъ безспорно: Corypha umbraxulifera L.—священная зонтичная пальма, „Talipot“ англичанъ. Громадные, складчатые въ видѣ вѣера, листы этой пальмы въ ея молодомъ возрастѣ служатъ съ незапамятныхъ временъ, какъ на Цейлонѣ, такъ и въ Индіи, матеріаломъ, на которомъ тупою желѣзною спицею писались и переписываются понынѣ священныя книги браманитовъ и буддистовъ.

Впослѣдствіи пальма развиваетъ свой высокій, прямой и кольчатый, сѣрый стволъ, по которому нерѣдко прихотливо ползутъ эпифиты, различныя ароидниковыя (Pothos, Philodendron) и папоротники, на немъ поселяющіеся. Въ такомъ видѣ дерево живетъ 40—50 лѣтъ, когда наступаетъ періодъ его перваго и послѣдняго въ жизни цвѣтенія, такъ какъ Coripha umbraculifera принадлежитъ къ монокартическимъ, то-есть разъ въ жизни только цвѣтущимъ и дающимъ плоды растеніямъ.

Въ это время, въ теченіе не болѣе трехъ мѣсяцевъ, надъ вершиною безпомощно опускающихся теперь внизъ листьевъ выдвигается конечное могучее соцвѣтіе, въ видѣ гигантской метелки, равняющееся почти одной трети длины всего ствола и вѣнчающее послѣдній какъ бы въ видѣ особой надставки своею гигантскою желтовато-пушистою метелкою.

Затѣмъ, по созрѣваніи плодовъ, черезъ годъ или болѣе послѣ цвѣтенія, пальма начинаетъ сохнуть и вскорѣ окончательно умираетъ.

Въ бытность мою въ Перадэніи удалось мнѣ видѣть эти, какъ цвѣтущія, умирающія, такъ и умершія уже послѣ созрѣванія плодовъ ихъ, священныя пальмы.

Весьма типична для Цейлона и характерная „Kitul“, Ca-[illegible]ta urens L.—пальма, съ ея гигантскими очередными листьями, [illegible]оминающими очертанія иныхъ папоротниковъ (виды рода Adi-[illegible]um) и громадными кистями, чередующихся этажами колос-[illegible]ныхъ, висящихъ внизъ, мужскихъ и женскихъ соцвѣтій.

[illegible]Рѣзкій контрастъ каріоты являетъ собою относительно невы-[illegible]я, но снабженная весьма развѣсистою вершиною, опахало-

видная пальма—такъ-называемая „Пальметто", Sabal Palmetto Lodd., родина которой югъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Широко-округлые листья ея оканчиваются многочисленными, длинными, утонченными въ видѣ нитей, висящими вертикально внизъ лопастями, придающими „Пальметто", вмѣстѣ съ обильными громадными кистями плодовъ ея, видъ столь же изящный, какъ и оригинальный.

Наиболѣе типичною изъ всѣхъ пальмъ является, однакоже, не для Перадэніи только, но и для всего Цейлона вообще, пальма кокосовая, Cocos nucifera L., „Pol" сингалезовъ, имѣющая громадное экономическое значеніе по доставляемому ею маслу, волокну (Coïr), сѣменнымъ ядрамъ (Copra), вывозимымъ въ Европу и Америку ради волокна, для выжиманія масла. Для туземцевъ кокосовый орѣхъ—одна изъ важнѣйшихъ принадлежностей незатѣйливой мѣстной кухни ихъ.

Когда послѣ 7—8-дневнаго плаванія по Индійскому океану, отъ Адэна до Коломбо, на горизонтѣ покажется, наконецъ, темная черта земли, то первыми, чтò на ней отличаетъ жаждущій материка взоръ путника, будутъ высокіе и стройные, но зато и постоянно искривленные, тонкіе стволы кокосовой пальмы, увѣнчанные вершиною изъ 15 — 25 гигантскихъ перистыхъ листьевъ, представляющіе рѣзкій контрастъ съ тѣми толстыми и относительно неизящными стволами пальмы финиковой (Phoenix dactylifera L.), которые путникъ еще недавно привѣтствовалъ у береговъ Александріи, какъ первыхъ типическихъ представителей Африки.

Тонкій и высокій, сѣро-бѣловатый, никогда не прямой, кокосъ получаетъ свой вполнѣ характерный типъ только въ старости, т.-е. имѣя отъ роду уже нѣсколько десятковъ лѣтъ. При такихъ условіяхъ, вмѣстѣ съ „пизангомъ", извѣстнымъ обыкновенно подъ болѣе распространеннымъ именемъ „банана", Musa Sapientum L., кокосъ является типическимъ спутникомъ человѣка не только на Цейлонѣ, Сингапурѣ, Явѣ, Малакѣ, въ Камбоджѣ, но и повсемѣстно почти въ тропикахъ обоихъ полушарій.

Молодой кокосъ характеризуется сильно развитымъ вѣнцомъ своихъ изящно-перистыхъ листьевъ, блестящій ярко-зеленый цвѣтъ которыхъ еще возвышается контрастомъ ихъ ярко-желтаго срединнаго нерва (продолженіе черешка) и еще относительно очень короткимъ, пока болѣе или менѣе прямымъ стволомъ, на 4—5-мъ году уже украшеннымъ золотисто-бурыми кистями крупныхъ, овально и неявственно трехъ-гранныхъ плодовъ — кокосовыхъ орѣховъ.

Останавливаться на всѣхъ полезныхъ и неизбѣжныхъ даже приложеніяхъ кокоса въ жизни туземцевъ: его дерева, листьевъ, сока, обильно вытекающаго изъ предварительно перевязанныхъ и черезъ сутки срѣзаемыхъ соцвѣтій (сокъ этотъ служитъ, какъ и сокъ пальмы-каріоты, для вывариванія бураго сахара и для полученія пальмоваго вина „Годду") и самихъ плодовъ его — орѣховъ, нѣтъ возможности. Нельзя, однакоже, не сдѣлать въ этомъ отношеніи исключенія для неизбѣжной кокосовой воды, со времени чуть-ли не первыхъ путешествій въ тропики неправильно называемой молокомъ кокосовыхъ орѣховъ.

Созрѣвающее, но еще далеко не зрѣлое сѣменное ядро кокоса слагается изъ тонкаго, плотнаго, снѣжно-бѣлаго, прилежащаго совнутри къ сѣменной оболочкѣ и напоминающаго вкусомъ миндаль, пояса и губчатой, также бѣлой, сладковатой волокнистой массы. Ядро содержитъ въ себѣ полость, которая тѣмъ больше объемомъ, чѣмъ моложе самъ орѣхъ. Полость эта внутри сѣмени плода, достигшаго уже своего полнаго развитія (въ смыслѣ величины), содержитъ въ себѣ болѣе двухъ большихъ стакановъ совершенно прозрачной, едва опалесцирующей жидкости—кокосовой воды, называемой обыкновенно и совершенно неправильно кокосовымъ молокомъ, потому что въ орѣхахъ, давно сорванныхъ и, слѣдовательно, несвѣжихъ уже, она становится, дѣйствительно, молочно-непрозрачною и въ дѣло негодною, вслѣдствіе ея непріятнаго, отзывающагося прогорклымъ масломъ вкуса—результата наступающаго разложенія. Зато свѣжая кокосовая вода во многихъ отношеніяхъ является предметомъ большой важности, въ смыслѣ необходимости соблюденія въ тропикахъ величайшей осторожности при удовлетвореніи столь тягостной и обычной въ этихъ широтахъ жажды.

Пить необходимо, но напиться изъ перваго ручья или рѣки часто равносильно умышленному самозараженію маляріею (злокачественною лихорадкою), столь гибельною здѣсь дизентеріею или по крайней мѣрѣ особаго рода глистою (Anchilostomum duodenale), вызывающею особаго рода упорное малокровіе и часто смерть, путемъ внутреннихъ кишечныхъ кровотеченій, вслѣдствіе прокусыванія ею стѣнокъ двѣнадцатиперстной кишки, да и вообще всѣхъ тонкихъ кишокъ.

Какъ же быть? Вотъ здѣсь-то и является спасительницею кокосовая вода. При помощи короткой глухой петли, изъ волокна того кокоса,—петли, длина которой равняется лишь половинѣ объема ствола, и въ которую красивый и стройный сингалезъ вставляетъ свои босыя ноги, онъ съ быстротою и ловкостью изящной поло-

сатой цейлонской бѣлки, буквально взлетаетъ въ нѣсколько секундъ на вершину кокоса и выбираетъ тамъ тѣ орѣхи, которые содержатъ по своему возрасту наибольшее количество воды. Затѣмъ, не болѣе какъ черезъ 2—3 минуты, онъ уже подаетъ вамъ ловко срѣзанный ножемъ у его заостреннаго полюса орѣхъ, еще достаточно мягкій для такой операціи. На первый разъ едва сладковатый вкусъ этой жидкости кажется нѣсколько приторнымъ, но замѣчательная и постоянная, очень рѣзко выраженная свѣжесть, можно сказать даже прохлада ея, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ полной безвредности и въ то же время питательности (содержитъ въ себѣ растворимый бѣлокъ и сахаръ) быстро мирятъ васъ съ кокосовою водою; прибавленіе же одной или двухъ чайныхъ ложекъ коньяку, или столовой ложки хереса на стаканъ, отбивающихъ хотя и очень слабый, но все-таки не совсѣмъ пріятный своеобразный вкусъ ея, дѣлаютъ послѣднюю незамѣнимою и даже весьма вкусною, а затѣмъ привычка очень скоро, даже и безъ поправляющихъ вкусъ условій, заставитъ васъ весьма скоро оцѣнить кокосовую воду по ея достоинству, т.-е. очень высоко.

Сингалезы—большіе охотники не только до своихъ, но даже и до чужихъ кокосовыхъ орѣховъ.

Уже въ такъ-называемыхъ туземныхъ кварталахъ „Petha“—туземцевъ „черныхъ“, какъ величаютъ ихъ англичане, городовъ Цейлона, не говоря о деревняхъ, васъ заинтересуетъ непонятный на первый разъ фактъ, что каждый стволъ кокоса окутанъ на извѣстной высотѣ его сухими кокосовыми же листьями: это предосторожность отъ ночныхъ воровъ: предательскій шорохъ сухихъ и жесткихъ листьевъ разбудитъ въ свое время хозяина, спящаго въ своей хижинѣ безъ дверей, среди обступившихъ послѣднюю кокосовъ, составляющихъ все его благосостояніе.

Не меньшее значеніе, чѣмъ кокосъ, играетъ въ жизни сингалезовъ—да и не однихъ сингалезовъ только, но и всѣхъ обитателей тропиковъ востока вообще—пальма-арэка: Areca Catechu L., „Puwac“ сингалезовъ, съ ея тонкимъ, очень высокимъ, кольчатымъ, поочередно коричнево-бѣловатымъ стволомъ, увѣнчаннымъ небольшимъ султаномъ, всего изъ 5—6 относительно короткихъ перистыхъ листьевъ. Очень оригинальный видъ придаетъ ей также и торчащее во всѣ стороны, въ видѣ вѣтвистой метелки, соцвѣтіе неприглядныхъ желто-зеленоватыхъ цвѣтко[illegible], или являющихся вслѣдъ за первыми бурыхъ плодовъ, сѣмена [illegible]-торыхъ составляютъ неотъемлемую принадлежность для жева[illegible]я „бэтэля“—этой главной услады жизни человѣка крайняго восто[illegible]. Съ помощью особаго рода щипцовъ, грубой кузнечной рабо[illegible],

сочлененныхъ на одномъ концѣ и оканчивающихся рукоятками на другомъ, туземецъ помѣщаетъ между обращенными другъ къ другу рѣжущими лезвеями ихъ вынутое изъ плодовой оболочки твердое сѣмя арэки и, сдавливая рукоятки, раздробляетъ послѣднее на небольшіе куски. Каждый такой кусокъ, вмѣстѣ съ щепоткою гашеной извести и часто листовымъ табакомъ, завертывается въ свѣжій, снабженный пронзительнымъ запахомъ, листъ „Rata-bulat-wel" — особаго вида перца, Pieper Betle, var. Siriboa L., и немедленно отправляется въ ротъ для непрерывнаго почти жеванія; поэтому ручная плевальница — необходимая принадлежность всякаго туземнаго жилища Цейлона и Явы.

Результатомъ жеванія бэтэля „Siri" яванцевъ и малайцевъ является: большое удовольствіе (лично я испытывалъ только жженіе во рту), обильное теченіе слюны, окрашивающейся кроваво-краснымъ цвѣтомъ, красные губы и зубы.

Таковы важнѣйшіе типы пальмъ; но перечень ихъ былъ бы неполонъ, если бы мы забыли пальмы-ротанги, виды рода Calamus, стволы которыхъ, достигающіе иногда до 100 метровъ длины (Plectocomia elongata Blume Явы, напримѣръ), подобно гигантскимъ змѣямъ, лежатъ громадными кольцами на землѣ и затѣмъ уже взбѣгаютъ на вершины высочайшихъ деревьевъ. Ротанги, вмѣстѣ съ представителями виноградныхъ растеній (Ampelideae), образуютъ собою главную массу такъ-называемыхъ „ліанъ" дѣвственныхъ лѣсовъ. Страшные, безчисленные крючья черешковъ перистыхъ листьевъ этихъ пальмъ, ежеминутно угрожающіе платью, лицу и рукамъ путника и уступающіе только ножу и топору, дѣлаютъ часто лѣса тропиковъ востока совершенно непроходимыми.

Важнѣйшимъ культурнымъ растеніемъ Цейлона считается по справедливости бананъ, Musa sapientum M. paradisiaca L., плоды котораго составляютъ главную пищу туземцевъ. Ближайшимъ родственникомъ банана является, въ свою очередь, изящная Ravenola Madagascariensis Sonnerath, родина которой, какъ показываетъ само названіе — Мадагаскаръ.

Ravenola Madagascariensis — сочное гигантское травянистое растеніе (въ 5 — 7 метровъ вышины), листья котораго очень схожи съ родственною ей музою (бананъ) и такъ же, какъ у послѣдней, ...а изорваны въ клочки вѣтромъ. Отличается она отъ послѣд... строго двурядными, сближенными у основанія, листовыми че...ками. Отсюда происходитъ и неправильное, но очень распро...енное въ нѣмецкихъ популярныхъ сочиненіяхъ названіе этого ...нія: Fächerpalm. На самомъ дѣлѣ Ravenola принадлежитъ

къ семейству банановыхъ растеній: Musaceae, но не пальмѣ (Palmae). Она называется также и „деревомъ путешественниковъ", такъ какъ существуютъ указанія, что на Мадагаскарѣ туземцы пользуются водою, скопляющеюся у этого растенія въ расширенныхъ влагалищахъ листовыхъ черешковъ его.

Весьма оригинальны также гигантскія, сочныя, похожія на агаву, растенія Fourcroya gigantea Vent (тропическая Америка) и F. Selloa Koch (Мексико), цвѣтущія разъ въ жизни; причемъ они выгоняютъ громадную стрѣлку (стебель) въ нѣсколько метровъ вышиною, прежде отсутствовавшую.

Подобно тому какъ повсемѣстно акклиматизировавшаяся по берегамъ Средиземнаго моря Agave Americana L. называется неправильно всѣми, кромѣ ботаниковъ, Aloë,—называютъ англичане и фуркрою, весьма распространенную и даже одичавшую на Цейлонѣ и служащую здѣсь для укрѣпленія откосовъ желѣзныхъ дорогъ и чайныхъ плантацій, Green Aloë, зеленымъ алоэ, въ виду ярко-зеленаго цвѣта ея гигантскихъ, зубчатыхъ по краямъ, вертикально поднятыхъ вверхъ листьевъ этого растенія, оканчивающихся острыми шипами.

Безчисленные орхидеи-эпифиты, какъ туземные, такъ и чужестранные, разводимые у насъ въ теплицахъ съ особою тщательностью, ростутъ здѣсь свободно и привольно въ качествѣ изящнаго убора стволовъ, служащихъ имъ поддержкою деревьевъ, не требуя никакого ухода и поражая васъ яркостью, размѣрами и причудливыми формами своихъ плотныхъ, словно вылитыхъ изъ воска, нерѣдко гигантскихъ и часто чудно ароматическихъ цвѣтковъ, прихотливо свѣшивающихся внизъ изящными кистями и гирляндами. Орхидеи эти нужно видѣть тамъ самому, чтобы оцѣнить по достоинству ихъ красоту и силу. Весьма своеобразными являются свойственные Индіи и Малайскому полуострову и архипелагу нѣкоторые виды изъ рода смоковницы, Ficus. Всѣ они характеризуются способностью давать по протяженію ствола воздушные корни, которые, достигая почвы и укрѣпляясь въ ней, превращаются такимъ путемъ въ новые стволы, размѣрами часто превосходящіе стволъ дерева материнскаго. Такимъ образомъ и получается роща-дерево, характеризующая этотъ типъ.

Таковъ баніанъ [1]), Ficus Bengalensis L., „Maha-nuga" сингалезовъ, сѣверная граница котораго достигаетъ Египта. Садъ „Esb kyia" въ Каирѣ обладаетъ уже этими деревьями довольно знач

---

[1]) Не должно смѣшивать это названіе съ бананомъ или пизангомъ (Musa), ка это, къ сожалѣнію, часто случается.

тельныхъ размѣровъ, но все-таки почти карликами являются они тамъ сравнительно съ гигантами родного баніану Цейлона.

Такими же свойствами становиться деревомъ-рощей обладаетъ и столь популярная у насъ въ комнатахъ, въ видѣ молодыхъ подростковъ, Ficus elastica L., доставляющая индійскій каучукъ, вытекающій въ видѣ густого молочно-бѣлаго, впослѣдствіи чернѣющаго сока изъ надрѣзовъ коры дерева. Индѣйцы называютъ Ficus elastica—„змѣинымъ деревомъ", благодаря способности его сильно выдающихся надъ почвою плоскихъ корней какъ бы расползаться во всѣ стороны прихотливыми извивами, причемъ сосѣдніе корни, сростаясь путемъ образованія плоскихъ поперечныхъ перегородокъ, являютъ собою какъ бы рядъ естественныхъ ящиковъ, достигающихъ въ Перадэніи у одного изъ гигантовъ этого вида вышины въ половину человѣческаго роста.

Ближайшими сродниками смоковницъ являются такъ-называемыя хлѣбныя деревья: типическимъ изъ нихъ должно считать свойственное Малайскому архипелагу настоящее хлѣбное дерево: Artocarpus incisa L., „Rata-Del" сингалезовъ, съ его изящными, обладающими какъ бы лакированными, ярко-зелеными, вырѣзными листьями и плодами, въ зрѣломъ возрастѣ превышающими размѣры головы взрослаго человѣка.

Этотъ видъ даетъ лучшіе плоды, которые, будучи испеченными, напоминаютъ до нѣкоторой степени вкусомъ плохой пшеничный хлѣбъ; отсюда и названіе дерева.

Менѣе вкусные плоды даетъ такъ-называемое дикое хлѣбное дерево „Del" Artocarpus nobilis, Thw. сингалезовъ. Въ противоположность предъидущему виду, листья этого, свойственнаго исключительно флорѣ Цейлона, дикаго хлѣбнаго дерева являются цѣльнокрайними, обратно эллиптическими, то-есть равномѣрно расширяющимися отъ съуженнаго основанія къ широкой и въ то же время почти горизонтально притупленной вершинѣ. Плоды его менѣе цѣнятся туземцами (европейцы не ѣдятъ ихъ совсѣмъ), чѣмъ „Rata-Del", выходца Малайскаго архипелага. Охотнѣе ѣдятъ туземцы плоды третьяго, свойственнаго Цейлону, вида „Kos" Artocarpus intergrifolia L. Плоды эти, чаще продолговатые, чѣмъ круглые, выходятъ (какъ и у другихъ видовъ) не только изъ основанія старыхъ вѣтвей, но даже изъ самаго ствола, не-[illegible]ко уже на уровнѣ высоты роста взрослаго человѣка, тогда [illegible]ъ дерево само по себѣ принадлежитъ къ числу очень высо-[illegible]ъ. Желтоватая древесина его представляетъ высоко цѣнимый [illegible] Цейлонѣ матеріалъ для столярныхъ и плотничныхъ подѣлокъ. [illegible]жду прочимъ изъ него готовятся нерѣдко ящики для чая, какъ

извѣстно—важнѣйшаго предмета вывоза острова въ настоящее время. Англичане зовутъ это дерево: „Джэкъ“ (Jack-tree).

Рѣзкимъ контрастомъ дающихъ густую тѣнь представителей смоковницъ (рода Ficus) является свойственная Индіи и Цейлону „Katu-Imbul“: Bombax Malabaricum D. C. (Bombaceae). Дерево это, достигающее громадныхъ размѣровъ, періодически теряетъ свои листья и стоитъ добрую часть года совершенно голымъ. Въ молодости отличается оно характернымъ отхожденіемъ своихъ главныхъ вѣтвей отъ ствола подъ прямымъ угломъ. Еще болѣе типичнымъ является въ этомъ отношеніи весьма близко родственный послѣднему Eriodendron anfractuosum D. C., „Kapok“ яванцевъ, столь характерный для Сингапура и Явы, гдѣ онъ встрѣчается повсемѣстно, а на Явѣ служитъ часто въ качествѣ живыхъ телеграфныхъ столбовъ: въ стволы его вбиваются прямо изоляторы телеграфной проволоки.

Во время моего перваго посѣщенія Перадэніи, въ половинѣ февраля 1891 года, вѣтви громадныхъ, совершенно голыхъ деревьевъ „Katu-Imbul“ были усѣяны очень крупными, ярко-темнокрасными цвѣтками, изобильно покрывавшими также и почву подъ деревьями. Лапчатые листья послѣднихъ появляются лишь во время созрѣванія плодовыхъ коробочекъ, подобно систематически близкому хлопчатнику заключающихъ въ себѣ сѣмена, окутанныя войлокомъ нѣжныхъ бѣлыхъ волосковъ, служащихъ, какъ и у „Kapok“, для набивки матрасовъ, подушекъ и тому подобнаго. Вотъ почему англичане и называютъ оба растенія хлопковыми деревьями: Cotton tree, величая Bombax Malabaricum, благодаря его краснымъ цвѣткамъ, спеціально: Red Cotton tree—краснымъ хлопковымъ деревомъ.

Различные представители гигантскихъ древовидныхъ злаковъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ бамбука (Bambusa), характеризующагося своими кольчатыми, гладкими, полыми, перегороженными внутри соотвѣтственно листовымъ угламъ, стеблями и развѣсистыми, изящно пониклыми въ разныя стороны вершинами, снабженными ярко-свѣтлозелеными парными листочками. Въ Перадэніи достигаетъ бамбукъ наивысшей степени своего могучаго развитія. Таковъ Dendrocalamus giganteus Munro, ростущій здѣсь такъ же привольно, какъ и на своей не особо далекой родинѣ—полуостровѣ Малакѣ. Бамбукъ этотъ достигаетъ вышины нашихъ мачтовыхъ сосенъ и елей, невольно чаруя и приковывая къ себѣ глазъ сѣвернаго наблюдателя всею силою своей избыточной южной мощи и красы.

Въ высшей степени изящные древовидные папоротники: Also-

phila crinita, A. glabra Hooker, съ ихъ черными волосистыми, или гладкими, и стволами, и мелкимъ кружевомъ изящныхъ, гигантскихъ, нѣжно и тонко перисто-разсѣченныхъ листьевъ; папоротники (общими очертаніями напоминающіе пальмы), столь характерные для горной флоры Цейлона и Явы (Alsophila Contaminans Wall. послѣдней) и привольно ростущіе на высотѣ 3.000—6.000 футовъ на этихъ островахъ, чувствуютъ себя не совсѣмъ привольно въ относительно жаркомъ и сухомъ воздухѣ Перадэніи. Полной силы развитія достигаютъ они въ филіальномъ отдѣленіи послѣдней (въ саду Hakgala, лежащемъ въ центральной части острова, въ 6 миляхъ отъ Nuwara-Elliya (Nurelia англичанъ), на высотѣ 6.200 футовъ надъ уровнемъ моря), въ саду особенно богатомъ папоротниками, хвойными эукалиптами и вообще представителями флоры австралійской, японской и сѣверо-американской.

Таковы главные, наиболѣе приковывающіе къ себѣ вниманіе посѣтителя, представители могучей, роскошнѣйшей растительности Перадэніи.

Садъ преслѣдуетъ также, хотя въ довольно скромныхъ размѣрахъ и безъ особой системы, разведеніе нѣкоторыхъ техническихъ, экономическихъ и врачебныхъ растеній. Такъ, здѣсь встрѣчаются часто превосходныя по своему виду и росту деревья, дающія цейлонскую и китайскую корицу: Cinnamomum Zeylanicum Breyne, „Kurundu" сингалезовъ, и C. Cussia Blume, и доставляющее камфору дерево камфорное: Camphora officinarum C. G. Nees-Laurus Camphora L. Апельсины, Citrus Aurantium Risso, отличаются здѣсь, какъ и вообще на Цейлонѣ, крупными размѣрами своихъ плодовъ, ихъ постоянно зеленымъ, даже и во время зрѣлости, цвѣтомъ и дурнымъ кислымъ, лишеннымъ аромата, вкусомъ. Между лимонами первое мѣсто занимаетъ столь популярный отъ Colombo до Hong-Kong'a маленькій лимонъ: Citrus Limonellus Hasskarl, вытѣсняющій въ тропикахъ нашъ обыкновенный лимонъ: C. Limonum Risso. Замѣчателенъ также гигантскій сладкій лимонъ: Jambola, иначе Ratanaran, Citrus decumana Wildenon, желтые плоды котораго, съ голову взрослаго человѣка величиною, обладаютъ розовою мякотью, сладкаго и въ то же время нѣсколько горьковатаго вкуса. Плодъ этотъ, Pomelo (Pumelo англичанъ) достигаетъ наибольшаго вкуса и достоинствъ на Явѣ, гдѣ туземцы зовутъ его: Djeruk-Bali или Djeruk-Matjan (Djeruk—общее яванское родовое названіе для апельсина, лимона и померанца; Matjan значитъ тигръ, а также и большой или могучій). Голландцы называютъ C. decumana: Pamplo, — Pampelmuss. Въ Перадэніи можно встрѣтить далѣе хорошіе образцы деревьевъ,

дающихъ мускатный орѣхъ: Myristica fragrans Hottoyn и сѣмена какао: шоколадникъ, Theobroma Cacao L. Красно-фіолетовые, золотисто-желтые или оранжевые плоды послѣдняго, напоминающіе собою остроконечные, глубокоребристые огурцы, выходятъ изъ основаній старыхъ вѣтвей и самаго ствола густолиственнаго дерева, нерѣдко почти у самаго корня послѣдняго. Деревья, доставляющія гвоздику—Caryophyllus aromaticus L., росной ладанъ—Styrax Benzoin Dryander, перувіанскій и толутанскій бальзамы—Toluifera Pereirae et Toluifera Balsamum Baillon, смолу дагмаръ—Dammara vel Agathis robusta Hooker filius, равно какъ и ваниль—Vanilla planifolia Andrjw, хорошо произростаютъ въ Перадэніи, вмѣстѣ съ различными деревьями, доставляющими каучукъ и гутта-перчу.

Находящіяся здѣсь хинныя деревья, Cinchona Succirubra Pavon, замѣчательны тѣмъ, что между ними есть дерево, выращенное, въ 1863 году, изъ сѣмянъ, собранныхъ Cross'омъ и Spruce на Чимборазо. Кофе обыкновенный, Coffea Arabica L., и кофе либерійскій, Coffea Liberica Bull., съ ихъ изящными, чудно ароматичными, бѣлыми цвѣтками, блестящими листьями и пурпуровыми у перваго, красно-бурыми у второго вида плодами, равно какъ и крупнолистная ассамская разновидность чайнаго дерева—Thea Chinensis, varietas Assamica Simson, конечно не могутъ отсутствовать на Цейлонѣ, этомъ центрѣ сначала коричныхъ, затѣмъ кофейныхъ, хинныхъ и, наконецъ, нынѣ чайныхъ плантацій. Культура кофе на Цейлонѣ въ настоящее время падаетъ все болѣе и болѣе, вслѣдствіе неудержимаго распространенія по острову, не уступающей никакимъ мѣрамъ, такъ-называемой „кофейной чумы“, Hemileia vastatrix Berkley et Broome, паразитнаго грибка изъ семейства ржавчинниковыхъ, Uredineae, поражающаго листья въ видѣ круглыхъ, сначала красновато-желтыхъ, затѣмъ чернѣющихъ, окруженныхъ желтымъ кольцомъ, пятенъ. Микроскопъ обнаруживаетъ въ ткани такого листа присутствіе нѣжныхъ нитей грибницы (Mycelium), оканчивающихся оранжевыми, почковидными спорами.

Coffea Liberica Bull., обладающая несравненно болѣе крупными размѣрами стволовъ и листьевъ, лучше противостоитъ этому страшному врагу; поэтому теперь на Цейлонѣ, въ особенности же на Сингапурѣ, очень заняты введеніемъ культуры „Либерія-кофе“, предпочтительно предъ обыкновеннымъ. Эпифитъ-папоротникъ, знакомый намъ Drymoglossum numularifolium Mettenius селится также на кофейныхъ деревьяхъ, пораженныхъ „чумою“, и не-

справедливо обвиняется туземцами, какъ виновникъ гибели кофейныхъ плантацій.

Saccharum officinarum L.—сахарный тростникъ, превосходно ростущій въ знойномъ и очень влажномъ климатѣ окрестностей Коломбо, въ Перадэніи нѣсколько страдаетъ уже отъ ощутительной ему здѣсь сухости воздуха.

Классическіе плоды экватора и прилежащаго ему пояса—мангустанъ, Garcinia Mangostana L. (Clusiaceae), и рамбутанъ, Nephelium Lappaceum L. (Sapindaceae)—въ тотъ періодъ года, когда я былъ на Цейлонѣ (февраль и мартъ), еще не были зрѣлы, тогда какъ другой, лучшій представитель тропическихъ плодовъ—манга или мангу, Mangifera indica L. (Anacardiaceae)—только-что начинала поспѣвать.

Не безъинтереснымъ представляется для насъ и такъ-называемый сингалезами „Cadju", Anacardium occidentale L., уроженецъ тропической Америки и Антильскихъ островоъ, всюду разводимый и одичавшій на Цейлонѣ. Плоды его содержатъ острое ядовитое начало „кардолъ", дѣйствующее подобно шпанской мушкѣ, тогда какъ богатыя жирнымъ масломъ сѣмена вкусомъ напоминаютъ сладкій миндаль, свѣжія или поджаренныя въ соленой водѣ—представляютъ собою весьма любимое и распространенное на островѣ лакомство.

Важнымъ экономическимъ и отчасти врачебнымъ продуктомъ, свойственнымъ флорѣ Индіи и Цейлона, является кардамонъ настоящій, „Cardamungu"—Elettaria Cardamonium Maton et Witte, и цейлонская разновидность его, „Ensal"—C. longum Sm. (Zingiberaceae), но они отсутствуютъ въ саду Перадэніи, вѣроятно на основаніи нашей народной поговорки: „сапожникъ всегда безъ сапогъ".

Когда я пытался разъяснить себѣ такой соблазнъ соотвѣтственными разспросами, то получилъ въ отвѣтъ, что въ Перадэніи для этихъ растеній слишкомъ жарко. Впослѣдствіи, въ ботаническихъ садахъ несравненно болѣе жаркихъ—на Сингапурѣ, Явѣ и въ Сайгонѣ—я убѣдился личнымъ наблюденіемъ, что даже и тамъ кардамонъ рости можетъ и ростетъ.

Перейдемъ теперь къ ученымъ учрежденіямъ сада. Лабораторія его болѣе чѣмъ скромна: это очень небольшой домикъ въ це рѣ сада; предъ нимъ ростетъ особый видъ смоковницы: прекр ный экземпляръ Ficus Trimeni King—вида, названнаго по и і директора сада Треймана, Henry Trimen.

ъ домикѣ помѣщается гербарій, затѣмъ небольшое собраніе от ковъ и распиловъ различныхъ деревьевъ Цейлона (по образ-

цамъ сада Kew, близъ Лондона) и рабочая комната директора; рядомъ—очень маленькое помѣщеніе, безъ всякихъ приспособленій для научныхъ занятій, которое могло бы служить по нуждѣ болѣе чѣмъ скромнымъ пріютомъ для желающаго работать посторонняго ботаника, что, впрочемъ, едва-ли даже возможно, помимо условій исключительно благопріятныхъ, такъ какъ въ Перадэніи не только жить, но даже и остановиться негдѣ, и единственный, наиболѣе удобный способъ посѣщенія ея—коляска, нанятая туда и назадъ изъ Канди.

Кстати о немъ. Англичане говорятъ всегда: „Кэнди", но что это „олъ-райдъ" (allright)—могутъ думать лишь англичане, коверкающіе все на свѣтѣ по-своему. „Канду" по-сингалезски значитъ небольшой утесъ, тогда какъ Gala—большая скала.

Одинъ изъ знатоковъ и старожиловъ Цейлона, чайный и хинный плантаторъ, m-r Fergusson, сообщилъ мнѣ слѣдующее интересное мѣстное преданіе относительно происхожденія названія Kandy—города: извѣстно, что столица цейлонскихъ царей называлась Maha-nura—большой городъ. Когда, послѣ покоренія острова, англичане овладѣли, наконецъ, и столицею его, была назначена съемка послѣдней съ окрестностями. Инженеръ спросилъ туземца, указывая на городъ, какъ называется эта столица? Послѣдній, думая, что рѣчь идетъ о ближайшемъ небольшомъ утесѣ, отвѣтилъ: „Kandy". Инженеръ принялъ слово это за названіе столицы и тотчасъ же, исковеркавъ по-своему туземное произношеніе слова, согласно обычаю, записалъ его въ качествѣ имени столицы острова.

Въ свое время и мнѣ пришлось заплатить дань этой дурной національной привычкѣ англичанъ. При первомъ посѣщеніи сада, добрѣйшій Трейманъ любезно самъ водилъ меня всюду. Заинтересованный тѣмъ или другимъ растеніемъ, съ которымъ у меня еще недоставало личнаго знакомства, я, конечно, спрашивалъ директора его названіе и часто слышалъ, хотя и не вполнѣ чуждыя, но странно звучащія слова. Принявъ въ соображеніе обычай англичанъ все произносить по-своему, чтобы убѣдиться въ справедливости своего предположенія, я сдѣлалъ маленькій опытъ и, указывая на близъ стоящее дерево, спросилъ:—Не правда ли, это должна быть Michelia Champaca?—Трейманъ, взглянувъ по указанному направленію, тотчасъ же сочувственно-одобрительно воскликнулъ: — O! yes! Мичелія Чемпекъ — all right, Мичелія Чемпекъ!

Такъ разрѣшилось мое сомнѣніе относительно растеній, на-

званія которыхъ казались мнѣ сначала очень странными въ устахъ достойнѣйшаго директора сада Перадэніи.

Перейдемъ теперь къ Сингапуру. Ботаническій садъ его расположенъ почти на окраинѣ города, вообще очень разбросаннаго, прерываемаго болотистыми лужами и пустырями, скрашенными, впрочемъ, роскошнѣйшею экваторіальною растительностью. Какъ извѣстно, Сингапуръ лежитъ только во 2-мъ ($1^1/_2$) градусѣ сѣверной широты. Первое, что̀ поражаетъ путешественника въ самомъ городѣ, это странное, сплошное предпочтеніе, оказываемое домовладѣльцами, по преимуществу купцами, темно-голубому, или точнѣе свѣтло-синему цвѣту, который, конечно, очень скоро теряетъ свою яркость подъ жгучими лучами сингапурскаго солнца. Какъ бы то ни было, на половину, и даже болѣе чѣмъ на половину, полинявшій городъ Сингапуръ (что̀ значитъ: львиный городъ), важнѣйшій портъ дальняго востока, является сплошь синимъ. Какъ и чѣмъ объяснить такое пристрастіе, нигдѣ, отъ Коломбо до Іокогамы включительно, мнѣ болѣе не встрѣчавшееся? Отыскивая аналогіи, я могъ припомнить, правда, единичные, но нерѣдкіе примѣры окраски въ такой именно цвѣтъ иныхъ церквей и купеческихъ домовъ у насъ въ Москвѣ; но при этомъ обнаруживалось обыкновенно, что домовладѣлецъ, онъ же и церковный староста, выкрасивъ въ излюбленный имъ свѣтло-синій цвѣтъ ввѣренный его попеченію храмъ, поступилъ также кстати и со своимъ собственнымъ домомъ—не болѣе; что же въ сущности общаго между любителями синей окраски, всѣми домовладѣльцами Сингапура—и нѣкоторыми Москвы? Вопросъ остается открытымъ!

Итакъ, по превосходному шоссе, во многихъ мѣстахъ усаженному священными смоковницами, Ficus religiosa L., рѣзко отличающимися отъ прочихъ видовъ рода Ficus длинными заостреніями своихъ внезапно съуживающихся у верхушки широко-сердцевидныхъ листьевъ, отправимся въ ботаническій садъ, въ коляскѣ, запряженной некрасивыми и мелкими пони, управляемыми обыкновенно чернымъ тамиломъ, съ длинными распущенными по плечамъ или связанными на затылкѣ въ большой узелъ волосами. [illegible]ановимся, однакоже, сначала нѣсколько на Ficus religiosa, этой [illegible]ъемлемой принадлежности каждаго буддійскаго храма, гдѣ [illegible]ремѣнно рядомъ съ послѣднимъ стоитъ и такъ-называемая [illegible]оba"—сооруженіе безъ дверей и оконъ различной величины,

16*

но всегда имѣющее приблизительную форму стоящаго на землѣ колокола.

Подъ дагобою хранятся, недоступныя взору даже и правовѣрныхъ буддистовъ, какія-либо реликвіи самого Будды,—часть его одежды или что-либо подобное, а рядомъ съ „дагобою всегда должна рости и Ficus religiosa—„Bo-gaha"; по-санскритски это значитъ: „святое дерево", такъ какъ подъ Bo-gaha именно пребывалъ долгое время въ постѣ и бдѣніи великій Будда-Савіамуни. Здѣсь побѣдилъ онъ силою воли и молитвы всѣ немощи человѣка, препятствующія его слiянію съ божествомъ на лонѣ всезабвенія—нирваны. Это были: голодъ, жажда, сонъ и чувственныя наслажденія.

Подъ сѣнью Bo-gaha потерпѣли полное и постыдное пораженіе тщетно соблазнявшія Будду—подъ предводительствомъ самого верховнаго бога зла, „Ката"—„апшаръ", обольстительныя, дивныя красавицы, дѣвы-демоны; и вотъ, когда всѣ онѣ, побѣжденныя, наконецъ, святостью Будды, смущенныя и робкія склонились безпомощно предъ нимъ,—свершилось просвѣтленіе великаго учителя: онъ вкусилъ блаженство нирваны и, ставъ съ той поры выше человѣческихъ желаній и страстей, слился всецѣло съ божествомъ, ставъ превыше всего земного и тлѣннаго!

Таково религіозно-поэтическое значеніе Bo-gaha; практически же она замѣчательна лишь какъ дерево, доставляющее (путемъ укола насѣкомаго Coccus laccae) особую смолу, идущую на приготовленіе лака и сургуча. Дерево это даетъ также и каучукъ, плохого качества впрочемъ.

Дорога въ ботаническій садъ Сингапура идетъ между тѣнистыми садами. Она наполнена, кромѣ обыкновенныхъ, запряженныхъ лошадьми экипажей, еще и двуколесными колясочками; ихъ везутъ обнаженные до пояса люди, бурые тамилы или желтые малайцы. Колясочки эти японскія: джинъ-рикъ-ша (китайское, весьма популярное на крайнемъ востокѣ, слово, обозначающее: человѣкъ—сила—коляска, тогда какъ по-японски собственно колясочка эта зовется: курума). Итакъ, здѣсь извозчикъ-лошадь уже не коричневый сингалезъ, какъ въ Коломбо, но чернобурый тамилъ или, чаще всего, желтый, съ толстыми губами, малаецъ, въ пестрой короткой юбкѣ (саронгъ) и широкополой соломенной шляпѣ. Тяжести перевозятся въ Сингапурѣ, какъ и на Цейлонѣ, въ большихъ двуколесныхъ фурахъ, запряженныхъ крупными и сильными, обыкновенно сѣрыми или бѣлыми, горбатыми быками—зэбу; но здѣсь эти терпѣливые длиннорогіе труженики уже не исчерчены безжалостно выведенными каленымъ желѣзомъ по всему

тѣлу фигурами и письменами, какъ на Цейлонѣ. Они только украшены ошейниками съ колокольчиками, а на рогахъ ихъ красуются мѣдныя кольца и такіе же шарики на концахъ послѣднихъ. Своеобразныя украшенія эти придаютъ быкамъ особо-характерный, нѣсколько фантастическій видъ, такъ хорошо гармонирующій съ наружными затѣйливыми орнаментами браманскихъ и буддійскихъ храмовъ, да и вообще со всею остальною индійскою обстановкою Сингапура.

Сады частныхъ собственниковъ, окаймляющіе улицы, правильнѣе—просто дорогу въ садъ ботаническій, отдѣлены отъ шоссе низкою живою изгородью изъ стриженнаго „подъ гребенку“, т.-е. ровною стѣнкою, особаго вида низкорослаго и мелколистнаго бамбука. Сады эти состоятъ изъ характерныхъ для Малаки и совершенно чуждыхъ для насъ плодовыхъ деревьевъ и другихъ украшающихъ растеній.

Къ первымъ принадлежатъ: мангустанъ—Garcinia Mangostana L. (Clusiaceae), съ его свѣтлосѣрымъ, иногда почти бѣловатымъ стволомъ, округло-пирамидальною массою блестящей темнозеленой жесткой и крупной листвы и коричневыми, кожистыми снаружи, сочными и бѣлыми внутри плодами, снабженными остающеюся свѣтлозеленою чашечкою. Мангустанъ—это всѣми признаваемый перлъ между экваторіальными плодами; и дѣйствительно, охлажденная на льду бѣлая, едва розоватая, почти полужидкая масса этого роскошнаго плода (сохраняющаяся даже и при такихъ условіяхъ лишь очень недолго), которую ѣдятъ ложечкою, обладаетъ весьма нѣжнымъ, сладкимъ и въ то же время едва кисловатымъ, напоминающимъ хорошее плодовое мороженое, вкусомъ. Масса эта заключаетъ, впрочемъ, большое и горькое сѣмя, которое нельзя безнаказанно раскусить, а кожистая оболочка, ядовитая у плодовъ незрѣлыхъ (мангустанъ—родной братъ вида, дающаго ядовитый гумми-гутъ (Garcinia Morella Desrousseaux, лекарство и краску), у плода созрѣвшаго хотя и безвредна уже, но обладаетъ непріятно-вяжущимъ вкусомъ.

Весьма своеобразнымъ является также рамбутанъ—Nephelium Lappaceum L. (Sapindaceae). Краснобурые, сильно мохнатые, величиною въ мелкое яблоко, яйцевидно удлиненные плоды его, заключающіе въ себѣ сочную бѣловатую, съѣдомую, облекающую т дое сѣмя массу, нерѣдко пригибаютъ, несмотря на свою и ьшую величину, къ землѣ вѣтви несущаго ихъ дерева: такъ в ка тяжесть, обусловливаемая ихъ сильнымъ урожаемъ.

„Рамбутъ“ по-малайски значитъ: волосъ, „анъ“—покрытый, н аніе весьма удачное и характерное. Рамбутанъ—дитя экватора;

область его распространенія ограничивается почти исключительно Большими Зондскими островами, Сингапуромъ и Малакою; поэтому даже и за роскошнымъ столомъ превосходныхъ французскихъ пароходовъ индо-китайско-японской линіи общества „Messageries-Maritimes“ рамбутаны появляются не часто и „на краткій мигъ“ только.—Извѣстно, что никто не странствуетъ такъ часто по бѣлу свѣту, одного безсмысленнаго шатанія ради, какъ англичане. Такой „globe-trotter“ очень типиченъ: наивно вѣруя, что все на свѣтѣ существуетъ лишь для его „британскихъ интересовъ“ и даже для него лично только, не допуская обыкновенно иной мысли и въ другихъ, такой „благополучный“ сынъ Альбіона способенъ прослѣдовать отъ Марселя до Іокогамы, конечно, если можно, на французскомъ пароходѣ (потому что его собственные и хуже, и дороже), закрывшись отъ всего окружающаго безконечнымъ листомъ англійской газеты, которую онъ оставляетъ лишь для „whiski-soda“ или „brandy-soda“, если не для обѣихъ вмѣстѣ, для виста или для игры въ „palet“; увы! его родной „крикетъ“ (не смѣшивайте съ „крокетомъ“) не имѣетъ права гражданства на французскихъ пароходахъ. Все остальное для него не заслуживаетъ никакого вниманія!

Вотъ почему всякое новое явленіе окружающей природы или иныхъ общественныхъ и этнографическихъ отношеній и условій,—если Англіи нельзя при этомъ поживиться чѣмъ-нибудь,—имъ игнорируется. Все это ему совершенно чуждо и незанимательно. Зато тутъ нерѣдко и случается, на пути между Сингапуромъ и Сайгономъ, великій соблазнъ именно съ рамбутаномъ, даже если такой „globe-trotter“ совершаетъ путь по Китайскому морю и не въ первый разъ. Рамбутанъ вообще, какъ уже сказано, очень рѣдкій гость изобильнаго table d'hôte парохода, и вотъ вдругъ попадаются иногда за дессертомъ эти невиданные и, конечно, неслыханные плоды съ ихъ кожистою красно-бурою, мягко-лохматою, но очевидно несъѣдомою оболочкою. Какъ быть? Ѣсть надо непремѣнно все: вѣдь деньги за все заплачены, не пропадать же имъ,—а какъ приняться за ѣду невѣдомаго плода, не только не отступая отъ малѣйшихъ условій „джентльменской ѣды“ (вѣдь, какъ и обѣденный туалетъ, это едва-ли не главная жизненная задача globe-trotter'а), но даже и совсѣмъ не зная, откуда и какъ взяться за невѣдомый плодъ, не нарушивъ приличій? Все это „shoking“ для нашего чаще лишь quasi-„perfect gentleman“, „very shoking“ для его очень длинной и почти всегда очень сухой и плоской, длинношеей и длиннозубой соотечественницы, усердно охотящейся за нимъ, въ предѣлахъ, дозволяемыхъ лицемѣріемъ англійскихъ

приличій, въ тщетной и, увы, сильно запоздалой уже надеждѣ, огибая земной шаръ, причалить, наконецъ, если не на твердой почвѣ, такъ хотя бы на бортѣ парохода, къ постоянно ускользающей пристани Гименея [1])!

Вотъ какія затрудненія способенъ подчасъ причинить невинный и вкусный рамбутанъ на большой дорогѣ всего свѣта! Справиться же съ нимъ очень просто: наружная кожистая оболочка плода легко лопается подъ давленіемъ двухъ пальцевъ и еще легче, при томъ же и совершенно опрятно и гладко, вылущается цѣликомъ вкусная мясистая бѣлая масса плода съ твердымъ, несъѣдомымъ сѣменемъ внутри; послѣднее, конечно, бросаютъ.

За мангустаномъ, по его достоинствамъ, слѣдуетъ плодъ „манго". Дерево манго, Mangifera Indica (Anacardiaceae), обладаетъ великолѣпною, развѣсистою, густолиственною вершиною; по концамъ вѣтвей оно увѣшено крупными золотисто-желтыми плодами, величиною въ гусиное яйцо и даже болѣе. Длинныя ножки плодовъ манго нерѣдко собраны цѣлыми кистями; а вотъ рядомъ съ этими деревьями, какъ бы протягивая къ вамъ, черезъ живую изгородь стриженнаго бамбука, длинныя руки своихъ пальчатыхъ семи-лопастныхъ листьевъ, красуется такъ-называемое дынное дерево, Carica Papaya L. (Papayaceae), и выдвигается впередъ глубоко-вырѣзная, лакированная, темнозеленая листва уже знакомаго намъ дерева хлѣбнаго (Atrocarpus incisa L.), вмѣстѣ съ цѣлыми рядами пизанговъ, Musa Sapientum L. (иначе бананъ), вершина стебля которыхъ склоняется иногда чуть не до земли подъ тяжестью громадной верхушечной кисти ихъ конечнаго соплодія, на которомъ мутовчатыми кольцами расположены постепенно созрѣвающіе отъ основанія къ верхушкѣ плоды банановъ, этой главной пищи мѣстнаго населенія.

О кокосовой (Cocos nucifera L.) и арэка (Areca Catechn L.) пальмахъ нечего и говорить: онѣ неизбѣжны здѣсь вездѣ и всюду.

Любимыми украшающими садовыми растеніями являются здѣсь столь характерная по своему виду, уже знакомая намъ Ravenala Madagascariensis и округленныя купы очень свѣтлыхъ, желтовато-зеленыхъ, у вершины и по концамъ вѣтвей почти бѣлыхъ деревьевъ, которыя мѣстные англичане, по цвѣту ихъ листьевъ, зовутъ „латуковымъ деревомъ", Lettuce tree. По цвѣту листьевъ де-

---

[1]) На большой дорогѣ всего свѣта—между Суэцомъ, Іокогамою, Санъ-Франциско (и Ванкуверомъ), Нью-Іоркомъ и Лондономъ—едва-ли не на каждомъ большомъ [пар]одѣ можно встрѣтить, иногда по нѣскольку за-разъ, такихъ охотящихся за [муж]ьями дочерей Альбіона.

ревья эти дѣйствительно сходны съ бѣловатою зеленью салата-латука (Lactuca Sativa L.).

Дерево это, Pisonia Morindifolia Br. (Fam. Nyctaginaceae), впрочемъ, кромѣ цвѣта листьевъ, съ названнымъ растеніемъ ничего общаго не имѣетъ.

Часто деревья украшены очень своеобразно—поселившимися на нихъ причудливыми папоротниками-эпифитами, Platicerium grande J. Sm. и Asplenium Nidus L. Оба они—эпифиты, то-есть растенія, поселяющіяся на деревьяхъ, правда, но питающіяся не соками послѣднихъ, какъ настоящіе паразиты, а только прикрѣпляющіяся къ своимъ хозяевамъ и пріуроченныя къ питанію воздушному, почерпаемому изъ воздушной, насыщенной водяными парами, здѣсь всегда влажной атмосферы.

Platicerium grande J. Sm. поражаетъ своею оригинальностью. Плотные и кожистые, мелкозубчатые по краямъ и дихотомически дѣлящіеся листья его, превышающіе своею длиною размѣры человѣческаго роста, поднимаются почти вертикально вверхъ, параллельно со стволомъ дерева, на которомъ поселился эпифитъ, тогда какъ листья, несущіе споры (плодоносные) и дихотомирующіе еще болѣе рѣзко, на подобіе оленьихъ роговъ (длиною въ два и болѣе метровъ), висятъ внизъ. Нерѣдко они касаются почвы и даже лежатъ частью прямо на землѣ.

Таковъ, напримѣръ, великолѣпный Platicerium grande Sm., ростущій на одномъ изъ деревьевъ прекраснаго сада нашего гостепріимнѣйшаго и радушнаго консула въ Сингапурѣ, А. М. Выводцева. Не менѣе интересенъ, конечно, также свойственный Сингапуру и Явѣ Aspidium Nidus L. Укороченный до степени неглубокаго, полаго диска стебель его, окаймленный рядомъ громадныхъ, превышающихъ ростъ человѣка, простыхъ (не дѣлящихся), мелко- и рѣдко-зубчатыхъ по краямъ листьевъ этого папоротника дѣйствительно напоминаетъ собою гигантское птичье гнѣздо. Эпифитъ этотъ равно оригиналенъ, является ли онъ приросшимъ къ самому стволу, или раскидывается привольно на горизонтальной вѣтви какого-нибудь гиганта дерева.

Самъ ботаническій садъ Сингапура представляется со своего казового конца лишь роскошнымъ городскимъ паркомъ, гдѣ красивыми группами, но безъ всякой системы расположены различнѣйшіе представители флоры тропиковъ обоихъ полушарій. Превосходныя широкія шоссированныя дороги, окаймленныя обыкновенно сплошными зарослями очень крупнаго папоротника, Gleichenia dichotoma, служатъ любимымъ мѣстомъ вечерней прогулки представителей европейской колоніи Сингапура въ экипажахъ и

верхомъ. Не мало содѣйствуетъ также красотѣ сада и прудъ, гдѣ привольно ростетъ и красуется южно-американская красавица: Victoria regia Lindley (Nymphaeaceae) вмѣстѣ со священнымъ цвѣткомъ Брамы и Будды, лотосомъ Индіи и Цейлона: Nelumbium speciosum Wildenow. Очень крупные розовые и бѣлые цвѣтки послѣдняго всегда лежатъ вмѣстѣ съ цвѣточными метелками пальмы Areca Catechu, въ видѣ жертвоприношенія предъ изображеніями и статуями Будды и въ храмахъ поклонниковъ Вишну.

Согласно воззрѣніямъ священныхъ преданій браманитовъ, міръ произошелъ такъ: на поверхности „Океана Вѣчности" появился цвѣтокъ священнаго лотоса. Творецъ боговъ и людей, великій Брама, заключилъ себя въ яйцо, покоившееся на днѣ этого цвѣтка и пребывалъ внутри яйца, доколѣ явившееся въ божественной груди „Желаніе", впослѣдствіи само ставшее богомъ любви, вожделѣній и страстей, „Кама", не возбудило потребности освобожденія изъ яйца. Силою божественной воли послѣднее раскололось на двѣ равныя половины: нижняя, окруженная океаномъ, стала землею, верхняя—сводомъ небесъ. Затѣмъ создалъ Брама и двухъ главныхъ боговъ: Вишну—охранителя и зиждителя, и Сиву (иначе Maha Dowa)—разрушителя, но въ то же время и создателя—представителя оплодотворяющей и вызывающей жизнь силы. Такъ возникла вселенная и управляющая ею тройственная божественная сила: Брама, Вишну и Сива въ образѣ Тримурти, олицетворяющей въ себѣ слитыми во-едино всѣ три главныя божества браманскаго культа.

Во время моего послѣдняго посѣщенія Сингапура, въ концѣ іюня 1891-го года, невольное вниманіе приковывало къ себѣ также великолѣпное и очень ядовитое, пышно цвѣтущее дерево: Fagraea infernalis Miquel (Loganiaceae). Громадные, въ видѣ изящной воронки, сначала чисто бѣлые, затѣмъ желтоватые цвѣтки его, до 25 центиметровъ длиною, при 20 центиметрахъ наибольшаго поперечника, обладаютъ очень пріятнымъ, но наркотическимъ и одуряющимъ по своей силѣ запахомъ. Fagraea imperialis ближайшая родственница дерева, доставляющаго такъ-называемые рвотные орѣхи, Strychnos Nux vomica L., изъ которыхъ добывается стрихнинъ.

Въ сторонѣ отъ посѣщаемой публикою части сада расположены питомники техническихъ и врачебныхъ растеній жаркой полосы всего земного шара. Между ними первое мѣсто по своей ценности занимаютъ нѣкогда столь обильныя на Сингапурѣ и Малаккѣ, а теперь совершенно истребленныя деревья: Dichopsis Palaquium Gutta Bentley et Trimen (Sapotaceae), доставляю-

щія настоящую гутта-перчу. Вообще систематическое развед-ніе различныхъ врачебныхъ и техническихъ растеній ведется т-перь здѣсь очень энергично и съ большимъ знаніемъ дѣла чре-вычайно симпатичнымъ и обладающимъ глубокими познаніям недавно лишь назначеннымъ директоромъ сада—докторомъ Ridle любезности котораго я обязанъ очень многимъ при изученіи са Сингапура.

Въ концѣ іюня 1891 года докторъ Ridley отправился продолжительную экспедицію на Малаку, въ Джогоръ и далѣ Внѣ всякаго сомнѣнія, онъ возвратится (теперь, конечно, возвр-тился уже) оттуда съ новыми богатыми научными сокровищам которыя не ускользнутъ отъ его компетентнаго вниманія и горяч любви къ наукѣ.

Ботаническій садъ города Сайгона, главнаго порта (ки метрахъ въ 50 отъ моря) принадлежащей въ настоящее вре Франціи Камбоджи (прежде—часть Аннама), расположенъ на кущей въ болотистыхъ берегахъ рѣкѣ Don-naï, настолько г-бокой во время прилива, что громадные океанскіе парох свободно доходятъ до Сайгона во время прилива. Это краси чистенькій городокъ, заселенный безобразными желтыми ан-митами, по своему антропологическому типу очень близкими китайцамъ, въ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ (несмотря родство) ихъ безпощадно подавляющими. Независимо отъ т сходства, аннамиты обнаруживаютъ въ то же время своимъ в нимъ видомъ принадлежность и къ типу малайскому. Сва жилища ихъ сохраняютъ также вполнѣ еще характеръ на ныхъ малайскихъ хижинъ Сингапура, Малаки и Зонд островов.

Неизбѣжными спутниками всякаго человѣческаго жилища гона, какъ и вообще этихъ широтъ, являются дынныя д (Carica Papaya L.), кокосы (Cocos nucifera L.) и арэка (Catechu L.). Городскія улицы Сайгона усажены изящны маріндами, Tamarindus Indica L., съ ихъ мелкимъ кру яркозеленыхъ листьевъ, и обремененными золотыми плодам нистыми мангами: Mangifera Indica L. Часто попадается также и Ficus religiosa L. Послѣдняя, какъ и въ Сингапур рѣдко и внѣ ограды буддійскихъ храмовъ.

Сайгонъ характеризуется еще самыми мелкими и безобр лошадками-пони, какихъ я встрѣчалъ гдѣ-либо на крайне токѣ, и въ особенности безпощадными москитами. Климатъ нездоровъ; благодаря удушливымъ жарамъ, солнечные

дизентеріи и злокачественныя лихорадки очень тяжело отзываются здѣсь на здоровьѣ жителей—европейцевъ въ особенности. Срокъ строевой службы присылаемыхъ изъ Франціи солдатъ—трехъ-лѣтній, но большая часть изъ нихъ уже на второмъ году пребыванія въ Камбоджѣ должна быть, по болѣзни, возвращаема обратно.

Садъ города—одновременно зоологическій и ботаническій—не представляетъ ничего замѣчательнаго въ научномъ отношеніи. Однакоже большинство растеній, при полномъ отсутствіи систематическаго распредѣленія ихъ, снабжены правильными опредѣленіями; животныя хорошо содержимы и помѣщены, но зато уже совсѣмъ безъ названій. Очень богато представлена здѣсь группа водяныхъ и голенастыхъ птицъ.

Весьма хороши далѣе: черный леопардъ, вѣерные голуби, гусы и роскошные экземпляры крокодила: Crocodilus porosus, вно какъ гигантской ящерицы-монитора: Varanus bivittatus. тересна также очень и „канхиль", карликовая кабарга́—Tragulus pygmaeus, помѣщенная между куликами и бекасами, кото-е обыкновенно и побѣждаютъ ее въ борьбѣ за брошенный ба-ъ, если только индійскій журавль, Grus Vizgo, не успѣетъ во-я помирить обѣ стороны безапелляціоннымъ присвоеніемъ спор- добычи.

Третьимъ и послѣднимъ изъ видѣнныхъ мною англійскихъ бо-ческихъ садовъ тропиковъ является садъ Гонгъ-Конга, этого поля крайняго востока по амфитеатру его бухты, Гибралтара—стратегическому да вдобавокъ еще и торговому значенію.

Весьма живописнымъ представляется самъ городъ, улицы ко-го такъ круто поднимаются въ гору, что одни дома оказы-ся стоящими надъ другими. Между ними залегла на полугорѣ нная масса зелени ботаническаго сада, ограниченная справа ысокою, остроконечною башенкою колокольни городской церкви. ко надъ городомъ поднимается почти отвѣсный пикъ, имѣю-около 800 футовъ надъ уровнемъ моря.

Вершину этой горы вѣнчаетъ оптическій телеграфъ; лѣвѣе оложенъ красивый „Terminus-Hotel", какъ бы царящій надъ домъ и моремъ. Канатная желѣзная дорога, двигательная ма- которой находится близъ Terminus-Hotel, въ пять минутъ до-тъ васъ изъ города наверхъ или сверху внизъ при помощи вагоновъ, движущихся по металлическому канату въ противоположномъ направленіи и постоянно встрѣчающихся на полъ- причемъ вы летите почти вертикально вверхъ или внизъ.

Гонгъ-Конгъ, построенный, какъ извѣстно, на островѣ, уже

настоящій представитель „Небесной Имперіи", выхваченный у Китая Англіею, здѣсь очень плотно запустившею въ него (да и въ него ли только?) свои крѣпкія лапы. Въ садъ можно попасть или пѣшкомъ, что̀ очень утомитъ васъ, или въ легкихъ носилкахъ, на плечахъ двухъ китайцевъ.

Садъ Гонгъ-Конга, красиво разбросанный по склонамъ холмовъ, съ цвѣтниками, въ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ на себя виды крупныхъ, уже не эпифитныхъ, а ростущихъ въ землѣ орхидей: туземнаго Prajus grandifolius Lindley и индійскаго Ph. albus Lindley и проч. Тщетно стали бы мы отыскивать здѣсь кокосъ; близость границы тропика (22° с. ш.) не допускаетъ его уже въ эту широту; зато во всемъ блескѣ громадныхъ размѣровъ красуется и привольно цвѣтетъ здѣсь свойственная южному Китаю Levistonia Chinensis Br., столь обычная у насъ въ теплицахъ и комнатахъ подъ другимъ своимъ именемъ—латаніи (Latania borbonica Martius).

На болѣе холодную зиму указываютъ здѣсь также и роскошныя, гигантскія, темнозеленыя, изящныя араукаріи Австраліи (Araucaria Bidwillii Hooker, A. Cunninghamii Ait.) и Новой Каледоніи (A. Cookii Br.), вмѣстѣ съ длинно-игольчатою китайскою сосною, Pinus Sinensis Lamb.

Причудливые эпифитные папоротники, уже гораздо болѣе скромныхъ размѣровъ, чѣмъ родственные гиганты Сингапура, имѣютъ здѣсь еще своего представителя; таковъ: Platycerium biforme Hooker, свѣшивающійся съ иныхъ деревьевъ сада.

Изъ всѣхъ англійскихъ ботаническихъ садовъ тропиковъ садъ Гонгъ-Конга наименѣе удовлетворяетъ даже и самымъ скромнымъ научнымъ требованіямъ. Директоромъ его состоитъ Ford,—человѣкъ, какъ передавали мнѣ, даже не имѣющій академическаго образовательнаго ценза, дающаго ему право на занятіе должности директора сада.

Тѣмъ не менѣе, садъ Гонгъ-Конга содержитъ въ себѣ одно растеніе, ни въ какомъ саду всего міра не встрѣчающееся болѣе: это—единственный экземпляръ дерева, доставляющаго бадьянъ или такъ-называемый звѣздчатый анисъ, Illicium verum Hooker. Несмотря на то, что звѣздчатый анисъ и добываемое изъ него эѳирное масло, по своему составу, запаху и вкусу не отличающееся отъ масла аниса обыкновеннаго (Pimpinella Anisum L.), вывозится съ незапамятныхъ временъ въ значительномъ количест изъ южнаго Китая, Тонкина и Аннама, само производящее р стеніе было только въ 1882 году доставлено въ садъ Гонгъ-Ко изъ Пакоя (самой южной гавани Китая въ Тонкинскомъ за вѣ

Это было нѣсколько экземпляровъ молодыхъ растеній, присланныхъ сюда черезъ англійскаго консула изъ Пакоя. Часть ихъ отослали въ лондонскій ботаническій садъ Кью (Kew). Одно изъ послѣднихъ зацвѣло тамъ въ 1887 году, причемъ и оказалось новымъ, еще не описаннымъ нигдѣ видомъ, который Hooker назвалъ Illicium verum, замѣнивъ этимъ реальнымъ именемъ фантастическій видъ—Illicium Anisatum, описанный Loureiro наугадъ (онъ, какъ и никто, до 1887 года не видалъ самого растенія) въ его кохинхинской флорѣ. Въ настоящее время въ Гонгъ-Конгѣ осталось только единственное во всѣхъ ботаническихъ садахъ дерево бадьяна, такъ какъ экземпляры Кью (Kew) пропали прошлою зимою. Мнѣ сообщилъ это лично директоръ сада Кью: Shiselton-Dyer, во время моего возвращенія въ Европу черезъ Лондонъ, въ августѣ прошедшаго года. Интересно, что собранные мною молодые плоды (къ сожалѣнію, растеніе отцвѣло всего лишь за нѣсколько дней до моего прибытія въ Гонгъ-Конгъ, въ мартѣ текущаго года), листья и вѣтви, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, сохраняли упорно свой характерный запахъ и сладкій вкусъ, тождественные со вкусомъ и запахомъ аниса обыкновеннаго.

Перейдемъ теперь къ Явѣ. Когда на 7-й или 8-й день плаванія отъ Адэна къ Цейлону, на горизонтѣ покажется, наконецъ, сначала едва замѣтная полоса земли, обнаружатся на ней высокіе, тонкіе, изящные и постоянно искривленные кокосы [1]), какъ бы рвущіеся на встрѣчу къ ласкающему ихъ морскому прибою, блеснетъ на ярко синемъ небѣ обливаемый жгучимъ солнечнымъ свѣтомъ, ослѣпительно бѣлый маякъ Коломбо и за гигантскимъ моломъ его богатаго судами рейда раскинется передъ взорами утомленнаго моремъ путника самый городъ, торговый центръ всего острова,—тогда путникъ этотъ, забывъ неблагодарно прекрасную обстановку своего плавучаго дома—превосходнаго во всѣхъ отно-

[1]) Двѣ пальмы наибольшей культурной важности: уже знакомая намъ арэка и кокосъ, при одинаковыхъ условіяхъ тонкости и высоты ствола ихъ, являютъ, въ отношеніи прямизны послѣдняго, полную противоположность: взрослый кокосъ всегда настолько же обязательно искривленъ, насколько пряма арэка. „Вѣрить женщинѣ такъ же трудно, какъ найти прямой кокосъ“, гласитъ пословица сингалезовъ. Затѣмъ ды считая обезьянъ животными священными, могущими, конечно, быть убиваемыми ве ивыми бѣлыми пришельцами, но естественною смертью не умирающими, и зная, на ько тщательно скрываетъ мѣстный бичъ рисовыхъ полей, „пожиратель риса“, св гнѣздо, сингалезы говорятъ еще: „кто увидитъ когда-либо прямой кокосъ, найдет гнѣздо рисовой птицы или трупъ умершей естественнымъ путемъ обезьяны, тотъ можетъ разсчитывать на безсмертіе“.

шеніяхъ французскаго парохода общества „Messageries Maritimes", позабывъ дивныя ночи Индійскаго океана, сопровождаемыя великолѣпнымъ, какъ нигдѣ, фосфорическимъ свѣченіемъ моря, стада летучихъ рыбъ (Exocoetus evalans), развлекавшихъ его днемъ,—неблагодарно забывъ все это, устремится прежде всего ступить какъ можно скорѣе на твердую землю, покинутую имъ въ Адэнѣ уже недѣлю тому назадъ.

Въ этомъ стремленіи скажется явно прежде всего, конечно, то глубокое, такъ сказать безсознательное, предпочтеніе человѣкомъ суши морю, которое свойственно ему даже и при самыхъ лучшихъ и пріятныхъ условіяхъ плаванія—свойственно всѣмъ, не исключая и старыхъ, заслуженныхъ ветерановъ коварной водяной стихіи, равно легко чарующей, какъ и губящей.

Нигдѣ, думается мнѣ, контрастъ инстинктивнаго предпочтенія земли водѣ не выступаетъ такъ рѣзко и ярко, какъ здѣсь, въ особенности для жителя сѣвера, силою пара, въ какой-нибудь мѣсяцъ всего, перенесеннаго среди зимы изъ царства снѣжныхъ мятелей и морозовъ своей далекой родины на дивный островъ Цейлонъ, буквально подавляющій путника фантастическою мощью его растительности, одинаково поражающей вполнѣ чуждыми и непривычными глазу гиперборейца формами, какъ при ослѣпительномъ блескѣ южнаго солнца, такъ и въ ночной тиши. Тогда, залитые яркимъ синеватымъ луннымъ свѣтомъ кокосы, своими рѣзкими, почти угольно-черными, тѣнями повторяются еще разъ на снѣжно-бѣломъ пескѣ побережья океана, могучій прибой котораго, въ самую тихую погоду даже, съ громкимъ и постояннымъ ритмическимъ шумомъ разбивается серебристо-жемчужною пѣною у подножія ихъ стволовъ, также отливающихъ при лунномъ освѣщеніи серебромъ; а въ темно-синемъ небѣ, при неумолкаемомъ и необычно громкомъ (сравнительно съ Крымомъ или Италіею) и звучномъ, могучемъ хорѣ цикадъ, рѣютъ живыми алмазными дугами, подобно крошечнымъ ракетамъ волшебнаго фейерверка природы, миріады свѣтящихся жучковъ и несутся высоко вверхъ какъ бы на встрѣчу не по-нашему яркимъ созвѣздіямъ, между которыми привѣтствуетъ васъ видимый здѣсь уже хорошо, хотя и стоящій еще невысоко надъ горизонтомъ, Южный Крестъ другого полушарія.

Объятый восторгомъ путникъ думаетъ:—Да, дѣйствительно, нѣтъ ничего лучше, богаче и живописнѣе Цейлона!—Ближайшее знакомство съ безчисленными растительными формами острова, сокровища Перадэніи и красота ландшафтовъ горнаго центра его, еще болѣе укрѣпляютъ такое рѣшеніе. Затѣмъ привычка, одно-

образіе закругленныхъ тупыми конусами горныхъ цѣпей, повсемѣстное обнаженіе ихъ отъ дѣвственныхъ лѣсовъ, частью замѣненныхъ уже и все болѣе и болѣе замѣняемыхъ утомляющими глазъ чайными плантаціями, отсутствіе вулкановъ — все это постепенно и непримѣтно ослабляетъ силу перваго впечатлѣнія, но до поры до времени совершенно незамѣтно,—до тѣхъ поръ, пока судьба не поставитъ васъ лицомъ къ лицу съ дивной и дѣйствительно, думаю, ни съ чѣмъ несравнимой красавицей—Явой.

Здѣсь, уже по другую сторону экватора, въ тѣхъ же почти соотвѣтственныхъ широтахъ южнаго полушарія, предстанетъ она предъ вами во всей силѣ и блескѣ своей не уступающей, а въ нѣкоторыхъ частностяхъ и превосходящей Цейлонъ растительности,—предстанетъ во всемъ величіи красы своихъ горныхъ цѣпей и многочисленныхъ вулкановъ, очерченныхъ столь же разнообразно, какъ и прихотливо, насколько однообразны горы и холмы Цейлона. Среди нетронутыхъ еще, дѣвственныхъ лѣсовъ, украшенныхъ роскошными древовидными папоротниками (Alsophila contaminans Wall.), дикими пизангами (Musa frondosa Hr. Bog.), роскошными цвѣтущими эпифитами-ятрышниками (Orchidaceae), изящными ароматическими блѣдно-желтыми кистями нѣкоторыхъ имбирныхъ (Zingiberaceae) растеній (Hedychium coronarium Koen.), ярко-розовыми, съ малиновымъ зѣвомъ и длиннымъ, нитевиднымъ штопорцемъ бальзаминами (Impatiens platypetala Lindley), причудливыми нэпэнтами (Nepenthes phylamphora Wild), листья которыхъ оканчиваются какъ бы настоящими, дѣйствительно снабженными произвольно закрывающимися и открывающимися крышкою кувшинчиками, выдѣляющими внутрь водянистую жидкость,—подъ тѣнью такихъ внушительныхъ лѣсныхъ гигантовъ, какими являются: „Puspa", Gordonia Wallichii D. C. (Ternstroemiaceae) и „Ki-hudian", Engelgardia spicata Lesch (Juglandaceae), верхомъ на маленькомъ, но живомъ и крѣпкомъ, огненномъ яванскомъ „пони" „Kúda" (Kúda—по-явански лошадь), или въ креслѣ-носилкахъ, окруженные кроткими и привѣтливыми яванцами въ ихъ юбкахъ (sarong) и бѣлыхъ коническихъ, почти плоскихъ какъ тарелка шляпахъ, подниметесь вы, между рощами-деревьями Weringin, Ficus Benjaminea L., на вершину вулкановъ Tankubanprau (что значитъ: опрокинутая ладья—по сходству профиля вершины съ о...кинутою лодкою) и Papandaya и даже спуститесь очень ...но верхомъ въ самый кратеръ послѣдняго.

Тогда, стоя на тропинкѣ въ одинъ шагъ шириною только, ...д зыблющейся почвы, боязливо и почтительно удерживаемые ...плечо начальникомъ проводниковъ (Mandur), опасающимся,

чтобы вы какъ-нибудь не вздумали шагнуть въ сторону и при этомъ провалиться совсѣмъ или по крайней мѣрѣ заживо изжариться; среди паровъ горящей сѣры, въ тяжеломъ бѣломъ туманѣ возникающаго при этомъ сѣрнистато ангидрида, между причудливо очерченными туфами, покрытыми ярко-желтымъ слоемъ возгоняющейся предъ вами въ этой лабораторіи природы сѣры, имѣя высоко надъ собою съ трехъ сторонъ частью обнаженныя, частью покрытыя бѣдною растительностью, стѣны кратера Рарапdaya, а съ четвертой—дивную по красотѣ очертаній горную цѣпь, замыкающую горизонтъ,—невольно сдѣлаете вы сравненіе между Цейлономъ и Явою и скажете:—Нѣтъ, поспѣшилъ я тогда рѣшить, что трудно отыскать на землѣ другой такой островъ, какъ сказочная Ланка (санскритское названіе острова). Хорошъ онъ, конечно, но еще лучше, что туда пришлось попасть прежде, чѣмъ сюда!—И вы будете правы.

Чуденъ сказочный Цейлонъ; но какъ сравнить его съ дивною Явою, всю прелесть и чарующую силу которой, конечно, сохранитъ навсегда въ своей памяти каждый, на долю кого выпалъ счастливый жребій познакомиться съ этимъ благословеннымъ уголкомъ земного шара! Но какъ немного найдется между такими счастливцами людей, которые, при всемъ стараніи, даже лишь въ бѣдномъ очеркѣ только съумѣютъ передать читателю, хотя бы приблизительно лишь, всю глубину и силу захватывающаго ихъ чувства величайшаго наслажденія красотами природы и всею поразительною роскошью разнообразнѣйшей растительности Явы, одновременно съ неменѣе страстною жаждою—хотя бы еще разъ въ жизни снова ступить ногою на почву этого дѣйствительнаго земного рая для естествоиспытателя!

Перейдемъ теперь къ важнѣйшему ботаническому саду острова—Бейтэнзоргу. Кому изъ современныхъ ботаниковъ чуждо это слово? Кто изъ нихъ не представлялъ себѣ этотъ дивный уголокъ земли, какъ цѣль завѣтныхъ и для огромнаго большинства изъ нихъ, увы, неосуществимыхъ мечтаній? Однакоже и тотъ счастливецъ, на долю котораго выпадетъ такая завидная участь, будетъ всетаки очень пораженъ. Дѣйствительность далеко превзойдетъ его ожиданія, и притомъ не въ отрицательную, а въ положительную сторону. Какъ часто мы разочаровываемся, если что-либо очень хвалятъ предварительно. Здѣсь наоборотъ: только тотъ, кто лично увидитъ роскошнѣйшую природу Явы, и при томъ въ Бейтэнзоргѣ, при содѣйствіи всѣхъ средствъ и пособій европейской науки, въ лучшемъ, полнѣйшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, —только тотъ постигнетъ вполнѣ: чтò могутъ дать въ своей со-

вокупности ботаническій садъ, лабораторіи, музей, богатѣйшій гербарій тропиковъ обоихъ полушарій и библіотека, полнотѣ и богатству которой приходится завидовать многимъ ботаническимъ институтамъ западной Европы. Все это увидитъ онъ во-очію въ Бейтэнзоргѣ. Самый садъ находится въ городѣ того же имени (голландское слово: Buitenzorg, произносимое какъ Бейтэнзоргъ, соотвѣтствуетъ нѣмецкому выраженію: ohne Sorge: безъ заботъ). Городъ является административнымъ центромъ резидентства Preang и мѣстомъ постояннаго пребыванія генералъ-губернатора голландской Индіи, дворецъ котораго находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ садомъ. Послѣдній основанъ въ 1817 году Rheinwardt'омъ. Незначительный городъ (30—40 тысячъ жителей) Бейтэнзоргъ находится отъ Батавіи, столицы Явы, въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, и лежитъ на высотѣ 800 футовъ надъ уровнемъ моря. Онъ пріютился между двумя вулканами: Салакъ (Salak) и Гедэ (Gedeh). Послѣдній всегда курится; первый, у подножія котораго расположенъ городъ, бездѣйствуетъ съ 1699 года. Протяженіе земли подъ садомъ, до 1890 года равнявшееся 36 гектарамъ, увеличилось въ настоящее время до 50, благодаря пріобрѣтенію, покупкою у частнаго лица, участка земли по другую сторону небольшой рѣки Tjiliwong, служившей прежде живымъ урочищемъ сада съ востока. Съ юга и запада границею сада является большая центральная почтовая дорога (шоссе) всего острова, тогда какъ на сѣверъ садъ граничитъ непосредственно со звѣринцемъ (Олені паркъ) и дворцомъ генералъ-губернатора. Со стороны почтовой дороги садъ отдѣленъ оградою, состоящею изъ низкихъ, въ половину вышины роста человѣка, усѣченныхъ столбовъ-конусовъ, покоящихся на широкихъ основаніяхъ. Столбы соединены между собою свободно висящею чугунною цѣпью и окрашены въ бѣлый, а основанія ихъ въ черный цвѣтъ. Такова вообще окраска всѣхъ оградъ, воротъ и мостовъ (очень часто крытыхъ для защиты отъ солнца), правительственныхъ сооруженій Явы.

Главный въѣздъ въ садъ—тяжелыя, массивныя бѣлыя ворота, позади которыхъ, недалеко въ глубь, расположены: превосходное и обширное жилище директора и уютные дома товарища его, равно какъ и другихъ, принадлежащихъ къ администраціи са[...] лицъ. Противъ главныхъ воротъ, со стороны улицы, двѣ и[...]ція пальмы: одна вѣерная—Borassus flabelliformis L., „Lontar“ ту[...]цевъ, громадный, темносѣрый стволъ которой увѣнчанъ верш[...]ю опахаловидныхъ листьевъ; другая перистая—хорошо уже зн[...]чый намъ кокосъ, Cocus nucifera, „Kelapa“ яванцевъ. Пре-

восходная аллея изъ деревьевъ „кэнари", Canarium commune L. (Burseraceae), роскошно разрослась здѣсь на родной почвѣ и тянется черезъ садъ по направленію ко дворцу генералъ-губернатора.

Далеко вверхъ уходятъ гигантскіе, 60-ти-лѣтніе (посажены бывшимъ директоромъ Teissmann'омъ), свѣтлосѣрые стволы этихъ могучихъ деревьевъ, вышиною до 30 метровъ, нерѣдко снабженныхъ у основанія расходящимися въ стороны откосами, съ плоскими, далеко выдающимися въ стороны ребрами. Послѣднія образуютъ естественные контрфорсы, имѣющіе видъ какъ бы искусственно придѣланныхъ къ стволу дерева досокъ. Эпифиты—изъ семейства аронниковыхъ (Araceae); роды—Pothos, Scindapsus, и между ними преимущественно хорошо знакомое намъ комнатное растеніе, южно-американская Monstera pertusa De Vriese (Phylodendron pertusum нашихъ садовниковъ), взбирается по этимъ стволамъ вверхъ до высоты 10 метровъ приблизительно. Плотная темнозеленая листва вершинъ деревьевъ „кэнари" даетъ роскошную густую тѣнь, столь желанную и далеко не частую у древесныхъ формъ этихъ широтъ. Во время моего пребыванія на Явѣ (въ іюнѣ) деревья были покрыты плодами: особаго рода орѣхами, сѣмена которыхъ съѣдобны; они замѣняютъ здѣсь миндаль, который напоминаютъ и вкусомъ. Аллея ведетъ черезъ садъ мимо большого пруда ко дворцу генералъ-губернатора. Владѣнія послѣдняго граничатъ непосредственно съ землями сада. Здѣсь, уже внѣ послѣдняго, обращаетъ на себя невольно вниманіе другая достопримѣчательность Бейтэнзорга—аллея верингій (Weringin), Urostigma Benjaminum Miquel—Ficus Benjaminea L., замѣняющая собою на Явѣ баніанъ (Ficus Bengalinsis L.) Индіи и Цейлона. Отношеніе вторичныхъ, дочернихъ стволовъ къ материнскому, дающее въ результатѣ цѣлую дерево-рощу, здѣсь часто даже еще причудливѣе, въ смыслѣ образованія какъ бы воротъ, арокъ или отсѣтей, сросшихся между собою гигантскими петлями вторичныхъ стволовъ, внутри которыхъ заключенъ первоначальный стволъ материнскій. Повислыя, сѣро-бѣловатыя вѣтви мелкой относительно листвы также составляютъ характерную особенность этого рода смоковницы, отличающую ее отъ другихъ близкихъ видовъ. Аллея кэнари раздѣляетъ весь садъ на двѣ неравныхъ части: бо̀льшую — восточную, и мѐньшую — западную. Здѣсь, въ строжайшемъ научно-систематическомъ порядкѣ, при крайней щепетильности и полнотѣ діагнозовъ (въ смыслѣ ихъ синонимія), расположены безчисленныя растительныя сокровища экватора и обоихъ тропиковъ до ихъ предѣльныхъ (по отношенію къ полюсамъ) границъ включительно. Точности, полнотѣ и осторожности опредѣ

леній Бейтэнзорга могутъ, по справедливости, позавидовать выдающіеся ботаническіе сады Европы. Растенія (такъ-называемыя квартиры естественныхъ семействъ) расположены здѣсь въ строгой системѣ по соотвѣтственнымъ семействамъ, полусемействамъ, родамъ и видамъ. Стоитъ сказать, напримѣръ, малайцу „садовнику-собирателю“:—Сходи въ квартиру Malvaceae, кварталъ Hibiscae, и принеси мнѣ оттуда Thespesia Populnea!—чтобы черезъ 1/4 или 1/2 часа получить желаемое. Туземецъ этотъ превосходно знаетъ латинскія названія растеній сада. Благодаря превосходно подобранному персоналу служителей, помощь ихъ ботанику-гостю этимъ не ограничивается При громадной обыкновенной высотѣ деревьевъ получить съ нихъ цвѣтки или плоды—дѣло не легкое. Для этого есть спеціалистъ малаецъ-лазильщикъ, взбирающійся легко и скоро на высочайшія деревья сада, не выключая и лишенныхъ вѣтвей стволовъ пальмъ. Замѣчательнѣйшимъ, въ своемъ родѣ единственнымъ типомъ туземцевъ-служителей сада является однакоже стоящій во главѣ ихъ старшій помощникъ садовника, слишкомъ 70-ти-лѣтній Oetam, настоящій титулъ котораго „Mantri-besar“, что значитъ: старшина (въ буквальномъ переводѣ—первый министръ). Старикъ этотъ обладаетъ необычайнымъ практическимъ знаніемъ какъ яванскихъ растеній вообще, такъ и растеній сада Бейтэнзорга въ частности, и нерѣдко является рѣшающимъ авторитетомъ въ такого рода справкахъ, гдѣ однихъ ботаническихъ свѣденій недостаточно: дадутъ ему, напримѣръ, обрывокъ листа какого-либо подлежащаго опредѣленію растенія—обрывокъ, который ничего не можетъ сказать самъ по себѣ „ни уму, ни сердцу“ ботаника. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ, и притомъ почти всегда вполнѣ удачно, старый Mantri-Oetam оказывается на высотѣ своего призванія. Понюхавъ и пожевавъ листъ, онъ всего чаще прямо говоритъ его туземное, а затѣмъ и научное латинское названіе; но онъ очень остороженъ въ своихъ заключеніяхъ и не любитъ рисковать заслуженно-прочнымъ авторитетомъ. Въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія, Oetam скажетъ:—Думаю, что растеніе должно принадлежать къ такому-то семейству и вѣроятно къ такому-то роду (называя ихъ правильно на латинскомъ языкѣ); быть можетъ это такой-то видъ именно, или близкій къ нему. Пойду въ такую-то квартиру и такой-то кварталъ, посмотрю!—И чаще всего, благодаря богатству сада, старый Mantri возвращается съ подтвержденіемъ своихъ предположеній, для того чтобы столько же справедливо, какъ и заслуженно, пожать привычные лавры общихъ похвалъ и восклицаній изумленнаго ботаника-гостя.

Бо́льшая, восточная часть сада имѣла до настоящаго года

своимъ живымъ урочищемъ незначительную рѣчку Tjiliwong, по направленію къ которой садъ спускается довольно круто внизъ. Теперь, какъ уже упомянуто выше, владѣнія сада перешли и за нее. Многочисленныя искусственно проложенныя канавы, проведенныя изъ ручья Tjibalok, орошающаго мѐньшую, западную часть сада, тянутся черезъ всю восточную часть его и открываются въ рѣку Tjiliwong. Каналы эти необходимы для быстраго отвода громадныхъ массъ воды, сбѣгающей при каждомъ дождѣ (а дождь въ Бейтэнзоргѣ, при обычномъ порядкѣ вещей, идетъ почти обязательно ежедневно, между 4—9 часами по-полудни) съ подошвы вулкана Salak. Несмотря на присутствіе этихъ каналовъ, при сильныхъ ливняхъ или при задержкѣ стоковъ гдѣ-либо въ канавахъ, громадныя деревья вырываются съ корнями и уносятся бурными дождевыми потоками. Вотъ почему и дорожки сада Бейтэнзорга, да и города вообще, усыпаны не пескомъ, а густымъ слоемъ очень крупнаго гравія, замѣняющаго неизбѣжно смываемый каждымъ дождемъ песокъ. Борьба съ дождевою водою изо дня въ день требуетъ наибо̀льшей затраты рабочей силы сада; но горе ему, если, какъ это иногда, хоть и не часто случается, дождь лишь на нѣсколько дней только прекратится: у сада нѣтъ достаточно обильныхъ источниковъ воды для поливки— онъ довольствуется по необходимости естественнымъ дождевымъ орошеніемъ. Тогда, несмотря на всю влажность атмосферы, растительность сада начинаетъ сильно страдать и возникаютъ обыкновенно тяжелыя, иногда невознаградимыя для сада, потери.

Мѐньшая, западная часть сада представляетъ собою ровную плоскость, по которой протекаетъ уже упомянутый ручей Tjibalok. Въ ней помѣщается главная ботаническая лабораторія, тогда какъ музей, гербарій, библіотека, фармакологическая и фитопатологическая лабораторія находятся внѣ сада, противъ него, по другую сторону улицы.

Учрежденія эти извѣстны подъ общимъ туземнымъ именемъ „Kantor batu“, что̀ значитъ: каменная (batu) контора (Kantor), такъ какъ прежде здѣсь находился помѣщавшійся въ каменномъ зданіи, теперь упраздненный, минералогическій музей. Ко всѣмъ этимъ прекраснымъ научнымъ учрежденіямъ мы еще возвратимся позже.

Я взялъ бы на себя неблагодарную и невыполнимую задачу, если бы вздумалъ подробно останавливаться на частномъ описаніи растительныхъ сокровищъ сада Бейтэнзорга. Ограничусь лишь указаніемъ на самыя выдающіяся формы, которыми онъ столь богатъ.

Такъ въ западной части сада приковываетъ невольно взоръ длинная аллея высочайшихъ пальмъ-левистоній—Livistonia olivaeformis Martius, „Sadang“ яванцевъ, своими размѣрами превышающихъ самые старые кокосы. Тонкіе стволы этихъ левистоній высоко обвиты крупноцвѣтными ипомеями, Ypomaea Bona-nox L., взбѣгающими по нимъ далеко вверхъ. Вообще собраніе пальмъ бейтэнзоргскаго сада,—не исключая и ростущей по болотамъ, почти въ водѣ или даже непосредственно въ ней, низкорослой Nipa fruticans Wurmb., перистые листья которой напоминаютъ молодой кокосъ,—принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ во всемъ мірѣ. Nipa fruticans Wurmb.—характерный обитатель морскихъ побережій, отъ Малайскаго архипелага и Малаки до Филиппинъ включительно. Здѣсь покрываетъ она сплошными зарослями и на огромныхъ протяженіяхъ низменные морскіе берега, иногда слѣдуя въ глубь страны по болотистымъ берегамъ рѣкъ. Таковъ, какъ мы видѣли, Don-naï въ Камбоджѣ, на берегахъ котораго расположенъ Сайгонъ. Французскіе колонисты называютъ эту пальму „Palmier aquatique“,—и въ самомъ дѣлѣ нерѣдко можно видѣть лишь вершины вертикально возвышающихся изъ воды перистыхъ листьевъ ея.

Весьма богато представлены также въ Бейтэнзоргѣ и панданы—различные виды рода Pandanus. Кто не знаетъ ихъ у насъ,—и въ то же время до чего мало похожи наши комнатные карлики-панданы на своихъ соотечественниковъ береговъ острововъ Индійскаго океана и Полинезіи! Могучіе стволы ихъ, стоящіе какъ бы на распоркахъ изъ многочисленныхъ воздушныхъ корней, несутъ гигантскіе букеты жесткихъ, темнозеленыхъ, колючихъ по краямъ листьевъ, причемъ деревья женскія часто украшены крупными, чешуйчатыми, красными или желтоватыми, почти сферическими соплодіями сростающихся между собою отдѣльныхъ плодниковъ женскихъ цвѣтовъ пандановъ.

Пруды сада украшены, кромѣ упомянутой уже, привольно цвѣтущей здѣсь, викторіи (Victoria regia Lindley), также изящными розовыми и бѣлыми лотосами: египетскимъ Nymphaea Lotus L. и индійскимъ Nelumbium Speciosum Wildn. Листья перваго плаваютъ на водѣ; у второго они поднимаются на длинныхъ черешкахъ довольно высоко изъ нея. Богата здѣсь, несо- ми ..но, и коллекція имбирныхъ растеній (Zingiberaceae), зарос- л различныхъ бамбуковъ и въ особенности такъ-называемыхъ л ., вьющихся растеній изъ различнѣйшихъ семействъ: мотыль- ви ...ъ (Papilionaceae), тыквенныхъ (Cucurbitaceae), виноград- н (Ampelidaceae, виды рода Vitis, Cissus.), аннонъ (Anno-

naceae) и проч., въ особенности же пальмъ-ротанговъ (виды рода Calamus), изъ которыхъ нѣкоторые (Plectocomia elongata Blume-Calamus maximus L., напримѣръ) достигаютъ — о чемъ уже упоминалось выше—до 100 метровъ длины. Какъ гигантскія змѣи, расползаются по землѣ, далеко въ разныя стороны, прихотливыми петлями и изгибами, могучіе, въ руку и болѣе толщины, стволы ротанговъ, пока не достигнутъ, наконецъ, дерева, по которому взбѣгаютъ до самой его вершины, цѣпляясь за стволъ и вѣтви страшными для путника крючьями своихъ стеблей и листовыхъ черешковъ, для того, чтобы свѣситься затѣмъ внизъ ихъ тонкою какъ хлыстъ вершиною или перекинуться на сосѣднее дерево.

Особенное отдѣленіе, такъ-называемое по-голландски „Boschtuin", существуетъ и для эпифитовъ—растеній, хотя и живущихъ на деревьяхъ, но нуждающихся въ нихъ только какъ въ мѣстахъ своего прикрѣпленія, — не болѣе. Это такъ-называемые ложные паразиты. Между ними первое мѣсто занимаютъ орхидеи (Orchidaceae), съ ихъ ярко-причудливыми цвѣточными кистями, аройниковыя (Araceae) и папоротники, то грубые и массивные (виды рода Platycerium, Asplenium Nidus L.), то одаренные нѣжноперистыми, какъ бы кружевными, прихотливо вырѣзанными листьями.

Богато представлены въ саду и саговники (Cycadaceae), равно какъ и часто столь причудливые по своимъ формамъ молочаи (Euphorbiaceae), гигантскіе Dipterocarpaceae, миртовыя (Myrtaceae) и лавровыя деревья (Lauraceae), да всего, конечно, и не перечесть! Интересны деревья тиковыя (Tectona grandis L., „Djati" явanцевъ), во время цвѣтенія украшенныя громадными метелками бѣловатыхъ цвѣтковъ. Деревья эти нерѣдко сильно страдаютъ отъ паразитовъ изъ рода Loranthus, родственныхъ нашей омелѣ (Viscum album L.). Тикъ принадлежитъ къ тропическимъ, теряющимъ листья формамъ. Весьма своеобразенъ видъ такого лѣса голыхъ деревьевъ среди роскошной растительности Явы, какъ это можно наблюдать среди правительственныхъ лѣсовъ „Djati", тщательно разводимыхъ и охраняемыхъ на Явѣ, ради незамѣнимаго для корабельнаго дѣла дерева-тикъ, называемаго желѣзнымъ, по его прочности и противодѣйствію разрушительной силѣ иныхъ морскихъ моллюсковъ-точильщиковъ (Tredo navalis), быстро уничтожающихъ цѣлыя суда. Тикъ интересенъ для насъ и какъ древовидный представитель того семейства (Verbenaceae), члены котораго у насъ—скромныя травы: назову лишь всѣмъ извѣстную вербэну (Verbena hybrida) нашихъ цвѣтниковъ. На Явѣ встрѣ-

чаемъ мы въ этомъ отношеніи (какъ и на Цейлонѣ) и другой, столь же рѣзкій, примѣръ въ семействѣ кисличныхъ растеній (Oxalidaceae). Нѣтъ человѣка, хотя бы немного знакомаго съ нашею флорою, кому не была бы извѣстна маленькая кислица, Oxalis acetosella L.,—эта изящная вѣстница ранней весны, съ ея ярко-зелеными тройными листочками, бѣлыми цвѣтками и кислымъ вкусомъ; и вотъ здѣсь встрѣчаемъ мы ея родственницу — высокое, изящное дерево съ длинными, непарно-перистыми листьями, Averrhoa Bilimbi L., „Bilimbing“ туземцевъ, вмѣстѣ съ другимъ видомъ (A. Carambola L.) являющихся представительницами травянистаго семейства кисличныхъ. Averrhoa Bilimbi обладаетъ еще и другою интересною особенностью, свойственною инымъ тропическимъ деревьямъ (хлѣбное дерево, т.-е. виды рода Atrocarpus, шоколадникъ, Theobroma Cacao L., дуріанъ, Durio Zibelhinus L.), состоящею въ томъ, что темнокрасные цвѣтки и свѣтлозеленые, призматически удлиненные плоды Averrhoa Bilimbi выходятъ непосредственно изъ коры самаго ствола дерева и основаній старыхъ вѣтвей его. Плоды эти, длиною въ мизинецъ взрослаго человѣка (и вдвое или даже болѣе толстые), характеризуются, вслѣдствіе богатства содержанія въ нихъ свободной щавелевой кислоты, чрезвычайно рѣзко-кислымъ вкусомъ, что не мѣшаетъ, однакоже, жителямъ Цейлона, Сингапура, Явы и Сайгона употреблять ихъ какъ острую приправу питья и пищи.

На Явѣ, какъ и въ Коломбо, плоды эти употребляются также туземною прислугою для вывода чернильныхъ пятенъ и чистки желтыхъ кожаныхъ башмаковъ ихъ принципаловъ—колоніальныхъ англичанъ и голландцевъ, тогда какъ заботливыя матери моютъ головы своихъ дѣтей сокомъ этихъ плодовъ, для устраненія безпокоящихъ ихъ паразитовъ.

Между разнообразными представителями „квартиры кактусовъ“ сада невольно приковываетъ къ себѣ взоры единственная снабженная листьями форма ихъ: Piereskia grandiflora Hort. Bogoriensis (діагнозъ сада) — огромное дерево, въ 7—8 метровъ вышиною, густо покрытое массами эпифитнаго папоротника, Drymoglossum numularifolium Mettenius, толстые и сочные, округлые или удлиненные листочки котораго такъ подходятъ къ мясистымъ овальнымъ листьямъ самого хозяина. Очень богато представлены между различными Araliaceae формы какъ съ пальчатыми, такъ и съ перистыми листьями. Между послѣдними особенно выдается изящнѣйшая Trevesia Burckii—новое, существующее пока лишь въ саду Бейтэнзорга, деревянистое растеніе. Его привезъ изъ Суматры, два года тому назадъ, товарищъ директора

сада, Dr. Burck. Глубоко разсѣченный, состоящій изъ 7—9 какъ бы отдѣльныхъ листочковъ, листъ этой Trevesia соединенъ у основанія расходящихся изъ черешка нервовъ особеннымъ общимъ сегментомъ. Форма, напоминающая на первый лишь взглядъ, конечно, листья иныхъ видовъ рода Amorphophallus изъ семейства аройниковыхъ (Araceae). Въ свою очередь араліи (Araliaceae), съ перистыми листьями, стоящія рядомъ съ названными растеніями, напоминаютъ невольно своимъ общимъ видомъ перистой вершины иныя Meliaceae: Cedrela serrulata Miquel, напримѣръ, или даже похожій издали на перистую пальму стройный Schizolobium excelsum Vog. изъ семейства цезальпиніевыхъ (Caesalpiniaceae).

Изъ ядовитыхъ растеній замѣчательны „Upas-Antiar", знаменитый анчаръ, Antiaris toxicaria Leschenault, и рвотный орѣхъ, Strychnos Nux vomica L., съ его желто-зелеными (не бѣлыми, какъ описываютъ и изображаютъ обыкновенно), мелкими, скученными цвѣтками и желтыми, напоминающими небольшое яблоко, плодами, содержащими по 1—5 похожихъ на плоскія пуговицы, сѣрыхъ, богатыхъ стрихниномъ сѣмянъ, а также великолѣпный экземпляръ высоко вьющейся Anamitra paniculata Cobebr., съ ея красивыми сердцевидными листьями и развѣсистыми, очень длинными метелками, почти шаровидныхъ, богатыхъ пикротоксиномъ, плодовъ, представляющихъ собою въ сухомъ видѣ продажный „кукольванъ" или рыбьи ягоды, употребляемый у насъ для недозволеннаго закономъ отравленія рыбы; но, повторяю, всего, даже и особо замѣчательнаго, въ Бейтэнзоргѣ и не перечесть!

Познакомимся теперь съ лабораторіями его, начавъ съ важнѣйшей изъ нихъ, такъ-называемой Главной Ботанической Лабораторіи, съ принадлежащими къ ней гербаріемъ и библіотекою. Противъ главнаго зданія этой лабораторіи красуются, какъ гиганты-часовые, двѣ великолѣпныя даммары, Dammara alba Rumphius—D. orientalis Lam. (Coniferae), въ видѣ мощныхъ сплошныхъ, темнозеленыхъ, какъ бы вылитыхъ изъ бронзы, пирамидъ, или скорѣе конусовъ, начинающихся довольно низко отъ основанія одиночнаго могучаго ствола. Дерево это, родина котораго Ява, Суматра и другіе острова Малайскаго архипелага, даетъ столь важную въ техникѣ и употребляемую въ медицинѣ безцвѣтную смолу—даммаръ.

Широко-яйцевидные, плотные и кожистые листья дерева напоминаютъ всего менѣе иглы нашихъ елей и сосенъ, тѣмъ не менѣе его ближайшихъ родственниковъ.

Обширная, очень свѣтлая (и произвольно затѣняемая ст-

нами) лабораторія представляетъ собою большую, продолговатую залу, въ которой широко разставлены пять столовъ для микроскопическихъ занятій. Каждый изъ нихъ снабженъ всѣми необходимыми приспособленіями новѣйшей микроскопической техники. Сами столы, при этомъ, настолько велики, что за каждымъ изъ нихъ могутъ работать, нисколько не стѣсняя другъ друга, по два человѣка за-разъ: слѣдовательно, лабораторія, разсчитанная на 5 человѣкъ, можетъ въ сущности служить единовременно для 10-ти лицъ. Вдоль стѣнъ залы расположены шкафы съ необходимыми микроскопическими реактивами, всевозможными красящими веществами, употребляемыми при гистологическихъ изслѣдованіяхъ, запасами скальпелей, иголъ, ножницъ, пинцетовъ и пр. Нѣтъ недостатка и въ микротомахъ, бритвахъ и микроскопахъ. Всякій желающій работать здѣсь получаетъ, безъ различія національности, безвозмездно: столъ, реактивы и нужные инструменты. Простого заявленія, что собственный микроскопъ пострадалъ въ пути, достаточно для полученія послѣдняго изъ лабораторіи на все время занятій ботаника-гостя. Микроскопы прекрасны, но апохроматовъ нѣтъ: горькій опытъ показалъ, что въ Бейтэнзоргѣ системы (объективы) не выдерживаютъ влажности воздуха и въ нѣсколько мѣсяцевъ даже становятся уже вполнѣ негодными къ употребленію. Лабораторія, несмотря на близость библіотеки, снабжена необходимѣйшими сочиненіями для справокъ по гистологіи, морфологіи и систематикѣ растеній. Средній простѣнокъ между окнами украшенъ большою черною таблицею, на которой прекрасно изображенъ мѣломъ анализъ цвѣтка „Djàtu", тика: Tectona grandis L. — работа одного изъ служащихъ при лабораторіи туземцевъ—художника въ „кабайѣ" (бѣлая кофточка) и пестромъ „саронгѣ" (саронгъ—короткая ситцевая юбка, замѣняющая нижнее платье), съ босыми ногами, обыкновенно постоянно занятаго срисовываніемъ тѣхъ или другихъ замѣчательныхъ растеній или ихъ частей.

Ботаническая библіотека Бейтэнзорга — верхъ совершенства по ея порядку и полнотѣ, равно какъ и гербарій, заключающій въ себѣ, кромѣ представителей флоры Явы въ частности и всего Малайскаго архипелага вообще, также и все то, что только можно было собрать по флорѣ тропиковъ обоихъ полушарій. Такая пол... гербарія вполнѣ соотвѣтствуетъ задачѣ директора сада Treub'a: со...ть въ Бейтэнзоргѣ по тропической и предтропической флорѣ вс... чего недостаетъ въ этомъ отношеніи лучшимъ гербаріямъ Е...ты, и тѣмъ облегчить посѣтителямъ-ботаникамъ не только и...чіе растительности Явы, но и тѣхъ отдаленныхъ отъ нея

странъ, флора которыхъ нашла себѣ пріютъ въ саду и гербаріѣ этого рая ботаниковъ—дивнаго Бейтэнзорга. Съ глубокою благодарностью вспоминаю и я, какую службу сослужилъ мнѣ этотъ превосходный гербарій при провѣркѣ опредѣленія растеній, собранныхъ мною передъ этимъ въ Китаѣ, по верховьямъ рѣкъ, впадающихъ въ низовья Янтци (Янъ-Це-Кіангъ географіи), въ провинціи Дзянъ-Си, областяхъ: Жуй-Чанъ, У-Нинъ и въ Линджау, иначе И-нинъ-Чжоу, въ мѣстностяхъ, куда европейцы проникать вообще не дерзаютъ, гдѣ мнѣ пришлось, слѣдовательно, быть въ качествѣ перваго ботаника среди флоры еще неизвѣстной.

Всякій естествоиспытатель пойметъ, какъ дорога и отрадна возможность выясненія еще на пути флорическихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ предполагалось отложить по необходимости до возвращенія въ Европу уже по окончаніи кругосвѣтнаго плаванія. Нечего и говорить, что гербарій сберегается въ строжайшемъ порядкѣ, несмотря на всѣ затрудненія, съ какими приходится здѣсь бороться его консерватору. Для защиты отъ плесени и муравьевъ, этого страшнаго и неусыпнаго врага тропиковъ, необходимо прибѣгать къ особымъ мѣрамъ. Пачки бумаги, въ которыя заключены сухія растенія, помѣщаются вертикально, густо пересыпанныя нафталиномъ и зашитыя нитками, въ открытыхъ сверху, деревянныхъ, пропитанныхъ также нафталиномъ ящикахъ. Въ послѣднихъ помѣщены также, слабо заткнутые ватою, стеклянные цилиндры, налитые сѣроуглеродомъ; въ ящикахъ густымъ слоемъ насыпанъ тотъ же нафталинъ. При этихъ условіяхъ только, равно какъ и при самомъ строгомъ, частомъ періодическомъ пересмотрѣ зашитыхъ на-глухо пачекъ сухихъ растеній, удается сохранять сокровища гербарія сада Бейтэнзорга.

Лабораторія фармакологическая и химико-растительная помѣщается противъ музея (главной лабораторіи) фитопатологіи и бактеріологіи внѣ сада, по другую сторону улицы.

Первою изъ нихъ завѣдуетъ талантливый и энергично работающій (какъ, впрочемъ, и всѣ въ Бейтэнзоргѣ) молодой ученый Dr. Gresshoff. Цѣль лабораторіи—химическое и физіологическое изученіе, и притомъ въ строгомъ порядкѣ естественной системы какъ растеній“ S'Lands Plantentuin [1]) вообще, такъ и въ особенности растеній, составляющихъ достояніе яванской народной

---

[1]) Таково оффиціальное названіе правительственныхъ ботаническихъ садовъ и агрономическихъ станцій Явы, управляемыхъ докторомъ Treub. Во главѣ этихъ учрежденій стоитъ садъ Бейнтэнзорга: „Plantentuin“; горный ботаническій садъ, Tjibodas, зовется оффиціально „Bergtuin“, тогда какъ находящаяся вблизи Бейтэнзорга (около 1 мили разстоянія) агрономическая станція—Tjikeumeu,—зовется „Culturtuin“.

медицины, употребляющей очень много сильно-дѣйствующихъ растительныхъ препаратовъ, европейской наукѣ еще неизвѣстныхъ. Докторъ Gresshoff произвелъ уже въ этомъ направленiи много интересныхъ открытiй: такъ, въ цѣломъ рядѣ растенiй, принадлежащихъ къ различнымъ семействамъ, найденъ имъ, какъ составное начало ихъ, свободный цiанистый водородъ, такъ-называемая синильная кислота (Acidum hydrocyanicum); въ листьяхъ дыннаго дерева (Carica Papaya L.)—новый алкалоидъ карпаинъ (Carpainum) и проч.

Лабораторiею фитопатологiи и бактерiологiи завѣдуетъ Dr. Janse. Ему обязана Ява началомъ успѣшнаго разъясненiя жгучаго вопроса о сущности гибельной болѣзни сахарнаго тростника (Saccharum officinarum L), называемой туземцами „Sereh“. Пораженные болѣзнью стебли перестаютъ рости въ вышину и развиваютъ массу тонкихъ боковыхъ вѣтвей, причемъ все растенiе представляется хилымъ, и почти совсѣмъ не даетъ при обработкѣ его сладкаго сока. Между тѣмъ сахарное производство, вмѣстѣ съ вывозомъ кофе, представляетъ собою главную статью международной торговли Явы.

Изслѣдованiя Dr. Janse, какъ я самъ могъ въ томъ убѣдиться несомнѣнно на его превосходныхъ микроскопическихъ препаратахъ, показали, что болѣзнь обусловливается здѣсь особаго рода бактерiями: Bacillus Sacchari Janse N. spec., колонiи которыхъ (Zoogloea) закупориваютъ сосуды и проводящiя ткани (флоэму) сосудистаго пучка пораженныхъ растенiй, препятствуя такимъ образомъ обмѣну газовъ и жидкостей. Интересно, что интензивность болѣзни состоитъ въ прямомъ отношенiи съ количествомъ выпадающаго дождя. Бейтэнзоргъ --одно изъ самыхъ дождливыхъ мѣстъ Явы, и вотъ, какъ я самъ видѣлъ это на опытномъ полѣ, сильно пораженныя растенiя, привезенныя изъ сухихъ мѣстностей острова и посаженныя здѣсь въ землю, поправляются; короткiя междуузлiя ихъ стеблей замѣняются болѣе длинными, стволъ толстѣетъ, прекращается ненормальное развитiе боковыхъ вѣтвей его и увеличивается содержанiе сахара въ самомъ растенiи, какъ показываетъ это контрольный химическiй анализъ.

Интересно, что подобное же (Bacillus Glagae Janse) заболѣванiе Dr. Janse открылъ и въ систематически близкихъ дикор[illegible]ущихъ здѣсь формахъ, у такъ-называемой „Glaga“, Sacс[illegible]rum spontaneum L., которая вмѣстѣ съ „Alang-Alang“, Imperг[illegible] (Saccharum) Koenigi Blume (этими бичами Явы и Сингапура) с[illegible]ршенно препятствуетъ возникновенiю лѣса на плодоносной з[illegible]ѣ, воздѣлывавшейся прежде и затѣмъ оставленной по ка-

кимъ-либо причинамъ. Лабораторія удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ требованіямъ современной бактеріологіи. Работать здѣсь—истинное наслажденіе, какъ я могъ въ томъ убѣдиться, оканчивая въ ней на живомъ матеріалѣ прерванное на Цейлонѣ изслѣдованіе паразитнаго грибка Hemileia vastatrix Berkley et Broome, такъ-называемой „кофейной чумы".

Самостоятельное отдѣленіе главнаго сада Бейтэнзорга, такъ-называемый „Culturtuin", находящійся на одну милю разстоянія отъ перваго, въ мѣстности, носящей названіе Tjikeumeu, служитъ для акклиматизаціи исключительно врачебныхъ, техническихъ и экономическихъ растеній. Здѣсь же помѣщается и лабораторія агрономической химіи. На обширномъ участкѣ земли (свыше 70 гектаровъ), окруженномъ низкою стѣною живой изгороди стриженнаго мелкорослаго бамбука, расположены гряды и насажденія почти всѣхъ врачебныхъ и техническихъ растеній тропическаго и частью предтропическаго пояса обоихъ полушарій, за исключеніемъ хинныхъ деревьевъ, которымъ здѣсь еще слишкомъ жарко; ихъ мѣсто на спеціальныхъ государственныхъ плантаціяхъ, не подчиненныхъ дирекціи сада (Lembang и Nagrak), напримѣръ въ резидентствѣ Preanger.

Впрочемъ, образцы различныхъ цинхонъ встрѣтимъ мы въ горномъ саду „Tjibodas", составляющемъ, какъ и Tjikeumeu, часть „S'Lands Plantentuin" Бейтэнзорга и носящаго, какъ уже упомянуто, оффиціальное названіе „Bergtuin".

Нѣтъ возможности перечислить всѣ живыя сокровища, съ которыми встрѣчается фармакогностъ въ Tjikeumeu. Укажу лишь на важнѣйшее въ этомъ отношеніи. Прежде всего встрѣчаемъ мы здѣсь роскошные и многочисленные экземпляры деревьевъ, дающихъ толутанскій (Tolnifera Balsamum Baillon) и перувіанскій (T. Pereirae Baill.) бальзамы, далѣе два вида шоколадника: Theobroma, Cacao L. и T. bicolor Humb - Bnp., приносящіе превосходные плоды. Здѣсь же ростутъ прекрасно также высокія и тѣнистыя деревья гвоздики (Caryophyllus aromaticus L.) и мускатнаго орѣха (Myristica fragrans Hott.). Далѣе встрѣтимъ мы здѣсь деревья цейлонской (Cinnamonium Zeylanicum Breyne) и китайской (C. Cassia Blume) корицы, кустарникъ Erythroxyllon Coca L.), листья котораго доставляютъ кокаинъ, и знаменитое камфорное дерево—Dryobalanops Camphora Gärtner, дающее ді гоцѣнную на востокѣ борнэо - камфору (борнэолъ). Послѣдн не должно смѣшивать съ обыкновенною или китайскою камф рою, получаемою отъ Camphora officinarum C. G. Nees (Laur Camphora L.). Интересны затѣмъ многочисленные древесные пр

ставители различнѣйшихъ семействъ, доставляющіе каучукъ и гутта-перчу, кофе обыкновенный и „либерія - кофе, о которыхъ была уже рѣчь, да и многое-многое другое, голый перечень чего былъ бы утомителенъ, а подробное перечисленіе завело бы далеко за предѣлы программы настоящаго очерка,—встрѣтитъ ботаникъ въ обширныхъ питомникахъ образцовой агрономической станціи Tjikeumeu.

Лабораторіею, превосходно обставленною, обширною, прохладною и очень удобною, завѣдуетъ Dr. van Romburg, уже получившій своими трудами хорошую репутацію между голландскими химиками. Весьма интересны его послѣднія изысканія сравнительнаго состава эѳирнаго масла, сѣмянъ и листьевъ мускатнаго орѣха, равно какъ и практически важные результаты добыванія виннаго спирта изъ плодовъ Coffea Liberica Bull, представлявшихъ собою до настоящаго времени совершенно неутилизируемый отбросъ при выдѣлкѣ этого сорта кофе. Вообще, либерія-кофе имѣетъ большую будущность; въ продажѣ онъ идетъ превосходно (и дѣйствительно вкусъ его прекрасенъ); Hemileia vastatrix, истребившая и истребляющая на Цейлонѣ безпощадно кофейныя плантаціи, для него не страшна: онъ противостоитъ кофейной чумѣ несравненно лучше не только на Явѣ, гдѣ и Coffea Arabica страдаетъ отъ паразита гораздо меньше, чѣмъ на Цейлонѣ, но даже и на послѣднемъ, гдѣ гибель цѣлыхъ плантацій Coffea Arabica отъ этого бича теперь обычное и повсемѣстное прискорбное явленіе.

Горный садъ Tjibodas, „Bergtuin“, расположенъ у подошвы вулкана Gedeh, въ $5^1/_2$ часахъ ѣзды отъ Бейтэнзорга, частью въ экипажѣ, частью верхомъ. Въ походъ выступаете вы въ маленькой двуколесной, запряженной тройкою яванскихъ пони, колясочкѣ. Это сходство запряжки съ нашимъ отечествомъ умѣряется, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, отсутствіемъ дуги и только тремя возжами. По мѣрѣ подъема въ горы, къ тройкѣ пристягивается еще пара выносныхъ лошадокъ, съ которыми бѣжитъ рядомъ ведущій ихъ въ поводу яванецъ. Такъ доѣзжаютъ до санитарной горной станціи „Sindanglaya“, лечебницы отеля, содержимой на частныя средства при помощи правительственной субсидіи. За нею, уже верхомъ, все круче и круче въ гору, подп[illegible]гесь вы въ Tjibodas. Дорога изъ Бейтэнзорга пролегаетъ чрезъ [illegible]йскій кварталъ его и затѣмъ выводитъ за городъ по очень х[illegible]шему шоссе, между кофейными плантаціями. Деревья „Кар[illegible]“, Eryodendron antructuosum D. C., съ его характерными, в[illegible] чаще безлистными, горизонтально отклоненными вѣтвями, и

„Dadap“, Erythrina Indica L., окаймляютъ шоссе, служа въ то же время живыми телеграфными столбами, въ которые ввинчены очень безцеремонно изоляторы-проволоки. По мѣрѣ того какъ мѣстность становится выше, кокосъ, пизангъ (Musa Sapientum L.) и папая (Carica Papaya L.) начинаютъ уступать сахарной пальмѣ, Arenga Sacharifer Lab. („Areng“ яванцевъ), съ ея сырымъ, покрытымъ остатками листовыхъ черешковъ, окутанныхъ темно-бурыми волокнами стволомъ и темною, почти черноземеною вершиною громадныхъ, перистыхъ, очень мало расходящихся въ стороны листьевъ. Эта особенность кроны, вмѣстѣ съ гигантскими, висящими внизъ кистями соцвѣтій, даетъ возможность издали еще отличить арэнгу какъ отъ развѣсистаго, густолиственнаго, ярко-свѣтлозеленаго кокоса, такъ и отъ короткаго, малолистнаго, болѣе темнаго, чѣмъ у кокоса, и болѣе свѣтлаго, чѣмъ у арэнги, 5—6-ти-листнаго султана, вѣнчающаго высокій и тонкій, покрытый бѣловатыми кольцами стволъ арэки (Areca Catechu L.)—трехъ культурныхъ пальмъ, безъ которыхъ немыслимо человѣческое поселеніе на Явѣ, какъ и на Цейлонѣ, гдѣ, впрочемъ, арэнгу замѣняетъ „Kitul“, уже знакомая намъ Caryota urens L., служащая, какъ и первая, для добыванія сладкаго сока, изъ котораго путемъ броженія получается тамъ „toddy“, пальмовое вино, или (выпариваніемъ)—буроватый сахаръ, идущій впрочемъ исключительно для мѣстнаго употребленія.

Могучія, темнозеленыя, какъ бы вылитыя изъ бронзы пирамиды даммары (Dammara alba Rumphius), развѣсистыя громадныя верингіи (Ficus Benjaminea L.), „Weringin“ яванцевъ, съ ихъ причудливо сростающимися и переплетающимися бѣловато-сѣрыми стволами, яркія бѣлыя пятна (бѣлые чашелистки оранжевыхъ цвѣтковъ) на темнозеленомъ фонѣ листвы мусенды, Mussaenda frondosa L. (Rubiaceae), украшаютъ прелестный горный ландшафтъ, придавая ему крайне своеобразный характеръ, еще болѣе возвышаемый могучими древовидными папоротниками, Alsophila contaminans Wall., и гигантскими деревьями „Rassamala“, Altingia excelsa Blume (Liquidambar Altingiana L.); первые сучья ихъ начинаются на высотѣ вершинъ нашихъ высочайшихъ дубовъ и елей, такъ что даже и между очень высокими представителями тропическаго лѣса эти гиганты поднимаются почти на половину выше всѣхъ остальныхъ деревьевъ, обнаруживая высоко надъ ними свои свѣтло-сѣрые стволы, увѣнчанные сплошными и округлыми массами ихъ темнозеленыхъ вершинъ.

Въ Sindanglaya заслуживаетъ также вниманія небольшая плантація превосходныхъ хинныхъ деревьевъ (Cinchona Succirubra

Pavon), а въ самомъ отелѣ—любимецъ всѣхъ посѣтителей, дѣтей въ особенности, ручной Kalong (Pteropus edulis L.) „Jacob“—очень крупная летучая мышь, питающаяся исключительно плодами. Благодаря перебитому крылу, Jacob, совершенно оправившійся теперь, до извѣстной степени измѣнилъ въ плѣну свои привычки. Подобно его дикимъ собратьямъ, онъ, правда, весь день спитъ, вися неподвижно внизъ головой на ближайшемъ къ верандѣ отеля сучкѣ дерева,—спитъ какъ слѣдуетъ, закрывъ глаза; но даже и въ то время, когда дождь заставляетъ его совершенно окутаться крыльями (Jacobs Regentoilette, какъ говорятъ обязательно изучающія нѣмецкій языкъ дѣти голландцевъ Явы), онъ непремѣнно просыпается во время завтрака или обѣда, ожидая обычной подачки, банановъ или сладкихъ бисквитъ, и даже перебирается на веранду, если его не скоро вспомнятъ. Летать Jacob, увы, не можетъ; пять лѣтъ уже пользуется онъ гостепріимствомъ отеля, вслѣдствіе перебитаго выстрѣломъ изъ ружья крыла (калонговъ, называемыхъ „летучими собаками“, на Явѣ ѣдятъ), составляя нѣкоторымъ образомъ одну изъ достопримѣчательностей отеля Sindanglaya и пользуясь всеобщею симпатіею и вниманіемъ не только дѣтей, но и взрослыхъ. Да и на самомъ дѣлѣ это премилое по своей кротости и оригинальности животное.

Дивная картина открывается путешественнику яснымъ утромъ съ высоты плоскогорья Sindanglaya: впереди—Gedeh, „курящій свою трубочку“, какъ говорятъ здѣсь; позади—окаменѣвшій въ своемъ 200-лѣтнемъ покоѣ могучій Salak, оба вплоть до вершины покрытые дѣвственнымъ лѣсомъ. Дорога въ Tjibodas ведетъ черезъ деревню, носящую грозное названіе „Tji-matjan“—рѣка тигровъ, но о тиграхъ въ этой части Явы сохранились лишь давнія воспоминанія. Великолѣпная аллея громадныхъ араукарій (Araucaria Bidwillii Hooker) ведетъ къ саду, въ которомъ, благодаря значительной высотѣ его надъ уровнемъ моря (4.500 футовъ), привольно ростутъ и цвѣтутъ представители новоголландской и японской флоры: громадные эукалипты, различныя настоящія акаціи (Сем. Mimosaceae), съ ихъ мелко-кружевными, повторно-перистыми листьями и какъ бы шолковыми кисточками шаровидныхъ соцвѣтій, обыкновенно желтыхъ или розовыхъ мелкихъ цвѣтковъ; затѣмъ—Thuja, араукаріи, кипарисы, Cryptomeria Japonica Don., такъ-называемая „Sugi“ японцевъ, различные можжевельники и другія хвойныя (Coniferae). Здѣсь же встрѣчаемъ мы и образцы различныхъ видовъ хинныхъ деревьевъ: Cinchona officinalis Hooker, C. lancifolia Mutis, C. Ledgeriana Moens и C. Succirubra Pavon. Первые два вида характери-

зуются яркими темноалыми цвѣтками, у C. Ledgeriana они бѣло-желтоваты, а у C. Succirubra бѣлы, со срединными розовыми полосками на внутренней сторонѣ вѣнчика. До весны текущаго года ботаническая станція сада Tjibodas (въ 20 гектаровъ протяженія), расположенная на самомъ краю дѣвственнаго лѣса, простирающагося до вершины вулкана Gedeh, представлялась весьма скромною по своимъ размѣрамъ. Это былъ маленькій домикъ садовника, гдѣ въ небольшомъ свободномъ помѣщеніи могъ найти мѣсто и ботаникъ, желающій на мѣстѣ изучать флору дѣвственнаго лѣса. Не то уже пришлось видѣть мнѣ въ іюнѣ 1891 года. Теперь станція—въ Tjibodas, и передъ ней красуются два колоссальные экземпляра (Xanthorrhoea hastilis Rob Br. Это новоголландское растеніе, доставляющее цѣнную желтую, идущую на приготовленіе лаковъ, смолу и принадлежащее къ семейству древовидныхъ лилейныхъ (Liliaceae Asphodeleae); она характеризуется короткимъ и относительно очень толстымъ, чешуйчатымъ стволомъ, въ видѣ какъ бы небольшого обрубка, раздѣленнаго правильными ромбическими фигурами (слѣды отмершихъ листьевъ) и заканчивающагося лучисто-расходящимся круговымъ вѣнцомъ очень узкихъ, линейно-ланцетовидныхъ, жесткихъ, ломкихъ и потому кажущихся обыкновенно очень короткими, листьевъ. Ботаническая станція Tjibodas представляетъ собою въ настоящее время прекрасный, вновь построенный домъ, центръ котораго занятъ большою залою, служащею лабораторіею. Здѣсь—столъ для микроскопическихъ занятій; въ шкафахъ вдоль стѣнъ—полный гербарій горно-лѣсной флоры Явы и всѣ необходимые для мѣстныхъ ботанико-систематическихъ занятій литературные источники, не исключая даже и столь цѣннаго пособія, какимъ являются извѣстные „Genera Plantarum Bentham-Hooker'a". Ботаники поймутъ и оцѣнятъ этотъ фактъ по достоинству. Рядомъ съ лабораторіею помѣщается прекрасная и большая столовая (она же и салонъ). Вдоль бокового корридора расположены четыре нумера—спальни, съ полною обстановкою, бѣльемъ, блистающимъ голландскою чистотою, прекрасными кроватями и пр. Надъ кроватями, правда, нѣтъ мустикеровъ—но здѣсь они и ненужны: докучливые москиты отсутствуютъ на этой высотѣ. И все это предоставляется совершенно даромъ (исключая умѣренную плату за столъ) каждому ботанику, желающему здѣсь работать,—и этимъ, какъ и всѣмъ хорошимъ, наука обязана директору „S'Lands Plantentuin", Dr. Treub'y, счастливо соединяющему въ себѣ выдающагося ученаго дѣятеля, замѣчательнаго администратора и гостепріимнѣйшаго хозяина, живущаго

въ лучшихъ отношеніяхъ съ администраціею Явы и обществомъ, чтò и дало ему возможность въ послѣднее время пріобрѣсти, съ помощью правительства, въ собственность сада Tjibodas громадный участокъ дѣвственнаго лѣса въ 1.600 гектаровъ, начинающагося непосредственно отъ сада и тянущагося вплоть до кратера Gedeh, притомъ лѣса вполнѣ дѣвственнаго, т.-е. не эксплуатировавшагося и не выжигавшагося,—однимъ словомъ, вполнѣ сохраненнаго.

Весь громадный дѣвственный лѣсъ Gedeh, ставшій теперь собственностью сада Tjibodas, разбитъ просѣками на правильные и многочисленные участки, при полной неприкосновенности послѣднихъ. Такимъ образомъ ботаникъ, работающій въ лабораторіи, можетъ, съ планомъ въ рукахъ, отправляться въ настоящій дѣвственный лѣсъ, прямо изъ своей спальни, подвергаясь при этомъ опасности лишь со стороны колючихъ зарослей ротанга и другихъ ліанъ, на каждомъ шагу преграждающихъ ему путь. Иныхъ опасностей онъ здѣсь не встрѣтитъ: тигръ, еще столь страшный мѣстами на островѣ, въ этой части Явы отошелъ уже въ область историческихъ преданій, а ядовитыя змѣи (напримѣръ Naja spumatrix, Trigonocephalus rodostoma, укушеніе которыхъ безусловно смертельно) здѣсь такъ робки и осторожны сами, что увидѣть ихъ—рѣдкость, а единичные случаи укушеній считаются чуть-ли не десятками лѣтъ—прямая противоположность передней Индіи, Цейлону и Сингапуру, гдѣ люди изъ года въ годъ гибнутъ массами, преимущественно отъ „кобры“, иначе змѣи очковой (Naja tripudians).

Изъ краткаго перечня научныхъ учрежденій и дѣятельности лабораторіи Бейтэнзорга становится очевиднымъ, насколько велика разница между послѣднимъ и—не говорю уже другими тропическими, но и многими первоклассными ботаническими садами Европы. Бейтэнзоргъ, съ его отдѣленіями Tjikeumeu и Tjibodas, являются намъ не только образцовымъ ботаническимъ садомъ,—это ботаническая станція и даже больше—отдѣльная ботанико-химическая академія, и гдѣ же?—подъ созвѣздіемъ Южнаго Креста, въ близкомъ сосѣдствѣ экватора! Всѣмъ этимъ наука, настоящая международная, обязана Голландіи и нынѣшнему директору сада, доктору Treub'у, на благо и честь своего отечества отказавшагося, не[illegible]о лѣтъ тому назадъ, ради Бейтэнзорга, отъ болѣе чѣмъ лест[illegible] предложенія быть въ Страсбургѣ преемникомъ и замѣсти[illegible]мъ великаго De Bary!

Заключу сравнительною оцѣнкою изученныхъ мною садовъ тропиковъ:

Peradenyia—настолько поражаетъ при первомъ знакомствѣ съ нею невообразимою для жителя сѣвера мощью, богатствомъ и гигантскими размѣрами своей растительности, что очарованный взоръ путника, подкупленный еще рѣдкимъ искусствомъ и красотою разбивки дивнаго сада-парка, невольно передаетъ уму лишь представленіе объ одномъ идеальномъ совершенствѣ этого уголка сказочной Ланки (санскритское названіе Цейлона); критической оцѣнкѣ пока нѣтъ еще мѣста, и невольно самъ собою постановляется приговоръ: „Перадэнія—первый въ мірѣ ботаническій садъ", —такъ одинаково думаютъ сначала ботаникъ и не-ботаникъ. Послѣдній останется, конечно, при своемъ первоначальномъ мнѣніи и навсегда, даже послѣ знакомства своего съ Бейтэнзоргомъ; но не таковъ будетъ окончательный приговоръ ботаника. Какъ только, при второмъ уже посѣщеніи, страстно-субъективный элементъ впервые пережитыхъ, властно захватывающихъ каждаго, ощущеній уступитъ мѣсто холодно-объективному разсудку, неподкупный умъ невольно остановится на томъ, что въ ботаническомъ саду Перадэніи все принесено въ жертву парку. Обширные газоны, эта гордость англичанъ, блистаютъ и здѣсь, несмотря на особенную трудность содержанія ихъ въ замѣчательномъ порядкѣ, такою же ровною и гладкою изумрудною зеленью, какъ и въ Old England. На лужайкахъ этихъ, единично или красивыми
группами, стоятъ тѣ или другія замѣчательныя деревья; но сколько
пропадаетъ черезъ это непроизводительно мѣста! Систематическая
разбивка извѣстной части сада по естественнымъ семействамъ,
это необходимѣйшее научное условіе, отсутствуетъ здѣсь вполнѣ,
принесенное цѣликомъ въ жертву стремленіямъ [...] цѣлямъ де-
коративнымъ, то-есть не-научнымъ. Полнота и точно[...]сть опредѣ-
леній растеній, расположенныхъ въ саду, вслѣдствіе [...] выше при-
веденной причины, безъ всякаго порядка,—что, коне[...]чно, очень
затрудняетъ удобство ими пользоваться,—оставляетъ же[...]лать мно-
гаго. Невозможность поселиться въ Перадэніи еще б[...]олѣе ума-
ляетъ значеніе Перадэніи какъ ботанической станціи, [...] хотя при
иныхъ условіяхъ она могла бы принадлежать къ числу [...] первыхъ.

Въ этомъ отношеніи садъ Сингапура стоитъ уже выше. [...] Правда,
главная часть его, излюбленное мѣсто вечернихъ катані[...] въ эки-
пажѣ и верхомъ великосвѣтской публики города, есть [...] также
болѣе какъ роскошный и красивый паркъ съ научны[...] діагн
зами разводимыхъ въ немъ деревьевъ и другихъ ра[...]стеній,
зато далѣе, въ глуби сада, въ глухомъ, заросшемъ и [...]ѣмъ

посѣщаемомъ публикою, но зато обитаемомъ очень опасными ядовитыми змѣями и даже цѣлымъ стадомъ обезьянъ (Macacus Sinicus) участкѣ его, благодаря энергіи и прекрасному научному образованію недавно назначеннаго директора сада, симпатичнаго и обязательнаго въ высшей степени доктора Ridley, научный характеръ этого учрежденія поднимается быстро и непрерывно. Производится вообще строгая провѣрка всѣхъ прежнихъ опредѣленій, насаждены многочисленныя плантаціи важныхъ въ научномъ, врачебномъ и техническомъ отношеніяхъ растеній — вообще, дѣло идетъ впередъ столь же быстро, какъ и хорошо.

Сады Сайгона и Гонгъ Конга — городскіе парки съ опредѣленіями разводимыхъ въ нихъ растеній, — не болѣе. Научное значеніе ихъ очень невелико, и только случайное присутствіе дерева, дающаго бадьянъ (Illicium verum Hooker) въ послѣднемъ дѣлаетъ его замѣчательнымъ, какъ единственный въ мірѣ ботаническій садъ, гдѣ существуетъ единственный также экземпляръ этого столь интереснаго для фармакогноста растенія.

Бейтэнзоргъ съ его отдѣленіями (Tjikeumeu и Tjibodas) говоритъ самъ за себя, какъ своею полнотою и строго научнымъ характеромъ, такъ и неслыханнымъ въ тропикахъ богатствомъ сосредоточенныхъ здѣсь научныхъ учрежденій и пособій.

Первыми ботаническими садами тропиковъ являются, безспорно, Бейтэнзоргъ и Перадэнія, но могутъ ли они считаться равными? Безспорно — нѣтъ; и конечно всякій ботаникъ, по причинамъ, которыя теперь, надѣюсь, понятны читателю, съ такимъ же правомъ отдастъ пальму первенства Бейтэнзоргу, съ какимъ не-ботаникъ присудитъ ее Перадэніи. И оба будутъ правы: Бейтэнзоргъ — все для науки, и лишь кое-что — превосходное, правда, но только въ частностяхъ (пальмы, саговники (Cycadaceae), панданы, вьющіяся растенія, ліаны и эпифиты) — для цѣлей декоративныхъ; Перадэнія вся, цѣликомъ — дивная, сказочная декорація парка, при которомъ, въ качествѣ скромнаго, лишь очень скромнаго придатка, состоитъ наука, эта существенная цѣль сада ботаническаго. Таково впечатлѣніе, которое произвели на меня и произведутъ, несомнѣнно, на любого естествоиспытателя безъ исключенія эти выдающіеся представители ботаническихъ садовъ тропиковъ обоихъ полушарій.

Владиміръ Тихомировъ.

L'ARRABBIATA

Изъ прежнихъ новеллъ П. Гейзе.

Солнце еще не всходило. Широкая полоса сѣраго тумана легла надъ Везувіемъ, протянулась къ Неаполю и бросала тѣнь на маленькіе города противоположнаго берега. Море было спокойно. Но въ узкомъ заливѣ, на „маринѣ“, устроенной подъ высокими соррентинскими скалами, трудолюбивые рыбаки съ ихъ женами уже копошились и съ помощью большихъ канатовъ подтягивали къ берегу лодки съ неводомъ, пролежавшимъ всю ночь въ водѣ для улова рыбы. Другіе снаряжали барки, расправляли паруса и вытаскивали весла и реи изъ-подъ большихъ сводовъ, гдѣ въ глубинѣ скалы за рѣшеткой хранился ночью весь корабельный снарядъ. Всѣ были заняты,—даже старики, не ходившіе болѣе въ море, становились въ цѣпь и тянули неводъ, а старухи либо стояли съ веретеномъ на плоской крышѣ, либо хлопотали около внучатъ, пока ихъ дочери помогали своимъ мужьямъ.

— Посмотри, Ракела, вѣдь это нашъ падре Курато! — сказала старушка маленькой десятилѣтней дѣвочкѣ, которая рядомъ съ нею размахивала веретеномъ: — это онъ влѣзаетъ въ лодку. Антонино перевезетъ его въ Капри. Пресвятая Марія! какой у него заспанный видъ!—И она замахала рукой маленькому привѣтливому патеру, который внизу усаживался въ лодку, бережно приподнявъ черный кафтанъ и разостлавъ его на деревянной скамьѣ. На берегу люди пріостановили работу, чтобы посмотрѣть, какъ отчаливаетъ ихъ патеръ, а онъ ласково кланялся всѣмъ направо и налѣво.

— Зачѣмъ это ему ѣхать въ Капри, бабушка? — спросилъ

ребенокъ.—Развѣ у нихъ нѣтъ своего патера, что они зовутъ нашего?

— О,—сказала старуха:—у нихъ много своихъ патеровъ и прекрасныхъ церквей; у нихъ даже отшельникъ есть, какого у насъ нѣтъ. Но тамъ живетъ та знатная госпожа, которая долго жила здѣсь въ Сорренто и постоянно хворала, а пàдре часто къ ней носилъ святые Дары, когда боялись, что она и ночи не переживетъ. Но Пресвятая Дѣва помогла ей; она теперь совершенно излечилась, совсѣмъ здорова и начала опять купаться въ морѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Капри, она подарила еще кучу червонцевъ церкви и бѣднымъ и не хотѣла, говорятъ, уѣзжать, пока пàдре не пообѣщалъ навѣщать ее и тамъ, чтобы она могла у него исповѣдоваться. Удивительно, какъ она дорожитъ имъ! И мы должны радоваться, что нашъ падре—съ благодатью свыше, какъ архіепископъ, и что на него обращаютъ вниманіе знатные господа. Пресвятая Дѣва да будетъ съ нимъ!—И она опять замахала по направленію къ лодкѣ, которая собиралась отчаливать.

— А погода у насъ будетъ ясная, сынъ мой? — спросилъ патеръ, заботливо взглянувъ въ сторону Неаполя.

— Солнце еще не взошло,—отвѣчалъ молодой рыбакъ.—Оно справится съ этимъ небольшимъ туманомъ.

— Ну, такъ отчаливай, чтобы намъ доѣхать до зноя.

Антонино взялся за длинное весло, чтобы оттолкнуть лодку, но вдругъ остановился и посмотрѣлъ на крутую дорогу, которая спускалась изъ городка Сорренто къ маринѣ.

Наверху появилась стройная дѣвушка; она торопливо ступала по камнямъ и махала платкомъ. Она несла узелокъ и была бѣдно одѣта, но въ ея привычкѣ откидывать голову назадъ было что-то гордое и немного дикое, а черная коса обвивала ей голову какъ діадема.

— Чего мы ждемъ?—спросилъ Курато.

— Вотъ еще кто-то идетъ къ лодкѣ: вѣрно, тоже собирается въ Капри; — это молоденькая дѣвушка; если позволите, падре, мы ее возьмемъ съ собой; отъ этого мы тише не поѣдемъ.

Въ это мгновеніе дѣвушка показалась изъ-за стѣны, которая огораживала извилистую дорогу. — Лаурелла?—сказалъ Курато. —Какое у нея дѣло въ Капри?

Антонино пожалъ плечами.—Дѣвушка шла торопливо и глядя себѣ подъ ноги.

— Здравствуй, l'Arrabbiata! — крикнули ей нѣсколько молодыхъ рыбаковъ. Они обозвали бы ее и похуже, если бы присутствіе Курато не сдерживало ихъ. Упорное молчаніе, съ кото-

рымъ дѣвушка приняла такое ихъ привѣтствіе, казалось, еще болѣе возбуждало шалуновъ.

— Здравствуй, Лаурелла!—закричалъ и Курато:—какъ поживаешь? Ты хочешь ѣхать тоже въ Капри?

— Если позволите, пàдре.

— Спроси у Антонино; онъ хозяинъ лодки. Всякій—хозяинъ своей собственности, а Богъ—надъ всѣми нами.

— Вотъ тебѣ полкарлино, если за это переѣхать можно,— сказала Лаурелла, не глядя на молодого рыбака.

— Тебѣ онъ нужнѣе, чѣмъ мнѣ,—пробормоталъ юноша и передвинулъ нѣсколько корзинъ съ померанцами, чтобы очистить мѣсто дѣвушкѣ. Онъ долженъ былъ продать эти померанцы въ Капри; скалистый островъ производитъ ихъ слишкомъ мало для потребностей многочисленныхъ посѣтителей.

— Я даромъ не поѣду,—возразила дѣвушка, и ея черныя брови дрогнули.

— Поѣдемъ, дитя мое!—сказалъ Курато:—онъ хорошій малый, не хочетъ наживаться твоими грошами... Ну, влѣзай!—И онъ подалъ ей руку. Садись сюда, ко мнѣ. Видишь, онъ разложилъ свою куртку, чтобы тебѣ было мягче сидѣть. Обо мнѣ онъ такъ не позаботился. Но такова ужъ молодежь: для одной молодой дѣвушки больше постарается, чѣмъ для десяти духовныхъ особъ. Ну, ну, нечего извиняться, Тонино. Господь Богъ такъ ужъ устроилъ, что свой своему по-неволѣ братъ.

Между тѣмъ Лаурелла вошла въ лодку и сѣла, но предварительно и не говоря ни слова отодвинула куртку. Молодой рыбакъ оставилъ ее на скамьѣ и пробормоталъ что-то сквозь зубы. Потомъ онъ сильно оттолкнулъ маленькую ладью отъ берега, и она выскользнула въ заливъ.

— Чтò у тебя въ узелкѣ, Лаурелла?—спросилъ Курато, пока они неслись по морю, которое уже начинало свѣтиться отъ первыхъ солнечныхъ лучей.

— Шолкъ, нитки и хлѣбъ, отецъ мой. Я должна продать шолкъ одной женщинѣ въ Капри, которая дѣлаетъ ленты, а нитки—другой.

— Сама пряла?

— Да, отецъ мой.

— Помнится мнѣ, ты училась и ткать ленты?

— Да, училась, но матери моей опять хуже стало, и я не могу оставлять ее дома одну, а за ткацкій станокъ мы заплатить не можемъ.

— Ей хуже? Ай, ай! Когда я былъ у васъ на пасхѣ, она вѣдь уже встала съ постели.

— Весна всегда для нея самое худое время. Съ тѣхъ поръ какъ были у насъ большія бури и подземные удары, она все больна и не встаетъ.

— Не унывай, дитя мое, молись и проси Пресвятую Дѣву, чтобы она заступилась за больную, а сама работай и будь прилежна, чтобы услышалась твоя молитва.

Послѣ короткаго молчанія, пàдре Курато опять спросилъ Лауреллу:—Когда ты сходила къ берегу, тебѣ закричали: „здравствуй l'Arrabbiata“. Почему тебя такъ называютъ? Некрасивое это прозвище для христіанки, которая должна быть кротка и смиренна!

Смуглое лицо дѣвушки загорѣлось огнемъ и глаза сверкнули.

— Они ругаются такъ потому, что я не пляшу и не пою, и не говорю много, какъ другія. Оставили бы лучше меня въ покоѣ,—вѣдь я имъ не мѣшаю!

— Но ты сама могла бы быть ласкова со всѣми. Плясать и пѣть могутъ другія, которымъ жизнь дается легче, а доброе слово можетъ сказать и огорченный.

Она потупилась и сдвинула брови, точно хотѣла скрыть подъ ними свои черные глаза. Нѣсколько времени они плыли молча. Солнце стояло уже теперь надъ горами во всемъ своемъ великолѣпіи. Вершина Везувія выдавалась надъ слоемъ облаковъ, который еще окружалъ его подножіе, а на равнинѣ Соррента мелькали бѣлые дома среди зеленыхъ померанцевыхъ садовъ.

— Скажи мнѣ, Лаурелла, тотъ живописецъ, неаполитанецъ, который на тебѣ жениться хотѣлъ, не подавалъ о себѣ вѣсти?

Она отрицательно покачала головой.

— Онъ хотѣлъ тогда тебя срисовать. Отчего ты на это не согласилась?

— Къ чему онъ этого желалъ? Есть другія красивѣе меня. Да при томъ,—кто знаетъ, чтò онъ бы сдѣлалъ съ этой картиной. Мать говорила, что онъ могъ околдовать меня, погубить мою душу, и этимъ убить меня.

— Не вѣрь такимъ грѣшнымъ толкамъ!—строго сказалъ Курато.—Не всегда ли ты подъ десницею Божіей, а безъ Его воли не спадетъ и волосъ съ твоей головы. Развѣ человѣкъ сильнѣе Б[illegible]? Къ тому же вѣдь ясно было, что онъ тебѣ добра же[illegible]. Иначе онъ не захотѣлъ бы на тебѣ жениться.

Она молчала.

— Отчего ты отказала ему? Говорятъ, онъ былъ честный чело-

вѣкъ, хорошъ собой, и могъ бы содержать тебя и твою мать гораздо лучше, чѣмъ ты своей пряжей и мотаніемъ шолка.

— Мы люди бѣдные,—сказала она съ горячностью:—мать моя такъ давно уже больна, и ему мы были бы въ тягость. Я не гожусь для такого господина. Пришли бы къ нему его друзья, а ему стало бы стыдно за меня.

— Ну, что̀ ты болтаешь! Вѣдь я же тебѣ говорю, что онъ былъ честный человѣкъ, и къ тому же хотѣлъ переселиться въ Сорренто. Не скоро найдется такой, какъ будто Небомъ посланный вамъ на помощь.

— Не выйду я замужъ никогда! — сказала она упрямо и какъ бы про себя.

— Ты дала обѣтъ, или хочешь въ монастырь?

Она покачала головой.

— Люди правы, когда называютъ тебя l'Arrabbiata —взбалмошная—прозвище некрасивое! Неужели ты не подумала, что ты не одна на свѣтѣ, и что твоей больной матери отъ твоего характера и жить, и болѣть тяжелѣе? Какія же у тебя могутъ быть важныя причины, чтобы отклонять каждаго честнаго человѣка, который хочетъ быть опорой тебѣ и твоей матери? Ну, отвѣчай-ка, Лаурелла!

— Есть у меня причина на то,—сказала она тихо и запинаясь.—Но сказать ее я не могу.

— Сказать не можешь? Даже мнѣ? Твоему духовнику, которому все-таки вѣришь, что онъ желаетъ тебѣ добра? или ты и мнѣ не вѣришь?

Она утвердительно кивнула головой.

— Такъ облегчи свое сердце, дитя мое. Если ты права, я первый соглашусь съ тобой. Но ты молода, мало знаешь свѣтъ и можешь современемъ раскаиваться въ томъ, что напрасно проглядѣла свое счастье.

Она мелькомъ бросила робкій взглядъ на Антонино, который сидѣлъ позади на кормѣ и прилежно работалъ веслами, низко надвинувъ на брови шерстяную шапку. Онъ пристально смотрѣлъ въ сторону и казался погруженнымъ въ раздумье. Курато замѣтилъ ея взглядъ и нагнулся ближе къ ней.

— Вы не знавали моего отца?—прошептала она, а глаза ея глядѣли мрачно.

— Твоего отца? Онъ вѣдь умеръ, помнится мнѣ, когда тебѣ не было и десяти лѣтъ? Что же общаго между твоимъ отцомъ, царство ему небесное, и твоимъ упрямствомъ?

— Вы его не знали, отецъ мой, а потому вы не знаете, что онъ одинъ виновенъ въ болѣзни матери.

— Какъ такъ?

— Онъ мучилъ и билъ ее ужасно. Я помню тѣ ночи, когда онъ бѣшеный приходилъ домой. Она никогда ему и слова не говорила, и дѣлала все, чтѣ онъ ни приказывалъ. А онъ билъ ее такъ, что мое сердце надрывалось. Я часто притворялась спящей, натягивала одѣяло на голову и плакала всю ночь. Когда же она, избитая, лежала на полу, онъ вдругъ мѣнялъ свою жестокость на ласки, подымалъ ее съ полу и почти душилъ въ своихъ объятіяхъ. Мать запретила мнѣ говорить объ этомъ; но вотъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ скончался, она и до сихъ поръ не можетъ поправиться. Если, чего Боже сохрани, она долго не проживетъ,—я буду знать, кто ее загубилъ.

Патеръ Курато качалъ головой, и, казалось, не зналъ, насколько можетъ вѣрить своей духовной дочери. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Прости ему, какъ простила ему твоя мать. Не останавливайся мысленно на этихъ печальныхъ картинахъ. Настанутъ лучшіе дни, Лаурелла, которые заставятъ тебя все это забыть.

— Никогда не забуду! — сказала она съ содроганіемъ.—И знаете, отецъ мой, я не выйду замужъ, чтобы не быть подвластной человѣку жестокому, который такъ же будетъ обращаться со мной. Теперь, если меня кто захочетъ побить или поцѣловать, я съумѣю защититься. Но моя мать защищаться не смѣла, ни отъ ударовъ, ни отъ поцѣлуевъ, потому что она любила его, а я никого не хочу до того полюбить, чтобы потомъ страдать и мучиться.

— Ну, не ребенокъ ли ты?! Ты говоришь, не вѣдая, чтѣ дѣлается на свѣтѣ. Развѣ всѣ мужчины, подобно твоему бѣдному отцу, поддаются каждой прихоти и страсти и обходятся дурно со своими женами? Мало ли ты видѣла честныхъ людей между сосѣдями и женъ, живущихъ въ мирѣ и согласіи?

— Про отца тоже никто не зналъ, какъ онъ обращался съ матерью; она скорѣе тысячу разъ бы умерла, нежели разсказала бы кому-нибудь или пожаловалась на него. И это все потому, что она любила его. Если любовь зажимаетъ вамъ ротъ, когда слѣдовало бы кричать о помощи, и обезоруживаетъ васъ передъ зломъ, которое не причинилъ бы вамъ и злѣйшій врагъ, то я уже не отдамъ сердца своего никому никогда!

— Говорю тебѣ, что ты дитя, и сама не знаешь, что говоришь. Когда придетъ пора, твое сердце и не спроситъ тебя, хочешь ли ты полюбить, или нѣтъ; не поможетъ тебѣ тогда и

твое упрямство.—Послѣ новаго молчанія, Курато спросилъ:—А отъ того живописца ты тоже ожидала жестокаго обхожденія съ тобой?

— У него былъ такой же взглядъ, какъ я, бывало, видѣла у отца, когда онъ у матери просилъ прощенія и говорилъ ей ласковыя слова. Знаю я этотъ взглядъ! Такъ можетъ глядѣть и человѣкъ, у котораго хватаетъ духу бить жену, ничѣмъ не виноватую. Мнѣ страшно стало, когда я снова увидѣла такіе глаза.

Послѣ этихъ словъ она упорно замолчала. Молчалъ и Курато. Онъ, правда, припомнилъ разныя прекрасныя изреченія, которыми могъ бы увѣщевать дѣвушку. Но присутствіе молодого рыбака, который къ концу исповѣди сталъ выказывать безпокойство, зажимало ему ротъ.

Послѣ двухчасового плаванія они прибыли въ маленькую гавань Капри, и Антонино перенесъ Курато изъ лодки на берегъ, почтительно поставивъ его на землю. Лаурелла же не захотѣла ждать его. Она подобрала свое платьице, взяла въ правую руку деревянныя туфли, въ лѣвую узелокъ, и проворно сама перебралась на берегъ.

— Я, вѣроятно, сегодня долго пробуду въ Капри,—сказалъ патеръ:—ты меня не жди, Антонино. Быть можетъ, я только завтра вернусь. А ты, Лаурелла, когда придешь домой, поклонись матери. Я навѣщу васъ на этой недѣлѣ. Вѣдь ты еще до ночи поѣдешь обратно?

— Да, если будетъ случай, — сказала дѣвушка, возившаяся съ своимъ платьемъ.

— Знаешь, вѣдь и мнѣ надо назадъ, — проговорилъ Антонино, какъ ему казалось, очень равнодушнымъ голосомъ.—Я тебя подожду до „Ave Maria". Но если ты и тогда не придешь, то мнѣ тоже все равно...

— Ты должна придти, Лаурелла, — перебилъ Курато.—Ты вѣдь не можешь оставить свою мать на ночь одну! Далеко ли ты ѣдешь?

— Въ Анакапріэ, въ виноградникъ.

— А мнѣ въ Капри. Да хранитъ тебя Господь, дитя мое, и тебя, сынъ мой.

Лаурелла поцѣловала ему руку и, обращаясь къ обоимъ вмѣстѣ, промолвила:—Прощайте!—Антонино не принялъ этого на свой счетъ. Онъ снялъ шапку передъ Курато и не взглянулъ на Лауреллу.

Но когда они оба повернулись къ нему спиной, глаза Антонино не долго провожали Курато, съ трудомъ шагавшаго по глу-

бокому и крупному песку, а слѣдили за дѣвушкой, которая пошла направо въ гору, защищая рукой глаза отъ палящаго солнца. Тамъ, гдѣ наверху дорога исчезаетъ за стѣной, она остановилась на мгновеніе, какъ бы для того, чтобы перевести духъ, и оглянулась. У ея ногъ лежала марина. Кругомъ воздвигались крутыя скалы, море синѣло въ необычайномъ великолѣпіи,—стоило остановиться для такой картины! Случайно ея взглядъ, скользнувъ по лодкѣ Антонино, встрѣтился съ тѣмъ взглядомъ, который онъ послалъ ей вслѣдъ. Они оба сдѣлали движеніе, какъ бы извиняясь другъ передъ другомъ за нечаянный случай, и дѣвушка угрюмо пошла своей дорогой.

Былъ всего часъ пополудни, а Антонино уже два часа сидѣлъ на скамейкѣ передъ рыбачьей остеріей. Казалось, что-то безпокоило его; каждыя пять минутъ онъ вскакивалъ, выходилъ изъ тѣни на солнце и тщательно оглядывалъ дороги, ведущія влѣво и вправо къ обоимъ городкамъ острова.—Погода ненадежная, — говорилъ онъ тогда хозяйкѣ остеріи. — Правда, небо ясно, но ему знакомъ этотъ цвѣтъ неба и моря. Точно также было и передъ послѣдней большой бурей, когда онъ съ трудомъ вывезъ на берегъ англійское семейство. Она, вѣрно, помнитъ это?

— Нѣтъ, — сказала женщина.

— А много у васъ пріѣзжихъ господъ?—спросила хозяйка, немного погодя.

— Начинаютъ съѣзжаться. До сихъ поръ время стояло худое. Купающіеся заставили себя подождать.

— Весна нынче поздняя. А вы все-таки больше заработали, чѣмъ мы на Капри?

— Не хватило бы и на макароны, еслибы я жилъ только своею лодкой. Иногда письмо въ Неаполь отвезешь, или какой-нибудь господинъ выѣдетъ на уженіе въ море,—вотъ и все. Но вы знаете, что у моего дяди большіе померанцевые сады, онъ богатый человѣкъ.—„Тонино,—сказалъ онъ мнѣ:—пока я живъ, ты не будешь терпѣть нужды, а потомъ я тоже о тебѣ позабочусь!“ Такъ-то я съ Божіей помощью и прожилъ зиму.

— Есть у него дѣти, у вашего дяди?

— Нѣтъ. Онъ никогда не былъ женатъ, долго жилъ за границей и тамъ накопилъ не мало денегъ. Теперь онъ хочетъ завести большую рыбную ловлю и меня поставить во главѣ, чтобы я смотрѣлъ за порядкомъ.

— Значитъ, вы человѣкъ обезпеченный, Антонино?

Молодой рыбакъ пожалъ плечами. — У всякаго своя за-

бота, — сказалъ онъ. Потомъ онъ вскочилъ и опять сталъ смотрѣть направо и налѣво, наблюдая за погодой, хотя долженъ былъ бы знать, что тучи всегда поднимаются съ одной стороны.

— Я принесу еще кружку вина; твой дядя заплатитъ! — сказала хозяйка.

— Мнѣ и стакана довольно; у васъ здѣсь вино крѣпкое. Голова у меня и безъ того совсѣмъ горячая.

— Кровь оно не горячитъ. Можно пить сколько угодно. Вотъ и мужъ мой идетъ; вы должны еще посидѣть и поболтать съ нимъ.

Дѣйствительно, съ неводомъ черезъ плечо, въ красной шапкѣ на курчавыхъ волосахъ, сходилъ съ горы статный хозяинъ остеріи. Онъ относилъ въ городъ рыбу, заказанную знатной госпожей для угощенія патера Курато изъ Сорренто. Завидѣвъ молодого человѣка, онъ уже издали радушно привѣтствовалъ его, потомъ сѣлъ возлѣ него на скамейку и сталъ его разспрашивать и самъ разсказывать ему. Жена вынесла уже вторую кружку настоящаго, неподдѣльнаго вина капри, когда слѣва вдругъ захрустѣлъ песокъ и на дорогѣ изъ Анакапріэ показалась Лаурелла. Она слегка поклонилась и остановилась въ нерѣшимости.

Антонино вскочилъ.

— И мнѣ пора! — сказалъ онъ: — эта дѣвушка изъ Сорренто пріѣхала нынче утромъ вмѣстѣ съ нашимъ падре Курато и хочетъ на ночь вернуться къ больной матери.

— Ну, ну, до ночи еще далеко, — сказалъ рыбакъ. — Она можетъ выпить стаканъ вина. Эй, жена, принеси еще стаканъ!

— Благодарю, я не пью, — сказала Лаурелла и остановилась поодаль.

— Наливай, жена, наливай! Она хочетъ, чтобы ее упрашивали.

— Оставь ее! — сказалъ юноша: — у нея нравъ крутой, и если чего не захочетъ, такъ и святой ее не уговоритъ. — И онъ поспѣшно простился, сбѣжалъ внизъ къ лодкѣ, развязалъ бичевку и сталъ въ ожиданіи дѣвушки. Та еще разъ поклонилась хозяевамъ остеріи и нерѣшительными шагами пошла къ лодкѣ. Она оглядывалась во всѣ стороны, какъ бы ожидая, не явятся ли еще какіе-нибудь спутники. Но марина была безлюдна; рыбаки либо спали, либо ушли въ море съ удочками и неводами; на порогахъ кое-гдѣ сидѣли женщины и дѣти; однѣ спали, другія пряли, а прибывшіе утромъ пріѣзжіе ожидали вечерней прохлады для возвращенія домой. Недолго пришлось ей оглядываться; она не успѣла опомниться, какъ ужъ Антонино взялъ ее на руки и

какъ ребенка перенесъ въ лодку. Онъ вскочилъ вслѣдъ за нею— нѣсколько ударовъ веселъ, и они уже были въ открытомъ морѣ.

Она усѣлась на другомъ концѣ лодки въ-полуоборотъ, такъ что онъ могъ видѣть ее только сбоку. Выраженіе ея лица стало еще строже обыкновеннаго. Волосы покрыли ея низкій лобъ, тонкія ноздри слегка дрожали, а полныя губы крѣпко сжались. Проплывъ молча нѣсколько времени, она почувствовала солнечный зной, вынула хлѣбъ изъ платка и повязала платкомъ себѣ голову, а вмѣсто обѣда стала ѣсть хлѣбъ; она на островѣ ничего еще не ѣла.

Антонино не выдержалъ. Онъ вынулъ изъ одной уже пустой корзины два померанца и сказалъ: — Вотъ тебѣ приправа къ твоему хлѣбу, Лаурелла. Не думай, чтобы я сберегъ ихъ для тебя. Они выпали изъ корзины, когда я ставилъ пустыя обратно въ лодку.

— Съѣшь ихъ самъ. Мнѣ одного хлѣба довольно.

— Они освѣжаютъ въ такой зной, а ты вѣдь набѣгалась.

— Мнѣ наверху дали стаканъ воды; это меня освѣжило.

— Какъ хочешь,—сказалъ онъ и бросилъ ихъ въ корзину.

Наступило молчаніе. Море было словно зеркало и едва журчало подъ килемъ. Бѣлыя морскія птицы, которыя гнѣздятся въ пещерахъ у берега, беззвучно проносились за добычей.

— Ты могла бы снести эти померанцы своей матери,—снова началъ Антонино.

— У насъ есть померанцы дома; а когда они выйдутъ, я могу купить еще.

— Все-таки снеси ихъ ей и поклонись отъ меня.

— Вѣдь она тебя не знаетъ.

— Ты могла бы ей сказать—кто я.

— Вѣдь и я тебя не знаю.

Не въ первый разъ уже она отрекалась отъ него. Годъ тому назадъ, когда живописецъ только-что пріѣхалъ въ Сорренто, случилось, что Антонино съ другими рыбаками игралъ въ „boccia" на площадкѣ около главной улицы. Здѣсь живописецъ впервые встрѣтилъ Лауреллу, а она, не замѣтивъ его, прошла мимо, неся на головѣ кувшинъ съ водою. Неаполитанецъ, пораженный ея красотой, стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, хотя мѣшалъ игрѣ и ...ь бы, отойдя на два шага, очистить мѣсто. Шаръ, больно ...ривщій его въ ногу, напомнилъ ему, что здѣсь не мѣсто по...каться въ размышленія. Онъ оглянулся, какъ бы ожидая из...нія. Молодой рыбакъ, бросившій шаръ, молча и вызы...це стоялъ среди своихъ друзей, такъ что пріѣзжій счелъ

нужнымъ уйти, не начиная ссоры. Но объ этомъ стали говорить и заговорили вновь, когда живописецъ открыто посватался за Лауреллу и, получивъ отказъ, спросилъ ее, не отказываетъ ли она ему изъ-за того грубаго рыбака; она отвѣтила ему съ досадой, что не знаетъ его. Толки объ этомъ дошли и до ея ушей, и съ тѣхъ поръ, встрѣчая не разъ Антонино, не могла же она не узнавать его.

И вотъ они сидѣли въ лодкѣ, какъ непримиримые враги, и у обоихъ смертельно билось сердце. Добродушное лицо Антонино сильно раскраснѣлось; онъ ударялъ веслами по волнамъ, такъ что пѣна обдавала его, а по временамъ губы его дрожали, какъ бы произнося злобныя рѣчи. Она притворялась, что ничего не замѣчаетъ, придала своему лицу самое простодушное выраженіе и, нагнувшись черезъ край челна, пропускала воду сквозь пальцы. Потомъ она развязала платокъ и поправила волосы, какъ будто никого не было въ лодкѣ. Только брови еще вздрагивали, и она тщетно прикладывала мокрыя руки къ горячимъ щекамъ, чтобы освѣжить ихъ.

Они были въ открытомъ морѣ; кругомъ не было видно ни одного паруса. Островъ остался позади; вдали тянулся берегъ въ прозрачномъ, какъ бы пропитанномъ солнечными лучами, туманѣ; ни одна чайка не нарушала полнаго одиночества. Антонино оглянулся. Казалось, у него зародилась какая-то мысль. Краска вдругъ исчезла съ его лица, и онъ выпустилъ весла изъ рукъ. Лаурелла невольно посмотрѣла на него, напряженно, но безъ боязни.

— Пора покончить! — произнесъ онъ вдругъ. — Слишкомъ ужъ долго длится все это, и я удивляюсь, право, что ты меня еще не загубила! Ты не знаешь меня, говоришь ты? Неужели ты не видишь, что давно уже прохожу я мимо тебя какъ безумный, и хотѣлъ бы высказать все то, чѣмъ полно мое сердце? А ты сердито сжимаешь губы и поворачиваешься ко мнѣ спиной.

— О чемъ же мнѣ съ тобой разговаривать? — сказала она коротко.—Конечно, я видѣла, что ты хотѣлъ привязаться ко мнѣ. Но я не хотѣла подать людямъ поводъ говорить обо мнѣ напрасно: замужъ за тебя я не пойду,—ни за тебя и ни за кого другого.

— Ни за кого?! Ты не всегда будешь такъ говорить. Ты живописца такъ отправила? Ба! Тогда ты была еще дитя. Ужъ когда-нибудь ты почувствуешь одиночество, и съ твоимъ сумасбродствомъ выйдешь за перваго встрѣчнаго.

— Никто не знаетъ, что̀ у кого на роду написано. Можетъ быть, я и передумаю. Тебѣ какое дѣло?

— Какое мнѣ дѣло?—Онъ такъ быстро вскочилъ со скамьи, что лодка закачалась. — Какое мнѣ дѣло? И ты еще можешь такъ спрашивать, когда знаешь, что̀ у меня на душѣ? Пусть погибнетъ самымъ жалкимъ образомъ всякій, кого ты когда-нибудь примешь лучше меня!

— Развѣ мы съ тобой когда-нибудь сговаривались? Виновата ли я, что у тебя вздоръ въ головѣ? Какія же права ты имѣешь на меня?

— О!—воскликнулъ онъ:—конечно, эти права нигдѣ не писаны, никакимъ адвокатомъ по-латыни не составлены и не запечатаны, но я знаю, что имѣю на тебя столько же правъ, сколько честный человѣкъ на царство небесное. Думаешь ли ты, что я захочу смотрѣть, какъ ты съ другимъ пойдешь въ церковь, и какъ дѣвушки, проходя мимо меня, будутъ пожимать плечами. Могу ли я снести такой позоръ?

— Дѣлай что̀ хочешь. Я не боюсь твоихъ угрозъ. Я тоже сдѣлаю что̀ хочу.

— Не долго ты будешь такъ говорить,—сказалъ онъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.—У меня хватитъ мужества не дать такой упрямицѣ, какъ ты, испортить мнѣ всю жизнь. Знаешь ли, что ты здѣсь въ моей власти и должна дѣлать что̀ я хочу?

Она слегка вздрогнула и глаза ея сверкнули.

— Убей меня, если посмѣешь!—проговорила она медленно.

— Ничего не слѣдуетъ дѣлать въ половину,—сказалъ онъ, и его голосъ прозвучалъ тише.—Въ морѣ есть мѣсто намъ обоимъ. Я не могу помочь тебѣ, — и онъ говорилъ почти съ состраданіемъ, какъ бы во снѣ:—но намъ обоимъ надо туда, внизъ и разомъ, и сейчасъ! — громко крикнулъ онъ и вдругъ обѣими руками обхватилъ ее. Но въ ту же минуту онъ отдернулъ свою правую руку,—на ней выступила кровь: Лаурелла сильно укусила ее.

— Я должна дѣлать что̀ ты хочешь?!—воскликнула она и быстрымъ движеніемъ оттолкнула его отъ себя.—Посмотримъ, въ твоей ли я власти!—Съ этими словами она перескочила черезъ край лодки и на мгновеніе исчезла въ глубинѣ.

Лаурелла тотчасъ опять появилась; платье ея смокло, волосы отъ воды распустились и тяжело повисли на шеѣ; она сильно работала руками и безмолвно и мощно поплыла прочь отъ лодки къ берегу. Антонино, испуганный, какъ бы лишился пониманія. Онъ стоялъ въ лодкѣ нагнувшись впередъ и пристально глядѣлъ

на нее, точно передъ его глазами совершалось чудо. Наконецъ онъ встрепенулся, бросился къ весламъ и, напрягая всѣ силы, двинулся за нею; а между тѣмъ дно лодки обагрилось кровью изъ его раны.

Несмотря на ея быстрыя движенія, онъ мигомъ догналъ Лауреллу.—Ради Пресвятой Маріи, садись въ лодку!—воскликнулъ онъ. — Я былъ сумасшедшій! Богъ знаетъ, что омрачило мой разумъ. Какъ молнія съ неба ударила мнѣ въ голову, я вспылилъ и не зналъ, что дѣлалъ и говорилъ. Ты не должна прощать меня, Лаурелла, только себя не губи и вернись въ лодку!

Она плыла дальше, какъ будто ничего не слыхала.

— Ты не можешь доплыть до берега,—вѣдь до него еще двѣ мили... Вспомни свою мать! Если съ тобой случится несчастье, я умру отъ ужаса.

Она взглядомъ измѣрила разстояніе до берега. Потомъ, не отвѣчая ему, подплыла къ лодкѣ и ухватилась за ея край. Онъ всталъ, чтобъ помочь ей. Въ то время, когда лодка накренилась отъ тяжести дѣвушки, его куртка, лежавшая на скамьѣ, скользнувъ, упала въ воду. Лаурелла проворно перебралась на свое прежнее мѣсто. Увидавъ ее въ безопасности, онъ снова взялся за весла, а она принялась выжимать воду изъ промокшей юбки и косы. При этомъ она посмотрѣла на дно лодки и замѣтила кровь. Она бросила быстрый взглядъ на его руку, управлявшую весломъ по прежнему. — Вотъ тебѣ! — сказала она и подала ему платокъ. Онъ отрицательно покачалъ головой и продолжалъ грести. Наконецъ она встала, подошла къ нему и платкомъ крѣпко обвязала его глубокую рану. Съ большимъ усиліемъ она отняла у него одно весло, сѣла напротивъ него и, не глядя на него, а только на обагренное кровью весло, сильными ударами погнала лодку впередъ. Оба были блѣдны и молчали. Недалеко отъ берега повстрѣчались имъ рыбаки, которые готовились на ночь выбросить неводъ. Они окликнули Антонино и стали дразнить Лауреллу. Ни тотъ, ни другой, не подняли глазъ и не отвѣчали ни слова.

Солнце стояло еще довольно высоко надъ Прочидой, когда они достигли марины. Лаурелла отряхнула свою юбку, которая уже почти успѣла высохнуть, и соскочила на берегъ. Старуха-пряха, видѣвшая утромъ, какъ они уѣзжали, и теперь стояла на крышѣ.—Что у тебя на рукѣ, Тонино?—закричала она. Господи Іисусе! лодка вѣдь залита кровью!

— Ничего, „коммаре“ [1])!—отвѣтилъ юноша.—Я задѣлъ ею за

[1]) Кумушка.

гвоздь, который торчалъ тутъ. Завтра пройдетъ. Проклятая эта кровь,—всегда она на видъ страшнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.

— Я приду и наложу травы, „коммарелло". Погоди, я сейчасъ иду.

— Не безпокойтесь, коммаре. Все уже сдѣлано и завтра пройдетъ, я о рукѣ и забуду. У меня кожа здоровая, раны сейчасъ заживаютъ.

— Аддіо!—сказала Лаурелла и повернула на дорогу, ведущую въ гору.

— Покойной ночи!—закричалъ ей вслѣдъ юноша, не глядя на нее.—Затѣмъ онъ вынесъ изъ лодки снарядъ и корзины и поднялся по маленькой каменной лѣстницѣ въ свою хижину.

Никого не было въ его двухъ каморкахъ, по которымъ онъ сталъ ходить взадъ и впередъ. Въ открытыя окошечки, запиравшіяся обыкновенно деревянными ставнями, воздухъ продувалъ свѣжѣе, чѣмъ на спокойномъ морѣ, и ему было хорошо въ одиночествѣ. Онъ долго стоялъ передъ небольшимъ изображеніемъ Мадонны и благоговѣйно смотрѣлъ на наклеенное на немъ сіяніе изъ посеребренныхъ бумажныхъ звѣздъ. Но ему не приходило въ голову молиться. О чемъ просить, когда надежды болѣе нѣтъ?

И день ему казался безконечнымъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ темноты, потому что усталъ, а потеря крови изнурила его болѣе, чѣмъ онъ самъ это сознавалъ. Почувствовавъ сильную боль въ рукѣ, онъ сѣлъ на скамью и снялъ перевязку. Кровь показалась снова, и рука сильно распухла вокругъ раны. Онъ тщательно вымылъ и долго охлаждалъ ее. Когда онъ осмотрѣлъ руку, то ясно различилъ слѣды зубовъ Лауреллы. „Она была права,—сказалъ онъ:—я былъ звѣрь и лучшаго не заслужилъ. Завтра отошлю ей платокъ черезъ Джузеппе. Меня она больше не увидитъ". И перевязавъ себѣ руку, какъ могъ, лѣвой рукой и зубами, онъ тщательно вымылъ платокъ и разостлалъ его на солнечной сторонѣ. Затѣмъ легъ на постель и закрылъ глаза.

Яркій свѣтъ мѣсяца и боль въ рукѣ разбудили его изъ полусна. Онъ вскочилъ, чтобы освѣжить водою горѣвшую рану, и услыхалъ шорохъ за дверью.—Кто тамъ?—закричалъ онъ и отворилъ дверь. Лаурелла стояла передъ нимъ.

Она вошла, не ожидая приглашенія, сбросила платокъ, кото р ь была повязана ея голова, и поставила корзинку на столъ. I омъ глубоко вздохнула.

— Ты пришла за своимъ платкомъ,—сказалъ онъ: напрасно т лась; утромъ рано я попросилъ бы Джузеппе отнести его тебѣ.

— Я не за платкомъ,—быстро возразила она.—Я была на горѣ, ходила за травами, которыя останавливаютъ кровь. Онѣ здѣсь!—И она сняла крышку съ корзиночки.

— Напрасный трудъ!—отвѣчалъ онъ безъ горечи:—напрасный трудъ! Мнѣ теперь лучше, гораздо лучше; а еслибъ и было хуже, то было бы только мнѣ подѣломъ. Зачѣмъ ты здѣсь въ такое время? Что, если тебя застанутъ тутъ? Ты знаешь, какъ они болтаютъ, хоть и не знаютъ, чтò говорятъ.

— Мнѣ ни до кого дѣла нѣтъ,—проговорила она съ сердцемъ.—Но руку твою я видѣть хочу, чтобы наложить травы; одной лѣвой тебѣ этого не сдѣлать.

— Я говорю тебѣ, что это лишнее.

— Такъ чтобы я повѣрила тебѣ, дай мнѣ посмотрѣть.

Безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, она схватила его за больную, безпомощную руку и отвязала тряпки. Увидавъ сильную опухоль, она вздрогнула и воскликнула:—Iезусъ-Марія!

— Рука немного распухла,—сказалъ онъ.—Это черезъ день, другой, пройдетъ.

Она покачала головой.—Этакъ ты цѣлую недѣлю не можешь ходить въ море.

— Я такъ думаю ужъ послѣ-завтра идти. Не все ли равно!

Лаурелла между тѣмъ принесла чашу съ водой и снова омыла рану, чему онъ покорился какъ ребенокъ. Потомъ она приложила цѣлебныя травы, которыя тотчасъ уняли жгучую боль, и перевязала руку полотнянымъ бинтомъ, принесеннымъ съ собою.

Когда все это было сдѣлано, онъ поблагодарилъ ее.—И слушай, — сказалъ онъ: — если хочешь еще сдѣлать мнѣ одолженіе, то прости меня за то, что одолѣло меня это бѣшенство, и забудь все, чтò я сказалъ и сдѣлалъ. Я и самъ не знаю, какъ это случилось. Ты вѣдь никогда мнѣ къ этому повода не подавала, право, никогда. Ты больше не услышишь отъ меня ничего, чтò могло бы тебя оскорбить.

— Я должна просить у тебя прощенія, — перебила она.— Слѣдовало бы мнѣ иначе и лучше уговаривать тебя, а не раздражать моимъ упорнымъ молчаніемъ. И къ тому же еще эта рана!..

— Это была съ твоей стороны защита, а мнѣ самому давно слѣдовало опомниться. Словомъ, это не бѣда. О прощеніи не говори. Ты сдѣлала мнѣ добро, и я благодаренъ тебѣ. А теперь иди спать; вотъ и твой платокъ, захвати его съ собой.

Онъ подалъ ей платокъ; но она все еще стояла и какъ будто боролась съ собой. Наконецъ, она сказала:—Ты по моей винѣ и куртку потерялъ, а я знаю, что въ ней были деньги, выру-н-

ныя за померанцы. Мнѣ все это пришло въ голову дорогой. Я не могу возвратить ихъ тебѣ,—у насъ такихъ денегъ нѣтъ; да еслибы онѣ и были, то принадлежали бы матери. Но вотъ тебѣ серебряный крестъ: живописецъ положилъ его мнѣ на столъ, когда приходилъ къ намъ въ послѣдній разъ. Съ тѣхъ поръ я и не взглянула на него и не хочу болѣе держать его у себя въ ящикѣ. Если ты продашь его,—онъ вѣрно стоитъ нѣсколько піастровъ, какъ говорила тогда моя мать,—ты можешь вернуть потерю; а если чего недостанетъ, то я что-нибудь постараюсь заработать на пряжѣ ночью, когда мать спитъ.

— Ничего я не возьму,—коротко сказалъ онъ и отодвинулъ блестящій крестикъ, который она вынула изъ кармана.

— Ты долженъ взять его,—сказала она.—Кто знаетъ, сколько времени ты не будешь въ состояніи работать изъ-за этой руки. Вотъ онъ! чтобы глаза мои его больше никогда не видѣли!

— Такъ брось его въ море.

— Да вѣдь это не подарокъ я тебѣ дѣлаю; онъ по праву твой.

— По праву? Нѣтъ у меня никакихъ правъ. Если мы встрѣтимся съ тобою, сдѣлай одолженіе, не гляди на меня,—иначе я подумаю, что ты напоминаешь мнѣ о моей винѣ. Ну, теперь довольно—покойной ночи!

Онъ положилъ ей въ корзинку платокъ вмѣстѣ съ крестомъ и закрылъ крышку. Взглянувъ ей въ лицо, онъ испугался. Крупныя слезы катились по ея щекамъ, и она дала имъ волю.

— Пресвятая Марія!—воскликнулъ онъ:—ты больна? ты вся дрожишь?

— Ничего,—сказала она.—Я пойду домой!—и она, шатаясь, пошла къ двери. Слезы душили ее; она прижалась лбомъ къ косяку и вдругъ громко зарыдала. Но прежде чѣмъ онъ могъ подойти къ ней, она обернулась и кинулась ему на шею.

— Я не могу перенести этого!—вскричала она и прижала его къ себѣ, какъ умирающій цѣпляется за жизнь:—не могу слышать, когда ты ласково говоришь со мной и велишь уйти съ такой виной на душѣ!.. Бей меня, топчи меня ногами, проклинай! или, если ты все еще любишь меня, несмотря на все зло, которое я тебѣ сдѣлала, то возьми меня, оставь у себя и дѣлай со мной что хочешь. Но такъ отъ себя не отсылай!—Сильныя рыданія снова прервали ея слова.

Нѣсколько времени онъ молча держалъ ее въ своихъ объятіяхъ.—Люблю ли я тебя еще?—наконецъ воскликнулъ онъ:—Матерь Божія! Думаешь ли ты, что вся кровь вытекла изъ

моего сердца черезъ эту маленькую рану? Развѣ ты не слышишь, какъ оно бьется въ груди моей, какъ просится къ тебѣ? Если же ты только испытываешь меня или жалѣешь, то ступай,—я и это все забуду. Не думай, что ты должна это сдѣлать для меня потому только, что знаешь, какъ я изъ-за тебя страдаю!

— Нѣтъ,—твердо сказала она, поднявъ голову съ его плеча и влажными глазами страстно глядя ему въ лицо:—я люблю тебя и скажу ужъ за-одно, что я боялась этого и потому упрямилась. А теперь не могу болѣе не смотрѣть на тебя, когда ты проходишь мимо меня по улицѣ, и хочу поцѣловать тебя, чтобы ты могъ сказать, если опять найдетъ на тебя сомнѣніе: „она поцѣловала меня!“ а Лаурелла не поцѣлуетъ никого, кромѣ того, кого выберетъ себѣ въ мужья.

Лаурелла поцѣловала его трижды и, высвободившись изъ его объятій, быстро проговорила: — Прощай! Ложись теперь спать; вылечи сначала свою руку и не провожай меня: я никого не боюсь, никого—кромѣ тебя!

Съ этими словами она скользнула въ дверь и исчезла въ темнотѣ ночи. А онъ еще долго смотрѣлъ въ окно на море, и ему все казалось, что звѣзды дрожатъ надъ водой.

Выходя изъ исповѣдальни, въ которой Лаурелла долго стояла на колѣняхъ, маленькій патеръ Курато тихо ухмылялся. „Кто бы подумалъ,—говорилъ онъ про себя,—что Богъ такъ скоро смилуется надъ этимъ причудливымъ сердцемъ! А я еще обвинялъ себя, что сильнѣе не пристращалъ ее за упрямство. Но мы всѣ близоруки, когда дѣло идетъ о путяхъ Провидѣнія. Да благословитъ ее Господь! Быть можетъ, и я доживу еще до того дня, когда старшій сынъ Лауреллы, вмѣсто отца, повезетъ меня по морю! Какова l'Arrabbiata“!..

Е.

ДЖЕРАРДЪ

Романъ въ двухъ частяхъ, м-съ Брэддонъ.

Gerard or the world, the flesh and the devil, a novel by M. E. Braddon.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Облака низко ходили по небу и въ воздухѣ пахло грозой, когда кэбъ Джерарда Гиллерсдона катился по Королевской дорогѣ, мимо жалкихъ лачужекъ и захудалыхъ дворянскихъ дачъ, въ тихое загородное мѣстечко, извѣстное подъ названіемъ Парсонсъ-Гринъ. Всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ Парсонсъ-Гринъ имѣлъ нѣкоторыя претензіи только на сельскій пейзажъ.

Тамъ, гдѣ теперь тянутся выстроенныя спекулянтами улицы и террасы съ квадратными скверами, тамъ высились красивыя старинныя зданія эпохи Георговъ—и болѣе ранней—и раскидывались величественныя лужайки, боскеты и старинныя аллеи, защищавшія ихъ отъ гама и пыли большого города.

Къ одному изъ этихъ почтенныхъ старинныхъ зданій, уступавшему по размѣрамъ и величію обстановки развѣ только Питерборо-Гаузу, подъѣзжалъ послѣ полудня Джерардъ Гиллерсдонъ [illegible] нависшимъ низко надъ головой мрачнымъ небомъ іюль[illegible]о душнаго, хотя и безсолнечнаго дня. Никогда еще, даже [illegible]и зимы, дымовая завѣса не опускалась такъ низко надъ Лон[illegible]омъ, какъ въ этотъ день, и такъ какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ каза[illegible] чемыслимымъ объяснять туманомъ такое таинственное состоя-

ніе атмосферы, его называли обыкновенно „дымкой“, то-есть желтымъ паромъ, котораго не могъ пробить ни одинъ солнечный лучъ.

Для Джерарда Гиллерсдона, чувствительнѣйшаго изъ людей вообще, сегодняшняя атмосфера казалась безразличной.

Онъ дошелъ до того состоянія духа, когда атмосфера уже не можетъ повліять на человѣка ободряющимъ или угнетающимъ образомъ. Онъ рѣшилъ въ умѣ вопросъ о жизни и смерти, и сегодняшній день былъ для него безразличенъ, такъ какъ онъ постановилъ, что это будетъ послѣдній день въ его жизни.

Онъ рѣшилъ, что ему пора разстаться съ жизнью; что жизнь для него не имѣетъ больше цѣны, а потому темная, душная атмосфера и грозовыя тучи на горизонтѣ гораздо лучше подходили къ его настроенію, нежели голубое небо и ясная погода, которыхъ желала бы лэди Фридолинъ для своего „garden-party“.

Какъ ни казалось это нелѣпо, но молодой человѣкъ собирался провести свой послѣдній день на „garden-party“ лэди Фридолинъ; для человѣка безъ всякаго религіознаго чувства и безъ малѣйшей надежды на будущую жизнь такой конецъ существованія казался не хуже всякаго другого. Онъ не могъ посвятить послѣдніе часы жизни на приготовленія къ отходу въ иной міръ, такъ какъ не вѣрилъ въ такой міръ. Для него дѣло, которое ему предстояло совершить до полуночи, означало быстрое, внезапное упраздненіе самого себя, конецъ всего для Джерарда Гиллерсдона. Занавѣсъ должна была опуститься надъ трагедіей его жизни съ тѣмъ, чтобы уже больше не подниматься.

Единственный вопросъ, который онъ серьезно обсудилъ—это какъ онъ умретъ. Онъ рѣшилъ и этотъ вопросъ. Револьверъ лежалъ въ футлярѣ въ спальной комнатѣ его квартиры, подъ сѣнью Сенъ-Джемской церкви, уже заряженный—шестиствольный. Онъ не составилъ завѣщанія, потому что ничего не оставлялъ по себѣ, кромѣ крупныхъ долговъ. Но онъ еще не рѣшилъ—напишетъ или нѣтъ объяснительное письмо отцу, котораго очень огорчалъ всю жизнь, или матери, которая нѣжно любила его, и которую онъ почти такъ же нѣжно любилъ. Или же лучше ничего никому не писать?

Не изъ одной только суетности ѣхалъ онъ теперь въ Парсонсъ-Гринъ. У него былъ болѣе серьезный поводъ ѣхать туда, чѣмъ желаніе провести послѣдніе часы жизни среди суматохи и толпы праздныхъ людей.

Тамъ должна была быть одна особа, которую онъ страстно желалъ встрѣтить, хотя бы только затѣмъ, чтобы пожать ей руку

и попрощаться съ нею... попрощаться навѣки, когда она будетъ садиться въ свой экипажъ, или хотя бы только увидѣть ея улыбку.

Она говорила ему наканунѣ, сидя по окончаніи вальса въ тропической жарѣ лѣстницы въ Гросвеноръ-Скверѣ, что намѣрена быть у лэди Фридолинъ.

— Тамъ встрѣчаешь такихъ странныхъ людей,—сказала она съ спокойной дерзостью: я ни за что въ свѣтѣ не хочу прозѣвать зоологическія разновидности лэди Фридолинъ.

Пустяка достаточно было, чтобы отвлечь ее отъ ея намѣренія. Онъ хорошо зналъ, что положиться на нее невозможно, но на всякій случай поѣхалъ въ Парсонсъ-Гринъ, и глаза его зорко озирали двойной рядъ экипажей, отыскивая карету м-съ Чампіонъ.

Да, она была тамъ; карета, окрашенная въ темную краску, съ кучеромъ и выѣзднымъ лакеемъ въ ливреяхъ темнаго бархата, въ черныхъ шолковыхъ короткихъ штанахъ и шолковыхъ чулкахъ, запряженная парой чудесныхъ сѣрыхъ рысаковъ, сильныхъ какъ ломовыя лошади, но изящныхъ какъ чистокровные, породистые арабскіе кони. Богатство выражалось здѣсь въ изяществѣ и элегантности. Деньги купили этотъ чудесный экипажъ, но умѣніе и вкусъ истинныхъ знатоковъ проявлялись въ малѣйшихъ деталяхъ упряжки.

Она была здѣсь,—женщина, которую онъ желалъ видѣть, и съ которой ему хотѣлось поговорить въ свой послѣдній день.

„Я здѣсь, я здѣсь, милая, дорогая!“ — бормоталъ онъ,—записывая свое имя въ большую книгу въ швейцарской, по спискамъ которой лэди Фридолинъ могла судить, сколько незнакомыхъ и чужихъ ей людей были введены въ ея домъ подъ видомъ знакомыхъ ея знакомыхъ.

Толпа была колоссальная: въ домѣ и въ саду стоялъ гулъ голосовъ, хотя изъ одного изъ боскетовъ доносились рѣзкіе звуки тирольской пѣсни подъ аккомпанементъ дребезжащихъ звуковъ цитры; между тѣмъ въ гостиной скрипичный смычокъ выводилъ ноты сонаты Беріо.

Налѣво отъ большихъ квадратныхъ сѣней расположена была столовая, гдѣ толпился проголодавшійся людъ, между тѣмъ какъ на лужайкѣ около дома устроенъ былъ дополнительный буфетъ подъ испанскимъ каштаномъ, раскидывавшимъ свои почтенныя, у[illegible]атыя вѣтви надъ обширной дерновой лужайкой, образуя родъ ш[illegible]а, листья котораго шелестѣли и трепетали въ душной атмосф[illegible].

[illegible]ѣ классы общества имѣли своихъ представителей на собраніи [illegible]и Фридолинъ, или вѣрнѣе сказать—каждый въ Лондонѣ, кто

могъ хоть кому-нибудь понадобиться, былъ теперь на-лицо въ обширныхъ долинахъ ея лордства. Литература и сцена были такъ же богаты представителями, какъ церковь и адвокатура. Церковь представлялась самыми знаменитыми проповѣдниками; адвокатура —самыми выдающимися членами сословія, не говоря уже о толпѣ популярныхъ викаріевъ и дѣльныхъ юристовъ.

Каждый замѣчательный заморскій пришлецъ изъ многочисленнаго заатлантическаго люда, говорящаго по-англійски, появлялся у лэди Фридолинъ, начиная съ ученаго и энтузіаста,—написавшаго семь томовъ in-octavo въ доказательство, что „Донъ-Жуанъ" есть совмѣстное произведеніе лакея Байрона, Флечера, и графини Гвичіоли,—и кончая миніатюрной субреткой, идоломъ Нью-Іорка, явившейся себя показать и завоевать директоровъ лондонскихъ театровъ.

Всѣ были на-лицо, потому что часъ былъ уже поздній и приливъ толпы самый значительный.

Джерардъ Гиллерсдонъ переходилъ отъ одной группы къ другой и вездѣ былъ встрѣчаемъ ласково и avec empressement, но нигдѣ не замѣшкивался, даже и тогда, когда миленькая субретка сказала ему, что до смерти хочетъ мороженаго и проситъ его отвести ее на лужайку подъ дерево, гдѣ бы она могла его получить.

Одинъ изъ его давнишнихъ пріятелей ухватился-было за него, человѣкъ, съ которымъ онъ учился въ Оксфордѣ, семь лѣтъ тому назадъ, съ кѣмъ друженъ былъ до послѣдняго времени, и котораго нельзя было безъ церемоніи спровадить, отдѣлавшись только пожатіемъ руки.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, Гиллерсдонъ. Почему вы не заглянули ко мнѣ въ прошлый вторникъ? Мы хотѣли вмѣстѣ пообѣдать и отправиться въ театръ. Не извиняйтесь; я вижу, что вы забыли объ этомъ. Клянусь Юпитеромъ, мой другъ, у васъ нехорошій видъ. Чѣмъ вы это такъ себя уходили?

— Ничѣмъ особеннымъ. Обыкновенная сутолока. Нѣсколько дней подъ-рядъ поздно ложился спать. Вѣроятно, это отразилось на моемъ цвѣтѣ лица.

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ субботу. Мы поѣдемъ въ Оксфордъ съ послѣполуденнымъ курьерскимъ поѣздомъ, проведемъ нѣсколько дней въ Митрѣ, поглядимъ на профессоровъ, которыхъ знали студентами, и вернемся на лодкѣ въ Виндзоръ во вторникъ вечеромъ.

— Очень былъ бы радъ, но это невозможно. У меня есть дѣло, которое меня задержитъ въ Лондонѣ. Я увижусь съ вами прежде чѣмъ уѣду отсюда.

И онъ улизнулъ изъ маленькаго кружка, въ которомъ обрѣтался его пріятель. Онъ обогнулъ лужайку, озираясь направо и налѣво въ поискахъ за высокой и граціозной фигурой, которую глаза его узнаютъ издалека, затѣмъ углубился въ лабиринтъ боскетовъ, находившихся между большой, широкой лужайкой и высокими стѣнами, замыкавшими долины лэди Фридолинъ отъ остального вульгарнаго міра.

Онъ проходилъ мимо многихъ парочекъ, медленно прохаживавшихся въ тѣнистыхъ аллеяхъ и разговаривавшихъ вполголоса, что придавало ихъ бесѣдѣ интересъ, котораго въ ней вовсе не было. Наконецъ, въ нѣкоторомъ разстояніи онъ увидѣлъ фигуру и лицо, которыхъ искалъ—высокую брюнетку съ гордо посаженной головой и великолѣпными глазами; она медленно прохаживалась и размахивала зонтикомъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что ей скучно.

Она шла съ молодымъ человѣкомъ, который считался восходящей звѣздой въ литературѣ, — молодымъ человѣкомъ, отчасти журналистомъ, отчасти поэтомъ, писавшимъ коротенькія повѣстушки въ журналы, сотрудникомъ—какъ говорили—„Punch'а" и написавшаго будто бы трехтомный романъ. Но какъ ни былъ краснорѣчивъ этотъ молодой человѣкъ, а онъ, очевидно, уже успѣлъ надоѣсть Эдитѣ Чампіонъ, судя по тому, какъ освѣтилось ея лицо при видѣ Гиллерсдона и какъ радушно она протянула ему руку.

Они пожали другъ другу руки и онъ пошелъ около нея съ правой стороны, между тѣмъ какъ журналистъ шелъ по лѣвую руку и болталъ безъ умолку. Наконецъ, они встрѣтили новое тріо: мать съ двумя дочерьми; онѣ овладѣли журналистомъ и увлекли его съ собой, оставивъ м-съ Чампіонъ и Гиллерсдона tête-à-tête.

— Я уже думала, что вы не будете, — сказала она.

— Развѣ вы могли сомнѣваться, что я не пріѣду, послѣ того какъ вы сказали, что я могу васъ здѣсь увидѣть? Я хочу видѣть васъ сегодня какъ можно больше.

— Почему сегодня больше, чѣмъ въ другіе дни?

— Потому что это мой послѣдній день въ городѣ.

— Какъ? вы такъ скоро уѣзжаете? Раньше Гудвуда?

— Я нисколько не интересуюсь Гудвудомъ.

— Да и я также. Но зачѣмъ хорониться въ деревнѣ или какихъ-нибудь нѣмецкихъ водахъ спозаранку? Осень и безъ того всегда тянется такъ долго. Незачѣмъ опережать ее. Развѣ васъ докторъ отсылаетъ изъ Лондона? Вы ѣдете лечиться?

- Да. Я ѣду лечиться.

— Куда?

— Въ Иммершлафенбадъ, — отвѣчалъ онъ, изобрѣтя тутъ же имя.

— Никогда не слыхала о такомъ купаньѣ. Одинъ изъ новыхъ источниковъ, вѣроятно, которые изобрѣтаютъ постоянно доктора. У каждаго моднаго доктора свое любимое купанье. И вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете завтра?

— Завтра меня уже здѣсь больше не будетъ.

— Какъ я буду жить безъ васъ?—вздохнула она съ милымъ поверхностнымъ чувствомъ, которое показалось ему оскорбительнѣе, чѣмъ ея прежнее пренебреженіе. — Ну, я должна по крайней мѣрѣ пользоваться вашимъ обществомъ до самаго вашего отъѣзда. Вы должны завтра обѣдать со мной и ѣхать въ оперу въ мою ложу. „Донъ-Джіованни"—такая опера, которая никогда не наскучитъ, а Церлину будетъ играть новое сопрано, пѣвица изъ Южной Америки, которую превозносятъ до небесъ.

— Что, м-ръ Чампіонъ дома?

— Нѣтъ, онъ въ Антверпенѣ. Тамъ у него какія-то важныя дѣла... что-то съ желѣзными дорогами. Вы знаете, какъ онъ этимъ интересуется. У меня никого не будетъ, кромѣ моей кузины, м-съ Грешамъ, вашей старинной знакомой, любезной жены суфолькскаго ректора. Мы будемъ почти tête-à-tête. Я васъ буду ждать въ восемь часовъ.

— Я буду аккуратенъ. Что за страшная погода! — прибавилъ онъ, глядя на собирающіяся тучи:—навѣрное будетъ гроза.

— Очевидно. Я думаю, лучше ѣхать домой. Доведите меня до кареты.

— Позвольте сначала принести вамъ чашку чая.

Они направились по лужайкѣ къ вѣтвистому шатру. Тамъ собралось довольно много публики, напуганной надвигающейся грозой. Лэди Фридолинъ убѣжала съ своего поста подъ портикомъ, утомившись прощаніемъ съ отъѣзжавшими гостями, и торопливо пила чашку чая среди маленькаго кружка близкихъ знакомыхъ. Она жаловалась на какого-то неисправнаго гостя.

— Ну, не стыдно ли было надуть меня, послѣ того какъ онъ далъ слово, что непремѣнно будетъ?

— Кто этотъ обманщикъ, дорогая лэди Фридолинъ?—спросила м-съ Чампіонъ.

— М-ръ Джерминъ, новый угадчикъ чужихъ мыслей.

— Джерминъ! — повторилъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, под вавшій лэди Фридолинъ чай:—Джерминъ, таинственный человѣкъ Мнѣ кажется, къ нему совсѣмъ не идетъ банальное названіе уга

чика чужихъ мыслей. Онъ открываетъ новую эру въ сферѣ сверхъестественнаго. Онъ не довольствуется тѣмъ, что находитъ булавки или отгадываетъ какіе-нибудь пустяки. Онъ открываетъ чужія тайны, проникаетъ скрытыя стороны чужой жизни самымъ непріятнымъ образомъ. Я видѣлъ, какъ цѣлая большая компанія людей пришла въ мрачное уныніе отъ получасовой бесѣды съ м-ромъ Джерминомъ. Я бы скорѣе Мефистофеля пригласилъ на garden-party. Но люди теперь такъ болѣзненно настроены; они набрасываются на все, ради новыхъ ощущеній.

— Любопытно заглянуть хоть однимъ глазкомъ за порогъ иныхъ міровъ,—отвѣчала лэди Фридолинъ:—и какова бы ни была сила м-ра Джермина, она внѣ нашего контроля. Онъ разсказалъ мнѣ о такихъ обстоятельствахъ моей жизни, о которыхъ никакъ не могъ узнать иначе, какъ отгадавъ ихъ.

— Значитъ, вы вѣрите въ его силу отгадыванія?—спросила м-съ Чампіонъ съ вялымъ интересомъ.

— Не могу не вѣрить.

— Да, потому, что вы не открыли еще, въ чемъ фокусъ. Во всемъ этомъ всегда есть фокусъ, который рано или поздно раскрывается, и тогда люди дивятся, какъ они могли быть такими легковѣрными, чтобы повѣрить,—сказала м-съ Чампіонъ.

Пока она это говорила, листья раздвинулись и показался молодой человѣкъ, котораго радостно встрѣтила лэди Фридолинъ.

— Я только-что говорила моимъ друзьямъ, какъ я буду огорчена, если вы не пріѣдете,—сказала она и, обращаясь къ Эдитѣ Чампіонъ, представила ей новаго гостя, м-ра Джермина.

— Лэди Фридолинъ хотѣла застращать насъ описаніемъ вашей таинственной силы, м-ръ Джерминъ, — сказала м-съ Чампіонъ:—но вы совсѣмъ не кажетесь такимъ страшнымъ человѣкомъ.

— Лэди Фридолинъ преувеличиваетъ, по своей добротѣ, мои жалкія способности,—отвѣчалъ м-ръ Джерминъ со смѣхомъ, который показался зловѣщимъ м-съ Чампіонъ.

М-ръ Джерминъ былъ пріятной наружности молодой человѣкъ, высокій, тонкій и бѣлокурый, съ широкимъ лбомъ, сдавленнымъ на вискахъ, и съ волосами и усами того блѣдно-желтаго цвѣта, который присталъ фавнамъ и сатирамъ. Самая форма его коротко остриженной головы, а главное форма его уши, напоминала типъ сатира; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго приличнаго, хорошо воспитаннаго и хорошо одѣтаго молодого человѣка. Смѣхъ его былъ веселъ и пріятенъ для уха, и онъ часто смѣялся, такъ какъ вс[illegible]а свѣтѣ, повидимому, представлялось ему въ смѣшномъ видѣ.

Лэди Фридолинъ настоятельно приглашала его выпить или съѣсть чего-нибудь, и когда онъ съѣлъ порцію лимоннаго мороженаго, повела его вокругъ лужайки, желая показать гостямъ свою новую знаменитость. Появленіе его очевидно возбуждало всеобщее любопытство и вниманіе. Онъ рѣдко показывался въ обществѣ, и объ его немногихъ представленіяхъ много писали и спорили. Письма, превозносившія его до небесъ, какъ человѣка, одареннаго сверхъестественной силой, чередовались съ письмами, выставлявшими его какъ обманщика, въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ. Люди, готовые вѣрить во все невозможное, и слышать не хотѣли о томъ, чтобы онъ былъ шарлатаномъ.

Сегодня ждали отъ него какого-нибудь необыкновеннаго проявленія силы, и люди, готовившіеся уже къ отъѣзду, оставались въ надеждѣ взволноваться и испугаться, какъ — они слышали — были взволнованы и испуганы другіе люди этимъ любезнаго вида молодымъ человѣкомъ съ бѣло-розовымъ лицомъ и желтыми волосами. Самое несоотвѣтствіе между наружностью бѣлокураго юноши и приписываемой ему чернокнижной силой дѣлало его еще интереснѣе.

Онъ нѣкоторое время гулялъ съ хозяйкой дома, забросившей всѣхъ своихъ остальныхъ гостей и, казалось, погруженной въ глубокомысленный разговоръ съ оракуломъ; а все остальное общество съ живымъ интересомъ слѣдило за ними. Гиллерсдонъ и м-съ Чампіонъ сидѣли рядомъ на садовой скамейкѣ, такъ какъ эта лэди не торопилась больше уѣзжать.

— Я знаю, что вы не вѣрите ни въ какія подобныя нелѣпости,—говорила она низкимъ, безстрастнымъ голосомъ, не глядя на своего собесѣдника.

— Я ни во что не вѣрю, кромѣ разочарованія и лжи, присущей всѣмъ вещамъ въ мірѣ.

— Вы въ невеселомъ настроеніи сегодня, я вижу, — замѣтила она съ чуть замѣтнымъ участіемъ.

— Погода виновата, конечно,—отвѣчалъ онъ со смѣхомъ.— Нельзя ожидать, чтобы человѣкъ былъ веселъ подъ такимъ свинцовымъ небомъ.

Лэди Фридолинъ и ея спутникъ разстались. Онъ направлялся къ дому, а она переходила отъ одной группы гостей къ другой и что-то оживленно объясняла.

— Будетъ представленіе,—объявила м-съ Чампіонъ, вставая.— Если предстоитъ развлеченіе, то мы должны принять въ немъ участіе.

— Вы хотите, чтобы открыли тайны вашей жизни?—спросилъ Джерардъ.

— Да, да, да. Я хочу видѣть, на что способна новѣйшая магія.

— И вы не боитесь? Но это потому, что вы ведете поверхностную жизнь—жизнь, которая вся исчерпывается богатствомъ, роскошью, дорогими нарядами и лошадьми. Чего вамъ страшиться магіи? Въ вашей жизни столько же тайны, какъ въ жизни куклы.

— Вы очень дерзки.

— Я уѣзжаю далеко, и могу рискнуть поссориться съ вами. Дай-то Богъ, чтобы я возбудилъ въ васъ хоть каплю чувства... да, хотя бы мнѣ удалось разсердить васъ, прежде нежели я уѣду.

— Я боюсь, что вы эгоистъ, — сказала она, улыбаясь ему и глядя на него красивыми, но непроницаемыми глазами.

Она пошла по лугу къ лэди Фридолинъ.

— Будетъ у насъ немножко магіи? — спросила она.

— Вы не должны употреблять это слово при м-рѣ Джерминѣ, если не хотите оскорбить его. Онъ выражаетъ полное отвращеніе къ такой идеѣ. Онъ называетъ свой удивительный даръ только проницательностью, способностью видѣть сквозь лицо умъ, скрывающійся за нимъ, а по уму судить о жизни, созданной и направляемой этимъ умомъ. Онъ не претендуетъ на таинственныя силы. Онъ считаетъ себя болѣе дальнозоркимъ человѣкомъ, чѣмъ большинство людей,—вотъ и все. Онъ просидитъ съ полчаса въ библіотекѣ, и кто хочетъ—можетъ испытать его способность. Пусть входятъ по одному человѣку за-разъ и бесѣдуютъ съ нимъ.

Всѣ, казалось, желали побесѣдовать съ оракуломъ, потому что толпа бросилась въ домъ.

— Пойдемте,—сказала Эдита Чампіонъ, и вмѣстѣ съ Гиллерсдономъ послѣдовала за толпой, быстрыми, энергическими шагами.

Библіотека Фридолинъ-Гауза была большимъ покоемъ, занимавшимъ почти цѣлый флигель. Къ ней велъ корридоръ, и м-съ Чампіонъ съ своимъ спутникомъ нашла его биткомъ-набитымъ народомъ, жаждавшимъ бесѣды съ м-ромъ Джерминомъ.

Но дверь оракула строго охранялась двумя джентльменами, приставленными къ ней съ этой цѣлью: одинъ былъ инженерный полковникъ, другой—профессоръ естественныхъ наукъ.

— Намъ никогда не пробиться сквозь это стадо,—сказалъ [Дже]рардъ, глядя съ невыразимымъ презрѣніемъ на нарядную [тол]пу въ погонѣ за новыми и сильными ощущеніями. — Попы[таемся]ъ другую дверь.

[О]нъ былъ коротко знакомъ въ домѣ Фридолиновъ, и зналъ

какъ пройти въ маленькую переднюю, по другую сторону библіотеки. Если эта дверь не охраняется, то они могутъ захватить колдуна врасплохъ и обогнать толпу пустыхъ и праздныхъ людей въ корридорѣ. Все это, конечно, не стоило выѣденнаго яйца, и онъ, Джерардъ Гиллерсдонъ, даже нисколько этимъ не интересовался, но это интересовало Эдиту Чампіонъ, и онъ желалъ угодить ей.

Онъ провелъ ее по залѣ и будуару лэди Фридолинъ въ комнату позади библіотеки, тихонько пріотворилъ дверь и прислушался къ голосамъ въ библіотекѣ.

— Это удивительно, удивительно!—говорилъ голосъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго ужаса.

— Довольны ли вы, сударыня? достаточно ли я вамъ сказалъ?—спрашивалъ Джерминъ.

— Болѣе нежели достаточно. Вы меня сдѣлали совсѣмъ несчастной.

Затѣмъ послышался шелестъ шолковаго платья; слышно было, какъ растворилась и затворилась дверь, и послѣ того Джерминъ торопливо взглянулъ на другую дверь, которую Гиллерсдонъ раскрылъ настежъ.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ.

— Лэди, желающая поговорить съ вами, прежде нежели васъ утомитъ шумная толпа, которая рвется къ вамъ. Можно ей войти?

— Это м-съ Чампіонъ, — сказалъ Джерминъ: — да, пусть войдетъ.

— Онъ никакъ не могъ меня видѣть!—шепнула Эдита Чампіонъ, стоявшая за дверью.

— Онъ догадался о вашемъ присутствіи. Онъ такой же волшебникъ, какъ и я, не болѣе,—отвѣчалъ Гиллерсдонъ, когда она проходила мимо него и затворила за собой дверь.

Она вышла послѣ пятиминутнаго совѣщанія гораздо блѣднѣе, чѣмъ вошла.

— Ну что, сообщилъ онъ великую тайну жизни милой куклы: какое новое платье купитъ она и въ какомъ магазинѣ?—спросилъ Джерардъ.

— Я готовъ поговорить и съ вами, м-ръ Гиллерсдонъ, если вамъ угодно,—небрежно объявилъ м-ръ Джерминъ.

— Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ Гиллерсд[illegible]ъ, замѣшкавшись на порогѣ и держа руку м-съ Чампіонъ въ [illegible]о-ихъ рукахъ.—Эдита, что онъ вамъ сказалъ? вы кажетесь напуганной.

— Да, онъ напугалъ меня... и напугалъ, разсказавъ мнѣ [illegible]и

мысли. Я не знала, что я такая великая грѣшница. Пустите меня, Джерардъ. Онъ заставилъ меня возненавидѣть самое себя. Можетъ быть, онъ и съ вами сдѣлаетъ то же самое. Вы станете противны самому себѣ. Да, ступайте къ нему, выслушайте то, что̀ онъ вамъ скажетъ.

Она вырвалась отъ него и ушла, а онъ тревожно поглядѣлъ ей вслѣдъ. Послѣ того съ взволнованнымъ вздохомъ пошелъ выслушать изреченія новаго оракула.

Въ библіотекѣ всегда царствовалъ полумракъ въ этотъ часъ дня, а теперь, при такомъ сѣромъ, свинцовомъ небѣ, виднѣвшемся въ узкія окна эпохи королевы Анны, комната была погружена въ зимніе потемки, сквозь которые свѣтилось улыбающееся лицо оракула.

— Сядьте, м-ръ Гиллерсдонъ; я не намѣренъ торопиться ради этой черни!—сказалъ весело Джерминъ, бросаясь въ кресло и поворачивая жизнерадостное лицо къ Гиллерсдону.—Меня очень интересуетъ лэди, которая только-что вышла отсюда, и еще болѣе интересуете вы.

— Мнѣ долженъ былъ бы льстить этотъ интересъ,—сказалъ Гиллерсдонъ:—но признаюсь, мнѣ трудно ему повѣрить. Какъ можете вы интересоваться человѣкомъ, котораго впервые увидѣли въ жизни полчаса тому назадъ?

— Мнѣ такъ васъ жаль!—продолжалъ Джерминъ, игнорируя это замѣчаніе:—такъ жаль! Такой даровитый молодой человѣкъ, умный, красивый, образованный, и до того наскучилъ жизнью, до того утратилъ надежду на будущее, что готовится покончить съ собою сегодня вечеромъ. Это слишкомъ грустно.

Гиллерсдонъ глядѣлъ на него въ безмолвномъ удивленіи. Джерминъ высказалъ все это какъ самую простую вещь въ мірѣ. Точно для него проникать въ намѣренія другихъ людей ничего ровно не стоило.

— Я не могу допускать къ себѣ жалости, тѣмъ болѣе отъ совершенно посторонняго мнѣ человѣка,—сказалъ Гиллерсдонъ, послѣ минутнаго удивленія.—Скажите, пожалуйста, что̀ въ моей исторіи или въ моей наружности привело васъ къ такому дикому предположенію?

— Не все ли равно, какимъ способомъ я читаю ваши мысли,—[…]чалъ Джерминъ безпечно.—Вы знаете, что я вѣрно угадалъ[…] Васъ видѣть насквозь—ничего не стоитъ. Все, что̀ васъ […]ется, для меня ясно какъ божій день. Лэди, которая только-[…] вышла отсюда, труднѣе было разгадать. У нея не написано […]ицѣ все, что̀ она думаетъ и чувствуетъ, а между тѣмъ она,

конечно, сознается, что я ее удивилъ. Что касается васъ, мой милый другъ, то я особенно съ вами откровененъ, потому что желаю помѣшать вамъ привести въ исполненіе ваше безумное намѣреніе. Худшее, что̀ человѣкъ можетъ сдѣлать въ жизни, это лишить себя жизни.

— Я не допускаю ни въ комъ права давать мнѣ совѣты.

— Вы думаете, что это меня не касается. Я—отгадчикъ и ничего больше. Ну хорошо, если такъ, то я вамъ отгадаю вашу жизнь, м-ръ Гиллерсдонъ, если хотите. Вы не приведете въ исполненіе составленный вами планъ... пока; во всякомъ случаѣ не такъ, какъ вы это задумали. Прощайте.

Онъ простился съ посѣтителемъ небрежнымъ кивкомъ головы, всталъ съ мѣста и пошелъ отворить дверь въ корридоръ, откуда доносилась оживленная болтовня и смѣхъ. Люди готовы были услышать нѣчто необыкновенное, но не могли относиться къ этому серьезно.

Только немногіе избранные признавали за Юстиномъ Джерминомъ чародѣйственную силу.

II.

Эдита Чампіонъ была одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Лондонѣ,—женщинъ, появленіе которыхъ сопровождается хоромъ восторженныхъ восклицаній и похвалъ; при этомъ не знавшимъ ее людямъ немедленно сообщалось, что высокая, черноглазая женщина съ фигурой Юноны—это м-съ Чампіонъ.

Четыре года тому назадъ она была одной изъ трехъ сестеръ-грацій, дочерей обѣднѣвшаго іоркширскаго сквайра, человѣка, промотавшаго на скачкахъ хорошее состояніе и кончившаго дни свои по уши въ долгахъ.

Три сестры-граціи были очевидно такимъ несомнѣннымъ капиталомъ, что тетушки и дядюшки съ большой готовностью сочувствовали ихъ невеселому положенію и вывозили въ лондонскій свѣтъ. Двѣ старшихъ были молодыя женщины удивительно спокойныя и разсудительныя и удачно вышли замужъ: первая—за богатаго баронета, вторая—за маркиза, не причинивъ никому изъ родственниковъ никакихъ хлопотъ.

Что касается младшей, Эдиты, то она оказалась прихотливой и капризной дѣвицей и выразила нелѣпое желаніе выйти замужъ по любви за Джерарда Гиллерсдона. Эта затѣя была разстроена, но не такъ скоро, какъ бы слѣдовало, и молодая дѣвица

допустила публику узнать о своей романической любви, прежде нежели дядюшки и тетушки успѣли облить фантастическую привязанность холодной водой житейской мудрости. Какъ бы то ни было, привязанность загасили, но свѣтъ не узналъ, съ какими слезами и дѣвическими мольбами разставалась съ нею Эдита Чампіонъ. Годъ спустя послѣ этой глупой исторіи Эдита Чампіонъ приняла предложеніе пожилого банкира, слывшаго милліонеромъ и укрѣпившаго за ней болѣе значительный капиталъ, нежели престарѣлый маркизъ за ея старшей сестрой.

М-ръ Чампіонъ былъ человѣкъ добродушный и не подозрительный. Умъ его былъ поглощенъ погоней за наживой, занимавшей его съ юныхъ лѣтъ. Ему нужна была красивая жена, чтобы скрасить его старость и восполнить роскошный дворецъ, который онъ выстроилъ себѣ на живописномъ пригоркѣ среди романическихъ холмовъ, которыми Суррей господствуетъ надъ Суссексомъ. Жена была послѣднимъ украшеніемъ этого великолѣпнаго зданія, и онъ выбиралъ ее исподволь и съ толкомъ. Онъ былъ послѣдній человѣкъ, который бы сталъ безпокоиться насчетъ чувствъ женщины, которую онъ такимъ образомъ осчастливилъ, или терзать себя сомнѣніями относительно ея вѣрности. Онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы жена его была окружена поклонниками. Вѣдь онъ разсчитывалъ, что ею будутъ восхищаться такъ же, какъ его картинами и статуями. Онъ нисколько не претендовалъ на избранный кружокъ „красивыхъ молодцовъ", которые вертѣлись у нея на утреннихъ и вечернихъ пріемахъ и въ ложѣ во время антрактовъ. Если же Джерардъ Гиллерсдонъ былъ постояннѣе другихъ въ своемъ ухаживаніи, то этотъ фактъ не представлялся м-ру Чампіону въ непріятномъ свѣтѣ. Еслибы онъ даже далъ себѣ трудъ подумать объ отношеніяхъ жены къ ея cavaliere servente, то, конечно, сказалъ бы себѣ, что она слишкомъ хорошо обставлена, чтобы перешагнуть за предѣлы осторожности, и что ни одна здравомыслящая женщина не броситъ дворца въ Сурреѣ и образцоваго дома въ Гертфордъ-Стритѣ для тѣхъ каравансараевъ, которые служатъ убѣжищами для divorcée. Онъ припомнилъ бы при этомъ съ удовольствіемъ, что разводъ лишаетъ права его жену на обезпеченный за нею капиталъ.

такимъ образомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ—быть можетъ, са[illegible]ъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ въ жизни молодого чело-вѣ[illegible], отъ двадцати-пяти до двадцати-восьми — Джерардъ Гил-ле[illegible]донъ всѣ свои мысли, стремленія и мечты отдавалъ самой бе[illegible]ежной любви,—любви къ безукоризненной матронѣ, жен-

щинѣ, примирившейся съ бракомъ безъ любви и рѣшившей исполнить свой долгъ относительно нелюбимаго мужа, но которая тѣмъ не менѣе цѣплялась за свой дѣвическій романъ и питала страсть своего поклонника, не заботясь, повидимому, нисколько о томъ злѣ, которое ему такимъ образомъ причиняла.

Этой страсти молодой человѣкъ принесъ все въ жизни. Онъ началъ свою карьеру съ честолюбивыми надеждами на успѣхъ въ различныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. И на первыхъ порахъ своего увлеченія дѣйствительно выступилъ очень успѣшно на литературномъ поприщѣ: написалъ романъ, который произвелъ фуроръ. Но его втянула въ праздность женщина, обращавшаяся съ нимъ какъ какая-нибудь королева или принцесса въ эпоху рыцарства съ своимъ пажемъ.

Она испортила ему карьеру, раскрывавшуюся передъ нимъ и которая требовала съ его стороны труда и прилежанія. Она размотала золотые дни его молодости и дала ему взамѣнъ одни только улыбки и комплименты да мѣсто за своимъ обѣденнымъ столомъ, въ домѣ, гдѣ онъ потерялъ всякій престижъ оттого, что его слишкомъ часто въ немъ видѣли и привыкли считать за неизбѣжнаго гостя, присутствіе котораго не идетъ въ счетъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ ея рабомъ: отворачивался отъ людей, которые ей были непріятны и ухаживалъ за ея любимцами, повинуясь капризу минуты.

И теперь, послѣ трехъ лѣтъ такого рабства, наступилъ конецъ. Онъ былъ разоренъ и даже хуже того: онъ жилъ со дня на день, писалъ для еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ и газетъ, порою заработывалъ много денегъ, но никакъ не могъ освободиться отъ долговъ. И теперь банкротство ожидало его вмѣстѣ съ позоромъ, такъ какъ у него были картежные долги, которыхъ, будучи сыномъ провинціальнаго пастора, онъ не долженъ былъ себѣ позволять, и не заплатить которые было безчестіемъ.

Еслибы боязнь позора была его единственной бѣдой, то онъ могъ бы справиться съ нею, какъ и другіе люди справлялись съ подобными же темными эпизодами своей жизни. Онъ могъ бы сказать себѣ, что Англія не весь міръ, и что есть много мѣстъ для молодости и отваги подъ небомъ тропическихъ странъ, и что имя, которое человѣкъ связалъ съ не совсѣмъ лестными для себ[illegible] воспоминаніями, не такъ приросло къ нему, чтобы онъ не мо[illegible] перемѣнить его на другое, незапятнанное; что не все еще [illegible] жизни погибло для него, и жизнь обѣщаетъ ему новыя наслаж[illegible]денія впереди.

Но бѣда въ томъ, что жизнь уже не сулила ему никакихъ наслажденій. Интересъ къ ней былъ убитъ въ немъ. Самая любовь утратила всякую прелесть. Онъ больше и самъ не зналъ, любилъ ли онъ женщину, которой пожертвовалъ своей молодостью, и не пропала ли любовь вмѣстѣ со всѣми остальными благами жизни. Одно онъ зналъ навѣрное,—это то, что онъ не любитъ никакой другой женщины, и что жизнь не настолько интересуетъ его, чтобы стоило перенести ту борьбу, путемъ которой онъ могъ выйти побѣдителемъ изъ настоящаго своего критическаго положенія.

И вотъ онъ рѣшилъ избавиться отъ жизни, потерявшей всякую для него прелесть. Но съ курьезной непослѣдовательностью онъ желалъ провести послѣдніе часы въ обществѣ Эдиты Чампіонъ и никогда еще не казался веселѣе и счастливѣе, какъ въ этотъ вечеръ на обѣдѣ втроемъ въ Гертфордъ-Стритѣ.

Они обѣдали въ небольшой осьмиугольной комнатѣ, устроенной въ видѣ шатра и обставленной совсѣмъ по восточному, такъ что казалось нѣсколько дикимъ, что они сидятъ на стульяхъ и не ѣдятъ пальцами пилавъ.

Клерикальная кузина была очень пріятная особа—полная и краснощекая, приверженная ко всѣмъ благамъ жизни. Она, очевидно, считала м-съ Чампіонъ за такое существо, нормальное положеніе котораго быть обожаемой благовоспитанными молодыми людьми и оказывать гостепріимство бѣднымъ родственникамъ.

Во весь обѣдъ ни слова не было сказано про Юстина Джермина; но въ ту минуту, какъ Джерардъ помогалъ м-съ Чампіонъ надѣть пальто, она вдругъ спросила его:

— Какъ вамъ понравился оракулъ?

— Совсѣмъ не понравился. Я считаю его за дерзкаго farceur. И удивляюсь, какъ общество можетъ поощрять такого человѣка.

— Да, онъ несомнѣнно дерзокъ. Я была поражена тѣмъ, что онъ мнѣ сказалъ, но, подумавъ нѣсколько минутъ, рѣшила, что все это—простыя догадки. Я никогда не приглашу его къ себѣ въ домъ.

— Вы, должно быть, очень торопились уѣхать. Я всего пять минутъ пробылъ наединѣ съ оракуломъ, но когда вышелъ въ сѣни —вы и ваша карета уже исчезли.

— Я почувствовала непреодолимое желаніе выбраться вонъ изъ этого дома; мнѣ въ немъ просто стало душно. И кромѣ того я должна была заѣхать за м-съ Грешамъ—кузиной, на благотворительный базаръ, гдѣ бѣдняжка какъ негръ работала въ будкѣ съ прохладительными напитками, подъ командой лэди Пеннидокъ.

— Это унизительнѣйшее изъ рабствъ!—заявила м-съ Грешамъ. —Я боюсь, что возненавидѣла на всю остальную жизнь чай и кофе,—а я такъ ихъ любила!—прибавила она съ глубокимъ сожалѣніемъ.—Не могу безъ отвращенія больше глядѣть на печенье и бисквиты.

— Dépêchons!—сказала м-съ Чампіонъ. Мы совсѣмъ не увидимъ новой Церлины, если будемъ такъ безбожно терять время.

И она поспѣшно направилась къ каретѣ, гдѣ на передней скамейкѣ нашлось мѣсто и для Джерарда.

III.

Зала опернаго театра не была наполнена особенно блестящимъ обществомъ. Другія ли развлеченія, особенно многочисленныя къ концу сезона, отвлекли публику, или же новую Церлину недостаточно рекламировали, а только въ оперу явились лишь тѣ немногіе энтузіасты, которые не могутъ вдоволь наслушаться Моцарта. Въ партерѣ было много пустыхъ мѣстъ, многія ложи остались незанятыми, и выставка брилліантовъ и красавицъ была незначительна.

При такихъ обстоятельствахъ красивая наружность м-съ Чампіонъ и ея брилліантовая тіара сіяли удвоеннымъ блескомъ. Она была одѣта съ той кажущейся небрежностью, которая составляла тайну ея туалета: платье изъ какой-то воздушной ткани, желтаго цвѣта, драпировавшей свободными складками ея бюстъ и плечи, и подхваченной тамъ и сямъ брилліантовыми звѣздами. Большой пучокъ желтыхъ орхидей прикрѣпленъ былъ къ одному плечу и черный кружевной вѣеръ былъ тоже утыканъ желтыми орхидеями, а длинныя черныя перчатки придавали нѣкоторую эксцентричность ея туалету. Единственная цѣль, которую она преслѣдовала въ театрѣ, это быть одѣтой не такъ, какъ всѣ остальныя женщины. Она никогда не носила модныхъ цвѣтовъ и модныхъ тканей; напротивъ того, гонялась за оригинальностью и употребляла всѣ усилія, чтобы найти въ Парижѣ или Вѣнѣ что-нибудь такое, чего никто не носилъ въ Лондонѣ.

Зловѣщій финалъ второго акта, музыка котораго какъ бы предвѣщаетъ грядущіе ужасы, приходилъ къ концу, когда Джерардъ, оглядывая разсѣянно кресла партера, вдругъ увидѣлъ человѣка, которому удалось мистифицировать его такъ, какъ еще никому другому. Онъ увидѣлъ Юстина Джермина, слушавшаго музыку повидимому съ наслажденіемъ истиннаго знатока и любителя. Голова

его была закинута назадъ, тонкія губы раздвинуты, а большіе голубые глаза сіяли восторгомъ. Да, этотъ человѣкъ страстно любилъ музыку или же ловко игралъ комедію.

Присутствіе этого человѣка напомнило Джерарду Гиллерсдону о дѣлѣ, которое ему предстоитъ совершить, когда занавѣсъ падетъ, а прекрасныя его спутницы сядутъ въ карету. Въ десять минутъ извозчикъ доставитъ его на квартиру и тамъ уже не будетъ больше предлоговъ къ дальнѣйшему промедленію.

Часъ его пробьетъ, когда на сенъ-джемской колокольнѣ прозвучитъ полночь.

Онъ невольно взглянулъ на футляръ съ пистолетами, когда одѣвался сегодня на вечеръ. Онъ помнилъ то мѣсто, на которомъ тотъ стоялъ, а возлѣ лежало дѣловое письмо отъ домового хозяина съ требованіемъ уплаты за столъ и квартиру. Столъ ограничивался лишь завтраками и тѣми случайными трапезами, какія приходится иногда вкушать у себя дома фешенебельному молодому человѣку, но въ общей сложности то и другое представляло очень значительную сумму. Унція свинца—единственный способъ расплаты.

Впервые въ жизни Гиллерсдонъ пожалѣлъ этихъ почтенныхъ людей: своего хозяина и хозяйку. Онъ подумалъ, не лучше ли ему застрѣлиться внѣ дома, чѣмъ запятнать самоубійствомъ меблированныя комнаты, считавшіяся до сихъ поръ респектабельными. Но неудобство самоистребленія sub Jove было слишкомъ для него очевидно, и онъ почувствовалъ, что пребудетъ эгоистомъ до самаго конца.

Да, въ партерѣ сидѣлъ Юстинъ Джерминъ, самодовольный и веселый. Гиллерсдонъ наблюдалъ за нимъ весь послѣдній актъ оперы, замѣчая злобное удовольствіе, какое доставляло ему все, что̀ было сатанинскаго въ музыкѣ и въ либретто. Какъ онъ наслаждался карой Донъ-Жуана и какъ хохоталъ надъ низкимъ страхомъ Лепорелло! Никто не подходилъ къ нему изъ знакомыхъ. Онъ сидѣлъ въ полномъ одиночествѣ, но, очевидно, былъ очень доволенъ своей судьбой,—счастливѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ въ этомъ громадномъ театрѣ, самый жизнерадостный и юношески самодовольный.

— И этотъ смѣющійся дуракъ прочиталъ мое намѣреніе въ ...ъ мозгу какъ въ раскрытой книгѣ!—сердился Гиллерсдонъ.

Гнѣвъ его усилился, когда, провожая м-съ Чампіонъ въ ка..., онъ увидѣлъ тонкую гибкую фигуру оракула позади себя; ... оракула, напоминавшее гнома, улыбалось ему изъ-подъ вы... шляпы.

— Мнѣ очень жаль, что вы такъ скоро покидаете Лондонъ, —говорила Эдита Чампіонъ, въ то время, какъ онъ подсаживалъ ее въ карету.

Она подала ему руку и даже пожала ее съ бо́льшимъ чувствомъ, чѣмъ проявляла обычно.

— Пошелъ, кучеръ!—заревѣлъ коммиссіонеръ. Слѣдующая карета.

Здѣсь не мѣсто было для сантиментальныхъ проводовъ.

Гиллерсдонъ пошелъ изъ театра, собираясь нанять перваго извозчика, который попадется. Но онъ не прошелъ и трехъ шаговъ по Боу-Стритъ, какъ Джерминъ очутился около него.

— Вы идете домой, м-ръ Гиллерсдонъ?—спросилъ онъ дружескимъ тономъ.—Какая очаровательная опера „Донъ-Жуанъ", не правда ли? Послѣ нея я больше всего люблю „Фауста", но даже и Гуно, по моему, не можетъ сравниться съ Моцартомъ.

— Можетъ быть. Но я не знатокъ. Покойной ночи, м-ръ Джерминъ. Я иду прямо домой.

— Не ходите. Отъужинайте сперва со мной. Я не досказалъ вамъ вашу судьбу сегодня; вы были такъ адски нетерпѣливы. Мнѣ многое еще нужно сказать вамъ. Пойдемте ко мнѣ на квартиру и поужинаемъ.

— Въ другой разъ, м-ръ Джерминъ. Сегодня я пойду прямо домой.

— И вы думаете, что другихъ вечеровъ больше не будетъ въ вашей жизни? — сказалъ Джерминъ тихимъ, сладкимъ голосомъ, отъ котораго Гиллерсдонъ пришелъ въ неистовство, такъ какъ для его разстроенныхъ нервовъ онъ показался болѣе досаднымъ, чѣмъ грубый тонъ.

— Покойной ночи! — коротко проговорилъ онъ и пошелъ прочь.

Но отъ Джермина не такъ легко было отстать.

— Пойдемте ко мнѣ; я не отстану отъ васъ, пока у васъ на лбу не разгладится морщина, говорящая о самоубійствѣ. Пойдемте ко мнѣ ужинать, Гиллерсдонъ. У меня есть шампанское, которое разгладитъ эту гадкую морщину.

— Я не знаю, гдѣ вы живете, и нисколько не интересуюсь вашимъ шампанскимъ. Я уѣзжаю завтра рано поутру изъ Лондона, и мнѣ нужно еще устроить разныя дѣла.

Джерминъ продѣлъ руку подъ локоть Гиллерсдону, перевернулъ его въ другую сторону и спокойно повелъ за собой.

Таковъ былъ его отвѣтъ на запальчивую рѣчь Гиллерсдона, и молодой человѣкъ покорился, ощущая vis inertiæ, вялое равно-

душіе, благодаря которому онъ готовъ былъ подчиниться чужой волѣ, потерявъ всякую власть надъ самимъ собой.

Онъ сердился на Джермина, еще сильнѣе сердился на самого себя, и въ этомъ раздраженномъ состояніи даже не замѣчалъ дороги, по которой они шли. Припомнилъ только впослѣдствіи, что они проходили по Линкольнъ-Иннъ-Фильдсу и Тернстейлю. Онъ помнилъ также, что они переходили черезъ Гольборнъ, но не могъ узнать впослѣдствіи, выходилъ ли жалкій, съ виду похожій на лачужку, домъ, въ мрачныя ворота котораго провелъ его Джерминъ, на большую улицу.

Онъ помнилъ только очень противную кучу высокихъ дрянныхъ зданій, образовавшихъ квадратъ, посреди котораго находился полуобвалившійся водоемъ, который могъ быть когда-то фонтаномъ. Лѣтняя луна высоко стояла среди облаковъ, разорванныхъ вѣтромъ, и обливала яркимъ свѣтомъ каменный дворъ. Но ни въ одномъ окнѣ не было видно свѣта, который бы показывалъ, что тамъ живутъ и занимаются люди.

— Неужели же вы живете въ одной изъ этихъ трущобъ?— воскликнулъ Гиллерсдонъ, впервые раскрывая ротъ, послѣ того какъ они своротили съ Боу-Стритъ:—тутъ прилично жить только привидѣніямъ.

— Большинство этихъ домовъ пустуютъ, и я полагаю, что тѣни покойныхъ ростовщиковъ, безчестныхъ подъячихъ и загубленныхъ ими кліентовъ могутъ безпрепятственно разгуливать по комнатамъ, — отвѣчалъ Джерминъ съ неудержимымъ смѣхомъ: — но я никого не видѣлъ, кромѣ крысъ, мышей и другой подобной мелкой дичи, какъ выражается Бэконъ. Конечно, онъ *былъ Бэконъ*. Этого никто вѣдь не оспариваетъ [1]).

Гиллерсдонъ пропустилъ мимо ушей это дурачество и молча стоялъ, пока Джерминъ вкладывалъ ключъ въ замокъ и, отперевъ дверь, провелъ его въ корридоръ, гдѣ было темно—хоть глазъ выколи. Не очень пріятное положеніе очутиться въ темномъ корридорѣ въ полночь, въ необитаемомъ мѣстѣ, въ компаніи человѣка съ репутаціей мага и волшебника.

Джерминъ зажегъ спичку и засвѣтилъ небольшой карманный фонарь, и это улучшило немного дѣло.

— Моя берлога во второмъ этажѣ,—сказалъ онъ,—и я довольно комфортабельно устроилъ ее, хотя здѣсь снаружи и не совсѣмъ красиво.

---

[1]) Тутъ непереводимая игра словъ, такъ какъ слово Бэконъ (bacon) значитъ свиное сало.

Онъ повелъ гостя по старинной дубовой лѣстницѣ, узкой, запущенной, но съ дубовыми панелями, а потому драгоцѣнной для тѣхъ, кто поклоняется старинѣ.

Маленькій фонарь давалъ свѣта ровно столько, чтобы мракъ лѣстницы выступалъ еще сильнѣе, пока они не дошли до площадки, гдѣ луна глядѣла сквозь грязныя стекла высокаго окна; затѣмъ на второй площадкѣ показалась яркая полоса свѣта изъ-подъ двери, и это было первымъ признакомъ жилья.

Джерминъ растворилъ дверь, и его гость остановился, ослѣпленный яркимъ свѣтомъ и не мало удивленный элегантной роскошью двухъ покоевъ, соединенныхъ между собой аркой, которые м-ръ Джерминъ обозвалъ своей „берлогой“.

Гиллерсдонъ видѣлъ много холостыхъ квартиръ въ районѣ Альбани-Пиккадилли, Сенъ-Джемса и Майферъ, но ничего еще не видѣлъ такого изысканно роскошнаго, какъ берлога оракула. Тяжелые бархатные занавѣсы темно-зеленаго цвѣта драпировали окна съ опущенными ставнями. Отдѣлка стѣнъ отличалась вкусомъ и артистичностью; мебель была самая рѣдкая и неподдѣльная изъ эпохи Чипенделя. Коверъ представлялъ чудо восточнаго искусства и восточной роскоши красокъ. Немногія вазы, оживлявшія общій темный фонъ убранства, были отборнѣйшими образцами остъ-индской и итальянской работы. Картинъ было немного. Одна—„Іуда Искаріотъ“, Тиціана; другая—нагая и не стыдящаяся своей наготы нимфа на фонѣ темныхъ листьевъ — кисти Гвидо, и три курьезныхъ картинки первобытной нѣмецкой школы—вотъ и все, за исключеніемъ еще бюста самого оракула изъ чернаго мрамора, удивительнаго сходства, и въ которомъ особенно рельефно выдѣлялись и даже слегка преувеличивались характеръ фавна, его головы и демоническая улыбка. Бюстъ стоялъ на пьедесталѣ изъ темно-краснаго порфира и какъ будто господствовалъ надъ всѣмъ окружающимъ.

Другая комната была отдѣлана какъ библіотека. Тамъ лампы были подъ абажурами и свѣтъ мягкій. Здѣсь, подъ центральной лампой, спускавшейся съ потолка надъ небольшимъ круглымъ столомъ, сервированъ былъ изысканный ужинъ. Два закрытыхъ блюда съ горячимъ кушаньемъ, холодный цыпленокъ, начиненный трюфлями, миніатюрный іоркскій окорокъ, салатъ изъ омара; земляника, персики, шампанское въ серебряной вазѣ со льдомъ, съ выпуклыми фигурами вакханокъ en repoussé.

— Мой слуга легъ спать,—сказалъ Джерминъ,—но приготовилъ все, что нужно, и мы можемъ обойтись безъ его услугъ. Ко-

леты, salmi aux olives! — прибавилъ онъ, приподнимая крышки съ блюдъ.—Съ чего желаете начать?

— Ни съ чего, благодарю. У меня нѣтъ аппетита.

— Не весело слышать для человѣка, который голоденъ какъ охотникъ,—отвѣчалъ Джерминъ, накладывая себѣ кушанья.—Отвѣдайте мадеры; она, быть можетъ, придастъ вамъ аппетита.

Гиллерсдонъ усѣлся напротивъ хозяина и налилъ себѣ вина. Его любопытство было задѣто обстановкой оракула; да къ тому же то, чтò ему предстояло совершить, могло быть отложено на нѣсколько часовъ безъ всякаго неудобства. Онъ не могъ не заинтересоваться этимъ молодымъ человѣкомъ, который инстинктивно или благодаря тонкой проницательности разгадалъ его намѣреніе. Роскошь его квартиры поражала какъ контрастъ съ его собственной жалкой обстановкой въ вестъ-эндскихъ меблированныхъ комнатахъ.

Онъ платилъ, однако, именно за „обстановку“. Но роскоши въ ней не было и очень мало комфорта. Какъ могъ Джерминъ такъ богато жить? страшивалъ онъ самого себя. Неужели это ворожба приносила ему столько доходу, или же у него было состояніе?

Джерминъ въ это время ужиналъ съ аппетитомъ и эпикурейскимъ удовольствіемъ. Выпивъ двѣ рюмки мадеры, его гость поѣлъ салата изъ омара, и когда Джерминъ раскупорилъ шампанское превосходнаго качества и превосходно замороженное, Гиллерсдонъ выпилъ бòльшую часть бутылки и убѣдился, что этотъ ужинъ доставилъ ему такое удовольствіе, какого онъ давно уже не испытывалъ.

Разговоръ за ужиномъ былъ изъ самыхъ легкихъ; Джерминъ разбиралъ—и бòльшей частью очень немилостиво—людей, которыхъ они оба знали, и громко хохоталъ надъ собственнымъ остроуміемъ. Онъ, однако, избѣгалъ упоминать имя м-съ Чампіонъ, а Гиллерсдону было рѣшительно безразлично, что швыряютъ грязью во всѣхъ другихъ людей.

Послѣ ужина мужчины закурили сигары и стали серьезнѣе. Былъ уже второй часъ ночи. Они долго просидѣли за ужиномъ и уже не дичились другъ друга, а напротивъ того, сблизились, какъ люди, которыхъ связываетъ не уваженіе другъ къ другу, но презрѣніе къ другимъ людямъ.

— Шампанское изгладило съ вашего лба гадкую морщину,— [illegible] Джерминъ дружескимъ тономъ:—а теперь разскажите мнѣ, что могло васъ побудить на такое дѣло.

— Какое дѣло?—спросилъ Гиллерсдонъ.

Джерминъ отвѣчалъ пантомимой. Онъ провелъ рукой по горлу, какъ бы бритвой; повернулъ руку ко рту, какъ будто держалъ въ ней пистолетъ и, наконецъ, сдѣлалъ видъ, что каплетъ воображаемый ядъ.

— Вы все настаиваете на томъ, что...—съ сердцемъ началъ Гиллерсдонъ.

— Говорю вамъ, что я прочиталъ это на вашемъ лицѣ. У человѣка, замыслившаго самоубійство, такой взглядъ, въ которомъ нельзя обмануться. Въ его глазахъ какъ бы застываетъ выраженіе ужаса, какъ у человѣка, глядящаго въ лицо невѣдомой и близкой къ разрѣшенію тайны жизни и смерти. На лбу обозначаются линіи отчаянія и смятенія: сдѣлаю или не сдѣлаю? и въ немъ бросается въ глаза нервная торопливость, какъ у человѣка, которому нужно поскорѣе покончить съ очень непріятнымъ дѣломъ. Я никогда не обманывался въ этомъ взглядѣ. Но почему, дорогой мой, почему? Неужели жизнь двадцати-восьмилѣтняго человѣка не есть драгоцѣнная вещь, которую жаль бросать изъ-за пустяковъ?

— „Вы отнимаете у меня жизнь, когда отнимаете средства къ жизни",—цитировалъ Гиллерсдонъ.

— Опять Бэконъ! У этого человѣка найдешь мнѣніе насчетъ всего въ мірѣ. Вы хотите сказать, что у васъ нѣтъ денегъ, а въ такомъ случаѣ предпочитаете смерть.

— Считайте хоть такъ.

— Хорошо. Но почему вы знаете, что фортуна не дожидается васъ гдѣ-нибудь за угломъ? Пока человѣкъ живетъ, онъ всегда можетъ стать милліонеромъ. Пока женщина не замужемъ, она всегда можетъ выйти за герцога.

— Шансы на фортуну въ моемъ случаѣ такъ отдаленны, что не стоитъ ихъ принимать въ соображеніе. Я сынъ провинціальнаго пастора. У меня нѣтъ родственниковъ, отъ которыхъ я могъ бы получить наслѣдство. Если я не составлю состоянія литературой, то никогда не выбьюсь изъ нищеты, а моя вторая книга была такъ неудачна, что отняла охоту написать третью.

— Фортуна сваливается иногда изъ облаковъ. Не случалось ли вамъ оказать услугу богатому человѣку, за которую онъ можетъ пожелать вознаградить васъ?

— Никогда, сколько помню.

— Полноте, оглянитесь на прошлое, нѣтъ ли въ вашей жизни поступка, которымъ вы бы могли гордиться, чего-нибудь героическаго, чего-нибудь, о чемъ стоитъ упомянуть въ газетѣ?

— Ничего. Я разъ спасъ жизнь одному старику; но со[illegible]ѣ-

ваюсь, чтобы стоило его спасать, такъ какъ старый негодяй даже не поблагодарилъ меня за то, что я рисковалъ изъ-за него собственной жизнью.

— Вы спасли жизнь человѣку, рискуя своей собственной! Послушайте, да развѣ это не геройство? — закричалъ Джерминъ, откидываясь бѣлокурой головой на бархатную спинку кресла и заливаясь хохотомъ.

Черный бюстъ приходился чуть-чуть влѣво надъ его головой, и Гиллерсдону показалось, что его черное лицо тоже распустилось въ такую же широкую улыбку, какъ и бѣлое лицо оригинала.

— Разскажите мнѣ всю исторію, пожалуйста! — просилъ Джерминъ.

— Нечего разсказывать,—холодно отвѣчалъ Гиллерсдонъ.—Въ ней нѣтъ ничего смѣшного и ничего трогательнаго. Я сдѣлалъ то, что и всякій здоровый молодой человѣкъ сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ, видя слабаго старика въ опасности неминуемой смерти. Дѣло было въ Ниццѣ. Вы знаете, какую пустыню представляетъ тамъ собою станція желѣзной дороги, и пассажиру приходится гоняться, такъ сказать, за своимъ поѣздомъ. Дѣло было во время карнавала, въ сумеркахъ, и много пассажировъ, въ томъ числѣ и я, возвращались изъ Канна. Старикъ прибылъ съ другимъ поѣздомъ, ѣхавшимъ въ восточномъ направленіи, и пробирался на платформу, когда большущій паровозъ сталъ надвигаться на него! Хотя не на всѣхъ парахъ, но онъ шелъ настолько скоро, что страхъ парализировалъ старика, и онъ, вмѣсто того, чтобы сойти поскорѣе съ пути, остановился какъ вкопанный. Еще минута—и желѣзное чудовище проѣхалось бы по немъ и раздавило бы его. Я успѣлъ только стащить его съ рельсъ передъ самой машиной, которая задѣла меня слегка за плечо. Я провелъ его на платформу. Никто почти и не видѣлъ нашего приключенія. Со мной былъ пріятель на станціи, съ которымъ я завтракалъ въ отелѣ „Космополитъ“, и который непремѣнно захотѣлъ проводить меня. Я коротко разсказалъ ему, что случилось, и поручилъ старика его попеченіямъ, а самъ бросился къ своему поѣзду, который чуть-чуть не уѣхалъ безъ меня.

— И старый хрычъ даже не поблагодарилъ васъ?

— Ни единымъ словомъ. Единственное, что онъ сказалъ, это спросилъ, гдѣ его зонтикъ, который выпалъ у него изъ рукъ въ то время, какъ я спасалъ его отъ смерти. Помнится, онъ, кажется, заворчалъ на то, что я не спасъ вмѣстѣ съ нимъ и его зонтика.

— Онъ былъ англичанинъ, какъ вы думаете?

— Навѣрное, англичанинъ. Французъ или итальянецъ былъ бы болтливъ, если не благодаренъ.

— Можетъ быть, отъ потрясенія онъ лишился языка.

— Однако спросилъ про зонтикъ.

— Правда. Это очень дурно съ его стороны!—смѣясь, сказалъ Джерминъ.—Боюсь, что онъ просто неблагодарный старый песъ. И вы не разузнавали, кто онъ и кого вы спасли отъ смерти?

— Я нисколько не интересовался его личностью.

— Такъ! ну, а теперь поговоримъ о васъ и о вашемъ будущемъ. Вы знаете, что меня называютъ оракуломъ. Ну, вотъ я предвижу, что судьба ваша скоро измѣнится къ лучшему... и что, не говоря уже о томъ, какъ глупо искать добровольно смерти, когда ее все равно не минуешь,—но въ вашемъ случаѣ это вдвое глупѣе, потому что вамъ стоитъ жить.

— Вы говорите очень неопредѣленно и туманно. Въ какой формѣ ждетъ меня счастіе?

— Я не выдаю себя за пророка. Я только проницательный человѣкъ. Я могу видѣть то, чего стоитъ человѣкъ, а не то, что съ ними произойдетъ. Но въ большинствѣ случаевъ характеръ обусловливаетъ судьбу человѣка, а потому мнѣ часто удавалось предвидѣть его судьбу.

— Ну, а что же вы предвидите для меня?

— Я бы охотнѣе вамъ этого не сказалъ.

— Значитъ, предсказаніе не вполнѣ благопріятно.

— Не вполнѣ. Характеръ человѣка, который въ двадцать-восемь лѣтъ отъ роду считаетъ самоубійство-наилучшимъ выходомъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, не обѣщаетъ много хорошаго. Я откровененъ, какъ видите.

— Очень откровенны.

— Не сердитесь!—сказалъ со смѣхомъ Джерминъ.—Я и себя не выдаю за героя, и еслибы мнѣ пришлось тяжко, то прибѣгнулъ бы тоже, пожалуй, къ пистолету или синильной кислотѣ. Но только такого рода идея указываетъ на характеръ слабый и вмѣстѣ съ тѣмъ эгоистичный. Человѣкъ, убивающій себя, уходитъ съ поля сраженія до срока и выказываетъ эгоистическое равнодушіе къ тѣмъ, кого оставляетъ по себѣ въ живыхъ, и для кого воспоминаніе объ его смерти будетъ вѣчнымъ страданіемъ.

— Моя бѣдная мать! — вздохнулъ Гиллерсдонъ, соглаша[illegible]ь съ вѣрностью этихъ словъ.

— Вы бы убили себя потому, что вамъ тяжело и вы несчаст[illegible], потому что вы растратили свои способности и лучшіе годы [illegible] безнадежную страсть. Ваши причины недостаточно сильны, и да[illegible]е

еслибы ваше присутствіе здѣсь не доказывало несостоятельность вашей затѣи, я думаю, что въ послѣднюю минуту ваша рука дрогнула бы, и вы... спросили бы себя: такъ ли безвыходно ваше положеніе. Такъ ли оно безвыходно?

— Совсѣмъ безвыходно, — откровенно отвѣчалъ Гиллерсдонъ подъ вліяніемъ выпитаго вина; — я не вижу ни единаго луча надежды! Я прозѣвалъ всѣ случаи къ отличію; я загубилъ тѣ дарованія, какія у меня были, когда я вышелъ изъ университета. Я зависимъ въ денежномъ отношеніи отъ отца, который самъ съ трудомъ перебивается, и для котораго я бы долженъ былъ служить поддержкой, а не бременемъ. Я былъ — и буду, пока живъ — рабомъ женщины, которая требуетъ рабства и ничего не даетъ взамѣнъ, сердце и умъ которой, послѣ столькихъ лѣтъ короткаго знакомства, все еще для меня тайна, которая не хочетъ сознаться, что любитъ меня, но и не хочетъ отпустить на свободу.

— М-съ Чампіонъ замѣчательно умная женщина, — хладнокровно замѣтилъ Джерминъ, — но въ тихомъ омутѣ черти водятся. Оставьте ее для другой женщины, и вы увидите, на что она способна. Если эта безнадежная любовь — единственная ваша бѣда, то я не вижу никакой необходимости въ самоубійствѣ. Каждую минуту вы можете встрѣтить женщину, которая заставитъ васъ забыть Эдиту Чампіонъ.

— Вы не имѣете права злоупотреблять именемъ м-съ Чампіонъ. Почему вы знаете, что она имѣетъ вліяніе на мою жизнь?

— Я знаю только то, что̀ знаетъ весь свѣтъ — свѣтъ Майфера и Бельгревіи, Гайдъ-Парка и Соутъ-Кенсингтона, да еще то, что̀ читаю на лицѣ этой дамы. Она — опасная для васъ женщина, м-ръ Гиллерсдонъ: доказательство тому — убитые даромъ годы, на которые вы жалуетесь. Но есть другія женщины, такія же красивыя, и любовь которыхъ не принесетъ съ собой такого унизительнаго рабства. Вы помните видѣніе, какое показываетъ Мефистофель Фаусту?

— Гретхенъ за прялкой?

— Гретхенъ за прялкой, кажется, только оперное измышленіе. Видѣніе, которое предстало Фаусту Гёте, было видѣніе отвлеченной красоты. Припомните, — когда онъ встрѣчаетъ Гретхенъ на улицѣ, то не видитъ уже въ ней той чудесной красавицы, какую о видѣлъ въ зеркалѣ. Ему просто понравилась хорошенькая д ушка, скромно шедшая изъ церкви домой. Видѣніе могло быть А одитой или Еленой, почемъ мы знаемъ! Ловкая штука во в омъ случаѣ... Поглядите-ка вонъ тамъ на одно знакомое вамъ к -то лицо, Гиллерсдонъ, — на лицо дѣвушки, впавшей въ ни-

щету, но красивой, какъ мечта художника, при чемъ, однако, красота ей ровно ни къ чему не служитъ. Взгляните на эту граціозную фигуру за швейной машиной, современной замѣстительницей прялки. Взгляните на меня, Гиллерсдонъ,—повторилъ Джерминъ, устремляя на него холодные, спокойные голубые глаза, взглядъ которыхъ вдругъ какъ бы магически повліялъ на Гиллерсдона и повергъ его въ какое-то мечтательное состояніе:—а теперь взгляните вонъ туда!

Онъ указалъ рукой на сосѣднюю комнату, гдѣ въ полусвѣтѣ Гиллерсдонъ увидѣлъ фигуру дѣвушки, сначала смутную, неопредѣленную, но затѣмъ совсѣмъ отчетливую. Лицо было обращено къ нему, но глаза на него не глядѣли; они глядѣли въ пространство, полные безнадежной меланхоліи, между тѣмъ какъ руки монотонно двигались взадъ и впередъ по столу швейной машины. Дѣвушка въ сѣренькомъ ситцевомъ платьѣ сидѣла за швейной машиной. Нѣчто въ ея фигурѣ и лицѣ показалось ему знакомымъ. Гдѣ и когда онъ видѣлъ это лицо? онъ не могъ припомнить. Хотя навѣрное не на картинѣ и не у статуи.

Джерминъ захохоталъ и бросилъ окурокъ сигары. Видѣніе немедленно исчезло.

— Вотъ наша современная Гретхенъ,—сказалъ онъ:—бѣдная бѣлошвейка, трудящаяся съ утра до ночи, какъ негръ, изъ-за куска хлѣба, красивая какъ греческая богиня и настолько добродѣтельная, что предпочитаетъ нищету позору. Вотъ истинный типъ Гретхенъ девятнадцатаго столѣтія. Хотѣли бы вы быть ея Фаустомъ?

— Я бы хотѣлъ обладать властью Фауста не для того, чтобы обмануть Гретхенъ, но чтобы составить свое счастіе!

— А что вы считаете счастіемъ?—спросилъ Джерминъ, закуривая новую сигару.

— Богатство,—живо отвѣчалъ Гиллерсдонъ:—для человѣка, который жилъ подъ проклятіемъ бѣдности, который день за днемъ, часъ за часомъ, терзался мыслью, что онъ бѣднѣе другихъ людей — можетъ быть только одно счастіе въ жизни: деньги и деньги. Начиная со школьной скамейки, я жилъ среди людей болѣе богатыхъ, чѣмъ я. Въ университетѣ я попалъ въ затруднительное положеніе потому, что жилъ сверхъ средствъ. Отецъ давалъ мнѣ только двѣсти фунтовъ; я тратилъ триста и четыре ста; хотя для отца это было расходомъ сверхъ силъ, но казался нищимъ среди людей, тратившихъ тысячу. Меня отдал въ дорогую коллегію и требовали отъ меня экономіи; я должен былъ вращаться въ обществѣ людей высшаго свѣта и богатыхъ, н

не долженъ былъ съ ними смѣшиваться. Къ несчастію, я оказался популярнымъ человѣкомъ и не могъ запереться отъ нихъ. Я страдалъ и терзался, но залѣзъ по уши въ долги и составилъ несчастіе своей семьи. Я поѣхалъ въ Лондонъ—готовиться къ адвокатурѣ, тратился на обѣды, на гонораръ за ученье—и не получилъ ни одного процесса. Я написалъ книгу; она произвела фуроръ, и временно я сталъ богатъ. Я думалъ, что нашелъ золотоносную руду, купилъ матери брилліантовыя серьги, въ которыхъ она не нуждалась, и послалъ отцу полное собраніе сочиненій Джереми Тэйлора, о которыхъ онъ мечталъ всю жизнь. Я влюбился въ красивую дѣвушку, которая отвѣчала мнѣ взаимностью; но ей не позволили выйти замужъ за человѣка, у котораго все состояніе заключалось въ его чернильницѣ. Она не была неутѣшна, и едва разстроилась наша помолвка—вышла замужъ за человѣка настолько старше себя, что онъ могъ бы быть ея дѣдушкой, и такого богатаго, что сразу доставилъ ей блестящее положеніе въ обществѣ. Моя вторая книга, написанная въ тоскѣ отъ этой утраты, оказалась никуда негодной. У меня не хватило мужества написать третью. Съ тѣхъ поръ я жилъ, какъ и многіе молодые люди въ Лондонѣ, со дня на день, и пустота и безсодержательность моей жизни стали для меня нестерпимы. Удивительно ли, что я пришелъ къ заключенію, что настоящая смерть предпочтительнѣе такому прозябанію!..

— И вы думаете, что богатство дало бы вамъ новую жизнь, и она не была бы больше безцѣльной?

— Богатство даетъ могущество. При богатствѣ и молодости ни одинъ человѣкъ не можетъ быть несчастливъ, если только не страдаетъ неизлечимымъ недугомъ. Богатый человѣкъ—властелинъ вселенной.

— Да, но пока онъ наслаждается властью, какую даетъ богатство, его жизнь проходитъ. Каждый день, проведенный въ наслажденіяхъ, каждая пламенная надежда, которая осуществляется, каждое прихотливое желаніе, которое выполнено—все это гвозди, вколачиваемые въ его гробъ. Люди, которые живутъ долѣе всего—это люди съ скромными средствами, не страдающіе отъ бѣдности, но и не забиваемые богатствомъ;—люди, которыхъ темной и безвѣстной долей общество нисколько не интересуется—ученые, мыслители, изобрѣтатели, о которыхъ общество часто узнаётъ впервые уже тогда, когда они умерли;—люди, которые и мыслятъ, и мечтаютъ, и разсуждаютъ, но не принимаютъ участія въ лихорадочной борьбѣ страстей. Помните ли вы романъ Бальзака: „Peau de chagrin“?

— Не очень хорошо. То былъ одинъ изъ первыхъ французскихъ романовъ, прочитанныхъ мною; родъ сказки, сколько помнится.

— Это скорѣе аллегорія, чѣмъ сказка. Молодой человѣкъ, наскучившій жизнью, какъ вы, близокъ къ самоубійству—онъ рѣшилъ умереть, какъ это рѣшили вы сегодня, — но, чтобы убить время между полуднемъ и полуночью, онъ входитъ въ лавку bric-à-brac и разглядываетъ всякія старыя и новыя диковинки. Здѣсь, въ числѣ сокровищъ искусства и реликвій угасшихъ цивилизацій, онъ встрѣчаетъ самое крупное чудо въ лицѣ самого торговца, человѣка, достигшаго столѣтняго возраста и довольнаго жизнью, безстрастной жизнью мыслителя. Человѣкъ этотъ показываетъ ему кусокъ пергамента, кожу дикаго осла, висящую на стѣнѣ. Съ помощью этого талисмана онъ обѣщаетъ сдѣлать его богаче, могущественнѣе и славнѣе французскаго короля. „Читайте!"—кричитъ онъ,—и молодой человѣкъ читаетъ санскритскую надпись, золотыя слова которой такъ въѣлись въ самую кожу, что ихъ нельзя стереть никакимъ ножемъ. Переводъ санскритской надписи гласитъ такъ:

Владѣя мной, ты владѣешь всѣмъ.
Но твоя жизнь станетъ моей. Пожелай,
И всѣ твои желанія исполнятся.
Но соразмѣряй желанія
Съ жизнью. Съ каждымъ желаніемъ
Я сокращусь, какъ и
Твои дни. Хочешь
Имѣть меня,
Бери.

Эта надпись есть аллегорія жизни. Старикъ говоритъ юношѣ, что онъ многимъ предлагалъ этотъ талисманъ, но всѣ хотя и смѣялись надъ возможностью его вліянія на ихъ судьбу, однако отказывались испытать его невѣдомую силу. Но почему же самъ владѣлецъ не пытался провѣрить эту силу?—Старикъ въ отвѣтъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь.

— А въ чемъ заключается этотъ взглядъ?

— „Тайна человѣческой жизни заключена въ орѣховую скорлупу,—говоритъ столѣтній старецъ.—Дѣятельность и страсти изсушаютъ источники жизни. Хотѣть, дѣйствовать, страстно желать—значитъ умирать. Съ каждымъ усиленнымъ противъ нормальн[illegible]о біеніемъ пульса, съ каждымъ сильнымъ порывомъ сердца, [illegible]ъ лихорадочной дѣятельностью мозга, разгоряченнаго пылкими н[illegible]деждами и противоположными желаніями, отрывается част[illegible]а человѣческаго существа. Люди, которые живутъ такъ долго, к[illegible]ъ

я, это люди, у которыхъ страсти, желанія честолюбія и жажда власти совсѣмъ подавлены, люди спокойнаго и созерцательнаго темперамента, у которыхъ умъ господствуетъ надъ сердцемъ и чувствами, которымъ довольно разсуждать, знать, видѣть и понимать міръ, въ которомъ они живутъ". И старикъ былъ правъ. Долговѣчность не дается торопливымъ. Если хотите жить долго, берите темпомъ жизни largo, а не presto.

— Кому нужно долголѣтіе!—вскричалъ Гиллерсдонъ.—Человѣку хочется *жить*, а не прозябать въ продолженіе ста лѣтъ на землѣ, не смѣя поднять головы къ небу, чтобы его не поразила молнія. Я бы желалъ пойти въ лавку bric-à-brac и найти тамъ peau de chagrin. Я бы охотно допустилъ сокращаться талисману ежедневно, еслибы сокращеніе это доставляло мнѣ всякій разъ часъ счастія или исполненіе желанія.

— Что-жъ! вѣроятно, это единственная философія, пригодная для юнаго ума,—замѣтилъ безпечно Джерминъ.—Столѣтній старикъ, въ сущности совсѣмъ не жившій, хвастается долговѣчіемъ и утѣшаетъ себя мыслью, что его доля—наилучшая; но прожить десять веселыхъ, безпечныхъ лѣтъ, вѣроятно, пріятнѣе, чѣмъ прозябать сто лѣтъ.

— Безконечно пріятнѣе,—подхватилъ Гиллерсдонъ съ лихорадочнымъ волненіемъ, и принялся ходить по комнатѣ, разглядывая статуэтки и бездѣлушки, бронзовые идолы, эмалевыя вазы и фигуры изъ рѣзной слоновой кости.

— Можетъ быть, у васъ припрятанъ гдѣ-нибудь талисманъ,—смѣясь, замѣтилъ онъ,—позволяющій вамъ шутить надъ жизнью и смѣяться тогда, когда другіе плачутъ.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ талисмана. У меня есть только воля—довольно сильная, чтобы побѣждать страсти,—и проницательность, позволяющая разгадывать людей. Вы, человѣкъ съ сильно развитой личностью, страстнымъ, требовательнымъ ego, созданы, чтобы страдать. Я созданъ, чтобы наслаждаться. Для меня жизнь, какъ вы сказали, шутка.

— Тѣмъ же была она и для Гётевскаго чорта,—отвѣчалъ Гиллерсдонъ.—Я думаю, что въ вашей натурѣ есть нѣчто демоническое, и что у васъ, какъ и у Мефистофеля, нѣтъ ни сердца, ни совѣсти. Какъ бы то ни было, а я благодаренъ вамъ за то, что вы затащили меня сюда, развлекли, разсѣяли и дали иное направленіе мыслямъ, которыя были, сознаюсь, самаго мрачнаго свойства.

— Не говорилъ ли я вамъ, что ужинъ и бутылка вина—наилучшіе для васъ совѣтники!—воскликнулъ Джерминъ, смѣясь.

— Но мрачныя мысли вернутся черезъ день или два, такъ какъ у васъ нѣтъ талисмана, чтобы наполнить мои карманы золотомъ, и вы не предлагаете даже купить у меня мою тѣнь. Я бы рискнулъ ходить безъ тѣни, какъ и Петръ Шлемиль, еслибы это могло доставить мнѣ груды золота.

— Ахъ! всѣ эти старыя исторіи — простыя аллегоріи, увѣряю васъ. Еслибы я сказалъ вамъ, что прочиталъ на вашемъ отуманенномъ лицѣ грядущую фортуну, то вы бы разсмѣялись надо мной. Все, о чемъ я васъ прошу, это вспомнить, что я задержалъ васъ на порогѣ смерти, когда фортуна прольетъ на васъ свои дары.

IV.

Крыши и колокольни большого города, башни и торговые склады вырѣзывались черными силуэтами на шафрановомъ небѣ, когда Джерардъ Гиллерсдонъ повернулся лицомъ къ западу свѣжимъ и спокойнымъ раннимъ утромъ. Онъ пилъ и говорилъ достаточно, чтобы возбудить себя и поднять свой духъ такъ, какъ еслибы жизнь для него обновилась и всѣ тревоги и заботы разсѣялись. Ничто такъ не разгоняетъ дневныя треволненія, какъ ночная оргія. Къ несчастію, дѣйствіе ея преходящее, и память вступаетъ въ свои права.

Въ это утро Джерардъ шелъ по пустыннымъ улицамъ такимъ легкимъ шагомъ, какъ будто бы жизнь его ничѣмъ не была омрачена. Въ этомъ настроеніи онъ относился и къ Джермину съ симпатіей, какъ къ человѣку необыкновенно умному и даровитому, — человѣку, такъ или иначе остановившему его на краю пропасти, куда онъ готовъ былъ упасть.

— „Быть или не быть?“ — бормоталъ онъ, замедляя шагъ: — „быть или не быть?“ Я былъ глупъ, когда думалъ, что выборъ для меня неизбѣженъ. Фаустъ подносилъ кубокъ съ ядомъ къ губамъ, когда воскресные колокола задержали его руку. И послѣ взрыва небесной радости, послѣ восторженнаго хора: „Христосъ воскресе“, явился дьяволъ съ своей суетной мірской философіей и дарами богатства и власти. Хотѣлъ бы я знать, вліяніе неба или ада задержало мою руку?

Мысли его обратились къ дѣвушкѣ за швейной машиной. Онъ не былъ расположенъ вникать въ смыслъ видѣнія, — было ли то одно изъ явленій гипнотизма, или же шарлатанскій фокусъ, произведенный механическими способами. То было знакомое ему лицо; лицо, видѣнное имъ когда-то, давно тому назадъ, но онъ

тщетно напрягалъ память: видѣніе носилось въ смутномъ туманѣ минувшаго дѣтства — мечтой, напоминавшей лѣто и солнечные дни, лѣса и воды, тамъ далеко на западѣ, въ иномъ и давно позабытомъ среди туманнаго, закопченнаго сажей города, мірѣ.

Онъ прошелъ въ темный и душный корридоръ меблированныхъ комнатъ, отперевъ входную дверь ключомъ,—привилегія, которою онъ не долго будетъ пользоваться, если только не удовлетворитъ требованій хозяина квартиры или не получитъ отъ него новой отсрочки. Но сегодня утромъ даже перспектива быть выгнаннымъ на улицу не особенно смущала его. На худой конецъ онъ уѣдетъ въ приходъ отца и схоронится въ зеленыхъ дубравахъ, среди знакомыхъ односельчанъ. А если онъ окажется банкротомъ и его имя будетъ пропечатано въ *Газетѣ*, то какъ ни покажется это позорнымъ ректору и его женѣ, а все же не онъ первый, не онъ и послѣдній. Среди юныхъ отпрысковъ благородныхъ фамилій несостоятельность такая же обычная вещь, какъ и скарлатина, и даже почти такая же неизбѣжная, какъ корь.

Гостиная и прилегающая къ ней спальня показались дряннѣе обыкновеннаго при яркомъ утреннемъ свѣтѣ, послѣ роскошныхъ покоевъ Юстина Джермина. Мебель была недурна въ свое время: бронзовая кровать, зеркальный платяной шкафъ и туалетъ въ спальной и орѣховая мебель, обитая кретономъ въ гостиной, но все это обтрепалось и полиняло отъ употребленія, а хозяинъ, самъ по уши въ долгахъ, никогда не могъ собраться со средствами подновить обстановку.

Гиллерсдонъ усталъ, но сонъ бѣжалъ его глазъ, и онъ зналъ, что безполезно ложиться въ постель, пока мозгъ работаетъ съ энергіей сорока лошадиныхъ силъ, а въ вискахъ бьетъ молотомъ невральгическая боль. Онъ бросился въ кресло и закурилъ сигару, которую навязалъ ему Джерминъ при прощаніи, и лѣниво оглядѣлъ комнату.

На столѣ лежало нѣсколько писемъ, съ полдюжины,—обычная, разумѣется, исторія. Счеты и угрожающія письма отъ малоизвѣстныхъ законовѣдовъ, призывающихъ его вниманіе на неуплаченные счета торговцевъ. Какъ ни привыкъ онъ къ такимъ посланіямъ, но видъ ихъ всегда былъ ему непріятенъ. Онъ не торопился распечатывать ихъ.

Онъ докурилъ сначала сигару и тогда уже принялся за свою корреспонденцію.

Первое письмо было отъ шляпнаго фабриканта — почтительно-жалостливое. Второе—отъ солиситора въ Блумбери, напо-

минавшее ему о неуплаченномъ трехлѣтнемъ счетѣ парикмахеру; третье и четвертое—въ такомъ же родѣ.

Онъ вскрылъ пятое письмо, на конвертѣ котораго стоялъ штемпель „Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ", и которое плотностью бумаги и жирнымъ почеркомъ адреса говорило о респектабельности и значительности солиситора. Но, конечно, пѣсня была та же, только сыграна на лучшемъ инструментѣ...

Нѣтъ, чортъ возьми, пѣсня была совсѣмъ иная.

„190, Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ, W. C. Іюля 17, 188...

„Сэръ, если вы тотъ самый м-ръ Джерардъ Гиллерсдонъ, который въ 1879 г. спасъ стараго джентльмена отъ надвигавшагося паровоза на станціи Ницца, то мы имѣемъ честь увѣдомить васъ, что нашъ покойный кліентъ, м-ръ Мильфордъ, банкиръ въ Лондонѣ, Марсели и Ниццѣ, завѣщалъ вамъ все свое имущество. Нашъ кліентъ былъ нѣсколько эксцентричнаго нрава человѣкъ, но мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ его правоспособности при составленіи завѣщанія и не опасаемся, чтобы кто-либо сталъ его оспаривать, такъ какъ у м-ра Мильфорда не было близкихъ родственниковъ.

„Мы будемъ рады васъ видѣть у себя, или у васъ, когда вамъ будетъ угодно.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. и пр.

„Крафтонъ и Кранберри".

Гиллерсдонъ повертѣлъ письмо въ рукахъ, точно ожидалъ, что оно превратится въ пепелъ, и вдругъ разразился хохотомъ, такимъ же громкимъ, хотя и не такимъ веселымъ, какъ демоническій смѣхъ Джермина.

— Подвохъ!—закричалъ онъ:—ясный подвохъ оракула, гипнотиста или какъ тамъ его звать! И жестокая шутка—поманить водой умирающаго отъ жажды путника; изощрять свою фантазію надъ погибающимъ человѣкомъ! Ну, да меня не такъ легко поймать. Хрычъ, котораго я спасъ въ Ниццѣ, не былъ богатымъ банкиромъ; это какой-то нищій, проигравшій послѣдній грошъ въ Монте-Карло.

Онъ поглядѣлъ на часы. Половина шестого. Много времени должно еще пройти, прежде чѣмъ ему можно будетъ убѣдиться въ существованіи или несуществованіи Крафтона и Кранберри и въ достовѣрности письма, лежавшаго у него на столѣ тамъ, гдѣ онъ его швырнулъ,—весьма почтенное по внѣшности письмо, если только внѣшность что-нибудь значитъ.

„Не трудно ему было достать отъ клерка бланкъ фирмы",— думалъ онъ.—„Хотя это рискованная вещь для клерка, если только его не прогналъ уже хозяинъ. Но какъ могъ онъ знать?"— размышлялъ Гиллерсдонъ. „Я разсказалъ ему послѣ полуночи о моемъ приключеніи въ Ниццѣ, а это письмо было отдано на почту въ десять часовъ вечера"...

Но возможно, что Джерминъ слышалъ про эту исторію отъ Джильберта Ватсона, пріятеля Гиллерсдона, бывшаго свидѣтелемъ того, какъ окончилось это приключеніе и какъ старикъ требовалъ своего зонтика. У Ватсона было обширное знакомство въ городѣ, и онъ могъ встрѣтиться съ Джерминомъ, который былъ знаменитостью дня и всюду бывалъ.

Джерардъ бросился одѣтый на кровать и частью тревожно дремалъ, частью просыпался и лежалъ съ полуоткрытыми глазами до половины девятаго, когда вошелъ его слуга Доддъ, принесъ ему чашку чая и приготовилъ ванну. Въ половинѣ десятаго онъ былъ уже одѣтъ и, выйдя на улицу, кликнулъ извозчика, который и доставилъ его въ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ, прежде чѣмъ пробило десять часовъ.

Контору, очевидно, только-что открыли—и весьма внушительную, по внѣшности, контору. Пожилой клеркъ провелъ м-ра Гиллерсдона въ красивую пріемную, гдѣ разрѣзанные журналы и газеты были систематически разложены на массивномъ столѣ изъ краснаго дерева. Никто изъ принципаловъ еще не пріѣзжалъ изъ своихъ квартиръ въ Вестъ-Эндѣ.

Нетерпѣніе Джерарда не могло больше сдерживаться въ границахъ.

— Извѣстно ли вамъ что-нибудь объ этомъ письмѣ?—спросилъ онъ клерка, показывая ему распечатанное посланіе.

— Еще бы, сэръ, когда я самъ его писалъ,—отвѣчалъ сѣдой клеркъ.

— Ради шутки, должно быть, чтобы угодить весельчаку моему пріятелю?—сказалъ, кисло улыбаясь, Гиллерсдонъ.

— Гг. Крафтонъ и Кранберри не позволяютъ себѣ подобныхъ шутокъ, сэръ,—отвѣчалъ клеркъ съ достоинствомъ.—Я написалъ это письмо подъ диктовку м-ра Крафтона, и если вы тотъ самый м-ръ Гиллерсдонъ, о которомъ идетъ рѣчь, то письмо до[illegible]о было бы доставить вамъ удовольствіе.

- Оно и доставило бы мнѣ удовольствіе, еслибы я могъ от[illegible]ись къ нему серьезно.

- Какъ вы можете подозрѣвать шутку въ такомъ важномъ дѣ[illegible] со стороны такой извѣстной и почтенной фирмы?

Гиллерсдонъ вздохнулъ нетерпѣливо и провелъ рукой по лбу съ смущеніемъ. Какъ могъ онъ быть увѣренъ, что вся эта сцена въ конторѣ солиситора, письмо въ его рукѣ, разговоръ съ пожилымъ клеркомъ—не результатъ гипнотическаго состоянія, видѣніе такое же нереальное, какъ и дѣвушка за швейной машиной, которую онъ своими глазами видѣлъ прошлой ночью? Онъ стоялъ нерѣшительный, недовѣрчивый, молчаливый, между тѣмъ какъ клеркъ дожидался почтительно его приказаній.

Наружная дверь растворилась, пока онъ такъ стоялъ, и послышались размѣренные шаги въ сѣняхъ.

— Вотъ м-ръ Крафтонъ,—сказалъ клеркъ.—Онъ можетъ убѣдить васъ, что это не шутка, сэръ.

Вошелъ м-ръ Крафтонъ, высокій, широкоплечій, внушительнаго вида и безукоризненно одѣтый для роли свѣтскаго человѣка, привычнаго къ обществу, но достойнаго полнаго довѣрія семейнаго повѣреннаго.

— М-ръ Гиллерсдонъ, сэръ,—сказалъ клеркъ.—Онъ полагаетъ, что письмо, полученное имъ отъ нашей фирмы—простая шутка.

— Я почти не удивляюсь вашей недовѣрчивости, м-ръ Гиллерсдонъ,—сказалъ солиситоръ вкрадчивымъ и медовымъ голосомъ, разсчитаннымъ на то, чтобы успокоить недовѣрчиваго кліента. —Такое письмо могло захватить васъ врасплохъ. Это вѣдь романъ дѣйствительной жизни, не правда ли? Молодой человѣкъ совершаетъ доблестный поступокъ и забываетъ о немъ... а черезъ нѣсколько лѣтъ въ одно прекрасное утро просыпается и узнаетъ, что онъ... богатъ!—заключилъ м-ръ Крафтонъ вдругъ, какъ бы сдержавшись, чтобы не употребить болѣе сильное выраженіе.—Прошу васъ пожаловать въ мой кабинетъ. Принесите копію съ завѣщанія, Коксфильдъ.

Клеркъ удалился, а м-ръ Крафтонъ ввелъ посѣтителя въ покой такихъ же внушительныхъ размѣровъ, какъ и его собственная особа.

— Пожалуйста садитесь, м-ръ Гиллерсдонъ,—указалъ онъ рукой на просторное кресло.—Да, вся исторія похожа на романъ. Но не въ первый разъ въ исторіи завѣщаній большое состояніе оставляется постороннему лицу въ награду за какую-нибудь услугу, въ свое время оставшуюся какъ бы неоцѣненной. Нашъ покойный кліентъ, м-ръ Мильфордъ, былъ курьезный человѣкъ. Я побьюсь объ закладъ, что онъ не далъ себѣ труда выразить вамъ свою благодарность, когда вы рискнули жизнью, чтобы спасти его.

— Единственный трудъ, какой онъ себѣ далъ—это неистово кричать, чтобы ему отдали его зонтикъ.

— Какъ это похоже на него, милѣйшій старичокъ! Это былъ оригиналъ, сэръ, настоящій оригиналъ. Вы бы не дали двадцати шиллинговъ за платье, которое было на немъ въ тотъ день, увѣряю васъ... и съ зонтикомъ въ придачу.

— Если бы платье и зонтикъ очутились въ моей квартирѣ, я бы далъ десять шиллинговъ за то, чтобы ихъ убрали.

— Именно!—вскричалъ юристъ съ веселымъ смѣхомъ.— Весьма замѣчательный человѣкъ. Я сомнѣваюсь, чтобы онъ платилъ своему портному десять шиллинговъ въ годъ... и хотя бы даже пять. А между тѣмъ онъ былъ филантропъ большой руки, и притомъ дѣлалъ добро такъ, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что творитъ правая. Но вернемся къ главному вопросу. Можете ли вы доказать свою личность, что вы—именно тотъ самый Джерардъ Гиллерсдонъ, имя котораго нашъ покойный кліентъ записалъ со словъ м-ра Джильберта Ватсона на станціи Ницца?

— Очень легко, я полагаю. Во-первыхъ, я сомнѣваюсь, чтобы былъ другой Джерардъ Гиллерсдонъ, такъ какъ имя Джерардъ поступило въ нашъ домъ со стороны матери и не существовало въ фамиліи Гиллерсдоновъ до моего крещенія. Во-вторыхъ, мой пріятель Ватсонъ находится теперь въ Лондонѣ и охотно засвидѣтельствуетъ, что я—тотъ самый человѣкъ, имя котораго записалъ вашъ кліентъ, когда я ушелъ со станціи. Въ-третьихъ, не трудно будетъ, еслибы понадобились дальнѣйшія доказательства, установить фактъ, что я проживалъ въ гостинницѣ Монъ-Флёри въ Каннѣ въ эту эпоху, и что я ѣздилъ въ Ниццу въ первый день карнавала.

— Я не думаю, чтобы встрѣтились какія-нибудь затрудненія въ засвидѣтельствованіи личности, — отвѣчалъ м-ръ Крафтонъ елейно.—Вашъ теперешній адресъ тотъ же, что м-ръ Ватсонъ далъ нашему оплакиваемому кліенту, и кромѣ того сообщилъ, что вы—сынъ ректора прихода Гемсли въ Девонѣ, обстоятельство, безъ сомнѣнія, провѣренное м-ромъ Мильфордомъ. Вотъ копія съ завѣщанія. Вамъ желательно, быть можетъ, прослушать его?—спросилъ м-ръ Крафтонъ въ то время, какъ клеркъ вошелъ и положилъ документъ передъ нимъ.

— Очень охотно.

М-ръ Крафтонъ читалъ яснымъ, отчетливымъ голосомъ и съ большимъ благоговѣніемъ. Завѣщаніе составлено было всего шесть мѣсяцевъ тому назадъ въ Ниццѣ. Оно начиналось длиннымъ перечнемъ даровъ старымъ слугамъ, клеркамъ въ трехъ банкир-

скихъ домахъ въ Лондонѣ, Марсели и Ниццѣ, многочисленныхъ пожертвованій на благотворительныя дѣла, даровъ м-ру Крафтону и его партнеру, м-ру Кранберри.

Гиллерсдонъ сидѣлъ, вытаращивъ глаза и слушая, какъ раздавались такимъ образомъ тысячи и десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Дѣтской больницѣ въ Гретъ-Ормондъ-Стритѣ десять тысячъ; пять тысячъ госпиталю св. Георга; по тысячѣ каждому изъ десяти сиротскихъ пріютовъ; пять тысячъ госпиталю для выздоравливающихъ; три тысячи пріюту для слѣпыхъ. Неужели останется что-нибудь и для него, послѣ такихъ щедрыхъ пожертвованій?

Мѣсто, касающееся его въ завѣщаніи, было, наконецъ, прочитано и оказалось коротко и ясно:

„Въ заключеніе завѣщаю все мое имущество движимое и недвижимое Джерарду Гиллерсдону, младшему сыну достопочтеннаго Эдуарда Гиллерсдона, ректора Гемслейскаго прихода въ Девонѣ, въ благодарность за великодушіе и мужество, съ какимъ онъ спасъ мою жизнь, рискуя своей собственной, на желѣзнодорожной станціи этого города, 14 февраля 1879 г., и назначаю Джемса Крафтона, солиситора, 190, Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ, единственнымъ душеприкащикомъ этого моего завѣщанія“.

— Это щедрая награда за поступокъ, которому я не придавалъ никакого значенія, — сказалъ Гиллерсдонъ, блѣдный какъ смерть отъ подавленнаго волненія.—Я видѣлъ молодого человѣка въ Newton-Abbaye, который сдѣлалъ почти то же самое для собаки, которая бѣжала по рельсамъ, запуганная криками сторожей. Этотъ молодой человѣкъ бросился на рельсы и схватилъ собаку передъ самой машиной... чью-то чужую собаку, не его собственную даже. А я... потому что изъ простой гуманности спасъ старика отъ смерти — да, смерть была неминучая, я знаю, и я самъ подвергался опасности—но все же вѣдь это была инстинктивная гуманность—я получаю за это богатство... потому что вѣдь это, полагаю, богатство?

— Да, м-ръ Гиллерсдонъ, и очень значительное богатство... свыше двухъ милліоновъ, заключающееся въ земляхъ, домахъ, консолидированныхъ бумагахъ, желѣзнодорожныхъ акціяхъ и иныхъ, не считая доли въ барышахъ фирмы Мильфордъ-братья, банкиры въ Лондонѣ, Марсели и Ниццѣ.

Гиллерсдонъ не выдержалъ, услышавъ это. Онъ отвернулся отъ зрителей, принципала и клерка, и изо всей силы старался подавить истерическія слезы, пополамъ съ истерическимъ смѣхомъ.

— Это черезъ-чуръ нелѣпо! — проговорилъ онъ, когда р-

сколько успокоился. — Вчера я былъ въ полномъ отчаяніи. Да правда ли это?—жалостно спросилъ онъ.—Вы не дурачите меня?.. вы живые люди, вы оба, не тѣни? Это не сонъ?

Онъ изо всей мочи хлопнулъ рукой по столу такъ, что ушибъ ее.

— *Вотъ это* несомнѣнная дѣйствительность! — пробормоталъ онъ.

Солиситоръ и клеркъ съ сомнѣніемъ поглядѣли другъ на друга. Они боялись, что ихъ вѣсть оказалась слишкомъ внезапной и свела съ ума ихъ новаго кліента.

— Дайте мнѣ взаймы денегъ!—сказалъ вдругъ Гиллерсдонъ. —Слушайте, м-ръ Крафтонъ, дайте мнѣ чекъ на кругленькую сумму, и когда я получу по этому чеку деньги, я повѣрю въ завѣщаніе м-ра Мильфорда и въ то, что вы меня не вышучиваете. Я по уши въ долгахъ, и для меня будетъ совсѣмъ новымъ ощущеніемъ расплатиться съ самыми назойливыми кредиторами.

М-ръ Крафтонъ раскрылъ книжку чековъ и взялъ перо въ руки, прежде нежели его могущественный кліентъ договорилъ.

— Сколько вамъ угодно?—спросилъ онъ.

— Сколько? Пятьсотъ фунтовъ васъ не стѣснитъ?

— Тысячу, если хотите.

— Нѣтъ, пятисотъ довольно. Вы будете моими солиситорами, надѣюсь, и устроите мои дѣла. Я такъ же невѣжественъ насчетъ закона, какъ та овца, которой шкура служитъ вамъ пергаментомъ. Мнѣ надо добиться утвержденія завѣщанія палатою. Я даже понятія не имѣю о томъ, какъ это дѣлается.

— Это будетъ моя обязанность, какъ душеприкащика. Наша фирма все устроитъ для васъ, если у васъ нѣтъ фамильнаго повѣреннаго, котораго вы предпочтете намъ.

— Не питаю ни малѣйшаго предпочтенія къ фамильному повѣренному. Онъ не оказалъ мнѣ ровно никакихъ услугъ, чтобы заслужить мое предпочтеніе. Если вы были хороши для м-ра Мильфорда—моего благодѣтеля, то будете хороши и для меня. А теперь я пойду и получу деньги по чеку.

— Позвольте, мы пошлемъ кого-нибудь изъ конторщиковъ.

— Благодарю, не нужно. Мнѣ пріятно самому получить деньги изъ банка. Какими бумажками я спрошу ихъ? Сотню по де ти фунтовъ, остальныя—по пятидесяти. Какъ я удивлю моего д ойнаго хозяина! До свиданья. Пришлите за мной, когда по- [illegible] бится моя подпись или иное что.

)нъ вышелъ на залитую солнцемъ улицу, гдѣ его дожидался [illegible] чикъ, такимъ легкимъ шагомъ, что не чувствовалъ мостовой

подъ ногами. Онъ все еще не былъ увѣренъ, что онъ не игрушка сновидѣнія или какого-нибудь фокуса, устроеннаго человѣкомъ съ голубыми глазами и демоническимъ смѣхомъ.

Онъ поѣхалъ въ Союзный банкъ, въ Ченсери-Лэнъ, получилъ деньги по чеку, затѣмъ отправился въ Вестъ-Эндъ къ портному, шляпному фабриканту, парикмахеру и пр.—расплачиваться по счетамъ. У него осталось всего лишь полтораста фунтовъ, когда онъ вернулся къ себѣ на квартиру, и изъ нихъ онъ уплатилъ квартирному хозяину сто. Остающіеся пятьдесятъ положилъ въ карманъ на мелкіе расходы. Ощущеніе расплаты съ долгами было такъ ново, что онъ чувствовалъ себя до того легко, какъ еслибы онъ былъ сотканъ изъ воздуха.

Теперь онъ увѣрился въ дѣйствительности факта. Онъ въ самомъ дѣлѣ богатъ. Фортуна повернулась къ нему лицомъ. Что-то подумаютъ теперь о немъ родные? Онъ—милліонеръ, онъ, блудный сынъ, бывшій до сихъ поръ только бременемъ для своего отца съ матерью! Онъ не станетъ писать имъ. Онъ самъ поѣдетъ въ Девонширъ на день или на два и разскажетъ имъ эту удивительную исторію.

И подумать,—еслибы не вмѣшательство Юстина Джермина, онъ бы застрѣлилъ себя прошлой ночью и теперь лежалъ бы окоченѣлый и мертвый. Однако, нѣтъ, письмо было доставлено на его квартиру въ десять часовъ вечера. Фортуна повернулась къ нему лицомъ, и вѣсть объ этомъ дожидалась его на квартирѣ именно тогда, когда онъ тратилъ время на пустяки у шарлатана оракула.

„И однако онъ, повидимому, уже зналъ объ этомъ,—думалъ Гиллерсдонъ.—Онъ намекалъ о перемѣнѣ обстоятельствъ къ лучшему... онъ навелъ меня на разговоръ о старикѣ въ Ниццѣ“.

Ему вдругъ захотѣлось увидѣться съ Джерминомъ, разсказать ему, что случилось, поговорить о своей чудовищной удачѣ; поглядѣть, какое впечатлѣніе произведетъ его извѣстіе на оракула. Были и другіе люди, которыхъ ему хотѣлось бы повидать, напримѣръ Эдиту Чампіонъ, но оракула—больше всѣхъ. Онъ нанялъ кэбъ и велѣлъ везти себя въ Гольборнъ.

Онъ понятія не имѣлъ о томъ, въ какой части Гольборна находится вчерашній старый домъ или въ какой изъ прилегающихъ улицъ. Онъ отпустилъ кэбъ у Варвикъ-Корта и пошелъ пѣшкомъ, входилъ въ разныя старыя ворота, существующія въ окрестностяхъ Гольборна, но никакъ не могъ найти воротъ и нежилыхъ зданій, которыя бы походили на тѣ, въ которыя его провелъ ночью Джерминъ.

Послѣ двухчасовыхъ безплодныхъ поисковъ онъ отказался отъ своей затѣи и поѣхалъ въ Вестъ-Эндъ, гдѣ надѣялся достать адресъ Джермина въ Сенсоріумѣ, небольшомъ, избранномъ клубѣ, котораго онъ былъ членомъ. Былъ тотъ часъ дня, когда пьютъ чай, и въ библіотекѣ, и въ прилегающей къ ней курильной комнатѣ собралось много народа, въ томъ числѣ нѣсколько пріятелей Гиллерсдона.

Онъ сѣлъ въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ и приказалъ подать себѣ чай къ столу, за которымъ его приняли съ замѣтнымъ радушіемъ, — приняли люди, не знавшіе, что привѣтливы съ милліонеромъ.

— Вы все знаете на свѣтѣ, Венъ, — обратился онъ къ одному изъ нихъ:—вы, конечно, знаете Джермина оракула?

— Очень хорошо. Я доставилъ его вчера въ домъ лэди Фридолинъ. Онъ обыкновенно не ѣздитъ на показъ въ частные дома или на гарденъ-парти, но поѣхалъ туда, по моей просьбѣ.

— Скажите мнѣ, гдѣ онъ живетъ?

— Нигдѣ. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы ставить свой адресъ на визитной карточкѣ, подобно простому смертному. Его можно встрѣтить то тамъ, то сямъ, чаще всего въ Гептахордѣ. Онъ— членъ обоихъ клубовъ, хотя рѣдко показывается въ томъ и въ другомъ... но адресъ, вульгарный адресъ, какъ у васъ или у меня! Pas si bête! Еслибы онъ выставилъ адресъ, то это былъ бы Стиксъ или Оркъ.

— Дружище, я ужиналъ съ нимъ на его квартирѣ.

— Значитъ, вы знаете, гдѣ она?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Джерминъ затащилъ меня къ себѣ ужинать вчера вечеромъ послѣ оперы. Мы прошли пѣшкомъ изъ Ковентъ-Гардена въ его квартиру. Все время болтали, и я не замѣтилъ улицъ, кромѣ Квинъ-Стрита и Линкольнъ-Иннъ-Фильдса, по которымъ мы проходили, и не знаю, гдѣ домъ, въ которомъ онъ живетъ.

Веселый смѣхъ былъ отвѣтомъ на это признаніе.

— Если такъ, любезный другъ, то вы, должно быть, были „на взводѣ", когда уходили изъ оперы. Надо удивляться, что вы благополучно выбрались изъ Боу-Стрита.

— Повѣрьте, что я ничего не пилъ за обѣдомъ, кромѣ ми-ральной воды, и ровно ничего послѣ обѣда. Нѣтъ, вино не чемъ въ моемъ вчерашнемъ настроеніи. Мы съ Джерминомъ тали, я былъ нѣсколько въ мечтательномъ настроеніи и далъ вести, не глядя, куда меня ведутъ. Сознаюсь, что когда я челъ отъ него сегодня въ четыре часа утра, то голова моя была

не совсѣмъ свѣжа, и я совсѣмъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до дому.

— Значитъ, Джерминъ приглашаетъ къ себѣ гостей?—вскричалъ Роджеръ Ларозъ, эстетикъ-архитекторъ, щеголь и тунеядецъ, человѣкъ, который какъ будто соскочилъ съ модной картинки:—это интересно! Меня онъ никогда къ себѣ не звалъ. Что, угощеніе было пріятнаго свойства? а вино было безупречное?

— Мало того: непреодолимое. Онъ далъ мнѣ мадеры, которая была похожа на распущенное золото, а шампанское его пахло дикой розой.

— Я думаю, что онъ васъ гипнотизировалъ и ничего ровно не было, можетъ быть только хлѣбъ, сыръ и портеръ,—сказалъ Ларозъ.—Куда вы отправляетесь и что вы дѣлаете сегодня послѣ полудня? Хотите, поѣдемъ смотрѣть polo match, или стрѣльбу голубей, и пообѣдаемъ за городомъ?

Восторгъ пронизалъ сердце Гиллерсдона при мысли, что вчера еще онъ вынужденъ былъ бы отказаться отъ предложенія Лароза подъ любымъ предлогомъ. Вчера уплатить полгинеи за входъ на ипподромъ и рисковать заплатить за обѣдъ—было для него немыслимо. Сегодня онъ могъ безъ всякаго угрызенія совѣсти тратить деньги.

— Я долженъ сдѣлать визитъ нѣсколькимъ лэди,—отвѣчалъ онъ.—Если вы дадите мнѣ пару дамскихъ билетовъ для входа на ипподромъ и одинъ для меня, то я сойдусь съ вами къ обѣду.

— Я знакомъ съ этими лэди? М-съ Чампіонъ въ числѣ ихъ?

— Да.

— Прелестно! это будетъ partie carrée. Мы пообѣдаемъ на лугу, прослушаемъ музыку и прокатимся по рѣкѣ. Ну, торопитесь, Гиллерсдонъ. Несмотря на вашъ вчерашній кутежъ, у васъ такой счастливый видъ, точно вы получили наслѣдство.

Джерардъ Гиллерсдонъ засмѣялся нѣсколько истерически и ушелъ изъ клуба. У него не хватало еще духа сказать кому-нибудь о томъ, что съ нимъ случилось. Слово „гипнотизмъ" испугало его, даже послѣ очевидныхъ доказательствъ привалившаго ему счастія. Контора солиситора, банкъ, росписки въ полученіи денегъ по счетамъ его поставщиковъ,—ну, а вдругъ все это результаты гипнотическаго транса! Онъ вынулъ изъ кармана пачку счетовъ съ росписками. Нѣтъ, это все достовѣрно, и онъ не во снѣ это видитъ.

Онъ поѣхалъ въ Гертфордскую улицу. М-съ Чампіонъ была дома и одна. Карета дожидалась ее у подъѣзда, чтобы везти въ паркъ. М-съ Грешамъ снова была завербована на службу англі-

канскихъ сиротъ и подавала чай и кэкъ шиллинговымъ посѣтителямъ второго дня базара въ пользу Райдингъ-Скуль, и должна была вернуться въ шесть часовъ.

М-съ Чампіонъ сидѣла въ гостиной съ опущенными шторами, въ атмосферѣ тропическихъ цвѣтовъ, одѣтая въ индійскую кисею, и все въ ея наружности и обстановкѣ говорило о прохладѣ и отдыхѣ послѣ духоты и толкотни, царствовавшихъ на улицѣ. Она съ удивленіемъ взглянула на Гиллерсдона изъ-за книги, которую читала.

— Я думала, вы уже на полъ-пути въ Германію,—сказала она, очевидно довольная его появленіемъ, какъ была бы довольна возвращеніемъ птицы въ клѣтку:—но, можетъ быть, вы опоздали на поѣздъ и поѣдете завтра?

— Нѣтъ, м-съ Чампіонъ, я перемѣнилъ намѣреніе и совсѣмъ не ѣду.

— Вотъ это мило!—кротко произнесла она, откладывая книгу въ сторону и приготовляясь къ конфиденціальному разговору.—Вы остались, чтобы доставить мнѣ удовольствіе?

Онъ рѣшилъ, что разскажетъ ей все. Во рту у него пересохло отъ этой мысли, но онъ не могъ скрывать перемѣну въ своей жизни отъ женщины, которая была и все еще, быть можетъ, оставалась царицей его души.

— Въ первый разъ въ жизни,—тихо началъ онъ:—или, лучше сказать, впервые съ тѣхъ поръ, какъ я васъ встрѣтилъ, не ваше желаніе было для меня закономъ. Но нѣчто произошло вчера... что измѣнило всю мою жизнь.

Его хриплый, прерывистый голосъ и пристальный взглядъ испугали ее. Воображеніе разыгралось.

— Вы женитесь!—вскричала она внезапно, вставая съ низенькаго кресла, выпрямляясь какъ стрѣла и поблѣднѣвъ какъ смерть:—Это всегда такъ кончается. Вы были вѣрны мнѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а теперь вамъ это надоѣло. Вы затѣяли жениться. Хотѣли убѣжать въ Германію и оттуда написать мнѣ, но передумали и рѣшились самолично сообщить мнѣ о своей измѣнѣ?

Взрывъ страсти, поблѣднѣвшее лицо и сверкающіе глаза были для него откровеніемъ. Онъ считалъ ее холодной какъ снѣгъ, а между тѣмъ все время игралъ съ огнемъ.

Въ одну минуту онъ очутился около нея и, взявъ ея холодн… какъ ледъ руки, притянулъ къ себѣ.

— Эдита, Эдита, какъ можете вы такъ дурно обо мнѣ ду…? Женюсь! развѣ вы не знаете, что для меня не существуетъ д…ой женщины, кромѣ васъ? Женюсь, такъ, вдругъ, ни съ

того, ни съ сего! развѣ я не отдалъ вамъ всю свою жизнь? Что̀ могъ я больше сдѣлать?

— Вы не женитесь! О! слава Богу! Я все могу перенести, только не это.

— А между тѣмъ... а между тѣмъ вы держите меня на почтительномъ разстояніи!—нѣжно сказалъ онъ, наклоняясь къ ея губамъ.

Въ одно мгновеніе ока она снова превратилась въ ледяную фигуру, хладнокровную, гордую и недоступную матрону.

— Я безразсудна, что приняла это такъ близко къ сердцу,—сказала она:—въ сущности, почему же вамъ и не жениться; я не вправѣ вамъ помѣшать. Но только я бы желала заблаговременно узнать о вашихъ планахъ, чтобы свыкнуться съ этой идеей... Лошади давно уже дожидаются у дверей, а злосчастная Роза ждетъ, чтобы я высвободила ее изъ неволи. Хотите проѣхаться по парку?

— Съ удовольствіемъ; но я бы желалъ отобѣдать съ вами и м-съ Грешамъ за городомъ. Нельзя ли намъ отправиться послѣ прогулки въ паркѣ...

— Я нисколько не интересуюсь паркомъ. Поѣдемъ прямо за городъ; но я въ дезабилье; какъ вы думаете, надо мнѣ переодѣться, или можно ѣхать такъ?

Она встала передъ нимъ въ облакѣ кисеи, въ легкомъ и граціозномъ одѣяніи, драпировавшемъ ее точно дымка тумана миѳологическую нимфу у фонтана.

— Ваше дезабилье верхъ совершенства. Но необходимо только вамъ накинуть сверху что-нибудь потеплѣе, потому что мы можемъ засидѣться на лугу.

Она позвонила и пришла горничная съ бѣлой шляпой Генсборо и длинными шведскими перчатками. Послали за шалями и пальто, буфетчику объявили, что лэди дома не обѣдаетъ, и отправились въ ландо, гдѣ Джерардъ усѣлся на передней скамейкѣ, напротивъ м-съ Чампіонъ.

— Что же такое случилось, что̀ можетъ измѣнить вашу жизнь, если вы не женитесь? — спросила она, когда они свернули въ Пиккадилли.—Вы меня мистифицируете. Надѣюсь,—ничего худого... никакой бѣды съ вашими близкими?

— Нѣтъ, перемѣна рѣшительно къ лучшему. Чудакъ-старикъ, которому мнѣ посчастливилось услужить, завѣщалъ мнѣ все свое состояніе.

— Поздравляю васъ!—сказала она, но на лицѣ ея появилось недовольное выраженіе, удивившее его.

Казалось бы, ей слѣдовало радоваться.

— Что же, вы теперь стали богатымъ человѣкомъ?—спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, я сталъ богатымъ человѣкомъ.

— А именно?

— Такъ богатъ, какъ только можно пожелать. Говорятъ, завѣщанное мнѣ состояніе превосходитъ два милліона.

— Два милліона франковъ?

— Два милліона фунтовъ стерлинговъ.

— Великій Боже! Помилуйте, Чампіонъ—нищій передъ вами. Это просто нелѣпо.

— Да, оно какъ будто смѣшно выходитъ, согласенъ!—отвѣчалъ Гиллерсдонъ, задѣтый за живое тѣмъ, какъ она приняла его извѣстіе.—Бѣдность была, такъ сказать, моимъ métier. Я рожденъ быть прихвостнемъ высшаго свѣта, участвовать въ его удовольствіяхъ по милости другихъ людей, бывать въ знатныхъ домахъ изъ снисхожденія, жить въ дрянныхъ меблированныхъ комнатахъ и находить наиболѣе горячій пріемъ въ клубѣ.

— Два милліона!—повторила Эдита.—Я увѣрена, что у Джемса нѣтъ столько. Два милліона! вы теперь навѣрное женитесь.

— Неужели? неужели я обязанъ жениться теперь, когда могу пользоваться всѣми удовольствіями холостой жизни?

— Васъ заставятъ жениться, говорю вамъ,—отвѣчала она нетерпѣливо:—вы не знаете женщинъ, у которыхъ есть дочери невѣсты. Вы не знаете, что такое дѣвушки... закоснѣлыя свѣтскія дѣвушки, выѣзжающія въ свѣтъ третью или четвертую зиму... и которымъ нужно найти богатаго мужа. Вы даже представить себѣ не можете, какъ васъ будутъ ловить. Всѣ незамужнія дѣвицы, старыя и молодыя, будутъ у вашихъ ногъ.

— Изъ-за моихъ милліоновъ? Неужели женщины такъ корыстолюбивы?

— Онѣ вынуждены къ этому, — отвѣчала Эдита Чампіонъ. —Мы живемъ въ эпоху, когда бѣдность совершенно нестерпима. Человѣкъ долженъ быть богатъ или несчастенъ. Неужели, вы думаете, я пошла бы за м-ра Чампіона, несмотря на всѣ уговоры моей семьи, еслибы у меня хватило мужества быть бѣдной съ вами. Нѣтъ? быть высокорожденной—значитъ быть богатой. Кто по рожденію принадлежитъ къ избранному обществу, тотъ будетъ му[ченикомъ] безъ богатства. Я часто завидовала женщинамъ, ро[ж]д[ен]нымся въ низшемъ кругу, которыя сами ходятъ на рынокъ за[ку]пать провизію и носятъ бумажныя перчатки.

— Да, въ низшихъ сферахъ общества существуетъ извѣстная не[за]висимость. Человѣкъ можетъ быть бѣднымъ и не стыдиться

этого, если принадлежитъ къ пролетаріату. Но увѣряю васъ, дорогая м-съ Чампіонъ, я не попадусь на удочку ловкой мамаши или предпріимчивой дѣвицы. Я съумѣю воспользоваться богатствомъ и независимостью.

Эдита вздохнула. Можетъ ли милліонеръ ужиться съ положеніемъ ея раба? Можетъ ли быть милліонеръ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ для нея? Станетъ ли онъ довольствоваться ухаживаніемъ за ней; будетъ ли всегда легокъ на поминѣ, захочетъ ли слѣдить за нею какъ тѣнь; бывать тамъ, гдѣ она бываетъ, подавать чай дамамъ въ ея пріемные дни, когда, случалось, онъ былъ единственнымъ кавалеромъ среди ея гостей? Станетъ ли онъ привозить ей новыя книги, французскія и нѣмецкія, прочитывать ихъ раньше, чтобы сообщать ей, стоютъ ли онѣ этого труда, сообщать ей всѣ городскія сплетни? Цѣлыхъ три года онъ былъ для нея вторымъ *я*; доставлялъ пищу для ея ума и развлекалъ ея досуги. Но станетъ ли онъ теперь играть роль ея сателлита, когда богатство даетъ ему силу самому стать планетой, съ безчисленными женщинами и сателлитами, которые въ свою очередь станутъ вращаться около него?

„Онъ женится,—рѣшила она про себя.—Безполезно толковать объ этомъ. Легко было держать его на привязи, когда онъ былъ бѣденъ и неинтересенъ какъ женихъ. Но теперь его заставятъ жениться. Это неизбѣжно".

Экипажъ остановился у Райдингъ-Скуль, и лакей пошелъ за Розой Грешамъ, которая немедленно явилась, легко одѣтая, какъ и подобало по сезону, но раскраснѣвшаяся отъ жары.

— Мы ѣдемъ обѣдать за городъ,—объявила Эдита.

— Вы ангелы. Я до смерти устала. Шиллинговые посѣтители —ужасный народъ: глазѣютъ, толкаются, требуютъ сдачи и пожираютъ кэкъ такъ, что гадко глядѣть. Я не думаю, что бы нашъ отдѣлъ покрылъ расходы... Какой у васъ сегодня здоровый видъ, м-ръ Гиллерсдонъ! а вчера вы казались совсѣмъ больны, съ провалившимися щеками, блѣдный и замученный.

— Я думалъ, что долженъ уѣхать и разстаться съ дорогими мнѣ людьми,—отвѣчалъ Джерардъ.

— А теперь вы не уѣзжаете?

— Нѣтъ,—отвѣчала за него Эдита, со смѣхомъ, звучавшимъ, однако, совсѣмъ не весело.—Еще бы ему не быть здоровымъ! Хотя по виду онъ все тотъ же, но это уже совсѣмъ иной человѣкъ. Роза, вы сидите напротивъ милліонера.

— Небо! неужели вы говорите правду, или только шутите?

— Надѣюсь, что правду. По крайней мѣрѣ, меня увѣрялъ

самый серьезный на видъ солиситоръ, что я могу располагать милліонами. И мнѣ нельзя даже поблагодарить человѣка, который мнѣ ихъ предоставилъ, потому что его уже нѣтъ больше въ живыхъ!

— И подумать, что вы ни разу не посѣтили нашъ базаръ и ни одной пенни не подарили, среди своего благополучія, англиканскимъ сиротамъ!—воскликнула Роза.

V.

Соловьи умолкли, но розы продолжали благоухать и было пріятно сидѣть на лугу и слушать шумъ прибоя, глядѣть на звѣзды, медленно выплывавшія на небо, въ дымной атмосферѣ надъ вязами Гурлингема.

Роджеръ Ларозъ щеголялъ остроуміемъ, а Джерардъ, который наканунѣ былъ молчаливъ и угрюмъ на маленькомъ обѣдѣ въ Гертфордской улицѣ, сегодня болталъ такъ весело, какъ птица.

И такая разница произведена была самымъ низкимъ факторомъ въ жизни человѣка—корыстью.

Но что за дѣло до причины, когда слѣдствіе было такъ пріятно. Веселость Джерарда сообщилась и его собесѣдникамъ. За ихъ маленькимъ столикомъ выпито было больше шампанскаго, чѣмъ за всѣми другими, а между тѣмъ публики было много, и нѣсколько группъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ, обѣдали подъ открытымъ небомъ.

Веселая болтовня и смѣхъ длились почти до полуночи, когда м-съ Грешамъ вдругъ вспомнила про раннюю службу въ ритуалистическомъ храмѣ Гольборна, и просила, чтобы ее немедленно отвезли домой,—ей нужно успѣть собраться съ духомъ до зари.

Джерардъ просилъ, чтобы ни слова не говорили про его измѣнившіяся обстоятельства при Роджерѣ Ларозѣ. Роджеръ, а съ нимъ и весь свѣтъ, узнаютъ объ этомъ въ свое время; теперь же ему непріятна была мысль о поздравленіяхъ, какими будутъ его осыпать, причемъ рѣдкія изъ нихъ будутъ искренні и доброжелательныя.

Успѣетъ еще неумолимое „Illustrated London News“ познакоми[illegible] общество со всѣми подробностями завѣщанія м-ра Мильфорда.

[illegible]бѣ дамы были скромны, и хотя Ларозъ удивился немного [illegible]ве[illegible]колѣпному равнодушію, съ какимъ Гиллерсдонъ заплатилъ за [illegible]бѣдъ и оставилъ сдачу съ десятифунтовой бумажки гарсону, [illegible] что его пріятель страдаетъ общей юношеской болѣзнью—

пустымъ карманомъ, но приписалъ его щедрость случайному приливу капиталовъ, позволявшему временно вздохнуть свободно.

На обратномъ пути къ экипажу м-съ Грешамъ ухитрилась завладѣть Гиллерсдономъ, а Ларозу предоставила идти съ м-съ Чампіонъ впереди.

— Дорогой м-ръ Гиллерсдонъ, такое богатство, какъ ваше, налагаетъ большую отвѣтственность на христіанина,—начала она торжественно.

— Я еще не смотрѣлъ на него съ этой точки зрѣнія, м-съ Грешамъ; но согласенъ, что придется много тратить на благотворительность.

— Придется, и всего важнѣе при этомъ, чтобы дѣйствительное добро было результатомъ вашихъ усилій. Есть одно доброе дѣло, которое я хочу указать вашему вниманію, прежде нежели вами завладѣютъ посторонніе люди. Главное сердечное желаніе моего мужа, и могу сказать—также и мое, это расширить нашу приходскую церковь, въ настоящее время лишенную всякой архитектурной красоты и совсѣмъ не приспособленную къ потребностямъ увеличивающагося числа прихожанъ, привлекаемыхъ его краснорѣчіемъ и силой характера. При его предшественникѣ церковь бывала полу-пустая и мыши бѣгали по галереѣ. Мы хотимъ сломать эту ужасную галерею и построить новый и красивый придѣлъ. Это будетъ стоить большихъ денегъ, но многіе обѣщали намъ свое содѣйствіе въ случаѣ, еслибы какой-нибудь благодѣтель пожертвовалъ значительную сумму—скажемъ, хоть тысячу гиней сразу.

— М-съ Грешамъ, вы забываете, что я самъ сынъ пастора. Волки не ѣдятъ волковъ, знаете. Я не сомнѣваюсь, что церковь моего отца нуждается въ расширеніи. Я знаю, что въ ней очень сыро, и это требуетъ серьезныхъ передѣлокъ. Я долженъ подумать о немъ, прежде чѣмъ пожертвовать вамъ капиталъ.

— Если вы еще не научились, какъ тратить ваше богатство, то уже, повидимому, умѣете сберегать его,—замѣтила м-съ Грешамъ съ ѣдкостью, но тутъ же овладѣла собой и продолжала беззаботнымъ тономъ:—можетъ быть, безтактно съ моей стороны такъ быстро насѣсть на васъ, но дѣло церкви всегда кстати.

М-съ Чампіонъ пригласила всѣхъ къ себѣ чай пить.

— Я люблю французскій обычай пить чай въ полночь,—говорилъ Ларозъ:—это удлинняетъ нить жизни и сокращаетъ ночь.

М-съ Грешамъ поспѣшно удалилась, проглотивъ одну чашку чая; но остальные засидѣлись поздно, очарованные пріятной атмосферой: они были втроемъ въ обширномъ покоѣ, наполненномъ

благоуханіемъ чайныхъ розъ и свѣжестью широколиственныхъ растеній. Эдита Чампіонъ не отличалась талантами. Она не играла и не пѣла, не рисовала и не писала стиховъ, предпочитая, чтобы все это для нея дѣлали тѣ, которые учились этому всю жизнь. Но она мастерски владѣла декоративнымъ искусствомъ, и немногія женщины въ Лондонѣ или Парижѣ поспорили бы съ ней въ убранствѣ гостиной.

— Моя гостиная часть меня самой, — говорила она: — она отражаетъ всѣ оттѣнки моего характера и мѣняется вмѣстѣ со мной.

Былъ уже второй часъ ночи, когда Гиллерсдонъ и Ларозъ оставили Гертфордъ-Стритъ. Пиккадилли и Паркъ казались почти романтическими при лунномъ свѣтѣ. Чашка крѣпкаго чая произвела свое обычное дѣйствіе, и оба они не испытывали ни малѣйшаго желанія идти спать въ неприглядныя меблированныя комнаты.

— Не пойти ли намъ въ „Петунію“?—спросилъ Ларозъ, называя одинъ изъ полуночныхъ клубовъ, гдѣ общество бываетъ самое смѣшанное, а шампанское стоитъ вдвое дороже, чѣмъ въ „Карльтонѣ“ или „Реформѣ“.

— Терпѣть не могу „Петуніи“!

— Ну такъ въ „Часы досуга“? Тамъ играетъ отличный оркестръ, и мы можемъ спросить на ужинъ омара.

— Благодарю, нѣтъ; я усталъ отъ общества... даже такого очаровательнаго, какъ ваше. Я хочу прогуляться пѣшкомъ.

— Ну, это самый вѣрный способъ избавиться отъ меня, — отвѣчалъ Ларозъ.—Я никогда не хожу пѣшкомъ, если могу отъ этого избавиться. Извозчикъ!

Его квартира находилась въ Джорджъ-Стритѣ, у Ганноверскаго сквера, и не стоило платить шиллинга за такое короткое разстояніе; но не въ привычкѣ Лароза было считать шиллинги, пока онъ не истратилъ послѣдній.

Гиллерсдонъ былъ радъ, когда извозчикъ повернулъ изъ Боу-Стритъ и увезъ его вертляваго пріятеля. Ему хотѣлось быть одному. Онъ забралъ въ голову возобновить поиски и отыскать старый домъ, гдѣ онъ ужиналъ прошлой ночью. Ему казалось, что онъ отыщетъ его, если примется за это въ тѣхъ же условіяхъ темноты и тишины. Онъ не нашелъ старыхъ воротъ при дневномъ свѣтѣ; но вѣдь должны же они гдѣ-нибудь существовать. Все это вмѣстѣ взятое: домъ, гдѣ онъ былъ, комната, гдѣ сидѣлъ, вино, которое пилъ—не могло же быть простымъ сновидѣніемъ. Допустивъ даже, что дѣвушка была галлюцинаціей,

устроенной ловкимъ месмеристомъ,—остальное должно было быть реальнымъ.

Не могъ же онъ бродить три или четыре часа по лондонскимъ улицамъ въ месмерическомъ трансѣ и въ бреду. Нѣтъ, онъ слишкомъ хорошо помнилъ каждую подробность, каждое слово, сказанное ими: все это было слишкомъ отчетливо для сновидѣнія.

Онъ пошелъ по Боу-Стритъ, а оттуда повернулъ въ томъ направленіи, въ какомъ шелъ наканунѣ ночью съ Джерминомъ. Миновавъ Линкольнъ-Иннъ-Фильдсъ, онъ постарался впасть въ задумчивость, надѣясь, что инстинктъ направитъ его шаги куда слѣдуетъ.

Инстинктъ не оказалъ никакой помощи. Гиллерсдонъ бродилъ по Гольборну, заглядывалъ въ боковыя улицы, лежащія по правую и по лѣвую сторону Грей-Иннъ-Лэна—все напрасно. Нигдѣ не было признака тѣхъ воротъ, въ которыя онъ проходилъ прошлой ночью. Онъ готовъ былъ думать, что дѣйствительно сталъ жертвой дьявольской мистификаціи, и что шампанское, которое онъ пилъ съ Юстиномъ Джерминомъ, было въ томъ родѣ, какое Мефистофель извлекалъ изъ деревяннаго стола.

Онъ вернулся къ себѣ на квартиру раздосадованный и смущенный.

Онъ забылъ даже о томъ, что онъ милліонеръ, и жизнь его снова вдругъ подернулась траурнымъ крепомъ, какъ въ тотъ моментъ, когда онъ подумывалъ совсѣмъ съ нею распрощаться. На церковной колокольнѣ пробило три часа, когда онъ устало протянулся на скрипучей желѣзной кровати.

— Я долженъ въ понедѣльникъ перебраться въ болѣе удобную квартиру,—сказалъ онъ самому себѣ;—да надо озаботиться о пріобрѣтеніи собственнаго дома. Къ чему же и богатство, если не пользоваться имъ?

Невесело онъ и проснулся, когда яркое солнце, ворвавшись въ его комнату, озарило всю неприглядность обстановки. Онъ размышлялъ о чудесной перемѣнѣ въ его жизни, и однако, въ этотъ ранній часъ утра, среди уединенія и безмолвія, сознаніе неограниченныхъ средствъ къ жизни какъ-то не доставляло ему удовольствія.

Въ его натурѣ всегда, должно быть, таилась суевѣрная струйка; въ противномъ случаѣ суевѣрные страхи не могли бы тревожить его, когда къ нему привалило счастіе. Его сугубая попытка отыскать квартиру Джермина и сугубая неудача разстроили его сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Эта неудача придавала характеръ какой-

то diablerie всей исторіи, съ того момента, какъ Джерминъ прочиталъ его тайное намѣреніе въ библіотекѣ Фридолинъ-Гауза.

Онъ не могъ спать, а потому вытащилъ „Peau de chagrin“ изъ книжнаго шкафа, гдѣ хранилъ только отборнѣйшія произведенія литературы. Можно было бы угадать направленіе его ума по заглавіямъ тридцати или сорока книгъ, содержавшихся въ шкафу. „Фаустъ“ Гёте, поэзія и проза Гейне, Альфредъ де-Мюссè, Оуэнъ Мередитъ, Виллонъ, Готье, Бальзакъ, Бодлэръ, Ришпэнъ —литература отчаянія!

Онъ прочиталъ о томъ, какъ первой мыслью Рафаэля, когда законовѣдъ принесъ извѣстіе объ его богатствѣ, было вынуть peau de chagrin изъ кармана и сравнить съ абрисомъ, который онъ обвелъ вокругъ нея на скатерти наканунѣ вечеромъ.

Кожа замѣтно съёжилась. Такую значительную убыль въ жизни произвели волненія одной ночи и потрясеніе отъ внезапной перемѣны въ судьбѣ.

„Аллегорія!—размышлялъ Гиллерсдонъ.—Моя жизнь шибко расходовалась со вчерашней ночи. Я жилъ быстрѣе, сердце билось вдвое сильнѣе“.

Онъ рано позавтракалъ, послѣ двухъ или трехъ часовъ тревожнаго сна, и бралъ одну книгу за другой въ мучительной невозможности приковать мысль къ одному какому-нибудь предмету, пока, наконецъ, неумолимые часы не принялись бить надъ самымъ его ухомъ и не помѣшали окончательно всякому сосредоточенію ума.

Тутъ только онъ припомнилъ, что сегодня—воскресенье. Онъ поспѣшно перемѣнилъ сюртукъ, вычистилъ шляпу и отправился въ модную церковь, гдѣ Эдита Чампіонъ имѣла обыкновеніе слушать деликатнаго дилеттанта бѣлоручку патера въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ ess-bouquet и испареніями большой толпы народа.

Органъ игралъ „Te Deum“, когда онъ вошелъ и завладѣлъ однимъ изъ послѣднихъ, остававшихся свободными, стульевъ. Ночныя похожденія утомили его сильнѣе, нежели онъ думалъ, и онъ крѣпко проспалъ одну изъ отборнѣйшихъ проповѣдей сезона и былъ въ большомъ затрудненіи, когда м-съ Чампіонъ и м-съ Грешамъ приставали къ нему съ каждой фразой проповѣдника. Къ счастію, обѣ дамы больше спѣшили высказать свои мнѣнія, чѣмъ изобличить его невѣжество.

— Онъ каждую зиму уѣзжаетъ на Ривьеру, — перескочила м-съ Чампіонъ отъ проповѣди къ проповѣднику:—онъ тамъ еще популярнѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Вы бы послушали, какъ онъ обли-

чаетъ Монте-Карло и какими страшными угрозами предостерегаетъ тѣхъ, кто туда ѣздитъ. Въ церкви пошевелиться нельзя отъ тѣсноты, когда онъ говоритъ проповѣдь.

Гиллерсдонъ пошелъ въ паркъ вмѣстѣ съ обѣими лэди, терпѣливо перенося обычный церковный парадъ, всегда докучавшій ему, несмотря на то, что онъ находился въ обществѣ Эдиты Чампіонъ, красивѣйшей изъ лондонскихъ дамъ.

Паркъ былъ прелестенъ лѣтнимъ полуднемъ; публика отборная, нарядная, благовоспитанная; но и паркъ, и публика были тѣ же, что и въ прошломъ году, и тѣ же будутъ и въ будущемъ.

Онъ пообѣдалъ съ м-съ Чампіонъ и отправился съ ней въ концертъ, и это воскресенье показалось ему длиннѣйшимъ въ жизни, болѣе безконечнымъ, чѣмъ праздничные дни дѣтства, когда ему разрѣшали читать только благочестивыя книги и запрещали всякія игры и развлеченія.

Онъ радъ былъ, когда доставилъ м-съ Чампіонъ домой; радъ былъ, когда вернулся къ себѣ на квартиру, и съ нетерпѣніемъ дожидался понедѣльника. Онъ проснулся спозаранку и поспѣшилъ въ Линкольнъ - Иннъ - Фильдсъ, какъ только можно было разсчитывать застать м-ра Крафтона въ конторѣ. Онъ желалъ вновь убѣдиться, что богатство, завѣщанное ему м-ромъ Мильфордомъ, не сонъ.

Солиситоръ встрѣтилъ его съ удвоеннымъ радушіемъ и выразилъ полную готовность содѣйствовать всѣмъ планамъ своего кліента. Все, что̀ слѣдовало предпринять по части вступленія во владѣніе наслѣдствомъ, уже сдѣлано, но юридическая процедура нѣсколько медлительна, и пройдетъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ м-ръ Гиллерсдонъ вступитъ во владѣніе своимъ имуществомъ.

— Пошлины по наслѣдству будутъ весьма значительны,— сказалъ Крафтонъ, покачивая головой, и Гиллерсдонъ почувствовалъ себя обиженнымъ.

— Видѣлись ли вы съ вашимъ пріятелемъ, м-ромъ Ватсономъ?—вдругъ спросилъ солиситоръ.

— Нѣтъ, я забылъ объ этомъ.

— Хорошо было бы, еслибы вы немедленно повидались съ нимъ и испытали его память насчетъ событія на желѣзной дорогѣ. Его свидѣтельство будетъ весьма полезно, въ случаѣ—довольно невѣроятномъ—если завѣщаніе станутъ оспаривать.

— Неужели вы опасаетесь...

— Нѣтъ, я нисколько не опасаюсь. Бѣдный старикъ Мильфордъ былъ одинокимъ существомъ. Если у него и были род-

ственники, то я о нихъ никогда не слыхалъ. Но я бы совѣтовалъ вамъ на всякій случай повидаться съ своимъ пріятелемъ.

— Да, да, я сейчасъ къ нему отправлюсь,—сказалъ Гилерсдонъ, вставая и идя къ двери.

— Нѣтъ надобности такъ торопиться. Не могу ли я чѣмъ-нибудь услужить вамъ?

— Благодарю. Я думалъ перемѣнить квартиру, но съ этимъ можно еще подождать. Я долженъ увидѣться сперва съ Ватсономъ, а затѣмъ съѣздить въ провинцію къ своимъ роднымъ. Не годится, чтобы они услышали о моемъ благополучіи отъ кого-нибудь другого. Я могу имъ сказать, не правда ли? вѣдь не можетъ случиться, чтобы это наслѣдство ушло изъ моихъ рукъ послѣ нѣсколькихъ недѣль обладанія имъ? Я не разыграю изъ себя калифа на часъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; рѣшительно нельзя этого опасаться. Завѣщаніе безподобное; очень трудно придраться къ нему даже для ближайшаго родственника. Я нисколько не боюсь.

— Дайте мнѣ еще чекъ въ пятьсотъ фунтовъ въ подтвержденіе этого! — сказалъ Гиллерсдонъ, все еще лихорадочно настроенный и раздраженный отъ одной мысли, что завѣщаніе можетъ быть оспариваемо.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ м-ръ Крафтонъ:—хотите тысячу?

— Нѣтъ, нѣтъ, пятисотъ довольно. Мнѣ въ сущности не нужны эти деньги; я хотѣлъ только провѣрить вашу готовность мнѣ ихъ дать. Благодарю васъ. До свиданія.

Извозчикъ дожидался его. Онъ велѣлъ везти себя въ Альбани, гдѣ могъ воспользоваться визитомъ къ Ватсону, чтобы поискать для себя получше квартиру.

Было еще рано, и Ватсонъ сидѣлъ за завтракомъ, который такъ длился отъ того, что онъ просматривалъ за нимъ съ полдюжины утреннихъ газетъ. Онъ не видался съ Гиллерсдономъ нѣкоторое время и встрѣтилъ его съ искреннимъ радушіемъ.

— Что вы дѣлали все это время?—спросилъ онъ, позвонивъ и приказавъ подать свѣжаго кофе. Вы вращаетесь въ очарованномъ кругѣ м-съ Чампіонъ, а ея орбита не часто пересѣкается съ моей. Но я не могу похвалить вашъ видъ. Вы совсѣмъ больны, ка[illegible]тся?

— Я плохо спалъ послѣднія ночи. Вотъ и вся моя болѣзнь. П[illegible]лите вы тотъ вечеръ въ Ниццѣ, когда вы проводили меня на [illegible]нцію желѣзной дороги послѣ цвѣточной баталіи?

— И когда вы выхватили стараго ворчуна изъ-подъ самаго

локомотива съ опасностью жизни? Конечно, помню. Курьезный старикъ, не правда ли? Онъ, кажется, собирался оставить вамъ нѣкоторую сумму по завѣщанію. Что-то въ родѣ девятнадцати фунтовъ на покупку траурнаго кольца. Онъ подробно разспрашивалъ меня про ваше имя, фамилію, родство и мѣстожительство. Онъ прошелъ со мной почти полъ-дороги по Avenue de la Gare и все время ворчалъ о потерѣ зонтика.

— Онъ сообщилъ вамъ свое имя?

— Онъ далъ мнѣ свою карточку на прощанье, но я ее потерялъ, а имя забылъ.

— И вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я спасъ ему жизнь?

— Я полагаю, что въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Я ожидалъ, что вы сами будете убиты при этой попыткѣ спасти его.

— И вы готовы засвидѣтельствовать это въ судѣ и подъ присягою?

— Сколько угодно. Но почему вы объ этомъ спрашиваете?

Гиллерсдонъ сообщилъ ему о причинѣ и о томъ, какое состояніе его ожидало.

— Такъ онъ оставилъ вамъ два милліона!—вскричалъ Ватсонъ.—Клянусь Юпитеромъ, вы родились подъ счастливою звѣздой и заслуживаете своего счастія. Вы жертвовали жизнью, —а что же больше этого можетъ сдѣлать человѣкъ!—и для незнакомаго путешественника! Добрый самаритянинъ сдѣлалъ гораздо меньше и прославился на вѣки. А вы сдѣлали гораздо больше, чѣмъ самаритянинъ. Отчего не могу я стащить креза съ рельсовъ желѣзной дороги, когда идетъ поѣздъ, или вытащить изъ воды милліонера? Отчего такое счастіе выпало на вашу долю, а не на мою? Вы были всего лишь въ десяти шагахъ отъ меня въ тотъ критическій моментъ. Ну, да такъ и быть, не стану ужъ ворчать на вашу удачу. Въ сущности, казалось бы, я не обѣднѣлъ отъ того, что пріятель сталъ богатъ. А вотъ подите, всегда чувствуешь себя злосчастнымъ нищимъ, когда другу выпадетъ неожиданное богатство. Пройдетъ много времени, прежде нежели я свыкнусь съ мыслью, что вы—милліонеръ. Что же вы теперь намѣрены съ собою дѣлать?

— Наслаждаться жизнью, какъ умѣю, такъ какъ средства къ тому есть.

— Все, что деньги могутъ дать, у васъ будетъ,—произнесъ Ватсонъ съ философскимъ видомъ.—Вы теперь можете измѣрить силу денегъ съ строгой точностью.

— Я не буду ворчать, если увижу, что есть вещи, которыхъ

деньгами не купишь,—отвѣчалъ Гиллерсдонъ.—Такъ много вещей, которыя на нихъ можно купить и которыхъ я всю жизнь желалъ.

— Ну, что-жъ, вы счастливый человѣкъ и заслужили свое счастіе, потому что совершили смѣлое дѣло, не опасаясь послѣдствій. Еслибы вы стали размышлять объ опасности, какой подвергаетесь, спасая человѣка, локомотивъ успѣлъ бы раздавить старика.

Слуга пришелъ съ кофе и прервалъ разговоръ, къ великому удовольствію Гиллерсдона, которому надоѣли комплименты его удачѣ. Его первый завтракъ состоялъ всего лишь изъ чашки чая, а потому онъ былъ готовъ вторично позавтракать съ Ватсономъ, который хвалился умѣніемъ жить и былъ знатокомъ перигорскихъ пироговъ и іоркскихъ окороковъ, и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы достать самыя свѣжія яйца и лучшее масло, какія только можно получить въ Лондонѣ.

— Итакъ, вы будете теперь наслаждаться жизнью? Понятно! Первымъ дѣломъ, конечно, женитесь?—весело сказалъ Ватсонъ.

— Я вамъ говорю, что буду наслаждаться жизнью, а первое условіе этого—свобода. Вы же воображаете, что я откажусь отъ нея для жены.

— О! пустяки! Богатый человѣкъ не лишается свободы отъ того, что женится. Въ домѣ милліонера жена—только украшеніе. Она не можетъ ни контролировать его поведеніе, ни вліять на его образъ дѣйствій. Помните, что̀ Бекфордъ говорилъ о венеціанскомъ дворянствѣ конца восемнадцатаго вѣка? Каждый знатный человѣкъ въ этомъ очарованномъ городѣ имѣлъ свой тайный пріютъ, извѣстный лишь немногимъ посвященнымъ, гдѣ онъ могъ жить, какъ ему хотѣлось, между тѣмъ какъ парадное существованіе вельможи происходило съ королевской пышностью и гласностью въ его дворцѣ на Rio Grande. Неужели вы воображаете, что венеціанскій нобльменъ этого золотого вѣка дозволялъ женѣ руководить собой? Pas si bête!

— Я никогда не женюсь, пока мнѣ нельзя будетъ жениться на женщинѣ, которую я люблю,—отвѣчалъ Гиллерсдонъ.

Ватсонъ выразительно пожалъ плечами и принялся завтракать. Онъ зналъ все, что̀ касалось м-съ Чампіонъ, и про романическую привязанность, которая длилась годы и была такъ же безнадежна и такъ же несчастна со стороны Джерарда Гиллерсдона, какъ поклоненіе Донъ-Кихота Дульцинеѣ Тобозской.

Ватсонъ, какъ человѣкъ строго практическій, не могъ понять человѣка, жертвовавшаго жизнью для добродѣтельной женщины;

но онъ понималъ противное, а именно, что жизнь и честь, доброе имя и богатство, повергаются къ ногамъ Венеры Пандемосской. Онъ слишкомъ часто былъ свидѣтелемъ вліянія низкихъ женщинъ и грязной любви, чтобы сомнѣваться въ силѣ зла надъ людскими сердцами.

Гиллерсдонъ ушелъ отъ него вò-время, чтобы попасть на Эксетерскій курьерскій поѣздъ въ Ватерло. Онъ рѣшилъ, что не долженъ оставлять долѣе своихъ близкихъ въ невѣденіи насчетъ перемѣны въ его судьбѣ. Онъ слишкомъ много доставилъ въ прошломъ хлопотъ и мученій работящему отцу и нѣжно любящей матери, и пора теперь вознаградить ихъ. Да, церковь отца будетъ реставрирована и старый приходскій домъ перестроенъ сверху до низу и превращенъ въ самое красивое, самое комфортабельное жилище...

Было еще не поздно, когда онъ вошелъ въ открытую калитку приходскаго сада: двѣ дѣвушки играли въ теннисъ на лужайкѣ по правую руку отъ длинной низкой веранды, затемнявшей окна гостиной. Одна была его сестра Лиліана, другая ему незнакома.

Лиліана увидѣла, какъ онъ подъѣхалъ, узнала его и съ крикомъ радости, бросивъ ракетку, побѣжала ему на встрѣчу.

— Я думала, ты никогда больше къ намъ не пріѣдешь,— сказала она, цѣлуя его.—Мама такъ о тебѣ тревожится. Пора, пора тебѣ было пріѣхать; у тебя совсѣмъ больной видъ.

— Всѣ точно сговорились объявлять мнѣ объ этомъ,—отвѣчалъ онъ съ досадой.

— Ты вѣрно былъ боленъ и не извѣстилъ насъ объ этомъ.

— Я такъ здоровъ, какъ и всегда, и вовсе не былъ боленъ. Двѣ или три безсонныхъ ночи, кажется, совсѣмъ обезобразили меня.

— Это виновата ужасная жизнь, какую ты ведешь въ Лондонѣ: каждый день въ гостяхъ и каждую ночь безъ отдыха и срока! Я все знаю про тебя, хотя ты рѣдко намъ пишешь. Миссъ Веръ гоститъ у насъ и все про тебя знаетъ.

— Тѣмъ лучше для нея. Ты представишь ей меня, когда я поздороваюсь съ мамà.

— Я сейчасъ ее кликну. Бѣдная мамà, она такъ по тебѣ убивалась... Мама, мама!

Джерардъ съ сестрой направились къ верандѣ, и изъ нея показалась высокая, статная женщина, радостнымъ крикомъ привѣтствовавшая блуднаго сына.

— Милый мальчикъ!

— Милая мама!

— Я такъ безпокоилась о тебѣ, Джерардъ.

— И не безъ основанія, милая мама. Я былъ очень несчастливъ и въ тугихъ денежныхъ обстоятельствахъ всего лишь нѣсколько дней тому назадъ. Но неожиданное счастіе постигло меня. Я пріѣхалъ къ вамъ съ хорошими вѣстями.

— Ты написалъ вторую книгу?

— Лучше этого.

— Ничто, по моему, не можетъ быть лучше этого.

— А что вы скажете, если я вамъ сообщу, что какой-то старикъ, котораго я видѣлъ всего разъ въ жизни, оставилъ мнѣ свое состояніе?

— Я скажу, что это похоже на волшебную сказку.

— Да, оно похоже на волшебную сказку, а между тѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Я вѣрю въ это, потому что лондонскій солиситоръ ссудилъ меня тысячью фунтами только въ виду этого наслѣдства. Я не продавалъ своей тѣни и не пріобрѣталъ peau de chagrin. Я существенно и реально богатъ, и могу сдѣлать все, что можно посредствомъ денегъ, чтобы вы, папа и Лиліана были счастливы во всю остальную жизнь.

— Значитъ, ты можешь купить мнѣ новую ракетку,— сказала сестра.—Играть этой—чистое мученіе!

Онъ пошелъ въ гостиную съ матерью, а Лиліана побѣжала извиниться передъ миссъ Веръ за неожиданное бѣгство.

Мать и сынъ сѣли рядомъ рука-объ-руку, и Джерардъ пересказалъ ей странную исторію объ его измѣнившихся обстоятельствахъ. Онъ разсказалъ ей про свои долги и отчаяніе, но скрылъ о замышлявшемся самоубійствѣ. Онъ также не смущалъ ее туманнымъ мистицизмомъ, который сталъ однимъ изъ факторовъ современной жизни. Онъ не говорилъ ей про сцену на квартирѣ Джермина и про свои тщетныя попытки разыскать эту квартиру. Онъ умолчалъ также и объ Эдитѣ Чампіонъ, хотя этотъ романическій фазисъ его жизни и былъ ей небезъизвѣстенъ.

Она пришла въ восторгъ отъ его удачи, но безъ всякихъ эгоистическихъ соображеній о благосостояніи, какое можетъ достаться теперь и ей на долю. Но среди радостныхъ изліяній заговорила и объ его здоровьѣ.

— У тебя не совсѣмъ здоровый видъ, мой дорогой! — сказа[ла] она внушительно.—Для тѣхъ, кто любитъ тебя, твое здор[овь]е важнѣе богатства.

[Э]то повтореніе непріятнаго факта разсердило его. Сегодня и[тр]етій разъ ему говорили, что онъ кажется больнымъ.

— Всѣ вы, женщины, склонны къ мрачнымъ фантазіямъ. Вы отравляете себѣ жизнь мнимыми страхами. Еслибы кто-нибудь подарилъ вамъ кохинуръ, вы бы мучились подозрѣніемъ, что это не настоящій брилліантъ, а простое стекло. Вы бы непремѣнно раскололи его, чтобы убѣдиться въ его достоинствѣ. Представьте, что у меня болитъ голова, представьте, что я не спалъ двѣ или три ночи, а потому кажусь блѣднымъ и утомленнымъ — что̀ это значитъ въ сравненіи съ двумя милліонами!

— Два милліона! О, неужели, Джерардъ, ты такъ богатъ? — спросила мать испуганнымъ тономъ.

— Говорятъ.

— Это похоже на сонъ. Просто страшно подумать, что такая куча денегъ будетъ въ распоряженіи молодого человѣка. О, Джерардъ, подумай о тысячахъ и тысячахъ людей, умирающихъ съ голода!

— Должно быть, всѣ мнѣ будутъ толковать про это! — проговорилъ онъ раздражительно. — Зачѣмъ я буду думать о голодающихъ тысячахъ? Почему именно теперь, когда у меня есть средства наслаждаться жизнью, я буду портить себѣ жизнь размышленіемъ о чужихъ несчастіяхъ? Это сводится къ тому, что человѣкъ не смѣетъ чувствовать себя счастливымъ, если его не загнали, какъ лондонскую извозчичью клячу. Это просто безуміе. Подумайте о маленькихъ дѣтяхъ, о бѣдныхъ уличныхъ ребятишкахъ, жизнь которыхъ одна сплошная мука! Да если мы будемъ объ этомъ постоянно думать, то наша жизнь будетъ отравлена. На каждую счастливую чету любящихъ придутся толпы женщинъ падшихъ и мужчинъ, стоящихъ на послѣдней ступени человѣческаго униженія. Если мы будемъ обо всемъ этомъ думать, такъ и жить будетъ нельзя. А такъ какъ всѣмъ помочь нельзя, то мы должны ограничить свои надежды и мысли семейнымъ кругомъ. Но вы, моя дорогая, можете пользоваться моимъ богатствомъ для всякихъ филантропическихъ цѣлей. Вы будете моимъ раздавателемъ милостыни. Вы станете отыскивать нуждающихся и достойныхъ помощи, и для нихъ мой кошелекъ всегда будетъ открытъ.

— Милый сынъ, я знала, что твое сердце доступно жалости.

— Но я вовсе не хочу никого жалѣть. Я хочу, чтобы вы за меня думали и дѣйствовали. Всѣ говорятъ мнѣ, что у меня усталый и больной видъ именно теперь, когда стоитъ жить. Я хочу избѣгать всякихъ волненій. Поговоримъ о веселыхъ вещахъ. Какъ здоровье „го̀вернера", или ректора, такъ какъ онъ предпочитаетъ послѣднее названіе?

— Онъ не совсѣмъ здоровъ. Прошлая зима его утомила.

— Онъ долженъ провести будущую зиму въ Санъ-Ремо или Сорренто. Вамъ стоитъ только выбрать любое мѣсто.

— Боже! и я увижу Италію прежде чѣмъ умру!

— Да, и все прекрасное, на что стоитъ только поглядѣть!

— Отецъ твой уѣхалъ въ Эксетеръ. Какой пріятный сюрпризъ будетъ для него, когда онъ вернется къ обѣду. Но тебѣ не слѣдуетъ ждать до восьми часовъ не ѣвши, послѣ дороги. Я велю подать тебѣ котлетку или жаренаго цыпленка?

— Нѣтъ, милая мама, мнѣ не хочется ѣсть. Но я видѣлъ чайный приборъ у васъ въ саду подъ вашимъ любимымъ деревомъ...

„And thou in all thy breadth and height
Of foliage, towering sycamore"...

— О, Джерардъ, это тюльпанное дерево. Твой отецъ смертельно обидится, если услышитъ, что его зовутъ сикоморомъ... Да, тебѣ подадутъ чай и свѣжихъ яицъ.

Она позвонила въ колокольчикъ и приказала подать яицъ въ смятку, горячій кэкъ, настоящій іоркширскій чай—въ саду.

— Какое счастіе опять сидѣть здѣсь съ тобой! Ты цѣлый вѣкъ не былъ у насъ, если не считать послѣдняго торопливаго визита на Рождествѣ.

Джерардъ вздохнулъ, сознавая всю справедливость упрека. Всякое лѣто въ послѣдніе годы онъ проводилъ не дома: въ Тиролѣ, въ Швеціи, въ Шотландіи, въ Вестморлэндѣ, въ Карлсбадѣ, вездѣ, куда прихоть м-съ Чампіонъ или „леченіе" м-ра Чампіона привлекали ее и ея сателлита. Онъ велъ не болѣе независимую жизнь, чѣмъ одинъ изъ спутниковъ Юпитера, бывъ вынужденъ вращаться въ орбитѣ своей планеты.

Онъ пошелъ въ садъ съ матерью, и его представили тамъ миссъ Веръ, красивой дѣвушкѣ съ повелительнымъ видомъ и сознаніемъ своей красоты, которая тотчасъ же заговорила съ нимъ о различныхъ домахъ въ Лондонѣ, гдѣ они могли встрѣчаться.

— Вы, кажется, знакомы съ м-съ Чампіонъ?—спросила миссъ Веръ съ невиннымъ видомъ.—Она большая пріятельница моей кузины, м-съ Гарперъ.

— М-съ Теодоръ Гарперъ?

— Да, м-съ Теодоръ.

— Я хорошо ее знаю; очень хорошенькая женщина.

— Да,—отвѣчала миссъ Веръ снисходительно, такъ какъ она была гораздо красивѣе и знала это.—Но не находите ли

вы, что съ ея стороны очень глупо всюду таскать за собой своего сына?

— О! въ этомъ отношеніи я считаю ее совершенной глупой. Общество ребенка въ итонской курточкѣ вовсе не слѣдовало бы навязывать взрослымъ мужчинамъ и женщинамъ. Я думаю, что она таскаетъ его всюду за собой только затѣмъ, чтобы слышать восклицанія: „Какъ! это вашъ сынъ, м-съ Гарперъ? быть не можетъ! Какъ можетъ быть у васъ двѣнадцатилѣтній сынъ, когда вамъ самимъ не больше двадцати-двухъ лѣтъ?“...

Лиліана съ матерью съ улыбкой слушали этотъ свѣтскій разговоръ, не подозрѣвая объ его искусственности.

Лиліана была еще наивна какъ ребенокъ и съ восхищеніемъ глядѣла на величественную миссъ Веръ, удивляясь ея изысканнымъ туалетамъ, ея апломбу и свѣтской опытности. Она удивлялась—какъ могла блестящая миссъ Веръ переносить скуку провинціальнаго приходскаго дома, а ей и въ голову не приходило, что миссъ Веръ искала этой тихой пристани, чтобы отдохнуть отъ треволненій свѣтской жизни.

— Я чувствую себя такой счастливой съ вами!—говорила она.—Я оставляю въ Лондонѣ свою француженку горничную вмѣстѣ съ пудрой и переселяюсь въ атмосферу Мильтоновскаго „Allegro“.

Она могла бы прибавить, что въ этомъ клерикальномъ уединеніи она не даетъ себѣ труда подводить брови и глаза и румянить щеки. Здѣсь жизнь ея проходила большею частію на воздухѣ, и она понимала, что при такихъ условіяхъ искусственный цвѣтъ лица будетъ неумѣстенъ.

А. Э.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЛИВЕНЬ.

Изъ венгерскихъ мотивовъ А. Сабо.

Что̀ можетъ быть скучнѣй осеннихъ непогодъ?..
Застывшая волна тяжелаго тумана
Нависла надъ землей, и плачетъ неба сводъ...
Докучный дождь въ окно стучится неустанно...
Осенній, тихій дождь—безсильный плачъ рабы,
Отдавшейся врагу покорно, безъ борьбы,
Тоскующей въ цѣпяхъ о радостяхъ свободы...
Какъ жалокъ этотъ плачъ осенней непогоды!..

Веселый майскій дождь въ груди моей будилъ
Не мало чудныхъ грёзъ, когда я былъ моложе,
Когда еще стихи и женщинъ я любилъ...
Теперь... теперь и онъ не по душѣ мнѣ тоже!
Ужъ слишкомъ нѣжно онъ воркуетъ и поетъ!
Лазурный неба сводъ за тучкою сквозною,
Привѣтливо смѣясь, любуется землею
И слезы радости сентиментально льетъ!..

Ю зной меня томитъ, и ливень—мнѣ отрада!..
Венецъ угрюмыхъ тучъ одѣнетъ небеса,
Ударитъ тяжкій громъ и, какъ въ испугѣ стадо,
Іодъ вихремъ задрожатъ дремучіе лѣса!..

И ливень упадетъ изъ пасти черной тучи,
Обрушится съ небесъ,—и грозный, и могучій,
Волною смоетъ грязь и пыль съ лица земли
И гадовъ унесетъ, таящихся въ пыли!..
Ужъ слишкомъ тяжело, когда рыдаютъ грозы!..
Заслыша этотъ плачъ, земная тварь дрожитъ:
Вѣдь тотъ, изъ чьихъ очей текутъ такія слезы,
И молнію, и громъ въ груди своей таитъ!..

II.

МОРЕ.

1.

Ночь бушуетъ...
На берегъ, на берегъ скорѣй!
Мчится буря на вольномъ просторѣ
И на битву съ позоромъ и гнетомъ цѣпей
Высылаетъ бойцовъ своихъ море!..
Это—грозные духи надъ бездной морской
На коняхъ исполинскихъ несутся...
Ихъ покровы сверкаютъ во тьмѣ бѣлизной
И причудливо складками вьются...
Это—грозныя волны на черный утесъ
Налетаютъ могучею ратью
И предъ смертью, полны безпощадныхъ угрозъ,
Предаютъ исполина проклятью!..
Пусть бойцы твои, море, погибнутъ въ борьбѣ:
Ты смиришься... Но буря застонетъ, —
И родитъ она новыя рати тебѣ
И опять на врага ихъ погонитъ
Пусть отъ вѣка утесъ недвижимо стоитъ,
Надъ твоими бойцами смѣется,—
Вѣдь ты вѣришь, что рухнетъ тяжелый гранитъ
И твоею волной захлебнется!..

И шумитъ океанъ, необъятно великъ;
И сильнѣй и грознѣй непогода!..
И сливается съ ней мой восторженный крикъ:
Свобода, свобода!..

2.

Отраженное гладью морской,
Небо въ ризы свои голубыя
Одѣваетъ пучины нѣмыя,—
Легъ на воды покровъ голубой...
Грезитъ море во снѣ безмятежномъ
И колышетъ дыханьемъ покровъ...
Какъ волокна былыхъ облаковъ,
Таютъ думы въ просторѣ безбрежномъ...
Набѣгаетъ на берегъ волна
И къ песку золотистому льнетъ...
И—истомы и нѣги полна—
Колыбельную пѣсню поетъ!..

„Твой теперь я... Былое забудь,
О грядущемъ не думай съ тоскою:
Вѣдь теперь я, голубка, съ тобою
И любовью полна моя грудь...
Вѣчно ль дремлетъ бездонное море?..
Были бури,—и будутъ опять...
Но теперь необъятная гладь
Замечталась на вольномъ просторѣ“...
Набѣгаетъ на берегъ волна,
И къ песку золотистому льнетъ,
И—истомы и нѣги полна—
Колыбельную пѣсню поетъ!..

3.

Умереть я хотѣлъ бы у моря... На берегъ отлогій
Принесите меня; помогите мнѣ сѣсть на песокъ
И уйдите... На сердцѣ утихнутъ былыя тревоги
И лицо мое влажнымъ крыломъ опахнётъ вѣтерокъ!..
Нѣтъ безумнаго страха, тоски безнадежной во взорѣ...
Жизнь и смерть—это море и небо... Они предо мной —
Тихо спящее небо и шумно-мятежное море
И туманная, тайная вѣчность за гранью земной...
Какъ дыханье волны, уношусь я въ лазурь небосвода
И глухіе удары прибоя стихаютъ вдали...
Пали бренныя цѣпи, тяжелыя цѣпи земли...
Кто-то шепчетъ: Свобода, свобода!..

В. Гессенъ.

ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ

—В. Я. *Стоюнинъ*. Педагогическія сочиненія. Спб. 1892.

Мы желали бы обратить вниманіе читателей на эту книгу, которая, какъ намъ кажется, мало была замѣчена нашей критикой. Вопросы, которые въ ней затрогиваются и выясняются, исполнены такого глубокаго жизненнаго значенія, что она, повидимому, должна была бы встрѣтить сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, любопытство у всѣхъ, кому не чужды интересы нашей общественности и кто желалъ бы сознательно въ нихъ осмотрѣться и дать себѣ отчетъ. Если бы вопросы оказались спорными, то изслѣдованія одного изъ замѣчательнѣйшихъ и достойнѣйшихъ русскихъ педагоговъ,—какимъ былъ Стоюнинъ,—собранныя теперь въ одно цѣлое и получившія здѣсь извѣстную систему и единство, эти изслѣдованія могли бы, по крайней мѣрѣ, вызвать споръ, новое опредѣленіе фактовъ. На дѣлѣ, мы этого не встрѣчали. А книга даетъ о чемъ подумать.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей, по поводу одной книжки, которая порадовала его здравымъ взглядомъ на свойства дѣтской природы, подлежащей нашимъ „воспитательнымъ мѣрамъ", Стоюнинъ (въ 1884 году) съ прискорбіемъ говорилъ о томъ, что вообще, и за послѣднее время особенно, наши школьные педагоги не занимались вопросами этого рода, обращая свое вниманіе лишь на классное обученіе по даннымъ программамъ. Причину малаго вниманія нашихъ педагоговъ къ этой существенной задачѣ воспи-

танія Стоюнинъ видѣлъ въ ихъ собственномъ одностороннемъ образованіи. „Въ огромномъ большинствѣ они (наши школьные педагоги) не изучали природы, почти совсѣмъ незнакомы научно съ законами органической жизни, и потому не въ состояніи съ этой стороны наблюдать надъ развитіемъ дѣтской природы и изъ своихъ наблюденій дѣлать самостоятельные выводы. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ сознаютъ этотъ недостатокъ и не замѣчаютъ, что всѣ ихъ усилія въ исключительно-преподавательной сферѣ увѣнчивались бы значительно бо̀льшимъ успѣхомъ, если бы они могли освободиться отъ своихъ одностороннихъ взглядовъ на школьное обученіе. Благодаря всему этому, и въ нашей педагогической литературѣ уже за много лѣтъ не являлось рѣшенія крупныхъ педагогическихъ вопросовъ, на основаніи научныхъ данныхъ, которыя бы просвѣтляли взгляды на общее воспитаніе въ обоихъ его періодахъ—семейномъ и школьномъ“ [1]).

Можно прибавить, что, кромѣ указаннаго недостатка, школьные педагоги имѣютъ и другой: чтобы ихъ взгляды на воспитаніе просвѣтлились, имъ нужно было бы имѣть больше свѣдѣній и сознательнаго пониманія исторіи нашей общественности. Только на этомъ историческомъ основаніи, вмѣстѣ съ здравой оцѣнкой настоящаго, выросшаго изъ прошедшихъ условій и современныхъ потребностей, возможно правильное пониманіе тѣхъ задачъ, какія имѣетъ русская школа, отъ низшей до высшей, тѣхъ потребностей, служеніе которымъ одно можетъ дать ей истинно національное значеніе и глубоко благотворное дѣйствіе.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Стоюнинъ принадлежалъ къ небольшому числу нашихъ педагоговъ, умѣвшихъ выработать себѣ исторически широкій взглядъ на нашу школу и ея назначеніе. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ въ той области практическаго преподаванія, которая была его спеціальностью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хорошо подготовленный историкъ русскаго общества. Его сочиненія о Княжнинѣ, Кантемирѣ, Шишковѣ указывали близкое знаніе дѣла, свойственное спеціалистамъ; книга о Пушкинѣ составляетъ, хотя не детальную, но едва ли не лучшую до сихъ поръ біографію поэта; одинъ изъ его учебниковъ [2]) есть опять едва-ли не лучшій, учебный, обзоръ исторіи русской литературы со стороны ея внутренняго содержанія и развитія; наконецъ, его сочиненія, посвященныя исторіи нашей школы

[1]) Стр. 548. Стоюнинъ говорилъ это по поводу книжки г. Лесгафта: „Школьные типы“, которая внушила ему статью: „Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ“.

[2]) „Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы“—нѣсколько изданій съ 1869 до 1876.

воспитанія [1]), доставляютъ одинъ изъ лучшихъ обзоровъ этой стороны нашей общественной исторіи. Приготовленный этими историческими изученіями, Стоюнинъ видѣлъ и въ судьбахъ нашей школы и воспитанія не случайную смѣну системъ и направленій, а такое же историческое явленіе, какимъ бываетъ цѣлая общественная жизнь: успѣхи школы были плодомъ тѣхъ лучшихъ элементовъ, какіе развивались въ просвѣщеннѣйшей части общества; ея упадокъ совпадалъ съ наступленіемъ періодовъ реакціи. Будущее нашей школы зависитъ отъ успѣховъ или паденій просвѣщенія; забота о ней должна быть глубочайшимъ интересомъ истиннаго патріотизма и сливается съ заботой объ успѣхахъ науки въ нашемъ обществѣ, объ успѣхахъ общественнаго и народнаго самосознанія.

Очевидно, это—не точка зрѣнія „школьныхъ педагоговъ", о которыхъ было говорено выше; это—точка зрѣнія мыслящаго человѣка, съ широкимъ историческимъ взглядомъ, съ идеалами, выработанными въ образованнѣйшемъ кругу нашего общества, въ наиболѣе свѣжихъ, одушевленныхъ слояхъ нашей литературы. Въ біографіи Стоюнина, составленной г. Сиповскимъ [2]), читатель найдетъ главныя черты его несложной біографіи—матеріальную нужду, но вмѣстѣ идеалистическіе порывы дѣтства и юности, десятки лѣтъ тяжелаго педагогическаго труда, вознагражденнаго горячими сочувствіями его учениковъ и товарищей, и однако омрачаемаго недоброжелательствомъ обскурантовъ, учебную и научную дѣятельность, достоинства которой мы выше указывали. Жизнь отозвалась на его сосредоточенномъ, какъ будто нелюдимомъ характерѣ, но ея испытанія не измѣнили того выдержаннаго, стойкаго идеализма, которому онъ остался вѣренъ до послѣднихъ своихъ дней. Біографія не разсказываетъ подробностей того, какъ сложилось это міровоззрѣніе: гимназическая школа, которую онъ проходилъ (въ Петербургѣ), не была изъ удачныхъ; въ университетѣ онъ былъ на восточномъ факультетѣ, который онъ выбралъ, чтобы избѣжать въ будущемъ рутиннаго чиновничества и который, однако, не далъ ему живого преподаванія, способнаго увлечь въ оріентальную науку. Основой внутренняго его развитія остались врожденные задатки благородныхъ поэтическихъ стремленій, но эти задатки, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ трудовъ, несомнѣнно были поддержаны литературой. Его болѣе сознательная юность, когда установляются понятія, намѣчается дѣятельность, — эта

Въ особенности статья его: „Наша семья и ея историческія судьбы", 1884.

Она была помѣщена первоначально въ „Вѣстникѣ Европы" (1889, мартъ) и пост[illegible] при настоящемъ изданіи „Педагогическихъ сочиненій".

юность приходится ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ [1]): онъ былъ тогда въ университетѣ, курсъ котораго кончилъ въ 1850. Это былъ питомецъ сороковыхъ годовъ.

Время было, по внѣшнему складу жизни, мало благопріятное для развитія стремленій того рода, какими онъ былъ одушевляемъ; но какъ у самихъ литературныхъ руководителей той эпохи именно въ тѣхъ мудреныхъ условіяхъ сложился, въ тѣсномъ кругу друзей, самый крайній, утонченный идеализмъ, такъ и въ молодомъ тогдашнемъ поколѣніи питалось, въ тиши и въ замкнутыхъ натурахъ, настроеніе, жадно ожидавшее лучшихъ временъ. Молодое поколѣніе готовилось къ этимъ временамъ и дѣйствительно нашло ихъ въ первые годы прошлаго царствованія.

Въ университетѣ онъ, наперекоръ своей принадлежности къ восточному факультету, пишетъ диссертацію по русской литературѣ, на тему, заданную филологическимъ факультетомъ, и затѣмъ другую диссертацію по вопросу о наукѣ и искусствѣ. Это уже указываетъ его тогдашніе вкусы; впослѣдствіи, первая крупная работа, съ которой началась его литературная извѣстность, была опять посвящена исторіи русской литературы (изслѣдованіе о Княжнинѣ). Въ началѣ 50-хъ годовъ матеріальныя нужды семьи заставили его искать педагогической службы, и онъ сталъ преподавателемъ русскаго языка и словесности. Въ тѣ же годы, въ разгаръ Крымской войны, онъ сдѣлалъ поѣздку по Россіи: онъ желалъ видѣть историческія мѣстности,—но, за немногими исключеніями, старинные города, „обломки разрушеннаго", мало удовлетворили его; взамѣнъ, современная дѣйствительность оставила въ немъ сильныя и именно подавляющія впечатлѣнія. Это былъ критическій пунктъ въ нашей общественной и цѣлой государственной исторіи. Прежній порядокъ вещей видимо изживалъ свое время; упадокъ бросался въ глаза, потребность въ иныхъ началахъ жизни чувствовалась настоятельно. По словамъ біографа, это время и опредѣлило окончательно общественные взгляды Стоюнина. Его прежнія неясныя „идеальныя стремленія, влекшія его къ какой-то широкой дѣятельности, и притомъ свободной, не гнетущей надъ духомъ", теперь все болѣе выяснялись: нужна была работа для просвѣщенія, для нравственнаго воспитанія общества.

Странно сказать, но во время упомянутой поѣздки, не только въ провинціи, но и въ самой Москвѣ, его поражалъ недостатокъ патріотизма въ то время, когда шла въ Крыму страшная борьба.

---

[1]) Онъ род. въ 1826.

Въ своемъ дневникѣ 1855 года онъ пишетъ, напр., слѣдующія безнадежныя строки:

„Боже мой, когда присмотришься и прислушаешься ко всему тому, чтó дѣлается въ городахъ, какъ тяжело дѣлается на душѣ, какъ мало утѣшительнаго, какъ страшно за Россію! Гдѣ этотъ патріотизмъ, которымъ она хвалится, гдѣ эта преданность къ отчизнѣ? Разумный патріотизмъ высказалъ нѣсколько только одинъ Петербургъ; во всѣхъ прочихъ городахъ нѣтъ его рѣшительно. Въ подтвержденіе этого вижу и слышу факты одинъ за другимъ. Отечество не существуетъ здѣсь ни для дворянъ, ни для купцовъ; существуютъ только ихъ собственныя выгоды. Служащіе стремятся наживаться на счетъ казны и людей, съ которыми имѣютъ дѣло; помѣщики на счетъ крестьянъ, купцы и мѣщане на счетъ всѣхъ. Если бы могли знать, съ какимъ трудомъ выжимаютъ здѣсь всѣ пожертвованія, о которыхъ громко возвѣщаютъ въ газетахъ... во многихъ уѣздахъ съ трудомъ могли набрать офицеровъ для ополченія и то кое-какихъ бездомныхъ. Даже Москва, которая издавна такъ хвалится патріотизмомъ, и та въ настоящее время высказала жалкій, гнилой патріотизмъ. Она много кричала, но какъ дошло до дѣла, то нужно было всѣхъ принуждать почти силою, чтобы не осрамить первопрестольной... всѣ дѣйствуютъ только для себя, а любовь къ отечеству выражаютъ только однимъ хвастливымъ крикомъ, а не дѣломъ. Приглядѣвшись ко всему этому, благодаришь Бога, что у насъ еще такъ сильно царское слово. Что же можетъ сдѣлать одинъ царь со всѣми своими благородными стремленіями, когда для исполненія ихъ не найдется и сотни безкорыстно преданныхъ отечеству? Люди продажные, люди жалкіе, прикрытые разными благовидными масками. Крестьянинъ стоитъ выше ихъ всѣхъ; только одни крестьяне нынче высказали безкорыстную любовь къ родинѣ; только одни они и судятъ, что царю нужны люди, и весело идутъ въ ратники, хотя, можетъ быть, терпятъ больше всѣхъ. А этотъ-то народъ во власти самыхъ испорченныхъ людей. Господи, Господи, до чего они доведутъ Россію, какого благосостоянія ждать ей!“

Къ сожалѣнію, факты были наглядны и не могли остаться безъ результата для всѣхъ дальнѣйшихъ размышленій о русской жизни. Для человѣка, ставившаго себѣ эти общественные вопросы, с[illegible] собой представлялись соображенія объ историческомъ ходѣ т[illegible] жизни, которая приводила къ подобнымъ результатамъ. Фат[illegible]ныя неудачи Крымской войны, рядомъ съ необычайными под[illegible]ами личнаго мужества, которые еще болѣе освѣщали общій и[illegible]альный ходъ вещей, какъ извѣстно, поразили, наконецъ,

цѣлое общество и произвели тотъ небывалый поворотъ общественнаго мнѣнія, который сталъ началомъ „періода реформъ". Молодое поколѣніе было возбуждено всего болѣе. Стоюнинъ въ это время уже приближался къ зрѣлой порѣ жизни и если, повидимому, не впадалъ въ слишкомъ сентиментальныя увлеченія, то тѣмъ лучше могъ сознавать все серьезное значеніе совершавшагося поворота. Историческія изученія помогли ему еще болѣе выяснить тѣ впечатлѣнія, какія дала ему непосредственная жизнь. Какъ для множества другихъ людей той эпохи, такъ и для него, событія Крымской войны и начало новаго царствованія стали основой цѣлаго міровоззрѣнія, сохранившагося на всю жизнь: оно поставило съ тѣхъ поръ ясную задачу общественную и лично-нравственную — служеніе дѣлу просвѣщенія и общественной самодѣятельности, въ которыхъ видѣлся и дѣйствительно былъ единственный залогъ лучшаго будущаго для общества и цѣлаго народа.

Въ своихъ послѣдующихъ трудахъ Стоюнинъ не однажды обращался къ этой эпохѣ, какъ историческому уроку, который раскрылъ намъ глаза на существенные пороки русской жизни и давалъ указанія о томъ пути, который могъ привести къ лучшимъ условіямъ національной жизни.

Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ вопросовъ, взволновавшихъ тогда общественное мнѣніе, рядомъ съ вопросами о бытовыхъ реформахъ, былъ вопросъ о воспитаніи, поднятый въ извѣстныхъ статьяхъ Пирогова и Бёма. Въ 1860 году Стоюнинъ принялъ участіе въ спорахъ о постановкѣ нашего гимназическаго обученія и начиналъ свою статью слѣдующими словами:

„Нравственные недостатки русскаго общества, безпрестанныя безнравственныя явленія, на которыя большинство стало смотрѣть хладнокровно, какъ на явленія обыкновенныя, житейскія, или какъ на неизбѣжное зло, господство личныхъ интересовъ надъ общественными, неуваженіе личности человѣка и проч., вызвали, наконецъ, къ гласности такія лица, которыя, слѣдя за европейскимъ просвѣщеніемъ, хорошо понимали это неестественное и больное состояніе общества. Они указали ему на ту бездну, надъ которой оно стоитъ. И вотъ оно встрепенулось, затронутое еще передъ этимъ нашими неуспѣхами въ послѣдней войнѣ. Его самолюбіе было сильно задѣто, а оно, какъ извѣстно, составляетъ въ дѣятельности одну изъ важныхъ силъ. Тогда уже всѣ, и приготовленные и неприготовленные, стали разсуждать объ общественныхъ вопросахъ, придумывать средства исправленія, составлять разные планы, предлагать свои соображенія и проч. Одни писали, другіе съ жадностію читали. Нечего говорить, что бол[illegible]я

часть изъ всего написаннаго представляетъ самыя шаткія понятія о гражданской жизни, самыя странныя убѣжденія, развившіяся не на научной основѣ, а на однихъ дѣдовскихъ преданіяхъ,—самые близорукіе взгляды, которые дальше своего муравейника не видятъ ничего, самое малое знакомство съ дѣломъ, о которомъ начали говорить. Какъ бы то ни было, но и эти голоса обрадовали благоразумнаго наблюдателя: въ нихъ выразилось ясное громогласное сознаніе въ необходимости реформы, сознаніе,—что въ такомъ положеніи оставаться намъ болѣе нельзя“.

Эти начатки общественнаго мнѣнія, появившіеся въ ту пору, когда заканчивалась Крымская война, бывали не всегда удачны, всего чаще поверхностны, но, по крайней мѣрѣ, заставляли думать. „Лица образованныя и знающія дѣло, разбирая общественные вопросы, выходя изъ разныхъ пунктовъ и переходя отъ ближайшихъ причинъ къ дальнѣйшимъ, всѣ, наконецъ, пришли къ одному заключенію: не подѣйствуютъ на общественную нравственность никакія сатиры и проповѣди, никакія нападки и убѣжденія, никакіе законы и наказанія, никакія теоріи и формальныя преобразованія, если не будутъ уничтожены коренныя причины безнравственныхъ и беззаконныхъ явленій, если не будутъ устранены препятствія, подавляющія развитіе здравыхъ идей въ массѣ и стѣсняющія полезную дѣятельность“ [1]).

Позднѣе, уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, Стоюнинъ вспоминаетъ о тѣхъ же временахъ и даетъ, между прочимъ, автобіографическіе намеки на то, какъ передъ тѣмъ развивались его собственныя мысли... Прежняя школа была исключительно государственная; внѣ всякаго участія и самодѣятельности общества, она воспитывала молодыя поколѣнія только для цѣлей государственнаго служенія: какіе же она принесла плоды?

„Плоды рѣзко выказались въ Крымскую войну, когда пришлось русскимъ образованнымъ людямъ заявить себя на чистоту и сдавать передъ Европою строгій экзаменъ, чтобы показать, много ли у насъ научныхъ познаній, много ли развитого ума, много ли честности, насколько мы сравнялись съ образованною Европою, насколько можемъ оправдать свое презрительное отношеніе къ новѣйшей европейской наукѣ. И на этомъ-то кровавомъ экзаменѣ пришлось убѣдиться всѣмъ, что наша школа не давала т[illegible] что именно было нужно государству и народу. Если прус-с[illegible] фельдмаршалъ Мольтке утверждалъ, что нѣмцы, торжествуя н[illegible] своими врагами, обязаны тѣмъ школьному учителю, то мы

[1]) [illegible]тр. 226—227.

должны признаться, что за свои неудачи и пораженія мы обязаны нашей школѣ. Только виноватъ тутъ былъ не школьный учитель, а та давняя фальшь, которая была положена съ основанія школы, та полицейская педагогика, которая развилась у насъ въ школьномъ дѣлѣ, то неправильное отношеніе государства къ воспитанію, образованію и вообще къ народному просвѣщенію.

„Урокъ былъ данъ понятный и чувствительный. Всѣ, повидимому, сознавали громадную государственную ошибку. Всѣ сразу убѣдились, до какого плачевнаго результата должна довести исключительная опека государства надъ всѣми народными силами. Разочарованіе было страшное: сильный и храбрый народъ оказался безсильнымъ передъ образованными врагами; общественныя его силы придавлены; а государство увидѣло себя обманутымъ тѣми самыми, которые воспитались въ его школахъ въ томъ духѣ, какой оно считало самымъ твердымъ и надежнымъ.

„Идти далѣе по старому пути было уже невозможно. Пришлось сознаться, что исключительная государственность въ народной жизни, подавляющая общественный духъ, еще не составляетъ силы. Нужно было жизни дать другія основы; нужно было вызвать къ жизни общественныя силы, дать возможность сложиться какому-нибудь самостоятельному обществу. Въ этомъ духѣ начинаются благодѣтельныя преобразованія. Признается земство, какъ законная народная сила; въ основаніе общенародной жизни полагается свободный трудъ, общественное самоуправленіе и наука. Къ нашему счастію, наука не была совершенно забыта прежними школами. Являлись даровитыя личности, которыя *мимо школы* съумѣли образовать себя и усвоить себѣ европейскую науку, искажаемую въ школахъ по усмотрѣнію государственныхъ педагоговъ. Въ тяжелое время для науки эти личности соединялись въ небольшіе *кружки, съ опасностью* навлечь на себя полицейское подозрѣніе въ политическихъ замыслахъ. Они-то и являлись лучшими дѣятелями въ годы преобразованія и помогли государству выполнить великое дѣло. Безъ нихъ съ несостоятельными воспитанниками старыхъ школъ трудно было бы ему вызвать народъ къ новой жизни.

„Такимъ образомъ создалось у насъ новое гражданское общество; до того времени у насъ были только гражданскіе чиновники въ противоположность военнымъ. Съ этимъ вмѣстѣ и образованные люди получили свое значеніе, какъ интеллигентное общество, которое можетъ имѣть свое мнѣніе и свободно выражать его въ печати. Все это признано и утверждено госуд р-

ственнымъ закономъ,—значитъ, и должно считаться явною и главною основою новой русской жизни" [1]).

И еще разъ, въ своей послѣдней обширной работѣ, Стоюнинъ обращается къ той эпохѣ, которая, по его мнѣнію, и на самомъ дѣлѣ, была переломомъ въ жизни русскаго общества. Приводя взгляды Бѣлинскаго на такъ-называемое „общество" той эпохи, Стоюнинъ комментируетъ его собственными замѣчаніями о нашей общественной жизни *до реформы*. „...Это не люди, нравственно связанные между собою какими-либо общими *интересами жизни* или гражданскими стремленіями, а люди, соединенные въ одно *формами жизни*,—это полкъ, одѣтый въ одинаковую форменную одежду, двигавшійся стройно по командѣ. Всесильна была форма жизни, а какое же было содержаніе этой жизни и какія нравственныя ея основы? За формами жизни, облеченной въ мундиръ, скрывались взятки, хищенія, крѣпостническія отношенія ко всѣмъ, кто не возвышался до этого *общества*. Эти формы, выработавшіяся подъ вліяніемъ табели о рангахъ, сдѣлались проводниками въ *свѣтъ* и окоченѣли: нарушать ихъ стало преступленіемъ, являлось своего рода noblesse oblige. Эти формы сковывали всѣ понятія, дѣлали ихъ неподвижными и умерщвляли всякую новую живую мысль. Въ нихъ выражался образъ чиновника, но не могъ выразиться образъ человѣка въ нравственномъ смыслѣ; тамъ онъ (человѣкъ), напротивъ, задыхался, и если хотѣлъ уцѣлѣть, то становился въ сторону. Вотъ какое было это общество, для котораго членовъ воспитывала не семья по какимъ-либо своимъ идеаламъ, а казна по общимъ уставамъ, которые и составляли всю педагогію и психологію... И все, казалось, шло въ порядкѣ... Но вдругъ, при первомъ столкновеніи съ Европою, передъ которою мы кичились своею политическою военною силою, оказалось наше жалкое ослѣпленіе: формы жизни, соединившія всѣхъ въ одно общество, оказались безъ всякаго внутренняго содержанія. Стало яснымъ, что для живого общества, способнаго понимать и защищать интересы своей родины, кромѣ формъ нужно еще что-то такое, что̀ вызываетъ высшіе нравственные и общественные идеалы, что̀ развиваетъ понятіе о службѣ родинѣ, не тожественное съ существовавшимъ понятіемъ о чиновничьей службѣ. Другими словами, у насъ не оказалось настоящаго общества, а была только п[illegible]ика, которая для развлеченія всегда сходилась на разныя [illegible]чища подъ присмотромъ и защитою полиціи, и которая со-

[1] Стр. 345—347.

вершенно растерялась при неожиданномъ взрывѣ севастопольскихъ стѣнъ и кораблей.

„Затѣмъ наступила другая эпоха. Передъ растерянной и потрясенной публикой заговорили тѣ немногочисленные кружки, которые въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ образовались *въ сторонѣ* отъ *общества* и которые, благодаря нашимъ университетамъ, постарались воспитать въ себѣ идеальныя стремленія. Они понимали, въ чемъ заключается зло русской жизни и какихъ нравственныхъ основъ недостаетъ ей, чтобы свободно развиваться и крѣпнуть. Во главѣ ихъ явился покойный государь Александръ Николаевичъ, который, благодаря, можетъ быть, вліянію своего воспитателя Жуковскаго, воспиталъ въ себѣ тѣ же самыя идеальныя стремленія, несмотря на самую неблагопріятную для того атмосферу, его окружавшую. И вотъ сокрушено крѣпостное право, а за нимъ положены новыя основы для русской общественности“ [1])...

Взгляды самого Стоюнина окончательно сложились именно въ смыслѣ этихъ идеальныхъ стремленій, и проникаютъ съ тѣхъ поръ всю его дѣятельность. Такимъ образомъ, онъ является типическимъ представителемъ педагога эпохи реформъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ: этотъ типъ, къ великому прискорбію все рѣдѣющій въ нашемъ обществѣ и незамѣняемый новымъ поколѣніемъ, займетъ нѣкогда высокое мѣсто въ исторіи нашего общественнаго образованія и оцѣненъ въ его достоинствахъ общественныхъ и педагогическихъ. Къ этому самому типу принадлежали К. Д. Ушинскій, А. Я. Гердъ, В. В. Водовозовъ, баронъ Н. А. Корфъ, Ѳ. Ѳ. Резенеръ и еще немногіе педагоги той эпохи и того же нравственнаго склада, донынѣ дѣйствующіе; въ этомъ кругу искали примѣненія воспитательныхъ идей, изложенныхъ въ знаменитой статьѣ Пирогова, которая высказала (хотя только частію) мысли, уже давно созрѣвшія въ средѣ мыслящихъ людей. Въ тѣ годы именно въ особенности поднялась, какъ никогда, педагогическая литература, въ которой стали разбираться вопросы воспитанія и, впервые, народной школы. Стоюнинъ принялъ живое участіе въ этой литературѣ. На первое время, подъ вліяніемъ общаго возбужденія, питались розовыя надежды на будущее преобразованіе и русской школы въ томъ новомъ духѣ развитія, который считался обезпеченнымъ для цѣлой русской жизни. Какъ извѣстно, однако, эти розовыя надежды держались недолго. Слишкомъ застарѣлы были до-реформенные нравы, и [illegible]

[1]) Стр. 91—92.

вскорѣ началось и въ администраціи, и въ обществѣ обратное теченіе: то, что еще наканунѣ считалось необходимымъ условіемъ народнаго возрожденія, нравственнымъ долгомъ общества, стало получать снова прежнюю квалификацію вольнодумства или, въ лучшемъ случаѣ, кабинетной теоріи, слишкомъ „рановременной“, неприложимой къ „духу“ русскаго народа. Педагоги-идеалисты, не измѣнившіе своимъ стремленіямъ, должны были выносить тяжелую борьбу — не столько съ какой-либо открытой системой педагогическихъ мнѣній, сколько съ мелкой интригой и закулиснымъ доносомъ. Въ условіяхъ времени и лицъ борьба была непосильна, и въ біографіи Стоюнина читатель найдетъ факты,— или собственно, впрочемъ, найдетъ пока только намеки на факты.

Какъ измѣнилось время и какъ Стоюнинъ относился къ этому измѣненію, увидимъ изъ слѣдующихъ его словъ. То реакціонное направленіе, которое наступило вскорѣ послѣ періода реформъ и шло затѣмъ все усиливаясь, Стоюнинъ считалъ прямо вреднымъ, гибельнымъ для самого государства. Когда въ рядѣ реформъ государство закономъ признало новыя основы жизни, ему не могло быть выгодно отказываться отъ нихъ, такъ какъ „оно уже прежде очень чувствительно испытало слѣдствія своего ложнаго положенія передъ подавленными силами народа, при всеобщемъ вынужденномъ молчаніи“. Въ этомъ ручательство за прочность новыхъ основъ народной жизни. „Мы говоримъ здѣсь о государствѣ,—писалъ Стоюнинъ въ 1881 году, по поводу раздававшихся тогда голосовъ противъ періода реформъ,—а не о тѣхъ людяхъ, которые изъ прежней школы вынесли одну близорукость и вздумали быть государственными болѣе, чѣмъ требовало само государство своими новыми законами. Подъ видомъ борьбы за права государства, они стали отстаивать свои личныя выгоды и, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, старались всячески мѣшать обществу развиваться на новыхъ основаніяхъ, признанныхъ закономъ. Они не замѣчали, что оказываютъ дурную услугу государству, потому что колеблютъ его законы, ставятъ его въ двусмысленное положеніе передъ тѣмъ обществомъ, которое оно само вызывало къ жизни, снова ставить его въ ложное положеніе. Правда, они уже много сдѣлали зла, вызвавъ явленія, какихъ, можетъ быть, не ожидали и сами, … тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что они безсильны уничто… ь тѣ основы, изъ которыхъ должно развиваться новое русское …ество: свободный трудъ, общественное самоуправленіе, наука …ласность. Всѣ эти основы въ такой тѣсной связи между со… что, подавивъ одну изъ нихъ, вы непремѣнно сдѣлаете

всѣ другія безсильными для правильнаго развитія общественнаго организма"...

Мы укажемъ дальше, какъ представлялось Стоюнину современное состояніе нашей педагогіи, образовавшееся подъ вліяніемъ этого новѣйшаго реакціоннаго направленія, и обратимся опять къ его общимъ взглядамъ на судьбу русской школы и вообще воспитанія. Какъ представитель просвѣтительныхъ стремленій періода реформъ, Стоюнинъ рѣзко отличается отъ новѣйшей педагогической генераціи именно тѣмъ, что это—педагогъ-мыслитель: педагогія была для него не ремесло, а высокая общественная обязанность, которую слѣдовало исполнить съ полнымъ сознаніемъ ея значенія, со всей серьезностью нравственнаго долга. Такъ смотрѣли на дѣло всѣ лучшіе представители *того* направленія нашей педагогіи: Ушинскій ставилъ вопросъ на философскую, психологическую почву, и многіе годы потратилъ на эти изслѣдованія, въ которыхъ видѣлъ основу воспитательнаго труда. Стоюнинъ, кромѣ тѣхъ соображеній общественно-государственныхъ, какія мы указывали, старался выяснить вопросъ съ исторической точки зрѣнія. Въ нашей литературѣ нѣтъ другого труда, гдѣ бы такъ ярко проведена была исторія домашняго и общественнаго воспитанія, какъ это сдѣлано Стоюнинымъ [1]).

Обозрѣніе историческаго вопроса о судьбахъ русской семьи, съ точки зрѣнія ея воспитательныхъ воздѣйствій, Стоюнинъ начинаетъ съ древнѣйшихъ временъ, до которыхъ достигаютъ историческія свидѣтельства. Первая намъ извѣстная семья была семья родовая: она не была самостоятельной единицей, а составляла только часть рода; отецъ семьи не былъ ея полновластнымъ хозяиномъ, но долженъ былъ подчиняться преданіямъ, обычаямъ и власти рода; люди, не покорявшіеся роду, шли въ келью или въ гулящіе люди и удалые разбойники. Съ теченіемъ исторіи власть рода все болѣе ослабѣвала, и московская семья XVI вѣка была уже вполнѣ самостоятельной, независимой единицей; родство еще имѣетъ свою важность, но въ семьѣ отецъ есть уже полновластный глава и называется уже „государемъ" своего дома. Чрезвычайно характернымъ выраженіемъ этого склада семьи и связанныхъ съ нимъ взглядовъ на воспитаніе является „Домострой". „Совѣты Домостроя клонятся къ тому, чтобы семью совершенно обособить отъ остальнаго міра, чтобы никто не зналъ, что д-

[1]) Въ его статьяхъ: „Наша семья и ея историческія судьбы" (1884); „Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи (1857—58); „Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія" (1878),—всѣ эти статьи повторены и въ настоящемъ изданіи.

лается въ семьѣ. Полная монастырская замкнутость и полный произволъ владыки дома—вотъ какія были основанія семейной жизни. У семьи не было никакого высшаго идеала, который бы связывалъ ее съ другими семьями въ одно общество. Правда, въ нее вносился монастырскій, аскетическій идеалъ, но напрасно было бы думать, что онъ связываетъ семью съ церковью, т.-е. съ христіанскимъ обществомъ, интересы котораго указываются какъ высшіе интересы семейной жизни; напрасно было бы заключать, что эти интересы принимаются въ соображеніе при воспитаніи дѣтей, чтобы приготовить ихъ къ жизни. Нѣтъ, вся жизнь тамъ ограничивается одними узкими, эгоистическими семейными интересами. О связи семьи съ какимъ-либо обществомъ нѣтъ нигдѣ и помину. Ясно, что тутъ не могло образоваться и какого-либо общественнаго идеала даже въ общехристіанскомъ смыслѣ; значитъ, для жизни внѣ семьи не могло развиться и представленіе какой-нибудь нравственности. Аскетическій идеалъ исключаетъ всякую общественность, вопреки человѣческой природѣ; онъ требуетъ только заботъ о спасеніи души, что̀ и вмѣнялось въ обязанность отцу семейства, который долженъ былъ съ плетью въ рукахъ спасать душу своей жены и дѣтей. Всѣ совѣты Домостроя о воспитаніи дѣтей имѣютъ въ виду только личные или семейные интересы... Что же касается воспитанія, то имъ рекомендуются только плеть да жезлъ; даже не указывается на евангеліе, какъ на основное руководство въ нравственной жизни... Домострой, какъ мы сказали, идеально рисуетъ намъ семью, въ основы которой полагались книжныя поученія прежняго времени и московскіе обычаи и порядки, слагавшіеся два столѣтія. Въ немъ сдерживающею силою въ гнѣвѣ, досадѣ и въ другихъ порывахъ страсти предполагалась богобоязненность владыки дома, который всегда будетъ думать о своей душѣ. Но въ дѣйствительности, въ большинствѣ не оказывалось этой силы, и судьба семьи зависѣла отъ необузданнаго произвола одного".

Стоюнинъ собираетъ современныя свидѣтельства и указанія самого законодательства, изъ которыхъ очевидно, что эта суровая постановка семейнаго быта и воспитанія нисколько не обезпечивала добрыхъ нравовъ. Два основныхъ недостатка подры-
л нравственное значеніе этого быта: въ немъ не было ни
инно христіанскихъ основъ, несмотря на усиленное внѣшнее
очестіе, и никакихъ задатковъ общественности. Очевидно,
ъ самый бытъ мы встрѣчаемъ впослѣдствіи, до нашихъ вре-
, когда Островскій изображалъ типы самодурства и безсер-

дечія, развивавшіеся въ кругахъ, которые не были затронуты никакой западной цивилизаціей...

Обыкновенно полагалось, что эту бытовую старину нарушала Петровская реформа; нѣкоторые прибавляютъ, что реформа разрушила именно добрыя начала старыхъ нравовъ. Князь М. М. Щербатовъ еще въ прошломъ столѣтіи утверждалъ, что нравы испортились,—но еслибы кн. Щербатовъ и былъ правъ относительно своего времени, очевидно, что эта позднѣйшая порча была только другою формой того ненормальнаго состоянія нравовъ, которое идеализируется „Домостроемъ“ и несомнѣнно свидѣтельствуется данными XVI-го и XVII-го вѣка, а затѣмъ и современными изображеніями той среды, гдѣ эта старина хранилась ненарушимо. Стоюнинъ объясняетъ,—какъ это и было дѣйствительно,—что въ сущности нарушеніе стараго обычая произведено было еще до Петра, въ семьѣ самого царя Алексѣя Михайловича. Какъ извѣстно, въ началѣ царствованія Алексѣй Михайловичъ желалъ именно водворить въ народѣ благочестивые нравы въ духѣ „Домостроя“, напр. даже запрещая указами народныя игры, пѣсни и пляски; а впослѣдствіи, изъ уступки своей второй женѣ, ввелъ иноземныя увеселенія, музыку и театръ въ свой собственный дворецъ, и самъ наслаждался ими въ полной мѣрѣ. Другой фактъ, который свидѣтельствовалъ о ненормальномъ, развращающемъ вліяніи старинной теремной жизни и служилъ въ то же время протестомъ противъ нея въ самой дѣйствительности,—была исторія семьи царя Алексѣя, послѣ его смерти, и особливо исторія царевны Софьи. „Болѣзненный царь (преемникъ Алексѣя) безъ отцовскаго авторитета не могъ сдерживать всѣхъ членовъ семьи въ надлежащихъ отношеніяхъ. Старшія царевны, не сдерживаемыя ничьей властью, уже не хотятъ признавать не только законовъ, но и приличій терема... Страсть женщины, вырвавшейся изъ замкнутой жизни, осужденной глохнуть въ дѣвическомъ состояніи безъ всякой надежды имѣть свою собственную семью, уже не знала границъ при открывшейся свободѣ. Она первая разрушила московскій теремъ, показавъ ясно, что онъ не даетъ настоящихъ нравственныхъ основъ для жизни и можетъ держаться и воспитывать только грубой физической силою, однѣми постоянными угрозами и страхомъ наказанія, которые всегда были плохими нравственными воспитателями. Но такъ какъ этотъ теремъ былъ царскій, то она едва не замутила и всего царства, не разбирая средствъ для задуманной честолюбивой цѣли“... Стоюнинъ приводитъ и третій фактъ, отрицавшій тогда привычную старину. Въ 1693 году патріархъ Адріанъ

возсталъ противъ насильственныхъ браковъ, т.-е. именно такихъ, какъ они устроивались по старинному обычаю: онъ приказывалъ священникамъ при совершеніи браковъ „накрѣпко допрашивать“ вѣнчающихся, по любви ли и согласію вступаютъ они въ бракъ, а если дѣвица постыдится отвѣчать, то допрашивать ея родителей или родственниковъ, и если „одно изъ (вѣнчающихся) лицъ, особливо дѣвическое, совершенно умолчитъ о томъ или выразитъ какимъ-либо знакомъ отвращеніе отъ жениха (какъ-то плеваніемъ или трясеніемъ руками), то такихъ не вѣнчать, пока не заявятъ совершенно согласія между собою“. Стоюнинъ дѣлаетъ предположеніе, что въ это время и въ народѣ пѣлись уже (извѣстныя теперь) пѣсни противъ браковъ по насилію („постылыхъ“ мужа или жены): эти пѣсни были заявленіемъ права личности противъ стараго семейнаго деспотизма. „Но въ народѣ права этого деспотизма еще долго поддерживались крѣпостнымъ правомъ, которое внесло въ крестьянскую семью еще и деспотизмъ помѣщика, т.-е. полную деморализацію“.

Въ Петровскія времена старая русская семья и происходившее въ ней „воспитаніе“ испытали сильный переворотъ, дѣйствіе котораго продолжается въ сущности и понынѣ. Въ прежнее дѣло семьи—и случая—вмѣшалось государство, которое, нуждаясь въ исполнителяхъ своей службы, рѣшилось взять на себя ихъ приготовленіе, такъ какъ семья, съ прежними ея нравами, ихъ не приготовляла. „Отцы должны были отказаться отъ права распоряжаться судьбою своихъ сыновей. Это право приносилось въ жертву интересамъ новосозданнаго государства. Ему нужны были люди, которые бы прошли какую-нибудь школу, хотя бы знали только грамоту да цифирь“. Извѣстно, что эта мѣра встрѣтила большое неудовольствіе въ служилой (дворянской) средѣ, къ которой особенно относилась,—въ каждой семьѣ сказывалась тайная оппозиція, желаніе укрыть дѣтей отъ школы и службы,—но „такъ какъ каждая семья составляла отдѣльную замкнутую единицу, слабую передъ властью, и между семьями не было никакой общей связи, которая бы могла образовать изъ нихъ одно крѣпкое общество, то, несмотря на общее недовольство, не могло быть никакого явнаго сопротивленія“.

Такимъ образомъ государство, вслѣдствіе необходимости для н[illegible] въ людяхъ съ нѣкоторымъ школьнымъ образованіемъ, вмѣш[illegible]сь въ быть семьи, принявши на себя школьное воспитаніе м[illegible]дыхъ поколѣній въ дворянской и чиновнической средѣ. Школа б[illegible] плохая, и подъ надзоромъ грубыхъ приставниковъ и суров[illegible] „мастеровъ“, „нравственно портила дѣтей, ожесточая ихъ

сердца". Съ другой стороны, говоритъ Стоюнинъ, „это же самое отношеніе государства къ семьѣ, снимая съ родителей отвѣтственность за воспитаніе будущихъ слугъ царскихъ, *отъучало* ихъ отъ заботъ о *разумномъ* воспитаніи и, наконецъ, пріучило полагаться въ этомъ дѣлѣ на правительство". Указывая затѣмъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, напр., по отношенію къ расколу, государство подобнымъ образомъ вмѣшивалось въ семейный бытъ, Стоюнинъ заключаетъ, что вслѣдствіе всего этого „въ значительной части населенія законная семья разрушалась, а съ этимъ вмѣстѣ, конечно, подкапывалась и нравственность. Послѣдствія показали, что отъ этого никто не выигралъ, а скорѣе всѣ были въ проигрышѣ" [1]).

Всѣ были дѣйствительно въ проигрышѣ, когда принимались, напр., странныя и жестокія мѣры противъ раскола, ни къ чему, въ концѣ концовъ, не приводившія,—но, говоря вообще, указанный выводъ нельзя назвать точнымъ. Государство, по словамъ Стоюнина, „отъучало родителей отъ заботъ о разумномъ воспитаніи", — но за нѣсколько страницъ онъ самъ рисовалъ картину до-Петровскаго воспитанія по Домострою. Къ сожалѣнію, это вмѣшательство государства въ семью со всѣми его неблагопріятными результатами было необходимостью—и расплатой русской жизни за прошлое. Что государство не могло обойтись безъ грамотныхъ и что-нибудь знающихъ людей—едва-ли кто станетъ отвергать: когда Россія неизбѣжно вступала въ европейскую жизнь, извѣстная степень культуры становилась необходима просто для самосохраненія—это признаютъ, когда рѣчь идетъ о необходимости новой арміи или флота, но между прочимъ для нихъ же и надо было приготовлять хотя нѣсколько образованныхъ людей. Уровень школъ, заведенныхъ Петромъ, былъ очень невысокъ, пріемы „мастеровъ" были грубы; но этотъ уровень и показываетъ, на какой прежней почвѣ строилась новая школа—эта почва была почти круглое невѣжество,—а съ нимъ, наконецъ, было не безопасно жить и самому государству.

Когда Петръ вывелъ женщину изъ уединеннаго терема, это опять имѣло свои неблагопріятныя послѣдствія. Въ женскомъ кругу быстро сложился идеалъ свѣтской женщины, на которомъ сосредоточились ея интересы—внѣшній блескъ, безъ всякой заботы о дѣйствительномъ образованіи. Но хотя съ этимъ измѣненіемъ въ положеніи женщины явилась общественность только свѣтская, притомъ же состоявшаяся по царскому указу,—тѣмъ не менѣе,

[1]) Стр. 15.

говоритъ Стоюнинъ, — „она должна была составить хоть какую-нибудь общую связь между замкнутыми семьями, ввести въ жизнь хоть какіе-нибудь общіе интересы, безъ которыхъ нѣтъ твердой опоры и для семейной нравственности“.

Новая мѣра, оказавшая сильное вліяніе на дворянскій и чиновничій бытъ, была табель о рангахъ (1721). „Прежнія заботы о родовой чести, понятія о которой уже сильно исказились, смѣнились заботами о добываніи чиновъ: каждый чинъ давалъ извѣстныя права и привилегіи; чинъ обезпечивалъ всю семью благосостояніемъ и даже стороннимъ уваженіемъ и почетомъ. Вся семья сдѣлалась заинтересованною чиномъ отца семейства, въ особенности женская ея половина. Все это должно было вызывать и развивать особаго рода честолюбіе, которое слѣдуетъ назвать *чиновничьимъ*, — одно изъ самыхъ мелкихъ честолюбій. Съ нимъ соединилось не представленіе общихъ интересовъ, для охраны которымъ собственно и назначается чиновникъ, а напротивъ, постоянная забота о томъ, чтобы извлечь какъ можно болѣе для себя выгодъ изъ своего положенія... Чувствуя свою полную зависимость отъ сильныхъ лицъ, человѣкъ не могъ развивать въ себѣ чувство чести, ему нужно было приноравливаться къ обстоятельствамъ, и онъ дѣлался раболѣпнымъ передъ сильными и высокомѣрнымъ передъ низшими“. „Источникомъ матеріальнаго благосостоянія семьи была служба, но не жалованье за нее, а положеніе лица, связанное съ мѣстомъ, которое давало возможность торговать закономъ, брать взятки и обирать казну въ пользу своего кармана. Иначе служба никому и не представлялась... А дѣти учились у отцовъ искусству наживаться“...

Такъ ставились нравы въ русскомъ преобразованномъ обществѣ. Какъ мы видѣли, вину этого многіе у насъ охотно сваливаютъ на реформу, но очевидно, что сама реформа вовсе не могла этого желать, и если получались такіе результаты, они происходили не только или не столько отъ самыхъ мѣръ, сколько отъ среды, на которую онѣ дѣйствовали. Государство отняло дѣтей у семьи для обученія, — но были ли другія средства этого обученія? государство вывело женщину изъ терема, и она не съумѣла стать на дорогу серьезнаго образованія, — но имѣла ли она какіе-нибудь задатки этого прежде? чиновники, установленные табелью о рангахъ, брали взятки, — но не брали ли они и гораздо раньше табели, и не привыкли ли во времена „кормленій“ и „московской волокиты“ жить на счетъ обывателей?

Въ теченіе XVIII-го вѣка и до нашего столѣтія мыслящіе люди, писатели и даже люди государственные, не однажды выска-

зывали свои наблюденія надъ характеромъ нашего общества, какъ оно сложилось послѣ реформы, и всего чаще, если не всегда, приходили къ самымъ неблагопріятнымъ заключеніямъ. Винили испорченность, стремленіе къ роскоши, личные пороки,—но рѣдко угадывали истинныя причины зла въ самыхъ формахъ общественнаго устройства, какъ многое справедливо объяснялъ Радищевъ изъ существованія крѣпостного права. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія въ осужденіи нашего домашняго быта и воспитанія сошлись, между прочимъ, писатели весьма несходные —Карамзинъ и Шишковъ. Оба упрекали семейный бытъ и воспитаніе въ недостаткѣ нравственныхъ основъ; оба намекали, или говорили прямо, объ отсутствіи гражданскихъ чувствъ и самаго патріотизма; любопытно, что оба, въ противоположность русскому семейному быту, выставляли бытъ англійскій,—но оба не видѣли, какое глубокое различіе дѣлило весь бытъ англійскій и русскій. Основная разница была та, что англійская жизнь выработала свои формы вѣковыми трудами общественной самодѣятельности и широкаго просвѣщенія, борьбы самостоятельно развивавшихся элементовъ,—въ результатѣ чего и образовалось „общество", котораго въ этомъ смыслѣ совершенно не было у насъ.

Возвращаемся къ школѣ. Мы видѣли, что со временъ Петра государство взяло на свою заботу школьное приготовленіе молодыхъ поколѣній для государственной службы. Этотъ фактъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ фактовъ государственнаго самодержавія, —и когда основывались потомъ все новыя школы или провѣрялись старыя, оказывалось, что домашнее и школьное воспитаніе по старымъ обычаямъ представляло вопіющіе недостатки. Господствующіе нравы были такъ грубы и молодежь, поступавшая въ школу, еще дома была такъ дика или испорчена, что школьная дисциплина въ Петровской школѣ поражаетъ своей суровостью. Въ уставѣ морской академіи (1715 года) воспитанникамъ предписывалось послѣ молитвы расходиться по классамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадя другъ другу", а для порядка дядькѣ во всякомъ классѣ велѣно было „имѣть *хлыстъ* въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить не смотря какой бы ученикъ *фамиліи* ни былъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безчинствующихъ велѣно было „сѣчь по два дня нещадно батогами, или по молодости лѣтъ вмѣсто кнута наказывать кошками", а случалось, что даже и гоняли шпицъ-рутенами сквозь строй. Можно себѣ представить, что на первый разъ въ началѣ XVIII го вѣка батоги могли быть вынуждены. Мало-по-малу школьная дис-

циплина смягчается, и уже уставъ Сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, основаннаго Минихомъ (1731), написанъ въ болѣе человѣчномъ тонѣ; является, наконецъ, забота объ образованіи не только ума, но и „сердца". Въ царствованіе Екатерины II развивается дѣятельность Бецкаго, который былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени и проникнутъ былъ человѣколюбивыми и просвѣтительными идеями вѣка.

Съ тѣхъ поръ, какъ Стоюнинъ писалъ о развитіи педагогическихъ идей въ Россіи XVIII-го вѣка, дѣятельность Бецкаго, въ связи съ исторіей Воспитательнаго дома, вызвала спеціальныя изслѣдованія,—но въ свое время онъ посвятилъ Бецкому подробный разсказъ, какъ одному изъ характерныхъ явленій въ нашей общественной исторіи. Бецкій выросъ не въ русскихъ условіяхъ; онъ родился и получилъ образованіе за границей, гдѣ и послѣ онъ долго живалъ, состоя на службѣ въ иностранной коллегіи, и только въ послѣдніе годы вступилъ на то поприще, которое дало ему историческое имя. Въ Европѣ въ особенности поражали его, между прочимъ, многочисленныя филантропическія учрежденія, какъ и все то, въ чемъ сказывались добрые народные нравы и что заслуживало уваженія и подражанія; онъ съ великимъ сочувствіемъ говорилъ потомъ объ этихъ богоугодныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ трудились лица самаго высшаго общества и гдѣ правительствамъ содѣйствовали сами жители, руководимые человѣколюбіемъ, любовью къ отечеству и христіанствомъ. Когда Екатерина, ближе ознакомившись съ Бецкимъ, поручила ему заботу о народномъ воспитаніи, онъ остановился, по выраженію Стоюнина, на смѣлой и поэтической мысли—создать путемъ воспитанія новое идеальное общество; эта мысль увлекла и Екатерину. Онъ хорошо видѣлъ недостатокъ разумнаго воспитанія во всѣхъ слояхъ общества и считалъ невозможнымъ воспитать въ такой средѣ, подъ ея непосредственными вліяніями, людей, удовлетворяющихъ вполнѣ нравственному идеалу. Выработанъ былъ извѣстный планъ — составить изъ малолѣтнихъ дѣтей особенный міръ, устранить его отъ всякаго общественнаго вліянія въ закрытомъ заведеніи и образовать, по извѣстнымъ правиламъ воспитанія, людей честныхъ, правдивыхъ, трудолюбивыхъ, внушая имъ все истинное, доброе, прекрасное; образовавъ такихъ юношей и дѣвицъ и стараясь, чтобы они вступали въ бракъ между собою, Бецкій надѣялся, что они составятъ *новую породу отцовъ и матерей* и будутъ родоначальниками новаго общества, украшеннаго всѣми лучшими качествами. Новая порода отцовъ и матерей должна была основать и новое сословіе въ государствѣ: это было то

„третье сословіе“, которое въ Европѣ привлекало Бецкаго своимъ трудолюбіемъ и дарованіями.

Планъ начали приводить въ исполненіе основаніемъ воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ сохранною и ссудною казною, воспитательныхъ училищъ—мужского при академіи художествъ, и для дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ... При основаніи московскаго воспитательнаго дома синодъ долженъ былъ разослать особое увѣщаніе смотрѣть на это учрежденіе какъ на дѣло благочестивое,—такъ какъ по этому поводу ходили и весьма неблагопріятные толки, считавшіе такое учрежденіе потворствомъ разврату. Между прочимъ, для привлеченія пожертвованій на это дѣло, принята была мѣра весьма характерная для нашихъ нравовъ: каждый пожертвовавшій на воспитательный домъ болѣе 25 руб. пользовался, въ случаѣ причиненнаго ему безчестья, платою такой же суммы, какую пожертвовалъ, а за увѣчье—вдвое; опекунское собраніе выдавало ему на то особенное свидѣтельство и публиковало въ вѣдомостяхъ, да не дерзнетъ никто, какого бы званія ни былъ, его рукою или боемъ какимъ обидѣть... Очевидно, выбранъ мотивъ, наиболѣе удобный по господствующимъ нравамъ.

Эта попытка создать новую породу людей и новое сословіе чрезвычайно характерна. Бецкій вовсе не былъ чистымъ фантазеромъ: его планъ разработанъ весьма обстоятельно; филантропическая сторона его—призрѣніе брошенныхъ дѣтей—заслуживаетъ всякаго сочувствія; воспитательные пріемы могутъ быть нерѣдко поучительны и для новѣйшихъ педагоговъ; онъ предвидѣлъ вражду „брадоносцевъ, ложною честію и мнимымъ правовѣріемъ ослѣпленныхъ“; его обличенія жестокости помѣщика къ его крѣпостнымъ слугамъ, которые становились, однако, первыми воспитателями и товарищами его собственныхъ дѣтей, были смѣлымъ голосомъ противъ одичалаго быта. Фантазія была въ его планѣ основать новую породу людей путемъ закрытыхъ заведеній,—но это было сознаніе въ невозможности инымъ путемъ бороться противъ господствующаго загрубѣнія и невѣжества: новой породы не явилось; закрытыя заведенія доставили, безъ сомнѣнія, извѣстное число образованныхъ людей, но вообще онѣ были оторваны отъ общества въ такой степени, что позднѣе вводили своихъ питомцевъ въ недоразумѣнія, комическія или печальныя, съ тѣмъ обществомъ, въ которое они все-таки вступали.

Если потомъ историкъ (какъ напр. и самъ Стоюнинъ) находитъ, что исключительное поглощеніе школы государствомъ, его руководствомъ и его ближайшими цѣлями, окончилось крайне неблагопріятными результатами, когда ученіе и воспитаніе обра-

гились въ дрессировку и изъ-за чиновника и офицера забытъ былъ человѣкъ,—то, какъ видимъ изъ прошедшаго нашей школы, этотъ характеръ ея развился самъ собой, при пассивномъ участіи самого общества, т.-е. его массы. Въ первое время послѣ Петра „общество“ и не думало о школѣ, отчасти старалось скрывать отъ нея свои дѣтища, отчасти было довольно, что государство избавляетъ его отъ трудной заботы; во времена Екатерины II, при Бецкомъ, основались закрытыя учебныя заведенія, потому что отчаявались въ этомъ обществѣ и думали преобразовать его новою породою людей,—воспитанной по теоретическимъ предположеніямъ, какъ будто въ духѣ Руссо. Въ нынѣшнемъ столѣтіи государственный характеръ школы достигъ своего полнаго развитія. Образованнѣйшіе люди видѣли его исключительность и ненормальность, и ихъ мысли, въ значительной долѣ, были высказаны въ знаменитыхъ статьяхъ Пирогова; но самый успѣхъ этихъ статей, небывалый у насъ для трактата подобнаго рода, указываетъ уже, что для огромнаго большинства ихъ содержаніе было совершенной новостью. Недостатки школы раскрылись для этого большинства только благодаря чрезвычайнымъ внѣшнимъ событіямъ, поразившимъ общество, какъ неожиданность, и заставившимъ подумать объ ихъ причинахъ: Пироговъ указалъ одну изъ важнѣйшихъ, хотя какъ будто очень далекихъ и незамѣтныхъ. Въ оправданіе общества можно было сказать одно: въ прежнемъ порядкѣ вещей оно само лишено было возможности высказываться о вопросѣ; школа, какъ и все административное, была канцелярской тайной; критическое изслѣдованіе ея было невозможно, и у кого могли сложиться болѣе правильныя представленія о предметѣ, онѣ не могли быть высказаны; самыя увѣщанія Пирогова никакъ не могли бы явиться въ печати, напримѣръ, двумя годами ранѣе.

Выше мы указали слова Стоюнина, въ которыхъ именно высказалось мнѣніе образованныхъ людей конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ о свойствахъ нашей до-реформенной школы и радикальныхъ недостаткахъ господствовавшей формы воспитанія. Мы упоминали, какъ съ надеждами на широкія преобразованія возникла у насъ новая педагогическая литература и попытки новыхъ пріемовъ воспитанія: цѣлый рядъ педагоговъ-п... листовъ—какихъ уже не знаетъ наше время—ревностно раб...лъ надъ различными вопросами нашей школы, ожидая для н... также возрожденія въ истинно общественномъ и народномъ д...ѣ. Надежды были, однако, непродолжительны: на первыхъ же п...хъ пришлось встрѣтиться съ представителями старой системы,

которые не хотѣли поступиться ею,—не умѣя или не желая понять ни уроковъ исторіи, ни потребностей общества, ни указаній науки и нравственнаго долга.

Въ эту самую пору, тридцать или уже болѣе лѣтъ тому назадъ, Стоюнинъ принялъ участіе въ спорахъ о нашей школѣ, и, приводя разнорѣчивые толки о нашихъ (тогдашнихъ) гимназіяхъ, ставилъ вопросъ о самыхъ основахъ гимназической педагогіи. Со словъ Пирогова, гимназіи обвинялись въ томъ, что „не умѣли готовить людей для жизни, сообщая имъ какія-то познанія, которыя въ жизни нейдутъ къ дѣлу и быстро забываются; не умѣли развивать гражданскихъ доблестей, чтобы доставлять обществу добросовѣстныхъ гражданъ и честныхъ дѣятелей". Съ другой стороны винили гимназіи въ томъ, что онѣ недостаточно приготовляютъ юношей къ университету. Что касается послѣдняго, Стоюнинъ приводилъ данныя, показывавшія, напротивъ, что питомцы гимназій были на дѣлѣ приготовлены къ университету лучше другихъ. А относительно перваго крупнаго обвиненія, онъ ставилъ вопросъ иначе: „не было ли постороннихъ препятствій гимназіямъ въ достиженіи тѣхъ цѣлей, какихъ должны онѣ достигать; есть ли возможность устранить эти препятствія и, сообразно со всѣмъ этимъ, какого рода преобразованія можно сдѣлать въ гимназіяхъ?" И Стоюнинъ рисуетъ картину печальнаго разлада, который окажется между идеалистическимъ воспитаніемъ и вовсе не идеалистическою дѣйствительностью.

„Представимъ себѣ самую идеальную гимназію или одну изъ тѣхъ совершенныхъ германскихъ гимназій, которыя многими ставятся намъ въ образецъ, представимъ ее въ Петербургѣ или въ Москвѣ, или въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, наполненную русскими дѣтьми и юношами. Она гармонически развиваетъ всѣ способности своихъ питомцевъ, сообщаетъ имъ прочныя знанія, старается, чтобы они сознали человѣческое достоинство въ себѣ и въ другихъ, пріучились бы уважать личность, поняли бы значеніе гражданина, полюбили бы трудъ, правду, исполненіе долга. Какъ ни трудно было ей уберечь своихъ юношей отъ вреднаго вліянія общества, съ его дикими понятіями и сословными предразсудками, но она уберегла ихъ и, наконецъ, передала обществу для настоящей жизни семнадцати- и осемнадцати-лѣтнихъ гражданъ. Богатые изъ нихъ, или съ именемъ, или съ протекціями, тотчасъ бы были пристроены своими близкими при видныхъ мѣстахъ, стали бы трудиться и, можетъ быть, были бы счастливы. Вдругъ они, вѣроятно, и не замѣтили бы, какъ имъ достались мѣста и что такое добываніе мѣстъ уже не совсѣмъ согласно съ

тѣми убѣжденіями, какія старались внушить имъ. Они не сами добывали, а имъ достали старшіе, слѣдственно, тутъ совѣсть можно успокоить. Но не о нихъ теперь рѣчь. Большинство изъ юныхъ гражданъ — люди бѣдные, безъ имени, безъ протекцій, принужденные сами о себѣ заботиться. Что же встрѣчаютъ въ жизни эти юноши, развитіе которыхъ далеко еще не кончилось? Они хотятъ трудиться прежде всего для куска хлѣба, должны выбрать поприще для дѣятельности. Но какія же у насъ поприща для бѣднаго гимназиста—копіиста въ какомъ-нибудь судѣ и уѣзднаго учителя—частныя занятія требуютъ болѣе или менѣе спеціальныхъ знаній, которыхъ не можетъ быть у гимназиста. И вотъ, послѣ многихъ просьбъ и поклоновъ, при которыхъ не разъ оскорблялось и его человѣческое достоинство, и его личность, онъ получаетъ то или другое мѣсто. Онъ начинаетъ трудиться съ полнымъ сознаніемъ, что онъ гражданинъ, съ полнымъ желаніемъ принести пользу обществу. Но вдругъ видитъ, что никто и знать не хочетъ, что онъ гражданинъ, что это понятіе и не существуетъ въ обществѣ, слышитъ приказаніе выкинуть изъ головы эти школьныя бредни, такъ какъ его гражданскія стремленія противорѣчатъ распоряженіямъ начальства, которому нужно также ѣсть, пить, одѣваться и воспитывать дѣтей, для чего нужны средства... И если онъ созналъ свое безсиліе бороться съ общимъ теченіемъ, уступитъ ему и даже самъ втянется въ эту тину, будете ли вы винить гимназію, которая напрягала всѣ силы, чтобы сдѣлать изъ него гражданина и развить его до извѣстной степени? Виновата ли она, что дальнѣйшее и самое важное развитіе его было подъ сильнымъ безнравственнымъ вліяніемъ общества? Развѣ она обязана готовить героевъ для битвы съ обществомъ? Такимъ образомъ и образцовая гимназія мало успѣетъ въ томъ обществѣ, которое само не постарается преобразовать или воспитать себя“ [1])...

Но при существовавшихъ условіяхъ (Стоюнинъ замѣчаетъ, что онъ говоритъ о прошедшемъ), самыя гимназіи не могли выполнить такого нравственнаго воспитанія. Предположимъ добросовѣстнаго, образованнаго учителя, который старается развить въ юношахъ сознаніе своего человѣческаго достоинства, сообщить имъ высокіе нравственные идеалы... „Но въ одинъ прекрасный де[illegible], является въ классъ громогласный господинъ, сознающій св[illegible] начальническое достоинство, уничтожающій своими юпитеров- с[illegible] взглядами и директора, и учителя, и робкихъ учениковъ...

[illegible] Стр. 229—231 Писано въ 1860 году.

Показалось ему, что на лицѣ одного мальчика промелькнула улыбка, и накинулся онъ на бѣднаго, принявъ эту тѣнь улыбки за неуваженіе къ начальству; вздумалъ-было защищаться бѣдняга— вышло еще хуже; защита своей оскорбленной личности показалась господину рѣшительнымъ либерализмомъ, выбранилъ онъ мальчика и поставилъ передъ всѣмъ классомъ на колѣни. Потомъ уже напустился и на директора, и на учителя, „зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству". Словомъ, и человѣческое достоинство, и личность оскорблены были во всѣхъ грубыми словами и даже бранью. Что оставалось дѣлать учителю, который постоянно проповѣдовалъ о человѣческомъ достоинствѣ? Разумѣется, вступиться за себя, показать господину всю неумѣстность и беззаконность его выходки—этого требовали даже педагогическія правила—быть ученикамъ примѣромъ нравственности, чтобъ слово не расходилось съ дѣломъ. И онъ вступился, а на другой день долженъ былъ подать въ отставку—вотъ вамъ и педагогическая карьера. Но случалось, что иные, считая безумнымъ вступать въ борьбу съ нимъ, отмалчивались и оставались на своихъ мѣстахъ; зато въ какомъ видѣ должны были они представляться ученикамъ"... Съ другой стороны учитель былъ связанъ и въ преподаваніи—„руководствами, которыя или представляютъ всѣ факты наизворотъ, или наполнены нелѣпой схоластикой, не сообщающей никакихъ полезныхъ знаній. Добросовѣстный учитель не могъ распоряжаться своею наукою по созданному имъ плану, чтобы съ успѣхомъ развивать своихъ учениковъ. Онъ видѣлъ, что науку хотятъ употребить для какихъ-то другихъ посторонних цѣлей, а не для воспитанія, и потому извращаютъ ее, а его дѣлаютъ орудіемъ этого извращенія. Онъ постоянно находился между двумя огнями, видѣлъ, какъ его насильно ставятъ въ безнравственное положеніе передъ учениками. Какое же тутъ могло быть воспитаніе гражданина, какое развитіе силы воли, какая твердость нравственности?"... „Я не вхожу въ подробности всей внутренней жизни гимназій, которая еще рѣзче представила бы, въ какомъ стѣснительномъ положеніи находились добросовѣстные воспитатели. Имъ то-и-дѣло толковали о необходимости развивать въ ученикахъ нравственность, и въ то же время подавляли ихъ дѣятельность казенными понятіями о нравственности, которыя часто уничтожали въ основѣ истинную человѣческую нравственность" [1]).

Стоюнинъ выводилъ, что гимназіи однѣми своими средства

[1]) Стр. 233.

совершенно не въ состояніи исполнить того требованія, которое стали имъ тогда предъявлять; онѣ, конечно, не въ силахъ были бороться съ тѣми препятствіями, которыя стояли на сторонѣ нормальнаго, здраваго воспитанія,—а эти препятствія ставилъ цѣлый складъ жизни, создававшійся вѣками. Всѣ (повторяемъ: со словъ Пирогова) стали требовать, чтобы школа приготовляла для жизни *человѣка*: „но эта фраза, — говоритъ Стоюнинъ, — отъ частаго повторенія сдѣлалась такою неопредѣленною, такимъ общимъ мѣстомъ, что нужно, наконецъ, признаться—хотѣлось бы яснѣе видѣть всѣ черты идеала того человѣка, который тутъ подразумѣвается“. Одинъ писатель (занимавшій потомъ высокое положеніе въ управленіи народнымъ просвѣщеніемъ) выставлялъ тогда черты этого идеала въ исчисленіи такихъ качествъ, какъ: твердость нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, способность легко понимать, правильно мыслить, сочувствовать всему высокому, доброму и великому, любить свою отчизну и т. д. Но эти качества—замѣчалъ Стоюнинъ—легко было бы, пожалуй, еще размножить, но дѣло въ томъ, что надо опредѣлить идеалъ не отвлеченный: „Нашъ идеалъ тогда будетъ живое существо, когда мы выносили его въ этой самой средѣ, когда онъ способенъ дѣйствовать въ ней; безъ этого наскажите хоть сотню качествъ, онѣ все-таки не дадутъ вамъ ничего опредѣленнаго, и по нимъ все-таки не воспитаете человѣка“. Идеалъ обыкновенно развивается тою стороною, которая слабо развита въ дѣйствительности; въ идеалѣ ищутъ того, чего мало въ жизни, и имъ хотятъ восполнить это недостающее. На это и должно быть направлено воспитаніе. Всякій, конечно, считаетъ себя человѣкомъ; отчего же мы вопіемъ, что у насъ нѣтъ человѣка? Высчитанныя выше качества, безъ сомнѣнія, встрѣчаются въ отдѣльныхъ людяхъ; чего же недостаетъ этимъ людямъ, чтобы подойти подъ искомый идеалъ? Здѣсь не поможетъ намъ и Германія, у которой мы такъ охотно заимствуемъ системы воспитанія; дѣло въ томъ, что у насъ другая дѣйствительность, и слѣдовательно, должно быть другое примѣненіе идеала. „Итакъ, волей и неволей нужно обратиться къ дѣйствительности, отъ которой многіе педагоги хотѣли бы оторвать воспитаніе, чтобы основать его на одной отвлеченной теоріи“. И Стоюнинъ изображаетъ нашу дѣйствительность въ этомъ отношеніи,—даетъ ли она, въ своемъ современномъ устройствѣ, почву для воспитанія „человѣка“ или для примѣненія идеаловъ этого человѣка, еслибы онъ успѣлъ развиться какимъ-нибудь образомъ внѣ вліянія этой дѣйствительности?

Что же представляетъ намъ русская дѣйствительность? —

спрашиваетъ онъ [1]).—Она представляетъ генераловъ, офицеровъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, артистовъ, ученыхъ, купцовъ. У всѣхъ ихъ есть свои сословные интересы, свои стремленія, свои специальности, но поищите между ними чего-либо общаго,—едва-ли что-нибудь найдете, конечно, кромѣ внѣшнихъ признаковъ народности, напр., языка и т. п. Вотъ это-то общее могутъ составить интересы гражданскіе или человѣческіе; ихъ-то и нѣтъ дѣйствительно въ русской средѣ. Въ этомъ-то смыслѣ мы и говоримъ, что у насъ нѣтъ человѣка, нѣтъ людей, отсюда-то и все наше горе, всѣ недостатки, несовершенства и неудачи. Развитіе сословныхъ спеціальныхъ интересовъ у насъ помѣшало развиться сознанію человѣческаго достоинства, уваженію личности, произвело разъединеніе, которое разслабило всѣхъ и поставило чуть не во враждебныя отношенія. Вотъ какою стороною представляется намъ идеалъ человѣка, съ которымъ тѣсно связывается идеалъ гражданина. Одного безъ другого мы не должны представлять, потому что одинъ помогаетъ развитію другого. До сихъ поръ воспитаніе насъ только отрывало отъ народа, но не сближало съ нимъ, и онъ уже давно пересталъ понимать насъ, а мы входить въ его интересы. Могло ли же тутъ выработаться сознаніе интересовъ гражданскихъ, а съ ними и человѣческихъ: могло ли явиться стремленіе дѣйствовать во имя идеи правды, законности, могли ли окрѣпнуть убѣжденія, а безъ нихъ могла ли развиться сила воли? на что она могла опереться, чѣмъ дѣятель могъ вдохновиться? развѣ только однимъ личнымъ интересомъ? Да этимъ-то постоянно и вдохновлялись, и посмотрите, что изъ этого выходило"... Есть, конечно, немало людей съ прекрасными качествами,—„но лишь только они приходятъ въ столкновеніе съ людьми другого сословія, высшаго или низшаго, они тотчасъ выказываютъ слабую неразвитую свою сторону; вы видите, что интересы гражданскіе и человѣческіе имъ чужды. Само правительство, наконецъ, сознало этотъ недостатокъ русскаго общества, встрѣчая повсюду преобладаніе личныхъ или сословныхъ интересовъ. Оно хочетъ дѣйствовать для общей пользы, отдаетъ дѣло въ руки исполнителей, а исполнители смотрятъ на все только съ личной, частной, сословной точки, даютъ ему другой смыслъ, и общая польза замираетъ. Спрашивается: могла ли тутъ выработаться нравственность человѣческая? Нѣтъ, выработалась только нравственность казенная подъ вліяніемъ сословныхъ или личныхъ интересовъ".

---

[1]) Въ 1860-мъ году.

Чрезвычайно странно и вмѣстѣ характерно, что тотъ же авторъ, по поводу котораго Стоюнинъ дѣлалъ приведенныя сейчасъ замѣчанія, высказывалъ мысль, что училища должны быть устроиваемы *по сословіямъ*: по его мнѣнію, въ западной Европѣ именно образованіе, допускаемое для низшихъ классовъ, было виновато въ томъ, что тамъ возникли враждебныя междусословныя чувства, которыя такъ много способствовали потрясенію общественнаго порядка, потому что излишнее просвѣщеніе создаетъ нужды искусственныя, неудовлетворимыя, порождающія только неудовольствія [1]) и т. д. „Признаемся откровенно,— писалъ Стоюнинъ: — у насъ едва поднялась рука только переписать такую дикую мысль", и онъ не считалъ даже нужнымъ опровергать это мнѣніе: „интересно знать, къ чему же авторъ силился нарисовать намъ идеалъ человѣка съ тѣми качествами, которыя обусловливаютъ мужа и гражданина, изъ которыхъ слагается человѣкъ, какъ разумное существо"... Самъ онъ думалъ совершенно наоборотъ: воспитательныя заведенія можно раздѣлять только по полу и возрасту: возрасты дѣтскій, отроческій и юношескій требуютъ трехъ родовъ заведеній; образованіе въ каждой школѣ опредѣляетъ гражданина, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ; при посредствѣ гласности можно дать каждой школѣ свободу въ развитіи,—какія-либо злоупотребленія могли бы тотчасъ быть обнаружены.

Гимназіи Стоюнинъ считалъ также училищами общественными; правительство не дало имъ никакого спеціальнаго назначенія, потому онѣ отстранены и отъ сословныхъ интересовъ. „Онѣ должны теперь тѣсно сблизиться съ обществомъ, съ народомъ (не въ исключительномъ смыслѣ простого народа), а слѣдственно и удовлетворять общимъ нравственнымъ потребностямъ".

Когда шли эти толки объ устройствѣ гимназій,—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которыхъ останавливалось тогда общественное мнѣніе послѣ прежняго вынужденнаго молчанія,—въ числѣ предметовъ, возбуждавшихъ немалые споры, было опредѣленіе самаго преподаванія. Уже тогда, какъ и въ настоящее время, высказывались мнѣнія объ излишнемъ отягощеніи учениковъ многочисленными предметами, ненужными для достиженія умственнаго развитія или даже ему вредившими, потому что вниманіе ученико развлекалось и въ концѣ концовъ результаты оказывались не ...влетворительными. Стоюнинъ соглашался съ этимъ и пола-

---

[1]) Это была статья: „О назначеніи гимназій въ системѣ народнаго образованія", въ ...скомъ Сборникѣ", 1860, № 3.

галъ также, что выборъ тѣхъ или другихъ предметовъ преподаванія (о чемъ также были разныя мнѣнія) въ сущности безразличенъ: всякая система можетъ быть хороша, еслибы была проведена послѣдовательно и разумно. Его мысли о многопредметности гимназическаго курса, къ сожалѣнію, могутъ быть справедливы и по сію минуту.

„Обременяя и развлекая юношей множествомъ разнообразныхъ предметовъ, можемъ ли мы требовать отъ нихъ какихъ-нибудь убѣжденій, какого-нибудь направленія, когда имъ не приходилось преслѣдовать никакой мысли, не приходилось ни надъ чѣмъ долго и серьезно задумываться за неимѣніемъ времени. Правда, у лѣнивыхъ и недѣятельныхъ учениковъ есть довольно свободнаго времени, но оно проводится безъ всякой пользы, потому что никто имъ не управляетъ... Отъ всего этого происходитъ, что часто даже очень хорошіе ученики, оканчивая курсъ въ гимназіи, рѣшительно не знаютъ, какой выбрать себѣ университетскій факультетъ. Они до этихъ поръ не имѣли возможности почувствовать особенную склонность ни къ одному научному предмету, потому что хотѣли успѣвать во всѣхъ одинаково и тратили на это все свое время. И факультетъ выбирается нерѣдко взвѣшиваніемъ выгодъ, какія отъ него можно получить въ будущемъ. Иные же выбираютъ такой, въ которомъ не читается ни одинъ изъ гимназическихъ предметовъ,—такъ имъ надоѣли всѣ эти предметы, и надоѣли потому, что должны были гоняться за всѣми, а овладѣть не имѣли силъ ни однимъ“.

Это написано точно вчера. Правда, въ нынѣшнемъ курсѣ гимназій нѣтъ законовѣденія, изъ двухъ новѣйшихъ языковъ обязателенъ только одинъ, курсъ болѣе сосредоточенъ (на древнихъ языкахъ), но отяготительность курса, быть можетъ, еще увеличилась вслѣдствіе расширеннаго объема предметовъ и, въ большинствѣ, неправильнаго преподаванія древнихъ языковъ [1]). Степень привлекательности преподаванія древнихъ языковъ,—совершенно согласно съ замѣчаніемъ Стоюнина въ 1860 году,—рѣзко обнаруживается въ послѣдніе годы запустѣніемъ въ филологическихъ факультетахъ отдѣла классической филологіи.

Изъ высказанныхъ тогда взглядовъ на устройство гимназій очень любопытно мнѣніе заслуженнаго филолога, Н. М. Благовѣщенскаго. Вопросъ стоялъ такъ, что съ одной стороны тогдашнія гимназіи недостаточно готовили къ университету, съ другой —

[1]) Имѣемъ въ виду тѣ излишества грамматическаго преподаванія, на которыя много разъ указывалось въ печати и которыя, однако, сохраняются; такъ-называемыя экстемпораліи сочло нужнымъ нѣсколько воздержать само учебное начальство.

сказывалась несомнѣнная потребность, выдвигаемая самою жизнью, въ большихъ заботахъ о реальномъ образованіи. Трудно было ожидать, чтобы для этого послѣдняго могли быть скоро и въ достаточномъ объемѣ организованы реальныя гимназіи; поэтому г. Благовѣщенскій приходилъ къ мысли, что разнообразныя потребности нашего средняго обученія могутъ быть удовлетворены факультетскимъ раздѣленіемъ высшихъ классовъ гимназіи. Онъ думалъ ввести въ гимназическій курсъ нѣсколько новыхъ предметовъ, напр. технологію, химію и пр., такъ какъ необходимость ихъ все сильнѣе сознается въ нашемъ обществѣ. „Такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—съ одной стороны правительство было бы избавлено отъ необходимости основанія множества отдѣльныхъ реальныхъ школъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся; а съ другой—въ филологическихъ отдѣлахъ нашихъ гимназій легко можно было бы возвысить изученіе различныхъ словесныхъ и историческихъ наукъ до тѣхъ размѣровъ, какіе при теперешнемъ устройствѣ упомянутыхъ заведеній рѣшительно невозможны. Упомянутое устройство гимназій удовлетворило бы требованіямъ и гуманистовъ, и реалистовъ, которые, благодаря своему излишнему увлеченію и одностороннему взгляду на дѣло, впали въ двѣ противоположныя крайности... Распространеніе программъ тѣхъ наукъ, которыя преподаются въ гимназіи и пополненіе ихъ новыми предметами возвысило бы общій уровень нашей цивилизаціи... Необходимо поднять уровень науки въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—говорилъ дальше г. Благовѣщенскій,—чтобы поселить въ ней движеніе и любовь въ русскомъ обществѣ, а этого при настоящемъ устройствѣ нашихъ гимназій сдѣлать рѣшительно невозможно. Факультетское раздѣленіе высшихъ классовъ—вотъ единственное средство, прямымъ путемъ ведущее къ этой возвышенной и желанной цѣли. Холодность русскаго общества къ наукѣ много зависитъ, между прочимъ, отъ того отвращенія, которое поселяетъ къ ней наша школа. Не странно ли, что человѣкъ, съ громадными усиліями прошедшій чрезъ многонаучное семиклассное чистилище, съ цѣлію попасть на одну изъ ступеней четырнадцатиклассной гражданской лѣстницы, кидаетъ—употребимъ техническое выраженіе—книги въ печку и прощается съ ними навсегда? При множествѣ предметовъ, входящихъ въ гимназическую программу, и учебники, и наставники принуждены сообщать своимъ паціентамъ самыя сухія и элементарныя свѣденія, гдѣ главное мѣсто отведено номенклатурѣ и числамъ. Можетъ ли при такомъ условіи наука оказать на общество свое нравственное цивилизующее вліяніе? Да, къ сожалѣнію, русскому

юношѣ она до сихъ поръ является почти исключительно въ формѣ безжизненнаго, безобразнаго скелета, безъ плоти и крови" [1]).

Стоюнинъ не соглашался съ этимъ предположеніемъ. Мысль г. Благовѣщенскаго, очевидно, основывалась на томъ, что практически трудно было ожидать скораго удовлетворенія той потребности въ реальномъ образованіи, которая дѣйствительно не подлежала сомнѣнію,—предложеніе сдѣлано было на худой конецъ, чтобы сколько-нибудь помочь дѣлу на первый разъ. Стоюнинъ исходилъ изъ другого соображенія: онъ не соглашался съ раздробленіемъ гимназическаго курса потому, что считалъ въ немъ первостепенно важнымъ именно его общеобразовательное значеніе: техническому знанію не мѣсто въ гимназіи, потому что выборъ предметовъ преподаванія не долженъ все-таки быть дѣломъ случайнымъ; преподаваться должны тѣ предметы, которые даютъ возможность вліянія общеобразовательнаго и воспитательнаго.

Въ тѣ же годы возникалъ и тотъ фатальный вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ, который потомъ въ теченіе тридцати лѣтъ занималъ нашу педагогическую публицистику, пока безплодно... Въ то время уже были ревностные поклонники классицизма, утверждавшіе будто бы „древніе языки, это великое орудіе гуманизма для всѣхъ новоевропейскихъ народовъ, и въ педагогическомъ отношеніи представляютъ болѣе матеріала для самостоятельной работы, нежели всѣ другіе гимназическіе предметы. При изученіи древнихъ языковъ каждый урокъ ученикъ разбираетъ самъ (?), самъ идетъ впередъ (?), учитель только поддерживаетъ и направляетъ (?)... Изъ чтенія древнихъ писателей ученикъ знакомится самостоятельно (?), не съ чужихъ словъ, съ цѣлою эпохой въ исторіи человѣчества, съ единственною изъ великихъ историческихъ эпохъ, которая вполнѣ окончилась, и потому можетъ вполнѣ подлежать нашему сужденію—сужденію самостоятельному, отчетливому, научному, вполнѣ овладѣвающему причинною связью событій (!). О человѣкѣ еще живущемъ нельзя произнести основательнаго и окончательнаго сужденія. Познать можно только то, что̀ отжило (!)... Поэтому-то высшее гуманическое образованіе, ведущее юношей къ самобытности мысли, къ свободѣ сужденія, къ живой силѣ характера, у всѣхъ народовъ новаго міра основано на изученіи мертвыхъ древнихъ языковъ и на краткомъ знакомствѣ съ древностію, этой величайшею изъ отжившихъ эпохъ въ исторіи человѣчества. Итакъ, при реформѣ гимназическихъ программъ, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ держаться всеъ р-

[1]) Стр. 246—247.

наго опыта, и сдѣлать древніе языки краеугольнымъ камнемъ гимназическаго ученія“ [1]), и т. д. Желанія автора этой статьи потомъ исполнились, древніе языки стали краеугольнымъ камнемъ; едва-ли нужно говорить, были ли получены отъ этого результаты, въ которыхъ онъ былъ такъ увѣренъ.

Въ свое время Стоюнинъ вовсе не убѣждался этими настояніями. „Нисколько не опровергая педагогической важности древнихъ языковъ, — говорилъ онъ,—спросимъ себя: соотвѣтствуетъ ли жертва той пользѣ, какая ожидается или какая можетъ быть? Мы хотимъ развить въ юношѣ сочувствіе къ интересамъ человѣческимъ и гражданскимъ, и вводимъ его въ древній міръ! средство, конечно, не противорѣчитъ цѣли, но для того, чтобъ ученикъ имѣлъ возможность весь погрузиться въ этотъ міръ, мы устраняемъ отъ него всѣ ближайшія къ намъ историческія явленія, въ которыхъ человѣчество такъ блистательно проявило себя, и устраняемъ на томъ основаніи, что новѣйшій человѣкъ еще не вполнѣ высказался. Мы готовимъ человѣка для жизни, готовимъ гражданина для дѣятельности, и хотимъ оторвать его отъ настоящаго, отъ его исторіи для того, чтобъ онъ проникся интересами греческой и римской жизни! Не то ли же это будетъ, что отдать львенка на воспитаніе орлу?“ Ревностный классикъ, противъ котораго спорилъ Стоюнинъ, доходилъ до того, что исключалъ изъ преподаванія французскій и нѣмецкій языкъ.

Въ то же время оказывалось то внутреннее противорѣчіе, въ которое впадали сами защитники исключительной классической системы. Такъ авторъ статьи въ „Морскомъ Сборникѣ“, о которомъ мы выше упоминали, чувствовалъ, что древніе языки не могутъ и не имѣютъ никакого историческаго основанія занять въ нашемъ образованіи такое мѣсто, какое принадлежитъ имъ въ педагогіи европейской, но тѣмъ не менѣе ставилъ чрезвычайно высоко ихъ образовательное и воспитательное значеніе. „Никто не станетъ, я думаю, оспаривать,—пишетъ онъ,—замѣчательной стройности древне-греческаго и латинскаго языковъ, изящности, силы и красоты ихъ оборотовъ рѣчи; изящная ихъ отдѣлка развиваетъ вкусъ; наконецъ, самое ихъ качество быть мертвыми языками, затрудняя ихъ изученіе, налагаетъ большія усилія на вниманіе, на прилежаніе, на разсудокъ учащихся. Прибавлю и то, что древность представляетъ самые характеристическіе типы до[блес]тей *гражданскихъ*, самыхъ блистательныхъ представителей кр[асн]орѣчія. Изъ этого легко заключить, что изученіе этихъ язы-

[1]) [С]татья Робера въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1859, октябрь.

ковъ составляетъ немаловажное упражненіе для пріученія къ основательному труду умственному, къ логическому, правильному мышленію и изложенію мыслей, развиваетъ вкусъ, красоту, ясность и сжатость въ рѣчи, представляетъ *типы любви къ отечеству, гражданскаго мужества*, военныхъ доблестей. Слѣдовательно, оно въ одно и то же время способствуетъ къ образованію разсудка, воли и вкуса". Но только-что указавши въ классическомъ мірѣ эти гражданскія добродѣтели, авторъ вспомнилъ, что въ дѣйствительности древній міръ не имѣетъ ничего общаго съ нашей жизнью, что, напримѣръ, это былъ міръ языческій, и авторъ дѣлаетъ замѣчаніе, которымъ его предъидущія соображенія совершенно подрываются. „Гражданскій бытъ древняго міра,—говоритъ онъ,— не имѣетъ никакой связи съ нашимъ гражданскимъ бытомъ; семейный его бытъ, основанный на язычествѣ, еще менѣе примѣнимъ къ христіанскому обществу; древній міръ оставилъ по себѣ великолѣпные памятники человѣческаго ума и человѣческаго вкуса; но нравственное его устройство только *возбуждаетъ сострадание* въ христіанинѣ; поэтому самому, въ образованіи человѣка-христіанина исторія древняго міра можетъ занимать только второстепенное мѣсто".

Впослѣдствіи находились у насъ противники классицизма, которые доводили до конца эту мысль и полагали, что слишкомъ усиленное преподаваніе древнихъ языковъ и литературъ противорѣчитъ всѣмъ потребностямъ нашего воспитанія: что древнія литературы переполнены языческой безнравственности, изъ которой, напримѣръ, сплошь состоитъ греческая миѳологія; что греческій міръ, какъ и древній римскій, былъ міръ республиканскій, „добродѣтели" котораго мало соотвѣтствуютъ тѣмъ добродѣтелямъ, какія слѣдуетъ внушить юношеству въ государствѣ монархическомъ, и т. д. Въ сущности это, конечно, справедливо. Въ западномъ классическомъ обученіи древніе языки имѣютъ за себя полное историческое право: западная образованность была вдойнѣ историческимъ продолженіемъ древней, во-первыхъ, по непосредственному преемству отъ временъ Римской имперіи, во-вторыхъ, по эпохѣ Возрожденія; латинскій языкъ былъ и остается языкомъ католической церкви, и въ теченіе многихъ вѣковъ (а въ отдѣльныхъ случаяхъ и до настоящаго времени) былъ языкомъ обширной ученой литературы во всей западной Европѣ. Ничего это не знало русское прошедшее; наши связи съ греческимъ міро относятся только къ христіанской Византіи. Съ другой сторо содержаніе античныхъ литературъ,—въ которыхъ намъ указываю образцы гражданскихъ доблестей,—было гораздо ближе на запа

съ широкимъ развитіемъ общественности, политическихъ учрежденій, у насъ неизвѣстныхъ, при свободѣ науки и литературы. Классики изучались на западѣ съ самаго начала среднихъ вѣковъ; тамъ они въ первый разъ были открываемы и усвоивались новѣйшему времени; тамъ произведены всѣ тѣ великіе научные труды, на которыхъ основано современное знаніе античнаго міра. Это знаніе для каждой изъ большихъ западныхъ литературъ есть, въ той или другой мѣрѣ, ея собственное преданіе,—у насъ узнали объ античномъ мірѣ впервые изъ западныхъ книгъ... Вышеприведенныя фразы о нашемъ будто бы самостоятельномъ усвоеніи древнихъ языковъ, какъ „великаго орудія гуманизма", не были убѣдительны и тридцать лѣтъ тому назадъ.

Очень давно поставленъ и другой вопросъ, который до сихъ поръ остается для русскаго общества неразрѣшеннымъ—вопросъ о гимназіяхъ классическихъ и реальныхъ. Въ 1865 году для Стоюнина не было сомнѣнія о томъ, въ какую сторону склоняются сочувствія общества. Говоря о возможности успѣха для частныхъ гимназій,—такъ какъ число казенныхъ было недостаточно, и скораго открытія новыхъ трудно было ожидать,—Стоюнинъ спрашиваетъ, къ какимъ общество отнесется болѣе сочувственно, и отвѣчаетъ не колеблясь: „Еслибы аттестатъ изъ каждой гимназіи давалъ право поступать въ университетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что общество отнеслось бы съ бо̀льшимъ сочувствіемъ къ реальнымъ —въ этомъ удостовѣряетъ насъ общественное мнѣніе, не расположенное къ древнимъ языкамъ" [1]).

Когда много лѣтъ спустя, онъ возвратился снова къ этому предмету, дѣло уже выяснилось. „Не прошло и десяти лѣтъ, — пишетъ Стоюнинъ въ 1881 году,—какъ исполнилось предсказаніе одного изъ нашихъ государственныхъ лицъ, понимающихъ общественныя потребности, предсказаніе, выраженное въ 1871 году, когда разбирался проектъ по учрежденію реальныхъ училищъ: если теперь будетъ отказано въ реальныхъ гимназіяхъ съ бо̀льшимъ, чѣмъ въ классическихъ, преподаваніемъ наукъ точныхъ, то въ скоромъ времени придется опять заняться тѣмъ же предметомъ, ибо потребность видимо ростетъ и просьбы съ одной стороны родителей и общества, а съ другой самихъ профессоровъ (факультетовъ медицинскаго и физико-математическаго) будутъ чаще и [чащ]е повторяться" [2]). Школа не можетъ оставаться неподвижной [въ] своемъ устройствѣ; она должна развиваться сообразно съ успѣ-

[1]) Стр. 284.
[2]) Стр. 353.

хами наукъ и съ потребностями образованія въ жизни,—къ сожалѣнію, на это не было обращено вниманія. Реальныя училища, сами по себѣ не дающія достаточно обще-образовательнаго содержанія и даже закрывающія доступъ къ высшему университетскому образованію, стали какой-то педагогической аномаліей; Стоюнинъ называлъ ихъ мертворожденными. Стоюнинъ вспоминаетъ, какъ еще въ 1871 году, при обсужденіи вопроса о реальныхъ училищахъ государственными людьми, было опровергнуто ходячее представленіе о вредѣ реальнаго образованія и естественныхъ наукъ, будто бы ведущихъ только къ вольнодумству, и о томъ, будто бы вопросъ о классическомъ или иномъ способѣ обученія есть вопросъ о нравственномъ или матеріалистическомъ направленіи обученія, а слѣдовательно и самого общества. Стоюнинъ припоминаетъ: „Въ опроверженіе высказывалась общая мысль, что наука, какъ изученіе законовъ природы и человѣческихъ обществъ, какъ изученіе явленій міра физическаго и міра духовнаго, изысканіе истины, систематическое изложеніе новой какой-либо отрасли человѣческихъ знаній, сама по себѣ можетъ сообщать только полезныя знанія и не можетъ дать вреднаго направленія ни въ религіозномъ, ни въ нравственномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Но преподаватель какого бы ни было предмета всегда имѣетъ возможность дать такое направленіе, если только захочетъ, все равно—придетъ ли онъ въ классъ съ греческой или латинской грамматикой, или съ катехизисомъ Филарета, или съ исторіей хотя бы Беллярминова. Указывалось также, что чтеніе древнихъ авторовъ безпрестанно даетъ поводы вселять въ молодые умы восторженное поклоненіе республикамъ и убѣжденіе, что только при такой формѣ правленія возможны гражданскія доблести, полная честность, любовь къ истинѣ, самоотверженіе, безкорыстіе, отсутствіе раболѣпства, лести сильнымъ и пр. Изъ всего этого выводилось, что можно воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы принести пользу или вредъ, произвести впечатлѣніе благое или вредное, бросить сѣмя доброе или насадить плевелы; слѣдовательно, наука тутъ ни въ чемъ не виновата. Въ защиту естественныхъ наукъ приводились и многозначительные факты изъ тогдашней жизни; то направленіе, которое называлось вреднымъ, замѣчалось еще больше въ такихъ училищахъ, гдѣ вовсе не учили естественнымъ наукамъ, какъ, напр., въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ, напроти ,
преобладали древніе языки и предметы богословскіе"... „Что е
касалось до отсутствія религіозности и извращенія нравственнос ,
чтò также приписывалось дѣйствію естественныхъ наукъ для -
вышенія достоинства древнихъ языковъ, то защитники науки -

нили въ этомъ семью и духовенство: рѣдкая семья могла развивать настоящую чистую религіозность, держась только одной обрядной стороны религіи; а бо́льшая часть законоучителей являлись людьми неумѣлыми въ педагогическомъ дѣлѣ, и ни ученіемъ, ни примѣромъ собственной жизни не могли благотворно дѣйствовать на юношество".

Къ сожалѣнію, эти справедливыя мысли не возъимѣли дѣйствія.

Въ той же статьѣ 1860 года, на которую мы выше указывали, Стоюнинъ возлагалъ надежды на будущее, о которомъ можно было гадать по общему преобразовательному настроенію, еще сильному въ тѣ годы. „Наше правительство,—писалъ Стоюнинъ, — наконецъ, сознало, что оно одно не можетъ заботиться о всѣхъ, удовлетворить всѣмъ потребностямъ, да не имѣетъ и возможности узнать всѣ эти потребности, потому оно отдало самому обществу многое, что́ прежде было въ его рукахъ, показавъ этимъ, что общество само должно быть дѣятельно, само должно стараться удовлетворять своимъ потребностямъ. Позволеніе народу заводить у себя школы безъ всякихъ формальностей и оффиціальныхъ испрашиваній—въ нашихъ глазахъ фактъ весьма важный. Эти школы быстро будутъ распространяться, но непремѣнно сообразно съ общественными потребностями. Если общество призывается къ дѣятельности, и если оно сознало свои недостатки и необходимость идти впередъ, какъ это дѣлается замѣтнымъ въ нашемъ обществѣ, то оно само должно воспитать и образовать себѣ дѣятелей. Принциповъ при воспитаніи можетъ быть много, пусть только будетъ свобода учреждать училища; тѣ, которыя будутъ удовлетворять болѣе общественнымъ потребностямъ, болѣе будутъ и наполняться, и такимъ образомъ выработается у насъ народное воспитаніе" [1]).

Послѣдующая исторія только отчасти оправдала ожиданія. Былъ великій успѣхъ въ томъ отношеніи, что, въ рукахъ земства и нѣкоторыхъ городскихъ управленій, основалось никогда до тѣхъ поръ невиданное число народныхъ школъ, но въ концѣ концовъ и эти скромныя школы стали возбуждать недовѣріе; та маленькая степень познаній, какая сообщалась земскою школою, казалась несоотвѣтствующей „народному характеру", и земской школѣ была противоположена церковно-приходская. Не оправдались и ожиданія ...тъ средней школы. Нѣкогда, въ ожиданіи благотворнаго пр...разованія всей нашей жизни, мы надѣялись, что преобразу...ч и наша школа; мы усердно изучали школу европейскую

...гр. 237—238.

и особенно нѣмецкую, извлекли не мало дѣльнаго и пригоднаго изъ нѣмецкой педагогіи, и намъ оставалось сдѣлать одинъ выводъ, что каждая образовательная школа должна быть національна, должна воспитывать и „человѣка“ и гражданина извѣстной земли, должна удовлетворять потребностямъ и идеальнаго и реальнаго характера, должна сблизиться и сростись съ обществомъ и съ семьею. Черезъ двадцать лѣтъ съ той поры, когда питались эти ожиданія, Стоюнинъ, въ 1881 году, пишетъ съ горечью слѣдующія строки.

„Но, къ сожалѣнію, ничего этого не случилось. У насъ остановились на чужой школѣ и стали передѣлывать прежнюю казенную школу по чужому образцу; думали, что достаточно только опредѣлить число учебныхъ предметовъ и число недѣльныхъ уроковъ по каждому предмету, достаточно ввести новыя методы, выработанныя въ чужой странѣ, устранить суровое обращеніе съ учениками, и школа будетъ дѣлать свое дѣло и доставлять людей способныхъ для каждой сферы дѣятельности. Но такъ ли вышло? Сохранила ли наша преобразованная школа тѣ педагогическія основы, о которыхъ сначала такъ много говорили?

„Нѣтъ, традиція прежней школы взяла верхъ. Школою стали заправлять опять чиновники, и многіе очень сомнительнаго нравственнаго свойства, а не педагоги, голосъ которыхъ пересталъ имѣть значеніе. Вмѣсто нихъ стали являться школьные мастера, *шульмейстеры*, которые старались только механически и, можетъ быть, даже очень добросовѣстно исполнять данныя имъ новыя или новѣйшія программы, уже не основанныя ни на гигіеническихъ, ни на психологическихъ соображеніяхъ. Школа осталась почти безъ нравственнаго вліянія на учениковъ, если не считать нравственнымъ вліяніемъ страхъ, которымъ грубо поддерживалась школьная дисциплина и который вообще составляетъ плохую воспитательную силу. Мы знаемъ воспитательное заведеніе, гдѣ деморализація доходила до возмутительной крайности отъ разлада между начальственными лицами. Мало помогали и улучшенныя методы, когда учениковъ стали обременять непосильными работами, доводя до разслабленія физическаго и умственнаго“ [1]).

Въ той же статьѣ онъ указываетъ прискорбно ненормальное отношеніе школы къ семьѣ и къ воспитанникамъ. Отношеніе между ними совсѣмъ не педагогическое. „Родители пріучены смотрѣть на школьныхъ педагоговъ только какъ на чиновное начальство, которое не нуждается ни въ чьихъ постороннихъ со ѣ-

[1]) Стр. 350.

тахъ. Они могли являться въ школу какъ покорные просители, а заявлять какія-либо претензіи дозволялось только лицу, которое оффиціально поставлено на видной ступени. Всѣ же прочіе боялись своими заявленіями прогнѣвить начальство, чтобы оно не выместило своего гнѣва на ученикѣ. Бывали начальства и такія, которыя вторгались въ порядки самой семьи, выдавая ученикамъ инструкціи, какъ проводить время въ домашнемъ кругу. Отсюда и въ школѣ, и въ семьѣ не развилось яснаго сознанія, что они совокупно дѣлаютъ одно и то же дѣло, и притомъ такое дѣло, на которомъ рознь, такъ или иначе, непремѣнно отзовется дурно. У насъ семья насильственно подчинена школѣ, а школа стоитъ внѣ контроля семьи; ученикъ же долженъ стоять между ними въ положеніи крайне неопредѣленномъ и часто двусмысленномъ. Съ одной стороны, онъ слышитъ въ своей семьѣ сужденія неблагопріятныя для его школы, съ другой стороны въ школѣ долженъ подчиняться распоряженіямъ, которыя не одобрялись семьею, но о которыхъ она не заявляла школѣ своего мнѣнія. Семья находитъ въ школѣ несправедливости, но вмѣсто того, чтобы заявить ей, молчитъ въ виду разныхъ опасеній за своего учащагося члена и, въ тоже время, убѣждаетъ его терпѣливо выносить несправедливости, чтобы не накликать на себя какой-нибудь кары. Гдѣ же тутъ нравственное вліяніе? Не должна ли молодая натура привыкнуть къ увертливости, убѣдиться въ выгодѣ—угождать и нашимъ и вашимъ? Никогда этого не можетъ быть, какъ скоро между школою и семьею образуются болѣе правильныя отношенія“ [1]).

Стоюнинъ говоритъ, наконецъ: „Въ настоящее время въ большинствѣ нашихъ школъ видится преобладаніе взглядовъ „Домостроя“ на человѣческую натуру, что̀ показываетъ полное незнакомство съ законами духовнаго развитія и что̀ должно было случиться при невѣжественномъ отношеніи къ наукѣ о природѣ и человѣкѣ. „Домострой“ думалъ, что наклонность къ злу врождена человѣку, и потому при воспитаніи необходимо всяческими мѣрами подавлять ее и никакимъ образомъ не довѣрять ребенку, а постоянно стоять на стражѣ съ запрещеніями и съ наказаніями. Наша оффиціальная школа пошла даже дальше этого: она стала подозрѣвать и въ самыхъ родителяхъ ту же наклонность къ злу, и къ нимъ стала высказывать такое же недовѣріе, какъ и къ с..мъ ученикамъ“. Онъ приводитъ изъ газеты Аксакова „Русь“ н..ленѣе строгое осужденіе тѣхъ же воспитательныхъ порядковъ

[1]) Стр. 366—367.

и затѣмъ недоумѣваетъ, къ чему намъ было обращаться къ нѣмецкой педагогіи и прикидываться, что мы желаемъ воспользоваться ея опытомъ и указаніями.

Наши отношенія къ этой нѣмецкой педагогіи опять наводятъ Стоюнина на печальныя размышленія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ 50-хъ годовъ начались наши заботы о преобразованіи нашей общественной жизни и въ томъ числѣ нашего общественнаго и народнаго воспитанія, у насъ стали прилежно изучать европейскую школу, предпринимались для этого путешествія („командировки"), переводились иностранныя сочиненія по теоріи и исторіи воспитанія, писались собственныя изслѣдованія; если предпринимались преобразованія въ нашей школѣ, то даже наши проекты посылались на просмотръ къ европейскимъ авторитетамъ, — и однако же въ результатѣ мы все-таки недовольны своею школою. У нея, какъ будто, все-таки нѣтъ настоящей почвы и она не достигаетъ цѣлей, какія ставитъ разумная педагогія. „Что же за причина, что мы недовольны нашей школой?" — спрашиваетъ Стоюнинъ, — и дѣлаетъ оговорку: „Разумѣется, изъ этого слова „мы" выключать себя нѣкоторыя личности, которыя на все смотрятъ зажмуря глаза и считаютъ всякое выраженіе недовольства за преступное покушеніе на существующій порядокъ".

Стоюнинъ дѣлаетъ предположеніе, что нѣмецкіе педагоги, къ авторитету которыхъ мы обращались, не все намъ договорили, а именно не договорили того, что̀ считали общеизвѣстнымъ и понятнымъ безъ толкованій. „Иначе бы они сказали, что дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначается, въ связи съ его природными способностями и наклонностями, въ связи съ его семьею и общественными положеніемъ и требованіями, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и по чужимъ опытамъ, потому что эти опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, можетъ быть, и очень продолжительное; они дѣлались не изъ подражанія кому-нибудь, а вызывались требованіями времени согласно съ его духомъ... Они намъ сказали бы: если вы хотите создать живую школу, то, не пренебрегая той общей наукой, до которой дошли мы, изучите, сколько можете, и свою народную психологію, пользуясь и исторіей, и современнымъ бытомъ народа, и сравненіемъ его съ другими народами. Мы не думаемъ, прибавили бы они, что русскій народъ похожъ на нѣмецкій, что его исторія имѣетъ что-нибудь общее съ нѣмецкою, не думаемъ, что и сколки и слѣпки съ нѣмецкихъ школъ не окажутся мертвыми въ жизни

русскаго народа. Если бы они дали намъ такой совѣтъ, то дѣйствительно научили бы насъ уму-разуму и заставили бы внимательнѣе подумать, какимъ образомъ создать школу живую, способную развиваться въ связи съ психическими и общественными требованіями. Тогда, конечно, намъ стыдно было бы думать, что для школы довольно опредѣленной программы, высиженной въ кабинетѣ, довольно инструкцій, придуманныхъ какимъ-нибудь школьнымъ политикомъ, и школа будетъ жить, развиваться и приготовлять къ какой угодно дѣятельности" [1]).

Къ этимъ и другимъ суровымъ замѣчаніямъ, которыя читатель найдетъ въ его книгѣ, Стоюнинъ прибавляетъ еще слѣдующій совѣтъ, который могли бы дать намъ нѣмецкіе педагоги, и котораго не дали, предполагая, что мы и сами это знаемъ.

„Отъ нихъ же мы услышали бы еще и такой совѣтъ: берегитесь къ педагогическимъ цѣлямъ школы примѣшивать еще какія-нибудь политическія намѣренія и идейки и къ нимъ приспособлять ваши школьныя программы и нравственность; развратомъ и гибелью будутъ они для школы, и не вкусите вы сладкихъ плодовъ отъ нея.

„Не забыли бы они прибавить и другой совѣтъ: если вы хорошо вглядывались въ устройство нашихъ учебныхъ заведеній, то должны были замѣтить, что во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ у насъ свой человѣкъ, а не иноземецъ, у котораго не можетъ быть нравственной связи ни съ нашими дѣтьми, ни съ семьями, ни съ обществомъ. Если вы хотите подражать намъ, то обратите вниманіе и на это обстоятельство. Мы хлопочемъ о томъ, чтобы наша школа могла назваться *національною*: въ этомъ должна заключаться ея жизнь. Совѣтуемъ и вамъ похлопотать о томъ же всѣми силами.

„Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать хорошею ту школу, изъ которой выходятъ не съ любовью и благодарностью, а съ чувствомъ раздраженія и недовольства? Хороша ли та школа, о которой потомъ приходится часто вспоминать съ упрекомъ, что не дала она надлежащей подготовки ни для науки, ни для жизни?" [2])

Въ заключеніе приводимъ еще нѣсколько мыслей Стоюнина объ общественномъ значеніи школы: „Наша обыденная жизнь показываетъ, что понятіе объ общественной нравственности еще не успѣло войти въ ясное сознаніе большинства русскихъ людей. Стремленіе жить только для себя или на общественный счетъ,

---

[1]) Стр. 341—342.
[2]) Стр. 342—343.

разсчеты на однѣ личныя выгоды, уклоненіе отъ добросовѣстнаго труда, беззастѣнчивая ложь—вотъ что̀ отличаетъ многихъ изъ насъ въ общественной сферѣ... Отсюда видно, что чувство нравственной связи съ обществомъ и съ народомъ у насъ развито слишкомъ мало. Общественная же нравственность можетъ вытекать только изъ этого чувства. Вотъ еще требованіе, какое можно предъявить школѣ со стороны общества. Правильно поставленная школа можетъ имѣть хорошее вліяніе и на нравственное развитіе общества.

„Если свободный трудъ составляетъ одну изъ основъ общественной жизни, то понятно, что общество въ правѣ заявить и еще такое требованіе: чтобы школа, задавая себѣ цѣль развивать силы физическія, умственныя и нравственныя, направляла ихъ къ производительному труду; изъ нея должны выходить въ общество люди, готовые на трудъ по своимъ силамъ,—выходятъ ли изъ школы элементарной, средней, высшей, спеціальной.

„Если же школа не захочетъ знать всѣхъ этихъ потребностей русской общественной жизни, то какимъ бы наукамъ она ни учила, какую бы педагогію ни приняла въ свое основаніе, она не будетъ русскою школою, не будетъ въ ней и настоящей жизни, не будутъ выходить изъ нея и такіе люди, въ какихъ въ настоящее время сильно нуждаются государство и общество. Нравственное значеніе русской школы можетъ опредѣлиться только тѣсной связью ея съ обществомъ.

„Если школа, какъ извѣстный періодъ жизни человѣка, предназначеннаго для жизни гражданской, связывается съ періодомъ совершеннолѣтія, когда въ немъ вполнѣ выработывается нравственный идеалъ и когда нравственное его достоинство возвышается отъ сознаннаго безкорыстнаго стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру, изящному, то нельзя требовать отъ школы, чтобы она выпускала молодыхъ людей уже съ готовыми идеалами. Нравственный живительный идеалъ развивается и проникаетъ въ сердце только въ связи съ дѣйствительною общественною жизнію, и только тогда онъ можетъ назваться не мечтательнымъ, не фальшивымъ, не болѣзненнымъ, а идеаломъ здоровымъ, близкимъ къ настоящей жизни, способнымъ вызвать на энергическій и небезплодный трудъ. Школа должна приготовить духовныя силы юноши для созданія идеала, должна пробудить въ немъ безкорыстную любовь къ истинѣ, правдѣ, добру и прекрасному, и стремленія къ нимъ; но она не можетъ навязывать никакой теоріи для жизни, ровно никакой исключительной идеи, которой должна быть посвящена жизнь, какъ это дѣлаютъ школы іезуитскія. Безъ этихъ

оковъ долженъ вступать юноша въ жизнь, съ полной свободой выбрать себѣ поприще, лишь было бы въ немъ живо чувство справедливости, честности, стремленіе соединить свое благо съ общимъ" [1]).

Мы привели нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Стоюнина, которые дадутъ читателю представленіе о складѣ его мнѣній; въ самой книгѣ читатель найдетъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ трактатовъ о прошедшемъ и настоящемъ русской школы, которые заслуживаютъ полнаго вниманія всякаго образованнаго человѣка, которому не чужды интересы нашей школы, т.-е. важнѣйшаго орудія въ образованіи новыхъ поколѣній русскаго общества; не говоримъ о педагогахъ — для нихъ книга Стоюнина должна бы стать настольной книгой.

Какъ мы говорили, Стоюнинъ былъ типическимъ представителемъ нашего періода реформъ, закончившагося лѣтъ тридцать тому назадъ. Отъ природы настроенный идеалистически, даже немного поэтъ, онъ помнилъ и, безъ сомнѣнія, самъ испыталъ тѣ зачатки глубокаго общественнаго интереса, который развивался, часто скрытно, въ средѣ наиболѣе образованныхъ людей сороковыхъ годовъ, и эти задатки возъимѣли свою силу и укрѣпились новыми вліяніями къ тому времени, когда онъ начиналъ свою самостоятельную дѣятельность. Поприще преподавателя, выбранное какъ средство существованія, оказалось именно тѣмъ поприщемъ, на которомъ всего лучше могли быть примѣнены его дарованіе и его душевныя свойства: онъ былъ не только теоретическій ученый, у него была потребность дѣйствія, именно живого дѣйствія на молодыя поколѣнія, средствами знанія и нравственно-общественныхъ правилъ. Мы говорили объ его учебныхъ трудахъ: его сочиненія по русской литературѣ отличаются отъ всѣхъ другихъ учебниковъ именно стремленіемъ осмыслить для ученика исторію русской литературы объясненіемъ ея внутренняго содержанія; это — исторія народныхъ и общественныхъ идеаловъ въ ихъ преемственномъ ростѣ и совершенствованіи, идеаловъ, въ которыхъ сказываются глубочайшія стремленія народной жизни и выполненіе которыхъ есть задача просвѣщенія. Историческое знаніе, и также преподаваніе, становилось само собой нравственно-о ественнымъ поученіемъ.

Это пониманіе своего спеціальнаго предмета стояло въ тѣс- і связи съ его общими педагогическими воззрѣніями. Стою-

---

[1] Стр. 361—362.

нинъ, какъ мы упоминали, принадлежалъ къ группѣ тѣхъ педагоговъ, которые были, въ своей области, именно питомцами и представителями преобразовательныхъ стремленій прошлаго царствованія. По цитатамъ, которыя мы приводили изъ его сочиненій, можно видѣть, какъ представлялись ему тѣ событія конца Николаевскаго и начала прошлаго царствованія, которыя стали рѣшающимъ поворотомъ въ нашей общественной и государственной жизни. Надо было быть самому,—какъ онъ былъ,—свидѣтелемъ того нравственнаго упадка, къ которому приходило общество подъ давленіемъ стараго режима; надо было быть свидѣтелемъ матеріальныхъ невзгодъ и пораженій, которыя должно было испытать само государство, чтобы навсегда сохранить впечатлѣнія той эпохи, и чтобы съ тѣхъ поръ онѣ неизбѣжно входили въ его пониманіе общественнаго положенія. Это было весьма естественно и логически вѣрно: эти впечатлѣнія были цѣлымъ историческимъ моментомъ русской жизни. Оттого люди той эпохи,—разумѣемъ людей, относившихся къ судьбамъ своего народа и общества сознательно и честно, — съ такимъ увлеченіемъ отдавались работѣ въ новомъ направленіи и, быть можетъ, слишкомъ довѣрчиво, иногда почти легкомысленно, отдавались надеждамъ на лучшее будущее, какъ будто оно уже совсѣмъ наступило. Эти люди съ ужасомъ думали о пережитомъ прошедшемъ, еслибы оно могло опять возвратиться,—потому что считали его, и справедливо, гибельнымъ; и съ великою ревностью работали въ духѣ преобразованій, которыя, по глубокому ихъ убѣжденію, однѣ могли быть для общества спасительны.

Кружокъ педагоговъ новаго направленія, какъ извѣстно, предпринялъ, и частію совершилъ, не мало трудовъ на пользу школы высшей, средней и народной. Само правительство сознало необходимость преобразованія школы, предпринимало для этого разнообразныя изслѣдованія, и университетскій уставъ 1863 года остался памятникомъ того времени. Кружокъ педагоговъ, отчасти по оффиціальной службѣ, отчасти по собственной иниціативѣ, работалъ въ томъ же духѣ—для объясненія наиболѣе цѣлесообразнаго типа школы, для распространенія здравыхъ педагогическихъ понятій, для улучшенія пріемовъ преподаванія и учебныхъ книгъ, для усовершенствованія и распространенія популярной литературы, для развитія вопроса о женскомъ образованіи, наконецъ для установленія народной школы.

Къ сожалѣнію, и въ этой области преобразованій, какъ и многихъ другихъ, первый реформаторскій порывъ уже ско изсякъ; и если въ другихъ отношеніяхъ реформа была укрѣпле

болѣе или менѣе прочно учрежденіями, какъ реформа крестьянская, какъ новые суды, или новыя пріобрѣтенія утверждались самою силою вещей, какъ напр. въ области печати, гдѣ, при всей непрочности ея положенія, очень расширился кругъ доступныхъ для нея предметовъ,—то въ области школы не было положено такихъ основаній, которыя помогли бы ей удержаться въ ея новомъ направленіи. Школьное дѣло въ особенности требуетъ традиціи; для той школы, какая начинала установляться послѣ реформы, школа старая давала очень мало или совсѣмъ не давала дѣятелей,—они могли образоваться только въ новомъ поколѣніи, — между тѣмъ едва новая педагогія сдѣлала свои первые шаги, какъ въ школьномъ дѣлѣ началась реакція, подрывавшая новую дѣятельность въ самомъ корнѣ. Выше мы привели слова Стоюнина объ этой реакціи, наступившей въ школьномъ дѣлѣ: школа была именно замѣшана въ политику, сдѣлалась ареной для интриги и въ концѣ концовъ утратила то лучшее, что̀ было дано ей періодомъ реформъ. Идеалисты общественнаго и народнаго воспитанія, какъ Стоюнинъ, дѣлались анахронизмомъ.

Передъ нами, такимъ образомъ, два взгляда на педагогическій вопросъ: тотъ, какой образовался тридцать лѣтъ тому назадъ, и тотъ, какой существуетъ въ настоящую минуту. Едва-ли возможно опровергнуть замѣчанія Стоюнина о тѣхъ недостаткахъ, какіе указываетъ онъ въ современной школѣ. Въ послѣднее время о нихъ рѣдко говорится въ печати, но наличность ихъ извѣстна тѣмъ, кому приходится встрѣчаться съ этой школой въ дѣйствительности, и за прежнее время литература достаточно говорила о преувеличеніяхъ классической системы, о нераціональной постановкѣ преподаванія, экзаменовъ, школьной дисциплины, объ излишествѣ работъ, налагаемыхъ на ученика, и о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этого, которыя обнаруживаются съ одной стороны физическимъ переутомленіемъ, а съ другой даже и малыми успѣхами. Говорилось и о томъ, что въ послѣднее время у питомцевъ новѣйшей школы замѣчается даже плохое знаніе русскаго языка. Всѣ эти обстоятельства, даже, повидимому, мелкія, являются крупнымъ недостаткомъ въ своемъ общемъ итогѣ, а самое главное во всемъ этомъ то, на что указываетъ Стоюнинъ: школа не достигаетъ главной своей цѣли — быть національной. Въ самомъ д[illegible], каковы бы ни были психологическія задачи общаго нрав[illegible]нnаго воспитанія и логическія задачи умственнаго развитія [illegible]щеобразовательныхъ познаній, на школѣ лежитъ вездѣ и [illegible]а особенная великая обязанность. Она готовитъ будущихъ [illegible]анъ *даннаго* государства, воспитываетъ дѣтей *даннаго* на-

рода, готовить ихъ къ непосредственной жизни. Очевидно, что только по этимъ основнымъ требованіямъ и должно опредѣляться ея содержаніе. Что воспитаніе нравственное не можетъ достигаться однимъ внѣшнимъ заучиваніемъ извѣстныхъ правилъ, это очевидно само собою, и мы указали выше словами Стоюнина, какіе прискорбные недочеты представляетъ нерѣдко въ этомъ отношеніи наша школа. Что касается общеобразовательныхъ элементовъ школъ, очевидно, что ихъ опредѣленіе должно именно сообразоваться съ историческими судьбами народа, съ данными потребностями его настоящаго. У насъ утверждали,—замѣшивая въ школьный вопросъ „политику",—что единственное общеобразовательное средство доставляется классицизмомъ, причемъ дѣлается ссылка на мнимый примѣръ школы западно-европейской. Но, во-первыхъ, авторитетные умы само́й западной школы указывали, что при современномъ состояніи человѣческаго знанія это положеніе не выдерживаетъ критики. Во-вторыхъ, школьный классицизмъ въ западной Европѣ, для всѣхъ ея странъ безъ исключенія, имѣетъ значеніе историческаго преданія: классическая литература (именно латинская) была унаслѣдована западной Европой непосредственно отъ античнаго Рима, при самомъ началѣ ихъ исторіи и латынь въ теченіе многихъ вѣковъ была единственнымъ языкомъ ихъ науки, была даже языкомъ поэтической литературы; въ эпоху возрожденія классическая литература (на этотъ разъ не только римская, но и греческая) стала для западныхъ народовъ орудіемъ новаго просвѣщенія и послужила образцомъ для новаго развитія литературъ европейскихъ въ формѣ псевдо-классицизма, господствовавшаго даже до начала нынѣшняго столѣтія. Но этой традиціи совершенно не знаетъ русская исторія: все это древнее значеніе классицизма осталось для нея совершенно чуждо; то существенное, что́ было извлечено ходомъ европейскаго просвѣщенія изъ этого источника, было усвояемо нами съ XVIII-го вѣка уже въ формѣ новѣйшаго знанія, неизмѣримо болѣе широкаго, чѣмъ античное, и въ формѣ литературной, псевдо-классической, которая затѣмъ была отжита и въ западной Европѣ, и у насъ, давши мѣсто національнымъ элементамъ новѣйшей литературы. Въ старой школьной формѣ псевдо-классицизмъ становится балластомъ. Что касается того значенія, какое приписывается изученію древнихъ языковъ, какъ средству для логическаго развитія, то давно уже доказано, что это развитіе столько же, и даже еще лучше, возможно на изученіи живыхъ языковъ, чѣмъ языковъ мертвыхъ. А главное, забывается при этомъ именно національное значеніе русской школы и ея истинныя потребности. Чрезвычайно ха-

рактеренъ при этомъ давно указываемый упадокъ знанія русскаго языка и частью русской исторіи. Изученіе мертвыхъ языковъ, которому школа отдаетъ такъ много времени, по выходѣ ученика изъ школы оказывается обыкновенно совершенно безплоднымъ (кромѣ тѣхъ рѣдкихъ единицъ, которыя идутъ на филологическій факультетъ); плохо выученные въ школѣ, они потомъ забываются совсѣмъ, потому, что въ жизни для нихъ не встрѣтится никакого примѣненія. Съ другой стороны, питомецъ школы не получаетъ многихъ чисто элементарныхъ свѣденій, необходимыхъ для жизни гораздо болѣе, чѣмъ знаніе греческаго языка: онъ не имѣетъ понятія ни о законахъ природы, ни о формахъ управленія и быта въ его государствѣ, — не говоримъ уже о множествѣ частныхъ практическихъ отношеній, съ которыми онъ тотчасъ встрѣчается въ дѣйствительной жизни. Не забудемъ, что для множества учениковъ гимназія является послѣднимъ пунктомъ общаго образованія.

Жизнь все болѣе и болѣе усложняется, между прочимъ и русская жизнь, которая вообще движется медленно. Послѣдній печальный годъ указалъ, между прочимъ, съ страшною наглядностью, что нужна великая забота о какомъ-либо расширеніи народнаго просвѣщенія: по общему отзыву сельскихъ хозяевъ и экономистовъ, большой процентъ (хотя трудно опредѣлимый, но во всякомъ случаѣ очень значительный) голоднаго бѣдствія долженъ быть приписанъ, кромѣ матеріальной бѣдности, крайней умственной нищетѣ народа. Вотъ гдѣ великая національная потребность: кромѣ сколько возможнаго размноженія народной школы, необходимо было бы размноженіе людей, приготовленныхъ къ пониманію народныхъ и общественныхъ нуждъ и къ практическому труду. За послѣдніе годы мы слышали безсмысленныя жалобы на „перепроизводство интеллигенціи“, которая не находитъ себѣ мѣста — другими словами, не находитъ чиновническихъ мѣстъ. Если послѣднее справедливо, то эти жалобы означаютъ, напротивъ, крайнюю скудость нашего образованія и также ненормальную его постановку: молодому человѣку некуда дѣвать своего классическаго образованія и онъ стремится только въ канцелярію; для другихъ сторонъ жизни онъ ни мало не приготовленъ, а въ этихъ сторонахъ образованіе такъ скудно, что въ обычномъ р[illegible]ѣ вещей не составилось даже какой-нибудь въ немъ потребн[illegible]: промышленность и ремесло, торговля, въ ихъ безчислен[illegible] отрасляхъ, наконецъ сельское хозяйство, ведутся по старод[illegible]мъ пріемамъ, безъ участія „интеллигентныхъ“ силъ, и вслѣдс[illegible] того или ведутся первобытаыми способами и приходятъ въ

упадокъ, какъ сельское хозяйство, или попадаютъ въ руки иностранныхъ мастеровъ и техниковъ. Встрѣтить образованнаго купца можно только очень рѣдко; образованный русскій ремесленникъ есть, кажется, явленіе небывалое. Господство первобытнаго невѣжества провинціальныхъ захолустьевъ таково, что человѣкъ дѣйствительно „интеллигентный“ просто боится вступать въ эту среду, которая обхватитъ его своими первобытными нравами, и которой онъ останется чуждъ. Намъ приводятъ анекдоты о медикахъ или инженерахъ, бросающихъ свою спеціальность для мѣста въ канцеляріи,—но въ то же время народная масса въ громадномъ процентѣ остается безъ медицинской помощи и т. п. Бѣдствіе—не въ излишнемъ изобиліи интеллигенціи, а въ томъ первобытномъ состояніи умовъ и нравовъ, которое считаетъ, что можно совсѣмъ обойтись безъ помощи науки и образованія и дѣйствительно создаетъ положеніе вещей, гдѣ интеллигентная сила оказывается ненужной и принимается враждебно. Было бы несправедливо винить тѣхъ медиковъ и инженеровъ, которые предпочитаютъ искать мѣста въ канцеляріи: отдѣльныя лица не въ силахъ бороться противъ цѣлаго склада нравовъ.

Въ нашей печати не однажды приводились сравнительныя цифры школъ и ихъ учениковъ въ Россіи и другихъ государствахъ Европы: эти цифры краснорѣчиво указываютъ печальный недостатокъ, которому можетъ помочь только распространеніе истинно національной школы, о которой мечталъ педагогъ-идеалистъ шестидесятыхъ годовъ.

А. В—нъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1892 г.

Правительственное сообщеніе о ходѣ продовольственнаго дѣла и правительственныя предположенія по этому предмету. — Разногласіе въ средѣ нижегородской продовольственной коммиссіи по вопросу объ организаціи продовольственнаго дѣла. — Толки о подоходномъ налогѣ. — Виды на урожай озимыхъ хлѣбовъ.

Правительственное сообщеніе о ходѣ продовольственнаго дѣла, начиная съ самыхъ первыхъ мѣропріятій, вызванныхъ прошлогоднимъ неурожаемъ, до окончанія яровыхъ посѣвовъ и заготовки хлѣба на лѣтніе мѣсяцы, опредѣляетъ всѣ затраты, сдѣланныя государствомъ и обществомъ на борьбу съ бѣдствіемъ, почти въ 150 милліоновъ рублей (изъ государственнаго казначейства — 126½ мил., изъ имперскаго продовольственнаго капитала—до 7 мил., изъ средствъ благотворительности—приблизительно 15 милліоновъ). „Столь значительный размѣръ расходовъ,—читаемъ мы дальше въ сообщеніи,— вызываетъ вопросъ: не представлялось ли возможнымъ, при иномъ устройствѣ дѣла попеченія о народномъ продовольствіи, вести борьбу съ послѣдствіями неурожая съ меньшимъ напряженіемъ силъ страны? Конечно, на вопросъ этотъ приходится отвѣтить признаніемъ, что веденіе продовольственнаго дѣла, въ случаяхъ значительныхъ неурожаевъ въ странѣ, при нынѣ дѣйствующихъ узаконеніяхъ по продовольственной части, весьма затруднительно, потому что узаконенія эти во многомъ не отвѣчаютъ практическимъ потребностямъ нашего современнаго хозяйственнаго строя. Къ числу серьезныхъ недостатк ь дѣйствующихъ постановленій по народному продовольствію слѣд ъ отнести: несовершенство существующаго порядка опредѣленія в икающей вслѣдствіе неурожая продовольственной нужды, недос окъ въ средѣ мѣстнаго управленія соотвѣтствующихъ органовъ д живого веденія исполнительной части продовольственныхъ мѣро-

пріятій, неудовлетворительность постановленій, опредѣляющихъ систему обезпеченія населенія продовольственными запасами. Въ виду вышеизложеннаго, признано необходимымъ пересмотрѣть въ ближайшемъ будущемъ уставъ народнаго продовольствія. Вслѣдствіе этого, въ январѣ текущаго года, министръ внутреннихъ дѣлъ обратился ко всѣмъ начальникамъ пострадавшихъ губерній съ циркуляромъ, въ коемъ указывалъ имъ на наиболѣе существенные вопросы по продовольственной части, возникшіе за послѣднее время, и предложилъ, обстоятельно разсмотрѣвъ въ состоящихъ подъ ихъ предсѣдательствомъ продовольственныхъ совѣщаніяхъ какъ означенные вопросы, такъ и другіе, могущіе возникнуть въ совѣщаніяхъ относительно правильной постановки продовольственнаго дѣла въ будущемъ, увѣдомить министерство о результатахъ таковаго разсмотрѣнія. Отзывы эти дадутъ существенный матеріалъ въ ряду другихъ подготовительныхъ работъ, предпринятыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по предстоящему пересмотру устава объ обезпеченіи народнаго продовольствія".

Особеннаго вниманія заслуживаетъ, какъ намъ кажется, признаваемый правительственнымъ сообщеніемъ *недостатокъ въ средѣ мѣстнаго управленія соотвѣтствующихъ óрагановъ для живого веденія исполнительной части продовольственныхъ мѣропріятій.* Наличность и серьезность этого недостатка не подлежитъ никакому сомнѣнію. Когда разразилось бѣдствіе, не было подъ рукою точныхъ свѣденій о положеніи каждой застигнутой имъ мѣстности, каждой страдающей отъ него семьи. Пришлось руководствоваться подворными списками, нáскоро и кое-какъ составленными, иногда вовсе не провѣренными, иногда провѣренными придирчиво или торопливо; пришлось изучать результаты бѣдствія и постепенный ростъ его по мертвымъ бумагамъ или по мало достовѣрнымъ слухамъ; пришлось поручать распредѣленіе и раздачу ссудъ учрежденіямъ и лицамъ, склоннымъ относиться къ ней, въ лучшемъ случаѣ, индифферентно и формально. Затрудненій оказалось еще больше, когда къ продовольственной ссудѣ присоединились благотворительныя пособія. Дѣло пошло на ладъ почти исключительно тамъ, гдѣ за него принялись частныя лица; при отсутствіи добровольцевъ почти вездѣ господствовало бездѣйствіе, иной разъ переходившее въ противодѣйствіе. Чѣмъ же, однако, объяснить всѣ эти безспорныя и печальныя явленія? Развѣ земскіе начальники, съ своими ближайшими подчиненными — волостными старшинами и сельскими старостами,—не могли послужить именно тѣми „соотвѣтствующими óрганами для живого веденія дѣла", отсутствіе которыхъ констатируется правительственнымъ сообщеніемъ? Вѣдь при учрежденіи должности земскихъ начальниковъ выставля-

лась на видъ, между прочимъ, именно необходимость создать на мѣстахъ близкую и сильную власть, которая могла бы являться на помощь населенію во всѣхъ его обычныхъ и необычныхъ нуждахъ. Въ томъ-то и дѣло, что власть земскихъ начальниковъ оказалась, прежде всего, недостаточно близкой. Отъ лица, которому подвѣдомственны три или четыре волости, съ нѣсколькими десятками селеній и нѣсколькими десятками тысячъ жителей, нельзя и требовать, чтобы онъ все и всѣхъ одинаково хорошо зналъ, вездѣ бывалъ, во всемъ удостовѣрялся лично. Необходимость заставляетъ его полагаться во многомъ на своихъ помощниковъ—безличныхъ, бо́льшею частью мало способныхъ, иногда не совсѣмъ добросовѣстныхъ старшинъ и старостъ, привыкшихъ считать себя не представителями своей мѣстности и не оберегателями ея интересовъ, а послушными орудіями въ рукахъ начальства. *Сила* власти, въ данномъ случаѣ, также не принесла большой пользы: скорѣе наоборотъ. Не возбуждая довѣрія въ крестьянахъ, она мѣшала земскимъ начальникамъ вникнуть во всѣ подробности бѣдствія, посмотрѣть на него прямо и просто. Кто привыкъ карать, стращать, приказывать и требовать безпрекословнаго исполненія приказаній, тому трудно перейти къ совмѣстной дѣятельности съ подвластными лицами, трудно выслушивать ихъ замѣчанія, еще труднѣе слѣдовать ихъ совѣтамъ. Многочисленность и сложность занятій, возложенныхъ на земскихъ начальниковъ, не позволяла имъ, притомъ, сосредоточиться на продовольственномъ вопросѣ, какъ бы настойчиво онъ ни былъ свыше рекомендуемъ ихъ вниманію; нельзя же было бросить текущія дѣла, нельзя было прекратить пріемъ жалобъ и исковыхъ прошеній, нельзя было не присутствовать въ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда.

Дурное и недостаточное питаніе повлекло за собою, какъ и всегда, сильное развитіе эпидемій. Для борьбы съ ними точно такъ же, какъ и для борьбы съ голодомъ, весьма важно имѣть на мѣстѣ готовую организацію, которая могла бы замѣтить первые признаки болѣзни, тотчасъ же сообщить о ней куда слѣдуетъ и создать рамки, расчистить почву для медицинской помощи. Если это, сплошь и рядомъ, не было сдѣлано, если возможно было игнорированіе и даже отрицаніе болѣзней, на самомъ дѣлѣ широко распространенныхъ, то причина и здѣсь все та же: недостатокъ „соотвѣтствующихъ óрга-новъ для живого веденія дѣла". Только теперь можно оцѣнить лнѣ незамѣнимость мелкой самоуправляющейся единицы, въ ьзу которой такъ давно, такъ энергично и такъ напрасно высказались и многія земства, и значительная часть періодической ати. Полу-забытый вопросъ о всесословной волости или всесловь приходѣ выдвинулся на сцену, какъ только обрисовалась не-

подготовленность администраціи и земства къ труднымъ задачамъ, внезапно поставленнымъ событіями. Вотъ, напримѣръ, что̀ говорилъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ корреспонденту „Новаго Времени" одинъ изъ „выдающихся русскихъ земцевъ" (бывшій предсѣдатель кирсановской—тамбовской губерніи—уѣздной земской управы, Л. В. Дашкевичъ): „провѣрить нужду нѣсколькихъ десятковъ тысячъ домохозяевъ членамъ управы, совмѣстно съ земскими начальниками, нѣтъ возможности, даже при участіи нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь вопросъ не въ провѣркѣ (чего сдѣлать нельзя иначе, какъ механически), а въ точномъ знаніи *нуждаемости*, а такое знаніе доступно лишь при сосѣдскихъ отношеніяхъ. Оно только и достижимо, когда уѣздная единица—приходъ, не духовный лишь, но и вполнѣ гражданскій, тѣсно слитый изъ духовенства, мѣстной интеллигенціи и представителей крестьянскихъ міровъ. Призывая приходъ къ борьбѣ съ голодомъ, мы организуемъ всѣ наличныя живыя силы уѣзда... Я глубоко убѣжденъ, что Россія неизбѣжно придетъ къ приходской организаціи, ибо только она и практична, и отвѣчаетъ духу народа, и является *живой*, естественной, а не искусственно-географической организаціей, какъ нынѣшнія волости [1]). Эта единица мертва уже потому, что важнѣйшія силы уѣзда, наиболѣе просвѣщенныя и могущія обладать иниціативой, изъ нея исключены и, такъ сказать, выброшены изъ ежедневной жизни: духовенство и личные владѣльцы. Вотъ почему и въ вопросѣ о пособіяхъ голосъ волости никакого значенія не имѣетъ, и ни къ какому живому дѣлу она неспособна" („Новое Время", № 5626). Возставая противъ сословной организаціи земства, г. Дашкевичъ высказалъ убѣжденіе, что къ приходу слѣдовало бы пріурочить и земскіе выборы, сдѣлавъ его, такимъ образомъ, и „земской единицей, и земскимъ фундаментомъ (тамъ же, № 5630). Въ корсунскомъ уѣздѣ (симбирской губерніи) одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, г. Поливановъ, предложилъ поручить распредѣленіе пособій церковно-приходскимъ попечительствамъ, гдѣ онѣ существуютъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій нижегородской губернской продовольственной коммиссіи одинъ изъ членовъ (С. Н. Зененко) указалъ на необходимость такой организаціи, при которой (по вопросу объ опредѣленіи степени нужды) между постановленіями сельскихъ сходовъ и санкціей земскихъ начальниковъ находился бы контроль людей выборныхъ. Другой членъ коммиссіи (Н. Ф. Анненскій, извѣстный земскій статистикъ) замѣтилъ, по этому поводу, что такой контроль былъ бы на-лицо, если бы

[1]) Въ корреспонденціи сказано: волостныя правленія—но это, какъ видно изъ послѣдующаго, явная ошибка.

существовала болѣе мелкая единица, чѣмъ уѣздъ — напримѣръ, проектированная такъ-называемою Кахановскою коммиссіею всесословная волость. За отсутствіемъ ея, большую пользу, по мнѣнію г. Анненскаго, могли бы принести и церковныя попечительства.

Позволимъ себѣ напомнить сказанное нами на этомъ мѣстѣ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ тогдашней голодовки (въ губерніяхъ саратовской и самарской): „приведеніе въ извѣстность размѣровъ и степени нужды, составленіе и провѣрка списковъ нуждающихся, наблюденіе за перевозкой и раздачей хлѣба— все это можетъ быть хорошо выполнено только лицами близкими къ населенію, постоянно или часто живущими въ его средѣ. И вотъ начинается (въ случаѣ неурожая) отыскиванье такихъ лицъ—начинается тогда, когда критическая минута уже наступила, когда ждать нельзя, а нужно дѣйствовать во что бы то ни стало. Останавливаются прежде всего на лицахъ, извѣстныхъ цѣлому уѣзду—на выдающихся гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія. Нѣкоторые изъ нихъ—далеко не всѣ — соглашаются раздѣлить съ управой трудъ изслѣдованія и повѣрки; но даже съ ихъ помощью дѣло не можетъ идти вполнѣ успѣшно. На долю каждаго изслѣдователя приходится по нѣскольку волостей, изъ которыхъ ему коротко знакома лишь одна или часть одной. Поспѣшно оконченный трудъ оставляетъ желать весьма многаго; обнаруживается необходимость новой его провѣрки, къ которой рѣшаютъ привлечь возможно бóльшее число лицъ. Здѣсь встрѣчается новое затрудненіе: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не находится ни одного лица, которое было бы настолько извѣстно земской управѣ или земскому собранію, чтобы на него могла быть возложена роль, требующая довѣрія. Дѣло улаживается съ грѣхомъ пополамъ; тяжелая година приходитъ къ концу—и все возвращается въ прежнее положеніе, оставляя въ лучшихъ земскихъ дѣятеляхъ сознаніе сдѣланныхъ ошибокъ, безъ увѣренности въ томъ, что невозможно ихъ повтореніе“ („В. Е.“, 1881, № 8, Внутреннее Обозрѣніе). Вся эта страница могла бы быть написана сегодня, съ прибавкой только къ числу лицъ, изслѣдующихъ нужду и распредѣляющихъ пособія, земскихъ начальниковъ; но мы уже знаемъ, что отъ этой прибавки ничего существенно не измѣняется. Выводъ остается и теперь безусловно тотъ же, къ которому мы пришли тогда: „вездѣ чувствуется потребность въ такомъ учрежденіи, которое, преслѣдуя земскія цѣли, дѣйствуя въ земскомъ духѣ, стояло бы близко къ населенію, было бы готово встрѣтить народную нужду въ самомъ ея началѣ, заранѣе вооружилось бы противъ голода и заразительныхъ болѣзней“. Такимъ учрежденіемъ мы считали тогда и считаемъ т[illegible]ъ всесословную самоуправляющуюся волость. О преимуществахъ

ея передъ всесословнымъ приходомъ мы говорили много разъ [1]); но это не мѣшаетъ намъ признать, что въ *настоящее время* большимъ пріобрѣтеніемъ, большой перемѣной къ лучшему было бы и учрежденіе всесословнаго прихода.

Намъ могутъ возразить, что толки о всесословной волости или всесословномъ приходѣ были понятны до судебно-административной и земской реформы, но не имѣютъ никакого практическаго смысла теперь, когда только-что перестроено все зданіе мѣстнаго управленія и самоуправленія. Въ это зданіе мелкая всесословная единица не введена вполнѣ сознательно и намѣренно: она признана не только излишней, но и неумѣстной, противорѣчащей съ одной стороны сословному принципу, съ другой—принципу „властной руки" и административной опеки. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ противъ такого возраженія было бы трудно спорить; слишкомъ неосуществимой представлялась тогда надежда на измѣненіе или хотя бы дополненіе порядка, только-что установленнаго и признаннаго наилучшимъ. Печальный опытъ прошедшей зимы обнаружилъ, однако, что и на томъ, что̀ считалось солнцемъ, есть большія пятна. Если въ мѣстномъ управленіи оказывается „недостатокъ соотвѣтствующихъ о̀рѓановъ для живого веденія исполнительной части продовольственныхъ мѣропріятій", то этотъ недостатокъ, очевидно, долженъ быть пополненъ. Если „живое веденіе" продовольственнаго дѣла на мѣстахъ непосильно ни для земскихъ начальниковъ, ни для земскихъ управъ, ни для крестьянскихъ властей, то должно же быть создано какое-нибудь учрежденіе, которое было бы „соотвѣтствующимъ" средствомъ къ достиженію столь важной цѣли. Совершенно очевидно далѣе, что учрежденіе это не можетъ имѣть бюрократическаго характера. Гдѣ найти для каждаго уѣзда нѣсколько десятковъ новыхъ должностныхъ лицъ („продовольственныхъ попечителей"), откуда взять средства для ихъ содержанія, какъ организовать дѣйствительный надзоръ надъ ними? Изъ людей болѣе образованныхъ никто не захочетъ занять должность хлопотливую, отвѣтственную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ скромную, подчиненную, скудно оплачиваемую—а попечитель изъ крестьянъ, назначенный земскимъ начальникомъ или хотя бы выбранный волостнымъ или сельскимъ сходомъ, ничѣмъ, конечно, не будетъ отличаться отъ волостного старшины или сельскаго старосты, справедливо признаваемыхъ „несоотвѣтствующими" для „живого веденія" продовольственнаго дѣла. Не остается, слѣдовательно, ничего иного, какъ образовать мелкую самоуправляющуюся единицу, которая могла бы вѣдать на мѣстахъ какъ продовольствен-

[1]) См., напримѣръ, Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы", 1888

ное дѣло, такъ и другія съ нимъ однородныя (напр. санитарное, дорожное, школьное, благотворительное, опекунское и т. п.). Возможно ли, однако, установить правильныя отношенія между этой единицей и земскимъ начальникомъ? Едва-ли, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока послѣдній будетъ считаться безусловнымъ „хозяиномъ" своего участка. При такомъ взглядѣ на земскаго начальника немыслимо самоуправленіе реальное, живое. Всесословная волость, связанная по рукамъ и по ногамъ, немногимъ отличалась бы отъ нынѣшней крестьянской волости, самоуправляющейся только по имени. Другое дѣло, если будутъ приняты въ соображеніе указанія опыта, если будетъ признано, что всевластіе земскаго начальника обращается на практикѣ или въ бездѣйствіе, или въ злоупотребленіе власти; тогда параллельное существованіе всесословной волости и земскаго начальника сдѣлается если и не особенно легкимъ и удобнымъ, то во всякомъ случаѣ мыслимымъ. Земскій начальникъ останется судьею и даже отчасти администраторомъ, но не будетъ надобности возлагать на него хозяйственныя функціи, исполненіе которыхъ ему во всякомъ случаѣ не по силамъ. Всесословная волость, какъ мелкая *земская* единица, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь съ земствомъ и только отъ него зависѣть. Внѣ вліянія администраціи она вслѣдствіе этого не окажется, потому что административному контролю преобразованныя земскія учрежденія подчинены, какъ извѣстно, въ весьма достаточной мѣрѣ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго правительственнаго сообщенія, еще въ январѣ мѣсяцѣ поручило губернаторамъ разсмотрѣть, съ участіемъ продовольственныхъ совѣщаній (или коммиссій), важнѣйшіе вопросы, относящіеся къ реорганизаціи продовольственнаго дѣла. Въ числѣ этихъ вопросовъ есть такіе, которые прямо касаются устройства продовольственнаго дѣла *на мѣстѣ* (напр. вопросъ второй—какія мѣстныя учрежденія или органы ихъ должны завѣдывать продовольственнымъ дѣломъ; вопросъ третій—какъ установить надзоръ за хлѣбозапасными магазинами; вопросъ четвертый—какъ организовать правильную раздачу ссудъ; вопросъ шестой—о способахъ опредѣленія дѣйствительно нуждающихся и о порядкѣ составленія списка ѣдоковъ). Тѣмъ болѣе странно, что нижегородская губернская продовольственная коммиссія (пока—единственная, отвѣты которой напечатаны во всеобщее свѣ-д... е) вовсе не коснулась именно этой стороны дѣла. Коммиссія по-л... етъ оставить завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, „при о... иномъ его теченіи", за земскими управами, а въ случаѣ „обос... нія продовольственныхъ обстоятельствъ"—передавать его спе-ц... ьнымъ губернскимъ и уѣзднымъ продовольственнымъ коммис-

сіямъ; надзоръ за магазинами поручить, по прежнему, земскимъ управамъ; составленіе списковъ нуждающихся предоставить сельскимъ сходамъ, подъ контролемъ земскихъ начальниковъ, земскихъ управъ и уѣздной продовольственной коммиссіи, а наблюденіе за раздачей ссудъ возложить на особое лицо, „завѣдующее продовольствіемъ и благотворительностью" и назначаемое губернаторомъ изъ числа должностныхъ или частныхъ лицъ; такое лицо можетъ быть одно на два смежные уѣзда. Итакъ, завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, по предположеніямъ коммиссіи, не только не приближается къ населенію, но отчасти даже отдаляется отъ него. Какимъ образомъ коммиссія, такъ часто обнаруживавшая большой практическій смыслъ, могла придти къ столь мало практичному заключенію? Какимъ образомъ она могла не замѣтить, что центръ тяжести продовольственнаго дѣла—на мѣстахъ, что правильный ходъ его возможенъ только при непосредственной близости исполнительныхъ (а отчасти и распорядительныхъ) органовъ къ нуждающемуся населенію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ преніяхъ, происходившихъ въ коммиссіи между В. Г. Короленко и генераломъ Барановымъ.

По мнѣнію В. Г. Короленка, нѣтъ никакого основанія установлять два порядка веденія продовольственнаго дѣла: одинъ—для обыкновеннаго времени, другой—для чрезвычайныхъ обстоятельствъ. То самое учрежденіе, которое ведетъ обычное продовольственное дѣло въ губерніи, должно вести его и въ случаѣ „обостренія затрудненій". Перемѣны, совершаемыя въ виду надвигающейся грозы, могутъ повести только къ потрясеніямъ, замедленію и ошибкамъ. Учрежденіе, завѣдующее продовольствіемъ, должно быть настолько эластично, чтобы расширять, по мѣрѣ надобности, свои наличныя силы—а у земства есть для этого средство, въ видѣ увеличенія состава земскихъ управъ. Въ пользу оставленія продовольственнаго дѣла въ рукахъ земства говоритъ и гласность, составляющая въ земствѣ укоренившуюся традицію, и живая связь его съ обществомъ, которое, какъ видно изъ нынѣшняго опыта, должно быть непремѣнно привлекаемо къ дѣлу распредѣленія помощи. Не таковъ взглядъ генерала Баранова. „Вполнѣ желая преуспѣянія земству и уважая его,—замѣтилъ онъ, возражая В. Г. Короленку,—я въ то же время вижу, что оно одно далеко не можетъ выполнить своей роли въ веденіи продовольственнаго дѣла во время общаго кризиса. Если потребуется рѣшеніе какого-нибудь экстреннаго вопроса, то придется ожидать, когда будетъ угодно земскому собранію собраться, сперва уѣздному, затѣмъ губернскому, и когда эти собранія, такъ или иначе, рѣшатъ вопросъ... Закупка и доставка хлѣба не должна входить въ кругъ обязанностей ни земства, ни губернской админи-

страціи; для этого существуетъ въ Россіи вполнѣ организованное, компетентное и отвѣтственное учрежденіе (военное интендантство)... Земцевъ дѣлаетъ случай. Сегодня—корнетъ, завтра—членъ управы, послѣ-завтра—земскій начальникъ. Сегодня—земскій врачъ, завтра—собственникъ и членъ управы, послѣ-завтра—предводитель дворянства. Дѣло—въ личныхъ качествахъ дѣятелей". Дальше слѣдуютъ примѣры, взятые изъ практики нижегородской губерніи; земскому начальнику, прекрасно поставившему въ своемъ участкѣ продовольственное дѣло, противопоставляется предсѣдатель земской управы, который, по собственнымъ его словамъ, „глубоко ненавидитъ земство", а В. Г. Короленку, всецѣло отдавшемуся дѣлу благотворенія—„полуземецъ-администраторъ, который, когда къ нему обращались крестьяне за помощью, предлагалъ имъ веревку, чтобы облегчить смерть отъ голода". Необходимо, по мнѣнію генерала Баранова, только одно: *искать человѣка*. „Если есть мѣстности, въ которыхъ въ тотъ или другой моментъ нѣтъ желательнаго предводителя, или земскаго начальника, или члена земской управы, то увѣренно можно сказать, что нѣтъ такой мѣстности, гдѣ бы не было хоть одного дѣятеля, которому смѣло можно ввѣрить интересы населенія. Людей этихъ всѣ знаютъ и, не подводя ихъ подъ требованія какого бы то ни было ценза, а способъ избранія ихъ не ставя въ зависимость отъ партійныхъ выборовъ, всегда можно поручиться, что люди эти будутъ выдвинуты на пользу дѣла и населенія". Закончилъ свою рѣчь генералъ Барановъ слѣдующими словами: „во всеподданнѣйшемъ моемъ докладѣ я, доложивъ хорошія и отрадныя стороны нашей дѣятельности, позволилъ себѣ сказать, что она во многомъ идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и, благодаря недостаточности подготовки моей, и земства, и сотрудниковъ, можетъ служить примѣромъ, какъ не должно дѣйствовать въ будущемъ, еслибы несчастіе неурожая повторилось".

Не трудно замѣтить, что далеко не все, въ только-что приведенной нами рѣчи, прямо относится къ предмету спора. Вопросъ заключается въ томъ, нужно ли установлять два порядка завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ: одинъ—обыкновенный, другой—экстраординарный. Закупка и доставка хлѣба, въ неурожайные годы, военнымъ интендантствомъ — это совсѣмъ особая статья; она одинаково возможна и при двухъ порядкахъ, и при одномъ—и при оставленіи пр[о]довольственнаго дѣла въ рукахъ земства, и при передачѣ его ад[ми]нистративнымъ продовольственнымъ коммиссіямъ. Совершенно из[ли]шне, также, усложнять вопросъ указаніемъ на сложную процеду[ру] созыва земскихъ собраній; вѣдь продовольственныя коммиссіи, ка[къ] видно и изъ примѣра прошлой зимы, должны замѣнить собою

не земскія *собранія*, а только земскія *управы*. Въ чемъ же преимущество коммиссіи надъ управой? Неужели администрація—это своего рода живая вода, примѣсь которой должна внести движеніе въ стоячую земскую воду? Одно изъ двухъ: или администрація, въ продовольственномъ дѣлѣ, вообще болѣе компетентна, чѣмъ земство—въ такомъ случаѣ нужно предоставить ей завѣдываніе имъ и въ нормальное время; или ихъ компетентность по меньшей мѣрѣ одинакова—въ такомъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Короленко, нужно оставить дѣло, хотя бы и усложнившееся, въ привычныхъ рукахъ, постоянно его ведущихъ. Никто, безъ сомнѣнія, не *родится* земцемъ; но *сдѣлаться* земцемъ, не только по имени, можетъ и вчерашній корнетъ, и вчерашній земскій врачъ, и, тѣмъ болѣе, вчерашній мѣстный житель и сельскій хозяинъ. Земецъ ненавидящій земство, земецъ цинично-равнодушный къ народной нуждѣ—это чудовищныя исключенія, ничуть не опровергающія общаго правила и возможныя только при ненормальныхъ земскихъ порядкахъ. Ничуть не больше, чѣмъ земство, гарантированъ противъ такихъ исключеній и административный міръ: главные лукояновскіе дѣятели, какъ извѣстно, не были земцами... Безспорно, въ годину бѣдствія больше чѣмъ когда-нибудь желательно имѣть the right man in the right place, сосредоточить власть въ рукахъ лица или лицъ, наиболѣе способныхъ пользоваться ею къ общему благу; но гдѣ ручательство въ томъ, что именно на такое лицо или на такихъ лицъ упадетъ, въ критическую минуту, выборъ губернатора? Допустимъ, что въ каждой мѣстности есть дѣятели, могущіе оказаться на высотѣ положенія; но развѣ такъ легко отыскать ихъ, развѣ они всегда заранѣе намѣчены и всегда, съ административной точки зрѣнія, удобны? Мы знаемъ, что теперь въ модѣ сомнѣваться въ цѣлесообразности выборовъ и вѣрить въ непогрѣшимость назначенія; но оправдывается ли эта вѣра хотя бы ближайшимъ прошлымъ нижегородской губерніи? Лукояновскіе дѣятели были назначены генераломъ Барановымъ, имъ же были облечены широкими полномочіями по продовольственному дѣлу; лучше ли отъ этого жилось въ уѣздѣ, сохранилось ли въ земскихъ лѣтописяхъ воспоминаніе хоть объ одной земской управѣ, которая, въ голодный годъ, дѣйствовала бы хуже лукояновской продовольственной коммиссіи? Если во всякой мѣстности есть хоть одно надежное лицо, которое „всѣ знаютъ“ и которому въ равной мѣрѣ довѣряютъ и общество, и администрація, то почему же предсѣдателемъ *лукояновской* продовольственной коммиссіи, послѣ ея разгрома, назначенъ *горбатовскій* земскій начальникъ, почему замѣстители двухъ лукояновскихъ земскихъ начальниковъ также приглашены изъ другихъ уѣздовъ? А между тѣмъ нижегородскою губерніею управляетъ

человѣкъ дѣятельный, энергичный, не боящійся критики, обладающій рѣдкимъ искусствомъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ—управляетъ ею давно (около десяти лѣтъ) и знаетъ, слѣдовательно, какъ мѣстность, такъ и жителей. Что же сказать о губернаторѣ, только-что назначенномъ и не одаренномъ личными свойствами генерала Баранова? Какое употребленіе сдѣлаетъ онъ изъ своей дискреціонной власти, въ качествѣ единоличнаго распорядителя продовольственнаго дѣла (продовольственная коммиссія, по самой силѣ вещей, почти всегда будетъ идти на буксирѣ своего предсѣдателя) и „верховнаго избирателя“ мѣстныхъ уполномоченныхъ по части продовольствія и *благотворительности*?.. Лучшимъ опроверженіемъ теоріи генерала Баранова и продиктованнаго имъ мнѣнія большинства губернской продовольственной коммиссіи можетъ служить, впрочемъ, его собственное признаніе—признаніе въ *неподготовленности*, подъ которое онъ подводитъ и себя самого, и своихъ сотрудниковъ (т.-е. чиновниковъ), и земство. Если администрація стоитъ, съ этой точки зрѣнія, не выше земства, то почему же послѣднее должно уступать свое мѣсто первой, какъ только *обостряются* продовольственныя обстоятельства? Не ясно ли, что способъ устраненія аномалій, раскрытыхъ прошлогоднимъ бѣдствіемъ, заключается не въ иномъ распредѣленіи ролей между прежними дѣятелями, а въ призывѣ къ нимъ на помощь новыхъ силъ и въ установленіи новыхъ правилъ для ихъ дѣятельности? *Новыми силами* должны быть мелкія самоуправляющіяся единицы, а во время бѣдствія—*частныя* благотворительныя организаціи; *новыя правила* должны замѣнить собою дѣйствующій уставъ о народномъ продовольствіи, оказавшійся непригоднымъ еще во время голодовки 1880—1881 г. Съ тѣхъ поръ, однако, онъ оставался безъ измѣненій, и пересмотръ его поставленъ на очередь только теперь, подъ вліяніемъ бѣдствія, разразившагося надъ Россіей.

Нельзя отрицать, однако, что въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ та или другая земская управа, даже имѣющая въ своемъ распоряженіи—мелкія самоуправляющіяся единицы, и для своего руководства—вполнѣ цѣлесообразный уставъ народнаго продовольствія, можетъ не оказаться на высотѣ задачи, возникающей въ моментъ широко распространеннаго народнаго бѣдствія. Само собою разумѣется, что въ такихъ—но только въ такихъ—случаяхъ веденіе продовольственнаго дѣла въ данной мѣстности должно перейти въ другія руки. I ірежнемъ земскомъ положеніи существовала статья (10-я), предтривавшая систематическое бездѣйствіе земства и способъ предѣденія вредныхъ послѣдствій такого бездѣйствія. „Если земи учрежденіями—такъ гласила эта статья—не будетъ сдѣлано ряженій къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ

законъ признаетъ обязательнымъ для земства, то губернаторъ, когда напоминанія его останутся безуспѣшными, приступаетъ, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства". Въ новомъ земскомъ положеніи соотвѣтствующей статьи нѣтъ; но оно предоставляетъ губернатору предлагать управѣ о возстановленіи нарушеннаго порядка, а если она встрѣтитъ къ тому затрудненіе—передавать спорный вопросъ на разрѣшеніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія (ст. 103). Ничто не мѣшаетъ, наконецъ, включить въ земское положеніе—или въ продовольственный уставъ—болѣе опредѣленное правило о пополненіи недочетовъ земской дѣятельности. Желательно только одно: чтобы администрація становилась на мѣсто земства лишь *въ случаяхъ дѣйствительной необходимости*, признанной не единоличнымъ усмотрѣніемъ губернатора, а коллегіальнымъ рѣшеніемъ смѣшаннаго учрежденія (хотя бы губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія), и притомъ лишь на время, т.-е. до созыва земскаго собранія, которому должно быть предоставлено, въ такихъ случаяхъ, измѣнять до срока составъ земской управы.

Чрезвычайно интересно мнѣніе В. Г. Короленка о тѣхъ цѣляхъ, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при пересмотрѣ устава о народномъ продовольствіи. „Насъ не унижаетъ — замѣтилъ онъ въ засѣданіи нижегородской продовольственной коммиссіи—только то, что мы получаемъ по праву. Не унижаетъ плата за трудъ, не унижаетъ кредитъ, истекающій изъ кредитоспособности берущаго, или страховая премія, выдаваемая въ случаѣ несчастія. Имѣло ли наше крестьянство, постигнутое неурожаемъ, право на помощь? Несомнѣнно. Государственная необходимость и государственная польза требовали поддержки населенію, несущему главную массу повинностей и тяготъ. Но дѣйствительно ли на практикѣ нынѣшняго года пособіе выдавалось русскому крестьянину такъ, какъ выдается оно человѣку, имѣющему право на то, чего онъ проситъ, какъ выдается банковская ссуда кредитоспособному заемщику или страховая премія давнему плательщику? Несомнѣнно — нѣтъ! Достаточно вникнуть въ смыслъ такъ-называемой „провѣрки списковъ на мѣстахъ", составляющей почти логическую необходимость, при нынѣшней постановкѣ дѣла, достаточно вдуматься въ значеніе этихъ обысковъ въ амбарахъ, избахъ, подпольяхъ и даже въ печкахъ, чтобы понять истинный характеръ этой ссуды. Крестьянинъ разсматривался не какъ полноправный хозяинъ, приходящій, чтобы заключить извѣстную, хотя бы и льготную, кредитную сдѣлку, а какъ попрошайка, который прежде всего подлежитъ подозрѣнію въ утайкѣ имущества съ цѣлью вымогательства. Съ момента просьбы, а часто и ранѣе ея,

всякій крестьянинъ оказывался въ положеніи подозрѣваемаго и обыскиваемаго, а то, чѣмъ онъ законно владѣетъ, обращалось въ поличное, сообразно взгляду ближайшаго начальства на *необходимое* и *излишнее* имущество. Несомнѣнно, что отношенія, возникающія на этой почвѣ, недостойны ни русскаго крестьянства, которое только клевета можетъ обвинять въ огульной порочности, ни представителей ближайшей власти. Несомнѣнно, что такая постановка помощи деморализуетъ тѣхъ и другихъ, создавая самыя нежелательныя взаимныя чувства. А между тѣмъ нельзя отрицать также многочисленныхъ фактовъ утайки и неправильныхъ показаній объ имуществѣ. Происходятъ они не отъ порочности и лживости русскаго народа, а отъ неправильной постановки дѣла. Кому прежде всего выдается ссуда? Тому, кто докажетъ, что онъ совершенно разоренъ, т.-е. вполнѣ некредитоспособенъ. А съ кого мы брали всегда и впредь будемъ взыскивать выданное за круговой порукой? Съ болѣе кредитоспособныхъ, со средняго, еще не окончательно разорившагося, хозяина. Совершенно понятно, что тѣ, кто всегда платилъ, кто будетъ платить и впредь, считаютъ себя вправѣ и брать прежде другихъ. Въ этомъ есть внутренняя справедливость, и если для ея осуществленія приходится дать неправильную отмѣтку о наличномъ (скудномъ, во всякомъ случаѣ) имуществѣ, то ложь считается лишь формальной, что̀ легко встрѣтить во всѣхъ, даже наиболѣе развитыхъ классахъ общества (вспомнимъ, хотя бы, оцѣнки городскихъ и иныхъ имуществъ, подлежащихъ сборамъ). Что же нужно, чтобы устранить этотъ глубокоприскорбный характеръ явленій въ будущемъ? Прежде всего—ясное и точное разграниченіе помощи государственно- и земско-хозяйственной, поддерживающей плательщика, и филантропической (хотя бы тоже съ помощью государства), оказываемой нищему. Послѣднему нужна даровая милостыня, первому—раціональный кредитъ и страховая премія, которыя бы осуществляли и укрѣпляли его кредитоспособность. Въ основаніе организаціи продовольственнаго дѣла слѣдуетъ положить начало широкаго земледѣльческаго кредита и принципъ страхованія въ той или другой формѣ. Подъ кредитомъ, въ широкомъ смыслѣ, я разумѣю и тѣ производительныя затраты государства на улучшеніе крестьянскаго хозяйства, которыя подлежатъ возврату косвенному, въ видѣ подъема платежныхъ силъ населенія... Земство, какъ о̀рганъ государственно-хозяйственной жизни, должно ...ь на себя проведеніе широкихъ мѣръ сельско-хозяйственной по...и, въ видѣ страховаго кредита и сельско-хозяйственныхъ улуч...ій. Эта работа, трудная, но необходимая, составляющая жизнен... узелъ нашего благосостоянія, должна происходить и въ нор...ное время".

Безусловно сочувствуя основной мысли В. Г. Короленка, мы не вполнѣ согласны съ его доводами. Право крестьянина на продовольственную ссуду обусловливается не кредитоспособностью его, а другими основаніями, совершенно правильно указанными и въ мнѣніи В. Г. Короленка. Можно не быть *кредитоспособнымъ* въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. не представлять достаточныхъ гарантій къ своевременной уплатѣ долга, но вмѣстѣ съ тѣмъ не быть и *нищимъ*. Возьмемъ, напримѣръ, многосемейнаго крестьянина, продавшаго, въ голодный годъ, послѣднюю лошадь и послѣднюю корову. Его „кредитоспособность" подлежитъ большому сомнѣнію—но онъ отнюдь не „нищій", потому что онъ здоровъ, можетъ, хочетъ и умѣетъ работать. На что онъ имѣетъ право—на ссуду или на „милостыню"? Безъ сомнѣнія—на первую, потому что къ отношеніямъ между государствомъ и массой населенія (если только не видѣть въ народѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми газетами, „неоплатнаго должника" государства) непримѣнимы обычныя понятія о кредитѣ. Само собою разумѣется, что это не исключаетъ возможность другой помощи, филантропической, въ сущности также составляющей *обязанность* общества передъ народомъ. *Унизительной* мы не можемъ признать ни ту, ни другую, именно потому, что на обѣ формы помощи нуждающіеся имѣютъ *право*. Поясннмъ нашу мысль примѣромъ. Существуетъ литературный фондъ, задача котораго—помогать литераторамъ и ученымъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оказаніе или неоказаніе помощи зависитъ отъ комитета фонда, руководствующагося, при этомъ, и литературными или учеными заслугами просителя, и степенью его нужды, и средствами фонда. Слѣдуетъ ли отсюда, что комитетъ раздаетъ „милостыню", что лицо, получающее отъ него помощь, становится въ унизительное положеніе и должно считать себя облагодѣтельствованнымъ, а фондъ — своимъ благодѣтелемъ? Нисколько. *Право* на помощь всякій литераторъ или ученый имѣетъ именно потому, что онъ литераторъ или ученый; комитетъ только *констатируетъ* это право и столь же мало можетъ претендовать на благодарность просителя, какъ судъ—на благодарность тяжущагося, въ пользу котораго постановлено рѣшеніе. Такимъ же точно представляется, въ нашихъ глазахъ, положеніе нуждающагося крестьянина по отношенію къ органамъ правительства или общества, выдающимъ ему ссуду или пособіе. Благодарности, въ полномъ смыслѣ слова, заслуживаетъ здѣсь только тотъ личный трудъ, необходимый и безвозмездный, съ которымъ сопряжена, сплошь и рядомъ, дѣятельность на пользу голодающихъ... Провѣрка списковъ дѣйствительно составляетъ „логическую необходимость", и не только при „нынѣшней постановкѣ дѣла", но и при всякой или почти всякой

другой; но вовсе не необходимы тѣ провѣрочные *пріемы*, противъ которыхъ такъ сильно и такъ справедливо возстаетъ В. Г. Короленко. При существованіи хорошо организованной мелкой самоуправляющейся единицы они были бы совершенно немыслимы, потому что списки были бы составлены и разсмотрѣны своевременно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и столь же полнымъ спокойствіемъ духа. И въ настоящее время безъ нихъ обходятся вездѣ, гдѣ знаютъ крестьянина и относятся къ нему безъ предвзятой враждебной мысли. „Обыски въ амбарахъ, избахъ, подпольяхъ и даже печкахъ"—это нѣчто придуманное или во всякомъ случаѣ усовершенствованное въ самое послѣднее время; мы что-то не слыхали о нихъ въ 1880—1881 г., хотя стояли тогда весьма близко къ неурожайной мѣстности. Это—продуктъ модныхъ взглядовъ на народъ, какъ на объектъ систематическаго недовѣрія и безцеремонно-властныхъ мѣропріятій. Господство подобныхъ взглядовъ не можетъ быть продолжительно; мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что оно во многомъ уже подорвано опытомъ минувшаго года... Итакъ, В. Г. Короленко совершенно правъ, когда настаиваетъ на необходимости „раціональнаго", широко понимаемаго народнаго кредита; но въ ожиданіи того отдаленнаго времени, когда обнаружатся результаты такого кредита—и другихъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію народнаго хозяйства—основаніемъ помощи населенію, въ годины бѣдствій, должна служить не одна только его *кредитоспособность*. Мы убѣждены, впрочемъ, что наше разногласіе съ В. Г. Короленкомъ—только кажущееся и что наши возраженія направлены, въ сущности, не противъ него, а противъ возможнаго перетолкованія нѣкоторыхъ его аргументовъ.

Вопросъ о пересмотрѣ продовольственнаго устава—только одинъ изъ многихъ, вытекающихъ изъ всего пережитаго Россіей въ 1891—1892 г. Недостаточно подготовиться къ борьбѣ съ бѣдствіемъ, еслибы оно гдѣ-нибудь и когда-нибудь повторилось; необходимо залечить раны, имъ нанесенныя, и предупредить самую его возможность. Достигнуть этой цѣли можно только путемъ длиннаго ряда преобразованій, затрогивающихъ рѣшительно всѣ отрасли государственной и общественной жизни. Остановимся, покамѣстъ, только на одномъ изъ нихъ, о которомъ уже неоднократно шла рѣчь и въ печати, и въ п[illegible]вительственныхъ сферахъ. Это—введеніе подоходнаго налога, какъ с[illegible]дство облегчить податное бремя, лежащее на массѣ народа. Почти е[illegible]согласно рекомендованное земскими собраніями еще въ 1871 г., [illegible]ановленное на близкую очередь въ управленіе Н. Х. Бунге, [illegible]мъ отброшенное въ сторону, оно опять выдвинулось на первый

планъ. Еще прошедшей осенью пронесся слухъ о какомъ-то подобіи подоходнаго налога—или, лучше сказать, о пародіи на подоходный налогъ—проектируемой, будто бы, по отношенію къ однимъ чиновникамъ; теперь, повидимому, въ финансовомъ вѣдомствѣ подготовляется нѣчто болѣе серьезное. Замѣчательно, что мысль о подоходномъ налогѣ встрѣтила противорѣчіе съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ, рѣдко поддерживающихъ одно и то же мнѣніе. Сначала высказались противъ него „Новости" (№ 138), потомъ—„Московскія Вѣдомости" (№ 152). По мнѣнію „Новостей", подоходный налогъ не имѣетъ теперь того значенія, которое приписывалось ему прежде. „Подушная подать и соляной акцизъ—такъ разсуждаетъ петербургская газета—отмѣнены, и взамѣнъ того введенъ цѣлый рядъ прямыхъ налоговъ, падающихъ на высшіе и состоятельные классы населенія: налогъ съ городскихъ имуществъ, съ наслѣдствъ, съ капиталовъ, поземельный, оцѣночный и раскладочный сборы. Всѣ виды доходовъ уже обложены тѣми или другими сборами. Остается развѣ только налогъ на жалованье чиновниковъ и на заработки лицъ либеральныхъ профессій; но здѣсь онъ будетъ, въ сущности, налогомъ на *интеллектуальный трудъ*, такъ какъ всѣ чиновники, врачи, адвокаты и безъ того уже платятъ всѣ сборы и подати, если имѣютъ капиталы, недвижимость, промышленныя предпріятія и т. п.". Другой аргументъ „Новостей" заключается въ томъ, что введеніе новаго налога было бы неудобно именно теперь, когда страна испытываетъ экономическое разстройство вслѣдствіе неурожая и сельско-хозяйственной отсталости. „Въ такое время усиливать податное обложеніе весьма опасно, еслибы даже оно и было осуществимо. Если государство вынуждено отсрочить взысканіе существующихъ податей, то странно и думать о возможности полученія новыхъ налоговъ". „Московскія Вѣдомости" выражаются менѣе рѣшительно: онѣ начинаютъ даже съ похвальнаго слова подоходному налогу, замѣчая совершенно правильно, что и въ годину бѣдствія обѣднѣніе однихъ идетъ рука объ руку съ обогащеніемъ другихъ и что обложеніе дохода способствовало бы, такимъ образомъ, возстановленію нарушеннаго равновѣсія. За этимъ вступленіемъ, однако, слѣдуетъ роковое *но*—и мысль о подоходномъ налогѣ объявляется неосуществимой, за „невозможностью опредѣлить съ точностью измѣняющійся доходъ каждаго отдѣльнаго лица". Въ концѣ концовъ московская газета допускаетъ только „частное примѣненіе налога къ нѣкоторымъ категоріямъ плательщиковъ", которое, будто бы, и проектируется нашимъ финансовымъ управленіемъ.

Итакъ, подоходный налогъ или ненуженъ, или невозможенъ. Въ основаніи перваго мнѣнія лежитъ, какъ намъ кажется, безусловно

ошибочная предпосылка. Между подоходнымъ налогомъ и налогами съ наслѣдствъ, съ капиталовъ, съ недвижимыхъ имуществъ и т. п. есть существенная разница, въ силу которой послѣдними отнюдь не можетъ быть упраздненъ или замѣненъ первый. Подоходный налогъ справедливъ только при слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: освобожденіи отъ него всѣхъ мелкихъ доходовъ, установленіи различія между доходами фундированными и нефундированными, принятіи во вниманіе семейнаго положенія плательщика и, въ особенности, при *прогрессивномъ возрастаніи*. Всѣмъ этимъ условіямъ, кромѣ второго, налоги съ капиталовъ и т. п. не соотвѣтствуютъ. Попадетъ ли наслѣдство (если оно составляетъ болѣе тысячи рублей) въ руки богача, для котораго оно—капля въ морѣ, или въ руки бѣдняка, для котораго оно—единственный источникъ существованія, съ него взимается (при одинаковой близости наслѣдника къ наслѣдодателю), одинаковый сборъ, для одного незамѣтный, для другого весьма чувствительный. Принадлежитъ ли купонъ къ пятипроцентной сторублевой облигаціи, воплощающей въ себѣ всѣ многолѣтнія сбереженія многосемейнаго рабочаго, или къ такой же облигаціи, представляющей собою десятитысячную долю милліоннаго состоянія—онъ оплачивается, въ обоихъ случаяхъ, однимъ и тѣмъ же двадцатипятикопѣечнымъ сборомъ. Съ десятины земли даннаго разряда, въ данной мѣстности, взыскивается опредѣленное число копѣекъ, все равно, исчерпывается ли ею все владѣніе собственника, или ему принадлежатъ еще сотни или тысячи такихъ же десятинъ. Всѣ подобныя несообразности, неизбѣжныя при налогѣ, падающемъ на капиталъ, устраняются правильно организованнымъ, прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ. Владѣлецъ тысячи десятинъ, при существованіи такого налога, заплатитъ не въ сто разъ больше противъ владѣльца десяти десятинъ (мы беремъ, конечно, земли одинаковой цѣнности), а въ триста или четыреста разъ больше; владѣлецъ одной сторублевой облигаціи не заплатитъ ни копѣйки, между тѣмъ какъ владѣлецъ десяти тысячъ сторублевыхъ облигацій заплатитъ не 2.500 рублей, какъ теперь, а около десяти тысячъ рублей или еще больше. Мы не видимъ далѣе причины, почему *интеллектуальный трудъ*, разъ что доходъ отъ него превышаетъ извѣстный необлагаемый минимумъ, долженъ быть свободенъ отъ подоходнаго налога. Вѣдь не весь же чистый заработокъ врача, чиновника, адвоката, писателя обращается тотчасъ же въ акціи, облигаціи или недвижимость; значительная часть его (если онъ высокъ) тратится, сплошь и рядомъ, на предметы роскоши, на разныя фантазіи и затѣи. Въ нѣкоторомъ уменьшеніи этой части путемъ подоходнаго налога нѣтъ рѣшительно ничего несправедливаго: нужно только, чтобы доходъ отъ либеральныхъ профессій, какъ доходъ нефундированный,

облагался, сравнительно, въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ доходъ фундированный (съ капиталовъ, недвижимости и т. п.). Неосновательно, наконецъ, и опасеніе, мотивируемое настоящимъ экономическимъ положеніемъ Россіи. Тѣ классы общества, которыхъ коснется правильно организованный подоходный налогъ, не принадлежатъ къ числу пострадавшихъ отъ неурожая. Кому дается теперь отсрочка въ платежѣ податей, тотъ, безъ сомнѣнія, не будетъ привлеченъ къ платежу подоходнаго налога. Что касается до неосуществимости у насъ, въ настоящее время, подоходнаго налога, то затруднительность, очевидно, смѣшивается здѣсь съ невозможностью. Точно опредѣлить „измѣняющійся доходъ каждаго отдѣльнаго лица", конечно, не легко; но, во-первыхъ, точность должна быть только приблизительная, а во-вторыхъ, препятствія, съ которыми справляется бòльшая часть западно-европейскихъ государствъ (подоходный налогъ вовсе не существуетъ только во Франціи), могутъ быть преодолѣны и въ Россіи. Не слѣдуетъ забывать, что при учрежденіи должности податныхъ инспекторовъ имѣлось въ виду, между прочимъ, именно участіе, которое они могутъ принять во взиманіи подоходнаго налога. Въ пользу немедленнаго его введенія всего громче говорятъ слѣдующія простыя соображенія: облегчить положеніе массы плательщиковъ необходимо; достигнуть этого можно или путемъ сокращенія расходовъ, или путемъ установленія новыхъ налоговъ, не затрогивающихъ массы; сокращеніе расходовъ чрезвычайно желательно, но многолѣтній опытъ удостовѣряетъ, что разсчитывать на него было бы напрасно; изъ всѣхъ возможныхъ новыхъ налоговъ не затрогиваетъ массы только налогъ подоходный; итакъ,—нужно установить его, конечно съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ справедливостью.

До какой степени необходимы мѣры, направленныя къ поднятію народнаго благосостоянія и къ борьбѣ съ неурожаями и ихъ послѣдствіями—это видно изъ оффиціальныхъ свѣденій о состояніи озимыхъ посѣвовъ къ началу іюня, только-что распубликованныхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Оно признается плохимъ въ *шести* губерніяхъ, изъ которыхъ одна (воронежская) *сильно* пострадала отъ прошлогодняго неурожая, двѣ (курская и тульская) также считались въ числѣ потерпѣвшихъ, двѣ (харьковская и херсонская) хотя и не были отнесены къ этому разряду, но на самомъ дѣлѣ, мѣстами, испытали весьма острую нужду, и только одна (полтавская) могла быть названа благополучной. Отчасти плохи, отчасти посредственны озимые посѣвы въ четырехъ губерніяхъ—рязанской, саратовской, кіевской и подольской, изъ которыхъ двѣ первыя были постигнуты не-

урожаемъ и въ прошломъ году. Посредственны озимые посѣвы въ восьми губерніяхъ—тверской, черниговской, екатеринославской, таврической, астраханской, вятской, орловской и симбирской; три послѣднія въ прошломъ году принадлежали къ числу неурожайныхъ. Отсюда ясно, что будущая зима не обойдется безъ значительныхъ усложненій, тѣмъ болѣе, что главная причина неудовлетворительнаго состоянія озимыхъ посѣвовъ—продолжительная весенняя засуха—едва-ли останется безъ вліянія на травы и на яровые посѣвы. Въ виду такихъ обстоятельствъ, понятно, что запрещеніе вывоза ржи и ржаной муки оставлено, Высочайшимъ указомъ 4-го іюня, покамѣстъ—въ полной силѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1892.

Свиданія въ Килѣ и въ Нанси.—Путешествіе князя Бисмарка.—Заявленія бывшаго канцлера и ихъ особенности.—Критическія замѣчанія его о политикѣ Вильгельма II и объ отношеніяхъ съ Россіею.—Вѣнскіе поклонники кн. Бисмарка.—Русскій ораторъ въ Клермонъ-Ферранѣ.

Истекшій мѣсяцъ далъ много работы воображенію и творчеству политической печати въ западной Европѣ. Даже опытные публицисты терялись среди противорѣчивыхъ слуховъ и фактовъ, смѣнявшихся съ неожиданною быстротою; правда, эти факты и слухи сами по себѣ не имѣли большого значенія, но все-таки возбуждали нѣкоторое безпокойство въ области такъ-называемой высшей политики. Событія, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣли обычный лѣтній характеръ; это были свиданія монарховъ, съѣзды министровъ, патріотическія празднества и демонстраціи, путешествія и заявленія крупныхъ политическихъ дѣятелей. Оригинальность заключалась на этотъ разъ только въ интересномъ совпаденіи и сцѣпленіи обстоятельствъ: почти одновременно съ свиданіемъ двухъ императоровъ въ Килѣ состоялось торжественное подтвержденіе франко-русской дружбы въ Нанси; а въ то самое время какъ Вильгельмъ II принималъ въ Берлинѣ своего союзника, короля Италіи, происходили въ Вѣнѣ и въ Мюнхенѣ восторженныя оваціи въ честь бывшаго германскаго канцлера, князя Бисмарка, который при этомъ пользовался случаемъ для громкаго порицанія новѣйшей берлинской политики.

Вѣсть о предстоявшемъ кильскомъ свиданіи успокоила нѣмецкихъ патріотовъ относительно мнимой опасности французскихъ національно-патріотическихъ торжествъ въ пограничной области французской Лотарингіи; вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились толки о возможномъ сближеніи между Германіею и Россіею, и эти толки, какъ и слѣдовало ожидать, вызывали не совсѣмъ пріятное чувство во Франціи. Вліятельныя лондонскія газеты стали уже авторитетно разъяснять французамъ всю эфемерность ихъ разсчетовъ на русскій союзъ, какъ вдругъ пришло изъ Нанси извѣстіе, которое сразу опрокинуло эти комбинаціи и въ свою очередь взволновало нѣмцевъ и утѣшило французовъ. Нѣмцы были какъ будто обижены тѣмъ, что встрѣча въ Нанси произошла столь неожиданно передъ самымъ днемъ кильскаго свиданія (7-го іюня); но въ концѣ концовъ они нашли вполнѣ

естественнымъ желаніе Россіи сохранить хорошее расположеніе Франціи и предупредить всякія сомнѣнія и подозрѣнія съ ея стороны. Въ результатѣ все осталось по прежнему: и мирныя отношенія наши съ Германіею подтверждаются, и франко-русская дружба сохраняется и поддерживается въ полной силѣ.

Такъ же точно ничто не измѣнилось въ сущности послѣ нѣмецко-австрійскихъ овацій въ честь князя Бисмарка; но эти оваціи совершенно затмили собою фактъ пребыванія итальянскаго короля въ Берлинѣ и получили характеръ оппозиціонный по отношенію къ Вильгельму II, а нѣкоторыя рѣзкія замѣчанія бывшаго канцлера должны были значительно поколебать довѣріе многихъ благонамѣренныхъ нѣмцевъ къ дѣятелямъ „новаго курса". Не задолго предъ тѣмъ газеты говорили о готовящемся примиреніи между княземъ Бисмаркомъ и его императоромъ, причемъ указывали даже способъ и моментъ ихъ личной встрѣчи: Вильгельмъ II долженъ былъ проѣхать въ Киль по желѣзной дорогѣ мимо станціи, близь которой находится Фридрихсруэ, и по этому поводу предполагалось, что бывшій канцлеръ выѣдетъ къ вокзалу, гдѣ и состоится желанное свиданіе. Когда эти предположенія оказались напрасными, они замѣнены были другими, столь же правдоподобными; между прочимъ, сообщали о назначеніи князя Бисмарка предсѣдателемъ прусскаго „государственнаго совѣта", о вѣроятной роли его въ этой новой должности и т. п. Газетныя фантазіи на тему о „примиреніи" повторялись въ той или другой формѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не заговорилъ самъ бывшій канцлеръ: его публичные отзывы о нынѣшнемъ германскомъ правительствѣ звучали такъ сурово и пренебрежительно, что всякая мысль о сближеніи отпадала сама собою. Убѣдившись въ этой печальной истинѣ, нѣмецкіе патріоты, привыкшіе преклоняться предъ геніемъ Бисмарка, не знаютъ что́ думать о современномъ ходѣ политическихъ дѣлъ; очевидно, они не могутъ считать благопріятнымъ такое положеніе, которое великій канцлеръ признаетъ невыгоднымъ для Германіи, и публикѣ начинаетъ казаться, что въ самомъ дѣлѣ нѣмецкая политика идетъ плохо и что правительство надѣлало много важныхъ ошибокъ, но самыя ошибки остаются неизвѣстными и недоступными публичной оцѣнкѣ, такъ какъ предметы ихъ относятся къ области „государственныхъ тайнъ". Такая неопредѣленная и отчасти фантастическая критика даетъ ...окій просторъ для всевозможныхъ догадокъ и слуховъ, и этотъ ...одарный матеріалъ не скоро еще будетъ исчерпанъ нѣмецкой ...тью.

...утешествіе князя Бисмарка въ Вѣну и обратно, съ 18-го по 25-е ... сопровождалось нѣкоторыми весьма характерными особенно-

стями, которыя почему-то ускользнули отъ вниманія его поклонниковъ. По прибытіи въ Берлинъ онъ былъ встрѣченъ на ангальтскомъ вокзалѣ горячими и шумными привѣтствіями громадной толпы народа. Когда первыя минуты восторговъ прошли, раздались возгласы: „тише, тише!“ и тотчасъ водворилось мертвое молчаніе, въ ожиданіи словъ Бисмарка. Бывшій канцлеръ,—какъ разсказываетъ аккуратный репортеръ „National Zeitung“, — оглянулся съ удивленіемъ. „Развѣ я долженъ говорить?“ спросилъ онъ. „Да, разумѣется, да!“ закричали въ толпѣ. „Моя задача — молчаніе!“ отвѣчалъ Бисмаркъ. Черезъ нѣсколько мгновеній кто-то громко воскликнулъ: „Если вы будете молчать, то камни будутъ вѣчно говорить за васъ!“ Бисмаркъ молча поклонился, и затѣмъ оваціи стали еще болѣе восторженными и единодушными. Какой-то сильный голосъ произнесъ: „мы останемся вѣрными, хотя бы всѣ измѣнили!“ Привѣтствія и возгласы продолжались въ томъ же родѣ до самаго отхода поѣзда; дамы засыпали Бисмарка цвѣтами, цѣловали его руки и т. п., и серьезный репортеръ съ умиленіемъ отмѣчаетъ, что „въ глазахъ желѣзнаго человѣка показались даже слезы“. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на толпу горькія слова великаго канцлера: „задача моя—молчаніе“. Общее настроеніе, выражавшее вполнѣ естественныя чувства нѣмцевъ къ маститому объединителю Германіи, приняло сразу какой-то особый оттѣнокъ; каждый невольно осуждалъ въ душѣ самоувѣренную рѣшимость молодого императора, который вздумалъ устранить и обречь на молчаніе величайшаго государственнаго дѣятеля нашего столѣтія, заслуженнаго творца германскаго единства. Въ словахъ Бисмарка чувствовалась прямая откровенная жалоба на вопіющую несправедливость судьбы, и патріотическому возбужденію всѣхъ присутствовавшихъ приданъ былъ характеръ косвенной демонстраціи противъ Вильгельма II,—быть можетъ, противъ воли и сознанія участниковъ. Насколько умѣстно было со стороны такого убѣжденнаго монархиста, какъ Бисмаркъ, направлять умы нѣмецкихъ патріотовъ въ эту сторону, по чисто личнымъ мотивамъ, при первомъ же проѣздѣ черезъ Берлинъ,—это вопросъ безразличный для насъ въ данномъ случаѣ; но та же ссылка на обязанность молчанія была повторена и въ другихъ мѣстахъ, пока Бисмаркъ находился еще въ предѣлахъ германской имперіи. Въ Дрезденѣ онъ высказался въ этомъ смыслѣ болѣе обстоятельно. „Мой интересъ къ нашей національной политикѣ,—говорилъ онъ между прочимъ, въ отвѣтъ на привѣтствія городского управленія,—столь же силенъ и глубокъ теперь, какъ и въ шестидесятыхъ годахъ, хотя политика не составляетъ уже моего призванія. Я удалился въ частную жизнь, но слѣжу за всѣми нашими національными дѣлами, какъ за своими собственными. Я стою передъ

вами какъ представитель законченной эпохи, который ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не думаетъ уже участвовать въ дальнѣйшемъ веденіи нашихъ дѣлъ". Только въ одномъ мѣстѣ своей первой дрезденской рѣчи онъ упомянулъ о томъ, что на старости лѣтъ ему „были подготовлены нѣкоторыя горькія пилюли". Никакихъ критическихъ замѣчаній о нынѣшней берлинской политикѣ онъ, однако, не дѣлалъ, хотя былъ довольно разговорчивъ въ Дрезденѣ. Но дѣло измѣнилось съ переѣздомъ черезъ австрійскую границу; въ Вѣнѣ онъ уже не стѣсняется наносить удары своимъ берлинскимъ преемникамъ и противникамъ, причемъ формулируетъ весьма серьезныя обвиненія противъ новаго канцлера и противъ самого Вильгельма II. Мнимый обѣтъ молчанія теряетъ свою силу внѣ германской территоріи и уступаетъ мѣсто необычайной откровенности въ чужомъ государствѣ; и страннѣе всего, что эта откровенность направлена цѣликомъ противъ политическаго авторитета и вліянія родной страны, въ лицѣ ея правителей.

Въ продолжительной бесѣдѣ съ редакторомъ „Neue Freie Presse" князь Бисмаркъ обрисовывается съ такихъ сторонъ, которыя въ былое время прикрывались обаяніемъ власти и могущества, а теперь выступаютъ наружу неприкрашенными, въ назиданіе современникамъ и потомству. Бывшій канцлеръ имѣетъ въ своихъ рукахъ оружіе, недоступное генералу Каприви и его сотрудникамъ; онъ можетъ жестоко поражать противниковъ, не опасаясь отплаты тою же монетою. Этимъ оружіемъ служитъ для него личная слава руководящаго политическаго дѣятеля въ Европѣ, репутація лучшаго знатока современной международной дипломатіи. Если такой несравненный политикъ и великій нѣмецкій патріотъ утверждаетъ категорически, что теперь въ Германіи на первый планъ выдвинулись люди, которыхъ онъ, Бисмаркъ, „держалъ въ тѣни", и что вслѣдствіе этого совершены важные промахи, которые при немъ были бы немыслимы, то такое заявленіе пріобрѣтаетъ рѣшающую силу въ глазахъ огромнаго большинства нѣмецкой публики. Что могутъ сдѣлать противъ этого люди, въ которыхъ мѣтитъ Бисмаркъ? На нихъ наброшена тѣнь сомнѣнія и недовѣрія, и защищаться для нихъ безполезно. Притомъ князь Бисмаркъ затрогиваетъ въ своей критикѣ щекотливые международные вопросы, относительно которыхъ германское правительство не располагаетъ свободою разъясненій и разоблаченій. Бывшій канц[...]ь сообщилъ своему собесѣднику, что онъ признаетъ несогласнымъ [...]интересами Германіи заключенный съ Австро-Венгріею торговый [...]оворъ; „но,—продолжалъ онъ,—я не могу ставить въ упрекъ ав[...]скимъ государственнымъ людямъ то обстоятельство, что они [...]сно воспользовались слабостью и недостаточностью нашихъ пред-

ставителей. Я прямо сказалъ также графу Кальноки,—съ которымъ я имѣлъ продолжительный разговоръ во время его отвѣтнаго визита, — что я считаю вполнѣ естественнымъ, если Австрія постаралась извлечь выгоду изъ слабости и неудовлетворительности нашихъ уполномоченныхъ. Это была обязанность вашихъ министровъ и вашего правительства. Я поступилъ бы точно такъ же. Результатъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что у насъ выступили впередъ люди, которыхъ я прежде держалъ во тьмѣ, ибо все должно было подвергнуться измѣненію и перетасовкѣ". Такимъ образомъ, несостоятельность нѣмецкихъ уполномоченныхъ выдается какъ безспорный фактъ, который нужно только правильно объяснить министру союзной державы и ея журналистамъ, а причина этого факта—общее пониженіе компетентности и пониманія въ средѣ правительственныхъ лицъ Германіи, вслѣдствіе отставки князя Бисмарка. Неизбѣжный выводъ отсюда ясенъ: австрійцы не должны уже съ прежнимъ спокойнымъ довѣріемъ разсчитывать на искусство и опытность берлинской дипломатіи въ серьезныхъ международныхъ вопросахъ, такъ какъ, по собственному сознанію бывшаго канцлера, руководство нѣмецкими политическими дѣлами попало теперь въ ненадежныя и некомпетентныя руки. Не слѣдуетъ ли австрійцамъ опасаться, что въ критическій моментъ Германія окажется неумѣлою и неудачною союзницею для Австро-Венгріи? Если нѣмецкія ошибки могли быть полезны для Австріи, когда дѣло шло о взаимномъ соглашеніи обѣихъ союзныхъ державъ, то подобныя же ошибки относительно постороннихъ государствъ, напр. Россіи, могутъ причинить непоправимый вредъ австрійскимъ интересамъ. Возбуждая такого рода опасенія въ союзникахъ Германіи, князь Бисмаркъ вовсе не имѣетъ въ виду доказать этимъ необходимость своего возстановленія въ должности канцлера; напротивъ, онъ прямо заявляетъ, что это невозможно, что его активная роль кончена и что „сломаны всѣ мосты" къ примиренію. Очевидно, стараясь подорвать международный авторитетъ нынѣшняго германскаго правительства, онъ дѣйствуетъ не изъ личнаго честолюбія, а изъ желанія отомстить противникамъ, задѣть ихъ за живое, унизить ихъ во что бы то ни стало, хотя бы съ нѣкоторымъ ущербомъ для національныхъ и государственныхъ интересовъ. Это та же характерная черта, которая прежде проявлялась въ другихъ, болѣе внушительныхъ формахъ, подъ прикрытіемъ мнимыхъ политическихъ соображеній, недоступныхъ пониманію обыкновенныхъ смертныхъ; это та же мстительность, которая когда-то побуждала его безпощадно преслѣдовать графа Арнима, устроивать громкіе, ничѣмъ необъяснимые судебные процессы, добиваться осужденія Геффкена за обнародованіе дневника Фридриха III, умаляющаго роль Бисмарка въ событіяхъ

1871 года, и въ то же время вести глухую борьбу даже противъ памяти злополучнаго императора, принижать его заслуги разоблаченіемъ такихъ тайнъ, какъ авторство Геффкена относительно знаменитыхъ либеральныхъ декретовъ Фридриха III, и т. п. Пока таланты Бисмарка были въ полномъ ходу и приводили къ блестящимъ политическимъ успѣхамъ, они отчасти заслоняли собою его недостатки, личныя увлеченія и слабости; но теперь мы видимъ того же Бисмарка, лишеннаго власти, и его старыя качества, отражаясь въ теперешнихъ словахъ и дѣйствіяхъ, производятъ уже другое впечатлѣніе, кажутся уже мелкими, недостойными великаго человѣка.

Въ частности, чтобы понять истинную подкладку нападенія князя Бисмарка на торговые договоры, не мѣшаетъ вспомнить, что Вильгельмъ II провозгласилъ заключеніе этихъ договоровъ чуть ли не началомъ новой эры и что по этому же поводу генералъ Каприви получилъ графскій титулъ. Что касается отдѣльныхъ таможенныхъ уступокъ въ пользу Австріи, то нельзя судить правильно объ ихъ мотивахъ и условіяхъ, не зная всѣхъ подробностей происходившихъ переговоровъ; тѣмъ труднѣе и рискованнѣе говорить о неспособности или неудовлетворительности ближайшихъ участниковъ долгой и кропотливой работы, имѣвшей еще свою закулисную политическую сторону. Наконецъ, протекціонистскіе взгляды князя Бисмарка могутъ быть ошибочны сами по себѣ, и во всякомъ случаѣ категорическій отзывъ его о негодности достигнутаго результата и о несостоятельности его виновниковъ остается въ сущности ничѣмъ немотивированнымъ. Но желанный эффектъ произведенъ, и многіе дѣйствительно повѣрятъ, что интересы Германіи плохо охраняются нынѣшними совѣтниками Вильгельма II; а это только и требовалось доказать, съ точки зрѣнія князя Бисмарка.

Наиболѣе интересны для насъ разсужденія бывшаго канцлера о внѣшней политикѣ и особенно объ отношеніяхъ съ Россіею. Оказывается, что князь Бисмаркъ непосредственно вліялъ будто бы на нашу дипломатію въ нужномъ ему направленіи и что эта направляющая роль берлинскаго кабинета относительно Россіи прекратилась только съ выходомъ его, Бисмарка, въ отставку. Заключая въ 1879 году союзъ съ Австро-Венгріею, онъ будто бы желалъ только „болѣе дѣятельно поддерживать австрійскую политику при помощи русской дружбы"; онъ хотѣлъ сохранять связи съ Россіею, для пользы Австріи. Теперь дѣло измѣнилось: „мы уже болѣе не пользуемся вліяніемъ на русскую политику и не имѣемъ уже возможности давать Россіи совѣты" (sic). Исчезло „личное довѣріе, съ которымъ связано было прямое вліяніе на русское правительство". Въ достопамятной аудіенціи, которая дана была ему въ 1888 году, ему вы-

сказано было полное довѣріе, но только поставленъ былъ вопросъ о степени прочности его канцлерскаго положенія; можно думать, что въ Россіи уже получено было свѣденіе о готовившейся перемѣнѣ, о которой онъ самъ не имѣлъ еще никакого понятія. „Этого личнаго авторитета и довѣрія, — говорилъ далѣе князь Бисмаркъ редактору вѣнской газеты,—недостаетъ моему преемнику. А отсутствіемъ такого фактора, который могъ бы вліять на русскую политику, объясняется перемѣна, происшедшая въ политическомъ положеніи Европы со времени моей отставки. Порвана проволока, соединявшая насъ съ Россіею... Война съ Франціею можетъ считаться почти неизбѣжною; но мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода воевать съ Россіею, и у насъ не существуетъ съ нею никакой противоположности интересовъ. И Австрія стремится къ сохраненію мира, и мы могли бы быть особенно полезны именно Австріи, еслибы не была порвана нить, связывавшая насъ съ Россіею". Вообще международное положеніе несомнѣнно ухудшилось, вслѣдствіе „упадка германскаго вліянія на русскую политику". Такъ утверждаетъ князь Бисмаркъ, одинъ изъ главныхъ ближайшихъ дѣятелей новѣйшей политической исторіи въ Европѣ, и однако разсказанная имъ исторія мало похожа на дѣйствительность и находится въ явномъ противорѣчіи съ нѣкоторыми общеизвѣстными фактами.

Если допустить обидное для насъ предположеніе, что берлинскій кабинетъ имѣлъ возможность давать Россіи „совѣты" и направлять ея политику въ ту или другую сторону сообразно своимъ интересамъ, то во всякомъ случаѣ эта возможность сильно ослабѣла послѣ берлинскаго конгресса и затѣмъ вполнѣ прекратилась задолго до отставки князя Бисмарка. Самъ Бисмаркъ не разъ заявлялъ публично, что отношенія его съ Россіею испортились еще въ 1875 году, вслѣдствіе вмѣшательства русской дипломатіи въ возникшій тогда конфликтъ съ Франціею. Послѣ берлинскаго конгресса онъ убѣдился, что Германія не можетъ уже разсчитывать на русскую дружбу, и для предупрежденія возможныхъ опасностей онъ поспѣшилъ заключить въ 1879 г. союзъ съ Австріею, направленный спеціально противъ Россіи. Этотъ новый союзъ, какъ неоднократно указывалъ князь Бисмаркъ въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, имѣлъ цѣлью обезпечить шансы войны „на два фронта", т.-е. одновременно съ Франціею и Россіею. Связывать теперь съ этимъ союзомъ какую-то мысль о сохраненіи русской дружбы въ пользу не только Германіи, но и Австріи,—значитъ просто играть словами. Идея войны „на два фронта" принадлежитъ всецѣло князю Бисмарку; она усердно обсуждалась въ его оффиціозныхъ газетахъ, которыя своими постоянными угрозами и враждебными выходками систематически разжигали чувства недовѣрія и непріязни между Гер-

маніею и Россіею. Благодаря именно князю Бисмарку, стало все болѣе распространяться убѣжденіе, что въ недалекомъ будущемъ предстоитъ кровавая борьба между обоими сосѣдними народами. Въ Германіи обнаруживалась даже готовность вступить въ какую-нибудь сдѣлку съ Франціей, чтобы пріобрѣсть бо́льшую свободу дѣйствій относительно Россіи. Князь Бисмаркъ предпринялъ также спеціальный походъ противъ русскихъ финансовъ и сдѣлалъ вообще все, что́ отъ него зависѣло, для ухудшенія русско-германскихъ отношеній. А теперь, когда эти отношенія стали вполнѣ спокойными и нормальными, когда исчезла въ нихъ искусственная ядовитая примѣсь, возбуждавшая общую тревогу, тотъ же князь Бисмаркъ желаетъ увѣрить публику, что отношенія испортились только съ момента его отставки, что именно онъ былъ хранителемъ русской дружбы и русскаго довѣрія. И такова сила установившагося авторитета, что даже серьезная „National-Zeitung" не рѣшилась отнестись критически къ его словамъ и готова почти принять ихъ на вѣру. „Если,—замѣчаетъ газета,—первый дипломатъ современности высказываетъ, какъ бы въ видѣ обвиненія, что положеніе ухудшилось и что „порвана проволока, соединявшая насъ съ Россіею", то это есть несомнѣнно призывъ къ бдительности общественнаго мнѣнія, ибо внѣшняя политика должна сообразоваться съ интересами страны, а не съ чувствами и симпатіями. Остается предоставить правительству самому рѣшить, можетъ ли и желаетъ ли оно опровергнуть публично высказанное обвиненіе". Такъ какъ успѣхъ служитъ лучшимъ оправданіемъ въ политикѣ, то князь Бисмаркъ можетъ быть доволенъ результатомъ своей замѣчательной попытки изложить „по своему" общеизвѣстные факты. Обыкновеннымъ смертнымъ могъ бы только повредить подобный способъ „писать исторію", но не даромъ сказано, что „quod licet Jovi, non licet bovi".

Нѣмецкія газеты, съ 18-го по 25-е іюня, были буквально переполнены отчетами о путешествіи князя Бисмарка, описаніями его малѣйшихъ передвиженій и замѣчаній, разсказами о восторгахъ публики, подробностями о свадьбѣ его сына, графа Герберта, съ юною графинею Гойошъ, размышленіями о величіи желѣзнаго канцлера и трагическомъ поворотѣ въ его жизни; это была въ полномъ смыслѣ слова „недѣля Бисмарка", какъ озаглавила „National-Zeitung" свою заключительную передовую статью о бывшемъ канцлерѣ. Пріѣздъ итальянскаго короля въ Берлинъ состоялся въ теченіе этой же самой не[illegible] и потому остался почти незамѣченнымъ со стороны нѣмецкой [illegible]ти, хотя въ другое время былъ бы несомнѣнно крупнымъ собы[illegible]; банкетъ въ Потсдамѣ происходилъ въ тотъ же день (21-го іюня), [illegible] и бракосочетаніе молодого Бисмарка въ Вѣнѣ, и тостъ Виль-

гельма II на тему о союзѣ „бѣлокурой Германіи" съ „красавицею Италіею" затерялся въ газетныхъ столбцахъ, среди длиннѣйшихъ вѣнскихъ корреспонденцій и телеграммъ, посвященныхъ Бисмарку. Въ этомъ обширномъ газетномъ матеріалѣ можно было бы найти любопытные образчики человѣческаго преклоненія предъ историческою фигурою, разукрашенною народнымъ воображеніемъ. Писатель, извѣстный по своимъ дѣльнымъ этюдамъ о русской литературѣ, Евгеній Цабель, также исполнялъ на этотъ разъ трудную должность внимательнаго корреспондента; онъ пишетъ, между прочимъ, что „явственно видѣлъ, какъ мысленныя молніи пробѣгали по лицу Бисмарка". Сила его глазъ „не можетъ быть сравнена ни съ чѣмъ"; это львиные глаза, которые становятся „величественными", когда ищутъ кого-нибудь, и тогда они „способны какъ бы выхватить изъ толпы любого человѣка одною силою взора". Корреспонденты доходятъ до высшей степени краснорѣчія, когда замѣчаютъ слезы въ его глазахъ; но князь Бисмаркъ отчасти испортилъ эффектъ этихъ поэтическихъ изображеній, объяснивъ свою слезливость болѣзненнымъ состояніемъ своего зрѣнія, независимо отъ какой бы то ни было нервной чувствительности. Оваціи въ честь Бисмарка, какъ указалъ съ гордостью самъ бывшій канцлеръ, не могли имѣть корыстнаго источника, ибо власти у него нѣтъ, а есть только прошлыя заслуги и пріобрѣтенная слава, но эти оваціи были бы, вѣроятно, еще болѣе искренними и всеобщими, еслибы къ нимъ не присоединены были крайне тенденціозные комментаріи, въ видѣ заявленій и рѣчей князя Бисмарка.

Часто бываетъ, что къ крупнымъ событіямъ и выдающимся дѣятелямъ пристегиваются маленькія дѣла и мелкіе люди ради какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей или просто для удовлетворенія тщеславія отдѣльныхъ лицъ; такъ и демонстраціями въ честь Бисмарка вздумали воспользоваться вѣнскіе антисемиты, чтобы произвести уличные безпорядки и обратить на себя общее вниманіе. Безпорядки вызвали столкновеніе и кое-гдѣ даже настоящее сраженіе съ полиціею; на полицейскую расправу жаловался правительству въ слѣдующемъ же засѣданіи парламента депутатъ-антисемитъ Люгеръ. Вѣнскіе антисемиты жертвовали собою въ нѣкоторомъ родѣ, изъ уваженія къ Бисмарку; но Бисмаркъ не только ихъ не одобрилъ, но былъ еще крайне огорченъ непріятными уличными сценами, вызванными какъ будто его пріѣздомъ въ Вѣну. Бывшій германскій канцлеръ не былъ никогда антисемитомъ, и единомышленники депутата Люгера потерпѣли неудачу въ своей попыткѣ воспользоваться популярнымъ име-

немъ Бисмарка и смѣшать антисемитическое движеніе съ германофильскимъ.

Въ международныхъ симпатіяхъ и влеченіяхъ, изъ которыхъ дѣлаются нерѣдко важные политическіе выводы, трудно иногда отличить серьезную основу отъ произвольной и случайной примѣси; поверхностные, наиболѣе шумные элементы могутъ быть ошибочно принимаемы за выразителей цѣлаго общества и народа. Франко-русскія демонстраціи были всегда богаты этимъ элементомъ случайности и произвола; всякій русскій туристъ, находящійся въ предѣлахъ Франціи, считаетъ себя въ правѣ говорить отъ имени Россіи о русской дружбѣ и союзѣ, о готовности дѣйствовать за-одно съ французами, а человѣкъ извѣстнаго чина, военный или штатскій, привѣтствуется уже какъ настоящій союзникъ и чувствуетъ себя обязаннымъ говорить публичныя рѣчи, которыя, конечно, вызываютъ восторженныя рукоплесканія заранѣе. Недавно (12-го іюня, н. ст). депутатъ Мильвуа, бывшій буланжистъ, читалъ въ Клермонъ-Ферранѣ публичную лекцію о русско-французскомъ союзѣ. „Его рѣчь возбудила большой энтузіазмъ, — читаемъ мы въ корреспонденціи одной берлинской газеты,—и возбужденіе еще болѣе усилилось, когда присутствовавшій при этомъ русскій статскій совѣтникъ, по имени г. Грингмутъ, произнесъ рѣчь, въ которой удостовѣрилъ, что Россія имѣетъ честныя намѣренія и что Франція во всѣхъ случаяхъ можетъ твердо разсчитывать на русскій союзъ“ и т. д. („National-Zeitung“, отъ 15-го іюня, № 363). Объ этомъ интересномъ эпизодѣ мы не нашли никакихъ свѣденій въ парижскихъ газетахъ, — ни въ „Temps“, ни въ „Journal des Debats“, ни въ „Liberté“. А вѣдь г. Грингмутъ могъ окончательно убѣдить французскую публику въ твердой рѣшимости Россіи дѣйствовать за-одно съ Франціей, ибо русскій статскій совѣтникъ (т.-е. для иностранцевъ—членъ государственнаго совѣта) не станетъ говорить о подобныхъ важныхъ предметахъ публично, въ чужой странѣ, не имѣя къ тому основанія или даже уполномочія. Имѣлъ ли г. Грингмутъ какія-либо положительныя свѣденія о намѣреніяхъ нашей дипломатіи и было ли у него основаніе выступать передъ французскою публикою съ сообщеніями о русскомъ союзѣ? Если не ошибаемся, въ прошлогодней богословской кампаніи „Московскихъ Вѣдомостей“ противъ г. Владиміра Соловьева наиболѣе горячее участіе принималъ г. Грингмутъ; очень можетъ быть, что это тотъ же г. Грингмутъ, который вызвалъ энтузіазмъ среди республиканцевъ Клермонъ-Феррана. У насъ онъ усердно старался уличить г. Соловьева въ отступленіи отъ православія, а во Франціи онъ обѣщаетъ буланжистамъ полное содѣйствіе русскаго государства и

русской арміи, въ интересахъ сохраненія мира и равновѣсія въ Европѣ. Переходъ отъ язвительной богословской травли къ франкофильскому вольнодумству совершается какъ-то самъ собою при переѣздѣ нашихъ патріотовъ черезъ пограничную черту, отдѣляющую насъ отъ западной Европы; но иностранцы едва-ли могутъ правильно судить объ истинномъ характерѣ и дѣйствительной спеціальности туристовъ, выступающихъ предъ заграничною публикою въ качествѣ просвѣщенныхъ друзей и свѣдущихъ политическихъ ораторовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюля 1892.

— *Памятная книжка Воронежской губерніи* на 1892 годъ. Изданіе Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Выпускъ второй. Воронежъ, 1892.
— М. А. *Дикаревъ. Воронежскій этнографическій Сборникъ.* Изданіе Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1891.

Первая изъ названныхъ книгъ, представляющая большой томъ сверхъ 700 страницъ, заключаетъ массу статистическаго и этнографическаго матеріала по воронежской губерніи. Изданіе статистическаго матеріала начато было въ первомъ томѣ „Памятной книжки", вышедшемъ въ 1891 году, и вмѣстѣ съ появившимся теперь даетъ цѣльный сборникъ данныхъ о настоящемъ экономическомъ положеніи края. Начиная съ показаній о пространствѣ и численности населенія губерніи и свѣденій метеорологическихъ, эти данныя обнимаютъ разнообразныя экономическія отношенія воронежской губерніи: таковы — таблица урожайности хлѣбовъ за 1889 годъ; свѣденія о свекловичныхъ плантаціяхъ; статистика грузовъ, перевезенныхъ въ 1888 году по козлово-ростовской жел. дорогѣ; свѣденія о лѣсныхъ угодьяхъ и оброчныхъ статьяхъ; о движеніи гуртовъ рогатаго скота; о составѣ и хозяйственномъ положеніи крестьянскаго населенія края; —далѣе, свѣденія о населеніи по вѣроисповѣданію; о движеніи населенія по указаніямъ метрическихъ книгъ; о числѣ церквей, о земскихъ и городскихъ недвижимыхъ имуществахъ; о числѣ городскихъ ремесленниковъ, о фабрикахъ и заводахъ; о торговыхъ документахъ и сборѣ съ нихъ; о сельскихъ базарахъ, числѣ питейныхъ заведеній; о торговыхъ оборотахъ на ярмаркахъ; объ операціяхъ отдѣленій государственнаго поземельнаго банка — дворянскаго и крестьянскаго; далѣе—свѣденія о среднихъ и нѣкоторыхъ низшихъ школахъ, сельскихъ начальныхъ училищахъ и церковно-приходскихъ школахъ; о библіотекахъ, о періодическихъ изданіяхъ, получаемыхъ въ воронежской губерніи, о земской врачебной помощи, наконецъ—списки на-

селенныхъ мѣстъ губерніи: перечисленіе селъ, деревень, хуторовъ, выселковъ по волостямъ, съ указаніемъ разстояній отъ уѣзднаго города и ближайшей станціи желѣзной дороги, числа обществъ земельныхъ и административныхъ, народности населенія (великорусской или малорусской), числа дворовъ, жителей и душъ (ревизскихъ и наличныхъ по послѣднему передѣлу), числа домохозяевъ, количества десятинъ общественной земли, наконецъ, богослужебныхъ зданій; списки снабжены алфавитнымъ указателемъ. Упомянутыя здѣсь данныя заимствованы частью изъ оффиціальныхъ печатныхъ изданій, частью изъ мѣстныхъ оффиціальныхъ свѣденій. „Сообщенныя цифры, —говоритъ въ предисловіи помощникъ предсѣдателя воронежскаго статистическаго комитета, г. Ф. Щербина,—въ большинствѣ случаевъ отличаются безусловною точностью. Это, по крайней мѣрѣ, можно сказать о всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя представляютъ собою результатъ постоянной регистраціи опредѣленныхъ явленій, установившейся въ разнаго рода учрежденіяхъ, какъ напр. на метеорологическихъ станціяхъ, въ желѣзно-дорожномъ управленіи, въ казенной палатѣ и проч. Значительно меньшею достовѣрностью отличаются статистическія свѣденія, сообщенныя полиціею, но и они далеки отъ тѣхъ грубыхъ ошибокъ, которыя были присущи полицейскимъ свѣденіямъ въ прежнее время. Объясняется это тѣми успѣхами, которые несомнѣнно были сдѣланы мѣстною губернскою статистикою: въ разнаго рода учрежденіяхъ строже стали относиться къ цифровымъ матеріаламъ, появились спеціальныя статистическія изслѣдованія воронежскаго земства, и стали возможны, такимъ образомъ, сравненіе цифровыхъ данныхъ по разнымъ источникамъ и взаимный контроль этихъ данныхъ. Въ уѣздахъ, по которымъ уже изданы статистическіе сборники губернскаго земства, волостныя правленія стали руководиться этими послѣдними. Вообще съ каждымъ годомъ все шире и шире начали распространяться способы пользованія цифрами и статистическіе пріемы".

Во второмъ отдѣлѣ „Памятной книжки" напечатана, по поводу 50-лѣтней годовщины смерти Кольцова, ода „Безсмертіе" извѣстнаго друга Кольцова, Серебрянскаго (здѣсь его имя пишется Сребрянскій): это—длинное стихотвореніе, въ трехъ „пѣсняхъ", изъ котораго до сихъ поръ извѣстны были только отрывки, приводившіеся въ біографіяхъ Кольцова. Здѣсь эта ода напечатана въ полномъ составѣ, по собственной рукописи автора; это послѣднее обстоятельство совершенно устраняетъ высказанныя однажды сомнѣнія въ принадлежности этой пьесы Серебрянскому. Г. Звѣревъ, одинъ изъ членовъ воронежскаго комитета, напечатавшій здѣсь эту оду, присоединилъ къ ней и нѣсколько біографическихъ свѣденій о Серебрянскомъ (181[illegible]—

1834). Предисловіе „Памятной книжки“ замѣчаетъ, что для тѣхъ, кто интересуется личностью Кольцова, эта ода, быть можетъ, иначе освѣтитъ или выяснитъ двѣ-три черты изъ жизни и дѣятельности воронежскаго поэта.

Г. Звѣреву принадлежитъ еще историческая замѣтка о св. Митрофанѣ воронежскомъ. Эта небольшая замѣтка является какъ бы только предисловіемъ къ обширному труду автора о св. Митрофанѣ, заключающему множество современныхъ историческихъ актовъ: эти акты г. Звѣревъ издаетъ въ „Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Наконецъ, въ „Памятной книжкѣ“ нашли мѣсто изслѣдованія и этнографическіе матеріалы г. Дикарева. Въ своемъ изслѣдованіи г. Дикаревъ ставитъ вопросъ о воронежскомъ мѣщанскомъ говорѣ сравнительно съ украйно-русскимъ нарѣчіемъ. Какъ извѣстно, населеніе воронежской губерніи двоякое: великорусское и малорусское. Изслѣдованіе русскихъ нарѣчій до сихъ поръ весьма недостаточно, и въ числѣ ихъ особенный интересъ для науки должны представлять тѣ, которыя принадлежатъ пограничнымъ областямъ двухъ типовъ языка. Задача подобнаго изслѣдованія всего болѣе должна бы быть доступна именно для мѣстныхъ ученыхъ или хотя бы достаточно приготовленныхъ любителей, такъ какъ при полномъ отсутствіи печатнаго матеріала на этихъ мѣстныхъ говорахъ, приходилось бы изучать ихъ только на разговорной практикѣ и на спеціальныхъ записяхъ. Такъ это и дѣлалъ г. Дикаревъ. Онъ началъ съ того, что частью самъ, частью при содѣйствіи нѣсколькихъ сотрудниковъ, составилъ довольно обширное собраніе пословицъ, которыя были записаны фонетическимъ правописаніемъ, т.-е. съ возможно точнымъ обозначеніемъ выговора. Говоръ воронежскихъ мѣщанъ, черты котораго авторъ наблюдалъ также въ рѣчи жителей уѣздныхъ городовъ воронежской губерніи и въ „сельской аристократіи“ (т.-е. у сельскаго духовенства, торговцевъ, волостныхъ писарей и пр.), и у жителей другихъ городовъ юго-восточной Россіи, какъ напр. въ Ростовѣ, въ Новочеркасскѣ, въ Харьковѣ и др.,—этотъ говоръ авторъ считаетъ типомъ южно-великорусскаго мѣщанскаго говора вообще. Изслѣдованіе г. Дикарева производится пріемомъ, который у насъ былъ еще весьма мало или почти совсѣмъ неупотребляемъ: это—такъ сказать статистическое вычисленіе звуковыхъ особенностей мѣстнаго нарѣчія, для сравненія съ которымъ онъ беретъ прилуцкій говоръ малорусскаго языка. Предоставм[illegible]спеціалистамъ филологіи оцѣнку этого пріема, замѣтимъ одно об[illegible]ятельство: намъ казалось бы, что прежде чѣмъ предпринимать [illegible]спеціальное сличеніе говора воронежскаго и прилуцкаго, было бы ж[illegible]тельно выяснить болѣе крупныя видоизмѣненія великорусской р[illegible]—только тогда выдѣлились бы и частныя особенности болѣе

тѣснаго мѣстнаго говора. Просмотрѣвъ тотъ фонетически записанный матеріалъ, на основаніи котораго г. Дикаревъ опредѣлялъ говоръ воронежскихъ мѣщанъ, какъ типическій южно-великорусскій, не трудно видѣть, что многія черты его принадлежатъ не только южному, но, напр., и центральному великорусскому говору. Такимъ образомъ опредѣленіе южно-великорусскаго типа по упомянутому матеріалу окажется не вполнѣ точнымъ, а сравненіе съ говоромъ прилуцкимъ можетъ показаться произвольнымъ. Трудъ г. Дикарева во всякомъ случаѣ интересенъ, затрогивая вопросъ, который до сихъ поръ представляетъ еще много неяснаго. Матеріалъ, на которомъ онъ основывался, состоитъ, кромѣ упомянутыхъ записей, въ особенности на сборникѣ пословицъ и поговорокъ, примѣтъ и повѣрій воронежской губерніи: это, во-первыхъ, сборникъ великорусскій, заключающій сверхъ 7.000 пословицъ и изреченій; во-вторыхъ, сборникъ малорусскій, до 500 нумеровъ. Кромѣ того, въ видѣ образчиковъ мѣстныхъ нарѣчій, помѣщены здѣсь нѣсколько пѣсенъ изъ острогожскаго уѣзда и любопытный „разсказъ про хохлацкую свадьбу“, написанный народнымъ писателемъ-самоучкой на малорусскомъ языкѣ, между прочимъ, съ нѣсколькими свадебными пѣснями. Авторъ разсказа—отставной рядовой, родомъ изъ острогожскаго уѣзда, учившійся грамотѣ въ великорусской школѣ, затѣмъ отбывавшій службу въ Великороссіи и, наконецъ, поселившійся опять въ воронежской губерніи; поэтому въ разсказѣ малорусскія слова иногда замѣняются великорусскими. Несмотря на это, по замѣчанію г. Дикарева, разсказъ обличаетъ въ авторѣ малоросса, хорошо владѣющаго роднымъ языкомъ,—чего нельзя сказать объ его сочиненіяхъ великорусскихъ. „Понятно,—говоритъ дальше г. Дикаревъ,—что „разсказъ“ не можетъ удовлетворить ни тѣхъ, которые желаютъ видѣть въ воронежской губерніи чистый украйно-слободской говоръ, безъ всякаго посторонняго вліянія, ни тѣхъ, которые смотрятъ на малорусское нарѣчіе, какъ на одинъ изъ говоровъ великорусскаго языка“.

„Этнографическій сборникъ“ есть отдѣльное изданіе статей и собранія пословицъ г. Дикарева, изъ „Памятной книжки“.

— *Пермскій край.* Сборникъ свѣдѣній о пермской губерніи, издаваемый Пермскимъ губ. стат. комитетомъ, подъ редакціею д. члена-секретаря комитета *Смышляева.* Томъ первый. Изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь, 1892.

Далекій пермскій край давно уже имѣетъ мѣстныхъ изслѣдователей, ревностно изучающихъ его исторію и современное положеніе. Послѣднія десятилѣтія доставили цѣлую литературу, которая, между

прочимъ, была библіографически описана г. Смышляевымъ. Русская исторія пермскаго края восходитъ очень далеко, и въ своей древнѣйшей порѣ до сихъ поръ еще недостаточно выяснена: нѣкогда была здѣсь „великая Пермь“, богатый край, служившій путемъ обширной торговли, издавна привлекавшей новгородскихъ удальцовъ и промышленниковъ, а наконецъ и колонистовъ; здѣсь нѣкогда совершенъ былъ замѣчательный опытъ проповѣди христіанства среди туземцевъ св. Стефаномъ, составившимъ „пермскую азбуку“; отсюда были начаты первыя непосредственныя связи съ Сибирью и потомъ проложенъ туда постоянный путь административной и народной колонизаціи; здѣсь развилась впослѣдствіи обширная заводская дѣятельность съ ея особенными учрежденіями и нравами и т. д.; на этотъ край еще съ XVIII-го вѣка обращали особенное вниманіе ученые путешественники. Для изслѣдованія представлялось, такимъ образомъ, обширное поле: археологія, исторія, этнографія, описаніе естественнонаучное и экономическое.

Въ послѣднее время мѣстныя изученія, какъ извѣстно, находятся часто въ тѣсной связи съ дѣятельностью губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Не всѣ изъ этихъ комитетовъ одинаково дѣятельны; но многіе поставили свои труды именно такъ, какъ это и было желательно при наличномъ состояніи умственной дѣятельности въ провинціи: они стали своего рода образовательными и научными центрами. Свою ближайшую задачу, статистическое изслѣдованіе, они расширяли до цѣльнаго изученія края въ многоразличныхъ отношеніяхъ, и это составляетъ, конечно, ихъ заслугу: дѣйствительно, глухая провинціальная жизнь, гдѣ высшіе умственные интересы кончаются гимназіей и семинаріей, и не могла бы найти иного центра. Теперь, благодаря въ большой степени именно статистическимъ комитетамъ и земской статистикѣ, наша литература пріобрѣла едва обозримую массу свѣденій, какъ о современномъ экономическомъ положеніи провинціи, такъ и объ ея прошедшемъ. Въ Перми, какъ мы сказали, эта мѣстная литература была особенно богата. Новое изданіе, предпринятое губернскимъ комитетомъ, „имѣетъ задачею собраніе и опубликованіе всякаго рода свѣденій, могущихъ съ пользою служить нуждамъ нашего обширнаго, богатаго и разнообразнаго пермскаго края и любознательности его изслѣдователей“, — и, судя по прежнимъ работамъ пермскихъ изыскателей и по составу настоя- о тома, обѣщаетъ занять видное мѣсто въ средѣ нашей провин- ьной литературы.

Пермскій край былъ въ числѣ пострадавшихъ отъ неурожая, и обстоятельство, по словамъ редакціи сборника, отразилось и на ржаніи настоящаго перваго тома. Какъ ни щедра была помощь,

оказанная населенію,—говоритъ въ предисловіи г. Смышляевъ,—эта помощь была временная, и на очереди стоитъ другой, общій, вопросъ— о подъемѣ экономическаго благосостоянія, потрясеннаго нынѣшнимъ бѣдствіемъ, на будущее время.

„Размѣры этого бѣдствія,—продолжаетъ г. Смышляевъ,—открыли глаза на дѣйствительныя, *хронически подготовившія* его, въ теченіе *длиннаго ряда лѣтъ*, причины, которыя далеко не ограничиваются одними климатическими условіями. Они лежатъ гораздо глубже и заключаются въ *истощеніи почвы*, въ *устарѣлости* способовъ ея воздѣлыванія, въ *невѣжествѣ крестьянина*, безсильнаго въ дѣлѣ ихъ улучшенія безъ сторонней *просвѣщенной помощи*. Для того, чтобы поставить земледѣліе въ лучшія условія, чтобъ способствовать развитію его на новыхъ основаніяхъ—нужна помощь *коллективная*, обнимающая всѣ стороны народныхъ нуждъ, имѣющая характеръ благотворительности, организованной на научныхъ началахъ и направленной на экономическое, такъ-сказать, *перевоспитаніе* народа,—на ознакомленіе его съ лучшими способами земледѣлія и кустарныхъ ремеслъ, служащихъ немалымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, на средства къ предупрежденію бѣдствій, постигающихъ народъ въ видѣ голодовокъ, пожаровъ, эпидемій, эпизоотій, задолженности кулакамъ и міроѣдамъ, на доставленіе ему возможности пользоваться лучшими орудіями и сѣменами и дешевымъ кредитомъ,—на пріученіе его, однимъ словомъ, къ правильному труду и предусмотрительности и на возвышеніе такимъ образомъ вообще его матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Такая задача можетъ быть подъ силу только мѣстному солидному экономическому учрежденію. Попытка такого учрежденія и была уже сдѣлана десять лѣтъ тому назадъ и даже вполнѣ соотвѣтствующій цѣли и мѣстнымъ условіямъ уставъ „Пермскаго Экономическаго общества“ тогда же утвержденъ правительствомъ; но... тѣмъ не менѣе—общество не состоялось“.

Эту мысль о необходимости подобнаго учрежденія съ филантропическою цѣлью развиваетъ г. Красноперовъ (извѣстный своими изслѣдованіями объ экономическомъ бытѣ пермскаго края) въ статьѣ: „Благотворительность, какъ одинъ изъ факторовъ экономическаго состоянія и прогресса“. Авторъ начинаетъ издалека, съ экономическихъ теорій XVIII-го вѣка, съ вопроса о сущности національнаго богатства, и приходитъ къ изложенію современныхъ взглядовъ на благотворительную систему хозяйства, останавливаясь особенно на проявленіяхъ ея въ Америкѣ и въ Англіи и, наконецъ, заключаетъ объясненіемъ необходимости подобнаго просвѣщеннаго благотворенія и для нашего хозяйства. Крестьянская реформа произвела въ нашей экономической жизни чрезвычайный переворотъ, послѣ котораго га

жизнь еще не успѣла установиться въ ея новыхъ формахъ: съ одной стороны многіе остатки стараго порядка (какъ напр. система обезпеченія народнаго продовольствія) нуждается въ преобразованіи; съ другой—новыя учрежденія еще не успѣли дать своего плода. Авторъ не сомнѣвается, что испытаніе, переживаемое нами теперь, удесятеритъ въ будущемъ дѣятельность нашей страны въ усовершенствованіи установленій въ интересахъ народнаго хозяйства. Онъ видитъ, однако, что намъ чего-то недостаетъ, недостаетъ какого-то особаго фактора, который есть въ жизни опередившихъ насъ культурныхъ странъ. Эту-то невидимую зиждительную силу намъ необходимо разыскать и это тѣмъ легче, что она недалека: по словамъ автора, она находится „у однихъ въ собственныхъ своихъ сундукахъ, у другихъ только въ собственныхъ своихъ рукахъ, но у всѣхъ вообще—въ головѣ и въ сердцѣ“. „Намъ недостаетъ, — продолжаетъ г. Краснопѣровъ,—самопомощи, частнаго почина, благотворительныхъ дружинъ, не на время только голода, а постоянно дѣйствующихъ, съ разносторонними программами вспомоществованія ближнему, научно обоснованными. Для кооперативныхъ предпріятій, напримѣръ, въ средѣ нашего народа, какъ мы видѣли, есть благодатная почва, общинное землевладѣніе и артельныя начала, такъ сказать, соціальный черноземъ, но для раціональной организаціи такихъ предпріятій и повсемѣстнаго распространенія ихъ недостаетъ у нашего крестьянства, даже въ виду матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ экономическихъ знаній. Эти и многія другія насущной важности въ крестьянскомъ бытѣ знанія, сельско-хозяйственныя, техническія, санитарныя, гигіеническія, врачебныя, юридическія, воспитательныя и т. д. и т. д.,— такія знанія могла бы вносить въ народную среду просвѣщенная благотворительность, но она дремлетъ въ традиціонныхъ формахъ, влача печальное существованіе въ тщетныхъ попыткахъ остановить разрушительное дѣйствіе стихій, не овладѣвъ секретомъ управлять ими; у насъ нѣтъ благотворительности живой, осмысленной истинными народными нуждами, вооруженной знаніями, какія даетъ современная наука, той благотворительности, образцы которой мы видимъ въ западной Европѣ и Америкѣ“ (стр. 21—22).

Авторъ настаиваетъ на необходимости подобной самодѣятельности, указываетъ отдѣльные примѣры труда образованныхъ людей на пользу народа, призываетъ къ этому труду общество, обличаетъ тѣхъ, кто от... ится къ дѣлу недовѣрчиво или безпечно, напоминаетъ призывы ...й поэзіи и т. д.; но однажды (а именно упоминая книгу о без... ыхъ отъ пожара постройкахъ, которая могла бы принести чрез... ную практическую пользу) онъ находитъ, что труды, предпри... мые для народной пользы, останутся безплодными, „если не

будетъ созданъ *живой орган* общенія интеллигенціи съ крестьянской средою на поприщѣ благотворительности". Въ другой разъ онъ долженъ признать, что „въ средѣ нашей интеллигенціи еще крѣпко держится сомнѣніе въ возможности у насъ частной инициативы на поприщѣ благотворительности въ тѣхъ новыхъ формахъ, на какія мы указываемъ",—и на это онъ отвѣчаетъ: „Это, какъ мнѣ кажется, составляетъ вопросъ чрезвычайной важности, и его въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разсмотрѣть обстоятельно. Я думаю, что подобное сомнѣніе, именно въ настоящее время, есть результатъ или недоумѣнія, или предубѣжденія, или просто бездоказательной мнительности. Я убѣжденъ, что подобная благотворительность, называемая въ Америкѣ „научною", у насъ, на Руси, въ настоящее время, въ тѣхъ или другихъ формахъ возможна. Она возможна и будетъ плодотворна, впрочемъ, только при томъ условіи, если наши филантропы внесутъ въ доброе дѣло знанія и средства, а не одни только добрыя намѣренія и слова. При всемъ томъ, поприще благотворительности открыто для всѣхъ"... Намъ кажется, напротивъ, что авторъ считаетъ дѣло черезъ-чуръ простымъ и легкимъ. По его собственнымъ словамъ, у насъ нѣтъ „частнаго почина"; но въ томъ и дѣло, что сомнѣнія нашей интеллигенціи относительно этого пункта основываются, къ сожалѣнію, на слишкомъ многочисленныхъ фактическихъ опытахъ. „Частный починъ", — если онъ не ограничивается отдѣльными примѣрами (какъ тѣ, на которые указываетъ авторъ), а принимаетъ сколько-нибудь значительные размѣры,—требуетъ особенныхъ условій, которыми наше общество не владѣетъ. Тѣ замѣчательные опыты общественной филантропіи на пользу народнаго труда, какіе поражаютъ насъ въ Англіи и Америкѣ, возможны только въ обществѣ съ широко развитою инициативою, располагающею всѣмъ необходимымъ просторомъ для своихъ начинаній и, скажемъ кромѣ того, въ обществѣ, владѣющемъ гораздо болѣе широкою образованностью и въ среднихъ классахъ, и въ народѣ. Напримѣръ: мысль о безопасныхъ постройкахъ, кажется, слишкомъ наглядна и слишкомъ важна для страны, какъ Россія, которая, по разсчетамъ статистиковъ, выгораетъ сполна и должна застроиваться заново всего въ нѣсколько десятковъ лѣтъ,—но для того, чтобы эта мысль привилась, самъ авторъ находитъ нужнымъ „живой органъ общенія интеллигенціи съ крестьянскою средою". Другими словами: интеллигенція должна растолковать народу, что безопасныя отъ пожара постройки лучше опасныхъ,—но сколько же нужно такихъ толкователей на россійскую имперію? и такъ какъ вопросовъ въ родѣ этого можетъ представиться въ народномъ бытѣ не мало, то возможно ли будетъ, наконецъ, для интеллигенціи взять на себя эти толкованія? Придется для каждой деревни

назначать дядьку? Не естественнѣе ли желать, чтобы народъ самъ былъ въ состояніи уразумѣть подобныя вещи, — и если, напримѣръ, существуетъ полезная книжка, въ родѣ книжки о безопасныхъ постройкахъ, чтобы крестьянинъ въ состояніи былъ самъ ее прочесть и понять? Въ данномъ случаѣ вмѣсто спеціальной филантропіи понадобилась бы прежде всего школа,—въ Англіи и Америкѣ такая школа готова на помощь филантропіи,—а народная школа у насъ вовсе не находится въ распоряженіи „частнаго почина“.

Мы взяли случайный примѣръ, и притомъ въ общественно-административномъ смыслѣ совершенно безразличный; но сколько есть отношеній народнаго быта, далеко не столь простыхъ, а напротивъ чрезвычайно осложненныхъ и административными, и экономическими условіями и, наконецъ, столь упорной рутиной народнаго невѣжества, котораго, къ сожалѣнію, невозможно отрицать. Мѣстнымъ жителямъ, и особливо изслѣдователямъ народной жизни, эти отношенія должны быть хорошо извѣстны; и для того, чтобы общественная филантропія могла охватывать разнообразныя народныя нужды, она должна была бы принять столь широкіе размѣры, что была бы совсѣмъ недоступна для „общественной самопомощи“ при современномъ ея положеніи. Сомнѣнія интеллигенціи относительно этого пункта вовсе не составляютъ результата „бездоказательной мнительности“, а къ сожалѣнію являются результатомъ весьма доказаннаго опыта.

Не соглашаясь съ авторомъ въ этомъ пунктѣ, мы, конечно, не только не имѣемъ ничего противъ общей его мысли, но, напротивъ, считаемъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ высокой степени благотворнымъ то общеніе интеллигенціи съ народомъ, какое онъ предлагаетъ,—еслибы оно было осуществимо. Мы думали бы только, что истинное общеніе должно установляться не на одной почвѣ филантропіи и личныхъ самопожертвованій со стороны дѣятелей интеллигенціи,—на самопожертвованія было бы невозможно разсчитывать въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, да было бы и странно на нихъ строить народную жизнь,—а главнымъ образомъ на почвѣ взаимныхъ интересовъ и пониманія, обѣими сторонами, необходимости какой-либо степени просвѣщенія.

Затѣмъ мы находимъ въ сборникѣ нѣсколько статей по археологіи, исторіи, этнографіи края и по изученію его экономическаго быта. Изъ сообщеній перваго разряда укажемъ статью г. Теплоухова: „[illegible]емледѣльческихъ орудіяхъ пермской Чуди“. Авторъ—сельскій хо[illegible]нъ по образованію (какъ объясняетъ редакція сборника) и вмѣстѣ [illegible]ѣмъ любитель археологіи, владѣющій „богатѣйшею коллекціею [illegible]скихъ древностей“. Изслѣдованіе г. Теплоухова представитъ, [illegible] сомнѣнія, большой интересъ для археологовъ: онъ хорошо зна-

комъ съ литературой предмета и даетъ подробное описаніе различныхъ земледѣльческихъ орудій своей коллекціи, найденныхъ въ пермскомъ краѣ. Эти орудія — желѣзныя: топоры, мотыги, плуги или ральники, серпы и косы. При разсмотрѣніи этихъ орудій являлся существенный вопросъ: представляютъ ли чудскіе ральники лемехъ ручного плуга, который тянули во время работы люди, или же Чудь впрягала въ свои плуги животныхъ? „Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія всѣ имѣющіеся въ моей коллекціи чудскіе ральники,—говоритъ авторъ,—я пришелъ къ заключенію, что они представляютъ, по всей вѣроятности, лемехи ручныхъ плуговъ, при работѣ которыми упряжныхъ животныхъ не употреблялось. Въ пользу такого заключенія говорятъ какъ незначительные размѣры чудскихъ ральниковъ, такъ и въ особенности устройство ихъ трубицы, загибы которой у большинства ральниковъ слишкомъ слабы, для того, чтобы выдержать сильное сопротивленіе почвы, неизбѣжное при примѣненіи конной тяги". Авторъ указываетъ сходство пермскихъ орудій съ подобнаго рода археологическими остатками у другихъ народовъ, напр., и въ западной Европѣ, а относительно ихъ древности полагаетъ, что большая часть найденныхъ въ пермскомъ краѣ ральниковъ относится къ X—XIII вѣку. Онъ думаетъ, что пермская Чудь занималась земледѣліемъ и раньше X-го вѣка, но что прежнія орудія были деревянныя, которыя, поэтому, и не могли сохраниться; или же, если имѣли желѣзныя части, то послѣднія разрушались отъ долгаго пребыванія въ землѣ и отъ состава желѣза. Редакторъ сборника дѣлаетъ къ изслѣдованію г. Теплоухова замѣчаніе, что оно не лишено интереса и для настоящей минуты—„до очевидности ясно свидѣтельствуя, *какъ недалеко ушло* наше современное земледѣліе губерніи отъ тѣхъ способовъ, какіе, много вѣковъ тому назадъ, практиковались первобытнымъ населеніемъ пермскаго края—загадочной Чудью".

Къ исторіи пермскаго края относятся разработанные по архивнымъ документамъ матеріалы для исторіи горнаго дѣла въ пермской губерніи въ XVIII и XIX столѣтіи, П. О. Чупина; статья священника Топоркова о Васильевско-шайтанскомъ заводѣ. Для этнографовъ будетъ очень любопытна статья г. Теплоухова съ описаніемъ народныхъ игрищъ: „Народное празднество „Три Елочки" въ богородской волости, пермскаго уѣзда", и статья г. Солодовникова о сектѣ неплательщиковъ. Отмѣтимъ, наконецъ: докладъ Особой коммиссіи Пермскому Отдѣленію И. Р. Техническаго Общества „По вопросу объ участіи уральскихъ горныхъ заводовъ въ постройкѣ сибирской желѣзной дороги, въ связи съ послѣдствіями неурожая 1891 года"; „Среднія цѣны за рожь, крупу и овесъ въ пермской губерніи за 14 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ" (1877—1891 г.) А. Н. Миропольскаго; „Результаты метео-

логическихъ наблюденій въ Каменскомъ заводѣ, за 18 лѣтъ (1874—1891)", В. Г. Олѣсова.

— Очерки по исторіи византійской образованности. *Ѳ. Успенскаго.* Спб. 1892.

Профессоръ одесскаго университета, г. Успенскій, есть одинъ изъ немногихъ нашихъ византинистовъ и извѣстенъ многими замѣчательными трудами по византійской исторіи и по смежной съ нею исторіи южнаго славянства, именно древняго болгарскаго царства. Настоящая книга представляетъ собраніе статей, появившихся первоначально въ „Журналѣ министерства просвѣщенія", 1891 года, и заключаетъ рядъ отдѣльныхъ изысканій на пространствѣ византійской исторіи отъ IX до XV вѣка, а именно: Константинопольскій соборъ 842 года и утвержденіе православія; Синодикъ въ недѣлю православія, составъ и происхожденіе частей его; Богословское и философское движеніе въ Византіи XI и XII вѣковъ; Философское и богословское движеніе въ XIV вѣкѣ (Варлаамъ, Палама и приверженцы ихъ); Пропаганда противоцерковныхъ идей и ученій, происхожденіе ереси стригольниковъ. Это—вопросы церковной жизни, философскихъ ученій, ересей, связанные съ одной стороны съ исторіею параллельныхъ движеній на западѣ, частью съ исторіей славянской и русской. Эти послѣднія отношенія еще увеличиваютъ интересъ изслѣдованій г. Успенскаго.

Важность византійскихъ изученій, въ особенности въ связи съ древнею русскою исторіей, не требуетъ объясненій. Византія составляла цѣлый особенный міръ съ огромнымъ культурнымъ значеніемъ для востока азіатскаго и европейскаго, и съ другой стороны для европейскаго запада; для Россіи это былъ многовѣковой источникъ культурныхъ вліяній, сильно воздѣйствовавшихъ на об[...]ніе русскаго національнаго характера. Это послѣднее обстоятельст[...]жно, конечно, сообщать особенную важность изученіямъ византійской исторіи внѣшней и особливо внутренней по ея отношеніямъ къ славянству и къ Россіи, и если мы слишкомъ часто встрѣчаемся съ пробѣлами и недостачами русской науки, то здѣсь они обнаруживаются въ особенности ясно. Несмотря на всю исторію, проведенную въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ съ греческимъ православнымъ Востокомъ, опредѣленіе нашихъ историческихъ отношеній къ этому Востоку и е[...]зученіе составляютъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашей и[...]іографіи. Нельзя сказать также, чтобъ у насъ было распростра[...] знаніе греческаго языка, даже при новѣйшемъ школьномъ к[...]цизмѣ. До послѣдняго времени мы не могли даже образовы[...] в[...]остаточной собственной профессуры по классической филологіи,

для которой требовались на помощь нѣмцы, а въ новѣйшее время даже братья-чехи. Были, правда, особливо въ средѣ лицъ духовно-академическаго образованія, и люди, достаточно изучившіе греческій языкъ, но труды ихъ уходили въ особенности или на спеціально церковную исторію, или на переводы отцовъ церкви. Византійская исторіографія начата была у насъ тѣми же нѣмцами въ XVIII-мъ столѣтіи. Когда въ 20-хъ годахъ знаменитый Румянцовъ возъимѣлъ мысль объ изданіи византійскихъ историковъ, необходимыхъ для объясненія древняго періода русской исторіи, онъ долженъ былъ обратиться за границу. Собственно говоря, первые самостоятельные русскіе труды въ этой области возникаютъ въ поколѣніи ученыхъ, воспитавшихся въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ. Трудно ожидать, конечно, чтобы въ этотъ короткій промежутокъ времени наши византійскія изученія могли установиться желательнымъ образомъ. Довольно естественно, что они прежде всего примыкали къ тому положенію науки, какое, мимо нашего участія, установилось въ западной ученой литературѣ. Мы съ своей стороны могли внести нѣкоторыя новыя подробности, которыя могли быть доставлены богатыми источниками нашихъ старыхъ библіотекъ и на которыя наводили нашихъ ученыхъ спеціальные вопросы русской исторіи,—но до сихъ поръ работы нашихъ византинистовъ ограничиваются почти только эпизодической разработкой нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ византійской исторіи, иногда въ связи съ русскою исторіею древняго времени. Для того, чтобы эти изученія могли стать прочно въ нашей литературѣ, было бы желательно, конечно, чтобы онѣ опирались на труды общаго характера, на какіе-либо общіе обзоры византійской исторіи, археологіи, литературы, права, которые служили бы и для начинающихъ спеціалистовъ и для массы читателей. Иначе данная отрасль науки, не получая корня въ литературѣ общедоступной, остается достояніемъ тѣснаго кружка,—что̀, безъ сомнѣнія, не способствуетъ расширенію ея въ обществѣ, изъ кото́раго и набираются дѣятели науки. У насъ нѣтъ, напр., даже перевода такихъ общихъ сочиненій по византійской литературѣ, какъ сочиненія Николаи и Крумбахера.

Интересъ византійской исторіи для исторіи западной образованности среднихъ вѣковъ и для изученія русской старины является и въ „Очеркахъ“ г. Успенскаго. Въ изслѣдованіяхъ о Константинопольскомъ соборѣ 842 года и о богословскомъ и философскомъ движеніи Византіи съ XI по XV вѣкъ авторъ постоянно встрѣчается съ параллелями восточной и западной жизни, церковной и философской,—параллелями, которыя исполнены такого широкаго историческаго интереса, что приходится сожалѣть, что русскій читатель находитъ о нихъ въ своей литературѣ только эти разъединенныя подроб-

ности. Съ другой стороны чрезвычайно любопытны излагаемыя г. Успенскимъ сближенія фактовъ византійской исторіи съ русской и славянской стариной. Таковы, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, его замѣчанія о синодикахъ и тѣхъ историко-литературныхъ матеріалахъ, какіе въ нихъ заключаются. Таковы замѣчанія о богомильскомъ ученіи, которое авторъ, между прочимъ, сопоставляетъ съ ученіями иконоборцевъ. Таковы въ особенности новыя объясненія до сихъ поръ очень темной секты старыхъ русскихъ „стригольниковъ": авторъ сближаетъ секту съ ученіемъ богомиловъ и въ первый разъ сообщаетъ, кажется, совсѣмъ правильное объясненіе самаго названія секты, которому давалось обыкновенно весьма неудовлетворительное толкованіе.

Прибавимъ, наконецъ, что научное достоинство изслѣдованій г. Успенскаго возвышается тѣмъ, что обширный матеріалъ ихъ въ византійской литературѣ онъ дополнилъ изученіемъ греческихъ рукописей въ европейскихъ библіотекахъ, а также изученіемъ рукописныхъ памятниковъ русскихъ.—А. В.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Башмаковъ, А. А.—Основныя начала ипотечнаго права. Либава, 92. Стр. 248. Ц. 1 р. 50 к.

Безобразова, М. В.—Философскіе этюды. М. 92. Стр. 119. Ц. 80 к.

Борковскій, В. М.—Отчетъ о дѣятельности Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества въ 1890—91 г. Полтава. 92. Стр. 64.

Веберъ, Георгъ.—Всеобщая исторія. Перев. съ втор. изд. Т. XV, ч. 1: Девятнадцатое столѣтіе. Отдѣлъ 2-й: Отъ парижской іюльской революціи до настоящаго времени. Перев. В. Невѣдомскаго. М. 92. Стр. 748. Ц. 5 р.

Воскресенскій, В. А.—Педагогическій Календарь на 1892—93 г. Спб. 92. Стр. 227. Ц. 50 к.

Гербель, Н. В.—Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей. Второе изданіе, подъ ред. П. Вейнберга. Т. I, II и III. Спб. 92. Стр. 377, 448 и 464.

Гіацинтовъ, Николай.—Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ и письменныя работы въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній. Курсъ приготовительный. Рязань, 92. Стр. 18. Ц. 20 к.

Глинка, О. Ф.—О веденіи сельскаго хозяйства на акціонерныхъ началахъ. Кіевъ, 92. Стр. 47.

Гринъ, Дж. Рич.—Исторія англійскаго народа. Т. III. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 92. Стр. 365. Ц. 2 р. 80 к.

Ермиловъ, В. Е.—Великій артистъ-крестьянинъ М. С. Щепкинъ. Біографическій очеркъ, съ портретомъ. М. 92. Стр. 60. Ц. 25 к.

Клоссовскій, А.—Метеорологическое обозрѣніе. Труды метеорологической сѣти юго-запада Россіи. Вып. II. Одесса, 92. Стр. 92. Въ приложеніи: Карты къ выш. Метеоролог. Обозрѣнія.

Краузе, Вл.—Алкмеониды. Картины изъ античной жизни. Тетралогія. I. Агариста-Мегаклъ. Рига, 92. Стр. 114. Ц. 75 к.

Левитовъ, И.—Сибирскіе монополисты. Спб. 92. Стр. 16. Ц. 5 к.

Медзаботта. Эрн.—Іезуитъ, историческій романъ.—Разгромленіе, ром. Эм. Зола. Спб. 92. Стр. 320.

Мюссе, Альфредъ де.—Мардошъ. Поэма. Перев. Инкогнито. М. 92. Стр. 26. Ц. 25 к.

Romanoff, N. M.—Mémoires sur les Lépidoptères. T. VI, avec 16 planches coloriées. St. Pét. 92. Стр. 700.

——— Die Macrolepidopteren des Amurgebiets. Th. I. St. Pet. 92. Стр. 576.

Семеновъ, врачъ В. Ѳ.—Compendium Микроскопической техники. Перев. съ нѣмецкаго: А. Бемъ и А. Оппель. Спб. 92. Стр. 214. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, М. И.—Слава Россійская. Комедія 1724 г., представленная въ московскомъ госпиталѣ по случаю коронованія имп. Екатерины I. М. 92. Стр. 27. Ц. 60 к.

Сорель, А.—Европа и французская революція, сочиненіе, удостоенное Француз. Акад. большой преміи Гобера. Перев. съ франц., съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Т. I: Политическіе нравы и традиція. Т. II: Паденіе монархіи. Спб. 92. Стр. 430 и 460. Ц. 6 р.

Судейкинъ, Власій.—Биржа и биржевыя спекуляціи. Спб. 92. Стр. 112. Ц. 1 р.

Тхоржевскій, И. Ф.—Полное собраніе пѣсенъ Беранже, по парижскому изданію 1867 г., въ переводѣ русскихъ писателей. Вып. 1. Тифл. 92. Стр. 10. Ц. 20 к.

Утинъ, Е. И.—Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 92. Стр. 446. Ц. 2 р.

Хашкесъ, М. Я.—Стихотворенія. Спб. 92 Стр. 162.

Ціолковскій, К.—Аэростатъ металлическій управляемый. М. 92. Стр. 83. Ц. 50 к.

Э., С. А.—Жизнь миссіонера отца Даміана Вейстеръ. Съ англ. по книгѣ А. Кравенъ. Спб. 92. Стр. 36. Ц. 20 к.

— Београдске Тайне. Историски романъ. Свеска I. Написао К. Београд. 92. Стр. 332. Ц. 1 динаръ.

— Для взрослыхъ. I: Свой судъ, разсказъ В. Быстренина. II. Счастливое открытіе, разсказъ Каронина. № 108. М. 92. Стр. 71.

— Докладъ Пензенской городской Думы съ отчетомъ по пріюту для нищихъ, 1891—92 гг. Пенза, 92. Стр. 26.

— Журналы Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества. 1891-й годъ. Полт. 92. Стр. 180.

— Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историч. общ. при имп. Спб. университетѣ, изд. п. р. Н. И. Карѣева (1892 г.). Т. IV. Спб. 92. Стр. 381 и 28.

— Краткій историческій очеркъ 10-лѣтняго существованія въ г. Астрахани народныхъ чтеній. 1882—1892 гг. Астрах. 92. Стр. 19.

— Настольный энциклопедическій Словарь. Вып. 44 (Караулова—Каштанъ). Изд. б. Товар. А. Гарбель и К°. М. 92. Стр. 2061—2108. Ц. 40 к.

— Нашему юношеству. Разсказы о хорошихъ людяхъ. № 1: Не отъ міра сего. Спб. 92. Стр. 50. Ц. 10 к. № 2: Дж. Вашингтонъ. Спб. 92. Стр. 55. Ц. 10 к. № 3: Поэтъ-герой, А. П. Мунтъ-Валуевой. Спб. 92. Ц. 10 к.

— Новые поборники православія на Востокѣ и во Св. Землѣ. Вып. 1. М. 92. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

— Отчетъ за 1891 г. Общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ. М. 92. Стр. 116.

— Отчетъ Тверской губернской земской управы, и приложенія къ нему. Тверь 92. Стр. 115 и 31.

— Протоколы засѣданій Тверского очередного губернскаго земскаго собранія, 1890 г. Тверь 91.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по Тверской губерніи. Т. VI: Бѣжецкій уѣздъ. Т. VII: Зубцовскій уѣздъ. М. 91.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго общества. Т. IV. Харьк. 92. Стр. 292. Ц. 3 р.

— Семейная Библіотека. № 22: Шатобріанъ, Мученики, или торжество христіанства. Спб. 92. Стр. 92. Ц. 25 к.

— Статистическій Сборникъ постановленій Осинскихъ уѣздныхъ земскихъ собраній за 1870—1890 гг., и очерки 20-лѣтней дѣятельности Осинскаго земства по главнѣйшимъ предметамъ его вѣденія. Состав. Н. С. Сигинъ. Оса, 91. Стр. 458 и 214.

— Славянская Библіотека. № 1: Соломонъ, разск. В. Новака. Перев. съ хорватскаго Н. Н. Филиппова. Спб. 92. Стр. 40. Ц. 20 к.

— Терскій Сборникъ, прилож. къ Терскому календарю на 1892 г. Вып. 2, кн. II. Владикавказъ. 92. Стр. 149. Ц. за обѣ книги 1 р. 75 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par *Fustel de Coulanges*. *Les transformations de la royauté* pendant l'époque carolingienne. Ouvrage revu et complété sur le manuscrit et d'après les notes de l'auteur par *Camille Jullian*, prof. d'histoire à la Faculté des lettres de Bordeaux. Paris, 1892. Стр. XIV и 715. Ц. 7 фр. 50 с.

Обширный трудъ покойнаго Фюстель де-Куланжа заканчивается вышедшимъ теперь шестымъ томомъ, подъ редакціей и съ добавленіями Камилла Жюлльяна, профессора исторіи въ Бордо. Только одинъ томъ—о франкской монархіи—появился въ свѣтъ при жизни автора; другой—о сельскихъ владѣніяхъ и аллодіальныхъ имуществахъ въ эпоху Меровинговъ—печатался еще подъ его наблюденіемъ, а прочіе четыре тома оставлены были въ рукописи въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ.

Изслѣдованіе о преобразованіяхъ королевской власти при Каролингахъ доводитъ „исторію политическихъ учрежденій древней Франціи" до окончательнаго фактическаго установленія и торжества феодализма. Посредствомъ тщательнаго анализа громадной массы документовъ выясняется предъ читателемъ постепенный переходъ отъ могущественной королевской централизаціи къ пестрой феодальной системѣ, зародыши которой коренятся въ институтахъ и понятіяхъ римскаго гражданскаго права—въ идеяхъ патроната и прекарнаго (зависимаго) землевладѣнія. Авторъ показываетъ, какъ незамѣтно происходятъ радикальныя перемѣны въ общественномъ и политическомъ строѣ, безъ всякихъ крутыхъ мѣръ, безъ внезапныхъ переворотовъ и скачковъ, безъ сознательнаго участія тѣхъ общихъ идей, которыя влагаются въ исторію позднѣйшими учеными изслѣдователями. На каждомъ шагу онъ прямо или косвенно возражаетъ противъ историковъ, склонныхъ къ широкимъ и произвольнымъ обобщеніямъ, къ художественнымъ описаніямъ и разсказамъ, не основаннымъ на точномъ анализѣ фактовъ. Пользуясь осторожнымъ аналитическимъ методомъ, онъ ярко освѣщаетъ многія темныя стороны исторической жизни и дѣлаетъ чрезвычайно интересные выводы, имѣющіе характеръ оригинальности и новизны.

Фюстель де-Куланжъ,—по словамъ его вѣрнаго ученика и комментатора, Камилла Жюлльяна,—посвятилъ своему капитальному труду послѣднія двадцать пять лѣтъ своей жизни; онъ передѣлывалъ его три раза въ формѣ университетскихъ лекцій. „Онъ читалъ, съ перомъ въ рукѣ, всѣ безъ изъятія документы, оставленные древностью и средними вѣками; онъ перечитывалъ главные изъ нихъ нѣсколько разъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ принадлежалъ къ школѣ великихъ знатоковъ и толкователей текстовъ... Онъ желалъ отвлечься отъ своей эпохи, отыскивая единственно лишь въ прошломъ самые способы для изученія и пониманія этого прошлаго. Отъ предшествующей исторической школы онъ унаслѣдовалъ заботу о литературной отдѣлкѣ и стилѣ своихъ изслѣдованій. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ отличался также рѣдкою любовью къ труду. Культъ труда былъ истиннымъ счастіемъ его жизни“ (стр. VII и XIII). Лучшимъ памятникомъ его трудолюбія и даровитости остается то количество рукописныхъ работъ, которое могло быть издано послѣ его смерти.

Подъ вліяніемъ естественной реакціи противъ историковъ-художниковъ и доктринеровъ, Фюстель де-Куланжъ часто придаетъ документамъ слишкомъ большое и рѣшающее значеніе, не принимая въ разсчетъ обычныхъ недомолвокъ и прикрасъ въ оффиціальныхъ актахъ и свидѣтельствахъ. Говоря о войнахъ франкскихъ королей въ VI и VII столѣтіяхъ, онъ замѣчаетъ, что напрасно новые изслѣдователи видѣли въ этихъ событіяхъ борьбу двухъ расъ, двухъ національныхъ или политическихъ силъ: „ничего подобнаго нѣтъ въ документахъ“ (стр. 9). Отъ времени до времени происходятъ большія собранія, для обсужденія извѣстныхъ дѣлъ, по почину и указанію короля; но не существовало никакихъ постоянныхъ законовъ въ пользу политической свободы. „Документы того времени никогда не говорятъ о свободѣ; самое это слово въ нихъ не встрѣчается“ (стр. 13). Трактатъ, заключенный въ 587 году въ Андлò, считается обыкновенно первымъ значительнымъ успѣхомъ крупныхъ частныхъ владѣльцевъ по отношенію къ королевской власти; но „текстъ договора не содержитъ въ себѣ ни одной строчки, которая оправдывала бы такое мнѣніе“, и „ни однимъ словомъ не упомянуто, что аристократія или народъ вмѣшались въ дѣло и побудили королей заключить такой договоръ“.

Слѣдуетъ ли поэтому думать, что для исторіи существуетъ только то, что прямо засвидѣтельствовано въ формальныхъ актахъ, независимо отъ ихъ характера и происхожденія? Понятно, что король, дѣлая вынужденную уступку своимъ подвластнымъ, не заявитъ публично объ истинныхъ мотивахъ принятаго рѣшенія, а, напротивъ,

припишетъ сдѣланный шагъ исключительно своей доброй волѣ и великодушной заботливости о благѣ и пользѣ государства; точно также, объявляя войну, онъ не скажетъ ничего о желаніи отнять землю у сосѣдей или завладѣть ихъ богатствами, а сошлется на разныя несправедливости враговъ, на необходимость наказать ихъ за прошлые и будущіе грѣхи, обуздать ихъ возможное честолюбіе и т. п. Историки не далеко ушли бы въ изученіи истины, еслибы основывались лишь на буквальномъ смыслѣ документовъ. Фюстель де-Куланжъ самъ не разъ указываетъ на противорѣчіе между оффиціальными актами и дѣйствительностью. Администрація франкскихъ королей сохраняла формулы римской имперіи; во главѣ правительственныхъ распоряженій помѣщались фразы о величіи и призваніи королевской власти, объ ея обязанностяхъ, добродѣтеляхъ и благодѣяніяхъ. Эта „пышная фразеологія не должна вызывать никакой иллюзіи; подобныя громкія предисловія повторялись по традиціи и нисколько не характеризовали спеціальныхъ занятій королей“ (стр. 25).

Старыя слова часто теряютъ прежнее значеніе, и нельзя дѣлать изъ нихъ какіе-либо логическіе выводы. Слово „республика“ постоянно употреблялось въ римской имперіи, такъ какъ оно обозначало совокупность общихъ интересовъ, находящихся въ завѣдываніи одного лица—императора. Это слово встрѣчалось и въ оффиціальномъ языкѣ, въ законахъ и надписяхъ; оно не только не имѣло оппозиціоннаго оттѣнка, но повторялось въ обращеніяхъ къ государственной власти и въ заявленіяхъ и актахъ самихъ императоровъ. „Республика была терминомъ столь же оффиціальнымъ, какъ имперія“; это значитъ, что, по общему мнѣнію, правительство существовало для интересовъ всего населенія, хотя народъ не имѣлъ уже права участвовать въ управленіи (стр. 27—28). Въ сущности выраженіе „res publica“ обнимало понятія, выражаемыя теперь словами: государственныя дѣла, публичныя, общественныя дѣла; а эти слова постоянно и свободно употребляются даже въ абсолютныхъ монархіяхъ, въ томъ же смыслѣ, какъ „res publica“ при императорахъ въ Римѣ. При Меровингахъ это слово исчезаетъ изъ обращенія; оно уже никогда не прилагается къ франкскому государству, а обозначаетъ лишь спеціально римскую имперію, имѣющую свой центръ въ Константинополѣ. Вмѣстѣ съ словомъ исчезаетъ и кругъ понятій, выражаемыхъ имъ; люди перестали видѣть въ вождяхъ представителей общественнаго, публичнаго интереса. Короли вынуждены отказываться отъ налоговъ, давать податныя льготы монастырямъ, частнымъ лицамъ и цѣлымъ областямъ, ибо значеніе податей кореннымъ образомъ измѣнилось. Для франкскихъ королей и ихъ подданныхъ, налогъ не есть уже необходимая повинность, возлагаемая на населеніе для общихъ нуждъ государства

и для интересовъ самихъ жителей страны, какъ при римской имперіи; это уже только источникъ обогащенія для королей и способъ собиранія ихъ частныхъ сокровищъ. „Идея общественнаго интереса отдѣляется отъ идеи налога. Съ тѣхъ поръ налогъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ; онъ является продуктомъ хищничества и грабежа, представляетъ собою „слезы бѣдныхъ", и каждая золотая монета, добываемая налогомъ, носитъ на себѣ слѣды „проклятія". Такой налогъ, осуждаемый духовенствомъ во имя религіи, кажется самимъ королямъ „беззаконнымъ и проклятымъ отъ Бога" (стр. 32). А ничто такъ не обезсиливаетъ и не подрываетъ налоговъ, какъ отнятіе у нихъ того смысла, который оправдывалъ ихъ въ глазахъ людей. Освобожденіе отъ податей, признаваемыхъ вообще несправедливыми и ненужными, распространяется все на большій кругъ населенія, пока, наконецъ, не остается уже кому платить ихъ; „налоги легально существуютъ, но плательщики исчезли". Короли теряютъ постепенно и свои судебныя функціи, уступая ихъ по необходимости духовнымъ властямъ и могущественнымъ частнымъ владѣльцамъ. Они теряютъ и свою административную систему, которая все болѣе переходитъ въ руки мѣстныхъ правителей и чиновниковъ. Авторъ полагаетъ, что назначеніе на должность графа или герцога часто покупалось за деньги, такъ какъ въ документахъ говорится о богатыхъ подаркахъ, подносимыхъ королямъ при полученіи этихъ званій (стр. 54—55); но очевидно подносеніе подарковъ не можетъ еще служить доказательствомъ продажности должностей. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Фюстель де-Куланжъ отчасти отступаетъ отъ своего всегдашняго правила—строго придерживаться текстовъ. Административная власть мало-по-малу ушла изъ рукъ королей и ихъ непосредственныхъ чиновниковъ, ибо вмѣшательство послѣднихъ въ дѣла какой-нибудь мѣстности разсматривалось какъ народное бѣдствіе и тотчасъ вызывало усиленныя заботы и ходатайства объ устраненіи ихъ. Королевскія должности и сановники остались, но управляемые большею частью исчезли изъ-подъ ихъ владычества. Одновременно съ упадкомъ значенія и вліянія королей, утвердилась и окрѣпла самостоятельная дворцовая аристократія, державшая въ рукахъ все управленіе и располагавшая массами зависимыхъ владѣльцевъ и „вѣрныхъ" людей. Начальники всего дворцоваго (т. е. номинально-королевскаго или государственнаго) управленія, носившіе титулъ майордомовъ, стояли ф[illegible]тически во главѣ всего общественнаго строя, всей этой сложной п[illegible] зависимыхъ поземельныхъ и служебныхъ отношеній; особенно у[illegible]илось ихъ могущество при частыхъ малолѣтствахъ королей, когда о[illegible] играли роль опекуновъ. Короли не могли уже по произволу смѣ[illegible] майордома; фактически эта должность стала наслѣдственною,

въ чемъ наиболѣе заинтересованы были многочисленные владѣльцы и сановники, которымъ грозила потеря мѣстъ и владѣній въ случаѣ перехода власти майордома въ руки новой фамиліи. Положеніе майордома сохранилось за могущественнымъ родомъ Пепиновъ, „наиболѣе богатымъ землями и святыми" и имѣвшимъ поэтому наибольше матеріальнаго и нравственнаго авторитета въ средневѣковомъ обществѣ. Титулъ короля при послѣднихъ Меровингахъ оставался лишь пустымъ звукомъ, предметомъ чисто формальнаго, традиціоннаго культа, пока, наконецъ, и этотъ титулъ не перешелъ къ той же фамиліи, положившей начало династіи Каролинговъ.

Весьма любопытны подробныя указанія Фюстель де-Куланжа на происхожденіе и роль первоначальныхъ основателей новой династіи. Родоначальниками ея были, какъ извѣстно, Арнульфъ и Карломанъ, королевскіе сановники VI-го вѣка; дѣдъ знаменитаго Пепина Геристальскаго съ материнской стороны, первый Пепинъ (Ланденскій), сынъ Карломана, былъ женатъ на богатой и знатной представительницѣ галло-римской аристократіи; такъ же точно и Арнульфъ (святой), дѣдъ Пепина Геристальскаго по отцу, происходилъ изъ стараго аквитанскаго рода римскихъ сенаторовъ, а въ юности былъ отданъ въ дворцовую службу подъ руководство и покровительство герцога Гундульфа, родственника Григорія Турскаго, также изъ римской аристократіи. Изъ этого можно видѣть, насколько основательны соображенія новѣйшихъ историковъ о германскомъ характерѣ Каролингской династіи и о торжествѣ нѣмецкаго элемента надъ галло-римскимъ, благодаря паденію Меровинговъ. Въ дѣйствительности сами Каролинги вышли изъ рядовъ старой дворцовой аристократіи и были тѣсно связаны съ туземною галло-римскою знатью. „Было бы крайне ошибочно,—замѣчаетъ авторъ,—переносить въ тѣ вѣка идеи и чувства нашего времени. Даже имена аристократіи, демократіи и монархіи, служащія для обозначенія различныхъ формъ правительства, не встрѣчаются ни разу въ документахъ VII столѣтія. Ни одна строчка этихъ актовъ не содержитъ какого-нибудь намека на ненависть и вражду между расами или національностями. Нигдѣ не видно противопоставленія римлянъ германцамъ. Не только мы никогда не находимъ антагонизма этихъ двухъ расъ, но два эти слова ни разу не встрѣчаются во множественномъ числѣ, для обозначенія двухъ разрядовъ людей, враждебныхъ одинъ другому. Національная вражда сдѣлалась столь общимъ и распространеннымъ чувствомъ въ нашемъ XIX вѣкѣ, что невольно возникаетъ готовность приписывать такое же чувство прошедшимъ вѣкамъ. Историкъ не долженъ поступать подобнымъ образомъ". И въ самомъ дѣлѣ, многочисленные факты доказываютъ неопровержимо, что различныя національности свободно

смѣшивались между собою въ тѣ времена, что многіе германскіе роды дѣйствовали за-одно съ галло-римскими противъ своихъ же соплеменниковъ, что римскія фамиліи часто усвоивали германскія имена—и наоборотъ, и что вообще происхожденіе лицъ не играло замѣтной роли въ борьбѣ за земельныя владѣнія, за власть и господство.

Несправедливы и произвольны также, по мнѣнію Фюстель де-Куланжа, обычные выводы историковъ объ участіи народа въ управленіи при Меровингахъ и Каролингахъ. Совѣщательныя собранія, о которыхъ упоминаютъ документы, составлялись или изъ членовъ центральной администраціи (concilium) или изъ всѣхъ главныхъ представителей управленія, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго (conventus generalis). „Нужно остерегаться, — повторяетъ авторъ, — переносить наши демократическія идеи XIX-го вѣка въ ту эпоху, когда люди не имѣли даже понятія о демократіи и равенствѣ. Не надо представлять себѣ, что толпы гражданъ и свободныхъ людей собирались въ назначенный пунктъ, на площадь (Марсово поле временъ Хлодвига), освященную для этого закономъ или традиціею. Не было также депутатовъ, избранныхъ населеніемъ: никто не имѣлъ тогда идеи о представительномъ режимѣ. Публичные нравы и общественныя понятія того времени не знали ни гражданъ, ни націи, ни представительства". Короли и вожди совѣтовались лишь съ своими собственными помощниками и исполнительными органами, съ епископами, герцогами и графами, безъ участія народа. Когда созывались люди на Марсово (позднѣе майское) поле, то это былъ въ сущности призывъ войска въ походъ, такъ какъ май былъ обычнымъ временемъ начала военной кампаніи. Войско называлось часто въ документахъ „народомъ", и это ввело въ заблужденіе историковъ. Бывали майскія собранія и не для военныхъ предпріятій, а напр. для судебныхъ дѣлъ; но судилъ и рѣшалъ публично самъ король, безъ совѣта съ собраніемъ, и даваемыя имъ рѣшенія только одобрялись присутствующими. Эта публичность рѣшеній, въ присутствіи собранія, старательно соблюдалась и при Карлѣ Великомъ, несмотря на все его могущество, ибо публичность была гарантіею всеобщей обязательности, извѣстности и справедливости рѣшенія.

Замѣтимъ, впрочемъ, что Фюстель де-Куланжъ употребляетъ слишкомъ много усилій для доказательства того, что народъ будто бы не игралъ никакой активной роли въ дѣлахъ франкской монархіи. Автору ходится при этомъ возражать противъ безспорнаго содержанія тихъ документовъ и придавать отдѣльнымъ фразамъ какой-то осо- искусственный смыслъ. Когда въ актахъ говорится объ избраніи ія народомъ или о народномъ согласіи на такое избраніе, то, нѣнію автора, это лишь условная формула или легальная фикція,

лишенная всякаго практическаго значенія (стр. 283—285 и др.). Внукъ Карла Великаго, Карлъ Лысый, высказалъ въ одномъ эдиктѣ, что „законъ создается согласіемъ народа и постановленіемъ короля". Фюстель де-Куланжъ находитъ, что такія неопредѣленныя выраженія, часто встрѣчающіяся въ актахъ, не могутъ быть принимаемы за признаки народнаго участія въ законодательствѣ, такъ какъ нигдѣ не говорится ни объ обсужденіи законопроектовъ въ публичныхъ собраніяхъ, ни о правильной подачѣ голосовъ. Никакіе законодательные акты не подвергались преніямъ и голосованію національныхъ собраній; короли говорятъ отъ своего собственнаго имени: „мы постановили, приказали" и т. п. (стр. 453 и слѣд., 489 и др.). Если короли созываютъ людей на совѣтъ, то этимъ не осуществляютъ свое право, вытекающее изъ ленныхъ отношеній; для самихъ же вассаловъ участіе въ совѣщательныхъ съѣздахъ есть скорѣе долгъ, повинность, чѣмъ право (стр. 353). Это какое-то parti pris со стороны автора: онъ заранѣе поставилъ себѣ задачей доказать извѣстную мысль, непріятную для новѣйшей демократіи. Вопреки своимъ неоднократнымъ и весьма убѣдительнымъ разсужденіямъ, онъ на этотъ разъ самъ переноситъ въ далекое прошлое современныя понятія о парламентскихъ обсужденіяхъ и голосованіяхъ, какъ будто общее согласіе не могло выражаться въ болѣе простыхъ и элементарныхъ формахъ (см., напр., о случаяхъ несогласія, стр. 644 и слѣд.). Ссылаться же на обычныя слова королевскихъ актовъ: „мы приказали" и пр. было бы столь же основательно, какъ заключать о рѣшающей законодательной роли нынѣшней англійской королевы въ виду оффиціальныхъ формулъ, которыми начинается каждый парламентскій актъ въ Англіи. Въ одномъ мѣстѣ авторъ допускаетъ однако, что въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ документовъ IX вѣка можно видѣть „отголоски и слѣды старыхъ исчезнувшихъ вольностей" или „зародыши свободы для будущаго" (стр. 492). Преобладаніе предвзятыхъ личныхъ взглядовъ въ замѣчаніяхъ Фюстель де-Куланжа по этому предмету находится въ видимомъ противорѣчіи съ его настойчивою проповѣдью объективности въ анализѣ и оцѣнкѣ историческихъ фактовъ. „Субъективныя идеи, внесенныя въ историческую критику въ наше время,—говоритъ онъ, —могутъ только отодвигать науку вспять" (стр. 115, прим.). „Мы не должны руководствоваться субъективными основаніями" при рѣшеніи историческихъ сомнѣній и вопросовъ, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 139 и др.). Но авторъ остается вполнѣ объективнымъ изслѣдователемъ въ томъ отношеніи, что онъ тщательно собираетъ и анализируетъ весь имѣющійся фактическій матеріалъ, предоставляя самому читателю дѣлать соотвѣтственные выводы, даже несогласные съ личными мнѣніями Фюстель де-Куланжа.

Многія замѣчанія Фюстель де-Куланжа касаются важнаго и въ высшей степени интереснаго вопроса о метаморфозахъ политическихъ идей и учрежденій въ послѣдовательномъ ходѣ исторіи. Формула „Божіею милостью“ употреблялась, напр., въ VIII вѣкѣ не только королями, но и епископами и даже болѣе скромными лицами духовной іерархіи (пресвитерами и др.) въ смыслѣ самоуничиженія: по принятому тогда религіозному міросозерцанію, человѣкъ признавалъ себя грѣшникомъ, недостойнымъ занимаемой имъ должности, но все-таки облеченнымъ извѣстными полномочіями по особому снисхожденію и милости Бога. Слова „gratia Dei“ замѣнялись часто выраженіемъ „misericordia Dei“, или оба выраженія соединялись вмѣстѣ; иногда говорилось яснѣе и подробнѣе: „я, хотя грѣшный и недостойный, тѣмъ не менѣе милостью и снисхожденіемъ Бога“ и т. д. (стр. 221 и д.). А въ послѣдніе три или четыре вѣка эта формула считается уже внушенною чувствомъ нечеловѣческой гордости, желаніемъ поставить королевскую власть внѣ и выше народнаго вліянія и участія. Но эта идея не была чужда и Каролингамъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ. „Каролинги,—замѣчаетъ онъ,—были подавлены тѣмъ возвышеннымъ представленіемъ, которое они имѣли о своей власти. Повелѣвать отъ имени Бога, желать царствовать во имя и ради божественной воли, когда правитель есть только человѣкъ,—значитъ окружать себя сѣтью неразрѣшимыхъ затрудненій. Идеальное въ политикѣ всегда опасно. Усложнять веденіе человѣческихъ дѣлъ сверхъестественными теоріями—значитъ сдѣлать правительство почти невозможнымъ“ (стр. 233). Карлъ Великій, по мнѣнію автора, сдѣлался предметомъ легенды отчасти именно потому, что не создалъ ничего прочнаго. Такіе историческіе дѣятели „оставляютъ общество въ неопредѣленномъ положеніи; и общество, много терпѣвшее при нихъ, страдаетъ еще больше послѣ нихъ и вспоминаетъ ихъ съ сожалѣніемъ. Бѣдствія позднѣйшихъ поколѣній еще болѣе возвеличиваютъ этихъ людей въ понятіяхъ народа. Если бы они основали что-либо прочное, народы, довольные своею судьбою, вѣроятно забыли бы ихъ“ (стр. 615). Взгляды на феодаловъ и на ихъ укрѣпленные зàмки также измѣнялись въ народѣ радикально въ теченіе вѣковъ. „Въ ту эпоху, когда воздвигались эти зàмки, люди чувствовали къ нимъ только любовь и признательность. Эти крѣпости строились не противъ мирныхъ жителей, а для нихъ; онѣ составляли возвышенные посты, съ к[illegible]рыхъ защитники ихъ наблюдали и подстерегали враговъ. Онѣ с[illegible]или надежнымъ хранилищемъ для жатвы и имуществъ окрест[illegible] населенія; въ случаѣ непріятельскаго набѣга (напр. норманновъ), [illegible]давали людямъ убѣжище, съ ихъ женами и дѣтьми. Каждый [illegible]пленный замокъ былъ спасеніемъ для цѣлаго округа. Современ-

ныя поколѣнія не знаютъ уже, что̀ такое опасность. Они не знаютъ, что̀ значитъ дрожать постоянно за свою жатву, за свою хижину, за свою жизнь, за жену и дѣтей. Они не знаютъ уже, что̀ испытываетъ человѣкъ подъ бременемъ этого страха и ужаса, и когда этотъ страхъ продолжается десятки лѣтъ безъ перерыва и безъ пощады. Они не знаютъ, что̀ значитъ необходимость спасенія... Люди все отдавали и безусловно подчинялись сеньорамъ, которые защищали и ограждали ихъ" (стр. 682). Шесть вѣковъ спустя, феодальные за̀мки вызывали общую ненависть и ожесточенную вражду, такъ какъ историческая роль ихъ давно успѣла измѣниться кореннымъ образомъ.

Уже по этимъ немногимъ выпискамъ и указаніямъ можно судить о богатствѣ и поучительности свѣденій, заключающихся въ послѣднемъ томѣ труда Фюстель де-Куланжа. Нѣкоторыя обобщенія автора заслуживали бы того, чтобы остановиться на нихъ и разобрать ихъ болѣе обстоятельно. Событія показываютъ,—говоритъ онъ между прочимъ,—что „публичная власть болѣе спасительна для низшихъ классовъ, чѣмъ для высшихъ, и что отъ упадка этой власти наиболѣе страдаютъ бѣдные и слабые элементы населенія (стр. 580). „Таковъ неизбѣжный законъ: соціальныя неравенства всегда обратно пропорціональны силѣ публичной власти. Между слабымъ и сильнымъ, между бѣднымъ и богатымъ, эта власть возстановляетъ равновѣсіе. Если ея нѣтъ, слабый по необходимости подчиняется сильному, бѣдный—богатому" (стр. 583). Въ средніе вѣка храбрость и мужество были гораздо менѣе свойственны людямъ, чѣмъ теперь, ибо „истинное мужество несовмѣстимо съ разстроеннымъ состояніемъ общества; оно не соединяется съ жадностью и съ эгоистическими страстями; оно нуждается въ извѣстныхъ спокойныхъ и безкорыстныхъ качествахъ, и можетъ быть, военная храбрость есть только одна изъ внѣшнихъ формъ общаго духа соціальной дисциплины". Феодальный режимъ водворился прочно и завладѣлъ государствомъ, благодаря „чрезмѣрному развитію монархической власти и исчезновенію мѣстной свободы и самоуправленія". Въ тотъ моментъ, когда „монархія доходила до крайнихъ предѣловъ могущества и подчиняла себѣ все, она разбилась сама собою". Когда нація обладаетъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, служилый классъ подчиняется власти; когда нація подчиняется, служилые люди свободны (стр. 664). Подобные афоризмы, разбросанные въ изобиліи среди живыхъ характеристикъ и детальныхъ фактическихъ изслѣдованій, значительно усиливаютъ об' й интересъ сочиненія Фюстель де-Куланжа.

II.

Anatole Leroy-Beaulieu, membre de l'Institut. *La papauté, le socialisme et la démocratie*. Ouvrage suivi de l'encyclique pontificale sur la condition des ouvriers. Paris, 1892. Стр. IX и 379. Ц. 3 фр. 50 сант.

Въ послѣдніе годы вопросъ о политической роли папства возбуждалъ горячіе споры въ западно-европейской печати и часто вносилъ непримиримый разладъ въ среду вѣрующихъ католиковъ, особенно въ Германіи и во Франціи. Примирительная и осторожная дипломатія Льва XIII совершенно измѣнила положеніе римской церкви относительно свѣтскихъ правительствъ; такъ-называемая „культурная борьба", предпринятая княземъ Бисмаркомъ противъ католическаго духовенства, окончилась побѣдою Ватикана, благодаря энергіи и настойчивости нѣмецкой партіи центра и ея вождей, и съ тѣхъ поръ берлинскій кабинетъ не только поддерживалъ хорошія отношенія съ римской куріей, но даже прибѣгалъ къ ея услугамъ и посредничеству въ важныхъ случаяхъ (напр. по поводу конфликта съ Испаніею изъ-за Каролинскихъ острововъ и др.). Примѣръ протестантской Пруссіи не могъ остаться безъ вліянія на положеніе римской церкви въ другихъ государствахъ; повсюду Левъ XIII съумѣлъ загладить ошибки своего предшественника, Пія IX, и возстановить и упрочить поколебленный авторитетъ Ватикана. Участіе папы въ политическихъ дѣлахъ давало себя чувствовать и въ такихъ вопросахъ, которые не имѣли никакой связи съ религіей; вѣрнымъ католикамъ не разъ приходилось рѣшать трудную дилемму: или измѣнить своимъ политическимъ убѣжденіямъ въ виду прямыхъ указаній римской куріи, или нарушить подобающее уваженіе къ словамъ папы, чтобы сохранить вѣрность извѣстнымъ политическимъ принципамъ и взглядамъ. Когда въ 1887 году Левъ XIII выразилъ желаніе, чтобы нѣмецкіе католики подавали голоса въ пользу князя Бисмарка и за предложенный имъ законъ о военномъ септеннатѣ, то предводитель партіи центра, Виндгорстъ, рѣшительно отклонилъ такое вмѣшательство папы, выходящее изъ предѣловъ его духовныхъ функцій. Такъ же точно отнеслось большинство французскихъ монархистовъ къ новѣйшимъ настоятельнымъ совѣтамъ Льва XIII относительно признанія существующей республиканской формы правленія во Франціи.

Болѣе серьезное и общее значеніе активная роль Ватикана имѣетъ въ [...]комъ рабочемъ вопросѣ, одинаково волнующемъ теперь всѣ культур[...] народы Запада. Церковь, вполнѣ аристократическая по своей орга[...]ціи, по общему своему характеру и по традиціоннымъ свѣтскимъ [...]мъ, все болѣе склоняется на сторону демократіи, какъ главнѣйшей

и несомнѣнно господствующей силы нашихъ дней. Этотъ поворотъ папской политики выразился ярко и торжественно въ энцикликѣ 15-го мая 1891 года, составляющей въ сущности цѣлый трактатъ по политической экономіи и общественной морали. Разбору этого интереснаго произведенія папы Льва XIII посвящены были обстоятельныя статьи Анатоля Леруа-Больё въ „Revue des deux Mondes", соединенныя теперь въ особую книжку о „папствѣ, соціализмѣ и демократіи". Въ концѣ книжки приложенъ латинскій текстъ энциклики „Novarum rerum" (de conditione opificum), съ французскимъ переводомъ (стр. 280—371).

Мысль о разрѣшеніи соціальнаго вопроса духовнымъ авторитетомъ римской церкви была впервые высказана въ 1825 году знаменитымъ Сенъ-Симономъ. Анатоль Леруа-Больё приводитъ слѣдующія слова мечтателя-реформатора, обращенныя къ папѣ (въ „Nouveau christianisme"): „Ваши предшественники достаточно усовершенствовали и распространили ученіе христіанства. Надо заняться теперь примѣненіемъ христіанской доктрины. Истинное христіанство должно дѣлать людей счастливыми не только на небѣ, но и на землѣ. Ваша задача состоитъ въ устройствѣ человѣческаго рода согласно основному принципу божественной морали. Вы не должны ограничиваться только проповѣдываніемъ того, что бѣдные суть любимыя дѣти Христа; вы должны откровенно и энергично пользоваться всею вашею властью и всѣми средствами воинствующей церкви для улучшенія нравственнаго и физическаго состоянія наиболѣе многочисленнаго класса населенія". Пятьдесятъ лѣтъ спустя, одинъ изъ старыхъ учениковъ Сенъ-Симона, Исаакъ Перейръ, обратился къ новому папѣ съ такими же пожеланіями и надеждами, хотя и въ болѣе почтительной формѣ. „Римская церковь,—писалъ еврейскій банкиръ-филантропъ, —должна была понять, что преобразовательное движеніе, совершающееся въ мірѣ, не только не заключаетъ въ себѣ ничего нечестиваго и разрушительнаго для христіанства, но напротивъ является фактомъ провиденціальнымъ, примѣненіемъ христіанской идеи съ ея самой справедливой и возвышенной стороны... Никогда еще церковь не имѣла предъ собою задачи болѣе достойной, болѣе соотвѣтствующей ученію ея божественнаго учителя. Не признается ли церковь матерью всѣхъ слабыхъ и страждущихъ, покровительницею всѣхъ угнетенныхъ? Уничтоживъ древнее рабство и феодальное крѣпостное право, она должна еще улучшить судьбу современнаго рабочаго". Новый крестовый походъ противъ соціальнаго зла „вновь поставилъ бы папство во главѣ человѣческой пирамиды", возвратилъ бы ему старое обаяніе и привелъ бы къ „торжеству истинно христіанскаго принципа всеобщей солидарности надъ протестантскимъ индивидуализмомъ" („La ques

tion religieuse", par Isaac Pereire, 1878). Эти воззрѣнія и совѣты не имѣли, конечно, практическаго значенія сами по себѣ и вѣроятно даже вовсе не доходили до свѣденія высшихъ представителей римской церкви; но они несомнѣнно отвѣчали на жгучіе запросы современности и свидѣтельствовали объ измѣнившемся положеніи католической іерархіи, о новыхъ и трудныхъ задачахъ ея по отношенію къ усилившейся повсюду демократіи. Въ такихъ странахъ, какъ Ирландія, Англія, Соединенные Штаты, духовенство по неволѣ должно стоять на сторонѣ народныхъ массъ; рано или поздно епископы Германіи, Франціи и другихъ государствъ должны будутъ усвоить то же демократическое направленіе. Аристократія утратила свою прежнюю руководящую силу; буржуазія проникнута вольнодумствомъ и невѣріемъ, и единственными надежными кліентами римской церкви остаются наиболѣе многочисленные трудящіеся классы, обладающіе теперь и избирательными правами, и общественною свободою, и прочною организаціею, и твердымъ сознаніемъ своихъ интересовъ. Естественный, логическій ходъ вещей неудержимо увлекаетъ служителей церкви на новый путь, вопреки всѣмъ консервативнымъ традиціямъ Ватикана.

Идеи „христіанскаго соціализма" приняли форму практической программы въ Германіи, по почину епископа Кеттелера; но впервые стали ихъ примѣнять на дѣлѣ священники американскіе и англійскіе. „Католическая паства въ громадномъ большинствѣ,—говоритъ справедливо Анатоль Леруа-Больё,—состоитъ изъ рабочихъ и ремесленниковъ, и потому духовенство должно или искать точку опоры въ народной массѣ, или рѣшиться на бездѣйствіе и безсиліе. Подобное самоотреченіе совершенно не подходитъ къ англо-саксонскому характеру. Американцы бросились въ борьбу съ обычною энергіею своего темперамента. Краснорѣчивый архіепископъ Айрландъ, на конгрессѣ американскихъ католиковъ въ Балтиморѣ, заявилъ въ своей замѣчательной рѣчи, что сила церкви—въ народѣ, и что соціальный вопросъ есть основа всего христіанскаго ученія. Когда папа Левъ XIII, который не былъ еще тогда папою рабочихъ, готовился осудить американскихъ „рыцарей труда", кардиналъ Джиббонсъ поспѣшилъ лично явиться въ Римъ, чтобы остановить удары Ватикана. Извѣстно, съ какимъ мужествомъ восьмидесятилѣтній кардиналъ Маннингъ принялъ на себя роль защитника забастовавшихъ рабочихъ на докахъ Темзы; послѣ этого онъ не могъ уже бояться, что на улицахъ Лондона повторятся старые возгласы противъ католичества: *no popery*. Все вліяніе англо-саксонскаго міра тянуло римскую курію въ одну сторону; туда же направляли ее выдающіеся церковные дѣятели въ Европѣ. Римъ уступилъ, и папа Левъ XIII, не успѣвъ подвергнуть осужденію „рыцарей труда" (knights of labour), сдѣлался, на восьмиде-

сятомъ году жизни, папою пролетаріевъ" (стр. 48 и слѣд.). Позднѣе, по поводу положенія дѣлъ во Франціи, папа прямо выставилъ тотъ принципъ, что церковь, призванная существовать вѣчно и неизмѣнно въ своемъ нынѣшнемъ устройствѣ, не должна связывать себя съ преходящими формами и явленіями жизни, съ устарѣлыми учрежденіями и падающими династіями, ибо она одна не поколеблется и не погибнетъ, а вокругъ нея могутъ измѣняться политическіе и соціальные порядки, нисколько не нарушая ея древней юности и свѣжести (энциклика 12-го февраля 1892 года къ духовенству и католикамъ Франціи).

Анатоль Леруа-Больё до того восхищается этою новою тактикою Ватикана и до того превозноситъ папство, что уже все прошлое рисуется ему въ небываломъ идеальномъ свѣтѣ, и онъ забываетъ исторію и современную дѣйствительность изъ-за обманчивой мечты. „Между церковью и міромъ,—говоритъ онъ,—существовало вѣковое недоразумѣніе. Оно началось со временъ революціи, или точнѣе (!), съ конца среднихъ вѣковъ, съ XV или даже XIV столѣтія, съ эпохи Рима или Авиньона, когда папство сдѣлалось богатымъ и могущественнымъ и приняло какъ бы свѣтскій характеръ, когда церковь, подрываемая расколомъ и ересью, привыкла опираться на монарховъ и монархическую власть. Со времени Лютера и Вольтера, это казалось вполнѣ подходящимъ для ослабѣвшаго и дряхлѣющаго католичества. Такимъ образомъ мы привыкли смотрѣть на римскую церковь какъ на естественную союзницу сильныхъ міра сего. Но то, что наша близорукость или необдуманность принимала за нормальное условіе ея существованія, было только преходящимъ фазисомъ въ исторіи церкви" (стр. 36). Однако, если „преходящій фазисъ" (une phase passagère) продолжается съ XIV вѣка (а въ сущности, пожалуй, съ IX или даже VIII вѣка) до новѣйшаго времени, то онъ едва-ли можетъ уже называться преходящимъ или мимолетнымъ; и обвинять людей въ близорукости и неразуміи за то, что они видятъ постоянство въ фактахъ, неизмѣнно повторяющихся въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій,—по меньшей мѣрѣ несправедливо. Анатоль Леруа-Больё черезъ-чуръ обобщаетъ отдѣльныя черты современной политики папства и дѣлаетъ слишкомъ обширные и смѣлые выводы изъ предполагаемыхъ принциповъ и намѣреній Льва XIII. При этомъ, возлагая всѣ свои надежды на соціально-политическую миссію римской церкви, авторъ впадаетъ въ двѣ важныя ошибки: во-первыхъ, онъ постоянно отождествляетъ церковное вліяніе съ религіознымъ и нравственнымъ, какъ будто нѣтъ религіи и морали внѣ римско-католической организаціи; и во-вторыхъ, онъ упускаетъ изъ виду, что рабочій вопросъ выдвинутъ на первый планъ и все дѣло соціальной реформы н[illegible]го-

товлено и разработано элементами, не имѣющими ничего общаго съ католическимъ духовенствомъ, а послѣднее только теперь присоединяется къ движенію, чтобы овладѣть имъ и направить его безъ ущерба для церкви. Возвышенный тонъ, въ какомъ авторъ говоритъ о папствѣ и католичествѣ по поводу прошлогодней энциклики, производитъ отчасти странное впечатлѣніе; можно подумать, что либеральный публицистъ „Revue des deux Mondes“ готовъ превратиться въ рѣшительнаго и набожнаго клерикала, подъ вліяніемъ ужаса передъ призракомъ соціальной революціи. Въ экономической части своихъ разсужденій авторъ часто ссылается на сочиненія своего брата, Поля Леруа-Больё; но сила его аргументаціи мало выигрываетъ отъ этихъ ссылокъ.

Что касается содержанія папской энциклики, то оно носитъ на себѣ обычный характеръ тонкой и осторожной римской дипломатіи. Папа прежде всего осуждаетъ соціализмъ и доказываетъ его полную несостоятельность; затѣмъ онъ убѣдительно защищаетъ институтъ брака и право частной собственности; наконецъ, онъ горячо настаиваетъ на необходимости облегчить и возвысить положеніе рабочихъ, удовлетворить ихъ справедливыя требованія, относиться по-человѣчески къ низшимъ классамъ и не забывать предписаній евангелія. Право собственности на землю и на движимое имущество вытекаетъ изъ „природы вещей“ и предшествуетъ всякому положительному законодательству; такъ же точно людямъ принадлежитъ „естественное право“ заключать между собою союзы и общества для достиженія своихъ частныхъ цѣлей. Вмѣшательство государственной власти допускается только въ случаяхъ необходимости, когда нѣтъ другихъ способовъ прекратить злоупотребленія и устранить очевидныя опасности. Государство должно тщательно охранять права всѣхъ гражданъ; но особенно оно должно заботиться о бѣдныхъ, слабыхъ и нуждающихся, къ которымъ принадлежатъ и наемные рабочіе. Это признаніе покровительственной и охранительной роли государства заставляетъ Анатоля Леруа-Больё подробно объяснять папѣ, что̀ такое современное государство и чего можно ожидать отъ нынѣшнихъ случайныхъ и перемѣнчивыхъ правителей; но эти мнимыя разъясненія, изложенныя въ формѣ личнаго обращенія къ „святѣйшему отцу“ (стр. 132—136), обнаруживаютъ только удивительную путаницу въ понятіяхъ самого автора. Приведемъ одинъ ...зчикъ. Указавъ на то, что государство измѣнило свой характеръ ...ремени Θомы Аквинскаго и Суареца, авторъ продолжаетъ: „Если ...етворять государство въ управляющихъ имъ людяхъ,—какъ это ...ѣдуетъ,—то нынѣшнее государство именуется не Людовикомъ ...ымъ, не Филиппомъ II, не Людовикомъ XIV и не Фердинан-

домъ II; вчера государство носило имя князя Бисмарка, Гладстона, Тиссы, Криспи, Ферри,—и какъ будетъ оно называться завтра? Какъ назовется оно черезъ десять лѣтъ? Никто этого не знаетъ, и Римъ настолько же, какъ и Парижъ" (стр. 126). Авторъ могъ бы съ такимъ же правомъ сказать: при Людовикѣ XIV господство переходило отъ маркизы Монтеспанъ къ госпожѣ Ментенонъ, и нельзя было предвидѣть, какая фаворитка восторжествуетъ завтра, кого она проведетъ въ министры и какое направленіе примутъ политическія дѣла; еще менѣе можно было предвидѣть, кто будетъ во главѣ государства черезъ десять лѣтъ и какъ поступитъ новый король. Другое дѣло, напр., въ современной Англіи или Германіи: кто бы ни управлялъ государствомъ, Гладстонъ или Сольсбери, Бисмаркъ или Каприви, общій ходъ политики одинаково опредѣляется національными интересами, сознаваемыми среднимъ общественнымъ мнѣніемъ, и потому въ направленіи политическихъ дѣлъ не можетъ уже быть тѣхъ рѣзкихъ и произвольныхъ скачковъ, которые бывали при Филиппѣ II или Людовикѣ XIV. Мы не говоримъ уже о томъ, что, присвоивая государству имя правящаго министра, авторъ смѣшиваетъ государство съ правительствомъ. Нужно сознаться, что папа Левъ XIII имѣетъ болѣе вѣрныя представленія о государствѣ, чѣмъ поучающій его Анатоль Леруа-Больё.

Авторъ задаетъ себѣ вопросъ: возможенъ ли союзъ между Римомъ и соціальною демократіею, между „двумя великими интернаціоналками, красною и черною"? Отвѣтъ получается, конечно, отрицательный, вполнѣ утѣшительный для читателей. „Можно соединить венеціанскую республику съ турецкимъ султаномъ, даже французскую республику съ русскимъ государствомъ, но не папу съ соціализмомъ" (стр. 294). Церковь можетъ только способствовать примиренію интересовъ и смягченію существующаго антагонизма своею проповѣдью любви и милосердія; эта задача указана ясно въ папской энцикликѣ. Необходимо,—говоритъ Левъ XIII,—„быстро и своевременно помочь людямъ низшихъ классовъ, такъ какъ наибольшая часть ихъ находится незаслуженно въ несчастномъ и бѣдственномъ положеніи". Съ упраздненіемъ старыхъ корпорацій, „разрозненные и беззащитные рабочіе мало-по-малу подпали подъ власть безчеловѣчія хозяевъ и необузданнаго корыстолюбія промышленной конкурренціи. Зло усиливается еще ненасытнымъ ростовщичествомъ, которое, хотя не разъ осуждено церковью, тѣмъ не менѣе практикуется въ другомъ видѣ людьми жадными, стремящимися къ наживѣ; къ этому присоединяется сосредоточеніе предпріятій и торговли въ немногихъ рукахъ, такъ что небольшое число богачей могло наложить почти рабское иго на огромную массу пролетаріевъ". Соціалисты предла-

гаютъ противъ этого мѣры, основанныя на чувствѣ вражды и противорѣчащія естественному праву собственности, которое, по опредѣленію папы, заключается въ „правѣ работника на продуктъ своего труда“; замѣтимъ, впрочемъ, что этотъ послѣдній принципъ именно и служитъ основою соціалистическихъ требованій. Соціалисты мечтаютъ о всеобщемъ равенствѣ; но „тщетны всѣ усилія, направленныя противъ природы вещей“. Люди должны терпѣливо переносить свою судьбу, ибо „страдать и терпѣть свойственно человѣчеству“ (pati et perpeti humanum est). Большая отвѣтственность лежитъ на хозяевахъ и капиталистахъ: „они должны помнить, что ни божескіе, ни человѣческіе законы не позволяютъ притѣснять неимущихъ и нуждающихся ради своей выгоды и извлекать барыши изъ чужой бѣдности“. Обязанность милосердія опредѣлена довольно эластично: „никто не обязанъ помогать ближнимъ изъ имущества, нужнаго для его собственнаго употребленія и для его семьи, или давать другимъ изъ того, что̀ служитъ для его личнаго удобства, ибо никто не долженъ жить противно приличіямъ; но, удовлетворивъ потребности и приличія, слѣдуетъ дѣлиться излишкомъ съ нуждающимися“. Въ энцикликѣ затронутъ также вопросъ о нормѣ заработной платы; размѣры ея во всякомъ случаѣ должны быть „достаточны для существованія порядочнаго и разумнаго работника“, и заботиться объ этомъ предоставляется прежде всего рабочимъ союзамъ, при содѣйствіи государства по мѣрѣ надобности. Далѣе, „частная собственность не должна быть истощаема чрезмѣрными налогами и повинностями“. Относительно права ассоціаціи папа полагаетъ, что оно „дано людямъ самою природою; общество же (т.-е. государство) установлено для охраны естественнаго права, а не для уничтоженія его“ (est autem ad praesidium juris naturalis instituta civitas, non ad interitum). „Гражданское общество, которое запрещало бы частные союзы, подрывало бы свои собственныя основы, такъ какъ всѣ общества, частныя и публичныя, получаютъ свое начало отъ одного и того же принципа—природной общительности людей“. Левъ XIII имѣетъ при этомъ въ виду защиту духовныхъ конгрегацій, запрещаемыхъ и преслѣдуемыхъ въ разныхъ государствахъ.

Папская энциклика, написанная изящнымъ латинскимъ языкомъ и заключающая въ себѣ много мѣткихъ замѣчаній, составляетъ вообще лучшую и наиболѣе интересную часть книги Анатоля Леруа-Б ё.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1892 г.

„Еврейская колонизаціонная ассоціація".—Проектируемыя „общественныя крестьянскія лавки".—Еще о „лукояновской исторіи".—Отчетъ уполномоченнаго Особаго Комитета по пензенской губерніи.—Воспоминанія присяжнаго засѣдателя изъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей".

На нашихъ глазахъ предпринимается дѣло, по нѣкоторымъ своимъ чертамъ безпримѣрное во всемірной исторіи. Массовыя эмиграціи—явленіе довольно обыкновенное и въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ: достаточно вспомнить выселеніе мавровъ изъ Испаніи, гугенотовъ изъ Франціи, голодающихъ земледѣльцевъ изъ Ирландіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Причиной выселенія всегда служилъ гнетъ внѣшнихъ обстоятельствъ, иногда принимавшій форму прямого, иногда—косвеннаго принужденія, иногда зависѣвшій не отъ правительственныхъ мѣръ, а отъ стихійныхъ бѣдствій. Внѣшними обстоятельствами вызывается и переселеніе евреевъ изъ Россіи,—но отъ всѣхъ прежнихъ движеній этого рода оно отличается тѣмъ, что въ основаніи его лежитъ обдуманный планъ, къ нему на помощь приходитъ систематическая организація. Мы узнаемъ изъ „Правительственнаго Вѣстника", что въ прошломъ году открылось въ Лондонѣ, подъ названіемъ „еврейской колонизаціонной ассоціаціи", акціонерное общество, съ основнымъ капиталомъ въ 50 милліоновъ франковъ, поставившее себѣ задачей облегчить евреямъ эмиграцію изъ Европы и Азіи, устроивать поселенческія колоніи въ Америкѣ, пріобрѣтать для этихъ колоній земли и основывать необходимыя для ихъ благосостоянія учрежденія. Общество располагаетъ уже теперь болѣе чѣмъ $3^1/_2$ милл. гектаровъ земли въ Аргентинской республикѣ; кругъ дѣйствій его будетъ распространенъ на Бразилію, Мексику, Канаду и Соединенные Штаты. Хотя рѣчь идетъ вообще объ эмиграціи *изъ Европы и Азіи*, но въ сущности имѣется въ виду преимущественно, а можетъ быть и исключительно, эмиграція изъ Россіи. Это явствуетъ изъ того, что цифру русскихъ евреевъ-эмигрантовъ предполагается довести, въ двадцать-пять лѣтъ, до *трехъ съ четвертью милліоновъ*, т.-е. приблизительно до трехъ четвертей всего еврейскаго населенія въ Россіи. Рядомъ съ этой громадной массой едва ли останется мѣсто для евреевъ изъ другихъ странъ, въ которыхъ, притомъ, и не существуетъ особыхъ поводовъ къ еврейской эмиграціи. Ассоціація о[…]а-

тилась къ русскому правительству съ ходатайствомъ о дозволеніи ей учредить въ Петербургѣ центральный эмиграціонный комитетъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ имперіи, по мѣрѣ надобности, мѣстные комитеты. Это ходатайство уважено, съ тѣмъ, чтобы утвержденіе членовъ центральнаго комитета и разрѣшеніе на исполненіе его постановленій зависѣло отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а мѣстные комитеты были поставлены подъ контроль губернскихъ начальствъ. „По вопросу о томъ, — читаемъ мы дальше въ правительственномъ сообщеніи, — какое могло бы быть оказано нашимъ правительствомъ содѣйствіе предпріятію барона Гирша, въ видахъ достиженія его чисто-филантропическихъ цѣлей, министерство внутреннихъ дѣлъ признало возможнымъ предоставить выселяющимся, при посредствѣ ассоціаціи, евреямъ безплатное полученіе выходныхъ свидѣтельствъ и освободить ихъ отъ воинской повинности, причемъ остающіеся въ Россіи ихъ единовѣрцы не привлекались бы, взамѣнъ выселившихся, къ исполненію этой повинности. Для предотвращенія же возможности уклоненія евреевъ отъ воинской повинности, посредствомъ мнимой эмиграціи, установляется, что евреи призывного возраста, не выѣхавшіе изъ Россіи до дня, назначеннаго для вынутія жеребья, и не объявившіе о томъ подлежащему присутствію, привлекаются къ исполненію повинности, какъ уклонившіеся отъ нея, безъ жеребья. Евреи, выселившіеся при посредствѣ ассоціаціи и, слѣдовательно, воспользовавшіеся предоставляемыми имъ льготами, считаются покинувшими предѣлы Россіи навсегда. Для предупрежденія возможныхъ случаевъ обратнаго возвращенія переселенцевъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предположено обязать общество еврейской колонизаціонной ассоціаціи внести въ государственный банкъ, гарантированными правительствомъ процентными бумагами или наличными деньгами, депозитомъ, 100.000 руб., для возмѣщенія расходовъ, могущихъ пасть на правительство въ случаѣ, если выселенные при посредствѣ ассоціаціи евреи не пріобрѣтутъ подданства другой, кромѣ Россіи, державы и должны будутъ, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, возвратиться на родину. При этомъ, въ случаѣ израсходованія части этихъ денегъ, сумма должна быть пополняема ассоціаціею, когда свободныхъ остатковъ окажется не болѣе 25.000 рублей“. Всѣ эти предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ одобрены положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 8-го мая.

Не разсчитывая на то, чтобы выселеніе евреевъ изъ Россіи до... ло проектируемыхъ громадныхъ размѣровъ, нѣкоторые органы ...й печати возлагаютъ, однако, большія надежды на предпріятіе ...скаго колонизаціоннаго общества. „Достаточно и того,—говоритъ ...ое Время“ (№ 5838),—если въ среднемъ ежегодно будетъ высе-

ляться хотя бы только отъ 50 до 60 тысячъ евреевъ, и за двадцать-пять лѣтъ выселится до полутора милліона". Шестьдесятъ тысячъ—это, по разсчету „Новаго Времени", приблизительный ежегодный приростъ еврейскаго населенія въ Россіи. При такой эмиграціи оно не будетъ, слѣдовательно, увеличиваться въ числѣ и черезъ четверть вѣка будетъ составлять, вмѣсто $3^3/_4$%, только $2^1/_2$% общаго населенія имперіи, черезъ полвѣка—менѣе 2%, а къ 2000 г.—менѣе одного процента. „Когда на каждую сотню жителей,—продолжаетъ газета,—останется у насъ по одному еврею, вопросъ о болѣе или менѣе полной эманципаціи русскаго еврейства разрѣшится самъ собою". Взглядъ газеты проникаетъ въ весьма туманную даль будущаго и тѣмъ не менѣе опредѣляетъ, съ пророческою ясностью, чтó, какъ и почему совершится на рубежѣ XX-го и XXI-го вѣка. Упускается при этомъ изъ виду только бездѣлица: игнорируются моральные факторы развитія, дѣйствіе которыхъ не согласуется ни съ какими процентными отношеніями и не задерживается до наступленія произвольно назначеннаго условія или срока. Столѣтіе, при той быстротѣ, съ какою чередуются, въ наше время, повороты и перевороты въ мірѣ фактовъ, чувствованій и мыслей — это такой большой промежутокъ времени, къ которому нельзя прикидывать узкую мѣрку національнаго предразсудка. Господствующій сегодня взглядъ не только черезъ сто лѣтъ, но и гораздо раньше можетъ исчезнуть почти безслѣдно. Всего оригинальнѣе въ разсчетѣ „Новаго Времени" то, что оно принимаетъ эмиграцію евреевъ, по 60 тысячъ (въ среднемъ) ежегодно, какъ нѣчто продолжающееся непрерывно въ теченіе всего XX-го вѣка. И двадцать пять лѣтъ, въ такомъ сложномъ дѣлѣ, зависящемъ отъ столь многихъ и столь разнообразныхъ условій — срокъ чрезвычайно продолжительный, не допускающій точно взвѣшенныхъ комбинацій или допускающій ихъ только съ большими оговорками; чтò же сказать о цѣломъ столѣтіи, съ безконечнымъ рядомъ сюрпризовъ, которые оно, безъ сомнѣнія, готовитъ нашимъ потомкамъ?

Итакъ, гадать о тѣхъ благахъ, которыя еврейская эмиграція, черезъ сто лѣтъ, принесетъ Россіи и ея уцѣлѣвшему еврейскому населенію — по меньшей мѣрѣ совершенно безплодно; обратимся лучше къ настоящему. „Новое Время", и вмѣстѣ съ нимъ другія газеты, забываютъ одно существенно-важное обстоятельство, прямо признанное въ правительственномъ сообщеніи: онѣ забываютъ, что для русскихъ евреевъ Россія—*родина*, во всемъ великомъ значеніи этого слова. Чтó въ томъ, что они—не русскіе по крови и по вѣрѣ (если допустить, что существуетъ *русская* вѣра); они родились въ Россіи, они связаны съ нею воспоминаніями, привязанностями, привычками а очень часто — и воспитаніемъ, языкомъ, умственными интересами.

Быть можетъ, Аргентинская республика или Бразилія сдѣлается для нихъ, со временемъ, новымъ отечествомъ, подобно тому, какъ для французскихъ эмигрантовъ-гугенотовъ имъ сдѣлалась Англія или Пруссія; но, въ ожиданіи этой минуты, они будутъ испытывать участь людей, потерявшихъ одно изъ главныхъ благъ жизни. Конечно, мѣшать еврейской эмиграціи, отклонять предлагаемое ей содѣйствіе отнюдь не слѣдуетъ; но не лучше ли было бы, еслибы она вовсе не возникала, какъ не возникаетъ въ другихъ странахъ, еслибы не было даже и причинъ къ ея возникновенію? Всегда ли, притомъ, она выгодна для остающихся, для христіанскаго *населенія*? На такой вопросъ отвѣчаетъ весьма опредѣленно, между прочимъ, недавній циркуляръ волынскаго губернатора, опубликованный въ „Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ". Еще 25-го мая прошлаго года губернаторъ указалъ исправникамъ на необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію незаконнаго пользованія евреями недвижимымъ имуществомъ въ селеніяхъ. До 12-го апрѣля настоящаго года возбуждено было въ губерніи 4719 (!) подобныхъ дѣлъ, при чемъ 771 еврейское семейство добровольно прекратило владѣніе имуществами и перешло на жительство въ города и мѣстечки, а 226 семействамъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ, воспрещено пребываніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они проживали. „Благопріятнымъ" положеніе этого дѣла губернаторъ признаетъ только въ двухъ уѣздахъ, удовлетворительнымъ—въ одномъ; въ пяти уѣздахъ оно оказывается крайне неудовлетворительнымъ, такъ что „нерадивымъ" должностнымъ лицамъ приходится грозить устраненіемъ отъ должности. „Вмѣстѣ съ симъ, — продолжаетъ губернаторъ, — ко мнѣ доходятъ свѣденія, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, изъ коихъ удалены всѣ евреи, будто прекратилась торговля предметами крестьянскаго обихода, что̀ представляетъ крайнее неудобство, вынуждая крестьянъ за самыми мелочными покупками отправляться на болѣе или менѣе значительныя разстоянія. Для устраненія этого и придавая особенное значеніе развитію мелкой торговли въ селеніяхъ, я покорнѣйше прошу гг. мировыхъ посредниковъ и исправниковъ приложить все усердіе для открытія въ селеніяхъ общественныхъ крестьянскихъ лавокъ. На пріобрѣтеніе необходимыхъ товаровъ можно было бы, по утвержденнымъ законнымъ порядкомъ приговорамъ обществъ, отчислить нѣсколько десятковъ рублей изъ мірского капитала. Помѣщенія можно нанимать [illegible] простой крестьянской избѣ, и сидѣльца выбрать обществомъ изъ [illegible]ныхъ крестьянъ. Наблюденіе за дѣйствіями сидѣльца можетъ [illegible] возложено на общества, а также на мировыхъ посредниковъ и [illegible] въ мѣстной полиціи". Здѣсь, прежде всего, интересенъ самый [illegible]ъ прекращенія торговли въ нѣкоторыхъ деревняхъ, покинутыхъ

евреями. Хотя упоминаніе о немъ и сопровождается словомъ *будто*, но сомнѣваться въ его дѣйствительности едва-ли возможно, потому что иначе не пришлось бы прибѣгать къ столь экстраординарнымъ мѣрамъ, какъ предлагаемыя въ циркулярѣ. Торговля „par ordre", организуемая внушеніями должностныхъ лицъ, декретируемая сельскими сходами и производимая на счетъ мірскихъ суммъ—это явленіе до крайности оригинальное. Въ рамки настоящаго оно укладывается; даже мысленно, не безъ труда; гораздо легче представить себѣ его въ отдаленномъ прошедшемъ или неопредѣленномъ будущемъ... Минувшей зимой мы видѣли примѣры таможенныхъ заставъ, воздвигаемыхъ, sua sponte, на границѣ губерніи и говорящихъ торговлѣ: „до сихъ поръ, ни шагу дальше". Нѣсколько раньше мы слышали о столь же невѣдомомъ закону полицейскомъ трибуналѣ, разрѣшающемъ ярмарочные гражданскіе споры. Теперь, наконецъ, мы знакомимся съ лавками, открываемыми по оффиціальному предписанію. Едва-ли такое участіе въ отправленіяхъ общественной жизни, ничѣмъ не регулированное и вовсе негармонирующее съ внутреннимъ ея складомъ, можетъ быть признано цѣлесообразнымъ и нормальнымъ. Не этимъ путемъ восполнимы пробѣлы, образующіеся то тамъ, то здѣсь въ силу системы ограниченій и запрещеній. Мірская лавка, обязанная своимъ существованіемъ циркуляру, скоро сдѣлается мірскою только по имени; за спиною міра станетъ кто-нибудь другой, прикрываясь удобнымъ названіемъ, но извлекая изъ него пользу только для себя лично. Другое дѣло, еслибы мірская торговля была создана свободной мірской иниціативой; тогда она, быть можетъ, имѣла бы будущность—не особенно, впрочемъ, блестящую, въ виду неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлено у насъ теперь сельское общество... Допустимъ, однако, что въ большинствѣ случаевъ прибѣгать къ устройству мірскихъ лавокъ не придется и что мѣсто удалившагося или удаленнаго торговца-еврея займетъ такой же частный торговецъ, полякъ или чехъ, великоруссъ или малороссіянинъ. Перемѣнится ли отъ этого что-нибудь къ лучшему? Не думаемъ. Въ кабалѣ у незначительнаго меньшинства масса населенія состоитъ и въ такихъ губерніяхъ, гдѣ вовсе нѣтъ евреевъ (напр., въ самарской). Теперь, благодаря изслѣдованіямъ, вызваннымъ народною бѣдою—или, лучше сказать, вслѣдствіе народной бѣды обратившимъ на себя общее вниманіе—болѣе чѣмъ когда-либо стало ясно, что совокупность извѣстныхъ бытовыхъ условій вездѣ приводитъ къ одному и тому же результату, независимо отъ племенного состава населенія. Задолженность народа, тѣсно связанная съ его умственною отсталостью и экономическою безпомощностью, едва ли больше въ губерніяхъ еврейской осѣдлости, чѣмъ въ центрѣ и на востокѣ Россіи.

Послѣ всѣхъ раскрытій, сдѣланныхъ въ лукояновскомъ уѣздѣ цѣлымъ рядомъ оффиціальныхъ и не-оффиціальныхъ изслѣдованій, трудно было ожидать обнаруженія здѣсь какихъ-либо новыхъ фактовъ, существенно дополняющихъ знакомую картину. Трудное, однако, оказалось возможнымъ. Почти въ каждомъ новомъ журналѣ нижегородской губернской продовольственной коммиссіи всплываетъ наверхъ что-нибудь характеристичное для положенія злосчастнаго уѣзда; много интереснаго разсказываютъ и В. Г. Короленко, въ слишкомъ медленно, для любознательности его читателей, слѣдующихъ одинъ за другимъ фельетонахъ „Русскихъ Вѣдомостей", и корреспондентъ „Новаго Времени" (г. Майковъ). Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ донесеніи г. Обтяжнова (завѣдующаго продовольственною частью въ лукояновскомъ уѣздѣ), обревизовавшаго, по предписанію губернатора, положеніе продовольственнаго дѣла въ участкѣ земскаго начальника Желѣзнова: „въ раздачѣ ссудъ (по учуевско-майданскому обществу) видится отсутствіе какой бы то ни было системы. Лица, получающія пособіе, вдругъ, безъ объясненія причинъ, перестаютъ получать его. Эти выдачи съ перерывами какъ нельзя болѣе освѣщаютъ грустное положеніе окончательнаго экономическаго разоренія". Что еще хуже —вслѣдствіе небрежности земскаго начальника—яровыя поля рисковали остаться не вполнѣ обсѣмененными; о недостаткѣ сѣмянъ, обнаружившемся въ селѣ Константиновкѣ, не было своевременно сообщено продовольственной коммиссіи. Встрѣчая въ селеніяхъ хлѣбъ, непригодный къ употребленію, земскій начальникъ не увеличиваетъ размѣра ссуды, а *требуетъ*, циркулярно, употребленія въ пищу хлѣба доброкачественнаго, *угрожая, въ противномъ случаѣ, карательными мѣрами* (!). „Положительно затрудняюсь,—замѣчаетъ по этому поводу г. Обтяжновъ,—сдѣлать нравственную оцѣнку этого остроумнаго циркуляра, и недоумѣваю, было ли то запугиванье жалобщиковъ на питаніе ихъ недоброкачественнымъ хлѣбомъ, или начальническое предписаніе имѣть, *для предъявленія*, образцы хорошаго хлѣба, или, наконецъ, дружескій совѣтъ чудодѣйственно превращать лебеду въ хорошую, чистую муку". Въ настоящее время г. Желѣзновъ, какъ извѣстно, уже уволенъ отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ, переданнымъ, въ его участкѣ, г. Гучкову; но вотъ что пишетъ о немъ г. Майковъ, видѣвшій его уже въ новомъ періодѣ его дѣятельн. „Въ канцелярію земскаго начальника (г. Желѣзнова) вошелъ оста второго общества дер. Бугры, съ жалобой, что крестьяне общества, такіе-то, ходили къ г. Гучкову и просили выдачи сѣь гречи, тогда какъ эти сѣмена въ совершенно достаточномъ коствѣ есть у нихъ въ запасномъ магазинѣ. Г. Желѣзновъ обрася, а я смутился". Затѣмъ созванъ былъ сходъ, на которомъ

г. Желѣзновъ „очень быстро заставилъ крестьянъ сознаться, что у нихъ есть гречи столько, сколько нужно для посѣва оставленной подъ гречу надѣльной земли“. Тогда крестьяне объявили, что они просили гречи для засѣва испольной земли; но домовый обыскъ, тотчасъ же произведенный Желѣзновымъ, обнаружилъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ амбарахъ есть греча, „правда, въ не особенно большихъ размѣрахъ“. Въ этомъ разсказѣ все чрезвычайно характеристично— и „жалоба“ старосты, и „радость“ г. Желѣзнова, и поиски гречи въ кадушкахъ и амбарахъ. Не странно ли, во-первыхъ, что староста приходитъ выдавать своихъ односельцевъ, виновныхъ только въ желаніи увеличить площадь своего посѣва? Не объясняется ли эта „странность“ тѣмъ, что, по принятому г. Желѣзновымъ обычаю (см. докладъ г. Обтяжнова), все продовольственное дѣло оставлялось имъ по каждой деревнѣ въ полномъ, безконтрольномъ распоряженіи нѣсколькихъ уполномоченныхъ-крестьянъ? Не принадлежалъ ли къ числу такихъ уполномоченныхъ староста дер. Бугры и не усматривалъ ли онъ въ пріѣздѣ г. Гучкова ограниченіе власти и правъ, которыми онъ до тѣхъ поръ пользовался? Что касается до „радости“ г. Желѣзнова, то она не требуетъ комментаріевъ; для него сразу открывалась возможность оспорить дѣйствія своего противника и оправдаться въ глазахъ корреспондента. Нужно, однако, отдать справедливость г. Майкову: увѣренія г. Желѣзнова, хотя и поддержанныя обыскомъ, не ввели его въ ошибку. Онъ понялъ, напримѣръ, что заемъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, заключенный крестьянами (дер. Взовки) вслѣдствіе отказа имъ въ ссудѣ, не свидѣтельствуетъ еще о кредитоспособности ихъ и состоятельности; онъ понялъ, что никакой доказательной силы не имѣетъ и отказъ крестьянъ отъ ссуды, вынужденный угрозами земскаго начальника и даже не оформленный общественнымъ приговоромъ [1]). Общій выводъ г. Майкова таковъ: далеко не всѣмъ, кому нужно, давалъ пособіе г. Желѣзновъ, и *дѣлалъ это завѣдомо*, *умышленно закрывая глаза на нужду народа*. Не ясно ли, что въ участкѣ, которымъ продолжаетъ завѣдывать г. Желѣзновъ, продовольственное дѣло, хотя бы и переданное въ руки другого лица, не можетъ идти правильно и нормально? Не ясно ли также, что не могутъ продолжаться ad infinitum такія отношенія между представителями уѣздныхъ партій, какія наблюдалъ г. Майковъ въ засѣданіи лукояновской продовольственной коммиссіи? Г.

---

[1]) „Отказъ“ семнадцати домохозяевъ дер. Ханеневки отъ продовольстве[illegible]ой ссуды произошелъ такимъ образомъ: они разъ пять ходили къ г. Желѣзнову, п[illegible]ся о ссудѣ. Каждый разъ имъ отказывали и, наконецъ, объявили: „просите, не про[illegible]те —все равно ничего не получите, а отвѣчать, можетъ быть, будете: такъ лучше [illegible]кажитесь“. Тогда они сказали: „ну, что-жъ дѣлать, откажемся!“

Обтяжновъ читаетъ докладъ, касающійся состоянія селъ въ участкѣ г. Желѣзнова. Встаетъ г. Желѣзновъ и говоритъ: все это невѣрно отъ первой буквы до послѣдней, все вымышлено. Г. Обтяжновъ говоритъ, что онъ ручается за свои собственные глаза и уши; г. Желѣзновъ ссылается на тѣ же органы. Избы въ д. Пралевкѣ *многія* раскрыты, говоритъ одна сторона; земскій начальникъ А. Л. Пушкинъ возражаетъ, что въ Пралевкѣ нѣтъ *ни одной* раскрытой избы". Нужно надѣяться, что теперь всѣмъ подобнымъ пререканіямъ положенъ конецъ. По словамъ г. Майкова, „обостренность отношеній, желаніе демонстраціи, желаніе показать, насколько они правы, трусость заявить себя не солидарнымъ съ хорошимъ знакомымъ, вызвали отставку всѣхъ лукояновскихъ дѣятелей, отставку коллективную. Прошенія объ отставкѣ были отправлены всѣ вмѣстѣ и даже въ одномъ конвертѣ. Слухъ о томъ, что всѣ подадутъ въ отставку, былъ давно; ждали лишь возвращенія внезапно выѣхавшаго за границу г. Философова (уѣзднаго предводителя дворянства, бывшаго предсѣдателя продовольственной коммиссіи). Вернулся онъ и отставки были подписаны. Не хорошее дѣло,—замѣчаетъ г. Майковъ,—эта отставка. Я думаю, пусть простятъ меня почтенные дѣятели, что прежде всего эта отставка—мальчишество. Въ такое время не уходятъ, въ такое время, если чувствуютъ за собой правоту, бьются до конца, даютъ потомъ отчетъ, просятъ ревизіи и ужъ потомъ, если хотятъ, тогда уходятъ". По этому вопросу мы совершенно несогласны съ г. Майковымъ; мы думаемъ, наоборотъ, что отставка—все равно, коллективная или не-коллективная—единственно хорошее дѣло лукояновскихъ „дѣятелей". Не должны, конечно, уходить во время народнаго бѣдствія тѣ, которые ведутъ противъ него борьбу; но для тѣхъ, кто систематически отказывается отъ борьбы, упорно признавая ее ненужной, уходъ не только *позволителенъ*—онъ *обязателенъ,* развѣ что его не предупредило и не сдѣлало излишнимъ *удаленіе* отъ должности.

Изъ корреспонденціи г. Майкова мы узнаемъ еще одну любопытную подробность. „Богатое имѣніе г. Философова находится въ юго-восточной части уѣзда, наименѣе пострадавшей отъ неурожая. Самъ лично г. Философовъ *не посѣтилъ ни одной изъ деревень*. Онъ сказалъ земскимъ начальникамъ: „вы—мои глаза; самъ я все видѣть не м[illegible]; вамъ въ руки я отдаю мою совѣсть, и ваше мнѣніе я буду за-п[illegible]ать какъ свое. Лучше, чѣмъ съ другими частями уѣзда, г. Фи-л[illegible]ѳовъ знакомъ съ тою, въ которой онъ живетъ, съ богатой — и в[illegible], такимъ образомъ, получилось то упорное отрицаніе нужды у[illegible]а и та борьба съ губернаторомъ, которыми ознаменована дѣя-т[illegible]ость лукояновскаго предводителя дворянства". Этимъ вполнѣ

подтверждается предположеніе, высказанное нами два мѣсяца тому назадъ, при подробномъ разборѣ (въ майскомъ Внутреннемъ Обозрѣніи) „лукояновской исторіи“. Мы догадывались тогда, что немаловажную роль въ этой исторіи „играла *солидарность небольшой коллегіи*, сосредоточивавшей въ своихъ рукахъ рѣшительно все—власть и вліяніе, управленіе и надзоръ, благотворительную и частную помощь; предводитель дворянства и зависимые отъ него земскіе начальники являлись здѣсь всѣмъ во всемъ“. Къ этому нужно только прибавить, что зависимость была взаимная. Юридически и фактически земскіе начальники зависѣли отъ предводителя; фактически предводитель призналъ себя зависимымъ отъ земскихъ начальниковъ. Произошло нѣчто возможное только въ тѣсномъ кружкѣ, свысока взирающемъ на уѣздную *чернь* и даже на губернскихъ „чиновниковъ“. Предводитель дворянства, по указанію котораго были назначены, очевидно, всѣ земскіе начальники (иначе онъ не довѣрялъ бы имъ такъ безусловно), не хотѣлъ допустить и мысли, чтобы ставленники его могли ошибаться или неправильно понимать свои обязанности; послѣдніе, въ свою очередь, чувствовали себя за своимъ вождемъ какъ за каменною стѣною и считали себя неограниченными господами положенія. Отсюда „полный гордаго довѣрія покой“, казавшійся имъ ненарушимой твердыней и, дѣйствительно, очень долго отражавшій всѣ нападенія губернскаго центра. Виноватыми, въ глазахъ лукояновскихъ „дѣятелей“, являлись всѣ непремѣнные члены губернскаго присутствія, податные инспектора, члены окружного суда, уполномоченные Особаго Комитета, газетные корреспонденты, добровольцы благотворительности (въ особенности если кто-нибудь изъ нихъ когда-нибудь состоялъ въ числѣ „поднадзорныхъ“); правы были только сами „дѣятели“, хотя ихъ дѣятельность, въ большинствѣ случаевъ, сводилась къ бездѣйствію, и способъ изученія нужды, не сходя съ мѣста,—способъ, принятый г. Философовымъ,—былъ весьма успѣшно усвоенъ его сотрудниками [1])... Болѣе яркой иллюстраціею къ принципу сословности, въ области мѣстнаго управленія и хозяйства, нельзя себѣ и представить.

Къ отчетамъ уполномоченныхъ Особаго Комитета, всегда заключающимъ въ себѣ множество интересныхъ данныхъ, присоединился, въ послѣднее время, еще одинъ—отчетъ тайнаго совѣтника Юзефо-

[1]) Припомнимъ, что земскій начальникъ 2-го участка, по выраженію В. Г. Короленка, „не имѣлъ случая провѣрить отраженіе цифръ (показывающихъ степень нужды) въ жизни даже большихъ селъ, не говоря уже о несчастныхъ деревушкахъ, кинутыхъ вдали отъ путей обыкновеннаго проѣзда“.

вича по пензенской губерніи. Въ этой губерніи, какъ и въ тамбовской, частная благотворительность получила весьма широкое развитіе. Къ 15-му февраля было открыто на частныя средства болѣе ста столовыхъ, на пять, слишкомъ, тысячъ человѣкъ. Во многихъ мѣстахъ существовала раздача муки, печенаго хлѣба, топлива. Изъ числа 150 дѣтскихъ столовыхъ, на 12 тысячъ дѣтей, нѣкоторыя были открыты мѣстными помѣщиками и потребовали только небольшой субсидіи изъ средствъ Особаго Комитета, а госпожа Кекъ, изъявивъ желаніе открыть въ своемъ имѣніи дѣтскую столовую на 100 человѣкъ, отказалась отъ предложенной ей на это денежной помощи. Къ концу марта общее число столовыхъ въ губерніи возросло до 300, на 20 тысячъ человѣкъ. Весьма полезный видъ помощи былъ примѣненъ въ саранскомъ уѣздѣ: оказано было небольшое пособіе учительницамъ сельскихъ школъ, уже нѣсколько времени не получающимъ жалованья отъ земства (конечно—вслѣдствіе непоступленія земскихъ сборовъ). Отчетъ отдаетъ полную справедливость пензенской городской думѣ, не только устроившей столовую, въ которой число посѣтителей дошло, къ половинѣ февраля, до 800 въ день, но и организовавшей, для нуждающихся, дешевую продажу муки (отъ 1 руб. до 1 руб. 16 коп. за пудъ). Убытки отъ этой продажи (около 10 тыс. рублей) покрыты изъ прибылей городского общественнаго банка. О дѣятельности земскихъ начальниковъ въ отчетѣ не упоминается вовсе. Отмѣтимъ еще двѣ черты, заслуживающія вниманія. Многія изъ сельскихъ попечительствъ, по словамъ г. Юзефовича, оказывали существенную помощь земскимъ управамъ и земскимъ начальникамъ провѣркою и исправленіемъ списковъ крестьянъ, получающихъ продовольственную ссуду. Не говоритъ ли это въ пользу мелкой земской единицы, о которой идетъ рѣчь выше, во Внутреннемъ Обозрѣніи? Не берутъ ли на себя попечительства, по необходимости, ту роль, которую гораздо лучше могло бы исполнить правильно организованное всесословное волостное самоуправленіе? „Пять малоурожайныхъ лѣтъ и, въ особенности, послѣдніе два года,—читаемъ мы, далѣе, въ отчетѣ,—тяжело повліяли на матеріальное благосостояніе населенія. Въ 1890 г. собрано всего 3.400 милл. четв. ржи и овса, а въ 1891 г.—около 3 милліоновъ, слишкомъ на 4 милл. меньше, чѣмъ въ послѣдній урожайный 1886-й годъ. Нѣкоторые уѣзды пострадали въ 1890 г. даже больше, чѣмъ въ 1891-мъ, но неурожай этого года, ра... ространенный на обширный районъ, отразился косвенно на всѣхъ ис... никахъ доходовъ крестьянскаго населенія пострадавшихъ мѣстно... й, прекративъ заработки по всему Поволжью и закрывъ всякій сб... ъ для произведеній кустарной промышленности". Это оффиціальн... видѣтельство необходимо присоединить къ числу другихъ до-

казательствъ того несомнѣннаго и чрезвычайно важнаго факта, что неурожай 1891 г. былъ только заключительнымъ звеномъ въ длинномъ рядѣ причинъ, подготовлявшихъ разореніе народа.

Нѣтъ бòльшаго торжества для идеи, какъ вынужденное, неохотное признаніе ея со стороны ея противниковъ. Вотъ почему мы прочитали съ большимъ удовольствіемъ „Воспоминанія присяжнаго засѣдателя", помѣщенныя недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 114 и 126). Что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу враговъ суда присяжныхъ, это видно не только по газетѣ, въ которую онъ обратился съ своей статьей, но и по содержанію статьи. Онъ пользуется каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы подчеркнуть возможность обойтись безъ суда присяжныхъ; онъ ставитъ выше его и гражданскій (коронный), и даже военный судъ—но вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ (самъ, повидимому, того не замѣчая) такія положенія, противъ которыхъ безчисленное число разъ возставала реакціонная печать. Изложивъ сущность дѣла о дворянкѣ-вдовѣ, сознавшейся въ кражѣ бѣлья на сумму $2^1/_2$ рублей, и выставивъ на видъ, что единственнымъ мотивомъ преступленія былъ голодъ, бывшій присяжный разсуждаетъ такъ: „чтò было дѣлать присяжнымъ? Съ одной стороны, подсудимая созналась. Съ другой—всѣ обстоятельства кражи такъ трагичны, что языкъ не поворачивается сказать: *да, виновна*. И въ добавокъ, она уже высидѣла въ заключеніи нѣсколько мѣсяцевъ. Присяжные сказали: *нѣтъ, невиновна*. Такой отвѣтъ, безъ сомнѣнія, даетъ суду присяжныхъ нѣкоторое преимущество передъ коронным, ибо право *помилованія* есть прерогатива Верховной Власти, и судьи его не имѣютъ. Такое помилованіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызывается всѣми обстоятельствами дѣла, и судъ присяжныхъ, фактически обладающій правомъ помилованія, съ этой стороны иной разъ симпатиченъ, ибо имѣетъ право сходить съ формальной точки зрѣнія". А сколько разъ газета, въ которой напечатаны эти строки, громила присяжныхъ за оправданіе сознавшихся подсудимыхъ? Правда, авторъ тутъ же предлагаетъ упростить процедуру судебнаго ходатайства о помилованіи и устранить этимъ путемъ неизбѣжность подобныхъ оправдательныхъ приговоровъ; но для насъ важно признаніе ихъ неизбѣжности *въ данную минуту, при данныхъ условіяхъ*—при тѣхъ же условіяхъ, которыми ничуть не стѣснялись „Московскія Вѣдомости" въ своихъ нападеніяхъ на присяжныхъ. „Въ одномъ изъ дѣлъ,—продолжаетъ авторъ,—ясно обнаружились столь частые у насъ недостатки предварительнаго слѣдствія, чтò особенно важно въ дѣлахъ, влекущихъ за собой тяжкое наказаніе. Всякое сомнѣніе

присяжные, *естественно*, обращають въ пользу подсудимаго, а въ результатѣ могутъ быть оправдательные приговоры для весьма опасныхъ преступниковъ, единственно потому, что слѣдствіе произведено было недостаточное". И здѣсь *естественнымъ*, т.-е. неизбѣжнымъ, является именно то, что такъ часто ставилось и ставится въ вину присяжнымъ, обращалось въ орудіе противъ самого учрежденія. Дайте тѣмъ же присяжнымъ,—говорили много разъ защитники суда присяжныхъ,—другой слѣдственный матеріалъ, и они вынесутъ совершенно другое рѣшеніе. То же самое повторяетъ теперь сотрудникъ реакціонной газеты. „Сказать рѣшающее слово,—читаемъ мы дальше,—вовсе не такъ просто, какъ кажется. Возникаютъ сотни сомнѣній, вопросовъ, которые надо рѣшить при тѣхъ данныхъ, какія имѣются, а не при тѣхъ, какія были бы желательны. При этомъ рѣзко выступаетъ разница между „стремленіемъ къ общему благу и его охраненію—и опасеніемъ осудить одного невиннаго подсудимаго. Разсуждая теоретически, на всякія сомнительныя обстоятельства въ дѣлѣ можно имѣть двоякій взглядъ. Въ каждомъ дѣлѣ, помимо потерпѣвшаго и преступника, есть еще третій элементъ—*общество*, которому преступникъ можетъ угрожать въ будущемъ, если оставить его на свободѣ. Развѣ оправданный убійца не можетъ убить всякаго другого? На чью же сторону должно быть отнесено всякое сомнительное обстоятельство? Почему въ пользу обвиняемаго, а не въ пользу общества? Однако, присяжные отнюдь не руководятся этимъ соображеніемъ; каждый изъ нихъ имѣетъ въ виду не отвлеченное, безличное общество, а одно извѣстное лицо. И нельзя не сознаться, что по существу это вѣрно. Утилитарныя цѣли не составляютъ главной задачи суда, и присяжные ищутъ *правды*, а не выгоды. Введеніе принципа „общаго блага", столь заманчивое съ перваго взгляда, повело бы къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ. Вѣдь если стать на эту точку зрѣнія, то убійца ростовщика, грабившаго сотни и тысячи людей, бравшаго у нищаго суму,—совершилъ ли преступленіе, или *доброе дѣло*? Вѣдь и Равашоль также динамитировалъ во имя *общаго блага*. Достаточно хоть разъ быть присяжнымъ, чтобы понять невѣрность такой постановки; каждый имѣетъ свое сужденіе объ общемъ благѣ и мѣрахъ къ его осуществленію, и при подачѣ голоса присяжные не могутъ не чувствовать, что они должны содѣйствовать не рѣшенію этихъ вопросовъ, а *раскрытію истины, правды*, такъ какъ [...]ко одна эта точка зрѣнія обща и безспорна". Этими соображе[...]и не только *объясняется* многое въ дѣятельности суда присяж[...]ь, но и *оправдывается*, вопреки намѣренію автора, самое суще[...]ваніе института, подчеркивается его великое *общественное* зна[...]. Въ самомъ дѣлѣ, если достаточно хоть разъ быть присяжнымъ,

чтобы понять всю невѣрность теоріи устрашенія, всю безнравственность суда, творимаго „дабы другимъ было неповадно“, то можно пожелать только одного: чтобы всѣ наши реакціонеры были внесены въ списки присяжныхъ и не уклонились отъ дѣйствительнаго исполненія этой обязанности (какъ хотѣлъ-было уклониться отъ нея, но, къ счастію, раздумалъ авторъ разбираемой нами статьи). Одно дѣло, очевидно, подкапываться, сидя у себя въ кабинетѣ, подъ судъ присяжныхъ, съ помощью кое-какъ прочитанныхъ, а можетъ быть и кое-какъ составленныхъ, судебныхъ отчетовъ; другое дѣло—вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть судейской отвѣтственности и заглянуть въ душу товарищей-присяжныхъ, раздѣлить съ ними мучительныя колебанія, предшествующія произнесенію приговора. Сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ явился въ судъ съ глубокимъ предубѣжденіемъ противъ суда присяжныхъ, и слѣды этого предубѣжденія сохранились въ немъ до сихъ поръ; но какъ человѣкъ все-таки правдивый и добросовѣстный, онъ не скрылъ своихъ впечатлѣній, не заглушилъ голоса своей совѣсти—и написалъ нѣчто гораздо болѣе похожее на апологію, нежели на обвиненіе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ признаніе, что присяжные стремятся только къ раскрытію истины, а не къ пресловутому „охраненію общества“—не высшая похвала суду присяжныхъ? Развѣ, въ силу самаго устройства короннаго суда, отъ него всегда можно ожидать такого же, единственно-правильнаго отношенія къ дѣлу?.. Отнынѣ впредь незачѣмъ будетъ возражать „Московскимъ Вѣдомостямъ“, когда онѣ опять возобновятъ свою періодическую кампанію противъ суда присяжныхъ: достаточно будетъ напомнить имъ воспоминанія г. Г., ими же повѣданныя читающей публикѣ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Бюро Всероссійской Гигіенической Выставки 1893 года.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія Русское Общество охраненія народнаго здравія, состоящее подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича, устроиваетъ въ С.-Петербургѣ, весною 1893 года,

Первую Всероссійскую Гигіеническую Выставку.

Выставка подраздѣляется на слѣдующія секціи:

1) Секція біологическая. (Завѣдыв.: академикъ В. В. Пашутинъ и проф. Ѳ. И. Пастернацкій.)

2) Санитарная и медицинская статистика, эпидеміологія и медицинская географія. (Завѣдыв.: проф. Ю. Э. Янсонъ и пр.-доцентъ А. А. Липскій.)

3) Гигіена населенныхъ мѣстъ, общественныхъ, частныхъ зданій и промышленныхъ заведеній; гигіена питанія; гигіена одежды; поддержаніе чистоты и дезинфекція; больничное дѣло и прочія профилактическія мѣры. (Завѣдыв.: д-ръ М. Н. Шмелевъ и архитекторъ графъ П. Ю. Сюзоръ.)

4) Гигіена воспитанія и образованія. (Завѣдыв.: д-ръ А. С. Вireніусъ и М. М. Стасюлевичъ.)

5) Секція геологическая, климатологическая и бальнеологическая. (Завѣдыв.: проф. Е. В. Павловъ и пр.-доцентъ С. А. Поповъ.)

Каждая секція раздѣляется на спеціальные отдѣлы, имѣющіе своихъ завѣдывающихъ. (Инженеръ технологъ М. И. Алтуховъ, проф. В. К. фонъ-Анрепъ, проф. М. И. Аѳанасьевъ, проф. А. Ѳ. Баталинъ, д-ръ Н. Н. Брусянинъ, проф. Н. Е. Введенскій, членъ-управляющій дѣлами Техническаго Комитета Л. А. Верховцовъ, проф. А. А. Веденяпинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. А. И. Воейковъ, проф. А. П. Д[illegible]инъ, проф. Н. Г. Егоровъ, академикъ Ѳ. Н. Заварыкинъ, проф. А. А. Иностранцевъ, д-ръ Ю. Д. Карѣевъ, д-ръ С. Э. Крупинъ, главный фабричный инспекторъ Я. Т. Михайловскій, проф. Э. Ю. Петри, пр.-доцентъ М. Д. ванъ-Путеренъ, пр.-доцентъ С. А. Поповъ, дирек-

торъ Медицинскаго Департамента М. В. Д. д-ръ Л. Ѳ. Рагозинъ, д-ръ П. О. Смоленскій, проф. А. И. Таренецкій, академикъ Ю. К. Траппъ, д-ръ И. М. Тарновскій, пр.-доцентъ Н. В. Усковъ.)

Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣденія, Бюро Выставки приглашаетъ желающихъ участвовать въ Выставкѣ прислать предварительное заявленіе не позже 1-го сентября 1892 г., какъ о предназначаемыхъ для Выставки предметахъ, такъ и о числѣ квадратныхъ аршинъ площади, которые они желаютъ занять.

Адр.: Бюро Всероссійской Гигіенической Выставки 1893 г. С.-Петербургъ. Дмитровскій пер., д. 15.

ОПЕЧАТКИ:

Въ статьѣ кн. С. М. Волконскаго, въ іюньской книгѣ, прошли незамѣченными слѣдующія опечатки:

Стран.	*Строч.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
659	1 сн.	а оба	а иначе оба
674	17 св.	тѣхъ ощущеній	оба ощущенія
680	15 св.	сходство	несходство

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Е. И. Утина. Спб. 92. Стр. XXXIV и 446. Ц. 2 р.

Первая часть очерковъ извѣстна читателямъ журнала, гдѣ лѣтъ пять тому назадъ появился обзоръ эпохи незадолго предъ тѣмъ скончавшагося императора германскаго Вильгельма I; его время тогда только-что начало отходить въ область исторіи. Этимъ очеркамъ недоставало спеціальной характеристики того лица, которое впослѣдствіи имѣло основаніе предпочесть свое благопріобрѣтенное историческое имя громкому титулу „герцога", который ему былъ предложенъ; въ новомъ изданіи нельзя было уже обойтись безъ оцѣнки первыхъ лѣтъ дѣятельности современнаго императора Германіи, Вильгельма II. И то и другое сдѣлано авторомъ: вторая часть книги посвящена всецѣло князю Бисмарку, а въ предисловіи отведено широкое мѣсто характеристикѣ имп. Вильгельма II, такъ что, по справедливому замѣчанію автора, это предисловіе скорѣе можно было бы назвать „послѣсловіемъ". Эпоха Вильгельма I была гранью въ исторіи не одной Германіи, а и всей Европы: послѣ событій семидесятыхъ годовъ всѣмъ пришлось отказаться отъ приведенной авторомъ старой поговорки: „море принадлежитъ англичанамъ, земля—французамъ, а нѣмцамъ—облака". Но могла и Германія предстояло сдѣлать ошибку, а именно — продолжать сохранять свою новую позицію тѣми же средствами, какими она была добыта, т.-е. огнемъ и желѣзомъ. Два года, протекшіе со времени отставки кн. Бисмарка, представляютъ, конечно, собою слишкомъ небольшое время, чтобы утверждать, что эта отставка была вмѣстѣ и рѣшительнымъ отказомъ отъ принципа, который онъ воплощалъ, какъ „желѣзный канцлеръ", и „новый курсъ" не выяснился съ надлежащею полнотою, а потому и авторъ справедливо ограничивается однимъ констатированіемъ факта, что молодой императоръ пока пользуется только одною неограниченною ничѣмъ свободою слова, но на дѣлѣ его „политика не сдѣлала до настоящаго времени ни одного шага, который обличалъ бы съ его стороны желаніе нарушить европейскій миръ". Общее же заключеніе у автора таково: „если внутренняя политика имп. Вильгельма II носитъ на себѣ болѣе миролюбивый характеръ, чѣмъ политика періода созданія имперіи, то Европа не имѣетъ никакого основанія сожалѣть о перемѣнѣ, происшедшей в ея внѣшней политикѣ Германіи".

Н. В. Гербель: Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей. Второе изданіе, подъ редакціей Петра Вейнберга. Т. I, II и III. Спб. 92. Стр. 877, 448 и 454. Ц. 12 р.

Настоящее второе изданіе, въ виду тѣхъ важныхъ дополненій, весьма существенныхъ измѣненій и полнаго пересмотра текста, съ цѣлью его исправленія—можно было бы справедливѣе назвать первымъ изданіемъ, и притомъ вполнѣ соотвѣтствующимъ тому значенію и мѣсту, какое занимаетъ поэзія Гёте не въ одной нѣмецкой, но и во всемірной литературѣ. Прежняя біографія Гёте въ новомъ изданіи замѣнена новою и дополнена предпосланнымъ ей очеркомъ исторіи нѣмецкой поэзіи, начиная съ XVII-го вѣка; каждому произведенію предшествуетъ вступленіе съ его исторіею и художественною оцѣнкою; наконецъ, въ новое изданіе войдутъ не только пропущенныя первымъ изданіемъ произведенія Гёте, но также и такія, которыхъ вовсе еще не было въ русской печати. Въ послѣднемъ томѣ редакція новаго изданія обѣщаетъ помѣстить списокъ всѣхъ произведеній Гёте, когда-либо появившихся въ печати, перечень всѣхъ лучшихъ монографій для изученія жизни и литературной дѣятельности Гёте и общій алфавитный указатель для русскаго собранія, котораго вышло теперь уже три тома.

Исторія англійскаго народа. Дж.-Рич. Грина. Т. III. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 92. Стр. 365. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій выпускъ перевода извѣстнаго сочиненія Дж. Грина содержитъ въ себѣ весьма важную эпоху для всего будущаго Англіи, послѣдовавшую за вѣкомъ реформаціи. Въ самомъ началѣ XVII вѣка произошелъ окончательный разрывъ стараго феодальнаго порядка съ новымъ, сложившимся въ царствованіе Елизаветы и опиравшимся съ одной стороны на умственные успѣхи англійскаго общества въ эпоху Возрожденія, а съ другой—на увеличившееся матеріальное благосостояніе массъ. Революція 1649 г. раздѣляетъ исторію XVII вѣка въ Англіи на двѣ части: изложеніе ихъ вошло въ нынѣшній томъ, который обнимаетъ, такимъ образомъ, собою какъ борьбу королевства съ парламентомъ, заключившуюся революціею, такъ и реставрацію династіи Стюартовъ.

Сорель, А. Европа и французская революція, съ предисловіемъ проф. спб. унив. Н. И. Карѣева. Т. I и II. Спб. 92. Стр. 431 и 460 Ц. 6 р.

Французская революція давно уже привлекаетъ къ себѣ лучшія силы въ средѣ ученыхъ историковъ, и труды такихъ писателей, какъ Зибель, Токвилль, Тэнъ и др., многое уже разъяснили въ этой эпохѣ, имѣющей всемірное значеніе; хотя она носитъ названіе по мѣсту своего перваго и сильнѣйшаго взрыва, но эхо его облетѣло въ короткое время весь міръ, вызывая собою или новыя потрясенія, или болѣе или менѣе сильныя уступки новому порядку идей и отреченіе отъ „стараго режима". Въ своемъ предисловіи къ русскому переводу появившихся нынѣ первыхъ трехъ томовъ оригинала, составляющихъ лишь двѣ трети всего задуманнаго Сорелемъ труда, проф. Н. И. Карѣевъ отдаетъ послѣднему преимущество предъ столь извѣстными сочиненіями Токвилля и въ особенности Тэна. „То, что Токвилль сдѣлалъ для Франціи, Сорель примѣняетъ ко всей Европѣ, доказывая, что французская революція есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе (suite) исторіи Европы"; вотъ потому и первый томъ исторіи французской революціи является у Сореля обзоромъ внутренней исторіи не Франціи, а всѣхъ первоклассныхъ европейскихъ государствъ въ XVIII вѣкѣ. Въ отношеніи объективности изложенія, проф. Карѣевъ ставитъ Сореля, и совершенно справедливо, несравненно выше Тэна, который, какъ извѣстно, въ послѣднихъ томахъ, пользовался исторіею какъ средствомъ для оправданія своихъ личныхъ симпатій или антипатій, навѣянныхъ случайно, подъ вліяніемъ мимо текущихъ событій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1892 г.
(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ год[ъ], отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	[illegible]
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. [illegible]
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ —
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.— Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полу[годіямъ]: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, [іюлѣ] и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ Съ перваго іюля открыта подписка на третью четверть 1892 года. ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на [Вас.] Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Нев[скомъ] просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго мо[ста] (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) [въ] книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбаснико[ва] на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журна[ла]: Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимают[ся]

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фами[лію] съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ не[му] почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежден[ія въ] самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конт[орѣ] журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, перех[одя] въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, [если] подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтов[аго] Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получ[еніе] журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчико[въ], которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер. 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1892.

Стр.

БАКЛАНЪ

ПОЭМА.

Опять смятенье и тревога...
Душа взволнована, и вновь
Встаетъ забытая любовь,
Напоминая много, много...
Лечу привычною мечтой
Я въ дальній край, гдѣ дремлетъ море
И солнца отблескъ золотой
Колеблетъ въ пламенномъ просторѣ.
Брожу вдоль глади голубой,
Внимаю волнъ прибрежныхъ шуму,
И навѣваетъ грусть и думу
Ихъ тихо плещущій прибой.
И въ дымкѣ, словно въ вечеръ ясный,
Изъ серебристой пѣны водъ
Всплываетъ блѣдный и прекрасный
Тѣней воздушныхъ хороводъ.
Минувшихъ дней воспоминанья!
Къ чему встаете вы, къ чему?—
Я прежнихъ грёзъ очарованья
Остывшимъ сердцемъ не пойму.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Лежитъ близъ моря Балаклава,
Едва примѣтный городокъ.
Домишекъ рядъ убогихъ справа,
А слѣва, ясенъ и глубокъ,
Блеститъ заливъ, и молчалива
Вода зеркальная залива.
Отъ шумныхъ бурь, отъ вѣтровъ онъ
Утесомъ чернымъ огражденъ.
И въ часъ, когда, тревоги полны,
На берегъ плещутся морской
И въ скалы бьютъ сѣдыя волны,
Спокойно спитъ заливъ безмолвный,—
Въ немъ миръ, затишье и покой.
Какъ и теперь, въ былые годы
Спѣшили спрятаться сюда
Ширококрылыя суда
Отъ бушевавшей непогоды,
И, говорятъ, съ дружиной всей
Здѣсь былъ когда-то Одиссей.
Такой заливъ, по крайней мѣрѣ,
По описанью, есть въ Гомерѣ.

*
* *

И безмятеженъ, и счастливъ,
Спитъ городокъ. Его строенья
Колеблетъ въ блескѣ отраженья
Спокойно дремлющій заливъ.
Здѣсь вѣчно ясенъ сводъ небесный.
Подъ нимъ, то жмутся вдоль холма,
То, сбившись улицею тѣсной,
Бѣлѣютъ низкіе дома—
Ихъ миръ нарушенъ въ кои вѣки.
Отъ бурь житейскихъ далеки,
Здѣсь неводъ сушатъ рыбаки,—
Тутъ поселившіеся греки.
Хоть въ незапамятные дни
Слыли пиратами они,
Теперь найти у нихъ едва-ли
Во всемъ селеньѣ двѣ пищали.

Зато окрестные холмы,
Очей веселье и отрада,
Покрыты гроздьемъ винограда.
Его зеленой бахромы
По длиннымъ кольямъ вьются нити,
И виноградомъ и камсой [1])
Здѣсь счастливъ, гордый и босой,
Какой-нибудь грекъ Арванити.

*
* *

И все здѣсь ясно быть могло-бъ,
Когда-бъ не старый, злой Циклопъ:
Надъ безмятежной Балаклавой
Сѣдой развалиной нависъ
Суровый зáмокъ. Смотритъ внизъ
Онъ съ голыхъ скалъ, гордясь кровавой
И полной смерти, прежней славой.
Глядитъ, какъ очи безъ рѣсницъ,
Со стѣнъ высокихъ рядъ бойницъ,
И изумителенъ, и страшенъ
Видъ уцѣлѣвшихъ, мшистыхъ башенъ.
Изъ нихъ особенно одна
И молчалива, и мрачна.
Она стоитъ всѣхъ прочихъ выше
Среди обломковъ и камней,
И у зубцовъ остатокъ крыши
Еще виднѣется на ней.
Здѣсь генуэзецъ крѣпость эту
На страхъ врагамъ своимъ воздвигъ,
И былъ на стражѣ каждый мигъ
Съ рукой, протянутой къ стилету.
Когда спитъ зáмокъ въ тьмѣ ночной,
Чуть озаряемый луной,
Здѣсь рой мерещится видѣній,—
Бойцы, воинственныя тѣни,
Суровый ликъ и шлемъ стальной.
Глядитъ угрюмо на долину
Старинный зáмокъ съ высоты,
И, мнится, странныя мечты
Во тьмѣ слетаютъ къ исполину...

[1]) Камса—мелкая рыба.

Но и при солнцѣ, яркимъ днемъ,
Какъ будто тѣнь лежитъ на немъ.
Восходъ полдневнаго свѣтила
Привыкъ онъ сумрачно встрѣчать,
И суевѣрія печать
Его руины заклеймила.
Сѣдыхъ легендъ сложился рядъ
О немъ, какъ эхо давней славы,
Но неохотно говорятъ
О замкѣ греки Балаклавы.

*
* *

Здѣсь въ городкѣ стяжалъ почетъ
Грекъ, капитанъ Мавромихали.
О немъ всѣ знаютъ, всѣ слыхали,
И въ домъ его тутъ проведетъ
Мальчишка каждый; да едва-ли,
Какъ онъ, такому богачу
Здѣсь кто-нибудь былъ по плечу.
Бригъ оснастилъ онъ двухмачтовый
И велъ торговлю. Самъ матросъ,
Купецъ и шкиперъ, онъ возросъ
Подъ бурей, былъ морякъ суровый
И къ Трапезунду иногда
Водилъ торговыя суда.
Борьба съ нуждой въ былые годы,
Крушенья въ морѣ, непогоды
Въ немъ закалили твердый духъ
И лобъ морщинами изрыли.
Онъ сталъ тяжелъ, упрямъ и сухъ,
Окрѣпнувъ въ жизненномъ горнилѣ,
И у него былъ жёстокъ вкусъ,
И нравъ, и умъ, и черный усъ.
Съ горбатымъ носомъ, взглядомъ смѣлымъ,
Лицомъ на солнцѣ загорѣлымъ,
Онъ былъ характеренъ, и типъ
Пирата въ немъ найти могли-бъ.

*
* *

Видали-ль вы утёсъ скалистый?
Одѣтый мохомъ, весь сѣдой,
Онъ наклонился надъ водой,

И волны въ пѣнѣ серебристой,
Какъ будто съ плачемъ и мольбой,
Дробитъ у ногъ его прибой.

Видали-ль, какъ съ печальнымъ крикомъ,
Когда громаденъ, недвижимъ,
Стоитъ утёсъ въ безмолвьѣ дикомъ,
Тревожно носится надъ нимъ
Морская чайка, словно въ горѣ,
И грустнымъ стономъ будитъ море?

*
* *

Едва-ль на видъ не холоднѣй
Утёса этого былъ къ Кирѣ
Крутой морякъ, хотя онъ въ ней
Души не чаялъ. Въ цѣломъ мірѣ
Ему дороже всѣхъ одна
Была красавица жена.
Но нѣжности въ Мавромихали
Сосѣди ихъ не замѣчали,
И Кира передъ нимъ сама
Была покорна и нѣма.
На ближней отмели, бывало,
Закутавъ станъ свой въ покрывало,
Она подолгу мужа ждетъ.
И вотъ, вернувшись съ рыбной ловли,
У очага, подъ сѣнью кровли,
Онъ съ Кирой холоденъ, какъ ледъ.
Къ женѣ онъ ласковъ ли, суровъ ли,—
Кто посторонній разберетъ?
Но и она напрасно ласки
И нѣжности ждала порой,
И слезъ, и думъ печальный рой
Подчасъ ея туманилъ глазки.
Она была такъ молода,
Душа ея ждала привѣта,
Но, вмѣсто ласкъ, суровость эта,
Въ его понятная года,
Была отвѣтомъ ей всегда.
И въ этой строгости едва-ли
Былъ правъ подчасъ Мавромихали.
Онъ мало думалъ о женѣ.

Торговлей занятъ и работой,
Онъ вѣчно полонъ былъ заботой
О завтрашнемъ суровомъ днѣ.
Тая любовь, онъ ленты, ткани
Дарилъ женѣ, нарядовъ тьму,
Но нужды не было ему
До слезъ ея, надеждъ, желаній.
Была-бъ покорна и вѣрна
И дѣломъ занята она.

* * *

И Кира дома, какъ въ неволѣ,
Тиха, послушна и мила,
Какъ птичка плѣнная, жила,
Покорная суровой долѣ,
И проводила дни она
За пряжей тонкой у окна.
Была смугла немного Кира,
Стройна какъ горная коза,
И славились ея глаза,
Темнѣе синяго сапфира.
Они сходны съ волной морской:
Въ нихъ нѣжной не было лазури,
Но былъ и холодъ, и покой,
И тайный признакъ близкой бури.
А локонъ Киры? онъ чернѣй
Вечерней тьмы и ночи мглистой!
Узломъ причесана у ней
Густая прядь косы смолистой.
Такъ въ Греціи минувшихъ дней,
Ушедшей въ область давней были,
Прическу женщины носили.
И Киру волосы чесать
Учила точно такъ же мать.
Съ горбинкой носъ и древней рѣчи,
Какъ эхо, вторящій языкъ,—
Гречанку въ Кирѣ съ первой встрѣчи
Все обличало каждый мигъ.
И профиль Киры, и уборы—
Все было дивно, и она
Была и съ фресками сходна,
И съ барельефами амфоры.

Въ ней отыскать черты могли-бъ
И Пенелопы, и Крессиды.
Донынѣ берега Тавриды
Хранятъ Эллады древней типъ.
Амфоръ здѣсь много отрывали,
Но въ Кирѣ типъ тотъ былъ такъ строгъ,
Что кладъ цѣннѣй найдетъ едва-ли
И подъ землей археологъ.

*
* *

Напрягся парусъ. Плещетъ море
Въ смолистый кузовъ корабля,
И ходятъ волны на просторѣ,
И уплываетъ вдаль земля.
Въ снастяхъ и реяхъ вѣтеръ бурный
Свиститъ, и плачетъ, и поетъ,
И за равниной синихъ водъ
Ужъ таетъ горъ хребетъ лазурный.
Лишь отдѣленный отъ земли
Утесъ чернѣется вдали.
На встрѣчу брызнувъ жгучимъ блескомъ,
Восходитъ солнце, все въ огнѣ,
И гребень бѣлой пѣны съ плескомъ
Срываетъ вѣтеръ на волнѣ.
Корабль, свой парусъ надувая,
Бѣжитъ, чуть на бокъ накренясь,
Скрипитъ снастей, канатовъ связь,
И цѣпь скрежещетъ рулевая,
И слѣдъ кипящей бороздой
Корабль бросаетъ надъ водой.

*
* *

На грязной палубѣ у бочки
Мавромихали самъ сидѣлъ
И, погруженный въ бездну дѣлъ,
Глазъ не сводилъ съ далекой точки,
Чернѣвшей въ синей глади водъ,
Гдѣ съ моремъ слился неба сводъ.
Мавромихали грузъ торговый
Везъ въ Евпаторію съ собой.
Съ утра онъ бригъ свой двухмачтовый
Изъ бухты вывелъ голубой,

И съ вѣтеркомъ попутнымъ вскорѣ
На парусахъ пошелъ онъ въ море.
Забывъ опасность, грозный валъ,
Вой бурь и моря нравъ коварный,
Мавромихали рисовалъ
Себѣ торговлю въ день базарный.
Барышъ былъ вѣренъ, и разсчетъ
Вознаградитъ за всѣ тревоги,
Когда продажѣ подведетъ
Онъ достодолжные итоги.
Смотря, какъ волны черезъ край
Бортовъ бросали родъ каскада,
Все размышлялъ онъ, гдѣ сарай
Нанять у пристани для склада.
Ужъ онъ себѣ составилъ планъ,
Какъ снова точка въ синей дали
Взглядъ привлекла Мавромихали,
И вскрикнулъ онъ, привставъ: „Бакланъ!"

*
* *

Бакланъ—морская утка. Въ морѣ
Она встрѣчается вездѣ.
Ныряетъ, плещется въ водѣ,
Летаетъ вольно, на просторѣ,
И, сѣвъ у взморья на утесъ,
О перья чиститъ плоскій носъ.
На этотъ разъ ничье бы око
Замѣтить птицы не могло.
Лишь бѣлый парусъ, какъ крыло,
Тамъ на волнахъ мелькалъ далеко,
И въ безднѣ моря одинокъ
Нырялъ чуть видимый челнокъ.
На встрѣчу быстро мчались въ морѣ
Корабль и лодка. Наконецъ
Другъ другу видны стали вскорѣ
Мавромихали и пловецъ.
И правилъ на морѣ безъ страха
Пловецъ отважный челнокомъ.
На немъ съ большимъ воротникомъ
Была матросская рубаха,
И станъ подвязанъ кушакомъ.
Грудь, голова его открыты

Для солнца были, былъ онъ босъ,
И пряди черныя волосъ
Свободно вѣтеръ рвалъ сердитый.
Челнокъ все ближе былъ, все росъ.
—„О-ге! Бакланъ!“ Мавромихали
Окликнулъ громко съ корабля.
—„О-ге!“ послышалось изъ дали,
И мимо, вправо отъ руля,
Корабль и лодка близко рядомъ
Промчались, въ быстромъ бѣгѣ томъ
Поднявши брызги водопадомъ
И чуть не стукнувшись бортомъ.
Но вѣрно опытное око,
И моряка привыченъ глазъ.
—„Изъ Балаклавы?“—„Въ добрый часъ!“
—„Я въ Евпаторію!“—„Далеко!“—
Въ корму ударила вода,
И, обмѣнясь привѣтомъ, снова
Исчезли быстрыя суда,
И только парусъ иногда
Бѣлѣлъ средь моря голубого.

* * *

Грекъ балаклавскій Анастасъ
Красивъ лицомъ былъ, строенъ станомъ,
И могъ онъ дѣвушку подчасъ
Напомнить мягкимъ взглядомъ глазъ.
Его прозвали всѣ „Баклано мъ“
За то, что цѣлый день деньской
Онъ проводилъ, какъ птица, въ морѣ,
Дѣля съ одной волной морской
И сердце, полное тоской,
И радость свѣтлую, и горе.
Упрямъ и вѣчно одинокъ,
Нырялъ въ волнахъ его челнокъ,
И Анастаса парусъ бѣлый
Встрѣчали часто корабли,
Но такъ далеко отъ земли,
Что въ даль такую самый смѣлый
Рыбакъ едва-ли заплывалъ.
Плескалъ тамъ только синій валъ,
И вверхъ метало на просторѣ

Сѣдую пѣну злое море.
Бакланъ былъ опытный рыбакъ,
И признавали греки сами,
Что править въ лодкѣ парусами
Никто не могъ искусно такъ
Въ ночную бурю, въ вѣтеръ крѣпкій
И въ дни туманные, когда
Всѣ разбиваются суда
У береговъ скалистыхъ въ щепки.
Силенъ былъ, ловокъ онъ, хоть нѣтъ
И двадцати Баклану лѣтъ.
Но вѣдь онъ выросъ подлѣ моря,
И съ дѣтства смѣлый трудъ узналъ,
Борясь съ волной, и съ вѣтромъ споря,
И проводя ладью у скалъ.
Бакланъ былъ круглымъ сиротою,
Не зналъ отца, не помнилъ мать;
Привыкъ онъ нѣжною мечтою
Лишь даль морскую обнимать,
И полюбилъ всѣмъ сердцемъ вскорѣ
Онъ волны шумныя и море.
Тамъ вѣтеръ легкій напѣвалъ
Ему напѣвъ звучнѣй свирѣли,
И въ челнокѣ, какъ въ колыбели,
Его качалъ сердитый валъ.

*
* *

Бакланъ отправился съ разсвѣтомъ
Сегодня въ море, какъ всегда.
Дымилась сонная вода...
Зеленоватымъ, нѣжнымъ цвѣтомъ
Сіяли волны въ этотъ часъ.
Въ полупрозрачной синей дали
Летѣлъ туманъ, какъ легкій газъ,
Какъ грусть, какъ облако печали;
Но кое-гдѣ ужъ лучъ зари
Бросалъ рубинъ и янтари.
Причаливъ лодку у гранита
Скалы угрюмой и сырой,
Гдѣ даже утренней порой
Бываетъ мгла ночная скрыта,
Ловилъ онъ голою рукой

Широкихъ крабовъ въ камняхъ мшистыхъ,
Облитыхъ пѣною морской
И влагой брызговъ серебристыхъ.
Онъ мимоходомъ стаю птицъ
Спугнулъ съ кремнистаго откоса,
Гдѣ полусонный духъ утёса
Не открывалъ еще рѣсницъ,
И гдѣ пещеры къ темнымъ водамъ
Склонялись низко влажнымъ сводомъ.

*
* *

Исчезли утренніе сны,
Туманъ умчался блѣднымъ паромъ,
И море вспыхнуло пожаромъ,
И солнце вышло изъ волны,
Когда Бакланъ закинулъ сѣти,
Уплывъ въ сіяющую даль,
Ловить упрямую кефаль.
Вотъ стая рыбъ, рѣзвясь, какъ дѣти,
Мелькнула въ ясной глубинѣ
И скрылась въ сумракѣ на днѣ.
Какъ подъ стекломъ, во влагѣ чистой
Бѣлѣлъ медузъ грибокъ звѣздистый,
И, кувыркаясь, надъ волной
Дельфинъ чернѣлъ крутой спиной.
Подъ гранью зыбкаго кристалла
Повсюду въ морѣ жизнь дышала,
И было все вокругъ оно
Толпой существъ населено.
Подъ зеленѣющимъ туманомъ
Волны кипѣлъ тамъ міръ иной,
Но, мнилось, радостью одной
Былъ тѣсно связанъ онъ съ Бакланомъ.
Онъ расширялъ восторгомъ грудь
И звалъ Баклана за собою
Туда, въ пучину водъ нырнуть
И слиться съ бездной голубою.
И въ глубь смотрѣлъ Бакланъ, и дрожь
И трепетъ въ сердцѣ пробѣгали,
И полонъ счастья и печали
Мечталъ и грезилъ онъ; но все-жъ
Прекраснѣй, чѣмъ пучина эта,

Былъ отблескъ солнечнаго свѣта
На го̀лубой равнинѣ водъ,
Лазурнѣй ясный неба сводъ,
Теплѣе воздухъ влажный, чистый,
И лучезарнѣй день огнистый.
Бакланъ прилегъ въ ладьѣ на дно,
Назадъ откинулся на спину
И сталъ въ небесную пучину
Глядѣть, гдѣ облако одно,
Пророча близость скорой бури,
Плыло, какъ парусъ, по лазури.
Бакланъ запѣлъ, и пѣснь слышна
Была въ пустынѣ шумной моря,
И вдаль несла ее волна,
Немолчнымъ плескомъ пѣснѣ вторя.

ПѢСНЯ БАКЛАНА.

Любовь безъ горя,
Любовь безъ слезъ—
Какъ волны моря
Безъ бурь и грозъ.

Прошли туманы,
Сталъ воздухъ чистъ,
И манжураны
Душистѣй листъ.

Плачь, сердце, плачь ты!
Въ душѣ темно...
Но выше-ль мачты
Ея окно?

О, Кира! ради
Любви и слёзъ,
Ты брось мнѣ пряди
Смолистыхъ косъ!

И я проворно
Къ моей красѣ

По этой черной
Взберусь косѣ! [1])

* * *

Такъ пѣлъ Бакланъ, и съ пѣснью сладкой
Отрадной утренней порой
Слеталъ на грудь къ нему украдкой
Воспоминаній свѣтлыхъ рой.
Онъ вспомнилъ зимній день холодный,
Крещенскій праздникъ, крестный ходъ,
Хоругви, гулъ толпы народной
На берегу плескавшихъ водъ.
Ужъ въ ожиданьѣ говорливомъ
Народъ тѣснился надъ заливомъ.
Толпами греки въ этотъ день
Сюда сошлись изъ Балаклавы
И изъ окрестныхъ деревень.
Рыбакъ, матросъ и шкиперъ бравый,
Десятки женщинъ и дѣтей,
И пришлый людъ съ округи всей—
Собрались здѣсь, тѣснились рядомъ,
Пестрѣя праздничнымъ нарядомъ.
Пять-шесть искуснѣйшихъ пловцовъ,
Извѣстныхъ въ цѣломъ околодкѣ,
Стояли въ простыняхъ на лодкѣ,
И каждый былъ изъ нихъ готовъ,
Священнымъ рвеньемъ, вѣрой полный,
Нырнуть въ застынувшія волны
И крестъ схватить на перебой,
Когда онъ, встрѣченный пальбой,
Здѣсь будетъ вынесенъ къ народу
И съ пѣньемъ клира брошенъ въ воду [2]).
На лодкѣ, въ холстъ закутавъ станъ,
Среди пловцовъ стоялъ Бакланъ,
Тая волненье и тревогу,
На скользкій бортъ поставивъ ногу.
Вотъ дальній звонъ колоколовъ
Раздался мѣрно, тронулъ воду...
И обернулся рядъ головъ.

---

[1]) Дословный переводъ новогреческой пѣсни. Текстъ ея помѣщенъ въ „Универсальномъ описаніи Крыма", Кондараки, VIII, стр. 93, § 20.

[2]) Греческій обычай.

Пронесся говоръ по народу,
И крестный ходъ въ блистаньѣ ризъ
Съ холма отъ храма сходитъ внизъ.
Священникъ сталъ у водъ залива,
Крестъ позлащенный бросилъ онъ,
И грянулъ залпъ со всѣхъ сторонъ,
И эхо горъ, какъ грохотъ взрыва,
Промчало залпъ во всѣ концы,
И въ воду бросились пловцы.
И холодомъ, и дрожью полны,
Баклана охватили волны.
Опередивъ другихъ, рукой
Разсѣкъ онъ плещущую воду,
И крестъ изъ глубины морской
Онъ вынесъ къ шумному народу.

*
* *

Бакланъ припомнилъ, какъ потомъ
Въ толпѣ товарищей, съ крестомъ,
При пѣніи псалмовъ и славы,
Онъ шелъ вдоль улицъ Балаклавы;
Какъ въ каждомъ греческомъ дому
Подарки дѣлали ему,
Вина давали, денегъ, меду,
И какъ былъ радъ его приходу
Хозяинъ каждый здѣшнихъ мѣстъ,
Который вѣрилъ, какъ всѣ греки,
Что исцѣленье этотъ крестъ
Больнымъ приноситъ въ домъ во вѣки.
Уже порядкомъ съ горожанъ
Дань доброхотную собрали
Товарищи, когда Бакланъ
Зашелъ и въ домъ Мавромихали.
Былъ схожъ съ покинутымъ гнѣздомъ
Какой-нибудь прибрежной птицы
Мавромихали старый домъ.
Подъ кровлей бурой черепицы,
Весь бѣлый глиняный, онъ вросъ,
Казалось, въ треснувшій утёсъ.
Стѣною каменной забора
Былъ тѣсный дворъ закрытъ отъ взора,
И въ этотъ дворъ, узка, мала,

Калитка ветхая вела.
Когда товарищи съ Бакланомъ
Запѣли, ставъ въ кружокъ къ кресту,
Въ калитку выглянула ту
Красавица съ высокимъ станомъ
И нѣжнымъ взглядомъ синихъ глазъ,
Какіе только въ первый разъ
Бакланъ увидѣлъ, и едва-ли
Ему удастся видѣть вновь.
Узнавъ жену Мавромихали,
Узналъ онъ вмѣстѣ и любовь.
Онъ долго помнилъ встрѣчу эту,
Когда красавица ему
Съ улыбкой бросила монету
И скрылась... Послѣ никому
Не говорилъ Бакланъ о встрѣчѣ,
Не заводилъ про Киру рѣчи,
И о любви его одна
Морская вѣдала волна.

*
* *

Есть женщины... ихъ нѣжны взгляды,
Полны и ласки, и отрады—
Для тѣхъ, кто милъ и дорогъ имъ,
Кто счастливъ ими и любимъ.

Но если вы ихъ сердцу чужды,
Но если имъ до васъ нѣтъ нужды,—
Ихъ взоръ, сквозь бархатный покровъ,
Къ вамъ безучастенъ и суровъ.

И есть другія... въ зной жестокій
Въ пустынѣ міра одинокій
Не чуждъ имъ странникъ... горячѣй
Къ нему взглядъ нѣжныхъ ихъ очей.

Въ глазахъ у нихъ улыбка эта
Полна любви, добра и свѣта...
Такой лишь взглядъ, подобный дню,
Ловлю я жадно и цѣню.

*
* *

Бакланъ не зналъ любви и счастья.
Онъ одинокъ былъ, былъ угрюмъ,
Онъ не дѣлилъ съ друзьями думъ.
Взглядъ, полный ласки и участья,
Въ душѣ Баклана пробудилъ
Невольной страсти первый пылъ.
Такъ солнца лучъ, упавъ нежданно
Съ небесъ въ морскія глубины,
Вновь будитъ жизнь во мглѣ туманной
На днѣ таящейся волны.
Бакланъ томился, какъ и каждый,
Взаимности и ласки жаждой,
И грусть, нѣмую до тѣхъ поръ,
Безумной сдѣлалъ женскій взоръ.
Вновь растревожилъ въ сердцѣ рану
Онъ безпріютному Баклану.
Казались легче смерть, тюрьма,
Чѣмъ одиночество и тьма.
Съ тоской Бакланъ бродилъ украдкой
У дома Киры въ поздній часъ,
Когда огонь вечерній гасъ,
И одѣвались тѣнью шаткой
Дома, деревья, и луна
Всходила на небо одна.
Все это съ пѣсней вспомнилъ въ морѣ
Бакланъ, и снова въ сердцѣ вдругъ
Проснулся страсти злой недугъ,
И одиночество, и горе.
Тревожной грусти, думы полнъ,
Поплылъ Бакланъ въ морскія дали,
Гдѣ шумъ и говоръ бурныхъ волнъ
Смиряли скорбь его печали
И одинокимъ быть мѣшали.

*
* *

Уже стемнѣло, и полна
Сіяньемъ трепетнымъ и блескомъ
Всплыла за тучею луна,
И засверкавшая волна
Ее привѣтствовала плескомъ.

И былъ величественъ и гордъ,
Какъ гимнъ, торжественный аккордъ
Огнистыхъ волнъ, одѣтыхъ мглою,
Гремящихъ славой и хвалою.
И, какъ незримый, мощный хоръ,
Волной волнѣ протяжно вторя,
Вдали, вблизи пѣлъ сумракъ моря
И весь сіяющій просторъ.
Луна всходила, и хвалебнѣй
Звучало море пѣснью той,
Все въ чешуѣ сверкавшихъ гребней,
Все въ брызгахъ, въ пѣнѣ золотой.
И вотъ, съ послѣднею мольбою,
Оно затихло въ дивномъ снѣ,
Объято ночью голубою,
Въ сіяньѣ, въ блескѣ и огнѣ.

*
* *

И въ полосѣ дрожащей свѣта,
Какъ тѣнь, чернѣя въ блескѣ волнъ,
Раскинувъ парусъ свой, плылъ челнъ,
И слѣдъ хвостатый, какъ комета,
Струясь, блестя, бѣжалъ за нимъ.
Дыханьемъ вѣтра чуть гонимъ,
Колеблемый волною нѣжной,
Достигнулъ челнъ черты прибрежной,
Гдѣ у подножья хмурыхъ скалъ
Прибой сверкающій плескалъ.
Бакланъ свой челнъ втащилъ проворно
На мелкій камень и песокъ.
Кругомъ, отвѣсенъ и высокъ,
Тянулся берегъ грудой черной;
Но здѣсь, гдѣ голая скала
Вступала въ лунный свѣтъ изъ тѣни,
Тропинка узкая вела,
И круто вверхъ вились ступени.
Съ весломъ въ рукѣ Бакланъ по нимъ
Сталъ подыматься вдоль откоса,
Когда съ кремнистаго утёса,
Гигантскимъ выступомъ однимъ
Вверху нависшаго надъ нимъ,
Бакланъ услышалъ тихій голосъ,

Протяжно пѣвшій въ вышинѣ.
Его глушило, съ нимъ боролось
Паденье волнъ; шумя, онѣ
О камни бились и плескали,
Но пѣсня все была слышна,
И набѣгавшая волна
Катилась въ гнѣвѣ и печали
Съ ревнивымъ шопотомъ назадъ,
На скалы бросивъ слезъ каскадъ.
И голосовъ волны мятежной
Былъ сердцу чуткому слышнѣй
Призывный трепетъ пѣсни нѣжной:
Любовь и счастье были въ ней.
И очарованъ этой пѣсней,
Облокотившись на весло,
Стоялъ Бакланъ, и все чудеснѣй
Звучало пѣнье и росло,
И эхо гдѣ-то за горою
Той пѣснѣ вторило порою.
Бакланъ поднялъ глаза... надъ нимъ
Бѣлѣло что-то и мелькало:
Крыло ли чайки, покрывало,
Тѣнь, или, можетъ быть, гонимъ
Дыханьемъ вѣтра, здѣсь вдоль кручи
Скользилъ туманъ, обрывокъ тучи?
Бакланъ поднялся вверхъ... луна
Здѣсь выдѣляла ярче тѣни,
И ею вся освѣщена,
Здѣсь у обрыва, на ступени
Сидѣла женщина. Она,
Сложивши руки на колѣни,
Глядѣла въ сумракъ голубой,
Въ даль, залитую луннымъ блескомъ,
И внизъ на скалы, гдѣ прибой
Сверкалъ и бился съ шумнымъ плескомъ.

* * *

Бакланъ споткнулся... подъ ногой
Скатился камень, вслѣдъ другой;
Съ уступовъ падая каскадомъ,
Они шумѣли въ грудахъ скалъ.
И Кира вздрогнула... съ ней рядомъ

Бакланъ, потупившись, стоялъ.
Полны смущенья и испуга,
Они взглянули другъ на друга.
Кто скажетъ, какъ съ волной волна,
Въ равнинѣ водъ, въ дали безбрежной
Сближается, любви полна,
Печальныхъ думъ и грусти нѣжной,
И какъ цвѣтокъ находитъ свой
Пчела, летая надъ травой?
Какъ быстрый вѣтеръ послѣ бури
Встрѣчаетъ въ небѣ облака
И въ даль по блещущей лазури
Несетъ ихъ рой издалека?
Кто знаетъ тайну волнъ, эѳира,
Цвѣтовъ и любящихъ сердецъ?
И кто намъ скажетъ, наконецъ,
Какъ сблизились Бакланъ и Кира?
Порой улыбка или взглядъ,
Испугъ, смущенье робкой встрѣчи
Сердцамъ влюбленнымъ говорятъ
Понятнѣй словъ, яснѣе рѣчи.

*
*   *

И въ эту блещущую ночь,
Когда и скалъ гранитныхъ глыбы
Любви и страсти превозмочь
Въ своемъ безмолвьѣ не могли бы,
Когда, смятенія полны,
Съ волненьемъ сладостной печали
Восходъ торжественный луны
И камни трепетно встрѣчали,—
Въ такую ночь ужели могъ,
Хотя бъ за всѣ богатства міра,
Молчать Бакланъ; ужели Кира
Могла бы скрыть весь рой тревогъ,
Тѣснившихъ грудь могучей страстью,
Искавшихъ нѣжныхъ словъ, именъ,
И звавшихъ къ радости и счастью,
Какъ грёза свѣтлому, какъ сонъ?

*
*   *

Восторгомъ ночь сіяла эта,
И море, какъ огонь ихъ глазъ,

Тонуло въ блескѣ, въ волнахъ свѣта,
Переливаясь, какъ алмазъ.
Сливался въ дымкѣ золотистой
Съ луною сумракъ голубой,
И хоры звѣздъ въ лазури чистой
Свѣтились кроткою мольбой.
И въ этотъ часъ въ объятьяхъ міра
Земля дремала въ чуткомъ снѣ,
Когда другъ другу въ тишинѣ
Сказали все Бакланъ и Кира.
И только шумная волна,
Когда они рука съ рукою
Надъ свѣтлой бездною морскою
Стояли вмѣстѣ,—лишь она,
Тоски и ревности полна,
Вся въ брызгахъ, въ пѣнѣ серебристой,
Ударила въ утёсъ скалистый,
Мятелью брызговъ, плескомъ струй
Смутивъ ихъ первый поцѣлуй.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Открыты лавки, и на славу
Идутъ воскресные торги.
Грекъ-инвалидъ, хоть безъ ноги,
И тотъ на рынокъ въ Балаклаву
Приплелся, подвязавъ костыль!
На площади толпа и пыль.
Толкутся греки по базару,
Крикъ, споры, говоръ, дѣтскій плачъ.
Вотъ липнутъ къ красному товару
Двѣ дѣвы красныхъ, какъ кумачъ;
Вотъ мѣритъ караимъ аршиномъ
Шелки, торгуясь съ армяниномъ,
А тамъ дерутся, сбивъ картузъ,
Два пьяныхъ грека за арбузъ.
Анатоліецъ суетливый
Торгуетъ перцемъ и оливой;
Жужжитъ точильщика станокъ,

И на возу прельщаютъ взоры
Благоухающій чеснокъ,
Лукъ, баклажанъ и помидоры.
Но что̀ всей ярмаркѣ краса,
Чего пройти вы не могли бы,
Такъ это груды разной рыбы:
Кефаль, селедки и камса.
Товаръ различнѣйшаго рода.
Онъ дразнитъ вкусъ и аппетитъ,
И вкругъ него всегда стоитъ
Толпа изрядная народа.
И здѣсь же вывѣска видна
На многолюднѣйшемъ трактирѣ.
Улитокъ съ рисомъ [1]) и вина
Вы не найдете въ цѣломъ мірѣ
Такихъ, какія только тутъ,
Въ трактирѣ этомъ, подаютъ.

*
* *

И у стола здѣсь засѣдали
За кружкой добраго винца
Три балаклавскіе купца
И капитанъ Мавромихали.
Изъ Евпаторіи вчера
Вернулся онъ съ извѣстій роемъ,
Съ тюками всякаго добра,
И былъ на ярмаркѣ героемъ.
Благополучно онъ въ заливъ
Привелъ свой бригъ, былъ очень въ духѣ,
И въ городѣ ходили слухи,
Что на торгахъ онъ былъ счастливъ.
Хотя, конечно, не считали
Въ его карманахъ барыша:
Чужой карманъ или душа—
Потёмки, но сосѣди знали,
Что у купца Мавромихали
Была торговля хороша.
Успѣхъ замѣтили въ сосѣдѣ
По скрытой важности лица,
По снисходительной бесѣдѣ

---

[1]) Улитки съ рисомъ—любимое блюдо грековъ.

И по бутылочкамъ винца.
Хоть взгляды многихъ были косы,
И въ кабачкѣ исподтишка
Шли осторожные разспросы,
Но и завидуя слегка,
Всѣ угощали моряка
И разузнать пытались цѣну
Товарамъ, сбыту и промѣну.
Мавромихали между тѣмъ
Былъ гордъ, торжественъ и нѣмъ.

* * *

— „Вотъ устрицы!“ — „Бекмезъ!“ — „Ризаки,
„Спѣлѣйшій самый! лучшій сортъ!“ [1]) —
Кричатъ разнощики. Шумъ, драки.
Съ кувшиномъ грекъ толпой оттертъ
Отъ покупателя и локтемъ
Перевернулъ кадушку съ дегтемъ.
Черешенъ нѣсколько подводъ
Привезъ изъ Качи садоводъ.
Вотъ дангалаки [2]) съ крикомъ „вира!“
Веревкой тянутъ жернова...
И пробирается едва
Въ толпѣ съ своей служанкой Кира.
Сегодня, кажется, она
Слегка встревожена, блѣдна.
Купила въ лавкѣ безъ уступки,
Продороживъ, двѣ-три покупки,
Прошла базаръ разъ шесть подрядъ,
Не подходя къ лотку, къ подводѣ,
И словно ищетъ здѣсь въ народѣ
Кого то Киры робкій взглядъ.
Вотъ ей на встрѣчу грекъ Стамати
Попался. Ловокъ и рѣчистъ,
Онъ плутомъ слылъ, и, молвить кстати,
Былъ, говорятъ, контрабандистъ.
Онъ торговалъ сушеной рыбкой,
А также рыбку кое-гдѣ
Онъ въ мутной лавливалъ водѣ.

---

[1]) Бекмезъ—фруктовый квасъ. Ризаки—бѣлый виноградъ.
[2]) Дангалаки—носильщики тяжестей.

Съ многозначительной улыбкой,
Прищуривъ свой косившій глазъ,
Онъ съ Кирой странно въ этотъ разъ
Раскланялся, поднявъ развязно
Надъ головой родъ фески грязной.
Ему, невольно покраснѣвъ,
Кивнула Кира, скрывъ свой гнѣвъ.

*
* *

Но взоръ у Киры вспыхнулъ тихо:
Тамъ, заломивъ картузъ свой лихо
И руки запустивъ въ карманъ,
Вдоль по базару шелъ Бакланъ.
Онъ раскраснѣлся за игрою
И побѣдителемъ былъ въ ней.
Никто изъ грековъ вдаль камней
Такъ не металъ, какъ онъ порою.
Онъ, раскачавши между ногъ,
Огромный камень бросить могъ
Далеко за черту, и славу
Въ игрѣ той пріобрѣлъ по праву,
Которой былъ извѣстенъ всей
Элладѣ древней Одиссей.
Игра проникла въ Балаклаву,
И не забылъ ее въ нашъ вѣкъ,
Какъ древній эллинъ, новый грекъ.

*
* *

И вотъ, какъ будто между дѣла,
Хоть тяжело дышала грудь,
Но Кира, проходя, успѣла
Баклану на ухо шепнуть:
„Пріѣхалъ мужъ. Сегодня въ ночь
„У башни жди!“ и быстро прочь
Пошла, въ толпѣ мелькнувъ нарядомъ.
Бакланъ весь вздрогнулъ. Жгучимъ взглядомъ
Базаръ, толпу окинулъ онъ;
Но лишь народъ со всѣхъ сторонъ
Шумѣлъ, кричалъ, и здѣсь, съ нимъ рядомъ,
Ругались, выпивши слегка,
Два незнакомыхъ рыбака.

*
* *

Безмолвенъ полдень. Даль открыта.
Плывутъ надъ моремъ стаи тучъ.
Нависли скалы; дремлетъ кручь
Ихъ раскаленнаго гранита.
На солнцѣ гребни ихъ горятъ,
И желто-красный-сѣрый рядъ
Своихъ иззубренныхъ откосовъ
Купаетъ въ морѣ цѣпь утёсовъ.
Ихъ разноцвѣтная стѣна
Въ лазури волнъ отражена.
Плыветъ, лавируя безъ цѣли,
Челнокъ въ лазурныя поля.
Задумчивъ, грустенъ у руля
Сидитъ Бакланъ; минуя мели,
Онъ правитъ чолнъ едва-едва,
На грудь склонилась голова.
Прошли короткихъ три недѣли
Съ тѣхъ поръ, какъ съ Кирой глазъ на глазъ
Бакланъ сошелся въ первый разъ.
Часы, мгновенья, дни летѣли...
Въ восторгахъ счастья обо всемъ
Они забыли, не слыхали,
Какъ грянулъ вдругъ нежданный громъ,
И, возвратясь, Мавромихали
Сталъ господиномъ надъ добромъ
И надъ женой своей, какъ прежде.
Заснули въ радостной надеждѣ
Они на ложѣ пышныхъ розъ,
Хранимомъ грёзами одними,
А между тѣмъ, какъ призракъ, росъ
И подымался передъ ними
Нѣмой, безвыходный вопросъ.
Баклану вспомнилось свиданье
У башни зàмка въ эту ночь,
И Кира блѣдная, точь-въ-точь
Какъ мраморъ или изваянье.
Съ печальной статуей сходна
Была такъ Кира въ платьѣ бѣломъ...
Стоялъ въ молчаньѣ онѣмѣломъ
Надъ ними зàмокъ, и одна

Была луной освѣщена
Сѣдая башня... взоръ повсюду
Встрѣчалъ камней огромныхъ груду.
Одинъ изъ нихъ, склонившись внизъ,
Надъ темной пропастью нависъ...
Одно движеніе,—и шумно
Слетитъ онъ въ бездну. Сходенъ онъ
Съ ихъ счастьемъ, сладостнымъ какъ сонъ,
Съ любовью ихъ, такой безумной!
Такъ говорила Кира. Да.
Или разстаться навсегда
Они должны... совсѣмъ, на-вѣки...
Или бѣжать съ ней... но куда?
У Киры родственники греки
Есть въ дальнемъ городѣ. Она
Звала съ слезами и мольбою
Туда Баклана за собою.
Тамъ снова будетъ жизнь полна,
Они вдвоемъ забудутъ горе...
Восторгъ ихъ счастья будетъ чистъ...
Она при немъ, онъ—колонистъ...
Но море, гдѣ же будетъ море?
Онъ вздрогнулъ, онъ глядитъ вокругъ:
Конца нѣтъ ровной, синей дали!
Вотъ волны мѣрно заплескали,
И валъ сѣдой, какъ старый другъ,
Обнялъ челнокъ его съ налёта.
Но, чу! тамъ, въ небѣ, плачетъ кто-то...
Должно быть, чайка... Кира, да!—
Она такъ плакала тогда,
Сказавъ ему, что смерти хуже
Теперь остаться жить при мужѣ.
Но вѣдь и онъ не спорилъ съ ней,—
Оставить мужа ей честнѣй,
И чтò-жъ несноснѣй для Баклана
Притворства, скрытой лжи, обмана?
Къ чему же это все, къ чему
Ей было говорить ему?
Тамъ, въ этомъ городѣ далекомъ,
Они и въ бѣдности найдутъ
Гостепріимство и пріютъ,
И ровнымъ, радостнымъ потокомъ

Жизнь потечетъ безпечно вновь,
И будетъ счастьемъ ихъ —любовь!

* * *

Но этотъ городъ?.. Часто дѣды
Подъ поздній вечеръ, за огнемъ,
Вели печальныя бесѣды
И вспоминали быль о немъ.
Лѣтъ сто назадъ свои селенья
Въ Крыму оставили они...
Тяжелые то были дни
Гоненій, бѣдъ переселенья.
Покинувъ прахъ родныхъ могилъ,
Ушли они съ арбой походной,
И далеко въ степи безплодной
Основанъ городъ ими былъ.
Не видѣлось конца тамъ горю,
Какъ скучнымъ пашнямъ и мѣстамъ,
И многіе скончались тамъ
Въ тоскѣ по родинѣ и морю,
И замѣнить ихъ не могли
Поля, луга чужой земли.
Вонъ море стелется широко!
Кругомъ, куда ни взглянетъ око,—
Вездѣ просторъ, лишь корабли
Бѣлѣютъ парусомъ вдали.
Вонъ пѣна искрится, какъ иней,
Блеститъ, горитъ на влагѣ синей...
Отъ облаковъ лишь кое-гдѣ
Проходятъ тѣни по водѣ...

* * *

Такъ съ Кирой вмѣстѣ Балаклаву
Оставитъ онъ. Въ краю иномъ,
У нихъ тамъ будетъ садъ свой, домъ,
И поле вспашетъ онъ на славу,
И жатвы имъ за мирный трудъ
Тяжелый колосъ ржи дадутъ.
Не все-жъ кормиться рыбной ловлей?
Найдетъ онъ тамъ любовь свою,
И уголокъ подъ тихой кровлей,
Покой, и счастье, и семью.

Замѣнитъ плугъ багоръ и сѣти;
Быть можетъ, Кира будетъ мать...
И старость ихъ утѣшатъ дѣти,
И ихъ онъ станетъ обнимать.
На вѣкъ простится онъ съ тоскою,
Не будетъ больше одинокъ...
Но вотъ опять волной морскою
Качнуло дремлющій челнокъ.

Угрозою и гнѣвомъ полны,
Зеленой, вспѣненной грядой
Катились плещущія волны.
Вздымался гребень ихъ сѣдой,
И въ небѣ, сумрачно-безмолвны,
Нависли тучи надъ водой;
И вверхъ хребетъ косматый вала
Пучина шумная метала.

Шквалъ несся, грозенъ и бурливъ;
Нахмурясь, влага потемнѣла,
И волнъ катящійся приливъ
Бѣжалъ въ пространствѣ безъ предѣла,
Качая зыбью бѣлыхъ гривъ.
Злой духъ, безъ образа, безъ тѣла,
Казалось, гналъ тѣ волны въ путь,
Дыханьемъ напрягая грудь.

Шли въ даль валы съ немолчнымъ споромъ,
И, какъ органъ, ихъ голоса
Звучали въ морѣ мощнымъ хоромъ.
Одѣлись мглою небеса...
Лишь тамъ, вдали, съ морскимъ просторомъ
Слилась лазури полоса,
И ширь, вся въ зыби волнъ мятежной,
Казалась болѣе безбрежной.

Кто-бъ могъ могучихъ волнъ прибой
Сдержать стѣною и гранитомъ?
Какой колоссъ затмитъ собой,
Возставъ въ пространствѣ водъ открытомъ,
Просторъ равнины голубой?
Ни глыбамъ каменнымъ, ни плитамъ

Не покорить морей... Волна
Свободна вѣчно и вольна!

О, море! путнику свободу
Напоминаешь ты всегда,
Уйдя къ лазури, къ небосводу,
Въ просторъ, Богъ вѣдаетъ—куда!
Взоръ видитъ всюду только воду,
И безпредѣльна, и горда,
Предъ нимъ свободная стихія
Вздымаетъ волны голубыя!

*
* *

Предъ моремъ тысячи сердецъ
Вольнѣе бьются въ счастьѣ, въ горѣ,
И, въ смутной грёзѣ, наконецъ.
Бакланъ любилъ волну и море.
Высокихъ духомъ братъ меньшой,
Цѣпей не вѣдая, личины,
Онъ безсознательно душой
Любилъ просторъ морской пучины.
Онъ находилъ отраду въ ней,—
Въ движеньѣ волнъ, въ дали безбрежной,
И въ смѣнѣ красокъ и тѣней
На синевѣ волны мятежной.

*
* *

Убравъ свой парусъ, волѣ волнъ
Онъ предоставилъ легкій чолнъ,
И въ грустной думѣ и печали
Глядѣлъ, какъ волны чолнъ качали,
Какъ мчались, пѣнились вдали,
И въ даль челнокъ его несли.
И предъ лицомъ сѣдого моря,
Бросавшаго за валомъ валъ,
Ему казался жалокъ, малъ
Его надеждъ, волненій, горя
Вдругъ налетѣвшій бурный шквалъ.
Нужда, подённый трудъ для хлѣба,
Страхъ за дѣтей и тѣсный домъ—
Все въ морѣ шумномъ и сѣдомъ,
Подъ сводомъ облачнаго неба,

Ему понятно стало; онъ,
Какъ тяжкій бредъ, какъ грустный сонъ,
Всю видѣлъ жизнь передъ собою,
Съ заботой, съ мелочной борьбою,—
И, мнилось, хохота полна,
Кружила челнъ его волна.
А тамъ, вся шумною молвою
Валовъ играющихъ звеня,
Манила чудной синевою
Родная даль въ сіяньѣ дня.
И вспомнилъ онъ, что долженъ вскорѣ
Оставить эту даль и море
Для крошекъ счастья, для труда...
Оставить море?—никогда!

* * *

Въ желѣзной клѣткѣ, какъ въ темницѣ,
На небо глядючи съ тоской,
Не жить, не биться вольной птицѣ
И не томиться день деньской.
И не останется въ унылой
Той клѣткѣ, горести полна,
Ни для птенцовъ своихъ она,
Ни для подруги бѣлокрылой.
Она лишь къ зелени дубравъ
И къ небесамъ горитъ любовью
И, клювомъ сердце растерзавъ,
Свободу купитъ алой кровью.

* * *

Чернѣетъ ночь. Въ дали нѣмой,
Въ морскихъ пространствахъ безъ границы,
Объятыхъ сумракомъ и тьмой,
Мерцаютъ яркія зарницы,
И, свѣтомъ ихъ озарена,
Блеснетъ и скроется волна.
На берегу, одѣтомъ мглою,
Чуть слышенъ шопотъ подъ скалою:

КИРА.

—Ты, Анастасъ?

Бакланъ.

Здѣсь, Кира! Я.

Кира.

О, милый мой! любовь моя!
Какъ я рвалась къ тебѣ, спѣшила...
Какъ безъ тебя текутъ уныло
Часы томительнаго дня!
Скажи, ты любишь ли меня?

Бакланъ.

Когда бы былъ въ морскомъ просторѣ
Языкъ любви волнѣ знакомъ,—
Всѣхъ волнъ несчетныхъ языкомъ
Тебѣ не высказало-бъ море
Моей любви!.. Когда-бъ волна
Была тоской любви полна,
Таила слезы въ каплѣ каждой,—
Не утолила-бъ бездна водъ
Толпы страданій и невзгодъ
Съ ихъ ненасытной, вѣчной жаждой!

Кира.

Такъ грустенъ ты... Скажи, къ чему
Себя терзаешь ты печалью?
Взгляни: сквозь эту ночь и тьму
Сверкаетъ свѣтъ за мглистой далью.
Вѣрь, милый, сердцу моему:
Пройдетъ безслѣдно мгла ненастья,
И, какъ зарница изъ-за тучъ,
Жизнь озаритъ намъ яркій лучъ
Любви, взаимности и счастья.
И недалекъ нашъ ясный день.
Къ моимъ роднымъ уйдемъ съ тобою,—
Тамъ ждетъ насъ миръ, деревьевъ тѣнь
Въ лугахъ надъ рѣчкой голубою.
Нашъ домъ за полемъ ржи густой
Для насъ двоихъ не будетъ тѣсенъ;
Мы станемъ колосъ золотой
Срѣзать серпомъ подъ звуки пѣсенъ.
Тамъ про любовь тебѣ мою

Я сказку чудную спою...
Но ты молчишь?

БАКЛАНЪ.

Довольно, Кира!
Меня напрасно не зови
Очарованіемъ любви,
Всѣмъ счастьемъ, всѣмъ блаженствомъ міра.
Инымъ полна душа и грудь,
Инымъ избрало сердце путь.
И затаивъ глубоко горе,
Уйду я въ даль, въ сѣдое море...
Прости же, Кира!.. не забудь!

КИРА.

Какъ? хочешь ты меня оставить?
Забыть меня? но почему-жъ?
Намъ помѣшать не можетъ мужъ.
Ахъ, нѣтъ, мой другъ! къ чему лукавить,
Скрывать печальныя мечты?
Скажи, меня не любишь ты?

БАКЛАНЪ.

Нѣтъ, Кира, нѣтъ! полна любовью,
Какъ прежде, вся моя душа.
Одной тобой живя, дыша,
Я счастье выкупилъ бы кровью!
Но, Кира, странная печаль
Меня зоветъ и манитъ въ даль.
Повѣрь, жить вмѣстѣ было-бъ хуже.
Поддержки въ жизненной борьбѣ
Ты не нашла-бъ во мнѣ, какъ въ мужѣ.
Я счастья не далъ бы тебѣ.
Я-бъ не стоялъ надъ колыбелью,
Когда-бъ въ ней спалъ нашъ сынъ меньшой;
Твоимъ тревогамъ и веселью
Я не отвѣтилъ бы душой.
Моя душа мечтою смутной,
Какъ сномъ таинственнымъ, полна.
Она съ морской волной сходна,
Кочующей и безпріютной.
Бѣжитъ свободная волна,

Темна, мятежна и бурлива,
Отъ тихой пристани залива,
И ей милѣе сумракъ бурь,
Чѣмъ свѣтъ, и солнце, и лазурь!

КИРА.

Но за тобой пойти готова
Я въ край чужой, въ морскую даль.
Я жду лишь знака, жду лишь зова!
Пусть будетъ тамъ нужда сурова,—
Я раздѣлю съ тобой печаль.
Чтò небеса страны далекой,
Чтò рядъ лишеній, валъ морской
Предъ ежечасною тоской
И передъ жизнью одинокой?
И ставъ твоей, тебя любя,
Могу ли жить я безъ тебя?

БАКЛАНЪ.

Дитя мое, ты жизни бурной
Еще не знаешь, вижу я.
Ясна, чиста любовь твоя,
Какъ хрустали струи лазурной.
Гдѣ человѣкъ, тамъ съ нимъ нужда.
Съ собой онъ всюду носитъ цѣпи;
Отъ нихъ не скрыться никуда—
Ни въ даль морей, ни въ сумракъ степи.
Мечты любви, и тѣ куютъ
Намъ тяжкій гнётъ желѣзныхъ путъ.

КИРА.

Ты разлюбилъ. Тебѣ нѣтъ нужды
До слезъ моихъ. Мы сердцемъ чужды.
Душа твоя съ волной сходна
И, какъ тѣ волны, холодна.

БАКЛАНЪ.

Когда-бъ ты знала горечь муки
И всю печаль моей души,
Тоску любви, и страхъ разлуки,
И грусть въ полуночной тиши,—

Тогда-бъ навѣрно, сердцемъ яснымъ
Мои страданья оцѣня,
Упрекомъ горькимъ и напраснымъ
Не опечалила-бъ меня.
Оставь меня... любовью прежней
И счастьемъ я молю тебя,—
И мы разстанемся, любя
Сильнѣй, хотя и безнадежнѣй!
Ни ясныхъ дней, ни свѣтлыхъ грёзъ
Мнѣ не вернуть и моремъ слёзъ.

Кира.

Не знаю я твоей печали,
Мнѣ непонятна грусть твоя.
Бывало, горе, помню я,
Съ тобою вмѣстѣ мы встрѣчали.
Его не въ силахъ я теперь
Дѣлить съ тобой... я одинока...
Но ты печаленъ... милый, вѣрь,
Что мнѣ тебя такъ жаль глубоко!
Пусть я на смерть обречена,
Пусть ты разстанешься со мною,
И больше радостью земною
Я наслаждаться не должна;
Но у меня къ тебѣ одна
Есть просьба: уходи отсюда!
Надъ нами, словно камней груда,
Виситъ бѣда... мой мужъ ревнивъ,—
Узнаетъ онъ, что я бывала
Съ тобою здѣсь... и градъ обвала
Падетъ, тебя похоронивъ.
Прощай!.. да, вотъ еще: дай слово
Не звать меня, не видѣть снова.

Бакланъ.

Постой!..

Кира.

Зачѣмъ? О, нѣтъ, мой другъ!
Не нужно слезъ и сожалѣнья.
Не будемъ длить тоски мгновенья:
Разлуки тягостенъ недугъ.

Мольбы, рыданья, сердца муки,
Напрасныхъ слезъ, упрековъ рой—
Не отдалятъ отъ насъ разлуки
И не вернутъ любви былой...
Прости на вѣкъ!..
Она упала
На грудь къ нему, и шопотъ стихъ,
И вдоль уступовъ скалъ крутыхъ
На мигъ мелькнуло покрывало,
И торопливый шумъ шаговъ
Смутилъ безмолвье береговъ.

* * *

Обнявъ рукой холодный камень,
Бакланъ поникъ въ тоскѣ нѣмой,
Объятый ужасомъ и тьмой.
Струистыхъ молній яркій пламень
Сверкалъ ужъ въ сумракѣ сыромъ,
И вотъ ударилъ дальній громъ.
Перекатился съ гулкимъ трескомъ
Онъ надъ волною, надъ скалой,
И даль, окутанная мглой,
Вдругъ озарилась яркимъ блескомъ.
Ничто сравниться не могло-бъ
Съ наставшей бурей. Гулъ отзывный
Въ прибрежныхъ скалахъ, молній снопъ
И грохотъ грома непрерывный—
Все перепуталось, слилось
Въ смятенье, ужасъ и хаосъ.
Казалось, до сихъ поръ нѣмыя
Глаголютъ силы, и стихія,
Расплавясь, въ сумракъ превратясь,
Теряетъ образъ, видъ и связь.
Казалось, вновь въ предвѣчномъ спорѣ
Грозитъ землѣ потопомъ море.
На мигъ изъ бездны черный валъ,
Сверкая пѣною, вставалъ,
И тьмой опять густыя тѣни
На волны падали съ небесъ,
И снова блескъ, вновь мракъ исчезъ.
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Звучали, мнилось, въ безднѣ водъ,

И разрывался неба сводъ
На части съ грохотомъ трескучимъ,
И подымались волны къ тучамъ,
И по обрывкамъ черныхъ тучъ
Носился молній яркій лучъ.
И вотъ, почти надъ головою
Баклана, черная скала
Качнулась, шумно поползла,
Обвившись лентой огневою,
И, оборвавшись въ глубину,
Съ утесовъ рухнула въ волну.
Съ восторгомъ, полнымъ чудной муки,
Съ неизъяснимою тоской
Бакланъ простеръ безумно руки
Къ пучинѣ водъ, къ волнѣ морской,
И къ быстрымъ молніямъ летучимъ,
И къ небесамъ, и къ чернымъ тучамъ,
Съ глухимъ раскатомъ въ тьмѣ густой
Бросавшимъ пламень золотой.

*
* *

Съ недавнихъ поръ Мавромихали
Сталъ часто въ Кирѣ замѣчать
Томленье тихое печали.
Унынья тайнаго печать
На блѣдныхъ щёчкахъ, грусть и слезы—
Все видѣлъ онъ. Слѣдовъ тревогъ
Въ ней не замѣтить онъ не могъ.
Такъ блёкнетъ алый вѣнчикъ розы,
Такъ вянетъ сорванный цвѣтокъ.
За лепестками лепестокъ
Роняетъ онъ, и вновь красою
Ему, какъ прежде, не блистать,
И не цвѣсти ему опять
Въ саду, обрызганномъ росою.
Мавромихали между дѣлъ
За Кирой пристально глядѣлъ.
Ее съ невольною тоскою
Онъ видѣлъ въ первый разъ такою.
За пряжей сидя у окна,
Беззвучно плакала она,
И развѣ изрѣдка, ошибкой,

Порой обмолвится улыбкой.
Ужъ не смотрѣла веселѣй
Она давно, была уныла,
И даже плѣнныхъ журавлей,
Своихъ любимцевъ, не кормила.
Наряды, ленты и уборъ
Ее уже не занимали,
И подозрительнѣй съ тѣхъ поръ
И строже сталъ Мавромихали.
Онъ, красноту замѣтивъ глазъ,
Вопросы дѣлалъ ей не разъ,
Но Кира съ робостью испуга
На боль какого-то недуга
Ссылалась и спѣшила прочь.
Была однажды гдѣ-то въ ночь...
И стало тайное сомнѣнье
Его тревожить иногда.
Нерѳвенъ часъ, близка бѣда!
Чтò вѣрность женъ, повиновенье?
Милѣй имъ смѣхъ, да шумъ забавъ,
И часто легокъ женскій нравъ...
За нимъ слѣди прилежнымъ окомъ!
Когда мужъ въ плаваньѣ далекомъ,
Ему частенько невѣрна
Бываетъ рѣзвая жена.
Быть можетъ, ужъ и взгляды косы,
И онъ смѣшонъ другимъ... къ тому-жъ
Все узнаётъ послѣдній мужъ.
Исподтишка онъ сталъ вопросы
Сосѣдямъ дѣлать стороной,—
Чего не знали-ль за женой?
Но даже сплетни, пересуды
Ея коснуться не могли.
Держались кумушки вдали,
Хоть на языкъ и были худы.
А все-жъ ревнивая мечта
Его смущала и дразнила,
И думалъ онъ, что не спроста
Была жена его уныла.

*
* *

Мавромихали, наконецъ,
Рѣшилъ сходить къ тому, кто даже

Всѣмъ знахарямъ за образецъ
Могъ послужить: онъ толкъ зналъ въ кражѣ,
Могъ, лично зная всѣхъ воровъ,
Сказать всегда, кто свелъ коровъ,
И кто—что̀, право, много хуже—
Укралъ жену, забывъ о мужѣ.
И про него молва слыла,
Что зналъ онъ всякія дѣла.
На немъ былъ родъ тавра, печати
И ореолъ вкругъ головы...
И угадали вѣрно вы,
Что рѣчь идетъ здѣсь о Стамати.
Онъ былъ невзрачный, юркій грекъ,
Но все-жъ великій человѣкъ
И геній—для контрабандиста.
Онъ провести могъ двѣсти, триста
И даже больше дураковъ.
Такъ вотъ Стамати былъ каковъ!
Гдѣ проводилъ часы досуга
И проливалъ онъ потъ труда,—
Никто не вѣдалъ никогда.
На берегу его лачуга
Низка казалась и мала,
Но приспособлена была
Для посторонняго багажа.
Ее таможенная стража
Совсѣмъ напрасно стерегла:
Хотя за нимъ всегда три пары
Слѣдило самыхъ зоркихъ глазъ,
Стамати ловко каждый разъ
Въ лачугу провозилъ товары.
Онъ зналъ всегда, гдѣ вѣтеръ дулъ,
И кто идетъ на караулъ.

*
* *

Уже всѣ въ Балаклавѣ спали.
Былъ путь къ Стамати недалекъ:
Къ нему изъ города едва-ли
Шелъ полчаса Мавромихали.
Сквозь щели ставень огонекъ
Свѣтилъ въ лачугѣ. Волны съ шумомъ
Катились къ берегамъ угрюмымъ,

И на каменья и песокъ
Былъ тутъ же вытащенъ челнокъ:
Кому Стамати жизнь знакома,
Тотъ зналъ, что былъ хозяинъ дома.
Къ Мавромихали подлетѣлъ
Мохнатый песъ съ охрипшимъ лаемъ,
Сочтя, должно быть, шалопаемъ,
Бродящимъ безъ нужды и дѣлъ,
И было-бъ плохо, если-бъ кстати
На лай не вышелъ самъ Стамати.
Хозяинъ былъ любезнѣй пса.
Снявъ шапку, станъ склоняя гибкій,
Съ предупредительной улыбкой
Онъ гостя ввелъ. Вино, камса
Тотчасъ на столъ явились съ полки.
Не больше четверти часа
Шли предварительные толки.
Была взаимности полна
Бесѣда за глоткомъ вина
Съ приправой легкой угощенья.
Набравшись мужества и силъ,
Мавромихали объяснилъ
И цѣль, и поводъ посѣщенья.
Поднявши бровь, прищуривъ глазъ,
Стамати выслушалъ разсказъ.
Мавромихали былъ въ разсчетѣ,
Какъ оказалось, правъ вполнѣ.
Стамати какъ-то „на работѣ"
Былъ у прибрежья, при лунѣ.
Тюкъ безъ клейма и безъ печати
Неся по берегу, Стамати
Баклана съ Кирой видѣлъ въ ночь
И передать былъ все не прочь
Изъ дружбы лишь Мавромихали,
Хоть бѣденъ, самъ въ нуждѣ, въ печали,
И былъ бы долею благой
Ему серебреникъ, другой.

* * *

Дѣла запутались и стали,
Съ товаромъ въ море онъ не шелъ,
Сталъ раздражителенъ и золъ,

Какъ никогда, Мавромихали.
Онъ даже бригъ забросилъ свой.
Въ недоумѣніи качали
Его сосѣди головой.
Окутанъ облакомъ печали,
Мавромихали старый домъ
Глядѣлъ разрушеннымъ гнѣздомъ.
Давно не выходила Кира
Къ сосѣдямъ въ гости, на базаръ,
Сошелъ съ лица ея загаръ,
И въ церкви лишь, при пѣньѣ клира,
Ее встрѣчали иногда.
Она была блѣдна, уныла,
И, какъ туманная звѣзда,
Лучомъ померкнувшимъ свѣтила.
Мавромихали, точно тѣнь,
Бродилъ въ молчаніи угрюмомъ
По дому, весь отдавшись думамъ.
Онъ проводилъ тревожно день.
Не до торговъ и не до дѣла,
Когда задѣта близко честь.
Въ умѣ Мавромихали зрѣла
Давно обдуманная месть.
О, какъ ему она знакома!
Ее лелѣялъ онъ и дома,
И въ тишинѣ прибрежныхъ скалъ,
И только случая искалъ.

*
* *

Ненастье... Цѣлыя недѣли
То вѣтры, то дожди шумѣли.
Пришла зима съ тревогой бурь,
Въ туманъ закуталась лазурь,
И холода, и стужи полны,
У береговъ шумѣли волны.
Насталъ Крещенья свѣтлый день,
И изъ окрестныхъ деревень
Всѣ греки въ праздничной одеждѣ
Шли въ Балаклаву, какъ и прежде.
Веселье было въ лицахъ всѣхъ,
Звучали шутки, говоръ, смѣхъ.
Порой отъ холода и дрожи

Боролись кучки молодежи.
Но грянулъ звонъ колоколовъ,
Пронесся по садамъ и нивамъ,—
И смолкъ гулъ шутокъ, праздныхъ словъ.
Въ благоговѣньѣ молчаливомъ
Народъ тѣснился надъ заливомъ,
И крестный ходъ въ блистаньѣ ризъ
Сошелъ съ холма отъ храма внизъ.
Но въ этотъ день волненій мало
Толпѣ народа обѣщала
Вся обстановка торжества.
Вода страшна въ подобный холодъ
И тѣмъ, кто былъ здоровъ и молодъ.
На этотъ разъ нашлись едва
Охотники,—всего лишь два:
Раздѣвшись, за крестомъ ныряли
Бакланъ и съ нимъ Мавромихали.
Раздался колокола звонъ,
Священникъ сталъ у водъ залива,
Крестъ позлащенный бросилъ онъ,—
И ружей залпъ, какъ грохотъ взрыва,
Въ прибрежныхъ скалахъ повторенъ,
Вдругъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ.
Пловцы нырнули. Дрожи полны,
Баклана охватили волны
И у него надъ головой
Сомкнули сводъ зеленый свой.

*
* *

Объятый влагою морскою,
Стѣснивъ дыханьемъ сжатымъ грудь,
Онъ прорѣзалъ въ пучинѣ путь
И воду разсѣкалъ рукою.
Ужъ видѣлъ на песчаномъ днѣ
Онъ крестъ въ туманной глубинѣ,
Обвитый сѣтью травъ густою,
Блестящій искрой золотою;
Уже онъ руку протянулъ
Къ кресту и шарилъ подъ травою,
Какъ услыхалъ надъ головою
И плескъ глухой, и смутный гулъ.
Они чуть явственнѣе стали.

И надъ собой увидѣлъ онъ
Большую тѣнь и, какъ сквозь сонъ,
Узналъ лицо Мавромихали.
Онъ видѣлъ, какъ сквозь легкій газъ
Прозрачной дымки водъ зеленыхъ
Въ него впивалась пара глазъ
Горящихъ, злобныхъ, воспаленныхъ.
Такъ въ морѣ смѣлый водолазъ
На ловлѣ жемчуга порою,
Прельстившись раковинъ игрою,
Встрѣчаетъ вдругъ, взглянувъ назадъ,
Вблизи акулы хищный взглядъ.
И ближе все глаза сверкали
Сквозь зелень волнъ, и наконецъ
Рукой, какъ опытный пловецъ,
Разсѣкъ волну Мавромихали
И, прянувъ внизъ, рукой другой
Обвилъ Баклана станъ нагой.
Напрягшись, съ сжатыми губами,
Ему уперся въ грудь руками
Бакланъ, и съ плескомъ и борьбой
Безмолвный завязался бой.
Сплетясь подобно двумъ полипамъ,
Они другъ другу иногда
Давили горло, и тогда
Имъ въ ротъ и ноздри, вмѣстѣ съ хрипомъ,
Врывалась мутная вода.
О, это были ужъ не люди!—
Два краба, пара злыхъ акулъ.
Одинъ всплывалъ, другой тонулъ,
Мутился взглядъ, спирались груди...
Тутъ, ниже волнъ, морскихъ зыбей,
Велась борьба въ пучинахъ моря,
И тотъ, чья грудь, рука слабѣй,
Погибнулъ бы, о жизни споря.
Въ ушахъ Бакланъ ужъ слышалъ шумъ,
Дыханья нѣтъ, мутился умъ...
Въ послѣдній разъ рванувшись дико,
Хотѣлъ онъ вскрикнуть,—нѣту крика!
И безъ сознанія на днѣ
Онъ распростерся въ глубинѣ.

*
* *

Изъ мутныхъ волнъ Мавромихали
Одинъ къ народу вынесъ крестъ,
И рыбаки окружныхъ мѣстъ
Объ утонувшемъ толковали.
При помощи какихъ-то двухъ
Словоохотливыхъ старухъ,
Вѣсть Балаклаву облетѣла,
И сомнѣваться не могли-бъ,
Что онъ безвременно погибъ,
Хоть не нашли въ заливѣ тѣла.
Упомянулъ спустя дня два
Рыбакъ нездѣшній въ разговорѣ,
Что видѣлъ онъ вчера, какъ въ морѣ
Всплыла на волнахъ голова
При чуть мерцающемъ разсвѣтѣ.
Былъ блѣденъ ликъ и незнакомъ,
И обвивали лобъ вѣнкомъ
Зеленыхъ водорослей сѣти.

В. Шуфъ.

Н. В. ГОГОЛЬ

въ

ПЕРІОДЪ „АРАБЕСОКЪ" и „МИРГОРОДА"

(1832-1835 гг.).

Окончаніе.

VII *).

Въ обѣихъ повѣстяхъ, какъ „Портретъ", такъ и „Невскій Проспектъ", прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самый выборъ сюжета и главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Появленіе художниковъ въ качествѣ героевъ обѣихъ повѣстей, принадлежащихъ къ одному и тому же времени, никакъ нельзя считать случайнымъ совпаденіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо обратить вниманіе на значительную близость Гоголя въ первые годы его петербургской жизни къ кружку художниковъ, посѣщавшихъ классы академіи художествъ. Любовь къ рисованію, замѣтно проявлявшаяся еще въ Гоголѣ-ребенкѣ, съ новой силой заговорила въ немъ тотчасъ по пріѣздѣ въ столицу, гдѣ онъ получалъ возможность на досугѣ иногда заниматься любимымъ искусствомъ подъ руководствомъ опытныхъ и свѣдущихъ людей; въ тяжелое время своей департаментской службы Гоголь находилъ иногда часы для посѣщенія музеевъ и картинныхъ га-

*) См. выше: іюль, 5 стр.

лерей. Страсть ко всему изящному была въ немъ очень сильна еще въ юности: по свидѣтельству Данилевскаго, во время своей первой заграничной поѣздки Гоголь накупилъ множество разныхъ небольшихъ, но чрезвычайно изящныхъ и красивыхъ вещей, которыя особенно пришлись ему по вкусу; извѣстно также, что онъ жадно присматривался за границей къ произведеніямъ архитектуры и наслаждался живописью и величественной музыкой католическихъ храмовъ. Вскорѣ у него сложились опредѣленные взгляды и симпатіи въ сферѣ изящнаго, но особенно онъ восторгался готической архитектурой, какъ это видно изъ его статьи: „Объ архитектурѣ нынѣшняго времени". По возвращеніи въ Петербургъ, при его живомъ интересѣ къ искусству, онъ, конечно, нерѣдко посѣщалъ Эрмитажъ и выставки академіи художествъ и, наконецъ, въ свободное время поспѣшилъ воспользоваться возможностью продолжать свои любимыя занятія живописью. Общая страсть скоро сблизила его съ петербургскими художниками. Хотя отношенія Гоголя въ этой сферѣ намъ неизвѣстны, за исключеніемъ развѣ знакомства его съ Брюлловымъ, и, можетъ быть, даже ни съ кѣмъ изъ художниковъ Гоголь не былъ связанъ особой пріязнью, но сочувствіе его этой горсти честныхъ тружениковъ, поклонниковъ искусства, скромно уединившихся въ своихъ бѣдныхъ студіяхъ отъ бѣшеной суеты многолюдной столицы,—не подлежитъ сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ кругъ этотъ былъ достаточно извѣстенъ Гоголю и онъ относился къ нему совершенно иначе, нежели къ прозаической толпѣ петербургскихъ чиновниковъ, полицейскихъ и военныхъ.

Лѣтомъ 1830 года Гоголь по три раза въ недѣлю отправлялся въ пять часовъ вечера въ академію художествъ для занятій живописью и оставался тамъ часа два. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ знакомства съ міромъ художниковъ, были таковы: „Не говоря уже объ ихъ талантѣ,—писалъ Гоголь матери:—нельзя отказаться отъ нихъ навѣки! Какая скромность при величайшемъ талантѣ! Объ чинахъ и въ поминѣ нѣтъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ статскіе и даже дѣйствительные статскіе совѣтники". Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣ времена это что-нибудь значило. Такое же выгодное мнѣніе о художникахъ отразилось и въ произведеніяхъ Гоголя.

Въ „Невскомъ Проспектѣ" Гоголь даетъ подробную характеристику петербургскаго художника и его обстановки, и видно, что жизнь художника и бытъ его были ему хорошо извѣстны. „Это исключительное сословіе,—говоритъ Гоголь,—очень необыкновенное въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или купцы,

или ремесленники-нѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе—художникъ въ землѣ снѣговъ, въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сыро и туманно". При этомъ противоположеніи художниковъ почти всему остальному населенію Петербурга нѣтъ никакого сомнѣнія, на чьей сторонѣ симпатія автора, и это немедленно подтверждается дальнѣйшимъ изложеніемъ. „У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій, мутный колоритъ—неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своей работой. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и еслибы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы, вѣрно, развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ, наконецъ, изъ комнаты на чистый воздухъ".

Желая воплотить въ художественный образъ торжество суровой дѣйствительности надъ восторженной юношеской идеализаціей, Гоголь представляетъ въ „Невскомъ Проспектѣ" объяснительный образъ разукрашенной пылкимъ юношескимъ воображеніемъ прекрасной женщины какимъ-то лживымъ, обманчивымъ призракомъ, скрывающимъ за собой довольно пошлое и совсѣмъ не поэтическое содержаніе. Его собственныя прежнія горячія мечты, подъ вліяніемъ которыхъ онъ создалъ своихъ грандіозныхъ Пидорку, Ганну и Оксану, теперь, повидимому, представляются ему прекраснымъ сномъ, отъ котораго онъ пробудился, и возвращеніе къ которому болѣе невозможно. Въ „Невскомъ Проспектѣ" молодую, очаровательную своей красотой женщину ставитъ на пьедесталъ уже не авторъ, а мечтатель-художникъ, неисправимый идеалистъ, грёзы котораго не имѣютъ ровно ничего общаго съ жалкой дѣйствительностью. Художникъ Пискаревъ полнъ восторговъ безкорыстнаго юношескаго увлеченія, высоко цѣнимаго Гоголемъ: сила его впечатлительности далеко превосходитъ впечатлительность обыкновенныхъ людей. Это натура избранная. Вѣдь и его, какъ Гоголя, влекутъ къ себѣ тѣ стороны женской красоты, которыя могутъ возбуждать чисто-художественное наслажденіе. „Боже! какія божественныя черты!" восклицаетъ Пискаревъ, увидя очаровавшую его брюнетку. „Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ прекрасными, какъ агатъ, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки, тронутой свѣжимъ, тонкимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грёзъ. Все, что остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ, —все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось въ ея

гармоническихъ устахъ". Во всемъ этомъ описаніи нельзя не замѣтить чего-то общаго съ статьей Гоголя „Женщина". И здѣсь, и тамъ мы замѣчаемъ совершенно одинаковое чисто художническое благоговѣніе передъ женской красотой. Это наслажденіе, когда-то и еще не очень давно такъ близкое и родное Гоголю, теперь наблюдается имъ со стороны, какъ фантастическая утопія человѣка не отъ міра сего, настолько далекаго отъ познанія жизни, насколько самъ Гоголь въ періодъ „Вечеровъ на хуторѣ" въ этомъ отношеніи отстоялъ отъ будущаго Гоголя, творца „Миргорода" и „Арабесокъ". Впечатлительность Пискарева представлена съ необычайной яркостью; но особенно искусно изобразилъ Гоголь недовѣріе художника-идеалиста къ его собственнымъ впечатлѣніямъ, слишкомъ чудовищнымъ, слишкомъ возмутительнымъ для того, чтобы ихъ приняла чистая душа неиспорченнаго юноши. „Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты его смѣются надъ нимъ. Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, всѣ чувства его горѣли и все передъ нимъ окинулось какимъ-то туманомъ; тротуаръ несся подъ нимъ, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему на встрѣчу, и алебарда часового, вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ". Гоголь, очевидно, имѣлъ намѣреніе выразить въ своемъ героѣ не просто пылкій порывъ обыкновеннаго юноши, но исключительный идеализмъ высшей натуры. Поэтому въ Пискаревѣ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть не копію, основанную на наблюденіи надъ другими, а скорѣе отраженіе собственнаго былого очарованія. Пискаревъ „не чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти,—нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышущій *неопредѣленной духовной потребностью любви*". Эту „духовную потребность любви", какъ извѣстно, всего лучше удалось Гоголю изобразить въ Андріи, одной изъ самыхъ привлекательныхъ и поэтическихъ личностей въ его произведеніяхъ. Гоголь, въ силу своей южной натуры, всегда представлялъ себѣ любовь пламенною, готовою сразу и безъ сожалѣнія пожертвовать всѣмъ, все поставить на карту. Передъ такой любовью не устоитъ ничего; все самое священное въ мірѣ готовъ за нее отдать человѣкъ, и отдать безъ малѣйшаго колебанія. Такъ Андрій говоритъ у него: „А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?" и пр., и послѣ этого

авторъ патетически прибавляетъ: „И погибъ казакъ! пропалъ для всего казацкаго рыцарства!“ Такая любовь, горячая, безумная, страстная, по представленію Гоголя можетъ вести только къ гибели, и дѣйствительно, она является у Гоголя исключительно источникомъ страданій, началомъ паденія, ведущаго къ смерти физической и духовной. Въ одномъ письмѣ къ Данилевскому Гоголь называетъ это чувство „сильнымъ и свирѣпымъ энтузіазмомъ, потрясающимъ надолго весь организмъ человѣка“. Про себя Гоголь говоритъ Данилевскому, что онъ, благодаря судьбѣ, любви не испыталъ. „Я потому говорю *благодаря*,—прибавляетъ онъ въ поясненіе, — что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе“.

Женщина въ дѣйствительности и въ мечтѣ неиспорченнаго юноши—по нынѣшнему мнѣнію Гоголя—два разныхъ существа, нисколько не похожія другъ на друга. И вотъ Гоголь, вслѣдъ за изображеніемъ чистой страсти идеалиста, рисуетъ, можетъ быть, съ цѣлью произвести особенно потрясающее впечатлѣніе ужаснымъ контрастомъ, презрѣнный притонъ разврата и, не удовлетворяясь этимъ, заставляетъ своего героя вторично вернуться туда, чтобы предложить несчастной жертвѣ соблазна руку помощи и воскресить ее къ новой разумной жизни, но вмѣсто того испытать убійственное поруганіе надъ своимъ святымъ чувствомъ. Это поразительное сопоставленіе чистаго энтузіазма съ мертвящею пошлостью ясно указываетъ на совершившійся въ Гоголѣ со времени „Вечеровъ“ нравственный переворотъ, послѣ котораго въ мірѣ Божіемъ, представлявшемся ему чуднымъ художественнымъ созданіемъ, отъ него уже не были скрыты многочисленные, встрѣчающіеся въ немъ, язвы и изъяны. Мысль Гоголя не можетъ легко мириться съ тѣмъ поруганіемъ женщины, которое хладнокровно и съ спокойной совѣстью совершается въ жизни на каждомъ шагу. Въ этомъ случаѣ въ немъ говоритъ чуткая душа художника. „Въ самомъ дѣлѣ,—писалъ онъ,—никакая жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжная... Она только съ одной непорочностью и чистотой сливается въ нашей мысли“. И въ самомъ дѣлѣ, въ „Вечерахъ на хуторѣ“ образы Параски, Пидорки, Ганны и Оксаны свободны отъ всего пошлаго, отъ какого-либо представленія о грязномъ развратѣ. Гоголь отъ глубины души возмущался тѣмъ, что „женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое-то странное, двусмысленное существо“; но въ то же время неумолимый анализъ заставлялъ

его видѣть въ этомъ своемъ прежнемъ кумирѣ такія черты, которыя разрушили все прежнее обаяніе („Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло“). Мечта художника ставитъ ужаснувшую его своимъ позоромъ женщину въ различныя положенія: она представляется ему то въ мирной семейной сферѣ, то въ обществѣ и рисуется въ такихъ привлекательныхъ образахъ, которые создаетъ его сладостная поэтическая грёза, но увы! эта женщина-идеалъ является не въ дѣйствительности, но въ прекрасномъ и мгновенномъ сновидѣніи мечтателя... Пискаревъ видитъ цѣлый рядъ сновъ, и въ каждомъ изъ нихъ женщина увѣнчана ореоломъ обаянія и высочайшей нравственной красоты, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она является слишкомъ обыденнымъ существомъ, а въ „Невскомъ Проспектѣ“—даже презрѣнной жертвой разврата. Чѣмъ болѣе въ представленіи Гоголя женщина лишалась чудной поэтической окраски, тѣмъ болѣе ее украшала его *мечта* лаврами недосягаемаго физическаго и нравственнаго совершенства.

VIII.

Другую, болѣе широкую идею хотѣлъ выразить Гоголь въ „Невскомъ Проспектѣ“,—печальную идею о торжествѣ въ жизни начала пошлаго надъ возвышеннымъ, благороднымъ и честнымъ. Это горькое убѣжденіе, вынесенное авторомъ изъ тяжелаго опыта жизни, проявляется различнымъ образомъ, но съ одинаковой силой, въ „Портретѣ“ и „Невскомъ Проспектѣ“. Въ послѣднемъ Гоголь, очевидно, хотѣлъ выразить, какъ свои мысли объ искусствѣ и о томъ, какъ слѣдуетъ служить ему, такъ и показать гибельное столкновеніе между пошлостью свѣта и самыми прекрасными, самыми святыми идеалами юноши-художника.

Въ исправленной редакціи остается та же мысль, что̀ и въ первоначальной, но существенно измѣнены нѣкоторыя, впрочемъ довольно важныя, подробности. Такъ самый портретъ въ первоначальной редакціи имѣетъ мистическое значеніе, аналогичное съ тѣмъ, которое приписывается обыкновенно сверхъестественной силѣ; этотъ страшный, демоническій ростовщикъ исполняетъ здѣсь назначеніе обольстителя, развращающаго молодого человѣка приманками богатства и почестей. Въ исправленной редакціи смыслъ въ этомъ отношеніи значительно измѣненъ: портретъ служитъ тамъ единственно механическимъ источникомъ обогащенія, не развратившимъ неопытнаго художника, но только давшимъ ему случай и

возможность пойти по той дорогѣ, о которой онъ мечталъ и раньше. Отсюда замѣтное различіе въ подробностяхъ: въ самомъ началѣ повѣсти, оставшемся почти безъ измѣненій въ исправленномъ изданіи, о Чертковѣ сказано: „Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду, и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодежи". Въ этомъ изображеніи мы можемъ узнать отголосокъ мнѣнія Гоголя о художникахъ-идеалистахъ, о которыхъ онъ такъ сочувственно отозвался въ письмѣ къ матери. Въ исправленномъ изданіи эти строки удержаны вполнѣ, хотя съ ослабленіемъ въ немъ, подъ вліяніемъ указаній критики, фантастическаго элемента: вступленіе художника на скользкій путь моднаго живописца главнымъ образомъ объясняется уже задатками его собственной натуры, въ которой именно весьма сильно естественное желаніе юноши широко пользоваться жизнью. Какъ бы забывая о приведенныхъ выше строкахъ, цѣликомъ внесенныхъ изъ первоначальнаго эскиза повѣсти, Гоголь далѣе говоритъ: „Иногда нашъ художникъ, точно, хотѣлъ кутнуть, *щегольнуть*, — словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость, *но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами* онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна". Но все это и тотчасъ слѣдующее затѣмъ мѣсто, внесенное Гоголемъ въ позднѣйшую редакцію, уже существенно измѣняетъ самую постановку вопроса, и намъ кажется, что, строго говоря, слова: „Чертковъ *съ самоотверженіемъ былъ преданъ своему труду* и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ", въ позднѣйшей редакціи не вполнѣ соглашены съ послѣдующимъ изложеніемъ. По крайней мѣрѣ тамъ, только-что получивъ чудесно доставшіяся ему деньги, Чертковъ немедленно спѣшитъ ихъ употребить прежде всего на свой костюмъ, о которомъ, надо полагать, онъ не слишкомъ мало заботился, если, получивъ деньги, онъ тотчасъ же устремился накупить духовъ, помады да „купилъ *нечаянно* въ магазинѣ дорогой лорнетъ, *нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ шейныхъ платковъ, болѣе чѣмъ было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны*" и проч. Гоголь даже прямо говоритъ въ исправленной редакціи: „*Прежде всего* зашелъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать себя безпрестанно". Ниже мы укажемъ причину, вслѣдствіе которой, по нашему мнѣнію, Гоголь допустилъ эти перемѣны; теперь отмѣтимъ только, что въ первоначальной редакціи, напротивъ, *ничего* не говорится

о страсти Черткова къ нарядамъ. Тамъ Гоголь хотѣлъ изобразить въ немъ только столь сочувственную ему прыть молодого человѣка, о которомъ онъ выражается такъ: „Нѣсколько червонцевъ въ карманѣ—и что̀ не во власти исполненной силъ юности. Притомъ русскій человѣкъ, *а особливо дворянинъ или художникъ*, имѣетъ странное свойство: какъ только завелся у него въ карманѣ грошъ—ему все трынъ-трава и море по колѣна". Въ устахъ Гоголя послѣднія слова имѣютъ сочувственное значеніе, и въ этой „широтѣ натуры" онъ не могъ отказать симпатичному для него типу художника. Зато въ исправленной редакціи нѣтъ уже этой поэтической стороны, а выставлена вмѣсто нея, безъ сомнѣнія осуждаемая авторомъ, пошлость: „Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выраженію—„чорту не братъ". Прошелся по тротуару гоголемъ, *наводя на всѣхъ лорнетъ*. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и *шмыгнулъ лихо мимо его*, какъ бы не замѣтивъ его вовсе", и проч. Итакъ, въ позднѣйшей редакціи Чертковъ представленъ уже далеко не такимъ самоотверженнымъ, служащимъ только возвышеннымъ идеаламъ художникомъ, но, напротивъ, такимъ, въ которомъ сильно борются готовность служить Богу и мамонѣ, пока, наконецъ, не одерживаетъ верхъ послѣдняя. Недаромъ въ исправленной редакціи введено лицо профессора, который давно замѣчалъ въ Чертковѣ наклонность къ щегольству и опасался за гибель его таланта. „Берегись, тебя ужъ начинаетъ свѣтъ *тянуть*; ужъ, я вижу, *у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ*".

Мы останавливаемся на этихъ мелочахъ съ тѣмъ, чтобы указать нѣкоторыя соображенія, дающія ключъ къ объясненію перемѣнъ, сдѣланныхъ Гоголемъ въ позднѣйшей редакціи повѣсти. Такъ отмѣченная нами перемѣна, пока совершенно внѣшняя, какъ намъ кажется, объясняется притокомъ новыхъ впечатлѣній, испытанныхъ Гоголемъ въ Римѣ, гдѣ онъ, кромѣ извѣстнаго Иванова и немногихъ другихъ, встрѣчалъ преимущественно глубоко несимпатичныхъ ему, мало развитыхъ, но чрезмѣрно самонадѣянныхъ русскихъ художниковъ, пансіонеровъ академіи художествъ. Слѣды этихъ новыхъ впечатлѣній сильно замѣтны въ повѣсти: въ самомъ дѣлѣ, все мѣсто, въ которомъ Гоголь говоритъ о художественныхъ сужденіяхъ юнаго Черткова, о непониманіи имъ Рафаэля, хотя онъ увлекался Гвидо и Тиціаномъ—все это было результатомъ позднѣйшаго близкаго знакомства Гоголя съ великими мастерами Италіи и съ сужденіями о нихъ жившихъ въ Римѣ художниковъ. Между прочимъ удержана одна черта, списанная

съ натуры: разбогатѣвшій и вошедшій въ славу Чертковъ отзывается съ презрѣніемъ о предшественникахъ Рафаэля, которые будто бы писали „не фигуры, а селедки". По свидѣтельству О. Н. Смирновой, эти именно слова принадлежали одному изъ художниковъ, жившихъ въ Римѣ; кромѣ того есть и въ перепискѣ Гоголя явные слѣды его презрѣнія къ ихъ неосновательному самомнѣнію. „Ты спрашиваешь о художникахъ русскихъ,—писалъ онъ Данилевскому:—Я, право, ихъ почти не вижу. А Дурнова твоего если гдѣ увижу, право, тошнитъ. Что̀ за народъ! Каневскій, Никитинъ, Ефимовъ, ужасъ какая тоска! И всякій изъ нихъ увѣренъ отъ души, что имѣетъ много таланту". Или: „Дурновъ мнѣ надоѣлъ страшнымъ образомъ тѣмъ, что ругаетъ совершенно наповалъ все, что̀ ни находится въ Римѣ"...

Мы сказали, что въ гибели Черткова есть несомнѣнное сходство съ гибелью Пискарева: и въ томъ, и въ другомъ идеализмъ не выдерживаетъ роковой встрѣчи съ развращающимъ свѣтомъ. Но кромѣ этого Гоголь имѣлъ въ виду въ „Портретѣ" при случаѣ высказать свои взгляды объ искусствѣ. Взгляды эти съ теченіемъ времени частью уяснились и расширились, частью измѣнились. Въ этомъ исправленная редакція уже замѣтно и существенно отличается отъ первоначальной. Въ послѣдней Гоголь хотѣлъ высказать, во-первыхъ, что истинный жрецъ искусства долженъ ставить служеніе ему выше всякихъ земныхъ соблазновъ и обольщеній, что только тѣ таланты могутъ найти истинную дорогу, которые стойко выдержатъ всѣ жизненныя испытанія, что все, что̀ кажется такимъ естественнымъ и вылившимся прямо изъ души художника, повидимому доставшееся ему безъ труда, въ сущности требуетъ упорныхъ и самоотверженныхъ усилій, что художникъ не можетъ пренебречь своимъ талантомъ безъ угрызеній совѣсти, такъ какъ на немъ лежитъ серьезная нравственная отвѣтственность, наконецъ, что въ искусствѣ существуетъ извѣстный предѣлъ въ приближеніи художника къ дѣйствительности, перейдя который, по мнѣнію Гоголя, онъ уже перестаетъ создавать достойные его кисти образы и впадаетъ въ посредственность. „Какая странная, какая непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства, и черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вызываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность,—та ужасная дѣйствительность, на кото-

рую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то посторроннимъ толчкомъ,—та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ея тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? Или черезъ-чуръ близкое подражаніе природѣ такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее черезъ-чуръ сладкій вкусъ". Эти мысли въ исправленномъ изданіи перенесены въ измѣненномъ видѣ во вторую часть повѣсти, гдѣ онѣ высказаны устами самого художника, написавшаго портретъ и признавшагося потомъ сыну, что онъ былъ „бездушно вѣренъ природѣ", вслѣдствіе чего приведенное выше разсужденіе автора въ первой части совершенно опущено. Со временемъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни писателя и особенно толковъ, возбужденныхъ выходомъ въ свѣтъ „Ревизора", эта идея получила дальнѣйшее развитіе, и тогда начали постепенно выработываться позднѣйшіе взгляды Гоголя на творчество, выраженные имъ въ „Мертвыхъ Душахъ", „Развязкѣ Ревизора" и „Театральномъ Разъѣздѣ", гдѣ Гоголь разъясняетъ значеніе „презрѣннаго и ничтожнаго" въ творчествѣ и „неизмѣримую пропасть между созданіемъ и простой копіей съ природы". Но это сличеніе уже сдѣлано Н. С. Тихонравовымъ въ его прекрасныхъ и обстоятельныхъ примѣчаніяхъ.

Укажемъ еще нѣсколько отличій первоначальнаго текста отъ исправленнаго. Желая, согласно указаніямъ критики, ослабить фантастическій элементъ повѣсти, Гоголь сглаживаетъ между прочимъ случайность въ самомъ нахожденіи чудеснаго портрета въ мелкой картинной лавочкѣ. Исправленная редакція, въ противоположность первоначальной, заботясь почти всюду устранить сверхъестественное сцѣпленіе происшествій, какъ бы заранѣе предупреждаетъ читателя о возможности подобной находки размышленіемъ Черткова („Художникъ думалъ втайнѣ: „Авось что-нибудь и отыщется". Онъ *не разъ слышалъ разсказы* о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцовъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ"). Соотвѣтственно этому также въ исправленной редакціи читаемъ дальше такія строки: „Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками" и проч. Затѣмъ совершенно выпущенъ разсказъ объ импровизированномъ аукціонѣ въ картинной лавочкѣ между Чертковымъ и его неожиданнымъ соперникомъ, но онъ замѣненъ сходнымъ описаніемъ во второй части (послѣ словъ: „Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ"). Зато внесено вновь изображеніе чувствъ и размышленій худож-

ника послѣ неожиданной для него самого покупки портрета, описаніе лѣстницы, „облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ“, всей обстановки Черткова и проч. Нѣкоторыя изъ этихъ подробностей въ сходномъ видѣ встрѣчались уже въ другихъ повѣстяхъ, написанныхъ не позже исправленной редакціи, напр. описаніе черной лѣстницы въ „Шинели“, также разговоръ Черткова съ слугой напоминаетъ отчасти сходныя сцены въ „Женитьбѣ“ и „Игрокахъ“ (Гоголь, напримѣръ, чрезвычайно удачно схватилъ обычный характеръ отвѣтовъ многихъ слугъ съ ихъ равнодушнымъ лаконизмомъ и привычкой объявлять о самомъ важномъ только въ концѣ доклада, и проч.). Фантастическое появленіе изображеннаго на портретѣ Петромихали передъ кроватью Черткова въ позднѣйшей редакціи замѣнено мастерскимъ изображеніемъ сна послѣдняго (въ первоначальномъ эскизѣ фантастическій элементъ введенъ сознательно и намѣренно). Этотъ безсвязный, тревожный сонъ, какъ извѣстно, смѣняется непріятнымъ пробужденіемъ, и смѣна грёзъ впечатлѣніями дѣйствительности нарисована чрезвычайно живо, но особенно замѣчательно изображеніе свѣта луны, „несущаго съ собой бредъ мечты и облекающаго все въ иные образы, противоположные положительному дню“. Въ „Невскомъ Проспектѣ“, написанномъ около того же времени, находимъ сходныя описанія („Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, миріады каретъ валятся съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, *и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ*“). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позднѣйшая редакція представляетъ просто распространеніе или сокращеніе первоначальной. Такъ слова: „какое-то дикое чувство, не страхъ, но то неизъяснимое ощущеніе, которое мы чувствуемъ при появленіи странности, представляющей безпорядокъ природы,—это самое чувство заставило вскрикнуть почти всѣхъ“ (при взглядѣ на портретъ)—замѣнены описаніемъ испуга женщины, воскликнувшей: „глядитъ! глядитъ!“

Вторая часть „Портрета“ въ исправленной редакціи немногимъ отличается отъ первоначальной; только въ началѣ, когда неизвѣстный художникъ приступаетъ къ разсказу объ исторіи портрета, по первоначальной редакціи, „аукціонъ еще не начинался“, а въ исправленной, напротивъ, послѣ того какъ въ первой части была выпущена сцена импровизированнаго аукціона

въ лавочкѣ на Щукиномъ дворѣ, представилась возможность перенести ее въ измѣненномъ видѣ во вторую часть.

Описаніе Коломны является въ повѣсти явно эпизодической частью, въ сущности даже мало связанной съ главнымъ изложеніемъ, чтѣ невольно наводитъ на мысль, не составляло ли оно первоначально отдѣльный отрывокъ, подобно тому, какъ другіе такіе же отрывки представляются намъ въ описаніи Невскаго проспекта въ началѣ повѣсти этого названія и въ позднѣйшей сравнительной характеристикѣ Москвы и Петербурга. Фактъ внесенія этого эпизода въ повѣсть и притомъ именно въ разсказъ неизвѣстнаго художника представляетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторую натяжку со стороны автора. На это отчасти указываютъ слова художника: „*Я для того привелъ это*, чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи". Такая характеристика, какъ напр.: „Тутъ совершенно другой свѣтъ, и, въѣхавши въ уединенныя коломенскія улицы, вы, кажется, слышите, какъ оставляютъ васъ всѣ молодые желанія и порывы. Здѣсь все тишина и отставка. Здѣсь все, чтѣ осѣло отъ движенія столицы",—имѣетъ себѣ соотвѣтствующее мѣсто въ характеристикѣ Невскаго проспекта. („Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ", и проч.). Весьма возможно, что Гоголь сначала имѣлъ въ виду представить живую характеристику разныхъ частей Петербурга и связать ихъ потомъ въ одну яркую картину, но послѣ оставилъ эту мысль и воспользовался начатымъ матеріаломъ для новыхъ повѣстей. Иначе къ чему бы предлагать нетерпѣливо ожидающимъ разсказа слушателямъ обстоятельную характеристику той части города, которая едва-ли можетъ быть совершенно неизвѣстна петербуржцу, хотя Гоголь и заставилъ разсказчика начать такъ: „*Безъ сомнѣнія, немногимъ изъ васъ хорошо извѣстна* та часть города, которую называютъ Коломной". Замѣчательно притомъ, что въ исправленной редакціи разсказчикъ говоритъ напротивъ: „*Вамъ извѣстна та часть города*"... Укажемъ еще нѣсколько сходныхъ чертъ въ „Портретѣ" и „Невскомъ Проспектѣ" съ другими произведеніями Гоголя.

Подобно разнымъ бѣсовскимъ подаркамъ въ „Вечерахъ на хуторѣ", и волшебный портретъ въ повѣсти этого названія не погибаетъ, когда его хотятъ истребить; такъ, когда отецъ разсказчика бросилъ его въ огонь, то портретъ вскорѣ снова очутился передъ нимъ (см. первонач. редакцію); точно также портретъ причиняетъ неисчислимый вредъ всѣмъ, кому попадетъ въ руки. Здѣсь,

наконецъ, въ заключеніи повѣсти уже сказались задатки будущаго религіозно-мистическаго настроенія Гоголя: онъ прямо утверждалъ, что „въ отвратительныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣсовское чувство", и есть такія патетическія восклицанія, какъ напр. „Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству!" Отмѣтимъ еще, что въ исправленной редакціи есть также весьма любопытныя строки, представляющія намекъ на гоненія литературы и искусствъ послѣ паники, наступавшей въ разныя времена вслѣдъ за революціями, и по этому поводу въ разсказѣ появляется мимоходомъ, какъ и въ прежнихъ повѣстяхъ, личность императрицы Екатерины Второй („Во всѣхъ сочиненіяхъ вельможа сталъ видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово. Тогда на бѣду случилась французская революція"... „Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія благородныя движенія души" и проч.).

Изъ петербургскихъ типовъ, надъ изображеніемъ которыхъ всего охотнѣе работала фантазія Гоголя въ первые годы его жизни въ столицѣ, можно отмѣтить прежде всего типъ пустого, самодовольнаго фата, занятаго собой и своими успѣхами или положеніемъ въ обществѣ. Таковы поручикъ Пироговъ въ „Невскомъ Проспектѣ" и маіоръ Ковалевъ въ „Носѣ" (позднѣе—Собачкинъ и наконецъ Хлестаковъ); типъ ремесленника (Иванъ Яковлевичъ въ „Носѣ" и Петровичъ въ „Шинели"); наконецъ типъ недобросовѣстнаго и небрежнаго полицейскаго, который, вмѣсто того, чтобы оказать должное содѣйствіе прибѣгающимъ къ его помощи, дѣйствуетъ уклончиво и, обращая вниманіе на постороннія дѣлу обстоятельства, не скупится на дерзкіе упреки (такъ маіору Ковалеву частный, почти не выслушавъ его, заявляетъ, что „у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа"; Акакію Акакіевичу частный не только не показалъ никакого участія, но еще пустился разспрашивать, зачѣмъ онъ поздно воротился и не былъ ли въ непорядочномъ домѣ, а будочникъ, видѣвшій, какъ его грабили, хладнокровно отвѣтилъ, что онъ думалъ, что его остановили пріятели).

Въ заключеніе отмѣтимъ въ „Портретѣ", „Невскомъ Проспектѣ" и „Носѣ" нѣкоторые пріемы, впервые появившіеся теперь у Гоголя, но повторявшіеся въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Такова восклицательная форма рѣчи въ юмористическихъ описаніяхъ, встрѣчающаяся также въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" (напр.: „Создатель, какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ!" „Боже, какія есть прекрасныя должности и службы!

какъ онѣ возвышаютъ и услаждаютъ душу!" „А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ!" Ср. въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ": „Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!"). Въ „Портретѣ" хвастовство важными знакомыми домохозяина, у котораго нанималъ квартиру Чертковъ, напоминаетъ такое же хвастовство маіора Ковалева въ „Носѣ". Въ „Невскомъ Проспектѣ" находимъ также пріемы, встрѣчающіеся позднѣе въ „Мертвыхъ Душахъ"; напр. въ перечисленіяхъ: „Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой—греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая—пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый—перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая — ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой—галстухъ, возбуждающій удивленіе, осьмой—усы, повергающіе въ изумленіе" и проч. Ср. въ „Мертвыхъ Душахъ": „У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтись на гуляньѣ съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой ужъ одаренъ такой рукой, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу и двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ" и проч.

IX.

Лѣтомъ 1832 года въ жизни Гоголя произошли два довольно крупныхъ событія: во-первыхъ, возвращеніе на родину послѣ долгой отлучки и, во-вторыхъ, начало знакомства съ цѣлымъ рядомъ близкихъ ему впослѣдствіи московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Въ числѣ послѣднихъ Гоголю удалось въ короткое время сблизиться особенно съ Погодинымъ, Максимовичемъ и Щепкинымъ.

Біографу Погодина предстоитъ, преимущественно на основаніи дневника послѣдняго, выяснить подробности и окончательно установить даты ихъ первыхъ свиданій. Пока несомнѣнно одно, —

что ихъ сближеніе въ значительной степени было обусловлено отношеніями къ Погодину Пушкина, а можетъ быть, и Максимовича. Кромѣ того, еще раньше, независимо отъ этихъ отношеній, оно было подготовлено искреннимъ благоговѣніемъ Гоголя передъ Погодинымъ, которое выразилось въ фактѣ поднесенія ему и Плетневу incognito по экземпляру „Ганца Кюхельгартена". По свидѣтельству С. Т. Аксакова, вскорѣ по выходѣ „Вечеровъ на хуторѣ" Погодинъ былъ въ Петербургѣ и узналъ настоящее имя автора. Видѣлся ли онъ въ это время съ Гоголемъ, мы не знаемъ положительно; но это болѣе чѣмъ вѣроятно, въ виду необычайно быстраго и тѣснаго ихъ сближенія въ короткій, приблизительно трехнедѣльный, срокъ пребыванія Гоголя въ Москвѣ во второй половинѣ іюня и началѣ іюля 1832 г. Отношенія ихъ успѣли тогда достигнуть той степени короткости, при которой они съ полнымъ основаніемъ могли быть названы пріятельскими. Самая остановка Гоголя въ Москвѣ проѣздомъ въ деревню едва-ли имѣла цѣлью одно пріобрѣтеніе литературныхъ знакомствъ, но скорѣе также свиданіе съ людьми, уже прежде извѣстными ему.

Поѣздка въ Малороссію была совершенно импровизированная. Гоголь по обыкновенію съ начала весны сильно тосковалъ въ Петербургѣ, томился отъ постоянныхъ дождей и сырости, съ сожалѣніемъ вспоминалъ роскошь малороссійской природы, но все-таки крѣпился и вовсе не думалъ ѣхать на родину. Въ одномъ изъ писемъ къ матери, всегда нетерпѣливо желавшей его видѣть, онъ говоритъ, напротивъ, о своемъ предположеніи, лишь только установится сносная погода, переѣхать на дачу. Дача была дѣйствительно нанята, но примѣръ товарищей-нѣжинцевъ, „потянувшихся на лѣто въ Малороссію", соблазнилъ Гоголя. Къ крайнему изумленію своего сосѣда по дачѣ, Половинкина, Гоголь однажды неожиданно исчезъ съ только-что нанятой дачи, возмутившись восьмиградусной температурой въ самую лучшую пору лѣта. Рѣшеніе и сборы были быстрые, и вотъ Гоголь съ своимъ нѣжинскимъ товарищемъ Божко двинулся въ давно манившій путь.

Но вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Малороссію, онъ засѣлъ въ Москвѣ и вскорѣ писалъ оттуда матери: „Я теперь не увѣренъ, буду ли у васъ или нѣтъ, потому что срокъ моего отпуска недалекъ до своего окончанія и мнѣ нужно будетъ поспѣшить въ Петербургъ". Что же удерживало его въ Москвѣ? Очевидно, кромѣ случившагося съ нимъ нездоровья, его новыя отношенія къ названнымъ выше лицамъ. Гоголь язвительно напоминалъ со временемъ Погодину, что начало дружбы было положено послѣднимъ, который прежде началъ говорить ему „ты"; но какъ бы

то ни было, у Погодина ему пожилось недурно и письма, непосредственно слѣдующія за разлукой, показываютъ, что онъ былъ принятъ москвичами съ большимъ радушіемъ. Не только дружески-непринужденный и развязный тонъ этихъ писемъ, но и необычайная для Гоголя откровенность не оставляютъ въ томъ сомнѣнія. Своему новому пріятелю Гоголь говоритъ уже о непрактичности матери и разстройствѣ имѣнія, и даже поручаетъ ему продажу „Вечеровъ на хуторѣ“. Самыя жалобы на утомительную дорогу, на свое нездоровье и соблазнительный урожай фруктовъ, на шарлатанство и разногласіе докторовъ являются несомнѣннымъ доказательствомъ установившейся между ними короткости, которая доказывается и тѣмъ, что на обратномъ пути изъ Малороссіи Гоголь снова заѣзжалъ въ Москву, а по пріѣздѣ въ Петербургъ его вскорѣ снова тянетъ туда и онъ жалѣетъ, что „не можетъ пріѣхать такъ скоро, какъ бы хотѣлось“.

Подробности знакомства Гоголя съ Максимовичемъ намъ меньше извѣстны; но между ними несомнѣнно существовало уже съ самаго начала то крѣпкое духовное родство, которое было основано на общей имъ страсти къ Украйнѣ и ея глубоко-поэтическимъ пѣснямъ. Но видѣлись они въ это время слишкомъ мало, на что жалуется Гоголь, говоря: „не досталось намъ ни покалякать о томъ, о семъ, ни помолчать глядя другъ на друга“. Несмотря на то, Гоголь тотчасъ вызвался помогать Максимовичу собственнымъ участіемъ въ собираніи пѣсенъ и изданіе ихъ считаетъ общимъ дѣломъ съ своимъ пріятелемъ. Онъ мечтаетъ о скоромъ свиданіи съ нимъ въ Петербургѣ, пересылаетъ ему записанныя пѣсни, а вскорѣ эта близость и сходные интересы привели ихъ обоихъ къ мысли занять вмѣстѣ профессорскія каѳедры въ Кіевѣ.

Съ Щепкинымъ Гоголь сразу сталъ на самую дружескую ногу. Поводомъ и ближайшей причиной знакомства было, конечно, то, что мысли Гоголя были устремлены во время его пріѣзда въ Москву на созданіе комедіи. Для этой цѣли онъ предположилъ побывать у Загоскина и, конечно, не могъ не остановиться на мысли о бесѣдѣ съ Щепкинымъ. Но кромѣ чувства національной симпатіи, его отношенія къ знаменитому московскому артисту опредѣлялись и глубокимъ довѣріемъ къ его опытности, уму и таланту. Какъ непохожи эти два его визита, къ Загоскину и Щепкину! Посредникомъ для знакомства съ Загоскинымъ Гоголь намѣтилъ близкаго къ нему С. Т. Аксакова. Введенный къ послѣднему Погодинымъ, онъ смотрѣлъ на него только какъ на средство, какъ на человѣка, который можетъ быть въ дан-

номъ случаѣ полезенъ, но вообще интереса не представляетъ. Молодому Константину Аксакову и всѣмъ другимъ присутствовавшимъ при первомъ визитѣ Гоголя, онъ показался высокомѣрнымъ и небрежнымъ. На восторженныя привѣтствія и на комплименты его сочиненіямъ Гоголь отвѣчалъ холодно и отнесся къ нимъ съ недовѣріемъ, но почти тотчасъ условился съ хозяиномъ относительно совмѣстнаго посѣщенія Загоскина. Такой же дѣловой характеръ имѣло и это свиданіе, хотя ни Аксаковъ, ни Загоскинъ не замѣтили этого, а первый по своей добротѣ и дѣтскому довѣрію къ людямъ,—несмотря на общія увѣренія въ противномъ,—остался при своемъ убѣжденіи, что подозрѣваемой въ Гоголѣ натянутости совсѣмъ и не было и что это только такъ показалось. Аксаковъ не догадался о своей роли даже и тогда, когда Гоголь и во второй приходъ къ нему снова попросилъ его отправиться вмѣстѣ къ Загоскину; онъ уловилъ сразу въ Гоголѣ „что-то плутоватое", но это было только теоретическое наблюденіе. Личностью Загоскина Гоголь также не былъ нисколько заинтересованъ, но Загоскинъ былъ ему нуженъ, а тому, въ свою очередь, льстило вниманіе восходящаго литературнаго свѣтила. Гоголь же совсѣмъ и не стѣснялся съ нимъ: въ его кабинетѣ онъ не былъ разговорчивъ и послѣ небольшого промежутка, требуемаго приличіемъ, спѣшилъ распроститься съ любезнымъ хозяиномъ, наивно расточавшимъ передъ нимъ неудержимые потоки словъ. Во время бесѣды Гоголь безцеремонно обращался къ разсматриванію книжныхъ шкафовъ, что̀, впрочемъ, не охлаждало Загоскина, а только поощряло его репетиловскую словоохотливость. Все это было со стороны совершенно ясно Аксакову, который былъ потомъ пораженъ тѣмъ, какъ однимъ взглядомъ Гоголь съумѣлъ оцѣнить невинную суетливость Загоскина, и еще болѣе былъ пораженъ тонкими и основательными его сужденіями о комедіи. Такія воспоминанія, какъ Аксакова, человѣка добросовѣстнаго и вполнѣ интеллигентнаго, драгоцѣнны. Но увы! умный, наблюдательный, онъ при своей голубиной чистотѣ оказался слишкомъ простымъ передъ Гоголемъ!...

Теперь приведемъ не менѣе любопытный разсказъ Аѳанасьева: „М. С. Щепкинъ и его записки", о первомъ посѣщеніи Щепкина Гоголемъ.

„Гоголь, желая видѣть знаменитаго артиста, явился къ нему въ домъ и засталъ многочисленное его семейство за обѣдомъ. Онъ вошелъ въ залу съ этими словами малороссійской пѣсни:

Ходыть гарбузъ по городу,
Пытаетця свого роду:
Чи вы живы, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы?

„Онъ бывалъ шутливо веселъ, любилъ вкусно и плотно покушать и нерѣдко бесѣды его съ Михаиломъ Семеновичемъ склонялись на исчисленіе и разборъ различныхъ малороссійскихъ кушаньевъ. Винамъ онъ давалъ названія *квартальнаго* и *городничаго*, какъ добрыхъ распорядителей, устрояющихъ и приводящихъ въ набитомъ желудкѣ все въ должный порядокъ, а жженкѣ, потому что, зажженная, она горитъ голубымъ пламенемъ, давалъ имя Бенкендорфа. „А что?—говорилъ онъ Щепкину послѣ сытнаго обѣда:—не отправить ли теперь Бенкендорфа?“—и они вмѣстѣ приготовляли жженку и любовались ея пламенемъ“.

X.

Хотя промедленіе Гоголя въ Москвѣ было вначалѣ вынужденнымъ, но въ общемъ древняя столица оставила въ немъ пріятное воспоминаніе, и временемъ, проведеннымъ тамъ, онъ остался чрезвычайно доволенъ. Конечно, при такомъ короткомъ срокѣ онъ не могъ познакомиться со многими, которыхъ, вѣроятно, посѣтилъ бы при бо̀льшемъ досугѣ. Такъ онъ не видался съ Языковымъ, къ таланту котораго питалъ большое уваженіе. Но онъ не пропустилъ и нѣкоторыхъ литературныхъ тузовъ и счелъ своей обязанностью навѣстить маститаго старца И. И. Дмитріева, можетъ быть, принося дань почтенія его положенію и возрасту. Гоголь написалъ ему потомъ письмо, въ которомъ называлъ его „патріархомъ поэзіи“, и все оно съ начала до конца проникнуто какимъ-то обязательнымъ въ подобныхъ случаяхъ оффиціальнымъ почтеніемъ. Письмо привѣтливое, но безусловно уважительное, до такой степени, при которой исключается возможность вполнѣ искреннихъ отношеній. Пріемъ Дмитріева, очевидно, былъ очень ласковъ и даже вызвалъ скоро прекратившуюся переписку. Дмитріевъ, какъ всегда, показалъ въ полномъ блескѣ свою извѣстную въ свое время въ большомъ свѣтѣ и въ литературномъ кругѣ утонченную любезность. Любопытно при этомъ вспомнить, что въ своихъ письмахъ къ друзьямъ Гоголь нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о Дмитріевѣ, хотя часто съ искреннимъ восхищеніемъ говорилъ о Языковѣ. Но это былъ почетный визитъ; главное же значеніе имѣли для Гоголя тѣ, которые могли пригодиться

въ его будущихъ отношеніяхъ къ театру, такъ какъ, по выраженію Плетнева, „комедія вертѣлась у него въ головѣ". „Не знаю,—говорилъ Плетневъ,—разродится ли онъ ею нынѣшней зимой; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства". Въ самомъ дѣлѣ, въ противоположность прежнимъ годамъ, когда онъ посвящалъ силы исключительно сочиненіямъ повѣствовательнаго характера, теперь его мысли были сосредоточены на театрѣ. Сознавая силу своей наблюдательности, онъ стремился къ осуществленію въ комедіи своихъ поэтическихъ замысловъ. При крайней скудости данныхъ о времени созданія каждаго произведенія Гоголя, трудно остановиться на вполнѣ несомнѣнномъ заключеніи въ этомъ случаѣ; но тщательныя разысканія Н. С. Тихонравова наводятъ на предположеніе о томъ, что большинство давно начатыхъ набросковъ на время было теперь отложено Гоголемъ и явилось впослѣдствіи въ новой переработкѣ автора въ „Миргородѣ" и Арабескахъ". Въ 1833 г. онъ писалъ Максимовичу: „у меня есть сто разныхъ началъ, и ни одной повѣсти, ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха".

Притокъ пріятныхъ впечатлѣній отъ встрѣченнаго въ Москвѣ теплаго пріема въ значительной мѣрѣ ослаблялъ въ Гоголѣ мрачное настроеніе, порождаемое болѣзнью. Мнительность, никогда не оставлявшая его, рисовала самыя неутѣшительныя картины. Состояніе здоровья казалось ему плачевнымъ; онъ считалъ себя неизлечимо больнымъ и готовъ былъ совѣтоваться со всѣми докторами (такъ было по крайней мѣрѣ вскорѣ по пріѣздѣ его на родину), хотя по наружности казался свѣжимъ и здоровымъ. Къ счастью, отрекомендованный ему Погодинымъ докторъ Дядьковскій съумѣлъ внушить мнимому больному нѣкоторое довѣріе къ себѣ. Нѣсколько позднѣе, считая состояніе своего здоровья совершенно тождественнымъ съ тѣмъ, какое было у него въ Москвѣ, Гоголь жаловался на него въ такихъ выраженіяхъ: „Иногда мнѣ кажется, будто чувствую небольшую боль въ печенкѣ и спинѣ; иногда болитъ голова, немного грудь". Несмотря на все это, Гоголь велъ въ Москвѣ, должно быть, довольно дѣятельную жизнь, судя по количеству сдѣланныхъ имъ знакомствъ, въ числѣ которыхъ иныя были не совсѣмъ мимолетныя. Такъ онъ успѣлъ замѣтить въ Кирѣевскомъ, что тотъ „при его прекрасномъ умѣ слишкомъ разсѣянно, слишкомъ свѣтски проводитъ время", а обо всемъ московскомъ кружкѣ литераторовъ сообщилъ по пріѣздѣ въ Петербургъ осенью такія извѣстія, изъ которыхъ Плетневъ вывелъ заключеніе, что московскіе „литераторы, кажется, порадо-

вали его особеннымъ вниманіемъ къ его таланту". Но здѣсь не надо упускать изъ виду, впрочемъ, того обстоятельства, что Гоголь дѣлился съ Плетневымъ также и впечатлѣніями обратнаго проѣзда черезъ Москву. Съ другой стороны необходимо принять къ свѣдѣнію показаніе Плетнева, объясняющее отчасти одну изъ причинъ нѣкотораго, замѣчаемаго съ этихъ поръ, тяготѣнія Гоголя къ Москвѣ.

Но заглянемъ нѣсколько впередъ и коснемся его дальнѣйшихъ отношеній, преимущественно къ Погодину.

Вскорѣ онъ называлъ уже Погодина своимъ двойникомъ и высказывалъ увѣренность въ прочности ихъ дружбы, основанной на одинаковомъ ихъ влеченіи къ всеобщей исторіи. Былъ ли, однако, Гоголь искрененъ, когда говорилъ о своей любви къ исторіи и о намѣреніи приняться за составленіе сборника „Земля и Люди" или за многотомный трудъ о среднихъ вѣкахъ? Кажется, что онъ не столько обманывалъ другихъ, какъ обыкновенно полагаютъ, сколько обманывался самъ въ своихъ широкихъ замыслахъ. Благоговѣя передъ Пушкинымъ до обожанія и любя исторію съ школьной скамьи, онъ дѣйствительно предполагалъ-было, отчасти, можетъ быть, по слѣдамъ своего любимца-кумира, посвятить себя изученію исторіи. Мы затрудняемся принять мнѣніе покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, что своими мнимыми намѣреніями Гоголь сознательно морочилъ Погодина и Максимовича; вѣдь часто онъ не присылалъ имъ и обѣщанныхъ литературныхъ трудовъ, а ужъ въ этомъ отношеніи теперь, конечно, никто не въ правѣ подозрѣвать въ немъ хвастливаго шарлатанства. Если будущее показало, что надежда его создать геніальную комедію, о которой онъ такъ горячо говорилъ и писалъ Погодину, въ такихъ прочувствованныхъ, вдохновенныхъ строкахъ, оказалась безъ сравненія основательнѣе самоувѣренныхъ мечтаній „дернуть" исторію среднихъ вѣковъ въ девяти томахъ,—то разница эта, вѣроятно, не скоро стала очевидною для самого Гоголя. (Вѣдь не сознавалъ же онъ въ юности, что призваніе его—быть не чиновникомъ и не ученымъ, а писателемъ). Правда, лишь только рѣчь его коснется комедіи, она становится задушевной и сильной, а всѣ его ошибочныя претензіи поражаютъ только колоссальной смѣлостью; но это, безъ сомнѣнія, очевиднѣе теперь намъ, нежели ему въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Могъ ли Гоголь смотрѣть на Погодина снизу вверхъ? Не проще ли предположить, что, наоборотъ, онъ не взвѣшивалъ обѣщаній по противоположной причинѣ? Показывая большое участіе и уваженіе къ литературнымъ успѣхамъ Погодина, Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ очень не

чуждъ дипломатическаго тона и въ дружескимъ похваламъ примѣшивалъ двусмысленные восторги, тогда какъ со временемъ, при большей короткости отношеній, онъ никогда уже не впадалъ въ этотъ панегирическій тонъ, при которомъ самые упреки не могли не льстить авторскому самолюбію, но случалось, напротивъ, что заднимъ числомъ онъ высказывалъ очень невысокое мнѣніе о всей литературной дѣятельности Погодина. Съ другой стороны, напротивъ, Гоголя никогда не покидало сознаніе своего несомнѣннаго умственнаго превосходства передъ Погодинымъ, хотя бы и въ то время, когда онъ просилъ прислать лекціи, которыми хотѣлъ пользоваться въ собственныхъ университетскихъ чтеніяхъ. Притомъ, за исключеніемъ этого единственнаго случая до отъѣзда Гоголя за границу, Погодинъ гораздо больше нуждался въ Гоголѣ, нежели наоборотъ. Стòитъ только вспомнить, какъ онъ выпрашивалъ что-нибудь для „Московскаго Наблюдателя" и какія суровыя получилъ наставленія!

По выѣздѣ изъ Москвы Гоголь считалъ себя обязаннымъ за счастливое время, проведенное въ ней, благодарностью судьбѣ и по своему обыкновенію видѣлъ въ этомъ непосредственное дѣйствіе Промысла. Но выѣхалъ онъ въ дождь и слякоть и въ такую же ненастную погоду по сильно испорченной дорогѣ пришлось ему тащиться полторы недѣли въ Полтаву. Путешествіе, обыкновенно дѣйствовавшее живительнымъ образомъ на его хилый организмъ, при такихъ печальныхъ условіяхъ только разбило и измучило его. Кромѣ тряски и усталости, ему приходилось еще страдать отъ ливней и испытывать много непріятностей съ ожиданіемъ лошадей на почтовыхъ станціяхъ. Въ дорогѣ его „занимало одно только небо, которое, по мѣрѣ приближенія къ югу, становилось синѣе и синѣе". Только-что добравшись, наконецъ, до Полтавы, Гоголь немедленно пустился объѣзжать всѣхъ докторовъ, и, не найдя между ними никакого согласія, рѣшилъ держаться указаній московскаго врача Дядьковскаго. Наконецъ онъ прибылъ въ Васильевку, гдѣ увидѣлся съ домашними въ первый разъ послѣ разлуки съ ними въ концѣ 1828 г. Въ противоположность первой половинѣ мѣсяца, погода почти тотчасъ установилась превосходная, и мечты Гоголя насладиться прекраснымъ малороссійскимъ лѣтомъ вполнѣ оправдались. Теперь онъ страдалъ уже отъ собственнаго невоздержанія и отъ соблазна, вслѣдствіе необыкновеннаго изобилія фруктовъ. Срокъ отпуска скоро истекъ, но Гоголь, отчасти увлеченный деревенскимъ привольемъ въ родномъ уголкѣ, отчасти дожидаясь сестеръ, которыхъ онъ долженъ былъ везти съ собой въ Петербургъ, чтобы помѣстить ихъ въ

Патріотическій институтъ, не спѣшилъ возвращаться, хотя и писалъ москвичамъ, что не дождется срока предстоящаго ихъ свиданія. Въ деньгахъ въ это время онъ сильно нуждался, но съ крайней самоувѣренностью разсчитывалъ въ глухое лѣтнее время продать книгопродавцамъ на выгодныхъ условіяхъ „Вечера на хуторѣ“. Дѣло это онъ поручилъ-было Погодину, но, вѣроятно, требованія его показались слишкомъ неумѣренными, потому что соглашенія не состоялось. Все лѣто затѣмъ было посвящено полному отдыху, такъ что даже любимая мысль о комедіи была пока отложена совершенно; но въ планахъ на будущее недостатка не было. Говоря о продажѣ „Вечеровъ“, Гоголь надѣялся выпустить вскорѣ еще новое „дѣтище“, а кромѣ того у него „родились двѣ крѣпкія мысли о любимой наукѣ“, т.-е. объ исторіи. Въ этотъ же промежутокъ времени Гоголь, по всей вѣроятности, собиралъ матеріалъ для нѣкоторыхъ повѣстей, вошедшихъ потомъ въ составъ „Миргорода“. Н. С. Тихонравовъ склоненъ отнести къ концу 1832 года созданіе „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ, что повѣсть была написана, очевидно, подъ свѣжимъ вліяніемъ подновленныхъ впечатлѣній отъ украинской помѣщичьей среды и всей ея обстановки, тогда какъ послѣ 1832 г. Гоголь ни разу не былъ на родинѣ до 1835 г., когда уже вышелъ „Миргородъ“. Выраженіе: „ихъ лица (старосвѣтскихъ помѣщиковъ) мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и вихрѣ среди модныхъ фраковъ“—не показываетъ ли, что повѣсть эта была написана именно спустя нѣкоторое время по возвращеніи Гоголя изъ Малороссіи въ Петербургъ? Притомъ, по пріѣздѣ домой, Гоголь былъ особенно пораженъ зрѣлищемъ необычайнаго разстройства всѣхъ дѣлъ и крайней непредпріимчивостью малороссійскихъ помѣщиковъ, которыхъ „усыпилъ и облѣнивилъ“ недостатокъ сообщенія, какъ выразился онъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву. О томъ же съ жалобой и сожалѣніемъ говорилъ онъ и своимъ друзьямъ.

Замѣчательно, что Гоголь до того мучился тяжелыми мыслями о разстройствѣ хозяйства, что почти въ совершенно тождественныхъ выраженіяхъ указывалъ въ разныхъ письмахъ одновременно на прелести природы въ Малороссіи и на крайнюю запущенность въ имѣньѣ матери: очевидно, этотъ контрастъ часто напрашивался ему тогда на языкъ. Любя своихъ родныхъ и близко знакомыхъ съ дѣтства сосѣдей, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на то, какъ шли ихъ дѣла, что̀, конечно, нисколько не мѣшало теплой симпатіи къ владѣльцамъ разоренныхъ имѣній. Вотъ два отрывка изъ упомянутыхъ писемъ, показывающихъ, какъ сильно

терзали и грызли его эти неурядицы. Совсѣмъ незнакомому И. И. Дмитріеву Гоголь говорилъ: „Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лѣто! Хлѣба, фруктовъ, всего растительнаго гибель! А народъ бѣденъ, имѣнія разорены, и недоимки неоплатныя. Помѣщики видятъ теперь сами, что съ однимъ хлѣбомъ и винокуреніемъ нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинаютъ понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталовъ нѣтъ, счастливая мысль дремлетъ, наконецъ умираетъ, а они рыскаютъ съ горя за зайцами. Признаюсь, мнѣ очень грустно было смотрѣть на разстроенное имѣніе моей матери". Погодину онъ писалъ: „Остатокъ лѣта, кажется, будетъ чудо; но я, самъ не знаю отчего, удивительно равнодушенъ ко всему. Всему этому, я думаю, причина болѣзненное мое состояніе. *Притомъ же я пріѣхалъ въ имѣніе совершенно разстроенное.* Долговъ множество невыплаченныхъ. Пристаютъ со всѣхъ сторонъ, а уплатить теперь совершенная невозможность".

XI.

Гоголь возвратился домой уже не тѣмъ счастливымъ, исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ юношей, какимъ выѣхалъ изъ деревни три года назадъ съ своимъ другомъ Данилевскимъ. За этотъ промежутокъ времени онъ утратилъ самое дорогое въ жизни — радужный міръ молодыхъ мечтаній, которыми такъ украшается юность, представляющая въ своемъ пылкомъ, свѣжемъ воображеніи міръ усыпаннымъ цвѣтами тріумфальнымъ путемъ. Теперь, напротивъ, когда эта радужная пелена спала, когда во всей ужасающей наготѣ раскрылся передъ нимъ возмутительный омутъ житейской пошлости и онъ глубоко почувствовалъ суровый трагизмъ жизни, всегда скрытый подъ ея будничной монотонностью,— многое изъ знакомаго ему съ ранняго дѣтства предстало въ иномъ свѣтѣ. Если первыя впечатлѣнія пріѣзда на родину были свѣтлы и отрадны, то вскорѣ же дала себя знать и горечь, непріятно охватывающая почти каждаго при возвращеніи на мѣсто, когда-то дорогое и близкое, но давно покинутое и сильно перемѣнившееся. Все, что въ заманчивомъ видѣ рисовала мечта, что представлялось послѣ долгой разлуки привлекательнымъ издали, въ дѣйствительности оказалось такимъ же или еще болѣе убогимъ и печальнымъ, какимъ было въ его глазахъ передъ первымъ отъѣздомъ въ столицу. Какъ послѣ высокихъ минутъ художественнаго

наслажденія досаденъ переходъ къ обычнымъ очерствляющимъ впечатлѣніямъ повседневной жизни, такъ и радости первой встрѣчи со всѣмъ близкимъ должны были вскорѣ уступить мѣсто тяжелому чувству совершенно иного характера. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ изъ деревенскихъ знакомыхъ Гоголь не засталъ въ живыхъ по возвращеніи, другихъ нашелъ постарѣвшими или опустившимися, иныхъ—обремененныхъ нуждой и заботами, любимые его дяди Косяровскіе были оба далеко,—словомъ, передъ нимъ предстала въ своемъ возмутительномъ ужасѣ неумолимая проза жизни, съ которой съ такимъ трудомъ можетъ мириться человѣкъ, но которая всегда надъ нимъ торжествуетъ. Таково было передъ нимъ настоящее, а въ близкомъ будущемъ его ожидалъ тотъ же Петербургъ, какъ и при первомъ отъѣздѣ въ него, но уже лишенный прежняго своего обаянія и ореола. Мы не настаиваемъ, впрочемъ, на буквальной вѣрности каждаго слова въ послѣднихъ выраженіяхъ, потому что за отсутствіемъ положительныхъ документальныхъ данныхъ и живыхъ свидѣтелей, помнящихъ это время, трудно представить точныя свѣденія, но намъ важно отмѣтить и очертить самое настроеніе, несомнѣнно выразившееся въ „Миргородѣ“.

Представляя себѣ *такимъ образомъ* настроеніе Гоголя по возвращеніи его изъ Петербурга въ деревню, мы основываемся, во-первыхъ, на томъ исполненномъ искренней грусти изображеніи родной Малороссіи, которое является у него во многихъ мѣстахъ въ „Миргородѣ“, особенно въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, на имѣющемъ несомнѣнное автобіографическое значеніе мѣстѣ въ отрывкѣ „Римъ“. Тамъ между прочимъ читаемъ: „Грустное чувство овладѣло княземъ“ (по возвращеніи въ вѣчный городъ), „чувство, *понятное всякому пріѣзжающему*, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говоритъ всякій предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были сопряженные съ нимъ случаи, тѣмъ сокрушительнѣе грусть, насылаемая имъ на сердце“. Само собою разумѣется, что описанное выше настроеніе не могло быть постояннымъ, можетъ быть, не было и преобладающимъ, но оно *существовало* и отразилось на творчествѣ Гоголя. Что касается „Миргорода“, то нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ мы не находимъ уже того ровнаго, свѣтлаго настроенія, которымъ отъ начала до конца проникнуты „Вечера на хуторѣ“ (исключая отчасти „Страшную Месть“). Здѣсь уже нѣтъ прежней заразительной юношеской

веселости, но, наоборотъ, часто, слишкомъ часто слышатся довольно трагическія ноты. Укажемъ, напримѣръ, на слѣдующія строки въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“: „Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣвшее жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ, и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно!“ Такая же тоска слышится въ заключительныхъ строкахъ этой же повѣсти и „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“: „Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость проняла меня насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣта небо... Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Подобное настроеніе въ „Вечерахъ на хуторѣ“ можетъ быть указано лишь въ единственномъ мѣстѣ, именно въ послѣднихъ строкахъ повѣсти „Сорочинская Ярмарка“; въ „Вечерахъ“ же, въ описаніяхъ природы выражается или восторгъ, или упоительная нѣга, но нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ того сумрачнаго настроенія, которое наводится иногда непогодой; тамъ, напротивъ, изображаются исключительно или яркіе, солнечные дни (въ началѣ „Сорочинской Ярмарки“), или ясный вечеръ, или же обаятельная ночь. Метель въ „Ночи передъ Рождествомъ“ и буря на Днѣпрѣ въ „Страшной Мести“ представлены преимущественно съ художественной и картинной стороны. Напротивъ, въ „Миргородѣ“ такія описанія, какъ описаніе степи въ „Тарасѣ Бульбѣ“ или усадьбы сотника въ „Віѣ“, т.-е. возбуждающія отрадное или въ первомъ случаѣ восторженное чувство, становятся рѣдкими. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже солнечный свѣтъ является не ослабляющимъ, а усиливающимъ грусть; напр. при описаніи похоронъ Пульхеріи Ивановны: „Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашонкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ“. Вспоминая о страхѣ, который наводили на него таинственные голоса, слышанные имъ въ дѣтствѣ, Гоголь

также говоритъ, что „день обыкновенно въ это время былъ ясный и солнечный; тишина была мертвая“ и проч., но такому дню онъ охотно предпочелъ бы въ подобныя минуты ужаса ночь „самую бѣшеную и бурную“. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ встрѣчаемъ уже изображеніе сѣраго дня („день былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ“)...

Замѣчательно, что, начинаясь сценами незначительными и забавными, каждая изъ повѣстей въ „Миргородѣ“ становится, по мѣрѣ разсказа, все болѣе трагическою и потрясающею. Особенно чувствуется это въ „Тарасѣ Бульбѣ“, гдѣ беззаботный смѣхъ читателя, возбуждаемый началомъ первой главы, къ концу ея постепенно переходитъ въ тяжелую, сосредоточенную грусть, и это чувство потомъ постоянно возростаетъ, уступая лишь по временамъ мѣсто поэтическому восторгу при такихъ описаніяхъ, какъ степи и устройства Запорожской Сѣчи; тонъ изложенія становится все болѣе возвышеннымъ и удаленнымъ отъ того обыденнаго, которымъ начинается повѣсть, и, наконецъ, доходитъ до захватывающаго трагическаго паѳоса въ сценѣ между прекрасной полячкой и Андріемъ, въ описаніи осады Дубна, битвъ казаковъ за родину и проч. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ также замѣчается постепенный переходъ отъ мирной идилліи къ глубокому трагизму; вся вторая половина повѣсти проникнута грустью, но особенно ровное пока настроеніе читателя омрачается простымъ, трогательнымъ діалогомъ, въ которомъ Пульхерія Ивановна сообщаетъ мужу свое предчувствіе смерти. Здѣсь, впрочемъ, могла бы быть найдена связь съ „Вечерами на хуторѣ“; такъ подобное мѣсто, хотя гораздо менѣе художественное, находимъ и въ „Страшной Мести“. Въ самомъ дѣлѣ, поразительное сходство открывается при сличеніи.

Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“:

„— Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?

— Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе. Я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру; смерть моя уже приходила за мною.—Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю“, и проч.

Въ „Страшной Мести“:

„— Что-то грустно мнѣ, жена! — сказалъ панъ Данило:—я голова болитъ у меня, и сердце болитъ; какъ-то тяжко мнѣ! видно, гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя“.

Далѣе слѣдуютъ утѣшенія жены со стороны Аѳанасія Ивановича въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ и пана Данила со сто-

роны Катерины въ „Страшной Мести“, и потомъ чрезвычайно похожія предсмертныя просьбы беречь и холить своихъ любимцевъ (въ первомъ случаѣ — Аѳанасія Ивановича, во второмъ— сына Данилина, Ивана).

„— Слушай, жена моя!—сказалъ Данило:—не оставляй сына, когда меня не будетъ; не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ; тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ; а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей“.

„— Смотри мнѣ, Явдоха, — говорила Пульхерія Ивановна, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать:—когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Не своди съ него глазъ, Явдоха, я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ не долго жить,—не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ: я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины“ и проч.

Указанная особенность творчества Гоголя, которую мы назвали бы новою, такъ какъ она едва только промелькнула въ „Вечерахъ“, нисколько не нарушая ихъ преобладающаго характера, безъ сомнѣнія, имѣла свою основу въ пережитомъ и перечувствованномъ, и чрезвычайно важна при изученіи его личности и произведеній. Любопытно также, что Гоголь уже въ „Миргородѣ“ въ сущности впадаетъ иногда въ тотъ лиризмъ, который обратилъ на себя общее вниманіе только знаменитыми лирическими отступленіями въ „Мертвыхъ Душахъ“. Между тѣмъ есть одно обстоятельство, придающее чрезвычайную важность этимъ отступленіямъ при изученіи Гоголя. Дѣло въ томъ, что именно въ духѣ этого лиризма Гоголь мечталъ создать послѣдніе томы „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ „инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ священномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей“. Въ это-то время, какъ надѣялся Гоголь, „предстанутъ колоссальные образы, двинутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, *и вся она приметъ величавое лирическое теченіе*“. Но „не величавое лирическое теченіе“ было гибелью его таланта (оно замѣчается нерѣдко и въ „Тарасѣ Бульбѣ“), а тотъ ложный элементъ, который вкрался съ годами во все существо Гоголя. „Бѣлинскій,—говоритъ А. Н. Пыпинъ въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ годовъ до пятидесятыхъ“,—обратилъ вниманіе на извѣст-

ныя „лирическія мѣста", и высказался противъ нихъ: онъ угадывалъ, что въ нихъ есть что-то ложное, и дѣйствительно, „лирическія мѣста" были отчасти отголоскомъ тѣхъ мнѣній Гоголя, которыя онъ собралъ потомъ въ цѣлую систему въ „Перепискѣ". Выше мы указали тѣ мѣста, гдѣ вылились завѣтныя мечты Гоголя о будущемъ характерѣ и направленіи его творчества, мечты, относящіяся къ началу сороковыхъ годовъ, но наклонность къ лиризму явилась у него несравнѐнно раньше, и, какъ извѣстно, не осуждалась, а напротивъ высоко цѣнилась Бѣлинскимъ, пока не получила извращеннаго направленія. Бѣлинскій признавалъ достойными великаго русскаго поэта „гремящіе, поющіе диѳирамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія", но находилъ въ нихъ „излишество непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства". Но оно является и въ „Тарасѣ Бульбѣ", гдѣ „мистико-лирическія выходки" встрѣчаются только въ зародышѣ и, высказываемыя устами казака Бульбы, въ торжественную минуту, не выдаютъ еще сокровеннаго своего значенія. Впрочемъ Гоголь не принималъ сначала тона глашатая великихъ истинъ и, можетъ быть, его лиризмъ могъ бы найти со временемъ и иной исходъ. Это предположеніе, повидимому, оправдывается, если обратимъ вниманіе на слѣдующее добавленіе къ предсмертной рѣчи Бульбы въ исправленной редакціи; послѣ словъ первоначальной редакціи: „есть ли что̀ на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ?" внесены строки, несомнѣнно вышедшія изъ того же настроенія и только распространяющія восторженное сочувствіе отъ казачества на весь русскій народъ, но уже намекающія на возможность въ будущемъ „излишества непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства". Въ сущности это излишество коренилось въ самой организаціи автора, въ его южной натурѣ и склонности къ преувеличенной идеализаціи; но такъ какъ оно не помѣшало ему создать такую чудную поэму, какъ „Тарасъ Бульба", то не одно оно было виновато, но, главнымъ образомъ, повторяемъ, усвоенное Гоголемъ извращенное направленіе, печально отразившееся на его творчествѣ. Вотъ переходъ къ нему и слышенъ уже отчасти въ послѣднемъ монологѣ Бульбы, оканчивающемся въ исправленномъ изданіи словами: „Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и му̀ки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу?"

XII.

Въ „Тарасѣ Бульбѣ“, гдѣ такъ блестяще удалось Гоголю изобразить поэтическія стороны казачества, въ которомъ „русскій характеръ получилъ могучій, широкій размахъ и крѣпкую наружность“, лиризмъ нерѣдко прорывается неудержимымъ потокомъ и особенной силы достигаетъ въ концѣ шестой главы, въ извѣстной патетической сценѣ между прекрасной панночкой и Андріемъ. Г. Скабичевскій совершенно справедливо замѣчаетъ о рѣчи панночки, что она „отличается витіеватостью“, и что „никто не говорилъ тогда такими кудреватыми, длинными и пѣвучими періодами“; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; справедливо также онъ признаетъ нѣкоторыя эффектныя и картинныя описанія Гоголя далекими отъ „трезвой правды“. Но если взглянуть на все это съ точки зрѣнія выраженія завѣтныхъ чувствъ и симпатій автора, то нельзя не согласиться, что глубокій лиризмъ, которымъ проникнуты эти мѣста, заставляетъ переживать читателей высокое поэтическое наслажденіе. Словомъ, въ „Тарасѣ Бульбѣ“ можно искать не столько трезвой исторической правды, отъ которой поэма дѣйствительно далека уже по своему „лирическому теченію“, сколько отвлеченія отъ всего будничнаго, прозаическаго, идеальныхъ сторонъ казачества, собранныхъ вмѣстѣ, въ одномъ волшебномъ фокусѣ. Иначе и быть не могло, такъ какъ Гоголь ровно настолько интересовался исторіей, насколько она затрогивала его воображеніе и чувство, а страстно любимыя имъ народныя пѣсни, его главный источникъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ вліянія на его душу, естественно представляютъ жизнь съ ея поэтической стороны. Пѣсни, какъ мы раньше говорили, сохраняли свою чудную власть надъ Гоголемъ во всю его жизнь, и его горячее обращеніе къ родинѣ въ „Мертвыхъ Душахъ“ не могло ихъ забыть; изъ него видно, что любовь къ русскимъ пѣснямъ была чуть ли не самой чувствительной струной въ патріотической лирѣ Гоголя. Не даромъ онъ прежде всего устремляется къ ней мыслью, желая найти въ Россіи, что̀ бы достойнымъ образомъ можно было противопоставить „дерзкимъ дивамъ“ Запада. „Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой

пѣснѣ? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами?“

„Тарасъ Бульба“—глубоко субъективное произведеніе; но особенно, изображая разговоръ Андрія съ полячкой, Гоголь гораздо больше чувствовалъ потребность излить поэтическое преклоненіе передъ женщиной, давая полную волю идеализаціи послѣдней, нежели заботился о соблюденіи исторической вѣрности. Ему было не до того. Поэтому здѣсь всюду слышатся лирическія ноты, но особенно въ этихъ словахъ: „Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывнотонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука гдѣ-то проѣзжающей телѣги“. Или: „Полный чувствъ, вкушаемыхъ не на землѣ, Андрій поцѣловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Они отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обоюдно-сліянномъ поцѣлуѣ ощутилось то, что̀ одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку“. И тотчасъ послѣ этихъ словъ переходъ: „И погибъ казакъ! пропалъ для всего казацкаго рыцарства“ и проч. Трогательное предсмертное прощаніе казаковъ съ родиной также, конечно, всецѣло принадлежитъ поэзіи, а никакъ не исторіи, какъ и разсказъ объ артистическомъ восторгѣ иностранца-инженера, съ увлеченіемъ апплодирующаго своимъ непріятелямъ, „месьё запорогамъ“.

Нѣкоторыя лирическія мѣста являются въ „Тарасѣ Бульбѣ“ подъ явнымъ и непосредственнымъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣръ. Въ описаніи боя съ поляками есть между прочимъ слѣдующее мѣсто. „Не по одному казаку взрыдаетъ старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между ними одного, милѣйшаго всѣхъ: но много пройдетъ черезъ городъ всякаго войска и вѣчно не будетъ между ними одного, милѣйшаго всѣхъ“. Въ малорусскихъ

пѣсняхъ Максимовича мы находимъ совершенно подобное содержаніе въ слѣдующей пѣснѣ (изд. 1, стр. 27; изд. 2, стр. 111):

„У Глуховѣ у городѣ
Стрѣльнули зъ гарматы;
Не по одномъ козаченьку
Заплакала мати.

У Глуховѣ у городѣ
Стрѣльнули зъ ружницы;
Не по одномъ козаченьку
Заплакали сестрици.

У Глуховѣ у городѣ
Поплетены сѣтки;
Не по одномъ козаченьку
Заплакали дѣтки.

На быстрому, на озерѣ
Геть! плавала качка;
Не по одномъ козаченьку
Заплакала козачка“ и проч.

Указываемъ этотъ примѣръ между прочимъ потому, что онъ не вполнѣ приведенъ въ прекрасныхъ и обстоятельныхъ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова къ „Тарасу Бульбѣ“ въ послѣднемъ изданіи сочиненій Гоголя; другіе примѣры уже отмѣчены тамъ.

Пѣсни же и представленіе объ ихъ исполнителяхъ-бандуристахъ внушили Гоголю и эту лирическую тираду: „И пойдетъ дыба по всему свѣту, и все, что̀ ни народится потомъ, заговоритъ о немъ (т.-е. объ убитомъ казакѣ); ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую мастеръ много повергнулъ дорогого, чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая всѣхъ равно на святую мотитву“.

Вліяніе пѣсенъ, несомнѣнно, сильно способствовало яркому, праздничному и торжественному колориту всего содержанія „Тараса Бульбы“,—торжественному несмотря на общій трагическій отпечатокъ, который носитъ на себѣ повѣсть; но удаленіе Гоголя отъ всего обыденнаго въ поэмѣ вовсе не ослабляетъ ея художественнаго значенія и не приближаетъ ее къ натянутой аффектаціи бездарныхъ писателей. Намъ казалось бы, что въ прекрасной, не разъ цитированной статьѣ г. Скабичевскаго невѣрно только то, что она нѣсколько односторонне преувеличиваетъ достоинства безусловной объективности повѣствованія. Съ точки зрѣнія исторической оцѣнки этотъ взглядъ, конечно, безусловно справедливъ; но несправедливо было бы отвергать правъ художе-

ственнаго, поэтическаго произведенія на извѣстную идеализацію, лишь бы она не вела къ искаженію истины. Гоголь же, почерпая свое вдохновеніе въ такомъ прекрасномъ и свѣтломъ источникѣ, какъ народная поэзія, несомнѣнно правдиво и художественно передалъ намъ въ своей поэмѣ то, что̀ пережилъ и глубоко прочувствовалъ малороссійскій народъ. Несправедливо и то, что Пушкинъ „направилъ Гоголя на путь изображенія обыденной дѣйствительности" и что Гоголь будто отказался послѣ „Тараса Бульбы" отъ поэтической идеализаціи: и та, и другая сторона творчества были гораздо болѣе результатомъ органической потребности, нежели внѣшняго вліянія; иначе теряетъ всякое значеніе призваніе художника. Во всемъ остальномъ, какъ намъ кажется, немногія страницы г. Скабичевскаго объ историческихъ произведеніяхъ Пушкина и Гоголя вносятъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе въ литературу объ этихъ писателяхъ.

Другія лирическія мѣста являются въ „Тарасѣ Бульбѣ" уже просто подъ вліяніемъ личныхъ чувствъ и размышленій автора. Сюда, вѣроятно, слѣдуетъ отнести это прекрасное мѣсто: „Что̀-то пророчитъ имъ (Остапу и Андрію) и говоритъ это благословенье (матери)? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же?.. Но неизвѣстно будущее и стоитъ оно передъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка—не видя ястреба, ястребъ—не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ отъ своей погибели"... Этотъ образъ такъ нравился Гоголю, что былъ имъ повторенъ въ сокращенномъ видѣ въ той же повѣсти: „Но не вѣдалъ Бульба, что̀ готовитъ Богъ человѣку завтра, и сталъ позабываться сномъ, и, наконецъ, заснулъ". Прекрасное, исполненное глубокаго лиризма, описаніе величественныхъ звуковъ органа и вообще католическаго богослуженія, несомнѣнно, явилось у Гоголя какъ результатъ заграничныхъ впечатлѣній, преимущественно римскихъ, что̀ ясно уже изъ того, что вся эта часть главы отсутствуетъ въ первоначальной редакціи и является только въ исправленной.

XIII.

Существенную разницу въ отношеніяхъ Гоголя къ Украйнѣ передъ отъѣздомъ изъ нея въ 1828 г. и по пріѣздѣ въ 1832 можно видѣть преимущественно въ томъ, что тогда какъ прежде

многія черты пошлой дѣйствительности возбуждали въ немъ одно только отвращеніе и разжигали нетерпѣливое желаніе болѣе осмысленной жизни въ столицѣ,—теперь, когда эта заочная идеализація была во многомъ поколеблена, онѣ же вызывали въ немъ сочувственную и согрѣтую искренней любовью грусть. Всего лучше это видно въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ". Сюжетъ здѣсь, какъ и всегда, заимствованъ, но разработанъ на основаніи личнаго внимательнаго изученія малороссійскаго помѣщичьяго быта и вся картина озарена тѣмъ глубоко субъективнымъ поэтическимъ отношеніемъ къ изображаемымъ лицамъ и предметамъ, о которомъ мы только-что говорили. Переработка матеріала, даннаго наблюденіемъ, согласно настроенію автора, дала повѣсти строго опредѣленную физіономію и художественную законченность. Но мы затруднились бы въ этомъ произведеніи признать, вслѣдъ за Стоюнинымъ, ту идею, что люди мало развитые нерѣдко въ своемъ невѣжествѣ сами губятъ собственное счастье. Такой выводъ, безъ сомнѣнія, вытекаетъ самъ собою изъ повѣсти; но имѣлъ ли его въ виду авторъ, не можетъ быть ничѣмъ доказано; гораздо вѣроятнѣе, напротивъ, что, какъ и въ другихъ случаяхъ, въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики" Гоголь прежде всего удовлетворялъ своей потребности выразить и передать то, что̀ онъ чувствовалъ и переживалъ при своихъ наблюденіяхъ надъ этимъ идиллическимъ прозябаніемъ. Вообще намъ кажется, что творчество Гоголя направлялось главнымъ образомъ выношенными художественными о̀бразами и развѣ потомъ уже заранѣе намѣченной идеей.

Для уясненія нашего взгляда возвратимся нѣсколько назадъ.

Мы знаемъ, что чѣмъ болѣе волновали Гоголя возвышенные мечты и идеалы, чѣмъ болѣе удавалось ему достигать осуществленія своихъ лучшихъ плановъ, тѣмъ сильнѣе возмущалось его внутреннее чувство ничтожествомъ умственнаго кругозора и стремленій окружающихъ. Это, конечно, и было главной причиной, сдѣлавшей его великимъ юмористомъ. Хотя не ранѣе середины тридцатыхъ годовъ созрѣло въ немъ сознательное намѣреніе обличать наиболѣе возмутительныя стороны общественной неправды, но и прежде, по авторитетному свидѣтельству Анненкова, онъ чувствовалъ какую-то непреодолимую потребность преслѣдовать узкое своекорыстіе и ограниченное самодовольство толпы. Въ его душѣ никогда не умолкалъ какой-то могучій голосъ, который призывалъ его къ полезной общественной дѣятельности и внушалъ пламенное влеченіе къ чему-то высшему, благородному, что̀ единственно и сдѣлало его однимъ изъ передовыхъ вождей времени. Еще въ

школѣ ему казалось въ другихъ неестественнымъ отсутствіе такихъ стремленій. Между тѣмъ въ числѣ своихъ сверстниковъ онъ находилъ немногихъ возвысившихся надъ заботами о сколько-нибудь сносномъ обыденномъ существованіи. Такое противорѣчіе между задачами разумнаго существованія и жалкой дѣйствительностью оскорбляло его и возбуждало насмѣшки не только надъ сверстниками, но и надъ старшими. Самымъ раннимъ плодомъ такого настроенія были набросанныя имъ въ отрочествѣ юмористическія замѣтки подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ". Позднѣе, въ дружескомъ письмѣ къ одному изъ товарищей, Гоголь, какъ извѣстно, возмущался „нѣжинскими существователями, которые задавили корой своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка". Даже тѣхъ изъ товарищей, на которыхъ не было ужъ вовсе никакой надежды въ смыслѣ пробужденія въ нихъ болѣе возвышенныхъ стремленій, Гоголь желалъ бы видѣть истинно полезными для общества, хотя бы на самой скромной чредѣ. О нихъ онъ такъ выразился въ письмѣ къ Г. И. Высоцкому: „Хорошо, если они обратятъ свою дѣятельность для пользы человѣчества. Хотя въ неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ". При такихъ требованіяхъ отъ жизни Гоголь не могъ не содрогаться, когда встрѣчалъ молодыхъ людей, даже не подозрѣвавшихъ о какихъ-нибудь болѣе высокихъ цѣляхъ жизни, нежели обезпеченное устройство въ опошлившемся значеніи слова. Въ отрывкѣ „Учитель" (изъ повѣсти „Страшный Кабанъ"), одномъ изъ первыхъ произведеній его пера, Гоголь именно хотѣлъ изобразить представителя этого сильно претившаго ему ограниченнаго самодовольства. Исключительное погруженіе въ сферу хозяйственныхъ и кулинарныхъ интересовъ, соединенное съ заботливымъ усвоеніемъ мелочной и пошлой практичности—вотъ тѣ черты, которыя Гоголь задался воплотить въ лицѣ выведеннаго имъ въ этой повѣсти семинариста Ивана Осиповича, главной и чуть ли не единственной заботой котораго было угодить помѣщицѣ, въ домѣ которой онъ жилъ, женщинѣ, въ свою очередь ушедшей совершенно въ домашнее хозяйство. „Все время отъ пяти часовъ утра до шести вечера, то-есть до времени успокоенія, было безпрерывной цѣпью занятій", говоритъ Гоголь. „До семи часовъ утра уже она обходила всѣ хозяйственныя заведенія, отъ кухни до погребовъ и кладовыхъ", и проч. Здѣсь уже мы узнаемъ, въ этомъ блѣдномъ пока наброскѣ, нѣкоторыя черты типа будущей Пульхеріи Ивановны. Но здѣсь еще нѣтъ и тѣни сочувствія автора

къ прототипу послѣдней, помѣщицѣ Аннѣ Ивановнѣ, которая не отличается особенной добротой („успѣвала побраниться съ приказчикомъ") и не чужда тщеславія. Изображая Анну Ивановну, Гоголь имѣлъ въ виду преимущественно показать женщину въ томъ печальномъ возрастѣ, „когда роковыя шестьдесятъ лѣтъ гонятъ холодъ въ нѣкогда бившія огненнымъ ключомъ жилы и термометръ жизни переходитъ за точку замерзанія". Но то, съ чѣмъ можно до нѣкоторой степени мириться въ отживающей женщинѣ, приводило его въ содроганіе при видѣ преждевременной духовной смерти начинающаго жить юноши. Поэтому Гоголь не щадитъ язвительныхъ насмѣшекъ надъ тѣмъ, какъ „учитель имѣлъ удивительно умильный видъ, когда изволилъ молчать или кушать", какъ онъ „весь переселялся въ тарелку" и „чинно, завѣсившись салфеткой, отправлялъ всеобщій процессъ житейскаго насыщенія", какъ вообще онъ отличался „страстной привязанностью ко всему, что̀ питаетъ душевную и тѣлесную природу человѣка", и проч. Никакой живой мысли, никакого чувства, кромѣ чисто физическаго увлеченія дворовой дѣвушкой, для него не существуетъ и въ то же время онъ переполненъ тупого самодовольства и сознанія своего достоинства. Въ немъ есть также черты, роднящія его отчасти съ Пульхеріей Ивановной („Почтенный педагогъ имѣлъ необъятныя для простолюдина свѣденія, изъ которыхъ иныя держалъ подъ секретомъ, какъ-то: составленіе лекарства противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ" и проч.), отчасти съ Иваномъ Өедоровичемъ Шпонькой („онъ собственноручно приготовлялъ лучшую ваксу и чернила, вырѣзывалъ для маленькаго внучка Анны Ивановны фигурки изъ бумаги; въ зимніе вечера моталъ мотки и даже пряль"). Повѣсть осталась недоконченной, но впослѣдствіи Гоголь не разъ возвращался къ заинтересовавшей его темѣ и прежде всего въ „Иванѣ Өедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ". Послѣдній является жалкимъ образцомъ пошлой удовлетворенности тѣмъ, что̀, безъ всякой заслуги и труда съ его стороны, послала на его долю судьба. „Казалось,—говоритъ о немъ Гоголь,—натура именно создала его управлять восемнадцати-душнымъ имѣніемъ"; какъ позднѣе онъ выразился объ Акакіѣ Акакіевичѣ, что онъ, „видно, такъ и родился совсѣмъ ужъ готовымъ въ своемъ вицъ-мундирѣ, съ лысиной на головѣ". Съ Акакіемъ Акакіевичемъ Шпонька имѣетъ и другое сходство: они оба не рѣчисты. Такъ, въ отвѣтъ на разсужденіе Григорія Григорьевича Сторченка объ умѣніи знахарокъ лечить, онъ сказалъ: „Дѣйствительно, вы изволите говорить совершенную правду. Иногда точно бываетъ"... Тутъ онъ остановился, какъ бы не прибирая при-

личныхъ словъ. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще былъ не щедръ на слова". Такихъ людей, какъ Шпонька или Акакій Акакіевичъ, Гоголь постоянно отличаетъ, не въ пользу ихъ, даже отъ другихъ пошлыхъ людей, но не забитыхъ до послѣдней степени и сохранившихъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, сочувственную ему въ русскомъ человѣкѣ черту нѣкоторой, иногда чрезмѣрной и легкомысленной, отваги. Такъ, описывая времяпровожденіе Ивана Ѳедоровича, Гоголь говоритъ: „когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ къ мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя въ своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувъ мундиръ, лежалъ на постели". Совершенно сходное мѣсто встрѣчаемъ и въ „Шинели", но, по обширному объему его, укажемъ только нѣкоторыя строки: „Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время, — даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію". Въ Шпонькѣ мелькаетъ также будущій Подколесинъ. Судя по послѣднимъ страницамъ, главная цѣль которыхъ, какъ потомъ въ „Женитьбѣ", заключается въ изображеніи комической нерѣшительности холостяка, не умѣющаго и не отваживающагося сдѣлать необходимый шагъ для перемѣны своей судьбы, Шпонька такъ же нуждается въ дѣятельномъ посредникѣ, какъ Подколесинъ въ Кочкаревѣ. Но если такъ, то характеръ Василисы Кашпаровны, представляющей своей энергіей и не-женской предпріимчивостью рѣзкій контрастъ съ характеромъ племянника, и ея рѣшительные пріемы въ дѣлѣ сватовства послѣдняго заставляютъ предполагать, что ей предназначалась роль позднѣйшаго Кочкарева или, по крайней мѣрѣ, свахи. Но свадьба Шпоньки должна была состояться, и послѣ нея ему предстояло зажить съ женой самой мирной и покойной жизнью, услаждаемой взаимной любовью, какъ это изображено уже въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ". Объ этомъ сходствѣ мы можемъ догадываться по слѣдующимъ строкамъ письма Гоголя къ Данилевскому: „Ты, я думаю, уже прочелъ „Ивана Ѳедоровича Шпоньку". Онъ до брака удивительно какъ похожъ на стихи Языкова, между тѣмъ какъ послѣ брака сдѣлается совершенно поэзіей Пушкина". О поэзіи же Пушкина онъ говоритъ тутъ же: „она не вдругъ обхватитъ васъ, но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и, наконецъ, превращается въ велича-

ный и обширный океанъ, въ который чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе". Но такъ какъ въ этихъ словахъ Гоголь не имѣетъ въ виду прямо характеристику любви Шпоньки послѣ свадьбы, то для пониманія этого мѣста и всего сравненія необходимо прочитать подлинное письмо.

Въ этой же повѣсти мы находимъ личность, уже сильно напоминающую Пульхерію Ивановну „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ". Эта личность—мать Григорія Григорьевича Сторченка, о которой авторъ замѣчаетъ, что это была совершенная доброта. Казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Ѳедоровича: „сколько на зиму насаливаете огурцовъ?" Она—большая мастерица вести домашнее хозяйство; дѣвки ея хорошо выдѣлываютъ ковры. Самое любимое развлеченіе ея—угощать пріѣзжихъ; любимая бесѣда—о томъ, какъ должно красить пряжу и приготовлять для этого нитку. Разговоры о хозяйствѣ мигомъ пролагаютъ широкій доступъ къ ея сердцу каждой едва знакомой собесѣдницѣ. Подобно Пульхеріи Ивановнѣ, старушка, разговорившись, охотно *открывала сама*, *безъ просьбы*, *множество секретовъ* насчетъ дѣланія пастилы и сушенія грушъ.

Въ виду всѣхъ указанныхъ данныхъ никакъ нельзя согласиться, что, изображая „старосвѣтскихъ помѣщиковъ", Гоголь будто бы рисовалъ портреты своихъ домашнихъ. Мнѣніе это крайне наивно и односторонне. Но отдѣльныя черты изъ жизни близкихъ, безъ сомнѣнія, могли быть внесены имъ въ собранный для повѣсти матеріалъ. Такъ Гоголь воспользовался слухами объ увозѣ тайкомъ его дѣдомъ будущей своей жены въ разсказѣ объ Аѳанасіи Ивановичѣ и его молодости. Далѣе въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" нашли себѣ отраженіе отчасти обстановка Гоголева дѣтства, картина обычнаго малороссійскаго помѣщичьяго гостепріимства и проч. Добродушные выговоры Пульхеріи Ивановны приказчику и ея ни для кого не страшные выѣзды на ревизію, о которыхъ всюду знали задолго до ея пріѣзда, представляютъ много сходства съ такими же выговорами и ревизіями Марьи Ивановны Гоголь, хотя общій складъ жизни и привычекъ, изображенныхъ въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ", больше всего напоминалъ бытъ нѣкоторыхъ знакомыхъ и сосѣдей Гоголя, напр. старичковъ Зарудныхъ. Въ самомъ описаніи выѣздовъ помѣщицы на ревизію есть подробность, не относящаяся, конечно, къ изображенію М. И. Гоголь: когда Пульхерія Ивановна выѣзжала на дрожкахъ, „воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ". Любопытно, что и здѣсь замѣчается сходство между „повѣстью объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ" и „Старосвѣтскими помѣщиками"; въ повѣсти о

Шпонькѣ читаемъ о бричкѣ: „Это была та самая бричка, въ которой еще ѣздилъ Адамъ". Подобной патріархальности не могло быть и слѣдовъ у родителей Гоголя, уже близко знакомыхъ съ Д. П. Трощинскимъ, въ домѣ котораго они нерѣдко бывали. Наконецъ, мы находимъ въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики" собственное откровенное признаніе Гоголя о страхѣ, который ему причиняли разные слышанные имъ въ дѣтствѣ голоса. Такіе же голоса слышались ему и незадолго до смерти. Наконецъ, личныя впечатлѣнія вообще нерѣдко передаются въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" прямо отъ лица автора и мѣстами переходятъ въ „лирическія отступленія"; напр., „Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время! Какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ!" и пр.; или: „Боже", думалъ я, глядя на него, „пять лѣтъ всеистребляющаго времени" и проч.

Оканчивается повѣсть такъ же печально, какъ и всѣ другія въ „Миргородѣ", причемъ мимоходомъ сказалось уже тогда выяснившееся крайнее несочувствіе Гоголя къ ухищреннымъ нововведеніямъ въ хозяйствѣ во вкусѣ Манилова (новый помѣщикъ „накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ" и проч.) при полномъ неумѣньѣ взяться за дѣло, но особенно тяжелое чувство, испытываемое при видѣ постепеннаго исчезновенія дорогихъ и близко знакомыхъ съ дѣтства чертъ стариннаго быта и замѣны ихъ несимпатичной и притязательной новизной.

XIV.

По возвращеніи Гоголя въ Петербургъ изъ Малороссіи, въ его литературной дѣятельности наступаетъ временное затишье. Для него сразу стеклось много неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя не могли не отвлечь его отъ творчества; нѣкоторыя изъ нихъ были обусловлены заботами о родныхъ и разстройствомъ домашнихъ дѣлъ, другія—служебными отношеніями и условіями.

Для Марьи Ивановны Гоголь еще съ января 1832 г. наступило надолго суетливое и тревожное время съ тѣхъ поръ какъ одинъ ея знакомый, красивый краковскій полякъ Трушковскій, сдѣлалъ предложеніе ея старшей дочери. Очень естественно, что съ тѣхъ поръ до самой свадьбы всѣ обычные занятія и интересы были отложены или отошли на второй планъ, а главное вниманіе было устремлено на освѣдомленія о женихѣ, на разныя необходимыя приготовленія и проч. Какъ почти всегда бываетъ, между родственниками нашлись люди, не желавшіе этого брака и ста-

равшiеся разбить свадьбу. Сама Марья Ивановна Гоголь желала бы видѣть дочь замужемъ за человѣкомъ богатымъ и обезпеченнымъ, тогда какъ у жениха состоянiя не было; дядя невѣсты, А. А. Трощинскiй (тотъ самый, который такъ много помогалъ Гоголю въ самое критическое время его жизни въ Петербургѣ), былъ съ своей стороны также недоволенъ и ясно показывалъ свое неодобренiе, что̀, въ свою очередь, не могло не дѣйствовать на мнительную Марью Ивановну, которую и безъ того смущала всякая мелочь въ родѣ появленiя какой-то кометы и приближенiя мая, считающагося у многихъ неблагопрiятнымъ мѣсяцемъ для супружества.

Гоголь старался убѣдить домашнихъ не останавливаться разными нестоющими ни малѣйшаго вниманiя примѣтами и другими мнимыми препятствiями. Онъ сочувственно отнесся къ намѣренiю матери устроить свадьбу безъ шума и объявлялъ себя врагомъ всякихъ свадебныхъ обрядовъ и церемонiй; совѣтовалъ не смотрѣть на пересуды сосѣдей и на мнѣнiя дяди генерала, но дѣйствовать рѣшительно въ виду взаимной привязанности жениха и невѣсты. О богатствѣ онъ судилъ такъ: что женихъ „всегда можетъ нажить его; нужны только труды. Но доброй души и прекрасныхъ качествъ человѣкъ никогда не наживетъ, если ихъ не имѣетъ".

Но все это происходило еще до поѣздки Гоголя въ Малороссiю; съ этого только начались домашнiя заботы и тревоги, которыя потомъ долго не прекращались. По выѣздѣ изъ дому Гоголь долженъ былъ заботиться о двухъ маленькихъ сестрахъ, которыхъ онъ везъ съ собою въ Петербургъ. Несмотря на отчаянную просрочку отпуска (Гоголь запаздывалъ почти на три мѣсяца, не давъ о себѣ никакого извѣщенiя начальству Патрiотическаго института), ему не удалось скоро доѣхать до Петербурга: въ дорогѣ экипажъ безпрестанно ломался и часто приходилось чинить его или просто ждать подолгу лошадей на станцiяхъ, такъ что и въ Москвѣ Гоголю не удалось отдохнуть больше нѣсколькихъ дней. На прiемномъ испытанiи въ институтѣ сестры его сверхъ ожиданiя были приняты только въ приготовительное отдѣленiе, но по случаю передѣлокъ въ зданiи заведенiя не могли быть тотчасъ устроены. Между тѣмъ къ однѣмъ непрiятностямъ присоединялись другiя: просрочка Гоголя была слишкомъ велика, чтобы не броситься въ глаза администрацiи, и, по докладу начальницы Вистингаузенъ, ему было прiостановлено жалованье на три мѣсяца, что̀ составляло 200 р., сумму, весьма чувствительную для Гоголя въ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Но, впро-

чемъ, послѣ его ходатайства жалованье было ему возвращено. Инспекторъ Плетневъ, несмотря на дружескія отношенія къ Гоголю, былъ также недоволенъ просрочкой и съ досады называлъ его „оригиналомъ". Сестры Гоголя были, наконецъ, приняты въ институтъ на казенный счетъ, но подъ тяжелымъ условіемъ, чтобы Гоголь вмѣсто платы за нихъ отказался отъ жалованья и былъ неотлучно при институтѣ. Черезъ нѣсколько времени, впрочемъ, это стѣсненіе было устранено, и онѣ были зачислены сверхкомплектными воспитанницами, съ разрѣшенія самой императрицы, не въ примѣръ другимъ. Все это, конечно, стоило Гоголю не малыхъ волненій. А въ то же время, по порученію матери, ему приходилось имѣть дѣло съ Опекунскимъ Совѣтомъ, возникала мысль даже о продажѣ имѣнья.

Черезъ нѣсколько времени Марья Ивановна Гоголь перешла въ другую крайность: по совѣту пылкаго мечтателя-зятя, она у себя въ имѣньѣ основала кожевенную фабрику. Услышавъ объ этомъ, Н. В. Гоголь писалъ ей: „Со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи и стращаютъ о неурожаѣ. Обратите на это вниманіе и велите, по крайней мѣрѣ, насѣять побольше картофелю, если хлѣба немного. Да нельзя ли не строить въ этотъ годъ фабрики и другихъ построекъ. Неужели въ винокурнѣ нельзя дать мѣстъ выдѣлывать кожъ; она же теперь совершенно гуляетъ. Приладьте какъ-нибудь. Вѣдь не въ наружномъ видѣ, не въ строеніи сила, а въ томъ, что̀ дѣлается внутри. Фабрикантъ—большой фантазеръ. Ему, конечно, пріятно видѣть огромное строеніе съ пышнымъ названіемъ „фабрика", но уговорите его, скажите, что вы на слѣдующій годъ выстроите ему золотую фабрику съ бриллiантовою крышею, но что теперь нельзя ли какъ-нибудь пристроить въ винокурнѣ всѣ препараты, что нѣтъ никакой возможности поступить иначе". Хотя Николай Васильевичъ всячески старался отклонить мать отъ рискованнаго, почти безумнаго предпріятія, которое вскорѣ причинило ей пятитысячный убытокъ, и, справляясь о томъ, насколько успѣшно идутъ заводы въ Малороссіи, отовсюду получалъ самыя неутѣшительныя свѣденія, но разубѣдить Марью Ивановну не было никакой возможности. Вмѣсто того, чтобы внять совѣтамъ сына объ осторожности, она предавалась самымъ фантастическимъ надеждамъ на выручку отъ фабрики, хотя покупщиковъ совсѣмъ не было. Фабрикантъ скоро понялъ ея характеръ и, замѣтивъ ея безпредѣльную довѣрчивость и непрактичность, сулилъ въ будущемъ золотыя горы и давалъ самыя невѣроятныя обѣщанія. Для Гоголя было ясно заочно, что мать его сдѣлалась жертвой самаго безцеремоннаго обмана, и онъ

предостерегалъ ее: „Для меня удивительно одно въ вашемъ фабрикантѣ: какъ фабрикантъ готовъ подрядиться на 10.000 паръ сапоговъ и рѣшается сдѣлать ихъ въ годъ? Кто за него будетъ работать? *Неужели невидимая сила?*" и проч. Между тѣмъ Гоголь не переставалъ освѣдомляться объ инструментахъ, употребляемыхъ въ кожевенномъ дѣлѣ, и сообщалъ объ этомъ матери. Для пробы онъ просилъ присылать ему изъ дому сапоги и калоши издѣлія собственной фабрики, которые, однако, не всегда его удовлетворяли, и неудивительно: „ходить въ этихъ сапогахъ на улицѣ хорошо,—хвалилъ Гоголь,—но нужно же съ улицы войти въ комнату, гдѣ нельзя сидѣть, по причинѣ ихъ теплоты; а носить съ собою сапоги для перемѣны другіе—тоже не слишкомъ легко". Но вмѣсто того, чтобы обратить на все это вниманіе, Марья Ивановна разстроивала сына непріятными извѣстіями о томъ, что, напр., князь Кочубей, ни съ того, ни съ сего, пріѣхалъ мѣрять ея землю въ Яворивщинѣ: неизвѣстно, какое было у него побужденіе, но Марьѣ Ивановнѣ показалось, что онъ намѣревался отнять ея собственность. Хотя Гоголь и успокоивалъ ее, говоря: „Велика важность, что Кочубей мѣрялъ нашу землю! Пусть онъ хоть всю помѣстить ее у себя на планѣ. Мы можемъ помѣстить у себя его Диканьку на планѣ"; но видно, что его все-таки это разсердило. „Жаль,—пишетъ онъ,—что у насъ въ Яворивщинѣ живутъ такіе олухи, которымъ ни до чего нѣтъ нужды, у которыхъ еслибы собственный языкъ ихъ стали мѣрять аршинами, такъ они не спросили бы". Разумѣется, все оказалось пустой тревогой.

Но особенно Гоголю приходилось убѣждать мать не быть слишкомъ довѣрчивой и не распространять, по крайней мѣрѣ, заранѣе слуховъ о необыкновенно успѣшномъ ходѣ дѣлъ, предостерегая ее, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что фабрикантъ можетъ исчезнуть съ деньгами или умереть, тогда какъ на немъ одномъ держится все дѣло. Слова Гоголя оказались пророческими: въ одинъ прекрасный день Марья Ивановна узнала, что фабрикантъ бѣжалъ, предоставляя ей ликвидировать дѣла и уплатить долги. Можно удивляться тому, какъ неэнергично поступалъ въ этомъ дѣлѣ Гоголь, писавшій матери излишне деликатно: „Я увѣренъ, что все, чтò вы ни дѣлаете, дѣлаете посовѣтовавшись напередъ съ собственнымъ благоразуміемъ, *которое васъ всегда выручало*" (?!). Или, совѣтуя матери держать фабриканта въ рукахъ, онъ вдругъ портитъ дѣло оговоркой: „Впрочемъ, я, позабывшись, читаю вамъ наставленія, тогда какъ вы, безъ сомнѣнія, лучше меня все это знаете". Между тѣмъ недоволь-

ство этимъ рискомъ перешло у Гоголя и на главнаго виновника его, П. О. Трушковскаго. Послѣдній однажды нарочно хотѣлъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы повидаться съ шуриномъ, но Гоголь написалъ матери, будто уѣзжаетъ въ Ревель, куда его „призываютъ разныя необходимыя для его трудовъ разысканія". Этимъ поѣздка была отклонена, а потомъ Гоголь уже написалъ матери откровенно, что въ Ревель не ѣздилъ...

Чтобы покончить съ домашними заботами и непріятностями Гоголя, укажемъ еще на то, что Марья Ивановна не переставала иногда раздражать сына своей безтактностью, напр. съ увѣренностью приписывая ему какую-то ничтожную повѣсть подъ заглавіемъ „Кулябка", называя его геніемъ и проч. Иногда Марья Ивановна начинала невпопадъ хлопотать за сына и, какъ всегда, совершенно некстати. Однажды она сильно заботилась о томъ, чтобы сынъ ея поѣхалъ познакомиться съ отправившимся на нѣкоторое время въ Петербургъ богатымъ сосѣдомъ, Базилевскимъ. По словамъ А. С. Данилевскаго, мать Базилевскаго, извѣстная своимъ скряжничествомъ, нажила огромное состояніе; самъ Базилевскій былъ занятъ своимъ богатствомъ и вообще былъ крайне несимпатичная личность. Ѣхать къ нему, по мнѣнію Данилевскаго, было бы просто неприлично и ненужно. Неудивительно, что по этому поводу Гоголь писалъ матери: „Вы все еще, кажется, привыкли почитать меня за нищаго, для котораго всякій человѣкъ съ небольшимъ именемъ и знакомствомъ можетъ надѣлать кучу добра. Но прошу васъ не безпокоиться объ этомъ". Еще одинъ случай. Однажды братъ Александра Семеновича Данилевскаго, Иванъ Семеновичъ, собирался надолго переѣхать въ Петербургъ. Гоголь писалъ матери, чтобы она отсовѣтовала болѣзненному Данилевскому настаивать на своей мечтѣ, ссылаясь на дурное вліяніе на непривычныхъ петербургскаго климата, причемъ приводилъ въ примѣръ самого себя. Марья Ивановна, безумно любившая сына и смотрѣвшая, такъ сказать, въ микроскопъ, когда обсуждала какія-либо касавшіяся его непріятности, требовала, чтобы Гоголь немедленно ѣхалъ въ деревню. Тогда пришлось ее успокоивать и писать, что „весь городъ боленъ кашлемъ и прочими принадлежностями простуды".

XV.

Но кромѣ этихъ домашнихъ тревогъ были и другія помѣхи для литературной дѣятельности Гоголя въ 1833 и отчасти въ 1834 г. Плетневъ однажды писалъ о немъ Жуковскому: „У Пуш-

кина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не писалъ. Есть еще другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами". Это сообщеніе Плетнева подтверждается цѣлымъ рядомъ сходныхъ въ перепискѣ Гоголя. „Досадно,—писалъ Гоголь Погодину, узнавъ объ успѣхѣ его литературныхъ работъ въ ноябрѣ 1832 г.,—что творческая сила меня не посѣщаетъ до сихъ поръ. Можетъ быть, она ожидаетъ меня въ Москвѣ". Матери онъ писалъ уже во второй половинѣ 1833 года: „Врядъ-ли будетъ у меня что-нибудь въ этомъ или даже въ слѣдующемъ году. Пошлетъ ли всемогущій Богъ мнѣ вдохновеніе—не знаю".

Хотя Гоголь по всѣмъ извѣстіямъ былъ въ это время преимущественно занятъ комедіей, но онъ, кажется, не оставлялъ и другихъ художественныхъ замысловъ, судя по тому, что онъ снова нерѣдко просилъ домашнихъ присылать ему „сказки и присказки" и возобновлялъ рѣчь о присылкѣ смушевой шапки, кунтуша и проч. Съ другой стороны, хотя онъ съ презрѣніемъ отзывался тогда о „Вечерахъ", называя ихъ „спекулятивнымъ оборотомъ" и ожидая чего-нибудь „увѣсистаго, великаго, художническаго", но собираніе сказокъ и отыскиваніе костюмовъ предпринималъ, конечно, для „Миргорода", составлявшаго продолженіе „Вечеровъ". Кромѣ того, онъ принималъ непосредственнымъ наблюденіемъ участіе въ выходѣ „Пестрыхъ Сказокъ" Одоевскаго и постоянно бывалъ на извѣстныхъ субботнихъ вечерахъ у Жуковскаго, гдѣ встрѣчалъ Пушкина, Крылова, Гнѣдича и графа М. Ю. Віельгорскаго. Въ это же время Гоголь написалъ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ". Слова же Гоголя въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9-го ноября 1833 г. о томъ, что эта повѣсть, отданная имъ въ альманахъ Смирдина „Новоселье", гдѣ она впервые была напечатана, будто бы „старинная", и дата, помѣченная въ „Новосельѣ" (1831 г.), не можетъ быть принята, какъ совершенно справедливо доказываетъ Н. С. Тихонравовъ. Извиненіе Гоголя совершенно объясняется неловкостью его положенія: будучи на вечерѣ у Смирдина во время его „новоселья", Гоголь, вмѣстѣ съ другими присутствующими, долженъ былъ дать обѣщаніе принять участіе въ задуманномъ альманахѣ, тогда какъ для Мак-

симовича причина такого предпочтенія ему Смирдина могла казаться обидной. На слѣды свѣжихъ впечатлѣній, послужившихъ главной канвой для повѣсти, указываютъ, между прочимъ, описанія исключительно лѣтнихъ сценъ. Гоголь и здѣсь, какъ въ „Віѣ“, весьма мало пользуется сюжетомъ, взятымъ у Нарѣжнаго; главное содержаніе составляютъ все-таки описаніе уѣздной скуки и спячки, также нравовъ и отчасти даже внѣшняго вида Миргорода, описаніе знойнаго малороссійскаго лѣта съ его характеристичной тишиной и истомой и проч. Такіе дни Гоголь, правда, описывалъ и прежде, напр. въ самомъ началѣ „Сорочинской ярмарки“, но особенно часто подобныя описанія встрѣчаются въ его письмахъ около 1832 г. Зазывая своихъ пріятелей на лѣтній отдыхъ въ Малороссію, Гоголь еще передъ выѣздомъ изъ Петербурга писалъ одному изъ нихъ: „Въ іюлѣ мѣсяцѣ, если бы тебѣ вздумалось заглянуть въ Малороссію, то засталъ бы и меня, лѣниво возвращающагося съ поля отъ косарей, или беззаботно лежащаго подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды со льдомъ“. Другому пріятелю онъ писалъ приглашеніе почти въ тѣхъ же словахъ: „Жизнь мы проведемъ самымъ эстетическимъ образомъ: спать будемъ въ волю; ѣсть будемъ очень много“ и проч. Позднѣе, года черезъ два, онъ звалъ также Максимовича ѣхать съ нимъ по Пслу, гдѣ бы „мы лежали въ натурѣ, купались“ и проч. Нельзя не припомнить, что это-то лежаніе въ прохладной тѣни, благодушные, лѣнивые разговоры изморенныхъ зноемъ людей, иногда даже о политикѣ и о томъ, какъ „три короля объявили нашему царю войну“, сцена развѣшиванія на воздухъ бѣлья для просушки и проч. составляютъ въ значительной степени содержаніе повѣсти до сцены, въ которой описывается самая ссора.

Это изображеніе Миргорода и его запущенности было, очевидно, снято съ натуры; описаны были даже присутственныя мѣста и находившаяся передъ ними „прекрасная лужа, удивительная лужа“. Этимъ Гоголь нажилъ себѣ множество непримиримыхъ враговъ въ лицѣ миргородскихъ патріотовъ.

Во второй половинѣ повѣсти, т.-е. въ изображеніи самой тяжбы, Гоголь не только остается вполнѣ самостоятельнымъ по отношенію къ Нарѣжному, но и вноситъ гораздо болѣе глубокую идею, замѣняя узко-практическую мораль романа „Страсть къ тяжбамъ“, старавшагося показать единственно ихъ безсмысленность и происходящій отъ нихъ огромный практическій вредъ, изображеніемъ безнадежной пустоты и нравственнаго ничтожества людей, которыхъ и дружба и ненависть имѣютъ самую жалкую,

самую пошлую основу, совершенно соотвѣтствующую убогому уровню ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Какъ извѣстно, Гоголь сосредоточилъ весь комизмъ на ничтожномъ поводѣ къ ссорѣ, возникшей изъ-за слова „гусакъ", подобно тому какъ въ „Мертвыхъ Душахъ" Чичиковъ поссорился съ другимъ таможеннымъ чиновникомъ изъ-за того, что тотъ обидѣлся за обозваніе его поповичемъ, хотя былъ дѣйствительно поповичъ.

Изъ внѣшнихъ слѣдовъ вліянія Нарѣжнаго на Гоголя можно отмѣтить, кажется, только слѣдующій пріемъ въ „Страсти къ тяжбамъ", повторенный и въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ": „Попытай, кто хочетъ и надѣется вѣрно изобразить взоръ и движеніе, обнаруженные тогда паномъ Харитономъ". Ср. у Гоголя: „О, если бы я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи" и проч. [1])

XVI.

Съ конца 1833 года Гоголь сталъ хлопотать о профессурѣ.

Нигдѣ до сихъ поръ не было обращено вниманія на то, какимъ образомъ у него возникла эта мысль. Трудно представить себѣ въ настоящее время, какъ легко смотрѣли въ тридцатыхъ годахъ на замѣщеніе университетскихъ каѳедръ. Одинъ и тотъ же профессоръ сплошь и рядомъ читалъ разные предметы, иногда даже принадлежащіе къ разнымъ отраслямъ наукъ (напр. высшую математику, латинскій языкъ, философію и словесность). Иногда профессоръ ботаники переходилъ на каѳедру русской литературы, какъ это было съ Максимовичемъ, который, впрочемъ, былъ весьма свѣдущъ въ обѣихъ этихъ областяхъ. Но всего страннѣе, что каѳедры могли доставаться людямъ, не имѣвшимъ на то никакихъ правъ, какъ Гоголю, и это не только не казалось чѣмъ-то исключительнымъ и необыкновеннымъ, но люди различныхъ взглядовъ и положеній считали это явленіе, повидимому, вполнѣ нормальнымъ. Во всякомъ случаѣ удивительно, что каѳедра всеобщей исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ была замѣщена неблистательно кончившимъ курсъ воспитанникомъ нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Въ одномъ письмѣ къ Пушкину Гоголь говоритъ даже, что онъ могъ бы еще въ 1830 г. или въ 1831 г. занять каѳедру въ московскомъ университетѣ: „Если бы Уваровъ

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы", 1890, кн. 2-я, стр. 586—587 и „Русск. Арх.", 1890, VIII, 157.

былъ изъ тѣхъ, какихъ не мало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ московскомъ университетѣ, *которое мнѣ предлагали*" (?!). Если это дѣйствительно такъ, то мысль о каѳедрѣ почти тотчасъ же возникла у Гоголя послѣ полученія имъ уроковъ въ Патріотическомъ институтѣ, изъ чего можно заключить, что едва-ли Гоголь не смотрѣлъ на профессорское мѣсто какъ на вполнѣ возможное и естественное административное повышеніе. Если мы припомнимъ при этомъ, что Плетневъ только-что помогъ ему сдѣлаться учителемъ младшихъ классовъ Патріотическаго института, вмѣсто двухъ учительницъ, получившихъ теперь другіе уроки, то притязанія Гоголя окажутся еще болѣе смѣлыми, а между тѣмъ Жуковскій, Пушкинъ, Погодинъ, Плетневъ, Максимовичъ смотрѣли на нихъ какъ на самыя естественныя и законныя. Самъ же Гоголь былъ совершенно убѣжденъ заранѣе, что онъ отличитъ себя отъ „толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты". Очевидно, Гоголь основывалъ свои надежды частью на ходатайствѣ сильныхъ лицъ, частью же на сознаніи своего превосходства генія передъ толпой.

Когда въ 1834 году предстояло открытіе въ Кіевѣ университета св. Владиміра, то мысль о занятіи одной изъ каѳедръ въ немъ снова мелькнула у Гоголя, который попросилъ Пушкина замолвить за него слово передъ министромъ Уваровымъ. Откровенность обоихъ поэтовъ на этотъ разъ дошла до геркулесовыхъ столповъ. Гоголь просилъ безъ всякаго стѣсненія: „если зайдетъ рѣчь обо мнѣ съ Уваровымъ, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива; при этомъ случаѣ выбраните меня хорошенько за то, что живу здѣсь и не убираюсь сей же часъ вонъ изъ города". Пушкинъ не менѣе откровенно отвѣчалъ Гоголю: „Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти „Телеграфа" поговорю и о вашей. Авось уладимъ".

Между тѣмъ въ 1833 г. адъюнктъ московскаго университета, Максимовичъ, былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ ботаники. Успѣхъ его научной и литературной дѣятельности давно уже обратилъ на себя общее вниманіе въ ученомъ мірѣ и былъ оцѣненъ Уваровымъ; исполнилась его давняя мечта, которую онъ лелѣялъ, еще будучи ученикомъ новгородъ-сѣверской гимназіи,—мечта сдѣлаться профессоромъ московскаго университета. Но отъ усиленныхъ занятій съ микроскопомъ зрѣніе Максимовича сильно испортилось и, только-что получивъ желанную каѳедру, онъ былъ при-

нуждень уже подумать объ оставленіи ея. До какой степени онъ отдавался въ то время научнымъ занятіямъ, можно судить по тому, что онъ съ большимъ успѣхомъ трудился одновременно и надъ предметами своихъ спеціальныхъ изученій, и надъ популяризаціей естественныхъ наукъ въ доступныхъ массѣ, простыхъ и занимательныхъ очеркахъ, получившихъ названіе: „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ", и, наконецъ, съ увлеченіемъ занимался словесностью, которую полюбилъ еще студентомъ, когда изучалъ подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Мерзлякова. Особенно Максимовичъ занимался „Словомъ о полку Игоревѣ" и собираніемъ народныхъ пѣсенъ. Но, наконецъ, пришлось позаботиться серьезно о поправленіи здоровья. Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовича не переставало тянуть изъ Москвы на родину, въ Малороссію. Итакъ, неудивительно, что онъ также сталъ заботиться о перемѣщеніи во вновь открываемый на югѣ университетъ. Но тогдашній попечитель кіевскаго округа, фонъ-Брадке, имѣвшій нѣкоторое вліяніе на министра, не иначе соглашался на назначеніе Максимовича въ Кіевъ, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ вмѣсто ботаники принялъ на себя преподаваніе словесности, для которой кромѣ него не находилось достойнаго профессора. Послѣ нѣкотораго колебанія предложеніе было принято, тѣмъ болѣе, что Максимовичъ уже былъ въ значительной степени подготовленъ къ каѳедрѣ своими прежними занятіями и находилъ себѣ рѣдкаго помощника и отчасти руководителя въ извѣстномъ знатокѣ русской литературы—митрополитѣ Евгеніи Болховитиновѣ.

Во время этихъ переговоровъ Максимовичъ не могъ не вспомнить о своемъ пріятелѣ Гоголѣ, съ которымъ они дѣятельно переписывались, пересылая другъ другу вновь найденныя народныя пѣсни. Достаточно было Максимовичу подать эту мысль Гоголю, какъ послѣдній составилъ уже цѣлый планъ дѣйствій. Гоголь съ свѣтлой надеждой вступилъ въ новый 1834 годъ, выраженной имъ въ извѣстномъ посланіи къ генію; онъ совсѣмъ уже мечталъ о совмѣстномъ перемѣщеніи съ Максимовичемъ и жалѣлъ, что Погодинъ купилъ домъ въ Москвѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ можно бы и его уговорить переселиться въ Кіевъ. Онъ писалъ Пушкину: „Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ же я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и юга Россіи и напишу Всеобщую Исторію, *которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только въ Россіи, но даже и въ Европѣ нѣтъ.* А сколько соберу тамъ преданій, повѣстей, пѣсенъ и проч. Кстати,

ко мнѣ пишетъ Максимовичъ, что хочетъ оставить московскій университетъ и ѣхать въ кіевскій. Ему вреденъ климатъ. Это хорошо. Я его люблю. У него въ Естественной Исторіи есть много хорошаго, по крайней мѣрѣ ничего похожаго на галиматью Надеждина. Еслибы Погодинъ не обзавелся домомъ, я бы уговорилъ и его проситься въ Кіевъ". Въ то же время Гоголь сильно увлекался вновь найденными старинными рукописями, лѣтописями, но больше всего пѣснями, о которыхъ онъ говорилъ: „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Чтò всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими живыми лѣтописями"! Подъ вліяніемъ своихъ новыхъ увлеченій, Гоголь говоритъ уже, что ему „надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его". Кіевъ онъ надѣялся уже обратить въ „русскія Аѳины". Между тѣмъ встрѣтились препятствія для осуществленія этой мечты. Уваровъ сначала затруднялся назначить Максимовича, ординарнаго профессора ботаники, профессоромъ русской словесности; но всѣ эти помѣхи еще болѣе подогрѣвали энтузіазмъ Гоголя, который началъ бранить своего нерѣшительнаго и непредпріимчиваго друга за пристрастіе къ „старой бабѣ Москвѣ", и пробовалъ дѣйствовать на него даже такими соблазнами, какъ напр.: „Типографія будетъ подъ бокомъ. Чего же больше? А воздухъ! а гливы! а ройзъ! а соняшники! а паслінъ! а цыбуля! а вино хлѣбное! Тополи, груши, яблони, сливы, морели, деренъ, вареники, борщъ, лопухъ!" Особенно выводила Гоголя изъ терпѣнія въ Максимовичѣ его апатія въ отношеніи къ дѣйствію на сильныхъ міра. Гоголь усиленно звалъ его въ Петербургъ, и хотя убѣдилъ хлопотать за него князя Вяземскаго и Жуковскаго, но полагалъ, что и личное присутствіе Максимовича не помѣшало бы. „Пріѣзжай,—повторялъ онъ Максимовичу, —я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валяй! потому что зѣвать не надобно: какъ разъ какой-нибудь олухъ влѣзетъ на твою каѳедру".

Но пока Гоголь тревожился за Максимовича, дѣло приняло другой оборотъ: неожиданно онъ узнаётъ о назначеніи на каѳедру средней исторіи въ университетѣ св. Владиміра нѣкоего Цыха. Это извѣстіе тѣмъ болѣе должно было поразить Гоголя, что, получивъ обѣщаніе отъ министра, онъ и не сомнѣвался, что мѣсто это будетъ за нимъ, но испортилъ самъ дѣло несогласіемъ ѣхать въ качествѣ адъюнкта. Въ сильной досадѣ и безпокойствѣ бросился Гоголь разузнавать у Погодина и Максимовича о томъ, кто этотъ Цыхъ, и почему онъ получаетъ каѳедру, и нельзя ли склонить его перейти на каѳедру русской исторіи, которая оста-

валась пока вакантной. Дѣло вступило въ новый фазисъ: за Максимовича безпокоиться было ужъ нечего, такъ какъ даже Уваровъ теперь не только соглашался, но сильно желалъ назначить его на каѳедру русской словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать ректоромъ вновь открываемаго университета, въ которомъ служащіе были почти поголовно поляки или иностранцы. Гоголь уже пересталъ звать его въ Петербургъ, но, напротивъ, просилъ ходатайствовать за себя: „Слушай,—писалъ онъ Максимовичу:—сослужи службу: когда будешь писать къ Брадке, намекни ему вотъ какимъ образомъ, что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, еслибы залучили въ университетъ Гоголя; что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣденія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе Булгарина къ грамматикѣ Греча, или Греча къ романамъ Булгарина". Хотя Гоголь и совѣтовалъ въ то же время Максимовичу, чтобы скорѣе собраться въ Кіевъ, не очень смущаться задержками („смѣлѣе съ ними: одно пò боку, другому киселя дай, и все кончено скоро"), но собственный его переѣздъ, мысль о которомъ онъ все еще не оставлялъ, остановился вслѣдствіе нѣсколько страннаго предложенія Брадке вмѣсто всеобщей исторіи взять каѳедру русской. „Право,—замѣчаетъ не безъ основанія Гоголь,—странно они воображаютъ, что различіе предметовъ—это такая маловажность, и что кто читаетъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку". Гоголь тѣмъ болѣе былъ разсерженъ назначеніемъ какого-то совершенно неизвѣстнаго Цыха, что за него хлопотали Жуковскій, Дашковъ, Блудовъ, Пушкинъ. Въ досадѣ онъ говоритъ: „Слышу увѣренія, ласки и больше ничего! Чортъ возьми! они воображаютъ, что у меня недостанетъ духу плюнуть на все!" „Ты видишь,—пишетъ онъ Максимовичу,—что сама судьба вооружается, чтобы я ѣхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно, потому что мнѣ нужно, мнѣ очень нужно: *мое здоровье, мое занятіе, мое упрямство требуютъ этого*" (Слово: *досадно* нѣсколько разъ повторено въ письмѣ). Но еще болѣе разсердился Гоголь, когда и Максимовичъ, въ утѣшеніе ему, написалъ въ отвѣтъ, что, по его мнѣнію, Гоголь могъ бы согласиться взять каѳедру русской исторіи. „Тебя удивляетъ,—возражалъ Гоголь,—почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. Чортъ возьми, еслибы я *не согласился взять скорѣе* ботанику или патологію, нежели русскую исторію.

Еслибы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что̀ я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что̀ тебѣ Москву: здѣсь все, что̀ было мило, что̀ дорого моему сердцу, люди, съ которыми сдружилась и которыхъ алчетъ душа, все, что̀ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ. Бросивши все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всѣми мѣрами то, что̀ можетъ вызвать ее. И ты вдобавокъ хочешь еще, чтобы самая должность была для меня тягостна". Дѣйствительно, перспектива близкой разлуки съ Петербургомъ обнаружила, что Гоголь былъ привязанъ ко многому въ этомъ городѣ. То же говорилъ онъ и Погодину, желавшему устроить Гоголя московскимъ адъюнктомъ. И ему Гоголь отвѣтилъ не безъ раздраженія: „Прося профессуру въ Петербургѣ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ, большихъ и малыхъ; но, взявши московскаго адъюнкта, я не буду сытъ, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего чухонскаго, петербургскаго".

Гоголю, конечно, всего тяжелѣе было разставаться съ своими нѣжинцами, изъ которыхъ въ то время самымъ близкимъ къ нему былъ Прокоповичъ (Данилевскаго тогда не было въ Петербургѣ). По словамъ Данилевскаго, это была чрезвычайно даровитая личность. Но Прокоповичъ вдругъ увлекся въ Петербургѣ театромъ до того, что хотѣлъ поступить на сцену, но вмѣсто того поступилъ въ театральную школу. Это всѣхъ сильно поразило: человѣкъ съ большимъ развитіемъ и знаніями садится на скамью театральнаго училища! Онъ былъ чрезвычайно скроменъ, и эта скромность губила его; еще въ Нѣжинѣ онъ сталъ выдаваться и заявлять себя. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ актеромъ Сосницкимъ, и тотъ его завербовалъ. Вѣроятно, къ этому времени относится также начало знакомства Гоголя съ Сосницкимъ. Вскорѣ Прокоповичъ познакомился съ Комаровымъ, племянникомъ Ѳедорова, тогдашняго начальника театральной школы, а Комаровъ, въ свою очередь, ввелъ въ нѣжинскій кружокъ Анненкова и черезъ него же Прокоповичъ и Гоголь узнали впослѣдствіи Бѣлинскаго...

Такимъ образомъ, роли перемѣнились: Максимовичъ уже охотно собирался въ Кіевъ, хотя вскорѣ соскучился тамъ по Москвѣ, но Гоголь уже не рѣшался съ легкимъ сердцемъ оставить Петербургъ, хотя все-таки ни за что не хотѣлъ отказаться отъ своей любимой мечты о Кіевѣ и съ свойственной ему самоувѣренностью писалъ Максимовичу: „Не предавайся заранѣе ни-

какимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, *непремѣнно* буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... Чортъ возьми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніи ѣхать въ Кіевъ, хотя не раннею осенью, или зимою; *но когда бы то ни было, а все-таки буду*. Я далъ себѣ слово, и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не пробили человѣческія силы и желаніе". Уже Гоголь живо представлялъ въ своемъ воображеніи всѣ подробности предстоявшей ему, какъ онъ думалъ, жизни въ Кіевѣ и такъ увѣренно приготовлялся къ совмѣстной жизни въ немъ съ Максимовичемъ, что прямо говорилъ уже: „нашъ Кіевъ", „наше солнце" и „нашъ воздухъ". Онъ даже подыскивалъ себѣ для кіевскаго университета товарищей, которые могли бы также занять тамъ каѳедры, а объ одномъ изъ нихъ такъ писалъ Максимовичу: „Замолвь словечко Брадке, но не прямо, а косвенно, вотъ какимъ образомъ: что ты знаешь-де человѣка, весьма годнаго занять мѣсто и истинно достойнаго, но не знаешь-де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣетъ выгодное мѣсто, и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ, что онъ прежде хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ, то попробовать, можетъ быть онъ согласится, — тѣмъ больше, что тамъ близко его родные". Этотъ товарищъ Гоголя былъ Шаржинскій; позднѣе онъ рекомендовалъ еще Тарновскаго.

Но вдругъ Гоголь получилъ предложеніе отъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, князя Дондукова-Корсакова, занять каѳедру экстра-ординарнаго профессора средней исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Онъ рѣшился взять это мѣсто, но все-таки съ тою мыслью, что послѣ ему легче будетъ перейти изъ столицы въ Кіевъ; онъ даже настойчиво просилъ Максимовича купить ему въ Кіевѣ мѣсто для дома, „гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы оттуда былъ виденъ и кусочекъ Днѣпра".

Но вскорѣ извѣстная неудача по каѳедрѣ въ Петербургѣ заставила его отложить навсегда всякіе помыслы объ ученой карьерѣ. Гоголь былъ профессоромъ полтора года (1834—1835). Въ началѣ 1835 г. онъ издалъ „Арабески" и почти вслѣдъ за ними „Миргородъ" и совершенно посвятилъ себя драматическимъ произведеніямъ, а позднѣе—„Мертвымъ Душамъ".

Такимъ образомъ, подробное изученіе обстоятельствъ жизни Гоголя въ 1832 — 1835 годахъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Съ внѣшней стороны главной отличительной чертой, харак-

теризующей Гоголя въ это время, какъ и въ предшествующіе два года, было стремленіе проложить себѣ дорогу, составить карьеру. Заботы объ этомъ, какъ мы видѣли, простирались у него слишкомъ далеко, доходя, наконецъ, до претензій на университетскую каѳедру, для которой онъ не былъ вовсе подготовленъ. Но, съ другой стороны, онъ перенесъ много толчковъ, неудачъ, разочарованій, познакомился ближе съ житейской пошлостью и пустотой, и его міросозерцаніе утратило совершенно тотъ юношескій оптимизмъ, который такъ силенъ былъ въ немъ передъ пріѣздомъ въ столицу и отчасти въ первые годы жизни въ ней.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ творчествѣ Гоголя замѣчается нѣкоторый переворотъ: онъ былъ уже гораздо менѣе склоненъ къ энтузіазму и къ созданію идеальныхъ поэтическихъ образовъ, нежели къ изображенію смѣшныхъ и пошлыхъ сторонъ жизни. Наконецъ, какъ онъ самъ говоритъ въ „Авторской исповѣди“, онъ увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ своихъ смѣется даромъ, и убѣдился, что „если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго“. Это сознаніе созрѣло у него постепенно, отчасти подъ вліяніемъ Пушкина, склонявшаго его къ избранію болѣе крупныхъ сюжетовъ, созрѣло въ серединѣ тридцатыхъ годовъ и, наконецъ, повело его по новой дорогѣ, внушивъ ему стремленіе къ раскрытію и обличенію глубокихъ общественныхъ язвъ.

Съ этой поры открывается самый блестящій періодъ литературной дѣятельности, такими крупными произведеніями, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“.

В. Шенрокъ.

ВЪ ИРЛАНДСКОЙ ГЛУШИ

Изъ дневника петербургской барышни.

ПОВѢСТЬ.

Графство Доунъ. 20-го (8-го) іюня, 188* г.

...Вотъ и опять мы съ мамой основались въ деревенскомъ домѣ ея пріятельницы, миссисъ Гринфордъ. Славное это мѣсто. Мнѣ въ немъ все по душѣ, начиная съ стариннаго, немного выцвѣвшаго убранства дома до солнечныхъ часовъ посреди веселаго пестраго сада, въ которомъ такъ роскошно цвѣтутъ безчисленныя розы, большею частью давно вышедшія изъ моды.

Но какое смѣшное названіе: „Балитаборбегъ". Дикъ объяснилъ мнѣ, что по-кельтски это значитъ: городъ маленькаго колодца.

Мнѣ очень нравится, что, несмотря на все презрѣніе, въ которомъ находится кельтскій языкъ у дворянъ-протестантовъ, этотъ мальчикъ свободно понимаетъ говоръ католическихъ бѣдняковъ. Правильный англійскій языкъ—и католическое, и протестантское простонародье слышитъ только въ школахъ.

Дикъ вообще очень хорошій мальчуганъ, и чѣмъ ближе я его узнаю, тѣмъ больше онъ мнѣ нравится. Въ немъ нѣтъ ни капли того нездороваго преждевременнаго серьезничанья, которымъ такъ грѣшатъ наши мальчишки его лѣтъ; ни малѣйшей склонности къ школьной хвастливости своими познаніями.

Онъ—настоящій ребенокъ, который по-дѣтски веселится и по-дѣтски хитритъ, когда ему хочется чего-нибудь добиться; а между тѣмъ онъ такой смѣлый и ловкій, въ немъ всегда столько

сознанія отвѣтственности за свои слова и поступки, что ему я могла бы довѣриться больше, чѣмъ многимъ взрослымъ. Жаль только, что онъ такой худенькій и маленькій. Миссисъ Гринфордъ говоритъ, что ему пошелъ тринадцатый годъ, а я бы, право, не дала ему и десяти. Впрочемъ, вѣдь онъ все болѣлъ въ дѣтствѣ. Изъ-за этой-то хилости единственнаго ребенка его мать и разъѣзжала постоянно по югу Европы, гдѣ мы съ ней не разъ встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ. Ихъ путешествія прекратились только когда Дикъ поступилъ въ школу. Да и то мать не даетъ ему заучиваться, и половину года они проводятъ въ деревнѣ. Хвалю ее за это!

Однако, если писать дневникъ, то писать все по порядку, а не прыгать съ предмета на предметъ.

Дома, въ Россіи, наша вторичная поѣздка въ это ирландское захолустье возбудила много толковъ, недоразумѣній и предположеній. Братъ Саша пишетъ мнѣ изъ Москвы, что разныя старушки, мамины пріятельницы, единогласно рѣшили: „эта дѣвчонка командуетъ *бѣдной* Ларисой Николаевной направо и налѣво". Подъ „дѣвчонкой" подразумѣваюсь, конечно, я. А ужъ дѣвицы-то молодыхъ и среднихъ лѣтъ, такъ-называемыя мои подруги, успѣли сочинить цѣлую исторію. Оля Масаргина сама слышала на музыкѣ въ Петергофѣ, какъ одна изъ нихъ разсказывала тому самому всепобѣдительному ученому артиллеристу, котораго мы прозвали господинъ Касторкинъ:

„...Таня Ухромская—вы помните ее?.. такая высокая, безъ кровинки въ лицѣ... та, что̀ такъ бьетъ на оригинальность разговора и прически... та, что̀ у княгини Синепольцовой на балу... ну да, ну да, вотъ эта самая!—уѣхала въ Ирландію. Такъ далеко!.. Не правда ли, странно? А впрочемъ, будь я на ея мѣстѣ, я бы и подальше отъ себя самой убѣжала... Какъ изъ-за чего?.. Ну, да можетъ ли быть, чтобы вы не слыхали! Я не могу назвать его имени, ça va sans dire, но, къ Танину несчастью, его не прельстишь, какъ оказывается, ни малокровною блѣдностью, ни остроумными causeries. Это вѣдь старая исторія, тянется чуть-что не съ перваго бала бѣдной Тани. Мы всѣ это знаемъ... Впрочемъ, *я* тогда еще не выѣзжала!.."

— А? Ну, скажите, пожалуйста!

И вѣдь навѣрное, еслибъ не ужасъ предъ внезапной мыслью: „а вдругъ ему придетъ фантазія считать года? и вдругъ онъ вспомнитъ, что Таня вовсе не старше, а, пожалуй, даже моложе меня?" — вѣрно эта такъ-называемая подруга наговорила бы и больше. И зачѣмъ, съ какою цѣлью? Вѣдь такими полу-

намеками, полупечалованіями на мой счетъ она только того и достигнетъ, что блистательный артиллеристъ, при случаѣ, сочтетъ своимъ долгомъ проговорить съ подобающей небрежностью: „Ухромская, да, я помню, про нее что-то много говорили прошлымъ лѣтомъ... Кажется, про нее?.. А, впрочемъ, ихъ такое количество въ Петербургѣ, этихъ танцующихъ дѣвицъ, что я не всегда ихъ отличаю одну отъ другой"...

Психопаты петербургскіе! Имъ обоимъ, и моей такъ-называемой подругѣ, и господину Касторкину, я могу простить, только вспомнивъ, какъ они другъ другу и себѣ самимъ надоѣли и какая имъ всѣмъ тоска въ этихъ несчастныхъ Павловскахъ и Петергофахъ!

Однако, я начинаю злиться. На душѣ—знакомое противное чувство, будто передъ моимъ окномъ надоѣвшая до отвращенія Мойка, а не яркая лужайка, покрытая бѣлыми маргаритками и выхоленная съ истинно британскимъ умѣньемъ.

Вообще прелестный видъ изъ моего окна. Разноцвѣтныя, отъ темно-коричневаго до ярко-зеленаго, поля и нивы на безконечныхъ пригоркахъ, которые всѣ расчерчены вдоль и поперекъ линіями низенькихъ каменныхъ заборовъ и межевыхъ канавъ, поросшихъ камышемъ да желтыми ирисами. Обрывки желтовато-сѣрыхъ, пыльныхъ дорогъ проглядываютъ то тамъ, то здѣсь, по косогорамъ, изъ своихъ темно-зеленыхъ рамокъ мелкорослаго боярышника. Я очень рада, что мнѣ тоже видна эта уцѣлѣвшая стѣна не то зáмка, не то крѣпости. А если я подвинусь немного влѣво, то за развалиной мнѣ виднѣется лощина и на ней только чуть-чуть, только самая верхушка громадныхъ друидическихъ камней, какихъ въ этихъ мѣстахъ много.

Чтò насъ заставляетъ второе лѣто забираться въ этотъ захолустный Балитаборбегъ?

Написала я этотъ вопросъ и вспомнила, какъ хорошо на него отвѣтила прямодушная, безхитростная мама, когда мнѣ и въ голову не приходило задавать его.

Мы съ ней гуляли на дняхъ и намъ случилось проходить мимо очень бѣдной, маленькой фермы. Покосившаяся дверь ея была раскрыта настежъ и куры свободно входили въ убогую комнату, возвращались на улицу или исчезали на задворкахъ черезъ дверь въ противоположной стѣнѣ. На дворѣ рылась въ жидкой грязи громадная грязная-прегрязная свинья, и пара связанныхъ цѣпью козъ съ глупыми желтыми глазами шарахалась отъ насъ во всѣ стороны. Вотъ и все незавидное хозяйство.

Зато бѣлоголовыхъ замазуль-ребятишекъ, со вздутыми отъ

нездоровой пищи животами, оказалось больше, чѣмъ было нужно для того, чтобы мирный стиль этой деревенской картины былъ выдержанъ до конца. При нашемъ приближеніи они подняли страшный рёвъ, всѣ стараясь спрятаться за единственный кустъ чахлыхъ бѣлыхъ розъ.

Мать этой дѣтворы мы увидѣли копающейся въ картофельной грядѣ. Она подняла на насъ худое лицо, еще далеко не старое, но все изборожденное мелкими морщинами, какія я замѣчала только у женщинъ, работающихъ цѣлый день на открытомъ воздухѣ, подъ солнцемъ и подъ дождемъ, отерла рукавомъ потъ со лба и учтиво сдѣлала намъ книксенъ.

Мама остановилась будто посмотрѣть на „что-то ужъ очень красиваго пѣтуха", какъ она поспѣшила заявить (дай Богъ, чтобъ въ ней не воскресла опять ея пагубная страсть къ куроводству, изъ котораго никогда ничего не выходило и на которое тратилась цѣлая прорва денегъ), но я очень хорошо знала, что на самомъ дѣлѣ моя старушка отстала просто для того, чтобы тайкомъ отъ меня дать бѣднымъ дѣтямъ леденцовъ или два-три пенса. Она ужасно сердится, когда я замѣчаю это.

Я себѣ шла впередъ и она скоро догнала меня.

— Вотъ за что я люблю Ирландію,—сказала она, прикалывая къ груди парочку розъ, подарокъ любезной фермерши.— И бѣднота-то въ ней, и грязь, и убожество, словно у насъ въ Россіи по деревнямъ, а люди въ ней, особливо бѣдный людъ, какъ-то учтивѣе, деликатнѣе, чѣмъ вообще „по заграницѣ". Въ Германіи, даже во Франціи я всегда боюсь заговорить съ простымъ народомъ,—ты чего смѣешься?—право, боюсь,—а вдругъ они на меня фыркать начнутъ! А тутъ нѣтъ этой важности, самодовольства этого... Я тутъ барыня, совсѣмъ будто дома! И народъ здѣсь добрый и забитый, и тишины много... Одно не такъ: мнѣ здѣсь никого не жалко, а дома, какъ попаду къ намъ въ Тихій Пріютъ, такъ мнѣ сердце и щемитъ! такъ и щемитъ, будто я виновата, обидѣла что-ли кого, или кто по моей винѣ несчастный, пренесчастный, возлѣ меня...

Вотъ именно!

Здѣсь и зелено, и свѣжо, и красиво, а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь намъ никого не жалко, на насъ здѣсь никто не фыркаетъ, какъ въ Германіи и, главное, никто не пристаетъ съ разспросами о пьянствѣ русскаго народа, о недостаточности грамотности въ Россіи и о графѣ Толстомъ. Дома я, какъ и многіе другіе, изнываю подъ бременемъ всякихъ душевныхъ осложненій и противорѣчій, а въ Европѣ послѣдніе годы такъ навострились на-

счетъ нашей матушки святой Руси, такъ знаютъ наши дворянскія юродствованія и настоящія больныя мѣста и, главное, такъ полюбили нахальничаньемъ прикрывать свой страхъ передъ нашей мощью, которая, несмотря ни на что, все-таки чувствуется всѣми, что впечатлительному россіянину препротивны стали пребыванія въ разныхъ Баденахъ, пестрыхъ watering places и международныхъ отеляхъ Швейцаріи.

Вѣдь вотъ, что за умница моя мама! Какъ она ясно и просто умѣетъ высказать свои самыя тонкія, самыя задушевныя чувства! Сколько я ни копайся въ своемъ мозгу, въ своихъ ощущеніяхъ, мнѣ бы такъ опредѣлить никогда не удалось.

22-го іюня.

Дикъ постучался ко мнѣ раннимъ утромъ.

— Что такое, Дики?

— Мама говоритъ, miss Tania, что утро такое славное и хорошо было бы намъ пойти къ камнямъ кровавоглазаго Падди. Вы вѣдь давно хотѣли?—прибавилъ онъ съ просьбой въ голосѣ.

— Да, конечно. Но кто же именно пойдетъ?

— Вы и я. Мы пойдемъ прямикомъ черезъ поля. Хорошо? Да, впрочемъ, если и дорогой идти, то все-таки, подъ конецъ, не миновать того поля, что̀ фермеръ Томсонъ засѣялъ въ этомъ году льномъ. А вокругъ него—вы знаете, какая глубокая канава... Именемъ святой Джемимы! вашей матери ни за что ее не перескочить.

И я услышала, что Дикъ сдержанно хихикнулъ за дверью, вѣроятно, представивъ себѣ, какъ бѣдная толстая „мэдамъ Ouk-romsky“ будетъ прыгать черезъ рвы.

— Обо мнѣ не безпокойтесь!—откликнулась мама, услышавъ его послѣднее замѣчаніе.—Я и безъ васъ отлично погуляю.

— Ну, хорошо, Дикъ. Пойдемте,—рѣшила я.

— Hip, hip, hourra!—закричалъ онъ своимъ смѣшнымъ мѣняющимся голосомъ и тутъ же прибавилъ:—Постойте, подождите меня одну секунду. Надо сбѣгать въ кладовую. Ужъ я знаю, вы, навѣрное, проголодаетесь на половинѣ пути.

Я, разумѣется, не замедлила заявить, что проголодаюсь не я, а онъ, и что нечего ему прикрывать свой необычайный аппетитъ моей почтенной особой, но онъ не слушалъ, а устремился внизъ по лѣстницѣ, перепрыгивая по три ступеньки сразу, какъ только онъ одинъ умѣетъ. Прежде я всегда пугалась при этомъ, ожидая, что онъ свалится неминуемо, но онъ увѣряетъ, что не можетъ ушибиться, такъ какъ еще въ младенчествѣ „продалъ всѣ свои кости на сахарный заводъ“...

Я знала, что онъ безъ труда догонитъ меня, и пошла по веселой лужайкѣ, чтò передъ домомъ, раздумывая о томъ, о семъ. Я уже перешагнула черезъ проволоку, которая мѣшаетъ чужому скоту забираться въ паркъ, и оставила ее далеко за собою, когда Дикъ поровнялся со мной, вертя надъ головою корзиночку, въ которой, какъ я легко угадала, были его возлюбленныя тартинки съ ежевичнымъ вареньемъ.

— Начинается наша скачка съ препятствіями!—отпыхиваясь, воскликнулъ онъ.—Посмотримъ, кто возьметъ первый призъ, Россія или Ирландія. Разъ, два, три!

И оперевшись однѣми руками на каменную ограду перваго поля, онъ въ мгновеніе ока перелетѣлъ черезъ нее всѣмъ тѣломъ. Онъ это дѣлаетъ ужасно ловко! А мнѣ пришлось поискать грубаго подобія ступенекъ, какими заботливыя фермерши всегда снабжаютъ свои ограды. Найти ихъ не трудно и не онѣ составляютъ мое затрудненіе въ прогулкахъ съ Дикомъ. Моя бѣда—канавы, наполовину полныя водой. Около нихъ почва неизмѣнно топкая, болотистая. Скользко, нога вязнетъ, за травой и камышомъ не видно, чтò тамъ подъ ними, вода или земля. Дикъ называетъ это „брать рвы"...

Передъ первой же изъ канавъ я почувствовала полный упадокъ энергіи. Я пробовала и такъ, и этакъ, моля Дика о помощи. Онъ уже давно съ разбѣгу, обѣими ногами сразу перескочилъ эту зіяющую пропасть и отъ души потѣшался надъ моей неумѣлостью.

— Да подите же сюда, Дики! Дайте мнѣ вашу руку.

Какъ неудобно, что у англичанъ не употребляется слово ты! Смѣшно, записывая наши англійскіе разговоры по-русски, говорить Дику *вы*.

— Не могу, увѣряю васъ. Развѣ вы не видите, что я для васъ же, съ опасностью жизни, составляю букетъ изъ ирисовъ. Вѣрьте моей опытности, старайтесь преодолѣвать трудности собственными усиліями. Ребенокъ никогда не научится ходить, если взрослые люди вѣчно будутъ поддерживать его.

Постой же ты, противный мальчишка! Догоню я тебя когда-нибудь!—утѣшала я себя.

Наконецъ, я въ полномъ отчаяніи опустилась на землю. Я, право же, не шутя обрадовалась, увидѣвъ, что, подъ предлогомъ собиранія цвѣтовъ, Дикъ устроивалъ мнѣ отличный мостикъ изъ камней и торфа. Но, чтобъ не портить ему удовольствія удивить меня, я продолжала перебраниваться съ нимъ.

— Кто это говоритъ о взрослыхъ людяхъ, удивляюсь! Дики!

поднимите вверхъ руки и станьте на цыпочки,—мнѣ совсѣмъ не видно васъ въ травѣ.

— Стыдно, miss Тапіа. Развѣ вы не знаете, что говорить личности есть признакъ дурного воспитанія. Лучше пойдите сюда. Маленькія зеленыя феи, здѣшнія хозяйки, создали для васъ мостъ. Идите, идите, не бойтесь!—повторялъ онъ.—Закройте глаза, обопритесь на мою мускулистую руку. Такъ, хорошо! Теперь вы можете перекреститься.

Въ концѣ концовъ, я переправилась-таки на другой берегъ.

— Съ чего вы взяли, что я стану креститься?—спросила я, торопливо шагая, чтобъ нагнать потерянное время.

— А развѣ вы, русскіе, не креститесь до и послѣ опасности? Вы думаете, я не замѣчаю, что мэдамъ Укромски всегда крестится передъ нашимъ вегетаріанскимъ обѣдомъ. Я сперва много думалъ, зачѣмъ она это дѣлаетъ, а послѣ догадался, что со страху.

Мама, въ самомъ дѣлѣ, садясь за обѣдъ, всегда осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, по своей русской привычкѣ, но за границей она крестится самымъ маленькимъ крестомъ, чтобы не обращать на себя вниманія. Такая наблюдательность Дика меня очень забавляла, но я молчала, зная, что миссисъ Гринфордъ не поблагодаритъ меня, если я стану поощрять его къ такимъ шуткамъ. Онъ и самъ скоро спохватился.

— Впрочемъ, мнѣ кажется, что глупо такъ шутить. Вѣдь и мама ни къ чему не притронется, пока я не прочту молитвы. Одинъ народъ—такъ, другой — иначе! Прежде молитву читалъ отецъ, а теперь я. Теперь вѣдь я глава семьи!—сказалъ Дикъ, и его дѣтское лицо на минуту сдѣлалось совсѣмъ серьезнымъ и задумчивымъ, но все-таки онъ не унимался.

— Какъ вы думаете,—заговорилъ онъ опять,—вѣдь это была глупая шутка съ моей стороны? Вѣдь мы съ вами друзья, не правда ли? Говорите мнѣ все, что̀ думаете, и я тоже буду всегда говорить вамъ одну правду. Обѣщаемъ это другъ другу. Хорошо?

Въ такихъ мирныхъ разговорахъ мы обогнули подошву за̀мка. Скачка съ препятствіями, безъ сомнѣнія, прекрасное занятіе, но, тѣмъ не менѣе отъ нея мнѣ стало такъ жарко, что, не добредя еще до самыхъ камней, я съ наслажденіемъ растянулась на сладко пахнувшемъ медомъ и свѣжестью клеверѣ.

Утро было дѣйствительно славное, свѣжее, яркое. На небѣ ни облачка. Чуть-чуть пригрѣтый сѣвернымъ солнцемъ воздухъ былъ пропитанъ запахомъ козьяго листа, вьющагося по всѣмъ

изгородямъ и деревьямъ; кусты шиповника были осыпаны бѣлыми и розовыми звѣздочками, а изгородь балитаборбегскаго сада издали казалась покрытою малиновыми, бѣлыми и лиловыми пятнами отъ множества цвѣтущихъ вдоль ея рододендроновъ.

Красногрудые зяблики, малиновки, чижики пѣли по кустамъ неумолчно. Дикъ всѣхъ ихъ умѣетъ отличать по голосу. Какая-то рѣзвая парочка, съ пресмѣшными желтыми хохолками, усѣлась на самый верхъ старыхъ угрюмыхъ камней, свидѣтелей стольких молчаливыхъ вѣковъ, и такъ и надрывала свои крошечныя горлышки. Только-что одна изъ нихъ выведетъ свою звенящую чистую пѣсенку, ужъ затягиваетъ другая. На старомъ дубу, около развалины ворковали дикіе голуби.

Чудесно! настоящая привольная деревня. Нигдѣ нѣтъ ни намека на городскую суетню. Ни желѣзныхъ дорогъ, ни фабрикъ не увидишь, въ какую сторону ни посмотри.

Къ довершенію моего удовольствія, гдѣ-то неподалеку заработала машина для косьбы. Я очень люблю лѣтнимъ днемъ слышать шарпанье желѣза о траву и камни. Это всегда напоминаетъ мнѣ дѣтство, беззавѣтное веселіе нашей жизни съ Сашей въ Тихомъ Пріютѣ.

Я лежала, закинувъ руки за голову, скользя глазами то по синему небу, то по яркой зелени, то по тяжелой грудѣ сѣрыхъ камней, въ расположеніи которыхъ мнѣ такъ ясно видѣлась сознательная человѣческая мысль.

Дикъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и блистающими глазами, бѣгалъ вокругъ меня, кувыркался и принимался болтать всякій вздоръ каждый разъ, что одна тартинка была проглочена и онъ доставалъ другую. Его никакая усталость не беретъ.

Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный.

— Не говорите, не говорите ни слова! — воскликнулъ онъ громкимъ шопотомъ.—Слышите? Въ этой пѣснѣ *все* про эти камни и зàмокъ.

Я прислушалась. Въ самомъ дѣлѣ, легкій вѣтерокъ доносилъ до насъ, вмѣстѣ съ запахомъ только-что скошенной травы, отрывки какой-то тихой, странной пѣсни. Мы пошли на звукъ ея, едва ступая и воздерживаясь проронить слово, такъ мы боялись спугнуть невидимаго пѣвца. Голосъ зазвучалъ совсѣмъ явственно. Безъисходная печаль и какая-то дикая самобытность напѣва такъ и приковали мое вниманіе. Да и голосъ былъ какой-то странный, глухой и немножко хриплый, но такой гибкій и вѣрный. Я никогда ничего подобнаго не слыхала.

— Слышите, какъ хорошо!—не выдержалъ Дикъ:—это ста-

ринная баллада про рыцаря и бѣднаго синеглазаго Падди. Ахъ, да я забылъ! вы вѣдь не понимаете. Это по-кельтски. И кто это поетъ, хотѣлъ бы я знать, и гдѣ онъ? Этой пѣснѣ, можетъ быть, тысяча лѣтъ.

И навѣрное ей было если не тысяча, то не одна сотня лѣтъ. По крайней мѣрѣ, у меня было все время такое впечатлѣніе, будто и пѣсня, и самый голосъ—не болѣе, какъ отголосокъ чего-то давно прошедшаго и пережитаго, чего-то, чему никогда не вернуться. Именно здѣсь, особенно въ этой мирной обстановкѣ, онъ звучалъ словно по волшебству. Мое воображеніе заработало. Мнѣ вспомнились ирландскія сказанія о томъ, какъ невидимые духи, заключенные кудесническою силою сказочнаго до-историческаго народа *Туата-де-Данаинъ* въ камняхъ и деревьяхъ, подаютъ голосъ почеловѣчьи и поютъ такъ прекрасно, что люди заслушиваются ихъ и по сей день, несмотря на весь свой суевѣрный ужасъ.

Всякому было ясно, что это пѣлъ человѣкъ, никогда не учившійся пѣть, даже, по всей вѣроятности, никогда не слыхавшій настоящей музыки; а между тѣмъ, прислушиваясь къ его словно рыданіемъ сдавленному голосу, я испытывала чувство безконечнаго простора, дали и шири и вмѣстѣ сладостной, непонятной даже мнѣ самой, грусти. У меня это чувство бываетъ подолгу, если мнѣ вспомнятся строчки:

„Пламя ль блещетъ? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется,
Мать ли пѣстуетъ дитя?
Или то воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье,
Или смерти то привѣтъ?..“

Мы оба слушали, затаивъ дыханіе и напряженно глядя въ ту окраину луга, которая была уже скошена и откуда раздавалось пѣніе. Намъ такъ хотѣлось увидѣть необычайнаго пѣвца, но долго мы не видали ничего, кромѣ скирдъ сохнувшей на солнцѣ травы.

Мнѣ показалось, что одна изъ нихъ шевельнулась, словно подъ нею былъ кто-нибудь.

Пѣсня сразу оборвалась. Мы услышали не то безсмысленный смѣхъ, не то сдержанный стонъ, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ изъ-подъ сѣна показалась голова въ изломанномъ старомодномъ цилиндрѣ, а потомъ и весь человѣкъ выкарабкался и сталъ во весь ростъ.

Наконецъ-то мы увидѣли того, кто такъ славно пѣлъ... Но лучше бы мы совсѣмъ его не видали!

Какимъ худымъ и угловатымъ казалось его длинное, костлявое тѣло, едва прикрытое грязными лохмотьями, какъ безпомощно сгибалась его спина, вся еще покрытая клочьями сѣна, и, главное, какъ непріятно блуждали его мутные, сѣрые глаза!

Я со страхомъ и отвращеніемъ отвела отъ него свой взглядъ. „Сумасшедшій, пьяный?" —мелькнуло у меня.

Впечатлительный Дикъ побѣлѣлъ отъ неожиданности и испуга, да и я, вѣроятно, была не лучше его.

Очевидно, человѣкъ этотъ тоже замѣтилъ насъ; онъ поглядывалъ въ нашу сторону и нерѣшительно мялся на мѣстѣ. И вдругъ онъ бросился бѣжать отъ насъ, едва касаясь земли и безпорядочно махая длинными руками, словно онѣ были не его, и не зависѣли отъ его воли.

— Это идіотъ! Это Мики О'Калиганъ! Мама знаетъ его,— кричалъ Дикъ, позабывъ всякій страхъ въ своемъ возбужденіи.— Я побѣгу за нимъ. Можетъ быть, онъ вернется и еще споетъ намъ...

Но куда тамъ! и взрослый человѣкъ не догналъ бы его. Для него положительно не существовало препятствій. Онъ бѣжалъ какимъ-то летомъ, какимъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ бѣгать, и скоро совсѣмъ исчезъ изъ вида.

Увлеченная примѣромъ Дика, я тоже, не разсуждая, сдѣлала нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ, но не могла идти больше. У меня положительно подкашивались колѣни.

Давно ничто не производило на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ грустный голосъ этого несчастнаго.

Насилу мы съ Дикомъ успокоились.

Домой мы вернулись молча. Мнѣ не хотѣлось говорить, да и Дикъ совсѣмъ присмирѣлъ.

Послѣ обѣда миссисъ Гринфордъ взяла меня подъ руку и, уведя въ гостиную, просила спѣть что-нибудь русское.

Мнѣ вовсе не хотѣлось пѣть. Я такъ нетерпѣливо ждала послѣ-обѣденнаго часа, чтобъ разспросить Дика, о чемъ говорилось въ балладѣ бѣднаго юродиваго, а тутъ вдругъ такая досада,—изволь забавлять другихъ. Но мама дѣлала мнѣ просительные знаки глазами. Нечего дѣлать, я сѣла къ фортепіано и, сама не знаю съ чего, запѣла: „Да исправится молитва моя", стараясь аккомпаниментомъ сгладить недостатокъ голосовъ.

— Я рада, что вы спѣли именно это. Мой мальчикъ и я слышали это прежде, — сказала миссисъ Гринфордъ, любовно оглядываясь на Дика, который смирненько сидѣлъ за моимъ сту-

ломъ.—Въ Парижѣ мы иногда бывали въ вашей церкви, чтобы послушать пѣніе, хотя мнѣ лично кажется, что какъ ни хороша ваша церковная музыка, какъ она ни выше католическихъ оперныхъ арій, но даже и она слишкомъ искусственна, слишкомъ сладостна. Я, вы знаете, противъ тѣхъ нововведеній, которыя сближаютъ современную англійскую церковь съ римскими традиціями. По моему, христіанскій храмъ не нуждается ни въ какихъ украшеніяхъ, истинной молитвѣ не нужны понуканія... Мэдамъ Укромски, надѣюсь, я не позволила себѣ коснуться вашихъ религіозныхъ чувствъ? То, чтò пѣла ваша дочь, безспорно, и прекрасно, и величественно.

Мама стала возражать. Къ чему? Словно можно измѣнить понятія такой узкоголовой протестантки, какъ наша хозяйка. Въ ней все незыблемо, все прямолинейно; она всегда тиха и спокойна. Она только тогда становится живымъ человѣкомъ, когда думаетъ или говоритъ о „своемъ мальчикѣ", какъ она обыкновенно называетъ Дика.

Разговоръ начался довольно горячій. Горячилась, разумѣется, мама; а миссисъ Гринфордъ говорила, какъ всегда, нѣсколько витіевато и отмѣнно учтиво. Мама каждую минуту призывала меня въ свидѣтели правоты своихъ словъ. Встать и уйти было бы совсѣмъ грубо. И опять для удовлетворенія моего любопытства пришлось ждать другого времени.

Мы съ Дикомъ живемъ дружно, а между нашими мамами таки часто возникаютъ несогласія. Да иначе и быть не можетъ. Я и до сихъ поръ не могу понять, какъ это такъ вышло, что мама подружилась съ миссисъ Гринфордъ въ первую же нашу общую поѣздку по Швейцаріи, какъ только *она* умѣетъ дружиться съ самыми неожиданными, самыми противоположными ея россійской природѣ людьми!

Мнѣ лично выдержанныя добродѣтели нашей хозяйки ужъ, разумѣется, не то чтобъ очень симпатичны!.. Впрочемъ, эта строгая вегетаріанка и предводительница лиги оранджменовъ и ко мнѣ расположена очень сердечно. Богъ знаетъ за что!.. Можетъ быть, за мою искреннюю дружбу къ Дику?..

Мы просидѣли, разговаривая, весь вечеръ въ гостиной, пока не прозвонилъ неизбѣжный колоколъ, сзывающій прислугу къ вечерней молитвѣ. Миссисъ Гринфордъ пошла съ Дикомъ назидать своихъ домочадцевъ чтеніемъ про царя Навуходоносора, по своей громадной столѣтней библіи, а мы съ мамой поднялись къ себѣ наверхъ.

23-го іюня.

Весь день сегодня я напрасно старалась залучить Дика съ глазу на глазъ. Онъ съ утра до самаго обѣда лётомъ леталъ, словно вчерашній идіотъ. А миссисъ Гринфордъ,—нельзя сказать, чтобы къ моему удовольствію,—продержала меня нѣсколько часовъ въ своей рабочей комнатѣ.

Ея кабинетъ—прекрасная комната, высокая, свѣтлая, просторная. Но такая... застывшая. Въ ней всегда все въ такомъ стройномъ порядкѣ, словно никто въ ней не движется, никто не живетъ. Въ прошломъ году, войдя въ нее въ первый разъ, я возликовала при видѣ множества книгъ. Но, увы, я скоро пришла къ убѣжденію, что эти книги нельзя читать иначе, какъ сидя въ одномъ изъ излюбленныхъ миссисъ Гринфордъ старомодныхъ креселъ съ твердою, совершенно вертикальною спинкою, такъ, чтобы и спина человѣка, и вниманіе держались одной вполнѣ прямой линіи. Къ тому же, слѣдуя правиламъ неукоснительнаго порядка, миссисъ Гринфордъ читаетъ и пишетъ только днемъ. Во всей комнатѣ только и есть одна пара большихъ серебряныхъ, тоже совсѣмъ старомодныхъ подсвѣчниковъ. Очевидно, эта женщина и представленія не имѣетъ о томъ, какъ пріятно зажечь лампу подъ какимъ-нибудь громаднымъ фантастическимъ абажуромъ, безъ котораго, по моему, не должна существовать женщина, берущаяся судить о томъ, что̀ такое настоящая уютность; поставить по близости коробку хорошихъ конфектъ, растянуться на мягкой кушеткѣ и читать какой-нибудь романъ, по преимуществу французскій; читать лишь для того, чтобы время убить...

Единственная искупительная черта во всемъ убранствѣ кабинета миссисъ Гринфордъ, это—неизмѣнный, словно присущій комнатѣ запахъ увядающихъ розъ, распространяемый массой сухихъ розовыхъ лепестковъ, которыми нагружены четыре вазы стараго англійскаго фарфора, чинно разставленныя по угламъ. Онъ одинъ говоритъ о томъ, что̀ здѣсь живетъ женщина не безъ эстетическихъ потребностей. Еслибъ не онъ, я бы замерзла въ этой обстановкѣ, среди самаго жаркаго лѣтняго дня.

Миссисъ Гринфордъ показала мнѣ корректурные листы своей послѣдней работы. Это очень блестящій критическій очеркъ по поводу „гуманитарныхъ заблужденій“ (по ея выраженію: „humanitarian errors“) американскаго поэта-философа Валтъ Витмана, которымъ страшно увлекается молодежь Ирландіи. Да, конечно, все, что̀ она говоритъ, очень логично, даже очень остроумно. Но, въ сущности, гдѣ былъ бы теперь родъ человѣческій, еслибъ на свѣтѣ все были блистательные непогрѣшимые критики и ни одного

человѣка, который могъ бы такъ заблуждаться, такъ бредить, какъ этотъ американскій полуоборванецъ?

А впрочемъ, мнѣ самой совсѣмъ лишнее пускаться въ мудрствованія лукавыя... Лучше запишу легенду о „кровавоглазомъ“ привидѣніи, которое было когда-то *„красавцемъ синеглазымъ Падди“*.

Миссисъ Гринфордъ, къ немалому моему недоумѣнію, смотритъ на всякія преданія и народныя повѣрья какъ на „языческія бредни католическаго населенія“,—это ея собственныя слова, и я, конечно, не стала разспрашивать Дика при ней, за обѣдомъ. Зато вечеромъ мы съ нимъ ушли подальше отъ нашихъ мамъ, въ пустующую темную билліардную (исторіи про привидѣнія только и стоитъ разсказывать въ темнотѣ, по справедливому замѣчанію Дика) и онъ перевелъ мнѣ, наконецъ, желанную балладу.

Въ ней нѣтъ ни туманной философіи, ни скептическихъ мудрствованій культурнаго ума, ни даже исторической правды, такъ какъ, очевидно, норманскіе пираты перемѣшаны съ позднѣйшими нормандскими рыцарями; но зато вѣчно живыя, вѣчно вѣрныя себѣ страсти человѣческія такъ и бьютъ въ ней ключомъ.

„Много-много лѣтъ тому назадъ къ бухтѣ св. Патрика причалили корабли, полные храбрыхъ, сильныхъ, жестокихъ норманскихъ рыцарей. Нежданные враги напали на беззащитную страну и, разоривъ ее въ конецъ, уплыли, — кромѣ одного, котораго звали Richard de la Haye. Этотъ рыцарь остался въ странѣ... къ негодованію товарищей и къ своему стыду, остался изъ-за женщины.

Дочь священника той самой церкви, въ которой трудился и умеръ святой Патрикъ, просвѣтитель языческой Ирландіи, плѣнила суроваго рыцаря. Товарищи его спѣшили плыть дальше на своихъ крылатыхъ ладьяхъ, которыя не боялись ни божьей непогоды, ни вражьихъ стрѣлъ. Имъ ненужны были женщины!.. Еще много добычи, много разгромовъ предстояло имъ по плодородному, обильному и скотомъ, и дикимъ звѣремъ, побережью зеленой Ирландіи.

Рыцарь Ричардъ скоро съумѣлъ окружить себя мѣстною молодежью, подчинивъ ихъ своей волѣ не столько силою своего желѣзнаго тѣла, не столько безпощадностью ударовъ своего смертоноснаго оружія, сколько умѣньемъ устроивать охоты и придумывать забавы, которыя по сердцу юношеству всѣхъ странъ и всѣхъ племенъ.

Долгіе мѣсяцы дружина рыцаря таскала тяжелые камни на пригорокъ, съ котораго далеко были видны всѣ окрестные лѣса, и,

наконецъ, замокъ-башня высоко поднялся на холмѣ. Внутри вилась узкая лѣстница изъ цѣльныхъ нетесанныхъ камней. По ней рыцарь ходилъ изъ нижняго покоя, гдѣ жарились на большомъ очагѣ дикіе козлы и кабаны и гдѣ пировалъ рыцарь со своею дружиною, въ средній, гдѣ хранилось его оружіе и сокровища, и въ самый верхній, въ которомъ рыцарь держалъ свое самое дорогое сокровище, свою блѣднолицую, ясноокую жену. Въ этомъ третьемъ покоѣ, высоко отъ земли, далеко отъ взглядовъ людскихъ, въ каждую стѣну было вдѣлано по тяжелому желѣзному кольцу. Къ нимъ рыцарь привязывалъ свою невольницу-жену, отлучаясь надолго изъ дома.

Всѣ окружные лѣса и холмы оглашались веселыми кликами и звуками охотничьихъ роговъ. Рыцарь de la Haye цѣлые дни пропадалъ по дебрямъ, охотясь со своею дружиною, или предпринималъ далекіе набѣги на богатыхъ кельтовъ-сосѣдей. А къ подошвѣ холма, на которомъ высилась башня, приходилъ синеглазый Патрикъ, любимый ученикъ благочестиваго священника, отца одинокой заточенницы, которую такъ давно, такъ вѣрно любилъ тихій юноша.

Долгіе часы простаивалъ онъ подъ зàмкомъ, вглядываясь въ узенькія щели, продѣланныя въ толстыхъ стѣнахъ для того, чтобы рыцарь могъ защититься отъ враговъ въ случаѣ осады. Кроткая супруга рыцаря съ утра до вечера сучила ленъ и ткала одежду своему гордому, непреклонному повелителю. Иногда, услышавъ грустную пѣснь Патрика, ей удавалось махнуть у щели бѣлою тканью, надъ которой она работала, для того, чтобы дать знать тому, котораго она любила, прежде чѣмъ безжалостный норманъ силою увелъ ее изъ-подъ родительскаго крова, что все такъ же чисто, все такъ же ясно горитъ въ ея сердцѣ любовь къ милому. Увидѣвъ привѣтъ ея, Патрикъ уходилъ, счастливый и успокоенный.

Болтливые люди скоро узнали, что не рыцаря, при одномъ приближеніи котораго они всѣ трепетали, любитъ его жена. Прослышалъ про то и рыцарь... Онъ отрѣзалъ языкъ тому, кто первый въ его присутствіи осмѣлился заговорить объ этомъ и, разбивъ дверь въ домѣ священника, выкололъ и вырвалъ синіе глаза Патрика изъ орбитъ ихъ. Вернувшись домой, онъ приказалъ женѣ сварить ихъ и своими руками накормить ими его охотничьихъ псовъ, примолвивъ: „Кровь, а не слезы, будетъ отнынѣ течь изъ глазъ твоего возлюбленнаго. Синеглазый Патрикъ больше не будетъ смотрѣть на тебя, не будетъ чаровать тебя силою своего нечестиваго, лживаго взгляда!“

Скоро захирѣла и умерла несчастная женщина. Да и слѣпой, кровавоглазый Падди недолго пожилъ послѣ нея. Рыцарь, собравшись раннимъ утромъ на охоту, нашелъ своего соперника уснувшимъ послѣ долгой ночи, проведенной въ тоскѣ и слезахъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, бывало, юноша выжидалъ привѣта своей возлюбленной. Долго глядѣлъ рыцарь въ широко открытые кровавые глаза Патрика, словно оторваться не могъ, и, наконецъ, усмѣхнувшись недоброй усмѣшкой, велѣлъ дружинѣ тутъ же зарыть его живого...

Ужасная перемѣна случилась съ рыцаремъ Ричардомъ послѣ этого злодѣйства. Онъ никогда не былъ милостивъ ни къ кому, кромѣ своей дружины; а тутъ такъ и дружина стала страшиться его. Дня не проходило безъ крутой, несправедливой расправы, безъ убійства. Днемъ рыцарь творилъ судъ и расправу надъ измѣнниками, надъ пересмѣшниками, которые всюду чудились ему, а по ночамъ онъ бродилъ по своей башнѣ, безъ сна и безъ покоя: вездѣ, во всѣхъ скважинахъ и углахъ ему мерещились кровавые глаза и блѣдное лицо Патрика, искаженное страшной усмѣшкой.

Ричардъ de la Haye въ одиночку, только своими усиліями, приволокъ съ морского берега три обломка скалы. Два онъ поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ зарытъ Патрикъ, а третій взгромоздилъ на нихъ плашмя, чтобы тройная тяжесть давила несчастнаго, чтобъ не могъ онъ вставать по ночамъ, чтобъ не мучилъ своего убійцу страшными появленіями... Но не помогло и это!

Отъ тоски ли по женѣ, или отъ еженочныхъ, никому невѣдомыхъ мукъ, рыцарь окончательно обезумѣлъ. Онъ оснастилъ свою, долго отдыхавшую въ прибрежныхъ пескахъ, ладью новыми, никогда еще не употреблявшимися снастями, сложилъ въ ней высокій костеръ и, далеко отплывъ въ море, сжегъ ладью и себя вмѣстѣ съ нею, ища покоя и уничтоженія.

Съ тѣхъ поръ прошли сотни лѣтъ. Отъ замка осталась одна развалина. Могильные камни Патрика покрылись сѣдыми лишаями и источились приморскою непогодой. Но не дай Богъ обернуться человѣку, если ему случится ночью проходить этими мѣстами. Поддайся онъ искушенію, оглянись назадъ — онъ увидитъ, что блѣдный призракъ, съ простертыми впередъ руками, безшумно слѣдуетъ по пятамъ его. Никто не слыхалъ ни стона, ни проклятія изъ устъ его, его лицо никогда не искажается никакимъ понятнымъ человѣку душевнымъ движеніемъ, но въ его чертахъ такая глубина неземного отчаянія, такая холодная нечеловѣче-

ская злоба, что человѣкъ, разъ увидавъ его, надолго лишится сна, надолго потеряетъ возможность улыбаться и никогда не забудетъ его. То незрячій, кровавоглазый Падди все еще ищетъ того, кто сгубилъ его душу, поселивъ въ ней жажду мести, и не можетъ найти его на землѣ".

Какая тонкость народной фантазіи! Самый ужасъ, по-моему, и заключается въ вѣчной молчаливости, въ этомъ кажущемся спокойствіи привидѣнія. Засмѣйся оно адскимъ хохотомъ или заскрежещи зубами, оковы его чаръ были бы нарушены. Мнѣ бы даже, можетъ быть, стало немножко смѣшно. Но такимъ, какимъ рисуется онъ въ балладѣ, мнѣ просто кажется, что я вижу его. Едва замѣтныя, туманныя очертанія, скользящія движенія, ничего осязаемаго, только одни кровавые глаза горятъ зловѣщимъ огнемъ, васъ преслѣдуя!..

Однако, кажется, я и взаправду трушу?.. Вотъ уже цѣлый часъ я сижу у открытаго окна, меня немножко знобитъ отъ ночной свѣжести, а я все смотрю вдаль, на зàмокъ, насмотрѣться не могу!.. Ночь такая ясная, лунная, что, мнѣ кажется, я вижу даже вѣтку цѣпкой ежевики, высоко вздымающуюся надъ развалиной.

Какъ часто въ прошломъ году я тамъ сиживала съ Дики, уча его пѣть русскія пѣсни. И вѣдь такъ обыкновенно все это казалось,—поле, пригорокъ, а на немъ древняя развалина. Теперь совсѣмъ другое чувство...

Только вчера еще я корила маму, что она слишкомъ чувствительна и экспансивна, и хвасталась, что я нравомъ гораздо старше ея. Но... я воображаю про себя, что и разсудокъ-то у меня холодный, и сердце усталое (пора бы, кажется), а на дѣлѣ выходитъ, что я просто-на-просто глупа и сентиментальна... Пойду спать!

24-го іюня.

Сегодня утромъ предосадный сюрпризъ. Мы съ мамой устроили такъ, что ранній завтракъ намъ всегда приносятъ наверхъ, въ нашу гостиную. Вегетаріанское питаніе, которому насъ подвергаетъ одна изъ добродѣтельныхъ фантазій миссисъ Гринфордъ, очень вкусно и разнообразно, слова нѣтъ, мама даже увѣряетъ, что оно очень полезно для ея селезенки, которая, по ея словамъ, „пока хоть ведетъ себя словно и въ самомъ дѣлѣ порядочный человѣкъ,—ну, а вдругъ взбѣсится?!" Но бобы съ морковью сами по себѣ, а мама все-таки любитъ покушать, какъ и всѣ мы, грѣшные россіяне.

Сегодня, стряпая намъ обѣимъ хорошенькое рагу изъ мяс-

ныхъ консервовъ на своей походной спиртовой кухонкѣ, она все вздыхала. Я очень хорошо знаю, что чуть она завздыхаетъ, это значитъ, что она что-то хочетъ мнѣ сказать и не рѣшается. Я, разумѣется, поспѣшила вывести ее изъ затруднительнаго положенія и спросила.

— Такъ, ничего, Танюша,—отвѣтила она:—только ты знаешь ли, что миссисъ Гринфордъ ждетъ къ себѣ племянника...

— Племянника? Какого племянника?

— Ну, вотъ! Словно ты не знаешь... Мистера Одлей, конечно...

Я чуть своей чашки не опрокинула съ досады. Мама робко глядѣла на меня своими кроткими глазами, и это разсердило меня еще хуже. Но я не хотѣла показывать ни удивленія, ни досады и продолжала спокойно завтракать. Помолчавъ, мама заговорила снова.

— Удивляюсь, за что ты его не любишь, Таня. Онъ такой приличный... Поухаживалъ онъ тогда за тобой въ Лондонѣ, —ну, что-жъ такое! Мало ли кто за тобой ухаживалъ...

— Я тоже удивляюсь, о чемъ ты говоришь, мама. За что мнѣ любить или не любить этого господина, когда мы едва его знаемъ? — съ излишней горячностью заговорила-было я, но вò-время сдержалась и замолчала.

И безъ того уже вѣдь вздумалось же мамѣ продолжать этотъ разговоръ!.. Словно она не понимаетъ, какъ мнѣ непріятно, что кончится теперь моя деревенская идиллія и начнется дачная канитель, лишь только на нашемъ безоблачномъ горизонтѣ покажется выхоленная бородка и безупречныя манеры этого „отличеннаго вниманіемъ публики" автора „Возстановленной Ирландіи", блистательнаго члена палаты депутатовъ и „дѣятельнаго покровителя голодающихъ фермеровъ", — какъ характеризуется господинъ Одлей мѣстной либеральной газеткой, недавно попавшей мнѣ подъ руку на станціи желѣзной дороги. Въ тѣхъ газетахъ, чтò выписываетъ наша хозяйка, ужъ, конечно, про него не станутъ говорить.

Обыкновенно за завтракомъ мы съ мамой болтаемъ неумолчно. Это вѣдь единственное время, когда мы, не стѣсняясь, можемъ говорить по-русски. На этотъ разъ бѣдная мама совсѣмъ затуманилась. Я призналась себѣ, что дуюсь, и подумала, что мнѣ дуться, да еще ни съ того, ни съ сего, положительно безсовѣстно, когда расположеніе духа мамы такъ тѣсно связано съ моимъ. Я сдѣлала надъ собой усиліе—и разговоръ скоро сталъ живѣе. Но все-таки, къ моему удивленію, въ моемъ „внутреннемъ чело-

вѣкѣ“, по выраженію миссисъ Гринфордъ, и до сихъ поръ не все въ порядкѣ...

Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ этимъ хозяйскимъ племянникомъ! Буду себѣ по прежнему жить въ компаніи Дика...

А все-таки досадно!

26-го іюня.

Дикъ выкопалъ на чердакѣ старинную энциклопедію. Вчера мы разсматривали ее цѣлый вечеръ и намъ ужасно захотѣлось сдѣлать воздушный шаръ, по примѣру братьевъ Монгольфье. Энциклопедія такъ заманчиво описываетъ, какъ они начали съ игрушечныхъ шаровъ.

Все утро вчера мы возились съ циркулями на билліардномъ столѣ, вычерчивая, примѣривая и пригоняя. Выкройку изъ газетной бумаги было очень трудно сдѣлать, а безъ нея не стоило и начинать.

Послѣ „большого завтрака“, luncheon'а, мы отправились въ городъ, чтобы закупить проволоку, спиртъ и все остальное, что означено въ энциклопедіи. Все нашлось какъ нельзя лучше, кромѣ тонкой бумаги. Мнѣ хотѣлось сдѣлать шаръ бѣлый, синій и красный въ честь русскаго флага, а городишко такой маленькій, что, перерывъ всѣ лавки, мы нашли только розовую и голубую бумагу.

Къ вечеру у насъ было все выкроено, все прилажено. Оставалось только склеить и пустить.

Сегодня я нарочно встала очень рано, чтобы снова приняться за работу, но замѣтила, что цвѣты въ нашей маленькой гостиной уже давно не перемѣнялись. Пришлось по людскимъ разыскивать садовника, чтобы спросить у него садовыя ножницы. Это отняло у меня столько дорогого времени, что, раздобывъ ихъ, наконецъ, я бѣгомъ побѣжала въ садъ.

Я уже пробѣжала два окна кабинета миссисъ Гринфордъ, но у третьяго остановилась, заинтересованная книгами привлекательнаго вида. Онѣ лежали совсѣмъ близко, окно было открыто—я не утерпѣла и протянула къ нимъ руку. Это были свѣженькіе, только на-половину разрѣзанные романы Бурже́ и одинъ Альфонса Додэ, котораго я еще не читала. Видъ у нихъ былъ совсѣмъ такой, будто они только-что вынуты изъ дорожной сумки.

Я начала перелистывать послѣдній, но сейчасъ же вспомнила, что вѣдь книги не убѣгутъ, что сегодня же я спрошу ихъ у хозяйки, и собралась-было положить ихъ обратно, когда вдругъ почувствовала, что я не одна.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, хотя за столомъ по другую сторону окна, стоялъ м-ръ Одлей.

Онъ улыбался очень весело. Оно и понятно: на чужой взглядъ мое положеніе было пресмѣшное! Бѣгаю, какъ угорѣлая, какъ мнѣ было бы позволительно бѣгать только лѣтъ десять тому назадъ; хватаю, не спросясь, неизвѣстно кому принадлежащія книги... Можно подумать, что я или какая-то полоумная, или же изъ тѣхъ, которыя въ двадцать-пять лѣтъ стараются разыгрывать шестнадцатилѣтнюю наивность. Преглупо!

Конечно, я очень скоро овладѣла собой, но въ первую минуту единственная мысль, пришедшая мнѣ въ голову, какъ это ни нелѣпо, была,—что мистеръ Одлей, дѣйствительно, очень красивый человѣкъ...

Онъ очень любезно предложилъ мнѣ привезенныя имъ книжки, мы перекинулись двумя-тремя словами и, поклонившись ему тѣмъ кивкомъ, который хранится въ моемъ запасѣ поклоновъ для мало знакомыхъ людей, я спокойно направилась въ садъ.

Les apparences étaient sauvées, насколько возможно...

И все-таки, кажется, я слишкомъ натянуто отвѣтила на его привѣтствія?.. Чего сунулась?.. Впрочемъ, не могла же я знать, что онъ пріѣдетъ именно прошлою ночью. Я и думать о немъ забыла послѣдніе два дня.

27-го іюня.

Утромъ я расположилась на травѣ въ липовой рощѣ, что на пригоркѣ за домомъ, собираясь почитать въ уединеніи. Но книга только даромъ пролежала на моихъ колѣняхъ. Дѣло въ томъ, что съ этого пригорка видъ открывается во всѣ стороны безконечный, и я заглядѣлась.

Все тѣ же холмы и поля, что и изъ моего окна, но шире и дальше. То тамъ, то здѣсь купа деревьевъ; чуть замѣтная на солнцѣ струйка дыма, подымающагося отъ какого-нибудь ярко выбѣленнаго домика; тамъ развалины; здѣсь остроконечныя башенки маленькой церкви, притаившейся въ зелени, а потомъ опять поля. И такъ до самой громады синихъ Морнскихъ горъ, у подножія которыхъ неожиданно пробивается клочокъ зеркальной поверхности тихаго морского залива. Какъ ясно все это было видно на цѣлыя мили... Все такъ спокойно и вмѣстѣ радостно.

Погода такая яркая и теплая весь іюнь, что все зацвѣло и поспѣло раньше времени. Липы въ полномъ цвѣту; я надышаться не могу ихъ чуднымъ запахомъ!.. Надъ моей головой все гудѣло отъ цѣлыхъ роевъ пчелъ и шмелей, въ развѣсистыхъ вѣтвяхъ

моей любимой липы. Было очень хорошо!.. Уже давно я не чувствовала себя такой доброй и веселой.

Внизу, на тропинкѣ, чтò ведетъ на пригорокъ, мелькнула мужская фигура. Я узнала мистера Одлей, но не трогалась съ мѣста, разсчитывая, что онъ, вѣрно, пройдетъ мимо. Онъ шелъ, насвистывая и сдвинувъ клѣтчатую шапочку на затылокъ, такъ что трепетныя зеленоватыя тѣни листьевъ пробѣгали по его бѣлому лбу, а потомъ и совсѣмъ снялъ ее, подбросилъ высоко въ воздухъ и поймалъ на руку. Оно и лучше. Сѣрый цилиндръ съ черной повязкой въ память покойной матери, который онъ носитъ въ Лондонѣ, гораздо больше присталъ ему, а въ этой дачной шляпчонкѣ онъ похожъ на короля безъ короны.

Къ моему удивленію, онъ шелъ прямо ко мнѣ и скоро подошелъ и растянулся въ травѣ въ двухъ шагахъ отъ меня, не стѣсняясь.

— Какъ я радъ опять васъ видѣть, miss Укромски!—заговорилъ онъ. — Я такъ мало слышалъ о васъ весь этотъ годъ. Тетя изрѣдка сообщала мнѣ, что вы обѣ въ Петербургѣ, въ родной вамъ средѣ, такой далекой и чуждой для меня, для всѣхъ насъ, хотѣлъ я сказать... Но вотъ мы опять встрѣтились, вы вновь посѣтили Ирландію!

Онъ приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ на меня опять съ той веселой улыбкой, которая такъ разсердила меня вчера. Но въ это праздничное утро благожелательное добродушіе не хотѣло, видно, покинуть меня. Я засмѣялась ужъ слишкомъ весело, и этотъ смѣхъ, очевидно, далъ мистеру Одлей поводъ думать, что его общество мнѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ оно было въ сущности. Онъ разговорился не на шутку.

Я молча стала обрывать головки ближайшихъ ромашекъ, стараясь привести себя въ должное равнодушное настроеніе.

— Помните, miss Укромски,—между прочимъ сказалъ мистеръ Одлей,—какъ въ прошломъ году вы смѣялись надъ нашей парламентской работой? Вы говорили, что это не настоящее дѣло, а только „пустоцвѣтная реторика“; что, на вашъ русскій взглядъ, серьезные люди могутъ все это продѣлывать, „не смѣясь другъ надъ другомъ, какъ древніе авгуры“, — только благодаря вѣковой привычкѣ къ такому препровожденію времени. Помните?

— Такая точность дѣлаетъ честь вашей памяти! — отвѣтила я, слегка наклоняя голову въ знакъ согласія.

— Вы шутите. Но еслибъ вы знали, какъ часто я вспоминалъ ваши слова! Иногда у меня просто опускались руки отъ мысли, что—чтò я ни дѣлай, какъ ни старайся, ничто въ моей

странѣ отъ этого не измѣнится ни на іоту. Англійскіе интересы —интересы коммерческіе и промышленные! Ирландія же—страна исключительно земледѣлія и хлѣбопашества. Благосостояніе ея въ англійскихъ рукахъ похоже на того слѣпого, которому хромой старается всучить свой костыль, думая помочь его горю. И иногда мнѣ кажется, что я единственный человѣкъ въ мірѣ, понимающій это...

— Но вѣдь вы создали себѣ большую партію, мистеръ Одлей, — вставила я.

— Да, конечно. Я глава ея, безъ сомнѣнія, потому что до сихъ поръ никому изъ нихъ не удалось еще сѣсть мнѣ на шею. Я слишкомъ силенъ для этого! И тѣлесно, и нравственно. Но на кого изъ нихъ я могу положиться? Вы, вѣрно, слыхали или, можетъ быть, читали въ газетахъ... мои французскіе доброхоты прокричали о томъ на весь міръ! — что теперь самый близкій мнѣ человѣкъ, которому я довѣрялъ какъ самому себѣ, пошелъ противъ меня, поднялъ цѣлую исторію, сталъ показывать никогда не существовавшія письма?.. И все изъ-за того, что глава противной партіи посулилъ ему очень отвѣтственный постъ въ Дублинѣ, если онъ подорветъ меня...

Несмотря на всю малость моего сочувствія къ подвигамъ этого вожака молодой Ирландіи, я не могла не сознавать въ данную минуту, что онъ говоритъ о своей силѣ вовсе не изъ пустого хвастовства.

Мистеръ Одлей потянулся къ граціозной вѣточкѣ козьяго листа, качавшейся какъ разъ надъ его головой, сорвалъ ее и, задумчиво вертя ее въ рукахъ, продолжалъ:

— Послѣднее время мнѣ часто кажется, что вся моя дѣятельность — „одно словоговореніе". Видите, миссъ Укромски, какъ сильно я заразился вашимъ сѣвернымъ гамлетизмомъ. А вы сами? —вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ:—много веселились прошлую зиму? О, вашъ Петербургъ!.. Въ немъ умѣютъ позабавиться. Я до сихъ поръ, вотъ уже пять лѣтъ, не могу забыть вашего катанья на тройкахъ. Какъ жаль, что я не зналъ васъ тогда!..

Пока разговоръ оставался на нейтральной почвѣ, я была совершенно довольна имѣть собесѣдникомъ мистера Одлей, но только съ этимъ условіемъ; только до тѣхъ поръ, пока моя смиренная особа оставалась въ тѣни.

— Въ самомъ дѣлѣ, очень жаль!—сказала я и вдругъ почувствовала, къ своей досадѣ, что въ моемъ тонѣ нѣтъ и слѣдовъ ироніи, которую я такъ желала проявить.

— Вы жалѣете объ этомъ? Не шутя?..—живо спросилъ онъ.

Скажите, вы останетесь здѣсь нѣкоторое время?.. Мать ваша, хочу я сказать, еще не думаетъ ѣхать? Какой славный отдыхъ предстоитъ мнѣ, въ такомъ случаѣ!.. Я такъ усталъ въ послѣднюю парламентскую сессію! Мнѣ нужно именно ваше общество, чтобы не думать о томъ, что, право, можетъ подчасъ свернуть голову даже такому хладнокровному человѣку, какъ я...

— Вы льстите мнѣ, мистеръ Одлей!—прервала я его.—Повѣрьте, я очень цѣню вашу любезность.

Наконецъ-то умѣнье владѣть изгибами голоса вернулось ко мнѣ. Мой собесѣдникъ взглянулъ на меня совсѣмъ озадаченно. Его оживленное лицо затуманилось. Онъ, очевидно, спрашивалъ себя, ужъ не смѣюсь ли я надъ нимъ.

Я не прибавила больше ни слова, но посмотрѣла на него такъ, что, если онъ не совсѣмъ деревянный Джонъ Буль, онъ не могъ не прочесть въ моихъ глазахъ: ну, да! разумѣется, смѣюсь!

Не даромъ я треплюсь по баламъ и гостинымъ чуть-что не десять лѣтъ. Я давно научилась прекращать разговоръ безъ словъ, прежде чѣмъ въ немъ почувствуется неловкость. И на этотъ разъ мнѣ прекрасно удалось безъ малѣйшей натяжки завести разговоръ о постороннихъ предметахъ, хотя оживленіе моего собесѣдника, конечно, исчезло. Тѣмъ лучше.

Мнѣ вовсе не нужно этого глупаго оживленія, которое въ Лондонѣ давало мамѣ и Сашѣ поводъ приходить къ нелѣпымъ заключеніямъ и забавляться еще болѣе нелѣпыми поддразниваніями.

Довольно съ меня. Пошутили, и будетъ. Въ прошломъ году они оба, и мама, и Саша, чуть-чуть не вообразили и ни вѣсть что... Мистеръ Одлей взялъ на себя тогда трудъ открыть намъ глаза, внезапно забросивъ и насъ самихъ, и даже нашихъ общихъ знакомыхъ. Я ему за это много благодарна,—конецъ дѣлу и все тутъ! Но другой разъ, слуга покорный! Я съумѣю сберечь себя отъ унизительныхъ qui-pro-quo.

Пускай онъ развлекается въ промежуткахъ своей честолюбивой горячки чѣмъ угодно, только не моимъ обществомъ.

И къ чему я все это записываю, одинъ Аллахъ вѣдаетъ!

Словно я не увѣрена въ себѣ?

28-го іюня.

Солнце все въ тучахъ и вѣтеръ пополамъ съ короткими ливнями. Нашъ шаръ совсѣмъ готовъ. Надо только придѣлать проволокой кусокъ ваты къ основному пруту. Да не стоитъ! Куда-жъ его пускать по такой погодѣ? Унесется съ глазъ долой въ одну секунду, а то и того хуже: сгоритъ!

Бѣдный Дикъ въ отчаяніи.

Этотъ милый мальчикъ ведетъ себя истинно по-дружески. Послѣдніе дни онъ почти не отходитъ отъ меня. Одной мнѣ было бы неловко сторониться отъ остальныхъ обитателей этого дома... Онъ словно понимаетъ это.

Впрочемъ, внушительный мистеръ Одлей, кажется, несимпатиченъ и ему не менѣе, чѣмъ мнѣ, несмотря на всѣ свои старанія и заигрыванія съ нимъ. Первый блинъ и у нихъ вышелъ комомъ, какъ оказывается.

Дикъ вообще для мальчишки очень опрятенъ, но имѣетъ несчастную особенность непремѣнно рыться въ землѣ, когда къ нимъ въ домъ кто-нибудь пріѣзжаетъ. Когда мы пріѣхали, у него были ужасно грязныя руки. Въ то утро, когда онъ долженъ былъ возобновить знакомство съ мистеромъ Одлей, онъ съ шести часовъ отправился углублять канаву вокругъ огорода, и потомъ понятно, когда миссисъ Гринфордъ, при его появленіи къ раннему завтраку, сказала: „Here is your cousin, my boy, shake hands and be friends“ [1]), онъ не могъ исполнить ея приказанія. Мать, къ его великому стыду, послала его немедленно вымыться, и Дикъ не можетъ простить этого новому гостю, который, въ сущности, не виноватъ, какъ я ему и заявила.

Мое невинное замѣчаніе только подлило масла въ огонь. Дикъ совсѣмъ разсердился. Во время послѣдовавшаго разговора мы оба были въ его собственной комнатѣ, которая и до сихъ поръ означается всѣми словомъ nursery [2]).

— Какое мнѣ дѣло, виноватъ онъ или нѣтъ!—горячо отвѣтилъ Дикъ, и его свѣтлые глаза сдѣлались совсѣмъ синими, что съ нимъ бываетъ только при очень сильномъ волненіи.—Скверно то, что, чуть онъ пріѣхалъ, мама дѣлаетъ мнѣ несправедливыя замѣчанія; вы прячетесь по угламъ, погода перемѣнилась. Вы думаете, я не замѣчаю, что вы совсѣмъ не такая, какъ всегда? Вы все чего-то стѣсняетесь и не смѣетесь такъ часто, какъ прежде...

Послѣднія слова Дика задѣли меня за живое.

— Пустяки, Дики, — равнодушно возразила я.—Я совсѣмъ другое дѣло! Родственныя отношенія вашей семьи меня ничуть не касаются. Къ тому же, я получила кой-какія извѣстія изъ дому, которыя безпокоятъ меня... Но вамъ ужъ, конечно, слѣдовало бы подружиться съ вашимъ братомъ.

— Братомъ! Какой онъ мнѣ братъ!.. Я былъ совсѣмъ маленькій, но очень хорошо помню, какъ бѣдный больной отецъ

---

[1]) Вотъ вашъ двоюродный братъ, мой мальчикъ, поздоровайтесь и будьте друзьями.

[2]) Дѣтская.

огорчался странной политикой Эдвина Одлей. Мы въ нашей семьѣ всѣ стоимъ за единство съ Англіей, всѣ стремимся къ тому, чтобы наша страна была протестантскою страной; а Эдвинъ, едва покончивъ съ университетомъ, сталъ водиться съ католическими крикунами! Началъ раздавать фермерамъ усовершенствованныя сѣмена картофеля и льна; примкнулъ къ большинству, сталъ писать о возстановленіи дублинскаго парламента и... еще о всякой чепухѣ!.. Святая Джемима! Почемъ я знаю?..

Нечего и говорить, что миссисъ Гринфордъ съ младенчества внушала сыну добропорядочную умѣренность въ выраженіяхъ и жестахъ, необходимую джентльмену Соединеннаго королевства. Но такова страсть британцевъ къ запретнымъ крѣпкимъ словцамъ, что даже Дику сходятъ съ рукъ частыя обращенія къ святой Джемимѣ.

Онъ, безъ сомнѣнія, почувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ несвойственной ему сферѣ газетныхъ и парламентскихъ выраженій и сразу оборвалъ свою горячую тираду, помянувъ всуе ея имя.

Я рылась въ ящикахъ Дикова стола, ища русскую книжонку, по которой въ прошломъ году Дикъ учился читать по-русски. Но въ нихъ можно найти все, кромѣ того, что̀ вамъ въ данную минуту нужно. Они полны пустыхъ жестянокъ изъ-подъ любимыхъ имъ лимонныхъ леденцовъ, изорванныхъ латинскихъ и греческихъ грамматикъ, никуда негодныхъ электрическихъ аппаратовъ, всякихъ клочковъ, обломковъ и веревочекъ.

— Такъ мистеръ Одлей вамъ не родственникъ?—спросила я неожиданно для самой себя.

Не могу понять, какъ это случилось, что я въ своей разсѣянности освѣдомилась у Дика именно объ этомъ.

— Кто вамъ это сказалъ! — непослѣдовательно воскликнулъ онъ.—Эдвинъ—сынъ маминой сестры; она очень скверно вышла замужъ; ея мужъ былъ предводитель этихъ полоумныхъ феніевъ. Онъ то сидѣлъ въ тюрьмѣ, то скрывался во Франціи. Маминъ отецъ и вся семья никогда съ ней послѣ того не видѣлись. А потомъ она умерла, и когда она умирала, мама обѣщала позаботиться о ея сынѣ. Мой отецъ взялъ его къ намъ, воспиталъ его, и все-таки онъ отказался быть избраннымъ въ парламентъ на его мѣсто, когда отецъ уже не могъ больше работать, по болѣзни. А потомъ, когда папа умеръ, Эдвинъ и совсѣмъ пересталъ съ нами видѣться... Я его не видѣлъ съ тѣхъ поръ, что мнѣ было пять лѣтъ, и вовсе не хочу его знать и теперь! И навѣрное, если-бъ не мама воспитала его, онъ былъ бы такимъ

же нечесаннымъ, грязнымъ медвѣжонкомъ, какъ и всѣ приверженцы Home Rule [1]), и нечего ему было бы улыбаться, когда другимъ людямъ случится запачкать руки.

Я не могла сдержать улыбки,—такъ мнѣ смѣшно было видѣть миніатюрнаго Дика разсуждающимъ, словно равный, о дѣлахъ мистера Одлей, которому даже я едва достаю до плеча. И еще смѣшнѣе мнѣ стало, когда я себѣ представила грязные ногти на выхоленныхъ рукахъ мистера Одлей и его голову всклоколченною, какъ у истаго фенія.

— А мама все-таки его очень любитъ и все надѣется, что съ годами онъ перемѣнитъ убѣжденія. Я надѣюсь, вы не осудите меня за то, что я выбалтываю вамъ всѣ наши семейныя дѣла? Мама, я знаю, васъ очень уважаетъ, а то я не сталъ бы говорить,—степенно продолжалъ онъ и вдругъ, опять не выдержавъ непривычной серьезности, прибавилъ:—а все-таки, именемъ святой Джемимы, намъ всѣмъ было бы гораздо лучше безъ этого длинноногаго радикала!

На это восклицаніе мнѣ нечего было возражать. Этими словами Дикъ какъ бы заключилъ со мной нѣмой союзъ противъ вторженія непріятеля въ территорію нашей дружбы.

Къ тому же, „Родное Слово“ было, наконецъ, въ моихъ рукахъ. Запасшись плэдами и зонтиками на случай дождя, который былъ болѣе, чѣмъ вѣроятенъ, мы опять пошли въ липовую рощу, и предметомъ нашего разговора сдѣлался единственно тотъ странный фактъ, что русское *ве* совсѣмъ не англійское *би* и что *эсъ* нельзя произносить какъ *ка*.

30-го іюня.

Сегодня произошла сцена, изъ-за которой мнѣ приходится стыдиться самой себя. Я, какъ маленькая, поссорилась съ Дикомъ. Да, поссорилась! Съ глазу на глазъ съ самою собой мнѣ не приходится избѣгать называть вещи ихъ именами.

Отъ нечего-дѣлать мнѣ вздумалось написать Олѣ Масаргиной длинное письмо неизвѣстно о чемъ. Но лишь только я принялась за него, всѣ мысли и даже слова улетучились куда-то.

Я сидѣла, глядя на какъ бы изнывающее въ грустномъ одиночествѣ „Милая Оля“ въ заголовкѣ листа, и задумчиво грызла конецъ ручки пера. Вдругъ стукъ въ двери, и прежде, чѣмъ я успѣла отвѣтить обычное „come in“ [2]), за моей спиной очутился

---

[1]) Мѣстное управленіе.

[2]) Войдите.

Дикъ. Онъ такъ былъ полонъ того, о чемъ явился объявить мнѣ, что даже и не замѣтилъ моего далеко не одобрительнаго взгляда.

— Эдвинъ говоритъ, что теперь можно пустить нашъ шаръ. Вѣтра почти нѣтъ. А если шаръ улетитъ совсѣмъ, Эдди говоритъ, что онъ сдѣлаетъ намъ другой, еще больше и лучше этого.

Неужели же я могла такъ ошибиться въ этомъ мальчикѣ? Неужели онъ не понимаетъ, какъ неделикатно тыкать мнѣ въ глаза знаменитымъ Эдвиномъ, когда онъ былъ совершенно не при чемъ при сооруженіи шара, когда самая мысль сдѣлать его явилась впервые у меня! Я высказала все это Дику, не очень разбирая выраженія.

— А теперь, если вамъ все еще нравится мысль пустить его именно сегодня, то не стѣсняйтесь, прошу васъ. Мнѣ же самой некогда, я очень занята.

— You are very unkind [1]), miss Tania!—только и нашелся отвѣтить Дикъ и голосъ его дрогнулъ.

— Я не спрашивала вашего мнѣнія о себѣ, Дикъ. Все, чего я отъ васъ хочу въ эту минуту, это чтобъ вы заперли дверь и оставили меня въ покоѣ.

Я ничуть не скрываю отъ себя, что все это было чрезвычайно несостоятельно съ моей стороны. Но что же дѣлать, когда я и въ самомъ дѣлѣ имѣю если не право, то поводъ быть недовольной Дикомъ? Безъ причины я бы не сердилась.

Не такой же онъ, въ самомъ дѣлѣ, маленькій, чтобы ничего не понимать, а между тѣмъ не надолго хватило у него неподкупности и твердости. Мистеръ Одлей починилъ ему телефонъ, и они только и дѣлаютъ, что переговариваются черезъ весь домъ. Дикъ ураганомъ носится снизу вверхъ и сверху внизъ, чтобъ удостовѣриться, что новая забава такъ же хорошо дѣйствуетъ въ столовой, какъ въ комнатѣ „длинноногаго радикала“. Я часами сижу у себя и слышу ихъ веселые голоса... Дикъ болтаетъ безъ умолку!

Русскіе уроки да и сама учительница вполнѣ забыты и заброшены.

Мистеръ Одлей, какъ видно, съумѣлъ взяться за дѣло. Онъ держитъ себя удивительно просто. Можно подумать, что онъ сравнялся во вкусахъ и годахъ съ маленькимъ братомъ. Ни въ парламентѣ, ни въ лондонскихъ гостиныхъ я никогда не замѣчала въ его голосѣ такихъ добрыхъ, задушевныхъ нотъ, какъ

---

[1]) Вы очень недобры.

когда онъ говоритъ съ Дикомъ. А Дикъ до того развернулся, что ужъ сталъ называть его маленькимъ именемъ „Эдди“.

Хорошенькое имя... Хоть бы и не такому!..

Впрочемъ, мнѣ-то что до этого!

Съ удовольствіемъ записываю, что вечеромъ на лицѣ мистера Одлей были мимолетныя, но несомнѣнныя тѣни какого-то безпокойства... Будто онъ ждетъ чего-то и вмѣстѣ сомнѣвается и боится. Нѣсколько разъ наши взгляды встрѣчались, и его веселая улыбка принимала тогда нерѣшительный оттѣнокъ.

Я же была очень довольна собой. Я такъ свободно переводила глаза на другіе предметы и такъ спокойно продолжала говорить, будто даже и не замѣчаю его блистательной особы.

Если это задѣваетъ его самолюбіе, тѣмъ лучше.

Положа руку на сердце, можно ли мнѣ поступить иначе? Вѣдь не показывать же, что, благодаря ему, я имѣю глупость негодовать на непостоянство ребенка.

А шаръ такъ и остался непущеннымъ.

Опять-таки стыдно въ мои годы, — но мнѣ очень хотѣлось сдѣлать ему гримасу, когда я его увидѣла въ передней, аккуратно сложеннымъ на стулѣ.

3-го іюля.

Не было еще дня безъ короткихъ появленій яркихъ солнечныхъ лучей. Но дождь ни съ того, ни съ сего начинаетъ лить, стѣна стѣной, по двадцати разъ на день. Это меня злитъ! Нельзя далеко отойти отъ дому и хорошенько нагуляться.

Съ горя я присоединяюсь къ прогулкамъ миссисъ Гринфордъ, если она одна. Она неизмѣнно каждое утро, прежде чѣмъ сѣсть за работу, десять разъ проходитъ изъ конца въ конецъ каштановую аллею. Сегодня она мнѣ сказала, пріостановясь на перекресткѣ:

— Скверный, юговосточный вѣтеръ! Гольфъ-Стремъ намъ всегда вмѣстѣ съ нимъ посылаетъ или скучные безостановочные дожди, или такую непостоянную погоду, какъ теперь. А она всегда непремѣнно кончается ужасной бурей! Видите это бѣдное исковерканное дерево? Три года тому назадъ одна изъ такихъ бурь сломала его самую большую вѣтку, какъ простую щепочку.

— Да, но все-таки мы не должны дурно говорить о Гольфъ-Стремѣ,—сказала я.—Вѣдь онъ далъ вашей странѣ названіе зеленой Ирландіи.

— Конечно. Но не будь Ирландія такъ *зелена*,—возразила она, съ далеко не веселой улыбкой позволяя себѣ англійскую игру словъ,—мы были бы сильнымъ народомъ, меньше бы говорили

и больше работали. Въ нашихъ семьяхъ не было бы политическаго и религіознаго раскола и распрей!

Я поняла, что миссисъ Гринфордъ думаетъ о своемъ блудномъ племянникѣ. Видно, эта заноза глубоко засѣла въ ея невозмутимую душу.

Да, Ирландія — зеленая, а вотъ я такъ желтая. Взглянула въ зеркало и просто противно стало!

Да и что удивительнаго? Вотъ уже нѣсколько дней я все одна да одна. Мамѣ вздумалось вышить русскимъ швомъ полдюжины полотенецъ для спальной миссисъ Гринфордъ, и она сидитъ, съ очками на носу, за работой. Ей загорѣлось кончить поскорѣе: и ее теперь съ мѣста не сдвинешь. Миссисъ Гринфордъ тоже почти не выходитъ изъ своего кабинета. Она что-то много пишетъ. Въ перерывахъ между ливнями, Дики принимаетъ дѣятельное участіе въ сѣнокосахъ всѣхъ окрестныхъ фермъ. Да и когда онъ дома, я его совсѣмъ не вижу.

Пошла сегодня утромъ, набрала краснушекъ и масляниковъ (тупоголовые туземцы почему-то считаютъ ихъ ядовитыми и не ѣдятъ); я хотѣла-было посолить ихъ. Но не дочистила и половины, только насорила. Собрала все и выбросила въ сорный ящикъ.

Потомъ пробовала опять подобрать напѣвъ той баллады, что пѣлъ Мики О'Калиганъ... Вертится онъ у меня въ головѣ, звучитъ въ ушахъ, а на фортепьяно все выходитъ не то! Бросила и это занятіе.

Скука и тоска! Право же, если такъ продолжится, я не выдержу, уѣду. Да куда ѣхать? Все надоѣло.

А еще ко всему, каждый вечеръ приходится пѣть. Ласка, съ которой миссисъ Гринфордъ проситъ меня объ этомъ, такъ необычайна на ея строгомъ лицѣ, что каждый разъ я не могу устоять противъ нея и никакъ не найду приличнаго предлога, чтобъ отказаться. Хоть бы мнѣ охрипнуть, что-ли!

Одно меня утѣшаетъ. Я такъ постоянно отказываюсь отъ совмѣстныхъ прогулокъ съ мистеромъ Одлей, такъ настойчиво, хотя и учтиво, избѣгаю оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ, что даже онъ не могъ, наконецъ, не догадаться, что безъ него мнѣ гораздо веселѣе. Онъ пріобрѣлъ благоразумную привычку держаться на почтительномъ разстояніи отъ меня.

Какъ-то я сидѣла съ книгой на ступенькахъ крыльца, а онъ бродилъ по лужайкѣ, въ поискахъ за какимъ-то очень рѣдкимъ папоротникомъ. Они съ Дикомъ выдумали собрать образчики всѣхъ папоротниковъ сѣверной Ирландіи. Вдругъ Дикъ, по своему

обыкновенію, какъ бомба, вылетѣлъ изъ дому. Увидѣвъ меня, онъ остановился и, облокотившись на мои колѣни тѣмъ ласковымъ довѣрчивымъ движеніемъ, которое я такъ люблю въ немъ и котораго такъ давно не видала, присѣлъ на нижней ступенькѣ.

— Miss Tania, я хочу вамъ что-то сказать.

— Скажите, Дикъ!—отвѣтила я, искренно обрадованная его возвращеніемъ ко мнѣ.

Каково было мое удивленіе, когда онъ началъ тотчасъ же разсказывать исторію изъ „Родного Слова" про то, какъ поссорились братъ съ сестрой. Онъ говорилъ такъ скоро и увѣренно, и такъ забавно коверкалъ нашу твердую рѣчь, что еслибъ я не знала, какъ несказанно поражу его такой несдержанностью, я бы расцѣловала его. Но недолго пришлось мнѣ радоваться.

— Но скора дэтамъ стальо скучна. Очего дэтамъ стальо скучна?—торжествующе закончилъ онъ, глянулъ на меня ужасно хитро, расхохотался и, показавъ глазами сперва на мистера Одлей, потомъ на меня, вскочилъ и въ два прыжка былъ таковъ.

Въ первую минуту я даже не сообразила, какъ оскорбительна эта выходка, и продолжала блаженно улыбаться.

Боже мой, какъ все это глупо!

5-го іюля.

Мама послала меня въ кабинетъ миссисъ Гринфордъ выбрать для нея романъ поинтереснѣе содержаніемъ и покрупнѣе печатью. Эти два условія соблюсти очень трудно,—англійскіе издатели такъ скупы на бумагу,—а между тѣмъ для мамы они оба необходимы: ея литературный вкусъ весьма утонченъ и прихотливъ.

Мнѣ пришлось-таки долго рыться въ шкафахъ, хотя мистеръ Одлей тутъ же просматривалъ газеты за большимъ столомъ и, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія уступить комнату единственно въ мое распоряженіе.

Переходя отъ одного шкафа къ другому, мнѣ случилось-таки оглянуться, какъ я этого ни избѣгала. Онъ сейчасъ же поймалъ мой взглядъ и заговорилъ, словно только этого и ждалъ.

— Можетъ быть, вамъ интересно будетъ взглянуть на плоды пера нашей общей хозяйки?—сказалъ онъ.—Я только-что занимался ихъ разсматриваніемъ,—вотъ взгляните.

Я бы съ удовольствіемъ не двинулась съ мѣста, и, несмотря на это, подошла. Видно, мнѣ даже иногда приходится испытывать на себѣ, какъ трудно не поддаться волѣ этого избалованнаго властью человѣка. Онъ указалъ мнѣ нѣсколько параграфовъ, отмѣченныхъ краснымъ карандашомъ, но не давалъ газетъ мнѣ

въ руки, такъ что, волей-неволей, мнѣ пришлось читать изъ-за его плеча.

Въ самомъ дѣлѣ, полный столъ газетъ,—все протестантскіе органы ирландской печати и все объ одномъ: „Да пропадетъ независимость Ирландіи и да здравствуетъ англійское престолонаслѣдіе, многая лѣта оранджменамъ и смерть католикамъ".

Пока я читала, мистеръ Одлей глядѣлъ на меня съ полуулыбкой, очевидно, ожидая, что-то я скажу. И зачѣмъ только онъ улыбался? Гораздо было бы лучше безъ этой усмѣшки, потому что, когда онъ опять заговорилъ, его унылый и раздраженный голосъ такъ рѣзко противорѣчилъ ей, что чувство жалости, глубокаго сочувствія такъ и прилило горячей волной къ моему сердцу.

— Теперь вы видите, до какой степени я не на мѣстѣ въ семьѣ покойнаго дяди. Оно и понятно. Какъ ему было любить и понимать Ирландію, когда онъ, какъ и всѣ почти дворянскія семьи графства, сравнительно недавній выходецъ изъ Шотландіи. У него не могло быть кровной связи съ его новымъ отечествомъ. Онъ былъ болѣзненный человѣкъ, энтузіастъ и фантазёръ. Всю жизнь онъ провелъ въ путешествіяхъ между Ирландіей, Канадой и Австраліей для того, чтобъ поддержать священный союзъ оранджменовъ на доброй половинѣ земного полушарія, какъ ему казалось. Онъ воображалъ, что дѣлаетъ серьезное дѣло, безъ котораго міру не устоять. Онъ жилъ и умеръ въ какомъ-то созданномъ его воображеніемъ протестантскомъ раю, по которому порхали херувимы съ синими и оранжевыми крылышками... Эти два цвѣта—цвѣта̀ оранджменовъ, вы знаете... Какъ бы то ни было, теперь онъ умеръ, и жизнь его и самая дѣятельность принадлежатъ прошлому. Но тетя, сестра моей матери! Мы всѣ—и мать моя, и дѣдъ, и я самъ—коренные ирландцы. Какъ можетъ она ослѣплять себя до такой степени ложно понятымъ чувствомъ долга, какъ можетъ употреблять свой талантъ и свои труды для того, чтобы поддерживать рознь, чтобы тормозить дѣло, которое должно быть дороже жизни всякому ирландцу?.. Не удивляйтесь моей горячности!—прервалъ себя самого мистеръ Одлей, видно, подумавъ, что онъ черезъ-чуръ ужъ разоткровенничался съ чужимъ человѣкомъ.—Моя мать такъ много перенесла изъ-за этого...

— Но почему же вы знаете, что все это писала именно миссисъ Гринфордъ?—сказала я больше для того, чтобъ сказать что-нибудь, чтобы звукомъ собственнаго голоса заглушить приступы немножко неловкой и совсѣмъ неосновательной горделивой радости внутри себя.

— Какъ не знать! Это знаете и вы, и всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ ея стилемъ. Во всей консервативной партіи Ирландіи, она одна умѣетъ писать такъ горячо и красиво. Вѣдь вы сами замѣчали, какъ она была занята всѣ эти дни? Упражняла себя трудами и размышленіями, чтобы достойно приступить къ великому празднеству *оранджменовъ*.

А я-то все ломала голову, чѣмъ это наша хозяйка такъ занята! Совсѣмъ изъ памяти вонъ, что на дняхъ годовщина сраженія при Боннѣ, гдѣ Вильямъ Оранскій разбилъ католическія войска Якова Второго, чѣмъ и установилъ торжество протестантизма въ Ирландіи. Застывшая въ рутинѣ и отжившихъ традиціяхъ сѣверная часть страны до сихъ поръ, какъ одинъ человѣкъ, чтитъ Вильяма Оранскаго, въ память котораго и основана лига. Она не можетъ забыть этой побѣды. А въ Балитаборбегѣ въ этотъ день каждый годъ процессіи и торжества.

— Я какъ-то забыла объ этомъ, мистеръ Одлей,—сказала я.—Но теперь припоминаю очень хорошо, что и въ прошломъ году миссисъ Гринфордъ была также занята около этого времени. Мы съ мамой уѣзжали тогда дня на три, чтобы осмотрѣть развалины этого готическаго монастыря, чтò на островѣ... Вы знаете... Неподалеку отсюда.

— Грэй Аббей, вѣроятно... И прекрасно сдѣлали. На меня, по крайней мѣрѣ, демонстраціи оранджменовъ дѣйствовали удручающе, даже когда я былъ совсѣмъ юнъ... Особенно одна неизмѣнная черта ихъ. Ея я не могу простить тетѣ, хотя, изъ-за моей привязанности къ ней, смотрю на многое сквозь пальцы. Здѣсь есть одинъ несчастный человѣкъ... Онъ идіотъ и вѣчно на ходу, на открытомъ воздухѣ; спитъ онъ подъ заборами и въ канавахъ. Никакія силы не удержатъ его подъ кровомъ ни зимой, ни лѣтомъ. Вы, можетъ быть, встрѣчали его гдѣ-нибудь въ поляхъ?

— Да, я знаю,—поспѣшила отвѣтить я, очень заинтересованная.—Его зовутъ Мики О'Калиганъ.

— Именно. Исторія его очень грустная. У покойнаго мистера Гринфорда былъ старшій братъ, фанатикъ, какихъ мало. Онъ владѣлъ всѣмъ этимъ имѣніемъ до самой своей смерти. Въ 1848 году онъ былъ убитъ собственными возмутившимися фермерами. Это все было раньше моего времени, но бунтъ этотъ былъ такъ ужасенъ, что я много слыхалъ о немъ въ дѣтствѣ. Несмотря на свою крайнюю молодость, мистеръ Гринфордъ старшій все-таки успѣлъ натворить много бѣдъ фанатизмомъ и жестокостью своего нрава. Тогда еще былъ въ полной силѣ варварскій законъ, уполномочивавшій помѣщиковъ убивать ското-

крадовъ, если тѣ были пойманы съ поличнымъ на ихъ землѣ. Отецъ Мики былъ очень дѣльный фермеръ и энергическій человѣкъ, но, на свое несчастіе, католикъ. Не разъ подымались ссоры между нимъ и господиномъ, землю котораго онъ снималъ. Кончилось тѣмъ, что, воспользовавшись этимъ закономъ, мистеръ Гринфордъ не постыдился устроить цѣлую облаву на своего фермера и съ основаніемъ ли, или безъ причины, обвинилъ его въ покражѣ и убилъ собственноручно этого опаснаго врага своей церкви...

— Господи, какъ это ужасно!—не удержалась воскликнуть я.

— Да, ужасно. Но самое ужасное то, что двѣ недѣли послѣ смерти отца родился Мики О'Калиганъ, и родился несчастнымъ болѣзненнымъ идіотомъ, каталептикомъ.

— Все это очень печально, — сказала я,—но я, право, не вижу, чѣмъ во всемъ этомъ виновата ваша тетка.

— Она не въ этомъ виновата, разумѣется, а въ томъ, что лишь только она вышла замужъ и предалась, подъ вліяніемъ обожаемаго мужа, своимъ крайнимъ мнѣніямъ, она попробовала прибрать къ рукамъ вѣчнаго странника Мики. Онъ ужъ и тогда казался такимъ же дряхлымъ и хворымъ, какъ теперь. Я, по крайней мѣрѣ, никогда его инымъ не помню. Правда, что она одна заботится о немъ, и по сей день кормитъ и одѣваетъ его. Но зачѣмъ было обращать его въ протестантство? Развѣ это не звучитъ какъ насмѣшка и надъ религіей, и надъ бѣднымъ обездоленнымъ духомъ Мики? Неужели вы мнѣ скажете, что дядя съ тетей выказали этимъ заботу о спасеніи души несчастнаго?

Я молчала. Что было отвѣтить на этотъ вопросъ?

— И до сихъ поръ тетя настаиваетъ, чтобъ Мики ежегодно показывался на процессіяхъ оранджменовъ. Онъ, впрочемъ, и самъ это любитъ. Но музыка, шумъ, общее оживленіе очень скверно на него дѣйствуютъ. Къ тому же, чуть всѣ эти господа энтузіасты уйдутъ долой съ тетиныхъ глазъ, у нихъ начинаются попойки, хотя при ней никто и заикнуться не можетъ о виски. Они подпаиваютъ и Мики, заставляютъ его пѣть патріотическія пѣсни и потѣшаются надъ нимъ. Я не разъ говорилъ объ этомъ тетѣ, но она, вѣрно, и эти слова мои приписываетъ моему опасному либерализму. Чуть не каждый годъ, послѣ двѣнадцатаго іюля, Мики изъ тихаго и безвреднаго превращается въ бѣшенаго звѣря. Въ прошломъ году онъ...

Въ дверь постучались. Миссисъ Гринфордъ, услыша наши оживленные голоса, не хотѣла войти въ свою же комнату, не предупредивъ насъ.

Когда она вошла, по обыкновенію сіяя своимъ холоднымъ спокойствіемъ, я не сразу рѣшилась взглянуть на нее, словно провинилась передъ ней, позволивъ себѣ слушать невеселый разсказъ о ея ошибкахъ.

Я, какъ и мистеръ Одлей давеча, спрашивала себя, какъ можетъ эта во всемъ остальномъ такая разумная и хорошая женщина поступать такъ недостойно?

Итакъ, сегодня у меня былъ длинный разговоръ съ мистеромъ Одлей. То-есть, говорилъ онъ, а я больше поддакивала и даже, какъ оказывается, радовалась оказанной чести...

Впрочемъ, къ чему этотъ саркастическій тонъ? Отчего бы мнѣ не сложить оружія и не вступить и съ нимъ въ простыя дружескія отношенія, какъ это часто мнѣ удавалось дома въ Россіи со многими молодыми людьми, которые тоже начинали съ глупѣйшихъ ухаживаній. Вѣдь усиліе тутъ бы потребовалось, право, не очень большое. Онъ вѣдь не можетъ здѣсь оставаться. Родство родствомъ, а въ глазахъ его политической партіи Балитаборбегъ не можетъ не быть вражьимъ гнѣздомъ, несмотря на все свое благочестіе. Его дружескія сношенія съ нимъ такъ похожи на измѣну!

Заглянула себѣ въ душу и вижу: нѣтъ, не въ томъ дѣло!.. Не въ личной антипатіи. Не онъ антипатиченъ мнѣ, а не смогу, кажется, совладать я съ собою... Зачѣмъ онъ не русскій?! Силенъ природный антагонизмъ нашихъ націй... А все моя гордыня!

7-го іюля.

Сегодня я встала очень поздно. Во-первыхъ, на меня опять напала безсонница, какъ всегда „во дни мятежной ипохондріи", какъ Саша обозначаетъ мое удивительное умѣніе скучать и изводить себя этой самой скукой. А во-вторыхъ, меня съ вечера взволновалъ слѣдующій инцидентъ.

Я очень поздно оставалась одна въ саду.

Ночное затишье въ этомъ захолустьѣ еще лучше дневного. Мокрые цвѣты такъ сильно пахли. Каждая травка, каждый листокъ благоухали по своему. Почти упавшій къ вечеру вѣтеръ такъ славно, едва слышно шелестилъ въ верхушкахъ яблонь. А вверху по звѣздному небу все еще быстро неслись разрозненные клочья облаковъ.

Я и думать забыла о томъ, какъ непріятно изумилась бы наша хозяйка, узнавъ, что я все еще не въ постели.

Я вошла въ уснувшій домъ, стараясь ступать безъ малѣйшаго шума. Вездѣ было уже совсѣмъ темно. Только изъ гости-

ной пробивалась тоненькая полоска свѣта. Я хотѣла-было войти, чтобъ потушить забытую свѣчку, но, услышавъ тамъ движеніе, остановилась.

Кто-то подошелъ къ фортепіано, осторожно откинулъ его крышку и сталъ тихо играть. Кто-то мастерски наигрывалъ ту самую балладу про рыцаря и привидѣніе, которую я такъ неудачно стараюсь подобрать вотъ уже цѣлую недѣлю.

Мнѣ было такъ пріятно ее услышать, что я опять было совсѣмъ рѣшила войти, но, слава Богу, мнѣ во-время блеснула мысль, что вѣдь не Дики же это играетъ, не мама, не наша хозяйка такъ полуночничаютъ... Какъ ужасно было бы мое положеніе, еслибъ я вошла!

Надо отдать справедливость мистеру Одлей,—онъ игралъ прекрасно; не только мастерски, но такъ осмысленно, что главная прелесть дикости, необыкновенности этой пѣсни была передана вполнѣ. Я опять почувствовала тотъ же просторъ и ту же сладкую грусть.

„...Или счастья обѣщанье, или смерти то привѣтъ?..“

Да, именно... Видно, ирландцы поталантливѣе англичанъ... А я почему-то воображала, что и у него должны быть деревянныя уши.

Я бы совсѣмъ расчувствовалась, какъ всегда, отъ хорошей музыки, и еще долго бы простояла, притаившись за дверью, но мнѣ вдругъ показалось, что, навѣрное, это все подстроено. Господинъ Одлей слышалъ какъ-нибудь на дняхъ мои неудачныя попытки, а теперь зналъ, что, возвращаясь изъ сада, мнѣ не миновать дверей гостиной, и выбралъ именно этотъ мотивъ только въ пику мнѣ, только для того, чтобъ и тутъ доказать свое превосходство.

На одно мгновеніе я поколебалась, подумавъ, что, можетъ быть, я несправедлива. Но развѣ не довольно одной возможности истины моего перваго предположенія, чтобъ все мое удовольствіе было испорчено?

Я, разумѣется, ушла. Но опять долго еще сидѣла у открытаго окна, стараясь разглядѣть въ темнотѣ за́мокъ. И мнѣ вдругъ стало ясно, какъ хорошо было бы, еслибъ тѣ давніе вѣка все еще продолжались! Еслибъ я была одной изъ тѣхъ женщинъ, которымъ не позволяли разсуждать и которыхъ держали на цѣпи...

Не было бы тогда у меня никакихъ душевныхъ осложненій, а „*чувства, врозь которыя звучатъ*“, были бы мнѣ совсѣмъ неизвѣстны... Либо любовь, либо ненависть! Днемъ—работа, а ночью —сонъ!

8-го іюля.

Передо мною два письма: одно отъ Саши, другое отъ Дика.

Раздобыть первое мнѣ стоило немалаго труда и даже нѣкоторой сдѣлки съ совѣстью.

Его подали сегодня за завтракомъ мамѣ. Разумѣется, имѣя передъ глазами родственныя каракули моего братца, которыхъ мы такъ давно не видали, такъ какъ онъ не имѣетъ привычки отвѣчать на письма, я нетерпѣливо ждала своей очереди прочесть письмо. Но мама что-то очень долго его читала и перечитывала, и нѣсколько разъ поправляла очки, все время сохраняя озабоченную складку между бровями. Наконецъ, она, какъ мнѣ не безъ основанія показалось, загадочно улыбнулась и, вмѣсто того, чтобы передать письмо мнѣ, сложила его и спрятала въ карманъ.

— Что за таинственность такая, мама?—спросила я. — Отчего ты не дашь мнѣ Сашина письма?

— Да такъ, ничего!—произнесла она свой любимый, ничего не объясняющій отвѣтъ.—Повѣрь мнѣ, Танюша, лучше тебѣ не читать его. Но ты не бойся, Саша здоровъ и у него все благополучно.

Какъ будто это объясненіе могло удовлетворить меня!

Какъ бы то ни было, видя упорное нежеланіе мамы разстаться съ Сашинымъ посланіемъ, я прекратила ненужные переговоры. Но когда мама ушла гулять и я увидѣла ея утреннюю хламиду брошенною на стулъ, съ кончикомъ выглядывающаго изъ кармана письма, я не устояла противъ искушенія.

Ну, что-жъ за бѣда, въ самомъ дѣлѣ! У насъ въ семьѣ, слава Богу, и заводу никогда такого не было, чтобы мы скрывали другъ отъ друга свою переписку. Саша такъ тотъ просто распечатываетъ, не церемонясь, всѣ мамины письма, называя это „верховной цензурой". Тѣмъ не менѣе, мнѣ было немного не по себѣ.

Саша пишетъ:

„Дорогая моя мамочка,

„Я уже довольно намаялся по московскимъ дачамъ и думаю пока что, до возвращенія въ Питеръ, махнуть на Кавказъ. Тамъ, на водахъ, моимъ „флиртовымъ" способностямъ—лафа. Но дѣло не во мнѣ. Такъ ты въ самомъ дѣлѣ имѣешь основаніе предполагать, что господинъ парламентскій говерильщикъ пріѣхалъ свататься? Впрочемъ, что и спрашивать. Еслибъ ты не имѣла серьезнаго основанія, то и не стала бы писать. Я вѣдь знаю тебя, моя премудрая муттерхенъ!.. Что-жъ, давай Богъ. Я еще въ Лондонѣ, лишь только увидѣлъ Таню въ обществѣ этого выдержанно-элегантнаго джентльмена, сейчасъ подумалъ, что это бы самое раз-

любезное дѣло. Вотъ только его чухонское вѣроисповѣданіе. Да что-жъ съ этимъ подѣлаешь? Въ той средѣ, въ которой мы живемъ въ Петербургѣ, молодые люди—или карьеристы изъ столоначальниковъ и ученыхъ академиковъ, или же и того хуже, такіе пропащіе гуляки, какъ я. Оба сорта и не съ руки нашей *Философіи Фантазьевнѣ*, да и не очень-то женятся нынче въ Россіи на небогатыхъ дѣвушкахъ съ утонченными вкусами... Да къ тому же, развѣ можемъ мы съ тобой представить себѣ Таню петербургской барыней, по вечерамъ упивающейся винтомъ, а по утрамъ строящей козни вороватой кухаркѣ? Итакъ, посовѣтуй ей не артачиться и не кобениться, когда Богъ судьбу посылаетъ; а отъ меня лично скажи ей, что я буду къ ней ѣздить по возможности каждый годъ къ скачкамъ въ Эпсомѣ,—конечно, если нашъ генералъ не отниметъ у меня своихъ bonnes graces. Писать письма для меня одинъ изводъ, ужъ я и теперь въ полномъ рамолисментѣ, но зато люблю я тебя крѣпко, моя мамочка.

„Твой сынъ

„Александръ Укромскій".

Узнаю изящный стиль моего братца!

И вѣдь какъ скоро онъ отвѣтилъ, — очевидно, въ тотъ же день. Крѣпко, видно, его занимаетъ мысль о „моей судьбѣ".

Да, разумѣется, крѣпко! Ужъ въ чемъ-чемъ, а въ привязанности одинъ къ другому у насъ въ семьѣ нѣтъ недостатка.

Второе письмо съ полу-улыбкой подала мнѣ утромъ же горничная.

У Дика почеркъ почти такой же дѣтскій, какъ и у Саши, зато обдуманности больше. Бѣдный мальчикъ не шутя потрудился надъ своимъ произведеніемъ.

Перевожу его письмо полностію.

„Дорогая моя miss Укромски,

„Я много думалъ цѣлую недѣлю, имѣю ли я право вмѣшаться въ ваши дѣла. Но я хорошо помню, какъ мы одинъ разъ гуляли и мы обѣщали всегда говорить правду другъ другу. Помните ли вы? Вы знаете, что я васъ очень люблю, и кто же вамъ дастъ хорошій совѣтъ, если не я? Но сказать словами я не могу рѣшиться, хотя пробовалъ нѣсколько разъ. Итакъ, пишу: Эдвинъ совсѣмъ не дурной парень (Дикъ пишетъ: not half a bad fellow) и всегда со мною говоритъ про васъ. Если вы помните еще все то дурное, что я говорилъ про него, когда онъ только-что пріѣхалъ, то забудьте. Я тогда сердился, и это вполнѣ справедливо, что онъ не виноватъ въ томъ, что у меня были грязныя руки.

„Пойдемте сегодня гулять всѣ вмѣстѣ и не сердитесь на меня, потому что я—

„вашъ другъ
„Чарльзъ Ричардъ Гринфордъ“.

И этотъ туда же!

Вотъ еще совѣтчики выискались...

Невозможныя мысли приходятъ мнѣ въ голову. Ну, да можно ихъ и не записывать. Вѣдь все равно никогда ничего подобнаго не будетъ.

Ни за что, никогда я не допущу себя до этого!.. Позже, встрѣтясь со мною, Дикъ заалѣлся, какъ маковъ цвѣтъ. Я, кажется, тоже неизвѣстно съ чего покраснѣла... Но про письмо ни я, ни онъ ни слова.

9-го іюля.

Все то же и то же. Записывать совсѣмъ нечего. Новаго только то, что мама начинаетъ терять всякое терпѣніе со мною. Конечно, еслибъ у меня была хоть десятая доля ея кротости, то между нами не было бы никакихъ пререканій. Но что же мнѣ дѣлать, когда я не могу сладить съ собою? Зачѣмъ ей понадобилось писать Сашѣ, зачѣмъ она не подумала, каково мнѣ будетъ вернуться въ Петербургъ,—что, безъ малѣйшаго сомнѣнія, неизбѣжно,—послѣ всѣхъ этихъ совѣтованій и переписокъ?..

За обѣдомъ и на прогулкахъ только и разговору, что про ожидаемую ужасную бурю. Хоть бы ужъ она разразилась поскорѣе. Даже старикъ, что возитъ намъ иногда рыбу, даже старая Маргарита, что моетъ посуду на кухнѣ, и тѣ сообщали мнѣ о ней.

У этой старухи ужасно двусмысленная улыбка, когда она на меня смотритъ изъ-подъ своего бѣлаго чепца, изъ котораго ея сморщенное лицо выглядываетъ, какъ изъ глубины генсома [1]). Или ужъ я стала такъ зла и подозрительна, что истолковываю ложно выраженіе ея лица?.. Вѣдь прежде она мнѣ казалась предобродушной...

Исполняя просьбу Дики, я каждый день хожу гулять вмѣстѣ *со всѣми*. Даже смѣюсь и болтаю. Дикъ вѣчно цѣпляется за меня. Онъ вѣритъ моей веселости и очень доволенъ собою.

Какъ мнѣ противно, какъ тоскливо, какъ я злюсь на себя! А тутъ еще то-и-дѣло ловлю испытующіе взгляды миссисъ Гринфордъ, устремленные на меня. Ей-то чего нужно?

[1]) Крытый экипажъ на двухъ колесахъ, съ кучеромъ на запяткахъ.

10-го іюля.

Вчера я такъ долго не могла заснуть, что утромъ проснулась съ головною болью. И лишь только глаза открыла—новая непріятность.

Мама, совсѣмъ уже умытая и одѣтая, вернулась въ спальню, чего она никогда не дѣлаетъ, пока комната не прибрана, отдернула занавѣси и сѣла ко мнѣ на постель.

— Я всѣ эти дни хочу поговорить съ тобой, Танюша,—сказала она.—Je le dois à ma propre dignité, comme à la tienne.

Мы съ Сашей, съ Божьей помощью, уже давно отъучили маму смѣшивать французскій съ нижегородскимъ; но въ минуты жизни трудныя она, по старой памяти, все еще прибѣгаетъ къ этому, какъ къ средству прикрыть свое волненіе. Я поняла, что разговоръ будетъ серьезный, и мнѣ стало такъ досадно, что я отвернулась къ стѣнѣ.

— Tu te rends ridicule, mon enfant,—продолжала она, помолчавъ.

— Je me rends ridicule... Et en faisant quoi, s'il vous plait, maman?

— Qu'est-ce que t'a fait ce pauvre monsieur Audley? Зачѣмъ ты его такъ избѣгаешь? Неужли-жъ ты не понимаешь, что это просто смѣшно?

— Онъ мнѣ ровно ничего не сдѣлалъ и я его вовсе не избѣгаю!—отвѣтила я, сразу повернувшись лицомъ къ мамѣ, рѣшивъ во что бы то ни стало выдержать ея взглядъ.

Мама до сихъ поръ имѣетъ свойство краснѣть даже отъ чужой лжи. Я смотрѣла, какъ яркая краска, показавшись на ея щекахъ, перешла потомъ на лобъ, подступая къ самымъ корнямъ ея сѣдыхъ, гладко зачесанныхъ волосъ, и вдругъ обняла ее неудержимымъ порывомъ.

— Мамочка, уѣдемъ отсюда!

Она горячо отвѣтила на мою ласку, но молчала, разглаживая мои разметавшіяся косы. Я чувствовала, что еще немного—и мы обѣ будемъ недалеки отъ слезъ. Наконецъ, мама заговорила, и по одному тону ея голоса я почуяла, что тѣ, что она скажетъ теперь, будетъ выраженіемъ ея непоколебимаго рѣшенія. Когда мама сознаетъ, что при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ ей надо поступить такъ, а не иначе, она, несмотря на всю свою кажущуюся слабость, умѣетъ противостоять даже мнѣ. Я помню два-три такихъ случая въ нашей жизни...

— Нѣтъ, Таня, мы не уѣдемъ отсюда. Подождемъ, что будетъ... Куда намъ съ тобой бѣжать? Зачѣмъ? Намъ нечего бояться.

И миссисъ Гринфордъ, и ея племянникъ—слишкомъ порядочные для этого люди. Еслибъ теперь я поддалась твоей просьбѣ и согласилась на внезапный отъѣздъ, придумавъ какой-нибудь предлогъ, которому никто бы не повѣрилъ, ты не была бы счастливѣе и сама бы, успокоившись черезъ нѣсколько лѣтъ и оглянувшись на прошлое, осудила меня. Ты знаешь, что ужъ мнѣ-то твое горе было бы больнѣе, чѣмъ тебѣ самой!.. Но никакая возможность опасности не заставитъ меня поступить такъ, чтобы мои дѣти могли потомъ упрекнуть меня въ недостойныхъ уловкахъ и трусости... Хотя, можетъ быть, другія матери и назвали бы ихъ только благоразуміемъ... Дѣвочка моя, скрѣпи свое сердце. Отъ себя самой ты не убѣжишь никуда, но сдержать можно, конечно, всякое чувство. Вглядись въ свою душу. То, чего ты такъ боишься, вовсе не такъ страшно. Смотри опасности прямо въ глаза, и она разсѣется, какъ дымъ, и мы, въ крайности, обѣ выйдемъ съ достоинствомъ изъ затруднительнаго положенія. Мнѣ ли не знать, что въ тебѣ довольно силы, чтобы побороть и не такое искушеніе, еслибъ это было нужно... Но только нужно ли бороться? Не твое ли счастіе въ томъ, что̀ ты считаешь горемъ?..

Мама долго говорила со мной.

Все то высокое и хорошее, что̀ она выработала въ теченіе своей долгой жизни съ моимъ дорогимъ идеалистомъ-папой, было призвано на помощь. Вѣдь вотъ и папа умеръ, да и вообще, сколько горя и потерь было въ ея жизни, а она, свѣтлая и спокойная, дожила до старости и до сихъ поръ вѣрна своему правилу въ жизни: fais ce que dois, advienne que pourra.

Подъ вліяніемъ ея тихихъ рѣчей и во мнѣ все затихало. Наконецъ, я совсѣмъ успокоилась. Осталась только сильнѣйшая головная боль.

Мама принесла мнѣ умыться и чаю.

Лежу въ постели и записываю все случившееся...

. . . .

Полъ-часа тому назадъ мое писаніе было прервано. Миссисъ Гринфордъ пришла навѣстить меня. Посидѣвъ и поговоривъ о томъ, о сёмъ, она ушла, сказавъ на прощанье:

— Вы все грустите, дитя мое? Развѣ вы не знаете, что, по нашей пословицѣ, у самаго чернаго облака серебряная подкладка?..

Да, конечно, если облако ужъ очень черно, то яркій солнечный лучъ, навѣрное, скоро проглянетъ черезъ него. Плохо тогда, когда и небо сѣренькое, и свѣтъ дневной такой же сѣренькій. Ну, да нечего ныть и размазывать.

Въ тотъ же день вечеромъ.

Боже мой, что сейчасъ случилось со мной!

До сихъ поръ опомниться не могу!

Но запишу все по порядку.

Цѣлый день я лежала, а головѣ все не становилось лучше; не могла ни ѣсть, ни пить, ни даже читать. Подъ вечеръ, мама, все еще сидя за своимъ вышиваньемъ, изъ другой комнаты посовѣтовала мнѣ накинуть на себя что-нибудь и выйти на свѣжій воздухъ пройтись по саду, благо въ домѣ нѣтъ ни души,—всѣ на вечернемъ воскресномъ богослуженіи. Я такъ и сдѣлала.

Въ самомъ дѣлѣ, не обошла я сада и двухъ разъ, какъ мнѣ стало настолько легче, что даже ѣсть захотѣлось. Клубника въ Балитаборбегѣ великолѣпная. Недолго думая, я присосѣдилась къ клубничной грядѣ и, ягода за ягодой, скоро очутилась на срединѣ гряды, за большимъ кустомъ мѣсячныхъ розъ.

Вѣроятно, я очень углубилась въ это пріятное занятіе, потому что не замѣчала никакого движенія въ саду до тѣхъ самыхъ поръ, пока два оживленныхъ голоса не послышались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Сначала я подумала, что это кто-нибудь изъ прислуги, но скоро увидѣла миссисъ Гринфордъ и мистера Одлей, шедшихъ подъ руку. Значитъ, они уже вернулись изъ церкви.

Еслибъ я вышла изъ своей засады, не медля ни минуты, отступленіе было бы возможно для меня. Но я потерялась, не воспользовалась удобнымъ временемъ, а послѣ, волей-неволей, должна была подслушивать.

— Вы понимаете, Эдвинъ, — задумчиво говорила миссисъ Гринфордъ,—что, поступая такъ, я играю ужъ никакъ не въ свою руку. Вы знаете, что для васъ я всегда мечтала о женѣ изъ хорошей протестантской фамиліи, которая традиціями своей семьи была бы способна разсѣять въ складѣ вашего ума все, что навѣяно этимъ отвратительнымъ временемъ...

Мистеръ Одлей молчалъ. Его мужественное лицо было сосредоточенно, почти торжественно.

Онъ, кажется, сказалъ что-то, когда они дошли до поворота, но я не разслышала, рѣшившись убѣжать, лишь только они исчезнутъ въ поперечной аллеѣ. Но они и не думали пойти ею, а повернули назадъ и продолжали ходить мимо меня.

Господи, какъ я боялась, что они обратятъ вниманіе на то, какъ качался кустъ, который я толкнула въ своей поспѣшности.

И опять я услышала голосъ нашей хозяйки:

— Терпимы? Не знаю... Мнѣ часто кажется, что то, что

русскіе (я подумала: „неужели они говорятъ про насъ, про меня?“) называютъ своей религіозной терпимостью, есть только равнодушіе къ вопросамъ вѣры. Но во всѣхъ остальныхъ пунктахъ вы не могли сдѣлать лучшаго выбора. Мой мальчикъ и я, оба очень привязаны къ ней. Она хорошо воспитана и хотя очень естественна, однако не насвистываетъ (ну, еще бы я стала свистать!), не употребляетъ сильныхъ выраженій, не старается уподобиться мальчишкамъ съ рѣзкими манерами, чтò, къ несчастью, такъ полюбили дѣлать наши теперешнія дѣвушки. И она совсѣмъ не кокетка! Но увѣрены ли вы...

Дальше я не могла разобрать.

„She is not a bit of a flirt“,—миссисъ Гринфордъ такъ и сказала.

О, весь этотъ разговоръ, всѣ выраженія и перерывы его запечатлѣлись въ моей памяти, какъ изображеніе въ камеръ-обскурѣ. Когда они снова приблизились, говорилъ мистеръ Одлей:

— ...Я нарочно, какъ ни было это грубо, рѣзко прервалъ всѣ сношенія. Цѣлый годъ я провѣрялъ себя. Относительно себя, своего чувства у меня не осталось никакихъ сомнѣній. Но вотъ въ чемъ вопросъ: пойметъ ли она меня, согласится ли не дѣлаться помѣхой въ моей работѣ?.. Вы слышите, какъ она поетъ? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется, что ея настоящій характеръ выказывается только когда она поетъ. Столько нервности, такое богатство чувства!.. И знаете ли вы, что я боюсь въ ней этой отзывчивости, этой излишней утонченности ощущеній... Способенъ ли я сдѣлать ее счастливой, какъ она того заслуживаетъ, или же приведу и ее, и себя самого къ непоправимому горю?.. Вѣдь не шутка оторвать взрослую женщину отъ всего, чтò ей дорого, къ чему она привыкла... Я ѣхалъ сюда съ твердымъ рѣшеніемъ. Но теперь вы видите, какъ она суха со мной, какъ избѣгаетъ меня. Я совсѣмъ не знаю, чтò мнѣ дѣлать... О, тетя! (онъ сказалъ: „auntie“, это дѣтское слово, котораго ни въ Англіи, ни здѣсь никогда не услышишь отъ взрослаго человѣка) еслибъ вы знали, какъ я одинокъ, какъ тягощусь своимъ одиночествомъ!.. Вы—единственный человѣкъ, въ привязанность котораго я вѣрю, и вы не можете сочувствовать тому, чтò составляетъ весь смыслъ моей жизни!..

Наконецъ, они повернули-таки въ другую аллею. Я еще слышала, какъ миссисъ Гринфордъ горько отвѣтила: „не могу, Эдвинъ!“—и голоса ихъ замерли въ отдаленіи.

Съ какимъ облегченіемъ, съ какимъ восторгомъ я вздохнула, очутившись внѣ опасности. Я забыла свое давешнее намѣреніе

не бѣгать больше, и опрометью бросилась въ домъ, промчалась однимъ духомъ по лѣстницѣ и съ размаху кинулась опять въ постель.

Заслышавъ, черезъ нѣсколько минутъ, приближающіеся шаги мамы, я зарылась съ головой въ одѣяло и притворилась спящею. Мама подошла, пощупала мой горячій лобъ и потомъ, вздрогнувъ отъ внезапно раздавшагося призывнаго колокола, стала одѣваться къ обѣду.

Какъ только она ушла, я открыла глаза и сбросила съ себя одѣяло. Мнѣ было ужасъ какъ жарко. Кажется, меня била легкая лихорадка. Сердце мое такъ и прыгало и горло сжималось, какъ отъ подступающихъ слезъ.

Я долго лежала, улыбаясь неизвѣстно кому и чему. Наконецъ, мнѣ стало казаться, что висящіе надъ моею кроватью Вильямъ Оранскій съ женою своей, королевой Мэри, тоже улыбаются ужъ что-то очень странной улыбкой, въ своихъ потускнѣвшихъ отъ времени рамкахъ... Тогда я встала и опять принялась за дневникъ. Пока я писала, мое свѣтлое настроеніе разсѣялось.

Полно притворяться и хитрить съ самой собой! Это было бы великое счастье,—но все-таки я ни за что на свѣтѣ не стану выводить его изъ его нерѣшительности. У меня тоже есть чувство собственнаго достоинства и много фатализма. Онъ колеблется и не знаетъ, что̀ ему дѣлать; но я-то, какъ ни трудно мнѣ будетъ, знаю, что̀ мнѣ дѣлать! Скрѣплю сердце свое, какъ говоритъ мама, и ни словомъ, ни взглядомъ не позволю себѣ повліять на его рѣшеніе.

11-го іюля.

Это что еще за загадка?

За большимъ завтракомъ, именно въ то время, когда я принимала всякія необходимыя мѣры благоразумной осторожности и старалась казаться величаво-спокойною, онъ, сверхъ всякаго ожиданія, объявилъ вдругъ теткѣ, что хочетъ поохотиться нѣсколько дней и не вернется ночевать, такъ какъ думаетъ погостить у какого-то фермера, друга своего дѣтства. А потомъ я сама видѣла, какъ ему подали экипажъ, и онъ уѣхалъ, не сказавши мнѣ ни слова...

Впрочемъ, какой вздоръ! зачѣмъ мнѣ и ждать, что онъ будетъ говорить мнѣ что-нибудь?

Боже мой, что̀ мнѣ думать? Что̀ все это значитъ? чѣмъ кончится?

Неужели же онъ что-нибудь перетолковалъ и теперь станетъ избѣгать меня? Господи, сохрани и помилуй... а впрочемъ... какъ

все это надоѣло! Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мама не согласилась уѣхать! Все лучше, чѣмъ это.

Однако, надо взять себя въ руки.

Но еслибы знала мама, что̀ я переживаю! Какъ крѣплюсь изъ послѣднихъ силъ, чтобъ и виду не показывать миссисъ Гринфордъ...

А можетъ быть, онъ просто уѣхалъ затѣмъ, чтобы не присутствовать при этихъ глупѣйшихъ оранджменскихъ церемоніяхъ?.. Ничего не понимаю!

12-го іюля.

Наступила годовщина сраженія при Боинѣ. На площадкѣ передъ крыльцомъ разбита палатка, въ которой будутъ угощаться оранджмены. Весь домъ подтянулся и подчистился и глядитъ совсѣмъ по-праздничному. На всѣхъ окнахъ вѣнки изъ оранжевыхъ лилій и синихъ анютиныхъ-глазокъ. Между прислугой нѣтъ ни души, у кого не было бы хоть бантика, хоть тряпочки оранжевой. Миссисъ Гринфордъ тоже въ синемъ шолковомъ платьѣ, съ большимъ букетомъ чайныхъ розъ на груди.

Она и намъ съ мамой прислала такихъ розъ и синихъ васильковъ, вѣроятно въ надеждѣ, что и мы въ нихъ вырядимся. Я немедленно заявила мамѣ, что цвѣтовъ этихъ не надѣну и внизъ не сойду, пока будетъ продолжаться вся эта кутерьма. Какое намъ, русскимъ, дѣло принимать участіе въ протестантскихъ демонстраціяхъ! Я знаю навѣрное, что въ глубинѣ души мама была совершенно согласна со мною и даже вовсе не спокойна. Но такова мягкость ея нрава, что она пошла на компромиссъ съ собственною совѣстью, побоявшись обидѣть хозяйку. Она вдѣла желтую розу въ петлицу своего чернаго платья и сошла внизъ.

Мнѣ было видно изъ окна, что тамъ на крыльцѣ собрались уже хозяйка дома, горничныя, старая Маргарита, садовникъ, кучеръ и благообразный буфетчикъ, который смотритъ настоящимъ милордомъ,—однимъ словомъ, вся та компанія, что̀ неизбѣжно фигурируетъ во всѣхъ англійскихъ романахъ нравственно-религіознаго содержанія. Всѣ ждали появленія торжественнаго шествія.

Дикъ долго оставался у себя, ходилъ нарядный и подстриженный изъ угла въ уголъ. Бѣдный мальчикъ готовился говорить рѣчь, написанную для него матерью, и безпрестанно прибѣгалъ ко мнѣ спрашивать, хорошо ли онъ говоритъ. Не понимаю, какъ не боится миссисъ Гринфордъ такихъ волненій для сына. Что касается меня, мнѣ было такъ его жаль, что съ нимъ я забывала собственныя треволненія и по неволѣ выучила его спичъ наизусть.

Чего-чего нѣтъ въ этомъ спичѣ: и историческія описанія, и комплименты членамъ балитаборбегской оранжевой ложи, за ихъ

вѣрность и преданность, и политическіе совѣты. Бѣдный старикъ Гладстонъ и его политическое направленіе разбиваются въ немъ въ пухъ и прахъ, а восклицаніе: „no surrender“ [1]), избранный девизъ всѣхъ этихъ фанатиковъ, пестритъ въ глазахъ чуть не на каждой строчкѣ.

Издалека стали доноситься до насъ глухіе раскаты барабановъ и отрывистые, жиденькіе звуки дудочекъ, наигрывавшихъ гимнъ оранджменовъ, болѣе похожій на дѣтски-наивную плясовую пѣсенку. Я и прежде слыхала его отъ Дика и удивлялась его несообразности.

При проходѣ черезъ каждый поселокъ толпа росла. Жители его присоединялись къ процессіи съ собственными флагами и музыкантами. Шумъ все увеличивался и приближался и вдругъ замолкъ гдѣ-то совсѣмъ близко.

— Идутъ, идутъ!—крикнулъ Дики, вбѣгая ко мнѣ.

На немъ положительно лица не было.

— Вотъ теперь они зашли въ сторожку за маминымъ и моимъ флагомъ. Сейчасъ они будутъ здѣсь. Что мнѣ дѣлать? Я, право, не могу!—отчаявался онъ.

— Да не бойтесь же такъ, Дики!—попробовала я успокоить его.—Поговорите вы съ четверть часа, они покричатъ, и все будетъ кончено. Вы же сами говорите, что вы—глава семьи.

— Вамъ легко говорить. Но подумайте, каково мнѣ будетъ, пока все это не кончится. По крайней мѣрѣ, если вы любите меня хоть немного, miss Tania, обѣщайте мнѣ, что не отойдете отъ окна. Я все время буду смотрѣть на васъ, а не на нихъ, и мнѣ будетъ легче. Охъ, мама уже зоветъ меня!

Я осталась одна и продолжала смотрѣть на все происходившее изъ-за занавѣски.

Потемнѣло и закрылось мое любимое свѣтло-зеленое пятно въ концѣ длинной перспективы стройныхъ каштановъ. Мелкій щебень, которымъ она усыпана, затрещалъ и захрустѣлъ подъ ногами много-сотенной толпы, тянувшейся безконечной лентой.

Впереди всѣхъ шли музыканты. Потомъ ѣхалъ, на бѣлой въ сѣрыхъ яблокахъ лошади, сѣдой старикъ-фермеръ, президентъ или, какъ здѣсь говорятъ, мастеръ самой большой изъ окружныхъ ложъ. На немъ былъ красный магистерскій плащъ, а черезъ плечо — оранжевая перевязь, вся расшитая золотыми звѣздами, масонскими треугольниками и черепами. Онъ со своею лошадью представляли собою историческое изображеніе: она—того люби-

---

[1]) Не сдадимся!

маго сѣраго скакуна, на которомъ Вильямъ Оранскій сражался при Боинѣ; онъ—самого короля Вильяма. Перевязи и мистическіе значки я увидѣла на многихъ другихъ, но плаща ни у кого, кромѣ мастера, не было. Видно, это знакъ великаго отличія. Потомъ шелъ новый рядъ музыкантовъ, а потомъ уже толпа, мальчишки, старухи, женщины съ грудными дѣтьми, взрослые мужчины, съ хоругвями, знаменами и цѣлыми снопами неизмѣнно желтыхъ и синихъ цвѣтовъ. Я такъ отвыкла отъ многолюдія, что у меня въ глазахъ зарябило.

Поровнявшись съ крыльцомъ, музыканты заиграли съ новымъ воодушевленіемъ, и процессія стала дефилировать передъ миссисъ Гринфордъ.

Что это была за какофонія! Воинственные патріотическіе крики, ошалѣлый визгъ дудочекъ и всепокрывающій грохотъ барабановъ. Какой-то уже немолодой, рябой человѣкъ, отставшій какъ-то отъ остальной компаніи, спѣшилъ догнать ее, сгибаясь подъ тяжестью колоссальнаго барабана съ аляповатымъ изображеніемъ царственнаго виновника торжества, и колотилъ, колотилъ въ него безъ толку и ладу въ какомъ-то остервенѣніи.

Нельзя сказать, чтобы пуританскій протестантизмъ способствовалъ развитію художественныхъ вкусовъ.

Наконецъ, сборище остановилось въ довольно нестройномъ порядкѣ и, прокричавъ три раза ура, смолкло.

Миссисъ Гринфордъ выдвинула впередъ сына. Толпа стала опять кричать, но уже въ честь наслѣдника своего любимаго покойнаго вожака. Потомъ раздался едва слышный, дрожащій голосокъ Дика. Онъ таки-справился съ собою и принялъ такой видъ, что я поняла, какъ сильно онъ чувствуетъ въ эту минуту собственное значеніе и отвѣтственность. Но все же онъ казался совсѣмъ маленькимъ и жалкимъ, окруженный бородатыми фермерами, которые слушали его съ непритворнымъ почтеніемъ на своихъ загорѣлыхъ лицахъ.

Онъ все время такъ очевидно искалъ меня за моимъ прозрачнымъ убѣжищемъ, что я сдержала обѣщаніе и выстояла все время, пока онъ говорилъ.

Когда онъ кончилъ, миссисъ Гринфордъ пошла по рядамъ пожимать всѣмъ руки.

Я отошла-было отъ окна, но снова вернулась, привлеченная знакомой фигурой. Это былъ Мики О'Калиганъ. Я видѣла его второй разъ въ жизни, но узнала бы его изъ тысячи. На немъ былъ все тотъ же изодранный сюртукъ, а порыжѣлая шляпа его

вся была утыкана по краямъ вѣтками оранжевыхъ лилій. Въ толпѣ онъ казался какимъ-то движущимся кустомъ.

Послѣ того, что мнѣ разсказалъ о немъ мистеръ Одлей, онъ сдѣлался вдвойнѣ интереснымъ для меня. Я принялась наблюдать за нимъ. Онъ все время похаживалъ вокругъ палатки, гдѣ слуги готовили угощеніе, и жадными глазами смотрѣлъ на ихъ приготовленія. Миссисъ Гринфордъ замѣтила его и дала ему громадный ломоть хлѣба съ вареньемъ и стаканъ лимонаду. Съ какимъ животнымъ восхищеніемъ онъ бросился на ѣду, какъ торопился отрывать своими крѣпкими зубами большіе куски хлѣба!

Нѣтъ, онъ просто жалкій, безобидный идіотъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни того непонятаго окружающей грубой средою поэта и пѣвца, которымъ онъ такъ заманчиво представлялся моему воображенію...

Ахъ, ужъ это мое воображеніе! Насолило мнѣ оно!

13-го іюля.

Кончилась праздничная суматоха. Домъ совсѣмъ затихъ. Въ этой тишинѣ мнѣ еще тяжелѣе. Я положительно превращаюсь въ автомата. Хожу, говорю, смѣюсь, какъ въ какомъ-то тяжеломъ, отвратительномъ снѣ. А на душѣ камень, тяжесть и пустота ужасные. Еслибы у меня, какъ у другихъ женщинъ, была привычка плакать, мнѣ было бы легче.

Его все еще нѣтъ, да и слава Богу.

14-го іюля.

Вчера, какъ разъ передъ сумерками, я пошла одна походить и ушла довольно далеко. Я возвращалась той лощиной, гдѣ добывается торфъ. Деревья тамъ такія чахлыя, растрепанныя. Да и не мудрено: окружные жители, съ истинно ирландской неряшливостью, не жалѣютъ выкапывать торфъ изъ-подъ самыхъ ихъ корней. Корни на половину надъ земной поверхностью, на воздухѣ цѣпляются за землю, какъ громадные уродливые когти какого-то чудовищнаго звѣря. Торфъ сложенъ правильными траурными рядами и черныя ямы изъ-подъ него зіяютъ, какъ открытыя могилы. Болото тамъ ужасное. Только осока и сильно пахнущая горькимъ миндалемъ бѣлая кашка ростутъ на этой топи. Дикъ мнѣ говорилъ, что тамъ гдѣ-то есть бездонный провалъ, въ которомъ нерѣдко погибаютъ люди.

Наверху по пригоркамъ шумѣлъ вѣтеръ, а въ долочкѣ было тихо, такъ тихо, что я слышала собственное дыханіе.

Все это было такое мрачное и грустное, что я вся поддалась вліянію этой внѣшней угрюмости и перестала сосредоточи-

ваться на себѣ одной. Это такое противное, гнетущее чувство, что я счастлива была отдѣлаться отъ него хоть на время.

Вдругъ мнѣ послышалось, что кто-то окликнулъ меня. Я оглянулась, всматриваясь въ сумеречныя окраины болота, но никого не увидѣла. Постоявъ, я пошла дальше. Но опять кто-то назвалъ меня по имени, и на этотъ разъ совсѣмъ неподалеку.

Не знаю, чего мнѣ было ужъ такъ очень пугаться, но я едва на ногахъ устояла, увидѣвъ спѣшно идущаго за мною мистера Одлей. Со мною произошло что-то непонятное... Или мои нервы были слишкомъ напряжены, или ужъ совѣсть такъ неспокойна. Но вмѣсто того, чтобы благопристойно подождать его и потомъ продолжать прогулку вдвоемъ, я вдругъ ускорила шагъ и пошла, глядя прямо передъ собою, то-и-дѣло спотыкаясь о кочки, путаясь въ травѣ, совсѣмъ забывъ о страшной ямѣ, которая ежеминутно могла поглотить меня.

Я опомнилась, только очутившись на дорогѣ. Мнѣ было стыдно до боли! Я остановилась и рѣшила, чего бы мнѣ это ни стоило, ждать его и потомъ постараться обратить мое полоумное бѣгство въ глупую неумѣстную шутку.

Но напрасно я ждала. Онъ, видно, раздумалъ искать моего общества. Ни шаговъ, ни малѣйшаго шума не было слышно. Только вѣтеръ шелестѣлъ листьями.

Я вернулась домой, опоздавъ къ обѣду. Что онъ теперь обо мнѣ подумаетъ? Ко всѣмъ моимъ мукамъ, недоумѣніямъ, слабымъ вспышкамъ надежды, послѣ которыхъ становится еще хуже, и сомнѣніямъ прибавился еще стыдъ моего вчерашняго подвига.

Ужъ теперь-то все кончено.

15-го іюля.

Какая ночь! Я опомниться не могу.

А мама все ходитъ вокругъ меня и такъ и ждетъ моего взгляда, чтобы прижаться ко мнѣ своею милой сѣдою головушкой, и все повторяетъ: „Ну, и что же, Танюша? Ты не забудешь Россіи, не забудешь православія?“ Я въ сотый разъ отвѣчаю, что нѣтъ, никогда не забуду, и цѣлую ея дрожащія отъ волненія ручки.

Впрочемъ, надо записать все послѣдовательно.

Вчера, когда я въ спальнѣ дописывала дневникъ про позавчерашнія похожденія, въ нашу гостиную вошла миссисъ Гринфордъ. Она—рѣдкій гость, и по одному тому, какъ мама пригласила ее сѣсть, мнѣ стало ясно, что мама ждетъ чего-то необычайнаго. Ничего необычайнаго она, однакоже, не сказала, то-есть, по крайней мѣрѣ такого, какъ, мнѣ казалось, ждала мама.

— Дорогая мэдамъ Укромски,—начала наша хозяйка,—я имѣю къ вамъ большую просьбу. Мой племянникъ—я жду его каждую минуту—готовъ гостить, подъ предлогомъ охоты, въ неудобныхъ каморкахъ Алека Эрвина, лишь бы не обезпокоить меня...

Я крѣпко зажала въ пальцахъ ручку пера и насторожила уши. Я такъ знаю малѣйшія движенія мамы, что изъ другой комнаты разобрала, какъ безпокойно она задвигалась на креслѣ, когда миссисъ Гринфордъ назвала того, о комъ мы съ мамой такъ упорно избѣгали упоминать со дня нашего объясненія.

— Но я, кажется, понимаю, въ чемъ дѣло,—спокойно продолжала миссисъ Гринфордъ.—Онъ человѣкъ молодой и здоровый и, къ тому же, не привыкъ къ вегетаріанской пищѣ. А между тѣмъ именно теперь у него много письменной работы. Непривычные люди, я слыхала, не могутъ хорошо и свободно работать головой при вегетаріанскомъ режимѣ... У этихъ людей, я хочу сказать, въ политической партіи моего племянника,—сдержанно поправилась она,—опять возникли какія-то пререканія и газетная война, и теперь для того, чтобы писать, онъ оставилъ мой домъ. А между тѣмъ я знаю, что онъ сдѣлалъ это совсѣмъ неохотно. Эдвинъ такъ цѣнитъ общество васъ самой и нашей милой miss Таніа и такъ давно не видалъ насъ съ Дикомъ...

— Дикъ, мнѣ кажется, очень привязанъ къ мистеру Одлей!—неожиданно прервала ее мама.

Бѣдная, бѣдная мама! Она въ продолженіе всего этого разговора была какъ на иголкахъ.

— Да, и это очень радуетъ меня!—подтвердила наша хозяйка, не замѣчая даже возбужденія мамы.—Но теперь о моей просьбѣ. Не позволите ли вы моему племяннику присоединиться къ вашимъ раннимъ завтракамъ?.. Я бы съ удовольствіемъ приказала готовить для васъ троихъ мясную пищу, но, къ несчастью, моя кухарка знаетъ только вегетаріанскія блюда.

— Но этого совсѣмъ не нужно,—заволновалась мама, какъ пойманная школьница.—То-есть, мы очень будемъ этому рады...

Я почувствовала, что мама никогда не выпутается одна, что мое вмѣшательство совершенно необходимо.

— Вы не должны сомнѣваться, миссисъ Гринфордъ,—сказала я, входя,—что мама, какъ и я сама, всегда счастливы оказать вамъ хотя бы незначительную услугу.

— Вы были здѣсь, miss Таніа!—сказала хозяйка, будто чуточку смущенная моимъ неожиданнымъ появленіемъ.—Я не знала... Во всякомъ случаѣ, мэдамъ Укромски,—сейчасъ же обратилась

она къ мамѣ,—позвольте мнѣ васъ сердечно поблагодарить. Вы выводите меня изъ большого затрудненія.

Лишь только она ушла, мы съ мамой переглянулись въ полнѣйшемъ недоумѣніи.

Чтò значитъ этотъ новый странный сонъ?

— Ну, мы теперь согласились,—первая заговорила мама,—и ты теперь вдвойнѣ должна сдерживать себя, и душевно, и въ словахъ, и въ манерахъ. Милая ты моя дѣвочка! Не падай духомъ...

Легко мамѣ говорить! подумала я. Ужъ и то я становлюсь какою-то психопаткой отъ вѣчныхъ наблюденій надъ каждою своею мыслью, надъ малѣйшимъ душевнымъ движеніемъ!

Но говорить я не стала ничего, а взяла книгу и попробовала читать.

— Танюша! — позвала меня мама, не давъ мнѣ почитать и десяти минутъ.—А ты знаешь, чтò мнѣ кажется?.. Можетъ быть, онъ ей говорилъ что-нибудь, и вотъ она теперь думаетъ, какъ бы устроить, чтобы вы побольше были вдвоемъ... А? можетъ быть, она только, по своей англійской манерѣ, заводитъ рѣчь издалека...

— Мамочка, выражайся яснѣе. Что *онъ* могъ говорить *ей* и кто этотъ *онъ*?.. Право, ужъ и безъ того у меня умъ за разумъ заходитъ.

— Не сердись, голубушка ты моя!—гладя мою руку, возразила мама.—Тебѣ бы самой было лучше, еслибъ не постоянное молчаніе твое, еслибъ ты смотрѣла на вещи проще.

Я съ сердцемъ вырвала у мамы свою руку и ушла въ далекій уголъ. Я такъ была сердита, что просто словъ не находила. По счастью, къ намъ постучался Дикъ, а то бы я еще хуже разогорчила ее своею несдержанностью.

Теперь, когда все это прошло, я съ удивленіемъ и негодованіемъ оглядываюсь на себя. Какъ могла я все это время думать о себѣ одной?!

Дикъ тоже пришелъ не спроста. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, онъ, наконецъ, рѣшился высказать, чтò у него было на умѣ. Я, конечно, не пробовала помочь ему.

— Извините меня, мэдамъ Укромски, пожалуйста,—сказалъ онъ.—Какъ же такъ, miss Tania? Развѣ вы забыли, что я вчера только отправилъ въ Бельфастъ вашъ заказъ на новую провизію? Если Эдди вернется сегодня, то-есть, если, какъ мама говоритъ...

Дикъ опять началъ путаться. Мы, кажется, всѣ въ этомъ домѣ потеряли даръ слова.

— Вѣдь вы же знаете, вамъ и самимъ нечего будетъ ѣсть завтра утромъ!—разрѣшилъ онъ свои затрудненія.

— Ахъ, Боже мой! вѣдь мальчикъ и въ самомъ дѣлѣ правъ. Изъ ума вонъ!—по-русски воскликнула мама, совсѣмъ растерявшись.—Что намъ дѣлать? Взялись кормить завтраками, а запасовъ никакихъ!

Несмотря на то, что гнѣвъ все еще дрожалъ у меня въ сердцѣ, несмотря на то, что мнѣ было не до смѣха уже много дней, я не могла теперь не засмѣяться въ своемъ углу, — до того оторопѣло, такъ чисто по-русски мама всплеснула руками. Смѣялся и Дикъ, но въ его смѣхѣ была торжествующая нотка.

— Вотъ что̀ я вамъ скажу!—не безъ важности заговорилъ онъ.—У жены того фермера, которому я помогалъ косить сѣно, я замѣтилъ отличные окорока въ кладовой. Она ими не торгуетъ, но для меня она ничего не пожалѣетъ. Я напишу ей письмо и мы пошлемъ кого-нибудь.

— Но кого же намъ послать, Дикъ мой милый? — сказала мама.—Вѣдь надо идти просить вашу мама̀. А мнѣ такъ совѣстно. Вашъ столъ, право, очень вкусный и это совсѣмъ неделикатно съ моей стороны. Я не могу рѣшиться на это.

— Если вамъ угодно, послѣ обѣда я пойду самъ,—съ готовностью предложилъ Дикъ.

— Какъ можно, Дикъ! Такъ поздно вечеромъ. Одному! Да еще тащить тяжелый окорокъ.

— Еслибъ ты, мама,—вмѣшалась я,—позволила мнѣ идти съ Дикомъ. Вдвоемъ бы ничего...

Что̀ мамѣ было дѣлать? Хотя не съ разу, но она все-таки согласилась. Развѣ мы могли замѣнить планъ Дика какимъ-нибудь инымъ, собственнаго изобрѣтенія? Развѣ я сама могла рѣшиться завести съ миссисъ Гринфордъ разговоръ по поводу мяса̀, на которое она смотрѣть безъ отвращенія не можетъ? И, главное, развѣ въ глубинѣ моей души не поднимался нарочно заглушаемый, но явственный голосъ, говорившій, что все на свѣтѣ лучше, чѣмъ новая разлука; разлука безъ рѣшающаго слова, безъ возможности загладить то унизительно-глупое впечатлѣніе, котораго не могло не оставить мое бѣгство?

Спускаясь внизъ къ обѣду, мама шепнула мнѣ:

— Таня, а это не далеко? Ты знаешь?

Я только рукой махнула.

Немедленно послѣ обѣда я незамѣтно вышла изъ дому и пошла объ руку съ Дикомъ, какъ уже ходила этою самой аллеею

много разъ. Но въ этомъ выходѣ не было ничего похожаго на наши предъидущія прогулки.

И въ самомъ дѣлѣ, могла ли бы я повѣрить, не сочла ли бы я себя смертельно оскорбленной, еслибы мнѣ сказали не далѣе какъ утромъ, что я, — я своею волею, послѣ всѣхъ этихъ безсонныхъ ночей, послѣ ежедневныхъ обуреваній черной меланхоліи,—пойду покупать провизію, какъ какая-нибудь добродѣтельная и экономная нѣмка-хозяйка. И для кого же!

Правда, я старалась себя увѣрить все время, что дѣлаю это только ради мамы; ради того, чтобы оказать услугу миссисъ Гринфордъ, потому что было бы безсовѣстно отпустить „маленькаго Дика" совсѣмъ одного... Но тѣмъ не менѣе передъ необычайностью этого сознательнаго поступка все пережитое за послѣдніе дни стушевывалось и уходило на второй планъ. Я чувствовала себя такъ странно, какъ никогда.

Я такъ была озабочена этимъ новымъ ощущеніемъ, что и не замѣтила, какъ мы прошли около двухъ миль и уже стучались въ ставни фермы. Узнавъ насъ, хозяйка ея разохалась, какъ и подобаетъ истой словолюбивой ирландкѣ. Онѣ здѣсь всѣ охаютъ, словно русскія бабы.

— Охъ, мистеръ Дики, и вы, моя добрая лэди,—вотъ не ждала! А я-то думаю: кто это стучится? Войдите, войдите! У меня, благодареніе Богу, есть гдѣ посадить почетныхъ гостей. Даю слово, еслибы ко мнѣ этимъ темнымъ вечеромъ постучался мой сынъ, что уѣхалъ въ Америку—на Рождество будетъ три года, я бы такъ не обрадовалась!

И она тянула насъ въ свою кухню, съ глинянымъ поломъ, но съ кумачевыми занавѣсками и геранями на крошечныхъ окнахъ; устанавливала стулья передъ ярко пылающимъ камелькомъ, хваталась за посуду, чтобъ вскипятить намъ чаю, дѣлая все это сразу и не переставая говорить.

Дикъ искренно забавлялся ея болтовней и подмигивалъ мнѣ, очевидно желая выразить: вотъ какъ меня принимаютъ! Онъ и самъ пресмѣшно умѣетъ передразнивать удивительный англійскій языкъ окрестнаго простонародья. Но я вовсе не была расположена раздѣлять его веселье; запаздывать мнѣ вовсе не хотѣлось.

— Скажите ей, зачѣмъ мы пришли,—шепнула я:—намъ надо поспѣшить.

— Хотите купить у меня окорокъ!—въ полнѣйшемъ изумленіи воскликнула она, едва давъ договорить Дику, и такъ и остановилась посреди комнаты, съ охапкою чашекъ и тарелокъ.

Но скоро ея удивленіе смѣнилось такимъ порывистымъ, не-

удержимымъ смѣхомъ, будто въ жизнь свою она не слышала шутки забавнѣе.

— Охъ, добрый вы нашъ молодой баринъ!—повторяла она.— Любите вы развеселить насъ, бѣдный рабочій народъ!.. Зачѣмъ вамъ наша грубая ѣда, когда... развѣ мы не знаемъ, къ чему вы привыкли?.. Конечно, про мои окорока и въ городѣ слыхали. Я для нихъ не одинъ годъ кормила свинью самою лучшею рѣпой. Для такихъ, какъ мы, и мои лепешки, и хлѣбъ съ изюмомъ годятся, какъ лучше не надо! Даже такой образованный джентльменъ, какъ мистеръ Браунъ, нашъ клэрджиманъ, и то лакомъ до нихъ. Въ прошлую субботу вечеромъ онъ зашелъ сюда и говоритъ мнѣ: „охъ, миссисъ Макъ-Намара, говоритъ онъ, какая вы хозяйка"...

Мнѣ казалось, она никогда не кончитъ.

„Вотъ еще старая дура!"—думала я, начиная приходить въ яростное отчаяніе.

Дикъ въ пору взглянулъ на мое несчастное лицо и, со свойственною ему чуткостью, понялъ, что со мною творится что-то неладное. Онъ очень находчиво сказалъ именно тѣ слова, которыя могли убѣдить фермершу, что мы вовсе не шутимъ. Она перестала смѣяться и отправилась въ кладовую, промедливъ еще порядкомъ въ поискахъ за спичками и огаркомъ. Но безъ крѣпкаго перекипяченнаго чаю и жирныхъ пышекъ она насъ не отпустила...

— Охъ, добрыя небеса!—воскликнула она, провожая насъ.— Мое имя не Лиліанъ Макъ-Намара, если надъ нами этою ночью не разразится страшная буря! Охъ, бѣда какая! Боюсь я, мои дорогіе, пустить васъ однихъ... Да некому проводить васъ! Работникъ съ лошадью погналъ скотъ на ярмарку, а мой хозяинъ совсѣмъ безъ ногъ... Двѣнадцатое іюля—самый такой день, послѣ котораго всѣ почтенные оранджмены спятъ по три дня, вы знаете!

Ловко лавируя между кучами навоза, заброшенными плугами, колесами и огородными грядами, она вывела насъ сокращеннымъ путемъ на дорогу и простилась съ нами, но долго еще стояла и охала намъ вслѣдъ.

Дикъ вначалѣ пути болталъ, по обыкновенію, даже, чтобъ развлечь меня, пробовалъ пѣть смѣшныя пѣсни, но по мѣрѣ того, какъ темнѣло небо, затихалъ и онъ. Онъ упрямо не допускалъ меня избавить его отъ окорока, на величину котораго фермерша, къ несчастію, не поскупилась, и, наконецъ, сталъ отставать отъ меня, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ и въ темнотѣ спотыкаясь на камни.

— Miss Tania! — не вытерпѣлъ онъ:—какъ вы думаете, не пойти ли намъ черезъ поля? Я знаю, здѣсь есть тропинка, которая въ четверть часа приведетъ насъ домой.

— Увѣрены ли вы, что знаете ее?—для очистки совѣсти спросила я.

Я чувствовала себя такою нервною и возбужденною, мнѣ такъ хотѣлось заснуть и забыть про свое собственное существованіе, что одна мысль о предстоявшемъ длинномъ пути раздражала меня.

— Знаю, еще немного и мы свернемъ на нее, — увѣренно отвѣтилъ Дикъ.

Сумерки уже давно смѣнились ночью. Тоненькій рожокъ мѣсяца, который тускло выглядывалъ изъ-за тучъ, когда мы вышли изъ дому, уже давно скрылся. Дорога чуть видно бѣжала передъ нами сѣроватымъ пятномъ, но скоро мы стали отличать ее только по ощущенію твердости почвы подъ ногами.

Видно, въ тогдашнемъ своемъ состояніи я не была способна сообразить всей опасности нашего предпріятія. Мы свернули на тропинку и ускорили шагъ, неслышно ступая по мягкой травѣ.

Я не безъ страха поглядывала на небо: оно было такое черное, какъ тотъ торфъ, мрачнымъ видомъ котораго я наслаждалась два дня тому назадъ. Кругомъ все было тихо какъ глубокою полночью. Ни звука, ни движенія на темныхъ пустынныхъ поляхъ. Но мнѣ смутно чуялось, въ этомъ спокойствіи, что-то зловѣщее... Мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ должно случиться что-нибудь необыкновенное. Во мракѣ и тишинѣ совершалось нѣчто невидимое, неощутимое, но великое и страшное! Чувство тяжелаго одиночества и суевѣрнаго страха уже не разъ принималось тѣснить мою душу смутнымъ ожиданіемъ.

Я боролась съ нимъ, съ этимъ гнетущимъ чувствомъ, но незамѣтно для себя самой все ускоряла шагъ. И чѣмъ скорѣе я шла, тѣмъ страшнѣе мнѣ становилось оглянуться и тѣмъ сильнѣе развивалось во мнѣ это желаніе. Подумавъ, что я успокоюсь только тогда, когда удовлетворю его, что всѣ страхи разсѣются сами собой, когда я увѣрюсь, что ни позади меня, ни съ боковъ нѣтъ ничего, кромѣ все той же темноты, я оглянулась... И какъ разъ въ то мгновеніе, когда я поворачивала голову, блеснула ослѣпительная молнія.

— Какой ударъ грома!—воскликнулъ Дикъ.—Я никогда не слыхалъ такого.

Но я не могла ни слова произнесть: къ чувству боязни нарушить давящую торжественную тишину, которое во мнѣ было

все время, прибавился новый страхъ:—мнѣ почудилось, что невдалекѣ отъ насъ за деревьями прячется кто-то... При блескѣ молніи мнѣ мелькнула неясная сѣроватая фигура, которая быстрымъ кошачьимъ движеніемъ метнулась отъ одного дерева къ другому.

„Показалось мнѣ, пригрезилось со страха!"—убѣждала я себя мысленно, въ то же время чувствуя, какъ противъ воли моей, несмотря на всѣ мои усилія, во мнѣ ростетъ увѣренность, что то было нѣчто *не*-человѣческое...

Ужасъ сковалъ все мое тѣло, когда, при слѣдующемъ блескѣ молніи, я увидѣла, что мы въ двухъ шагахъ отъ развалины, какъ разъ тамъ, гдѣ, по преданію, кровавоглазый Падди гоняется за запоздалыми путниками. Предъ моимъ мысленнымъ взоромъ пронесся страшный призракъ, который такъ часто даже въ спокойныя минуты приходилъ мнѣ на память.

— Не бойтесь, Таня, милая! Не бойтесь!—повторялъ Дикъ, тряся меня за руку.—Этого не можетъ быть!..

Но его дрожащій голосъ не могъ привести меня въ себя, у него тоже зубъ не попадалъ на зубъ. И я вдругъ постигла всей своей душой, что и Дикъ испуганъ тѣмъ же, чѣмъ я, что и ему блеснула та же ужасная мысль...

Новый ударъ грома и новая молнія, и за нашими плечами, въ самомъ дѣлѣ, выросла какая-то черная тѣнь, простирая къ намъ руки... Мы оба окончательно потеряли всякую власть надъ собою, всякую способность разсуждать.

— Милосердый Господь да помилуетъ насъ!—прошепталъ Дикъ.—Духъ съ кровавыми глазами! Духъ слѣпого Патрика!

Я рванулась впередъ, не разбирая дороги.

Долго ожидаемая гроза разразилась окончательно. Какъ вылъ и свистѣлъ вѣтеръ!.. Какъ стонали и скрипѣли деревья подъ его порывами! Дождь съ градомъ хлынулъ потоками, съ громкимъ шипѣніемъ, а удары грома раскатывались, не переставая. И среди всего этого хаоса звуковъ, мы оба явственно слышали топотъ погони за нами, взвизгиванія и злобный угрожающій хохотъ.

Это былъ какой-то кошмаръ!

Какъ не завязли мы въ топкихъ канавахъ, какъ мы прорвались черезъ послѣдній живой плетень колючаго боярышника, какъ добѣжали до проволочной ограды нашего парка,—не знаю. Я, какъ сквозь дымку, помню себя уже подъ конецъ, уже почти лишающеюся сознанія. Я стояла, прижимая Дика, что̀ было силы, къ какому-то дереву, чтобы защитить его собственнымъ тѣломъ, а на руки мои, на плечи, на голову сыпались удары, наносимые

темною, бѣснующеюся силой, въ то время какъ у ногъ нашихъ, на землѣ, что-то уродливое, черное, страшное, билось и корчилось въ судорогахъ...

Крѣпко избилъ меня крупный градъ, а Мики О'Калиганъ, бѣжавшій за нами, еще ушибъ меня, падая возлѣ насъ. Тѣло мое все въ синякахъ и царапинахъ, а платье изорвано въ клочки.

Несчастный идіотъ послѣдніе дни былъ въ страшно возбужденномъ состояніи, какъ всегда послѣ оранжевыхъ торжествъ. И ко всему прибавилась эта рѣдкостная гроза. Она подѣйствовала на его несмысленную душу хуже, чѣмъ на насъ.

За общимъ ревомъ непогоды дома не скоро разслышали наши крики. Когда помощь, наконецъ, подоспѣла, я лежала безъ сознанія, оглушенная ударомъ въ голову, а Мики тутъ же бился въ припадкѣ эпилепсіи...

Придя въ себя, я не сразу сообразила, гдѣ я и чтò со мною. Подъ головой моей было чье-то пальто, но я тутъ же нащупала мокрую траву. Звѣзды мигали высоко, высоко надо мною, а послѣднія тучи, исчезая, все еще кропили землю холоднымъ, освѣжавшимъ меня дождемъ. Я разобрала голосъ Дики и еще другой, одинъ звукъ котораго сразу вернулъ меня къ дѣйствительности, ко всему тому, чтò я такъ мучительно переживала послѣднія недѣли.

— Все это изъ-за васъ, Эдвинъ, все изъ-за васъ!—говорилъ Дикъ, и плача и смѣясь одновременно.—Мы пошли на ферму Макъ-Намара, чтобъ на завтра вамъ была противная ваша мясная пища, и запоздали... А тутъ гроза, градъ, молнія! Мы побѣжали прямикомъ, этотъ глупый Мики погнался за нами... Теперь его унесли... Вы видѣли его?.. Все это случилось изъ-за вашей жадности... Бѣдная, милая Таня!..

— Чтò вы говорите, Дикъ! Вы рѣшились на эту опасную прогулку ради меня?—послышался поспѣшный вопросъ.

— Никакой опасности тогда не было! Она была не одна и я очень хорошо зналъ дорогу,—дѣтски оправдывался Дикъ.— Мама думала, что вы не можете жить безъ мясной пищи.

Много эти пустыя слова сказали тому, кто теперь почувствовалъ себя безъ вины виноватымъ... Прошло нѣсколько минутъ полнаго молчанія, въ продолженіе которыхъ я окончательно пришла въ себя.

— Пойдите теперь, Дикъ!—сказалъ мистеръ Одлей такимъ спокойнымъ голосомъ, что я не могла не почувствовать всей его дѣланности.—Я присмотрю за ней. А вы поторопите ихъ съ

носилками. Кажется, они всѣ такъ заняты хлопотами надъ Мики, что никогда не вспомнятъ о насъ.

И вотъ мы остались одни, и его блѣдное встревоженное лицо склонилось близко надъ моимъ. Я хотѣла-было подняться на ноги, сказать, что сама дойду до дому, но почувствовала такую острую боль и головокруженіе, что могла только сѣсть, опираясь руками о землю. И тутъ я начала такъ плакать, какъ никогда мнѣ не случалось съ самаго дѣтства.

Эти слезы тоже оказались послѣднимъ порывомъ миновавшей бурной, хотя и беззвучной грозы.

Чтò и говорить! мистеръ Одлей сдѣлалъ все, чтò было въ его возможности, чтобы утѣшить и успокоить меня.

Когда мама, встрѣтивъ мои носилки на дорогѣ, со слезами бросилась ко мнѣ, когда потомъ она, миссисъ Гринфордъ, все женское населеніе дома обмывали мое въ кровь исцарапанное лицо и перевязывали мои ушибы, я была такъ безумно счастлива, что не чувствовала ни боли, ни даже жалости къ бѣдной перепуганной мамѣ.

Лишь только я проснулась сегодня, къ намъ вошла миссисъ Гринфордъ.

— Не двигайтесь, лежите спокойно, дитя мое!—сказала она.—Эдвинъ и Дики оба въ такомъ безпокойствѣ за васъ, что послали меня навѣдаться.

Кажется, не было ни вершка на моемъ тѣлѣ, который бы не болѣлъ и не нылъ, и все-таки, когда я отвѣтила, что чувствую себя совсѣмъ хорошо, въ моихъ словахъ не было ни малѣйшей лжи.

— Я принесла вамъ вещицу, которая, надѣюсь, понравится вамъ,—продолжала миссисъ Гринфордъ, закалывая брилліантовой брошкой шолковый платокъ мамы, въ который я всегда кутаюсь, когда мнѣ нездоровится. Вы видите, она сдѣлана въ формѣ той трилистной травки, которую, по преданію, святой Патрикъ избралъ гербомъ Ирландіи, какъ символъ единаго божества въ трехъ лицахъ. Эта брошка принадлежала сестрѣ моей, матери Эдвина, и теперь онъ будетъ счастливъ увидѣть ее на васъ.

Я почувствовала, что мнѣ рѣшительно некуда дѣвать глаза, а мама и миссисъ Гринфордъ обнялись горячо, несмотря на ту сдержанность, которой онѣ обѣ, одна по привычкѣ, другая изъ боязни того, чтò подумаютъ, всегда придерживались въ своихъ сношеніяхъ.

— Тотъ большой каштанъ, чтò былъ надломанъ уже нѣсколько лѣтъ, рухнулъ вчера окончательно,—заговорила наша

хозяйка, переводя рѣчь на безразличный предметъ, очевидно, для того, чтобы дать время оправиться и намъ, и себѣ самой.

Не любитъ эта вѣрная дочь своей холодной страны волненій и сердечныхъ изліяній. Но по крайней мѣрѣ на этотъ разъ я была ей глубоко благодарна.

Прежде чѣмъ уйти, она сказала мнѣ:

— Докторъ будетъ сегодня у васъ, чтобы успокоить вашу мама̀. На мой взглядъ, вамъ только нужно хорошенько выспаться и отдохнуть. Я не буду больше тревожить васъ. Но когда вамъ станетъ лучше, когда вы почувствуете себя въ силахъ, вѣдь вы пришлете намъ сказать? Дики такъ и рвется къ вамъ. Онъ бы давно былъ здѣсь, еслибъ я не удерживала его. Впрочемъ, и Эдвинъ едва-ли терпѣливѣе его.

И взволнованная добрая улыбка освѣтила ея лицо, вопросительно смотрѣвшее на меня изъ дверей.

Съ тѣхъ поръ уже цѣлый день я то пишу, то стараюсь утѣшить маму, у которой видъ совсѣмъ несчастный, несмотря на все ея счастье, то опять принимаюсь дремать, и все никакъ не могу рѣшиться впустить ихъ сюда...

Но не сегодня, такъ завтра, а рѣшиться надо будетъ неизбѣжно.

Что̀ я тогда сдѣлаю, что̀ скажу? Какое будетъ его первое слово?

Вѣра Джонстонъ.

Августъ, 1891.

КЫЛЫЧЪ-АЛАЙ

Страница изъ новѣйшей исторіи Турціи.

(По воспоминаніямъ очевидца).

Окончаніе.

VI *).

Возвратимся къ прерванному на время разсказу о событіяхъ 1876 года.

Абдуль-Азизъ былъ убитъ въ 11 часовъ утра, а часа три, четыре спустя были уже его похороны, обставленные большою торжественностью. Всѣ министры присутствовали при перенесеніи гроба въ *тюрбе* (надгробная часовня) султана Махмуда, отца покойнаго султана.

Трагическая смерть Абдуль-Азиза примирила съ нимъ многихъ; къ нему начали относиться съ бо̀льшею справедливостью. Первые восторги по отношенію къ Мураду тогда уже прошли— тѣмъ охотнѣе стали вспоминать объ его предшественникѣ. Несмотря на короткое время, протекшее съ воцаренія султана, уже въ концѣ мая 1876 года стали замѣтны признаки усиленія общаго недовольства.

Улемы, недовольные тѣмъ, что имъ еще не было предоставлено преобладающаго вліянія на государственныя дѣла и что правительство ничего не дѣлаетъ для созданія въ Турціи мусуль-

---

*) См. выше: іюль, 163 стр.

жанской олигархіи, называли султана западникомъ, которымъ вертитъ тріумвиратъ изъ трехъ пашей: Мехмеда-Рушди, Хусейна-Авни и Мидхата. Султану не прощали, что, противъ всѣхъ правилъ мусульманскаго этикета, онъ отправился въ мечеть въ перчаткахъ, что на обѣдѣ у себя онъ предлагалъ собесѣдникамъ вино, что онъ не умѣетъ держать себя съ тою важностью, которая приличествуетъ халифу, и что, наконецъ, онъ не нашелся что̀ отвѣтить на обращенныя къ нему привѣтствія различныхъ депутацій.

По одному турецкому преданію, всѣ султаны, носящіе имя Мурада, должны были быть жестокими гонителями христіанъ. Рядъ этихъ султановъ, по тому же преданію, долженъ былъ закончиться Мурадомъ V, предназначеннымъ произвести такую страшную рѣзню христіанъ, какой дотолѣ не бывало и примѣра. Отголоскомъ такого преданія и было усиленіе во внутреннихъ областяхъ Турціи, по полученіи извѣстія о воцареніи Мурада, религіознаго фанатизма, выразившагося въ нѣкоторыхъ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ христіанъ. А между тѣмъ, въ дѣйствительности,—разсуждали улемы,—Мурадъ V скорѣе клонитъ въ сторону христіанъ, желая, съ помощью конституціи, обезпечить имъ полную равноправность. Улемы были бы, конечно, еще болѣе возмущены, если бы имъ были извѣстны толки, распускавшіеся европейскими друзьями Мурада, о томъ, что чувства уваженія новаго султана къ христіанству таковы, что, быть можетъ, впослѣдствіи онъ не прочь будетъ и перемѣнить свою религію.

Партія „молодой Турціи" и европейскія колоніи въ Константинополѣ были тоже разочарованы, не видя конституціи, которая должна была исцѣлить всѣ соціальныя болѣзни.

Подъ вліяніемъ такихъ причинъ перемѣна въ общемъ настроеніи была такъ сильна, что живи еще Абдуль-Азизъ, онъ, по мнѣнію многихъ турокъ, менѣе чѣмъ чрезъ мѣсяцъ снова сидѣлъ бы на престолѣ.

Европейская печать думала видѣть въ воцареніи Мурада новую эру возрожденія Турціи. Такія же надежды возлагались при воцареніи и на Абдуль-Азиза. Но тогда было еще болѣе основаній къ такимъ надеждамъ, такъ какъ на престолъ, на смѣну государя слабаго и апатичнаго, всходилъ государь съ твердымъ характеромъ, извѣстный строгостью своихъ нравовъ и суровою справедливостью. При восшествіи на престолъ Мурада, все было какъ разъ наоборотъ.

Переходъ отъ домашняго заключенія къ трону былъ слиш-

комъ внезапенъ, обстоятельства, при которыхъ онъ совершился, были слишкомъ драматичны, чтобы не оставить глубокихъ слѣдовъ въ умѣ и сердцѣ новаго султана, по природѣ своей и безъ того крайне впечатлительнаго. Потрясеніе, испытанное Мурадомъ въ ночь воцаренія, совершенно разстроило его нервную систему—съ тѣхъ поръ у него сдѣлалась постоянная дрожь, въ особенности въ колѣняхъ. Но окончательно надломлено было его здоровье послѣдующими происшествіями.

Молодой султанъ, при его добромъ характерѣ, былъ глубоко тронутъ почти заискивающимъ тономъ письма своего низложеннаго дяди, опасавшагося за свою жизнь. Мурадъ отвѣтилъ тогда собственноручнымъ письмомъ, смоченнымъ его слезами; онъ давалъ своему предмѣстнику самыя положительныя обѣщанія, что онъ самъ позаботится и будетъ неослабно наблюдать за его личною безопасностью. Два дня спустя, Абдуль-Азиза не существовало!

По несчастной случайности, министры, опасаясь, какъ бы извѣстіе о смерти стараго султана слишкомъ не поразило Мурада, возъимѣли злополучную мысль сообщить о происшедшемъ Мураду чрезъ его служителя, подававшаго ему завтракъ. Взволнованный слуга, проникнутый важностью тяжелаго долга, на него возложеннаго, забылъ въ послѣднюю минуту всѣ совѣты о необходимости предварительно искусно подготовить султана къ грустной новости и, подавая пилавъ, безъ дальнихъ околичностей объявилъ Мураду, что его дядя скончался. Султанъ тотчасъ вскочилъ изъ-за стола—съ нимъ сдѣлалась рвота и сильнѣйшая дрожь, переходившая въ судороги. Удрученный скорбью, Мурадъ горько плакалъ и даже надѣлъ на три дня трауръ—что̀ было настоящимъ нововведеніемъ для константинопольскаго двора: въ то же время онъ немедленно взялъ къ себѣ младшихъ сыновей Абдуль-Азиза, чтобы всячески постараться замѣнить имъ такъ ужасно погибшаго ихъ отца.

Съ этого момента страшнаго нравственнаго потрясенія, умственныя способности Мурада какъ бы помутились. Отъ времени до времени у него сталъ замѣчаться полный упадокъ силъ, какъ бы временное оцѣпенѣніе или столбнякъ, въ продолженіе котораго онъ лишался языка, подолгу оставаясь со взоромъ безпомощно устремленнымъ въ пространство—это было начало таинственной болѣзни, постигшей Мурада на десятый день по его воцареніи и заставившей его снова сойти съ ступеней престола, на который его возвела горсть честолюбцевъ.

Съ самаго начала своего царствованія Мурадъ скорѣе нахо-

дился въ положеніи вѣнценоснаго плѣнника названнаго выше тріумвирата и не имѣлъ никакого вліянія на дѣла. Министры старались всячески стѣснить Мурада даже въ расходахъ. Независимо отъ того, что, какъ уже сказано ранѣе, въ своемъ манифестѣ о восшествіи на престолъ Мурадъ V объявилъ, что передаетъ казнѣ принадлежащія ему удѣльныя имѣнія и будетъ довольствоваться на содержаніе двора ежегодною суммою въ 300.000 турецкихъ лиръ, новый султанъ долженъ былъ принять на свой собственный счетъ пенсіи разнымъ придворнымъ служителямъ, а также и разные другіе расходы по дворцу, доселѣ платившіеся казною,—такъ что, благодаря всему этому, въ государственной смѣтѣ расходовъ достигалась экономія около милліона турецкихъ лиръ въ годъ. Во дворцѣ вообще хотѣли завести экономію; множество служащихъ и обитательницъ гарема были изгнаны тогда безъ всякаго милосердія. Удаляя оттуда всѣхъ лицъ, которыя были болѣе или менѣе близки къ покойному султану, верховники, конечно, не могли оставить въ покоѣ бывшаго великаго визиря и приказали ему выѣхать безъ промедленія изъ Константинополя.

Махмудъ-Недимъ-паша, который погубилъ и себя, и Абдуль-Азиза своею нерѣшительностью, исходившею изъ мысли, что никто не посмѣетъ поднять руку на халифа (какъ будто турецкая исторія не сообщала многихъ доказательствъ противнаго!) и не обратилъ должнаго вниманія на опасность, грозившую правительству, которое могло быть спасено лишь энергіей, — сошелъ съ того времени съ политической сцены и въ концѣ мая переѣхалъ въ городокъ Чесме, гавань котораго видала въ прошломъ вѣкѣ подвиги графа Орлова и русскаго флота. Мѣстная печать по этому поводу была въ полномъ восторгѣ и привѣтствовала изгнаніе „послѣдняго столба, поддерживавшаго въ Портѣ русское вліяніе, столь пагубное для турецкой имперіи“.

Но такъ какъ Порта по обыкновенію должна находиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ, то тѣмъ усиленнѣе стало въ ней проявляться со времени послѣднихъ событій сердечное влеченіе къ Англіи. Турки полагали, что Англія станетъ во главѣ сочувственнаго движенія въ пользу Турціи со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія, и что чѣмъ они будутъ враждебнѣе къ Россіи, тѣмъ болѣе поддержатъ ихъ западные покровители. Туркамъ внушали, что стоило Россіи принять на себя берлинскимъ меморандумомъ инидіативу немного болѣе рѣшительныхъ мѣръ въ пользу христіанъ, чтобы всѣ державы отшатнулись отъ Россіи и бросились въ объятія Турціи. Истинный другъ Порты — это

Англія, всегда готовая отстаивать неприкосновенность турецкаго палладіума—Парижскаго трактата 1856 года. Недаромъ органъ „молодой Турціи", журналъ „Stamboul", издававшійся англичаниномъ Ганлеемъ, возвѣщалъ, что „низложеніе Абдуль-Азиза предотвратило новую брешь, которую кое кто льстилъ себя надеждой пробить въ Парижскомъ трактатѣ, узаконяя вмѣшательство Европы во внутреннія дѣла оттоманской имперіи: быстрота, съ которою произведенъ былъ переворотъ, одна спасла Турцію, такъ какъ бывшій султанъ, склоняясь къ принятію меморандума князя Горчакова, далъ уже Мухтару-пашѣ приказаніе воздерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій въ Черногоріи и Герцеговинѣ".

Тогдашнее вліяніе Англіи на Порту поддерживалось и ея флотомъ: воспользовавшись паникою, вызванною софтами, и прикрываясь рѣшеніями, принятыми въ Берлинѣ о посылкѣ военныхъ судовъ въ воды Леванта, Англія пріобрѣла возможность непосредственно вліять, съ помощью собраннаго въ Безикѣ флота, на рѣшенія Порты и направлять ее противъ Россіи. Командовавшій эскадрою адмиралъ Друммондъ, нисколько не стѣсняясь, обѣщалъ тогда заняться самъ приведеніемъ турецкихъ броненосцевъ въ боевую готовность, чтобы сдѣлать Турцію неуязвимою на Черномъ морѣ и способною подавить тамъ возростаніе русскихъ морскихъ силъ.

Главнѣйшимъ дѣятелемъ тріумвирата пашей, заправлявшаго тогда судьбами оттоманской имперіи, былъ, безспорно, Хусейнъ-Авни-паша. Укрѣпивъ послѣ дворцоваго переворота свое личное положеніе, онъ сталъ стараться мало-по-малу отдалиться отъ Мидхата-паши, отъ партіи „молодой Турціи" и отъ проповѣдуемыхъ ею конституціонныхъ идей. Подъ вліяніемъ его, самое движеніе въ пользу конституціи начало ослабѣвать, — ходжи и софты, а также вообще улемы, не желавшіе никогда давать какія-либо новыя права христіанамъ, подписали адресъ, въ которомъ протестовали противъ приписываемаго имъ намѣренія измѣнить образъ правленія, либо требовать конституціи.

При такомъ положеніи дѣлъ и въ виду придворныхъ интригъ, невозможность для Турціи имѣть конституціонный образъ правленія была вполнѣ очевидна; а ко всему этому присоединялась разноплеменность народовъ оттоманской имперіи, другъ другу враждебныхъ, съ стремленіями совершенно различными, раздѣленныхъ происхожденіемъ, религіею, нравами и, въ добавокъ, не обладающихъ ни достаточнымъ образованіемъ, ни политическою зрѣлостью,—что̀ замѣщалось однимъ слѣпымъ фанатизмомъ правовѣрія. За неимѣніемъ точныхъ статистическихъ данныхъ нельзя было бы даже составить правильныхъ списковъ избирателей.

Только деспотическая монархія до сихъ поръ была совмѣстна съ восточными понятіями. Парламентаризма азіатъ не понимаетъ, и колебанія, напр., англійской парламентской политики представляются восточному человѣку только слѣдствіемъ слабости и нерѣшительности... На восточнаго человѣка дѣйствуетъ только страхъ; уважаютъ того, кого боятся.

Въ виду всего этого, можно предположить одно, а именно, что искусственно поднятое движеніе въ пользу конституціи въ Турціи имѣло подкладкою желаніе Мидхата и его клевретовъ привлечь къ *себѣ* лично благосклонность западной Европы и обезпечить лично за *собою* ея дѣятельную поддержку.

И вдругъ подъ вліяніемъ Хусейна-Авни-паши, столь благопріятное для „молодой Турціи" движеніе стало ослабѣвать, встрѣчая оппозицію со стороны могущественнаго сословія улемовъ. Враждебный напоръ оказался настолько сильнымъ, что самъ Мидхатъ вынужденъ былъ отступить, довольствуясь пока тѣмъ, что на него было возложено составленіе проекта объ учрежденіи нѣсколько усиленнаго государственнаго совѣта, съ болѣе обширнымъ кругомъ власти и съ правомъ нѣкотораго контроля надъ государственными финансами. Приходилось удовлетвориться и такимъ незначительнымъ ограниченіемъ султанской власти. Но, отказываясь явно отъ своихъ замысловъ, Мидхатъ-паша втайнѣ помышлялъ тогда объ учрежденіи въ Турціи республики, въ надеждѣ стать ея президентомъ.

Понятно потому, какъ непріятно было Мидхату усиленіе Хусейна-Авни-паши, единственнаго человѣка, который имѣлъ силу и возможность съ нимъ бороться, и какъ горячо долженъ онъ былъ—онъ и близкіе къ нему—желать отдѣлаться отъ военнаго министра. Какъ бы въ угоду подобному желанію Мидхата-паши, тогда произошло новое загадочное обстоятельство, благодаря которому „молодая Турція" какъ разъ во-время избавилась отъ опаснаго соперника. 4-го іюня сераскиръ палъ подъ пулею черкеса Хасана.

Уроженецъ Кабарды, Хасанъ-бей, былъ молочнымъ братомъ третьей жены Абдуль-Азиза, матери принца Мехмедъ-Шевкета-эфенди. Благодаря своему родству съ султаншей, онъ былъ сдѣланъ ординарцемъ у старшаго сына Абдуль-Азиза—Юсуфъ-Изведдина. Строптивый нравъ Хасана былъ причиною многихъ стычекъ его съ начальствомъ, между прочимъ и съ Хусейнъ-Авни-пашою, который нѣсколько разъ собирался выслать его изъ Константинополя, но покровительство султанши-валидэ постоянно спасало его. Послѣ переворота 18-го мая, Хасана произвели въ слѣ-

дующій чинъ, приказавъ, однако, отправиться безъ промедленія къ своему полку, въ Багдадъ. Въ виду его отказа подчиниться такому приказанію, онъ былъ арестованъ на 15 дней, и тогда-то, по всей вѣроятности, принялъ онъ рѣшеніе кровью смыть оскорбленіе, нанесенное ему, по его мнѣнію, военнымъ министромъ.

Одно время предполагали, что Хасанъ-бей, рѣшаясь на убійство Хусейна-Авни, былъ лишь однимъ изъ орудій обширнаго заговора, составленнаго въ пользу Юсуфа-Изеддина военными, уколотыми намекомъ на ихъ измѣну, выраженнымъ въ письмѣ Абдуль-Азиза къ султану Мураду,—и не бывшими въ состояніи себѣ простить, что въ ночь переворота ихъ заставили играть роль простыхъ пѣшекъ въ рукахъ главныхъ заговорщиковъ. Но насколько можно судить по выяснившимся впослѣдствіи даннымъ, едва-ли такое предположеніе можно считать основательнымъ. Вѣрнѣе, пожалуй, допустить, что кромѣ личной злобы на сераскира, засадившаго неукротимаго черкеса подъ арестъ, Хасанъ-бей желалъ еще отомстить Хусейну-Авни и какъ главному виновнику низложенія, а затѣмъ и смерти Абдуль-Азиза, обусловившей и самоубійство султанши—сестры Хасана, вслѣдствіе чего самъ Хасанъ дѣлался незначительнымъ армейскимъ офицеромъ. Сравненіе того, что было прежде, съ тѣмъ, что его ожидало впереди, было слишкомъ невыгодно, слишкомъ невыносимо для его необузданнаго характера, и нѣтъ ничего мудренаго, что во время своего заключенія на гауптвахтѣ Хасанъ-бей рѣшилъ, быть можетъ, отчасти и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ искусныхъ нашептываній лицъ, заинтересованныхъ въ устраненіи Хусейна-Авни-паши,—самъ расправиться съ сераскиромъ и за-одно отомстить и за сестру, и за потерю своего собственнаго привилегированнаго положенія.

Когда принятое намѣреніе было обдумано во всѣхъ подробностяхъ, Хасанъ объявилъ, что онъ готовъ ѣхать въ Багдадъ къ мѣсту служенія, почему и былъ освобожденъ изъ-подъ ареста. Изъ тюрьмы онъ прямо отправился въ Скутари, гдѣ находился *яли* (загородный домъ) Хусейна-Авни-паши. Въ Скутари хорошо знали бывшаго принцева ординарца, брата султанши, и потому не затруднились ему отвѣтить, что сераскира нѣтъ дома и что вмѣстѣ съ другими министрами онъ теперь на совѣтѣ у Мидхата-паши. Отсюда Хасанъ-бей отправился въ Стамбулъ, пообѣдалъ и имѣлъ бесѣды съ нѣсколькими лицами — слѣдствіе потомъ не выяснило, или намѣренно замяло вопросъ, съ кѣмъ именно видѣлся въ тотъ вечеръ Хасанъ и что онъ вообще дѣлалъ въ теченіе всего вечера. Какъ бы то ни было, около полуночи, скрывъ подъ плащомъ два шестизарядныхъ револьвера и большой

черкесскій кинжалъ, Хасанъ явился въ конакъ (дворецъ) Мидхата-паши, находившійся въ кварталѣ, называемомъ Таушанъ-ташъ. Тамъ тоже люди хорошо знали Хасана и безъ затрудненія пропустили его на верхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ говорилъ, онъ долженъ былъ передать военному министру очень важную телеграмму. Подъ предлогомъ этой служебной надобности Хасанъ безпрепятственно проникъ въ залу совѣта.

На диванѣ, по срединѣ, сидѣлъ въ разстегнутомъ мундирѣ Хусейнъ-Авни-паша; рядомъ съ нимъ, въ креслѣ, Рашидъ-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ. Приподнявъ тяжелую завѣсу, замѣняющую въ турецкихъ домахъ двери, Хасанъ бросился съ ругательствами прямо на военнаго министра и, крикнувъ: „сераскеръ давранма!“ (не шевелись, сераскиръ!)—выстрѣлилъ въ него въ упоръ: пуля пронзила ему грудь немного выше лѣваго сосца,—судьбѣ было угодно, чтобы Хусейнъ-Авни-паша былъ пораженъ въ то же мѣсто, въ какое нанесенъ былъ смертельный ударъ и бывшему его повелителю, султану Абдуль-Азизу.

У Хусейна-Авни-паши хватило еще силъ подняться и сдѣлать нѣсколько шаговъ по направленію къ убійцѣ, но, получивъ еще нѣсколько ударовъ кинжаломъ въ грудь и животъ, онъ упалъ, чтобы не подниматься болѣе.

Тѣмъ временемъ великій визирь, Мехмедъ-Рушди-паша и другіе министры двумя боковыми дверями спаслись въ сосѣднія комнаты; Мидхатъ-паша ползкомъ скрылся въ свой гаремъ. Рашидъ-паша оставался какъ прикованный къ креслу, не будучи въ состояніи пошевелиться. Одинъ лишь капуданъ-паша (генералъ-адмиралъ), почти 80-лѣтній старецъ, Ахмедъ - Кайсарли-паша, въ молодости своей участвовавшій въ Наваринскомъ сраженіи, храбро бросился на убійцу и вступилъ съ нимъ въ рукопашную борьбу, продолжавшуюся нѣсколько минутъ, что̀ и позволило другимъ министрамъ убѣжать. Отбиваясь отъ него, Хасанъ стрѣляетъ—и пуля пробиваетъ плечо капудана-паши; не довольствуясь тѣмъ, Хасанъ, уже не помня себя, начинаетъ поражать его кинжаломъ и наноситъ глубокія раны въ лѣвый високъ, плечо и руку. Въ это время на помощь старику подоспѣлъ слуга Мидхата-паши, Ахмедъ-ага, и тогда лишь морской министръ, весь израненный, обливаясь кровью, могъ скрыться въ сосѣднюю комнату, гдѣ уже былъ великій визирь и Халетъ-паша, послѣ чего они немедленно забаррикадировали дверь разною мебелью. Впослѣдствіи капуданъ-паша выздоровѣлъ отъ своихъ ранъ.

Сильный и рослый Ахмедъ-ага схватился съ Хасаномъ и старался побороть его, скрутивъ ему назадъ руки, но гибкій,

какъ змѣя, черкесъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, отчасти высвободилъ руку и выстрѣломъ въ ухо несчастнаго служителя распростеръ его у своихъ ногъ бездыханнымъ.

Одолѣвъ своего опаснаго соперника, Хасанъ оглядѣлся, и отуманенный кровью его взглядъ упалъ на Рашида-пашу, подъ вліяніемъ смертельнаго ужаса продолжавшаго сидѣть въ полномъ оцѣпенѣніи. Раздался новый выстрѣлъ — пуля попала Рашиду прямо въ подбородокъ и убила министра на-поваль.

Остервенившійся злодѣй сталъ затѣмъ ломиться въ дверь комнаты, гдѣ былъ Мехмедъ-Рушди-паша, крича ему: „Отворите! клянусь, что я ничего не имѣю противъ васъ, а хочу только добраться до Ахмеда-Кайсарли!" — „Оглумъ (сынъ мой),—отвѣтилъ ему великій визирь, всячески защищая дверь:—того, кого ты ищешь, нѣтъ со мною; увѣряю тебя, я одинъ". Но Хасанъ не унимался; продолжая ломиться въ дверь, онъ повторялъ: „Отворите, мнѣ нужно поговорить съ вами; клянусь, что я вамъ не причиню никакого зла". Визирь отвѣчалъ ему изъ-за двери: „Я вѣрю твоей клятвѣ, сынъ мой! только ты теперь немножко взволнованъ; мы лучше поговоримъ завтра".

Не будучи въ силахъ взломать дверь, Хасанъ, находившійся уже въ состояніи полнаго изступленія, сталъ пронизывать ее въ разныхъ направленіяхъ пулями изъ своихъ револьверовъ. Въ то же время онъ опрокинулъ горѣвшій канделябръ и зажегъ занавѣси, надѣясь, вѣроятно, воспользоваться сумятицею, сопровождающею пожаръ, чтобы постараться спастись.

Звуки выстрѣловъ встревожили всѣхъ окрестныхъ жителей, и чрезъ полчаса прибылъ на мѣсто убійства отрядъ полицейскихъ и солдатъ съ ближайшей караульни. Убійца началъ съ ними отчаянную борьбу—жертвами его пали еще одинъ убитый заптія (полицейскій) и пять солдатъ, получившихъ разныя тяжкія раны. Съ нимъ справились лишь нанеся нѣсколько ранъ штыками, но не убивая, чтобы сохранить живымъ для слѣдствія. Въ этотъ промежутокъ времени, начальникъ отряда, адъютантъ морского министра, Шюкри-бей, успѣлъ уже пробраться по черной лѣстницѣ въ комнату, гдѣ были спасшіеся министры, вывелъ ихъ на улицу, а самъ, вернувшись въ залу совѣта, бросился съ обнаженною саблею въ свалку. Въ эту минуту солдаты подняли уже Хасана на штыки; не взирая на то, этотъ бѣшеный человѣкъ не измѣнилъ своей желѣзной энергіи. Вонзая въ себя глубже штыки, Хасанъ дотянулся до голенища своего сапога, гдѣ у него былъ спрятанъ револьверъ, и однимъ выстрѣломъ убилъ Шюкри-бея на-поваль.

Справившись съ убійцей, солдаты потушили начинавшійся отъ канделябра пожаръ. Въ залѣ бывшаго совѣта министровъ крови было такъ много, что она протекла въ нижній этажъ.

На слѣдствіи Хасанъ-бей показалъ, что онъ хотѣлъ отмстить сераскиру за роль, которую тотъ сыгралъ по отношенію къ Абдуль-Азизу. „Но что же сдѣлалъ тебѣ или покойному султану этотъ несчастный Рашидъ-паша?"—спросилъ Хасана предсѣдатель военнаго суда. „Я не хотѣлъ его убивать; только когда я его увидѣлъ окаменѣвшимъ отъ страха, я рѣшился покончить и съ нимъ, да въ добавокъ онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что служилъ орудіемъ чужой политики".

Одновременно съ арестомъ Хасана было задержано около тридцати человѣкъ по подозрѣнію въ составленіи военнаго заговора, но судъ не могъ собрать никакихъ положительныхъ доказательствъ въ подтвержденіе подобнаго предположенія.

Зная заранѣе объ ожидающей его судьбѣ, Хасанъ не захотѣлъ, чтобы ему была оказана какая-либо медицинская помощь, и когда онъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ, собравшимся въ сераскератѣ, къ повѣшенію, ночью въ тюрьмѣ сорвалъ свои повязки и умеръ отъ ранъ и потери крови. Порта, впрочемъ, скрыла эту смерть и трупъ Хасана былъ все-таки повѣшенъ, чрезъ 24 часа, на площади Баязида. Повѣсили его на низкомъ суку стараго, корявого тутоваго дерева, такъ что ноги Хасана почти касались земли. Толпы любопытныхъ перебывали въ тотъ день около этого трупа—ужъ слишкомъ поразило всѣхъ неслыханное звѣрство человѣческой бойни, произведенной черкесомъ Хасаномъ!

Хотя народъ считалъ убійство Хусейна-Авни-паши справедливымъ возмездіемъ за низложеніе султана и видѣлъ въ Хасанѣ руку, покаравшую главнаго заговорщика, свергнувшаго Абдуль-Азиза, но какъ-то плохо вѣрится, что судьбѣ угодно было покарать лишь тѣхъ министровъ, кто былъ наиболѣе способенъ, въ своей спеціальности, и изъ которыхъ одинъ хотѣлъ сбросить съ себя опеку Мидхата-паши и поддерживающей его партіи, а другой повиненъ былъ лишь въ томъ, что, благодаря своему просвѣщенному взгляду на вещи и проницательному уму, полагалъ, что Турціи слѣдуетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Россіею и что, потому, славянамъ Балканскаго полуострова должны быть сдѣланы нѣкоторыя уступки. Нельзя не сказать, что Рашидъ-паша и вообще по личному своему характеру, и по безкорыстію представлялъ особенно рѣдкое исключеніе изъ турецкихъ министровъ и, въ противность Хусейну-Авни-пашѣ, оставившему послѣ

себя громадное состояніе, былъ такъ бѣденъ, что вдова его, чтобы устроить приличные похороны, вынуждена была просить у великаго визиря денегъ взаймы.

Смерть Хусейна-Авни была какъ нельзя болѣе на руку крайней турецкой партіи, а потому нѣкоторые западно-европейскіе дипломаты не скрывали своей радости, что событіе это произошло какъ разъ кстати, что оно вообще „расчистило почву". Отнынѣ власть безспорно переходила къ Мидхату-пашѣ и его клевретамъ, которые такимъ образомъ, благодаря Хасану, внезапно получили возможность разыграть рѣшающую роль и быть полновластными распорядителями судебъ имперіи.

Спасеніе при тогдашнихъ обстоятельствахъ Мидхата-паши,— одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей переворота, за который будто бы мстилъ Хасанъ, — отъ вѣрной смерти, казалось также столь удивительнымъ, столь подтверждало нѣкоторые толки о томъ, что Мидхату было заранѣе извѣстно о готовившемся покушеніи Хасана, что органъ „молодой Турціи", „Stamboul", счелъ необходимымъ, разсказывая объ убійствѣ министровъ, вложить въ уста Хасана такія рѣчи, будто бы произнесенныя имъ въ минуту арестованія, т.-е. когда, какъ мы видѣли, онъ висѣлъ на штыкахъ: „я сожалѣю, что убилъ несчастнаго заптія, но о чемъ сожалѣю въ особенности, такъ это о томъ, что отъ меня ускользнулъ Мидхатъ-паша".

VII.

Убійство министровъ имѣло непосредственное вліяніе на состояніе здоровья молодого султана—оно нанесло окончательный ударъ уже ранѣе потрясенному его разсудку. Мурадъ началъбыло въ то время поправляться: переѣхавъ въ Ильдызъ, султанъ, какъ казалось, чувствовалъ себя гораздо лучше, умъ его сталъ успокоиваться по мѣрѣ того, какъ сглаживались ужасныя впечатлѣнія воцаренія и убійства Абдуль-Азиза. 4-го іюня, однако, онъ внезапно увидѣлъ, что войска со всѣхъ сторонъ окружили Ильдызъ-кіоскъ. Встревоженный, онъ спрашиваетъ объясненій; ему отвѣчаютъ уклончиво, говоря лишь, что это необходимая мѣра предосторожности, чтобы обезпечить его безопасность.

Больной умъ Мурада не могъ вынести сообщенія о новой опасности, противъ которой его надо было такъ ограждать, и съ этой минуты онъ уже нигдѣ не могъ найти себѣ покоя. Страхъ быть убитымъ сталъ преслѣдовать его неотступно, раздражая все

болѣе и болѣе его расшатанную нервную систему. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ сидѣлъ запершись съ своимъ докторомъ, Каполеоне, и впалъ въ такую апатію, что не могъ ни принять новыхъ министровъ—иностранныхъ дѣлъ, Сафвета-пашу, и юстиціи, Халиль-Шерифа-пашу, ни подписать грамотъ къ иностраннымъ государямъ о своемъ воцареніи, ни даже отправиться въ пятницу въ мечеть, что произвело на народъ удручающее впечатлѣніе. Англійскому послу, сэру Элліоту, на просьбу объ аудіенціи, султанъ приказалъ отвѣтить, что онъ еще не въ состояніи принять представителя королевы Викторіи. Самая церемонія Кылычъ-Алая (препоясанія мечомъ), замѣняющая у турокъ обрядъ коронованія султановъ, откладывалась со дня на день до тѣхъ поръ, какъ объясняли, пока умы населенія столицы успокоятся совершенно отъ пережитыхъ событій. Ослабѣвшій физически и нравственно, Мурадъ V не хотѣлъ заниматься никакими дѣлами, отказывая въ пріемѣ даже великому визирю, такъ что нѣкоторыя нетерпящія отлагательства дѣла велись лишь чрезъ посредство султанши-валидэ.

Въ концѣ концовъ, злодѣяніе Хасана имѣло еще одно неожиданное послѣдствіе: перепуганный, больной Мурадъ, сначала хотѣвшій просто отречься отъ престола въ виду слишкомъ большихъ опасностей, сопряженныхъ съ этимъ послѣднимъ, вдругъ почувствовалъ приливъ конституціонныхъ вожделѣній—ему захотѣлось и остаться на престолѣ, и избѣгнуть прямой отвѣтственности, лежащей предъ Богомъ и народомъ на всякомъ самодержавномъ государѣ. Такой исходъ онъ видѣлъ въ конституціи, которая могла избавить его отъ многихъ заботъ и обезпечить, какъ ему казалось, болѣе спокойное существованіе, въ особенности еслибы удалось привести въ исполненіе задуманную тогда мѣру ограниченія власти шейхъ-уль-ислама отнятіемъ у него права путемъ фетвы низлагать султановъ.

Въ концѣ іюня мѣсяца, т.-е. спустя лишь мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ воцаренія Мурада, какъ христіане, такъ и мусульмане не скрывали уже, что революція 18-го мая имѣла одни отрицательные результаты. События разочаровали самого сэра Элліота: онъ убѣдился, что революція свелась лишь къ перемѣнѣ личности, а не системы. Вмѣсто государя съ сильною волею, съ извѣстнымъ обаяніемъ и опытностью, на тронъ посадили государя, слабость котораго благопріятствовала лишь анархіи и властительству разныхъ беззастѣнчивыхъ честолюбцевъ. Не покидавшая Мурада нервная болѣзнь неминуемо отражалась упадкомъ уваженія къ нему со стороны массы народной, согласно корану

требующей, чтобы халифъ хотя разъ въ недѣлю показывался въ мечети своимъ вѣрнымъ подданнымъ: а по городу уже ходили слухи, что султанъ не владѣетъ языкомъ и на доклады министровъ отвѣчаетъ однимъ смѣхомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, въ виду всего этого, чрезъ мѣсяцъ по восшествіи Мурада на престолъ, зашла уже рѣчь объ изданіи новой фетвы о низложеніи султана.

Между тѣмъ политическія обстоятельства становились все болѣе и болѣе серьезными и требовали сильной власти. Внутри Турціи возбужденіе мусульманскаго фанатизма выражалось рѣзнею христіанъ въ Болгаріи, неистовствами черкесовъ и башибузуковъ. Внѣ своихъ границъ, Турціи приходилось продолжать войну съ Черногоріею, къ которой вскорѣ присоединился новый союзникъ, не желавшій пропустить удобнаго момента для достиженія независимости. Представители европейскихъ державъ въ Бѣлградѣ, опасаясь дальнѣйшихъ осложненій на Востокѣ, всячески удерживали Сербію отъ участія въ вооруженной борьбѣ съ Турціей, но старанія ихъ были безуспѣшны — 15-го іюня война была объявлена, а 18-го сербскія войска, подъ предводительствомъ генерала Черняева, вступили на турецкую территорію.

Чтобы справиться съ Сербіей и Черногоріей, Порта нашла наиболѣе удобнымъ все болѣе и болѣе придавать борьбѣ характеръ священной войны противъ невѣрныхъ (*джихадъ*). Хедивъ египетскій прислалъ на подмогу два полка: въ самомъ Константинополѣ стали устроиваться особые отряды добровольцевъ (*гёнюллю*)—каждый доброволецъ получалъ при записываніи двѣ турецкихъ лиры, одежду и билетъ на полученіе оружія изъ арсенала. Константинополь съ предмѣстьями выставилъ около десяти тысячъ такихъ гёнюллю. Софты составили свой отдѣльный отрядъ подъ предводительствомъ улема Салима-эфенди—ихъ записалось тогда около шести тысячъ человѣкъ. Лагерь добровольцевъ былъ разбитъ въ Бейкосѣ, насупротивъ Буюкдере, на азіатскомъ берегу Босфора, тамъ, гдѣ стояли въ 1833 году вспомогательныя войска, посланныя императоромъ Николаемъ спасать султана Махмуда. Мидхатъ-паша съумѣлъ сдѣлаться кумиромъ этой орды и не упускалъ случая отправиться въ Бейкосъ и произнести тамъ нѣсколько зажигательныхъ рѣчей: онъ уже началъ тогда мечтать о томъ, какъ бы устроить, чтобы эти фанатизированные добровольцы, а также и стамбульская чернь провозгласили его пожизненнымъ великимъ визиремъ, что̀ было бы равнозначительно той военной диктатурѣ, которой добивался его бывшій соперникъ — покойный Хусейнъ-Авни-паша.

Анархія вообще увеличивалась, а султанъ продолжалъ отказываться отъ занятій дѣлами, не хотѣлъ видаться съ министрами и не могъ принять даже иностранныхъ представителей, которые, получивъ свои новыя вѣрительныя грамоты, не знали, какъ передать ихъ султану. Страхъ смерти у Мурада былъ такъ силенъ, что въ одинъ изъ своихъ свѣтлыхъ промежутковъ онъ откровенно признался великому визирю и Мидхату-пашѣ, что онъ чувствуетъ свою неспособность править государствомъ и готовъ подписать отреченіе отъ престола. Мехмедъ-Рушди-паша ничего не имѣлъ бы противъ такого рѣшенія вопроса, которое предоставило бы престолъ законному наслѣднику Мурадову—Абдуль-Хамиду, но Мидхатъ-паша тому воспротивился, такъ какъ его собственные замыслы о диктатурѣ могли быть приведены въ исполненіе, съ помощью печати и добровольцевъ, гораздо легче при султанѣ безнадежно больномъ, чѣмъ при Абдуль-Хамидѣ, извѣстномъ уже и тогда своею желѣзною волею и своимъ характеромъ дѣятельнымъ и гордымъ.

Такимъ образомъ судьбы оттоманской имперіи въ то время были всецѣло въ рукахъ Мехмеда-Рушди и Мидхата. Хотя подобная роль и льстила ихъ честолюбію, но тѣмъ не менѣе они чувствовали и всю тяжесть лежавшей на нихъ отвѣтственности и были бы не прочь раздѣлить ее съ нѣкоторымъ подобіемъ представительнаго правленія, чтобы не отвѣчать однимъ за будущія послѣдствія. Поэтому Мидхатъ-паша воспользовался большимъ чрезвычайнымъ диваномъ (совѣтомъ) изъ 80 лицъ, созваннымъ для обсужденія положенія дѣлъ, возникшаго вслѣдствіе закрытія австрійцами порта Клека—чтобы расширить рамку преній и, не боясь уже оппозиціи сраженнаго Хасаномъ Хусейна Авни-паши, заговорить о необходимости конституціи. Кази-аскеръ Румеліи, Сейфъ-Эддинъ-эфенди, произнесъ въ томъ же совѣтѣ рѣчь, въ которой доказывалъ, что исламъ не только не запрещаетъ вводить нужныя преобразованія, но, напротивъ, всячески ихъ поощряетъ. Мидхатъ-паша въ свою очередь доказывалъ, что именно во время кризиса, подобнаго переживаемому, необходимы конституціонныя учрежденія, которыя одни могутъ спасти государство. Говорившій послѣ него, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ партіи „молодой Турціи“, Зія-бей, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, разразился грозною филиппикою въ томъ же духѣ, какъ и Мидхатъ-паша, только одновременно съ тѣмъ онъ старался доказать, что въ Турціи ничто не перемѣнилось со времени низложенія и смерти Абдуль-Азиза, и что потому не стоило перемѣнять государя, чтобы продолжать прежнія ошибки. Въ концѣ

засѣданія Мидхатъ-паша представилъ свой проектъ конституціи, который и было рѣшено отпечатать въ 80 экземплярахъ, по числу членовъ дивана, дабы эти послѣдніе могли на досугѣ зрѣло его обдумать и подготовиться къ дальнѣйшему его обсужденію въ слѣдующемъ диванѣ.

Къ концу іюля мѣсяца здоровье Мурада, вмѣсто того, чтобы улучшиться, принимало, напротивъ, все болѣе и болѣе безнадежный оборотъ; постепенно выяснилось, что царскій вѣнецъ положительно слишкомъ тяжелъ для бѣдной больной головы Мурада. Подъ вліяніемъ мучившей его неотступной мысли, онъ только и дѣлалъ, что разсматривалъ жилы на своихъ рукахъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были вскрыты у несчастнаго Абдуль-Азиза. Слухи о неизлечимой его болѣзни распространялись въ народѣ все шире и шире, и народъ начиналъ толковать о незаконности тогдашняго правительства: Мехмеда-Рушди, Мидхата и Саадуллабея прямо обвиняли въ подлогѣ, говоря, что они издаютъ фальшивые султанскіе *ирадэ* (повелѣнія), выражающіе вовсе не султанскую волю, и что тѣмъ самымъ они самовольно присвоиваютъ себѣ власть и права, принадлежащія исключительно одному халифу.

Чтò еще болѣе усложняло внутреннія затрудненія турецкаго правительства, и безъ того уже крайне тяжелыя вслѣдствіе войны, внѣшнихъ замѣшательствъ и истощенія государственной казны, это были постоянные раздоры между министрами, въ особенности между великимъ визиремъ и Мидхатомъ-пашою, согласіе между которыми продолжалось очень короткое время. Дѣло въ томъ, что, сочувствуя по наружности конституціоннымъ идеямъ, Мехмедъ-Рушди въ дѣйствительности съумѣлъ возстановить противъ нихъ общественное мнѣніе.

При встрѣчающейся иногда у стариковъ внезапной перемѣнчивости мнѣній, Мехмедъ-Рушди-паша перестадъ вдругъ бояться отвѣтственности, связанной съ тогдашнимъ исключительнымъ его положеніемъ. Ему, наоборотъ, стало нравиться править Турціею самовластно съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось отстранить Мидхата.

Мидхатъ-паша, въ свою очередь, не могъ примириться съ своимъ изолированнымъ положеніемъ и задумалъ пріобрѣсти снова вліяніе на дѣла, но уже другимъ путемъ. Поэтому, затаивъ на время свои мечты о конституціи, онъ сталъ возбуждать противъ правительства улемовъ. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ стали собираться на сходки, чтобы обсуждать положеніе дѣлъ, а также высказываться о вытекающей изъ болѣзни султана беззаконности

распоряженій великаго визиря, правящаго именемъ сумасшедшаго султана. На сходкахъ этихъ были приняты рѣшенія о необходимости низложить Мурада V и удалить великаго визиря. Въ то же время возникли новыя волненія между софтами на почвѣ разсужденій о томъ, какія реформы необходимы для поправленія Турціи. Споры ихъ приходили къ выводу, что, прежде всего, Мехмедъ-Рушди-паша долженъ быть высланъ изъ Константинополя. Получивъ свѣденія обо всемъ этомъ, великій визирь не задумался принять рѣшительную мѣру и опубликовалъ 21-го іюля въ турецкихъ журналахъ правительственное сообщеніе, которое разъясняло, что провозглашеніе конституціи отложено до болѣе благопріятнаго времени, — что какъ по этому вопросу, такъ и вообще по вопросамъ политическимъ воспрещаются всякія разсужденія и что нарушители настоящаго распоряженія, „какъ сѣющіе въ умахъ волненіе и возбуждающіе общественныя страсти“, будутъ арестовываться агентами тайной полиціи и съ ними будетъ поступлено какъ съ измѣнниками отечеству. Относительно конституціи правительственное сообщеніе выражалось такъ: „уже нѣсколько дней какъ въ публикѣ происходятъ различные споры по поводу системы правленія въ оттоманской имперіи. Его величество султанъ, въ своемъ манифестѣ, пригласилъ министровъ приступить между собою къ совѣщаніямъ относительно руководящихъ началъ и способа управленія, — которые могли бы быть установлены на твердомъ и незыблемомъ основаніи, — и представить, затѣмъ, его величеству результатъ своихъ совѣщаній. Это преобразованіе управленія, будучи само по себѣ дѣломъ крайне важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію съ точки зрѣнія правилъ шеріата и нравовъ и способностей народонаселенія, — требуетъ долгаго изученія. Съ другой стороны, такъ какъ правительство озабочено прежде всего текущими событіями (политическими), то оно и рѣшило отложить осуществленіе помянутаго преобразованія до той поры, когда уладятся всѣ нынѣшнія затрудненія“.

Первою жертвою этого распоряженія былъ Иззетъ-паша, бывшій іерусалимскій губернаторъ; чтобы доказать, что Порта не намѣрена шутить, его посадили подъ арестъ за рѣзкіе отзывы о правительствѣ.

Но, несмотря на принимаемыя великимъ визиремъ мѣры строгости, невозможно было заткнуть рта всѣмъ недовольнымъ — сходки продолжались, какъ продолжалось шатаніе умовъ въ мусульманскомъ населеніи столицы. Во всѣхъ областяхъ Турціи, подъ вліяніемъ тогдашнихъ событій, усилился религіозный фанатизмъ: быть

можетъ, мусульмане и не желали поголовнаго истребленія христіанъ, но зато всѣ они хотѣли низвести христіанъ въ положеніе болѣе зависимое, подчиненное, предоставивъ во всемъ первенствующее мѣсто и значеніе расѣ побѣдителей — турокъ, ученію ислама и его политическимъ и соціальнымъ основнымъ началамъ. Какъ логическое слѣдствіе изъ такого воззрѣнія вытекали всѣ тогдашнія проповѣди, возбуждавшія ненависть ко всему европейскому, какой бы національности оно ни было. Христіанъ обвиняли во всѣхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на Турцію, а ужъ отъ этого было рукой подать къ обвиненію во всемъ и Россіи — естественной покровительницы восточныхъ христіанъ, и дѣйствительно, возбужденіе противъ Россіи все росло, и отголосками его являлись газетныя нападки и распространявшіеся иногда толки о близости войны съ Россіею. Невѣжественные добровольцы и редифы, выступая изъ Константинополя, въ простотѣ сердца были увѣрены, что идутъ сражаться противъ Россіи. Для дополненія общей картины тогдашняго состоянія Турціи необходимо добавить еще и общее обнищаніе, одинаковое какъ для христіанъ, такъ и для мусульманъ; первые страдали отъ произвола сборщиковъ податей, отъ неистовствъ добровольцевъ; вторые—отъ того, что у нихъ была отнята наиболѣе здоровая часть народонаселенія, призванная подъ знамена, отъ того, наконецъ, что служилое сословіе лишилось своего прежняго жалованья, а купцы или работники—своихъ доходовъ и заработка.

При такихъ обстоятельствахъ, Турціи, гдѣ все исходитъ отъ султана, конечно, болѣе, чѣмъ когда-либо нуженъ былъ государь съ твердою волею и сильнымъ авторитетомъ, чтобы прекратить общее шатаніе и обезпечить христіанскимъ народностямъ спокойное существованіе. Между тѣмъ болѣзнь Мурада V разстроивала весь государственный механизмъ Турціи, а Абдуль-Хамидъ-эфенди, всегда скрытный, привыкшій держаться въ благоразумномъ отдаленіи отъ всего, не выказывалъ никакого желанія воспользоваться поскорѣе наслѣдствомъ своего брата. Какъ тонкій политикъ, онъ не хотѣлъ переворота насильственнаго и не хотѣлъ быть никому обязаннымъ престоломъ, чтобы не связывать послѣдующей свободы своихъ дѣйствій, ни принимать условій, напр., Мидхата-паши. А потому, когда Абдуль-Хамиду были сдѣланы нѣкоторыя представленія, что для блага государства необходимо положить конецъ ненормальному положенію дѣлъ въ Турціи, онъ на это отвѣтилъ требованіемъ представить ему законныя и медицинскія доказательства того, что Мурадъ неспособенъ править государствомъ и что, вслѣдствіе того, необходимо неотложно смѣ-

нить халифа. Безъ сомнѣнія, легко было бы добыть доказательства тому, основанныя на мусульманскомъ законѣ: шейхъ-уль-исламъ, не постѣснившійся произнести низложеніе султана Абдуль-Азиза, еще менѣе стѣснился бы оправдать, въ случаѣ надобности, низложеніе султана Мурада. Трудность въ исполненіи желанія Абдуль-Хамида заключалась въ пріисканіи доказательствъ медицинскихъ, такъ какъ необходимо было заручиться удостовѣреніями такихъ врачей, которыхъ нельзя было бы заподозрить ни въ подкупѣ, ни въ томъ, что они дѣйствовали подъ страхомъ чьего-либо давленія или угрозъ. Для достиженія такого результата Порта рѣшила выписать изъ Вѣны знаменитаго доктора Лейдесдорфа, завѣдывавшаго лечебницей душевно-больныхъ въ Дёблингѣ, чтобы узнать его мнѣніе объ излечимости болѣзни Мурада, а также—въ случаѣ, если, какъ то̀ признавалось тогда всѣми, невозможно возвратить султану его умственныя способности, — убѣдиться, нельзя ли дать ему по крайней мѣрѣ физическихъ силъ настолько, чтобы онъ могъ показываться народу, такъ какъ онъ, какъ султанъ, *долженъ* показываться своимъ подданнымъ, *обязанъ* отправляться по пятницамъ въ мечеть.

Особенно старался о сохраненіи на престолѣ Мурада великій визирь, Мехмедъ-Рушди-паша: онъ настаивалъ на необходимости леченія, хотя бы и продолжительнаго, которое дозволило бы султану исполнять свои важнѣйшія обязанности—сдѣлать Кылычъ-Алай, принимать иностранныхъ пословъ, еженедѣльно ѣздить въ мечеть и устно или письменно соглашаться на предлагаемыя ему великимъ визиремъ мѣры.

Такое рѣшеніе вопроса, на долгое время предоставлявшее всю власть Мехмеду-Рушди-пашѣ, вовсе не входило въ разсчеты Мидхата-паши, который всѣми средствами сталъ настаивать на необходимости немедленнаго низложенія Мурада.

Легко себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали въ Константинополѣ пріѣзда Лейдесдорфа, отъ заключенія котораго всецѣло зависѣлъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Мурада. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, знаменитый психіатръ пріѣхалъ: придворные кавки перевезли его прямо во дворецъ Дольма-багче, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для него и его жены. Его тотчасъ же провели къ царственному больному, у котораго онъ и оставался въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ: онъ нашелъ, прежде всего, что уходъ за султаномъ былъ крайне неудовлетворителенъ, и что Мураду слѣдуетъ перемѣнить образъ жизни.

Черезъ два дня постояннаго и пристальнаго наблюденія, Лей-

десдорфъ объявилъ, что султанъ очень боленъ, что у него нервная болѣзнь, одинаковая съ болѣзнью бывшей императрицы мексиканской, Шарлотты, боязнь преслѣдованія, но что болѣзнь его *не неизлечима*: для того же, чтобы судить, можетъ ли онъ выздоровѣть, нужно предварительное леченіе въ продолженіе 8—10 недѣль.

Политическія послѣдствія такой декларации доктора-спеціалиста являлись очень важными. Абдуль-Хамидъ, какъ сказано выше, соглашался принять корону лишь по праву законнаго наслѣдства, т.-е. еслибы признанное безуміе Мурада лишило его фактически и съ точки зрѣнія закона возможности править царствомъ и быть халифомъ. Въ виду же заявленія Лейдесдорфа, что Мурадъ можетъ выздоровѣть и, слѣдовательно, законно править царствомъ, не могло быть болѣе и рѣчи о правильной замѣнѣ одного государя другимъ. Правительству предстояло рѣшить трудный вопросъ: какъ же быть, если леченіе Мурада потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и можетъ ли государство оставаться до тѣхъ поръ безъ государя?

Послѣ долгаго обсужденія, Порта пришла къ заключенію, что наилучшимъ исходомъ будетъ сохранить существовавшій дотолѣ порядокъ, пока это будетъ возможно; если же къ празднику Байрама, до котораго оставалось еще десять недѣль, не будетъ надежды вывести султана на праздничную церемонію, то тогда, уже по необходимости, объявить его лишеннымъ своихъ правъ; до тѣхъ же поръ дѣйствительная власть будетъ раздѣляться между Мехмедомъ-Рушди и Мидхатомъ, которые въ началѣ августа, благодаря посредничеству сэра Элліота, примирились между собою.

Согласіе великаго визиря на примиреніе съ сильнымъ противникомъ было куплено цѣною уступокъ на почвѣ вопроса о конституціи, путемъ преобразованія государственнаго совѣта и учрежденія въ немъ особой коммиссіи, которой будетъ поручено выработать основанія реформъ, вытекающихъ изъ обѣщаній, данныхъ Мурадомъ въ хаттѣ о своемъ воцареніи. Съ одной стороны, это было удовлетвореніе, данное Мидхату-пашѣ; съ другой—предосторожность противъ проникшихъ уже въ публику свѣденій о деспотическихъ замашкахъ будущаго турецкаго султана Абдуль-Хамида.

Такъ какъ намъ болѣе не придется касаться вопроса о турецкой конституціи, любимомъ дѣтищѣ Мидхата-паши,—то скажемъ здѣсь же о дальнѣйшей судьбѣ этой затѣи.

Составленная Мидхатомъ конституція, списанная съ европейскихъ образцовъ, была обнародована въ Константинополѣ въ самый день перваго засѣданія европейской конференціи, собранной

въ Царьградѣ въ концѣ 1876 года, для разрѣшенія политическихъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ тогдашняго запутаннаго положенія вещей на Балканскомъ полуостровѣ и для истребованія отъ турокъ нѣкоторыхъ реформъ для облегченія участи подвластныхъ султану христіанскихъ народностей.

Обнародованіе конституціи и именно въ тотъ самый день, когда европейскіе уполномоченные собрались въ кіоскѣ Терсане, было дерзкимъ отвѣтомъ Порты на обращенное къ ней требованіе Европы. „Какихъ реформъ требуете вы,—какъ бы говорили турки,—для столь любезныхъ вамъ христіанъ, когда мы сами, по нашей конституціи, предоставляемъ имъ, по собственному почину, права гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, на которыхъ вы настаиваете?“ Какъ будто Европа не знала истинной цѣны всѣмъ бумажнымъ обѣщаніямъ Порты; какъ будто ей не было извѣстно, къ какимъ результатамъ на дѣлѣ привели всѣ пышныя обѣщанія, расточаемыя въ такомъ изобиліи и въ хатти-шерифѣ 1839 года, и въ хатти-хумаюнѣ 1856 года, и во многомъ множествѣ другихъ документовъ, которые самимъ турецкимъ правительствомъ не признавались для себя обязательными.

Не избѣгла такой же судьбы и Мидхатовская конституція, обнародованная при пушечныхъ выстрѣлахъ 11-го (23) декабря 1876 года.

Состоящая изъ 119 статей, эта конституція крайне либерально распространяется о прерогативахъ султана, о свободѣ и равенствѣ предъ закономъ всѣхъ безъ исключенія „оттомановъ“, объ отвѣтственности министровъ и вообще чиновниковъ,—о правѣ контроля, предоставленномъ парламенту,—о полной независимости судебныхъ учрежденій,—о сведеніи государственной росписи доходовъ и расходовъ, наконецъ о децентрализаціи областныхъ управленій. Турецкій парламентъ состоитъ изъ палаты господъ, или сената, и изъ палаты депутатовъ, сзываемыхъ и распускаемыхъ султанскимъ указомъ. Обыкновенныя сессіи продолжаются каждый годъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, отъ 1-го ноября по 1-е марта. Члены сената назначаются султаномъ пожизненно и должны имѣть не менѣе 40 лѣтъ отъ роду; они получаютъ жалованья по 10.000 піастровъ въ мѣсяцъ (около 800 рублей). Депутаты избираются населеніемъ по одному съ каждыхъ 50.000 человѣкъ мужского пола и должны имѣть не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Выборы происходятъ каждые четыре года. Каждый депутатъ имѣетъ право на жалованье въ размѣрѣ 20.000 піастровъ за всю сессію и на возмѣщеніе путевыхъ расходовъ до Константинополя и обратно.

Первая сессія турецкаго парламента была открыта съ большою торжественностью самимъ султаномъ 7-го (19) марта 1877 года. Церемонія происходила въ тронной залѣ дворца Дольма-багче, въ присутствіи дипломатическаго корпуса, турецкихъ министровъ и прочихъ высшихъ сановниковъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ. Депутаты помѣщались по лѣвую сторону залы, сенаторы—по правую. Ровно въ два часа распахнулись двери и вошелъ султанъ въ предшествіи оберъ-церемоніймейстера, Кіамиль-бея. Занявъ мѣсто передъ трономъ, Абдуль-Хамидъ сдѣлалъ знакъ великому визирю, чтобы онъ приблизился, и передалъ ему свертокъ, заключавшій въ себѣ тронную рѣчь. Великій визирь, въ свою очередь, передалъ ее первому секретарю султана, Саидупашѣ, который и прочелъ ее вслухъ. Рѣчь была длинна: она начиналась съ общихъ соображеній о томъ, на чемъ должно быть основано хорошее управленіе; одно изъ главныхъ къ тому условій, это взаимное довѣріе между правящими и управляемыми. Затѣмъ она касалась реформъ султановъ Махмуда и Абдуль-Меджида, остановленныхъ сначала Крымскою войною, а потомъ внутренними неустройствами, происшедшими благодаря разнымъ интригамъ; положеніе ухудшилось также вслѣдствіе неискусной финансовой политики. Придя къ убѣжденію, что успѣхи, достигнутые европейскими государствами, основываются преимущественно на томъ, что въ этихъ послѣднихъ существуютъ свободныя учрежденія, а также сознавъ, что всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ Турція, проистекаютъ отъ дѣйствующей въ ней системы абсолютизма, султанъ рѣшилъ нынѣ обнародовать конституцію. Послѣ этого рѣчь перечисляла законы, которыми придется заняться парламенту, и, выразивъ благодарность войскамъ за выказанную ими при разныхъ обстоятельствахъ преданность, объявляла, что военныя дѣйствія противъ Сербіи уже закончены, и вѣроятно вскорѣ удастся устроить соглашеніе и съ Черногоріей. Послѣдній параграфъ тронной рѣчи упоминалъ о дружественныхъ отношеніяхъ Турціи къ иностраннымъ державамъ. Что касается до конференціи, принятой Турціею на основаніи условій, предложенныхъ Англіею, то рѣчь поясняла, что хотя она и не привела къ общему соглашенію, но Турція тѣмъ не менѣе доказала, что на практикѣ она готова идти даже далѣе пожеланій и совѣтовъ, даваемыхъ ей дружественными державами.

По окончаніи чтенія этой рѣчи, герольды прокричали: „да здравствуетъ султанъ!“ и Абдуль-Хамидъ удалился во внутренніе аппартаменты.

Сессій было всего двѣ: во время первой президентомъ сената

былъ Серверъ-паша, и президентомъ палаты депутатовъ Ахмедъ-Вефикъ-паша; при второй сессіи Серверъ-паша былъ замѣненъ Ассимомъ-пашею, а Ахмедъ-Вефикъ-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ, или, какъ тогда говорили, первымъ министромъ, и поэтому замѣненъ въ предсѣдательствѣ палаты Хасаномъ-Фехми-пашею.

Такъ какъ палата депутатовъ, въ силу предоставленнаго ей конституціею права, хотѣла заняться разсмотрѣніемъ Санъ-Стефанскаго трактата, то, по настоянію Ахмедъ-Вефика-паши, она была распущена ранѣе окончанія законодательной сессіи; она должна была собраться въ новомъ составѣ, но... не собралась и до сихъ поръ. Тѣмъ не менѣе, формально, конституція отмѣнена не была. Доказательствомъ того, что въ фикціи она продолжаетъ существовать, служитъ то, что конституція и доселѣ помѣщается во всѣхъ оффиціальныхъ турецкихъ календаряхъ и, кромѣ того, въ текстѣ всѣхъ вновь издаваемыхъ турецкихъ законовъ печатается, что эти послѣдніе *муваккатъ*, т.-е. временные, не утвержденные пока палатами.

VIII.

Отъѣздъ Лейдесдорфа изъ Константинополя откладывался нѣсколько разъ, но наконецъ знаменитый докторъ окончательно уѣхалъ отсюда 13-го августа. Предъ отъѣздомъ онъ подалъ мотивированное заключеніе относительно состоянія здоровья султана, и на этотъ разъ мнѣніе его было менѣе благопріятно, чѣмъ высказанное имъ вначалѣ. Хотя онъ и продолжалъ утверждать, что болѣзнь Мурада *не неизлечима*, но заявлялъ въ то же время, что для рѣшенія вопроса, можетъ ли султанъ выздоровѣть и чрезъ сколько времени, необходимо подвергнуть его въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ правильному леченію, соединенному съ строгимъ образомъ жизни. Между прочимъ, Лейдесдорфъ требовалъ безусловнаго удаленія султана отъ гарема и запрещенія ему всякихъ горячительныхъ напитковъ. Конечно, требованіе подобнаго режима было бы крайне трудно согласить съ привычками государя, не привыкшаго отказывать себѣ въ чемъ-либо. Въ то же время Лейдесдорфъ считалъ пока вреднымъ принуждать Мурада превозмогать свое нежеланіе показываться въ народѣ.

Въ виду такого отзыва спеціалиста-психіатра, необходимость перемѣны султана сознавалась все болѣе и болѣе. Самъ великій визирь не находилъ уже возможнымъ тому противодѣйствовать, тѣмъ болѣе, что приближались праздники Рамазана и Байрама и,

кромѣ того, политическія обстоятельства, внутреннія и внѣшнія, такъ запутались, что въ скоромъ времени настояло высказаться окончательно, быть или не быть войнѣ, и что, слѣдовательно, болѣе чѣмъ когда-либо страна нуждалась въ сильной рукѣ государя.

Въ слѣдующіе за отъѣздомъ Лейдесдорфа дни болѣзнь Мурада приняла еще болѣе острый характеръ, боязливость усилилась, симптомы умственнаго разстройства обозначились въ болѣе рѣзкой формѣ.

Взвѣсивъ все это, великій визирь рѣшилъ, что приспѣло время дѣйствовать рѣшительно, тѣмъ болѣе, что тогда уже состоялось сближеніе между нимъ и Абдуль-Хамидомъ. Иниціатива этого сближенія вышла отъ самого Абдуль-Хамида, который отправилъ къ Мехмеду-Рушди-пашѣ, въ качествѣ своего довѣреннаго лица, нѣкоего Османа-эфенди, стараго имама, принадлежавшаго къ сектѣ кружащихся дервишей (*мевлеви*). Посланецъ объяснилъ великому визирю, что Абдуль-Хамидъ крайне обезпокоенъ городскими слухами касательно здоровья его брата. Не желая вовсе, чтобы его подозрѣвали въ какихъ-либо честолюбивыхъ, своекорыстныхъ замыслахъ, онъ, однако, въ интересахъ династіи Османа находитъ настоятельно необходимымъ, чтобы народъ былъ оповѣщенъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Если Мурадъ V не такъ боленъ, какъ про него разсказываютъ, то нужно огласить объ этомъ всю правду, чтобы прекратить всѣ злонамѣренные толки. Если же, наоборотъ, неспособность Мурада къ правленію доказана врачами, то пора прекратить безначаліе и возвысить въ глазахъ всѣхъ мусульманъ обаяніе, присущее халифу.

Довѣрительные переговоры между великимъ визиремъ и наслѣдникомъ престола закончились личнымъ свиданіемъ; при этомъ были обсуждены всѣ текущіе вопросы и было рѣшено, не откладывая далѣе, низложить Мурада и возвести на престолъ Абдуль-Хамида. Всѣ предварительныя къ тому мѣры были приняты на совѣщаніи у шейхъ-уль-ислама, гдѣ была составлена и фетва. Будущей резиденціей Мурада хотѣли сдѣлать дворецъ Бейлербей; но когда султана, съ цѣлью пріучить къ новому мѣстопребыванію, привезли нарочно, подъ видомъ прогулки, въ этотъ дворецъ, Мурадъ выказалъ къ этому послѣднему такое отвращеніе, что первоначальное намѣреніе было министрами оставлено. Затѣмъ хотѣли поселить сумасшедшаго султана на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, но когда о томъ дали знать Абдуль-Хамиду, то онъ объявилъ, что онъ желаетъ оставить брата по близости отъ себя, чтобы быть въ состояніи лично наблюдать за его безопасностью.

Наконецъ, давно уже всѣми предвидѣнное событіе соверши-

лось, и 19-го (31) августа 1876 года громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ жителямъ Константинополя о новой перемѣнѣ государя, о восшествіи султана Абдуль-Хамида II на древній престолъ Османа. Оффиціальное сообщеніе, появившееся въ мѣстной прессѣ, выразилось объ этомъ весьма лаконически: „Abdul-Hamid II, né le 22 septembre 1842, succède à son frère le sultan Murad V, dont la santé exige un repos absolu“.

Церемонія оффиціальнаго провозглашенія султана—*біатъ*—происходила, согласно древнимъ обычаямъ, во дворцѣ Топъ-Капу. Это уже не была та исключительно военная обстановка, при которой совершалось въ сераскератѣ воцареніе султана Мурада, и вмѣсто того, чтобы съ замираніемъ сердца ожидать извѣстія объ арестованіи своего предшественника, Абдуль-Хамидъ могъ спокойно провести около двухъ часовъ на молитвѣ въ комнатѣ, гдѣ хранится величайшая святыня мусульманъ — *хиркаи шерифъ* — плащъ пророка Магомета.

Утромъ того дня, Абдуль-Хамидъ-эфенди выѣхалъ изъ Дольмабагче, въ сопровожденіи своего зятя, министра торговли, Махмуда-паши. Онъ былъ въ закрытомъ экипажѣ и его сопровождалъ взводъ конницы. Чрезъ предмѣстье Перу и Каракёйскій мостъ онъ прибылъ на Серай-бурну, во дворецъ Топъ-Капу, гдѣ его встрѣтили и провели въ отдѣльный кіоскъ великій визирь Мехмедъ-Рушди-паша, шейхъ-уль-исламъ Хайрулла-эфенди, предсѣдатель государственнаго совѣта Мидхатъ-паша и нѣкоторые другіе сановники. Вскорѣ затѣмъ подошли министры, генералы и высшіе чины улемовъ и Порты. Внутри дворцовой ограды были расположены войска всѣхъ родовъ оружія.

Когда всѣ сановники собрались, было открыто засѣданіе чрезвычайнаго совѣта, начавшееся рѣчью великаго визиря. Глубоко взволнованный, Мехмедъ-Рушди-паша объявилъ совѣту, что уже на десятый день по своемъ воцареніи султанъ Мурадъ почувствовалъ первые приступы жестокаго недуга, который съ того времени постепенно усиливался. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ имѣвъ случай разъ десять видѣться съ султаномъ, онъ могъ лично удостовѣриться въ непрерывномъ развитіи болѣзни Мурада, несмотря на нѣкоторые рѣдкіе, относительно свѣтлые промежутки. Нынѣ, однако, установлено и, къ несчастію, совершенно непререкаемо, что султанъ Мурадъ страдаетъ упорнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей (*джунуни мутбикъ*), и нельзя себя болѣе обманывать надеждою на возможность его выздоровленія, а потому, во вниманіе критическихъ обстоятельствъ переживаемаго Турціею момента, онъ не считаетъ себя вправѣ хранить долѣе мол-

чаніе о такомъ прискорбномъ фактѣ, получившемъ уже, впрочемъ, общую огласку. Затѣмъ, обратившись къ шейхъ-уль-исламу, Мехмедъ-Рушди-паша спросилъ, какъ предписываетъ шеріатъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. По знаку шейхъ-уль-ислама, приблизился *фетва эмини* (чиновникъ, приставленный къ составленію подобнаго рода документовъ) и показалъ заранѣе уже заготовленную фетву, которая заключала въ себѣ слѣдующее: „Если повелитель правовѣрныхъ пораженъ упорнымъ умопомѣшательствомъ, дозволительно ли его низложеніе?“ Отвѣтъ: „Да“.

Великій визирь прочелъ тогда фетву вслухъ и спросилъ у присутствующихъ, не имѣетъ ли кто-либо и какихъ-либо возраженій.

Совѣтъ единогласно согласился съ фетвою, а одинъ изъ улемовъ добавилъ, что, съ точки зрѣнія шеріата, нужно было лишь разрѣшить вопросъ о продолжительности или упорствѣ болѣзни. По этому поводу мусульманскій законъ ясенъ: промежутокъ времени въ одинъ мѣсяцъ достаточенъ для установленія характера болѣзни, т.-е. упорна она или нѣтъ; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ не можетъ даже быть никакого колебанія относительно законности и даже настоятельной необходимости низложенія султана Мурада V. „Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ великій визирь, —намъ остается только принести наши вѣрноподданническія поздравленія тому, кто, по праву наслѣдованія, долженъ занять вакантный престолъ“. Тогда всѣ направились въ одну изъ дворцовыхъ залъ, потолокъ которой заканчивается куполомъ и гдѣ уже заранѣе поставленъ былъ тронъ.

Вскорѣ показался Абдуль-Хамидъ въ состояніи душевнаго волненія, какое легко себѣ представить. Актъ оффиціальнаго признанія султана, *біатъ*, былъ прочитанъ шейхъ-уль-исламомъ, а затѣмъ новому султану принесли поздравленія, согласно опять древнему обычаю, сначала *накибъ-уль-эшрафъ* (старшій изъ потомковъ пророка), потомъ великій визирь, шейхъ-уль-исламъ и всѣ остальныя лица.

Послѣ нѣскольких минутъ отдыха, въ теченіе которыхъ Абдуль-Хамидъ имѣлъ время немного успокоиться, новый султанъ показался народу на возвышеніи у Орта-Капу—дворцовыхъ воротъ, отдѣляющихъ первый дворъ сераля отъ второго, и возсѣлъ на золотой тронъ, употребляемый для такихъ церемоній; вокругъ трона размѣстились министры. Улемы, стоявшіе полукругомъ предъ трономъ, трижды возгласили обычныя при воцареніи султана молитвы, — по окончаніи каждой изъ нихъ всѣ присутствующіе отвѣчали громогласнымъ *аминь*. Немедленно вслѣдъ затѣмъ му-

зыка заиграла національный гимнъ, солдаты взяли на-караулъ, вѣковые своды древняго дворца огласились криками: *падишахимизъ бинъ яша!* (да живетъ султанъ тысячу лѣтъ)—а съ Босфора донеслись звуки салюта въ 101 выстрѣлъ, произведеннаго съ сухопутныхъ батарей и съ броненосцевъ.

По окончаніи церемоніи, султанъ Абдуль-Хамидъ сѣлъ на Дворцовомъ мысу (Серай-бурну) въ парадный каикъ, въ которомъ и вернулся въ Дольма-багче.

Событіе 19-го августа было слишкомъ предвидѣно заранѣе, слишкомъ ожидалось всѣми, чтобы произвести особенное впечатлѣніе на мѣстныхъ жителей. Не было ни радостнаго волненія, ни энтузіазма, которымъ сопровождалось восшествіе на престолъ несчастнаго Мурада. На новаго султана не возлагали уже никакихъ преувеличенныхъ надеждъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ всѣ такъ горько разочаровались. Съ другой стороны, всѣ испытывали чувство извѣстнаго облегченія, что покончено съ тѣмъ неопредѣленнымъ положеніемъ, которое тяготѣло надъ всѣми въ теченіе предшествующихъ недѣль, хотя въ сердца многихъ и закрадывалось опасеніе, вытекавшее изъ полной неизвѣстности какъ характера, такъ и дальнѣйшихъ намѣреній новаго повелителя османовъ.

Чтò съ самаго начала произвело весьма благопріятное впечатлѣніе, это — заботливость новаго султана о своемъ предмѣстникѣ и о семьѣ покойнаго Абдуль-Азиза. По приказанію Абдуль-Хамида, Мурадъ былъ поселенъ въ чераганскомъ дворцѣ —этой мраморной игрушкѣ, смотрящейся въ бирюзовыя струи Босфора. Бывшаго султана окружили всею обыкновенною его свитою и постарались всячески скрыть отъ него перемѣну, происшедшую въ его положеніи. Съ нимъ обращались какъ съ царствующимъ государемъ, и желали поддержать въ немъ эту иллюзію насколько возможно долѣе. Что касается до дѣтей Абдуль-Азиза, то младшіе изъ нихъ были помѣщены въ военное училище, а Юсуфу-Изеддину предоставлена была полная свобода.

Тогдашнее состояніе Турціи было такъ неудовлетворительно, общее недовольство такъ велико и такъ всѣ были близки къ чувству полной разочарованности и даже безнадежности, что всякое улучшеніе могло быть встрѣчено лишь съ глубокою признательностью, и всякій султанъ, даже не обладающій чрезвычайными способностями, который желалъ бы возстановить немного порядокъ, поставить предѣлъ безначалію и возвысить авторитетъ власти, могъ быть заранѣе увѣренъ, что всѣ подвластные ему народы искренно его полюбятъ и назовутъ своимъ благодѣтелемъ.

Дѣйствительность оправдала ожиданія, и Абдуль-Хамидъ II, принявшій царство въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ кризисовъ, переживишій русско-турецкую войну, когда вопросъ шелъ о самомъ существованіи оттоманской имперіи, и видѣвшій, какъ, пользуясь послѣдствіями войны, даже державы, именующія себя пріятельницами и защитницами Турціи, растаскивали по кусочкамъ облюбованныя ими области этой самой Турціи,—Абдуль-Хамидъ, повторяемъ, несмотря на всѣ эти бѣдствія, съумѣлъ возвысить пошатнувшуюся-было власть султановъ и, благодаря своему осторожному, хотя и твердому уму, съумѣлъ, ловко лавируя между препятствіями, справиться болѣе или менѣе съ окружавшими его внутренними и внѣшними затрудненіями и пріобрѣсти между своими разноплеменными подданными популярность и даже привязанность, смѣшанную съ невольнымъ уваженіемъ.

Надо отдать себѣ отчетъ, какими опасностями окружена въ самомъ дѣлѣ Турція вслѣдствіе разнородности своего населенія, создающаго самыя сложныя политическія отношенія, а также вслѣдствіе издавняго своего предназначенія быть игралищемъ державъ, соперничающихъ между собою изъ-за преобладанія на Востокѣ, и, взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, необходимо, мнѣ кажется, придти къ заключенію, что на мѣстѣ Абдуль-Хамида рѣдкій государь смогъ бы съ бо́льшимъ искусствомъ провести государственный корабль чрезъ всѣ бури, пережитыя Турціею съ 1876 года и до нашихъ дней.

IX.

Со времени своего низложенія бывшій султанъ Мурадъ живетъ въ своей мраморной чераганской тюрьмѣ и никто въ точности не знаетъ, въ какомъ положеніи находится дѣйствительно здоровье развѣнчаннаго владыки: отрывочныя свѣденія, проникающія о томъ въ публику, такъ противорѣчивы и основаны, повидимому, на предвзятыхъ мнѣніяхъ, что невозможно составить себѣ ясное понятіе, дѣйствительно ли, какъ увѣряютъ нѣкоторые, Мурадъ совершенно теперь здоровъ, либо, какъ говорятъ другіе, по прежнему страдаетъ помѣшательствомъ съ рѣдкими свѣтлыми промежутками.

Нисколько, впрочемъ, не удивительно, если въ самомъ дѣлѣ Мурадъ выздоровѣлъ и обладаетъ теперь совершенно здравымъ разсудкомъ, такъ какъ докторъ Лейдесдорфъ, авторитетъ въ подобнаго рода вопросахъ, усиленно и нѣсколько разъ въ свое время и оффиціально заявлялъ, что болѣзнь Мурада *не неизлечима*.

Держащіеся такого мнѣнія указываютъ, между прочимъ, какъ на доказательство своей правоты, на усиленныя мѣры предосторожности, принимаемыя по отношенію къ низложенному султану; охраняютъ его очень строго и никто изъ постороннихъ не можетъ къ нему проникнуть. Если бы Мурадъ, говорятъ они, былъ въ самомъ дѣлѣ лишенъ разсудка, къ чему всѣ эти нынѣшнія предосторожности, къ чему эта болѣзненная подозрительность со стороны Абдуль-Хамида, который, по словамъ ихъ, трепещетъ, какъ бы выздоровѣвшій братъ не потребовалъ своего престола, принадлежащаго ему по закону.

Одинъ только разъ мирное существованіе Мурада было нарушено самымъ неожиданнымъ образомъ, а именно 8-го мая 1878 г. весь Константинополь былъ взволнованъ попыткой возмущенія, произведенной во имя Мурада.

Вслѣдъ за окончаніемъ русско-турецкой войны, въ Константинополь нахлынула масса мусульманскихъ бѣглецовъ изъ разныхъ мѣстностей европейской Турціи, пострадавшихъ отъ войны. Многіе изъ нихъ перебрались въ Азію, но все-таки въ маѣ мѣсяцѣ ихъ оставалось еще въ Стамбулѣ до полутораста тысячъ человѣкъ, расположившихся по дворамъ мечетей, даже просто по улицамъ, впредь до тѣхъ поръ, пока Порта не найдетъ возможности поселить ихъ гдѣ-нибудь.

Извѣстный уже намъ Али-Суави-эфенди, бывшій редакторъ „Мухбира“ и редакторъ „Галата-Серая“, самъ уроженецъ Филиппополя, задумалъ воспользоваться этими несчастными, какъ орудіемъ къ совершенію переворота въ своихъ собственныхъ видахъ, хотя и прикрытаго именемъ султана Мурада. Онъ не открылъ бѣглецамъ своихъ истинныхъ намѣреній, а предложилъ записаться въ добровольцы, которые должны были отправиться въ Родопскія горы на подкрѣпленіе къ инсургентамъ, сражавшимся тогда тамъ съ русскими войсками. Выбравъ отъ полутораста до двухсотъ человѣкъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ изъ бѣглецовъ, Али-Суави прибавилъ къ нимъ еще нѣсколькихъ своихъ приверженцевъ, переодѣтыхъ въ такія же лохмотья, какъ и всѣ остальные бѣглецы, и роздалъ всѣмъ оружіе, которое они скрыли подъ платьемъ. Въ понедѣльникъ 8-го мая, толпа эта, раздѣлившись на кучки по 10, 15 человѣкъ, подъѣхала въ каикахъ къ набережной чераганскаго дворца, гдѣ жилъ султанъ Мурадъ, такъ какъ Али-Суави-эфенди увѣрилъ бѣглецовъ, что ранѣе отправленія въ Родопъ имъ необходимо повидаться съ султаномъ, не называя его, впрочемъ, по имени.

Когда, около часа по-полудни, всѣ были въ сборѣ, Али-Суави

направилъ ихъ къ главному входу во дворецъ. Часовой не хотѣлъ-было пропускать ихъ, но былъ тутъ же убитъ. Тогда вся эта толпа ворвалась въ дворцовый дворъ, а человѣкъ сорокъ, подъ личнымъ предводительствомъ Али-Суави, вбѣжали въ самый дворецъ.

Али-Суави направился прямо въ покои Мурада, далъ ему ружье и затѣмъ повелъ бывшаго султана за руку показаться шумѣвшей на дворѣ толпѣ. Несчастный Мурадъ, у котораго тогда полное безуміе періодически перемежалось съ временными пробласками умственной дѣятельности, находился въ тотъ день въ своемъ свѣтломъ промежуткѣ: сначала онъ предположилъ, что пришли его убивать, и, дрожа отъ страха, отдался въ руки Али-Суави. Тотъ же, выведя Мурада предъ толпу бунтовщиковъ, закричалъ: „Вотъ вашъ султанъ!“

Тѣмъ временемъ было дано знать о тревогѣ въ окрестныя мѣстности—Бешикташъ и Ильдызъ. Комендантъ Бешикташа, Хасанъ-паша, былъ первый, явившійся на мѣсто происшествія во главѣ двухъ ротъ пѣхоты. Завидѣвъ Хасана, Мурадъ прямо подошелъ къ нему со словами: „Я ни въ чемъ не повиненъ; все произошло безъ моего вѣдома!“ Затѣмъ онъ тотчасъ же удалился въ свои покои, гдѣ, въ присутствіи Хасана-паши, сталъ совершенно спокойно продѣлывать ружейные пріемы съ ружьемъ, даннымъ ему Али-Суави. Сумасшествіе снова вернулось къ нему!

На подкрѣпленіе отряда Хасана-паши вскорѣ подошли войска изъ Ильдызъ-кіоска. Бѣглецы, бывшіе на дворцовомъ дворѣ, увидавъ, какой оборотъ приняло дѣло, не замедлили разбѣжаться въ разсыпную—остались въ Чераганѣ только тѣ, кто проникъ во внутрь самаго дворца. Тогда начался бой въ дворцовыхъ корридорахъ и на далекое разстояніе была слышна трескотня ружейныхъ выстрѣловъ и крикъ женъ Мурада: двое маленькихъ дѣтей бывшаго султана, перепуганные перестрѣлкой, выскочили на набережную передъ дворцомъ и, по распоряженію морского министра, сжалившагося надъ ихъ ужасомъ, были приняты на стоявшій по близости турецкій броненосецъ.

Во время перестрѣлки 21 бунтовщикъ были убиты, 17 ранены, а остальные немногіе арестованы. Между убитыми былъ и Али-Суави-эфенди, получившій шесть ранъ штыкомъ. Вся эта перепалка продолжалась не болѣе получаса.

При первомъ извѣстіи о чераганскомъ происшествіи султанъ Абдулъ-Хамидъ и его свита совершенно потеряли голову. Одинъ случайно бывшій въ ту минуту въ Ильдызъ-кіоскѣ европеецъ разсказывалъ потомъ, что во дворцѣ произошла тогда сцена невыразимаго переполоха.

Первое извѣстіе было принесено однимъ изъ дворцовыхъ служителей, который, весь запыхавшись, вбѣжалъ въ Ильдызъ-кіоскъ съ крикомъ: „бунтовщики вторглись во дворецъ султана Мурада!“ Только-что были произнесены эти слова, какъ поднялась ужасная суматоха: султанская свита, придворные чиновники и служители, обезпамятѣвъ отъ ужаса, метались по заламъ кіоска; гофмаршалъ, Саидъ-паша, въ обыкновенное время важный и олимпійски невозмутимый, такъ растерялся, что лишился голоса: онъ силился отдать какія-то приказанія, но изъ устъ его не могло вылетѣть ни одного звука.

Въ нижнемъ этажѣ Ильдызъ-кіоска безпорядокъ точно также былъ неописуемъ: дворцовая прислуга совалась тамъ безъ толку и бѣгала по корридорамъ; *чауши* заряжали, на скорую руку, свои карабины. Повсюду слышался шумъ отдаленной бѣготни, крики, суетня всей этой перебудораженной толпы. Изъ оконъ дворца было видно, какъ собранный, по тревогѣ, черкесскій конвой султана во весь опоръ несся черезъ ильдызскіе сады, по направленію къ Черагану; за конвоемъ по тому же направленію стремился бѣглымъ шагомъ батальонъ пѣхоты съ ружьями на перевѣсъ.

Оффиціальное извѣщеніе о чераганской стычкѣ, напечатанное въ мѣстныхъ газетахъ, гласило, что „нѣкто Али-Суави, извѣстный константинопольскому населенію своими происками, своимъ мятежнымъ духомъ и своимъ коварствомъ по отношенію къ націи и къ государству, вознамѣрился привести въ исполненіе свои личные мятежные замыслы. Для достиженія этого, набравъ съ собою нѣсколько человѣкъ, неспособныхъ различить добро отъ зла, и скрывъ отъ нихъ цѣль, къ которой онъ стремился, онъ отправился сегодня около четырехъ часовъ (по-турецки) къ чераганскому дворцу. Нѣсколькимъ изъ этого сборища удалось проникнуть во дворецъ съ цѣлью, чего Боже упаси, произвести возмущеніе. Но благодаря Богу, быстрыя и рѣшительныя мѣры, тотчасъ же принятыя, привели къ тому, что все сборище было разогнано. Али-Суави, зачинщикъ бунта, былъ убитъ въ происшедшей при этомъ свалкѣ. Главные его сообщники, очень немногочисленные, были арестованы. Такъ какъ заговоръ не имѣлъ никакихъ развѣтвленій, то спокойствіе и общественный порядокъ, находящіеся подъ эгидою его величества султана, не были нисколько нарушены. Его императорское величество повелѣлъ, чтобы немедленно же было начато разслѣдованіе дѣла о задержанныхъ соумышленникахъ, дабы они понесли, согласно законамъ, должное наказаніе“.

Слѣдственная коммиссія по этому дѣлу была подъ предсѣдательствомъ Намика-паши. Она установила, что, желая снова возвести на престолъ завѣдомо больного Мурада, Али-Суави-эфенди намѣревался одновременно съ тѣмъ учредить регентство и регентомъ сдѣлать Мидхата-пашу. Мало того, Али-Суави былъ твердо увѣренъ, что дабы Турція могла возвратить себѣ все ею утраченное, она должна была немедленно объявить войну Россіи; въ то же время, такъ какъ задуманный имъ переворотъ не могъ обойтись безъ потрясеній и крупныхъ безпорядковъ, то онъ разсчитывалъ, что стоявшія тогда по близости русскія войска двинутся на Константинополь для возстановленія тамъ порядка,— послѣдуетъ столкновеніе между ними и турецкими войсками. Въ свою очередь и англійская эскадра не останется спокойною зрительницею начавшейся борьбы, и такимъ образомъ заварится каша, неминуемымъ исходомъ изъ которой будетъ всеобщая европейская война. Послѣдствія же такой войны, по мнѣнію Али-Суави, могли быть только благопріятны для Турціи, вынужденной незадолго передъ тѣмъ подписать тяжелыя условія Санъ-Стефанскаго мира.

Въ виду всего этого можно, пожалуй, лишь радоваться, что мятежъ Али-Суави-эфенди былъ такъ скоро подавленъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ могъ повести къ послѣдствіямъ нежелательнымъ не только для европейскаго мира, но и въ особенности для Россіи, заставивъ насъ возобновить тяжелую борьбу, только-что законченную, а когда вооруженная борьба начинается— кто можетъ заранѣе опредѣлить ея размѣры и ея конечные результаты?

X.

Чтобы показать народу, что эра придворныхъ переворотовъ прошла невозвратно и что султанскій престолъ закрѣпленъ окончательно за Абдуль-Хамидомъ, этотъ послѣдній рѣшилъ отпраздновать съ особенною торжественностью древній обрядъ препоясанія мечомъ Османа, замѣняющій у турокъ обрядъ коронованія христіанскихъ государей, и до совершенія котораго вновь воцарившіеся султаны обыкновенно избѣгаютъ носить при себѣ саблю.

Празднество это, оффиціально называемое арабскимъ терминомъ *таклиди-сейфъ* или, по-турецки, *кылычъ-алай* (церемонія меча) имѣетъ очень древнее начало.

Аббассидскіе халифы Багдада и Египта, хотя и лишенные своихъ прежнихъ владѣній и сохранившіе за собою исключительно власть духовную, продолжали въ глазахъ мусульманъ

пользоваться правомъ быть законными раздавателями коронъ и престоловъ, подобно тому какъ средневѣковые папы стремились играть такую же роль по отношенію къ христіанскимъ властителямъ тогдашней Европы. Въ виду такого воззрѣнія, владѣтели новыхъ государствъ, возникавшихъ на развалинахъ прежняго халифата, считали необходимымъ, изъ-за соображеній не только религіозныхъ, но и политическихъ, получать свою, такъ сказать, духовную инвеституру отъ намѣстника пророка, хотя и обезсиленнаго матеріально, но могучаго еще по своему духовному значенію, и этою инвеститурою узаконять свою власть предъ своими новыми подданными.

Первые турецкіе султаны (какъ извѣстно, всѣ—тонкіе политики) прекрасно понимали, какъ важно было для нихъ—пришельцевъ изъ далекихъ степей, основавшихъ въ Малой Азіи новое царство—добиться признанія своихъ правъ, своей власти со стороны халифовъ, преемниковъ Магомета, хранителей заповѣданнаго имъ закона, и потому султаны съ самаго начала открыто признавали свои подчиненныя отношенія къ аббассидскимъ халифамъ, считали ихъ своими сюзеренами, заискивали въ нихъ и добивались отъ нихъ подтвержденія своихъ владѣтельныхъ правъ. Такъ мы видимъ, что Баязидъ I посылаетъ въ 1389 г. въ Египетъ къ халифу Магомету XI блестящее посольство съ богатыми подарками и съ чрезвычайно почтительными письмами, въ которыхъ онъ проситъ благословить его и дать инвеституру (*текаллуди-сельтанетъ*) на всѣ земли, доставшіяся султану по наслѣдству отъ его предковъ.

Магометъ II, захвативъ Константинополь, чувствовалъ потребность подтвердить предъ лицомъ всѣхъ правовѣрныхъ божественное происхожденіе своей власти: не слѣдуетъ забывать, что въ то время турецкіе султаны не были еще халифами, т.-е. не воплощали въ себѣ высшую на землѣ мусульманскую власть. Случай къ тому не замедлилъ представиться.

Во время первой осады Византіи сарацинами, бывшими подъ начальствомъ Іезида, сына Моавіи I, подъ стѣнами осажденнаго города палъ въ 668 г. знаменоносецъ пророка Магомета, Эюбъ, и былъ похороненъ тамъ, гдѣ впослѣдствіи возникло городское предмѣстье Агіосъ-Мамасъ, извѣстное, между прочимъ, тѣмъ, что оно служило мѣстопребываніемъ для русскихъ купцовъ пріѣзжавшихъ по торговымъ дѣламъ въ Константинополь. Въ 1453 году, нѣсколько недѣль спустя послѣ взятія Константинополя, могила Эюба была открыта слѣдующимъ, по словамъ турецкихъ историковъ, чудеснымъ образомъ.

Одинъ изъ любимыхъ шейховъ султана Магомета II, Акъ-Шемсуддинъ, видѣлъ во снѣ небожителя, который указалъ ему, гдѣ находится мѣсто погребенія Эюба, прибавивъ, что въ доказательство справедливости его откровенія—въ указанномъ мѣстѣ найдутся еще источникъ воды и мраморная доска съ еврейскою надписью. Пробудившись, Акъ-Шемсуддинъ поспѣшилъ къ султану и разсказалъ про бывшее ему видѣніе. Магометъ II велѣлъ немедленно же произвести раскопки въ указанномъ свыше мѣстѣ, находившемся за городскими стѣнами, и какъ увѣряютъ мусульманскія лѣтописи, тамъ были найдены и ключъ воды, и мраморная доска. Этого было совершенно достаточно, чтобы признать то мѣсто за могилу погибшаго знаменоносца пророка и возвысить славу самого Эюба, который, проявивъ мѣсто своего погребенія, на самыхъ первыхъ порахъ владычества турокъ надъ Константинополемъ, какъ бы выставилъ себя небеснымъ защитникомъ побѣдоносныхъ турецкихъ полчищъ и какъ бы явился поручителемъ за спокойное владѣніе ими вновь завоеваннаго города.

Проникнутый благодарностью за столь явно выразившееся небесное покровительство, увѣренность въ которомъ вселила новое мужество въ сердца турецкой арміи, понесшей при взятіи Царьграда крупныя потери, Магометъ II повелѣлъ построить надъ прахомъ Эюба великолѣпную надгробную часовню (*тюрбэ*) и рядомъ большую мечеть, которая, равно какъ и окружающее ее предмѣстье, носятъ нынѣ названіе Эюба.

Когда надгробная часовня была окончена постройкою, султанъ отправился туда торжественнымъ шествіемъ. Послѣ прочтенія нѣкоторыхъ молитвъ, Акъ-Шемсуддинъ препоясалъ султана мечомъ родоначальника турецкой династіи Османа, по примѣру считавшагося, какъ сказано выше, сюзереномъ турецкихъ султановъ аббассидскаго халифа Ахмеда IX, совершившаго въ 1342 г. подобную же церемонію надъ Меликъ-Мансуромъ, при восшествіи его на египетскій престолъ.

Начиная съ того времени, всѣ преемники Магомета II считали своею обязанностью препоясываться мечомъ Османа, причемъ обрядъ обыкновенно совершался на пятый день по воцареніи султана. Совершеніе обряда, съ самаго его установленія и донынѣ, принадлежитъ исключительно потомству одного знаменитаго муллы Хункяра, происходящаго, по нѣкоторымъ источникамъ, отъ иконійскаго сельджукскаго султана Алаэддина, который въ 1307 году уступилъ свой скипетръ турецкимъ султанамъ [1]).

[1]) Lettres du Bosphore, par de Moüy, стр. 174.

По другимъ историкамъ, причина принадлежавшей потомству муллы Хункяра привилегіи была иная.

Шейхъ Мевлана-Джелальэддинъ-Руми, по прозванію Мулла-Хункяръ, жилъ въ Коніи (древнемъ Иконіумѣ) и основалъ мусульманскій монашескій орденъ кружащихся дервишей, *мевлеви*. Его часто навѣщалъ Эртогрулъ, первый исторически извѣстный вождь турецкой орды. Однажды онъ привелъ съ собою своего сына, Османа, бывшаго еще ребенкомъ, и просилъ шейха благословить его. Шейхъ взялъ мальчика за руку и сказалъ ему: „Я смотрю на тебя какъ на моего родного сына и такъ же какъ сына люблю тебя; да будетъ надъ тобою благословеніе неба! пусть судьба твоя будетъ блистательна и пусть воинскія удачи и благоденствіе твоего рода продолжатся до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться привязанность твоихъ потомковъ и преемниковъ по отношенію къ потомкамъ моимъ". Въ этомъ-то обстоятельствѣ и лежитъ, говорятъ, истинная причина того особаго уваженія, которое турецкіе султаны питали постоянно къ потомству муллы Хункяра и къ шейхамъ и дервишамъ основаннаго имъ ордена [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ описанію церемоніи Кылычъ-Алая, считаю необходимымъ, для лучшаго уясненія послѣдующаго разсказа, сказать нѣсколько словъ о сословіи улемовъ, а также объ іерархическомъ строѣ турецкаго чиновничества вообще.

Намѣстники пророка Магомета, халифы, въ качествѣ верховныхъ хранителей корана и священнаго мусульманскаго закона, являлись въ одно и то же время и первосвященниками, и законодателями, и завѣдывали отправленіемъ правосудія. Первые халифы справлялись съ этими многосложными обязанностями лично, но когда владѣнія халифа стали увеличиваться и заботы государственнаго управленія усложнились, халифы нашли возможнымъ возложить исполненіе части лежавшихъ на нихъ обязанностей на своихъ представителей, жившихъ какъ въ столицѣ, такъ и въ подвластныхъ халифу областяхъ. Посредники эти отличались отъ остальныхъ мусульманъ какъ важностью порученныхъ имъ обязанностей, такъ и своею начитанностью въ священныхъ книгахъ ислама. Начитанность же эта являлась качествомъ необходимымъ при наличности обширной литературы комментаріевъ, безъ которыхъ нѣтъ возможности обойтись при толкованіи или примѣненіи текста корана, обыкновенно крайне неяснаго и запутаннаго и

---

[1]) Tableau général de l'empire othoman, par d'Ohsson. I, 115.

тѣмъ не менѣе служащаго источникомъ всего мусульманскаго права, основою всей духовной и гражданской жизни каждаго мусульманина. Правовѣрные, усвоившіе себѣ эту трудную науку, образовали изъ себя особый, рѣзко выдѣленный іерархически классъ *улемовъ*, что̀ собственно означаетъ сословіе *ученыхъ книжниковъ*. Особенную силу это сословіе пріобрѣло съ тѣхъ поръ, какъ стало пользоваться правомъ *фетвы*. Фетва, какъ уже сказано выше, есть не что̀ иное какъ основанное на мусульманскомъ правѣ краткое письменное заключеніе по тому или другому юридическому вопросу.

Происхожденіе обычая *фетвы*, играющей столь важную роль въ магометанской исторіи, восходитъ къ первымъ временамъ халифата. Чтобы обезпечить за собою лучшее повиновеніе своихъ подданныхъ и дать болѣе силы своимъ повелѣніямъ, преемники Магомета имѣли обыкновеніе давать каждому наиболѣе важному правительственному распоряженію санкцію религіи. Право давать эту санкцію было предоставлено главѣ улемовъ, шейхъ-уль-исламу, который своимъ приговоромъ, фетвой, объявлялъ дѣйствія правительства соотвѣтствующими правиламъ корана и, потому, обязательными для всякаго мусульманина. Но это орудіе власти для султановъ обратилось противъ нихъ, какъ только ослабъ воинственный, твердый духъ султановъ. Тогда шейхъ-уль-исламы поняли всю важность имѣвшагося въ ихъ рукахъ средства и стали иногда систематически противодѣйствовать государямъ, отказывать нѣкоторымъ указамъ въ необходимой фетвѣ и, прикрываясь закономъ, даже низвергать султана съ престола.

Несмотря на духъ единства, сплачивающій въ одно огромное цѣлое все сословіе улемовъ, пользующееся въ Турціи громаднымъ авторитетомъ, сословіе это распадается на три класса, сообразно самой сущности возлагаемыхъ на него обязанностей. Къ первому классу принадлежатъ *имамы*, равнозначащіе нашимъ священникамъ, хотя, собственно говоря, въ исламѣ нѣтъ священства въ смыслѣ спеціальной категоріи людей, имѣющихъ преимущественное право совершать религіозныя обрядности. По мусульманскому праву всякій грамотный и, потому, начитанный въ коранѣ человѣкъ можетъ быть во время общественной молитвы во главѣ молящихся, занимая мѣсто *предстоящаго* (собственное значеніе слова: *имамъ*). Но практика выработала иное и обособила тѣхъ улемовъ, которые подъ именемъ имамовъ посвящаютъ себя уже исключительно служенію при мечетяхъ, проповѣди и надзору какъ за охраною храма, такъ и за порядкомъ молитвъ. Ко второму классу улемовъ принадлежатъ законовѣды, по пре-

имуществу носящіе названіе *муфтіевъ*, завѣдующіе духовными дѣлами мѣстной общины и на предлагаемые имъ юридическіе вопросы дающіе свою фетву. Наконецъ, къ третьему классу улемовъ принадлежатъ *кадіи* или *муллы* (судьи) и *наибы* (помощники судей), основою рѣшеній которыхъ служатъ постановленія шеріата (мусульманскаго священнаго закона).

Каждый изъ поименованныхъ трехъ главныхъ классовъ подраздѣляется еще на нѣсколько болѣе мелкихъ отдѣловъ.

Столичный муфтій или шейхъ-уль-исламъ является главою всего сословія улемовъ въ своемъ качествѣ намѣстника халифа-султана по духовной части, точно также какъ великій визирь является такимъ же намѣстникомъ султана по свѣтской власти.

Будучи верховнымъ истолкователемъ закона, шейхъ-уль-исламъ въ нѣкоторыхъ случахъ имѣетъ рѣшающее значеніе для существованія самой власти султана; а именно когда онъ приходитъ къ убѣжденію, что, съ точки зрѣнія мусульманскаго закона, султанъ не удовлетворяетъ болѣе требованіямъ этого закона, словомъ, что онъ пересталъ быть законнымъ халифомъ, то шейхъ-ульисламъ имѣетъ право издавать фетву о томъ, что царствующій государь долженъ быть по такимъ-то причинамъ низложенъ, какъ и было поступлено по отношенію къ султанамъ Абдуль-Азизу и Мураду.

Несмотря на кажущуюся несообразность такого права съ качествомъ шейхъ-уль-ислама, дѣйствующимъ лишь по полномочію, получаемому имъ отъ халифа, оно тѣмъ не менѣе совершенно логично, хотя шейхъ-уль-исламъ является лишь намѣстникомъ султана,—такъ какъ по шеріату онъ намѣстникъ законнаго халифа; если же, съ точки зрѣнія шеріата, халифъ дѣлается незаконнымъ, шейхъ-уль-исламъ вступаетъ въ свои права верховнаго истолкователя закона, и изрекаетъ свой приговоръ о низложеніи халифа, котораго доселѣ онъ былъ только представителемъ.

Насильственная же перемѣна султана безъ санкціи на то шейхъ-уль-ислама, съ точки зрѣнія мусульманъ, будетъ всегда неправильною.

Всѣ тѣ, кто предназначаетъ себя къ поступленію въ улемы, воспитываются въ школахъ (*медресэ*), гдѣ главными предметами обученія служатъ законовѣдѣніе и богословіе. Ученики медресэ носятъ названіе *софтъ* или вѣрнѣе *сухтэ* (горящій, пламенѣющій, т.-е., любовью къ званію). Неспособные или менѣе способные остаются на службѣ при мечетяхъ въ качествѣ имамовъ. Болѣе способные, путемъ усиленнаго изученія законовъ, подготовляютъ себя къ юридическому поприщу. Послѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ экза-

меновъ софты получаютъ званіе *мудерриса* (магистра богословія и юриспруденціи), которое, въ свою очередь, имѣетъ двѣнадцать различныхъ степеней: изъ одной степени въ другую, болѣе старшую, кандидаты переходятъ лишь постепенно, и то не иначе какъ по порядку старшинства, вслѣдствіе чего чтобы достигнуть высшей степени мудеррисовъ—*муселаи сулейманіэ*, иногда нужно употребить до сорока лѣтъ. Названія этихъ степеней слѣдующія: харекети-алтмышлы, ибтида-алтмышлы, сахни-земанъ, муселаи-саханъ, харекети-дахиль, ибтидаи-дахиль, харекети-хариджъ, ибтидаи-хариджъ. Четыре высшія степени, такъ называемыя *кибари-мудеррисинъ*, которыя можно пріурочить къ ученой степени доктора богословія и юриспруденціи, носятъ названія: дарульхадисъ, сулейманіэ, хамзеи-сулейманіэ, муселаи-сулейманіэ [1]). Достигнувъ высшей степени мудеррисовъ, кандидаты, снова по старшинству, попадаютъ въ списки муллъ, что̀ открываетъ имъ доступъ къ высшимъ духовнымъ и судебнымъ должностямъ.

Въ прежнее время было шесть разрядовъ высшихъ должностей улемовъ: къ 1-му принадлежалъ муфтій или шейхъ-уль-исламъ, ко 2-му—садри-румъ и садри-анадоли или кази-аскеры (военные судьи), такъ какъ въ началѣ они сопровождали султановъ въ ихъ походахъ и наблюдали за отправленіемъ правосудія въ арміи; къ 3-му—истамболъ-кадиси (столичный судья), къ 4-му—харемейнъ-моллалери (судьи Мекки и Медины), къ 5-му—муллы Адріанополя, Бруссы, Каира и Дамаска и, наконецъ, къ 6-му—муллы Галаты, Скутари, Эюба, Іерусалима, Смирны, Алеппа, Ени-шахра (Лариссы) и Солуни.

Такимъ образомъ высшія званія улемовъ различались между собою лишь на основаніи тѣхъ должностей, которыя улемы занимали въ дѣйствительности, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ такой порядокъ измѣнился и различныя степени улемовъ стали различаться не по исполняемымъ ими обязанностямъ, но по чинамъ, независимо отъ занимаемыхъ улемами должностей. Это преобразованіе въ іерархическомъ строѣ сословія улемовъ было слѣдствіемъ переворота въ административномъ строѣ Турціи, произведеннаго султаномъ реформаторомъ—Махмудомъ II.

Мусульманское общество по устройству своему вполнѣ демократично; самое понятіе о родовомъ имени, фамиліи, отсутствуетъ. Почетные титулы связаны лишь съ извѣстными оффиціальными обязанностями и дѣтямъ не передаются, такъ что можно сказать, что въ турецкомъ обществѣ каждый членъ его есть исключи-

[1]) По вопросу объ улемахъ очень цѣнныя указанія были мнѣ сдѣланы Фаридомъ-эфенди, профессоромъ учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ, состоящаго при азіатскомъ департаментѣ.

тельно дѣтище своихъ собственныхъ дѣлъ, а заслуги предковъ или преимущества рожденія не играютъ почти никакой роли.

Да и мудрено, было бы, еслибы дѣло было иначе въ мусульманскомъ обществѣ, гдѣ каждый человѣкъ представляетъ изъ себя лишь орудіе въ рукахъ Аллаха, который постоянно вмѣшивается въ мельчайшія подробности жизни людей. При такомъ строѣ общества не можетъ быть аристократіи, обусловливаемой личными заслугами предковъ, а все начинается и оканчивается отдѣльною личностью, дѣйствующею лишь въ предѣлахъ Божьей воли и предопредѣленія. Одинъ лишь царствующій домъ составляетъ исключеніе: онъ одинъ наслѣдственъ и представляетъ рядъ прямого, признаннаго всѣми, нисходящаго потомства.

Когда султанъ Махмудъ II нашелъ нужнымъ, для укрѣпленія расшатаннаго организма Турціи, преобразовать его на европейскій ладъ, то въ ряду предпринятыхъ имъ для того мѣропріятій онъ намѣтилъ необходимость введенія въ турецкую администрацію чиновъ, дотолѣ въ ней не существовавшихъ. По нѣкоторымъ разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, эта послѣдняя мѣра имѣла будто бы источникомъ желаніе Махмуда подражать Петру Великому, котораго онъ былъ самымъ страстнымъ почитателемъ.

Дѣйствительно, осуществивъ у себя, и очень удачно, подобіе избіенія стрѣльцовъ, совершеннымъ уничтоженіемъ турецкихъ стрѣльцовъ, янычаръ, и принявъ мѣры къ организаціи регулярной арміи, Махмудъ могъ затѣмъ, по примѣру нашего великаго преобразователя, ввести у себя опредѣленную іерархическую лѣстницу чиновъ должностныхъ лицъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, и поставить понятіе о жалуемомъ султаномъ гражданскомъ чинѣ совершенно независимо отъ должности, занимаемой тѣмъ или другимъ лицомъ.

Какъ бы то ни было и изъ какихъ бы побужденій султанъ Махмудъ ни исходилъ, подобная мѣра была имъ приведена въ исполненіе въ 1248 году гиджры, т.-е. около 1830 года. Повидимому, нововведеніе это соотвѣтствовало требованіямъ времени, такъ какъ при преемникѣ Махмуда, султанѣ Абдуль-Меджидѣ, были установлены подробно регламентированные почетные титулы для каждаго чина и для каждой должности.

Меня издавна занималъ вопросъ о происхожденіи въ турецкой администраціи столь, повидимому, несвойственныхъ строю мусульманскаго общества гражданскихъ чиновъ, и особенно вопросъ о томъ, насколько султанъ Махмудъ, вводя въ Турціи чины, руководствовался примѣромъ Петра и дѣйствительно ли онъ стремился подражать нашей табели о рангахъ.

Касательно этого послѣдняго пункта мнѣ не удалось найти у турецкихъ историковъ никакихъ прямыхъ указаній, а потому оставалось лишь самому заняться сравнительнымъ изученіемъ существующихъ въ Турціи воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, чтобы попытаться пріурочить ихъ къ соотвѣтствующимъ классамъ и чинамъ нашей табели о рангахъ.

Попытка эта привела къ составленію нижеприведенной таблицы, которая, какъ мнѣ кажется, подтверждаетъ предположеніе, что именно наша табель о рангахъ была, за самыми незначительными отступленіями, образцомъ нынѣ существующей лѣстницы турецкихъ чиновъ, причемъ вмѣсто нашей степени посредствующей между VI и IV классомъ и равной чину статскаго совѣтника, не имѣющаго въ настоящее время соотвѣтствія съ какимъ-либо чиномъ военнымъ, введена была степень *бала*, равнымъ образомъ одна не имѣющая соотвѣтствія съ какимъ-либо военнымъ чиномъ, но только помѣщена она была не между VI и IV, а между III и II классами.

Турецкіе чины гражданскіе.	Классы и чины, соотвѣтствующіе имъ по русской табели о рангахъ.	Военные чины (сейфіе).
Великій визирь.	I. Канцлеръ.	Сердари экремъ (генералиссимусъ) капуданъ-паша (генералъ-адмиралъ).
Визирь и муширъ.	II. Дѣйствительный тайный совѣтникъ.	Муширъ (полный генералъ), въ прежнее время трехбунчужный паша.
Балà.		
Улà сйнди эввѐль.	III. Тайный совѣтникъ.	Ферикъ (генералъ-лейтенантъ), въ прежнее время двухбунчужный паша.
Улà сйнди санѝ.	IV. Дѣйствительный статскій совѣтникъ.	Мири-лива (генералъ-маіоръ), въ прежнее время однобунчужный паша.
Саніѐ мутемайзъ.	VI. Коллежскій совѣтникъ.	Миралай (полковникъ).
Саніѐ сйнфи санѝ.	VII. Надворный совѣтникъ.	Каймакамъ (подполковникъ).
Салисѐ.	VIII. Коллежскій ассессоръ.	Бинъ-баши (маіоръ).
Рабіà.	IX. Титулярный совѣтникъ.	Юзъ-баши (капитанъ).
Хамисѐ.	X. Коллежскій секретарь.	Юзъ - баши - векили (штабсъ-капитанъ).
Ходжагйнъ.	XII. Губернскій секретарь.	Мулазими - эввель (поручикъ).

Въ поясненіе къ этой таблицѣ необходимо прибавить, что во главѣ всего турецкаго управленія стоитъ великій визирь—*садри-азамъ*, должность, учрежденная въ 750 г. по Р. Х. халифомъ Абдуллахомъ. Великій визирь является намѣстникомъ султана по отношенію къ его свѣтской власти, подобно тому какъ шейхъ-уль-исламъ служитъ его представителемъ по власти духовной. Поэтому оба эти сановника, какъ представители двухъ совершенно равныхъ по значенію сторонъ султанской власти, одинаковы по своему значенію и между собою.

По европейскимъ понятіямъ, власть и значеніе садри-азама могли бы быть приравнены къ значенію обязанностей канцлера въ прежнемъ смыслѣ этого слова, въ особенности во Франціи, въ до-революціонный періодъ. Къ довершенію сходства, главнымъ аттрибутомъ великаго визиря является храненіе государственной печати: врученіемъ ея сановникъ облекается званіемъ садри-азама; съ отобраніемъ ея онъ перестаетъ воплощать въ себѣ всю административную власть турецкаго царства.

Но между равными по важности должностями великаго визиря и шейхъ-уль-ислама есть одно огромное различіе. Въ то время какъ на эту послѣднюю должность султанъ можетъ назначить только лицо, принадлежащее къ извѣстному высшему классу улемовъ-*судурамъ*, продолжительною подготовкою пріобрѣвшее право стоять во главѣ улемовъ и всего духовнаго управленія оттоманской имперіи,—въ выборѣ великаго визиря султанъ не стѣсненъ рѣшительно ничѣмъ и можетъ возложить эти высокія обязанности на кого заблагоразсудитъ. Исторія сохранила намъ имена садри-азамовъ, бывшихъ прежде лодочниками и пастухами.

Конечно, такъ бывало въ прежнее время; нынѣ же, въ виду осложнившихся требованій отъ государственныхъ дѣятелей вообще, а отъ лица занимающаго столь важный и отвѣтственный постъ, какъ должность садри-азама, въ особенности, султаны по неволѣ вынуждены выбирать своихъ великихъ визирей по преимуществу изъ числа своихъ министровъ или генералъ-губернаторовъ, т.-е лицъ, уже много послужившихъ и пріобрѣвшихъ необходимыя знанія и опытность.

XI.

Наконецъ насталъ день 26-го августа 1876 года, день назначенный для Кылычъ-Алая. Съ самаго утра весь городъ, или вѣрнѣе, столпленіе городовъ, извѣстное подъ названіемъ Константинополя, былъ въ движеніи. Ширкеты, пароходы Золотого Рога,

шлюпки всевозможныхъ формъ и размѣровъ, военные катера съ пароходовъ, состоящихъ при иностранныхъ посольствахъ, и изящные, остроносые каики бороздили по всѣмъ направленіямъ Босфоръ и Золотой Рогъ, перевозя къ предмѣстью Эюба безчисленныя толпы любопытныхъ. На улицахъ тоже было трудно изобразимое оживленіе.

Византійскіе жители, наравнѣ съ римлянами, всегда были падки на зрѣлища: древняя страсть эта сохранилась у нихъ въ прежней неприкосновенности и до нашихъ дней. И въ это утро народъ стремился ко всѣмъ мѣстностямъ, гдѣ должно было проходить султанское шествіе, стремился отовсюду, и изъ Стамбула, и изъ пригородовъ его и изъ при-босфорскихъ деревень. Всѣ спѣшили какъ бы не опоздать насладиться давно уже невиданнымъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ и за-одно посмотрѣть на лицо своего новаго повелителя, прошедшаго на престолъ чрезъ лужи крови, при драматическихъ обстоятельствахъ, такъ сильно подѣйствовавшихъ на впечатлительный, южный умъ константинопольцевъ.

Согласно заранѣе выработанному церемоніалу, уже съ 10 часовъ утра собрались близь Эюбской мечети министры, улемы, высшіе гражданскіе и военные чины, которые по своему положенію имѣли право участвовать въ султанскомъ кортежѣ.

Около полудня султанъ отплылъ отъ пристани у дворца Дольма-багче, въ своемъ большомъ парадномъ каикѣ, въ тринадцать паръ веселъ. Каикъ этотъ, по украшеніямъ, есть своего рода чудо искусства. Онъ весь бѣлый съ богатыми золотыми узорами; на носу его позолоченный орелъ съ распростертыми крыльями, на кормѣ вздымается султанскій тронъ изъ краснаго бархата, осѣненный балдахиномъ, утвержденнымъ на серебряныхъ, позолоченыхъ столбахъ. Султанъ сидѣлъ на тронѣ, имѣя насупротивъ себя своего зятя Махмуда-пашу, тогдашняго министра торговли.

За султанскимъ каикомъ слѣдовалъ въ кильватеръ богато убранный каикъ, тоже съ краснымъ балдахиномъ, подъ которымъ сидѣли принцы—родственники султана.

Въ четырехъ семипарныхъ каикахъ, предшествовавшихъ султанскому каику, и въ двухъ такихъ же парадныхъ каикахъ, замыкавшихъ все шествіе, размѣстились высшіе придворные сановники и лица султанской свиты.

Какъ только вся эта флотилія отдѣлилась отъ пристани, пушечные выстрѣлы возвѣстили народу, что церемонія началась.

Въ это мгновеніе Босфоръ и Золотой Рогъ и ихъ берега представляли чудный видъ. Кортежъ проходилъ мимо выстроен-

ныхъ въ линію броненосцевъ и другихъ военныхъ судовъ турецкаго флота, расцвѣченныхъ всевозможными флагами, съ матросами, посланными по реямъ,—мимо иностранныхъ военныхъ и коммерческихъ судовъ и пароходовъ, тоже разубранныхъ флагами и переполненныхъ зрителями.

Безчисленные каики и лодки, наполненные людьми въ праздничныхъ нарядахъ, толпились на пути, съ трудомъ сдерживаемые катерами адмиралтейства, вытянутыми по всему пути въ двѣ линіи для огражденія широкой водной полосы, по которой быстро скользила султанская флотилія.

Даже прибрежные дома Галаты, Джубали, Фанара, Балаты и Хайванъ-серая, обыкновенно такіе мрачные, со стѣнами, закопченными постоянно обдающими ихъ клубами пароходнаго дыма, и тѣ казались въ тотъ день просіявшими отъ множества радостныхъ головъ, торчавшихъ изъ всѣхъ оконъ, и отъ пестрыхъ одеждъ биткомъ въ нихъ набитыхъ зрителей, костюмы которыхъ рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ своими яркими цвѣтами. Какъ солнечный лучъ, проникшій въ глухой уголъ, придаетъ ему дотолѣ незамѣчаемую прелесть, оживляя все то, что̀ казалось холоднымъ, безжизненнымъ, такъ и въ тотъ день полуденное солнце раскрасило всѣ темные дома, основанія которыхъ лежатъ въ волнахъ Золотого Рога.

Безчисленныя кофейни и лавки, выходящія прямо на Золотой Рогъ, были сплошь увѣшены разноцвѣтными флагами.

На обоихъ мостахъ—Каракёѣ и Азапъ-капу—разведенныхъ по срединѣ, чтобы открыть свободный проходъ султанской флотиліи, яблоку негдѣ было бы упасть отъ запрудившей ихъ толпы. Мосты были точно усѣяны краснымъ макомъ отъ фесовъ, головного убора, обязательнаго для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ засвидѣтельствовать о вѣрноподданичествѣ къ падишаху.

Мало того, всѣ поднимающіеся по обѣимъ сторонамъ Золотого Рога холмы, всѣ верхнія террасы домовъ, всѣ возвышенности, хотя и отдаленныя отъ залива, но съ которыхъ былъ самомалѣйшій видъ на этотъ послѣдній,—все это было залито и облѣплено любопытными, принадлежащими ко всѣмъ слоямъ общества, ко всѣмъ національностямъ, въ такомъ разнообразіи роящимся въ градѣ св. Константина.

Тѣмъ временемъ султанскій кортежъ величественно двигался все далѣе, привѣтствуемый криками матросовъ съ встрѣчавшихъ по пути судовъ и постоянными пушечными выстрѣлами съ броненосцевъ и съ баттарей, расположенныхъ въ Топъ-хане, на Серай-бурну (дворцовомъ мысу) и въ адмиралтействѣ.

Въ Эюбѣ султанъ высадился около 6 часовъ по-турецки. Турецкій часъ считается не отъ полудня, какъ часъ европейскій, а отъ заката солнца и, слѣдовательно, подверженъ ежедневному измѣненію въ соотвѣтствіи съ измѣняющимся каждый день моментомъ солнечнаго заката. Такъ какъ всѣ босфорскіе пароходы-ширкеты совершаютъ свои рейсы по турецкому времени, то это обстоятельство служитъ источникомъ вѣчной тревоги для европейцевъ, вынужденныхъ отправляться въ прибосфорскія мѣстности и обязанныхъ чуть не ежедневно переставлять стрѣлку своихъ часовъ и все-таки оставаться въ сомнѣніи, правильно ли поставлена стрѣлка и, не придется ли опоздать.

Такимъ образомъ, султанскій каикъ подошелъ къ пристани близь мечети Эюба около часа пополудни. Пристань была вся покрыта ярко-краснымъ бархатнымъ ковромъ. На ней въ два ряда стояли офицеры съ саблями на-голо. Нѣсколько далѣе, на маленькой площадкѣ предъ самою мечетью были собраны министры, высшіе чины улемовъ и генералъ-лейтенанты, всѣ въ полной парадной формѣ. Совсѣмъ въ глубинѣ площадки находился оркестръ придворной музыки, при звукахъ котораго султанъ высадился на берегъ и направился чрезъ ряды высшихъ турецкихъ сановниковъ къ мечети. Абдуль-Хамиду предшествовалъ гофмаршалъ и имамъ Эюбской мечети: каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ золотую курильницу, въ которой дымилось алоэ. Въ былое время султанъ проходилъ чрезъ дворъ мечети, поддерживаемый подъ руки великимъ визиремъ и янычарскимъ агою. На этотъ разъ не было и великаго визиря, такъ какъ онъ по нездоровью не могъ присутствовать на церемоніи.

Послѣ обычныхъ молитвъ въ мечети, въ которую не входилъ еще никогда ни одинъ христіанинъ, султанъ перешелъ въ сосѣдній мавзолей, построенный надъ прахомъ Эюба, вѣрнаго знаменосца пророка Магомета, павшаго подъ стѣнами города, которому судьба предназначила сдѣлаться столицею ислама.

Здѣсь-то, въ этой надгробной часовнѣ, Абдуль-Хамидъ II и былъ препоясанъ мечомъ Османа, основателя доселѣ царствующей въ Турціи династіи, улемомъ, потомкомъ конійскаго муллы Хункяра.

Самая церемонія препоясанія происходила въ присутствіи шейхъ-уль-ислама, министровъ и улемовъ, произнесшихъ установленныя для такого случая молитвы; въ самый же моментъ возложенія на султана меча были заколоты на прилегающемъ къ мечети дворѣ пятьдесятъ барановъ и принесены въ жертву Аллаху, чтобы онъ милостиво принялъ возносившіяся тогда молитвы о счастіи и благоденствіи новаго владыки.

Нужно имѣть на палитрѣ особыя краски—знойныя и пламенныя, чтобы описать всю красоту картины, блещущей всею роскошью и великолѣпіемъ Востока, когда, по окончаніи Кылычъ-Алая, торжественное шествіе, пройдя чрезъ тѣнистыя аллеи обширнаго Эюбскаго кладбища, сквозь полный таинственности лѣсъ вѣковыхъ чинаровъ и суровыхъ, темныхъ кипарисовъ, направилось вдоль византійскихъ городскихъ стѣнъ къ Эдирне-капу (Адріанопольскимъ воротамъ). Древнія стѣны, зубцы которыхъ такъ рѣзко выдѣлялись на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба, смотрѣли на все съ угрюмымъ спокойствіемъ.

Окрестность представляла сплошное море головъ: любопытные толпились по всѣмъ возвышенностямъ Эюбскаго предмѣстья, во всѣхъ впадинахъ холмовъ, гдѣ только можно было какъ-нибудь примоститься. Многіе взобрались на принесенныя съ собою изъ дому скамейки; другіе расположились на подмосткахъ, нарочно для того устроенныхъ подъ сѣнью кипарисовъ и громадныхъ платановъ. Всюду виднѣлись живописныя группы, облитыя жгучимъ константинопольскимъ солнцемъ. Разноцвѣтныя, изъ матерій самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, ферадже (верхнее платье) турчанокъ и ихъ бѣлые прозрачные яшмаки (вуали) вырисовывались на темной листвѣ окружающаго лѣса. Старые, бородатые турки въ широкихъ шубкахъ и въ тяжелыхъ чалмахъ, греки, евреи, болгары, армяне — вся эта разноязычная, пестрая толпа, которая обыкновенно наполняетъ стамбульскія улицы своимъ движеніемъ, своимъ гамомъ, своимъ своеобразнымъ одѣяніемъ, вся эта толпа была здѣсь, полная любопытства.

Наибольшая давка была, конечно, вдоль самаго пути кортежа. Подъ напоромъ нахлынувшей волны новыхъ пришельцевъ, толпа начинала иногда правильно колебаться, подобно движенію морского прилива и отлива. Пришлые люди наполнили и извилистыя тропинки, сбѣгающія съ высотъ Эюба, и самое Эюбское кладбище; нѣкоторые зрители, похрабрѣе, взобрались на деревья; всюду, куда только хватаетъ взоръ, видны толпы, сбѣжавшіяся со всѣхъ концовъ города.

И то сказать, кромѣ зрѣлища султанскаго шествія, есть что̀ посмотрѣть съ Эюбскихъ высотъ.

И все это при несравненной голубизнѣ константинопольскаго августовскаго неба, залито какимъ-то серебристо-жемчужнымъ свѣтомъ, все погружено въ какую-то сладостную истому.

Предъ тѣмъ какъ выйти на широкое раздолье равнины, стелющейся вдоль полуразрушенныхъ стѣнъ Константинополя, султанское шествіе должно было проходить извилистыми улицами

Эюбскаго предмѣстья. Въ этихъ узкихъ улицахъ, заселенныхъ исключительно мусульманами, всѣ рѣшетчатыя окна домовъ были открыты настежъ: въ однихъ тискались, высовываясь иногда на улицу, турчанки, закутанныя въ свои яшмаки; въ другихъ виднѣлись неподвижныя фигуры старыхъ, бѣлобородыхъ турокъ, черныя лоснящіяся лица негритянокъ-невольницъ и цѣлые рои смѣющихся дѣтей. Нѣкоторые, болѣе смѣлые ребятишки взобрались на самыя башни древнихъ стѣнъ, размѣстились среди листьевъ плюща и дикаго винограда и ихъ яркія ситцевыя кацавейки издали казались спѣлыми гроздьями, щедро разсыпанными по зеленому ковру, украсившему бывшій оплотъ Комненовъ и Палеологовъ.

На высотахъ Куюбаши, близь Адріанопольскихъ воротъ, были раскинуты двѣ обширныя, подбитыя шолкомъ, палатки, уставленныя зеркалами и богатою мебелью и предназначенныя для иностранныхъ дипломатовъ и ихъ семействъ. Насупротивъ, черезъ дорогу, помѣщалась палатка для нѣкоторыхъ именитыхъ жителей Константинополя. Палатки эти были расположены въ мѣстности чрезвычайно удобной для того, чтобы находящіяся въ нихъ лица могли сразу окинуть взоромъ всѣ подробности проходящаго мимо султанскаго кортежа.

Вотъ показалась голова шествія. Впереди шелъ *пейкъ*, родъ султанскаго тѣлохранителя, въ старинномъ костюмѣ, красномъ шитомъ золотомъ кафтанѣ, съ сѣкирою въ рукахъ и позолоченномъ шлемѣ съ чернымъ султаномъ.

За пейкомъ слѣдовало штукъ десять заводныхъ султанскихъ лошадей (*гедикъ*) въ богатыхъ чепракахъ: ихъ вели подъ уздцы конюшіе въ придворныхъ ливреяхъ. За ними тянулась безконечная золотая лента всѣхъ высшихъ турецкихъ сановниковъ, ѣхавшихъ слѣдомъ, одинъ за другимъ, въ полной парадной формѣ, на великолѣпныхъ арабскихъ лошадяхъ. Порядокъ, въ которомъ они слѣдовали, былъ, согласно общему обычаю всѣхъ придворныхъ шествій, таковъ, что чѣмъ дальше отъ головы процессіи и чѣмъ ближе къ султану, тѣмъ важнѣе были сановники.

Шествіе состояло изъ слѣдующихъ отдѣленій:

1) Церемонійместеры.

2) Полковники.

3) Гражданскіе чиновники, имѣющіе чинъ ула-синфи-сани.

4) Генералъ-маіоры.

5) Улемы, имѣющіе званіе харемейнъ-паіеси.

6) Гражданскіе чиновники, имѣющіе чинъ ула-синфи-эввель или званіе румили-бейлербеевъ.

7) Генералъ-лейтенанты.

8) Улемы, носящіе званіе истамболъ-паіеси.

9) Гражданскіе чиновники, имѣющіе чинъ бала.

10) Кази-аскеры.

11) Министры и всѣ сановники, имѣющіе чинъ *визиря;* судуры.

Впереди каждаго отдѣленія шелъ пейкъ, наблюдавшій, чтобы шествіе двигалось равномѣрно.

За визирями ѣхалъ въ великолѣпномъ бѣломъ одѣяніи шейхъ-уль-исламъ, окруженный толпою своихъ прислужниковъ, и немедленно за нимъ самъ султанъ, посреди двухъ густыхъ рядовъ *пейковъ-солаковъ* въ серебряныхъ шлемахъ, на гребнѣ которыхъ были прикрѣплены павлиньи перья, расположенныя въ видѣ огромнаго распущеннаго вѣера. Это головное украшеніе пейковъ-солаковъ издали представляло одну непрерывную, колышащуюся линію, производившую на непривычныхъ зрителей крайне оригинальное впечатлѣніе. Во время созданія дружины этихъ пейковъ, назначеніемъ этихъ гребней ихъ шлема было именно скрывать въ дни церемоній,—когда султану необходимо показаться народу,—пресвѣтлое лицо повелителя правовѣрныхъ отъ нескромныхъ взглядовъ его подданныхъ.

Султанъ былъ на чудномъ бѣломъ арабскомъ аргамакѣ, сбруя котораго, сѣдло и чепракъ были покрыты золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Самъ Абдуль-Хамидъ былъ одѣтъ очень просто, въ генеральскомъ мундирѣ; на фескѣ его не было даже брилліантоваго султана, всегда надѣвавшагося его предшественниками при церемоніи Кылычъ-Алая. На груди была зеленая лента Османіэ и звѣзды Османіэ и Меджидіэ, усыпанныя брилліантами, ярко горѣвшими на солнцѣ. Роскошна была также усыпанная камнями рукоятка его сабли, этого главнаго аттрибута турецкихъ султановъ-воиновъ.

Взоры султана были устремлены прямо впередъ, какъ бы поверхъ головъ предшествующихъ ему сановниковъ; онъ какъ бы не замѣчалъ толпившагося вокругъ народа, погруженный въ свои собственныя таинственныя думы. Подъ впечатлѣніемъ только-что происходившей внушительной церемоніи, Абдуль-Хамидъ невольно долженъ былъ мысленно перенестись къ первымъ временамъ своей династіи, столь быстро занявшей выдающееся положеніе. Сегодня онъ—законный халифъ, преемникъ цѣлаго ряда знаменитыхъ султановъ, вознесенный на вершину власти, благодаря двумъ катастрофамъ столь же ужаснымъ, какъ и неожиданнымъ, — сегодня онъ впервые объѣзжалъ, какъ государь, ограду своего царственнаго города.

Тяжелыя воспоминанія, темныя политическія тучи, собрав-

шіяся въ то время надъ Турціей и грозившія въ будущемъ еще бо̀льшими опасностями, отуманивали взоръ новаго падишаха и, несмотря на всю окружающую его роскошь обстановки, быть можетъ, заставляли его помышлять со страхомъ объ опасностяхъ и тягостяхъ его новаго положенія.

Тѣмъ не менѣе, проѣзжая мимо палатки дипломатическаго корпуса, Абдуль-Хамидъ пріостановилъ своего коня и послалъ адъютанта передать великобританскому послу, сэру Генри Эллиоту, какъ тогдашнему декану пребывающихъ въ Константинополѣ дипломатовъ, что его величество крайне доволенъ тѣмъ, что начальники посольствъ и миссій почтили торжество своимъ присутствіемъ.

Не такъ поступилъ въ день своего препоясанія мечомъ Абдуль-Азизъ: проѣзжая мимо палатки дипломатическаго корпуса, онъ намѣренно повернулся къ ней спиной и обратилъ глаза въ пространство, какъ бы желая разсмотрѣть что-то вдали.

Торжественный кортежъ замыкался Махмудомъ-пашою, за которымъ густою толпою слѣдовали камергеры, флигель-адъютанты, султанскіе секретари, султанскій казначей и помощникъ кызлара-аги, причемъ послѣдніе двое бросали въ народъ горстями мелкія серебряныя монеты съ монограммою новаго султана; въ самомъ хвостѣ кортежа двигались низшіе придворные чины и придворные служители.

Нынѣшнее торжественное шествіе султана, возвращавшагося съ церемоніи Кылычъ-Алая, конечно, не имѣло прежняго великолѣпія, прежней восточной роскоши. Уже не было по сторонамъ пути длинныхъ рядовъ янычаръ въ ихъ оригинальныхъ одеждахъ,—янычаръ, однимъ своимъ именемъ нагонявшихъ страхъ на враговъ ислама.

Нѣтъ болѣе въ султанскомъ кортежѣ прежнихъ двухъ офицеровъ, имѣвшихъ каждый въ рукахъ царскую чалму, украшенную брилліантовымъ султаномъ, и которую онъ наклонялъ поочередно то на правую, то на лѣвую сторону, на что̀ народъ отвѣчалъ низкимъ поклономъ; нѣтъ тамъ придворнаго съ изукрашеннымъ серебряными пластинками табуретомъ, на который становился султанъ, садясь на коня; нѣтъ, наконецъ, козъ-бекчибаши, который на особомъ золотомъ жезлѣ возилъ золотой кувшинъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, съ водою для султанскаго употребленія. За шейхъ-уль-исламомъ не ведутъ болѣе, въ ослѣпительныхъ чепракахъ, тридцати двухъ заводныхъ лошадей, на двѣнадцати изъ которыхъ надѣты щиты, украшенные золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Въ свитѣ султана не видать визирей въ монументальныхъ тюрбанахъ и странныхъ нарядахъ, какъ во времена Магомета II Завоевателя или Солимана Великолѣпнаго, не видать прежнихъ плащей, панцырей, кольчугъ и нѣтъ болѣе тѣхъ переливовъ солнечныхъ лучей въ атласныхъ тяжелыхъ тканяхъ, въ золотыхъ украшеніяхъ или въ сверканіи полированной стали,—которые придавали столько блеска султанской свитѣ прошлаго времени.

Тѣмъ не менѣе и нынѣ торжественное шествіе послѣ Кылычъ-Алая производитъ сильное впечатлѣніе своею своеобразною красотою и величавостью.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не восхищаться этою нескончаемою вереницею превосходныхъ арабскихъ коней, съ расшитыми, разукрашенными чепраками, ведомыхъ подъ уздцы многочисленными *сеисами* (конюхами) въ живописныхъ албанскихъ костюмахъ и гордо несущихъ на себѣ всадниковъ въ залитыхъ золотомъ, блещущихъ на солнцѣ мундирахъ.

Въ особенности приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе эффектныя одѣянія улемовъ различныхъ цвѣтовъ, сообразно званію, принадлежащему тому или другому изъ этихъ высшихъ мусульманскихъ духовныхъ сановниковъ. Харемейнъ-паіеси были въ верхнемъ платьѣ лиловаго цвѣта, истамболъ-паіеси—свѣтло-сѣраго и судуры—зеленаго.

Невольное уваженіе внушалъ къ себѣ этотъ рядъ почтенныхъ старцевъ, посѣдѣвшихъ на изученіи закона, старцевъ съ длинными бѣлыми бородами, медленно двигавшихся верхами, въ своихъ восточныхъ одеждахъ—подобно возставшимъ ветхозавѣтнымъ патріархамъ, въ красивыхъ чалмахъ изъ бѣлой матеріи съ широкою полосою изъ золотой парчи, плотно облегающей ихъ чело и ниспадающей позади длинною свободною лопастью.

Но и помимо того, на непривычный взглядъ по неволѣ дѣйствовало все это толпящееся разнообразіе одѣяній, покроя столь отличнаго отъ общеевропейскаго и сдѣланныхъ изъ яркихъ матерій всѣхъ цвѣтовъ,—всѣ эти разнообразные мундиры сановниковъ, епанчи улемовъ, шлемы пейковъ, словомъ, все это было иное, чѣмъ въ остальной Европѣ, и съ тѣмъ болѣе жаднымъ любопытствомъ всѣ приглядывались къ проходившему мимо кортежу, стараясь запечатлѣть въ памяти всѣ его особенности...

Отъ Адріанопольскихъ воротъ шествіе направилось къ Зинджирликую, вдоль рядовъ войскъ, иногда лишь прерывавшихся шпалерами воспитанниковъ военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній.

По прибытіи къ мечети Селима, гдѣ находится гробница

султана Абдуль-Меджида, Абдуль-Хамидъ сошелъ съ коня, чтобы поклониться праху своего отца. Слѣдующія затѣмъ остановки кортежа были у мечети Магомета II и у мавзолея султана Махмуда, гдѣ новый халифъ поклонился гробницамъ, въ первой— завоевателя Константинополя, а во второмъ—своего дѣда, истребителя янычаръ.

Въ прежнее время у султановъ на пути бывала еще одна остановка, а именно, проѣзжая мимо янычарскихъ казармъ, они, согласно обычаю, останавливались, чтобы принять отъ янычаръ кубокъ шербета (прохладительнаго питья). Привилегія подносить кубокъ принадлежала штабсъ-капитану 61-й янычарской роты. Офицеръ этотъ передавалъ кубокъ *силихдаръ-агѣ* (оруженосцу султана), султанъ бралъ его изъ рукъ послѣдняго и, пригубивъ, возвращалъ кубокъ обратно, опустивъ предварительно въ него двѣ или три горсти червонцевъ.

Отъ гробницы султана Махмуда шествіе двинулось по улицѣ Шахзаде-баши и чрезъ ворота, называемыя Баби-хумаюнъ (Августѣйшія ворота), вступило во дворецъ Топъ-Капу. Здѣсь султанъ провелъ нѣкоторое время въ молитвѣ въ святилищѣ, гдѣ хранятся столь благоговѣйно чтимыя мусульманами древности—Хиркаи-шерифъ (плащъ пророка) и Санджаки-шерифъ (знамя пророка).

Отсюда, послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, султанъ Абдуль-Хамидъ, съ своею блестащею свитою, сѣлъ на пристани у Серайбурну снова въ парадные каики и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ прибылъ около шести часовъ пополудни, Босфоромъ, обратно въ свой дворецъ, Дольма-багче.

В. Тепловъ.

ДЖЕРАРДЪ

Романъ въ двухъ частяхъ, м-съ Брэддонъ.

Gerard or the world, the flesh and the devil, a novel by M. E. Braddon.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VI *).

Небольшая компанія изъ четырехъ лицъ засидѣлась за чайнымъ столомъ подъ раскидистыми вѣтвями тюльпаннаго дерева. Приходскій садъ разбитъ былъ на ровномъ мѣстѣ, но за огородомъ, окаймлявшимъ лужайки и цвѣтникъ, равнина спускалась къ низкимъ, неправильнымъ утесамъ, а за ихъ извилистой линіей играли сверкающія волны залива. Садъ и его окрестности были одинаково живописны, плодородны и веселы. То не была величественная природа сѣвернаго Девона или сѣвернаго Корнуэльса, но мирный и пасторальный видъ, приглашавшій скорѣе къ отдыху и довольству настоящимъ, нежели къ геройскимъ подвигамъ и порываніямъ въ даль.

Сидя за чашкой чая, Джерардъ задумался о давнопрошедшихъ временахъ своего дѣтства и отрочества. Обѣ дѣвушки ушли въ домъ, оставивъ мать съ сыномъ tête-à-tête.

М-съ Гиллерсдонъ сидѣла молча, вертя проворно спицами, которыми вязала теплые носки всѣмъ почти старикамъ и дѣтямъ прихода, а Джерардъ совсѣмъ ушелъ въ свои думы.

---

*) См. выше, іюль, 293 стр.

Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Матушка, я видѣлъ на дняхъ лицо, напомнившее мнѣ про домъ... И я какъ будто видѣлъ его давно тому назадъ... лѣтъ пять или шесть по крайней мѣрѣ, но я никакъ не могу припомнить, чье бы оно было. И однако, оно такъ мнѣ знакомо... я непремѣнно видѣлъ его здѣсь въ приходѣ. Не могу разсказать вамъ, какъ оно меня заинтриговало и какъ я ломалъ голову, стараясь припомнить, кто бы то былъ.

— Мужское лицо или женское?

— Лицо дѣвушки или, вѣрнѣе сказать, женщины лѣтъ двадцати-трехъ или четырехъ... женщины изъ скромнаго круга. Должно быть, это кто-нибудь изъ здѣшнихъ обывательницъ, но только я никакъ ее не признаю. Очень хорошенькое личико.

— Но гдѣ же ты видѣлъ эту молодую женщину? Почему ты не разспросилъ, кто она?

— Лицо мелькнуло у меня въ глазахъ и исчезло. Некогда было разспрашивать. Я хотѣлъ бы, чтобы вы помогли мнѣ, если можно, узнать, кто она. Такое хорошенькое личико, конечно, не могло не быть замѣчено вами. Назовите мнѣ самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ околоткѣ.

— Здѣсь такъ много хорошенькихъ дѣвушекъ. Девонъ славится красотой своихъ женщинъ. Многія изъ здѣшнихъ обывательницъ дали мнѣ свои фотографическія карточки. Теперь, когда снять фотографическій портретъ стоитъ такъ дешево, всѣ этимъ охотно пользуются. У меня есть спеціальный альбомъ для моихъ приходскихъ пріятельницъ. Просмотри его сегодня вечеромъ и ты, можетъ быть, найдешь свою молодую женщину.

— Она навѣрное не принадлежитъ къ этому стаду,—отвѣчалъ Джерардъ раздражительно.—Я знаю, что̀ значитъ девонскій типъ красоты: свѣтлые голубые глаза и румяное лицо. Эта дѣвушка совсѣмъ не этого типа. Неужели же вы не помните ни одной дѣвушки исключительной красоты, которую вы бы знавали въ послѣднія десять лѣтъ, а я ихъ видѣлъ лишь изрѣдка, такъ какъ въ противномъ случаѣ навѣрное бы ее узналъ?

— Исключительной красоты? — повторила задумчиво м-съ Гиллерсдонъ.—Я никого не припомню въ приходѣ, кого бы я назвала исключительной красавицей. Но у мужчинъ такія странныя понятія о красотѣ. Я слышала, какъ восторгались дѣвушкой курносой и съ большимъ ртомъ, точно Венерой. Почему ты такъ интересуешься этой молодой женщиной?

— У меня есть основанія предполагать, что она въ бѣд-

ственномъ положеніи, и я бы желалъ ей помочь, теперь, когда я такъ богатъ, что могу позволить себѣ всякое безразсудство.

— Это не было бы безразсудствомъ, если она хорошая дѣвушка... но берегись красоты въ простыхъ дѣвушкахъ, Джерардъ. Я была бы несчастна, еслибы...

— О, дорогая матушка, мы всѣ читали „Давида Копперфильда“. Я не собираюсь подражать Стирфорту и его поведенію съ бѣдной Эмиліей. Меня заинтриговали этой дѣвушкой и мнѣ бы хотѣлось узнать, кто она и откуда?

— Только не изъ этого прихода, Джерардъ, навѣрное, если ты не найдешь ее въ моемъ альбомѣ.

— Покажите мнѣ вашъ альбомъ, сейчасъ, сію минуту!— закричалъ Джерардъ.

Пришла горничная и стала убирать со стола.

— Пойди въ мою комнату и принеси мой большой коричневый альбомъ съ фотографическими карточками!—сказала м-съ Гиллерсдонъ, и шустрая дѣвушка быстро исчезла и такъ же быстро возвратилась съ довольно потертымъ inquarto въ рукахъ.

Джерардъ поспѣшно принялся перелистывать альбомъ. Онъ увидѣлъ курьезную коллекцію старомодныхъ костюмовъ, круглыхъ какъ грибъ шляпъ, кринолиновъ, гарибальдійскихъ рубашекъ, фестоновъ, оборочекъ, полонезовъ, кофточекъ, мантилій всѣхъ фасоновъ, какіе только носились въ послѣднія тридцать лѣтъ, вмѣстѣ съ толпой стариковъ и дѣвицъ, папашъ, мамашъ и младенцевъ.

Много было хорошенькихъ лицъ, какихъ не могъ обезобразить даже деревенскій фотографъ, но не было ни одного, которое представляло бы хотя отдаленное сходство съ лицомъ, видѣннымъ Джерардомъ на квартирѣ у Юстина Джермина.

— Нѣтъ!—вскричалъ онъ, бросая альбомъ на столъ съ сердцемъ:—ея нѣтъ среди вашихъ чучелъ.

— Пожалуйста, не обижай моихъ чучелъ! Ты не знаешь, какія есть между ними добрыя, терпѣливыя и работящія существа и какъ я горжусь ихъ привязанностью.

— У дѣвушки, которую я видѣлъ, лицо какъ у ангела, не плотское, но духовное: задумчивые глаза, большіе и кроткіе, съ длинными рѣсницами, бѣлокурые волосы, не золотистые, замѣтьте, но свѣтло-русые. Черты ея удивительно какъ тонки, носъ и подбородокъ какъ у мадонны Рафаэля. Да, это лицо Рафаэля, такое кроткое и одухотворенное, но грустное, безконечно грустное.

— Это Эстеръ Давенпортъ!—воскликнула вдругъ м-съ Гиллерсдонъ.—Ты описалъ ее точь-въ-точь какъ живую. Бѣдная

дѣвушка, гдѣ ты ее встрѣтилъ? Я думала, она уѣхала въ Австралію.

— Можетъ быть, только во снѣ. Но кто такая Эстеръ Давенпортъ?

— Развѣ ты не помнишь викарія Никкласа Давенпорта, человѣка, котораго твой отецъ нанялъ, не справившись, какъ слѣдуетъ, съ его антецедентами и характеромъ, положившись на его наружность и прекрасныя манеры и очевидное превосходство надъ общимъ уровнемъ церковниковъ,—человѣка съ большими богословскими знаніями, какъ говорилъ твой отецъ. Онъ былъ туторомъ сына лорда Рэнфильда, въ Кумберландѣ, и привезъ твоему отцу рекомендательное письмо отъ лорда Рэнфильда, но помѣченное семью годами раньше того, какъ онъ къ намъ пріѣхалъ. Ты знаешь, какъ твой отецъ мало подозрителенъ. Ему и въ голову не пришло, что человѣкъ этотъ могъ измѣниться съ тѣхъ поръ, какъ было написано письмо. Онъ пробылъ съ нами полтора года и къ концу этого времени его дочь вернулась изъ Ганновера, куда ее посылали на годъ выучиться нѣмецкому языку. Мы всѣ были поражены ея красотой и мягкими манерами.

— Да, да, теперь я помню. Я былъ дома, когда она пріѣхала. Какъ могъ я забыть? Она пришла разъ пить чай вмѣстѣ съ Лиліаной, когда я бродилъ по саду, и я поговорилъ съ ней минутъ пять, не болѣе, такъ какъ торопился на поѣздъ въ Экзетеръ. Я видѣлъ ее послѣ того только разъ—встрѣтился съ ней на морскомъ берегу разъ утромъ. Да, теперь я совсѣмъ припомнилъ это лицо... во всей его дѣвической свѣжести.

— Ей было только семнадцать лѣтъ, когда она пріѣхала изъ Германіи.

— А Давенпортъ сбился съ пути, превратился въ закоснѣлаго пьяницу, не правда ли?

— Это было невыразимо грустно. Онъ страдалъ запоемъ... и увѣрилъ твоего отца, что у него припадки эпилепсіи и такіе легкіе, что это не мѣшаетъ ему исполнять свои обязанности. Такъ продолжалось годъ; но вотъ однажды съ нимъ случился припадокъ въ церкви. Онъ казался такимъ страннымъ. Мы всѣ были поражены... но никто не догадывался о страшной истинѣ, пока въ одно воскресенье вечеромъ, съ мѣсяцъ послѣ того, какъ его дочь вернулась изъ Германіи, онъ не подошелъ къ каѳедрѣ шатаясь, хватаясь за балюстраду, и не началъ проповѣди въ самыхъ дикихъ выраженіяхъ, съ богохульствомъ и истерическимъ хохотомъ. Отцу твоему пришлось, при помощи одного изъ церковныхъ старостъ, силою удалить его съ каѳедры. Онъ былъ со-

всѣмъ какъ безумный, но онъ былъ пьянъ, Джерардъ, пьянъ, и въ этомъ была вся бѣда. Онъ пилъ водку или принималъ хлоралъ—то одно, то другое, попеременно—въ продолженіе многихъ лѣтъ. Онъ былъ тайный пьяница, этотъ ученый, умный человѣкъ, получившій высшую степень въ Оксфордѣ и котораго Оксфордъ считалъ однимъ изъ своихъ свѣтилъ.

— Что съ нимъ сталось послѣ того?

— Ему, конечно, пришлось разстаться съ нами, и такъ какъ отецъ твой не смѣлъ никому его рекомендовать, и притомъ объ его скандальномъ поведеніи разнеслось по всей епархіи, то нельзя было надѣяться на дальнѣйшее пребываніе его въ церкви. Отецъ твой очень жалѣлъ его и далъ ему небольшую сумму денегъ на то, чтобы эмигрировать. Его бывшій ученикъ, лордъ Уольверли, также помогъ ему, и старые университетскіе товарищи, и онъ съ дочерью отправился въ Мельбурнъ. Я ѣздила провожать ихъ въ Плимутъ: мнѣ такъ было жаль бѣдную дѣвушку, и кромѣ того отецъ твой и другіе желали убѣдиться, что Давенпортъ дѣйствительно эмигрируетъ: онъ способенъ былъ дать кораблю отплыть безъ себя. Они отправились на парусномъ суднѣ, биткомъ набитомъ эмигрантами. Они ѣхали во второмъ классѣ, и я какъ теперь вижу ее подъ-руку съ отцомъ, на палубѣ, въ то время, какъ отецъ махалъ мнѣ платкомъ. Она была блѣдна и худа, но очаровательна. Я не могла не думать о томъ: какъ иначе сложилась бы ея жизнь, будь у нея порядочные и состоятельные родители. И однако, я знаю, что она обожала своего несчастнаго отца.

— Да, очаровательна, безспорно, — задумчиво проговорилъ Джерардъ.—И ѣхать въ новый свѣтъ на эмигрантскомъ кораблѣ съ пьянымъ старикомъ, единственнымъ покровителемъ и опорой! Тяжкая доля для очаровательной красавицы, не правда ли, мама? А теперь, я думаю, она въ Лондонѣ и умираетъ съ голоду, добывая скудное пропитаніе работой на швейной машинѣ.

— Но откуда ты это знаешь, когда ее ты совсѣмъ не узналъ?

— Вѣдь я сказалъ, что видѣлъ ее во снѣ, — отвѣчалъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.—Но знаете, мама, я хочу разыскать эту дѣвушку и помочь ей!

— Тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ея жизнь, Джерардъ; это можетъ плохо кончиться.

— О, мама, вотъ вы уже и въ страхѣ! Можно подумать, что я Мефистофель или Фаустъ, тогда какъ я только желаю облегчить положеніе сиротливой дѣвушки. Эстеръ Давенпортъ! Я помню теперь, какою хорошенькой я находилъ ее, но я такъ же мало былъ влюбленъ въ нее, какъ въ Венеру Капитолійскую.

Странно, что я не вспомнилъ ея лица, пока вы мнѣ не помогли!

Онъ вернулся въ домъ вмѣстѣ съ матерью и прошелъ въ свою комнату, которую занималъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтской. Комната была въ порядкѣ. Старая нянюшка, которую онъ дразнилъ въ былое каникулярное время, распорядилась, чтобы комнату провѣтрили, вымели и внесли его саквояжъ и привели въ порядокъ туалетный столъ, прежде чѣмъ прозвонитъ колоколъ, призывающій къ обѣду.

Въ комнатѣ царствовалъ запахъ лавенды и сухихъ розъ вмѣстѣ съ какими-то особенными остъ-индскими духами, доставшимися въ наслѣдство ихъ фамиліи съ материнской стороны, такъ какъ ея родичи были высокопоставленные чиновники въ Индіи въ теченіе полустолѣтія.

Этотъ оригинальный запахъ, съ которымъ связана была для него домашняя атмосфера, напомнилъ ему дѣтство.

Ректоръ выслушалъ извѣстія о неожиданной перемѣнѣ въ судьбѣ сына сначала съ недовѣріемъ, а затѣмъ съ удовольствіемъ, пополамъ съ какимъ-то страхомъ.

— Вся эта исторія такъ удивительна, что кажется прямо невѣроятной, Джерардъ. Но если это правда, то тебѣ выпала на долю такая удача, о какой я и не слыхивалъ: получить наслѣдство отъ старика безъ всякихъ происковъ и ухаживаній за нимъ при его жизни... получить два милліона фунтовъ стерлинговъ единственно по милости Провидѣнія!

Ректоръ былъ отнюдь не эгоистъ и очень снисходительный отецъ, терпѣливо переносившій безразсудство и мотовство сына, но и онъ сразу понялъ, что это неожиданное богатство дастъ ему возможность съ комфортомъ и даже роскошно прожить на старости лѣтъ и освободитъ отъ финансовыхъ заботъ. Приходъ давалъ ему семьсотъ фунтовъ въ годъ, да у него съ женой было своего дохода около четырехъ сотъ фунтовъ; а не легко человѣку хорошей фамиліи и съ утонченными вкусами жить на доходъ въ тысячу сто фунтовъ въ годъ, въ особенности когда онъ ректоръ сельскаго прихода, гдѣ низшіе чины привыкли обращаться къ нему за помощью, а сосѣднее джентри желаетъ, чтобы онъ принималъ участіе во всѣхъ ихъ спортахъ и пріемахъ.

Джерардъ пробылъ съ своими родными только два дня. Долѣе онъ не могъ пребывать въ бездѣйствіи, такъ какъ имъ овладѣло понятное безпокойство человѣка, въ жизни котораго произошла внезапная и удивительная перемѣна и онъ спѣшитъ поскорѣе испытать свое счастіе.

Отецъ, мать и сестра охотно удержали бы его долѣе въ своемъ сельскомъ раю, а Барбара Веръ, узнавъ объ его наслѣдствѣ, пустила въ ходъ всю силу своего очарованія, чтобы приковать его къ себѣ. Садъ и холмы, деревенскія тропинки и лѣтнее море навѣвали покой и забвеніе суеты мірской... но молодой человѣкъ, которому только-что свалилось съ неба наслѣдство, такъ же не удовлетворится мирнымъ прозябаніемъ въ саду, какъ и Ева. Онъ такъ же, какъ и Ева, стремится отвѣдать запретнаго плода.

— Я испыталъ, какова жизнь для человѣка, у котораго не бываетъ лишнихъ пяти фунтовъ въ карманѣ,—говорилъ Джерардъ сестрѣ;—я хочу узнать, какою жизнь представляется милліонеру. И когда я найму квартиру или куплю домъ и совсѣмъ устроюсь, ты должна пріѣхать ко мнѣ хозяйничать, Лиліана.

— Пустяки, милый. Ты женишься до конца года.

— Я не собираюсь жениться. Очень мало вѣроятно, чтобы я женился. Ты будешь хозяйкой у меня въ домѣ.

— Я не могу оставить маму... на долгое время, конечно.

— Съ теченіемъ времени она будетъ все болѣе и болѣе въ тебѣ нуждаться. Я, кажется, понимаю тебя, Лиліана. Этотъ высокій, некрасивый викарій, м-ръ Кумберлэндъ, не чуждъ твоимъ колебаніямъ?

— Развѣ ты находишь его такимъ дурнымъ?—спросила Лиліана, съ смущеннымъ взглядомъ.

— Я не говорю, что онъ дуренъ. Но, конечно, онъ не красивъ. Его угловатый и выпуклый лобъ означаетъ, вѣроятно, что онъ очень уменъ.

— Онъ кончилъ курсъ пятымъ кандидатомъ и великолѣпный музыкантъ,—отвѣчала сестра.—Я бы желала, чтобы ты остался до воскресенья и послушалъ, чтò онъ сдѣлалъ изъ нашего хора.

— Если онъ добился, чтò хоръ поетъ въ тонъ, то онъ удивительный человѣкъ. Итакъ, онъ—то лицо, достоинства и доля котораго должны отразиться и на твоей судьбѣ, сестрица. Я не подозрѣвалъ объ этомъ, когда видѣлъ, какъ онъ вертѣлся около твоего фортепіано вчера вечеромъ. Я думалъ, что онъ годенъ только какъ pis aller. Я полагаю, что онъ какъ разъ того типа человѣкъ, какимъ восхищаются приходскія дѣвицы—высокій, атлетъ, съ красивыми глазами, темными густыми бровями, большими сильными руками, густыми, волнистыми волосами и могучимъ баритономъ. Я понимаю, что тебѣ нравится м-ръ Кумберлэндъ; но какъ думаетъ объ этомъ гòвернеръ?

— Папа совсѣмъ не думаетъ,—отвѣчала Лиліана наивно.—

Джекъ очень хорошей фамиліи, но долженъ получить приходъ, прежде нежели мы женимся.

— Онъ получитъ приходъ, если достоинъ моей сестры,—сказалъ Джерардъ.—Деньгами можно купить много приходовъ... мы доставимъ ему цѣлую кучу приходовъ.

— О, Джерардъ, онъ совсѣмъ не такого сорта человѣкъ. У него очень твердыя понятія о долгѣ. Ему бы хотѣлось получить большой приходъ въ приморскомъ портѣ, гдѣ было бы много дѣла. Его способности пропадаютъ даромъ въ такомъ захолустьѣ, какъ здѣшнее, хотя всѣ прихожане обожаютъ его. Папа сознается, что у него не бывало лучшаго помощника.

— Милая моя энтузіастка, мы поищемъ большого прихода въ приморскомъ портѣ. Ты будешь ангеломъ-хранителемъ для матросовъ и ихъ женъ... будешь облегчать жестокую долю людей въ людномъ городѣ и, быть можетъ, въ награду я услышу когда-нибудь, что мужъ моей сестры заразился тифомъ, а она слегла, ухаживая за нимъ.

VII.

Джерардъ вернулся въ Лондонъ; но какъ ни хотѣлось ему ѣхать туда, а онъ съ сожалѣніемъ простился съ матерью и направилъ стопы въ столицу. Его краткій визитъ домой былъ промежуткомъ отдыха въ жизни, которая была въ послѣднее время само безпокойство. Ему думалось, что peau de chagrin врядъ-ли съузилась на волосокъ въ эти часы спокойной привязанности, мирной бесѣды и размышленій безъ волненія и тревоги.

Вернуться назадъ къ м-съ Чампіонъ и ея кружку было то же, что вернуться на край вулкана. Жажда тратить деньги овладѣла имъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать что-нибудь съ тѣми деньгами, располагать какими никогда не смѣлъ бы и мечтать.

Онъ прямо проѣхалъ съ Ватерлооской станціи въ Линкольнсъ-Иннъ и просмотрѣлъ списокъ своего имущества вмѣстѣ съ м-ромъ Кранберри, маленькимъ, сухенькимъ старичкомъ, которому чужда была торжественность и елейность его младшаго партнера, м-ра Крафтона.

Можно было впередъ сказать, что въ то время, какъ м-ръ Крафтонъ жилъ въ красивой „виллѣ“ въ Сурбитонѣ, ростилъ персики и гордился своими конюшнями и садомъ, м-ръ Кранберри довольствовался мрачнымъ жилищемъ въ одномъ изъ скверовъ Бломсберри и ограничивалъ свою гордость нѣсколькими картинами

голландской школы, простой, но порядочной кухаркой и погребомъ съ портвейномъ и старымъ остъ-индскимъ хересомъ.

Отъ этого джентльмена Джерардъ Гиллерсдонъ узналъ, вмѣстѣ съ различными подробностями, главный фактъ, а именно: что его капиталъ превосходитъ два милліона фунтовъ стерлинговъ и даетъ четыре съ половиной процента, а ежегодный доходъ равняется девяноста тысячамъ фунтовъ стерлинговъ.

Онъ поблѣднѣлъ при одномъ названіи такой суммы. Этого было слишкомъ много; и такое богатство, свалившееся на голову съ такой же неожиданностью и внезапностью, какъ землетрясеніе или апоплексическій ударъ, казалось почти зловѣщимъ. Размѣръ капиталовъ подавлялъ его, но онъ тѣмъ не менѣе вовсе не испытывалъ желанія сократить ихъ путемъ благотворительности на широкую ногу.

Онъ не испытывалъ ни малѣйшаго желанія надѣлить лондонскихъ нищихъ жилищами или столовыми.

— Дайте мнѣ немедленно нѣсколько тысячъ!—сказалъ онъ.—Откройте мнѣ кредитъ въ банкѣ Мильфордъ! Дайте мнѣ почувствовать, что я богатъ.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ м-ръ Кранберри, и затѣмъ объяснилъ, что необходимы нѣкоторыя предварительныя формальности, которыя онъ выполнитъ немедленно, если его кліентъ согласенъ заняться этимъ дѣломъ теперь же.

Оба отправились въ банкъ. Кранберри открылъ кредитъ своему кліенту, внеся собственный чекъ на пять тысячъ фунтовъ, и клеркъ подалъ м-ру Гиллерсдону книжку съ чеками.

Первымъ его дѣломъ, вернувшись къ себѣ на квартиру, было написать чекъ на тысячу фунтовъ, на имя достопочтеннаго ректора Эдуарда Гиллерсдона и запечатать его въ конвертъ вмѣстѣ съ коротенькой запиской къ матери:

„Попросите ректора купить Лиліанѣ другого пони взамѣнъ бѣднаго Тини Тимъ, который сталъ слишкомъ часто уже спотыкаться,—писалъ онъ,—и попросите его распорядиться остальной суммой, какъ ему будетъ угодно. Я пришлю вамъ подарокъ ко дню вашего рожденія, на будущей недѣлѣ. Увы! Я пропустилъ этотъ день въ прошломъ году и даже не прислалъ вамъ поздравительной карточки".

Было слишкомъ поздно, чтобы искать уже сегодня себѣ новое помѣщеніе, а потому онъ отправился къ м-съ Чампіонъ, но та уѣхала на станцію Чарингъ-Кроссъ встрѣчать мужа по возвращеніи его съ континента, а потому онъ отправился къ Роджеру

Ларозу, такъ какъ его всегда можно было застать дома въ это время.

— Я слышалъ, что вы разбогатѣли,—сказалъ Ларозъ.—Вы хотѣли скрыть это, но эти вещи всегда узнаются.

— Кто сказалъ вамъ?

— Никто. Это носится въ воздухѣ. Кажется мнѣ, что я прочиталъ объ этомъ entre-filet въ „Hesperus". Тамъ всегда такіе entrefilet. Поздравляю васъ. Вамъ много досталось денегъ?

— Да, довольно-таки. Пріятелямъ всегда можно занять у меня пять фунтовъ, когда имъ понадобится.

— Благодарю, милый Джерардъ. Я это приму къ свѣденію. А что же вы теперь намѣрены дѣлать? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ будете по прежнему водиться съ нами и не перемѣните кружокъ знакомыхъ?

— Кружокъ моихъ знакомыхъ всегда казался мнѣ наипріятнѣйшимъ, но только я намѣренъ обставить себя болѣе комфортабельно. Посовѣтуйте мнѣ, Ларозъ, какъ архитекторъ и человѣкъ со вкусомъ: нанять мнѣ квартиру въ Альбани или купить себѣ домъ съ садомъ?

— Купить домъ, всенепремѣнно! Альбани устарѣлъ; онъ отзывается Пельгамомъ и Коннингсби. Вы должны пріобрѣсти домъ на южной сторонѣ Гайдъ-Парка, домъ съ садомъ, обнесеннымъ стѣной. Такихъ уже немного теперь остается, и вашъ будетъ стоить баснословно дорого. Это уже само собой разумѣется. Вы должны пригласить академика расписать свои стѣны. Президентъ на это не согласится, но вы должны непремѣнно залучить академика.

— Благодарю; у меня свои собственныя понятія объ отдѣлкѣ и меблировкѣ.

— И вы не желаете академика? Удивительный молодой человѣкъ! Но какъ бы то ни было, а садъ всего важнѣе, — садъ, въ которомъ вы можете принимать гостей, задавать завтраки или обѣдать tête-à-tête съ избранными друзьями. Въ Лондонѣ первое дѣло съ точки зрѣнія шика — это собственный садъ. Садитесь и тотчасъ же пишите письмо агентамъ по продажѣ и покупкѣ домовъ, гг. Барлей и Меннетъ. Да, эта фирма — самая подходящая. Объясните имъ подробно, что вамъ требуется.

Письмо было написано подъ диктовку Лароза: требуется домъ такихъ-то и такихъ-то размѣровъ, между Найтъ-Бриджъ и Альбертъ-Голлъ; большія конюшни, но не слишкомъ близко отъ дому; садъ, величиной по меньшей мѣрѣ въ одинъ акръ безусловно необходимъ.

Отвѣтъ гг. Барлей и Меннетъ пришелъ на другое утро въ одиннадцать часовъ. Они съ удовольствіемъ извѣщали, что по счастливой случайности, а именно: внезапной смерти одного кліента и отъѣзда его вдовы на континентъ, они располагаютъ точь-въ-точь такимъ домомъ и садомъ, какіе требуются м-ру Гиллерсдону.

Такіе дома очень рѣдки,—гг. Б. и М. просятъ м-ра Г. принять это во вниманіе; они такъ же драгоцѣнны и рѣдки въ своемъ родѣ, какъ кохинуръ или бриллiантъ Питта. Цѣна ему—тридцать тысячъ фунтовъ, очень умѣренная при существующихъ обстоятельствахъ; срокъ аренды семьдесятъ-три года съ четвертью. Ежегодная земельная рента двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ. Аукціонеры приложили карточку съ видомъ дома, и Гиллерсдонъ немедленно отправился посмотрѣть, соотвѣтствуетъ ли домъ ихъ описанію.

Очутившись на Пиккадилли, онъ подумалъ, что попроситъ Эдиту Чампіонъ съѣздить вмѣстѣ съ нимъ поглядѣть домъ. Такое вниманіе ей, безъ сомнѣнія, понравится; его глухо упрекала совѣсть за нѣкоторыя невниманія къ ней, хотя онъ и ѣздилъ къ ней наканунѣ. Безъ сомнѣнія, при прежнихъ условіяхъ онъ бы вернулся къ ней опять вечеромъ, вмѣсто того, чтобы блуждать изъ театра въ концертный залъ, а изъ концертнаго зала въ послѣполуночный клубъ вмѣстѣ съ Роджеромъ и Ларозомъ.

У дверей м-съ Чампіонъ стояло два экипажа: викторія и двухконный кабріолетъ: необычное обстоятельство въ виду ранняго часа.

Джерарду пришло въ голову, что экипажи похожи на докторскіе, и ему вдругъ стало страшно.

Неужели что-нибудь случилось? Неужели женщина, которую онъ видѣлъ во всемъ блескѣ здоровья и красоты такъ еще недавно, внезапно заболѣла?

Онъ спросилъ слугу, явившагося на его звонокъ:—Не больна ли м-съ Чампіонъ?

— Нѣтъ, сэръ, не м-съ Чампіонъ,—отвѣчалъ слуга торопливо,—но м-ръ Чампіонъ заболѣлъ и при немъ теперь два доктора. Не желаете ли пройти въ гостиную, сэръ? Милэди въ библіотекѣ вмѣстѣ съ докторами, но вѣроятно пожелаетъ васъ видѣть.

— Да, я подожду. Я надѣюсь, что м-ръ Чампіонъ не серьезно боленъ?

— Нѣтъ, сэръ, только общее недомоганье. Онъ уже давно жалуется на нездоровье. М-ръ Чампіонъ въ лѣтахъ, сэръ, какъ вамъ извѣстно,—прибавилъ буфетчикъ, пользуясь привилегіей довѣреннаго слуги.

Въ лѣтахъ? Да, Джемсъ Чампіонъ несомнѣнно былъ уже немолодъ, но до сихъ поръ Джерарду никогда не приходило въ голову, что онъ можетъ умереть и Эдита станетъ свободна.

Этого человѣка какъ будто охраняло богатство, и болѣзнь или смерть, казалось, такъ же мало могли его постичь, какъ и мѣшокъ съ деньгами.

Джерарда провели въ гостиную съ тропическими растеніями и цвѣтами, раскиданными по столамъ, въ мягкомъ полусвѣтѣ. Въ комнатахъ м-съ Чампіонъ никогда не бывало очень свѣтло и лучи солнца пропускались лишь сквозь шторы и занавѣси.

Джерардъ пробылъ въ гостиной минутъ двадцать и уже начиналъ терять терпѣніе, когда портьера раздвинулась и Эдита Чампіонъ вошла въ комнату въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и съ такимъ же бѣлымъ лицомъ.

Она медленно подходила къ нему, когда онъ шелъ ей на встрѣчу,—глядя на него съ странной серьезностью.

— Какъ вы блѣдны! — сказалъ онъ. — Я былъ пораженъ, услышавъ о нездоровьѣ м-ра Чампіона. Надѣюсь, что нѣтъ ничего серьезнаго?

— Нѣтъ, онъ серьезно боленъ, очень серьезно!—сказала она и закрыла лицо руками, между тѣмъ какъ слезы полились сквозь пальцы, унизанные перстнями. — Я все думаю, какъ онъ былъ добръ ко мнѣ, какъ щедръ, какъ снисходителенъ, и какъ мало я была ему за то благодарна!—продолжала она съ неподдѣльнымъ чувствомъ. — Меня беретъ раскаяніе, когда я подумаю о своей замужней жизни.

— Моя милая Эдита, — отвѣчалъ онъ, беря ее за руку: — право же вы къ себѣ несправедливы. Вы ничего не сдѣлали такого, чего бы вамъ слѣдовало стыдиться.

— Я всегда старалась такъ думать, стоя на колѣняхъ въ церкви, — сказала она. — Я убѣждала себя, что ни въ чемъ не виновата. И дѣйствительно, въ сравненіи съ жизнью другихъ женщинъ мнѣ знакомыхъ, моя жизнь казалась безупречной. Но теперь я знаю, что я была дурная жена.

— Помилуйте, Эдита, вы никогда не преступали своихъ обязанностей. Нѣтъ позора въ нашей дружбѣ. Естественно, что вы и я, будучи оба молодыми и когда-то влюбленными другъ въ друга людьми, находили удовольствіе въ обществѣ одинъ другого. М-ръ Чампіонъ видалъ насъ вмѣстѣ и никогда ничего дурного не подозрѣвалъ.

— Нѣтъ; онъ совсѣмъ неспособенъ къ ревности или подозрительности. Быть можетъ, потому, что въ сущности никогда

не любилъ меня по настоящему; но онъ всегда былъ добръ и снисходителенъ, готовъ исполнить мой малѣйшій капризъ. И теперь я чувствую, что была холодна и неблагодарно равнодушна къ его чувствамъ и наклонностямъ и жила какъ эгоистка.

— Милая Эдита, увѣряю васъ, что ваши угрызенія совѣсти напрасны. Вы были превосходной женой м-ру Чампіону... Вѣдь онъ не изъ сантиментальныхъ людей, и романическая привязанность могла бы ему только наскучить. Но неужели же дѣло такъ серьезно? Неужели вашъ мужъ опасно боленъ?

— Онъ безнадеженъ. Онъ можетъ еще прожить годъ, много два. Онъ знаетъ, что здоровье его плохо, и посовѣтовался съ докторомъ въ Брюсселѣ, и тотъ только разстроилъ его своими дурными предсказаніями. Онъ вернулся домой очень встревоженный и прошлымъ вечеромъ послалъ за своимъ домашнимъ врачомъ, и пригласилъ для консультаціи на сегодняшнее утро одного спеціалиста. Оба доктора сказали мнѣ тѣ, чего не посмѣли сказать мужу. Они утѣшали его, бѣдняжку, но мнѣ они сказали правду. Онъ не проживетъ долѣе двухъ лѣтъ. Все, что̀ ихъ наука можетъ сдѣлать, все, что̀ цѣлебные источники и горный воздухъ, и строгій режимъ, и заботливый уходъ могутъ дать — это продлить его жизнь на годъ или два. Ему всего только пятьдесятъ-девять лѣтъ, Джерардъ, и онъ много потрудился, чтобы пріобрѣсти богатство. Ему тяжело умирать такъ рано.

— Умирать всегда тяжело,—отвѣтилъ Джерардъ неопредѣленно.—Я никогда не думалъ, чтобы м-ръ Чампіонъ могъ умереть, не проживъ до глубокой смерти.

— И я тоже,—сказала Эдита:—Богу извѣстно, что я никогда не разсчитывала на его старость.

Наступило молчаніе и они въ смущеніи просидѣли нѣкоторое время,—она съ блѣдными щеками, орошенными слезами и сложенными на колѣняхъ руками, оба—чувствуя, какъ затруднительно ихъ положеніе.

— Извѣстіе о вашемъ богатствѣ дѣйствительно оказалось вѣрнымъ?—спросила она послѣ долгой паузы.

— Да, вѣрно. Я самъ начинаю вѣрить. Я пріѣхалъ сегодня поутру просить васъ помочь мнѣ выбрать себѣ домъ.

— Вы покупаете домъ!—вскричала она.—Это значитъ, вы собираетесь жениться!

— Нисколько. Почему же холостому человѣку не жить въ собственномъ домѣ?

— О, я боюсь, я боюсь!—прошептала она.—Я знаю, всѣ женщины станутъ за вами бѣгать. Я знаю, до чего онѣ могутъ

дойти въ погонѣ за богатымъ женихомъ. Джерардъ, мнѣ кажется, вы всегда любили меня... немножко, всѣ эти годы?

— Вы знаете, что я былъ вашимъ рабомъ!—отвѣчалъ онъ.—Не питая никакихъ надеждъ, которыя бы могли быть оскорбительны для м-ра Чампіона, я слѣпо обожалъ васъ... такъ же, какъ и тогда, когда вы измѣнили мнѣ.

— О, Джерардъ, я не измѣняла вамъ. Меня заставили выйти замужъ за м-ра Чампіона. Вы не можете вообразить, какое давленіе оказываютъ на молодую дѣвушку, когда она младшая въ семьѣ... Отецъ и мать читаютъ нотаціи, дядюшки, тетушки имъ поддакиваютъ, кузены и сестры вторятъ. Это—та нескончаемая капля воды, которая долбитъ камень. Они говорили мнѣ, что я испорчу вамъ жизнь такъ же, какъ и себѣ. Они рисовали мнѣ такія страшныя картины нашего будущаго... дрянныя меблированныя комнаты... изгнанія, можетъ быть, рабочій домъ... или хуже того... даже самоубійство. Я вспомнила про картину „Путь погибели", гдѣ изображенъ несчастный мужъ на чердакѣ, приготовляющійся застрѣлиться. Джерардъ, я представила себѣ васъ въ видѣ этого разорившагося и обнищавшаго человѣка, приготовляющимся къ самоубійству...

Джерардъ хитро улыбнулся, вспомнивъ, какъ всего лишь нѣсколько дней тому назадъ задумывалъ и даже рѣшилъ произвести это послѣднее дѣйствіе трагедіи неудачника.

Эдита Чампіонъ встала въ волненіи и безпокойно заходила по комнатѣ. Вдругъ она остановилась передъ Джерардомъ, который взялъ шляпу и трость, собираясь уходить.

— Повторите мнѣ еще разъ, что вы не намѣреваетесь жениться... пока...—сказала она съ лихорадочнымъ жаромъ.

— Повѣрьте мнѣ, что я и не думаю объ этомъ.

— И я вамъ не надоѣла? я все еще для васъ такъ же дорога, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мы были помолвлены?

— Вы были и остались всѣмъ, что̀ есть для меня самаго дорогого въ свѣтѣ,—нѣжно сказалъ онъ.

— Если такъ, то обѣщайте мнѣ одно, Джерардъ. Если это правда... если я дѣйствительно ваша единственная любовь, то вамъ не трудно будетъ обѣщать...

Она запнулась и, подойдя ближе, положила дрожащую руку ему на плечо и взглянула на него заплаканными глазами.

— Что же вамъ обѣщать, дорогая?

— Что вы ни на комъ не женитесь... что вы подождете... пока я буду свободна. О, Джерардъ! не считайте меня жесто-

кой отъ того, что я разсчитываю на неизбѣжное. Я намѣрена исполнить свой долгъ относительно мужа; я намѣрена быть лучшей женой, чѣмъ была до сихъ поръ, не такой эгоисткой, менѣе преданной свѣтскимъ удовольствіямъ, роскоши и выѣздамъ; буду больше заботиться о немъ и объ его комфортѣ. Но конецъ долженъ наступить скоро. Доктора сказали мнѣ, что я должна къ этому приготовиться. Онъ можетъ умереть скоропостижно... можетъ еще протянуть два года. Но я не буду еще старой черезъ два года, — прибавила она, улыбаясь сквозь слезы, — и надѣюсь, что не очень подурнѣю. Обѣщаете мнѣ?

— Охотно, Эдита, еслибы даже пришлось ждать десять лѣтъ вмѣсто двухъ.

— Обѣщаетесь?

— Да, обѣщаюсь.

— Дайте клятву. Скажите, что вы будете вѣрны мнѣ и поклянатесь всѣмъ, что̀ вамъ дорого въ здѣшнемъ и будущемъ свѣтѣ, какъ честный человѣкъ.

— Какъ честный человѣкъ, я женюсь на васъ и ни на комъ иномъ. Довольны ли вы?

— Да, да!—истерически вскричала она.—Я довольна. Ничто иное не могло бы меня успокоить. Я мучилась съ той минуты, какъ услышала о томъ, что вы разбогатѣли. Я возненавидѣла бѣднаго старика, благодарности котораго вы обязаны милліонами. Но теперь я могу быть спокойна; я слѣпо вѣрю вашей чести и могу теперь посвятить себя уходу за мужемъ, не тревожась насчетъ будущаго. Мы не будемъ теперь видѣться такъ часто, какъ прежде, можетъ быть. Я буду меньше выѣзжать; жизнь моя будетъ не такъ пуста; но вы останетесь по прежнему l'ami de la maison, не правда ли? Я буду видѣть васъ чаще, чѣмъ кого бы то ни было?

— Вы будете меня видѣть такъ часто, какъ того пожелаете, вы или м-ръ Чампіонъ. Но скажите мнѣ, что̀ съ нимъ. Сердце у него не въ порядкѣ, да?

— О, это сложная болѣзнь. Слабое сердце, переутомленный мозгъ, расположеніе къ подагрѣ и другія осложненія. Вы знаете, какой онъ сильный, дюжій на видъ человѣкъ. Ну вотъ онъ въ родѣ крѣпости, которая давно уже минирована и можетъ каждую минуту рухнуть. Доктора говорили много такого, чего я не понимаю, но главный фактъ слишкомъ ясенъ. Онъ—осужденный человѣкъ.

— Знаетъ ли онъ это? сказали ли они ему?

— И половины не сказали того, что̀ мнѣ. Его неслѣдуетъ

тревожить. Главная бѣда произошла отъ переутомленія, отъ наслѣдственнаго напряженія силъ въ погонѣ за богатствомъ... И пока онъ тратилъ жизнь на пріобрѣтеніе денегъ, я такъ безразсудно мотала ихъ! Меня грызетъ совѣсть, когда я подумаю, что тратила не деньги, но жизнь моего мужа.

— Дорогая Эдита, это его métier; его единственное удовольствіе и желаніе—наживать деньги, а что касается вашего мотовства, то оно было ему по вкусу. Менѣе великолѣпная и дорогая жена ему бы не понравилась.

— Да, это правда. Онъ постоянно поощрялъ меня тратить деньги. Но все же это грустно. Онъ не зналъ, что деньги—это его плоть и кровь. Онъ по каплѣ расточалъ ее.

— Мы всѣ тратимъ жизнь, когда живемъ, Эдита,—отвѣтилъ мрачно Джерардъ.—Всѣ сильныя страсти поѣдаютъ насъ. Мы не можемъ сильно чувствовать и жить долго. Вы знаете повѣсть Бальзака: „La peau de chagrin?"

— Да, да; страшная и печальная повѣсть.

— Не болѣе какъ аллегорія, Эдита. Мы всѣ живемъ, какъ жилъ Рафаэль де Валентэнъ, хотя у насъ и нѣтъ талисмана, который бы отмѣчалъ убыль лѣтъ. Прощайте. Вы съѣздите со мной и поможете въ выборѣ дома, не правда ли?

— Да, черезъ нѣсколько дней. Когда я оправлюсь отъ сегодняшняго удара.

Онъ вышелъ на улицу, залитую солнцемъ, въ волненіи, но отнюдь не несчастный.

Для него былъ облегченіемъ выходъ изъ сомнительнаго и далеко не отраднаго положенія, какое онъ до сихъ поръ занималъ относительно Эдиты.

Теперь онъ связалъ себя съ нею на всю жизнь, такъ же неразрывно, какъ еслибы обручился передъ алтаремъ. Для честнаго человѣка данное слово ненарушимо. Ничто кромѣ позора или смерти не могло освободить его отъ даннаго обѣщанія. Но онъ не жалѣлъ о немъ. Оно только скрѣпило узы, давно уже наложенныя имъ на самого себя. Эта женщина все еще была для него самой дорогой изъ всѣхъ женщинъ, и онъ охотно связалъ себя съ нею.

VIII.

Агенты по найму домовъ оказались добросовѣстнѣе, чѣмъ ихъ собратья вообще, и домъ, который м-ра Гиллерсдона пригласили осмотрѣть, ближе подходилъ къ ихъ описанію, чѣмъ это вообще бываетъ.

Конечно, онъ не вполнѣ удовлетворялъ его потребностямъ, но это было дѣло поправимое, и домъ стоялъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ съ каждымъ днемъ труднѣе найти себѣ жилище.

То былъ старинный домъ нѣсколько мрачнаго вида, такъ какъ садъ, окруженный высокими стѣнами, былъ очень тѣнистый. Но Джерарду нравился его угрюмый и пустынный видъ, который оттолкнулъ бы многихъ другихъ. Онъ на другой же день заключилъ контрактъ съ владѣльцемъ и заставилъ Роджера Лароза немедленно приступить къ исправленіямъ, согласно его плану.

Домъ принадлежалъ къ той эпохѣ, когда фасады всѣхъ роскошныхъ домовъ были итальянскіе, и Джерардъ настаивалъ, чтобы итальянскій стиль былъ строго проведенъ во всемъ.

— Главное, чтобы не было смѣси различныхъ стилей,—говорилъ онъ,—и пуще всего фламандскаго и якобитскаго; эти школы устарѣли. Пусть будетъ легкій и граціозный портикъ, но въ строгомъ стилѣ, и пусть будетъ громадная зала въ первомъ этажѣ между двумя новыми флигелями, которые вы пристроите и изъ которыхъ каждый будетъ состоять только изъ одного покоя: билліардной комнаты съ одной стороны и концертнаго зала съ другой.

Восхищенный Ларозъ увѣрялъ своего кліента, что итальянская школа—его страсть и что ему также надоѣли готическіе башни и углы, и фламандскіе куполы и фламандская прилизанность, неправильно приписываемые королевѣ Аннѣ. Онъ представилъ свои планы Гиллерсдону, и на бумагѣ новый фасадъ и флигеля казались очаровательными.

Джерардъ просилъ поторопиться.

— Я хочу, чтобы домъ былъ готовъ до ноября мѣсяца,—заключилъ онъ.

Роджеръ Ларозъ говорилъ, что врядъ-ли это возможно, такъ какъ передѣлки слишкомъ капитальныя для такого короткаго срока.

— Все возможно для энергическаго человѣка, располагающаго большими деньгами,—отвѣчалъ Джерардъ.—Если вашъ планъ невыполнимъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, то онъ безполезенъ. Я займу домъ, какъ онъ есть.

Заказъ былъ слишкомъ выгодный, и Ларозъ обѣщалъ сдѣлать невозможное.

— Я не думаю, чтобы кто-нибудь до сихъ поръ могъ выполнить нѣчто подобное, развѣ только для Аладдина!—сказалъ онъ.

— Считайте меня Аладдиномъ, если хотите; но сдѣлайте, что я хочу.

Садъ особенно интересовалъ Джерарда. Садовникъ, котораго онъ пригласилъ и который гонялся пуще всего за живописностью,

хотѣлъ срубить по меньшей мѣрѣ половину деревьевъ—ясеней и каштановъ, болѣе нежели столѣтнихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они затемняютъ домъ, и что гладкія лужайки и геометрическія клумбы цвѣтовъ лучше, чѣмъ раскидистыя деревья, подъ которыми никакой дернъ не можетъ рости.

Джерардъ не хотѣлъ пожертвовать ни однимъ деревомъ.

— Вы будете сажать свѣжій дернъ въ началѣ апрѣля ежегодно,—говорилъ онъ,—и при заботливомъ уходѣ онъ у насъ проживетъ до конца іюля.

Садовникъ согласился и почувствовалъ, что новый кліентъ заслуживаетъ особеннаго уваженія.

— И вы должны доставлять мнѣ пальмы и апельсинныя деревья, рододендроны и другія декоративныя растенія, смотря по сезону. Уходъ за ними будетъ предоставленъ вполнѣ вамъ.

— Точно такъ, сэръ, я понимаю васъ. Лугъ очень стѣсненъ этими высокими деревьями, но вы выставите красивый рядъ апельсинныхъ деревьевъ въ кадкахъ, рододендроновъ въ цвѣту и высокихъ пальмъ около портиковъ и на лужайкѣ и вы сохраните ваши ясеневыя рощи, которыя, конечно, весьма замѣчательная вещь въ саду, находящемся такъ близко отъ Лондона.

По части отдѣлки и меблированія дома м-ръ Гиллерсдонъ прибѣгнулъ къ совѣтамъ человѣка, вдохновлявшаго вкусъ м-съ Чампіонъ. Источникъ этого вдохновенія былъ позабытъ черезъ годъ или два, и м-съ Чампіонъ воображала, что сама создала свою обстановку. Но когда м-ръ Гиллерсдонъ спросилъ ея мнѣнія насчетъ того, какъ ему лучше отдѣлать свой домъ, она посовѣтовала ему обратиться къ м-ру Каллащеру, джентльмену, спеціальность котораго заключалась въ изящномъ убранствѣ домовъ для людей, у которыхъ хватало денегъ на выполненіе его идеала.

— У каждаго, конечно, свой вкусъ,—говорила Эдита Чампіонъ.—У меня были самыя оригинальныя мысли по части убранства гостиной и будуара, но я нашла, что очень трудно ихъ привести въ исполненіе. Ремесленники такъ тупы. М-ръ Каллащеръ мнѣ много помогъ своими рисунками и совѣтами. Я бы на вашемъ мѣстѣ обратилась къ нему.

Джерардъ послушался совѣта и отправился къ м-ру Каллащеру, о которомъ Ларозъ говорилъ, что онъ единственный человѣкъ въ Лондонѣ, у котораго есть вкусъ въ дѣлѣ мебели.

Этому джентльмену Джерардъ очень коротко высказалъ свои желанія.

— Мой домъ будетъ въ строго итальянскомъ стилѣ и я же-

лаю отдѣлать его такъ, какъ еслибы это была вилла между Флоренціей и Фіезоле и еслибы я былъ Лоренцо ди-Медичи.

— А расходы такое же второстепенное дѣло, какъ еслибы вы были однимъ изъ Медичи?

— Тратьте денегъ, сколько угодно, лишь бы отдѣлка не бросалась въ глаза. Я неожиданно разбогатѣлъ и не хочу, чтобы на меня указывали пальцами, какъ на nouveau riche.

— Вашъ домъ будетъ отдѣланъ съ скрытымъ великолѣпіемъ, которое заставитъ думать, что вы происходите отъ флорентинскихъ предковъ. Ничто не будетъ бросаться въ глаза и напоминать о недавнемъ богатствѣ.

— Вы, очевидно, художникъ, м-ръ Калландеръ. Постарайтесь осуществить артистическій идеалъ во всей чистотѣ. Но помните, пожалуйста, что есть двѣ комнаты въ первомъ этажѣ, налѣво отъ лѣстницы, которыя я хочу отдѣлать самъ и для которыхъ вамъ ничего не нужно покупать.

Наступила половина іюля и Лондонъ сталъ пустѣть. Три недѣли тому назадъ трудно было перейти съ одной стороны Бондъ-Стрита на другую; теперь же пробираться по самымъ люднымъ улицамъ стало такъ же легко, какъ гулять по полямъ и лугамъ. Всѣ уѣзжали изъ города или собирались уѣзжать; обѣды и балы отходили въ вѣчность, кромѣ небольшихъ обѣдовъ, устроиваемыхъ для немногихъ избранныхъ въ переходное время.

Джерардъ обѣдалъ вчетверомъ въ Гертфордъ-Стритѣ. М-съ Грешамъ вернулась, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Лондонъ, послѣ двухнедѣльнаго строгаго исполненія своихъ обязанностей въ приходѣ мужа.

Онъ былъ викаріемъ въ курьезномъ старинномъ мѣстечкѣ въ Суффолькѣ. Этотъ городокъ когда-то былъ приморскимъ портомъ, но море давно ушло оттуда, быть можетъ, найдя его слишкомъ скучнымъ.

М-съ Грешамъ была въ восторгѣ отъ того, что видитъ снова м-ра Гиллерсдона, и онъ не могъ не замѣтить усиленную горячность ея чувствъ къ нему со времени его неожиданнаго богатства.

— Я надѣюсь, что вы забыли мою несвоевременную просьбу о новомъ придѣлѣ,—сказала она, присаживаясь на козетку, на которой онъ усѣлся, поговоривъ съ хозяиномъ дома.—Я знаю, что я слишкомъ поспѣшила, но еслибы вы видѣли нашу милую, старинную церковь, вы бы навѣрное ею заинтересовались. Знакомы ли вы съ церковной архитектурой Суффолька?

— Стыжусь сознаться, что это одна изъ отраслей моего образованія, которая была заброшена.

— Какая жалость! Наши восточныя англиканскія церкви такъ интересны. Быть можетъ, вы когда-нибудь посѣтите насъ въ Сандихолмѣ.

— Сандихолмъ—приходъ м-ра Грешама?

— Да, у насъ прелестнѣйшій старинный приходскій домъ и только одно худо, что много бываетъ клещей лѣтомъ. Но зато это неудобство вознаграждается нашими розами. У насъ известковая почва, знаете. Я надѣюсь, что вы пріѣдете какъ-нибудь въ субботу и проведете съ нами воскресенье. Вамъ понравится проповѣдь Алека, я знаю, и для маленькаго городка у насъ и хоръ не такъ дуренъ. Я занимаюсь съ нимъ два вечера въ недѣлю. Вы пріѣдете, м-ръ Гиллерсдонъ?

— Непремѣнно,—отвѣчалъ Джерардъ, въ полной увѣренности, что никогда этого не сдѣлаетъ.

Онъ не особенно внимательно слушалъ рѣчи этой лэди, такъ какъ мысли его были заняты м-ромъ Чампіономъ, который стоялъ на коврѣ у камина, спиной къ орхидеямъ, украшавшимъ каминъ и служившимъ плохой замѣной огня для человѣка анемичнаго.

Онъ дѣйствительно былъ дюжій и сильный на видъ человѣкъ, какимъ его описывала жена. Человѣкъ, самъ пробившій себѣ дорогу и долгіе годы работавшій для пріобрѣтенія богатства, рѣшительный, самодовольный, сдержанный человѣкъ, гордый своей удачей, убѣжденный въ своихъ достоинствахъ, ревность котораго не легко возбудить, но который можетъ оказаться свирѣпымъ, если его обмануть. Не такой человѣкъ, безъ сомнѣнія, чтобы посмотрѣть сквозь пальцы на измѣну жены.

Признаки болѣзни были совсѣмъ ничтожные. Легкая тѣнь подъ глазами и вокругъ топорнаго рта, осунувшіеся мускулы лица и мертвенность взгляда—вотъ и все, чѣмъ отмѣтилъ безпощадный недугъ свою жертву.

За обѣдомъ разговоръ шелъ больше о приближающемся отъѣздѣ. М-ръ и м-съ Чампіонъ уѣзжали въ Монтъ-Оріоль.

— Вы навѣстите насъ тамъ, Гиллерсдонъ, надѣюсь,—сказалъ Чампіонъ:—жена не можетъ обходиться безъ васъ; вы для нея почти такъ же необходимы, какъ ея комнатная собака.

— Да, вѣроятно, я побываю въ Монтъ-Оріолѣ. Я по природѣ нерѣшителенъ. Вы и м-съ Чампіонъ часто избавляли меня отъ скуки выбирать мѣсто для лѣтняго отдыха.

— А теперь, когда вы богаты, вы станете еще лѣнивѣе, должно быть.

— Честное слово, нѣтъ. Бѣдность меня парализировала, и необходимость писать ради куска хлѣба мѣшала мнѣ написать хорошій романъ.

— Вы когда-то написали такой, что онъ всѣхъ очаровалъ,— вмѣшалась м-съ Грешамъ, которая смутно помнила сюжетъ и врядъ-ли съумѣла бы назвать его заглавіе.

М-ръ Чампіонъ отправлялся въ клубъ послѣ обѣда. Онъ игралъ въ вистъ каждый вечеръ во время лондонскаго сезона, въ одномъ и томъ же клубѣ, если только не былъ вынужденъ сопровождать жену на какое-нибудь празднество. Онъ былъ очень молчаливый человѣкъ и никогда не любилъ особенно общества, хотя ему и нравилось жить въ роскошномъ домѣ съ красавицей-женой и задавать обѣды бомонду.

— Не засиживайся слишкомъ поздно, Джемсъ!—сказала ему жена заботливо, когда онъ промычалъ что-то про клубъ.—Докторъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы ты пораньше ложился спать.

— Еслибы докторъ надѣлилъ меня способностью спать, я больше цѣнилъ бы его совѣтъ,—отвѣчалъ Чампіонъ;—но не бойся, я вернусь домой къ одиннадцати часамъ.

Когда м-ръ Чампіонъ ушелъ, м-съ Грешамъ усадили за фортепіано въ маленькой гостиной, и Эдита съ Джерардомъ остались на дѣлѣ tête-à-tête. Кузина Роза любила музыку и въ особенности свою собственную.

Она заиграла „Capriccio“ Мендельсона, въ то время какъ собесѣдники подсѣли ближе къ верандѣ.

— Я много думала о васъ въ послѣднее время,—сказала Эдита съ тревогой въ голосѣ.

— Вы очень добры.

— Добра? не знаю. Это отъ меня не зависитъ. Еслибы я даже и не любила васъ больше, чѣмъ всѣхъ другихъ людей въ свѣтѣ, то странность нашего положенія невольно заставляла бы меня о васъ думать. У меня такія дикія мысли въ головѣ... но, можетъ быть, это потому, что я перечитала „Peau de chagrin“. Я почти забыла эту повѣсть. Какая ужасная книга!

— Нѣтъ, нѣтъ, Эдита, великолѣпная книга, полная глубочайшей философіи.

— Нѣтъ, полная одного только мрака. Зачѣмъ умираетъ этотъ молодой человѣкъ только отъ того, что получилъ наслѣдство? Повѣсть эта ужасающая, точно непрерывный, неотвязный кошмаръ. Я какъ будто вижу этого несчастнаго молодого человѣка, такого даровитаго, такого красиваго, лицомъ къ лицу съ

зловѣщимъ талисманомъ, который укорачивается съ каждымъ его желаніемъ и отмѣчаетъ убыль его молодой жизни. Эта исторія не выходитъ у меня изъ головы.

— Вы слишкомъ впечатлительны, моя милая Эдита, но я долженъ сознаться, что исторія эта имѣетъ зловѣщее обаяніе, отъ котораго не легко избавиться. Этой книгѣ Бальзакъ обязанъ своей славой, и мнѣ кажется, что герой—это идеализированный портретъ самого автора, который такъ же лихорадочно тратилъ жизнь, какъ и Рафаэль де-Валантэнъ, живя съ такимъ же напряженнымъ пыломъ, работалъ съ такою же страстной сосредоточенностью и умеръ въ зенитѣ своего таланта, если не юности.

— Не былъ ли Альфредъ Мюссѐ того же типа человѣкъ?

— Несомнѣнно. Этотъ типъ былъ очень распространенъ въ ту эпоху. Байронъ показалъ примѣръ, и среди геніальныхъ людей преждевременная смерть стала модой. Мюссѐ, величайшій поэтъ Франціи, изящный, аристократическій, рожденный для того, чтобы любить и быть любимымъ, послѣ необыкновенно блестящей юности, губилъ свои зрѣлые годы въ винныхъ погребкахъ Латинскаго квартала и померкъ, подобно падучей звѣздѣ, задолго до конца своей жизни. Наши современные геніи лучше умѣютъ пользоваться своими способностями. Они такъ же берегутъ свой мозгъ, какъ престарѣлая старая дѣва свой праздничный костюмъ.

— Тѣмъ лучше для нихъ и для потомства,—замѣтила м-съ Чампіонъ.—Пожалуйста, продолжайте, Роза!—обратилась она къ м-съ Грешамъ, которая собиралась встать изъ-за фортепіано:—Шопенъ такъ очарователенъ.

— Несомнѣнно; но я играла Рубинштейна,—отвѣчала Роза строго.

— Ну, такъ сыграйте прелюдію Шопена la-majeur.

— Да я ее сыграла десять минутъ тому назадъ.

— Очень любезно съ вашей стороны,—сказала Эдита, ни мало не сконфузясь:—я обожаю Шопена.

И она продолжала разговаривать съ Джерардомъ.

— Вѣроятно, это вліяніе этой исторіи, но я чувствовала себя ужасно разстроенной все это время и страшно безпокоюсь о вашемъ здоровьѣ.

— Совершенно праздная тревога, такъ какъ я вполнѣ здоровъ,—отвѣтилъ Гиллерсдонъ раздражительно.

— Конечно, конечно; но мой мужъ тоже казался совсѣмъ здоровымъ прошлый годъ, а между тѣмъ въ немъ уже таился органическій недугъ. Я знаю, что вы не сильны, и съ тѣхъ поръ, какъ вы разбогатѣли, у васъ очень, очень нездоровый видъ.

— То же говоритъ и матушка. Золото, очевидно, имѣетъ дурное вліяніе на мою комплекцію, а между тѣмъ врачи семнадцатаго вѣка почитали его цѣлебнымъ, если сварить въ бульонѣ.

— Я хочу попросить васъ объ одной милости, Джерардъ.

— Приказывайте.

— О! это пустое дѣло. Вы, конечно, пріѣдете въ Монтъ-Оріоль?

— Да. Если это все, чтò вы хотѣли просить...

— Нѣтъ, не все. Я желаю, чтобы прежде, нежели вы оставите Лондонъ, вы посовѣтовались съ самымъ умнымъ докторомъ, какого только можно найти,—спеціалистомъ по части мозга, сердца и легкихъ.

— Обширная спеціальность. Полагаю, что вы разумѣете при этомъ человѣка, наиболѣе превознесеннаго модой?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я вовсе не раба моды. Сходите къ кому-нибудь, кто пойметъ вашъ характеръ, кто съумѣетъ посовѣтовать вамъ, какъ наслаждаться жизнью, не губя ея, какъ Бальзакъ или Мюссè.

— Не бойтесь... Я—не Бальзакъ и не Мюссè. Во мнѣ нѣтъ байроническихъ страстей, сожигающихъ меня, и будьте увѣрены, что я намѣренъ скупо тратить жизнь... ради будущаго, которое можетъ быть очень счастливо.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ окончилась „Лунная соната".

— О! продолжайте, Роза, сыграйте еще что-нибудь Мендельсона.

Не безъ лукавства, быть можетъ, м-съ Грешамъ начала свадебный маршъ съ громомъ, отъ котораго затрепетали стекла на лампахъ.

— Знаете ли вы какого-нибудь умнаго доктора? — спросила Эдита.

— Я никогда не обращался къ докторамъ съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, и единственный знаменитый докторъ, котораго я знаю, это д-ръ Соутъ, дѣтскій врачъ, спасшій мнѣ въ ту пору жизнь. Я готовъ пойти къ нему.

— Дѣтскій врачъ!—Эдита пожала плечами.

— У дѣтей есть сердце, мозгъ и легкія. Смѣю думать, что д-ръ Соутъ знаетъ кое-что объ этихъ òрганахъ и у взрослыхъ.

— Вы завтра же съѣздите къ нему, когда такъ, и если онъ дастъ удовлетворительный отвѣтъ, ни къ кому больше не обращайтесь. Я бы предпочла новаго доктора-нѣмца, съ которымъ

всѣ совѣтуются, и онъ творитъ такія чудеса съ гипнотизмомъ... д-ръ Гейстрауберъ; говорятъ, онъ удивительный человѣкъ.

— „Говорятъ“—не такой авторитетъ, которому можно довѣряться. Я предпочитаю обратиться къ д-ру Соуту, который спасъ мнѣ жизнь, когда я былъ ребенкомъ.

— Развѣ вы были тогда такъ больны?—спросила м-съ Чампіонъ нѣжно, интересуясь этимъ кризисомъ, хотя онъ происходилъ семнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Да, кажется, я былъ очень опасно боленъ и однако остался въ живыхъ. Когда я стараюсь припомнить свою болѣзнь, она мнѣ представляется какимъ-то мучительнымъ сномъ, хотя доброе лицо д-ра Соута я помню очень отчетливо. Я былъ боленъ воспаленіемъ легкихъ, но съ разными осложненіями: плевритомъ и еще не знаю чѣмъ. Кажется, мѣстный докторъ каждый день придумывалъ новое названіе для моей болѣзни, пока наконецъ не явился д-ръ Соутъ и не спасъ меня своимъ героическимъ леченіемъ. Да, я поѣду къ нему завтра, не столько потому, чтобы нуждался въ медицинскомъ совѣтѣ, сколько затѣмъ, чтобы повидаться съ старымъ другомъ.

— Съѣздите къ нему, пожалуйста съѣздите,—убѣждала Эдита, —и разскажите ему все про себя!

— Дорогая Эдита, мнѣ нечего разсказывать. Я не боленъ.

М-съ Грешамъ наигралась досыта и появилась въ гостиной, вмѣстѣ съ лакеемъ, принесшимъ чай à la française,—чай, который прогоняетъ заботы и утѣшаетъ въ горести какъ герцогиню, такъ и простую прачку.

Разговоръ сталъ общимъ или, вѣрнѣе сказать, превратился въ оживленный монологъ Розы Грешамъ, любившей слушать въ своемъ исполненіи Шопена или Шарвенка, но еще больше музыки наслаждавшейся звуками собственнаго голоса.

М-ръ Чампіонъ появился на минуту послѣ одиннадцати часовъ, усталый и блѣдный на видъ послѣ полуторачасовой игры въ вистъ... а Гиллерсдонъ ушелъ, но не домой. Онъ заглянулъ въ два клуба, главнымъ образомъ потому, что ему хотѣлось встрѣтиться съ Юстиномъ Джерминомъ; но того не было ни въ „Петуніи“, ни въ „Полуночникѣ“, и никто изъ лицъ, которыхъ Гиллерсдонъ разспрашивалъ, не видѣлъ его послѣ собранія у лэди Фридолинъ.

— Онъ уѣхалъ на воды куда-то въ Богемію,—сказалъ Лярозъ:—какое-то мѣстечко съ такимъ названіемъ, какого и не выговоришь. Я думаю, что онъ выдумываетъ каждое лѣто новое мѣстечко, а самъ преспокойно живетъ гдѣ-нибудь неподалеку и

составляетъ планы новыхъ шарлатанскихъ штукъ на зиму. Никто не увидитъ и не услышитъ о немъ до ноября мѣсяца, а затѣмъ онъ будетъ описывать намъ какую-нибудь удивительную лѣтнюю резиденцію, гдѣ онъ лечился отъ разстроенныхъ нервовъ.

Гиллерсдонъ засидѣлся въ клубѣ и выпилъ немного больше шампанскаго, чѣмъ это понравилось бы его матери или м-съ Чампіонъ, такъ какъ у женщинъ весьма скудныя понятія о вкусахъ мужчинъ,—понятія, не выходящія за предѣлы дѣтской.

Онъ пилъ не потому, чтобы любилъ вино, но для веселья, для того, чтобы забыться и разсѣять раздраженіе, вызванное намеками м-съ Чампіонъ на его плохое здоровье.

— Я въ самомъ дѣлѣ заболѣю, если мнѣ всѣ будутъ внушать, что я боленъ,—говорилъ онъ себѣ, досадуя на непрошенную заботливость м-съ Чампіонъ.

Рыночныя телѣги уже направлялись въ Ковентгарденъ, когда онъ вернулся домой, и естественнымъ результатомъ поздняго сидѣнья и лишне выпитаго шампанскаго была головная боль, которую онъ почувствовалъ, когда проснулся. Онъ позавтракалъ бисквитами съ чашкой зеленаго чая и отправился къ доктору.

Такъ какъ онъ не условился предварительно насчетъ своего визита, то ему пришлось испытать муку ожиданія въ пріемной, гдѣ разстроенная и безтолковая мамаша пыталась развлечь худосочнаго сынка книжкой съ картинками, представляя курьезный контрастъ съ другой модной и разряженной мамашей, которая, повидимому, больше думала объ отсутствующей модисткѣ, нежели о своей анемичной дочкѣ, жалуясь ей слезливымъ тономъ на то, что докторъ заставляетъ ее такъ долго ждать, тогда какъ у нея назначено свиданіе у портнихи и она навѣрное опоздаетъ.

— Это все твоя вина, Клара,—стонала лэди вполголоса:—надо было тебѣ простудиться. Очень глупо съ твоей стороны! Я увѣрена, что намъ предпишутъ ѣхать куда-нибудь въ дорогое мѣстечко въ Швейцарію. Доктора рѣшительно не входятъ въ положеніе людей.

Въ отвѣтъ на материнскія сѣтованія дѣвушка только покашливала. Ея истомленное, худое лицо и старенькое платье представляли странный контрастъ съ цвѣтущимъ и артистически раскрашеннымъ лицомъ матери и ея щегольскимъ костюмомъ. Гиллерсдонъ почувствовалъ облегченіе, когда человѣкъ во фракѣ выглянулъ въ дверь и пригласилъ мамашу съ дочкой въ кабинетъ доктора.

Заботливая мамаша понравилась ему больше, и такъ какъ ему было скучно, то онъ завелъ знакомство съ мальчикомъ и помо-

галъ занимать его картинками, объясняя ему ихъ содержаніе. Наконецъ мамашу съ больнымъ мальчикомъ позвали къ доктору, затѣмъ много еще другихъ паціентовъ, а Гиллерсдонъ старался убить время за чтеніемъ старыхъ нумеровъ „Saturday Review".

Наконецъ человѣкъ во фракѣ позвалъ его, и онъ очутился въ присутствіи д-ра Соута, котораго онъ нашелъ въ просторной комнатѣ съ большимъ окномъ, выходившимъ въ садъ, огороженный стѣнами, увитыми плющомъ.

Онъ назвалъ себя и напомнилъ про свою дѣтскую болѣзнь и про девонширскій приходскій домъ.

— Помню,—отвѣчалъ докторъ.—Помню и то, что ваша болѣзнь меня заинтересовала. И матушка ваша—такая прекрасная женщина. Надѣюсь, что она еще жива?

— Да, слава Богу, и пользуется хорошимъ здоровьемъ.

Онъ сообщилъ д-ру Соуту, что онъ не совсѣмъ доволенъ своимъ здоровьемъ, хотя и не можетъ назвать себя больнымъ, и пріѣхалъ посовѣтоваться съ врачомъ, искусству котораго довѣряетъ съ дѣтства.

Докторъ тщательно и долго выстукивалъ и выслушивалъ его. Окончивъ свое изслѣдованіе, онъ слегка вздохнулъ, что можно было объяснить и усталостью.

— Вы не нашли чего-нибудь худого? — спросилъ паціентъ немного тревожно.

— Настоящаго органическаго разстройства я не замѣтилъ, но несомнѣнно, что легкія и сердце не очень крѣпки. Вы вѣроятно чѣмъ-нибудь были сильно потрясены въ послѣднее время.

— Я пережилъ большой сюрпризъ, но скорѣе пріятный, чѣмъ непріятный.

— Радъ слышать; но тотъ фактъ, что пріятный сюрпризъ такъ сильно на васъ подѣйствовалъ, долженъ служить вамъ предостереженіемъ.

— Какимъ образомъ?

— Это показываетъ сильное нервное напряженіе и недостатокъ жизненной энергіи. Говоря откровенно, м-ръ Гиллерсдонъ, вы не очень крѣпкаго сложенія, но многіе люди вашего сложенія доживаютъ до глубокой старости. Все дѣло въ томъ, чтобы беречь силы и не расходовать ихъ зря.

Джерардъ подумалъ о „Шагреневой Кожѣ".

— Я только-что получилъ большое состояніе и только начинаю жить, и мнѣ очень печально услышать какъ разъ теперь, что я не крѣпкаго сложенія.

— Я не могу утѣшать васъ ложными показаніями, м-ръ Гиллерсдонъ. Вы пришли ко мнѣ за правдой.

— Да, да, я знаю и благодаренъ вамъ за откровенность. Но все-таки, сознайтесь, это тяжело выслушать.

— Еще тяжелѣе было бы это слышать человѣку, которому надо работать изъ-за куска хлѣба. Я радъ, что вы разбогатѣли. Съ тѣми рессурсами и средствами, какіе даетъ современная наука, вы должны прожить лѣтъ восемьдесятъ.

— Да, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы не жить, а прозябать.

Онъ всунулъ деньги въ руку доктора и нервно спросилъ:

— Вы запрещаете мнѣ жениться?

— Нисколько. Я не нахожу въ васъ органическаго порока, я уже вамъ сказалъ. Напротивъ того, я совѣтую вамъ жениться. Счастливая семейная жизнь будетъ наилучшей обстановкой для человѣка не очень сильнаго сложенія и крайне нервнаго.

— Благодарю васъ. По крайней мѣрѣ это утѣшительно. Прощайте.

IX.

Для тѣхъ, кто не присужденъ докторами къ строгому режиму водяного леченія и воздержанія, жизнь въ Монтъ-Оріолѣ представляетъ непрерывный праздникъ. Такіе посѣтители, какъ Эдита Чампіонъ, пріѣзжаютъ только затѣмъ, чтобы веселиться, осматривать живописныя развалины, кататься верхомъ раннимъ утромъ, когда роса на травѣ еще не обсохла, а по вечерамъ играть въ карты или на билліардѣ, или танцовать.

Для м-ра Чампіона пребываніе въ Монтъ-Оріолѣ означало ежедневныя ванны и строгій режимъ, діэту и воздержаніе отъ всякихъ дѣловыхъ занятій, составлявшихъ соль его жизни, безъ которыхъ она была пуста и безцвѣтна.

М-ръ Чампіонъ и его жена занимали лучшіе аппартаменты въ отелѣ, а Джерардъ взялъ то, что было затѣмъ наилучшаго. Имъ достался такимъ образомъ цѣлый особый флигель и они были отдѣлены отъ остальной публики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось, что Джерардъ въ гостяхъ у м-ра и м-съ Чампіонъ, такъ какъ они просили его располагать ихъ салономъ, какъ своимъ собственнымъ, и онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ ними пять дней изъ семи въ недѣлю. Онъ привезъ съ собой прислугу: грума и лакея, и подумывалъ уже завести секретаря, хотя бы затѣмъ только, чтобы писать ежедневно архитектору и подрядчику и торопить ихъ съ окончаніемъ дома.

Ему хотѣлось поскорѣе поселиться въ собственномъ домѣ, поскорѣе собрать коллекцію картинъ, статуй, книгъ и всякихъ рѣдкостей, чтобы испытать наслажденіе бросать деньги.

Если, какъ намекалъ д-ръ Соутъ, жизнь его должна быть короче нормальной человѣческой жизни, то тѣмъ больше основанія не жалѣть денегъ и воспользоваться всѣмъ, что только можетъ дать богатство. Хотя и въ этомъ была опасность. Ему запрещены были всѣ сильныя волненія. Чтобы продлить жизнь, онъ долженъ жить умѣренно и не выходить изъ предѣловъ спокойной семейной жизни.

Ему казалось, что, въ виду этого, онъ не могъ бы ничего лучше придумать, какъ договоръ, заключенный имъ съ Эдитой Чампіонъ. Въ его отношеніяхъ съ нею не было пылкихъ волненій или страстнаго нетерпѣнія. Онъ любилъ ее и любилъ давно... прежде, быть можетъ, страстнѣе, но зато теперь преданнѣе, какъ онъ увѣрялъ себя.

Онъ былъ увѣренъ въ ея любви, а также и въ ея добродѣтели, такъ какъ на опытѣ убѣдился въ ея умѣньи удерживать любовь въ платоническихъ границахъ. Придетъ пора, и онъ женится на Эдитѣ, а пока онъ грѣлся на солнышкѣ въ саду гостинницы и спокойно любовался ея удивительнымъ профилемъ.

Такъ протекали дни въ Монтъ-Оріолѣ и ничто не нарушало однообразія роскошной праздности этой жизни,—жизни, въ которой люди говорятъ о книгахъ, но рѣдко ихъ читаютъ, прикидываются глубоко заинтересованными успѣхами филантропіи, но сами не двинутся съ кушетки, чтобы спасти человѣка отъ погибели,—жизни, въ которой сердце и мозгъ дремлютъ и только ухо и глазъ непрерывно услаждаются.

Какъ ни пріятенъ былъ такой отдыхъ, но Джерардъ обрадовался, когда ему наступилъ конецъ, и ему можно было вернуться въ Лондонъ и надзирать за архитекторомъ и подрядчикомъ. Октябрь былъ въ исходѣ, когда онъ прибылъ въ свою прежнюю жалкую квартиру около церкви, и на которую его новый лакей смотрѣлъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

Его собственный домъ быстро подвигался къ концу, и онъ поѣхалъ осмотрѣть его вмѣстѣ съ м-съ Чампіонъ и ея племянницей. У м-съ Чампіонъ было съ дюжину племянницъ, и она благоволила то къ той, то къ другой, переводя свое участіе съ одной на другую съ такимъ же непостоянствомъ и произвольностью, съ какою мѣняла перчатки.

Роджеръ Ларозъ и обойщикъ встрѣтили ихъ и повели по всему дому. И тетушка, и племянница всѣмъ восхищались и все хвалили.

Но м-съ Чампіонъ позволила себѣ одно замѣчаніе:

— Устройте побольше уголковъ,—сказала она Ларозу,—хорошенькихъ, старинныхъ уголковъ, знаете, разныхъ закоулочковъ, которые можно отдѣлать въ мавританскомъ или голландскомъ, или въ старо-англійскомъ вкусѣ, какъ вздумается.

— Дорогая лэди, вы видите комнаты и вы видите углы,— отвѣчалъ архитекторъ внушительно.—Я не могу измѣнить формы комнатъ, которыя уже окончены вчернѣ.

— Какая жалость! Я думала, что вы можете устроить уголки. Комнаты очень красивы... но въ нихъ нѣтъ уютныхъ уголковъ.

— Я вижу, м-съ Чампіонъ, что вы гоняетесь за фламандскимъ стилемъ, который сталъ удѣломъ ресторановъ. Видѣли ли вы дворецъ Риккарди во Флоренціи?

— Да, я его хорошо знаю.

— Не думаю, чтобы вы видѣли въ немъ уютные уголки или старинные закоулки, хотя вы можете найти ихъ сколько угодно въ „Графской гостинницѣ".

— Да, кажется, они опошлились, — вздохнула м-съ Чампіонъ:—все опошляется... то-есть все хорошенькое и фантастическое.

Послѣ этого осмотра, Джерардъ рѣшилъ, что не посѣтитъ больше своего дома, пока онъ не будетъ оконченъ вполнѣ, и такъ какъ м-съ Чампіонъ и ея мужъ проводили ноябрь въ Брайтонѣ, онъ уѣхалъ къ своимъ, несказанно обрадовавъ мать и сестру извѣстіемъ, что пробудетъ съ ними, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ.

Онъ нашелъ семью въ восторгѣ отъ удачи, постигшей м-ра Кумберлэнда, переведеннаго изъ сельскаго прихода въ лондонскій. Вознагражденіе было скромное, но приходъ обширный и включалъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ округовъ громаднаго города,— цѣлый лабиринтъ узкихъ улицъ и переулковъ, лежащихъ между двумя церквями, св. Анны и св. Джиля.

Въ такомъ точно приходѣ Джонъ Кумберлэндъ желалъ трудиться. Онъ былъ въ душѣ соціалистъ. Онъ вѣрилъ въ неотъемлемыя права бѣдныхъ и отвѣтственность богатыхъ, и усматривалъ въ возростающей роскоши жизни высшихъ классовъ признакъ развращенности нравовъ и упадка.

Въ его новомъ приходѣ св. Лаврентія, въ Уордуръ-Стритѣ, соединялись всѣ тѣ элементы жизни, которые глубоко его интересовали. То былъ приходъ смѣшанныхъ сословій и различныхъ національностей; излюбленный центръ бѣдняковъ, эмигрантовъ, нигилистовъ и феніевъ, карбонаріевъ и марксистовъ. Въ этомъ

же приходѣ обитали и интеллигентные британскіе работники, самоучки и самодовольные ремесленники.

Громадныя зданія, построенныя въ разное время и свидѣтельствовавшія о различныхъ стадіяхъ архитектурнаго и санитарнаго прогресса, бросали длинныя тѣни на переулки и низенькіе домишки добраго стараго времени. Эти громадныя зданія были образцовыя жилища для рабочихъ, болѣе или менѣе удовлетворительныя и во всякомъ случаѣ значительно усовершенствованныя, сравнительно съ окружавшими ихъ вертепами.

Здѣсь, въ приходѣ св. Лаврентія-мученика, помѣщался также хорошо извѣстный клубъ женщинъ, заработывавшихъ свой хлѣбъ въ потѣ лица,—всякаго рода швей, фабричныхъ дѣвушекъ различныхъ промышленностей, начиная отъ изготовленія варенья и пикулей въ Сого до набиванія патроновъ въ Грейсъ-Иннъ-Родѣ,—клубъ, бывшій центромъ цивилизаціи, прогресса и всѣхъ утонченныхъ удовольствій для нѣсколькихъ сотенъ труженицъ и процвѣтавшій подъ мастерскимъ управленіемъ лэди Джэнъ Бленгеймъ,—женщины, посвятившей жизнь добрымъ дѣламъ.

Джонъ Кумберлэндъ былъ въ восторгѣ отъ мысли, что лэди Джэнъ будетъ его руководительницей и союзницей; при этомъ онъ нисколько не унывалъ отъ того, что ему съ молодой женой придется начать брачную жизнь въ округѣ, который свѣтскіе люди называютъ „невозможнымъ“.

Джерарда забавляло то, какъ мало значенія имѣло его богатство въ глазахъ сестры, предпочитавшей жизнь съ избранникомъ своего сердца, не чуждую лишеній, среди простонароднаго лондонскаго квартала. Для этой дѣвушки, по уши влюбленной въ энтузіаста и раздѣлявшей его энтузіазмъ, богатство рѣшительно не казалось обаятельнымъ.

— Ты слишкомъ добръ,—говорила она брату, когда они остались вдвоемъ и онъ убѣждалъ ее принять отъ него значительное приданое:—но я не хочу, чтобы у меня былъ капиталъ, потому что боюсь, какъ бы Джэкъ не счелъ этого унизительнымъ для себя. Онъ самъ способенъ содержать семью и я не хочу, чтобы наше состояніе было неравное.

— Но, милая моя, вѣдь это нелѣпо!

— Можетъ быть, только, пожалуйста, предоставь мнѣ идти своимъ путемъ. Намъ еще понадобится твоя помощь впослѣдствіи, чтобы построить школы, или, быть можетъ, перестроить церковь. И навѣрное въ приходѣ много нуждающагося люда и мы обратимся къ тебѣ за помощью. А пока, такъ какъ намъ

суждено жить среди бѣдняковъ, то мы должны быть сами бѣдны. Мы больше будемъ имъ симпатизировать и лучше понимать ихъ.

Джерардъ не сталъ больше спорить, но рѣшилъ, что сестра его все-таки получитъ приданое. Она не будетъ бѣдна, тогда какъ онъ страшно богатъ. А пока онъ былъ доволенъ, что свадьба отложена на годъ, и сестрѣ можно будетъ переѣхать къ нему въ Лондонъ и занять мѣсто хозяйки въ его новомъ домѣ, гдѣ ему было бы скучно одному безъ женскаго общества, пока онъ не женится.

Джерардъ провелъ Рождество въ викаріатѣ, частью отъ того, что матери очень хотѣлось, чтобы онъ провелъ съ нею праздники, частью отъ того, что въ послѣднихъ письмахъ архитекторъ, подрядчикъ и обойщикъ обѣщали ему окончить домъ къ новому году. Въ предъидущихъ письмахъ было много сѣтованій и извиненій за промедленіе,—извиненій, опиравшихся главнымъ образомъ на климатическія условія, мѣшавшія вести дѣло такъ быстро, какъ бы желалось. Морозъ сообщилъ, должно быть, туману, что домъ купленъ новымъ богачомъ и что новый богачъ можетъ подождать. Развѣ онъ не могъ удовольствоваться пока той берлогой, въ которой жилъ до сихъ поръ?

Но послѣднее письмо Роджера Ларова было утѣшительное. Подрядчикъ положительно обязался исчезнуть вмѣстѣ съ своими людьми утромъ 31-го декабря. Обойщики тоже сойдутъ со сцены, прибивъ послѣдній гвоздь.

Эдита Чампіонъ взяла на себя трудъ пустить въ ходъ хозяйственную машину. Она наняла превосходную экономку и отличнаго повара, который не прежде согласился принять это мѣсто, какъ убѣдившись, что при кухнѣ будетъ три поваренка, а ему предоставляется отдѣльная гостиная и пользованіе кабріолетомъ для ѣзды на рынокъ.

Она же выбрала буфетчика и выѣздныхъ лакеевъ и придумала ливрею для послѣднихъ: темно-зеленую съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, черными бархатными короткими панталонами и черными шолковыми чулками.

„Это темная ливрея,—писала она,—но пудра оживляетъ ее, и я думаю, что вамъ она понравится. Ваши лакеи всегда будутъ ходить въ черныхъ шолковыхъ чулкахъ, это существенно, и я велѣла вашей экономкѣ обращать особое вниманіе на пряжки ихъ башмаковъ. Башмаки будутъ заказываться въ Бондъ-Стритѣ и будутъ стоить тридцать шиллинговъ пара. Простите, что я безпокою васъ этими подробностями, но при вашемъ богатствѣ

главнымъ отличіемъ должна быть внимательность къ мелочамъ. Вашъ домъ будетъ просто совершенствомъ. Я вчера осматривала пріемные покои. Потолки расписаны въ стилѣ палаццо Риккарди—пиршество олимпійскихъ боговъ. Кобальтъ преобладаетъ въ костюмахъ богинь, которыя хотя и въ рубенсовскомъ вкусѣ, но приличны. Эффектъ блестящій и вполнѣ гармонируетъ съ обивкой мебели и драпировками. Мнѣ очень хочется, чтобы вы увидѣли свой домъ поскорѣе. Я вчера наняла мажоръ-дома—чистую находку для nouveau riche. Онъ жилъ пятнадцать лѣтъ у лорда Гампердона, скорѣе въ качествѣ руководителя, философа и друга, нежели слуги. Онъ спасъ Гампердона отъ ужасной женитьбы на Долоресъ Друміо, испанской танцовщицѣ. У него талантъ устроивать всякаго рода пріемы, и съ нимъ и новымъ chef вашъ домъ будетъ идти какъ по маслу".

О своемъ мужѣ м-съ Чампіонъ писала въ меланхолическомъ тонѣ. Монтъ-Оріоль принесъ ему мало пользы. Онъ не могъ не заниматься безусловно дѣлами и въ долинѣ Оверни. Онъ не отдохнулъ, какъ слѣдуетъ, и доктора посылаютъ его въ Санъ-Леонардъ до конца зимы.

„Если онъ поѣдетъ, я поѣду съ нимъ,—заключила м-съ Чампіонъ тономъ римской матроны.—Я не могу допустить, чтобы удовольствія и мои вкусы мѣшали мнѣ выполнить мой долгъ. Я бы предпочла Ривьеру, даже Ментону Санъ-Леонарду, который ненавижу, но утѣшеніемъ будетъ служить то, что я буду недалеко отъ васъ, и надѣюсь, что ваши палаты не настолько завладѣютъ вами, чтобы помѣшать побывать нынѣшней зимой на югѣ. Кстати, имѣете ли вы въ виду другія палаты? Напримѣръ, мѣсто въ парламентѣ... А нашей партіи нужны приверженцы".

„Pas si bête! — подумалъ Джерардъ. — Я не намѣренъ тратить часть моей скудной жизни въ плохо вентилированной, зловонной, душной медвѣжьей берлогѣ".

Онъ долженъ былъ уѣхать въ Лондонъ въ день новаго года вмѣстѣ съ сестрой и не могъ дождаться этого дня. Несмотря на свою привязанность къ родителямъ, онъ скучалъ въ деревнѣ и кромѣ того его сжигало нетерпѣніе ребенка, стремящагося облечься въ новое платье.

Въ послѣдній вечеръ, который Джерардъ провелъ въ приходскомъ домѣ, мать въ разговорѣ какъ-то спросила его, не слыхалъ ли онъ чего-нибудь про Эстеръ Давенпортъ.

— Нѣтъ, я ее не разыскивалъ. Попытка казалась мнѣ совсѣмъ безполезна; притомъ лицо, которое я видѣлъ, было скорѣе

сонным видѣніемъ, нежели дѣйствительностью; однако я знаю, что то было лицо миссъ Давенпортъ.

— Я не понимаю, Джерардъ...

— Нѣтъ, дорогая, —перебилъ ее сынъ.—Мнѣ придется сказать вамъ, какъ Гамлетъ своему другу: „есть много вещей въ небѣ и на землѣ, которыхъ мы не понимаемъ"... или которыхъ я по крайней мѣрѣ не могу объяснить. Пріѣзжайте въ Лондонъ, матушка. Лондонъ будетъ полонъ откровеній для васъ, прожившей полжизни въ сельскомъ приходѣ. Вы услышите о новыхъ наукахъ, новыхъ религіяхъ. Вы найдете, что Будду ставятъ рядомъ съ Христомъ. Вы увидите людей, не вѣрящихъ четыремъ евангелистамъ и вѣрящихъ „матеріализаціи". Вы найдете образованныхъ людей, пренебрегающихъ Диккенсомъ и свысока относящихся къ Теккерею и превозносящихъ послѣдняго по счету моднаго молодого человѣка, написавшаго модную повѣсть въ три или четыре страницы въ модномъ журналѣ. Старый порядокъ постоянно мѣняется. Лондонъ вѣчно новъ, вѣчно юнъ. Вы почувствуете себя въ немъ на двадцать лѣтъ моложе.

— Почувствую себя моложе подъ закопченнымъ небомъ, Джерардъ! Среди толпы и въ шумѣ! Врадъ-ли. Мнѣ пріятно будетъ погостить у тебя, мой милый, но я предпочитаю сонный старый приходъ лучшему изъ дворцовъ въ Паркъ-Лэнѣ или въ Гросвеноръ-скверѣ.

Джерардъ не пытался оспаривать такія отсталыя понятія. Самъ онъ на другое утро съ раннимъ поѣздомъ отправился въ Лондонъ и вмѣстѣ съ Лиліаной сидѣлъ уже послѣ полудня за чайнымъ столомъ.

Они осмотрѣли всѣ комнаты и приготовились къ пріему м-ра Кумберлэнда и м-съ Чампіонъ, которые должны были пріѣхать отобѣдать за-просто въ восемь часовъ.

Обѣдъ былъ превосходный и могъ удовлетворить самый прихотливый вкусъ; сервировка тоже. Слуги старались изо всей мочи угодить новому господину. Суфлé изъ устрицъ понравилось бы даже Лукуллу, но друзья м-ра Гиллерсдона мало обращали вниманія на кушанья, занятые разговоромъ объ интересовавшихъ ихъ предметахъ.

Эдита Чампіонъ предлагала Лиліанѣ познакомить ее со всѣми лучшими магазинами и модистками въ тѣ немногіе дни, какіе она проведетъ въ Лондонѣ, прежде чѣмъ уѣхать въ Санъ-Леонардъ съ больнымъ мужемъ.

— Я хочу сводить васъ къ madame St.-Evremonde, чтобы заказать ваши платья. Это—единственная женщина въ Лондонѣ,

которая знаетъ, гдѣ талія начинается и кончается... извините, что я говорю о тряпкахъ, м-ръ Кумберлэндъ; мы бы должны были отложить этотъ разговоръ до послѣ-обѣда, но для меня такое искушеніе открыть всѣ тайны туалета неофиту. Я бы хотѣла также свозить васъ къ моему башмачнику, потому что съ нимъ не легко ладить, и если вы ему не понравитесь, то онъ даже не станетъ снимать мѣрки съ вашей ноги.

— Если такова манера у лондонскихъ башмачниковъ, то я бы лучше покупалъ готовую обувь,—замѣтилъ угрюмо Кумберлэндъ.

— Неужели есть готовая обувь? — спросила невинно м-съ Чампіонъ.—Какъ ужасно! Я знаю людей, покупающихъ готовыя перчатки; но готовые башмаки—это должно быть что-нибудь ужасное. Они не могутъ подходить ко всякой ногѣ.

— Ихъ главное достоинство въ томъ, что они годны на всякую ногу; все дѣло въ величинѣ.

— О! если нисколько не интересоваться фасономъ или стилемъ, или тѣмъ, есть подъемъ въ башмакѣ или нѣтъ, то, конечно, можно носить готовые башмаки,—сказала м-съ Чампіонъ философическимъ тономъ.—Но кто любитъ хорошо одѣваться, тотъ долженъ главнымъ образомъ заботиться о фасонѣ. Я согласилась бы всю жизнь носить ситцевыя платья, лишь бы они были сшиты Редферномъ или Феликсомъ.

— Я боюсь, что ваша портниха будетъ для меня слишкомъ модна и слишкомъ дорога, м-съ Чампіонъ,—отвѣчала спокойно Лиліана.

— Слишкомъ модна, слишкомъ дорога... для сестры м-ра Гиллерсдона! Помилуйте, да всѣ будутъ ждать, что вы будете одѣты какъ принцесса Уэльская. Вашъ туалетъ будетъ разбираться при томъ яркомъ свѣтѣ, какой озаряетъ милліонера. Вы должны одѣваться сообразно этому дому.

— Я вовсе не желаю одѣваться такъ, какъ несвойственно дочери деревенскаго клерджимена.

— Или нареченной невѣстѣ лондонскаго клерджимена,—сказалъ Джонъ Кумберлэндъ, бросая нѣжный взглядъ изъ-подъ густо нависшихъ бровей на хорошенькое, молодое личико. Въ этомъ взглядѣ заключался цѣлый міръ любви.

— Пусть она одѣвается просто или нарядно, какъ ей вздумается,—сказалъ Джерардъ весело, обращаясь къ м-съ Чампіонъ: —но если madame St.-Evremonde лучшая портниха въ Лондонѣ, то пусть она отправится къ madame de St.-Evremonde. Пока ты находишься въ этомъ домѣ, Лиліана, ты должна ради меня

быть элегантной; но когда ты эмигрируешь въ Греческую улицу, то можешь надѣть хсть квакерскій чепецъ или костюмъ сестры милосердія.

— Греческая улица!—вскричала м-съ Чампіонъ самымъ дѣтскимъ тономъ:—гдѣ это Греческая улица?

X.

Скучное начало года до открытія парламента и постепеннаго пробужденія Лондона пролетѣло какъ сонъ. Наслажденіе жить въ домѣ, созданномъ имъ самимъ, и новизна ощущенія бросать деньги занимали и радовали Джерарда, между тѣмъ какъ Лиліана дѣлила себя между двумя поглощавшими ее обязанностями. Съ одной стороны у нея былъ братъ, котораго она нѣжно любила, и вся суета и праздность свѣтской жизни; съ другой стороны—ея будущій мужъ, уже занявшій мѣсто викарія въ церкви св. Лаврентія и требовавшій ея совѣта и содѣйствія во всѣхъ приходскихъ дѣлахъ.

— Я хочу, чтобы мой приходъ былъ также и твоимъ, Лиліана, — говорилъ онъ.—Я хочу, чтобы твой умъ и твоя рука чувствовались во всѣхъ дѣлахъ, какъ малыхъ, такъ и большихъ.

Такимъ образомъ Лиліана одинъ день сновала по самымъ грязнымъ улицамъ западнаго центральнаго Лондона, совѣщаясь о ночномъ убѣжищѣ для женщинъ и дѣтей, а на другой день ѣхала съ братомъ къ Христи и высказывала свое мнѣніе о картинѣ Рафаэля или Рейнольдса.

Джерардъ не переставалъ предлагать деньги и съ охотой платилъ бы изъ своего кармана по всѣмъ расходамъ св. Лаврентія; но Джэкъ Кумберлэндъ ограничивалъ его щедрость своимъ вліяніемъ и принималъ лишь незначительныя благодѣянія: сто фунтовъ для новаго пріюта; сто фунтовъ для ремесленнаго института и по пятидесяти фунтовъ для общества и убѣжищъ раскаявшихся Магдалинъ; двѣсти фунтовъ для школъ; въ общемъ всего пятьсотъ фунтовъ.

— По моему, нелѣпо, чтобы вы нуждались хоть сколько-нибудь въ деньгахъ, когда у меня ихъ такъ много!—укорялъ Джерардъ, размахивая чековой книжкой.

— Вы поможете намъ болѣе широко впослѣдствіи, годика черезъ два-три, когда привыкнете къ своему богатству и пріобрѣтете сознаніе размѣровъ. А теперь вы похожи на ребенка, которому подарили ящикъ съ игрушками и который раздаетъ ихъ

товарищамъ, воображая, что ящикъ неистощимъ,—говорилъ Кумберлэндъ, улыбаясь надъ его рвеніемъ.—А пока съ насъ довольно и пяти сотъ фунтовъ. Я никогда и не мечталъ о такой большой суммѣ.

— Мнѣ кажется, что онъ хочетъ удерживать свой приходъ въ бѣдности, — замѣтилъ позже Джерардъ сестрѣ въ интимной бесѣдѣ.

— Онъ не хочетъ тебя эксплуатировать и боится развратить своихъ прихожанъ слишкомъ щедрыми подаяніями.

Гиллерсдонъ-Гаузъ произвелъ въ обществѣ фуроръ. Общество льнуло къ милліонеру, какъ мухи къ меду.

Уваженіе къ богатству — одинъ изъ главныхъ пунктовъ соціальной этики. Мы всѣ любимъ вертѣться около денегъ. Въ роскоши и богатствѣ есть что-то обольщающее, чему противиться можетъ только Сократъ, да и Сократъ даже ходилъ на пиры богачей и мѣнялъ свое простое платье на болѣе нарядное, отправляясь въ гости къ богатымъ людямъ. Общество, которое всегда благоволило къ Джерарду Гиллерсдону, любопытствовало узнать, какъ-то онъ распорядится съ своимъ богатствомъ. Тѣ люди, которые завидовали ему, предсказывали, что онъ разорится черезъ годъ или два, и при этомъ у каждаго была своя теорія насчетъ того, какъ ему слѣдовало тратить деньги.

— Вы должны давать обѣды и рауты,—говорилъ Ларозъ:—къ чему имѣть красивый домъ, если вы схоронитесь въ немъ за-живо! Лучше ужъ было бы въ такомъ случаѣ выстроить себѣ мавзолей... Кстати, эта идея вовсе не дурна. Если какой-нибудь добрый старикъ завѣщаетъ мнѣ нѣсколько милліоновъ, я выстрою себѣ пирамиду, какъ Хеопсъ, и буду жить въ ней, пока не наступитъ время меня бальзамировать, и въ этой пирамидѣ буду принимать лишь немногихъ избранныхъ и угощать ихъ тонкими обѣдами. Да, мой милый Джерардъ, вы должны давать завтраки, полдники, обѣды, музыкальные вечера. Въ небѣ написано, что вы будете источникомъ веселія для общества въ текущемъ сезонѣ. Я надѣюсь, что вамъ нравится мысль быть общественнымъ центромъ, м-съ Гиллерсдонъ? — обратился Роджеръ къ Лиліанѣ съ вкрадчивой улыбкой.

— Это немножко страшно,—отвѣчала весело Лиліана:—но я хочу, чтобы Джерардъ былъ счастливъ и доволенъ, и м-ръ Кумберлэндъ поможетъ намъ занимать гостей. Онъ былъ страшно популяренъ въ Девонширѣ.

— Дорогая лэди, Девонширъ — не Лондонъ... но, конечно, м-ръ Кумберлэндъ очень привлекательный человѣкъ, и я слышу, что кое-кто уже ѣздитъ въ церковь св. Лаврентія слушать его проповѣди.

— Кое-кто! — вскричала Лиліана: — помилуйте, церковь каждое воскресенье бываетъ биткомъ набита.

— Ахъ! Но я имѣю въ виду такихъ господъ, какъ лордъ Вордсвортъ или м-ръ Леметръ, актеръ, или лэди Гіацинтъ Польтней... господъ, о которыхъ стоитъ упоминать. Если эти ѣздятъ слушать м-ра Кумберлэнда, то, конечно, онъ будетъ кладомъ для нашихъ собраній. Но, другъ Джерардъ, — продолжалъ Роджеръ торжественно: — главный пунктъ, это — ѣда. Люди будутъ пріѣзжать къ вамъ ѣсть. Кормите ихъ. Само собою разумѣется, у васъ будетъ обиліе цвѣтовъ. М-съ Смитъ — знаете, извѣстная м-съ Смитъ — будетъ убирать цвѣтами ваши комнаты и обѣденный столъ. Общество любитъ, чтобы глазъ отдыхалъ на красивой сервировкѣ. Но все-таки это второстепенное. Замороженная спаржа, перепела и всякіе деликатессы — вотъ существенное.

— И въ благодарность за мое гостепріимство мой домъ станутъ звать ресторанонъ Гиллерсдонъ или кафé Джерардъ. Люди будутъ пить, ѣсть и смѣяться... на мой счетъ.

— Нѣтъ, дорогой другъ, надъ вами не будутъ смѣяться. Вѣдь вы не пришелецъ, не иностранецъ, не чужой человѣкъ, а свой, все тотъ же добрый малый Джерардъ Гиллерсдонъ, плюсъ два милліона.

Гиллерсдонъ не нуждался особенно въ этихъ увѣреніяхъ. Хотя онъ и прикидывался порою мизантропомъ и разыгрывалъ изъ себя Тимона Аѳинскаго, но по существу былъ дѣйствительно добрый малый и общительный человѣкъ. Его полдники скоро стали извѣстны какъ нѣчто совершенное, — совершенное и по выбору гостей, и по menu, такому же изысканному, какъ и само общество.

Успѣхъ полдниковъ побудилъ м-ра Гиллерсдона открыть серію воскресныхъ завтраковъ, на которые приглашались только свободомыслящіе люди, не считавшіе для себя обязательною утреннюю службу англиканской церкви, — завтраки, одна мысль о которыхъ заставляла Лиліану содрогаться, когда она проходила мимо столовой, чтобы сѣсть въ экипажъ, долженствовавшій отвезти ее въ спасательную гавань, гдѣ пѣлъ обученный самимъ Джэкомъ Кумберлэндомъ хоръ рабочихъ, а Джэкъ читалъ проповѣдь.

Въ то время какъ Лиліана ѣхала по Пиккадилли при коло-

кольномъ звонѣ въ различныхъ церквахъ и мимо толпы народа, идущей въ церковь, гости м-ра Гиллерсдона одинъ за другимъ сходились къ завтраку, единственнымъ недостаткомъ котораго, по мнѣнію Роджера Лароза, было то, что послѣ него полдникъ становился невозможнымъ.

Въ числѣ гостей находился однажды нѣкто м-ръ Рубинъ Гамбайръ, молодой романистъ, находившій наслажденіе въ томъ, чтобы шокировать ходячія мнѣнія насчетъ литературы. Книги его были, разумѣется, популярны, какъ бываетъ популяренъ нервный всадникъ на упрямой лошади, и люди больше удивлялись тому, что̀ онъ способенъ сдѣлать, нежели тому, что̀ онъ сдѣлалъ. Онъ былъ живой и эксцентрическій человѣкъ и любимецъ Гиллерсдона и его кружка.

— Я привезъ съ собой моего хорошаго пріятеля, который говоритъ, что достаточно знакомъ съ вами, чтобы пріѣхать безъ приглашенія, — сказалъ Гамбайръ, входя въ зимній садъ безъ доклада изъ сосѣдней гостиной, куда его ввелъ со всѣми обычными церемоніями лакей.

Тихій вкрадчивый смѣхъ послышался по ту сторону полуприподнятой портьеры, — смѣхъ, который Джерардъ тотчасъ же узналъ.

— Вашъ пріятель—м-ръ Джерминъ?—быстро замѣтилъ онъ.

— Да; какъ вы угадали?

— Я услышалъ его смѣхъ; никто другой на землѣ такъ не смѣется.

— Но вы думаете, что въ подземномъ мірѣ есть существа, которыя такъ смѣются,—многозначительно проговорилъ Гамбайръ, указывая пальцемъ въ полъ:—странный смѣхъ, не правда ли? но очень веселый — точно онъ смѣется надъ человѣчествомъ и знаетъ всѣ пружины, управляющія этимъ міромъ, и то, когда онѣ лопнутъ.

Голова Джермина показалась подъ портьерой изъ старинной парчи, матеріаломъ для которой послужило церковное облаченіе —богатая добыча ограбленной средневѣковой ризницы. Курьезно выдѣлялось лицо Джермина на пурпуровомъ съ золотомъ фонѣ, съ его рѣзкими чертами, яркими красками, высокимъ узкимъ лбомъ странной формы, сжатымъ въ вискахъ, острымъ носомъ, свѣтлыми сѣрыми глазами и улыбающимся ртомъ, обнаруживавшимъ правильные бѣлые зубы.

Онъ простоялъ съ секунду или двѣ, придерживая портьеру рукой, и затѣмъ со смѣхомъ вошелъ въ садъ и пожалъ руку хозяину.

— Удивлены моимъ появленіемъ, Гиллерсдонъ?

— Нѣтъ, я былъ удивленъ тѣмъ, что не вижу васъ. А теперь отвѣчайте мнѣ на одинъ вопросъ. Гдѣ находятся, чортъ возьми, тѣ комнаты, гдѣ вы угощали меня ужиномъ послѣ праздника лэди Фридолинъ?

— Какъ? вы меня тамъ разыскивали?

— Разыскивалъ! Да, какъ иголку. Я увѣренъ, что ни одинъ сыщикъ въ Лондонѣ не нашелъ бы вашей квартиры.

— Да, еслибы не зналъ дороги. Я никому не сообщаю своего адреса, но отъ времени до времени привожу къ себѣ ужинать кого-нибудь изъ пріятелей. Но люди такъ заняты сами собой, что обыкновенно не обращаютъ вниманія на дорогу, по которой идутъ.

Другой гость вошелъ въ зимній садъ, а Гиллерсдонъ отправился въ гостиную встрѣчать остальное общество, которое было теперь въ полномъ сборѣ.

Появленіе Джермина всѣхъ заинтересовало. Многихъ интриговало искусство оракула, хотя они и притворялись, что небрежно относятся къ нему. Онъ многимъ изъ нихъ очень вѣрно предсказывалъ перемѣны и событія въ жизни или угадалъ прошлое. Какая сила помогала ему въ этомъ? Онъ называлъ ее проницательностью; но это слово, неопредѣленное, хотя и понятное, не объясняло дара, до сихъ поръ бывшаго удѣломъ фокусниковъ и шарлатановъ, и въ которомъ никогда еще не упражнялся безвозмездно человѣкъ, принятый въ обществѣ. Какъ ни были велики или малы средства м-ра Джермина, но онъ не заработывалъ денегъ посредствомъ своего таинственнаго дара.

Онъ собрался уходить, вмѣстѣ со всѣми другими гостями, въ часъ пополудни, но хозяинъ задержалъ его.

— Мнѣ хочется побесѣдовать съ вами,—сказалъ Джерардъ:—мы не видѣлись послѣ того, какъ въ моей судьбѣ произошла такая перемѣна.

— Вѣрно,—отвѣчалъ Джерминъ небрежно:—но вѣдь я предсказалъ эту перемѣну, не правда ли?

— Вы намекали на возможность перемѣны... и напомнили мнѣ про сцену, происходившую на желѣзной дорогѣ въ Ниццѣ.

— Счастливецъ! Половина молодыхъ людей въ Лондонѣ зеленѣютъ отъ зависти, когда говорятъ о вашемъ счастіи. Минутная опасность... и цѣлая жизнь, утопающая въ роскоши и безграничномъ богатствѣ.

— Безграничнаго богатства не бываетъ, развѣ только въ Америкѣ,—отвѣчалъ Джерардъ.—Эту фразу можно употребить только

говоря о человѣкѣ, владѣющемъ серебряными рудниками. Мой доходъ ограниченъ, и...

— Ограниченъ!—перебилъ его Джерминъ:—въ самомъ дѣлѣ, очень ограниченный доходъ! Восемьдесятъ или девяносто тысячъ въ годъ, если не всѣ сто? Мнѣ кажется, я бы на вашемъ мѣстѣ сталъ экономничать, а не то, чего добраго, попадешь въ рабочій домъ. Владѣя двумя милліонами, теряешь понятіе о размѣрахъ.

— Денегъ, конечно, довольно на то, чтобы прожить съ толкомъ. Какъ вамъ нравится мой домъ?

— Я нахожу его совершенствомъ. Вы съумѣли быть оригинальнымъ. Это главное.

— Пойдемте, я вамъ покажу мою берлогу, — сказалъ Джерардъ.

Онъ провелъ его въ нижній этажъ, отворилъ дверь и ввелъ Джермина въ покой съ аркой, которая вела въ другую комнату. Обѣ представляли точную копію тѣхъ покоевъ, въ которыхъ Джерарду привидѣлась Эстеръ Давенпортъ. Цвѣта, форма, матеріалъ — все было тщательно воспроизведено, такъ какъ воспоминаніе объ этой ночи и ея обстановки сохранилось живѣе, чѣмъ что-либо изъ прошедшей жизни въ умѣ Джерарда.

Тѣ же драпировки изъ темнаго бархата, зеленыя на свѣтѣ и черныя въ тѣни; тотъ же восточный коверъ, богатыхъ, но темныхъ оттѣнковъ; тѣ же или почти тѣ же итальянскія картины: Іуда Тиціана, лѣсная нимфа Гвидо; та же изящная рѣзная конторка и старинные дубовые шкафы.

— Мои комнаты! Вотъ это удивительно!—вскричалъ Джерминъ.—Какой же вы зоркій наблюдатель повседневной жизни! У васъ все, все есть... кромѣ меня.

— Чернаго мраморнаго бюста? Да, его недостаетъ, но я намѣренъ и его пріобрѣсти.

— Ну что-жъ, любезный Гиллерсдонъ, подражаніе—это самая искренная лесть, и я чувствую себя безконечно польщеннымъ.

— Прихоть... фантазія, занявшая меня на минуту... и больше ничего. Тѣ полуночные часы, которые я провелъ въ вашихъ комнатахъ, были поворотнымъ пунктомъ въ моей жизни. Я рѣшилъ застрѣлиться въ ту же ночь. Пистолетъ лежалъ заряженный въ футлярѣ. Я все обдумалъ и твердо рѣшился. Богу извѣстно, какъ это вы угадали мою тайну.

— Дорогой другъ, вашъ умъ погрязъ въ мысли о самоубійствѣ, и мысль о немъ была такъ ясно написана на вашемъ лицѣ, что всякій зоркій наблюдатель прочиталъ бы ее. Я увидѣлъ въ

немъ отчаяніе, безнадежность и мракъ, которые могли означать одно только: самоистребленіе.

— А пока я сидѣлъ въ оперѣ, прислушиваясь къ гибели Донъ-Жуана, вѣковѣчнаго типа мота и развратника, въ то время какъ я сидѣлъ въ вашей квартирѣ, письмо законовѣда лежало на моемъ столѣ, въ нѣсколькихъ дюймахъ разстоянія отъ пистолетнаго ящика... письмо, извѣщавшее о доставшихся мнѣ милліонахъ. Эта ночь была точно кошмаръ... и лишь много дней спустя могъ я стряхнуть ощущеніе кошмара и уразумѣть свое счастіе.

— Счастіе въ видѣ отместки,—сказалъ засмѣявшись Джерминъ.—Вамъ повезло не въ одномъ только отношеніи... вы счастливы въ деньгахъ, счастливы и въ любви... и въ скоромъ освобожденіи любимой женщины.

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, — холодно отвѣтилъ Джерардъ, сердясь на этотъ намекъ даже со стороны человѣка, который по профессіи долженъ былъ все знать.

— Не сердитесь на меня за то, что я затрогиваю всѣмъ извѣстный секретъ. Ни для кого не тайна ваше поклоненіе одному блестящему свѣтилу и всѣ будутъ рады за васъ, когда достойный маклеръ отправится на покой. Жизнь для него, бѣдняги, теперь представляетъ мало удовольствія. Я видѣлъ съ мѣсяцъ тому назадъ, какъ его везли въ купальномъ креслѣ въ Санъ-Леонардѣ; онъ представлялъ изъ себя развалину человѣка, а теперь, говорятъ, его послали въ Фингли,—это уже начало конца.

Джерардъ молча курилъ папиросу. Разговоръ очевидно былъ ему не по душѣ.

Начало конца? Да, можетъ быть, что и конецъ близокъ; а если такъ, то чего ему лучше желать, какъ не жениться на женщинѣ, которую онъ такъ страстно желалъ себѣ въ жены четыре года тому назадъ? умную, прелестную женщину, которой восхищался весь городъ, и которая сама была такъ богата, что не могла гоняться за его богатствомъ, выходя за него замужъ. Она была такъ же хороша, какъ и прежде; всѣ безпрестанно твердили ему, что м-съ Чампіонъ—самая красивая женщина въ Лондонѣ.

— Я хочу васъ спросить еще объ одномъ, — продолжалъ Джерардъ:—что̀, я былъ совсѣмъ помѣшанный въ ту ночь или дѣйствительно видѣлъ дѣвушку за швейной машиной?

— Вы совсѣмъ не были помѣшаны. Вашъ разговоръ былъ и разуменъ, и логиченъ. Очень возможно, что вамъ что-нибудь привидѣлось.

менемъ или сальной свѣчкой, я бы выбралъ пламя, хотя, конечно, сальная свѣчка, которую не зажигаютъ, проживетъ дольше. Мнѣ кажется, вы находите, что мы здѣсь ведемъ жизнь prestissimo въ сравненіи съ вашимъ девонширскимъ andante. Но человѣкъ, свободный отъ финансовыхъ заботъ, можетъ позволить себѣ повеселиться. Я гораздо больше расходовалъ силъ, когда терзался мыслью о неуплаченномъ счетѣ моего портного или о надутомъ лицѣ квартирнаго хозяина, которому задолжалъ за нѣсколько семестровъ.

— Но теперь у тебя должны быть финансовыя заботы иного рода,—отвѣчала мать серьезнымъ мягкимъ голосомъ.—Ты располагаешь огромнымъ состояніемъ, а это налагаетъ извѣстныя обязанности.

— Что-жъ, я исполняю обязанности гостепріимнаго хозяина, этого вы не можете отрицать. Какъ вамъ понравилось chaudfroid изъ перепеловъ? Немного банальное блюдо, боюсь. Всѣ его подаютъ въ этотъ сезонъ; лондонское menu становится монотонно, какъ menu израильтянъ въ пустынѣ. Однако, soufflé изъ омара было заморожено въ совершенствѣ.

— Ну, я не стану говорить серьезно съ тобой сегодня вечеромъ; ты только посмѣешься надъ моими старомодными идеями. Но я воспиталась въ мысли, что богатые обязаны заботиться о бѣдныхъ.

— Вы были воспитаны идеальнымъ сквайромъ и его женой. Да, я помню дѣдушку; онъ каждый сикспенсъ, сбереженный на хлѣбѣ и сырѣ, какимъ питался, употреблялъ на постройку коттеджей для своихъ рабочихъ и на улучшеніе дренажныхъ трубъ въ старомодныхъ жилищахъ,—и въ награду за это считался тираномъ-землевладѣльцемъ; а бабушка шлепала по грязи и заходила въ вонючія хижины, перевязывала раны и читала больнымъ и слѣпымъ,—и ее обыкновенно называли властолюбивой женщиной, которая любитъ всюду совать свой носъ. Что-жъ, мама, такую, что-ли, жизнь вы хотѣли бы, чтобы я велъ?

— Нѣтъ, милый, то было милосердіе въ малыхъ размѣрахъ и при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Ты можешь дѣйствовать en grand.

— Только укажите мнѣ, что дѣлать, и я съ удовольствіемъ это сдѣлаю. Вотъ, напримѣръ, Джэкъ Кумберлэндъ знаетъ, что избытокъ моихъ доходовъ къ его услугамъ; но онъ слишкомъ гордъ, чтобы принимать помощь иначе, какъ самую незначительную. Прикажете выстроить ему церковь или богадельню, такую большую, чтобы въ ней помѣстились всѣ престарѣлые нищіе

его прихода? Я готовъ дать и сдѣлать что угодно. Еслибы у меня было какое-нибудь сокровище, особенно дорогое моему сердцу, я готовъ былъ бы отказаться отъ него, какъ Поликратъ, который бросилъ свое кольцо въ море.

— Ахъ, дорогой, я знаю, что сердце у тебя добрѣйшее,— сказала мать, придвигаясь ближе къ кушеткѣ, на которой лежалъ сынъ, прислонивъ голову къ подушкамъ и съ блѣднымъ лицомъ послѣ вчерашняго оживленнаго, но утомительнаго вечера.—Но мнѣ грустно думать, что жизнь, которая могла бы быть такой счастливой и такой полезной, лишена одной драгоцѣнной вещи.

— Чего же это, мама?

— Религіозныхъ убѣжденій. Сестра твоя сказала мнѣ, что ты никогда больше не ходишь въ церковь, что Христосъ пересталъ быть твоимъ Господомъ и Руководителемъ, что ты и твои друзья называютъ Божественнаго Искупителя деревенскимъ философомъ, опередившимъ свой вѣкъ и безсознательно воспроизведшимъ идеи Платона и нравственность Будды. Ты былъ когда-то такимъ вѣрующимъ и религіознымъ человѣкомъ, Джерардъ, въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ домой изъ Итона, и когда мы вмѣстѣ ходили въ церковь и вели такія оживленныя духовныя бесѣды въ рощѣ на прогулкѣ, между полдникомъ и вечерней.

— Ахъ, мама, то были дни, когда жизнь была картиной, а не проблемой; дни, когда я еще не начиналъ мыслить. Я полагаю, что опять стану религіозенъ, когда состарѣюсь и перестану мыслить.

А. Э.

НОВЫЯ РАЗЫСКАНІЯ

въ

НАРОДНОЙ СТАРИНѢ

— Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—XXIV. Акад. А. Н. Веселовскаго. Выпускъ шестой. Спб. 1891.

Русская, какъ и вообще славянская, старина имѣетъ одно чрезвычайно существенное отличіе отъ старины западно-европейской: какъ наша монументальная старина чрезвычайно бѣдна въ сравненіи съ западной и отъ далекой древности сохранились до нашего времени лишь крайне рѣдкіе памятники (наша архитектура, напримѣръ, была по преимуществу деревянная и ея древнія произведенія или просто разрушались или сгорали), такъ и наша старина народно-поэтическая. Основная причина послѣдняго была, конечно, въ томъ, что наша культура вообще очень запоздала сравнительно съ западно-европейской: славяне, и русскіе въ томъ числѣ, выучились писать очень поздно; памятникъ X-го вѣка еще имѣлъ возможность упоминать о „чертахъ" и „рѣзахъ", которыми славяне пользовались до изобрѣтенія азбуки Кирилломъ Философомъ, — между тѣмъ у народовъ западныхъ, германскихъ и романскихъ, въ то время была уже значительная литература, частью почти непосредственно продолжавшая на латинскомъ языкѣ древнюю римскую, частью уже начавшая вводить въ книгу языки народные. Древнѣйшія свидѣтельства, напр., о германскомъ племени находятся еще у Тацита, который называетъ отдѣльныя части племени, описываетъ нравы древнихъ

германцевъ, ихъ миѳологію, ихъ историческія дѣянія; древнѣйшій письменный памятникъ одного изъ старыхъ германскихъ племенъ, сохранившійся до нашего времени, принадлежитъ IV-му вѣку; въ археологіи вещественной памятники германскіе и романскіе, сохранившіеся до нашего времени, примыкаютъ непосредственно къ памятникамъ римскимъ, сохранившимся на германской и романской почвѣ, и т. д. У народовъ германскихъ христіанство распространялось въ такое время, когда старый бытъ успѣлъ создать своеобразныя формы гражданской жизни, права, а вмѣстѣ миѳологіи и языческаго обычая, такъ что христіанство, при всей энергіи его распространителей, не могло истребить этихъ бытовыхъ явленій такъ легко, какъ это бывало потомъ у племенъ славянскихъ. Германская миѳологія сохранялась не только въ свѣжей народной памяти, но даже, съ извѣстными видоизмѣненіями, въ памятникахъ христіанской эпохи, какъ въ германской письменности существовали и народно-поэтическія произведенія, отчасти уцѣлѣвшія до нашего времени.

Ничего подобнаго не можетъ представить старина славянская, и въ частности русская. Наши письменные памятники не идутъ дальше X-го вѣка и ихъ содержаніе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ограничивается почти только произведеніями церковными и богослужебными; отдѣльныя историческія замѣтки складываются въ лѣтопись только къ концу XI-го столѣтія; и такъ какъ ранняя письменность языческихъ временъ, пользовавшаяся „чертами" и „рѣзами" и вѣроятно очень скудная, исчезла безъ всякихъ слѣдовъ, а христіанская грамота была исключительно въ рукахъ церковниковъ, настроенныхъ крайне враждебно ко всему прежнему, какъ къ „поганому", то въ результатѣ наша народная старина до-христіанской эпохи исчезла также почти безъ всякихъ слѣдовъ, кромѣ тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ лѣтописецъ или проповѣдникъ упоминалъ о ней вкратцѣ въ историческомъ воспоминаніи или для обличенія.

Судя по тому, что̀ извѣстно о ходѣ развитія народной поэзіи у другихъ народовъ, надо предполагать, что языческія времена древней Руси не были лишены цѣлой системы народно-поэтическихъ сказаній: онѣ должны были, въ той или другой формѣ, заключать въ себѣ содержаніе миѳологическое и историческое и, наконецъ, лирическо-бытовое. Изъ того, что христіанство было введено у насъ сравнительно легко, заключаютъ, что миѳологическое развитіе у древнихъ русскихъ племенъ было слабо; оно дѣйствительно могло оставаться на довольно первобытной ступени, сообразно съ грубымъ состояніемъ цѣлаго быта, могло не создать

ни выработаннаго внѣшняго культа, ни цѣльнаго миѳологическаго эпоса, но во всякомъ случаѣ должно было обладать хотя такими разрозненными сказаніями, какія мы встрѣчаемъ, напримѣръ, донынѣ у языческихъ и полуязыческихъ инородцевъ,—гдѣ при отсутствіи цѣльнаго эпоса существуютъ однако многочисленные варіанты космогоническихъ преданій, соприкасающихся съ миѳической исторіей. Невозможно сомнѣваться, чтобы не было подобныхъ сказаній о Перунѣ, Велесѣ и иныхъ божествахъ древняго русскаго язычества, — но отъ этихъ сказаній не осталось ничего, кромѣ отрывочныхъ намековъ; несомнѣнно также были свои героическія сказанія, сводившія мѣсто дѣйствія на землю, въ дѣйствительный бытъ племени,—но и объ нихъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій, кромѣ двухъ, трехъ именъ, съ которыми не соединяется никакого яснаго представленія; была, несомнѣнно, бытовая лирика, окрашенная съ одной стороны миѳомъ, съ другой чертами нравовъ и обычаевъ,—и отъ нея также не осталось ни одной древней строки. Древнѣйшія преданія, записанныя въ первые вѣка христіанства, которые были и первыми вѣками письменности, это—тѣ, какія находимъ мы въ первыхъ историческихъ строкахъ Несторовой лѣтописи: это были только воспоминанія о разселеніи племени, раціоналистически излагаемыя первымъ лѣтописцемъ, причемъ уже для него были темны сказанія о началѣ Кіева; затѣмъ, это были преданія о первыхъ князьяхъ, которыя съ древнѣйшихъ временъ и до нашего времени принимались за фактическую исторію (какъ призваніе князей и т. п.) и гдѣ только новѣйшія изысканія стали усматривать участіе народнаго поэтическаго творчества. Но и эти преданія, записанныя въ XI—XII столѣтіи, не оставили почти никакого слѣда въ томъ народномъ эпосѣ, какой уцѣлѣлъ до нашего времени: его старѣйшій фактъ не идетъ въ древность далѣе конца X-го вѣка, временъ князя Владиміра, около котораго собрался первый героическій циклъ (такъ называемые „старшіе богатыри“ относятся въ область неопредѣленной и частью гораздо болѣе поздней миѳологіи), и этотъ циклъ богатырей князя Владиміра мы не можемъ связать даже съ тѣми сказаніями, какія записаны лѣтописью и относятся къ князьямъ, его ближайшимъ предшественникамъ. Былина, дошедшая до нашего времени, ничего не знаетъ объ основаніи Кіева, о началѣ русскаго государства, объ Игорѣ, о Святославѣ и пр.... Среди этого древняго туманнаго эпоса стоитъ особнякомъ Слово о полку Игоревѣ, которое при всѣхъ родственныхъ связяхъ и съ лѣтописной исторіей, и съ позднѣйшей народной поэзіей, по своему складу не сливается въ

тѣсное единство ни съ тѣмъ, ни съ другимъ... Но съ другой стороны до настоящей минуты сохранился обильный запасъ народнаго эпоса и бытовой лирики, по отдѣльнымъ чертамъ своей формы и содержанія, восходящихъ, несомнѣнно, до большой древности, хотя также сильно переплетенныхъ съ чертами поздняго быта и понятій.

Въ чемъ заключался дѣйствительный генезисъ нашей народной поэзіи, это до сихъ поръ остается вопросомъ довольно темнымъ. Этотъ вопросъ, очевидно, долженъ быть исполненъ величайшаго интереса, потому что съ нимъ была бы связана начальная исторія народнаго міровоззрѣнія; къ сожалѣнію, въ своемъ цѣломъ объемѣ онъ рѣдко вызывалъ вниманіе изслѣдователей и причина лежитъ, конечно, въ той трудности, какую создаетъ отрывочность и неполнота данныхъ для его опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, древнѣйшая эпоха исторіи нашей поэзіи, собственно говоря, совсѣмъ закрыта для изслѣдованія по совершенному почти отсутствію памятниковъ,—это отсутствіе таково, что записи подлинной народной поэзіи появляются у насъ впервые не ранѣе XVII-го вѣка, и притомъ это записи случайныя и скудныя. Первые обстоятельные сборники народнаго эпоса въ новѣйшей литературѣ сдѣланы были только въ 1860-хъ и 1870-хъ годахъ. Такимъ образомъ изслѣдователь нашего эпоса имѣетъ передъ собой матеріалъ, гдѣ отъ скудныхъ указаній древней лѣтописи онъ долженъ обратиться (за исключеніемъ немногихъ записей XVII-го столѣтія) прямо къ записямъ изъ народныхъ устъ, сдѣланныхъ уже въ самое новѣйшее время: остается въ серединѣ пробѣлъ за пространствѣ почти всей русской исторіи.

Гдѣ же найти начало этого поэтическаго развитія и какъ наполнить этотъ пробѣлъ? Тѣ скудныя указанія, какія уцѣлѣли отъ древности, остается дополнять, во-первыхъ, тѣми отрывочными остатками преданія, какія сохранились въ позднѣйшихъ упоминаніяхъ памятниковъ и въ современномъ народномъ преданіи и, во-вторыхъ, изслѣдованіемъ всего этого по аналогіи съ народною поэзіею другихъ племенъ, гдѣ большее количество памятниковъ давало возможность установить извѣстные историческіе законы. Эти средства, хотя и не могли замѣнить подлинныхъ свидѣтельствъ, доставляли, однако, весьма обширный матеріалъ, разслѣдованіе котораго можетъ впослѣдствіи доставить данныя для нѣкоторой реставраціи затерянной старины и для объясненія того, какъ создалось то состояніе народной поэзіи, въ какомъ мы видимъ ее въ настоящее время. Матеріалъ, которымъ распоряжается здѣсь историкъ, весьма разнообразенъ. Это—устныя пре-

данія русскаго народа и славянскихъ племенъ; письменные памятники средняго періода, гдѣ среди народно-книжныхъ сказаній, повѣстей, легендъ отражались поэтическіе мотивы стараго времени; свидѣтельства языка, гдѣ продолжали жить въ новыхъ видоизмѣненіяхъ отголоски отдаленной старины; наконецъ, аналогіи съ поэзіей другихъ народовъ. Эти послѣднія только въ новѣйшее время обратили на себя особенное вниманіе и открыли не мало любопытнѣйшихъ и ранѣе почти не подозрѣваемыхъ указаній на судьбу древне-русской поэзіи: дѣло въ томъ, что въ русскомъ народномъ миѳѣ и поэзіи отыскиваются весьма многія черты, совершенно параллельныя съ тѣмъ, что̀ мы находимъ, напр., въ средневѣковой поэзіи западныхъ народовъ. Эта параллельность заставляетъ или предполагать отдаленное до-историческое единство миѳическаго источника, или же позднѣйшее заимствованіе. Первое предположеніе становится тѣмъ болѣе необходимымъ, что это сходство распространяется на чрезвычайное разнообразіе тѣхъ мѣстностей, гдѣ встрѣчаются одни и тѣ же мотивы, какъ, напр., сказочные сюжеты, разнаго рода народныя повѣрья и т. п.; по крайней мѣрѣ, наука до сихъ поръ не могла объяснить иначе удивительное распространеніе нѣкоторыхъ миѳическихъ и поэтическихъ темъ у народовъ, совершенно разъединенныхъ географически и исторически. Съ другой стороны необходимо и второе предположеніе, именно предположеніе прямого или косвеннаго, черезъ вторыя руки, заимствованія. Между прочимъ въ новѣйшихъ изысканіяхъ наличность заимствованія указана въ такихъ случаяхъ, гдѣ еще недавно не предполагали никакой его возможности, гдѣ извѣстное преданіе считалось чисто національнымъ и на его основаніи строилось заключеніе о самобытномъ народномъ творчествѣ. Эта область изслѣдованій именно въ новѣйшее время привлекла особенное вниманіе ученыхъ, особливо нѣмецкихъ, которые, примѣнивъ здѣсь богатую нѣмецкую эрудицію, произвели цѣлый рядъ детальныхъ изученій, получающихъ важность и для разъясненія нашей народно-поэтической старины. Это—цѣлый лабиринтъ, гдѣ собрана нескончаемая вереница народныхъ сказаній, переплетающихся въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, странствующихъ отъ народа къ народу, бросающихъ новые корни и осложняющихся до величайшаго разнообразія. Сказаніе, первоначально заимствованное, въ новой средѣ прививается къ національнымъ мотивамъ и получаетъ всѣ признаки туземности: въ такомъ видѣ понимали его первые наши изыскатели, изучавшіе народно-поэтическую старину,—и между тѣмъ оказывалось, что мы имѣемъ дѣло только съ прививкомъ

и въ результатѣ получалось совсѣмъ иное историческое явленіе: мы имѣли передъ собой не туземное произведеніе, а заимствованную тему, разработанную въ національномъ духѣ. Инымъ казалось, что привлеченіе чужеземныхъ источниковъ для объясненія русскаго эпоса будто бы унижаетъ его достоинство: не говоря о научной странности подобнаго мнѣнія, оно и несправедливо по отношенію къ вопросу національнаго достоинства,— во-первыхъ, явленія подобнаго заимствованія повторяются, вѣроятно, у всѣхъ народовъ безъ исключенія, а во - вторыхъ, темы, заимствованныя подобнымъ образомъ, разработываются въ чисто національномъ духѣ, и при этомъ мы получаемъ иногда чрезвычайно любопытныя указанія о старыхъ международныхъ отношеніяхъ русскаго племени. Илья Муромецъ не перестаетъ быть русскимъ національнымъ богатыремъ, хотя бы въ построеніи эпоса, прославляющаго его подвиги, положена была иранская основа, какъ думаетъ г. Вс. Миллеръ; Садко не перестаетъ быть типическимъ созданіемъ эпоса новгородскаго, хотя бы нашелся, вѣроятно, болѣе древній, двойникъ его въ средневѣковомъ французскомъ романѣ, какъ предполагаетъ г. Веселовскій; для воззрѣній старыхъ русскихъ людей остается чрезвычайно характернымъ посланіе новгородскаго архіепископа XIV-го вѣка, разсказывающее о томъ, какъ новгородскіе мореходы видѣли сами райскую стѣну (или гору, за которой находился рай), какъ двое изъ нихъ съ радостнымъ восклицаніемъ исчезли за этой стѣной, а третій, котораго привязали веревкой, когда онъ поднимался, чтобы взглянуть за эту стѣну и также хотѣлъ броситься туда, былъ стащенъ внизъ мертвымъ и не могъ разсказать того, что̀ онъ видѣлъ, — это сказаніе останется характерно, хотя бы доказано было, что этотъ самый рай задолго ранѣе новгородцевъ видѣли ирландскіе и другіе западные мореходы, какъ объяснялъ это тотъ же ученый.

Въ этотъ лабиринтъ давно уже направилъ свой путь г. Веселовскій и успѣлъ раскрыть въ немъ множество различныхъ явленій, имѣющихъ то или другое отношеніе къ нашей народной поэтической старинѣ. То, что̀ раньше его найдено было другими изслѣдователями, онъ умножилъ обширною массою новыхъ сличеній, нерѣдко бросающихъ чрезвычайно оригинальный, и неожиданный свѣтъ на древнюю русскую поэзію, преданія и суевѣрія. Эта область множествомъ нитей связывается съ міромъ преданій западно-европейскихъ, византійскихъ, восточныхъ; то, что̀ прежде склонны были считать единичнымъ и исключительно русскимъ, являлось общимъ поэтическимъ достояніемъ средневѣкового

міра и наша поэтическая старина съ своей стороны заключала иногда немаловажныя указанія для общей исторіи средневѣкового народнаго міровоззрѣнія. Мы не однажды останавливались на изслѣдованіяхъ г. Веселовскаго именно потому, что въ нашей литературѣ онѣ представляютъ въ особенности богатый запасъ замѣчательныхъ наблюденій въ этомъ направленіи. Съ нихъ въ особенности надо считать новую ступень въ изученіи древняго эпоса, богатырскаго—въ былинахъ, и легендарнаго—въ духовныхъ стихахъ. Каждая новая серія его изслѣдованій представляетъ любопытные эпизоды этой литературной исторіи, — къ сожалѣнію только до сихъ поръ остающіеся безъ объединительнаго обзора.

Таковъ и новый томъ „Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха".

Первая глава посвящена, по нѣкоторой связи съ духовными стихами, одному древнему памятнику скандинавской миѳической поэзіи, такъ называемому „Вѣщанію Вёльвы" (Vǒluspa), которая здѣсь между прочимъ въ первый разъ переведена г. Веселовскимъ на русскій языкъ. Въ объясненіи древне-германской, въ частности скандинавской, миѳической поэзіи совершается въ послѣднее время переворотъ, нѣсколько похожій на тотъ, какой произошелъ въ объясненіи нашей старой былины: то, что принималось прежде (у Гримма и въ его школѣ) за первобытно-миѳологическое и народное, признается теперь за гораздо болѣе позднее и книжное. Таковы были изслѣдованія Бугге о скандинавскихъ сагахъ и иныхъ сѣверныхъ памятникахъ, въ которыхъ вмѣсто глубокаго до-историческаго преданія или рядомъ съ нимъ онъ находилъ книжную подкладку гораздо болѣе поздней христіанской учености; послѣ Бугге объясненіе названнаго скандинавскаго памятника предпринялъ нѣмецкій ученый Мейеръ и представилъ чрезвычайно сложный комментарій этого весьма темнаго и запутаннаго произведенія, гдѣ не хотѣлъ оставить неистолкованнымъ ни одного пункта, какія бы трудности, миѳологическія или логическія, ни представляло это истолкованіе. Мейеръ есть съ одной стороны миѳологъ сравнительнаго направленія, съ другой стороны онъ привлекаетъ въ свой комментарій средневѣковое христіанское міровоззрѣніе, христіанскую символику, и такимъ образомъ находитъ въ скандинавскомъ памятникѣ то весьма туманные образы скандинавской миѳологіи, то не менѣе туманныя отраженія средневѣковой христіанской символики. Памятникъ является двойственнымъ, и чтобы объяснить его происхожденіе и одновременное присутствіе въ немъ двухъ элементовъ, языческаго и христіанскаго, „возможны (говоритъ г. Веселовскій) два случая: язычникъ, который усвои-

ваетъ образы и символы христіанскаго вѣроученія, переводя ихъ на свой языкъ, пріурочивая чужое къ своему, исходитъ изъ своего языческаго міросозерцанія, которое и станетъ для насъ критеріемъ; при помощи его мы постараемся выдѣлить въ его трудѣ внѣшніе сюжеты христіанства. Мейеръ предполагаетъ другой случай: авторъ Völuspa, т.-е. ея древняго текста, былъ не только христіанинъ, но и человѣкъ ученый по своему времени, прошедшій богословскую школу, вмѣстѣ съ тѣмъ стоявшій среди богатаго, литературно развитого языческаго преданія, миѳа, поэтическаго стиля. Всѣмъ этимъ онъ пользуется для выраженія христіанскихъ отвлеченныхъ идей, какъ средневѣковые аллегористы не гнушались классическими миѳами, чтобы вложить въ нихъ иносказательный смыслъ, какъ христіанскій авторъ Слова о Полку говоритъ о внукѣ Дажь-бога. Такой предполагаемый авторъ подлежитъ другой оцѣнкѣ, и къ нему мы можемъ обратить требованіе, которое предъявили и его изслѣдователю: онъ будетъ стоять на почвѣ христіанской символики; подыскивая къ ней соотвѣтствующіе образы сѣвернаго миѳа, постарается быть точнымъ, чтобы быть понятнымъ". Мейеръ думаетъ, однако, что авторъ „Вѣщанія Вёльвы" поступалъ иначе и затемнялъ свое изложеніе такъ, что, быть можетъ, только его друзья и ученики были посвящены въ тайный смыслъ этого „стилистическаго упражненія высоко образованнаго богослова", какъ названъ у Мейера скандинавскій памятникъ. Г. Веселовскій дѣлаетъ многочисленныя частныя поправки къ комментарію Мейера, съ которымъ несогласенъ и по общей постановкѣ вопроса. Памятникъ видимо—двоевѣрный, т.-е. смѣшивающій языческія представленія съ христіанскими, но смѣшивающій не наивно, какъ это было, напр., въ нашихъ древнихъ народно-поэтическихъ произведеніяхъ, а ученымъ образомъ, слѣдовательно сознательно, и г. Веселовскій недоумѣваетъ относительно возможности у скандинавскаго автора такого міровоззрѣнія, какое предполагаетъ Мейеръ. Подыскивая библейско-легендарныя параллели къ различнымъ подробностямъ скандинавскаго памятника, пересыпаннаго чертами скандинавской миѳологіи, Мейеръ видитъ въ памятникѣ цѣлую исторію міра отъ его сотворенія до страшнаго суда; но эти параллели представляютъ крайне причудливую смѣсь народнаго языческаго миѳа и библейскихъ аллегорій. Поэтому памятникъ исполненъ противорѣчій, которыя въ настоящее время едва-ли доступны для комментарія. Оба элемента, языческій и христіанскій, являются какъ будто равноправными. „Авторъ Вёлуспы,—говоритъ г. Веселовскій,—былъ ученый богословъ; въ такомъ случаѣ логически и психологически непонятно

его отношеніе къ невымершимъ еще богамъ и роль, которую онъ имъ создалъ: представителей христіанскаго откровенія. Мейеръ называетъ этотъ замыселъ смѣлымъ; я считаю его невозможнымъ" (стр. 85).

Другая глава „Разысканій" посвящена эпизодамъ о раѣ и адѣ въ извѣстномъ памятникѣ XIV-го вѣка—посланіи новгородскаго епископа Василія къ владыкѣ тверскому Ѳеодору. Здѣсь разсказывается, съ точнымъ указаніемъ мѣстныхъ подробностей и лицъ, о томъ, какъ новгородскимъ мореходамъ удалось быть подлѣ самаго рая и что̀ при этомъ произошло, и какъ многіе видѣли также огненную адскую рѣку на западѣ: „много дѣтей моихъ новгородцовъ видоки тому", писалъ архіепископъ Василій. Дѣло о раѣ было такъ.

„А то мѣсто святого рая,—разсказываетъ архіепископъ Василій, — находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ ихъ было три юмы и одна изъ нихъ погибла, много проблуждавши, а двѣ потомъ долго море носило вѣтромъ и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣли на горѣ той написанъ деисусъ „лазоремъ чуднымъ и вельми издивленъ паче мѣры", какъ будто не человѣческими руками сотворенъ, но божію милостью; и свѣтъ былъ въ этомъ мѣстѣ самосіянный, такъ что нельзя разсказать человѣку. И пробыли они долгое время на томъ мѣстѣ, а солнца не видѣли, но свѣтъ былъ „многочастный", свѣтлѣясь сильнѣе солнца; а на тѣхъ горахъ слышали они многое ликованіе и весело воспѣвающіе голоса. И повелѣли новгородцы одному изъ нихъ взойти на ту гору, и видѣть свѣтъ и ликованіе и (чьи) голоса; и когда онъ взошелъ на ту гору, то вдругъ всплеснулъ руками и возрадовался и побѣжалъ отъ нихъ къ тѣмъ голосамъ. Они же очень удивились и послали другого, чтобы онъ сказалъ имъ, что̀ тамъ видитъ, что̀ было на этой горѣ; но и тотъ сдѣлалъ также, съ великою радостью побѣжалъ отъ нихъ. Они же, увидѣвши это, наполнились страхомъ и стали размышлять между собою, говоря: если и смерть случится, но надо бы посмотрѣть „свѣтлость" этого мѣста—и послали третьяго на эту гору, привязавши его веревкой за ногу; также хотѣлъ сдѣлать и этотъ: радостно восплескавши руками, онъ побѣжалъ, и въ этой радости забылъ веревку на ногѣ своей; они же притянули его этой веревкой и въ то же время онъ оказался мертвымъ. Они же возвратились назадъ, потому что не было имъ дано видѣть той неизреченной свѣтлости и слышаннаго тамъ ликованія; и нынѣ, братъ мой, тѣхъ людей дѣти и внучата въ добромъ здоровьѣ".

Посланіе архіепископа Василія,—замѣчаетъ г. Веселовскій,—

важно и какъ свидѣтельство религіознаго развитія той эпохи, и какъ памятникъ литературный и въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно важно разыскать „осязаемые" источники посланія, такъ какъ въ прежнее время для объясненія его прибѣгали обыкновенно къ ссылкамъ на историческое сродство повѣрій, на прирожденные народу миѳическіе типы и т. п. Г. Веселовскій уже останавливался прежде на этомъ сказаніи и приводилъ нѣкоторыя его параллели въ западной средневѣковой литературѣ; теперь, возвратившись снова къ этому предмету, онъ дополнилъ ихъ новыми сравненіями, доказывающими неоспоримо, что это самое изображеніе рая на морѣ извѣстно было въ западныхъ и притомъ *болѣе старыхъ* памятникахъ. Какъ бываетъ обыкновенно съ широко распространенными легендами, это сказаніе представляетъ варіанты: мореходное странствіе осложняется новыми подробностями, при чемъ является новый мотивъ (попадающіе въ рай были къ этому предъизбраны), но сущность приключенія остается та же самая. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Къ концу XIII-го столѣтія относится нѣмецкая стихотворная обработка извѣстнаго средневѣковаго романа объ Аполлоніи Тирскомъ: нѣмецкій авторъ, передавая свой латинскій подлинникъ, украсилъ его новыми приключеніями и въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ эпизодъ о земномъ раѣ. Разсказъ совершенно сходенъ съ новгородской легендой: Аполлоній плыветъ моремъ къ Галатіи и по дорогѣ встрѣчаетъ (вмѣсто горы) высокую стѣну, въ которой нельзя было найти входа; за исключеніемъ этого различія, Аполлоній и его спутники испытали то же самое приключеніе, какъ и новгородецъ Моиславъ. Въ Германіи извѣстны были и сохранились донынѣ въ народномъ пересказѣ другіе варіанты той же самой легенды и въ нихъ отпала только морская обстановка и высокая стѣна поднимается въ пустынѣ [1]).

---

[1]) Приводимъ одинъ нѣмецкій варіантъ легенды, почти до буквальности сходный съ посланіемъ архіепископа Василія. „Однажды трое отправились путешествовать. Странствовали они по всякимъ чужимъ землямъ и прибыли, наконецъ, къ одной очень высокой горѣ. Тамошніе жители не могли сказать имъ, что̀ за земля находится на другой сторонѣ. Странники удивились этому; имъ представилось, что тамъ именно находится рай, и они дали обѣтъ во что бы то ни стало взойти на гору. Двое изъ нихъ остались внизу и помогли третьему взобраться. Когда онъ уже былъ наверху и его спросили, что̀ онъ тамъ видитъ, онъ только улыбнулся и пошелъ за гору. Тогда послали на гору втораго путника, взявъ съ него слово сказать, что̀ онъ увидитъ по ту сторону въ раю. Но и этотъ поступилъ точно такъ же, какъ и первый. Тогда стоявшій кругомъ народъ помогъ и третьему взлѣзть наверхъ, но привязалъ ему веревку за ногу, чтобы тотчасъ же стащить его, когда онъ попусится уйти безъ объясненія, какъ то сдѣлали другіе. Только-что онъ взобрался, какъ началъ улыбаться и уже хотѣлъ перейти въ рай, какъ народъ быстро стащилъ его и осыпалъ

„Преданіе о новгородскомъ раѣ,—говоритъ г. Веселовскій,—принадлежитъ, повидимому, къ тѣмъ баснословнымъ разсказамъ о странахъ незнаемыхъ, которые распространились въ Европѣ съ литературою путешествій. Въ торговыхъ приморскихъ городахъ эта литература должна была пользоваться особою популярностью, что̀ и объясняетъ мѣстное пріуроченіе новгородской повѣсти". Въ старинныхъ фантастическихъ путешествіяхъ, какъ, напримѣръ, знаменитое путешествіе Мандевиля, помѣщались между прочимъ и свѣденія о раѣ. Но еще раньше подобныя сказанія находили мѣсто въ болѣе древней средневѣковой легендѣ. Таково хожденіе святого Брандана; таковы еще болѣе древнія ирландскія легенды, еще отъ VII—IX вѣка.

Такимъ же образомъ г. Веселовскій указываетъ параллели, объясняющія другой эпизодъ изъ того же посланія новгородскаго архіепископа, именно эпизодъ объ адскихъ мукахъ, находящихся на западѣ. „Итакъ, братъ,—продолжаетъ архіепископъ Василій,—не рѣшено Богомъ, чтобы люди видѣли святой рай, а муки и нынѣ находятся на западѣ. Много дѣтей моихъ новгородцевъ очевидцы тому: на дышущемъ морѣ червь не усыпающій и скрежетъ зубовный, и рѣка огненная [1]), и вода ея входитъ въ преисподнюю и опять выходитъ трижды въ день". Картина странная и мало понятная: что̀ такое рѣка на морѣ, входящая и выходящая изъ него и притомъ огненная? По мнѣнію новгородцевъ XIV-го вѣка, это и была мѣстность ада; но въ западныхъ легендахъ, хотя и безъ представленія объ адѣ, встрѣчается весьма похожая, даже тождественная картина. Въ странствіяхъ святого Брандана описывается островъ на морѣ; большая рѣка поднималась у берега въ высоту, перегибалась какъ радуга черезъ островъ и опускалась по другую его сторону; путники прошли подъ этой рѣкой не замочившись, убили надъ собою много рыбъ, которыя и попа̀дали къ нимъ... Отъ вечера (vespertina) субботы до antetertia понедѣльника рѣка не двигалась, а покоилась въ морѣ, окружавшемъ островъ. Съ нѣкоторыми варіаціями та же чудесная рѣка описывается въ ирландской легендѣ, относимой приблизительно къ XII вѣку: рѣка поднимается радугой до неба, не роняя ни капли, и снова опускается въ море; ея журчаніе и шумъ пріятны для слуха; она не поднимаетъ головы отъ субботы пополудни до третьяго часа въ понедѣльникъ; ея вода отзывается

вопросами. Бѣдный парень пытался что-то сказать, но вдругъ сдѣлался нѣмъ. Такъ любопытный народъ не узналъ ровно ничего о раѣ и по сей день знаетъ не болѣе". („Разысканія", стр. 96).

[1]) Въ другомъ спискѣ: „рѣка молненая Моргъ".

медомъ. Въ посланіи Василія присоединяется характеристика рѣки, какъ огненной, а въ изображеніяхъ адскаго огня является также представленіе огня съ оттѣнкомъ мрака, и г. Веселовскій предполагаетъ, что это послѣднее могло заключаться въ словѣ „Моргъ", которое онъ сопоставляетъ съ скандинавскимъ „mörk", темный, мрачный. Что этотъ „Моргъ" трижды въ день исходитъ изъ моря и снова входитъ въ него, по мнѣнію г. Веселовскаго, можетъ быть только искаженіемъ болѣе древней черты, а именно, что рѣка отъ вечера субботы покоится до третьяго часа понедѣльника. Таково было представленіе о рѣкѣ Сабатіонъ, которая по еврейскимъ повѣрьямъ течетъ на границѣ рая и ада и которая повторяется въ адской рѣкѣ „Сыботѣ" нашихъ духовныхъ стиховъ [1]).

Въ слѣдующей главѣ г. Веселовскій возвращается, съ новыми матеріалами и соображеніями, къ любопытному вопросу, поднятому имъ раньше—о происхожденіи и распространеніи дуалистическихъ космогоній, т.-е. преданій о двойственномъ твореніи міра, Богомъ и дьяволомъ, доброю и злою силою. Въ старомъ славянскомъ мірѣ эта дуалистическая космогонія всего ярче представлена была въ богомильской ереси, и отголоски ея преданій доходили до старой русской письменности и народнаго повѣрья. Изслѣдуя прежде различныя проявленія этой дуалистической космогоніи, г. Веселовскій приходилъ къ заключенію, что источникъ ея былъ не арійскій, какъ прежде предполагалось, а тюркско-финскій: эта оригинальная мысль, такъ сильно противорѣчившая общепринятому представленію о происхожденіи богомильства и предшествовавшаго ему манихейства, была выводима имъ изъ обширнаго распространенія дуалистическаго миѳа между финскими и тюркскими племенами глубокой сѣверной и средней Азіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти послѣднія преданія выдавали вліяніе преданія христіанско-богомильскаго; но въ другихъ случаяхъ подобное вліяніе трудно было замѣтить, и оставалось предположить туземное происхожденіе дуалистическаго миѳа, отъ котораго затѣмъ становилось возможнымъ вести его филіацію до южно-европейскаго дуализма. Теорія еще нуждается въ прочныхъ доказательствахъ, особливо въ такихъ текстахъ тюркско-финской легенды, которые были бы несомнѣнно свободны отъ христіанско-богомильскаго воздѣйствія. Въ настоящемъ случаѣ авторъ указываетъ новые варіанты сказанія у алтайскихъ тюрковъ, у бурятъ, у племени Айно на крайнемъ востокѣ Сибири, у грузинъ и сванетовъ (послѣдніе подъ очевиднымъ вліяніемъ христіанской легенды); но

[1]) Стр. 100—102.

косвенную поддержку своему мнѣнію авторъ находитъ въ представленіи сѣверо-американскихъ дикарей (гуроновъ, ирокезовъ, алгонкинцевъ) о двухъ братьяхъ, представителяхъ добраго и злого начала, которые были творцами міра. Вопросъ остается открытымъ и г. Веселовскій по крайней мѣрѣ хочетъ поставить его во всей широтѣ. „Мое объясненіе славянскаго, финско-тюркскаго и американскаго дуалистическаго миѳа,—говоритъ онъ,—не разъ наводило и меня на мысль, что мы, быть можетъ, имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ зарожденіемъ одного и того же представленія въ разныхъ этническихъ сферахъ, не соприкасавшихся другъ съ другомъ, и что дуализмъ могъ быть одной изъ ступеней религіознаго развитія у многихъ народовъ. Доказать это по отношенію къ разобранному нами космогоническому миѳу—дѣло будущаго изслѣдователя: пока я не рѣшился выразить этого предположенія, потому во-первыхъ, что вопросъ самозарожденія можетъ быть поставленъ лишь въ томъ случаѣ, когда отрицательно будетъ рѣшенъ другой: о невозможности ранняго, праисторическаго общенія человѣческихъ массъ, занесшаго, напр., въ Мексику подѣлки изъ ненаходимаго въ Америкѣ нефрита; почему бы не осколки миѳа? Не рѣшаюсь и потому еще, что отдѣляю вопросъ о дуализмѣ, какъ міросозерцаніи, отъ „вещества“ миѳа, въ которомъ оно выразилось. Чѣмъ сложнѣе это вещество, тѣмъ труднѣе допустить, въ объясненіе сходныхъ легендъ, гипотезу самозарожденія; простота ее не исключаетъ. Съ этимъ положеніемъ всѣ согласятся; но его приложеніе не можетъ не быть произвольнымъ. Чтò такое—сложное, и чтò простое? Подъ какое изъ опредѣленій подойдетъ нашъ типъ легенды о двухъ творцахъ на морѣ, со всѣмъ чтò слѣдуетъ? Самородными или нѣтъ представятся миѳы о творчествѣ, понятомъ, какъ кованье взапуски, встрѣченные нами у монголовъ, въ отраженіяхъ сѣверныхъ и французскихъ повѣрій, въ бретонской сказкѣ—и въ Légende des siècles Виктора Гюго (III), гдѣ Богъ и дьяволъ творятъ, соревнуя, qui créera la chose la plus belle“ [1])?

Изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій укажемъ еще любопытныя разысканія о тѣхъ сказкахъ, гдѣ изображается Илья Муромецъ въ борьбѣ съ змѣемъ, — эпизодъ, неизвѣстный въ былинѣ и параллельный съ извѣстной борьбой Георгія въ духовныхъ стихахъ. Указавши извѣстные въ печати варіанты сказки о борьбѣ Ильи со змѣемъ, г. Веселовскій замѣчаетъ: „всюду Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ дѣвушку; либо она обречена ему на пожра-

[1]) Стр. 123—124.

ніе, либо онъ насилуетъ ее своею любовью. Какой изъ двухъ мотивовъ древнѣе — этотъ вопросъ разрѣшится для насъ вмѣстѣ съ другимъ, болѣе общимъ: въ какихъ отношеніяхъ стоятъ сказки объ Ильѣ-змѣеборцѣ къ былинамъ о немъ, не знающимъ этого сюжета? Должны ли мы предположить случайное примѣненіе сказочнаго мотива о змѣеборцѣ къ имени Ильи, или это примѣненіе не случайное, и въ былинахъ объ Ильѣ были, и еще распознаваемы, данныя, его объясняющія"?

Г. Веселовскій предполагаетъ это послѣднее. Раньше онъ указывалъ уже, что имена Ильи и Алеши Поповича чередуются въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія: оба спасаютъ Кіевъ отъ Тугарина „Змѣевича" и Идолища; оба послѣдніе гигантски прожорливы, оба держатъ себя очень вольно съ княгиней Апраксѣевной, которая, по былинѣ, ничего противъ этого не имѣетъ... (Г. Веселовскій предполагаетъ, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи Тугаринъ первоначально могъ быть просто насильникомъ княгини, и только послѣ явился другой оттѣнокъ, въ уровень съ позднѣйшимъ типомъ Апраксѣевны, падкой на любовныя шашни). Такимъ образомъ древняя былина могла пѣть о томъ, что Илья освобождалъ княгиню отъ „Змѣевича", а сказка привязала къ этому мотивы о змѣеборствѣ: змѣй залегаетъ воду и дѣвушка назначена ему въ жертву и т. п. Хронологически былина должна была быть старѣе сказки по тому предположенію, что первоначально содержаніе былины должно было быть менѣе фантастическимъ и отражавшимъ идеально воспоминанія историческія.

Г. Веселовскій разсматриваетъ далѣе еще новые отголоски преданій объ Ильѣ въ современныхъ сказкахъ инородческихъ, которыя обратили на себя вниманіе только въ послѣднее время. Эти инородческіе варіанты русскихъ былинныхъ и сказочныхъ сюжетовъ любопытны тѣмъ, что въ тѣхъ русскихъ подлинникахъ, изъ какихъ они были именно заимствованы, могли находиться черты, какія не встрѣчаются въ русскихъ текстахъ, нынѣ извѣстныхъ. Нашъ изслѣдователь уже останавливался раньше на этихъ инородческихъ варіаціяхъ и теперь возвращается къ нимъ снова: это—сказки финскія, вотяцкія, латышскія, якутскія. На основаніи найденныхъ здѣсь соотношеній съ русскими преданіями, гдѣ напр. финскія сказки съ одной стороны и малорусскія съ другой, записанныя въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, представляютъ ту же послѣдовательность изложенія, г. Веселовскій предполагаетъ возможность обратнаго развитія, именно отъ сказки или выражавшей ее цѣльной былины къ отрывочнымъ пѣснямъ нынѣшняго состава, потерявшимъ свою древнюю связь. Въ этой

древней былинѣ Идолище могъ быть насильникомъ богатыремъ, „Змѣевичемъ", какъ богатыремъ являлся и Соловей; такая былина могла быть выраженіемъ какихъ-нибудь историческихъ преданій и уже впослѣдствіи прибавился въ ней фантастическій элементъ, который обратилъ „Змѣевича" въ настоящаго змѣя, а Соловья въ чудовищную птицу. Возможность для сказки, образовавшейся изъ былины, сохранить древнія черты плана, заключается въ томъ, что хотя она и подлежитъ приращеніямъ изъ другихъ мотивовъ, но сохраняетъ свои общія схемы (какъ въ данномъ случаѣ схема змѣеборства), а съ другой стороны сказка не имѣла мѣстныхъ пріуроченій и потому могла не испытать тѣхъ перемѣнъ плана, какія вызывались въ былинѣ, вслѣдствіе ея сосредоточенія вокругъ Кіева и Владиміра. Что въ основѣ лежали преданія историческаго характера, можно заключать изъ того обстоятельства, что въ древней нѣмецкой поэмѣ „Ортнитъ", гдѣ Илья является внѣ связи съ княземъ Владиміромъ, и въ Тидрексагѣ, гдѣ онъ съ Владиміромъ связанъ, въ типѣ Ильи нѣтъ ничего фантастическаго. Когда такимъ образомъ изъ этой основы историческаго преданія совершилось поэтическое развитіе, создавшее пѣсню-сказку о боѣ Ильи съ Соловьемъ и змѣемъ и объ освобожденіи женщины, эта пѣсня-сказка, по мнѣнію г. Веселовскаго, могла дать тотъ планъ, по которому въ большомъ стихѣ о Георгіи былъ разработанъ мотивъ змѣеборства въ такой формѣ, которая неизвѣстна ни въ его житіи, ни въ краткомъ стихѣ, излагающемъ обычную легенду.

Такъ нескончаемо возникаютъ все новыя точки зрѣнія, съ которыхъ ведется изслѣдованіе нашего древняго эпоса—главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что сама древность не оставила намъ никакихъ письменныхъ памятей о состояніи нашей народной поэзіи. Такъ было вплоть до конца XVII-го вѣка, когда впервые появились подобныя записи подъ вліяніемъ новыхъ литературныхъ вкусовъ. Самые эти вкусы были, повидимому, не домашняго происхожденія: въ нашей письменности средняго періода стала сильно распространяться литература переводной повѣсти, которая, очевидно, нравилась; произведенія этого рода расходились въ большомъ количествѣ списковъ, появлялись иногда въ нѣсколькихъ редакціяхъ, вслѣдствіе широкаго обращенія въ читающей публикѣ получали болѣе народный колоритъ, вызывали, наконецъ, самостоятельныя попытки повѣсти и занимательнаго разсказа,—и лишь тогда вспомнились произведенія собственной поэзіи и появляются первыя (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ извѣстныя) записи русскихъ былинъ и сказокъ въ XVII столѣтіи. Такъ долго

тяготѣло надъ этими произведеніями суровое церковное запрещеніе, постигшее ихъ съ первыхъ шаговъ нашей письменности, и такъ было слабо воздѣйствіе народно-поэтическаго содержанія, которое, за единственнымъ исключеніемъ Слова о полку Игоревѣ, не сказалось ничѣмъ или почти ничѣмъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій... Естественно представляется вопросъ: какимъ образомъ именно это старое время считалось, съ точки зрѣнія славянофильства, самымъ подлиннымъ выраженіемъ русской народности, когда именно живая поэтическая струя народной жизни была подавлена и оказывала только косвенное и слабое воздѣйствіе на письменную литературу? Скажутъ, что самъ народъ былъ вовлеченъ въ ту возвышенную сферу, въ какую привлекала его письменность церковная, что онъ самъ создавалъ себѣ высшіе идеалы церковнаго характера и уберегалъ народную поэзію только какъ низшее полугрѣховное развлеченіе въ мірской жизни,—но въ такомъ случаѣ опять народно-поэтическій элементъ, составляющій, однако, глубокую нравственную силу народной жизни и сохраненный народомъ, оставался недоразвитымъ, а съ другой стороны народная религіозность получила то странное направленіе, характеръ котораго обнаружился въ расколѣ XVII-го вѣка.

Въ слѣдующей главѣ г. Веселовскій обращается къ народнымъ представленіямъ о *долѣ*. Говоря прежде объ изслѣдованіяхъ нашего автора, мы указывали, что онъ уже останавливался на этомъ предметѣ и сообщалъ чрезвычайно интересныя соображенія о тѣхъ движеніяхъ народной психологіи, которыя создали представленіе „доли", прирожденной человѣку судьбы. Здѣсь г. Веселовскій приводитъ еще новыя данныя о представленіяхъ доли у разныхъ народовъ, подтверждающія его прежнее объясненіе этого предмета, и въ которыхъ нерѣдко оказываются замѣчательныя параллели. Объясненіе „доли" у г. Веселовскаго есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ образчиковъ той, такъ сказать, реальной миѳологіи, какая становится возможна при помощи сравнительнаго изученія фактовъ народной поэзіи и повѣрья.

Мы остановимся еще только на послѣдней главѣ „Разысканій", которая посвящена любопытному эпизоду въ житіи Василія Новаго—„Видѣнію" монаха Григорія. Это житіе, которое было уже раньше предметомъ изслѣдованій г. Веселовскаго, занимаетъ очень важное мѣсто въ той легендарной литературѣ, предметъ которой составляетъ такъ называемая эсхатологія, сказанія о послѣднихъ временахъ, о концѣ міра и страшномъ судѣ. Эта литература была

чрезвычайно обширна; предметъ трактовался множество разъ и въ признанныхъ церковью писаніяхъ святыхъ отцовъ и толкованіяхъ апокалипсиса, и въ массѣ сочиненій апокрифическихъ, еще изъ первыхъ вѣковъ христіанства, и въ позднѣйшихъ легендахъ, наконецъ въ народной поэзіи, и дальнѣйшіе слѣды этой литературы хранятся донынѣ въ народномъ повѣріи. Такъ было и на востокѣ, и на западѣ. Предметъ, безъ сомнѣнія, способенъ былъ глубоко затронуть и религіозное чувство, и мистическую фантазію: это было страшное будущее, когда завершится судьба всего міра, когда всѣ живые и мертвые станутъ на послѣднемъ судѣ и каждому будетъ воздано по его дѣламъ. Средневѣковое христіанство было въ особенности религіей страха, и здѣсь этотъ мотивъ развивался въ тѣхъ размѣрахъ, о какихъ даетъ понятіе грандіозная поэма Данта на западѣ и рядъ эсхатологическихъ легендъ на востокѣ. Эта тема проникала и въ церковную литературу, и въ церковно-народное искусство, и въ книжно-народную поэзію. Житіе Василія Новаго составляетъ въ этой литературѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, а въ немъ—Видѣніе мниха Григорія. Г. Сахаровъ, посвятившій спеціальное изслѣдованіе этого рода сказаніямъ въ древней русской письменности, замѣчалъ объ этомъ видѣніи, что „съ поэтической стороны картина суда Божія въ житіи вполнѣ достойна того, чтобы сравнить ее съ Дантовой поэмой“. Г. Веселовскій значительно ограничиваетъ это заключеніе. „Не заходя такъ далеко, — говоритъ онъ,—нельзя не отмѣтить въ Видѣніи широко задуманнаго плана, достоинствъ архитектоники; не все здѣсь указано преданіемъ, хотя вліяніе болѣе древней эсхатологической литературы (Книга Еноха, Палладій и др.) несомнѣнно. Съ другой стороны, непріятно поражаетъ растянутость изложенія, обиліе повтореній и море эпитетовъ, золота и свѣта, не всегда идущихъ къ дѣлу. Можно удержать сравненіе съ Божественной Комедіей, сказавъ, что видѣнія Григорія могли бы быть благодарнымъ матеріаломъ — для новаго Данте“ [1]).

Видѣніе Григорія существуетъ въ давнемъ южно-славянскомъ переводѣ, извѣстномъ и въ древней Россіи. Г. Веселовскій въ приложеніяхъ къ своей книгѣ помѣстилъ полный греческій текстъ Видѣнія Григорія по одной рукописи синодальной библіотеки [2]), а въ „Разысканіяхъ“ даетъ его пересказъ, имѣя въ виду славянскій переводъ, представляющій нѣкоторыя отличія отъ греческаго

[1]) Стр. 186.
[2]) Стр. 1—174.

издаваемаго текста. Мы приведемъ нѣкоторыя черты, которыя могутъ дать понятіе объ эсхатологическихъ представленіяхъ, имѣвшихъ такое могущественное вліяніе на средневѣковой христіанскій міръ, въ томъ числѣ и на нашихъ предковъ [1]).

На Григорія однажды напали религіозныя сомнѣнія: ему представилось, что іудейская вѣра есть правая вѣра, угодная Богу, потому что Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей и пророки оказались праведными предъ лицомъ Бога. Григорій отправился къ Василію, жившему тогда въ Аркадіанахъ, и между прочимъ по дорогѣ соблазнился взглянуть на конное ристаніе, на которое собрался тамъ весь городъ,—хотя Григорій уже давно отказался отъ этихъ грѣховныхъ зрѣлищъ, по слову Іоанна Златоуста. Василій провидѣлъ это, на исповѣди упрекнулъ его, что онъ далъ увлечь себя бѣсу ипподрома, старался разсѣять его сомнѣнія; но сомнѣнія остались и Григорій просилъ Василія помолиться, чтобы самъ Господь просвѣтилъ его въ видѣніи.

На слѣдующую ночь видѣніе открылось. Григорію казалось, что онъ стоитъ на покрытой травою полянѣ, дивится ея красѣ и благорастворенію воздуха, когда передъ нимъ предсталъ мужъ великаго роста и страшный, одѣтый въ бѣлую столу, съ бѣлымъ хитономъ, вооруженный желѣзнымъ жезломъ. Онъ напомнилъ Григорію объ его сомнѣніяхъ, объ его просьбѣ къ святому Василію: „пойдемъ со мною и я покажу тебѣ, одну за другой, каждую вѣру, и которая вѣра какое дерзновеніе имѣетъ къ Богу“. Облако подняло ихъ въ высь, гдѣ они очутились какъ будто въ другомъ мірѣ; когда облако отступилось отъ нихъ, они очутились стоящими на чудномъ неизреченнаго блеска полу, и тамъ множество „огненныхъ юношей“, славословящихъ Бога. Затѣмъ они пришли на нѣкое мѣсто, которое было „повито огнемъ Божіимъ“; но это былъ не здѣшній огонь; онъ не жегъ, а скорѣе росилъ свѣтомъ; юноши „бѣлоризцы“, которыхъ лица блестѣли паче солнца, ходили въ этомъ огнѣ, почерпали отъ него въ золотые сосуды и уносились въ безвѣстную высь. Это—мѣсто духовнаго, божественнаго огня, размышляетъ Григорій, а юноши—ангелы, почерпающіе отъ него и воскуряющіе ѳиміамъ на вышнемъ жертвенникѣ передъ лицомъ Господа. Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, имъ представилась высокая гора, а на ней вышка, взобравшись на которую съ трудомъ, они увидѣли подъ собою простиравшуюся на востокъ долину, седмерицею покрытую чи-

[1]) Въ нижеслѣдующемъ мы сокращаемъ изложеніе г. Веселовскаго, исключая изъ него сличенія текстовъ, но вводя иногда цитаты изъ славянскихъ рукописей.

стымъ золотомъ, отъ котораго исходилъ чудесный свѣтъ, наполнявшій воздухъ. Когда свѣтъ удалился, они узрѣли къ востоку дивный градъ, который авторъ пытается описать вкратцѣ, сознавая недостаточность своихъ силъ и неизреченность видѣннаго. Спутникъ толкуетъ Григорію, что это новый Сіонъ, небесный градъ, вышняя митрополія, градъ христіанъ, небесный Іерусалимъ, который устроилъ Христосъ черезъ сорокъ дней по воскресеніи, своимъ ученикамъ, апостоламъ, пророкамъ и всѣмъ вѣрующимъ въ Святую Троицу, какъ учили отцы въ семи вселенскихъ соборахъ; тотъ же, кто исповѣдуетъ Отца и Сына, но кощунствуетъ на Святого Духа, тотъ будетъ на вѣкъ осужденъ въ геенну огненную. Такъ говоритъ спутникъ-ангелъ, а Григорію представляется новое видѣніе: посреди града высокій холмъ, пламенѣющій, какъ раскаленное желѣзо, либо мѣдь; на немъ крестъ, сіяющій огнемъ, освѣщалъ воздухъ; большой, бѣлый какъ снѣгъ, голубь летаетъ надъ нимъ, испуская неизреченный свѣтъ, вселяя въ сердце духовную любовь и божественную радость. Онъ опустился на крестъ; повернулся, и какъ отъ раскаленнаго желѣза разлетаются искры, такъ и отъ него точно алыя розы и бѣлоснѣжные цвѣты разсыпались въ воздухѣ. Вотъ съ высоты точно молнія спустился на огненныхъ крыльяхъ юноша, что-то уготовляя, будто престолъ царю и войску, имѣющему явиться во градъ. За нимъ явился другой юноша, имѣя страшный престолъ, и послышался голосъ, говорившій, что царь великій и страшный придетъ въ этотъ градъ съ великою и многою славою. И еще четыре юноши вслѣдъ ему шли съ высотъ, держа по великой свѣчѣ, горѣвшей страшнымъ огнемъ, и съ восклицаніями о величіи Бога. Затѣмъ еще нѣкоторый юноша снизошелъ въ этотъ градъ, возвѣщая воскресеніе мертвыхъ и наступленіе праведнаго суда, и потомъ Григорій съ своимъ спутникомъ видѣлъ, какъ огненный столпъ исходилъ свыше и изъ него слышался страшный голосъ и выходилъ огонь по всему воздуху, и стоялъ онъ не надъ тѣмъ градомъ, а надъ нѣкоей пропастью: онъ снизошелъ въ міръ и съ сіяньемъ разлился „на четыре начала“ и „прикоснулся четырехъ краевъ твари“. И во всемъ мірѣ послышался голосъ, призывавшій кости собраться къ костямъ, составъ къ составу и членъ къ своему члену. И иной юноша, бѣлый образомъ, держалъ въ рукѣ своей огненный свитокъ и посланіе Господне, посланное къ сатанѣ, и говорилъ, что скончалось его царство послѣ того, какъ онъ царствовалъ три года по всей землѣ. И ставши передъ сатаною и прочитавъ посланіе ему отъ Бога, юноша взялъ сатану, извлекъ его изъ царскихъ дворовъ и положилъ на земномъ краѣ,

чтобы онъ извергъ всю злобу и погибель, нечестіе и всякія ереси, потому что кончилось его время и онъ будетъ сожженъ со всѣмъ его воинствомъ.

Между тѣмъ новые сонмы небесныхъ силъ на огненныхъ, крылатыхъ коняхъ, испускавшихъ пламя ноздрями, сошли по воздуху, не въ тотъ городъ, а на землю, откуда послышались вопль и рыданія, ибо ангелы гнали повсюду и закалали всѣхъ, прельстившихся Антихристомъ во время царствія его. И вотъ другое безчисленное, благообразное воинство сошло на землю, уготовляя престолъ Господу и все нужное для пришествія его; за ними спустился съ высоты „юноша нѣкій славный", названный впослѣдствіи архистратигомъ Михаиломъ, въ царской одеждѣ, съ трубою въ рукѣ; за нимъ двѣнадцать юношей, одѣтыхъ такъ же, какъ и онъ, и также съ золотыми трубами. Когда затрубилъ арх. Михаилъ, потряслись всѣ концы земли; затрубили другіе, и задрожала земля, разверзлись гробы, жилы и плоть взошли на кости людей, отъ вѣка лежавшихъ въ гробахъ, но духа жизни въ нихъ не было.

По второму гласу архангела гробницы, распавшись, какъ ледъ отъ удара грузнымъ камнемъ, извергли тѣла цѣлыя и невредимыя; сонмы юношей, многочисленные какъ морской песокъ и персть земная, быстро спустились съ высоты къ мѣсту отвѣчнаго упокоенія человѣческихъ душъ, дабы къ каждому тѣлу привести его душу. Въ третій разъ затрубилъ архангелъ, и содрогнулись небо и земля, и всѣ умершіе встали, земля и море, и рѣки, лѣсъ и озеро отдали своихъ покойниковъ и всѣ, мужчины и женщины, и дѣти, были одного возраста и вида и пола. Лица у однихъ сіяли больше, у другихъ меньше — какъ луна въ темную ночь, какъ дневной свѣтъ, какъ раскаленное желѣзо, испускающее искры, какъ солнце, какъ снѣгъ, какъ бѣлая волна и т. д., и у каждаго на челѣ написана была молніеобразная грамота, указывающая добродѣтель каждаго: то были—пророкъ Господень, апостолъ, праведникъ, проповѣдникъ. Рядомъ съ этимъ сонмомъ — другой, болѣе многочисленный, ибо на тысячи и десятки тысячъ грѣшниковъ едва приходился одинъ праведникъ, и также являвшій въ своемъ образѣ показаніе дѣлъ своихъ: у однихъ лица были какъ прахъ земли, смѣшанный съ пепломъ, у другихъ, какъ смрадный калъ, какъ аспидова кожа, у иныхъ черная и т. д.

Увидѣвъ себя такъ преображенными, грѣшники стыдятся, хотѣли бы скрыться и бѣжать, но въ толпѣ имъ ни двинуться, ни повернуться, нѣтъ возможности даже посмотрѣть, кто стоитъ рядомъ и тѣснитъ—и они начинаютъ плакать: увы намъ, бѣднымъ,

ибо насталъ послѣдній день по пришествіи Христа, истиннаго Бога нашего!—Это грѣшники — христіане. Было тамъ неисчислимое множество другого народа: слыша другихъ плачущихся и сѣтующихъ, они смущены; это—язычники, не слышавшіе ни о Моисеевомъ законѣ, ни объ Евангеліи. Кто это Христосъ, котораго они называютъ Богомъ, ожидая отъ него суда и кары?—спрашиваютъ они. Мы никогда о немъ не слышали, служили вѣрно и преданно своимъ богамъ. Если они воззвали насъ къ жизни — намъ бояться нечего; если Христосъ воскресилъ насъ, горе намъ грѣшнымъ и несчастнымъ!

Такъ утѣшаютъ себя и евреи: если Господь отцовъ нашихъ, Авраама, Исаака, Іакова и Моисея, воскресилъ насъ, великое намъ будетъ благо; если судьей явился сынъ Маріи—увы намъ! Они поминаютъ все злое, что̀ они сдѣлали ему, но утверждаютъ свое невѣріе въ него: онъ—такой же человѣкъ, какъ и мы, и пришелъ не судить, а быть судимымъ наравнѣ съ всѣми; если мы узримъ его здѣсь, мы обличимъ его, какъ лжеца и обманщика.

На челѣ всѣхъ грѣшниковъ начертано ихъ прегрѣшеніе: убійцы, прелюбодѣи, тати, лжецы, идолослужители, волхвы, пьяницы, хищники, гудцы и смычники (т.-е. музыканты), клеветники, сребролюбцы, еретики и т. д.; славянскій переводъ прибавилъ сюда богомиловъ. Всѣ они предавались нескончаемому плачу и били себя по челу, ибо знали святое писаніе и то, что назрѣли плоды ихъ прегрѣшеній.

Новые сонмы спускаются съ высоты, воспѣвая небесную пѣснь; среди нихъ виденъ крестъ, деревянный по существу, но искрившійся и испускавшій божественный свѣтъ, точно солнце днемъ. Дойдя вмѣстѣ съ тѣми сонмами до мѣста, гдѣ уготовленъ былъ Господень престолъ, онъ сталъ въ высотѣ, видимый всѣмъ воскресшимъ изъ мертвыхъ. Узрѣвъ его въ такой славѣ, евреи исполнились страха, трепета и стыда, плачутъ и сѣтуютъ. Видишь ли, что̀ съ ними сталось при видѣ креста!—говоритъ Григорію ангелъ:—что же будетъ, когда они узрятъ самого Распятаго?—Тѣ евреи, что̀ родились до пришествія Христа и не знали крестнаго знаменія, недоумѣваютъ, откуда это смущеніе, спрашиваютъ другихъ и, не получая отвѣта, сами заражаются ихъ горемъ и также издаютъ вопли.

Страшный голосъ раздался съ высоты небесъ: то двинулись небесныя силы, предшествуя явленію судіи. Всѣхъ предстоящихъ людей обуялъ трепетъ; настала глубокая тишина,—за нею такой громъ и молнія, и крики и вопли, что земля содрогнулась и люди

умерли бы, еслибъ не обладали безсмертіемъ; лишь тѣ, что̀ были съ свѣтлыми лицами, были веселы и радостны. Новые полки, высокіе и славные, многоочитые, сходятъ, испуская пламя отъ лица своего; отъ ихъ ненаглядной красы горитъ воздухъ, всѣ дивятся ей. Сойдя въ тишинѣ и молчаніи, они стали на мѣстѣ судномъ, окруживъ предшествовавшіе имъ полки. Идолослужители и евреи, родившіеся послѣ явленія Христа, страшились; тѣ же изъ евреевъ, которые родились до пришествія Христова и не поклонялись идоламъ и Ваалу, радовались; магометане, узрѣвъ крестъ, познали свою гибель. Вѣрные христіане ликуютъ и уличаютъ евреевъ и агарянъ.

И вотъ свѣтлое облако, среди котораго многообразно сверкала молнія, спустилось на крестъ, скрывъ на нѣкоторое время его вершину; когда оно снова воспарило, надъ крестомъ объявился въ воздухѣ вѣнецъ драгоцѣнный, страшный, многоцвѣтный, непостижимо для человѣческаго разумѣнія сотворенный Господней рукою отъ духовной любви и мысленныхъ камней. Его видъ приводитъ въ трепетъ іудеевъ и идолопоклонниковъ, гонителей христіанъ, и агарянъ, и измаильтянъ; христіане же исполнены неизреченной радости.

Громъ и молнія пуще прежнихъ, явленіе ангеловъ и архангеловъ, еще болѣе славныхъ и страшныхъ, наполняютъ страхомъ не только грѣшниковъ, чающихъ пришествія праведнаго судіи, но и самихъ ангеловъ: имъ бы радоваться и ликовать, но они соболѣзнуютъ о насъ. Прибывъ на мѣсто судное, они обступили вмѣстѣ съ другими, ранѣе ихъ явившимися, престолъ Господень, стоявшій въ воздухѣ, на высотѣ какъ бы сорока локтей; и сами они стоятъ на воздухѣ, ожидая явленія праведнаго судіи. Снова сходятъ съ высоты ангельскіе сонмы и изъ средины поднебесной расходятся по четыремъ краямъ земли. И была земля полна людей и воздухъ небесныхъ силъ.

Внезапно воздухъ наполнился въ высотѣ различныхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и духовныхъ лилій, по истинѣ мысленныхъ и небесныхъ: пошли огненные полки, шестикрылатые херувимы и многоочитые серафимы, и было среди нихъ Слово Божіе, и были фіалы, наполненные неизреченныхъ ароматовъ и божественнаго мvра; отъ славославія нисходящихъ ангеловъ, которому отвѣчали стоявшіе на землѣ, потряслись небо и земля; также спустившись на чело земли, огненныя колесницы, шестикрылатые херувимы и многоочитые серафимы обступили Божій престолъ; возрыдали невѣрные; ужаснулись всѣ и ангелы и земнородные при трубномъ гласѣ, раздавшемся съ высоты; на свѣтломъ облакѣ явился

Іисусъ Христосъ. Облако вознеслось на востокъ тверди, врата которой разверзлись предъ нимъ, и Господь возсіялъ съ востока. И ангелы и люди славословятъ Господа и падаютъ ницъ. Онъ возсѣлъ грозный на престолъ славы, и всѣ возстали въ страхѣ: небо потряслось, земля колебалась; ангелы вопіяли гласомъ великимъ, обличая іудеевъ, измаильтянъ, агарянъ и всѣхъ невѣрныхъ; всѣ враги христіанъ и еретики въ смущеніи и трепетѣ. Христосъ воззрѣлъ на небо, и оно побѣжало отъ страха лица его; мы же, говоритъ Григорій, остались на башнѣ, на которой стояли: она одна осталась на воздухѣ, все же прочее убѣжало изъ-подъ насъ; остался и градъ, о которомъ говорено выше, ибо духъ Божій почилъ на немъ и сила Вышняго его держала. И потомъ Господь призрѣлъ на землю, оскверненную людскими грѣхами, и земля убѣжала отъ лица его и всѣ стояли на воздухѣ непоколебимо. И еще призрѣлъ Господь выспрь на высоту и въ глубину бездонную, и вотъ явилось новое небо и земля, блистающая какъ снѣгъ, потому что отъ тлѣнія пришла въ нетлѣніе, и твердь небесная возсіяла какъ солнце, и звѣзды погибли, потому что мѣсто ихъ заняли святые, и не было солнца, потому что всѣмъ возсіяло праведное солнце, Господь Іисусъ Христосъ. И посмотрѣлъ Господь на море, и въ немъ явилась вмѣсто воды огненная рѣка, пламя которой восходило до неба. И воззрѣлъ Господь на грѣшниковъ и пришелъ отъ запада страшный чинъ огненныхъ ангеловъ; они возложили руки свои на грѣшниковъ и на нечестивыхъ и бросили ихъ въ то огненное море. Остались только христіане изъ евреевъ и язычниковъ, и тѣ люди отъ Адама до воплощенія Спасителя, которые не поклонялись идоламъ. Они стояли передъ лицомъ праведнаго судіи, одни радостные, другіе трепетные; а отъ плача и рыданія вверженныхъ въ огонь опечалилось даже небо и ангелы.

Когда такимъ образомъ остались въ ожиданіи суда лишь принявшіе законъ, Господь призрѣлъ на востокъ и „помануль своимъ воинствамъ“, и тѣ полки, что̀ на востокѣ, разсѣялись съ трубнымъ звукомъ, съ быстротою молніи, во всѣ четыре конца земли, и кого обрѣтали съ свѣтлыми лицами, отдѣливъ ихъ отъ грѣшниковъ, лобзая и обнимая, съ радостью привели одесную судіи. Тогда воззрѣлъ Господь на сѣверъ и на югъ, и другіе ангелы привели и поставили ошую грѣшныхъ людей; и было ихъ что̀ песку морского, ибо изъ христіанъ одна лишь часть спаслась на три или четыре, отъ ветхаго завѣта одинъ на тысячу или десять тысячъ, а изъ жившихъ отъ Адама до Авраама—едва одинъ изъ двадцати или сорока. Когда оба сонма стали, свѣтлый

и мрачный, Господь обратился къ нимъ, призывая однихъ, а другихъ отвергая... Слѣдуетъ затѣмъ картинное описаніе новой земли (сильно сокращенное въ славянскомъ переводѣ), отверзлось новое небо и ангелы среди славословій сносятъ страшный и дивный Божій градъ и ставятъ его на челѣ земли и рай посреди его; это былъ вышній Іерусалимъ. По знаку Господа, ангелы трубятъ; отъ ихъ славословія Григорій содрогнулся, волосы стали на немъ дыбомъ. Обратившись къ тѣмъ, что ошую, Господь говоритъ имъ: Видите, проклятые, какихъ благъ вы лишились!—а славословіе и пѣсни были таковы, въ своей неизреченной сладости, что разсѣлись бы жилы и кости слушающихъ, еслибы они были тлѣнны, и мои, прибавляетъ Григорій, еслибы молитвами св. Василія не охранила меня рука Всевышняго.

Возставъ съ престола, Господь на крыльяхъ вѣтренныхъ пронесся къ тому чудесному и страшному граду; за нимъ послѣдовали всѣ, что̀ были одесную. Онъ сталъ у западныхъ воротъ, отворившихся передъ нимъ; кругомъ него тѣ, что̀ одесную, и небесныя силы; грѣшники стали поодаль. Тогда Господь обратился къ праведникамъ, приглашая ихъ вступить въ царство небесное, въ которое онъ ихъ приглашалъ. И вотъ жена изъ стоявшихъ одесную пришла, и когда она шествовала, отъ ногъ ея исходилъ огонь и неизреченная слава. Господь радостно привѣтствуетъ Богоматерь, „склонивъ мало пречистый верхъ свой съ честью". Она вступила въ градъ при славословіи ангеловъ. Затѣмъ поочередно выдѣляются изъ того же сонма Іоаннъ Предтеча, двѣнадцать апостоловъ, семьдесятъ учениковъ, безчисленный сонмъ мучениковъ въ одеждахъ „изъ червеного багра", исповѣдники съ лицами „какъ свѣтъ", святители въ омофорахъ, черноризцы, пустынники, къ которымъ присоединены и жители „блаженныхъ островов", вспомянутые изъ „Александріи"; затѣмъ израильскіе пророки и всѣ сыны Израиля, жившіе до пришествія Христова и сохранившіе законъ. Въ особомъ убранствѣ, возбуждающемъ удивленіе всѣхъ святыхъ, являются милостивые язычники; затѣмъ юродивые Христа ради, нищіе духомъ, милостивые и иные, соблюдавшіе евангельскія ученія,—причемъ Григорій хотѣлъ знать, можетъ ли и въ этой вѣчной жизни жена пожелать своего мужа и мужъ свою жену, но сопровождавшій его ангелъ отвѣтилъ, что здѣсь нѣтъ похоти суетнаго міра, и что человѣки будутъ здѣсь какъ ангелы Божіи.

Когда Господь призвалъ святыхъ вступить въ обитель вѣчной жизни, остался передъ лицомъ его безчисленный сонмъ стоявшихъ ошую: были тутъ отъ всякаго времени и народа, всякой

вѣры и ереси; тѣ, что̀ распяли Христа, христіане грѣшившіе и не покаявшіеся. Всѣ они стояли въ ожиданіи суда, пристыженные, безобразные, темные, жалостные. Взирая на ихъ грѣховность, начертанную на челѣ каждаго изъ нихъ, Св. Духъ Господень исполнился праведнаго гнѣва; внезапно въ десницѣ Господа объявился огненный жезлъ, который онъ бросилъ въ сыновъ беззаконія, отдѣливъ родъ отъ рода, языкъ отъ языка, народъ отъ народа; отдѣльно стали грѣшники по временамъ — отъ Адама до потопа, до Моисея, до воплощенія Спасителя, до второго пришествія.

И воззрѣлъ Господь въ гнѣвѣ своемъ, и огненные ангелы явились въ облакѣ, быстрые какъ молнія, и схвативъ всѣхъ грѣшниковъ, отъ Адама до Моисея, ввергли ихъ въ огненное море. Та же участь постигаетъ и слѣдующихъ, которыхъ Господь поочередно выдѣляетъ жезломъ изъ общаго сонма; группы грѣшниковъ, съ различными чертами темнаго и смраднаго безобразія, низвергаются въ огненное море; особо поименованы грѣховные епископы, попы, черноризцы; особый отдѣлъ полу-грѣшныхъ и полу-праведныхъ и младенцевъ, не получившихъ крещенія; отдѣлъ еретиковъ. Картина осужденія прерывается новымъ небеснымъ видѣніемъ: раздвоилось свѣтлое облако, скрывавшее Господа, и на престолѣ, подобномъ престолу судному, явился почивающимъ Ветхій деньми, съ Единороднымъ Сыномъ и Словомъ. Евреи трепещутъ; голосъ, какъ бы гласъ трубный, обличаетъ ихъ невѣріе, и ангелы, что̀ надъ муками, нападаютъ на нихъ и ввергаютъ въ огненное море. Послѣднимъ является лукавый „полкъ“ тѣхъ, которые отверглись Христа. Григорій отличаетъ въ общемъ сонмѣ грѣшниковъ вопли Діоклитіана...

Судъ надъ грѣшниками кончился; слышится славословіе ангеловъ и затѣмъ поднялось благодарственное пѣніе праведниковъ въ святомъ градѣ. Затворивъ его врата, Господь опочилъ на престолѣ храма; всѣ святые являются передъ нимъ, чтобы получить воздаяніе по дѣламъ своимъ. Прежде всего Господь вѣнчаетъ Богоматерь, которую ставитъ госпожею всѣмъ небеснымъ силамъ; затѣмъ получаютъ свои награды Предтеча, двѣнадцать апостоловъ и пр.

Слѣдуетъ описаніе небеснаго храма съ подробностями его устройства и неисповѣдимаго великолѣпія; преддверіе его казалось Григорію широтою какъ бы въ три тысячи стадій... Въ храмѣ видѣлись прекрасные юноши, „имѣющіе какъ бы діаконскій образъ“ и приготовлявшіе церковь...

Когда они все уготовили, Господь объявился покоящимся

на престолѣ, рядомъ съ нимъ апостолы, также на престолахъ, шесть по правую и шесть по лѣвую руку. По повелѣнію Господню, ангелъ трубитъ, призывая избранниковъ, и они являются какъ быстрокрылые орлы и свѣтлыя горлицы, и по мановенію Божію закрылось огненное море мученій, чтобы вопли грѣшниковъ не тревожили слуха праведныхъ... Всѣ они собрались, принося Господу дары и воспѣвая благодарственныя пѣсни. Самъ Господь совершаетъ „тайную службу"; херувимы, серафимы и апостолы сослужатъ ему; ангелы и святые славословятъ, и „удивилось тому небо и земля"; Господь причащаетъ всѣхъ отъ духовной манны божества своего... По совершеніи жертвы, Господь, а за нимъ святые, идутъ въ палаты, что̀ были на востокѣ святого града Сіона; здѣсь былъ предивный чертогъ, и передъ нимъ трапезы, особо для каждаго сонма святыхъ. И вотъ Господь вышелъ изъ недоступныхъ святынь, чтобы „возлечь на духовномъ обѣдѣ съ другами своими", гдѣ они ѣдятъ безсмертныя брашна, которыя не убываютъ, упиваются піянствомъ нѣкимъ божественнымъ и „измѣненіемъ духовнымъ измѣняясь". Возставъ отъ трапезы, Господь идетъ со святыми и всѣми небесными силами на востокъ отъ града, въ рай, что̀ насажденъ былъ въ Эдемѣ и откуда изгнанъ былъ Адамъ; насладившись его лицезрѣніемъ, всѣ возвращаются въ градъ, гдѣ святые обращаются къ Господу съ молитвой: какъ въ суетномъ мірѣ они создавали церкви и въ нихъ собирались величать силу и славу Господню, такъ пусть явятся и здѣсь церкви „и села, и покоища". По мановенію Божію, вся земля и весь воздухъ вокругъ нея загорѣлись отъ конца до конца „горѣніемъ снѣговиднымъ" и она взялась на небеса, и на ней объявились „дома, палаты, храмы и чертоги, церкви и церковки", и странныя, дивныя, страшныя зданія, различно прегражденныя другъ отъ друга, и въ этихъ вѣчныхъ обителяхъ святыхъ—ложа, постели, кровати, столы, дворы, сѣни и притворы, деревья и сады безсмертные. Все это Господь роздалъ по сану и достоянію своимъ святымъ, у которыхъ явились какъ бы нѣкія „села и проходища" передъ градомъ. Здѣсь они веселятся духовно; иные изъ святыхъ выходятъ изъ города къ своимъ „селамъ" по воздуху, другіе—пѣшіе.

Затѣмъ вострубила труба великая, отверзлись на востокѣ великія врата неба, и Господь вознесся въ царство небесное; съ нимъ Богоматерь, безплотныя силы и тѣ изъ святыхъ, у которыхъ были мощныя крылья, чтобы взлетѣть на такую высоту; другіе остались долу, на обновленной землѣ, третьи—въ великомъ

градѣ Сіонѣ. Ангелъ объясняетъ Григорію соотвѣтствіе этихъ обителей заслугамъ каждаго.

Далѣе Григорію представляется, что Господь снова сошелъ со святыми во святой градъ, и самъ Григорій былъ поставленъ ангеломъ передъ престоломъ Господнимъ. Господь воззрѣлъ на него „кроткимъ и тихимъ окомъ"; какая-то сила схватила его, и онъ увидѣлъ себя лежащимъ у пречистыхъ ногъ Господа, который обратился къ нему съ поученіемъ о видѣнномъ и съ объясненіемъ о вѣрѣ іудеевъ (что̀ было, какъ выше указано, первымъ поводомъ къ видѣнію). Господь велитъ имъ повѣдать видѣнное Его церквамъ и всѣмъ народамъ на свидѣтельство: блаженны тѣ, которые увѣруютъ, и горе тѣмъ лукавствующимъ, которые заблудились отъ праваго пути; объ откровеніяхъ Григорія они скажутъ, что это не правда, „тщетное бряцаніе". Но пусть Григорій не смущается и возвѣститъ о видѣнномъ всѣмъ предстателямъ въ церквахъ Господнихъ отъ высшей степени и до конечной...

Когда Господь изрекъ это среди общаго славословія небесныхъ сонмовъ, Григорій поднялся съ мѣста, гдѣ лежалъ, и увидѣлъ Господа, входившаго въ тотъ великій градъ. Самъ Григорій желалъ проникнуть туда, но его вождь не дозволилъ ему, еще отягченному тлѣнною плотію; онъ недоумѣвалъ, кому онъ долженъ засвидѣтельствовать о видѣнномъ, потому что міръ уже „премѣнился",—онъ думалъ, что то былъ не сонъ и видѣніе, а чистая истина...

Тема, изложенная въ „Видѣніи" мниха Григорія, богато разработывалась средневѣковой догматикой, поученіемъ, легендой, наконецъ иконографіей. Г. Веселовскій, который раньше не однажды останавливался на этомъ легендарномъ сюжетѣ по поводу славяно-русскихъ сказаній и по поводу Данта, указываетъ отличія Григоріева „Видѣнія", его особенности и пробѣлы сравнительно съ другими варіантами этого распространеннаго сюжета, и отмѣчаетъ, какъ его спеціальную черту, это любовное описаніе суда, причемъ Григорій съ видимымъ интересомъ слѣдитъ, какъ спускаются и восходятъ ангелы, какъ сонмъ за сонмомъ выступаютъ на сцену и движутся свѣтлыя толпы отъ небеснаго града къ Эдему и отъ обновленной земли къ вратамъ неба. „Это,—замѣчаетъ г. Веселовскій, — большой царскій выходъ византійскаго двора со всѣмъ его церемоніаломъ, перенесенный въ церковный обиходъ и оттуда на небо, среди сіянія и славословія и реторики. Списатель житія, очевидно, прошелъ ея школу: его ангелы ле-

таютъ какъ молнія, какъ орлы и быстролетные ястребы, святые, какъ свѣтлыя горлицы. Послѣднія сцены Видѣнія расположены какъ бы сознательно: Господь уже вознесся изъ града Сіона въ царство небесное—и снова спустился въ градъ; безъ этого не было бы послѣдней картины: Господь и всѣ безплотныя силы почіютъ въ славѣ; передъ ними лежитъ въ прахѣ грѣшный Григорій. Иные образы не лишены поэзіи: ангелы черпаютъ золотыми сосудами отъ нездѣшняго огня, росящаго свѣтомъ, и несутъ его ввысь на алтарь Господа. Рядомъ съ эпизодами реальнаго характера—другіе, лишенные всякой образности: мысленные камни, разумные вертограды. Они назначены выразить невыразимое и не достигаютъ цѣли: недостаетъ той поэтической неизреченности, сотканной изъ свѣта и звуковъ и волнующихся линій, которую мы зовемъ Дантовскимъ Раемъ" [1]).

Кромѣ церемоніала византійскаго двора, фантазія автора питалась и обычными церковными представленіями: небесный храмъ построенъ по образцу храма византійскаго; онъ пріуготовляется ангелами, имѣющими „діаконскій образъ", къ литургіи, исполняемой самимъ Христомъ въ сослуженіи съ высшими чинами церковной іерархіи, перенесенными на небо. Святые просятъ Господа, чтобы въ небесномъ градѣ сооружены были церкви,—въ которыхъ, конечно, должны были отправляться службы; самый городъ есть городъ по образцу земныхъ, гдѣ „по достоянію" святымъ розданы дома; кромѣ того, у святыхъ есть за городомъ „села и покоища", куда они отправляются для „духовнаго" отдыха, пѣшіе или по воздуху...

Какъ мы имѣли случай указывать, въ настоящемъ томѣ „Разысканій" авторъ большею частью возвращается къ предметамъ, о которыхъ онъ имѣлъ уже случай говорить раньше. Это говоритъ, конечно, о той ревности, съ какою авторъ продолжаетъ слѣдить, въ старой и новой литературѣ, за новыми источниками для объясненія поставленныхъ имъ вопросовъ; но съ другой стороны легко предположить, что новые поиски въ средневѣковой литературѣ и въ современномъ фольклорѣ каждый разъ будутъ приносить новыя разъясненія къ той или другой подробности нашей народно-поэтической старины. Нѣтъ спора, что эти разъясненія бываютъ иногда первостепенной важности: такимъ образомъ въ послѣднее время въ нашей поэтической древности было раскрыто многое, что до тѣхъ поръ представлялось загадочнымъ или со-

---

[1]) Стр. 212—213.

вершенно темнымъ и чему новѣйшій комментарій далъ въ высшей степени любопытныя истолкованія. Вслѣдствіе этого тотъ детальный способъ изученія, какимъ до сихъ поръ отличались труды г. Веселовскаго, вызывался до извѣстной степени необходимостью, недостаткомъ разработки самыхъ существенныхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, невольно является желаніе, чтобы надъ этимъ детальнымъ изслѣдованіемъ построено было критическое обобщеніе, и сдѣлать его подобало бы въ особенности тому изслѣдователю, который въ нашей литературѣ является наиболѣе авторитетнымъ знатокомъ этой области. Намъ случалось уже говорить объ этомъ предметѣ и мы продолжаемъ думать, что это было бы восполненіемъ настоятельной потребности нашей науки и литературы. Для подобнаго обзора потребовалось бы отдать себѣ отчетъ во всемъ, что̀ сдѣлано было до сихъ поръ въ нашей наукѣ въ этомъ направленіи, и рядомъ съ тѣмъ, что̀ сдѣлано, само собою открывалось бы то, что̀ еще остается сдѣлать. Это былъ бы, наконецъ, опытъ исторіи той внутренней жизни народно-поэтическаго творчества стараго и новаго, которая до сихъ поръ наблюдается у насъ только въ отрывочныхъ эпизодахъ. Подобный опытъ труденъ, безъ сомнѣнія, но совершенія его естественно ожидать именно отъ тѣхъ, кто много и заслуженно поработалъ на этой почвѣ. Понятно, что трудъ подобнаго рода не могъ бы остаться чисто историко-литературнымъ трактатомъ: напротивъ, онъ затрогивалъ бы, съ одной стороны, теорію народно-поэтическаго творчества, съ другой—цѣлый вопросъ объ историческихъ судьбахъ русской народности, которыя донынѣ остаются предметомъ ожесточенныхъ споровъ, свидѣтельствующихъ о неясности вопроса для многихъ въ средѣ самихъ изслѣдователей. Современная научная практика, какъ извѣстно, выработала крайнюю спеціализацію, гдѣ ученый считаетъ себя исполнившимъ свой долгъ, хотя бы цѣлую жизнь не выступалъ изъ рамокъ своей спеціальности къ общимъ вопросамъ своей науки, какъ, напр., въ данномъ случаѣ, вопросамъ цѣлой исторіи народной поэзіи и самой народности. Эта спеціализація выработана необычайнымъ современнымъ развитіемъ европейской науки; наша наука иногда по необходимости должна идти по слѣдамъ европейскимъ,—тѣмъ не менѣе дѣятелю русской науки необходимо помнить объ ея особенныхъ условіяхъ, полагающихъ для него и особыя задачи. Наши научныя средства, взятыя въ цѣломъ, до сихъ поръ еще такъ невелики, что и русскій ученый, въ виду этого, едва-ли имѣетъ право удалиться въ тѣсную спеціальность и забыть о потребностяхъ цѣлаго общественнаго образованія: ему приходится исполнять не ту роль,

какою можетъ довольствоваться ученый западно-европейскій, который при массѣ научно приготовленныхъ силъ имѣетъ возможность выбирать себѣ любой кругъ дѣятельности; дѣятель нашей науки долженъ быть не только изслѣдователемъ спеціалистомъ, но и распространять основы своей науки въ массѣ общества, гдѣ бóльшій интересъ къ знанію будетъ вмѣстѣ успѣхомъ общественнаго воспитанія, а также и размноженіемъ дѣятелей науки въ будущихъ поколѣніяхъ. Это была бы заслуга и для науки, и для общества, окруженная трудностями, но и высокая.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

* * *

Тамъ, гдѣ семьей столпились ивы
И пробивается ручей
По дну оврага торопливо,
Запѣлъ послѣдній соловей.

Призывъ ли это къ возрожденью,
Иль безнадежное прости?
А вдалекѣ неслось движенье
И гулъ желѣзнаго пути.

Ручьи, какъ люди, вдаль несутся,
Есть мука въ пѣснѣ соловья,
Стихіи тѣ же въ насъ мятутся,
Покой природы—мысль моя.

А небо высилось ночное
Съ невозмутимостью святой
И надъ любовію земною,
И надъ земною суетой.

* * *

Тѣсно сердце твое для меня,
А разбить его было-бъ мнѣ жалко.
Хоть бы искру живого огня,—
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя мнѣ не въ мочь—
Міръ тогда потеряетъ всѣ краски,
И замолкнутъ навѣкъ въ эту ночь
Всѣ волшебныя пѣсни и сказки.

Владиміръ Соловьевъ.

эту важную и сложную задачу принялъ на себя кружокъ компетентныхъ частныхъ лицъ, подъ руководствомъ профессора А. И. Чупрова, и вышедшіе уже два тома — о сельской общинѣ и о крестьянскихъ арендахъ, — даютъ въ сущности гораздо больше, чѣмъ простую систематическую сводку земскихъ данныхъ; это настоящіе научно-литературные трактаты, освѣщающіе сгруппированный матеріалъ многими интересными разъясненіями и выводами. Разумѣется само собою, что объединеніе разбросанныхъ свѣденій и цифръ значительно облегчитъ пользованіе ими; но было бы въ высшей степени желательно, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось вниманіе къ трудамъ земской статистики, послѣ недавнихъ тяжелыхъ испытаній.

Какъ замѣчаетъ вполнѣ справедливо почтенный А. И. Чупровъ въ предисловіи къ первому тому предпринятаго изданія, „изученіе значительной части Россіи, осуществленное по иниціативѣ земскихъ учрежденій, составляетъ, быть можетъ, самое важное, что̀ сдѣлано у насъ для познанія страны и народа“; въ особенности „крестьянскій экономическій бытъ разныхъ частей Россіи, благодаря неисчерпаемому изобилію точныхъ массовыхъ наблюденій, доставленныхъ подворными описями, анализированъ земской статистикою до мельчайшихъ деталей, которыя даютъ возможность выяснить всѣ главныя условія, опредѣляющія процвѣтаніе и упадокъ нашего крестьянства“. Громадная работа, — говоритъ далѣе А. И. Чупровъ, — выполненная массой тружениковъ, которые съ рѣдкою энергіею и самоотверженіемъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ переходили изъ одного селенія въ другое, предлагая каждому домохозяину одни и тѣ же вопросы, еще недостаточно оцѣнена въ нашей наукѣ и литературѣ; но какъ скоро придетъ надобность серьезно вникнуть въ хозяйственныя условія русскаго крестьянскаго хозяйства, тогда отдадутъ должное произведенному изслѣдованію“. Но эта надобность пришла уже давно, и если она упорно не признавалась до сихъ поръ, то это зависѣло, конечно, не отъ науки и литературы; еще менѣе можно приписывать и ставить въ упрекъ нашей экономической литературѣ недостаточную оцѣнку земско-статистическихъ трудовъ. Наука и литература дѣлали съ своей стороны все, что̀ входило въ кругъ ихъ вліянія и власти; только практика мало сообразовалась съ ихъ указаніями и продолжала идти своимъ путемъ, въ духѣ традицій.

Насколько разрослась земско-статистическая литература въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ цифръ, приводимыхъ въ вступительной статьѣ г. А. Фортунатова

(стр. III—XXXV). „Помимо тѣхъ статистическихъ работъ, которыя обязательно исполняются каждою земскою управою, земскими учрежденіями предпринимались особыя хозяйственно-статистическія изслѣдованія въ 28 губерніяхъ, въ 258 уѣздахъ. До 1891 г. появилось въ свѣтъ около 320 отдѣльныхъ печатныхъ изданій по основной хозяйственной статистикѣ; сверхъ того, около 130 отдѣльныхъ печатныхъ выпусковъ относятся къ текущей земской хозяйственной статистикѣ, которая существовала въ 13 губерніяхъ; такимъ образомъ общее число печатныхъ выпусковъ по земской хозяйственной статистикѣ достигаетъ приблизительно 450". За двадцать-одинъ годъ, отъ 1870 до 1891 г., „основное изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства съ печатными результатами велось въ 25 губерніяхъ земской Россіи и коснулось болѣе чѣмъ 4½ милліоновъ крестьянскихъ дворовъ. Если считать изслѣдованія, произведенныя экспедиціоннымъ способомъ, то цифра крестьянскихъ дворовъ, подвергшихся регистраціи, окажется нѣсколько болѣе 4 милліоновъ". Наконецъ, если считать только „итоги мѣстной подворной переписи крестьянскихъ хозяйствъ, то цифра дворовъ, вошедшихъ въ подворную перепись и послужившихъ уже матеріаломъ для печатныхъ изданій, лишь немного превосходитъ 3¼ милліона. До 1891 года напечатаны результаты переписи, производившейся по 24 губерніямъ въ 133 цѣлыхъ уѣздахъ и въ 15 частяхъ уѣздовъ; всего, стало быть, мѣстною подворною переписью захвачены были 148 уѣздовъ Европейской Россіи". Неурожаи, особенно хроническіе, нерѣдко служили исходнымъ пунктомъ организаціи статистическихъ экспедицій: такъ было съ первымъ изслѣдованіемъ 15 волостей вятской губерніи, затѣмъ съ изслѣдованіемъ саратовской губерніи, съ изслѣдованіемъ нѣсколькихъ районовъ въ казанской губерніи въ 1883 году, съ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ мѣстностей тверской губерніи въ 1882 году, съ подворною описью мглинскаго и суражскаго уѣздовъ въ 1882 году" и др. Г. Фортунатовъ заканчиваетъ свой поучительный очеркъ меланхолическимъ указаніемъ на слишкомъ слабое еще практическое значеніе земскихъ изслѣдованій. „Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что лишь ничтожная доля земско-статистическихъ работъ въ дѣйствительности вполнѣ утилизируется мѣстными органами общественнаго управленія; большое количество матеріала остается сейчасъ нетронутымъ и къ сожалѣнію, ветшая, отчасти теряетъ свое значеніе. Какъ это ни прискорбно, съ этимъ приходится мириться въ виду недостатка средствъ, а главнымъ образомъ интеллигентныхъ силъ, достаточно подготовленныхъ для того, чтобы примѣнять резуль-

таты массовыхъ изслѣдованій къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ" (стр. XXXVIII). Конечно, дѣло не въ одномъ недостаткѣ средствъ и интеллигентныхъ силъ въ провинціи, ибо судьба земской статистики опредѣляется болѣе крупными факторами, чѣмъ мѣстные органы общественнаго управленія.

Большинство ходячихъ мнѣній о народномъ хозяйствѣ имѣетъ подъ собою слишкомъ шаткую почву: каждый опирается на свой личный опытъ, на личныя свѣденія и впечатлѣнія, по необходимости случайныя и одностороннія, и вслѣдствіе этого возможны радикальныя противорѣчія даже относительно такого простого факта, какъ существованіе нужды и голода въ извѣстной мѣстности. Тѣмъ болѣе неизбѣжны коренныя разногласія по сложному и запутанному принципіальному вопросу о поземельной общинѣ. Авторъ книги „Неурожай и народное бѣдствіе", о которой мы говорили недавно, высказывается категорически о вредномъ вліяніи общинныхъ передѣловъ, которые будто бы служатъ главной причиною низкаго уровня земледѣлія у крестьянъ. Передѣлы, по словамъ этого автора, совершаются „по рѣшенію большинства на сходахъ, вызванному иногда однимъ какимъ-нибудь крестьянскимъ воротилой въ чисто личныхъ интересахъ" (стр. 104), а между тѣмъ тотъ же авторъ упоминаетъ объ „установившемся между крестьянами обычаѣ рѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ не по числу голосовъ, а такъ сказать единогласно", причемъ „всякое нововведеніе, всякое измѣненіе рутинныхъ формъ и пріемовъ хозяйства всегда встрѣчаетъ энергическій отпоръ со стороны большинства, предъ которымъ невольно замолкаетъ робкій голосъ иниціаторовъ всякаго рода нововведеній" (стр. 106). Какимъ же образомъ можетъ одинъ какой-нибудь крестьянскій воротила, ради своихъ личныхъ интересовъ, вызвать рѣшеніе въ пользу передѣла, если обычай требуетъ единогласія на сходѣ и если личная иниціатива вообще безсильна въ крестьянскомъ обществѣ? Ради чего, наконецъ, крестьяне приступали бы къ передѣламъ, невыгоднымъ для большинства и вреднымъ для земледѣлія? Авторъ заранѣе рѣшилъ, что сохраненіе общиннаго землевладѣнія грозитъ сельскому населенію въ будущемъ „неизбѣжнымъ обнищаніемъ и даже совершенною гибелью" (стр. 123); онъ ищетъ спасительнаго исхода въ рядѣ бюрократическихъ мѣропріятій, съ цѣлью устройства „по возможности округленныхъ, недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ крестьянской земли, пріурочиваемыхъ къ отдѣльнымъ крестьянскимъ дворамъ, съ оставленіемъ въ общемъ пользованіи луговъ, выгоновъ и лѣсныхъ угодій" (стр. 261—2). При этомъ былъ бы обезпеченъ

землею только привилегированный классъ крестьянъ-хозяевъ, а остальная крестьянская масса, все болѣе размножающаяся, попала бы въ зависимое, неопредѣленное положеніе и образовала бы оффиціально признанный сельскій пролетаріатъ; но сельское хозяйство должно будто бы такимъ способомъ двинуться впередъ по пути совершенствованія и развитія. Другіе, не менѣе свѣдущіе писатели придерживаются противоположныхъ взглядовъ; они твердо убѣждены въ благотворной жизненной силѣ общиннаго землевладѣнія и видятъ въ немъ залогъ нашей великой будущности, надежную гарантію отъ всякихъ соціальныхъ золъ. Разсуждая отвлеченно, можно придти къ тѣмъ или другимъ выводамъ, смотря по исходной точкѣ и по общимъ экономическимъ воззрѣніямъ; но вопросъ значительно упростился бы, еслибы въ основу разсужденій положенъ былъ анализъ многочисленныхъ фактовъ нашего крестьянскаго поземельнаго быта, собранныхъ мѣстными и преимущественно земскими изслѣдователями.

Въ этомъ отношеніи трудъ г. В. В. является какъ нельзя болѣе кстати. Послѣдній неурожай обнаружилъ бѣдственное положеніе крестьянства въ тѣхъ именно областяхъ Россіи, гдѣ господствуетъ общинная форма землевладѣнія; противники общины истолковывали это обстоятельство по своему, и старый споръ вновь оживился и принялъ даже болѣе рѣшительное направленіе, какъ можно судить, напримѣръ, по проектамъ, изложеннымъ въ книгѣ „Неурожай и народное бѣдствіе“.

II.

Давнишній и вѣрный сторонникъ нашей крестьянской общины, г. В. В. старался быть по возможности объективнымъ и безпристрастнымъ въ обработкѣ данныхъ земской статистики объ общинномъ землевладѣніи; но, заботясь о полнотѣ фактическаго матеріала, онъ даетъ ему извѣстное субъективное освѣщеніе и проводитъ свои личныя идеи, которыя вообще весьма симпатичны. Склонность идеализировать народныя понятія и обычаи не мѣшаетъ автору добросовѣстно сообщать факты, противорѣчащіе его выводамъ. Онъ смотритъ на общину какъ на проявленіе высшихъ нравственныхъ чувствъ, господствующихъ въ народной средѣ; если крестьяне легко переходятъ отъ личнаго владѣнія къ общинному при всевозможныхъ внѣшнихъ условіяхъ, то—по мнѣнію г. В. В.—„основную причину этого перехода нужно искать не въ этихъ послѣднихъ, а въ чувствахъ и мысляхъ массы, въ сла-

бомъ развитіи чувства личной собственности, *въ готовности крестьянина, ради общей выгоды, поступиться личнымъ интересомъ*, въ предпочтеніи соціальныхъ средствъ обезпеченія своего благосостоянія индивидуальнымъ и т. д.“ (стр. 40). Однако эта „готовность“ крестьянина вызывалась обыкновенно побужденіями вполнѣ прозаическаго свойства. Уравнительному раздѣлу земли по душамъ предшествовала сильная агитація со стороны обездоленныхъ, и „агитація далеко не всегда мирная, а съ кулачнымъ, смертельнымъ боемъ и насильственнымъ разореніемъ хуторныхъ построекъ“ (стр. 10); нерѣдко пускались въ ходъ угрозы совершенно уединить несогласныхъ отъ остального міра, не пускать ихъ скотъ на общій выгонъ и т. п.; случалось, прибѣгали и къ прямому насилію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ многоземельные хозяева соглашались на переходъ къ общинѣ лишь послѣ уплаты имъ наличными деньгами за отходящую отъ нихъ землю; другіе спорили, судились и долго вели упорную борьбу; бывало и такъ, что недовольный раздѣломъ домохозяинъ подвергался за это публичному сѣченію (стр. 44, прим.). Попытки раздѣловъ сопровождались драками, кончавшимися иногда убійствами; „дѣло доходило, говорятъ, до кольевъ и ножей, такъ что священникъ выходилъ въ поле въ церковномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ“ (стр. 49 и др.). Интересы личные, хозяйственные и фискальные, переплетаясь и сталкиваясь между собою на почвѣ исторической неопредѣленности крестьянскаго землевладѣнія, приводили къ общинному порядку пользованія землею, помимо всякихъ возвышенныхъ мотивовъ. Въ этомъ наглядно убѣждаетъ матеріалъ, собранный г-номъ В. В.,—вопреки его идеалистическимъ теоріямъ.

Въ степяхъ, гдѣ при обиліи свободныхъ земель практиковалось захватное владѣніе, община устанавливалась въ силу того, что „расчистка дремучихъ лѣсовъ подъ пашню, стоившая громадныхъ усилій, производилась не отдѣльными хозяевами, а всѣмъ обществомъ“; кое-гдѣ начальство совѣтовало крестьянамъ совершить передѣлъ, въ видахъ уничтоженія недоимки, которая разверстывалась по ревизскимъ душамъ. Четвертное владѣніе, основанное на старинныхъ отводахъ земель за пограничную военную службу (преимущественно въ центральной, черноземной полосѣ Россіи), перешло отчасти въ общинное пользованіе, съ періодическими передѣлами, подъ вліяніемъ хозяйственныхъ и фискальныхъ соображеній. Четвертные владѣльцы, или однодворцы, принадлежа по своему происхожденію къ привилегированному сословію, зачислены были въ податной классъ и мало-по-малу при-

равниваются къ свободнымъ крестьянамъ. Правительство старалось регулировать землевладѣніе однодворцевъ съ цѣлью предупрежденія ихъ обезземеленія и возможной вслѣдствіе того неисправности въ платежѣ подушныхъ денегъ и въ исполненіи воинской повинности. Позднѣе, при графѣ Киселевѣ, администрація дѣятельно способствовала установленію общины и поощряла уравнительные передѣлы, отчасти вѣроятно,—какъ думаетъ г. В. В.,—въ силу „сознанія благодѣтельности этой формы владѣнія для населенія"; но гораздо правдоподобнѣе, конечно, что главную роль играли при этомъ заботы объ успѣшномъ поступленіи казенныхъ сборовъ съ крестьянъ за круговою отвѣтственностью сельскихъ обществъ, о чемъ упоминаетъ тутъ же г. В. В. (стр. 32).

Между прочимъ, въ обоянскомъ уѣздѣ четвертные крестьяне до конца тридцатыхъ годовъ владѣли землею подворно; но въ теченіе 1839—40 гг. „по всему уѣзду начинаютъ разъѣзжать правительственные чиновники въ сопровожденіи волостныхъ головъ и предлагаютъ подворнымъ владѣльцамъ передѣлить всѣ ихъ участки на ревизскія души. Вслѣдствіе большой и неравномѣрной раздробленности участковъ съ одной стороны, а съ другой—въ надеждѣ привлечь къ раздѣлу участки крупныхъ четвертныхъ владѣльцевъ, большинство населенія охотно соглашалось на предложеніе, и въ короткое время почти всѣ четвертныя земли уѣзда обратились въ общинныя. Однако дѣло не обошлось безъ упорства со стороны большеземельныхъ, которые частью силою не допускали до передѣла своихъ земель, частью подавали въ суды жалобы и прошенія о возвращеніи земель, уже передѣленныхъ на души". Если „правительственная агитація" имѣла своимъ результатомъ „превращеніе въ теченіе года сотенъ тысячъ десятинъ земли изъ частнаго владѣнія въ общинное", то это, по мнѣнію г. В. В., можетъ быть объяснено только тѣмъ, что „само населеніе стремилось къ тому же, и что предложеніе правительства совпало съ мыслью большинства. Дѣлая свои предложенія, правительство не вносило въ сознаніе крестьянъ новой идеи, а, такъ сказать, заявляло сторонникамъ уравненія, что въ ихъ борьбѣ съ противниками оно будетъ на ихъ сторонѣ. Но этихъ сторонниковъ должно быть значительное большинство—не менѣе двухъ третей голосовъ полнаго сельскаго схода, и если вездѣ въ уѣздахъ такое большинство набиралось,—значитъ, населеніе само стремилось къ равненію" (стр. 33).

Подобный выводъ могъ бы считаться правильнымъ только при томъ предположеніи, что администрація тридцатыхъ годовъ уважала самостоятельное „сознаніе" народа, относилась съ деликат-

ною осторожностью къ крестьянству и не шла далѣе совѣтовъ и „агитаціи“ въ своемъ воздѣйствіи на сельское населеніе; нужно было также, чтобы сами крестьяне сознавали за собою какія-либо права въ сношеніяхъ съ агентами правительственной власти, —что̀ представляется довольно сомнительнымъ. Въ другихъ мѣстахъ (курской и рязанской губерній) правительственная „пропаганда“ не имѣла такого успѣха, какъ въ обоянскомъ уѣздѣ; но это обстоятельство зависѣло, быть можетъ, отъ разницы въ степени усердія мѣстныхъ властей, а вовсе не отъ особенностей въ настроеніи и сознаніи крестьянъ, какъ предполагаетъ г. В. В. Нерѣдко сами крестьяне заявляли, что переходъ къ общинѣ вызывался настояніями и требованіями начальства, такъ какъ душевое владѣніе подчиняло крестьянъ закону о круговой порукѣ въ платежѣ податей и обезпечивало взысканіе недоимокъ (стр. 34). Нѣкоторыя села, образованныя еще при Алексѣѣ Михайловичѣ смоленскими шляхтичами, приняли въ составъ общества новыхъ членовъ „вслѣдствіе обременительнаго платежа оброчной подати“ и передѣлили землю по душамъ, ибо „нашли неудобнымъ владѣть ею черезполосно“. Раздробленность и черезполосность подворныхъ участковъ затрудняли веденіе хозяйства и оправдывали мысль о передѣлѣ въ глазахъ большинства. Но при извѣстномъ психическомъ настроеніи массы,—какъ замѣчаетъ авторъ,—крестьяне могли бы и при запутанности отношеній сохранить основы стараго владѣнія, хотя бы для этого и пришлось неоднократно обращаться къ суду; наконецъ, они могли прибѣгнуть къ подушному распредѣленію земли, только какъ къ способу разверстанія, за неимѣніемъ лучшаго, оставляя нетронутыми юридическія основанія землевладѣнія. „Легкое согласіе крестьянъ на примѣненіе этого способа разрѣшенія затрудненій,—говоритъ г. В. В.,—конечно, свидѣтельствовало бы о значительномъ развитіи соціальныхъ чувствъ въ населеніи и объ отсутствіи того индивидуализма, развивающагося на почвѣ частной собственности, который является большимъ препятствіемъ къ мирному разрѣшенію поземельныхъ затрудненій. Но если, не ограничиваясь единовременнымъ передѣломъ земли, общество вводило его въ обычную практику, это доказываетъ нѣчто большее, чѣмъ соціальную покладистость населенія; оно свидѣтельствуетъ о сочувствіи массы къ идеѣ, опредѣляющей тотъ или другой складъ соціальныхъ отношеній“ (стр. 36—7).

„Психическое настроеніе массы“, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, сводится къ традиціонному взгляду на землю, какъ на общее мірское или государственное достояніе,—взгляду, выработанному

всей исторіею нашего крестьянства вплоть до реформы 1861 г. Такъ какъ за крестьянами упорно не признавались частныя права на землю, то понятіе о частной поземельной собственности не могло вовсе установиться и пустить корни въ сельскомъ населеніи; слѣдовательно, нѣтъ надобности объяснять этотъ фактъ особенными соціальными чувствами и соціальною покладистостью крестьянъ, ибо въ народѣ не было даже почвы для сознательнаго предпочтенія одной формы быта—другой. Отъ передѣла выигрываетъ обыкновенно только извѣстная часть сельскаго общества, въ ущербъ многоземельнымъ хозяевамъ; для средней группы крестьянъ уравненіе земли по душамъ остается безразличнымъ, а между тѣмъ именно эта средняя группа часто рѣшаетъ дѣло въ пользу перехода къ общинѣ. Отсюда авторъ заключаетъ, что крестьяне видятъ въ земельномъ уравненіи „нѣчто болѣе благовидное, чѣмъ экспропріацію владѣній богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, что переходъ къ общинѣ значитъ для нихъ не одно только уравненіе земли въ настоящемъ, въ которомъ (уравненіи) данная группа не участвуетъ, что идея общины связывается въ ихъ представленіи съ идеей формы быта, формы отношеній, отличной отъ той, какая свойственна четвертному владѣнію" (стр. 41). Само собою разумѣется, что мысль объ „экспропріаціи" непримѣнима тамъ, гдѣ отсутствуетъ или не можетъ имѣть примѣненія идея самостоятельной частной собственности; а народъ всегда будетъ склоняться въ пользу болѣе привычнаго и болѣе понятнаго строя, созданнаго историческими и экономическими условіями.

Что многоземельные четвертные крестьяне, участвующіе въ передѣлѣ, руководствуются лишь обыкновенными житейскими и хозяйственными мотивами, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. „Потерявъ на количествѣ земли,—говоритъ г. В. В.,—такіе крестьяне (которымъ актъ раздѣла грозитъ несомнѣннымъ сокращеніемъ участковъ) надѣются на выигрышъ въ настоящемъ, а можетъ быть еще болѣе въ будущемъ, въ другихъ отношеніяхъ; а если они не столь дальновидны, чтобы заглядывать въ будущее, то ихъ смущаетъ опасеніе, что, отдѣлившись отъ общества, они утратятъ и тѣ преимущества общинныхъ порядковъ, какія еще сохранялись въ четвертномъ владѣніи при многолюдности поселенія, но которыя исчезнутъ, когда при четвертяхъ останется нѣсколько человѣкъ, земля которыхъ отмежуется отъ угодій большинства, переходящаго на души. Неудобства эти такъ велики, а выгоды полной собственности такъ мало привлекательны, что многіе широкодачники, не согласившись на переходъ къ общинѣ при первоначальномъ уравненіи земли, включали въ общую разверстку

свои угодья послѣ того, какъ хозяйничали нѣсколько лѣтъ особнякомъ отъ другихъ" (стр. 42). Крестьяне, сохранявшіе свои прежніе участки при переходѣ большинства къ общиннымъ порядкамъ, нерѣдко выражали потомъ желаніе присоединиться къ общинѣ, „такъ какъ, имѣя незначительный особнякъ, они были лишены возможности пасти на немъ скотъ, а міряне на свою землю его не пускали" (стр. 49). Въ былое время многоземельные хозяева охотно соглашались на обращеніе четвертной земли въ общинную, чтобы облегчить свою долю платежей и повинностей; но впослѣдствіи, съ поднятіемъ цѣнности земли, многіе изъ нихъ „стали раскаяваться въ своей уступчивости, а теперешніе потомки ихъ не могутъ говорить равнодушно о своихъ отцахъ, которые такъ сдурили, что отдали землю на міръ". И теперь еще „попадаются старики, не могущіе забыть нанесенной имъ обиды, высчитывающіе сколько отошло въ міръ отъ ихъ прежнихъ владѣній, свято хранящіе старинные документы, жалованныя грамоты и т. п. и иногда даже продолжающіе вести тяжбу или, по крайней мѣрѣ, подавать прошенія о возвращеніи имъ земли". Авторъ находитъ, что такое отношеніе къ совершившемуся слѣдуетъ принять за исключеніе и что въ общемъ бывшіе четвертные владѣльцы вполнѣ довольны новыми порядками. Бывало и такъ, что „широкодачники" сами предлагали обществу перейти на души, „вслѣдствіе высокаго обложенія земли", но общество отказывало имъ въ этомъ (стр. 45). Трудно принимать на вѣру тѣ сентиментальныя заявленія о причинахъ крестьянскихъ рѣшеній, которыя записаны нѣкоторыми земскими статистиками со словъ сельскихъ дипломатовъ; во всякомъ случаѣ эти заявленія, сдѣланныя уже послѣ передѣловъ (стр. 43), не могутъ служить доказательствомъ безкорыстія и великодушія бывшихъ многоземельныхъ и среднихъ хозяевъ.

Изображая послѣдовательный ходъ развитія общинныхъ началъ у помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ со времени освобожденія, г. В. В. внимательно слѣдитъ за процессомъ „общинной мысли", „мірского разума", и усматриваетъ торжество „этическаго элемента" среди борьбы противоположныхъ интересовъ въ крестьянской массѣ. Община имѣла свои „внутреннія, психическія основы, долго спавшія, но при извѣстныхъ условіяхъ, наконецъ, пробудившіяся и вызвавшія работу мысли крестьянина въ направленіи, болѣе или менѣе выгодномъ для общиннаго принципа". Тамъ, гдѣ мѣстные наблюдатели видѣли всѣ симптомы утверждающагося подворнаго владѣнія, неожиданно пробуждался духъ общины. „Вдругъ оказалось, что когда сознанію крестьянина

представился вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи описанныхъ порядковъ, во многихъ общинахъ явились лица, настаивавшія на ихъ прекращеніи, потребовавшія регулированія свободнаго доселѣ перехода земель изъ рукъ въ руки и думающія даже о передѣлѣ земли. Число этихъ лицъ постоянно росло, и въ настоящее время въ однѣхъ общинахъ описаннаго разряда идетъ упорная борьба общинниковъ и подворниковъ, въ другихъ — послѣднихъ почти вовсе не находится, и вопросъ заключается въ томъ, дѣлить ли землю теперь, или ждать ревизіи. Словомъ, поставленный предъ лицомъ сознанія вопросъ о формѣ владѣнія землею началъ разрѣшаться крестьянами совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ какомъ его рисовало наблюденіе фактическихъ отношеній. Критика существующаго не остановилась и передъ формальнымъ правомъ: требованіе передѣла раздалось и въ тѣхъ селахъ, которыя юридически установили у себя подворное владѣніе; а нашлись и такіе подворники, которые вовсе отрицали свой переходъ отъ одной формы владѣнія къ другой, несмотря на то, что этотъ переходъ санкціонированъ формальнымъ приговоромъ" (стр. 64—5).

Въ чемъ же выражалась эта „живая общинная жизнь" и дѣятельная „работа мысли" только-что освобожденнаго крестьянина? Смыслъ этой „живой жизни" заключался прежде всего въ облегченіи сельскимъ обществамъ и отдѣльнымъ хозяевамъ „безнедоимочной уплаты тяжелыхъ повинностей, лежащихъ на землѣ" (стр. 77); это достигалось частыми свалками-навалками душъ (т.-е. душевыхъ надѣловъ). Платежи превышали доходность земли, и ослабѣвшіе хозяева отказывались отъ своихъ надѣловъ; общества вынуждены были принудительно распредѣлять свободные участки между болѣе зажиточными дворами, способными управиться съ землею, которую никто не бралъ въ аренду за подати. Въ мѣстностяхъ съ плохою почвою отказовъ было много, и охотниковъ брать на себя лишніе надѣлы находилось мало; поэтому брошенную на міръ землю очень часто приходилось „наваливать" на состоятельныхъ крестьянъ силою (стр. 67). Арендная плата за землю, сдаваемую помѣщиками, была ниже платежей, которые долженъ былъ нести крестьянинъ за надѣльные участки; вслѣдствіе этого „бросаніе земли послѣ воли" было во многихъ уѣздахъ обще-распространеннымъ явленіемъ. На общинѣ накоплялись „пустовыя", „міроплатимыя" души,—надѣлы, бросаемые на міръ лицами, оставившими родину для того, чтобы поискать счастья на сторонѣ. „Такихъ пустовыхъ душъ особенно много въ самарской губерніи. Въ массѣ общинъ онѣ составляютъ сущее бремя для крестьянъ. Нѣкоторыя общины бузулукскаго уѣзда

ждутъ какъ свѣтлаго праздника того момента, когда къ нимъ явятся переселенцы и сядутъ на пустовыя души. Въ иныхъ мѣстахъ самарскаго уѣзда изъ-за пустовыхъ душъ нерѣдко происходятъ драки, такъ какъ никто не хочетъ ихъ брать". Когда же измѣнилось отношеніе между доходностью земли и лежащими на ней платежами, когда увеличилась трудность арендованія земель и повысилась арендная плата, тогда отказавшіеся отъ надѣла крестьяне или ихъ дѣти „стали искать родовую землю, требовать отцовскіе надѣлы". Понятно, что возврату противятся хозяева, обработывавшіе землю и платившіе за нее, когда повинности были обременительны, а земля дешева; иногда противится весь міръ: „много выплачено за нее—обидно отдать свои труды". Тѣмъ не менѣе участки возвращались въ прежнія семьи, или предпринимался общій передѣлъ земли, отчасти подъ вліяніемъ убѣжденія, что предъявленныя требованія основаны на законѣ, или же благодаря вмѣшательству волостного суда. „Измѣненіе хозяйственныхъ условій, результатомъ котораго было требованіе крестьянами надѣловъ, брошенныхъ ими когда-то, отразилось и на свалкѣ-навалкѣ. Въ общинахъ, гдѣ она практиковалась, она начинаетъ сокращаться въ размѣрахъ и измѣняетъ свой характеръ. Отказы отъ земли становятся все рѣже и рѣже, и взамѣнъ ихъ являются требованія надѣла со стороны хозяевъ, семейный или рабочій составъ которыхъ увеличился. Такимъ образомъ, въ противоположность недавнему прошлому, навалка, т.-е. пріемъ земли кѣмъ-либо изъ членовъ общины, получаетъ добровольный характеръ, а свалка ея, т.-е. уменьшеніе семейнаго участка, производится обязательно. Прежніе частные коренные передѣлы (такъ называется еще свалка, навалка душъ) имѣли цѣлью равномѣрное распредѣленіе между всѣми тягостей, связанныхъ съ владѣніемъ землею; теперешніе—такое же распредѣленіе выгодъ землевладѣнія. Сообразно измѣненію характера свалки-навалки, измѣняется и ея система. Прежніе частные передѣлы производились главнымъ образомъ по силѣ семьи, по работникамъ, подросткамъ, т.-е. по производительной нормѣ; настоящіе, имѣя цѣлью удовлетвореніе потребности семьи въ пропитаніи, клонятся къ совершенію по потребительной нормѣ". Государственные крестьяне подали примѣръ коренныхъ передѣловъ съ первой половины семидесятыхъ годовъ; вслѣдъ за ними идутъ владѣльческіе крестьяне. Послѣдніе „еще новички въ общинной жизни, и всѣ процессы развитія общинной мысли должны у нихъ совершаться медленнѣе". Въ уѣздахъ, гдѣ государственныхъ крестьянъ мало и большинство сельскаго населенія принадлежитъ къ разряду четвертныхъ вла-

дѣльцевъ, помѣщичьи крестьяне не имѣли яснаго представленія о возможности перехода на новыя души; при вопросѣ о передѣлѣ они „не всегда сразу понимали въ чемъ дѣло, а затѣмъ многодушники возражали, что они получили землю по уставной грамотѣ въ собственность и платятъ за нее выкупъ". Въ понятіяхъ государственныхъ крестьянъ передѣлъ связывался съ народною переписью, и приступать къ поравненію земли, не дожидаясь ревизіи и безъ особаго правительственнаго указа,—считалось незаконнымъ. Требовался нѣкоторый періодъ времени для того, чтобы крестьяне уразумѣли свои права и рѣшились пользоваться ими, согласно своимъ хозяйственнымъ интересамъ. Сознательная работа мысли участвовала въ этомъ процессѣ настолько же, насколько она играетъ роль въ другихъ явленіяхъ крестьянской жизни.

По словамъ г. В. В., противниками передѣловъ, кромѣ семей съ большимъ числомъ умершихъ ревизскихъ душъ, являются обыкновенно кулаки, міроѣды, коштаны, такъ или иначе захватившіе въ свои руки надѣлы переселенцевъ и другіе, или наживающіеся при распоряженіи общества міроплатимыми душами" (стр. 102). Нельзя однако отрицать, что обычные доводы противъ передѣловъ имѣютъ свое самостоятельное значеніе, независимо отъ спеціальныхъ интересовъ кулаковъ и міроѣдовъ. Зажиточные крестьяне въ помѣщичьихъ общинахъ ссылаются: „на расходы, какіе несли теперешніе владѣльцы земли въ видѣ издѣльной повинности, оброчныхъ и выкупныхъ платежей за землю, когда она того не стоила; на тягости, вынесенныя ревизскими владѣльцами земли въ крѣпостную эпоху, дающія имъ и ихъ вдовамъ особыя права на надѣльную землю; на то, что будто бы по закону земля выкупается въ личную собственность". Частными аргументами противъ передѣловъ служатъ „неодинаковая степень разработки и удобренности участковъ разныхъ семей, дополнительный платежъ или какой-нибудь другой спеціальный расходъ, сдѣланный теперешними владѣльцами земли". Домохозяинъ,—говоритъ одинъ изъ земскихъ статистиковъ,—выплачивающій болѣе 20 лѣтъ выкупные платежи, разсчитываетъ черезъ 25—27 лѣтъ совершенно освободить свою землю отъ этихъ платежей, и никакія соображенія не могутъ его заставить участокъ на половину выкупленный (стоимость и доходность котораго, благодаря быстрому росту цѣнъ на землю и хлѣбъ, возросли за 20 лѣтъ въ четыре или пять разъ) уступить даромъ другому". Дополнительный выкупной платежъ еще болѣе убѣждаетъ крестьянъ въ несправедливости передѣла: „если бы мы платили только въ казну,—

разсуждаютъ крестьяне одной деревни,—то еще можно было бы подѣлить землю на новыя души, несущія казенныя повинности; а то я за каждую ревизскую душу, можетъ быть и умершую, и такую, что отъ земли не видно, положилъ помѣщику по 30 р.,— какъ же мнѣ теперь отдать свою землю, вѣдь я за нее заплатилъ" (стр. 105). Въ общинахъ государственныхъ крестьянъ многіе хозяева возражаютъ противъ передѣла на томъ основаніи, что они 25 лѣтъ платятъ за землю, и міръ не имѣетъ права отнять ее у нихъ безъ разрѣшенія начальства (тамъ же). Крестьяне, удобрявшіе землю, не хотятъ лишиться своихъ участковъ; они не желаютъ „отдать свои хорошо распаханныя, а иногда и унавоженныя полосы, за чужія, плохо пахавшіяся". Неодинаковое унавоживаніе крестьянами своихъ полей является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ доводовъ зажиточныхъ противниковъ передѣла во многихъ губерніяхъ.

Ссылки на законныя и формальныя препятствія къ передѣлу, на отсутствіе надлежащаго указа, ревизіи и т. п., часто прикрываютъ собою экономическія причины несогласія на новую разверстку земли. По мнѣнію г. В. В., „можно было бы предупредить много нежелательныхъ явленій и облегчить процессъ эволюціи общины въ пореформенную эпоху разъясненіемъ крестьянамъ нѣкоторыхъ статей закона; и дѣйствительно, извѣстны случаи, когда вмѣшательство крестьянскаго присутствія и другихъ учрежденій, только разъяснившихъ права міра, давало большой толчокъ передѣламъ". Но мѣстныя власти, особенно сельскія, часто относились враждебно къ агитаціи въ пользу передѣловъ и затрудняли, а не облегчали „работу общинной мысли" (стр. 109). Было бы, разумѣется, правильнѣе не возлагать никакихъ надеждъ на вмѣшательство закона и его исполнителей въ дѣло внутренняго регулированія поземельныхъ порядковъ въ сельскихъ обществахъ; тогда и „процессъ эволюціи общины" и „работа общинной мысли" не получали бы искусственнаго, принудительнаго направленія ни въ ту, ни въ другую сторону. Предоставивъ крестьянской общинѣ полную хозяйственную автономію, законъ долженъ былъ бы только предупреждать злоупотребленія и насилія, а не навязывать крестьянамъ опредѣленную форму быта. Крестьяне привыкли считать для себя обязательнымъ все то, что̀ сказано въ законѣ, и они едва-ли отличаютъ дозволеніе или разрѣшеніе отъ повелѣнія; даже люди высшихъ классовъ принимаютъ за приказы такія распоряженія или разъясненія, въ силу которыхъ „предоставляется" дѣлать что-либо. Одно существованіе извѣстныхъ постановленій въ законѣ можетъ мѣшать передѣламъ

или поощрять ихъ, внѣ всякой связи съ реальными потребностями земледѣлія и крестьянства. Предположеніе о противозаконности передѣловъ дѣйствуетъ столь же вредно, какъ и мысль объ обязательности ихъ по указаніямъ начальства; борьба интересовъ обостряется и ведется съ бо̀льшею самоувѣренностью, когда спорящія стороны чувствуютъ себя въ правѣ опираться на законъ или на мѣстныя власти. Нерѣдко крестьяне, подымающіе на сходѣ вопросъ о передѣлѣ, „сажаются въ холодную подъ предлогомъ, что они находятся въ нетрезвомъ видѣ“. Пока еще приговоръ не постановленъ или не приведенъ въ исполненіе, противники его иногда грозятъ насиліемъ, даже смертоубійствомъ, и изъ-за такой угрозы задерживается исполненіе состоявшихся уже приговоровъ о передѣлѣ; крестьяне сами заявляютъ, что „безъ ревизіи и начальства при дѣлежѣ большая драка будетъ: богатые завладѣли душами (душевыми надѣлами) ушедшихъ вмѣстѣ съ усадьбами и ни за что не отдадутъ ихъ“. „У насъ только начни когда-нибудь передѣлъ—такое побоище будетъ!“—говорятъ крестьяне въ иныхъ мѣстахъ (стр. 110). Случалось, что, постановивъ приговоръ о передѣлѣ и приведя его уже отчасти въ исполненіе, общество должно было отмѣнить его изъ-за ссоръ и дракъ, возбужденныхъ болѣе зажиточными хозяевами; въ одной мѣстности „дѣлильщики“, подкупленные богачами, перепутали землю, и ея на многихъ не хватило; иногда недовольные передѣломъ протестуютъ противъ него тѣмъ, что не берутъ отведенной имъ земли и засѣваютъ старыя полосы. Передѣламъ предшествуютъ часто ожесточенные споры между сторонниками и противниками ихъ; и если не набирается достаточнаго числа голосовъ за передѣлъ, то первые прибѣгаютъ даже къ угрозамъ, чтобы заставить примкнуть къ себѣ хотя часть несогласныхъ. Въ одномъ мѣстѣ крестьянинъ, на вопросъ, почему онъ подалъ голосъ за передѣлъ, когда послѣдній ему невыгоденъ, отвѣчалъ: „сталъ-было перечить, да мнѣ дали выволочку“ (стр. 111). Недовольные хозяева подавали жалобы на приговоръ о передѣлѣ; другіе, увидѣвъ въ моментъ разверстки, что отъ нихъ уходитъ хорошо удобренная полоса взамѣнъ плохой, и не получивъ отъ міра разрѣшенія оставить за собою старые загоны, съ досады начинали съ кѣмъ-либо ссору или драку. Въ дракахъ изъ-за передѣла принимали участіе и женщины. Въ иныхъ обществахъ только „шумѣли маленько“, въ другихъ „была большая война“: „какъ сойдемся толковать о передѣлѣ, — говорятъ крестьяне,— такъ и драка“. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ противныя партіи враждовали годами; дѣло доходило до отчаянныхъ дракъ, и недоволь-

ные „рѣшительно завалили уѣздное присутствіе цѣлымъ ворохомъ правильныхъ и неправильныхъ приговоровъ, жалобъ и кляузъ по вопросу о раздѣлѣ земли на ревизскія души". Кое-гдѣ происходили даже „вооруженныя столкновенія противниковъ" (стр. 113—115). Приверженцы передѣла употребляли также разнообразные мирные пріемы, чтобы побудить противниковъ къ уступчивости; они обѣщали тѣмъ хозяевамъ, которымъ передѣлъ невыгоденъ, „возвратить землю въ размѣрѣ сокращенія ихъ участковъ, или задаривали ихъ деньгами, поили виномъ, дѣлали разныя обѣщанія"; безземельные крестьяне отказывались отъ исполненія натуральныхъ повинностей, пока не состоится переверстка земли, и т. п. Въ частности, чтобы успокоить крестьянъ, удобрявшихъ свои надѣлы, составляются приговоры о невключеніи въ передѣлъ участковъ полевой земли, пользующихся удобреніемъ, или ближайшихъ къ усадьбѣ. Иногда удается увѣрить безземельныхъ крестьянъ, что они получатъ надѣлъ отъ государства, и что нужно терпѣливо ждать казеннаго „равненія", при которомъ послѣдуетъ новая прирѣзка земли.—Такъ какъ въ общественной и экономической борьбѣ преимущество всегда принадлежитъ людямъ, стремящимся активно къ опредѣленной преобразовательной цѣли, то идея передѣла въ концѣ концовъ беретъ верхъ надъ консерватизмомъ противниковъ, и упорные охранители status quo по неволѣ вступаютъ на путь компромиссовъ и соглашеній, стараясь выговорить себѣ какъ можно больше выгодъ при передѣлѣ. Выгоды отдѣльныхъ хозяевъ могутъ заключаться не въ одномъ лишь измѣненіи величины участковъ; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что согласіе на передѣлъ достигается и въ такихъ обществахъ, гдѣ большинство не выигрываетъ или даже теряетъ на количествѣ земли. Отыскивать въ этихъ случаяхъ особые нравственные мотивы крестьянскихъ рѣшеній — не представляется основанія. Видѣть „этическій элементъ" повсюду, гдѣ скрытъ или неясенъ элементъ хозяйственнаго разсчета, было бы ошибочно.

III.

Причины, побуждающія крестьянъ стоять за сохраненіе общиннаго порядка пользованія землею, формулированы довольно точно въ изслѣдованіи покойнаго В. И. Орлова, на основаніи личныхъ опросовъ въ селеніяхъ московской губерніи. Въ обществахъ, гдѣ хозяйство всѣхъ или большинства дворовъ находится въ исправномъ состояніи, гдѣ всѣ землею дорожатъ,—какъ цѣлый

міръ, такъ и всякій отдѣльный хозяинъ высказываются въ пользу мірского землевладѣнія, признавая за нимъ многія преимущества передъ другими формами пользованія землею. При упадкѣ земледѣлія и накопленіи недоимокъ зажиточные крестьяне предпочитаютъ подворно-наслѣдственное владѣніе; но при этомъ никто не одобряетъ мысли объ уничтоженіи черезполосности владѣнія и объ округленіи подворныхъ участковъ; наоборотъ, всѣ настаивали на томъ, что разверстаніе мірской земли на округленные подворные участки было бы крайне невыгодно въ хозяйственномъ отношеніи, и что такое разверстаніе можно произвести развѣ насильственно, такъ какъ добровольно никто на него не согласится. Бѣдные же, малосильные хозяева крѣпко держатся за сохраненіе мірского землевладѣнія, какъ за единственное условіе своей хозяйственной самостоятельности. Средніе крестьяне, стоящіе за общину, приводятъ въ ея пользу чисто хозяйственныя соображенія: при обращеніи земли въ наслѣдственное владѣніе невозможно будетъ каждому нарѣзать особый участокъ, въ виду существующаго разнообразія почвы, а придется сохранить черезполосность со всѣми ея вредными послѣдствіями; при полномъ правѣ собственности каждаго на землю нѣкоторые хозяева внесутъ такія измѣненія въ сѣвооборотъ, которыя сдѣлаютъ невозможною пастьбу скота на общемъ пару, а другіе, не имѣющіе скота, потребуютъ плату за пастбище или вовсе запретятъ гонять скотъ на свои участки, вслѣдствіе чего общая пастьба сдѣлается невозможной, и мелкіе хозяева будутъ стѣснены до крайности; близкое сосѣдство (особенно при черезполосномъ владѣніи) мелкихъ частныхъ собственниковъ поведетъ къ безконечнымъ ссорамъ изъ-за потравъ и другихъ нарушеній однимъ хозяиномъ права собственности другого. Удобреніе земли, при сохраненіи того же количества скота, не только не увеличится, но можетъ сократиться сравнительно съ настоящимъ, когда часто надѣлъ бѣдняка передается болѣе зажиточному хозяину для обработки. Подворное владѣніе должно привести къ такому дробленію собственности, что многіе хозяева не будутъ въ состояніи хозяйничать и вынуждены будутъ продать свои участки; другіе сдѣлаютъ то же, вслѣдствіе временныхъ затрудненій; третьи—по неумѣнію справиться съ землею, и такимъ образомъ послѣдуетъ быстрое обезземеленіе населенія. Наконецъ, общинное владѣніе лучше обезпечиваетъ безнедоимочную уплату податей, въ случаѣ если онѣ превышаютъ доходность земли (стр. 141—2).

Эти простые житейскіе выводы изъ постояннаго земледѣльческаго опыта и наблюденія дѣлаютъ вполнѣ излишними всякія

искусственныя гипотезы объ этическомъ или иномъ превосходствѣ поземельной общины въ глазахъ крестьянства. Мелкое частное землевладѣніе, въ видѣ общей народной формы поземельнаго быта, не можетъ вовсе существовать самостоятельно при нашихъ естественныхъ и экономическихъ условіяхъ; оно вообще не можетъ держаться при экстензивномъ способѣ хозяйства и невысокомъ уровнѣ земледѣльческой культуры, при слабой населенности страны и обширныхъ пространствахъ необработанныхъ земель, при отсутствіи капиталовъ и незначительномъ развитіи торгово-промышленныхъ сношеній, наконецъ при обременительности казенныхъ платежей и повинностей, лежащихъ на сельскомъ населеніи, какъ на податномъ классѣ по преимуществу. Поземельная община развивалась повсюду подъ вліяніемъ однородныхъ сельско-хозяйственныхъ причинъ, какъ естественный продуктъ крестьянскаго земледѣлія; она господствовала бы до сихъ поръ въ народномъ землевладѣніи западной Европы, еслибы не была разрушена насильственно. Печальная судьба мелкой поземельной собственности въ Англіи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи доказываетъ неопровержимо, что эта форма крестьянскаго землевладѣнія не соотвѣтствуетъ условіямъ сельскаго хозяйства и не выдерживаетъ напора экономическихъ порядковъ и законовъ, созданныхъ для городской промышленной жизни. Дробность участковъ безъ общихъ выгоновъ, луговъ и лѣса, при черезполосности владѣній и при неизбѣжныхъ пограничныхъ спорахъ и столкновеніяхъ, дѣлаетъ немыслимымъ веденіе какого бы то ни было самостоятельнаго хозяйства вдали отъ крупныхъ городскихъ центровъ. Дробленіе земель при переходѣ по наслѣдству доводитъ участки до ничтожнаго, нищенскаго размѣра, до полной „пульверизаціи" мелкой поземельной собственности, какъ во Франціи; не помогаетъ дѣлу и искусственная охрана цѣльныхъ крестьянскихъ владѣній, какъ въ Германіи и отчасти въ Австріи, ибо эти владѣнія подпадаютъ подъ власть капитала и переходятъ массами въ руки кредиторовъ и ростовщиковъ, вслѣдствіе денежныхъ расплатъ съ сонаслѣдниками, а значительная часть поселянъ, вытѣсненная изъ отцовскихъ дворовъ въ пользу привилегированныхъ владѣльцевъ, образуетъ все болѣе возростающій сельскій пролетаріатъ, которому положительно некуда дѣваться. Не достаточны ли эти причины для объясненія и оправданія поземельной общины тамъ, гдѣ она не успѣла еще исчезнуть подъ ударами законодательства и капитализма? Наши общинные порядки, по основному своему характеру, нисколько не отличаются отъ тѣхъ, которые гораздо раньше выработаны были въ Герма-

ніи и Англіи и которые отчасти еще сохранились въ Швейцаріи; нѣтъ поэтому ни малѣйшаго повода усматривать въ нашей общинѣ нѣчто исключительное, вытекающее будто бы изъ особаго этическаго міросозерцанія русскаго крестьянства.

Народныя воззрѣнія не мѣшали образованію участковаго наслѣдственнаго пользованія землею въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовали благопріятныя для этого условія; да и вообще крестьянинъ крѣпко охраняетъ свои имущественныя права и интересы по отношенію къ односельцамъ и къ цѣлому сельскому міру, не отступая даже отъ разорительныхъ тяжбъ и грубыхъ насилій, какъ это видно уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Общинная жизнь можетъ привести и къ установленію прочнаго подворнаго владѣнія, безъ періодическихъ передѣловъ; но въ этихъ случаяхъ г. В. В. уже отрицаетъ у крестьянъ сознательную работу мысли, которую онъ находитъ лишь въ актахъ перехода отъ участковаго землевладѣнія къ мірскому. Такая двойственность въ оцѣнкѣ дѣйствій и рѣшеній крестьянъ кажется намъ несправедливой. Авторъ старается доказать, что крестьяне сами не знали, что дѣлали, когда устанавливали у себя подворное владѣніе. Такъ какъ крестьянинъ платилъ выкупъ и получилъ оффиціальное наименованіе собственника, а общество не стѣсняло его въ распоряженіи землею, то у него „естественно стало складываться эмпирическое, такъ сказать, воззрѣніе на себя, какъ на личнаго собственника отведеннаго ему участка, котораго его лишить никто не можетъ. Это такой же естественный выводъ изъ фактическихъ отношеній немыслящаго (sic) ума, какъ и заключеніе, въ періодъ волостной общины, сѣвернаго крестьянина, считавшаго, что расчищенный имъ изъ-подъ лѣса участокъ земли составляетъ его личную собственность, которую онъ можетъ продать, заложить, завѣщать своимъ наслѣдникамъ. „Я такъ дѣлаю, и потому это—мое право“, говорятъ оба наши образца. Право выводится ими изъ фактическихъ отношеній, а не фактическія отношенія строятся на идеѣ права“ (стр. 157). Но право всегда основывается на фактическихъ отношеніяхъ, и идея права вовсе не является чѣмъ-то отвлеченнымъ, метафизическимъ, независимымъ отъ реальныхъ условій быта. Если понятія и воззрѣнія крестьянина складываются эмпирически, то это путь вполнѣ правильный, свойственный и мыслящимъ людямъ; экономическія понятія и не могутъ выработываться иначе, какъ только эмпирически. Тотъ же „немыслящій умъ“ крестьянина доходитъ эмпирически до сложныхъ общинныхъ порядковъ, какъ въ другихъ случаяхъ онъ столь же эмпирически доходитъ до установленія участковаго владѣнія. Поземельная община сама

по себѣ можетъ принимать различныя формы, сообразно характеру крестьянскаго земледѣлія въ данной мѣстности; на ряду съ общинами, практикующими частые коренные передѣлы, могутъ развиваться общины съ болѣе устойчивымъ распредѣленіемъ пахотной земли и даже съ наслѣдственнымъ пользованіемъ опредѣленными участками, при болѣе разумной и старательной земледѣльческой культурѣ. Въ сущности, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ, наше подворное крестьянское землевладѣніе есть только опредѣленный видъ общины, принятый ошибочно за нѣчто противоположное ей и принципіально съ нею несовмѣстимое; общинныя права могутъ на практикѣ проявляться лишь въ пользованіи извѣстными угодьями, лѣсомъ, выгономъ и лугами, сохраняя въ принципѣ свою силу и относительно пахотной земли, раздѣленной на наслѣдственные участки,—что и обнаруживается, напр., при смерти бездѣтнаго хозяина, при оставленіи двора владѣльцемъ и безвѣстномъ его отсутствіи, при переходѣ участка въ постороннія руки и т. п. Законъ едва-ли вѣрно формулировалъ поземельныя права отдѣльныхъ домохозяевъ при наслѣдственномъ участковомъ пользованіи землею; законодатель примѣнилъ здѣсь общія правила о частной поземельной собственности, упустивъ при этомъ изъ виду сохранившіяся, хотя и скрытыя и ограниченныя, права сельскихъ обществъ по отношенію къ отдѣльнымъ дворамъ и ихъ хозяйствамъ. Община безъ періодическихъ передѣловъ и безъ постояннаго вмѣшательства міра въ хозяйство отдѣльныхъ членовъ—есть все-таки община, даже, быть можетъ, болѣе усовершенствованная въ культурномъ смыслѣ, приспособленная къ потребностямъ болѣе развитого земледѣлія и болѣе установившагося и равномѣрнаго народнаго благосостоянія.

Къ сожалѣнію, г. В. В. не анализировалъ самаго понятія общины съ достаточною полнотою и черезъ-чуръ увлекся предполагаемыми этическими особенностями мірского землевладѣнія, въ ущербъ его реальной сельско-хозяйственной природѣ. Повидимому, авторъ не признаетъ другихъ типовъ общины, кромѣ одной великороссійской, съ обязательными періодическими передѣлами; онъ даже во всемъ своемъ обширномъ трудѣ почти не упоминаетъ о возможности разнообразныхъ формъ общиннаго владѣнія, примѣнительно къ различнымъ экономическимъ условіямъ отдѣльныхъ мѣстностей и областей Россіи. Между прочимъ, онъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что „вопросъ о перемѣнѣ распредѣленія земли (о замѣнѣ ревизской разверстки передѣломъ на наличныя души) есть вопросъ о самомъ существованіи общины, вопросъ о томъ, быть ли кореннымъ передѣламъ, какъ средству уравнить всѣхъ членовъ

общины относительно выгодъ, связанныхъ съ землевладѣніемъ, т.-е. считаетъ ли общество крестьянъ себя въ правѣ и желаетъ ли оно принять *типическую общинную форму* землевладѣнія, или же его міровоззрѣнію и интересамъ больше соотвѣтствуетъ подворное владѣніе" (стр. 64). Допуская лишь одну типическую форму общины, г. В. В. значительно съуживаетъ вопросъ и даетъ ему одностороннюю и невѣрную постановку. Одинъ изъ способовъ проявленія общинныхъ правъ—періодическій раздѣлъ земель между членами общины—принятъ за существенный и необходимый признакъ мірского землевладѣнія вообще [1]); всякое отступленіе отъ этого нормальнаго типа считается регрессомъ, а всякое приближеніе къ нормѣ—прогрессомъ. Чѣмъ болѣе личность подчиняется міру, тѣмъ лучше осуществляется общинное начало, съ точки зрѣнія автора; а чѣмъ менѣе сельскій міръ вмѣшивается въ поземельныя и хозяйственныя отношенія домохозяевъ, тѣмъ хуже будто бы поставлена община. Индивидуалистическія теченія прямо объявляются „регрессивными". Съ подобнымъ взглядомъ согласиться невозможно. Преобладаніе общества надъ отдѣльными его членами ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть цѣлью само по себѣ; въ данномъ случаѣ оно есть только средство для избѣжанія невыгодъ дробной поземельной собственности и для разумной охраны интересовъ будущихъ поколѣній. Отдѣльныя лица, какъ это бываетъ очень часто, могутъ быть нравственно выше большинства; они могутъ выдвигаться своею хозяйственною умѣлостью, предусмотрительностью, трудолюбіемъ и честностью: неужели нужно ихъ во что бы то ни стало держать подъ неограниченною опекою сельскаго міра? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, желать, чтобы общество какъ можно меньше стѣсняло полезную дѣятельность такого рода личностей? Если міръ пользуется своею властью для того, чтобы подвергать публичному сѣченію людей, почему-либо неудобныхъ или непріятныхъ для сельскихъ заправилъ, то самъ г. В. В., конечно, не усмотритъ въ этомъ фактѣ ничего „прогрессивнаго", и ограниченіе власти міра въ этомъ направленіи не будетъ для него признакомъ „регресса" общинной идеи. Индивидуализмъ въ общинѣ долженъ имѣть свое законное мѣсто и свою творческую культурную роль; безличность и стадность—при-

---

[1]) Изъ послѣдовательныхъ приверженцевъ общиннаго землевладѣнія въ нашей литературѣ, насколько намъ извѣстно, только одинъ П. А. Соколовскій отрицаетъ существенное значеніе передѣловъ для общины; другіе принимаютъ форму или внѣшній признакъ за сущность. См. статью г. Соколовскаго въ „Трудахъ Имп. Вольнаго Экон. Общества", 1886, № 9, о передѣлахъ пахотной земли у б. госуд. крестьянъ, стр. 21, примѣч.

знаки упадка и разложенія, а не прогресса. Взгляды, раздѣляемые, повидимому, нашимъ авторомъ, могутъ только подрывать значеніе общины въ глазахъ тѣхъ, кто стоитъ за самостоятельное развитіе личности, за ростъ предпріимчивости и энергіи въ нашемъ крестьянствѣ.

Регрессивныя и отрицательныя явленія въ общинной жизни, говоритъ г. В. В., развивались въ послѣднее тридцатилѣтіе частью стихійно, фактически, частью отрицательно; проявлялись они то въ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ, то въ актахъ мірского распоряженія (стр. 155). Эти явленія свидѣтельствуютъ о „существованіи въ народѣ противообщинныхъ стремленій и тенденцій“ или имѣютъ результатомъ „сокращеніе площади, подвергнутой юрисдикціи общины“ (тамъ же). Мы думаемъ, что сокращеніе общинной юрисдикціи не должно быть связываемо съ развитіемъ враждебныхъ общинѣ стремленій и тенденцій; самый убѣжденный общинникъ можетъ стоять за ограниченіе „площади, подвергнутой юрисдикціи общины“, имѣя въ виду интересы прочности и процвѣтанія мірского землевладѣнія. Авторъ приписываетъ вліянію индивидуализма то, что̀ происходитъ отъ погрѣшностей и недосмотровъ законодательства, какъ напр., распродажу участковъ въ постороннія руки при подворномъ владѣніи; но этихъ фактовъ не было бы, еслибы точнѣе опредѣлены были права сельскихъ обществъ при отчужденіи земель, т.-е. еслибы за обществомъ оставлено было право преимущественной покупки и еслибы вообще проведено было начало раздѣленія между участковымъ владѣніемъ и правомъ собственности на землю, принадлежащимъ всему обществу. Къ регрессивнымъ явленіямъ г. В. В. причисляетъ: во-первыхъ, фактическое развитіе личнаго права и слабое проявленіе общиннаго начала; во-вторыхъ, рѣшимость общины не переходить отъ ревизской къ наличной разверсткѣ земли и приговоры о превращеніи общиннаго владѣнія въ подворное; въ-третьихъ, выкупъ отдѣльными членами общины находящихся въ ихъ распоряженіи надѣловъ, и наконецъ, въ-четвертыхъ, продажу общиною своей земли (стр. 156). Въ дѣйствительности, только второй пунктъ можетъ имѣть значеніе въ смыслѣ указанія на упадокъ общины, и то только условно, смотря по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая; ибо, напр., отказъ отъ передѣловъ пахотной земли съ цѣлью лучшей ея обработки не свидѣтельствуетъ еще объ ослабленіи общинныхъ началъ. „Фактическое проявленіе личнаго права“ и ограниченіе мірского вмѣшательства могутъ вести къ усовершенствованію общинныхъ порядковъ; выкупъ надѣловъ также самъ по себѣ могъ бы оказаться

безвреднымъ для общины, при болѣе правильной и осторожной регламентаціи поземельныхъ правъ со стороны закона; наконецъ, продажа обществомъ своей земли можетъ имѣть разумные хозяйственные мотивы, напр. когда имѣется въ виду сбыть неудобную землю для пріобрѣтенія сосѣдняго имѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка и т. п. (что̀ допускаетъ г. В. В. относительно отдѣльныхъ хозяевъ, продающихъ свои надѣлы; стр. 197). Многочисленные факты, приводимые авторомъ относительно произвольныхъ распоряженій землею безъ участія или при участіи міра, указываютъ лишь на неопредѣленность понятій о правѣ среди крестьянъ и на запутанность и противорѣчивость законодательныхъ правилъ и ихъ практическаго примѣненія. По вполнѣ справедливому замѣчанію г. В. В., нежелательные факты въ общинной жизни проистекаютъ изъ „отсутствія у крестьянъ яснаго представленія о смыслѣ совершающихся явленій, особенностяхъ и значеніи общиннаго и подворнаго владѣнія землею"; можно было бы прибавить, что и законъ не даетъ ясныхъ представленій по этому важному предмету, и непосредственные исполнители закона невольно способствуютъ дальнѣйшей путаницѣ своими противорѣчивыми толкованіями и разъясненіями. Авторъ вѣрно отмѣтилъ поспѣшность заключеній нѣкоторыхъ земскихъ статистиковъ о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, когда на дѣлѣ существовали только признаки „переходнаго момента въ эволюціи общинно-земельной идеи"; но и самъ онъ, какъ мы видѣли, произвольно и ошибочно устанавливаетъ a priori симптомы упадка и прогресса общины, въ связи съ развитіемъ или подавленіемъ индивидуализма въ сельскихъ обществахъ.

„Со временемъ, однако,—говоритъ далѣе г. В. В.,—наступаетъ моментъ, когда развивающіяся на почвѣ личнаго права отношенія подвергаются оцѣнкѣ мірского разума, съ точки зрѣнія соотвѣтствія явившихся порядковъ общему интересу, какъ онъ понимается населеніемъ, и его настроенію" (стр. 165). Авторъ полагаетъ, вопреки всѣмъ установившимся понятіямъ о правѣ и законѣ, что полную законную силу должны имѣть только тѣ юридическіе акты, которые вытекаютъ изъ всесторонняго пониманія и обсужденія разнообразныхъ особенностей и послѣдствій принятыхъ рѣшеній. Существованіе формальнаго приговора о замѣнѣ общиннаго владѣнія подворно-наслѣдственнымъ „свидѣтельствуетъ только объ отрицательномъ отношеніи крестьянъ къ общинѣ въ самый моментъ постановленія приговора. Рѣшимость на этотъ шагъ, способный фатально отразиться на судьбѣ будущихъ поколѣній, никоимъ образомъ не доказываетъ, что обще-

ство серьезно взвѣсило слабыя и сильныя стороны общиннаго и подворнаго владѣнія и заранѣе примирилось со всѣми неблагопріятными результатами послѣдняго въ однихъ отношеніяхъ изъ-за выгодъ, какія оно представляетъ въ другихъ. Очень часто приговоръ о подворномъ владѣніи постановляется не въ виду ясно сознанныхъ преимуществъ этой формы владѣнія землею или несоотвѣтствія общиннаго владѣнія міросозерцанію и настроенію населенія, а по недоразумѣнію или подъ вліяніемъ слѣпого эгоизма большинства, намѣревающагося закрѣпить этимъ способомъ выгодное для него существующее распредѣленіе земли и не думающаго о томъ, что черезъ немного лѣтъ настроеніе общества можетъ измѣниться. Указанный мотивъ ясно виденъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ о подворномъ владѣніи постановляется одновременно съ передѣломъ земли по новымъ душамъ. Фактъ совершенія передѣла доказываетъ, что большинство членовъ общины желаетъ уравненія землепользованія и не находитъ серьезныхъ сельско-хозяйственныхъ и другихъ препятствій, способныхъ перевѣсить выгоды, проистекающія отъ такого уравненія. Постановленіе же одновременно съ этимъ приговора о переходѣ къ подворному владѣнію служитъ свидѣтельствомъ, что сегодняшнее большинство желаетъ такого уравненія только для себя и игнорируетъ интересы большинства завтрашняго и послѣдующихъ дней. Въ переходѣ къ подворному владѣнію, совершившемуся при указанныхъ условіяхъ, нужно видѣть не приговоръ современнаго поколѣнія о мірской формѣ владѣнія землею, или хотя только о формѣ общины съ періодическимъ уравненіемъ землепользованія, а лишь актъ *неразумнаго эгоизма*, о которомъ вскорѣ пожалѣютъ, можетъ быть, тѣ самыя лица, которыя его совершили" (стр. 169). Такіе приговоры являются часто результатами „минутнаго настроенія", „чистаго недоразумѣнія", „непониманія не только большинствомъ общества, но и иниціаторами дѣла всего значенія" принятой мѣры (стр. 170, 177, 185 и др.); отрицательное отношеніе къ общинѣ выработывается „не путемъ систематическаго мышленія, а практически, подъ вліяніемъ возникающихъ потребностей" (стр. 189); приговоры въ большинствѣ случаевъ „постановляются поспѣшно, безъ серьезной оцѣнки существующей формы землевладѣнія и того положенія, которое ожидаетъ крестьянъ въ случаѣ, еслибы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, почему на эти приговоры нельзя смотрѣть, какъ на акты обдуманнаго предпочтенія населеніемъ одной формы владѣнія другой" (стр. 191).

Очевидно, что никакіе акты и никакія рѣшенія не были бы

возможны, еслибы для дѣйствительности ихъ требовалось „систематическое мышленіе“, полное пониманіе всѣхъ сторонъ предмета, отсутствіе „неразумнаго эгоизма“ и дальновидная заботливость объ интересахъ будущихъ поколѣній. Доводы автора, при всемъ ихъ остроуміи и оригинальности, направлены по невѣрному адресу: дѣло вовсе не въ непониманіи крестьянами смысла и значенія принимаемыхъ ими рѣшеній, а въ односторонности закона, который почему-то допускаетъ лишь переходъ отъ мірского владѣнія къ подворному, но не обратный—отъ участковаго къ общинному. Крестьяне могли признавать за собою право мѣнять одну форму владѣнія на другую, сообразно своему пониманію земледѣльческихъ потребностей въ данное время, причемъ переходъ къ мірской формѣ представляется столь же естественнымъ и законнымъ, какъ и обратный—къ участковому пользованію землею. А что принятіемъ послѣдней формы закрывается уже навсегда легальный путь къ возстановленію общиннаго порядка или къ какой-нибудь другой перемѣнѣ поземельной системы, — это было уже непонятно и загадочно для крестьянъ, съ точки зрѣнія обыкновеннаго здраваго смысла. Происшедшія на этой почвѣ недоразумѣнія должны быть всецѣло приписаны внутреннему противорѣчію и несостоятельности закона, а не неразумію и нелогичности сельскихъ обществъ. Крестьяне заявляютъ, что условіе о прекращеніи передѣловъ они „сдѣлали только такъ, чтобы плохіе дворы не потребовали частыхъ передѣловъ полей, а лѣтъ черезъ десять необходимо будетъ передѣлить ихъ“ (стр. 186). Приговоръ о подворномъ владѣніи вызывается, напр., желаніемъ укрѣпить за каждымъ землю до новаго передѣла или „на вѣчность“, т.-е. „на болѣе или менѣе продолжительный срокъ“, предупредить „частичныя подвижки полосъ“, частыя жеребьевки и передѣлы, при которыхъ происходитъ всеобщая мѣна участками, отъ чего хозяева, хорошо удобряющіе свои загоны, теряютъ сравнительно съ остальными (стр. 177, 180, 187 и др.). Иногда въ приговорахъ сказано прямо, что „всякій, *кто удобряетъ ниву*, тотъ долженъ ею пользоваться и его наслѣдники“, или что рѣшено „*не передѣлять земли безъ крайней необходимости*“ (стр. 188—9). Рѣшенія о переходѣ къ участковому владѣнію въ силу подобныхъ мотивовъ не возбуждали бы на практикѣ никакихъ недоразумѣній, еслибы у крестьянъ-подворниковъ не было отнято право возвратиться впослѣдствіи къ системѣ передѣловъ или прибѣгнуть къ новому распредѣленію земли, при измѣнившихся хозяйственныхъ условіяхъ. Связывая судьбу общины съ вопросомъ о періодическихъ передѣлахъ крестьянскихъ участковъ, авторъ не

выкупленную на половину или на двѣ трети другими. Бѣдные же, но разсчетливые крестьяне отдадутъ послѣднее для выкупа своихъ участковъ, съ цѣлью продажи ихъ по рыночной цѣнѣ, въ десять или пятнадцать разъ превышающей сдѣланные досрочные взносы. Уже теперь, когда примѣненіе 165-й статьи положенія о выкупѣ имѣетъ ничтожные размѣры, нѣкоторые крестьяне продаютъ даже одежду, лишь бы пріобрѣсти средства для погашенія выкупного долга. „Если же примѣненіе означенной статьи получитъ всеобщее распространеніе, то же стремленіе достать деньги для выкупа поведетъ къ залогу выкупаемой земли, продажѣ ея, и вмѣсто укрѣпленія участка за семьей примѣненіе ст. 165 будетъ имѣть слѣдствіемъ обезземеленіе населенія" (стр. 213—4). Вредное значеніе досрочныхъ выкуповъ зависитъ исключительно отъ неудачныхъ постановленій закона, находящихся въ коренномъ логическомъ противорѣчіи съ тѣмъ опредѣленіемъ общины, какое даетъ самъ же законъ [1]). Что касается продажи земли цѣлымъ обществомъ, то такіе случаи вообще довольно рѣдки, и если они вызываются безнадежнымъ упадкомъ хозяйства, то едва-ли помогутъ дѣлу внѣшнія законодательныя преграды, которыя всегда можно обойти. Накопилась, напр., крупная недоимка, для пополненія которой начальство приступаетъ къ продажѣ крестьянскаго имущества съ публичныхъ торговъ; въ этотъ трудный моментъ являются денежные люди съ предложеніемъ продать имъ часть надѣльной земли. „Началось пьянство на счетъ покупателей: мужикамъ, говорятъ, ставили пять ведеръ водки, бабамъ—десять ведеръ; пьянство продолжалось два года (!)"; наконецъ, общество рѣшаетъ продать три четверти своей земли, съ условіемъ, чтобы покупатели внесли выкупную ссуду и за остающуюся четверть. Бѣдные стояли за продажу изъ желанія, чтобы богачи не пользовались ихъ землею; богатые, опасаясь продажи своего скота за недоимку, недолго сопротивлялись; а теперь крестьяне „высказываютъ живѣйшее желаніе купить обратно свою бывшую землю" (стр. 217). Противъ такихъ печальныхъ нелѣпостей нужны мѣры иного порядка, чѣмъ простыя запрещенія и предписанія; а на „логическое развитіе мысли" у крестьянъ, о которомъ часто разсуждаетъ г. В. В., столь же мудрено надѣяться при современныхъ обстоятельствахъ, какъ и на благодѣтельность формальной внѣшней регламентаціи.

---

[1]) См. брошюру объ „охранѣ крестьянскаго землевладѣнія". Спб., 1891, стр. 8—16, 47—60 и др.

IV.

Общинное землевладѣніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ и развивается въ дѣйствительности, далеко не оправдываетъ обычныхъ опасеній и доводовъ, выставляемыхъ его противниками. Говорятъ, что община подавляетъ личность и духъ иниціативы; а между тѣмъ факты доказываютъ сплошь и рядомъ, что мало-мальски выдающійся и свѣдущій крестьянинъ можетъ повести за собою цѣлое сельское общество на пути улучшеній и усовершенствованій. Въ одной общинѣ бывшихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ (самарской губерніи) произведенъ былъ рядъ полезныхъ реформъ по почину человѣка, даже не принадлежавшаго къ составу общества; „всѣ измѣненія въ системѣ и техникѣ полеводства — введеніе трехполья вмѣсто переложнаго хозяйства, унавоживаніе и др.—совпадаютъ съ приходомъ изъ николаевскаго уѣзда механика-самоучки Талызина; по его же иниціативѣ произошелъ коренной передѣлъ земли по наличнымъ душамъ мужского пола, срокомъ на двѣнадцать лѣтъ. До передѣла всякій пахалъ, гдѣ хотѣлъ, причемъ старыя земли оставались непаханными, а ежегодно распахивались новыя залежи. При передѣлѣ земля была раздѣлена по качеству на каменистую, хорошую и кустарникъ. Послѣдній дозволено расчищать каждому подъ условіемъ вырыванія корней изъ-подъ вырубленнаго кустарника; при неисполненіи этого, лѣсъ отнимается у вырубившаго и продается міромъ (стр. 274). Въ одной изъ волостей моршанскаго уѣзда (тамбовской губ.) четыре общества государственныхъ крестьянъ установили у себя подворное владѣніе и ввели серьезныя хозяйственныя улучшенія исключительно благодаря личному вліянію дѣльнаго и энергическаго крестьянина, бывшаго тогда старшиною. Этотъ старшина возъимѣлъ мысль разомъ и навсегда прекратить вредный обычай часто передѣлять поля, для чего онъ избралъ радикальную мѣру, именно перемѣну общиннаго владѣнія пахотными угодьями на подворно-наслѣдственную“. Онъ убѣдилъ крестьянъ составить приговоры о раздѣлѣ большей части пахотной земли; старшина старался при этомъ избѣжать дробленія подворныхъ участковъ въ одномъ полѣ на нѣсколько загоновъ, и ему удалось добиться того, что въ одномъ обществѣ среднее поле раздѣлено было на цѣльные подворные участки, а въ другихъ мѣстахъ достигнуто сокращеніе числа загоновъ, но не уничтоженіе черезполосицы (стр. 178—180). Впрочемъ, какъ обнаружилось впослѣдствіи, крестьяне не считали вовсе, что раздѣлъ земли на болѣе

постоянные подворные участки означаетъ отказъ отъ общиннаго землевладѣнія; они смотрѣли на дѣло болѣе правильно, чѣмъ иные изъ писавшихъ у насъ объ общинѣ, готовые принимать ошибку закона за исходную точку своихъ разсужденій. Хотя въ данномъ случаѣ былъ неудачно выбранъ способъ для избѣжанія частыхъ передѣловъ, но примѣромъ энергическаго крестьянина-старшины, по справедливому замѣчанію г. В. В., „хорошо рисуется вліяніе, какое можетъ оказать на темную массу населенія сильный человѣкъ, и послѣдствія этого вліянія въ случаяхъ, когда онъ съумѣетъ поставить дѣло на законную, какъ извѣстно, мало знакомую крестьянамъ почву“.

Вопреки распространенному мнѣнію, общинный порядокъ землевладѣнія нисколько не мѣшаетъ сельско-хозяйственнымъ улучшеніямъ, гдѣ имъ благопріятствуютъ мѣстныя обстоятельства; напротивъ, прогрессъ земледѣлія невозможенъ при дробномъ наслѣдственномъ владѣніи на правѣ частной собственности. Даже частые передѣлы общинной земли могутъ имѣть цѣлью удержать на извѣстномъ уровнѣ удобренность или разработку почвы, какъ напр. въ общинахъ, занимающихся огородничествомъ, гдѣ участки бѣдныхъ членовъ передаются богатымъ и наоборотъ (стр. 145—6). Если малосильные хозяева запустили свои загоны, обработка которыхъ имъ не подъ силу, то производится передѣлъ для того, чтобы дать имъ обработанную землю, а болѣе состоятельнымъ—запущенную. Въ южной степной полосѣ (частью и въ восточной), гдѣ для обработки твердой земли требуется нѣсколько паръ воловъ, многимъ бѣднымъ хозяевамъ, можетъ быть, вовсе не пришлось бы хозяйствовать, еслибы не періодическія жеребьевки, при которыхъ они получаютъ воздѣланную богачами мягкую землю, допускающую производство посѣва наволокомъ, при помощи одной только лошади или пары воловъ; богатые же хозяева разсчитываютъ, что поднятая плугомъ земля дастъ лучшій урожай (стр. 405). Гдѣ частыя жеребьевки вредны, тамъ онѣ или совсѣмъ отмѣняются, или устанавливаются для нихъ болѣе продолжительные сроки, или наконецъ удобряемая часть земли не пускается въ передѣлъ. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ обществахъ самарской губерніи коренной передѣлъ вызванъ былъ желаніемъ ввести, вмѣсто безпорядочной системы хозяйства, трехпольную, или сократить число душевыхъ загоновъ для болѣе удобной борьбы съ появившимся во множествѣ сусликомъ (стр. 153, 177 и др.). Раздѣленіе полей на мелкіе загоны имѣетъ также свои причины, независимо отъ заботы о качественномъ уравненіи участковъ между отдѣльными хозяевами: дождь нерѣдко идетъ полосами, и од

половина мірскихъ полей можетъ страдать отъ полной засухи, въ то время какъ другая вымокаетъ отъ частыхъ дождей. Крестьяне надѣются, что „если не то такъ другое мѣсто зацѣпитъ дождикъ, и ровнѣе будетъ урожай". Еслибы загонъ былъ въ одномъ мѣстѣ, говорятъ они, то дождикъ, пожалуй, его и не помочитъ, а если въ разныхъ, то, глядишь, два-три загончика и покропитъ" (стр. 399). Польза и необходимость искусственнаго удобренія не вездѣ признаются даже крупными частными землевладѣльцами; неудивительно поэтому, что и большинство крестьянъ держится того взгляда, что земля и безъ навоза родитъ, что удобреніе только повредитъ дѣлу и т. п. Притомъ навозъ употребляется для топлива, продается за деньги или обмѣнивается на предметы потребленія, идетъ обязательно на арендуемыя земли по условію съ владѣльцемъ, отдается помѣщикамъ за пользованіе прогономъ или пастбищемъ. „Такое обращеніе съ удобреніемъ особенно распространяется послѣ неурожайныхъ годовъ, которые въ послѣднее время являются чаще и чаще. Но и помимо неурожая, торговля навозомъ съ теченіемъ времени развивается, благодаря общей необезпеченности матеріальнаго положенія крестьянина, которая мѣстами ростетъ, а не уменьшается". Тѣмъ не менѣе многія общины принимаютъ спеціальныя мѣры для поощренія болѣе старательной обработки земли, вводятъ даже обязательное удобреніе полей съ тѣмъ, что неудобряющій своего участка получаетъ при жеребьевкѣ свою старую полосу (стр. 456—7 и др.), заставляютъ всѣхъ хозяевъ пахать свои участки и наблюдаютъ, чтобы члены общества, имѣющіе купленную землю, не удобряли ее въ ущербъ мірской (стр. 458), значительно удлинняютъ сроки передѣловъ и жеребьевокъ, выдѣляютъ „навозниковъ" въ особый жребій, чтобы невозможенъ былъ обмѣнъ удобряемой полосы на неудобряемую и т. д. Въ пользованіи сѣнокосомъ примѣняется часто коллективный трудъ: жеребьевыя группы убираютъ свои участки сообща, а иногда уборка производится міромъ, чтобы потомъ раздѣлиться сѣномъ по душамъ. Уборка сѣнокоса обществомъ или артелью наблюдается обыкновенно въ случаяхъ, гдѣ по незначительности покоса, разнокачественности и неудобному положенію, представляется затруднительнымъ раздѣлить его между хозяевами; но есть общины, гдѣ общественная уборка практикуется при большихъ площадяхъ покоса и при всякомъ его урожаѣ (стр. 462—3).

Общины предпринимаютъ полезныя работы и сооруженія, которыя были бы немыслимы при дробной частной собственности,— устроиваютъ запруды и плотины, роютъ колодцы и канавы, обез-

печиваютъ постоянный надзоръ за исправностью этихъ сооруженій, причемъ примѣняютъ обычныя средства для равномѣрнаго распредѣленія между всѣми затратъ труда и денежныхъ средствъ, требуемыхъ предпріятіемъ, т.-е. разверстываютъ эти затраты между общественниками по душамъ или по дворамъ (стр. 556). Чаще всего встрѣчаются общественныя предпріятія по осушкѣ болотныхъ пространствъ для обращенія ихъ въ покосы и въ другія удобныя угодья. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ московской губерніи число деревень, производившихъ осушку земли въ теченіе почти одного только десятилѣтія, простирается до 180—200, что составитъ 14—16% всѣхъ деревень этихъ мѣстностей. Въ одной волости четырнадцать селеній постановили осушить свои луга и затратили для этого 700 рублей, которые были разложены на 2.216 душъ. „Еслибы луга находились въ частномъ владѣніи дворовъ,—говорятъ сами крестьяне,—то ничего подобнаго не было бы сдѣлано: одинъ бы захотѣлъ осушить свою часть, а другому это не требуется“. Въ клинскомъ уѣздѣ устроены канавы, иногда длиною въ три-четыре версты, рытыя большею частью міромъ. Въ селеніяхъ, принадлежавшихъ прежде князю Меньшикову, „производятся общественно-мірскія работы для улучшенія надѣльной земли; вездѣ, гдѣ нужно, прорыты канавы, которыя ежегодно исправляются, мірскіе луга чистятся міромъ и т. п.; несмотря на крайнее неплодородіе почвы, земледѣльческое хозяйство здѣсь можетъ быть названо вполнѣ исправнымъ“. Въ дмитровскомъ уѣздѣ, почти во всѣхъ сорока пяти селеніяхъ одной волости государственныхъ крестьянъ прорыты и поддерживаются міромъ канавы для осушенія пахотной и сѣнокосной земли; длина нѣкоторыхъ канавъ простирается до двухъ-трехъ верстъ, и земледѣліе, несмотря на тяжелую и болотистую почву, находится сравнительно въ хорошемъ положеніи. Предпринимаются также работы для орошенія луговъ и садовъ или для образованія водохранилищъ, имѣющихъ другое назначеніе (напр. водопой для скота). Въ хвалынскомъ уѣздѣ „сады разводятся преимущественно на южныхъ и на юго-восточныхъ склонахъ волжскихъ горъ, не только дающихъ больше свѣта и тепла растеніямъ, но и облегчающихъ поливку ихъ водой горныхъ ручьевъ. Искусственныя канавы проводятъ воду черезъ всѣ сады и деревья. При поливкѣ (разъ въ лѣто) садовладѣльцы устанавливаютъ очередь: очередной хозяинъ открываетъ на сутки, а остальные закрываютъ свои канавы“. Въ новоузенскомъ уѣздѣ коллективнымъ трудомъ членовъ общинъ устроено до тысячи запрудъ и нѣсколько сотъ колодцевъ, иные въ 10—20 саженъ глубины. Нѣкоторыя общества получаютъ

средства для оросительныхъ работъ въ ссуду, при содѣйствіи земства, отъ правительства. Одно село „издержало пять тысячъ рублей на устройство запрудъ, при которыхъ можно оросить тысячу десятинъ земли; идея предпріятія внушена крестьянамъ мѣстнымъ священникомъ". Въ большомъ селѣ, состоящемъ изъ великороссовъ, малороссовъ и латышей, по иниціативѣ мѣстнаго крестьянина, устроенъ водоспускъ, благодаря чему община имѣетъ хорошій сѣнокосъ. Съ тою же цѣлью орошенія многія общины устроиваютъ плотины и лиманы; нѣкоторыя имѣютъ по нѣсколько плотинъ (даже до двѣнадцати). Одна община устроила плотину длиною въ четыре версты, а другая прорыла для плотины канаву въ три аршина глубины и устроила валъ длиною въ три четверти версты. Въ елецкомъ уѣздѣ крестьяне сообща, цѣлой деревней или группами домохозяевъ, роютъ колодцы, а для образованія водопоя, гдѣ нѣтъ естественнаго, копаютъ пруды или прудятъ рѣчки. Работы исполняются частью собственными силами крестьянъ, частью наемнымъ трудомъ. Разъ вырытый прудъ или сдѣланная запруда требуютъ болѣе или менѣе частыхъ поправокъ и періодически повторяющейся очистки; то и другое въ большинствѣ случаевъ производится личнымъ трудомъ общественниковъ, но нерѣдки случаи производства работы наймомъ (стр. 580—5). Берега рѣки обыкновенно сдаются въ аренду подъ постройку мельницъ, или общество заводитъ свои собственныя мельницы, изъ которыхъ извлекается доходъ деньгами, въ видѣ арендной платы, или иногда натурою, при хозяйственномъ способѣ завѣдыванія; нерѣдко доходъ съ мельницы (натурою), за вычетомъ жалованья мельнику, идетъ на пополненіе общественнаго магазина (стр. 559). Расчистка земли изъ-подъ лѣса для пашни производится также міромъ. Для предупрежденія потравы полей скотомъ, вокругъ одного села (самарскаго уѣзда) вырыта міромъ канава въ три версты длиною, въ пять аршинъ ширины и два аршина глубины; другое село (славяносербскаго уѣзда) окопало канавой, длиною около 20 верстъ, казенно-крестьянскій лѣсъ; стоимость работы оцѣнивается около пяти тысячъ рублей. Сельскія общества новоузенскаго уѣзда, съ цѣлью огражденія полей отъ сусликовъ, коллективнымъ трудомъ всѣхъ наличныхъ работниковъ роютъ вокругъ полей канавы, шириной и глубиной до полутора аршина. Въ ставропольскомъ уѣздѣ, для предупрежденія размыва Волгою береговъ, ведущаго къ заносу луговъ пескомъ, крестьяне одного селенія вбили вдоль рѣки больше тысячи свай, заплативъ мастеру, руководившему работами, 340 р. (стр. 585—6).

Крестьянскія общества занялись и насажденіемъ и охраной

лѣсовъ, причемъ „посадка молодыхъ деревьевъ выполняется какъ мірское дѣло по равномѣрной разверсткѣ труда и подъ наблюденіемъ старостъ". Многія селенія днѣпровскаго уѣзда постановили приговоры о засажденіи шелюгою всѣхъ мѣстъ, которымъ угрожаютъ песчаные заносы. Такія же предпріятія съ цѣлью укрѣпленія летучихъ песковъ возникли въ новоузенскомъ уѣздѣ; такъ крестьяне одной деревни, замѣтивъ, что ростущій на „вертячихъ пескахъ" камышъ глубоко сидитъ въ землѣ, въ теченіе пяти лѣтъ засѣвали ихъ камышевыми сѣменами, скашивая часть молодого камыша на кормъ скоту. Теперь на песчаномъ грунтѣ образовался слой перегноя, и общество засѣваетъ это пространство рожью, выдавая хозяевамъ сѣмена, въ случаѣ надобности, изъ общественнаго магазина (стр. 584—5). Общины, не получившія лѣса въ большомъ количествѣ, вводятъ правильную порубку лѣса, нанимаютъ для охраны его особыхъ сторожей, постановляютъ о прекращеніи вырубки на извѣстное время, подтверждая иногда эти постановленія обрядомъ „заказа", совершаемаго духовенствомъ, и т. п. Можно сказать a priori, что крестьяне, ведущіе земледѣльческое хозяйство, не могутъ уничтожать нужные имъ лѣса съ тою беззаботностью, какая присуща крупнымъ владѣльцамъ, проживающимъ вдали отъ своихъ имѣній. Нерѣдко „общество, тщательно оберегая полученный въ составѣ надѣла участокъ въ нѣсколько десятинъ съ пнями отъ вырубленнаго лѣса или мелкаго кустарника, выращивало у себя порядочный лѣсокъ, отъ котораго и пользуется матеріаломъ весьма осторожно" (стр. 493 и слѣд.). За самовольную порубку назначается денежный штрафъ или выпивка всѣмъ міромъ на счетъ виновнаго (стр. 517, 522); пойманнаго порубщика общество „обмываетъ", т.-е. пьетъ съ него вино (стр. 529). Многія общины, вырубившія лѣсъ, пустили ту же землю опять подъ лѣсъ, который охраняется уже отъ порубокъ нѣсколькими выборными лицами, освобождаемыми за это отъ мірскихъ натуральныхъ повинностей. Оставшіеся отъ вырубки лѣсные участки заповѣдуются для несчастнаго случая (напр. пожара) на срокъ до 15 лѣтъ; заповѣданіе совершается обходомъ лѣса священникомъ съ иконами и хоругвями и служеніемъ молебна; заповѣданный лѣсъ считается неприкосновеннымъ и потому не охраняется. Въ виду быстраго исчезновенія лѣсовъ, „крестьяне стали дорожить даже лѣсными порослями: вездѣ лѣсъ заповѣдаютъ и приставляютъ къ нему караульщиковъ". Общество, имѣющее цѣнный лѣсъ, держитъ объѣздчиковъ; еженедѣльно лѣсъ осматривается старостой съ понятыми; порубщики предаются суду, а „зажиточныхъ вмѣсто того колотятъ". Послѣ каждой

общественной или довволенной порубки, духовенство заклинаетъ лѣсъ, а передъ вырубкою разрѣшаетъ отъ заклинанія; самовольныя порубки вообще весьма рѣдки. Болѣе или менѣе цѣнные лѣса у крестьянъ тщательно охраняются, и рубка ихъ производится правильно, по участкамъ; есть общины, ни разу не рубившія своего лѣса въ теченіе 20 лѣтъ (въ трубчевскомъ уѣздѣ). Крестьяне иногда заповѣдуютъ мелкій лѣсъ „для внуковъ". Общество не можетъ приступить къ вырубкѣ заповѣданнаго лѣса, даже въ случаѣ необходимости, если священникъ не согласится „расповѣдать" лѣсъ (стр. 530 и др.). Кое-гдѣ предпринято насажденіе лѣсовъ подъ руководствомъ крестьянъ, которые научились этому въ казенныхъ лѣсничествахъ. Конечно, такая заботливость о лѣсѣ обнаруживается далеко не вездѣ; но въ сельскихъ обществахъ она все-таки проявляется реально, а не на словахъ и не на бумагѣ. Въ иныхъ районахъ до сихъ поръ безпрепятственно истребляются обширные казенные строевые лѣса для продажи за безцѣнокъ иностранцамъ (напр. въ архангельской губерніи), и не видно еще, будутъ ли приняты какія-нибудь мѣры, и когда именно, для ограниченія этой системы лѣсного хозяйства. Не приходится поэтому быть особенно строгими въ сужденіяхъ о дѣйствіяхъ крестьянской массы относительно лѣсовъ.

Въ высшей степени интересны собранныя въ книгѣ г. В. В. свѣденія объ отношеніяхъ сельскихъ общинъ къ лицамъ, не имѣющимъ надѣла или неспособнымъ къ самостоятельному хозяйству и нуждающимся въ общественномъ призрѣніи. „Женскій вопросъ", поднятый во многихъ обществахъ, практикующихъ передѣлы по ревизскимъ душамъ мужского пола, все чаще рѣшается въ пользу надѣленія „дѣвокъ" землею, на равныхъ правахъ съ мужчинами. Совершая передѣлъ на наличныя живыя души, общество нерѣдко принимаетъ во вниманіе возможныя въ ближайшемъ будущемъ измѣненія въ составѣ отдѣльныхъ дворовъ: „въ такой-то семьѣ скоро парень женится, прибудетъ ѣдокъ, а потомъ пойдутъ пискуны", вслѣдствіе чего ему даютъ два душевыхъ надѣла, а дѣвушка 15—17 лѣтъ, которая по своимъ физическимъ качествамъ можетъ разсчитывать на замужство и должна будетъ уйти въ чужую семью, вовсе не получаетъ земли (стр. 253). Гдѣ женщинамъ не даютъ надѣла, тамъ имъ назначаютъ денежное или хлѣбное пособіе; такая же матеріальная поддержка, иногда довольно значительная (до 40 и 50 р. въ годъ), оказывается міромъ безроднымъ и безпомощнымъ людямъ, принадлежащимъ къ обществу,—сиротамъ, больнымъ, увѣчнымъ и дряхлымъ (стр. 318—326), не столько, быть можетъ, подъ вліяніемъ

нравственныхъ побужденій, сколько въ силу того сознанія, что каждый членъ общины, не могущій пользоваться надѣломъ, имѣетъ взамѣнъ право въ другой какой-нибудь формѣ участвовать въ выгодахъ, извлекаемыхъ изъ общинной земли.

Мы воспользовались только незначительной частью цѣннаго труда г. В. В., и въ заключеніе можемъ лишь выразить надежду, что эта книга будетъ прочитана всѣми, серьезно интересующимися важнѣйшимъ вопросомъ экономической жизни Россіи—вопросомъ о судьбѣ крестьянскаго землевладѣнія. Для большинства читателей заключающіяся въ этой книгѣ фактическія данныя должны считаться новыми въ полномъ смыслѣ этого слова. Можетъ быть, эти новые матеріалы, извлеченные изъ массы малодоступныхъ спеціальныхъ изданій, помогутъ болѣе реальной постановкѣ и правильному разрѣшенію стараго запутаннаго спора о нашей сельской общинѣ.

Л. Слонимскій.

НА МОТИВЪ ТЕННИСОНА

Sweet is true love, though given in vain
And sweet is death, that puts an end to pain.

1.

Съ дней первыхъ юности, когда на крыльяхъ грёзы
Мы любимъ улетать въ заманчивую даль,
И безсознательны бываютъ наши слёзы,
Какъ безсознательны и радость и печаль;

Съ тѣхъ поръ мнѣ грезились—подъ гулъ рѣчей докучныхъ
И въ тишинѣ ночной, какъ грезятся и вновь—
Два свѣтлыхъ образа, двѣ тѣни неразлучныхъ:
Одна зовется Смерть, другая же—Любовь.

Шли годы, и когда тревоги и сомнѣнья
Сильнѣй терзали грудь, и силы измѣнить
Готовы были мнѣ,—въ тяжелыя мгновенья
Одна о смерти мысль давала силы жить.

И къ смерти вся душа стремилася невольно,
Когда мнѣ радости встрѣчались на пути
И жизни мнѣ сказать хотѣлося: довольно!
Мнѣ легче отъ тебя въ подобный мигъ уйти.

Любовь со смертію слились нераздѣлимо;
И въ часъ, когда меня поработила страсть,
Она предстала мнѣ, какъ смерть непобѣдима,
И сильной, какъ любовь, бываетъ смерти власть.

Все, все взяла любовь: и цѣли, и стремленья,
Всю жизнь, всѣ помыслы, всѣ грёзы прежнихъ дней,
И въ смерти отъ нея ища теперь спасенья,
Я до конца живу одною только ей.

Прости, любовь моя! Иной источникъ свѣта
Мнѣ открывается. Царица-смерть, я жду,
И отъ любви моей прощальнаго привѣта
Въ твои объятія я тихо перейду.

2.

Бываютъ дни, когда, расправивъ крылья,
Орелъ парйтъ къ лазурнымъ небесамъ;
Казалось бы, еще одно усилье
Могучее—и онъ исчезнетъ тамъ,—
Но, пулею врага не пощаженный,
Весь ужасъ мукъ предсмертныхъ испытавъ,
Съ высотъ своихъ, смертельно пораженный,
Онъ падаетъ стремглавъ.

Ласкаемый весенними лучами
И блескомъ ихъ живительнымъ—порой,
Среди корней, межъ талыми снѣгами,
Подснѣжникъ вдругъ распустится съ зарей;
Но къ вечеру повѣетъ стужей снова,
Въ природѣ все притихнетъ и замретъ,—
И въ ночь своимъ дыханіемъ сурово
Морозъ его убьетъ.

Такъ иногда и въ сердцѣ у поэта
Восходитъ мысль и зрѣетъ, какъ зерно,
И пѣсня ждетъ желаннаго расцвѣта,
Но наступить ему не суждено:
Всему конецъ одно положитъ слово—
И вновь кругомъ и пусто и мертвò,
Одинъ ударъ все разобьетъ сурово—
И пѣснь, и жизнь его.

3.

За бесѣдою шумно-веселой
Мы сошлися знакомымъ кружкомъ,
Но тоски не разсѣялъ тяжелой
Дружный смѣхъ и остроты кругомъ.

Съ каждой шуткой твоей остроумной,
Что сверкала, какъ въ чашѣ—вино,
Сердце билось съ тоскою безумной,
И сжималось и ныло оно.

И хотя лишь надежду въ грядущемъ
Намъ сулили и рѣчи и взоръ,
Все мнѣ чуялся съ чувствомъ гнетущимъ —
Настоящему въ нихъ приговоръ...

Такъ порою: сіянье лазури
Отражается въ тихихъ водахъ,
Но рыбакъ приближеніе бури
Замѣчаетъ въ сѣдыхъ облакахъ.

И охваченъ невольно кручиной,
За работой онъ пѣсню поетъ.
Суждено ли ей стать лебединой?..
Что-то буря съ собою несетъ?..

О. Михайлова.

1892 г.

ШЕЛЛИ

и

СТОЛѢТНІЙ ЕГО ЮБИЛЕЙ

Неси, неси во всѣ концы вселенной
Рой думъ моихъ, печальныхъ ужъ давно,
И, вторя мнѣ, развѣй, о, вѣтеръ смѣлый,
Слова мои, какъ искры, межъ людей!
Черезъ меня, землѣ оцѣпенѣлой
Трубой будь вѣщей! Прозвучи скорѣй,
Что зимній мракъ—предтеча вешнихъ дней!
„Пѣснь къ западному вѣтру".
(Пер. В. Маркова.)

4-го августа нынѣшняго года минетъ сто лѣтъ со времени рожденія Шелли—англійскаго поэта, возбудившаго своей личностью и твореніями такой глубокій интересъ среди современниковъ и потомковъ. Всѣмъ, конечно, извѣстна въ общихъ чертахъ его жизнь, также какъ и трагическая ея развязка [1]).

Перси Биши Шелли родился 4-го августа 1792 года въ Фильдъ-Плэсѣ и происходилъ отъ богатой и знатной фамиліи. Отецъ его, м-ръ Тимоти Шелли, унаслѣдовавшій въ 1806 году титулъ баронета, былъ человѣкъ заурядный, проникнутый уваженіемъ къ общепринятому кодексу свѣтскихъ приличій, благона-

---

[1]) Prof. Dowden, „Life of Shelley". 1886.—Lady Shelley, „Shelley Memorials". London, 1859. — P. B. Shelley, „Poetical Works", edited by W. M. Rossetti. — Fortnightly Review, 1886 („Shelley's Philosophical view of Reform", by prof. Dowden).—Revue d. d. Mondes, Février, 1877 („Le poête panthéiste de l'Angleterre", par Ed. Shuré).

мѣренный, но узкій и ограниченный, съ раздражительнымъ, мелочно-деспотичнымъ характеромъ. Эти природныя свойства въ значительной степени способствовали размолвкѣ его съ старшимъ сыномъ, который по характеру и наклонностямъ представлялъ полный съ нимъ контрастъ. Увлеченіе Перси Биши абстрактными вопросами, стремленіе его къ радикальной реформѣ человѣческой жизни,—казалось отцу безразсудствомъ, граничившимъ съ безуміемъ; къ этимъ причинамъ раздора присоединились впослѣдствіи и многія другія, происходившія, главнымъ образомъ, отъ деспотическаго характера отца.

Первоначальное образованіе, съ 10-ти-лѣтняго возраста, Перси Биши Шелли получилъ въ сіонской и затѣмъ въ итонской школахъ. Уже здѣсь онъ высказалъ энергическій протестъ противъ господствовавшей школьной системы, поддерживавшей строгую дисциплину внушеніемъ чувства страха. 18-ти лѣтъ Шелли поступилъ въ оксфордскій университетъ, но былъ вскорѣ исключенъ за распространеніе либеральныхъ взглядовъ. Въ 1811 году онъ женился на Гарріэтъ Уэстбрукъ, дочери бывшаго содержателя гостинницы. Съ этихъ поръ начинается скитальческая жизнь Шелли. Онъ временно поселяется въ Эдинбургѣ, въ Іоркѣ, въ Дублинѣ, гдѣ содѣйствуетъ католической эманципаціи, въ Линмутѣ, гдѣ распространяетъ въ народѣ „Декларацію правъ", въ Лондонѣ и т. д. Этотъ періодъ жизни Шелли былъ полонъ тревогъ и разочарованій, къ которымъ постепенно присоединялись и несогласія съ женой. Въ 1814 г. онъ разстался съ ней и увлекся 16-тилѣтней дѣвушкой, Мери Ульстонкрафтъ Годвинъ [1]), съ которой вступилъ въ бракъ по смерти первой жены.

1814-ый годъ былъ началомъ новаго періода въ его жизни. Гонимый въ своемъ отечествѣ за политическіе взгляды, не согласовавшіеся съ общепринятыми, непонятый своими соотечественниками, осыпанный клеветой,—Шелли 22-хъ лѣтъ отъ роду покинулъ свое отечество и поселился на сѣверо-западномъ берегу Италіи. Здѣсь, въ добровольномъ изгнаніи, онъ написалъ лучшія свои произведенія: „Освобожденный Прометей", „Ченчи", „Возмущеніе Ислама" и др. Здѣсь, въ своей семьѣ и въ обществѣ нѣсколькихъ преданныхъ друзей, онъ могъ, минутами, найти забвеніе отъ тяжелыхъ испытаній, которыми такъ щедро надѣляла его судьба. Но и въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ, съумѣвшихъ понять и оцѣнить его, и среди чудной природы, близкой ему

---

[1]) Мери Ульстонкрафтъ Годвинъ была дочерью извѣстной въ свое время писательницы, Мери Ульстонкрафтъ, и Годвина, автора „Caleb Williams" и „Political Justice".

какъ родное, живое существо,—Шелли не нашелъ счастья, того счастья, которое доступно простымъ смертнымъ. Земныя утѣшенія и радости не доставляли ему удовлетворенія, не заслоняли передъ нимъ тотъ высшій, недосягаемый идеалъ, къ которому онъ вѣчно стремился: всѣмъ своимъ существомъ онъ тяготѣлъ къ иному міру, къ міру поэтическихъ грёзъ и мечты. Это стремленіе къ идеалу, возвышавшее его надъ массой, являлось, въ то же время, проклятіемъ его жизни. Блѣднымъ и несовершеннымъ представлялось ему все окружающее его земное; и онъ чувствовалъ себя одинокимъ среди людей, преданныхъ инымъ интересамъ и стремленіямъ. „Нѣкоторые изъ насъ,—писалъ Шелли въ октябрѣ 1821 г., —любили въ предшествовавшемъ существованіи Антигону, и не могутъ найти полнаго удовлетворенія въ какихъ-либо земныхъ узахъ".

Вотъ почему мысль о смерти всегда представляла для Шелли притягательную силу, какъ избавленіе отъ чуждой ему сферы существованія и какъ разрѣшеніе высшихъ вопросовъ бытія.

Настроеніе это не покидало его и въ самыя счастливыя минуты жизни. „Еслибъ могло быть изложено прошедшее и настоящее, — писалъ онъ лѣтомъ 1822 года, въ послѣдній, самый счастливый періодъ своей жизни,—настоящее настолько бы удовлетворило меня, что я могъ бы сказать вмѣстѣ съ Фаустомъ: остановись, мгновеніе, ты такъ прекрасно!.." И въ то же самое время онъ мечталъ обладать средствомъ избавиться отъ жизни. Въ письмѣ къ своему другу Трелауни, онъ убѣждаетъ его достать ему синильной кислоты.—„Я не имѣю намѣренія прибѣгнуть въ настоящее время къ самоубійству,—писалъ онъ,—но, сознаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось обладать этимъ золотымъ ключомъ къ міру вѣчнаго покоя".

Шелли писалъ эти строки 18-го іюня 1822 г. Три недѣли спустя, 8-го іюля, онъ погибъ, во время бури, въ волнахъ Средиземнаго моря.

По природнымъ дарованіямъ, по характеру и наклонностямъ, Шелли былъ прежде всего поэтъ. Онъ любилъ природу, какъ можетъ ее любить истинный ученикъ и послѣдователь Спинозы. Для него природа была живымъ, близкимъ ему существомъ, воплощеніемъ всего высокаго и прекраснаго на землѣ; и въ ней онъ черпалъ источникъ своего вдохновенія. „Слова „бардъ и поэтъ", —говоритъ о немъ Маколей,—холодныя и напыщенныя въ примѣненіи къ другимъ писателямъ, получаютъ свое истинное прежнее значеніе, когда мы прилагаемъ ихъ къ Шелли. Это былъ не ав-

торъ, но бардъ. Его поэзія представляется не искусствомъ, а вдохновеніемъ".

Но поэтъ по наклонностямъ и дарованіямъ, Шелли въ то же время съ живымъ участіемъ относился къ окружавшей его жизни. Всякая несправедливость и неправда возмущали его, и въ свой протестъ онъ вносилъ свойственныя ему одушевленіе и страстность. Этимъ объясняются нѣкоторыя увлеченія и крайности въ выраженіи его взглядовъ, подавшія поводъ къ искаженію ихъ внутренняго содержанія. Недоразумѣніе это начинается съ первыхъ литературныхъ произведеній Шелли. Подъ впечатлѣніемъ несоотвѣтствія между религіозной проповѣдью и практическимъ ея примѣненіемъ, Шелли въ ранней юности враждебно относился къ церкви. Въ 1811 году онъ написалъ трактатъ „О необходимости атеизма", въ которомъ доказывалъ, что чувства—единственный источникъ всякаго знанія. Памфлетъ этотъ—плодъ незрѣлыхъ размышленій 18-лѣтняго юноши, раздраженнаго ханжествомъ и нетерпимостью окружающей среды, послужилъ поводомъ исключенія его изъ оксфордскаго университета. Отсюда завязывается продолжительная упорная борьба его съ защитниками легальной власти, — борьба, тяжело отразившаяся на всей его жизни. Бо̀льшая часть родныхъ Шелли, начиная съ отца, отвернулись отъ него, какъ отъ революціонера-безбожника. Шелли не опровергалъ взводимыхъ на него обвиненій: независимый въ своихъ убѣжденіяхъ, чувствительный ко всякой несправедливости, онъ считалъ излишнимъ оспаривать своихъ противниковъ и унижаться до оправданій. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, когда другъ его, Трелауни, спросилъ: „почему онъ называетъ себя атеистомъ, уничтожая себя этимъ въ глазахъ свѣта", — Шелли отвѣчалъ: „Это хорошее бранное слово, которымъ прекращается преніе,—намалеванное чудовище для внушенія страха глупцамъ... Я поднялъ это слово подобно рыцарю, который поднимаетъ перчатку, брошенную ему какъ вызовъ" [1]).

Несоотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ, между ученіемъ и его осуществленіемъ въ жизни, возмущало Шелли и усиливало его презрѣніе къ представителямъ господствующей доктрины.— „Нѣтъ сомнѣнія,—писалъ онъ Хоггу въ августѣ 1811 г.,—большинство человѣчества—христіане лишь по имени; религія ихъ не входитъ въ жизнь... Нѣкоторые члены моей семьи такъ же мало

[1]) Этимъ же чувствомъ гордаго презрѣнія къ религіознымъ фарисеямъ, защищавшимъ одну форму ученія, объясняется и извѣстная подпись Шелли, оставленная имъ въ одномъ монастырѣ: „Я человѣколюбивъ, народолюбивъ, но безбожникъ", — подпись, давшая новое орудіе въ руки его противниковъ.

походятъ на христіанъ, какъ Эпикуръ; но мнѣніе свѣта — для нихъ священный критерій".

Религія для Шелли являлась живымъ источникомъ любви, и въ его внутреннемъ мірѣ царствовала красота и гармонія, производившія чарующее впечатлѣніе на всѣхъ, близко его знавшихъ.

„Мы никого не встрѣчали,—писалъ о Шелли другъ его Ли Гунтъ,—кто бы болѣе приблизился къ той высшей ступени человѣчества, о которой говоритъ лордъ Бэконъ, описывая величайшее проявленіе милосердія, недоступное человѣческому существу".

Шелли былъ отъ природы глубоко-религіозенъ, и въ его религіозности сказывается поэтъ-утопистъ, мечтающій о грядущемъ золотомъ вѣкѣ. Этимъ объясняется и временное увлеченіе его матеріалистической философіей XVIII вѣка, такъ мало согласовавшейся съ его идеальной природой. Отрицательно относясь къ существующему порядку вещей,—къ традиціоннымъ доктринамъ, являвшимся въ формахъ, лишенныхъ жизненнаго содержанія, Шелли примкнулъ къ взглядамъ проповѣдниковъ, манившихъ обѣщаніями человѣческаго счастья; но его попытка превратить ихъ теоріи въ стройное гармоническое цѣлое потерпѣла крушеніе, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ. „Ученія французской матеріалистической философіи,— писалъ онъ въ послѣдній годъ жизни, — такъ же ложны, какъ пагубны". И въ прозаическомъ отрывкѣ „О жизни", написанномъ около 1819 года, онъ говорилъ: „Заблужденія общепринятой матеріалистической философіи... съ ея ученіемъ о происхожденіи всего сущаго, первоначально привели меня къ матеріализму. Это ученіе заманчиво для юныхъ, поверхностныхъ умовъ... Но міросозерцаніе это не удовлетворило меня. Человѣкъ—существо съ высшими стремленіями... мысли котораго витаютъ въ вѣчности, отказываясь признать разрушеніе и небытіе, существуя лишь въ прошедшемъ и будущемъ".

Увлеченіе Шелли матеріалистической философіей было кратковременно. Жить надеждой, вѣрой и любовью было потребностью для его природы. „Невозможно отрицать, — писалъ онъ Хоггу въ началѣ 1811 года,—существованіе души вселенной, души разумной и благой. Въ подтвержденіе этого, быть можетъ, я не въ состояніи привести доказательствъ; но каждый листъ на деревѣ, каждое насѣкомое, ползающее на землѣ, представляютъ сами по себѣ убѣдительные доводы. Отрицая существованіе высшаго разума, мы уничтожаемъ главное доказательство существованія будущей жизни". И воображенію Шелли рисуется какъ будущее наказаніе порочной души — томленіе ея въ тюрьмѣ, холодной и

мрачной какъ тѣло, въ которомъ она заключена на землѣ, и какъ награда добродѣтели—„вѣчная любовь, безконечная въ пространствѣ и времени“. Въ міросозерцаніи Шелли вся вселенная не что иное какъ проявленіе высшей духовной силы, непрерывное священнодѣйствіе. „Великъ и полонъ чудесъ міръ матеріи, — говоритъ Шелли въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ произведеній [1]),— но свое величіе и славу онъ заимствуетъ отъ духовнаго элемента“. И онъ сравниваетъ вселенную съ рѣкой, протекающей черезъ міръ идеи и отражающей въ себѣ ея цвѣта и формы.

Поэтомъ-мечтателемъ Шелли является также въ политическихъ и общественныхъ своихъ взглядахъ. Мысленный взоръ его, отрываясь отъ окружающей дѣйствительности и переносясь черезъ десятки и сотни лѣтъ, мечтательно созерцалъ новый, болѣе совершенный строй общественной жизни; и всякое умственное движеніе, приближавшее человѣчество къ этой высшей цѣли, находило въ немъ горячаго сторонника. Отсюда увлеченіе его идеями французской революціи, такъ слѣпо увѣровавшей въ могущество человѣческаго разума, уничтожавшей традицію прошлаго и открывавшей широкій просторъ мечтѣ утописта. Идеи справедливости, свободы, равенства, братства производили обаятельное впечатлѣніе на 19-лѣтняго юношу, увлеченнаго филантропическими стремленіями. Въ 1812 году Шелли напечаталъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ „Декларація правъ“, представлявшую подражаніе знаменитой деклараціи 1789 года и начинавшуюся словами: „Правительство не имѣетъ правъ; оно существуетъ лишь съ согласія народа, который добровольно предоставляетъ ему извѣстныя права“, и т. д. Вмѣстѣ съ идеями, послужившими девизомъ революціи 1789 года, Шелли воспринялъ и ложныя понятія XVIII вѣка—вѣру въ совершенство человѣческой природы, презрѣніе къ традиціямъ, представленіе объ искусственномъ происхожденіи человѣческаго общества. Подобно дѣятелямъ французской революціи, онъ обращался за политическими идеалами къ античному міру и древнюю Грецію называлъ „матерью свободныхъ людей“. Но раздѣляя теоретическія заблужденія XVIII вѣка, Шелли отрицательно относился къ насилію, сопровождавшему практическое примѣненіе отвлеченныхъ идей: гуманная природа его возмущалась противъ принципа—цѣль оправдываетъ средства. Преклоняясь передъ умственнымъ движеніемъ Франціи XVIII в., онъ полагалъ, что великая революція не привела къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали отъ нея; и причину этого онъ

---

[1]) „Hymn to Intellectual Beauty“.

видѣлъ въ томъ, что французскій народъ не былъ подготовленъ къ свободѣ—нравственнымъ движеніемъ, которое предшествовало бы политическому и соціальному перевороту.

Этимъ взглядомъ объясняется и отношеніе Шелли къ политическимъ событіямъ своего времени. Въ 1812 году онъ увлекся агитаціей, происходившей въ Ирландіи и имѣвшей цѣлью достиженіе политической свободы. Католическая эманципація и отмѣна уніи представлялись ему мѣрами благодѣтельными и цѣлесообразными; но при этомъ, въ своемъ „Обращеніи къ ирландскому народу", онъ указывалъ на другую, высшую, хотя отдаленную цѣль: свобода, равенство, добродѣтель и счастье,—говорилъ онъ,—обусловливаются великимъ нравственнымъ переворотомъ и не могутъ быть достигнуты внезапными насильственными мѣрами. И въ другомъ своемъ политическомъ памфлетѣ онъ предлагалъ организовать „Филантропическую ассоціацію", имѣющую цѣлью возрожденіе Ирландіи посредствомъ распространенія въ народѣ добродѣтели и просвѣщенія. Въ то же время, стремясь къ достиженію отвлеченно-нравственной цѣли, ассоціація не должна была отстраняться отъ политики: политика, по взглядамъ Шелли, составляетъ лишь часть этической области. „Величайшее и самое гибельное заблужденіе въ мірѣ,—писалъ онъ,—это раздѣленіе политической и этической наукъ; первая всецѣло должна руководиться послѣднею, и то, что̀ является справедливымъ критеріемъ для индивидуальной личности, должно примѣняться и къ обществу, представляющему лишь собраніе индивидуальныхъ личностей".

Проектъ „Филантропической ассоціаціи" не встрѣтилъ сочувствія въ Ирландіи. Католики, также какъ протестанты, признали атеистомъ молодого проповѣдника, не примкнувшаго ни къ одной клерикальной партіи. Радикалы недовѣрчиво отнеслись къ протесту Шелли противъ насилія, какъ средства проведенія реформы. Практическіе дѣятели, подобно О'Коннелю, не могли имѣть ничего общаго съ юношей-мечтателемъ, неопытнымъ въ политикѣ, стремившимся къ отдаленнымъ туманнымъ цѣлямъ. При томъ, Шелли не желалъ безусловно примкнуть къ той или другой партіи. „Хорошіе принципы рѣдки здѣсь,—писалъ онъ изъ Дублина.—Газеты суть о̀рганы или оппозиціи, или министерства; однѣ достойны презрѣнія, другія односторонни. *Меня*, разумѣется, ненавидятъ обѣ партіи". Въ концѣ концовъ, Шелли долженъ былъ признать, что филантропическій проектъ его несвоевременен и непримѣнимъ при современномъ состояніи народной массы. „Невыразимо тяжело,—писалъ онъ, — видѣть человѣческія существа, способныя возвыситься до умственной высоты Ньютона и Локка,—

и не пытаться пробудить ихъ отъ противоположнаго состоянія духовной летаргіи... Но я покоряюсь необходимости; я не обращусь болѣе къ невѣжественной массѣ. Я буду возлагать надежды на иныя времена... и содѣйствовать цѣлямъ, которыя осуществятся много столѣтій послѣ того, какъ я обращусь въ прахъ. Такое рѣшеніе требуетъ не мало стоицизма".

Все болѣе увлекаясь поэзіей, Шелли принималъ къ сердцу всѣ явленія общественной жизни. Въ мартѣ того же 1812 года, королевскій судъ приговорилъ одного книгопродавца, нѣкоего Итона, къ денежному штрафу и къ позорному столбу за распространеніе сочиненія Томаса Пэна—„Вѣкъ Разума". Шелли былъ глубоко возмущенъ этимъ постановленіемъ, нарушавшимъ, по его мнѣнію, свободу мысли и слова; и, въ виду сочувственнаго отношенія общества къ приговору суда, счелъ долгомъ высказать свой взглядъ въ письмѣ къ лорду Элленборо. Письмо это представляетъ политическое и нравственное profession de foi юнаго послѣдователя просвѣтительной философіи XVIII вѣка.

„Если не отмѣненъ средневѣковой законъ „de heretico comburendo",—говорилъ онъ, между прочимъ, въ своемъ письмѣ,—я полагаю, что вновь можетъ возгорѣться въ Англіи пламя костровъ инквизиціи... И теперь уже раздается звонъ цѣпей, сковавшихъ Галилея. И гдѣ же? въ странѣ, гордо называющей себя святилищемъ свободы; при господствѣ правительства, которое, нарушая свободу мысли и слова, хвалится свободой печати...

„Въ просвѣщенной странѣ человѣкъ подвергается тюремному заключенію и позорному столбу за то, что онъ деистъ, — и ни одинъ голосъ не поднимается въ защиту оскорбленнаго человѣчества. Неужели христіанскій Богъ, котораго послѣдователи его называютъ Богомъ мира и всепрощенія, разрѣшаетъ одному человѣку возставать противъ другого, и подвергать его пыткѣ за невѣріе?.. Вы преслѣдуете этого человѣка, потому что вѣра его не согласуется съ вашей. Вы уподобляетесь въ своихъ дѣйствіяхъ гонителямъ христіанства и доказываете этимъ, что религія ваша столь же нетерпима и жестока".

Подъ впечатлѣніемъ несправедливости и насилій, совершающихся въ мірѣ, Шелли всѣ надежды свои обратилъ на будущее, рисовавшееся ему въ цѣломъ рядѣ видѣній,—видѣній, развиваемыхъ пылкой фантазіей поэта; къ исторіи прошедшаго онъ относился вполнѣ отрицательно.

„Я намѣренъ обратиться къ изученію науки, — писалъ онъ Гукхаму въ концѣ 1812 года,—которая внушаетъ мнѣ глубокое отвращеніе, но которая, болѣе чѣмъ всѣ другія, необходима для

того, кто выступаетъ съ проповѣдью противъ укоренившихся злоупотребленій. Я говорю объ исторіи — этой лѣтописи человѣческихъ преступленій и бѣдствій" [1]).

Несмотря на скептическое отношеніе къ историческимъ фактамъ, Шелли принималъ горячее участіе въ современныхъ политическихъ вопросахъ. Съ теченіемъ времени и съ пріобрѣтеніемъ жизненнаго опыта, онъ отрѣшался отъ прежнихъ увлеченій, и взгляды его принимали болѣе зрѣлый характеръ. Въ послѣдніе годы жизни, подъ впечатлѣніемъ соціальныхъ смутъ, волновавшихъ его отечество, мысли его все чаще обращались къ будущимъ судьбамъ человѣчества. „Я покинулъ прекрасную сферу литературы,—писалъ Шелли 6-го ноября 1819 г.,—чтобы странствовать по великой песчаной пустынѣ политики; и при этомъ я не теряю надежды обрѣсти какой-нибудь волшебный рай".

Отыскивая путь къ волшебному раю, Шелли задумалъ изложить свои взгляды въ сочиненіи, которое заключало бы обзоръ всѣхъ міровыхъ открытій и способствовало развитію въ человѣчествѣ стремленія къ великому соціальному перевороту, — къ перевороту постепенному, не запятнанному жестокостью и преступленіемъ. Трактатъ Шелли, сохранившійся въ недоконченной рукописи и извѣстный подъ заглавіемъ „Философскій взглядъ на реформу", представляетъ болѣе или менѣе ясное изложеніе его политическихъ взглядовъ.

„Лишь тѣ, которые воображаютъ, что интересъ ихъ прямо или косвенно затронутъ въ поддержаніи существующихъ учрежденій Англіи, не признаютъ необходимости измѣненія этихъ учрежденій",—такъ начинается „Философскій взглядъ на реформу".

За этимъ слѣдуетъ краткій историческій очеркъ главныхъ соціальныхъ движеній, воплотившихъ въ себѣ, съ начала христіанской эры, надежды человѣчества и стремленіе его къ лучшему нравственному и соціальному строю жизни. „Результатомъ дѣятельности политическихъ философовъ,—говоритъ Шелли,—было установленіе принципа полезности какъ сущности, свободы и равенства какъ формъ, согласно которымъ должны быть регулированы дѣла человѣческой жизни". Первое практическое примѣненіе новой философіи онъ видитъ въ правительствѣ Соединенныхъ Штатовъ, конституцію которыхъ онъ превозноситъ, главнымъ образомъ

[1]) „Факты,—говорилъ Шелли нѣсколько лѣтъ позднѣе (письмо къ Гисборну 16-го ноября 1819 года),—не составляютъ того, что̀ намъ нужно знать въ поэзіи, въ исторіи, въ жизни отдѣльныхъ лицъ, въ сатирѣ или панегирикѣ. Они лишь подраздѣленія, произвольныя точки, которыхъ мы придерживаемся и къ которымъ относимъ тонкіе и неуловимые оттѣнки мыслей"...

вслѣдствіе заключающагося въ ней элемента прогресса. Отъ американскихъ штатовъ Шелли переходитъ къ обзору положенія другихъ современныхъ государствъ и затѣмъ возвращается къ своему отечеству. Описывая бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ въ Англіи, онъ доказываетъ необходимость радикальныхъ соціальныхъ реформъ; главныя, наиболѣе настоятельныя изъ нихъ и въ то же время достижимыя, по его мнѣнію: 1) уничтоженіе національнаго долга; 2) распущеніе постоянной арміи; 3) сокращеніе налоговъ; 4) дарованіе полной свободы мысли и выраженія ея; 5) учрежденіе доступнаго, скораго и добросовѣстнаго суда.

Далѣе, Шелли переходитъ къ вопросу о реформѣ парламента. Установленіе всеобщей подачи голосовъ, по его мнѣнію,—мѣра желательная и справедливая; такъ же какъ справедливы, съ отвлеченной точки зрѣнія, и другія еще болѣе важныя политическія преобразованія, къ которымъ несомнѣнно приведетъ всеобщая подача голосовъ; но реформы эти несомнѣнно повлекутъ за собой гражданскую войну, которая, помимо другихъ сопровождающихъ ее бѣдствій, содѣйствуетъ развитію въ націи воинственности, несовмѣстимой съ истинной свободой. Въ виду этого, Шелли высказывается въ пользу постепенной реформы представительной системы. Главный принципъ, на которомъ должна быть основана всякая реформа, — естественное равенство людей, не по отношенію къ собственности, но по отношенію къ правамъ. Спаситель проповѣдовалъ равенство не столько политическое, сколько нравственное; нравственность и политика составляютъ часть одной науки относительно отвлеченныхъ принциповъ,—но не практическаго ихъ примѣненія. Равенство собственности можетъ быть лишь „послѣднимъ результатомъ высшей ступени цивилизаціи". Это—цѣль, на которую мы можемъ взирать издалека.

Шелли высказывается за то, чтобы починъ политическихъ и соціальныхъ реформъ принадлежалъ существующему правительству Англіи; въ противномъ случаѣ, если правительство принудитъ націю взять въ свои руки дѣло преобразованія, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ уничтоженіе монархіи и аристократіи. „Ни одинъ патріотъ и другъ человѣчества,—говоритъ Шелли,— не можетъ желать подобнаго кризиса". Народное возстаніе Шелли считаетъ крайней мѣрой, къ которой возможно прибѣгнуть лишь въ случаѣ сопротивленія правительства всякой реформѣ. Прежде, чѣмъ входить въ разсмотрѣніе тѣхъ мѣръ, которыя могутъ привести къ междоусобной борьбѣ, Шелли останавливается на разсмотрѣніи характера войны и ея послѣдствій; при этомъ онъ за-

мѣчаетъ, что какой бы цѣлью она ни оправдывалась, всякая война развращаетъ воображеніе людей... уничтожаетъ въ нихъ чувство справедливости и способствуетъ развитію деспотизма.

За этимъ мѣстомъ въ рукописи слѣдуетъ пробѣлъ. Въ послѣднемъ небольшомъ отрывкѣ, Шелли высказываетъ взглядъ на образъ дѣйствій, которому долженъ слѣдовать народъ въ случаѣ побѣды въ борьбѣ съ своими притѣснителями. „Низкіе агитаторы, — говоритъ онъ, — пытаются льстить необразованной массѣ, предлагая требовать возмездія. Люди, претерпѣвшіе зло, стремятся отмстить. Это ложно называютъ всеобщимъ закономъ человѣческой природы; отъ закона этого свободны многіе, —и всѣ соотвѣтственно степени своей добродѣтели и умственнаго развитія". На этихъ словахъ милосердія и всеобщаго примиренія прерывается „Философскій взглядъ на реформу". Въ нихъ заключается тотъ духъ любви и всепрощенія, которымъ проникнуты всѣ произведенія Шелли. Люди науки назовутъ его мечтателемъ, витавшимъ въ области поэтической фантазіи, не понимавшимъ законовъ человѣческой исторіи. На этотъ упрекъ можно отвѣтить словами Шелли: „Созерцая идеалы, въ настоящее время недостижимые, — говорилъ онъ, —мы возносимся духомъ, проникаемся спокойствіемъ и мужествомъ и черезъ это приближаемся къ осуществленію мечты, представляющейся теперь миражемъ".

Вся жизнь Шелли представляетъ примѣръ непрерывнаго стремленія къ идеалу, движенія впередъ на пути прогресса, безъ малодушныхъ уступокъ господствующему теченію, безъ компромиссовъ и отступленій. Твердость духа его поддерживалась непоколебимой вѣрой въ конечное торжество добра надъ зломъ, вѣрой, которую не могли пошатнуть всѣ тяжелыя разочарованія личной жизни. Въ этомъ заключается великое значеніе, жизненный элементъ міросозерцанія Шелли.

Одинъ изъ главныхъ залоговъ будущаго возрожденія человѣчества онъ провидѣлъ въ современномъ демократическомъ движеніи. „Въ теченіи человѣческой исторіи, —говоритъ онъ по этому поводу въ предисловіи къ поэмѣ „Возмущеніе Ислама", —есть отливъ, который, послѣ бурь, относитъ въ безопасную пристань разбитыя надежды людей. Думается мнѣ, что тѣ, которые живутъ въ нашу эпоху, пережили время отчаянія". И онъ предрекалъ въ своей поэмѣ, что „мощная дружина мыслей, которыми населяетъ поэтъ безграничную вселенную, —попирая мракъ, разсѣетъ облако невыразимо страшнаго проклятія, которое нависло надъ человѣчествомъ".

Въ наше время безнадежнаго и мрачнаго пессимизма осо-

бенно дороги такія слова, заключающія въ себѣ призваніе къ жизни и поднимающія нашъ духъ. Бодростью и мужественной энергіей проникнута соціальная проповѣдь Шелли; и бо̀льшая часть его поэтическихъ произведеній заканчиваются свѣтлымъ образомъ двойственной картины—апоѳеозомъ будущаго надъ разрушеннымъ прошедшимъ. Призывая людей къ дѣятельной борьбѣ со зломъ, онъ указывалъ на высшіе идеалы, къ которымъ должно стремиться человѣчество; и въ своихъ мечтахъ поэта-ясновидца онъ созерцалъ въ далекомъ будущемъ осуществленіе этихъ идеаловъ,—воцареніе въ мірѣ правды и добра. „Настанетъ время,—говорилъ онъ,—когда всѣ люди, исповѣдующіе разныя религіи и вѣрованія, будутъ жить въ одной общинѣ, соединенные узами милосердія и братской любви“.

З. Ив.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

ОЧЕРКЪ.

Извѣстно, что до послѣдняго времени во всѣхъ этнографическихъ сборникахъ для народной медицины отводилось самое ограниченное мѣсто. Это объясняется тѣмъ, что этнографы прежде всего должны были изучить народъ въ физическомъ, бытовомъ и нравственномъ отношеніи вообще, и только потомъ приступить къ изученію взглядовъ человѣка на явленія природы и его отношенія къ вселенной, а равно взглядовъ его на болѣзни и сохраненіе здоровья. Врачи вообще относились съ насмѣшкою и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ народной медицинѣ, какъ къ выраженію грубаго невѣжества и суевѣрія, а между тѣмъ цѣнный этнографическій кладъ, находящійся въ устахъ народнаго преданія, пропадаетъ для отечественной этнографіи, ибо научная медицина, проникая все болѣе и болѣе въ самые захолустные уголки провинціи, истребляетъ или окончательно измѣняетъ народно-медицинскія понятія, еще не такъ давно исповѣдуемыя народомъ. Въ виду этого я обратился къ изученію этого предмета, имѣя, какъ провинціальный врачъ, на каждомъ шагу случай сталкиваться съ народно-медицинскими вѣрованіями и преданіями, и въ продолженіе 4 лѣтъ собиралъ данныя, сюда относящіяся, какъ лично, такъ и чрезъ корреспондентовъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія и живущихъ въ южно-русскихъ губерніяхъ, Галиціи и южной Венгріи. Конечно, собранный матеріалъ неравномѣрно распредѣляется по этимъ провинціямъ, изъ одной больше, изъ другой меньше, но это было неминуемо при моемъ способѣ собиранія,—много недостаетъ, много пробѣловъ, но надѣюсь, что за неимѣніемъ лучшаго сборника мои „Очерки“ хоть отчасти выполнятъ недостаю-

щія намъ свѣденія по этому предмету. Кромѣ собраннаго мною матеріала, я включилъ въ свой трудъ все, что̀ мнѣ было извѣстно по этому предмету изъ литературы, относящейся до южно-русскаго племени; для сравненія я рядомъ съ повѣрьями южно-русскими сопоставилъ матеріалы, относящіеся къ народной медицинѣ какъ другихъ славянскихъ, такъ и иноплеменныхъ народовъ. Въ литературный отдѣлъ вошло 124 имени авторовъ, которые мною цитируются съ указаніемъ на страницы.

Народная медицина такая же древняя, какъ и само человѣчество. Человѣкъ уже въ первыхъ проблескахъ цивилизаціи начинаетъ дорожить своею жизнью и здоровьемъ и въ окружающемъ мірѣ ищетъ средствъ для уменьшенія своихъ страданій и продленія своихъ дней.

Еслибы мы могли прослѣдить ходъ развитія народныхъ понятій о медицинѣ съ того времени, когда человѣкъ вышелъ изъ состоянія болѣе безучастнаго къ своему существованію, то мы бы убѣдились, что народная медицина имѣетъ право на свою исторію, которая бы указывала развитіе человѣчества и пути, по которымъ оно шло въ своемъ стремленіи къ цивилизаціи. Мы бы тогда увидѣли, какъ народъ постепенно покидалъ одни вѣрованія и предразсудки и, замѣняя новыми, примѣнялъ ихъ къ своимъ познаніямъ, и какъ вначалѣ преобладали исключительно вѣрованія мистическія, соотвѣтствующія самымъ низшимъ ступенямъ развитія, и какъ къ нимъ потомъ присоединялись вѣрованія грубаго эмпиризма, изъ которыхъ впослѣдствіи возросла современная научная медицина, основанная на болѣе обширномъ знакомствѣ съ природою. Развитіе научной медицины относится сравнительно къ недавнему времени. Съ того времени какъ научная медицина, основываясь на раціональныхъ началахъ анатоміи, физіологіи и патологіи, порвала связь съ народной медициной, пути этихъ двухъ знаній разошлись.

Народная медицина, поэтому, можетъ быть разсматриваема не только какъ одна изъ отраслей народовѣденія, но, будучи прародительницей научной медицины, можетъ быть разсматриваема сама по себѣ какъ сравнительно-антропологическая наука.

Относительно народной медицины я не вполнѣ соглашаюсь съ мнѣніемъ Бервинскаго, высказаннымъ въ его трудѣ о народной литературѣ, а равно съ мнѣніемъ польскаго этнографа Оскара Кольберга, что славянскіе народы будто бы потеряли всякую связь въ своихъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ съ далекимъ языческимъ прошлымъ. Въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ, относящихся къ народной медицинѣ, мнѣ кажется, этого разрыва нѣтъ. Напротивъ,

они измѣнили только свою первоначальную форму и соединились какъ будто въ одно съ наплывомъ различныхъ новыхъ вѣрованій и предразсудковъ, навѣянныхъ извнѣ. Среди южно-русскаго народа рядомъ съ собственно-славянскими языческими понятіями можно, кажется, видѣть также слѣды вѣрованій, унаслѣдованныя отъ сошедшей въ гробъ цивилизаціи древней Греціи и Рима, цивилизаціи византійско-церковной, подобно какъ въ Польшѣ наложила свою печать средневѣковая церковно-латинская и пр. Если мы къ этимъ вѣрованіямъ присоединимъ еще вліяніе старинной эмпирической медицины и наконецъ постоянное вліяніе современной, то получимъ данныя, изъ которыхъ образовалась современная народная медицина.

Разсмотримъ тѣ пути, коими естественно-медицинскія понятія появились на Руси. Одни предразсудки, общіе всѣмъ народамъ, могли быть принесены самимъ народомъ много вѣковъ тому назадъ, изъ его древней родины, или же могли быть заимствованы отъ сосѣдей, въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ, хотя времени ихъ возникновенія опредѣлить нельзя. Сосѣдніе народы заимствуютъ другъ отъ друга не только обычаи и вѣрованія, не только слова, но даже искажаютъ свою родную рѣчь и ее забываютъ, перемѣняя на другую, какъ это наглядно видимъ у евреевъ. Извѣстно, что каждый народъ на своихъ окраинахъ заимствуетъ болѣе чужихъ примѣсей, какъ въ словахъ, такъ и въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, чѣмъ внутри страны.

Все, что̀ мы сказали, можемъ объяснить примѣрами. Явленія „изуроченія" извѣстны у многихъ современныхъ народовъ Европы и Азіи, но они были извѣстны и народамъ Греціи и Рима, а начало ихъ приходится искать въ глубокой древности. То же самое можно сказать и о способахъ излеченія людей изуроченныхъ, чего не могли стереть ни вліянія греческой и римской церковныхъ цивилизацій, ни даже вліянія впослѣдствіи эмпирической медицины. Для предохраненія себя отъ сглаза многія женщины носятъ за пазухой ножъ, или вкладываютъ его въ колыбель своихъ дѣтей. Всѣмъ извѣстно также леченіе сглаза бросаніемъ углей на воду съ разными чародѣйскими пріемами и заговорами, въ которыхъ часто замѣчается вліяніе христіанскаго культа. Предразсудокъ не качать порожней люльки извѣстенъ чуть ли не всей Европѣ, но только каждый изъ народовъ иначе себѣ объясняетъ вредъ, этимъ причиняемый. Изъ Германіи перешло на Русь и во всѣ славянскія земли множество лечебныхъ средствъ, находящихся теперь въ общемъ употребленіи, какъ напр. смазываніе десенъ кровью изъ пѣтушьяго гребешка у дѣтей при прорѣзываніи зу-

бовъ, леченіе разныхъ болѣзней заячьимъ жиромъ, а чахотки березовымъ сокомъ и т. д. Древній способъ леченія желтухи всматриваніемъ въ желтый цвѣтъ металловъ или цвѣтовъ измѣнился подъ вліяніемъ христіанскаго культа въ Германіи, а оттуда перешелъ въ славянство: совѣтуютъ при этомъ больнымъ всматриваться въ церковную чашу или же въ другую металлическую церковную утварь желтаго цвѣта. Вліяніе византійской цивилизаціи значительно преобладаетъ въ восточной Руси и на всѣ вѣрованія и предразсудки кладетъ свою печать; въ Холмщинѣ или въ Галичинѣ въ вѣрованіяхъ мы видимъ общее вліяніе двухъ соприкасающихся церковныхъ цивилизацій, восточной и западной.

Я уже сказалъ, что распространенію вѣрованія немало способствуютъ сношенія съ сосѣдними народами. Естественно-медицинскія вѣрованія, напоминающія происхожденіемъ дальнѣйшій востокъ, кромѣ тѣхъ, которыя зародились на Руси въ глубокой древности, могли придти другимъ путемъ, который до настоящаго времени еще не прегражденъ. Цыгане своей кочующей жизнью разносятъ много предразсудковъ отъ одного народа къ другому, будучи сами носителями различныхъ индійскихъ вѣрованій, что̀, по гипотезѣ извѣстнаго англійскаго изслѣдователя цыганъ Фр. Грума (Groome), весьма правдоподобно, въ виду ихъ индійскаго происхожденія. Быть можетъ, отсюда происходитъ обычай леченія отъ укушенія ядовитыхъ змѣй посредствомъ выписыванія волшебныхъ словъ; это леченіе выписываніемъ перешло къ духовенству какъ католическому, такъ и православному. Подобнымъ способомъ излечивали лихорадки святые въ родѣ извѣстнаго Іоанна де-Мата, а его послѣдователи пишутъ на кускахъ хлѣба или облатки разныя евангельскія изреченія и даютъ съѣсть больному, напр. на одномъ: Богъ отецъ, на другомъ: Богъ сынъ, а на третьемъ: Богъ Духъ святой. Въ великороссійскихъ губерніяхъ и Сибири пишутъ на трехъ кускахъ хлѣба черниломъ спичкою слова, на одномъ: „Ісусъ родился“, на другомъ: „умеръ“, на третьемъ: „воскресъ“.

Во многихъ заговорахъ и заклинаніяхъ можно видѣть остатки глубокой старины, своей или занесенной: въ нихъ загоняютъ лихорадку или рожу на горы, лѣса, поля и т. д. Быть можетъ, религіозныя индійскія вѣрованія о переселеніи душъ отразились во многихъ повѣріяхъ народныхъ, относящихся къ происхожденію животныхъ и растеній. Такъ, напр., говорятъ, что павлинъ — это проклятые Богомъ царевичъ и царевна перемѣнены въ птицъ; летучая мышь—это мышь домашняя, у которой выросли крылья; цвѣты Иванъ да Марья — это братъ и сестра обращены въ цвѣты за то, что обвѣнчались, и т. д.

Не мало вѣрованій и предразсудковъ, какъ восточныхъ, такъ и средневѣковыхъ, принесли съ собою переселяющіеся на Русь изъ Германіи евреи, а еще болѣе въ настоящее время нѣмецкіе и чешскіе колонисты, переселяющіеся на Волынь и переходящіе съ одного мѣста на другое.

Вѣроятно, не мало предразсудковъ германскихъ, моравскихъ, словацкихъ, венгерскихъ и сербскихъ распространяютъ странствующіе съ товарами словаки, извѣстные въ южной Руси подъ общимъ именемъ „венгерцевъ"; рядомъ съ товарами они продаютъ лекарства, разные эликсиры любви и долгой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ разносятъ и заговоры, и разные естественно-медицинскіе предразсудки. Не мало еще способствуетъ этому нынѣшняя военная служба, въ которой солдаты служатъ недолго и приносятъ домой языкъ, испещренный различными инородными вліяніями, а кромѣ того прививаютъ на свою родную почву множество предразсудковъ. Этимъ путемъ появилось на южной Руси множество различныхъ повѣрій, польскихъ, великорусскихъ, кавказскихъ и много словъ на томъ языкѣ, на которомъ они ихъ слышали.

Разсматривая всѣ эти медицинскіе предразсудки и средства, мы видимъ, что чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ народная медицина богаче всевозможными предразсудками и суевѣріями, и, наоборотъ, чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ болѣе она теряетъ свой чисто-народный характеръ и испещряется множествомъ примѣшанныхъ къ ней средствъ и обрядностей, почерпнутыхъ отчасти изъ старинной, отчасти изъ новѣйшей медицины. Разница эта легче всего замѣчается въ народно-медицинскихъ понятіяхъ лѣво- и право-бережной Украины и Галичины. На западную Русь перешло больше предразсудковъ изъ прежней медицины, одни вслѣдствіе вліянія помѣщиковъ, духовенства и евреевъ, другіе—изъ старыхъ медицинскихъ книгъ, календарей и т. п. источниковъ. Вслѣдствіе такой спутанности вліяній, здѣсь трудно отличать чисто народное отъ чуждаго. Поэтому я въ своихъ собраніяхъ лечебныхъ средствъ принималъ за народныя не только такія, которыя взяты были отъ народа, но и такія, которыя существуютъ и въ другихъ сословіяхъ въ южной Руси между шляхтой и евреями. Мнѣ удалось собрать менѣе повѣрій, относящихся къ этіологіи и патологіи болѣзней, чѣмъ относящихся къ фармакологіи, такъ какъ народъ вездѣ болѣе интересуется леченіемъ болѣзни, чѣмъ ея происхожденіемъ.

Извѣстный этнографъ Чубинскій, основываясь на не совсѣмъ вѣрныхъ данныхъ, утверждаетъ, будто бы въ каждой изъ мѣст-

ностей южной Руси существуютъ свои собственныя болѣзни. Это происходитъ отъ того, что Чубинскій, узнавши въ каждомъ изъ уѣздовъ объ однѣхъ только болѣзняхъ, думалъ, что другихъ тамъ народъ не различаетъ. Я изъ своихъ наблюденій убѣдился, что народъ вездѣ различаетъ однѣ и тѣ же болѣзни, но только лишь подъ другими названіями, а если и разнится въ своихъ взглядахъ, то развѣ только на ихъ происхожденіе и леченіе. (Существуютъ даже разныя болѣзни, извѣстныя подъ одними и тѣми же названіями, какъ напр., „родымецъ" означаетъ судороги новорожденныхъ, или родимыя пятна, вѣроятно, на томъ основаніи, что обѣ болѣзни приноситъ человѣкъ съ собою на свѣтъ. „Волосъ" обозначаетъ дѣтскую болѣзнь и болѣзнь нѣкоторыхъ ранъ, которыя могутъ быть загрязнены „волосомъ".)

Южно-русскій народъ каждую изъ болѣзней, особенно эпидемическихъ, представляетъ въ грубой матеріальной формѣ и въ каждой мѣстности иначе объясняетъ себѣ способъ, какимъ она распространяется среди людей и производитъ заразу и смерть. Лихорадку представляютъ въ видѣ молодой и красивой дѣвушки, которая обладаетъ силою превращаться въ воздухъ, вдыхая который люди заболѣваютъ. Говорятъ, что разныя горячки происходятъ отъ отравленія воды и воздуха и отъ нечистыхъ силъ, которыя ниспосылаютъ болѣзнь на извѣстную мѣстность, какъ наказаніе за грѣхи. Холеру представляютъ въ видѣ бѣлой собаки, которая производитъ болѣзнь на мѣстѣ, гдѣ околѣваетъ, или въ видѣ женщины въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами и плачущей, и куда голосъ ея достигнетъ, тамъ будто мрутъ люди. О чумѣ существуетъ много легендъ; ее представляетъ народъ въ видѣ женщины, чеки у колесъ и т. д. Вѣрятъ тоже, что болѣзнь можно поддуть, подослать, подлить и т. д. Вообще по народнымъ понятіямъ болѣзнь происходитъ отъ нечистой силы; нигдѣ мы не встрѣчаемъ у народа понятія, чтобы Богъ посылалъ болѣзнь. Онъ только допускаетъ ее для испытанія человѣка; что̀ нечистая сила испортитъ, то̀ добрый Богъ исправляетъ, а потому къ Нему слѣдуетъ обращаться въ молитвахъ и заговорахъ, которые по народнымъ понятіямъ священны.

Вѣрованія въ сверхъестественное происхожденіе болѣзни перемѣшаны часто съ понятіями забытой уже гуморальной медицины, напр.: говорятъ, что соки, обращаясь въ организмѣ, приливаютъ къ извѣстнымъ о̀рганамъ и вызываютъ въ нихъ воспаленіе, или же, что гуморы ударили въ голову, глаза, уши, носъ, или что желчь ударила на мозгъ, а у родильницы что „молоко ударило въ голову" и что испорченная кровь причиною болѣзни.

На этомъ основаніи часто употребляютъ кровопусканіе, какъ профилактическое или терапевтическое средство, удаляющее негодную черную, „поганую“, кровь. Накожныя сыпи весьма желательны, такъ какъ, очищая кровь, предохраняютъ отъ внутреннихъ болѣзней.

Народъ имѣетъ и свои особенныя понятія анатомо-патологическія, утверждая, напр., что матка находится у обоихъ половъ, что мокрота при кашлѣ выдѣляется изъ разныхъ частей тѣла: изъ головы, груди, желудка и кишокъ. При кашлѣ часто больной указываетъ, что грудь отъ мокроты уже очистилась, но въ желудкѣ она еще осталась. Въ болѣзняхъ пищеваренія указываютъ, что въ желудкѣ сидятъ глисты, солитеръ, лягушки или какія-нибудь другія животныя („вертятся и тянутъ за пупъ“). Нервные больные субъективныя свои ощущенія объясняютъ чувствованіемъ пустоты въ головѣ, груди, животѣ и т. д. При сильныхъ головныхъ боляхъ нѣкоторые побаиваются, чтобы ихъ мозгъ не улетучился.

Переходя теперь къ леченію болѣзней, прежде всего посмотримъ, въ чьихъ рукахъ оно находится. Народная вѣра въ сверхъестественныя вліянія воображаетъ, что есть люди, посылающіе болѣзни и раздающіе здоровье, и что они водятся съ заколдованнымъ міромъ. Одни изъ нихъ при содѣйствіи нечистой силы вредятъ здоровью, но и возвращаютъ его, какъ напр. при изурочиваніи. Одинъ знахарь напускалъ на дѣтей „плакуна“, чтобы лечить и брать деньги; но когда отецъ пригрозилъ ему, знахарь испугался и всѣ дѣти выздоровѣли. Есть такіе знахари, которые съ помощью Божьею исправляютъ то, что̀ дурные люди испортили; поэтому мы видимъ въ заговорахъ, какъ знахарь или баба обращается къ Богу или къ святымъ съ просьбою снять порчу или исцѣлить, говоря слова: „не я заговариваю, не моею силою, но Божіимъ духомъ“, или „съ помощью Пресвятой Богородицы“ и т. д. Сообразно съ народными понятіями о роли, какую играютъ добрыя и злыя силы въ духовной жизни человѣчества, одни люди при помощи злыхъ силъ могутъ быть всевѣдущими, предсказывать будущее, вредить другимъ въ ихъ дѣлахъ, производить болѣзни, а другіе могутъ спасать человѣчество при помощи добрыхъ духовъ, возвращая здоровье и жизнь. Къ первымъ относятся чародѣи и ворожеи, а ко вторымъ—знахари и бабы, которые по народнымъ понятіямъ соотвѣтствуютъ врачамъ въ обществахъ цивилизованныхъ.

Искусство врачеванія переходитъ наслѣдственно изъ рода въ родъ. Чародѣи и знахари еще при жизни пріискиваютъ себѣ

учениковъ, чтобы имъ открыть тайну леченія, обыкновенно ближайшему родственнику или, при недостаткѣ таковаго, другу, и этимъ получаютъ отпущеніе грѣховъ. Обыкновенно только старшій человѣкъ можетъ открыть тайну леченія болѣе молодому, ибо въ противоположномъ случаѣ теряется сила исцѣленія. Если знахарь передъ смертью не передастъ другому тайны леченія, тогда не умретъ спокойно.

Переходя теперь къ леченію, составляющему самую значительную часть мною собранныхъ матеріаловъ, я подраздѣляю средства на лекарственныя въ тѣсномъ смыслѣ слова и—мистическія. Многовѣковое примѣненіе этихъ средствъ въ народной медицинѣ предоставило многимъ изъ нихъ большую славу, хотя они не имѣютъ никакого цѣлебнаго дѣйствія.

Какъ больной, такъ равно и его окружающіе относятся, въ большинствѣ случаевъ, безъ надлежащей критики ко всему тому, что̀ имъ предлагаетъ врачъ, знахарь, баба, друзья или знакомые. Въ случаяхъ, въ которыхъ болѣзнь приняла благопріятный исходъ, приписываютъ это дѣйствію лекарству, и тогда самое безсмысленное средство пріобрѣтаетъ широкую извѣстность. Многія болѣзни могутъ излечиваться сами собою, или вслѣдствіе сильныхъ нравственныхъ потрясеній; знаемъ изъ современной медицины, сколько можно вызывать явленій въ психической сферѣ внушеніемъ, гипнотизмомъ, которыя могли испоконъ вѣковъ быть извѣстными древнимъ колдунамъ; тѣ же явленія воодушевляли народныя массы подъ вліяніемъ средневѣковаго фанатизма, но только тогда не были раціонально объясняемы.

Народныя лекарственныя средства по способу ихъ употребленія дѣлятся на внутреннія и наружныя, а по ихъ происхожденію—на эмпирическія и домашнія.

Средства эмпирическія главнымъ образомъ бываютъ происхожденія растительнаго и животнаго. Большинство изъ нихъ составляютъ народныя средства, другія же заимствованы изъ старинной медицины. Человѣкъ, стоящій на самой низкой ступени развитія, обратилъ прежде всего свое вниманіе на міръ растительный, и въ немъ сталъ искать спасенія для своего здоровья; количество употребляемыхъ южно-русскимъ народомъ лекарственныхъ растеній я насчиталъ свыше 360. Леченіе растительными средствами по своему характеру весьма напоминаетъ способъ ихъ примѣненія у древнихъ грековъ и римлянъ. Большинство лекарственныхъ растеній въ разныхъ мѣстахъ южной Руси носятъ у народа разныя названія. Подъ однимъ названіемъ нерѣдко бываетъ извѣстно

Замѣнившей ласки и тепло весны...
Холодно и жутко сердцу одиноко
Прозябать на свѣтѣ безъ тепла и грёзъ,
Съ вѣчною тревогой горькаго упрёка
И съ нѣмымъ мученьемъ одинокихъ слёзъ...
Но еще страшнѣе, коль въ быломъ когда-то
Улыбалось счастье, грѣло ласкъ тепло...
Вдругъ все измѣнилось,—счастью нѣтъ возврата,
Лишь воспоминанья сердце сберегло...
Но они такъ больно ранятъ, такъ глубоко...
Такъ несносно помнить прошлое, и грудь,
Жаждущую ласки, бросить одиноко
Въ жизнь и отъ участья грубо оттолкнуть...

М. Д. Языковъ.

НОВЫЙ ТРУДЪ
О
ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМѢ

— *П. Милюковъ.* Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. Спб. 1892.

Новѣйшая русская исторіографія, какъ давно замѣчено, гораздо охотнѣе обращается къ изученію подробностей и, такъ сказать, матеріальныхъ процессовъ исторіи, чѣмъ къ опредѣленію широкихъ явленій и „духа“ событій. Новѣйшіе историки смотрятъ съ высока или даже съ великимъ пренебреженіемъ на тѣ старыя попытки „философіи исторіи“, которыя кажутся имъ только болтовней,—хотя не подлежитъ сомнѣнію, что эти „философскія“ попытки обобщенія чрезвычайно содѣйствовали расширенію историческихъ взглядовъ вообще. Мы сами, конечно, не сдѣлали въ этомъ отношеніи ничего особеннаго: наша научная литература по обыкновенію только плелась за европейской, такъ что, можетъ быть, намъ даже нечего особенно сѣтовать на излишества въ этомъ направленіи: относительно русской исторіи сдѣланы были только слишкомъ немногіе опыты общей постановки вопроса. Эти опыты были опять далеко не безплодны, и были, наконецъ, необходимы, чтобы у насъ хотя бы на данную минуту составилось какое-нибудь сознательное представленіе о руководящихъ событіяхъ нашей исторіи: не будь этого, мы, кажется, остались бы безъ всякаго разумнаго представленія о собственномъ историческомъ существованіи.

Къ противникамъ этихъ старыхъ обобщеній принадлежитъ и авторъ настоящей книги. Онъ находитъ, что Петровская эпоха, изученію которой посвященъ его трудъ, недостаточно изслѣдована въ ея ближайшихъ явленіяхъ, въ матеріальной сторонѣ историческаго процесса, который былъ слишкомъ недостаточно оцѣняемъ прежде. О важности этой матеріальной стороны не можетъ быть спора. Историческое движеніе не есть, конечно, смѣна театральныхъ декорацій, гдѣ зрителю нѣтъ дѣла до того, и онъ даже не хочетъ знать, что̀ дѣлается за кулисами; историкъ изображаетъ не эффекты, а все теченіе жизни съ ея крупными бросающимися въ глаза результатами, но и съ судьбою тѣхъ минимальныхъ величинъ, средствами и усиліями которыхъ достигаются эти результаты, и которыя въ концѣ концовъ остаются главной основой историческаго движенія; историкъ долженъ разсказать не только о судьбахъ правителей и государства, но и о судьбѣ народа. Поэтому не нужно бы особенно и настаивать на необходимости изслѣдованія „матеріальной стороны“,—эта необходимость подразумѣвается давно сама собою,—а тѣмъ менѣе была бы необходимость отвергать заслугу тѣхъ обобщеній, какія дѣлались въ прежнее время при меньшемъ изученіи подробностей, на какія направляется вниманіе историковъ теперь. Осмотрѣвшись въ ходѣ изученія нашей исторіи XVIII-го вѣка, не трудно видѣть, что этотъ ходъ опредѣлялся весьма естественно всѣми условіями дѣла. На первое время, когда не было *никакихъ* исторій, напр., Петра Великаго, кромѣ Голикова съ его громадной панегирической лѣтописью, естественно было предпринимать *общіе* труды: напримѣръ, трудъ Устрялова служилъ простой потребности первоначальной любознательности. Съ другой стороны, когда въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ образованнѣйшихъ кругахъ стала бродить мысль о принципіальныхъ началахъ нашего историческаго существованія, и при этомъ поставленъ былъ вопросъ о Петровской реформѣ и она представилась однимъ какъ спасительный поворотъ отъ стараго застоя, а другимъ какъ гибельное нарушеніе органическаго національнаго преданія,—это была вполнѣ естественная потребность общественнаго самосознанія, потребность объяснить себѣ историческій процессъ, которымъ создалась, наконецъ, наша настоящая минута. Мы были бы совершенно несправедливы, еслибы стали упрекать прежнихъ историковъ или „философовъ исторіи“ сороковыхъ годовъ за недостаточное вниманіе къ „матеріальной сторонѣ“ историческаго процесса, которую одну только мы видимъ въ настоящее время: гдѣ были тогда средства изучать эту матеріальную сторону такъ, какъ это воз-

можно теперь? Напримѣръ, когда авторъ настоящей книги указываетъ основные источники своего труда, онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Для нашего изслѣдованія мы пользовались документами Ближней канцеляріи и кабинета, хранящимися въ петербургскомъ *Государственномъ архивѣ*, документами разряднаго приказа, сената и финансовыхъ коллегій, хранящимися въ московскомъ *Архивѣ министерства юстиціи*, дѣлопроизводствомъ финансовыхъ учрежденій XVII вѣка, сохранившихся въ московскомъ *Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ*, нѣкоторыми документами *Архива морского министерства* и другими разрядами документовъ названныхъ архивовъ". Но всѣ эти архивы въ прежнее время были совершенно недоступны для обыкновенныхъ ученыхъ: даже для XVII-го вѣка и начала XVIII-го, государственные архивы считались государственною тайной; для доступа къ нимъ требовалось спеціальное соизволеніе самой высшей власти, которое давалось только въ рѣдкихъ случаяхъ особенно довѣреннымъ лицамъ; архивы министерствъ были почти столь же мало доступны; архивъ министерства юстиціи, который доставляетъ теперь такой богатый матеріалъ для изслѣдователей старой исторіи и доступенъ каждому ученому, въ то время и совсѣмъ не существовалъ въ его нынѣшнемъ устройствѣ. Такимъ образомъ, упрекъ прежнимъ изслѣдователямъ въ недостаткѣ вниманія съ матеріальной стороны историческаго процесса устранялся бы самымъ простымъ реальнымъ соображеніемъ.

Обширная работа г. Милюкова (до 900 страницъ) имѣла въ виду изслѣдованіе именно матеріальной стороны Петровской реформы. Указавъ въ предисловіи, что до сихъ поръ была изучаема въ особенности культурная сторона реформы, авторъ считаетъ этотъ пріемъ изслѣдованія хотя и не лишнимъ, но одностороннимъ, неполнымъ и ни въ какомъ случаѣ не ведущимъ къ правильному освѣщенію эпохи. „Признавая вполнѣ необходимость дальнѣйшихъ работъ въ прежней области культурной исторіи,—говоритъ авторъ,—мы лично предпочли употребить свой трудъ на разработку другой области, имѣющей, во всякомъ случаѣ, не меньшее теоретическое значеніе и, какъ намъ кажется, болѣе близкое отношеніе къ очереднымъ запросамъ исторической науки. Эта наука, какъ мы понимаемъ ея современныя задачи, ставитъ на очередь изученіе матеріальной стороны историческаго процесса, изученіе исторіи экономической и финансовой, исторіи соціальной, исторіи учрежденій: все—отдѣлы, которые по отношенію къ русской исторіи еще предстоитъ создать совокупными усиліями многихъ работниковъ. Чтобъ отвѣтить на эти запросы,

недостаточно перемѣнить взгляды на старый предметъ изученія; надо перемѣнить самый предметъ изученія, и только тогда—но тогда навѣрное—мы получимъ въ результатѣ нѣчто бо́льшее, чѣмъ простые компромиссы между давно высказанными теоріями.

„Опредѣлить ту новую точку зрѣнія, съ которой предстоитъ взглянуть на реформу Петра Великаго изслѣдователю, примыкающему къ только-что указанному направленію,—также не составляетъ трудности въ наше время. Немногіе будутъ теперь спорить противъ положенія, что финансовыя затрудненія должны были быть главною движущей пружиной реформаціонной дѣятельности Петра и что необходимо, слѣдовательно, привести ходъ реформы въ связь съ исторіей государственнаго хозяйства Россіи. Но нельзя же въ то же время не признать, что эта мысль, столь мало подлежащая спору, представляется до сихъ поръ скорѣе апріорнымъ постулатомъ новыхъ историческихъ воззрѣній, чѣмъ результатомъ дѣйствительнаго изученія реформы. Для дѣйствительнаго изученія государственной, а тѣмъ болѣе государственно-хозяйственной стороны реформы,—мы до сихъ поръ имѣли слишкомъ мало подходящаго матеріала".

Такъ какъ для опредѣленія государственнаго хозяйства Петровской эпохи необходимо принять во вниманіе порядокъ вещей, изъ котораго оно исходило, то авторъ открываетъ изслѣдованіе вступительной главой, излагающей основныя черты государственнаго хозяйства въ XVII столѣтіи,—тѣмъ болѣе, что, по заключенію автора, самая реформа не представила въ этомъ отношеніи ничего самобытнаго и послѣдовательнаго. Авторъ объясняетъ податную систему XVII-го вѣка; финансовую администрацію; военное устройство съ начала XVII-го столѣтія и до его конца; далѣе, исторію финансовыхъ мѣропріятій XVII-го столѣтія, и разбираетъ, наконецъ, бюджетъ 1680 года. Въ слѣдующихъ главахъ излагается приказное хозяйство 1682-1709 годовъ, а именно: состояніе государственнаго хозяйства къ началу Сѣверной войны—учрежденіе государственнаго контроля (ближней канцеляріи), учрежденіе ратуши и вслѣдствіе того уничтоженіе нѣкоторыхъ прежнихъ приказовъ; измѣненія, вызванныя новою дѣятельностью Петра, дѣятельность нѣкоторыхъ приказовъ, оставшихся безъ измѣненія; бюджетъ 1701 года. Въ слѣдующей, третьей главѣ—разрушеніе приказнаго строя (1701-1709): увеличеніе военныхъ расходовъ; состояніе поступленій; эксплуатація монетной регаліи и новыя монополіи; новое ослабленіе сохранившихся приказовъ; государственныя росписи по 1709 годъ. Въ главѣ четвертой излагается спеціально — „разореніе населенія". Во второмъ отдѣлѣ (главы

V—VII) излагается исторія губернскаго хозяйства въ 1710—1718 годахъ: учрежденіе губерній, организація губернскаго хозяйства и его дѣятельность („функціонированіе"). Въ третьемъ отдѣлѣ (главы VIII—XI) описывается коллежское хозяйство въ 1719—1725 годахъ: восьмая глава посвящена литературѣ проектовъ, относившихся къ области торговой политики, къ податной реформѣ и къ реформѣ административной; глава девятая излагаетъ административную и податную реформу, переустройство губерній и введеніе подушной подати; въ главѣ десятой — возстановленіе бюджета и результаты административной и податной реформы. Одиннадцатая глава даетъ „заключеніе", какъ выводъ цѣлаго труда, соприкасающійся съ общими заключеніями о Петровской реформѣ, какія имѣются до сихъ поръ въ литературѣ. Наконецъ, въ приложеніи помѣщены описаніе бумагъ ближней канцеляріи и рядъ государственныхъ росписей.

Трудъ г. Милюкова представляетъ чрезвычайно детальное изслѣдованіе о пріемахъ и результатахъ государственнаго хозяйства съ конца (а иногда и съ начала) XVII-го вѣка и въ теченіе царствованія Петра Великаго; оцѣнка выводовъ автора должна быть сдѣлана спеціалистами по финансамъ и исторической статистикѣ, которые имѣли бы въ рукахъ тотъ же матеріалъ, какимъ пользовался самъ авторъ; что нѣкоторые его выводы, и между прочимъ весьма существенные, были подвергнуты сомнѣнію, мы упомянемъ далѣе, а здѣсь остановимся только на заключеніяхъ, имѣющихъ отношеніе къ общему историческому вопросу.

Выводы автора о Петровской реформѣ въ области государственнаго хозяйства вообще не весьма благопріятны. Реформа вводилась отрывочно; не было цѣльнаго, разъ опредѣленнаго и выдержаннаго плана; потому въ новыхъ мѣропріятіяхъ оказывались противорѣчія, старое существовало рядомъ съ новымъ; самъ Петръ принималъ въ ней мало дѣятельнаго участія; окончательнымъ результатомъ государственнаго хозяйства было разореніе населенія. Указывая эти недостатки и противорѣчія реформы, авторъ замѣчаетъ, что Петръ, безъ сомнѣнія, захотѣлъ бы устранить ихъ, еслибы остался живъ; послѣ его смерти бо́льшее приспособленіе реформы къ русскимъ условіямъ пришлось довершать верховному совѣту. „Измѣнило ли это обстоятельство судьбу реформы?—спрашиваетъ авторъ.—Едва-ли. Въ сущности, здѣсь дѣйствовали все тѣ же лица, которыя проводили реформу и въ послѣдніе годы Петра. Уже при жизни Петра мы привыкли, слѣдя за перемѣнами въ избранной нами области явленій, наблюдать реформу безъ реформатора. Собственно, то же впечатлѣніе отно-

сительно государственной реформы получили въ свое время и болѣе посвященные участники и наблюдатели реформы. Только люди, стоявшіе дальше отъ дѣла, наивно отожествили потомъ Петра съ его реформой и подготовили тотъ взглядъ, по которому Петръ былъ единственнымъ творцомъ новой Россіи". Авторъ сожалѣетъ, что у насъ нѣтъ ни одного „искренняго" показанія о послѣднихъ годахъ Петра, ни отъ одного изъ его ближайшихъ помощниковъ; но онъ находитъ, что въ многочисленныхъ донесеніяхъ иностранныхъ посланниковъ мы постоянно получаемъ то впечатлѣніе, какое согласно и съ результатами настоящаго изслѣдованія и, какъ думаетъ авторъ, съ самою сущностью дѣла, а именно впечатлѣніе сравнительной ограниченности личной сферы вліянія Петра. Въ особенности авторъ придаетъ значеніе показанію Фокеродта,—что Петръ *въ особенности* и со всею ревностью старался улучшить военныя силы Россіи, что затѣмъ онъ *вынужденъ* былъ заниматься иностранными дѣлами, что *любимымъ* занятіемъ его было кораблестроеніе, что онъ *мало или вовсе не заботился* о внутреннихъ улучшеніяхъ въ государствѣ, о судопроизводствѣ, хозяйствѣ и пр. Нашъ авторъ также подтверждаетъ, что дальше *невольной* заботы не шли реформаціонныя стремленія Петра въ сферѣ внутренняго государственнаго устройства. „Съ 1714 года, —продолжаетъ г. Милюковъ,—кругозоръ законодателя замѣтно расширился; его внутренняя политика перестала быть исключительно фискальной; но и тутъ неподготовленность, отсутствіе общаго взгляда, системы продолжали сказываться въ безчисленныхъ противорѣчіяхъ, безпрестанно обнаруживавшихся не только между заимствованными формами и туземной дѣйствительностью, но даже и въ заимствованныхъ формахъ между самими собою,—между различными ихъ частями. Слѣдя по архивнымъ даннымъ за этой непрерывной цѣпью ошибокъ и недоразумѣній, мы невольно вспоминаемъ слова, вырвавшіяся у лица, компетентность котораго въ данномъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, у императрицы Екатерины, впервые и хорошо изучившей съ практическими цѣлями кабинетныя бумаги Петра Великаго: „онъ самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно". Конечно, отзывъ этотъ слишкомъ общъ и огуленъ; но при всей своей огульности онъ много ближе къ истинѣ, чѣмъ школьныя декламаціи нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей: „Петръ унесъ съ собою въ могилу ключъ отъ своихъ великихъ замысловъ, и ближайшіе продолжатели его дѣла не могли найти этого ключа. Они восприняли только внѣшность, форму его преобразованій, но не въ состояніи были постичь содержанія этой формы; они не были въ силахъ воскре-

сить духа перваго императора". Все, что мы знаемъ о государственной реформѣ Петра, противорѣчитъ этой реторикѣ. Стихійно-подготовленная, коллективно-обсужденная, эта реформа не только не была схоронена въ „духѣ" императора, но, напротивъ, только изъ вторыхъ рукъ, случайными отрывками проникала въ его сознаніе" [1]).

Правда, авторъ ограничиваетъ осужденіе этой реторики только ссылкою на собственно государственную реформу; намъ кажется, однако, и здѣсь онъ не совершенно правъ: если была личная разница между Петромъ и его исполнителями (а существованіе разницы не подлежитъ сомнѣнію), она должна была сказаться и послѣ. Въ настоящее время едва-ли кто сомнѣвается, что реформа Петра подготовлялась всѣмъ предъидущимъ ходомъ нашей исторіи, и едва ли кто повторитъ теперь прежнія фразы, что Петръ создавалъ все за-ново, создавалъ изъ ничего; величіе реформы не умаляется, а расширяется тѣмъ, что она именно отвѣчала вѣковой національной потребности, — но едва-ли также можно сказать, чтобы реформа, даже государственная, подготовлялась только стихійно и случайными отрывками проникала въ его сознаніе. Къ „государственной" реформѣ относилось не одно финансовое хозяйство, въ которое Петръ могъ мало вмѣшиваться,— къ ней относилось и многое другое, что имѣло весьма существенное значеніе и во что онъ вмѣшивался весьма положительно, какъ опредѣленіе положенія церковной власти, или организація войска и флота, и т. п.

Авторъ, впрочемъ, оговаривается о томъ, что есть другія точки зрѣнія, съ которыхъ значеніе реформъ представляется иначе. Онъ говоритъ: „Интересъ изслѣдователей къ реформѣ, можно сказать, развивался въ той же послѣдовательности, какъ и интересъ самого реформатора. Первая оцѣнка реформы въ литературѣ не шла дальше того *новомоднаго костюма*, тѣхъ внѣшнихъ формъ жизни, въ которыя реформаторъ облекъ себя и служилую Россію. Процессъ этого переодѣванія всего нагляднѣе отразилъ въ себѣ личныя свойства реформатора (?); по самому существу дѣла этотъ процессъ представлялся, такимъ образомъ, чистымъ дѣйствіемъ его воли. Формы были, конечно, только символами вещей; и смотря по симпатіи или антипатіи къ послѣднимъ, поклонники и противники Петра характеризовали это дѣйствіе его воли или какъ величайшую заслугу для Россіи, какъ актъ величайшей государственной мудрости, или какъ величайшее преступленіе передъ

[1]) Стр. 781—732.

родиной, актъ произвола и насилія надъ ея нравственной индивидуальностью. Въ томъ и другомъ случаѣ они не сомнѣвались въ томъ, что введеніе новыхъ реформъ есть дѣйствіе его воли и что вмѣстѣ съ формами онъ перенесъ и самыя вещи. Болѣе спокойное или болѣе подготовленное историческое мышленіе ввели въ эти представленія серьезную поправку. Что Петръ перенесъ къ намъ формы, въ этомъ оно, конечно, не сомнѣвалось, но что онъ могъ перенести и вещи, въ этомъ оно считало необходимымъ усомниться. Поскольку на самомъ дѣлѣ сущность соотвѣтствовала формамъ, постольку она была подготовлена уже до Петра; поскольку формы опережали сущность, постольку и послѣ Петра онѣ долго еще оставались мертвыми формами. Другими словами, не сомнѣваясь въ личномъ вліяніи Петра на культурную реформу, изслѣдователи отняли у него славу какъ иниціативы ея, такъ и ея осуществленія. Старый раціоналистическій взглядъ, отожествлявшій реформу съ реформаторомъ, замѣнился органическимъ. Послѣдній представлялъ несомнѣнный шагъ впередъ въ историческомъ объясненіи реформы; но его послѣдовательное проведеніе вело также къ нѣкоторымъ неудобствамъ. Переставъ представляться какъ актъ воли законодателя, реформа представилась теперь какъ логическій моментъ въ схематизмѣ русской или даже всемірной исторіи... Въ результатѣ мы получили много горячихъ, краснорѣчивыхъ, остроумныхъ и глубокомысленныхъ разсужденій объ общемъ смыслѣ реформы, но ни одного вѣрнаго ея изображенія" [1]).

Мы сдѣлали бы къ этому одну небольшую поправку. Сказать, что первая оцѣнка реформы въ литературѣ не шла дальше „новомоднаго костюма", значитъ, кажется, считать людей, дѣлавшихъ эту оцѣнку, довольно глупыми; а они, безъ сомнѣнія, таковы не были. Точно также „процессъ переодѣванія" едва ли всего нагляднѣе отражаетъ „личныя свойства" преобразователя,—самъ авторъ тотчасъ замѣчаетъ, что формы были только символами вещей: значитъ, дѣло шло не только о „процессѣ переодѣванія". Что для Петра дѣло шло не объ однѣхъ формахъ, это ясно изъ цѣлаго послѣдующаго хода нашей государственной и общественной исторіи. Люди, дѣлавшіе первую оцѣнку реформы, были современники Петра или люди ближайшей къ нему эпохи: „переодѣваніе" могло производить на нихъ извѣстное впечатлѣніе, но главное, въ чемъ они видѣли заслугу Петра, было не только культурное преобразованіе, но и государственное усиленіе Россіи,

---

[1]) Стр. 732—733.

ея внѣшнее могущество; затѣмъ и „переодѣваніе“ въ ихъ глазахъ не было только маскараднымъ эффектомъ, — какимъ оно и не было,—потому что главнымъ образомъ въ немъ понимался разрывъ съ прежнимъ московскимъ застоемъ, — а разрывъ несомнѣнно былъ. Новѣйшіе историки, собирая подробности стараго московскаго быта, находятъ данныя, по которымъ можно установить многоразличную связь второй половины XVII-го вѣка съ первой четвертью XVIII-го, находятъ зачатки, которые потомъ были развиты въ реформѣ; но эти зачатки были въ свое время только исключеніями, а общій тонъ былъ еще упорная неподвижность преданія, суевѣрная боязнь и вражда къ знанію. Просвѣщеннѣйшимъ людямъ въ началѣ XVIII-го вѣка, какому-нибудь Ѳеофану Прокоповичу или Кантемиру, эта старина не могла не представляться застоемъ, а реформа—выходомъ изъ него.

Продолжая изложеніе взглядовъ на реформу, г. Милюковъ замѣчаетъ, что вѣрное ея изображеніе не могло ограничиться изображеніемъ одной ея культурной стороны. Работы изслѣдователей направились на военную и дипломатическую стороны реформы, именно тѣ, которыя всего больше занимали самого реформатора. „Введеніе этихъ сторонъ въ общую оцѣнку реформы усложнило ея характеристику, но не дало новыхъ точекъ зрѣнія: изслѣдователи примыкали къ одному изъ названныхъ взглядовъ, раціоналистическому или органическому. Раціоналистическій по существу дѣла былъ въ данномъ случаѣ удобнѣе: если въ чемъ-нибудь проявилась непосредственно личная дѣятельность реформатора, то это, конечно, въ реорганизаціи арміи и новомъ устройствѣ флота. Нѣкоторые спеціальные изслѣдователи этой стороны реформы идутъ, впрочемъ, даже дальше; не довольствуясь признаніемъ за Петромъ организаторскаго таланта, они готовы считать его великимъ тактикомъ и полководцемъ: вопросъ, рѣшеніе котораго принадлежитъ, конечно, военнымъ авторитетамъ. Чаще, однакоже, дипломатическая и военная дѣятельность разсматривается—общими историками — подъ впечатлѣніемъ органическаго взгляда; очень удобное средство для такого соединенія составляетъ общая рубрика „европеизаціи“, подъ которую — не безъ ущерба для ясности и раздѣльности пониманія—подводится какъ измѣненіе въ культурномъ, такъ и измѣненіе въ международномъ положеніи Россіи. Неудобство такой многозначности термина заключается, въ данномъ случаѣ, въ томъ, что онъ сливаетъ въ одно цѣлое двѣ стороны дѣла, которыя, конечно, могутъ соприкасаться и даже оказывать взаимное вліяніе, но вовсе не стоятъ въ необходимой внутренней связи: относительно каждой, слѣдовательно,

возможны и законны особыя заключенія. Измѣненіе въ международномъ положеніи требовало войны, требовало заведенія арміи и флота; измѣненіе въ культурномъ положеніи, конечно, было ускорено пріобрѣтеніями войны, но было мыслимо, возможно и даже подготовлено безъ нея; первое должно объясняться исторіей европейской политики, второе—исторіей русской цивилизаціи" [1]).

Такимъ образомъ и эти изслѣдованія не приводили къ окончательному рѣшенію вопроса. Наименѣе изученными оставались соціальная и государственная реформа. По мнѣнію г. Милюкова, Петръ не былъ соціальнымъ реформаторомъ; тѣ перемѣны, какія происходили въ его время въ положеніи сословій, были вообще косвенными послѣдствіями его законодательства, которыхъ и самъ онъ не предвидѣлъ. „Еще болѣе, чѣмъ культурное развитіе Россіи, ея соціальный процессъ связанъ съ историческими прецедентами и еще менѣе зависѣлъ отъ воли законодателя".

Наконецъ, относительно реформы въ государственномъ хозяйствѣ г. Милюковъ заключаетъ такъ: „Положеніе ея, какъ намъ кажется, среднее между тѣми сторонами процесса, которыя развивались подъ непосредственнымъ вліяніемъ преобразователя, и тѣми, которыя развивались помимо или даже вопреки его волѣ. Измѣнить государственный строй труднѣе, чѣмъ одѣть часть населенія въ новое платье, составить новые полки или построить новыя суда, но легче, чѣмъ измѣнить нравы или сословный строй. Государственная реформа не вызвана личными планами или увлеченіями законодателя, какъ его флотъ или нѣмецкое платье; но она не произведена также и однимъ самобытнымъ историческимъ процессомъ. Воля Петра была, конечно, необходима для ея осуществленія; но эта сторона реформы выходила изъ его кругозора и была осуществлена имъ *по-неволѣ*. Факты историческаго прошлаго тоже подготовляли государственную реорганизацію, но она не вытекала изъ нихъ сама собою. Не личная иниціатива и не историческіе прецеденты вызвали эту реформу, хотя тотъ и другой элементъ въ ней соединились; ее вызвали текущія потребности минуты, въ свою очередь созданныя и личной иниціативой, и историческими прецедентами" [2]).

Всѣ эти соображенія подготовляютъ насъ къ весьма неблагопріятному выводу о цѣломъ составѣ преобразованія и о достоинствахъ иниціативы преобразователя. Часть реформы была приготовлена или вынуждена предъидущимъ состояніемъ Россіи; дру-

---

[1]) Стр. 733—734.
[2]) Стр. 734—735.

гая приводилась обстоятельствами минуты, и только остальная часть была личной мыслью и исполненіемъ преобразователя. Къ этой послѣдней части не принадлежали многія существенныя явленія культурной, государственной и соціальной жизни Россіи того времени; выходитъ какъ будто такъ, что только новые полки, флотъ и переодѣваніе одной части населенія въ нѣмецкое платье были единственнымъ дѣломъ Петра. Цѣль Петра была политическое возвышеніе Россіи, но и относительно этой цѣли авторъ имѣетъ большія сомнѣнія. Онъ разсуждаетъ такъ:

Государственное преобразованіе было явленіемъ вторичнымъ; Петръ видѣлъ въ немъ не цѣль, а только средство. „Средство это было необходимо, поскольку необходимы были для государства поставленныя Петромъ цѣли; оно было своевременно, поскольку цѣли эти были имъ своевременно поставлены. Въ необходимости цѣлей, въ которой сомнѣвались современники Петра, было бы теперь поздно и безполезно сомнѣваться; относительно своевременности ихъ постановки могутъ быть, къ сожалѣнію, два отвѣта, смотря по тому, будемъ ли мы разсматривать ихъ по отношенію къ внутреннему или къ внѣшнему положенію Россіи. По отношенію къ внѣшнему положенію Россіи своевременность постановки этихъ цѣлей *доказывается* уже ихъ успѣшнымъ достиженіемъ; вѣроятно, эта своевременность подтверждается изъ сопоставленія фактовъ европейской политики, въ которой Россія *не могла* отсутствовать. По отношенію къ внутреннему положенію отвѣтъ на вопросъ о своевременности долженъ быть отрицательнымъ. Новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія. Политическій ростъ государства опять опередилъ его экономическое развитіе. Утроеніе податныхъ тягостей (съ 25 на 75 милліоновъ на наши деньги), и одновременно убыль населенія по крайней мѣрѣ на 20% — это такіе факты, которые, сами по себѣ, доказываютъ выставленное положеніе краснорѣчивѣе всякихъ деталей. Цѣной разоренія страны Россія возведена была въ рангъ европейской державы".

Этому разоренію авторъ посвящаетъ особую главу, въ которой доказываетъ цифрами убыль населенія, возростаніе платежей и ослабленіе платежной способности народа. Эти цифры, какъ скажемъ дальше, или выводы изъ нихъ были подвергнуты сомнѣнію, и, не останавливаясь пока на нихъ, обратимся къ общимъ разсужденіямъ автора. Выставляя выше приведенныя недоумѣнія или отрицанія относительно реформы, авторъ окружаетъ ихъ оговор-

ками: онъ не думаетъ давать общей характеристики реформы и считать выводы, полученные по одной области явленій, за общую характеристику; онъ желаетъ, чтобы его критики не выходили изъ того круга явленій, изъ какого его выводы извлечены. Но можно недоумѣвать и о томъ, что̀ имъ самимъ сказано. *Цѣль* реформы оставляется имъ подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Относительно ея *своевременности* онъ считаетъ возможнымъ два отвѣта: по отношенію къ внѣшнему положенію Россіи—*да* („своевременность постановки цѣлей реформы *доказывается* уже ихъ успѣшнымъ достиженіемъ"); по отношенію къ внутреннему положенію—*нѣтъ*. Непонятно, какимъ образомъ авторъ можетъ одновременно утверждать и да и нѣтъ, когда, по его словамъ, первый отвѣтъ доказывается событіями. Свое доказательство за *нѣтъ* онъ находитъ въ разореніи страны, которой были не подъ силу военныя затѣи Петра Великаго. Въ такомъ случаѣ нужно было бы, однако, другое разсужденіе: если военныя предпріятія Петра—со всѣми ихъ неизбѣжными подробностями: преобразованіемъ войска, основаніемъ флота, перенесеніемъ столицы и т. д. — были необходимы по внѣшнему положенію Россіи (какъ вообще и думаютъ историки), то экономическій упадокъ страны является печальной жертвой, которую нужно было принести ради болѣе существеннаго интереса—политическаго бытія, которое иначе подвергалось бы опасности. Рѣшеніе этого послѣдняго вопроса является существенно необходимымъ для рѣшенія о томъ, была нужна реформа и ея военныя предпріятія или нѣтъ; двойственнаго отвѣта здѣсь быть не можетъ. Подтвержденіе своихъ сомнѣній въ надобности реформы авторъ думаетъ найти у Фокеродта, который кажется ему особеннымъ авторитетомъ, какъ современникъ. На нашъ взглядъ это послѣднее обстоятельство не имѣетъ цѣны: именно современникамъ бываетъ часто не видно широкое значеніе явленій, совершающихся предъ ихъ глазами: они могутъ доставлять намъ драгоцѣнныя и незамѣнимыя указанія о томъ, какъ совершались факты, но въ то же время могутъ быть совершенно некомпетентны въ ихъ историческомъ истолкованіи. Въ данномъ случаѣ иноземцу, какъ Фокеродтъ, могли остаться совершенно недоступными многія явленія русской національной жизни, которыя преобразователь переживалъ всею своею нравственной природой; самое внѣшнее положеніе дѣлъ иноземный наблюдатель могъ не оцѣнить во всей его полнотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какъ могла бы не преобразованная (худо ли, хорошо ли), Россія перенести тѣ трудныя политическія отношенія, какими долженъ былъ окружить ее XVIII-й вѣкъ, и напр. ближайшимъ обра-

зомъ тѣ отношенія съ Швеціей, Польшей, Малороссіей и Турціей, какія выпали на первую четверть столѣтія. Мы сказали, что экономическій упадокъ Россіи въ Петровскую эпоху могъ быть печальной жертвой для спасенія болѣе существенныхъ интересовъ, для охраны самаго государства; и если это такъ, то представляется другой вопросъ, какой дѣйствительно и ставили прежніе историки: не была ли дѣятельность Петра восполненіемъ тѣхъ упущеній, какія сдѣланы были прежними временами? Въ такомъ случаѣ, если предпріятія Петра потребовали слишкомъ большихъ жертвъ отъ народа, не должна ли вина ихъ пасть въ большой мѣрѣ, если не совсѣмъ, на XVII столѣтіе? Свалить все на Петра было бы для историка слишкомъ поверхностно.

Наконецъ, во всемъ этомъ разбирательствѣ объ эпохѣ Петра Великаго, гдѣ передъ нами проходятъ вопросы военнаго устройства, администраціи, финансовъ, внѣшней политики и только ихъ опредѣленіемъ ограничивается весь вопросъ о правѣ и цѣлесообразности реформы,—мы съ удивленіемъ видимъ отсутствіе одного фактора, который доселѣ считался даже въ средѣ самыхъ заурядныхъ „общихъ" историковъ необходимою принадлежностью реформы: фактора образовательнаго и нравственнаго. Сколько бы мы ни придавали значенія „хозяйственнымъ" явленіямъ народнаго быта, на которыхъ такъ настаиваетъ г. Милюковъ, едва-ли здравый историческій смыслъ когда-нибудь дозволитъ вычеркнуть изъ ряда историческихъ силъ, владѣющихъ народами, элементы просвѣщенія и нравственнаго сознанія. Намъ пришлось бы повторять азбучные факты изъ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы, чтобы указывать то великое значеніе, какое имѣла въ этомъ отношеніи Петровская эпоха, значеніе прямое и косвенное. Со временъ Рюрика, въ первый разъ при Петрѣ признано было у насъ великое достоинство научнаго знанія; къ его эпохѣ относятся и первыя учрежденія, принадлежавшія *свѣтской* наукѣ, и тѣ глубокія возбужденія, вліянія которыхъ идутъ не прерываясь въ теченіе цѣлаго вѣка, становясь нравственной опорой для научнаго и литературнаго труда. И съ другой стороны, со временъ Рюрика въ первый разъ въ лицѣ Петра властитель государства бросилъ свой престолъ, чтобы вмѣшаться въ ряды работающаго народа—небывалый прежде идеальный образъ, который безъ сомнѣнія одушевлялъ потомъ многихъ дѣятелей нашего просвѣщенія, а также вдохновлялъ лучшихъ поэтовъ нашей литературы и народную историческую пѣсню... Все это не вошло въ „хозяйственные" разсчеты новѣйшаго историка — и напрасно, потому что въ общей суммѣ національной жизни не только во время

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1892 г.

Двадцатипятилѣтіе нашихъ государственныхъ бюджетовъ.

Въ концѣ 1891 года бухгалтеріей государственнаго контроля была издана небольшая тетрадь, представляющая общій сводъ заключенныхъ государственныхъ росписей по обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ и расходамъ за двадцатипятилѣтіе 1866—1890 годовъ.

Тетрадь состоитъ собственно изъ одной таблицы съ цифрами—съ одной стороны, росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, а съ другой—исполненія росписи; и тѣ и другія почерпнуты изъ отчетовъ государственнаго контроля. Рядъ примѣчаній, сопровождающихъ эти цифры, показываетъ, какого труда стоило бухгалтеріи привести ихъ въ соотвѣтствіе, допускающее параллели и сравненія. Для этого пришлось вносить въ бюджеты много измѣненій. Такъ, изъ суммы обыкновенныхъ расходовъ 1876—1882 гг. исключены издержки, вызванныя послѣднею турецкою войною, въ общей суммѣ 1.107.481.518 руб., какъ такіе, которые должны быть отнесены къ расходамъ чрезвычайнымъ. Къ доходамъ многихъ лѣтъ (до 1882 г.) присоединены остатки заключенныхъ въ данномъ году смѣтъ,—согласно порядку, установившемуся для отчетовъ по исполненію росписи съ 1882 года и т. п. Всѣ эти исключенія и дополненія потребовали, повторяемъ, весьма большого труда, серьезностью котораго — при той точности, какой слѣдуетъ ожидать въ работахъ такого учрежденія, какъ государственный контроль,—и объясняются, повидимому, тѣсныя рамки указываемаго нами изданія. Бухгалтерія государственнаго контроля ограничилась лишь общими цифрами *обыкновенныхъ* бюджетовъ, не приведя при этомъ ни итоговъ по исполненію бюджетовъ *чрезвычайныхъ*, ни движенія по годамъ въ составныхъ частяхъ доходовъ и расходовъ. Матеріалы и для того, и для другого, несомнѣнно, имѣются въ отчетахъ государственнаго контроля, но приведеніе ихъ за много лѣтъ въ сравнительной таблицѣ, при условіи *строгой точности и полноты*, можетъ быть, оказалось бы трудно исполнимымъ,

или потребовало бы безчисленныхъ примѣчаній, которыя отняли бы у изложенія необходимую для подобнаго труда наглядность. Вотъ почему и мы, съ своей стороны, знакомя читателей съ изданіемъ государственнаго контроля, сочли необходимымъ снабдить его примѣчаніями, которыя могли бы уяснить приводимыя въ немъ цифры; конечно, намъ пришлось почерпать дополнительныя свѣденія какъ изъ отчетовъ того же государственнаго контроля, такъ и изъ другихъ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ источниковъ. За безусловную точность и полноту нашихъ объясненій мы, однако, не можемъ ручаться: для частнаго изданія все это еще менѣе возможно, нежели для компетентнаго въ этомъ дѣлѣ правительственнаго учрежденія.

Приводимыя въ таблицѣ свѣденія о росписяхъ мы оставляемъ въ сторонѣ: какъ предположенія только—онѣ не имѣютъ особеннаго значенія. Ограничимся лишь цифрами *дѣйствительнаго* исполненія росписей, а онѣ таковы:

Исполненіе росписей.

Годы.	Поступило доходовъ. Рубли.	Произведено расходовъ. Рубли.	Превышеніе: Въ доходахъ. Рубли.	Превышеніе: Въ расходахъ (дефицитъ). Рубли.
1866	356.426.166	413.298.012	—	56.871.846
1867	414.969.143	424.904.090	—	9.934.947
1868	421.560.460	441.282.999	—	19.722.539
1869	457.496.342	468.797.909	—	11.301.567
1870	480.558.832	481.763.948	—	1.205.116
1871	508.187.576	499.734.633	8.452.943	—
1872	523.057.196	522.427.475	629.721	—
1873	537.942.323	539.140.337	—	1.198.014
1874	560.819.380	543.317.034	17.502.346	—
1875	577.617.243	543.221.521	34.395.722	—
1876	560.985.254	574.106.018	—	13.120.764
1877	550.818 580	586.549.603	—	35.731.023
1878	625.972.735	601.291.521	24.681.214	—
1879	662.973.822	643.892.258	19.081.564	—
1880	652.438.338	694.505.314	—	42.066.976
1881	687.158.956	732.413.150	—	45.254.194
1882	708.668.332	709.052.685	—	384.353
1883	710.645.962	723.673.259	—	13.027.297
1884	709.149.958	727.902.675	—	18.752.717
1885	765.410.380	806.614.346	—	41.203.966
1886	782.923.916	832.391.852	—	49.467.936
1887	832.333.613	835.849.860	—	3.516.247
1888	900.829.333	840.419.494	60.409.839	—
1889	944.390.769	857.881.126	86.499.641	—
1890	950.819.240	877.779.550	73.039.690	—
	15.884.143.847	15.922.210.669	324.692.680	362.759.502
				38.066.822

На основаніи такихъ цифръ прежде всего можно, повидимому, придти къ заключенію, что за 25-лѣтній періодъ 1866 — 1890 гг. обыкновенные государственные доходы возросли слишкомъ въ $2^1/_2$ раза, а расходы только съ небольшимъ удвоились. Но такой выводъ объ отношеніи бюджета 1866 года къ бюджету 1890 года не можетъ быть принятъ безъ поправокъ. Отчетъ государственнаго контроля за 1866 годъ былъ первый въ той формѣ, въ какой составляются съ тѣхъ поръ отчеты государственнаго контроля. Вновь установленный къ этому времени смѣтный кассовый и ревизіонный порядокъ не получилъ еще общаго примѣненія. Какъ извѣстно, основнымъ правиломъ этого порядка служитъ такъ-называемое единство кассы: всѣ государственныя средства сосредоточиваются въ кассахъ государственнаго казначейства; всѣ государственные доходы непремѣнно должны поступать въ эти кассы, и изъ нихъ же производится особымъ пріемомъ выдача назначенныхъ по росписи расходовъ. Ни одно учрежденіе (положимъ, почтовая контора) не имѣетъ права непосредственно обращать полученные имъ сборы на расходы, хотя бы они и были разрѣшены. Въ первое время новаго періода изъ такого порядка являлись еще отступленія, особенно на окраинахъ имперіи. Была еще слишкомъ жива память объ особыхъ сундукахъ въ каждомъ учрежденіи, въ которые складывались полученныя откуда-либо суммы, и изъ которыхъ удовлетворялись потребности учрежденія. Такимъ образомъ, за первое время, особенно за 1866 годъ, въ отчетъ государственнаго контроля какъ государственные доходы, такъ и расходы вошли не вполнѣ. Затѣмъ, въ самомъ составѣ росписи за 25 лѣтъ произошло много измѣненій. Мы разумѣемъ здѣсь не отмѣну нѣкоторыхъ налоговъ (подушной подати, солянаго акциза) или введеніе новыхъ (сбора съ пассажировъ и грузовъ желѣзныхъ дорогъ, процентнаго сбора съ капиталовъ, акциза съ нефтяныхъ маслъ и со спичекъ и пр.), а внесеніе въ общую роспись обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ такихъ оборотовъ, которые прежде составляли предметъ спеціальныхъ счетовъ. Таково, напримѣръ, внесеніе въ доходъ (съ 1887 года) прибылей государственнаго банка, вслѣдствіе упраздненія особаго счета ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій; слитіе съ общими средствами государственнаго казначейства желѣзнодорожнаго фонда и, наконецъ, включеніе въ роспись (съ 1885 года) выкупной операціи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, что́ разомъ и весьма значительно (приблизительно на 50 милліоновъ рублей) въ этомъ году повысило сумму государственныхъ доходовъ и расходовъ. Замѣтное вліяніе на увеличеніе цифры и тѣхъ и другихъ, почти безъ измѣненія баланса, оказывало также постепенное расширеніе сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ: доходъ отъ нихъ

(съ соотвѣтственнымъ расходомъ), составлявшій въ пятилѣтіе 1866—1870 гг. среднимъ числомъ около 15 милліоновъ рублей, возросъ въ 1890 году до 50 милліоновъ рублей. Наконецъ, измѣненію цифръ росписи, преимущественно въ смыслѣ ихъ увеличенія, содѣйствовало колебаніе въ курсѣ кредитнаго рубля, при постоянномъ увеличеніи поступающихъ въ металлической валютѣ доходовъ (особенно съ установленіемъ „золотой" таможенной пошлины) и производимыхъ въ той же валютѣ расходовъ (вслѣдствіе увеличенія заграничныхъ займовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, на военные расходы, на покрытіе бюджетныхъ дефицитовъ). А колебаніе это было весьма значительно. По окончаніи Крымской войны кредитный рубль стоялъ почти al pari съ металлическимъ, а затѣмъ сталъ понижаться; но въ 1863 году онъ снова повысился до 95 коп. кредитными за металлическій рубль. Въ 1864 году рубль разомъ упалъ до 83½ коп. или, что̀ то же, золотой рубль стоилъ на кредитные 1 р. 18 к.

Въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, средняя цѣна золотого рубля на кредитныя копѣйки была слѣдующая: въ 1866 г.—131½ к.; въ 1867 и 1868 гг.—118 к.; въ 1869 г.—126 к.; въ 1870 г.—129 к.; въ 1871—1875 гг.—отъ 120 до 116 к.; въ 1876 г. (съ наступленіемъ волненій въ Турціи) — 123½ к.; въ 1877 г. — 148 к.; въ 1878 г. — 157 к.; въ 1879 г. — 158½ к.; въ 1880 г. — 153 к.; въ 1881 г. — 152 к.; въ 1882 г. — 158½ к.; въ 1883 г. — 162 к.; въ 1884 г. — 158 к.; въ 1885 г. — 157½ к.; въ 1886 г. — 164 к.; въ 1887 г. — 179 к.; въ 1888 г. — 170 к.; въ 1889 г. — 152 к., и въ 1890 г.—140 коп.

Улучшеніе въ курсѣ кредитнаго рубля въ послѣдніе годы не сократило цифръ бюджета вслѣдствіе особаго пріема, принятаго для занесенія въ отчетъ объ исполненіи росписи какъ доходовъ, поступившихъ въ металлической валютѣ, такъ и расходовъ, произведенныхъ золотомъ. Доходы и расходы эти перечислялись не по дѣйствительному курсу того или другого года, а по курсу, заранѣе опредѣленному для каждой росписи.

Для росписей съ 1877 по 1887 г. этотъ курсъ былъ установленъ въ 1 р. 50 к. за металлическій рубль, т.-е. для нѣкоторыхъ годовъ немного ниже, а для другихъ значительно выше дѣйствительной стоимости кредитнаго рубля. Для росписи 1887 г. былъ принятъ курсъ въ 1 р. 67 к. за металлическій рубль (на 12 коп. выше дѣйствительнаго), для 1888 г. — въ 1 р. 80 к. (ниже дѣйствительнаго на 10 к.), для 1889 г. — въ 1 р. 70 к. (ниже дѣйствительнаго на 18 коп.).

Для росписи 1890 г. былъ установленъ тотъ же курсъ, 1 р. 70к. кредитный за золотой рубль, что̀ равняется приблизительно 59 ме-

таллическимъ коп. за кредитный рубль. Между тѣмъ, благодаря усиленному вывозу въ предшествующіе годы нашего хлѣба за границу и благопріятному балансу государственнаго бюджета послѣднихъ лѣтъ, курсъ кредитнаго рубля значительно поднялся: до 71 коп. металлическихъ слишкомъ, т.-е. золотой рубль можно было получить за 1 р. 40 к. кредитныхъ. Но отчетъ объ исполненіи росписи за 1890 годъ не обратилъ вниманія на это улучшеніе: 95½ милліоновъ рублей металлическихъ—поступившихъ въ этомъ году доходовъ—онъ посчиталъ не въ 133½ милліоновъ рублей кредитныхъ (95½ × 1 р. 40 к.), а въ 162½ милліона (95½ × 1 р. 70 к.), т.-е. болѣе на 29 милліоновъ рублей, почисливъ и металлическіе расходы, 52½ милліоновъ рублей металлическихъ, не въ 73 милліона рублей кредитными, а въ 89 милліоновъ рублей. Это не только повысило цифры росписей, но и увеличило въ пользу доходовъ совершенно фиктивно балансъ по ея исполненію на 13 милліоновъ рублей. При перечисленіи металлическихъ поступленій и выдачъ по дѣйствительному курсу, избытокъ доходовъ надъ расходами въ 1890 году составилъ бы 60 милліоновъ рублей; теперь же онъ значится въ 73 милліона рублей.

Кстати сказать, мы не разъ уже замѣчали о неудобствѣ, производимомъ въ нашемъ государственномъ счетоводствѣ какъ колебаніемъ цѣнности кредитнаго рубля, такъ и предварительнымъ гадательнымъ опредѣленіемъ этой цѣнности для той или другой росписи. Нагляднымъ примѣромъ порождаемой этимъ запутанности можетъ служить исчисленіе свободнаго остатка суммъ государственнаго казначейства въ отчетѣ государственнаго контроля объ исполненіи росписи за 1890 годъ. Остатки эти 31-го декабря 1891 года исчислены въ 234.158.246 рублей, но на 1 января 1891 года перенесены въ размѣрѣ 219.783.055 рублей, такъ какъ для 1891 года курсъ золотого рубля принятъ не въ 1 р. 70 к. кредитныхъ, а только въ 1 р. 60 к. кредитныхъ. Между тѣмъ дѣйствительный средній курсъ кредитнаго рубля въ 1891 году былъ ниже 1890 года, такъ что запасъ металлической монеты въ государственномъ казначействѣ, при перечисленіи въ кредитную валюту, долженъ бы представлять не меньшее, а большее количество кредитныхъ рублей.

Возвращаемся къ обзору бюджетовъ.

Если принять въ соображеніе сказанное нами о побочныхъ вліяніяхъ на размѣръ цифръ бюджета, то представленіе о сущности отношенія доходовъ и расходовъ 1890 года къ доходамъ и расходамъ 1866 года измѣнится. Можно принять за приблизительно-вѣрное, что къ истеченію 25-лѣтняго періода государственные расходы увеличились *въ полтора раза*, а доходы почти *удвоились*. Это и имѣло въ результатѣ то, что дефициты въ бюджетахъ первыхъ лѣтъ 25-лѣтія

смѣнились въ послѣдніе годы какъ бы значительнымъ избыткомъ въ доходахъ.

Впрочемъ, такой избытокъ оказался собственно лишь за три последніе года: 1888—1890 года. Если исключить бюджеты этихъ трехъ лѣтъ, а также, какъ переходный, бюджетъ 1887 года, и наконецъ, по неполной отчетности, первый годъ двадцатипятилѣтія, то-есть бюджетъ 1866 года, то отношеніе въ увеличеніи доходовъ и расходовъ за двадцатилѣтіе 1867—1886 годовъ получится иное: въ 1867 году расходы превышали доходы всего лишь на 10 милліоновъ рублей, а въ 1886 году это превышеніе дошло до 50 милліоновъ рублей. Этимъ и объясняется громадный, слишкомъ въ 300 милліоновъ рублей, дефицитъ, накопившійся по бюджетамъ этого двадцатилѣтія, несмотря на то, что вслѣдствіе войны 1877—1878 гг. много расходовъ, обычно относимыхъ на обыкновенный бюджетъ, перенесены въ разрядъ расходовъ чрезвычайныхъ.

Хроническіе дефициты нашихъ государственныхъ бюджетовъ являются у насъ отчасти вслѣдствіе неодинаковости характера условій, при которыхъ совершается ростъ съ одной стороны государственныхъ расходовъ, и другой—средствъ къ ихъ удовлетворенію.

Расходы росли постоянно изъ года въ годъ, какъ бы подъ вліяніемъ внутренней, гонящей ихъ силы, вслѣдствіе роста государства и его потребностей. Возвышеніе же доходовъ происходило далеко не такъ постоянно и равномѣрно, а скачками, подъ вліяніемъ внѣшней силы; послѣ каждаго толчка въ нихъ являлась остановка и даже попятное движеніе. Лишь по немногимъ видамъ доходовъ (оброчныя статьи, лѣса, почтовые и телеграфные сборы) увеличеніе зависѣло отъ естественнаго развитія. По большей части статей оно являлось исключительно результатомъ возвышенія налоговъ. Производившееся преимущественно въ фискальныхъ цѣляхъ, безъ отношенія къ бытовымъ условіямъ народонаселенія, это возвышеніе хотя и увеличивало на время ту или другую доходную статью, но заранѣе осуждало ее на неподвижность; часто, согласно общему экономическому закону, возвышеніе налога влекло сокращеніе потребленія и затѣмъ и паденіе дохода.

Цифры той таблицы, изданной бухгалтеріей государственнаго контроля, вполнѣ подтверждаютъ нашу мысль. Изъ нея видно, что доходы идутъ какъ бы въ догонку за расходами, обыкновенно отставая отъ нихъ на 1 годъ. Лишь въ нѣкоторые годы, вслѣдствіе особеннаго напряженія, доходы нагоняютъ или почти нагоняютъ расходъ, съ тѣмъ, однако, чтобы въ слѣдующіе годы снова значительно отстать.

Въ доказательство вѣрности нашего замѣчанія разберемъ бюд-

жеты послѣднихъ 12 лѣтъ, 1879—90 гг., внося при этомъ въ цифры таблицы нѣкоторыя поправки или, вѣрнѣе, возстановляя первоначальныя цифры отчетовъ.

За шестилѣтіе 1879—1884 гг. таблица представляетъ слѣдующія данныя.

	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.
			милліоны рублей:			
Доходы:	663	652½	687	708½	710½	709
Расходы:	644	694	732	709	723	727

Въ ряду доходовъ значительно измѣнена цифра доходовъ 1881 г. Дѣло въ томъ, что съ 1882 г. въ отчетахъ объ исполненіи росписей былъ принятъ порядокъ: къ доходамъ отчетнаго года присоединять остатки отъ долгосрочныхъ (строительныхъ и друг.) кредитовъ прежняго времени. Составляя таблицы, бухгалтерія государственнаго контроля примѣнила такой порядокъ и къ бюджетамъ до 1881 года. Вообще это мало измѣнило цифры росписей, такъ какъ остатки были небольшіе (милліона 2, 3), но въ 1881 году закрывались долгосрочные кредиты 1877 г., года войны, и остатковъ отъ нихъ оказалось слишкомъ много: 35½ милліоновъ рублей, а присоединеніе ихъ къ доходамъ 1881 года совершенно измѣнило характеръ поступательнаго движенія въ доходахъ указаннаго шестилѣтія. Поэтому, прежде чѣмъ разбирать бюджеты этихъ лѣтъ, нужно изъ доходовъ 1881 г. исключить эти 35½ милліоновъ рублей, присоединивъ къ нимъ не болѣе 3 милліоновъ рублей, сравнительно съ прибавками ближайшихъ лѣтъ; вмѣсто 687 милліон. рубл., доходъ 1881 года составитъ лишь 352 милліона рублей, т.-е. сравнится съ доходомъ 1880 года и подтвердитъ сказанное нами о движеніи доходовъ.

Первый годъ шестилѣтія 1879 года представляетъ, какъ это видно изъ таблицы, значительное поступательное движеніе въ доходахъ: сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, они увеличились противъ 1878 года на 37 милліоновъ рублей, изъ которыхъ бо̀льшая часть упадетъ на доходы питейный (15 милліоновъ рублей) и таможенный (12½ милліоновъ рублей) и объясняется это окончаніемъ войны, возвращеніемъ изъ-за границы войскъ и оживленіемъ внѣшней торговли, особенно по ввозу товаровъ. Если къ указаннымъ 27½ милліонамъ рублей присоединить 7 милліоновъ рублей, полученныхъ отъ вновь установленнаго сбора съ пассажировъ и грузовъ желѣзныхъ дорогъ, то все 37-милліонное увеличеніе этимъ почти и исчерпывается. Между тѣмъ въ этомъ году послѣдовало увеличеніе многихъ изъ существовавшихъ налоговъ: акциза съ водокъ и пива, цѣны гербовой бумаги, пошлины съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ и проч.

Увеличеніе, вызванное внѣшними причинами и не коренившееся въ развитіи экономическихъ силъ, оказалось непрочнымъ. Въ слѣдующіе два года доходы снова падаютъ. Расходы же ростутъ и ростутъ безостановочно. Уже въ 1879 году они увеличились сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ на 42 мил. рублей слишкомъ (на 5 милліоновъ рублей больше увеличенія цифры доходовъ); въ 1880 году послѣдовало новое возвышеніе на 50 милліоновъ рублей и въ 1881 году—опять на 40 милліоновъ рублей. Это привело къ давно уже небывалому явленію въ нашихъ бюджетахъ, къ дефициту въ 81 милліонъ рублей [1]). Такой дефицитъ не могъ не вызвать мѣропріятій финансоваго вѣдомства. Строжайшая бережливость, проявленная въ силу Высочайшаго повелѣнія всѣми вѣдомствами, привела къ сокращенію расходовъ въ 1882 году на 23 милліона рублей, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ.

Но въ то же время были приняты мѣры къ увеличенію государственныхъ средствъ тѣмъ же путемъ, какимъ они увеличивались и раньше, т.-е. возвышеніемъ размѣра налоговъ. На первомъ планѣ стоялъ, разумѣется, питейный налогъ, эластичность котораго, по прежнимъ опытамъ, казалась безпредѣльною. Со времени введенія акцизной системы въ 1863 году до восьмидесятаго года онъ былъ увеличенъ уже вдвое, и акцизъ съ ведра безводнаго спирта къ 1880 году доведенъ до 7 рублей, независимо отъ увеличенія другихъ дополнительныхъ питейныхъ сборовъ [2]). Въ 1880 г. акцизъ былъ увеличенъ еще на 1 рубль, т.-е. почти на 15%. Затѣмъ увеличены на 10% таможенныя пошлины; введенъ иной способъ обложенія акцизомъ сахара, сразу удвоившій сахарный доходъ, и пр. Мѣры эти привели къ искомому результату. Увеличенные налоги вмѣстѣ съ случайнымъ увеличеніемъ нѣкоторыхъ поступленій (возврата ссудъ, пособій казнѣ и т. п.) возвысили сумму доходовъ 1882 г. —на 50 милліоновъ рублей слишкомъ, что̀, при значительномъ сокращеніи расходовъ, низвело восьмидесяти-милліонный дефицитъ предшествовавшаго года до ничтожнаго дефицита въ нѣсколько сотенъ тысячъ рублей. Но не надолго: косность доходовъ взяла свое: ни въ 1883, ни въ 1884 году, они не увеличились; расходы же снова стали рости, хотя и не съ прежней стремительностью. Въ два года они увеличились на 19 милліоновъ рублей; въ соотвѣтствіе съ этимъ

[1]) Нѣкоторое вліяніе на уменьшеніе доходовъ оказала благодѣтельная отмѣна съ 1881 года акциза на соль, доходъ отъ котораго въ предшествовавшіе годы составлялъ около 12½ милліоновъ рублей.

[2]) Въ 1863 г. акцизъ былъ установленъ для имперіи въ 4 руб. съ ведра безводнаго спирта, а для царства польскаго (нѣсколько позже)—въ 2 рубля. Дополнительные сборы: патентный, съ водокъ, пива и проч.

и дефицитъ составилъ 13 милліоновъ руб. въ 1883 г., и около 19 милліоновъ рублей въ 1884 году.

Опытъ перваго года послѣдняго шестилѣтія (1885—1890 годовъ) былъ еще неудачнѣе. Доходы 1885 года (719 милліоновъ рублей, по исключеніи 46 поступленій выкупной операціи) хотя и увеличились противъ предшествовавшихъ лѣтъ вслѣдствіе, главнымъ образомъ, установленія новыхъ налоговъ [1]), но зато и расходы увеличились настолько, что дефицитъ возросъ до 41 милліона рублей. За 1886 годъ онъ оказался уже въ 49 милліоновъ рублей. Даже питейный доходъ не помогъ. Доставивъ въ 1885 году всего лишь 231 милліонъ рублей, на 22 милліона рублей менѣе нежели въ 1882 и 1883 годахъ, онъ въ 1886 году, при 9-рублевомъ акцизѣ, повысился всего до 237 милліоновъ рублей, хотя сравнительно долженъ бы доставить до 280 милліоновъ рублей.

1887-й годъ былъ переходный, какъ по составу высшаго финансоваго управленія, такъ и по результатамъ исполненія росписи. Бывшій предъ тѣмъ министръ финансовъ Н. Х. Бунге, получившій съ 1887 г. высшее назначеніе, въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1887 годъ представлялъ о несвоевременности возвышенія прежнихъ или установленія новыхъ налоговъ и временно, такъ сказать, мирился съ бюджетнымъ дефицитомъ, исчисленнымъ въ представленной имъ росписи на 1887 годъ въ размѣрѣ 36 милліоновъ рублей.

Его преемникъ отнесся иначе къ этому вопросу. Уже въ первой половинѣ 1887 года имъ былъ предложенъ рядъ мѣръ увеличенія существующихъ налоговъ и введенія новыхъ. Бо́льшая ихъ часть введена немедленно; введеніе другихъ отсрочено до начала 1888 года. Между тѣмъ экономическое положеніе имперіи замѣтно улучшилось. Прекрасный урожай 1886 года, хотя и испорченный непогодой, во время жатвы, и осенней распутицей, затруднившей сельскому населенію сбытъ зерна, все же далъ ему свободнѣе вздохнуть послѣ плохихъ урожаевъ 1884 и 1885 годовъ. Урожай 1887 г. былъ также хорошъ. Это обстоятельство, въ соединеніи съ увеличеннымъ обложеніемъ, оказало благопріятное вліяніе на бюджетъ: дефицитъ, исчисленный по росписи въ 36 милліоновъ рублей, въ дѣйствительности могъ уже ограничиться лишь 3 милліонами рублей.

Еще благопріятнѣе оказался 1888-й годъ. Урожай этого года превзошелъ урожаи предшествовавшихъ лѣтъ, а недородъ хлѣбовъ въ западной Европѣ, увеличивъ значительно нашу отпускную тор-

---

[1]) Съ 1885 года установлены сборы: съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ. Сверхъ того, питейный акцизъ съ 20 мая увеличенъ съ 8 рублей до 9 рублей съ ведра безводнаго спирта.

говлю, выгодно повліялъ на курсъ кредитнаго рубля, что положило начало уменьшенію размѣра нашихъ платежей по долговымъ заграничнымъ металлическимъ обязательствамъ. Увеличенные налоги, взимавшіеся въ 1887 г. лишь за часть года, въ 1888 году поступили за полный годъ; были введены новые налоги (съ освѣтительныхъ маслъ, со спичекъ). Главнымъ же образомъ увеличился, вслѣдствіе увеличенія акциза на 25 к. съ ведра, доходъ питейный—на 8½ милліоновъ рублей противъ 1887 года, и на 30 милліоновъ рублей противъ 1886 года, а также и таможенный—на 34 милліона рублей противъ 1887 года—какъ вслѣдствіе усиленнаго привоза товаровъ въ обмѣнъ за нашъ хлѣбъ, такъ и вслѣдствіе курса, по которому для росписи 1888 г. назначена цѣна золотого рубля на кредитные. Для 1887 года цѣна эта была опредѣлена въ 1 р. 67 к. кредитн.; для росписи 1888 года въ 1 р. 80 коп. При оплатѣ таможенныхъ пошлинъ въ 1888 году въ металлической валютѣ на сумму 77½ милліоновъ руб., разница на рубль въ 13 коп. составила излишекъ въ 10 милліоновъ рублей. Въ результатѣ всего этого, при большей бережливости въ расходахъ, увеличившихся противъ 1886 года, за два года, всего лишь на 8 милліоновъ рублей, недавніе дефициты смѣнились *избыткомъ доходовъ въ 60 милліоновъ рублей слишкомъ*.

Еще удачнѣе оказались два слѣдующіе года: 1889-й съ избыткомъ доходовъ въ 86½ милліон. рублей и 1890-й съ избыткомъ 73 милліон. рублей. Но и въ эти годы исполненіе росписей остается съ тѣмъ же характеромъ, какой указанъ нами въ предшествующіе годы. Разница заключается лишь въ томъ, что расходы за три года не возросли,—такъ какъ вся сумма увеличенія ихъ, особенно за 1890-й годъ (на 20 милліоновъ рублей сравнительно съ предшествующимъ годомъ), объясняется увеличеніемъ расходовъ по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, перешедшихъ за это время въ казенное управленіе. Увеличеніе по другимъ отраслямъ управленія покрывается случайными сбереженіями по системѣ государственнаго кредита [1]). Что же касается доходовъ, то, несмотря на благопріятныя экономическія условія послѣднихъ лѣтъ, въ нихъ проявляется прежняя неподвижность. Въ таблицѣ государственнаго контроля доходы 1889 года, правда, показаны въ 944 милліона рублей, болѣе доходовъ 1888 г. на 43 милл. рублей. Но нужно принять во вниманіе слѣдующее: къ доходамъ 1888 г. остатковъ отъ прежнихъ смѣтъ присоединено 2 милліона рублей, а къ доходамъ 1889 года, по особенному случаю, 17 милл.

---

[1]) Расходы по выкупной операціи и по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, простиравшіеся въ 1887 г. до 54½ милл. р., въ 1888—1890 гг. сократились до 40 м. р. съ небольшимъ. Затѣмъ улучшеніе курса кред. рубля и лучшіе заработки частныхъ желѣзныхъ дорогъ сократили приплаты казны по гарантіи.

рублей [1]); на 11 милліоновъ рублей увеличился доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе расширенія казенной сѣти; наконецъ, на 10 милліоновъ увеличился питейный доходъ, но такъ какъ этотъ доходъ за 1888 годъ случайно, по удостовѣренію министерства финансовъ, увеличенъ на 7 милліоновъ рублей, то онъ подлежитъ также исключенію. Этими излишками (17, 11, 7 милл. руб.) почти цѣликомъ исчерпывается вся сумма, на которую увеличились доходы 1889 года. Увеличеніе же доходовъ 1890 года противъ 1889 года на $6^1/_2$ милліоновъ рублей съ бо́льшимъ излишкомъ объясняется увеличеніемъ (на 16 милліон. рублей) поступленій отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Такая косность въ государственныхъ доходахъ, источникомъ которыхъ служатъ главнымъ образомъ косвенные налоги, доказываетъ напряженность платежныхъ силъ населенія, не допускающую—даже при наиболѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ—увеличенія потребленія или расширенія производительной промышленной дѣятельности.

Не нужно упускать также изъ виду, что населеніе имперіи, простиравшееся въ началѣ разсматриваемаго двадцатипятилѣтія до 85 милліоновъ, уже въ 1885 году достигло 108 милліоновъ, а къ 1890 году должно было дойти до 112—115 милліоновъ.

Отъ обозрѣнія общаго движенія въ бюджетахъ перейдемъ къ обозрѣнію измѣненій въ ихъ составѣ, какъ по доходамъ, такъ и по расходамъ. Для сравненія съ позднѣйшими бюджетами возьмемъ не первый годъ истекшаго двадцатипятилѣтія (1866—90 гг.), а второй, 1867-й годъ, какъ болѣе установившійся.

Изъ крупныхъ измѣненій въ доходной росписи прежде всего слѣдуетъ остановиться на отмѣнѣ нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ, доходныхъ статей и на установленіи новыхъ налоговъ.

Изъ значительныхъ сборовъ отмѣнены два: подушная подать и соляной акцизъ. Соляной акцизъ доставлялъ казнѣ отъ 11 до 13 милліоновъ рублей въ годъ. Полная отмѣна его послѣдовала въ 1881 г. Съ того же года началась и отмѣна подушной подати, производившаяся постепенно въ теченіе 8 лѣтъ, по разрядамъ плательщиковъ. Подать эта составляла крупную статью государственныхъ доходовъ (напримѣръ, въ 1875 году около 53 милліоновъ рублей). Часть этой подати была возмѣщена позднѣе увеличеніемъ (милліоновъ на 16) оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ, замѣненной впо-

[1]) Въ 1889 году постановлены сроки для закрытія кредитовъ на уплаты по государственнымъ долгамъ, прежде отпускавшихся безсрочно. Отъ закрытія этихъ кредитовъ за все прежнее время и образовался столь значительный остатокъ.

слѣдствіи выкупными съ нихъ платежами,—частію же увеличеніемъ поземельнаго и другихъ сборовъ.

Вліяніе, оказанное на бюджетъ отмѣною подушной подати, выражается приблизительно въ слѣдующихъ цифрахъ. По статьѣ податей: поземельный и лѣсной налоги (сюда и входила подушная подать), въ 1879 и 1880 годахъ поступило среднимъ числомъ около 114 милліоновъ рублей въ годъ; такое же поступленіе было и въ 1881 году. Въ послѣдніе три года двадцатипятилѣтія, 1888—1890 годы, поступило въ годъ среднимъ числомъ податей $41^1/_2$ милліоновъ рублей и выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ (въ прежнихъ до 1881 года росписяхъ такой рубрики не было) около 49 милліон. рублей, а вмѣстѣ $90^1/_2$ милл. рублей, т.-е. меньше на 24 милліона рублей.

Изъ вновь введенныхъ налоговъ первое мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ занимаетъ сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости желѣзныхъ дорогъ, установленный съ 1879 года. Въ первый же годъ онъ доставилъ 7 милліоновъ рублей и, постепенно возвышаясь, достигъ въ 1890 году 9 милліон. рублей съ небольшимъ.

Съ 1885 года былъ установленъ процентный и раскладочный сборъ съ торговыхъ предпріятій. Сбора этого въ 1885 году поступило $3^1/_2$ милліона рублей; затѣмъ онъ сталъ увеличиваться, особенно съ 1888 года, съ расширеніемъ его примѣненія, и въ 1890 году доставилъ казнѣ до $8^1/_2$ милліоновъ рублей.

Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, введенный съ 1885 года, въ послѣдніе четыре года, когда онъ вполнѣ установился, доставилъ казнѣ по 12 милліоновъ рублей въ годъ.

Обращаясь къ общему сопоставленію росписей 1867 и 1890 годовъ, мы должны изъ той и другой исключить доходы отъ казенныхъ дорогъ, а изъ росписи 1890 г.—выкупные платежи съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Оба эти дохода имѣютъ характеръ оборотныхъ, т.-е. такихъ, которые, при приблизительномъ равенствѣ прихода и расхода, не служатъ источникомъ удовлетворенія государственныхъ потребностей. Затѣмъ изъ суммы доходовъ 1890 года слѣдуетъ вычесть указанный выше излишекъ въ исчисленіи на кредитные рубли поступленій въ металлической валютѣ [1]).

Такимъ образомъ указанныя росписи представятся въ слѣдующемъ видѣ.

---

[1]) Казенныя желѣзныя дороги доставили: въ 1867 г. — 17 милліоновъ рублей, въ 1890 г. — 49 мил. руб. Выкупные платежи съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ 1890 г. составили 41 мил. руб. Разница между дѣйствительнымъ курсомъ золотого рубля (1 руб. 40 коп.) и курсомъ, назначеннымъ по росписи (1 р. 70 коп.) составила въ 1890 году, при $95^1/_2$ милліон. руб., 29 милліоновъ рублей.

	Въ 1867 г.	1890 г.
	миллiоны рублей:	
Вся сумма доходовъ.	398	832
Въ томъ числѣ:		
подати съ выкупными платежами бывшихъ государственныхъ крестьянъ [1])	81	93
питейный доходъ	134	268
таможенный	37	142
акцизъ съ сахара	1½	21½
акцизъ съ табака	7	28
почтовый	7½	20
телеграфный.	2½	10½
остальные	127	249

О податяхъ, о подушной подати и о замѣнѣ ея и оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ уже было сказано.

Изъ другихъ доходовъ преимущественнаго вниманія заслуживаютъ, разумѣется, доходы питейный и таможенный. Оба они имѣютъ каждый свою исторію.

Питейный доходъ въ послѣдніе годы откупной системы 1861—1862 годовъ доставлялъ казнѣ 125—126 милліоновъ рублей валового дохода, что́,—за исключеніемъ издержекъ взиманія, въ томъ числѣ издержекъ на выкурку вина казною,—милліоновъ 18—19,—составляло чистаго дохода около 107 м. р., причемъ, однако, за откупщиками накоплялись значительныя недоимки. Но недоимки въ платежахъ казнѣ не мѣшали откупщикамъ „жить и давать жить другимъ". Что откупщики могли жить—свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія до сихъ поръ значительныя состоянія бывшихъ откупщиковъ или ихъ наслѣдниковъ, если послѣдніе не употребили особыхъ усилій къ разоренію. Жили тогда при этомъ и чиновники. Для наиболѣе значительныхъ изъ нихъ, губернскихъ и уѣздныхъ, существовали, какъ извѣстно. чуть не формально установленные оклады, отъ 10.000 рублей до нѣсколькихъ сотъ рублей, независимо отъ пользованія натурою.

Съ 1863 года эра такого общаго благополучія, разливаемаго откупами, была нарушена: сборъ питейныхъ доходовъ казна приняла непосредственно на себя, замѣнивъ откупную систему акцизною. Эта замѣна въ свое время была, какъ извѣстно, встрѣчена общественнымъ мнѣніемъ съ торжествомъ. Она считалась побѣдой мрака надъ свѣтомъ, Ормузда надъ Ариманомъ. Акцизное вѣдомство являлось патентованнымъ поборникомъ просвѣщеннаго прогресса, акцизные чиновники—передовыми людьми.

Акцизъ съ ведра безводнаго спирта былъ первоначально назна-

[1]) Какъ сказано выше, выкупные платежи относятся къ 1890 году.

ченъ въ 4 рубля, но уже въ 1864 г. увеличенъ до 5 рублей. Въ концѣ 1866 года послѣдовало обложеніе и въ царствѣ польскомъ по 2 руб. 50 коп. съ ведра. О размѣрѣ поступленія питейнаго дохода въ три первые года мы не имѣемъ точныхъ свѣденій; во всякомъ случаѣ онъ былъ не меньше откупного. Въ 1866 году его поступило 121 милліонъ рублей; въ слѣдующее трехлѣтіе—по 135 милліон. руб. въ годъ. Въ 1869 году послѣдовало увеличеніе акциза до 6 рублей съ ведра въ имперіи и до 4 к. въ царствѣ польскомъ, что разомъ подняло питейный доходъ въ 1870 году до 164 милліоновъ рублей, а въ 1871 году—почти до 175 милліоновъ рублей.

Вслѣдствіе такого возвышенія дохода—въ теченіе двухъ лѣтъ на 40 милліоновъ рублей по одному питейному сбору—балансъ по исполненію росписи 1871 года былъ сведенъ съ избыткомъ въ доходахъ. Казалось, вѣрный способъ регулировать роспись былъ найденъ. Способомъ этимъ и не пренебрегли: въ 1873 году акцизъ съ ведра безводнаго спирта былъ установленъ уже въ 7 рублей въ имперіи и въ 5 руб. 50 коп. въ царствѣ польскомъ, гдѣ затѣмъ въ 1875 году онъ доведенъ также до 7 рублей съ ведра, т.-е. въ уровень съ акцизомъ въ остальныхъ частяхъ имперіи. Въ 1883 году сверхъ того удвоена въ имперіи цѣна патентовъ на право торговли напитками; въ 1884 г. она увеличена и въ царствѣ. Соотвѣтственно съ повышеніемъ размѣра налога возвышался и доходъ, но съ колебаніями, вызывавшими новое возвышеніе налога, сначала косвенное, какъ, напримѣръ, уменьшеніе безакцизнаго перекура [1]) или увеличеніе акциза съ водокъ, дрожжей и пр., а наконецъ и прямое возвышеніе въ 1885 году акциза на спиртъ до 9 коп. съ ведра.

На этотъ разъ, однако, ожиданія не оправдались; питейный доходъ не только не увеличился, но упалъ: въ 1885 и 1886 году онъ доставилъ въ среднемъ размѣрѣ 234 милл. рублей, т.-е. немногимъ болѣе того, что было получено семь лѣтъ предъ тѣмъ, въ 1879 г., при семирублевомъ акцизѣ. Даже въ 1887 году, послѣ двухъ лѣтъ хорошаго урожая, онъ все еще былъ ниже поступленія 1882 и 1883 годовъ. Такое паденіе дохода, съ одной стороны, должно быть приписано положенію платежныхъ средствъ низшихъ классовъ населенія, на которые преимущественно ложится питейный налогъ, съ другой—тѣмъ, что высокій налогъ представляетъ очень заманчивую премію нарушителямъ закона, поставляющимъ въ народъ контрабандой вино,

---

[1]) Изъ извѣстнаго количества матеріаловъ заводчикъ обязанъ выкурить опредѣленное количество спирта, за которое съ него и взимается акцизъ. Если онъ выкуритъ больше, то часть излишка, „перекуръ", выпускается съ завода безъ оплаты акцизомъ. Это право перекура существуетъ въ цѣляхъ поощренія усовершенствованнаго винокуренія.

ввозимое изъ Австріи и Пруссіи или выкуриваемое на тайныхъ заводахъ, и вообще проникшее въ продажу безъ оплаты акцизомъ. Замѣтное развитіе этого правонарушенія и невозможность искорененія его еще недавно признавались оффиціально. „Выгода, извлекаемая нарушеніемъ питейнаго устава, — говоритъ отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ (стр. 148),—увеличивается съ каждымъ годомъ, а сопряженные съ нарушеніемъ рискъ и тяжесть положеннаго за него наказанія остаются неизмѣнными; неудивительно поэтому, что каждое новое увеличеніе акциза на вино имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе числа случаевъ обнаруженія тайнаго винокуренія и контрабанды... Это зло искоренить невозможно".

Благодаря новому увеличенію акциза на 25 к. съ ведра безводнаго спирта, особенно благопріятному урожаю и усиленному вывозу нашего хлѣба за границу, въ 1888 году питейный доходъ поднялся до 265 милліоновъ рублей; въ 1890 году онъ доставилъ 268 милліоновъ рублей.

Въ 1891 году оказался крупный недочетъ въ питейномъ доходѣ, не превосходившемъ 244 милліона рублей; еще слабѣе, судя по поступленію въ первые мѣсяцы, долженъ оказаться доходъ 1892 года. Разумѣется, такіе года, какъ эти два злополучные года, не могутъ приниматься въ разсчетъ; но весьма вѣроятно, что и на будущее время, при болѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, питейный доходъ не скоро еще возстановится въ цифрѣ его поступленія въ періодъ 1888-1890 годовъ. Съ нашей точки зрѣнія мы не можемъ желать возвышенія этого дохода, если только недоборъ въ немъ дѣйствительно явится слѣдствіемъ сокращенія потребленія водки народомъ. Необходимо было бы, въ нравственныхъ, гигіеническихъ и экономическихъ цѣляхъ, совершенно изъять водку изъ народнаго потребленія. Но, какъ извѣстно, проявившіяся въ 1891 году немногочисленныя попытки закрытія кабаковъ въ селахъ встрѣчались не содѣйствіемъ, а скорѣе неодобреніемъ мѣстныхъ акцизныхъ управленій. Это объясняется, разумѣется, невозможностію найти въ другомъ косвенномъ налогѣ, даже въ цѣломъ ряду ихъ, источникъ государственныхъ доходовъ, который могъ бы возмѣстить средства, доставляемыя питейнымъ налогомъ. Изъ этого, конечно, слѣдовало бы вывести лишь то, что ихъ слѣдуетъ искать не въ косвенныхъ, а въ другихъ, болѣе равномѣрныхъ и болѣе выгодныхъ видахъ налоговъ.

Во всякомъ случаѣ нужно ожидать, что вѣроятная цифра питейнаго дохода въ ближайшемъ будущемъ составитъ около 250 мил. р., и что на дальнѣйшее сколько-нибудь замѣтное увеличеніе этого дохода трудно разсчитывать даже при новомъ возвышеніи питейныхъ налоговъ.

Нужно прибавить, что возвышеніе налога всегда соединено съ усиленіемъ надзора за правильнымъ его поступленіемъ. Расходы по департаменту неокладныхъ сборовъ, составлявшіе въ 1885 г. 12 м. р. [1]), въ 1890 г. возросли уже до 15 милліоновъ рублей.

Другой крупный источникъ государственныхъ средствъ — *таможенный* доходъ, судя по цифрамъ отчетовъ, возросъ въ 24 года еще значительнѣе питейнаго: съ 37 м. р. до 142 м. р., т.-е. чуть не въ четыре раза; но это только повидимому, вслѣдствіе указаннаго переложенія золотыхъ поступленій въ кредитные рубли по преувеличенно невыгодному для кредитнаго рубля курсу; въ дѣйствительности увеличеніе меньше. Съ 1877 года таможенные доходы почти цѣликомъ поступаютъ въ металлической валютѣ, и ихъ въ 1890 г. поступило 83 м. р. золотыхъ. Если доходъ 1867 года 37 м. р. переложить въ золотые рубли по курсу этого года (1 р. 18 к. кр. за зол. рубль), то это составитъ 31 м. р. зол.; слѣдовательно увеличился доходъ всего въ $2^2/_3$ раза. Конечно, и такое увеличеніе должно быть признано значительнымъ, и было бы весьма выгодно, если бы оно составляло результатъ развитія нашей внѣшней торговли, сопряженнаго съ увеличеніемъ народнаго благосостоянія. Къ сожалѣнію, изъ фактовъ этого не усматривается; тутъ не при чемъ даже естественное увеличеніе населенія, составляющее за эти 24 года болѣе 30%, а равно и расширеніе государственной территоріи. Цѣнность заграничныхъ товаровъ, ввезенныхъ къ намъ въ 1867 г., равнялась 237 м. р. кред. [2]); ввезенныхъ въ 1890 году—384 м. р. кред. [3]). Заграничные товары несомнѣнно сначала оцѣнивались въ металлической валютѣ, и потомъ цѣна ихъ переводилась въ кредитные рубли; 237 м. р. кр. по современному курсу кредитнаго рубля составляютъ съ небольшимъ 200 м. р. золотомъ; 384 м. р. кред., по курсу, принятому для росписи 1890 г. (1 р. 70 к. кр. за золотой рубль), равняются 220 м. р. зол. Слѣдовательно, ввозъ увеличился всего на 10%, но и они легко могутъ быть приписаны улучшенію пріемовъ таможенной статистики. Во всякомъ случаѣ эти 10 процентовъ неизмѣримо далеки отъ увеличенія, выведеннаго выше, которое составляетъ цѣликомъ результатъ повышенія таможенныхъ пошлинъ. Исторія нашего тарифа представляетъ непрерывный рядъ такихъ повышеній, какъ общихъ, такъ и частныхъ, на тотъ или другой родъ товаровъ.

---

[1]) За исключеніемъ выдачи премій за вывезенный за границу сахаръ, въ 1890 г. уже не производившейся.

[2]) Объяснительная записка къ отчету государственнаго контроля по исполненію росписи 1867 года, стр. 25.

[3]) „Внѣшняя торговля по Европейской Россіи", таблицы за 1890 г., изданіе департамента таможенныхъ сборовъ, стр. 66.

Чтобы перечесть всѣ законодательные акты, повышающіе пошлины, нужно исписать цѣлыя страницы; мы остановимся на главнѣйшихъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ нашъ тарифъ почти равнялся запретительному. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ былъ значительно пониженъ, что̀, по удостовѣренію государственнаго контроля, тотчасъ же оказало вліяніе на увеличеніе таможеннаго дохода. Этому содѣйствовало оживленіе нашей общественной жизни, какъ умственной и соціальной, такъ и торговой и промышленной: строились желѣзныя дороги, учреждались банки, основывались промышленныя акціонерныя общества. Соотвѣтственно развивавшимся потребностямъ въ заграничныхъ товарахъ и издѣліяхъ росъ и таможенный доходъ. Но уже вскорѣ по введеніи облегчительнаго тарифа въ таможенной политикѣ стало развиваться опасеніе подавляющаго вліянія иноземной промышленности на нашу, влачившую (и до сихъ поръ влачащую!) жалкое существованіе. Громко раздававшіеся вопли торговцевъ и промышленниковъ, отлично понимавшихъ въ торговлѣ одно удобство—легкость наживы, поддерживали это опасеніе, которое, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ мѣръ охранительной таможенной политики, выразилось въ рѣшительной мѣрѣ 1876 года. Къ концу этого года политическія замѣшательства уронили курсъ нашего кредитнаго рубля, сразу понизившагося слишкомъ на 25%. Въ видахъ противодѣйствія такому пониженію послѣдовало установленіе такъ-называемой золотой пошлины, въ предположеніи, какъ можно думать, что тягость новаго таможеннаго тарифа упадетъ главнымъ образомъ на иностранное производство, а не на русскихъ потребителей. Тарифъ былъ оставленъ прежній, т.-е. съ каждаго вида товаровъ взималось такое же, какъ и прежде, количество рублей, но уже не кредитныхъ, а золотыхъ. А такъ какъ въ 1887 г. золотой рубль стоилъ около 1 р. 50 к. кредитныхъ, а въ слѣдующіе годы 1 р. 57 к. и 1 р. 59 к., то установленіе золотой пошлины сразу повышало тарифъ на 50—58%. Почти въ соотвѣтствіи съ этимъ повышеніемъ увеличился и таможенный доходъ. Доставивъ казнѣ въ 1875 году 62 м. р., онъ (послѣ нѣсколькихъ переходныхъ лѣтъ) въ 1879 году достигъ $93^1/_2$ м. р., т.-е. увеличился ровно въ полтора раза противъ 1875 года. Но тутъ снова сказалась опасность нашихъ государственныхъ доходовъ: на указанной цифрѣ надолго замеръ нашъ таможенный доходъ; средняя цифра его за семилѣтіе 1879-1885 гг. равняется 94 мил. рублей. А между тѣмъ въ эти семь лѣтъ послѣдовалъ цѣлый рядъ возвышеній таможеннаго тарифа, общихъ и частныхъ, непрерывно слѣдовавшихъ одно за другимъ. Въ 1879 г. установлена пошлина съ хлопчатой бумаги; съ 1880 по 1885 годъ включительно послѣдовало новыхъ 12 законодательныхъ актовъ какъ

общаго (на 10% въ 1881 г.), такъ и частныхъ возвышеній тарифа. По соображеніямъ, представлявшимся при разсмотрѣніи проекта этихъ актовъ, они должны были увеличить таможенный доходъ на 30 м. р. Такого возвышенія не послѣдовало; его, какъ сказано, и вовсе не послѣдовало, но приведенная цифра въ 30 м. р. показываетъ, что размѣръ увеличенія таможенныхъ пошлинъ, вслѣдствіе указанныхъ мѣропріятій, составляетъ одну треть, а вмѣстѣ съ золотой пошлиной увеличиваетъ его ровно вдвое, не говоря о пошлинѣ на хлопокъ въ 1879 г. и о другихъ, не упомянутыхъ нами, частныхъ возвышеніяхъ тарифа. Но возвышеніе таможенныхъ пошлинъ далеко этимъ не исчерпывается. Non bis in idem—правило, всего рѣже соблюдаемое финансовой политикой при затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Возвышеніе пошлинъ продолжалось. Въ концѣ 1887 г. онѣ повышены на многіе предметы (на чай, на хлопокъ, на каменный уголь, металлы и металлическія издѣлія и пр. и пр.) и въ такой мѣрѣ, что даже при значительномъ уменьшеніи ввезеннаго товара пошлинъ съ него поступало больше. Такъ, хлопчатой бумаги въ 1888 году ввезено меньше предшествующаго года на 3 мил. рублей, а пошлинъ поступило больше на $1^{1}/_{2}$ мил. р.; пошлины съ чая получено больше $2^{1}/_{2}$ м. р., хотя его ввезено менѣе на 104.000 п.; при увеличеніи ввоза каменнаго угля на 10%, пошлины съ него получено больше на 60%; то же съ машинъ и пр. Лучшей и весьма наглядной иллюстраціей повышенія нашего тарифа съ одной стороны и оборотовъ нашей внѣшней торговли съ другой служатъ цифры количества и цѣнности ввезеннаго къ намъ чая въ послѣдніе четыре года и взятыхъ за него пошлинъ.

Года:	Количество пудовъ ввезеннаго чая:	Стоимость его кред. рублями:	Заплачено пошлинъ въ золотой валютѣ:
1887	2.062.937	46.307.481	20.093.051
1888	1 992.672	34.127.183	22.717.711
1889	1.919.564	32.098.633	22.328.665
1890	1.838.000	30.786.000	23.327.498

Изъ этихъ цифръ видно, что несмотря на происходившее изъ года въ годъ уменьшеніе привозимаго чая и пониженія его цѣнности, пошлина съ него возростала и дошла до размѣра, при которомъ она значительно превысила стоимость оплачиваемаго продукта.

Въ 1890 году таможенныя пошлины вновь увеличены 20%-ной надбавкой на бо̀льшую часть предметовъ, привозимыхъ изъ-за границы, а въ 1891 году установленъ новый тарифъ, по которому пошлины повышены еще болѣе. Вліяніе этого тарифа и самое отношеніе его къ прежнему размѣру пошлинъ пока еще недостаточно выяснилось, но можно ожидать, что подъ вліяніемъ этого тарифа послѣдуетъ

снова нѣкоторое приращеніе таможенныхъ доходовъ, такъ какъ даже въ бѣдственный 1891 годъ таможенный доходъ незначительно понизился противъ предшествующаго года. Дѣло въ томъ, что̀ ввозъ къ намъ товаровъ изъ-за границы сокращенъ высокимъ тарифомъ до послѣднихъ предѣловъ: ввозится только то, что̀ буквально необходимо. Поэтому-то цѣнность ввозимыхъ къ намъ товаровъ стоитъ на цифрѣ 200 м. р. золотомъ съ небольшимъ, тогда какъ Италія получаетъ иностранныхъ товаровъ на 350 м. р., Франція на милліардъ слишкомъ, а Великобританія на $2^1/_2$ милліарда.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: все увеличеніе таможеннаго дохода въ теченіе 25 лѣтъ должно быть приписано исключительно возвышенію тарифа; ни приростъ населенія, ни экономическое развитіе страны въ этомъ не принимали участія.

Акцизъ съ *сахара* въ 1866 году равнялся всего 20 коп. съ пуда и только съ 1867 года возвышенъ до 30 коп. Въ настоящее время онъ доведенъ до 1 р. съ пуда сахарнаго песка, независимо отъ послѣдовавшаго недавно дополнительнаго обложенія 40 копѣйками съ пуда рафинада. Такимъ образомъ налогъ въ теченіе 25 лѣтъ увеличенъ въ 5—7 разъ, а съ 1867 года—въ 3—5 разъ. Доходъ между тѣмъ отъ $1^1/_2$ м. р. въ 1867 г. дошелъ до $21^1/_2$ м. р. въ 1890 г., т.-е. увеличился въ 14 разъ. Впрочемъ, такое увеличеніе должно приписать неудовлетворительному до 1882 года способу взиманія сахарнаго акциза, производившагося по разсчету количества матеріаловъ, употребленныхъ на выдѣлку. Только по закону 1881 года установлено взиманіе акциза по размѣру выпускаемаго съ заводовъ сахара, причемъ онъ былъ обложенъ акцизомъ въ 50 коп. съ пуда, съ постепеннымъ его возвышеніемъ чрезъ каждые три года до 65 к., до 85 и наконецъ до рубля; упомянутые добавочные 40 коп. не входили въ первоначальный планъ. Вслѣдствіе новаго порядка взиманія сахарный доходъ сразу увеличился въ 1882 до 8 мил. рублей и, съ тѣхъ поръ постоянно возростая, въ 1890 году, т.-е. въ періодъ 8 лѣтъ, достигъ $21^1/_2$ м. р., болѣе противъ 1882 года слишкомъ въ $2^1/_2$ раза, тогда какъ обложеніе возросло лишь вдвое. Такимъ образомъ потребленіе, такъ сказать, обогнало налогъ. Да и вообще налогъ, не превышающій 25—30% стоимости продукта, рядомъ съ такими налогами, какъ питейный или таможенный (на чай, напримѣръ, значительно превышающій 100% покупной его стоимости), не можетъ еще считаться особенно тяжелымъ, тѣмъ болѣе, что онъ упадаетъ преимущественно на сколько-нибудь зажиточныхъ людей, а сельскому люду потребленіе сахара, къ сожалѣнію, почти неизвѣстно. Правда, будь сахаръ значительно дешевле, онъ былъ бы и этому населенію болѣе доступенъ, но для этого недостаточно не только пониженія акциза,

но и полной его отмѣны; нужно еще устраненіе тѣхъ созданныхъ искусственно условій, при которыхъ существуетъ у насъ сахарное производство. Еще недавно за вывезенный за границу сахаръ не только возвращался акцизъ, но и выдавались преміи (въ 80 к. и въ 1 р. съ пуда); выдача премій съ прошлаго года окончательно уничтожена, но акцизъ возвращается Сверхъ того, въ разрѣзъ и съ нашими законами, и съ нашими традиціями, между сахарозаводчиками существуетъ собственно стачка, такъ-называемая „нормировка", по условіямъ которой, во избѣжаніе пониженія цѣны отъ конкурренціи, заводы не должны выпускать на внутренніе рынки сахаръ въ количествѣ выше опредѣленнаго стачкой. Года четыре назадъ стачка временно разстроилась нѣсколько, и цѣна сахара понизилась на рынкѣ до 4 р. 50 коп. пудъ; но стачка вновь сплотилась, и цѣна на сахаръ поднялась до 6 р., 6 р. 50 к. за пудъ. Между тѣмъ, по свѣденіямъ департамента неокладныхъ сборовъ, стоимость выработки пуда песка въ 1890 году, *со включеніемъ акциза*, колебалась между 2 р. 22 коп. и 4 р. 82 коп., т.-е. составляла въ среднемъ 3 р. 51 коп., такъ что продажная цѣна въ 4 р. 50 коп. была бы уже достаточно выгодна.

Сахарнымъ доходомъ мы окончимъ хронологическій обзоръ движенія въ статьяхъ доходной государственной росписи. Обзоръ главнѣйшихъ источниковъ государственныхъ средствъ совершенно достаточенъ, какъ намъ кажется, для подтвержденія вывода, сдѣланнаго нами изъ общаго очерка государственнаго бюджета за 25 лѣтъ, а именно вывода, что увеличеніе доходнаго бюджета составляетъ результатъ не естественнаго поступательнаго движенія въ самомъ размѣрѣ населенія и экономическихъ условій страны, а лишь—внѣшняго воздѣйствія. Конечно, изъ этого общаго правила есть исключенія. Нѣкоторая, напримѣръ, доля увеличенія дохода съ сахара должна быть приписана отчасти и развившемуся его потребленію. Увеличеніе почтоваго дохода съ $7^1/_2$ до 20 м. р., при пониженной за это время таксѣ, составляетъ несомнѣнно слѣдствіе значительно усилившейся потребности въ почтовыхъ сношеніяхъ; увеличеніе съ 3 до 10 м. р. дохода отъ оброчныхъ статей есть результатъ естественно измѣнившихся бытовыхъ условій: освобожденія крестьянъ и возвышенія цѣнности земли; увеличеніе дохода отъ казенныхъ лѣсовъ съ 5 до 17 м. р. можетъ быть приписано улучшеніямъ въ порядкахъ лѣсного хозяйства, развитію заграничной лѣсной торговли, а отчасти и экономическимъ условіямъ, но къ сожалѣнію отрицательнаго свойства: полнѣйшему оскудѣнію частныхъ лѣсовъ; усиленіе доходности желѣзныхъ дорогъ, или вѣрнѣе уменьшеніе убытковъ, приносимыхъ казнѣ, объясняется болѣе строгимъ правительственнымъ надзоромъ за ихъ оборотами и переходомъ убыточныхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ

въ болѣе хозяйственное казенное управленіе. Налоги, нами сейчасъ упомянутые, представляютъ утѣшительное исключеніе также и въ томъ отношеніи, что увеличеніе ихъ не было сопряжено съ какимъ-либо отягощеніемъ населенія, но тѣмъ не менѣе и въ нихъ увеличеніе проистекало скорѣе изъ внѣшнихъ вліяній, а не исключительно изъ экономическаго преуспѣянія.

Въ противоположность доходамъ, расходы увеличивались безостановочно, годъ отъ года, подъ вліяніемъ безостановочно возроставшихъ внутреннихъ государственныхъ потребностей, а ихъ весьма невыгоднымъ дополненіемъ являлись еще внѣшнія событія или обстоятельства. Для нагляднаго сравненія приведемъ за разные годы рядъ цифръ по тѣмъ изъ вѣдомствъ, по которымъ увеличеніе расходовъ особенно значительно, не касаясь вѣдомствъ съ мало измѣнившимися расходами, какъ напримѣръ высшія государственныя учрежденія (ежегодный расходъ за весь періодъ—2 м. р. съ небольшимъ); святѣйшій синодъ (отъ 9 до 12 м. р.); министерство императорскаго двора (около 11 м. р.) [1]; государственный контроль (отъ 2 до 3½ м. р.); главное управленіе государственнаго коннозаводства (отъ 1 до 1½ м. р.). Стойкость въ расходахъ этихъ вѣдомствъ, несмотря на то, что и въ нихъ несомнѣнно развивались и потребности, и функціи, показываетъ, что въ разсматриваемый нами періодъ цѣнность денегъ, говоря вообще, мало измѣнилась и не могла оказывать замѣтнаго вліянія на ростъ доходовъ или расходовъ. Измѣненіе это дѣйствительно было, но прежде, и оно совершилось разомъ—въ періодъ между Крымской войной и освобожденіемъ крестьянъ. Слѣдуетъ сдѣлать еще одну оговорку, а именно: до 1882 года въ роспись особымъ вѣдомствамъ входило гражданское вѣдомство закавказскаго края (съ возроставшимъ постоянно расходомъ отъ 5 до 8½ м. р.); съ 1882 года органы его перешли въ составъ подлежащихъ министерствъ.

Вѣдомства же съ значительно измѣнившимися расходами слѣдующія:

---

[1]) Расходы императорскаго двора въ 1882 г. увеличились до 12 м. р., но въ 1883 г. уменьшены до 10.560.000 р. и въ этой цифрѣ остаются неизмѣнно.

Года:	1867	1876	1881	1885	1890
	милліоны	рублей	кредитныхъ	(съ округленіемъ)	
Система государств. кредита . .	83	109	195½	263½ [1])	263½
Министерства:					
военное	127	190	230	210	228
морское	13	27	30½	38½	40½
финансовъ	79	80	108	106	109
государственныхъ имуществъ. .	17	20	20	23	24
внутреннихъ дѣлъ	37	53½	69½	70½	76
народнаго просвѣщенія	8½	15	18½	20	22½
путей сообщенія.	24½	24½	12	23	56
юстиціи	9	15½	18	20	23

Изъ приведенной таблицы видно, что, помимо системы государственнаго кредита, о которой мы скажемъ дальше, главное увеличеніе расходовъ, на 101 м. р., оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, по военному вѣдомству. Причина этого возвышенія та же, какая истощаетъ бюджеты и другихъ европейскихъ государствъ: тревожное состояніе, въ которомъ они находятся въ послѣднія 20 лѣтъ, изобрѣтательность, направленная, вслѣдствіе этого, къ изысканію наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ разрушенія и потребовавшая громадныхъ расходовъ. Въ нашемъ военномъ бюджетѣ явилась, однако, попытка сокращенія расходовъ. Достигнувъ въ 1881 году 230 м. р., въ слѣдующемъ 1882 г. они были сокращены до 205 м. р., причемъ, рядомъ съ нѣкоторыми хозяйственными преобразованіями, было произведено сокращеніе штатнаго состава войскъ. Но такой благой примѣръ не нашелъ тогда подражателей, и расходы нашего военнаго вѣдомства снова стали рости и дошли, по обыкновенному бюджету, до суммы 1881 года. Но это только по обыкновенному. Сверхъ того, по чрезвычайному—израсходовано 11 м. р. на перевооруженіе, что впрочемъ, пожалуй, составляетъ не чрезвычайное, а обыкновенное, изъ года въ годъ повторяющееся, удовлетвореніе государственной потребности. Да и кредиты на этотъ предметъ назначаются обыкновенно, съ отпускомъ по частямъ, на нѣсколько лѣтъ, по истеченіи которыхъ несомнѣнно окажется потребность новаго перевооруженія. По росписи на 1891 годъ, обыкновенный расходный бюджетъ военнаго вѣдомства, противъ 1890 года, увеличенъ на 5 м. р., да сверхъ того по чрезвычайному бюджету на перевооруженіе отпущено уже не 10½ м. р., какъ въ 1890 г., а 20 м. р.

---

[1]) Съ 1885 въ расходы по системѣ кредита включены платежи по выкупной операціи (одновременно съ поступленіями этой операціи по доходному бюджету. Такихъ платежей произведено въ 1885 г., по системѣ кредита 55 м. р.; въ 1890 г.—40 м. р.; безъ нихъ расходъ этой системы составитъ 208½ м. р. въ 1885 г. и 223 м. р. въ 1890 году.

Въ параллель съ военными увеличивались и расходы по морскому вѣдомству, преимущественно на кораблестроеніе, такъ какъ предстояло не только усилить балтійскій флотъ, но и вновь создать черноморскій.

Не приводя въ подробности обстоятельствъ, при которыхъ происходило увеличеніе расходовъ по другимъ вѣдомствамъ, состоящихъ въ преобразованіи и развитіи администраціи и государственнаго хозяйства (развитіе новыхъ судебныхъ учрежденій, открытіе новыхъ учебныхъ заведеній, преобразованіе и улучшеніе полиціи въ городахъ и пр. и пр.), мы остановимся на огромномъ увеличеніи расходовъ по системѣ государственнаго кредита.

Нужно однако сказать, что прослѣдить въ точности за всѣми измѣненіями въ расходахъ по системѣ государственнаго кредита и опредѣлить ближайшія причины—трудъ для насъ непосильный; онъ былъ бы нелегокъ и для оффиціальнаго учрежденія. Государственный контроль въ преобразованномъ его видѣ, начавшій свою полную дѣятельность въ 1864 году, лишь пять лѣтъ спустя, къ 1869 году, могъ подвести итогъ государственнымъ долгамъ—и то еще не полный, такъ какъ въ это время, да и долго послѣ, рядомъ съ общимъ вѣденіемъ государственныхъ долговъ существовали отдѣльные спеціальные, хотя и имѣвшіе общегосударственный характеръ, долговые счеты. Только мало-по-малу, чуть не въ теченіе 20 лѣтъ, они примкнули къ общей системѣ государственнаго кредита. Таковы, напр., счеты по долгамъ царства польскаго, желѣзнодорожный фондъ, ликвидація нашихъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій, наконецъ—выкупная операція бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, производившаяся казною и лежавшая все время на ея отвѣтственности.

Общій характеръ расходовъ по системѣ государственнаго кредита въ теченіе 25 лѣтъ составляетъ почти непрерывное ихъ возвышеніе съ 1866 г. до 1888 г. включительно. Общая причина увеличенія долговъ—бюджетные дефициты, постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ, казенныхъ и частныхъ, военные расходы и наконецъ недоимки по платежамъ, причитавшимся и причитающимся отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, а равно и недоимки по нѣкоторымъ другимъ сборамъ.

Хронику этихъ расходовъ можно разбить на три періода: первый изъ нихъ—отъ 1867 года по 1878 г. Расходы, съ нѣкоторыми перерывами, увеличиваются на нѣсколько милліоновъ въ годъ, и отъ 83 м. р. доходятъ въ 1877 г. до 114 м. р. (представляя такимъ образомъ среднюю цифру годичнаго увеличенія около $3^1/_2$ м. р.) въ соотвѣтствіи движенію въ государственныхъ долгахъ, простирав-

шихся къ концу 1869 г. [1]) до 1.854½ милл. рублей и достигшихъ къ концу 1877 года до 2.274 милл. руб. Въ 1878 году расходы по системѣ кредита составили 140 м. р., въ 1878 году—171 м. р. Затѣмъ, непрерывно возвышаясь, они достигли въ 1888 году 239 м. р. [2]). Къ третьему періоду относятся пока только два года: 1889 годъ, въ который расходы по системѣ кредита понизились до 230 м. р., и 1890 г.—съ пониженіемъ этихъ расходовъ до 222 м. р.

Что касается измѣненія въ долговыхъ обязательствахъ казны въ теченіе разсматриваемаго нами періода, то къ 1 января 1870 года они представлялись такими:

1) процентныхъ долговъ	1.248.704.396 р. кр.
2) безпроцентнаго долга (кредитныхъ билетовъ) . .	567.972.166 „ „
3) по займамъ царства польскаго	37.799.231 „ „
Всего. .	1.854.475.793 р.

Къ 1 января 1891 года ихъ состояло:

1) на общегосударственныя потребности.	3.543.768.870 р.
2) по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ	1.516.645.900 „
3) по выкупной операціи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ	461.376.450 „
Всего .	5.521.791.219 р.

Изъ этихъ долговъ долгъ по выкупной операціи можетъ считаться какъ бы особымъ счетомъ, по которому платежи процентовъ и погашенія безъ убытка должны покрываться взносами крестьянъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же предвидѣть по облигаціонному долгу, по которому тяжесть уплатъ въ значительной степени ложится на государственное казначейство [3]). Во всякомъ случаѣ, если даже остановиться на долгахъ первой группы: „на государственныя потребности", то и въ нихъ, сравнительно съ долгомъ 1869 года, оказывается увеличеніе на 1.700.000.000 рублей.

Правда, *долги государственному казначейству* за эти 22 года также значительно наросли: къ 1 января 1870 года ихъ числилось 292.375.068 р.; къ 1 января 1891 года ихъ стало уже 1.330.136.754 руб., болѣе на милліардъ слишкомъ. Изъ этихъ долговъ около 198 милл. руб. по такъ-называемымъ счетамъ распорядительныхъ управ-

---

[1]) Государств. долги 1867 года, по таблицѣ, составленной Э. В. Цѣхановскимъ, бывшимъ главнымъ бухгалтеромъ госуд. контроля, въ прошломъ году скончавшимся, составляли 1.328 м. р. кред. и 433 милл. рублей металлическихъ.

[2]) За исключеніемъ платежей выкупной операціи.

[3]) Въ 1890 году по облигаціямъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ казнѣ пришлось приплатить болѣе 80 милл. рублей.

леній, т.-е. долги, образовавшіеся отъ недоимокъ по податямъ, по пособіямъ казнѣ отъ земствъ, городовъ, обществъ, по долгамъ разнаго рода и т. п., и около 1.132 м. р. за желѣзнодорожными обществами. На какую-либо уплату по долгамъ желѣзныхъ дорогъ разсчитывать трудно; долгъ этотъ можетъ только увеличиваться; за одинъ 1890 й годъ онъ выросъ на 78 милл. рублей.

Закончивъ обзоръ обыкновенныхъ бюджетовъ двадцатипятилѣтія 1866—1890 г., скажемъ нѣсколько словъ о бюджетахъ чрезвычайныхъ. Подвести имъ точный итогъ, какъ мы уже замѣтили, отказывается, повидимому, пока и бухгалтерія государственнаго контроля. Особенно затруднительно исчисленіе чрезвычайныхъ поступленій. Только немногія изъ нихъ (военное вознагражденіе отъ Турціи или Хивы и т. п.) имѣютъ характеръ дѣйствительныхъ доходовъ, при томъ на небольшую сумму. Остальныя состоятъ или изъ суммъ, полученныхъ путемъ займовъ, или изъ суммъ, также имѣющихъ значеніе кредитныхъ операцій: возвратъ долговъ (съ производствомъ новыхъ ссудъ по расходному бюджету, вкладовъ на вѣчное время и проч.); притомъ въ такихъ поступленіяхъ не всегда можно отличить дѣйствительный доходъ отъ кредитной операціи. Поэтому поступленій мы касаться не будемъ и ограничимся приведеніемъ цифръ по тремъ главнѣйшимъ рубрикамъ чрезвычайныхъ расходовъ—военныхъ издержекъ, сооруженія желѣзныхъ дорогъ и сооруженія портовъ, оставляя въ сторонѣ расходы на укрѣпленія, на перевооруженіе, на продовольствіе вслѣдствіе повышенія на него цѣнъ и т. п.

По указаннымъ тремъ видамъ расходовъ въ теченіе 25 лѣтъ 1867—1890 гг. издержано [1]) (съ округленіемъ цифръ):

На военныя потребности	1.107.500.000 р.
Въ томъ числѣ: расходовъ по войнѣ съ Турціей	1.072.997.569 „
По ахалъ-текинской экспедиціи и приготовленіямъ къ войнѣ съ Китаемъ	34.483.949 „
На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и желѣзнодорожныя принадлежности	1.219.000.000 „
На сооруженіе портовъ	68.000.000 „
Итого	2.394 500.000 „

Въ заключеніе напомнимъ, что, какъ это видно изъ отчета го-

[1]) Въ этомъ исчисленіи мы пользуемся „Статистикой государственныхъ финансовъ Россіи въ 1862—84 годахъ, разработанной старшимъ редакторомъ центральнаго статистическаго комитета И. Кауфманомъ", дополняя ее свѣдѣніями изъ отчетовъ государств. контроля.

сударственнаго контроля объ исполненіи росписи 1890 г., къ 1-му января 1891 года въ кассахъ государственнаго казначейства состояло *свободной кассовой наличности* 234.158.246 рублей. Сумма эта, перенесенная въ счеты 1891 года, по пониженному курсу золотого рубля (по 1 р. 60 коп. кр. за золотой рубль, вмѣсто 1 р. 70 к., которые были опредѣлены для росписи 1890 года), равнялась 219.783.055 р. Это сбереженіе, какъ извѣстно, доставило возможность немедленной и достаточной помощи нуждающемуся населенію въ тяжелую постигшую насъ пору, избавивъ отъ необходимости прибѣгать для этого къ займамъ, которые, конечно, были бы весьма обременительны...

Ѳ. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1892.

Политическіе результаты англійскихъ выборовъ.—Дѣятельность Гладстона и его противниковъ. — Эпизоды избирательной кампаніи. — Князь Бисмаркъ и генералъ Каприви.—Отношеніе бывшаго канцлера къ парламентаризму. — Процессъ Караселова и значеніе его для Болгаріи.—Г. Стамбуловъ и „Московскія Вѣдомости".

Перемѣна министерства въ Англіи составляетъ всегда событіе первостепенной важности не только для англичанъ, но и для всей вообще Европы. Политическая группировка великихъ державъ зависитъ часто отъ того, какая партія господствуетъ въ Англіи и кто стоитъ во главѣ лондонскаго кабинета. Понятно, что при лордѣ Сольсбери британская дипломатія дѣйствуетъ иначе и проявляетъ совсѣмъ другія симпатіи, чѣмъ при Гладстонѣ. Для тройственнаго союза, руководимаго Германіею, было чрезвычайно важно имѣть на своей сторонѣ могущественную „владычицу морей", способную сдерживать и даже парализовать флоты Франціи и Россіи въ случаѣ европейской войны. Съ паденіемъ лорда Сольсбери падаютъ прежнія надежды и разсчеты на активное участіе Англіи въ дѣлахъ континентальной международной политики. Партія Гладстона не станетъ поддерживать честолюбивые планы Италіи, не будетъ охранять австрійскіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ и не возьметъ на себя никакихъ обязательствъ относительно Германіи; и если она отступитъ въ чемъ-либо отъ системы невмѣшательства, то скорѣе для огражденія и защиты слабыхъ, чѣмъ для поощренія сильныхъ. Государства тройственнаго союза не могутъ уже опираться на безусловное сочувствіе и поддержку Англіи; предпріимчивые дѣятели на Востокѣ не будутъ уже чувствовать за собою покровительственную руку британской дипломатіи, и многое изъ того, что̀ до послѣдняго времени свободно совершалось, напримѣръ, въ маленькой Болгаріи, сдѣлается болѣе затруднительнымъ и менѣе возможнымъ. Торжество либеральной партіи въ такой странѣ, какъ Англія, имѣетъ свое нравственное значеніе и не проходитъ безслѣдно для общаго хода дѣлъ въ различныхъ частяхъ свѣта.

Въ сущности, нѣтъ принципіальной разницы между направленіями консервативнымъ и либеральнымъ въ Англіи; обѣ соперничествующія партіи вполнѣ сходятся между собою въ основныхъ политическихъ началахъ и воззрѣніяхъ; обѣ стоятъ издавна на одной и той же

парламентской почвѣ, одинаково опираются на свободное общественное мнѣніе, на силу публичнаго слова и неограниченнаго, неустаннаго общественнаго контроля, на свободу печати, публичныхъ собраній и общественнаго самоуправленія. Давно исчезли разногласія въ области элементарныхъ условій правильной и разумной національной жизни; отличіе консерваторовъ отъ либераловъ заключается уже въ оттѣнкахъ, въ степени реформаторской смѣлости и предпріимчивости, въ различіи взглядовъ на сложные и трудные вопросы внутренняго законодательства. Измѣнившійся характеръ англійскаго консерватизма лучше всего освѣщается тѣмъ фактомъ, что значительная часть либераловъ и прогрессистовъ, подъ руководствомъ Чамберлэна и маркиза Гартингтона (нынѣ герцога Девонширскаго), дѣйствовала за-одно съ партіею лорда Сольсбери, въ теченіе шестилѣтняго существованія его министерства. Либералы и прогрессисты, отдѣлившіеся отъ Гладстона изъ-за проекта ирландской автономіи, образовали съ консерваторами одну обширную группу „уніонистовъ", приверженцевъ неприкосновенной „уніи" съ Ирландіею. Эта соединенная партія располагала въ палатѣ общинъ довольно незначительнымъ большинствомъ, доходившимъ до 66 голосовъ къ концу законодательнаго періода. Теперь парламентскіе выборы доставили столь же незначительное большинство Гладстону. Если оставить въ сторонѣ ирландскій споръ и вызванный имъ расколъ въ либеральномъ лагерѣ, то либераловъ вообще выбрано въ Великобританіи (безъ Ирландіи) около 320, а вмѣстѣ съ Ирландіею—болѣе 400 изъ общаго числа 670 членовъ парламента; консерваторовъ же—всего 268, такъ что перевѣсъ либераловъ достигаетъ крупной цифры 134. Но распредѣленіе партій сообразуется теперь спеціально съ разногласіемъ по ирландскому вопросу, и соотвѣтственно этому измѣнены даже названія парламентскихъ группъ: „уніонистамъ" противопоставлены „гладстоновцы", или „сепаратисты" (на языкѣ противниковъ); въ составъ большинства входятъ уже не всѣ либералы, а только безусловные послѣдователи Гладстона и сторонники ирландской реформы, которыхъ насчитывается всего 356 (либераловъ-гладстоновцевъ — 271, ирландцевъ 81, членовъ рабочей партіи—4); уніонистовъ же оказывается 314, а именно 268 консерваторовъ и 46 либераловъ,—всего на 42 голоса меньше, чѣмъ „гладстоновцевъ". Быть можетъ, эти разсчеты, основанные на цифрахъ газеты „Times" (отъ 22-го іюля), только приблизительно вѣрны; но мелкія неточности и ошибки, могущія обнаружиться при созывѣ новаго парламента, не измѣнятъ безспорнаго общаго результата состоявшихся выборовъ. Страна, въ лицѣ избирателей, произнесла свой приговоръ надъ министерствомъ лорда Сольсбери и его партіею, и смыслъ этого приговора ни въ комъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній. По-

бѣда Гладстона недостаточно рѣшительна для проведенія предположеннаго ирландскаго билля, въ виду неизбѣжной оппозиціи палаты лордовъ; но для всѣхъ другихъ вопросовъ законодательства и политики можетъ имѣть силу внушительное либеральное большинство изъ 400 членовъ. Либералы—побѣдители въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ „гладстоновцы" и „сепаратисты"; а послѣ окончательнаго разрѣшенія ирландской проблемы само собою возстановится единство распавшейся либеральной партіи, которая прочно займетъ тогда первенствующее мѣсто въ управленіи общественными и политическими дѣлами Англіи.

Парламентъ былъ распущенъ 28-го іюня, и въ обычной тронной рѣчи, прочитанной лордомъ-канцлеромъ, отдана была справедливость „необычайной дѣятельности" палатъ и „плодотворности" закончившейся сессіи. Глава кабинета, хотя и принадлежащій къ палатѣ лордовъ и потому не имѣющій прямого отношенія къ выборамъ, обратился тѣмъ не менѣе съ особымъ воззваніемъ „къ избирателямъ Соединеннаго королевства". Содержаніе этого документа особенно поучительно для людей, привыкшихъ связывать понятіе о консерватизмѣ съ тупымъ отрицаніемъ народныхъ нуждъ и необходимѣйшихъ реформъ. „Много говорилось въ послѣднее время о вопросахъ внутренняго законодательства,—заявляетъ оффиціальный предводитель англійскихъ консерваторовъ: — и я глубоко признаю ихъ крайне важное значеніе. Уменьшеніе бѣдности, предупрежденіе разорительныхъ споровъ въ торговлѣ, улучшеніе закона о бѣдныхъ, охрана жизни и здоровья промышленнаго населенія—все это предметы, важность которыхъ не легко преувеличить. При существующей нашей конституціи рабочіе классы достаточно могущественны для того, чтобы добиться такихъ мѣръ, которыя они, послѣ обсужденія, сочтутъ полезными и необходимыми для ихъ благосостоянія. Ни одна партія не будетъ имѣть ни власти, ни намѣренія игнорировать ихъ единодушныя желанія. По отношенію къ такого рода мѣрамъ настоящіе выборы представляютъ спеціальный интересъ, потому что эти выборы должны рѣшить, будетъ ли парламентъ имѣть возможность сразу заняться подобными вопросами, или же все его время будетъ поглощено борьбою изъ-за ирландскаго управленія. Политика, которой намѣрено держаться настоящее правительство, съ достаточною ясностью опредѣляется характеромъ его дѣйствій за послѣднія шесть лѣтъ. Министерство практически доказало, что оно не питаетъ отвращенія къ перемѣнамъ, если эти перемѣны требуются благосостояніемъ народа; но оно никогда не забывало, что постоянство и довѣріе необходимы для промышленной жизни. Такія реформы, какъ преобразованіе мѣстнаго управленія въ Великобританіи, введеніе дарового народнаго

обученія, облегченіе хроническихъ бѣдствій въ Ирландіи, имѣютъ болѣе обширное соціальное значеніе, чѣмъ какая-либо изъ другихъ мѣръ, принятыхъ въ нашей странѣ за многіе годы... Мы будемъ дѣйствовать въ томъ же духѣ при обсужденіи крупныхъ вопросовъ, открытыхъ предъ нами,—объ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, о законахъ, касающихся пріобрѣтенія поземельной собственности, о способахъ уменьшенія бѣдности и смягченія ея послѣдствій. Здравая система финансовъ, основанная на миролюбивой политикѣ, позволила намъ понизить налоги, успѣшно приблизить къ разрѣшенію трудные соціальные вопросы и придать флоту и арміи такую матеріальную силу, какою они никогда не обладали раньше и которая однако не превышаетъ дѣйствительной потребности нашей страны среди окружающихъ насъ вооруженныхъ націй". Далѣе, лордъ Сольсбери переходитъ къ главнѣйшему, центральному вопросу, около котораго вертится вся избирательная кампанія,—къ вопросу объ ирландской автономіи. Министръ энергически возражаетъ противъ проектовъ Гладстона, но не потому, что находитъ ихъ слишкомъ радикальными или нежелательными по существу, а только въ виду неизбѣжнаго неудовольствія и сопротивленія протестантовъ, населяющихъ одну изъ ирландскихъ провинцій—Ольстеръ. Министръ предвидитъ даже опасность междоусобной войны въ случаѣ принудительнаго подчиненія ольстерскихъ жителей господству ихъ исконныхъ враговъ, ирландскихъ націоналистовъ-католиковъ.

Указанія и доводы лорда Сольсбери вполнѣ совпадаютъ въ данномъ случаѣ съ утвержденіями „радикала" Чамберлэна и группирующихся около него либеральныхъ дѣятелей. Въ манифестѣ консервативнаго премьера отвергается ирландская реформа не въ силу какихъ-либо консервативныхъ принциповъ, а исключительно по соображеніямъ практической цѣлесообразности и разумности. Ирландскіе автономисты обнаруживали всегда непримиримую вражду къ Англіи, и многіе либеральнѣйшіе англичане не могутъ представить себѣ, чтобы въ руки этихъ же самыхъ націоналистовъ добровольно передана была самостоятельная парламентская власть въ Ирландіи. Предполагается, что ирландскіе патріоты воспользуются достигнутою автономіею для завоеванія полной независимости, что они будутъ создавать постоянные конфликты съ британскимъ парламентомъ и не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не добьются формальнаго отпаденія отъ Великобританіи. Эта точка зрѣнія настойчиво проводится въ избирательномъ воззваніи ближайшаго помощника лорда Сольсбери, Бальфура, предводителя консервативной партіи въ палатѣ общинъ,—такъ же точно какъ и въ обращеніи лорда Рандольфа Чёрчилля къ избирателямъ его въ Паддингтонѣ. Бальфуръ и Чёрчилль выражаются

лишь рѣзче и сильнѣе, чѣмъ лордъ Сольсбери: первый называетъ проекты „сепаратистовъ“ опасными и нелѣпыми, а второй — безумными. Лордъ Чёрчилль высказываетъ готовность отнестись съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ новѣйшимъ, ясно опредѣлившимся требованіямъ рабочаго класса. Бальфуръ, какъ „первый лордъ казначейства“, обѣщаетъ заняться вопросами о дальнѣйшемъ развитіи мѣстнаго самоуправленія въ Англіи и о распространеніи его на Ирландію, о многихъ важныхъ задачахъ, связанныхъ съ интересами труда —объ отвѣтственности хозяевъ за поврежденіе здоровья рабочихъ, о поощреніи бережливости, поддержаніи бѣдныхъ въ старости и т. п. Нельзя, конечно, заподозрить лорда Сольсбери и его сотрудниковъ въ неискренности, въ желаніи привлечь избирателей заманчивыми обѣщаніями реформъ для сохраненія власти въ своихъ рукахъ. Убѣжденія англійскихъ консерваторовъ дѣйствительно не имѣютъ ничего общаго съ старымъ шаблоннымъ консерватизмомъ, для котораго одно упоминаніе о народныхъ требованіяхъ и объ интересахъ рабочаго класса представляется уже чѣмъ-то недозволительнымъ.

Избирательная борьба велась горячо съ обѣихъ сторонъ. Престарѣлый Гладстонъ удивлялъ всѣхъ неутомимою энергіею, бодрою свѣжестью и разнообразіемъ своихъ рѣчей. Въ воззваніи къ избирателямъ мидлотіанскаго округа онъ вкратцѣ объяснилъ главнѣйшіе пункты своей программы, начиная съ ирландскаго вопроса и кончая различными предметами соціально-рабочаго законодательства. То, что сдѣлано въ этой области до сихъ поръ,—говоритъ Гладстонъ,—служитъ залогомъ и гарантіею дальнѣйшихъ успѣховъ, а дальнѣйшій прогрессъ требуется соціальною справедливостью и общественнымъ благосостояніемъ. „Умѣряя свои дѣйствія справедливымъ и безпристрастнымъ размышленіемъ, мы можемъ постепенно приближаться къ разрѣшенію великой задачи—смягченія трудностей жизни и расширенія способовъ умственнаго и нравственнаго совершенствованія“. Гладстонъ сознаетъ, что ему едва-ли удастся видѣть результаты нынѣшнихъ усилій. „Въ этотъ шестидесятый годъ моей политической жизни,—заявляетъ онъ въ концѣ своего манифеста,—я по необходимости чувствую, что это послѣдніе всеобщіе выборы, по поводу которыхъ я могу еще обращаться къ избирателямъ, и что мнѣ придется участвовать лишь въ небольшой и спеціальной долѣ предстоящей намъ работы“. Это сознаніе какъ будто усиливало и возбуждало лихорадочную дѣятельность Гладстона. Въ Честерѣ, куда онъ выѣхалъ для поддержанія кандидата своей партіи, какая-то пьяная женщина бросила ему въ лицо со всего размаха большой кусокъ засохшаго хлѣба и попала почти прямо въ глазъ; рана причинила сильную боль, и однако черезъ пять минутъ Гладстонъ былъ

уже на платформѣ передъ толпою собравшагося народа и произнесъ длинную и остроумную рѣчь; затѣмъ уже онъ допустилъ къ себѣ врачей и долженъ былъ, по ихъ совѣту, не выходить изъ своей комнаты въ теченіе двухъ дней. Оправившись, онъ тотчасъ приступилъ къ своей мидлотіанской избирательной кампаніи—говорилъ въ Карлейлѣ, Эдинбургѣ, Глазговѣ, Стоу, Горбриджѣ, Далькейтѣ и Корсторфинѣ. Въ своей эдинбургской рѣчи онъ изложилъ въ общихъ чертахъ программу ирландскаго преобразованія: британскій парламентъ сохранитъ высшую власть надъ Ирландіею; протестантское меньшинство будетъ обезпечено отъ несправедливыхъ посягательствъ или злоупотребленій большинства, при помощи цѣлесообразныхъ законныхъ мѣръ, и еслибы даже нѣкоторыя мѣстности съ преобладающимъ протестантскимъ населеніемъ пожелали отдѣлиться отъ остальной Ирландіи и остаться подъ непосредственнымъ управленіемъ британскаго парламента, то и такое желаніе будетъ серьезно принято въ соображеніе. Но Гладстонъ надѣется, что ольстерскіе протестанты не раздѣляютъ приписанныхъ имъ опасеній и плановъ и не рѣшатся внести разладъ въ дѣло ирландской автономіи. Въ Глазговѣ ораторъ говорилъ преимущественно на тему о тщетныхъ попыткахъ премьера оживить религіозную рознь въ Ирландіи, о невѣрности ссылокъ на господство католическихъ священниковъ и о неправильныхъ уступкахъ самого лорда Сольсбери по отношенію къ римской куріи. Въ Стоу и особенно въ Горбриджѣ затронуты были стоящіе на очереди вопросы, касающіеся рабочаго класса,—о стачкахъ, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, объ участіи рабочихъ въ полученіи прибыли отъ предпріятій. Гладстонъ полагаетъ, что увеличеніе доли рабочаго въ доходѣ было бы болѣе существенно для благосостоянія рабочихъ, чѣмъ простое сокращеніе числа рабочихъ часовъ; дѣло именно въ томъ, что въ союзѣ труда и капитала первый получаетъ слишкомъ мало, а второй—черезъ-чуръ много. Величина рабочаго дня можетъ быть установлена въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, по добровольному соглашенію рабочихъ и хозяевъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ промышленныхъ условій; капиталисты-предприниматели не долго будутъ въ состояніи противодѣйствовать единодушнымъ желаніямъ трудящихся населеній, но прежде всего необходимо, чтобы сами рабочіе пришли къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ взглядамъ и поддерживали ихъ единодушно. Установленіе общей и однообразной нормы рабочаго дня закономъ, привело бы, по мнѣнію Гладстона, къ излишней стѣснительной регламентаціи, къ ненужному вмѣшательству въ частныя и хозяйственныя дѣла отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго промышленно-рабочаго класса; но все, что можно

съ пользою сдѣлать для рабочихъ, будетъ всегда поддержано и исполнено либеральною партіею.

Во время своей мидлотіанской поѣздки Гладстонъ говорилъ почти ежедневно, а иногда два раза въ день; всего онъ произнесъ за недѣлю пять большихъ рѣчей, о которыхъ помѣщены болѣе или менѣе подробные отчеты въ газетахъ; краткіе же спичи не считаются. За тотъ же періодъ избирательной борьбы самые энергическіе и подвижные вожди „уніонистовъ“, Бальфуръ и Чамберлэнъ, говорили по четыре раза, а Гошенъ—только два раза. Если личное честолюбіе играетъ роль для молодыхъ, полныхъ жизни дѣятелей, привыкшихъ смотрѣть въ будущее, то для такого человѣка, какъ Гладстонъ, не могутъ уже существовать никакіе эгоистическіе или честолюбивые планы. Онъ посвящаетъ свои послѣднія силы безкорыстному служенію общественнымъ интересамъ не потому, что онъ исключительная личность, а потому, что такова политическая атмосфера въ Англіи: масса людей спеціально хлопочетъ и волнуется по поводу вопросовъ общаго блага и политики, и каждый считаетъ публичное, общественное дѣло какъ бы своимъ личнымъ, важнѣйшимъ дѣломъ. Даромъ служить и работать въ мѣстномъ управленіи, ставить себѣ высшею цѣлью честолюбія избраніе въ члены парламента для болѣе широкой и столь же безвозмездной общественной службы,—такова обычная программа наиболѣе образованныхъ и состоятельныхъ представителей молодыхъ поколѣній въ Англіи. Въ избирательную борьбу бросается множество лицъ, не могущихъ ожидать для себя ничего другого, кромѣ крупныхъ матеріальныхъ расходовъ и нравственныхъ потрясеній и непріятностей; даже счастливые кандидаты, попавшіе въ парламентъ, вознаграждаются одними лишь обязательствами и повинностями, иногда довольно тягостными. „Политическій инстинктъ, — замѣчаетъ не безъ справедливой гордости „Times“, — очевидно, такъ же силенъ въ англійскомъ обществѣ, какъ и прежде; стремленіе принадлежать къ публичному собранію столь же значительно, какъ и въ былое время. Въ большинствѣ случаевъ это стремленіе вполнѣ свободно отъ болѣе вульгарныхъ формъ самолюбія; человѣкъ борется больше за свою партію и за свое дѣло, чѣмъ за себя самого. И пока это остается правиломъ, сохраняется вѣра въ свободное управленіе въ Англіи, а если въ Англіи, то и во многихъ другихъ странахъ свѣта, видящихъ въ ней примѣръ и поощреніе“.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ избирательнаго движенія слѣдуетъ упомянуть о выборѣ одного индуса, по имени Наороджи, который является первымъ представителемъ туземнаго населенія Индіи въ британскомъ парламентѣ. „Появленіе индійскаго туземца въ англійской палатѣ общинъ,—по словамъ одной изъ консервативныхъ лон-

донскихъ газетъ,—есть событіе интересное, даже романтическое; слѣдить за этимъ опытомъ будетъ тѣмъ болѣе любопытно, что онъ не можетъ часто повторяться". Еще больше вниманія, по понятнымъ причинамъ, возбудилъ успѣхъ одного изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей рабочаго класса, Джона Бэрнса, выставленнаго кандидатомъ Гладстона. „Во всѣхъ отношеніяхъ желательно, — говоритъ буржуазно охранительный „Times",—чтобы человѣкъ, обладающій такимъ вліяніемъ, какъ онъ, занялъ мѣсто въ парламентѣ, и мы съ величайшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ его избраніе въ одномъ изъ гладстоновскихъ округовъ. Можно думать, что онъ не окажется особенно покорнымъ и послушнымъ членомъ палаты; но, какъ м-ръ Брэдло при подобныхъ же обстоятельствахъ, онъ научится многому изъ того, чего онъ теперь совершенно не знаетъ". Вбирая въ себя выдающіяся и наиболѣе энергичныя живыя силы народа, парламентъ открываетъ имъ широкое поле дальнѣйшей законной дѣятельности и незамѣтно превращаетъ смѣлыхъ народныхъ агитаторовъ въ полезныхъ участниковъ законодательства и политики. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ приходилось часто встрѣчать въ англійскихъ газетахъ насмѣшливые отзывы о радикальныхъ выходкахъ и заявленіяхъ Лабушера; этотъ Лабушеръ не разъ смущалъ палату своими обстоятельными и вполнѣ откровенными доводами противъ всякихъ ассигнованій добавочныхъ суммъ членамъ королевской фамиліи при достиженіи совершеннолѣтія, или по случаю замужства, женитьбы и т. п. Теперь этотъ самый республиканецъ Лабушеръ считается весьма вѣроятнымъ членомъ будущаго либеральнаго кабинета, и со временемъ изъ него можетъ выйти такой же солидный и уравновѣшенный государственный мужъ, какъ Гошенъ или бывшій маркизъ Гартингтонъ. Въ политическіе дѣятели хотѣлъ попасть и извѣстный путешественникъ Стэнли, выступившій кандидатомъ отъ партіи „уніонистовъ", но, несмотря на всѣ старанія и краснорѣчіе его жены, онъ выбранъ не былъ.

Новый парламентъ долженъ собраться 4-го августа (н. ст.), и судьба министерства лорда Сольсбери рѣшится формально послѣ первыхъ же засѣданій, когда будетъ поставленъ вопросъ о довѣріи къ кабинету. Гладстонъ, принявъ власть въ свои руки, займется прежде всего подготовленіемъ обѣщаннаго ирландскаго билля, и умы не успокоятся въ Англіи до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены давнишнія требованія и стремленія лучшихъ людей Ирландіи. Роль лондонскаго кабинета во внѣшней политикѣ сдѣлается по необходимости болѣе пассивною и сдержанною; а это обстоятельство представляетъ собою лишній и довольно вѣскій шансъ въ пользу сохраненія общаго мира въ Европѣ.

Оригинальная полемика князя Бисмарка съ правительствомъ Вильгельма II продолжаетъ волновать умы нѣмецкихъ патріотовъ. Бывшій имперскій канцлеръ заявилъ своимъ поклонникамъ въ Киссингенѣ, что семья его совѣтуетъ ему воздержаться отъ дальнѣйшихъ публичныхъ заявленій, но что онъ молчать не можетъ. Но кому пришло бы въ голову требовать, чтобы знаменитый государственный дѣятель, составляющій гордость Германіи, отказался отъ права выражать свои мнѣнія о политическихъ дѣлахъ и интересахъ имперіи, хотя бы эти мнѣнія были несогласны со взглядами его преемника, генерала Каприви, и даже самого императора? Никто этого и не думалъ, а напротивъ, нѣмецкія газеты всѣхъ оттѣнковъ находятъ, что страна могла бы только выиграть отъ совѣтовъ и указаній князя Бисмарка. И тѣмъ не менѣе самые преданные ему органы нѣмецкой печати обнаруживаютъ крайнее недовольство и прискорбіе по поводу рѣчей и бесѣдъ бывшаго канцлера. Лондонскій „Times", который долженъ считать вполнѣ естественнымъ оппозиціонный тонъ отставного министра, видитъ, однако, въ откровеніяхъ князя Бисмарка признаки нравственнаго упадка и „вырожденія". Дѣло, очевидно, не въ самомъ правѣ критики, а въ способѣ и характерѣ его примѣненія. Князь Бисмаркъ имѣлъ бы полную возможность обсуждать и осуждать политику правительства въ имперскомъ сеймѣ, въ качествѣ депутата, и нѣмецкая публика была бы въ восторгѣ отъ этой перспективы. Но въ дѣйствительности онъ предпочитаетъ наносить правительству удары посредствомъ сужденій, разоблаченій и намековъ чисто личнаго свойства, пользуясь для этого услугами случайныхъ газетныхъ репортеровъ и корреспондентовъ, преимущественно заграничныхъ. А чисто личныя и притомъ крайне безцеремонныя пререканія по предметамъ, касающимся важныхъ интересовъ государства, производятъ всегда тягостное впечатлѣніе.

Впрочемъ, и оффиціальные противники князя Бисмарка не съумѣли сохранить надлежащее самообладаніе и вступили на тотъ же путь мелочныхъ закулисныхъ нападеній и уколовъ, въ ущербъ авторитету власти. Трудно понять, почему генералъ Каприви счелъ нужнымъ обнародовать два документа, содержаніе которыхъ могло только компрометтировать его самого и еще болѣе усилить общественныя симпатіи къ „павшему величію". Въ первомъ документѣ, относящемся къ 1890 году и имѣющемъ характеръ циркулярнаго посланія къ германскимъ миссіямъ за границей, приводится какое-то различіе между „прежнимъ Бисмаркомъ" и нынѣшнимъ, а по поводу слуховъ о примиреніи съ императоромъ заявляется категорически, что во всякомъ случаѣ никакого положительнаго вліянія на дѣла бывшій канцлеръ имѣть уже не будетъ. При чтеніи этого посланія, обнародо-

ваннаго недавно въ „Имперскомъ Указателѣ", нѣмецкая публика должна была задаваться вопросами, на которые нельзя было ждать разумнаго отвѣта. Какое различіе можетъ существовать между прежнимъ Бисмаркомъ и нынѣшнимъ, кромѣ развѣ того, что до 20-го (8) марта 1890 года онъ занималъ постъ имперскаго канцлера, а послѣ этого числа очутился противъ воли въ отставкѣ? Вѣдь немыслимо же предположить, что на 76-мъ году жизни князь Бисмаркъ вдругъ измѣнился, что его качества и принципы, его воззрѣнія, привычки и способы дѣйствія стали другими, чѣмъ прежде. Онъ несомнѣнно тотъ же, какимъ былъ раньше, съ тою только разницею, что прежде онъ имѣлъ власть и былъ доволенъ своимъ положеніемъ, а теперь не имѣетъ власти и раздраженъ нанесенной ему обидой. Если прежде политическія мнѣнія Бисмарка пользовались большимъ авторитетомъ, то почему надо было заявить такъ категорически еще въ 1890 году, что совѣты его не будутъ уже больше принимаемы правительствомъ? Развѣ чѣмъ-нибудь доказано было, что совѣты и указанія умнѣйшаго и дальновиднѣйшаго государственнаго человѣка Германіи были бы неудачны или излишни при канцлерствѣ генерала Каприви? Не принесены ли въ данномъ случаѣ въ жертву общіе національные интересы чисто личнымъ и мелкимъ побужденіямъ самолюбія? Заранѣе отказываться отъ услугъ и вліянія князя Бисмарка послѣ его отставки не было, конечно, основанія, и нѣмецкое общество не можетъ сочувствовать заявленію новаго канцлера, сдѣланному еще въ 1890 году.

Еще болѣе странное впечатлѣніе производитъ другой документъ, напечатанный въ „Имперскомъ Указателѣ",—письмо къ германскому послу въ Вѣнѣ, принцу Рейссу, по поводу предстоявшаго пріѣзда князя Бисмарка на свадьбу сына его графа Герберта съ графинею Гойошъ. Генералъ Каприви предписываетъ принцу Рейссу и всему составу посольства не принимать приглашенія на свадьбу и избѣгать сношеній съ бывшимъ канцлеромъ, прежнимъ начальникомъ и другомъ посла въ теченіе многихъ лѣтъ. Объ этомъ приказѣ поручено также довести до свѣденія графа Кальноки, такъ что князь Бисмаркъ былъ оффиціально объявленъ опальнымъ передъ чужимъ правительствомъ, съ которымъ онъ самъ же заключилъ союзъ въ 1879 г., и съ которымъ почти цѣлыхъ двадцать лѣтъ поддерживалъ самыя близкія и дружественныя отношенія, не только дипломатическія, но и личныя. Вмѣшательство генерала Каприви въ семейное торжество и въ частныя дѣла и сношенія князя Бисмарка въ Вѣнѣ было само по себѣ оскорбительно для послѣдняго, а отчасти обидно и для принца Рейсса, и для австрійской придворной аристократіи, которой какъ-будто указывалось изъ Берлина, какъ ей держать себя относи-

для этого денегъ отъ членовъ или агентовъ нашего славянскаго благотворительнаго общества, и особенно старались увѣрить судей, что обо всемъ этомъ зналъ или догадывался Каравеловъ. Въ доказательство участія Россіи во всѣхъ этихъ мелкихъ заговорахъ и покушеніяхъ, читались на судѣ невѣроятные документы, заимствованные будто бы изъ оффиціальной переписки нашего министерства иностранныхъ дѣлъ; такъ, напр., въ одной бумагѣ принцъ Фердинандъ формально объявленъ „внѣ закона", и голова его предоставлена въ распоряженіе всякаго желающаго. Обычныя выдачи денежныхъ пособій нуждающимся болгарскимъ эмигрантамъ изъ средствъ нашего славянскаго общества представлены были въ видѣ прямой поддержки преступныхъ плановъ правительствомъ „враждебной державы", такъ какъ полученныя деньги могли идти на пріобрѣтеніе оружія и т. п.

Въ результатѣ такого своеобразнаго судьбища явился суровый обвинительный приговоръ, по которому четверо осуждены на смертную казнь, а двѣнадцать человѣкъ — къ продолжительному тюремному заключенію на разные сроки. Каравеловъ, противъ котораго не удалось привести никакихъ серьезныхъ уликъ, присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ на пять лѣтъ. Смертная казнь была затѣмъ совершена въ Софіи надъ четырьмя осужденными, посредствомъ повѣшенія. Въ одной изъ распространеннѣйшихъ изъ нашихъ газетъ мы встрѣтили по этому поводу слѣдующее любопытное извѣстіе: „Всѣ осужденные по дѣлу Бельчева, въ томъ числѣ и повѣшенные (!!), при объявленіи имъ о единственномъ ихъ правѣ подачи, вмѣсто кассаціонныхъ протестовъ, просьбъ Стамбулову о помилованіи, наотрѣзъ отказались отъ этого; Каравеловъ, кромѣ того, велѣлъ передать Стамбулову, что придетъ время, когда Стамбуловъ у Каравелова будетъ просить помилованія" („Новое Время", отъ 18-го іюля). Нельзя, конечно, удивляться тому, что объявленіе повѣшеннымъ уже людямъ о правѣ просить о помилованіи осталось безъ послѣдствій; но и живые еще осужденные и особенно Каравеловъ должны были считать совершенно напраснымъ униженіемъ просить милости у Стамбулова, ибо они не могли не видѣть, что судьба ихъ была рѣшена заранѣе, еще до судебнаго разбирательства. Судились эти люди по поводу убійства Бельчева только потому, что представилась возможность примѣнить къ нимъ турецкіе законы о разбойникахъ и разбойничьихъ шайкахъ; подъ прикрытіемъ этихъ законовъ можно было устроить военный судъ надъ людьми, виновными лишь, быть можетъ, въ намѣреніи произвести переворотъ или въ сочувствіи къ заговорамъ противъ принца Фердинанда и его перваго министра. Мудрено было бы назначить смертную казнь или продолжительное тюремное

заключеніе за одни намѣренія и планы; а связавъ эти намѣренія съ убійствомъ Бельчева и примѣнивъ къ дѣлу законы о разбойникахъ, можно было казнить людей за преступленія, которыхъ они еще не пытались совершить, или которымъ только сочувствовали въ принципѣ.

Подобный способъ легальной расправы съ противниками имѣетъ, разумѣется, мало общаго съ правосудіемъ. Невозможно, напр., сомнѣваться въ томъ, что Каравеловъ упрятанъ въ тюрьму и приговоренъ къ дальнѣйшему заключенію только какъ неудобный для правительства и популярный въ странѣ представитель оппозиціи, а вовсе не какъ участникъ преступныхъ покушеній: въ его сообщничество съ убійцами не вѣрили сами судьи. А между тѣмъ процессъ по дѣлу Бельчева принятъ даже солидными нѣмецкими газетами за нѣчто вполнѣ серьезное и убѣдительное; берлинская „National Zeitung" (отъ 23-го іюля, н. ст.) оправдываетъ рѣшимость софійскихъ правителей „накрыть цѣлое гнѣздо опасныхъ или опороченныхъ личностей, и между ними духовнаго главу недовольныхъ, Каравелова, и сдѣлать ихъ безвредными на болѣе или менѣе продолжительное время". Та же газета, ссылаясь на читанные предъ судомъ „русскіе" документы, даетъ имъ полную вѣру и дѣлаетъ изъ нихъ соотвѣтственные выводы; она прямо утверждаетъ, что „рядомъ съ заговорщиками сидѣла на скамьѣ подсудимыхъ Россія, и на этотъ разъ оффиціальная, обремененная тяжелыми уликами". Газета упустила при этомъ изъ виду то простое соображеніе, что никакая дипломатическая канцелярія не станетъ вести оффиціальную переписку объ устройствѣ заговоровъ и покушеній, въ родѣ болгарскихъ, и что уже одно черезъ-чуръ откровенное содержаніе мнимыхъ русскихъ бумагъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно о грубой и неумѣлой поддѣлкѣ. Къ сожалѣнію, наше дипломатическое вѣдомство очень замедлило опроверженіемъ и разъясненіемъ оскорбительныхъ для насъ сплетенъ и слуховъ, выдаваемыхъ за факты; а въ западной Европѣ привыкли считать молчаніе заинтересованныхъ дѣятелей и учрежденій за доказательство вѣрности сообщаемыхъ о нихъ свѣденій. Такъ же точно и болгарскіе эмигранты, какъ г. Цанковъ, ничего не дѣлаютъ для ознакомленія заграничныхъ и нашихъ газетъ съ текущими внутренними дѣлами Болгаріи, съ фактическимъ ходомъ правительственной и общественной дѣятельности въ этой странѣ, а ограничиваются изрѣдка личными нападками и спорами, не представляющими никакого общаго интереса. Оттого повсюду устанавливается и распространяется мнѣніе, что въ Болгаріи господствуетъ миръ и спокойствіе, благодаря твердому и энергическому управленію Стамбулова, и что вра-

гами мирнаго внутренняго развитія являются лишь безпокойные честолюбцы, эмигранты и заговорщики, дѣйствующіе по наущенію и при поддержкѣ „чужой державы". При такомъ взглядѣ даже явныя беззаконія, какъ судъ и приговоръ по дѣлу Каравелова, находятъ нѣкоторое оправданіе и защиту въ органахъ европейской журналистики.

Намъ не разъ приходилось указывать на произвольность и неосновательность обычныхъ отзывовъ нашей „патріотической" печати о Болгаріи и ея нынѣшнихъ дѣятеляхъ; постоянныя напоминанія о „самозванствѣ" правителей, о незаконности „лже-князя" и его лжеминистровъ, о нарушеніи берлинскаго трактата и т. п. ставили вопросъ на почву чисто формальную и не позволяли серьезно относиться къ сообщеніямъ и разсужденіямъ о насиліяхъ, совершаемыхъ будто бы софійскими „палочниками". Негодованіе нашихъ „патріотическихъ" газетъ по поводу этихъ насилій—дѣйствительныхъ или мнимыхъ—вызывалось только тѣмъ фактомъ, что „палочники" дѣйствуютъ отъ имени и подъ руководствомъ людей, полномочія которыхъ не признаны европейскою дипломатіею установленнымъ порядкомъ. Все дѣло какъ будто въ отсутствіи этого формальнаго признанія, а не въ самомъ характерѣ дѣйствій болгарскихъ правителей. Притомъ наибольше негодовали и возмущались противъ болгарскихъ беззаконій именно тѣ изъ нашихъ публицистовъ, которые обыкновенно сами проповѣдовали необходимость крутыхъ мѣръ и настойчиво домогались устраненія законности и „правового порядка" въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ, судебныхъ и административныхъ. Эта внутренняя фальшь въ разсужденіяхъ нашихъ патріотовъ подрывала все значеніе ихъ рѣзкихъ отзывовъ о правительственной практикѣ, усвоенной въ Болгаріи. Нежелательныя особенности въ ходѣ болгарскихъ дѣлъ, какъ мы говорили не разъ, объясняются прежде всего ненормальнымъ, исключительнымъ положеніемъ княжества среди трудныхъ и неопредѣлившихся еще международно-политическихъ условій; но намъ кажется, что въ послѣдніе годы это исключительное положеніе становится фактически все болѣе постояннымъ и прочнымъ. благодаря полному невмѣшательству Россіи и несомнѣнному покровительству и поддержкѣ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ. Поэтому нѣтъ уже прежняго оправданія для такихъ сомнительныхъ дѣлъ, какъ военный судъ надъ Каравеловымъ по турецкимъ законамъ о разбойникахъ. Это судьбище съ его печальнымъ результатомъ было уже не только несправедливостью, но и крупною политическою ошибкою. Общественное мнѣніе въ Европѣ легко можетъ измѣниться относительно Болгаріи, такъ какъ сочувствіе народовъ и прави-

тельствъ не пріобрѣтается суровыми приговорами и казнями. Процессъ Каравелова сильнѣе повредилъ принцу Фердинанду и его министрамъ, чѣмъ всѣ нападки нашихъ газетныхъ патріотовъ.

„Московскія Вѣдомости" тоже негодуютъ по поводу дѣйствій Стамбулова; но въ сущности этотъ болгарскій министръ есть только вѣрный истолкователь и исполнитель тѣхъ политическихъ правилъ и идей, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ неустанно и краснорѣчиво излагаются на страницахъ московской газеты. Мы видимъ здѣсь странное недоразумѣніе между людьми одного лагеря и направленія. Стамбуловъ не признаетъ законности и ставитъ на ея мѣсто произвольное усмотрѣніе; „Московскія Вѣдомости" всегда доказывали, что такъ именно долженъ поступать истинный патріотъ своего отечества. Стамбуловъ отрицаетъ самостоятельное значеніе суда и превращаетъ его въ простое орудіе администраціи; „Московскія Вѣдомости" всегда отстаивали этотъ же самый взглядъ и горячо воевали противъ „судебной республики", т.-е. противъ самостоятельности судебныхъ функцій и независимости ихъ отъ личнаго произвола. Стамбуловъ держится системы тѣлесныхъ наказаній и пользуется содѣйствіемъ „палочниковъ"; „Московскія Вѣдомости" также стоятъ за широкое примѣненіе розогъ и усердно рекомендуютъ порку для успѣшнаго разрѣшенія разныхъ внутреннихъ вопросовъ. Стамбуловъ сажаетъ противниковъ въ тюрьму и отдаетъ подъ судъ неудобныхъ для него либераловъ, въ родѣ Каравелова; „Московскія Вѣдомости" съ удовольствіемъ дѣлали бы то же, еслибы могли, и всегда съ неуклонною настойчивостью добивались признанія всѣхъ вообще несогласныхъ съ ними лицъ и особенно либераловъ—измѣнниками и врагами отечества, которыхъ нужно преслѣдовать и карать безъ пощады. Стамбуловъ не выноситъ парламентской болтовни и общественнаго контроля; „Московскія Вѣдомости" питаютъ отвращеніе къ публичнымъ рѣчамъ и къ самоуправленію.

Очевидно, Стамбуловъ всецѣло усвоилъ и примѣнилъ къ дѣлу главнѣйшіе принципы и требованія „Московскихъ Вѣдомостей" въ области внутренней политики. Почему же почтенная газета не узнаетъ теперь своего собственнаго дѣтища и нападаетъ на него за примѣненіе ея же всегдашнихъ идей? Или на практикѣ газетѣ показалось уродствомъ то самое, во имя чего она издавна борется въ теоріи? Правда, во многихъ отношеніяхъ „Московскія Вѣдомости" идутъ гораздо дальше Стамбулова и смѣло распространяютъ на всю Европу такіе взгляды и выводы, которые можно было бы высказывать развѣ

только спеціально въ примѣненіи къ Болгаріи. „Московскія Вѣдомости“ увѣрены, что повсюду въ Европѣ, и особенно въ Германіи, чувствуется потребность въ усвоеніи тѣхъ именно порядковъ, которые Стамбуловъ такъ быстро и энергично вводитъ въ Болгаріи. Нѣмецкому народу,—если вѣрить почтенной газетѣ,—надоѣлъ либерализмъ, надоѣли „прелести правового порядка“ и „свободныхъ учрежденій“, ибо нѣмцы знаютъ, что при существованіи и дальнѣйшемъ развитіи этихъ свободныхъ учрежденій „дѣлается невозможнымъ появленіе Бисмарковъ и Мольтке“ (см. передовую статью „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 7-го іюня). Извѣстно вѣдь, что Бисмаркъ и Мольтке выростаютъ и дѣйствуютъ только въ странахъ, гдѣ нѣтъ парламентовъ; извѣстно также, что въ парламентахъ засѣдаютъ „парламентскіе болтуны“, отъ которыхъ и проистекаютъ всякія бѣдствія. Почтенная газета однимъ почеркомъ пера уничтожила Гладстона, Биконсфильда, Гамбетту и нечаянно самого Бисмарка, такъ какъ всѣ они говорили много и краснорѣчиво въ парламентахъ, и слѣдовательно, по терминологіи „Московскихъ Вѣдомостей“, были „парламентскими болтунами“. Газета могла бы вспомнить, что „болтуны“ бываютъ и въ печати и во всѣхъ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности; и вездѣ ихъ оцѣниваютъ по заслугамъ, и простые болтуны никогда не возбудятъ интереса и вниманія къ своимъ рѣчамъ, а выдвинуться имъ въ парламентѣ неизмѣримо труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

„Московскія Вѣдомости“ дѣлаютъ еще другое оригинальное открытіе, до котораго не дошелъ еще вѣроятно г. Стамбуловъ, — а именно, что всякій вообще либералъ есть возможный анархистъ и слѣдовательно убійца, ибо „надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть той прямой дороги, которая ведетъ отъ либерализма къ анархизму“ теоретиковъ, а „отъ нихъ къ Равашолямъ всевозможныхъ типовъ и темпераментовъ“ (№ 170, отъ 21-го іюня). Наши друзья, французы, уже окончательно погибли: даже судьи, приговорившіе Равашоля къ смерти, вполнѣ солидарны съ этимъ преступникомъ, который „есть плоть отъ плоти ихъ и кость отъ костей ихъ“, который „созданъ этими самыми великими принципами великой революціи, осквернявшей алтари и обращавшей церкви въ казармы“. Судьи засѣдали въ зданіи бывшаго монастыря, и это невольно заставляетъ газету „вспомнить слова о мерзости запустѣнія, стоящей въ святомъ мѣстѣ“ (тамъ же). Если ужъ французскіе судьи столь ужасны, то что̀ сказать о господствующихъ во Франціи республиканцахъ и даже радикалахъ? Какъ могутъ послѣ этого „Московскія Вѣдомости“ поддерживать дружбу съ французами, которые всѣ безъ изъятія преданы, по мень-

шей мѣрѣ, либерализму, ведущему прямо къ анархизму и слѣдовательно къ убійству? Нѣтъ теперь въ Европѣ такой страны, гдѣ не господствовалъ бы всецѣло либеральный духъ; а отъ либерализма рукой подать до анархіи и преступленій. Въ виду такой отчаянной перспективы, „Московскія Вѣдомости“ должны не только одобрять Стамбулова, истребляющаго либеральный духъ въ Болгаріи, но ставить его въ примѣръ всѣмъ другимъ европейскимъ правительствамъ. Надѣяться же на то, что сами нѣмцы и другіе народы добровольно отрекутся отъ либерализма и отъ свободныхъ учрежденій, которыя надоѣли будто бы „Московскимъ Вѣдомостямъ“, — довольно трудно.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го августа 1892.

— Д. И. *Эварницкій. Исторія Запорожскихъ козаковъ.* Томъ первый. Съ 22 рисунками. Спб. 1892.

Въ послѣдніе годы г. Эварницкій издалъ цѣлый рядъ сочиненій, посвященныхъ различнымъ изслѣдованіямъ по запорожской старинѣ. Онъ подробно изучалъ топографію земель, которыя нѣкогда были гнѣздомъ запорожскаго войска, перебиралъ архивы, въ которыхъ могли найтись какія-либо письменныя свидѣтельства для его исторіи, собиралъ матеріальные остатки запорожской старины, и въ настоящее время возъимѣлъ планъ изложить цѣлую исторію запорожскаго войска. Въ своемъ предисловіи онъ такъ говоритъ объ этомъ планѣ: „Въ основаніе настоящаго труда легло десятилѣтнее изученіе жизни и военныхъ дѣяній запорожскихъ козаковъ, прославившихъ себя безсмертными подвигами въ борьбѣ за вѣру, народность и отечество. Вся „Исторія Запорожскихъ козаковъ", по плану автора, выйдетъ въ трехъ томамъ, причемъ первый томъ посвященъ исключительно изображенію внутренняго быта запорожской общины, второй и третій томы посвящены фактическому изложенію событій козаческихъ дѣяній, начиная съ конца XV и кончая второю половиной XVIII вѣка. Главнымъ пособіемъ при изображеніи судебъ Запорожья, помимо печатныхъ южно-русскихъ лѣтописей, польскихъ хроникъ и различныхъ мемуаровъ, для автора труда служили писанные документы, разбросанные во многихъ мѣстахъ Россіи по государственнымъ архивамъ и частнымъ хранилищамъ (въ Одессѣ, Кіевѣ, Екатеринославлѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Архангельскѣ, Соловецкомъ монастырѣ) и такъ или иначе касающіеся жизни и военныхъ подвиговъ запорожскихъ козаковъ. Но кромѣ архивныхъ матеріаловъ въ основаніе „Исторіи" легло и многолѣтнее изученіе авторомъ топографіи запорожскаго края: изученію топографіи

края авторъ всегда придавалъ огромное и первѣйшее значеніе, и потому, прежде чѣмъ взяться за изображеніе историческихъ судебъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ, онъ много разъ объѣзжалъ всѣ мѣста бывшихъ Сѣчей, много разъ плавалъ по Днѣпру, спускался черезъ пороги, осматривалъ острова, балки, лѣса, шляхи, кладбища, церковныя древности, записывалъ козацкія пѣсни, народныя преданія, вскрывалъ погребальные курганы и изучалъ всѣ болѣе или менѣе значительныя частныя и общественныя собранія запорожскихъ древностей. Во всемъ этомъ онъ руководился исключительно любовью (и ничѣмъ другимъ) къ запорожскимъ козакамъ, зародившеюся у него еще съ очень ранняго дѣтскаго возраста, когда отецъ его, „грамотѣй-самоучка", читалъ ему безсмертное произведеніе Гоголя „Тарасъ Бульба" и заставлялъ шестилѣтняго мальчика рыдать горькими слезами надъ страшною участью героя повѣсти. Впечатлѣніе дѣтства такъ было сильно, что привело автора, уже въ зрѣломъ возрастѣ, сперва къ пѣшему хожденію, а потомъ и къ поѣздкамъ по запорожскимъ урочищамъ; эти поѣздки изъ года въ годъ повторялись и подъ конецъ сдѣлались для него столь же необходимы, какъ необходимы человѣку пища, питье и воздухъ".

Авторъ сознается, что юношескія впечатлѣнія отразились сначала на его трудахъ нѣкоторыми увлеченіями, которыя онъ впослѣдствіи сознал и постарался исправить въ новѣйшемъ трудѣ, въ который вошла нѣкоторая доля его прежнихъ изысканій. Какъ сказано, „Исторія Запорожскихъ козаковъ" разсчитана на три тома и первый изъ нихъ посвященъ изображенію внутренняго запорожскаго быта. Авторъ начинаетъ съ опредѣленія границъ „вольностей", т.-е. земель, считавшихся собственностью запорожцевъ, съ тѣхъ поръ какъ онѣ опредѣлялись нѣкогда распоряженіями польскихъ королей, и въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ до 1775 года, когда онѣ въ послѣдній разъ назначены были русскимъ правительствомъ передъ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи. Далѣе, авторъ излагаетъ гидрографію, топографію, климатическія условія запорожскаго края, производительность земли, флору и фауну. Затѣмъ—исторія и топографія восьми запорожскихъ сѣчей; составъ, основаніе и число славнаго запорожскаго низоваго товарищества; войсковое и территоріальное дѣленіе Запорожья; войсковыя, куренныя и паланочныя рады у запорожскихъ козаковъ; административныя и судебныя власти въ запорожскомъ низовомъ войскѣ; суды, наказанія и казни; одежда и вооруженіе; запорожскіе войсковые клейноды; характеристика запорожскаго козака; домашняя жизнь запорожцевъ въ Сѣчи, на зимовникахъ и бурдюгахъ; церковное устройство у запорожскихъ козаковъ; самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь; охрана границъ вольностей запорожскихъ;

мусульманскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ; положеніе христіанъ въ мусульманской неволѣ; христіанскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ; вооруженныя силы и боевыя средства; сухопутные и морскіе походы; хлѣбопашество, скотоводство, рыболовство, звѣроловство, огородничество и садоводство; торговля, промыслы и ремесла; доходы войска запорожскаго низоваго, грамотность, канцелярія и школа, почтовыя учрежденія у запорожскихъ козаковъ.

Какъ въ прежнихъ изданіяхъ, такъ и здѣсь авторъ иллюстрируетъ свое изложеніе рисунками, съ цѣлью удовлетворить историческому любопытству, но вмѣстѣ доставить матеріалъ для тѣхъ, кто хотѣлъ бы „художественно изобразить тотъ или другой моментъ изъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ"; при этомъ онъ пользовался между прочимъ указаніями и альбомами И. Е. Рѣпина. Рисунки, исполненные недурно, очень интересны. Мы находимъ здѣсь напр.: изображеніе запорожскаго козака изъ „Вооруженія россійскихъ войскъ"; нѣсколько изображеній Ненасытецкаго порога; церковныя мѣста, кресты и памятники; знамена, бунчукъ, литавры, пушки, мортиры, печати паланокъ и одного кошевого первой половины прошлаго столѣтія; перначъ, сабля, пороховница, нагайка, булавы, козацкія лодки и суда по Боплану; разбѣги татаръ; изображенія запорожскихъ козаковъ по Ригельману.

Интересъ труда г. Эварницкаго не требуетъ объясненій; масса подробностей, собранныхъ изъ литературы, собственныхъ поѣздокъ и разслѣдованій, изъ пѣсенъ и преданій и т. д., даетъ широкую картину внутренняго быта Запорожья, къ которому авторъ сохранилъ немалую долю своего прежняго юношескаго пристрастія. Будемъ съ интересомъ ожидать довершенія этого труда, гдѣ автору предстоитъ нелегкая задача защитить любимое Запорожье отъ тѣхъ суровыхъ сужденій, которыя были высказаны о немъ другими историками, особливо Соловьевымъ. Историку Запорожья трудно обойти эту точку зрѣнія, которая видѣла въ цѣломъ козачествѣ только эпизодъ извращенія соціальной жизни, когда другимъ, именно многимъ малорусскимъ писателямъ, она представлялась своеобразной формой народнаго быта, создавшейся въ исключительно тяжкую его пору и оказавшей самому національному цѣлому великія услуги. Каковы бы ни были упомянутые упреки, козачество было столь широкимъ явленіемъ, многіе вѣка занимавшимъ мѣсто въ народной жизни, что опредѣленіе его значенія составляетъ во всякомъ случаѣ чрезвычайно важный историческій вопросъ, болѣе глубокій, чѣмъ казалось историкамъ, находившимъ для него одно осужденіе.

— Н. М. *Ядринцевъ. Сибирь какъ колонія* въ географическомъ и историческомъ отношеніи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, иллюстрированное 16 сибирскими видами и типами. Спб. 1892.

Первое изданіе книги г. Ядринцева вышло десять лѣтъ тому назадъ, въ тотъ годъ, когда праздновалось трехсотлѣтіе Сибири, какъ русской земли. Книга встрѣчена была тогда съ большимъ интересомъ: она представляла для того времени единственное нѣсколько полное обозрѣніе внутреннихъ отношеній Сибири, въ особенности экономическихъ и культурныхъ; имя автора, одного изъ наиболѣе заслуженныхъ изслѣдователей края, придавало книгѣ авторитетъ точныхъ свѣденій и серьезной постановки вопроса. Сочиненіе г. Ядринцева тогда же обратило на себя вниманіе въ литературѣ европейской и появилось въ нѣмецкомъ переводѣ, съ значительными добавленіями, г. Петри, нынѣшняго профессора петербургскаго университета, а тогда профессора въ Бернѣ. Настоящее второе изданіе книги весьма значительно отличается отъ перваго: оно почти вдвое больше по объему и дополнено, кромѣ новыхъ свѣденій по прежнимъ отдѣламъ, нѣкоторыми новыми отдѣлами. Цѣлью автора при первомъ изданіи книги было дать историческую и современную картину нашего дальняго востока, о которомъ въ массѣ общества обращаются весьма неполныя, часто одностороннія или даже совсѣмъ ложныя представленія, и указать, что при лучшихъ условіяхъ этотъ дальній востокъ, представляющій въ концѣ концовъ проявленія той же русской народности, можетъ стать страною богатства и довольства. Съ тѣхъ поръ интересъ къ Сибири, возбужденный тогда знаменательнымъ юбилеемъ, выросъ еще сильнѣе, и новое изданіе сочиненія г. Ядринцева, между прочимъ, отвѣчаетъ этимъ новымъ вопросамъ, которые съ тѣхъ поръ потребовали усиленнаго вниманія власти и общества. „Принадлежа къ поколѣнію, стремившемуся сознательно отнестись къ нуждамъ своей родины и быть ей полезнымъ,—говорилъ авторъ при первомъ изданіи своего труда,—мы старались внести посильную дань въ изученіе ея вопросовъ, вѣруя, что другія поколѣнія, одушевленныя тою же любовью, выполнятъ послѣдующія задачи гораздо полнѣе и лучше нашего". „Мы не измѣнили тона книги,—говоритъ авторъ теперь,—такъ какъ упованія и надежды на лучшую будущность края не замерли и не исчезли, но должны были получить нѣкоторую поддержку въ общемъ движеніи жизни и въ постепенномъ развитіи гражданскихъ и духовныхъ силъ отдаленной области".

Послѣднія десять лѣтъ, со времени юбилея, не прошли для Сибири даромъ,—говоритъ г. Ядринцевъ. „Общественная жизнь края сдѣлала замѣчательные шаги; въ послѣднія десять лѣтъ появились

изслѣдованія по различнымъ вопросамъ мѣстной жизни, литература о Сибири пріумножилась. Послѣдовали такого рода измѣненія въ жизни края, которыя могутъ быть признаны началомъ обновленія, напримѣръ введеніе правилъ новаго судопроизводства на окраинѣ, преобразованіе общественнаго сельскаго управленія, открытіе Томскаго университета и т. п. Въ самомъ сибирскомъ обществѣ появились признаки болѣе сознательнаго отношенія къ своимъ вопросамъ. Общество стало болѣе чутко въ пониманіи своихъ нуждъ, что обнаружилось различными заявленіями къ 300-лѣтію, крупными пожертвованіями на университетъ, на народное просвѣщеніе, на общественные музеи, библіотеки и т. д. Такимъ образомъ, послѣдовавшее десятилѣтіе за 300-лѣтіемъ должно получить значеніе новаго историческаго періода. Эти явленія за послѣднія десять лѣтъ въ общественной жизни мы не могли не отмѣтить въ своемъ новомъ изданіи".

Въ каждой главѣ прежняго изложенія сдѣланы дополненія и указана новая литература по различнымъ вопросамъ, какіе въ нихъ были затронуты. Но и кромѣ того новое изданіе внесло другія значительныя дополненія. Первое изданіе очень мало коснулось географіи и природы Сибири; здѣсь авторъ посвятилъ четыре новыхъ главы географическимъ и климатическимъ условіямъ Западной и Восточной Сибири и Амурской области, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ нѣтъ спеціальнаго географическаго учебника о Сибири. Далѣе, прибавлены особыя главы о кустарныхъ промыслахъ, объ общественной жизни сибирскихъ городовъ, объ исторіи сибирской печати.

Г. Ядринцевъ исполненъ лучшими надеждами на будущее своей родины. Природныя условія Сибири обѣщаютъ богатое развитіе разнообразной промышленности; пробуждающаяся сознательная жизнь общества доставитъ дѣятелей; но для настоящей минуты авторъ не скрываетъ отъ себя многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя замедляютъ приближеніе этого благопріятнаго будущаго. Сибири недостаетъ учрежденій, которыя дали бы просторъ и возбужденіе мѣстнымъ силамъ; Томскій университетъ все еще остается при одномъ факультетѣ; само общество еще не организовалось,—но все болѣе сложныя потребности жизни побуждаютъ само правительство поднять общественныя силы. „Причиной безжизненности и слабаго развитія общественной жизни Сибири,—говоритъ г. Ядринцевъ,—считалось отсутствіе мѣстной интеллигенціи и недостатокъ вообще образованныхъ людей, посвящающихъ всецѣло свои силы и таланты окраинѣ. Настоящіе образованные люди являлись сюда или временно, мимолетно, или смотрѣли на мѣстную среду слишкомъ высокомѣрно и съ пренебреженіемъ. Отъ этого являлся антагонизмъ и разладъ между пріѣзжими и туземцами. Сами образованные сибиряки или чужда-

лись Сибири (порождался абсентеизмъ), или число ихъ было такъ ничтожно, что они опускались и стушевывались въ массѣ невѣжественнаго большинства". Нѣкоторые обличители сибирской жизни упрекали образованныхъ сибиряковъ, что они не возвращались на родину; г. Ядринцевъ отвѣчаетъ на это, что не возвращались они просто потому, что въ Сибири не было ни тѣхъ учрежденій, ни вообще той атмосферы, при которыхъ возможна работа образованнаго человѣка.

„Въ Сибири недоставало сплоченнаго круга образованныхъ людей, который бы поднималъ тонъ жизни и оказывалъ на нее вліяніе. Въ средѣ сибиряковъ, при отсутствіи возбуждающихъ стимуловъ, не проявлялось настоящей любви къ своей родинѣ, воодушевленія и беззавѣтной преданности принести пользу ей и способствовать ея обновленію. Между тѣмъ безъ этого ядра и почвы невозможно было дѣйствовать ни администратору, ни реформатору, какъ Сперанскій, исполненному лучшихъ желаній, ни пріѣзжему образованному человѣку. Бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Н. Г. Казнаковъ, отправляясь въ Сибирь, поэтому испросилъ Высочайшаго разрѣшенія выработать проектъ сибирскаго университета, указывая на то, что наступило время и „мѣстнымъ уроженцамъ Сибири" дать образованіе, безъ чего преуспѣяніе этого края немыслимо и усилія администраціи пересоздать здѣсь строй жизни останутся безплодными. Общественныя стремленія и желанія некому было формулировать и высказать. Десятки лѣтъ появлялась только масса проектовъ или изъ головы фантазеровъ и теоретиковъ, или какъ плодъ бюрократическаго творчества, расходящагося съ живыми потребностями общества и народа. Между тѣмъ, заботясь о путяхъ сообщенія, объ экономическомъ преуспѣяніи страны, о развитіи тѣхъ или другихъ промысловъ, высшее правительство не разъ выражало желаніе знать мнѣніе мѣстныхъ компетентныхъ людей. Амурскій генералъ-губернаторъ, баронъ Корфъ, созвалъ съѣздъ разныхъ чиновъ, администраторовъ и мѣстныхъ знающихъ людей въ Хабаровкѣ, гдѣ разсматривались и обсуждались нужды и потребности амурскаго района. Въ управленіе иркутскаго генералъ - губернатора, графа Игнатьева, созываются волостные начальники при обсужденіи вопроса о волостныхъ повинностяхъ и т. д. Нечего говорить, что въ подобныхъ случаяхъ въ сферѣ земскихъ, городскихъ, промышленныхъ и общественныхъ вопросовъ мнѣніе образованныхъ туземцевъ было бы важно. Поэтому созданіе въ Сибири образованнаго класса изъ лицъ, преданныхъ своему краю и изучившихъ свои мѣстныя нужды и дѣла, является желательнымъ и должно разсматриваться какъ необходимое условіе, sine qua non преуспѣянія окраины. Ростъ, развитіе, богатство и

слава колоніи лежатъ въ зиждительныхъ и творческихъ силахъ самого общества“ (стр. 659—661).

До тѣхъ поръ, пока установится этотъ внутренній бытъ Сибири и просвѣщеніе пріобрѣтетъ свои права, авторъ не рѣшается загадывать о будущемъ значеніи Сибири въ азіатскомъ мірѣ. „Пока, — говоритъ онъ,—при существующихъ условіяхъ и только-что формирующемся гражданскомъ строѣ общества на окраинѣ, при слабомъ культурномъ развитіи страны, бѣдной промышленностью, отсутствіи мануфактуръ и фабрикъ, при медленно проникающемъ просвѣщеніи и большинствѣ невѣжественнаго и безграмотнаго земледѣльческаго населенія, трудно мечтать, чтобы славянская колонія на Востокѣ имѣла важное и рѣшающее значеніе въ судьбѣ азіатскихъ государствъ и народовъ“. Даже наша торговля съ азіатскими странами до сихъ поръ не могла получить настоящаго развитія. Но нѣтъ сомнѣнія, что страны Востока не могутъ оставаться замкнутыми и изолированными, и между прочимъ русская наука приняла дѣятельное участіе въ ихъ изслѣдованіи на ряду съ наукой европейской. Таковы, напр., труды нашихъ новѣйшихъ путешественниковъ, направляющихся въ глубину Азіи. „Завоевательные шаги науки ведутъ къ инымъ цѣлямъ и задачамъ — совершенно мирнаго характера и должны быть близки всѣмъ національностямъ. Это задачи объединенія, обмѣна знаніями, распространенія культуры и цивилизаціи, т.-е. тѣ задачи, которыя составляютъ непреложное стремленіе человѣческаго прогресса... Русскія колоніи на Востокѣ и сѣверъ Азіи, занятый славянской народностью, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, не могутъ остаться чуждыми тѣмъ же культурнымъ задачамъ, а стало быть не могутъ и не создать своей колоніальной политики по отношенію къ Азіи. Если бы даже онѣ и игнорировали эту цѣль, то историческія событія и законы выдвинутъ насъ на эту дорогу“. Авторъ думаетъ, что важнымъ событіемъ будетъ здѣсь проведеніе главной линіи желѣзной дороги черезъ Сибирь къ Тихому океану: къ этой линіи должны со временемъ присоединиться желѣзные пути, которые соединятъ сѣверъ съ югомъ и направятся въ центръ Азіи, къ Китаю, къ Кореѣ, къ Тибету и Индіи. Нѣкогда это будетъ міровая дорога, по которой будетъ совершаться экономическій и культурный обмѣнъ Азіи и Европы. Авторъ не загадываетъ, чѣмъ выразится этотъ обмѣнъ, но не сомнѣвается въ его громадныхъ послѣдствіяхъ: „духовное сближеніе народовъ дастъ новые результаты для цивилизаціи двухъ міровъ, какъ и воспріятіе европейской культуры народами коснѣвшей въ застоѣ Азіи. Вызванные на историческую арену, эти народы могутъ примкнуть къ общечеловѣческой семьѣ, обнаруживъ таланты, дарованія, и, можетъ быть, въ

нихъ проснется тотъ уснувшій временно геній древности, который, создавъ цѣлые культы и вѣрованія, творилъ первоначальныя цивилизаціи въ Индіи, Вавилонѣ, на берегахъ Евфрата и оказалъ немалую заслугу человѣчеству" (стр. 718—719). Во всякомъ случаѣ, когда проснется азіатскій міръ, не послѣднею будетъ и роль культурныхъ странъ на сѣверѣ Азіи, и г. Ядринцевъ высказываетъ, конечно, мысли лучшихъ сибирскихъ патріотовъ, когда выражаетъ желаніе, чтобы нашей отдаленной и забытой окраинѣ была, наконецъ, дана возможность развернуть свои силы и принять участіе на ряду съ другими народами въ дѣлѣ человѣческаго преуспѣянія.

„Въ интересахъ человѣчества, какъ и въ интересахъ русской народности, наступаетъ такимъ образомъ время призвать наши окраины къ новой жизни, пробудить ихъ общественныя силы къ самодѣятельности и тѣмъ положить начало новому историческому періоду. Признаніе совершеннолѣтія общества, дарованіе ему гражданскихъ правъ, удовлетвореніе общечеловѣческихъ стремленій есть священнѣйшій долгъ метрополіи по отношенію ко всякой молодой, развивающейся на ея рукахъ, странѣ, великая обязанность, налагаемая на нее Провидѣніемъ передъ лицомъ всего человѣчества и будущей исторіи".

— *Павелъ Пирлингъ. Россія и Востокъ.* Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Иванъ III и Софія Палеологъ. Спб. 1892.

Авторъ книги—нашъ соотечественникъ, находящійся въ орденѣ іезуитовъ и потому проживающій за границей. Подобно его сотоварищу по ордену, г. Мартынову, много работающему по русской церковной старинѣ, г. Пирлингъ также обратился къ изученію старой русской исторіи, пользуясь для этого иностранными архивами. Результатомъ трудовъ г. Пирлинга въ этомъ направленіи было нѣсколько сочиненій по разнымъ вопросамъ нашей старой исторіи, доставляющихъ не мало новыхъ фактовъ и соображеній. Таково было изданіе извѣстій о посольствѣ Поссевина, извлеченныхъ изъ документовъ іезуитскаго ордена: „Ant. Possevini Missio Moscovitica, ex annuis litteris Societatis Jesu excerpta et adnotationibus illustrata"; нѣсколько изслѣдованій по исторіи XVI-го вѣка: „Rome et Moscou" (1547—1579); „Un nonce du pape en Moscovie" (1582); „Le Saint Siège, la Pologne et Moscou" (1582—1587); затѣмъ къ Петровской эпохѣ относится книга: „La Sorbonne et la Russie" (1717—1747). Въ прошломъ году вышла наконецъ и книжка, которая является теперь въ русскомъ переводѣ. Является она, безъ сомнѣнія, кстати, и надо бы желать, чтобы переведены были и другія сочиненія г. Пирлинга,

которыя будутъ интересны и для спеціалистовъ, и для любителей русской исторіи.

Предметъ настоящаго изслѣдованія есть событіе, давно обратившее на себя вниманіе нашихъ историковъ по своей знаменательной важности—бракъ Ивана III съ Софьей (Зоей) Палеологъ; но до сихъ поръ исторія этого событія оставалась очень темной, какъ трудно было опредѣлить и тѣхъ посредниковъ, которые играли при этомъ роль—Ивана „Фрязина" и его племянника Антона. „Фрязинъ" было первоначально вовсе не собственное, а нарицательное имя для иноземца романскаго происхожденія, въ данномъ случаѣ — итальянца (остальные западные иностранцы были „нѣмцы"). Многіе важные историческіе вопросы, замѣчаетъ авторъ, остаются темны или потому, что современные памятники сохранили о нихъ лишь скудныя извѣстія, или потому, что историки не даютъ этимъ рѣдкимъ источникамъ довольно вниманія: „оттого могутъ пройти цѣлые вѣка, пока разъяснится дѣло и разрѣшатся сомнѣнія". Такъ было и здѣсь. Возникновеніе восточнаго вопроса связано съ этимъ бракомъ Ивана III и Софьи; значеніе событія было хорошо понято на западѣ, гдѣ паденіе Константинополя подняло великую тревогу и создавало планы новыхъ крестовыхъ походовъ; думали, что въ общей войнѣ противъ опаснаго врага приметъ участіе Россія. Несмотря, однако, на это, о бракѣ Ивана III, начало котораго было положено въ Ватиканѣ, осталось очень мало извѣстій у западныхъ историковъ, а также въ русскихъ лѣтописяхъ, разсказы которыхъ нуждаются въ повѣркѣ. Но и тѣ источники, какіе есть, не были достаточно обслѣдованы историками, между прочимъ и русскими, для которыхъ этотъ предметъ былъ, кажется, всего ближе.

Г. Пирлингъ предпринялъ это изслѣдованіе извѣстныхъ источниковъ, а кромѣ того ему удалось открыть и нѣсколько новыхъ документовъ, „при помощи которыхъ можно отчасти передѣлать эту страницу исторіи". Это въ особенности документы итальянскіе.

„Венеціанскіе архивы послужили точкой отправленія для нашихъ изысканій. Мы смогли отождествить знаменитаго Ивана Фрязина съ Джаномъ Баттистой делла-Вольпе и его племянника Антона съ Антономъ Джисларди. Исторгнутые изъ полумрака легенды, оба главные дѣятеля въ устройствѣ брака Зои и татарскаго союза стали историческими личностями. Образъ ихъ дѣйствій раскрылся теперь, и о немъ можно судить не наугадъ. Изъ Виченцы, гдѣ была ихъ родина, мы получили любопытныя свѣденія объ ихъ общественномъ положеніи, объ ихъ семьяхъ, чѣмъ мы обязаны аббату Морсолину, оказавшему намъ содѣйствіе своимъ блестящимъ образованіемъ.

„Государственные архивы Рима вывели на свѣтъ настоящее имя

легата, посланнаго Сикстомъ IV въ Москву—то былъ не кто иной, какъ епископъ Аччіи, Антонъ Бонумбре.

„Вооружившись этими свѣдѣніями, мы послѣдовали за византійской принцессой въ ея путешествіе изъ Рима въ Москву чрезъ Италію и Германію. Витербо, Сіенна, Болонья, Виченца, Нюренбергъ, Любекъ—свидѣтели ея проѣзда—разсказали о празднествахъ, данныхъ по этому случаю, и передали впечатлѣнія зрителей.

„Главный интересъ сосредоточивается около брака, заключеннаго, подъ покровительствомъ папъ, между православнымъ государемъ Москвы и принцессой византійской, считавшейся католичкой, между Иваномъ III и Зоей Палеологъ. Какъ увидимъ, Вольпе пустилъ въ ходъ здѣсь всѣ средства своего изобрѣтательнаго ума и незастѣнчивой совѣсти. Намъ кажется, что это — новый достовѣрный фактъ, пріобрѣтенный исторіей.

„Союзъ съ дочерью цезарей, воспитанной въ Римѣ, поставилъ русскихъ въ болѣе частыя соприкосновенія съ Европой и принудилъ ихъ высказаться въ восточномъ вопросѣ.

„Мы набросали очеркъ первыхъ дипломатическихъ опытовъ этой державы, предназначенной играть столь важную роль въ мірѣ. Событія и время съ тѣхъ поръ сильно измѣнили международныя отношенія, но часто одно прошлое можетъ объяснить неожиданности настоящаго. Тщетна надежда узнать современную Россію, не восходя глубже въ ея исторію".

Въ концѣ концовъ факты этой исторіи въ первый разъ разъясняются съ достаточной полнотой и передъ нами проходятъ историческія лица съ опредѣленными характерами; между прочимъ Иванъ Фрязинъ является съ его настоящимъ итальянскимъ именемъ Вольпе и съ характеромъ политическаго авантюриста, отвѣчающимъ его имени (Лисица).

Переводъ исполненъ обстоятельно; напрасно только византійскій историкъ Франтцесъ (Phrantzes) или Франтца названъ „Франдзи". — А. В.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Арнольдъ, Юрій.—Воспоминанія. Выпускъ II. Москва, 92. 8°. IV, 253 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Арсеньевъ, А. В.—Старыя бывальщины. Историческіе очерки и картинки. Спб. 92. 12°. 349 стр. Ц. 1 р.

Бальзакъ, Он.—Отецъ семейства (Père Goriot). Романъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 92. Изданіе А. С. Суворина (Дешевая библіотека). 16°. 386 стр. Ц. 35 к., въ папкѣ 43 к.

Бородинъ, Н.—Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. Москва, 92. 8°. 349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Брокгаузъ, Ф. А., *Ефронъ*, И. А., издатели. Энциклопедическій словарь. Томъ VI—а. Винословіе—Воланъ. Спб. 92. Большое 8°. Стр. 489—944, въ два столбца.

Будринъ, П. В.—Опыты съ зеленымъ удобреніемъ и замѣтки о значеніи его для русскаго сельскаго хозяйства. Докладъ, читанный въ Петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ, 7 января 1892 года. Спб., 92. 8°. 55 стр. и таблицы. Ц. 40 к.

Веберъ, К. К.—Нужды нашего народнаго хозяйства. Спб. 92. 8°. 120 стр. Ц. 50 к.

Велизарій, Евгеній.—Стихотворенія. 2-е изданіе, дополненное. Одесса, 92. 8°. 64 стр.

Витберіъ, Ѳ. А.—Н. В. Гоголь и его новый біографъ. (По поводу книги г. Шенрока: „Матерьялы для біографіи Гоголя". Т. I. Москва, 1892). Спб. 92. 8°. 40 стр. Ц. 30 к.

Диккенсъ.—Давидъ Копперфильдъ Младшій, его жизнь, приключенія, опыты и наблюденія. Часть четвертая. Переводъ съ англійскаго. Спб. Изд. Суворина (Дешевая библіотека). 16°. 297 стр. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

Добротворскій, Петръ.—Разсказы, очерки и наброски (мысли въ картинахъ и образахъ). М., 92. 8°. VI и 166 стр. Ц. 1 рубль.

Кайгородовъ, Димитрій, профессоръ Спб. Лѣсного института.—Изъ зеленаго царства. Популярные очерки изъ міра растеній (со многими рисунками). Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 92. 8°. 304 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Кара-Куль, С. К.—О пространствѣ и времени. Одна глава изъ приготовляемой къ изданію книги „О Единствѣ Силъ Души". Одесса, 92. 8°, 25 стр. (Не назначается въ продажу).

Лермонтовъ, М. Ю.—Избранныя стихотворенія (1814—1841). Книжка I. Для средняго возраста. 30 стр. Книжка II. Для старшаго возраста. 91 стр. Книжка III. Для зрѣлаго возраста. 120 стр. Изданіе И. Ѳ. Жиркова. 12°. М. 92. Цѣна 5, 15 и 20 к.

Лилiенфельдъ, В. К.—Пояснительная записка по поводу дѣятельности и намѣченныхъ цѣлей Высочайше утвержденнаго Товарищества для производства и примѣненія огнеупорнаго состава Ѳ. Г. Бабаева. Спб. 92. 8°. 12 и 46 стр.

Максимовъ, Евг. и *Вертеповъ*, Г. Туземцы сѣвернаго Кавказа. Историко-статистическіе очерки. Выпускъ первый. Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказъ, 92. 8°. 187 стр. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д.—Символы (Пѣсни и поэмы). Богъ.—Смерть.—Францискъ Ассизскій.—Вѣра.—Легенды.—Семейная идиллія.—Конецъ вѣка.—Воронъ.—Возвращеніе къ природѣ.—Прометей. Спб. 92. 8°. 424 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Моревъ, Д. Д. Руководство политической экономіи. Изданіе третье, дополненное. Спб., 92. 8°. VIII, 315 стр. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А.—Русскія дѣтскія подвижныя игры. Съ 37 рисунками. Изданіе журнала „Вѣстникъ Воспитанія". Москва, 92. 8°. 128 стр. Ц. 75 коп.

Семеновъ, А. В.—Р. Джеббъ, орд. проф. кембриджскаго университета. Гомеръ. Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ. Съ англійскаго перевелъ съ согласія автора А. С. Спб., 92. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 12°. VII, 227 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сомье, профессоръ. О Башкирахъ. Переводъ О. Н. Олениной, подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. П. Никольскаго. Екатеринбургъ, 91. 8°. 42 стр. (Извлечено изъ Зап. Уральскаго Общ. люб. естествознанія, т. XIII).

Сычевскій, С. И.—Уилльямъ Шекспиръ. Лекціи. Съ портретомъ С. И. Сычевскаго, предисловіемъ С. П. Сычевской и біографіей С. И. Сычевскаго — П. Виноградскаго. Одесса, 92. 8°. XI, 143 стр.

Трескинъ, Н.—Сѣверный край Европейской Россіи и его промыслы. Изд. Суворина (Дешевая библіотека). 16°. 108 стр. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.

Тьерри, Огюстенъ. Разсказы изъ временъ Меровинговъ. Переводъ Н. Трескина. Спб. 92. 16°. 368 стр. Изданіе Суворина (Дешевая библіотека). Ц. 35 к., въ папкѣ 48 к.

Фарраръ, Ф.—Святой Василій Великій (Lives of the Fathers). Переводъ съ англійскаго. Спб. 92. 16°. 78 стр. Изд. Суворина (Дешевая библіотека). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

—— Святой Григорій Богословъ (Lives of the Fathers). Переводъ съ англійскаго. Спб. 92. 16°. 126 стр. Изд. Суворина (Дешевая библіотека). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

Шарловскій, I.—Нѣкоторыя разъясненія по русскому ударенію. (По поводу рецензіи на „Русскую Просодію", напеч. въ Журн. М. Н. Просв.). Херсонъ, 1892. 8°. 37 стр. Ц. 20 к.

Шахтъ, А. А.—Пожары и страхованіе отъ огня въ Россіи, въ наблюденіяхъ и замѣткахъ. Москва, 92. 8°. 69 стр. Ц. 30 к.

Внѣшняя торговля по Европейской границѣ 1891. (Второе заглавіе: Свѣденія о внѣшней торговлѣ по Европейской границѣ и о таможенныхъ сборахъ, за 1891 г.). Изданіе Департамента таможенныхъ сборовъ. Спб., 92. 4°. 91 стр.

Двадцать третій годовой Отчетъ Высочайше утвержденнаго общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи. За 1891 годъ. Спб., 92. 8°. 97 стр.

Казанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по свѣденіямъ, полученнымъ отъ корреспондентовъ, за 1891 г. Годъ седьмой. (Статистическое бюро Казанскаго губернскаго земства). Казань, 92. 8°. IV, 541 стр. Съ картой.

Маріуполь и его окрестности. Отчетъ объ учебныхъ экскурсіяхъ Маріупольской Александровской гимназіи. Изданіе почетнаго попечителя Д. А. Хараджаева. Маріуполь, 92. 8°. 461, 55 стр. съ рисунками, нотами и картою.

Обзоръ дѣятельности Калужскаго земства за первое двадцатипятилѣтіе. Выпускъ первый. Губернскія земскія учрежденія въ періодъ дѣятельности Губернской Земской Управы 1-го состава 1865—1869. Калуга. 1891. 4°. 126, 132 и 24 стр.

Общество попеченія о народномъ образованіи въ г. Барнаулѣ за 1891 г. Общество существуетъ съ 7 октября 1884 года. Годъ седьмой. Барнаулъ, 92. 12°. 72 стр.

Объ охраненіи могилъ ученыхъ и литераторовъ. (Проектъ устава Общества для этой цѣли). (Цензурное дозволеніе 28 мая 1892). 8°. 15 стр.

Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1891 годъ. Съ приложеніемъ докладовъ и отчетовъ губернской управы. Новгородъ. 92. Огромный томъ, со многими пагинаціями, 4°.

Сборникъ Херсонскаго земства. 1892. Годъ двадцать пятый. № 5. Май. Херсонъ. 92. XVIII, 243 стр.

Стенографическій отчетъ XXVII очередного Новгородскаго губернскаго земскаго собранія. Съ 10 по 22 января 1892 года. Новгородъ. 92. 8°. 13 и 288 стр.

Hasdeu, B. P.—Strat si Substrat. Genealogia poporelor Balcanice. Introducere la tomul III din Etymologicum magnum Romaniae. Bucuresci, 1892. 4°. XXXVII стр., съ картами.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Leo N. Tolstoj, sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung. Von Raphael Löwenfeld. Erster Theil. Berlin, 1892. Стр. 295.

Годъ тому назадъ въ Берлинѣ появилась небольшая брошюра того же автора, подъ заглавіемъ: „Gespräche über und mit Tolstoy"; эта брошюра послужила ему подготовительнымъ трудомъ, программою, въ которой авторъ познакомилъ читателей впередъ съ тѣми средствами, какими онъ располагаетъ для составленія полной біографіи гр. Л. Н. Толстого. Мы имѣли уже случай говорить по поводу этой брошюры [1]; нынѣ вышелъ первый томъ обѣщанной въ ней біографіи, которая, согласно плану біографа, должна обнять не только жизнь, но и всю литературную дѣятельность гр. Толстого, а также его „міровоззрѣніе".

Въ первомъ томѣ авторъ останавливается на началѣ 60-хъ годовъ, и именно на 1863-мъ годѣ, которымъ онъ отдѣляетъ первый періодъ жизни гр. Толстого отъ послѣдовавшаго затѣмъ десятилѣтія, ознаменованнаго появленіемъ въ свѣтъ его двухъ капитальныхъ произведеній: „Война и Миръ" и „Анна Каренина". Это десятилѣтіе войдетъ въ составъ содержанія второго тома. Главная же задача перваго тома состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, кàкъ вся предъидущая жизнь гр. Толстого, начиная съ первой его молодости, и вся дѣятельность на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ— на военномъ, на Кавказѣ и въ Крыму, подъ Севастополемъ; на литературномъ, въ Петербургѣ, въ кружкѣ „Современника"; за границею, гдѣ гр. Толстой впервые ознакомился лично съ тѣмъ, что̀ тамъ сдѣлано было уже давно на пользу просвѣщенія народныхъ массъ и поднятія ихъ матеріальнаго благосостоянія — кàкъ все это послужило для выработки гр. Толстымъ того особаго міровоззрѣнія, при помощи котораго онъ успѣлъ сначала создать два замѣчательнѣйшіе литературные памятника нашей эпохи, а затѣмъ, отложивъ въ сторону перо, сдѣлать примѣненіе того же міровоззрѣнія лично къ са-

[1] „Вѣстн. Европы", 1891, сентябрь, стр. 421—425.

мому себѣ и положить его въ основаніе собственной жизни и дѣятельности.

Мы уже указали на то преимущество, какое должна представлять біографія гр. Л. Н. Толстого, предпринятая г. Лёвенфельдомъ. Помимо того, что въ его трудѣ мы встрѣчаемъ первый опытъ всесторонняго изслѣдованія какъ жизни, такъ и литературной, а равно и общественной дѣятельности одного изъ первоклассныхъ писателей нашей эпохи,—въ настоящей біографіи обращаетъ на себя едва-ли не бо̀льшее вниманіе то обстоятельство, что авторъ имѣлъ возможность въ личной бесѣдѣ съ членами семьи гр. Толстого, а отчасти и съ нимъ самимъ, провѣрить тѣ свѣденія, которыя разсѣяны о его жизни въ печати, и дополнить ихъ тѣми сообщеніями, какія онъ могъ получить отъ самой графини Софьи Андреевны,—о чемъ авторъ подробно говоритъ въ упомянутой выше брошюрѣ. Нельзя не отдать справедливости автору и въ томъ отношеніи, что онъ самымъ тщательнымъ образомъ собралъ въ своей книгѣ все, что̀ только можно было найти въ періодической печати по интересовавшему его вопросу, и многое даже привелъ въ извлеченіи.

Отношеніе автора къ лицу, жизнь и дѣятельность котораго составляютъ предметъ его изслѣдованія,—выражено имъ въ краткомъ предисловіи, предпосылаемомъ самому труду. „Культура, — говоритъ г. Лёвенфельдъ,—есть безжалостная уравнительница. Чѣмъ культура старѣе, тѣмъ съ большею силою она истребляетъ все самобытное. Только самыя мощныя натуры могутъ противостоять ей. Онѣ однѣ въ состояніи развивать въ себѣ прирожденныя имъ дарованія, и самостоятельно выдѣляться изъ общаго уровня толпы. Ограниченность считаетъ такія натуры странными (Sonderlinge); она не можетъ допустить, чтобы кто-нибудь былъ головою выше всего остального. Но тотъ, кто свободенъ отъ предразсудковъ, у кого есть способность удивляться великому, — тотъ въ самобытности подобныхъ натуръ усматриваетъ проявленіе необычной силы, которая переросла предѣлы возможнаго для своего времени и указываетъ пути грядущему. Таково положеніе и Льва Толстого; его много осуждаютъ, и ему много удивляются. По рожденію принадлежа къ классу, обладающему преимуществами и достаткомъ, онъ силою мысли и чувства сдѣлался другомъ слабаго и обездоленнаго. Всѣ болячки нашего времени — въ его отечествѣ, благодаря большей рѣзкости противоположеній, онѣ еще чувствительнѣе — находятъ въ его великомъ сердцѣ полнѣйшее сочувствіе. А какъ онъ учитъ, такъ онъ и живетъ! Ни у одного изъ нашихъ современниковъ мысль и дѣйствіе не согласованы въ такой степени, какъ у Толстого. Это и составляетъ величіе его, какъ человѣка, и такое величіе въ немъ могутъ оспаривать только

тѣ, кто глядитъ на міръ изъ узкаго угла себялюбія. Но кто свободно смотритъ въ глаза будущему, кто прислушивается къ голосу настоящаго, тотъ легко признáетъ въ Львѣ Толстомъ рѣдкую личность, какія появляются только въ поворотные моменты всемірной исторіи— съ цѣлью поучать, остерегать, охранять! Толстой-человѣкъ еще не извѣданъ. Толстой-писатель завоевалъ себѣ міръ. Его русскіе люди говорятъ теперь съ нами на всѣхъ языкахъ. И именно потому, что ихъ красота и правда коренятся въ той же народности, изъ которой почерпнулъ свои силы и ихъ творецъ, они представляются и намъ полными натурами, носящими на себѣ общій отпечатокъ человѣчности. Первый признакъ великаго писателя состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ въ низменномъ, но излюбленномъ имъ мірѣ отразить большой міръ"...

Такое предисловіе может ъ навести на мысль, что біографъ въ своемъ изложеніи обнаружитъ увлеченіе и недостатокъ объективности; но его увлеченіе относится болѣе къ самой личности гр. Л. Толстого и явилось въ немъ какъ вполнѣ естественное послѣдствіе той симпатіи, какое рождается въ каждомъ, кто имѣлъ случай вступить съ авторомъ „Войны и Мира" въ непосредственное сношеніе и узнать его, какъ человѣка; но нельзя не отдать справедливости біографу въ томъ отношенія, что онъ не только собралъ въ своемъ трудѣ все, чтó было высказано въ русской литературѣ противниками различныхъ теорій Л. Толстого, а иногда и самъ отнесся къ нимъ не безъ критики. Въ этомъ можно убѣдиться всего болѣе въ тѣхъ главахъ первой части, которыя посвящены весьма важному моменту въ первомъ періодѣ жизни Л. Толстого, а именно, когда онъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, понялъ необходимость не менѣе важнаго освобожденія народа отъ той зависимости, въ какую ставило его собственное его невѣжество и отсталость отъ культуры прочихъ народовъ. Яснополянская школа, педагогическій журналъ, личная дѣятельность на поприщѣ народнаго обученія, полемика съ противниками теорій Л. Толстого, и особенно съ Е. Марковымъ, — все это изложено у г. Лёвенфельда весьма подробно и обстоятельно. — К—дъ.

II.

Paul Desjardins. Le devoir présent. Paris, 1892. Стр. 82.

Молодой депутатъ, сразу обратившій на себя вниманіе „высокимъ стилемъ" и изяществомъ своего краснорѣчія, Поль Дежардэнъ, выступилъ въ литературѣ проповѣдникомъ идеализма, нравственнаго подъема и обновленія. Его брошюра о „настоящемъ (нравственномъ) долгѣ" имѣла большой успѣхъ и была принята за симптомъ какого-то новаго благотворнаго теченія въ умственной жизни передовой французской интеллигенціи.

Идеи Дежардэна мало оригинальны, идеалы слишкомъ отвлеченны и неясны; философская основа ихъ крайне слаба и отчасти наивна, но всѣ разсужденія проникнуты серьезнымъ и глубокимъ чувствомъ, жаждою вѣры и совершенствованія, мечтою о лучшемъ и свѣтломъ будущемъ. Картина нравственнаго состоянія французскаго общества представлена скорѣе намеками и отрывочными характеристиками, чѣмъ цѣльными и яркими образами. Скептицизмъ и погоня за матеріальными наслажденіями не даютъ людямъ выйти изъ подчиненія животнымъ инстинктамъ; душа находится въ загонѣ. „Откройте глаза: все, чтó насъ окружаетъ, порочно; многія изъ дѣтей, гуляющихъ на бульварахъ, имѣютъ болѣзненный видъ; ихъ маленькія лица часто отмѣчены влажными пятнами, кости ихъ искривлены, — печальные симптомы вырожденія родителей. На каждомъ углу продаются соблазнительныя произведенія, при помощи которыхъ одни живутъ на счетъ испорченности другихъ. Если хотятъ убѣдиться, какое гнѣздо порока сидитъ въ насъ, пусть только наблюдаютъ взоры, обращаемые на честную женщину людьми почтенными, стариками... Все это общество, сверху до низу, живетъ ощущеніями; это общая его черта, и разнообразіе заключается лишь въ качествахъ чувственности". Даже умственная работа превращается въ дѣло личнаго ощущенія; писатели и художники отдаются удовольствію идейной игры, мистицизма и экстаза, безъ положительныхъ общечеловѣческихъ цѣлей и идеаловъ. Люди отрицательные, безъ вѣры въ будущее, преобладаютъ надъ положительными, сохраняющими въ себѣ силу нравственнаго и религіознаго чувства; но многіе признаки, по мнѣнію Дежардэна, указываютъ на поворотъ къ лучшему, на возрожденіе духовныхъ, возвышающихъ и облагороживающихъ элементовъ въ человѣческомъ обществѣ. Сознаніе пустоты жизни ведетъ къ тоскѣ и печали; чувствуется въ душѣ какой-то важный пробѣлъ, о которомъ мучительно

напоминаютъ героическіе образы далекаго прошлаго. Но нравственное чувство, стремленіе къ идеалу, не исчезло; оно пробуждается въ отдѣльныхъ лицахъ и легко овладѣваетъ массою. Нужно только имѣть добрую волю, желаніе совершенствоваться и любить своихъ ближнихъ. Надежда и солидарность находятъ почву въ политической жизни, въ мечтахъ объ освобожденіи Эльзаса, въ колонизаціи отдаленныхъ земель, въ устройствѣ общеполезныхъ нравственныхъ союзовъ и предпріятій. Дѣло не въ филантропіи, а въ подъемѣ душевномъ, въ попыткахъ осуществленія добра, въ содѣйствіи людямъ подняться, въ поддержкѣ ихъ падающей вѣры, энергіи и самодѣятельности. Поль Дежардэнъ думаетъ, что немногіе приверженцы идеала, соединившись въ „общество нравственной помощи“, могли бы сильно способствовать пробужденію духа любви и вѣры во Франціи. Авторъ вкратцѣ намѣчаетъ программу постепенной дѣятельности людей добра, въ тринадцати пунктахъ; это большею частью проекты добрыхъ порывовъ и пожеланій, которымъ можно сочувствовать, но отъ которыхъ смѣшно было бы ожидать возрожденія нравственной силы и творческой энергіи въ цѣломъ обществѣ.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1892 г.

Очеркъ хода пяти холерныхъ пандемій нынѣшняго вѣка и выводъ изъ него: борьба съ холерою должна быть международнымъ дѣломъ.—Отсталость нашихъ городовъ въ благоустройствѣ и причины того.—„Cercle vicieux" въ нашей публицистикѣ по вопросу о необходимости экстраординарныхъ мѣръ. — По поводу астраханскихъ и саратовскихъ звѣрствъ. — Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ" на предложенный ими вопросъ.—О предложеніи гг. гласнымъ здѣшней Думы.—Необходимость обратить вниманіе на печальное положеніе дѣла „городскихъ" училищъ.

Заразительная, при извѣстныхъ условіяхъ, и въ значительной степени смертоносная болѣзнь, холера, появилась въ нашихъ предѣлахъ уже болѣе мѣсяца тому назадъ, но, судя по вышедшему недавно въ Германіи историческому изслѣдованію этой болѣзни, начиная съ перваго времени ея появленія въ Европѣ,—нынѣшній разъ она приняла въ Азіи свой пандемическій, т.-е. общенародный или международный характеръ уже *полтора года тому назадъ*, въ зиму съ 1890 г. на 1891 г., въ двухъ сирійскихъ вилайетахъ Бейрута и Дамаска. Ридель, авторъ этого изслѣдованія, считаетъ настоящую холерную пандемію шестою въ теченіе нынѣшняго вѣка; такимъ образомъ, ей предшествовали, на разстояніи какихъ-нибудь 75 лѣтъ, пять подобныхъ же пандемій, и каждая изъ этихъ пандемій имѣла свой болѣе или менѣе продолжительный періодъ. Отечествомъ холеры,—гдѣ она никогда вполнѣ не прекращается и носитъ потому эндемическій, мѣстный характеръ, — служитъ, какъ извѣстно, дельта рѣки Ганга, и уже оттуда холера, время отъ времени, дѣлаетъ свои опустошительные набѣги сначала на сосѣднія страны въ Азіи, вторгается въ Персію, Сирію или въ Аравію, куда всего чаще заносятъ ее мусульманскіе пилигримы, идущіе въ Мекку. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи холера, чрезъ Персію и Сирію, вторглась въ Европу съ востока, а позже, чрезъ Аравію и Египетъ—съ юга, путемъ Суэзскаго перешейка. Каждый разъ, проникнувъ въ Европу, холерная пандемія, появляясь то тутъ, то тамъ, господствовала извѣстное число лѣтъ, и затѣмъ вдругъ пропадала опять на нѣсколько лѣтъ.

Первая холерная пандемія нынѣшняго вѣка послѣдовала вслѣдъ за окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ, въ 1817 г., и длилась всего 7 лѣтъ, до 1823 г.; въ 1823 г. она въ сентябрѣ мѣсяцѣ дошла до Астрахани, но тутъ же и остановилась въ октябрѣ, когда въ этомъ

году начались столь же ранніе, сколько и сильные морозы. Итакъ, первая пандемія ограничилась почти исключительно Азіею и успѣла только перешагнуть въ Европу на самое короткое время и тутъ же погасла.

Не такую судьбу имѣла вторая холерная пандемія, длившаяся 11 лѣтъ (1826—1837 гг.), и третья—14 лѣтъ (1848—1861 гг.). Вторая пандемія шла опять съ востока и на этотъ разъ чрезъ Россію успѣла проникнуть въ Пруссію,—именно морскимъ путемъ на Данцигъ; въ самомъ Берлинѣ она показалась въ 1831 г. (въ этомъ году одною изъ жертвъ холеры былъ Гегель), и уже изъ Берлина проникла въ Штеттинъ и Гамбургъ; въ 1832 г. холера впервые посѣтила Англію, а ирландскіе эмигранты перенесли холеру въ Сѣверную Америку, и такимъ образомъ холера въ первый разъ обошла, можно сказать, весь земной шаръ. Въ Европѣ же вторая пандемія длилась до 1837 г., появляясь то въ одной странѣ, то въ другой, и только весною 1838 года не обнаружилась болѣе нигдѣ, а потому—можно сказать—вполнѣ исчезла.

Третья холерная пандемія была изъ всѣхъ пяти самая продолжительная (14 лѣтъ) и имѣла наибольшее распространеніе. Начавшись въ 1848 г., она успѣла въ тотъ же годъ перейти въ Германію, и въ 1852 г. достигла высшаго своего напряженія; затѣмъ, возобновляясь мѣстами, она начала ослабѣвать, и только въ 1861 г. вовсе прекратилась.

Двѣ послѣднія холерныя пандеміи имѣли совершенно другой путь и вторглись въ Европу не съ востока, а съ юга, проникнувъ изъ Аравіи, путемъ Суэзскаго перешейка, въ Египетъ. Четвертая пандемія длилась цѣлыхъ 12 лѣтъ (1863—1875 гг.); ее занесли сначала изъ Индіи въ Мекку въ 1863 г., а два года спустя, въ 1865 г., холера перешла по сосѣдству въ Египетъ, и изъ Александріи быстро распространилась по всему побережью Средиземнаго моря, посѣтила Турцію, Италію и южную Францію, послѣ того оказалась и въ Испаніи, а чрезъ Турцію проникла и въ Россію. Въ 1866 г. холера перенеслась въ Германію и Австрію, а въ послѣдующіе два года, въ 1867 и 1868 гг., вторично посѣтила Америку, но на этотъ разъ не только сѣверную, но и южную, исключая Чили. Къ началу семидесятыхъ годовъ четвертая пандемія начала видимо ослабѣвать, появляясь спорадически, то въ Россіи, то въ Германіи, и наконецъ весною 1875 г. нигдѣ болѣе не возобновлялась.

Пятая и послѣдняя пандемія, проникнувъ въ Европу, въ 1884 г., тѣмъ же путемъ, какъ и четвертая, чрезъ Египетъ, обрушилась сначала только на Францію и Италію, а въ 1886 г., чрезъ Тріестъ, пробралась въ Венгрію; въ Германіи же она ограничилась только всего

двумя, тремя пунктами, а именно показалась въ Бреславлѣ, съ одной стороны, и съ другой—въ Майнцѣ. Такимъ образомъ, послѣдняя холерная пандемія была наименѣе распространенною и длилась всего три года (1883—1886 гг.).

Настоящая холерная пандемія, по счету—шестая, для Азіи началась уже *полтора* года тому назадъ, но Европу она встревожила только теперь, какихъ-нибудь полтора мѣсяца тому назадъ. Хотя исторія предшествующихъ пяти пандемій оставляла нынѣ въ неизвѣстности только срокъ ея нынѣшняго появленія въ Европѣ,—но что рано или поздно она должна сдѣлать свое вторженіе и къ намъ, въ этомъ едва-ли можно было сомнѣваться, судя по прежнимъ примѣрамъ. Тѣмъ не менѣе Европа теперь, какъ и прежде, ограничивается по отношенію холеры одною оборонительною, такъ сказать, войною, между тѣмъ какъ вся ея исторія убѣждаетъ въ необходимости рано или поздно—и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше — перейти къ войнѣ наступательной, т.-е. начать преслѣдованіе холеры въ самомъ ея отечествѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ странахъ, прилегающихъ къ мѣсту самозарожденія холеры. Пандемическая холера требуетъ въ борьбѣ съ нею и пандемическихъ, т.-е. международныхъ средствъ. Необходимо было бы имѣть на востокѣ международную коммиссію, которая на мѣстѣ не только постоянно изучала бы болѣзнь и причины ея, но и была бы уполномочена принимать мѣры къ тому, чтобы болѣзнь не могла выходить далеко за предѣлы своего очага. Удерживать же распространеніе болѣзни, послѣ того, какъ она уже охватила собою Персію, Сирію, или Аравію и Египетъ, до сихъ поръ не представлялось физической возможности. Ни одно семейство въ отдѣльности—какъ бы образцово ни велось его хозяйство въ отношеніи чистоты и соблюденія всѣхъ требованій гигіены—не въ состояніи защититься вполнѣ отъ холеры, когда она появилась уже въ цѣломъ городѣ; точно также ни одно европейское государство, какъ бы ни была высока его культура, не можетъ ни обезпечить себя отъ холеры, если она показалась гдѣ-нибудь въ Европѣ, ни принять вполнѣ дѣйствительныхъ мѣръ къ тому, чтобы болѣзнь не была занесена въ него тѣмъ или другимъ путемъ. Если для защиты отдѣльнаго лица въ подобномъ случаѣ необходима какая-нибудь общая, центральная власть, которой одинаково повинуются всѣ, то и для защиты цѣлой Европы отъ холерной пандеміи необходимъ какой-нибудь международный центръ, коммиссія, съ извѣстными полномочіями, которая на общія средства всѣхъ государствъ могла бы принять мѣры еще въ Азіи для того, чтобы напасть на врага прежде, нежели онъ успѣлъ ворваться въ Европу. Государства нерѣдко составляютъ союзы для губительныхъ войнъ другъ съ другомъ,—но не было ли бы лучше

составить общій союзъ для наступательной войны съ врагомъ всего человѣчества? До сихъ поръ, какъ мы видѣли, кончался на нѣсколько лѣтъ періодъ холерной пандеміи, и вмѣстѣ съ нею исчезало и всякое воспоминаніе о холерѣ. Надобно надѣяться, или по крайней мѣрѣ желать, чтобы нынѣшняя шестая холерная пандемія была еще менѣе продолжительна, чѣмъ ея предшественница, и получила бы еще меньшее распространеніе; но всего болѣе желательно, чтобы не повторилось то, что̀ случалось уже пять разъ, а именно, чтобы конецъ этой пандеміи не былъ вмѣстѣ и концомъ вниманія Европы къ такому жестокому бичу человѣчества, какъ холера.

Конечно, теперь, когда холера уже вторглась въ наши предѣлы, необходимо ограничиться пока одною обороною отъ нея и удержаніемъ ея въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ. У насъ, правда, пришлось не только обороняться тѣми обычными мѣрами, какія въ подобныхъ случаяхъ принимаются повсюду въ культурныхъ странахъ, но еще и взяться за то, что̀ давно должно было быть сдѣлано безъ всякой холеры, а именно, позаботиться о чистотѣ человѣческаго жилья. Мы, дѣйствительно, походимъ въ настоящую минуту на человѣка, который никогда не моетъ ни рукъ, ни лица, и рѣшается на эту мѣру только въ крайнемъ случаѣ, когда на тѣлѣ обнаружится короста или чесотка,—и тогда онъ начинаетъ мыться уже до сдиранія самой кожи. О нечистотѣ, въ которой мы привыкли жить, отъ одной холеры до другой, не только въ селахъ, но и въ городахъ, даютъ нѣкоторое понятіе, прежде всего, тѣ суммы, какія ассигнуются на экстренное очищеніе, помимо борьбы съ холерою. Тѣмъ не менѣе, приходится признать все это и необходимымъ, и цѣлесообразнымъ, лишь бы только въ нашемъ обществѣ еще болѣе не укоренилось вслѣдствіе того убѣжденіе, что именно холера требуетъ чистоты, а когда непрошенная гостья удалится во-свояси,—можно будетъ снова погрузиться въ то благодушное состояніе, изъ котораго насъ такъ безжалостно извлекла холера, а потомъ, въ случаѣ надобности, успѣемъ почиститься снова.

Въ такихъ нашихъ порядкахъ западные наши сосѣди усматриваютъ всегда какую-то, будто бы, нашу „національную особенность" (на нашей обособленности отъ всего культурнаго міра настаиваетъ, впрочемъ, и у насъ извѣстная печатная „компанія": мы-молъ не европейцы, а совсѣмъ особая порода людей!); но нѣкоторые наши публицисты на вопросъ: кто же во всемъ этомъ виноватъ?—отвѣчаютъ почти стереотипно: „виноваты думы, городское представительство, мѣстное самоуправленіе"! Впрочемъ, недавно, по случаю именно появленія холеры,

одна изъ петербургскихъ газетъ, приведя этотъ обычный refrain къ нашимъ пѣснямъ о несостоятельности у насъ всѣхъ общественныхъ органовъ, кончила не только указаніемъ на то, что̀ дѣйствительно вполнѣ объясняетъ причину нашей кажущейся неспособности вести свое собственное дѣло, но и заявила, что, по ея мнѣнію, у насъ существуетъ „крупный недочетъ въ нашемъ законодательствѣ". По словамъ газеты, „въ прошломъ (?) наша финансовая администрація вообще мало обращала вниманія на мѣстные доходы и расходы, *однако* (повидимому, авторъ хотѣлъ сказать: *и кромѣ того*), въ нѣкоторыхъ случаяхъ, принимала мѣры къ тому, чтобы мѣстное обложеніе оставалось какъ можно болѣе скромнымъ, ничтожнымъ. *Всѣ* мѣстные расходы (а слѣдовательно, и доходы), земскіе и городскіе, не превышаютъ (у насъ) 125—150 милліоновъ въ годъ, тогда какъ государственный бюджетъ дошелъ уже до милліарда. При одинаковомъ приблизительно размѣрѣ *государственныхъ* расходовъ, въ Англіи израсходовано на *мѣстное* управленіе и благоустройство въ 1887 г. 550 милліоновъ рублей по обыкновенному бюджету, и 115 мил. руб. по чрезвычайному (изъ займовъ), итого 665 мил. руб.; во Франціи еще въ 1877 г. израсходовано общинами (земствомъ) 1 милліардъ франковъ, около 400 т. рублей; въ Соединенныхъ Штатахъ *мѣстные* расходы *вдвое* больше государственныхъ. Поэтому нисколько не удивительно, что въ западно-европейскихъ государствахъ города и села содержатся лучше, чѣмъ у насъ, не въ санитарномъ только отношеніи" [1])... Если бы авторъ этой статьи обратилъ вниманіе еще на ту особенность нашихъ городскихъ финансовъ, существенно отличающихъ ихъ отъ всякихъ другихъ, а именно, что значительная ихъ часть, иногда до 50%, уходитъ на такъ-называемые „обязательные расходы", то онъ, быть можетъ, удивился бы и той степени благосостоянія, какой достигли по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нашихъ городовъ. Но авторъ, задавшись, повидимому, широко, свелъ все свое разсужденіе къ микроскопическому и едва-ли правильному выводу, а именно, „что въ такихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, какъ Баку и Астрахань, не очень трудно (?!) пріискать денежныя средства, необходимыя на оздоровленіе этихъ городовъ и вообще на приведеніе ихъ въ приличный видъ". Итакъ, выходитъ дѣло не въ „недочетѣ въ нашемъ законодательствѣ", а только въ томъ, чтобы мѣстная администрація, бакинская и астраханская, не заботясь ни о какомъ законодательствѣ, сама „пріискала" денежныя средства. Дѣйствительно, за нѣсколько дней передъ тѣмъ (24-го іюня), та же газета, по поводу города Петербурга, говорила именно, что, по его мнѣнію,

---

[1]) „Новое Время", 1-го іюля 1892 г.

„высшій санитарный надзоръ въ столицѣ долженъ быть сосредоточенъ въ рукахъ градоначальника, съ предоставленіемъ ему широкихъ полномочій *добиваться* (?) очистки города не составленіемъ полицейскихъ протоколовъ, всегда связанныхъ съ волокитою (!) и не всегда достигающихъ цѣли, а мѣрами болѣе дѣйствительными (?) и болѣе сообразными съ обстоятельствами, при которыхъ медлительность и волокита менѣе всего могутъ быть терпимы". Одинъ изъ гласныхъ Думы, въ экстренномъ ея засѣданіи около того же времени и по тому же предмету, выразилъ даже такую наивную мысль, что городское общественное управленіе можетъ совсѣмъ отложить всякое попеченіе о городскомъ благоустройствѣ, такъ какъ градоначальникъ уже имѣетъ тѣ „широкія полномочія", о которыхъ еще только хлопочетъ газета; дѣйствительно, законъ объ охранѣ въ настоящемъ случаѣ освобождаетъ его отъ всякой судебной „волокиты"; правда, этому гласному тутъ же дано было разъясненіе, что законъ объ охранѣ имѣетъ въ виду одно общественное спокойствіе и порядокъ, а не санитарныя или вообще хозяйственныя мѣропріятія. Во всемъ этомъ очевидно, однако, то, что и въ значительной части нашей печати, отражающей на себѣ господствующія теченія общественнаго мнѣнія, и въ самихъ представителяхъ общества, преобладаетъ одна и та же мысль о постоянной необходимости у насъ экстренныхъ мѣръ для поддержанія общаго гражданскаго порядка и о полной неспособности нашего общества, безъ такихъ мѣръ, опираясь только на законъ и судъ („волокита"!), вести нормальную жизнь; но при этомъ забываютъ, что, съ другой стороны, такія экстренныя мѣры дѣлаютъ общество еще неспособнѣе къ нормальной жизни, и такимъ образомъ выходитъ, что мы какъ будто живемъ въ какомъ-то cercle vicieux—заколдованномъ кругѣ, и не можемъ никакъ изъ него выйти. Между тѣмъ все это влечетъ за собою весьма невыгодныя и крайне странныя, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже, можно сказать, печальныя для насъ послѣдствія. Недавно въ Дрезденѣ появилось новое изслѣдованіе о состояніи нашей современной культуры. Благодаря тому обстоятельству, что появленіе въ предѣлахъ Россіи холеры обратило усиленное вниманіе сосѣдей на нашъ внутренній бытъ, наши нравы, порядки и т. п., эта дрезденская брошюра пріобрѣла большую извѣстность и комментировалась болѣе или менѣе обстоятельно и подробно во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ [1]). Автора нельзя упрекнуть ни въ предразсудкахъ, ни въ предубѣжденіи противъ нашей народности,—напротивъ, онъ отзывается съ восторгомъ о каче-

[1]) „Russische Zustände", v. E. B. Lanin, aus dem englischen v. Rudolf Dielitz. Dresden, 1892. Мы пользовались этой брошюрой по тѣмъ извлеченіямъ изъ нея, какія встрѣтились намъ въ нѣмецкихъ газетахъ.

ствахъ души русскаго человѣка, о необыкновенной даровитости его природы, и затѣмъ задается вопросомъ: но что же представляетъ дѣйствительность? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ жестокою картиною,—но краски для нея заимствованы имъ цѣликомъ изъ нашей отечественной печати, и авторъ не прибавляетъ отъ себя ни слова. Почти всѣ органы нашей печати доставили ему богатый матеріалъ; но, главнымъ образомъ, въ подтвержденіе своихъ печальныхъ выводовъ о полномъ, будто бы, нравственномъ разложеніи не только нашего народа, но и самаго общества, онъ заимствуетъ изъ „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“; ссылки на нихъ встрѣчаются постоянно. И эта брошюра появилась еще до тѣхъ ужасовъ, какими въ концѣ іюня ознаменовала себя чернь въ Астрахани и Саратовѣ и въ другихъ городахъ. „Знакомясь съ подробностями астраханскаго санитарнаго разгрома,—говорятъ „Новости“,—кажется, будто читаешь главу изъ африканскихъ похожденій и приключеній Ливингстона или Стэнли. Въ большомъ губернскомъ городѣ, въ одномъ изъ центральныхъ пунктовъ Поволжья—цѣлое племя безусловно дикихъ людей. Голыми они не ходятъ, сѣна не ѣдятъ, дѣтенышей въ рогожныхъ кулькахъ за спиною не носятъ и въ ноздри колецъ не продѣваютъ, но только этими отрицательными чертами и ограничивается вся ихъ связь съ цивилизаціею и культурою. Въ холерное время сжечь главную въ городѣ больницу, убить фельдшера, изувѣчить врачей, захватить въ плѣнъ больныхъ — нѣчто сказочно-уродливое, почти фантастическое... Все африканское даже понятнѣе, осмысленнѣе астраханскаго. У африканской дикости есть три, значительно ее смягчающія обстоятельства: искренность, непосредственность и невмѣняемость. У насъ два большихъ города, проживъ по сту лѣтъ, поджигаютъ свои больницы и вытаскиваютъ изъ нихъ умирающихъ больныхъ. Много дали имъ вѣковая (?) зрѣлость и вѣковое (?) развитіе!“ Это — народъ; а вотъ и общественныя силы: „Въ то время, какъ астраханскіе и саратовскіе табуны по-своему встрѣчаютъ холеру, нѣкоторая часть земской „интеллигенціи“,—сообщаетъ далѣе та же газета, — поставлена въ непріятную необходимость сводить свои темненькіе счеты съ благополучно миновавшимъ голодомъ. Оказывается, что, въ минувшую зиму, въ двухъ городахъ особенно бойко шла кормёжка кормильцевъ на счетъ голода: въ Самарѣ и въ Вяткѣ“. Нѣтъ сомнѣнія, тутъ есть отъ чего придти въ отчаяніе или, какъ мы видѣли выше, склониться къ мысли, что для такого народа и для такого общества только однѣ экстренныя мѣры и должны быть признаны нормальными и постоянными; но мы уже видѣли, что и на этой послѣдней мысли не даетъ успокоиться тотъ cercle vicieux — заколдованный кругъ, въ который неизбѣжно попадетъ рано или поздно

всякій, кто изберетъ этотъ послѣдній путь; всякая экстренная мѣра ослабляетъ въ соотвѣтственной степени энергію общественныхъ силъ, а ослабленная энергія требуетъ естественно новыхъ болѣе сильныхъ экстренныхъ мѣръ и т. д. Если энергія обнаруживается въ народѣ, то въ такихъ дикихъ, отвратительныхъ, гнусныхъ и, какъ выразился Пушкинъ, „безсмысленныхъ и безпощадныхъ“ формахъ, что упомянутая газета, дѣйствительно, могла приравнять нашъ народъ и къ африканскимъ темнокожимъ, и даже просто къ „табуну“; если средніе слои, „интеллигенція“, сохраняютъ энергію, то только для службы мамонѣ, духу наживы, кулачеству; но и это обстоятельство, конечно, не даетъ повода къ благопріятнымъ заключеніямъ относительно качествъ подобной энергіи. И вотъ именно на такія огульныя обвиненія цѣлаго народа и всего общества ссылаются наши сосѣдніе публицисты, указывая на то, что и сами мы считаемъ нашъ народъ „табуномъ“, а поднявшееся надъ его уровнемъ общество — чѣмъ-то въ родѣ шайки, и, какъ мы видѣли, вполнѣ соглашаются съ такимъ нашимъ приговоромъ надъ нами самими. Мы не раздѣляемъ такихъ огульныхъ обвиненій, особенно если они не сопровождаются точнымъ и подробнымъ анализомъ различныхъ патологическихъ явленій народной жизни; но мы всегда были точно также далеки и отъ идеализаціи нашего народа, чѣмъ даже вызвали недавно грозную, какъ всегда, филиппику со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“. По поводу отчета г. оберъ-прокурора св. синода за 1888 и 1889 гг., нашъ журналъ коснулся общаго вопроса о культурномъ состояніи нашего народа—вопроса, который теперь заинтересовалъ усиленно и всю нашу печать, въ виду астраханскихъ и саратовскихъ ужасовъ. Въ отчетѣ говорилось, что наша народная масса—„въ земныхъ своихъ заботахъ въ потѣ лица пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ, и такимъ образомъ слѣдуетъ первоначальной заповѣди Божіей, а со стороны духовной стремится къ высшимъ идеаламъ жизни, убѣжденная въ томъ, что цѣль ея земного существованія находится по ту сторону гроба... Навязываемое русскому народу просвѣщеніе, съ его современными европейскими воззрѣніями и задачами, далекими отъ Бога, народъ воспринимаетъ неохотно, ища въ наукѣ или школѣ только одного, что близко къ его религіознымъ идеаламъ и стремленіямъ... Но, являясь великимъ народомъ вообще, и особенно въ важныя и тяжелыя минуты государственной жизни, народъ нашъ, по свойству своего характера, въ обычной своей жизни предается нерѣдко и не мало то лѣности, праздности и сонливости, то шумному разгулу, пьянству и нераздѣльнымъ съ нимъ буйству, сквернословію и т. п.“ Теперь, въ виду недавнихъ ужасовъ на Волгѣ, можно было бы дополнить приведенную характеристику гораздо болѣе мрачными и дикими пороками; но у насъ тогда

было обращено вниманіе только на то, что не въ одномъ отчетѣ, но и въ нашей публицистикѣ, относительно свойствъ русскаго народа, существуетъ двойная оцѣнка: „превознесеніе его не по заслугамъ шло рука объ руку съ чрезмѣрнымъ униженіемъ... На самомъ дѣлѣ русскій средній человѣкъ не слишкомъ бѣлъ, но и не слишкомъ черенъ. Изъ того, что *многіе* въ Россіи лѣнятся и пьянствуютъ, *нѣкоторые*—обманываютъ и врутъ, еще не слѣдуетъ, чтобы *русскій народъ* лѣнился, пьянствовалъ и увлекался легкой наживой, и притомъ — „по свойству своего характера“ (а какъ этотъ характеръ могъ въ народѣ образоваться?). Въ этихъ словахъ нашего журнала „Московскія Вѣдомости“, согласно обычнымъ своимъ „полемическимъ“ пріемамъ, усмотрѣли не только возраженіе, но и осужденіе упомянутаго отчета, съ одной стороны, а съ другой — „либеральное (?) переливаніе изъ пустого въ порожнее, которое всѣмъ наскучило и не заключаетъ въ себѣ никакой мысли, а лишь привычный подборъ словъ и фразъ“. Мы не говоримъ уже о томъ, что, разсуждая такъ, „Московскія Вѣдомости“ являются непрошенными защитниками того, что ни малѣйше не нуждается въ ихъ защитѣ, и на что ни съ какой стороны не было да и не можетъ быть „нападеній“; но газета не ограничилась тѣмъ и взяла на себя трудъ комментировать отчетъ, конечно, съ своей личной точки зрѣнія. По ея мнѣнію, нашъ журналъ не только не понялъ, но и „не хотѣлъ понять“ мысли отчета, т.-е. притворился непонимающимъ. „Она, — говоритъ газета отъ своего уже имени, — совершенно ясна. Всѣ мы, и народъ, и такъ-называемая интеллигенція—люди, а слѣдовательно и люди грѣшные, не чуждые пороковъ и недостатковъ, свойственныхъ вообще людямъ. И въ народѣ, и въ интеллигенціи, есть и лѣнтяи, и пьяницы, и люди порочные,—но не о томъ говоритъ отчетъ“—скажемъ больше: отчетъ объ этомъ вовсе не говоритъ, такъ какъ такія изреченія называются loci topici... „Отчетъ говоритъ о *настроеніи* (курсивъ подлинника) народа и интеллигенціи и указываетъ на то, что это настроеніе совершенно различное. Народъ, въ своей массѣ, благодаря вѣковымъ вліяніямъ ученія Христова, благодаря вѣковымъ вліяніямъ Церкви Христовой, живетъ жизнью духовною, и стремится къ такой жизни; „интеллигенція“, взятая въ массѣ, уйдя (?) изъ-подъ вліянія ученія Христова, изъ-подъ вліянія Церкви Христовой, утратила чувство чего бы то ни было идеальнаго, стоящаго выше земныхъ дѣлъ, живетъ только во имя одной плоти, во имя похоти плотской — грубой или утонченной, какъ похоть (!!?) ума, преклоненіе предъ разумомъ человѣческимъ—это все равно. Вслѣдствіе утраты высшаго идеала, въ нашей интеллигенціи и идеальные порывы, все же никакъ не истребимые въ душѣ человѣческой, отражаются либо фантастическимъ

безуміемъ, либо эгоистическою, нервозною чувствительностью. Вотъ какое различіе существуетъ между народомъ и интеллигенціею, различіе въ настроеніи",—такъ заключаетъ газета, но теперь, быть можетъ, послѣ іюньскихъ дней на Волгѣ, она нашла бы и еще другое, болѣе рѣзкое различіе. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло; мы желали бы представить себѣ, какое впечатлѣніе можетъ вынести, прочтя вышеприведенную „тираду", всякій посторонній намъ, иностранный читатель; оказывается, что въ Россіи интеллигенція „ушла" изъ-подъ вліянія христіанства, и христіанство сохранилось только въ народѣ—отсюда прямой выводъ тотъ, что у насъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, чрезъ которыя проходитъ интеллигенція, устранено преподаваніе Закона Божія и удерживается только въ народныхъ школахъ, т.-е. вполнѣ нелѣпый выводъ; въ дѣйствительности же, быть можетъ, окажется даже, что въ народныхъ массахъ, изъ которыхъ только извѣстный процентъ—и то въ послѣднее время —проходитъ чрезъ народную школу, многіе не въ состояніи прочесть „Отче нашъ" и не знаютъ заповѣдей Господнихъ. Къ чему же—спрашивается—московская газета разразилась такою ложью по адресу нашей интеллигенціи, что можно подумать у насъ о какомъ-то новомъ Содомѣ и Гоморрѣ, а народу, съ другой стороны, она приписываетъ такое состояніе, котораго онъ, къ сожалѣнію, еще не достигъ? Только въ концѣ своей полемики „Московскія Вѣдомости" болѣе ясно выражаютъ свою основную идею, которая долго оставалась въ „скрытомъ" состояніи; газету особенно поразили у насъ заключительныя строки и вызвали ее на откровенность: „*Задачи просвѣщенія вездѣ однѣ и тѣ же*", — „смѣло объявляетъ", по словамъ московской газеты, нашъ журналъ: — „*различны только средства къ достиженію цѣли* и т. д. Такимъ образомъ, по мнѣнію „Вѣстника Европы, — продолжаютъ „Московскія Вѣдомости", — и христіанское просвѣщеніе, и современное европейничающее (?!) просвѣщеніе, основанное на послѣднихъ словахъ науки", на дарвинизмѣ и матеріализмѣ, должны привести къ одной цѣли?! Смѣло сказано! — восклицаетъ газета:—жаль только, что „Вѣстникъ Европы" умалчиваетъ—къ какой же цѣли? Если бы онъ объяснилъ это, дѣло стало бы яснѣй. Теперь же рѣшительно нельзя понять, что̀ хочетъ сказать почтенный журналъ?"—Между тѣмъ журналу нечего было умалчивать, а въ настоящую минуту онъ можетъ отвѣчать еще болѣе конкретно: ему желательно было, чтобы народъ, по крайней мѣрѣ, могъ не избивать врачей и относился бы съ бо́льшимъ уваженіемъ къ нимъ, какъ представителямъ европейской науки, которая, повидимому, внушаетъ отвращеніе къ себѣ даже и со стороны редакціи „Московскихъ Вѣдомостей"; чтобы народъ понималъ и цѣнилъ значеніе тѣхъ

благодѣтельныхъ мѣръ, которыя ради его же пользы предпринимаются правительствомъ и имъ установленными органами, административными и выборными; чтобъ онъ уважалъ законы, видя, что и другіе, высшіе классы, относятся къ закону съ такимъ же уваженіемъ, — вотъ тѣ общія цѣли и задачи, которыя ставитъ себѣ всякое просвѣщеніе. Правда, „Московскія Вѣдомости" изобрѣли какое-то „европейничающее" (?) просвѣщеніе, которое, по ихъ представленію, царитъ въ Европѣ и проповѣдуетъ убійства и грабежи; но всѣмъ извѣстно одно—европейское; оно, однако, также христіанское и притомъ основано вовсе не на одномъ „дарвинизмѣ и матеріализмѣ", даже борется съ ними, и нерѣдко, при помощи тѣхъ же „послѣднихъ словъ науки", одерживаетъ надъ ними верхъ. Къ чему же могутъ служить усилія газеты внушить нашему обществу, а черезъ него и народу, отвращеніе къ общечеловѣческому просвѣщенію,—отвращеніе, которое, какъ можно судить по отдѣльнымъ печальнымъ вспышкамъ, и безъ того находится постоянно въ „скрытомъ" состояніи, ожидая только случая, чтобъ прорваться наружу! Вотъ нашъ отвѣтъ, на который вызываютъ насъ „Московскія Вѣдомости".

Судя по извѣстіямъ, встрѣчающимся въ газетахъ, даже и въ нашей столицѣ, надъ оздоровленіемъ которой не мало потрудилось, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, и городское общественное управленіе, въ области распоряженій и дѣйствій больничныхъ и санитарныхъ, сопряженныхъ съ значительными расходами, и правительственная администрація, путемъ обширныхъ полномочій,—но все же санитарное положеніе города оказалось, повидимому, далеко не въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, такъ сказать, рангомъ, какой занимаетъ Петербургъ, вмѣстѣ съ Москвою, среди прочихъ городовъ имперіи. Конечно, пока нѣтъ канализаціи, всѣ заботы объ оздоровленіи города походятъ на то, какъ еслибы мы человѣка, съ организмомъ, страдающимъ зараженіемъ крови, вымыли въ банѣ, и даже при этомъ выпарили, а организмъ продолжалъ бы свою пагубную работу. Но во всякомъ случаѣ нельзя, на худой конецъ, отвергать пользы хотя бы и бани, за отсутствіемъ болѣе прямого и радикальнаго леченія; все же процентъ людей, которые будутъ въ состояніи легче реагировать противъ всякихъ болѣзнетворныхъ явленій, и такимъ образомъ спасутся отъ гибели, значительно увеличится уже и вслѣдствіе палліативныхъ мѣръ, направленныхъ къ оздоровленію человѣческихъ помѣщеній,—а потому нельзя не привѣтствовать все то, что теперь дѣлается въ городѣ въ этомъ направленіи. Но работа, повидимому, представляетъ большія трудности, и притомъ — трудности, происте-

кающія вовсе не изъ одного того обстоятельства, что многое изъ того, что̀ должно было быть сдѣлано уже давно, дѣлается только теперь, и потому невольно второпяхъ. Есть и другія причины затрудненій,—по нашему мнѣнію, еще болѣе важныя, если судить по одному предложенію, которое было сдѣлано въ одной изъ петербургскихъ газетъ (если не ошибаемся, въ „Новостяхъ") гг. гласнымъ с.-петербургской городской Думы. Въ этомъ предложеніи намъ представляется заслуживающимъ особеннаго вниманія не столько самое предложеніе, сколько тѣ соображенія, которыми оно было вызвано. При осмотрѣ домовъ и ихъ квартиръ оказалось, что многія квартиры населены или, вѣрнѣе сказать, набиты такимъ числомъ квартирантовъ, что такія квартиры неизбѣжно сдѣлались бы въ случаѣ эпидеміи—или даже и безъ нея—очагами заразы, гдѣ въ 24 часа заразная болѣзнь сообщилась бы десяткамъ людей, а ими была бы разнесена еще новымъ десяткамъ. Нѣтъ ничего легче, какъ разрѣшить такую аномалію административнымъ путемъ или при помощи обязательнаго постановленія Думы, а именно, чтобы каждая квартира имѣла населеніе, соотвѣтствующее ея квадратному и кубическому измѣренію. Но авторъ предложенія задался весьма справедливымъ вопросомъ: выгнать излишнее противъ нормы число квартирантовъ не представляетъ затрудненія, — но это всегда бываютъ бѣдняки, а потому спрашивается: куда же они дѣнутся?—какъ ни было антисанитарно ихъ помѣщеніе, но переночевать подъ открытымъ небомъ, въ холодную ночь, на мостовой, а такъ какъ это запрещено, то за городомъ подъ деревомъ — еще антисанитарнѣе! Собственно говоря, самая простая справедливость требовала бы, чтобы санитаръ имѣлъ право на выселеніе изъ квартиры, въ виду необходимости удовлетворенія санитарныхъ требованій, только въ такомъ случаѣ, еслибы онъ могъ въ то же время обезпечить удаляемому лицу новое, вполнѣ здоровое помѣщеніе, и притомъ непремѣнно за ту же цѣну, какую онъ платилъ до сихъ поръ, и какая только доступна его наличнымъ средствамъ. Эта мысль, сама по себѣ вполнѣ справедливая, и привела, повидимому, автора упомянутаго предложенія къ тому, что онъ хотя и не развязалъ, но зато легко разсѣкъ узелъ: онъ предлагаетъ Думѣ устроить или скупить готовые дома и превратить ихъ въ дома „дешевыхъ квартиръ", куда санитары и могутъ отправлять оказавшееся перенаселеніе осмотрѣнныхъ ими помѣщеній. Къ такой мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, не рѣшались до сихъ поръ прибѣгнуть другіе города, весьма благоустроенные и весьма богатые, вѣроятно, за невозможностью осуществить ее; но тѣмъ не менѣе предложеніе— прекрасное и весьма симпатичное, какъ было симпатично желаніе Генриха IV, чтобы у каждаго французскаго крестьянина была ку-

рица въ супѣ. Неосуществимость такого предложенія не должна, однако, устранять стремленія общественныхъ управленій вообще къ поднятію матеріальнаго благосостоянія массъ, и только этимъ путемъ само собою достигнется не только одно улучшеніе помѣщеній, но и пищи, одежды,—условія не менѣе важныя для сохраненія здоровья людей. Постройка же домовъ для дешевыхъ, а пожалуй, и даровыхъ квартиръ, затѣмъ такого же характера столовыхъ, общественныхъ швален для изготовленія дешевой одежды и обуви, и т. д. и т. д.— все это можетъ быть предметомъ дѣятельности благотворительныхъ обществъ, находить поддержку въ общественномъ управленіи,—но едва-ли такую тяжесть можетъ вынести какое-либо на свѣтѣ городское общественное управленіе. Оно имѣетъ болѣе прямую задачу: съ одной стороны, ставить трудъ въ условія наиболѣе выгодныя для него, а съ другой—бороться съ бѣдностью на самомъ, такъ сказать, днѣ ея, гдѣ человѣкъ впадаетъ уже въ нищету и гибнетъ, вмѣстѣ съ семьею, за отсутствіемъ работы, по тяжкой болѣзни или по какому-нибудь несчастному случаю. Къ сожалѣнію, петербургское городское общественное управленіе отказалось недавно стать, по примѣру другихъ городовъ, во главѣ организаціи призрѣнія бѣдныхъ,— а это имѣло бы лучшія послѣдствія, чѣмъ предлагаемая гг. гласнымъ постройка домовъ для раздачи дешевыхъ, а иногда и даровыхъ квартиръ многочисленнымъ обитателямъ петербургскихъ „угловъ", живущимъ, конечно, не по-человѣчески; но и отсутствіе центральной организаціи помощи бѣднымъ нельзя также отнести къ человѣческимъ порядкамъ. Надобно полагать, что городская Дума рано или поздно убѣдится, что и самая нечистота человѣческаго жилья есть, главнымъ образомъ, результатъ крайней бѣдности населенія, а не одного его невѣжества; бѣдность имѣетъ опять свои причины, а устраненіе ихъ или предупрежденіе, во многихъ случаяхъ, зависитъ, между прочимъ, и отъ организаціи помощи бѣднымъ.

По поводу холеры заговорили о необходимости чистоты, хотя послѣдняя необходима во всякомъ случаѣ, даже и безъ всякой холеры; а по поводу астраханскихъ и саратовскихъ звѣрствъ заговорили о необходимости распространенія въ народѣ просвѣщенія, хотя и прежде того эта необходимость была не менѣе настоятельна. Мы уже не разъ указывали, и теперь только повторимъ, что сколько бы мы ни открывали еще народныхъ школъ съ ограниченною цѣлью— распространять одну грамотность въ народѣ, школа до тѣхъ поръ не получитъ у насъ вполнѣ воспитательнаго значенія для народа, пока она будетъ оставаться только „начальною", лишенною своего

конца, а подъ такимъ концомъ мы разумѣемъ трехклассныя или четырехклассныя училища, по крайней мѣрѣ съ программою, какая указана „Положеніемъ о городскихъ училищахъ 1872 года". Ненормальность отношенія у насъ „начальнаго" народнаго образованія къ „городскому" всего нагляднѣе наблюдается въ *городѣ* Петербургѣ, который, можно сказать, имѣетъ въ настоящемъ году до 300 начальныхъ училищъ, но всѣ эти училища, по ихъ программѣ, собственно *сельскія*; „городскихъ" же училищъ, въ собственномъ смыслѣ, всего 8, содержимыхъ министерствомъ, и ни одного, содержимаго городомъ или частными лицами. Въ результатѣ такого положенія всего дѣла народнаго образованія въ столицѣ, въ нынѣшнемъ году получилось слѣдующее: начальныя училища, содержимыя городомъ, выпустили въ маѣ мѣсяцѣ до 2.000 дѣтей обоего пола, въ возрастѣ 12 лѣтъ; а въ министерскихъ городскихъ училищахъ окончили въ то же время курсъ 125 учениковъ, т.-е. для 1.100 мальчиковъ, выпущенныхъ изъ начальныхъ училищъ, открывается, значитъ, столько же вакансій— а именно: болѣе 10 человѣкъ на одну вакансію. Остальные девятьдесятыхъ лишены всякой возможности получить полное народное образованіе, и должны или 12-ти лѣтъ отъ роду прекратить ученіе вовсе, или родители ихъ вынуждены напрячь всѣ свои средства къ тому, чтобы помѣстить ихъ въ гимназію. Большинство такихъ учениковъ, за недостаточностью родителей, не успѣваютъ окончить гимназическаго курса и выходятъ изъ низшихъ классовъ, безъ всякой пользы для себя, а часто даже и съ вредомъ. Совсѣмъ другое дѣло, еслибы 12-лѣтнія дѣти имѣли возможность продолжать обученіе до 15—16-ти лѣтъ и выйти изъ „городского" училища съ законченнымъ въ извѣстныхъ предѣлахъ образованіемъ. Это подняло бы въ народныхъ массахъ уровень образованности, и тогда не было бы такого перерыва между культурою народа и культурою интеллигенціи, какой существуетъ у насъ теперь.

Въ маѣ мѣсяцѣ, одна изъ петербургскихъ газетъ, давая отчетъ о выпускныхъ экзаменахъ въ министерскихъ городскихъ училищахъ, въ виду количественнаго ничтожества ихъ результата, замѣтила: „городское общественное самоуправленіе, имѣя возможность увеличить число подобныхъ (т.-е. „городскихъ" училищъ), до сихъ поръ *почему-то* не открываетъ ихъ". На это можно только сказать, что лѣтъ 10 или 12 тому назадъ городское общественное управленіе имѣло въ виду открыть подобныя училища, но это осталось неисполненнымъ отчасти и по независящимъ отъ Думы обстоятельствамъ; во всякомъ случаѣ, оно не встрѣтило тогда поддержки со стороны министерства народнаго просвѣщенія, да и въ самой Думѣ полагали, —и въ то время это было справедливо,— что надобно прежде уво-

требить всѣ средства къ тому, чтобы подвинуть впередъ весьма отставшее начальное народное образованіе. Но въ настоящее время оно подвинулось значительно впередъ сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилось лѣтъ 15 тому назадъ, когда было на весь городъ всего 16 начальныхъ училищъ, и Дума, въ нынѣшнемъ году, если и не выступила самостоятельно на распространеніе „городского" образованія, то оказала ему поддержку въ формѣ субсидіи мужскому городскому училищу при учительскомъ институтѣ, и частному женскому городскому училищу, которое предполагалось открыть въ наступающемъ учебномъ году. Надобно думать, что послѣднее предпріятіе не встрѣтитъ для своего осуществленія никакихъ препятствій, хотя намъ и приходилось слышать въ компетентныхъ сферахъ, будто „Положеніе о городскихъ училищахъ 1872 года" имѣетъ въ виду одни мужскія училища. Но возможно ли предположить такой пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ: теперь существуютъ не только женскія гимназіи, но и высшіе женскіе курсы, и вдругъ оказалось бы, что „городскія училища" одни остались недоступны для женскаго пола, такъ что ученицы начальныхъ народныхъ училищъ должны или стараться попасть прямо въ женскія гимназіи, или остаться при начальномъ народномъ образованіи. Вотъ почему мы остаемся при убѣжденіи, что „Положеніе о городскихъ училищахъ 1872 г.", какъ и „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года"—имѣетъ въ виду оба пола безъ различія.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

Отъ Бюро Всероссійской Гигіенической Выставки 1893 года.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія Русское Общество охраненія народнаго здравія, состоящее подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича, устроиваетъ въ С.-Петербургѣ, весною 1893 года,

Первую Всероссійскую Гигіеническую Выставку.

Выставка подраздѣляется на слѣдующія секціи:

1) Секція біологическая. (Завѣдыв.: академикъ В. В. Пашутинъ и проф. Ѳ. И. Пастернацкій.)

2) Санитарная и медицинская статистика, эпидеміологія и медицинская географія. (Завѣдыв.: проф. Ю. Э. Янсонъ и пр.-доцентъ А. А. Липскій.)

3) Гигіена населенныхъ мѣстъ, общественныхъ, частныхъ зданій и промышленныхъ заведеній; гигіена питанія; гигіена одежды: поддержаніе чистоты и дезинфекція; больничное дѣло и прочія профилактическія мѣры. (Завѣдыв.: д-ръ М. Н. Шмелевъ и архитекторъ графъ П. Ю. Сюзоръ.)

4) Гигіена воспитанія и образованія. (Завѣдыв.: д-ръ А. С. Виреніусъ и М. М. Стасюлевичъ.)

5) Секція геологическая, климатологическая и бальнеологическая. (Завѣдыв.: проф. Е. В. Павловъ и пр.-доцентъ С. А. Поповъ.)

Каждая секція раздѣляется на спеціальные отдѣлы, имѣющіе своихъ завѣдывающихъ. (Инженеръ технологъ М. И. Алтуховъ, проф. В. К. фонъ-Анрепъ, проф. М. И. Аѳанасьевъ, проф. А. Ѳ. Баталинъ, д-ръ Н. Н. Брусянинъ, проф. Н. Е. Введенскій, членъ-управляющій дѣлами Техническаго Комитета Л. А. Верховцовъ, проф. А. А. Веденяпинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. А. И. Воейковъ, проф. А. П. Діанинъ, проф. Н. Г. Егоровъ, академикъ Ѳ. Н. Заварыкинъ, проф. А. А. Иностранцевъ, д-ръ Ю. Д. Карѣевъ, д-ръ С. Э. Крупинъ, главный фабричный инспекторъ Я. Т. Михайловскій, проф. Э. Ю. Петри, пр.-доцентъ М. Д. ванъ-Путеренъ, пр.-доцентъ С. А. Поповъ, директоръ Медицинскаго Департамента М. В. Д. д-ръ Л. Ѳ. Рагозинъ, д-ръ П. О. Смоленскій, проф. А. И. Таренецкій, академикъ Ю. К. Траппъ, д-ръ И. М. Тарновскій, пр.-доцентъ Н. В. Усковъ.)

Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣденія, Бюро Выставки приглашаетъ желающихъ участвовать въ Выставкѣ прислать предварительное заявленіе не позже 1-го сентября 1892 г., какъ о предназначаемыхъ для Выставки предметахъ, такъ и о числѣ квадратныхъ аршинъ площади, которые они желаютъ занять.

Адр.: Бюро Всероссійской Гигіенической Выставки 1893 г. С.-Петербургъ. Дмитровскій пер., д. 15.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ, 1892.

Книга седьмая. — Іюль. стр.

Книга восьмая. — Августъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. С. Іонинъ. По Южной Америкѣ. Въ двухъ томахъ. Изданіе „Русскаго Вѣстника“. Спб., 1892. Стр. 292 и 462. Ц. 4 р.

Въ воспоминаніяхъ и очеркахъ нашего извѣстнаго дипломата, А. С. Іонина, заключается масса любопытныхъ свѣденій о природѣ и своеобразной жизни южной Америки, особенно Бразиліи, Аргентины и Парагвая. Съ утилитарной точки зрѣнія,—какъ замѣчаетъ авторъ,—„едва ли русскую публику можетъ интересовать южная Америка,—это такой чужой для насъ міръ, тогда какъ мы и свой еще плохо знаемъ. Хотя и тутъ чужой міръ все-таки міръ, который и на насъ такъ или иначе имѣетъ вліяніе,—на свѣтѣ все соединено непрерывною цѣпью внутренней единой жизни;—хотя революція въ какомъ-нибудь Парагваѣ не остается безъ отголоска въ какомъ-нибудь Саратовѣ или Тамбовѣ, но осязательно мы въ этомъ не даемъ себѣ часто отчета; да развѣ только то полезно, что̀ осязательно?—не во гнѣвъ будь сказано нашимъ реалистамъ“. Авторъ старался съ возможною точностью и полнотою передать свои впечатлѣнія, какъ „простой путешественникъ-туристъ“; онъ наблюдаетъ и отмѣчаетъ особенности культуры, обычаевъ, политической и общественной жизни, изображаетъ видѣнное и слышанное въ рядѣ живыхъ характеристикъ и описаній, напоминаетъ изрѣдка историческіе факты и знакомитъ читателя съ далекимъ отъ насъ міромъ роскошной природы, гдѣ первобытная дикость часто непосредственно соприкасается съ признаками и условіями новѣйшей цивилизаціи. Это послѣднее обстоятельство представляетъ наибольшій интересъ для образованнаго европейскаго наблюдателя: „здѣсь первые признаки нравственнаго человѣческаго развитія живутъ рядомъ съ послѣдними словами науки, соприкасаются вплотную и часто сливаются; всѣ эти тысячелѣтія можно часто увидѣть какъ бы на сценѣ театра вдругъ, въ одной какой-нибудь деревнѣ, и они оставляютъ непосредственное впечатлѣніе въ нашемъ сознаніи, невольно расширяютъ нашъ кругозоръ“. Частыя истребительныя войны и междоусобія вносятъ въ эти благодатныя страны начало разрушенія и упадка; такъ, напр., былъ уничтоженъ Парагвай послѣ упорной борьбы съ Бразиліею, и побѣдителямъ не съ кѣмъ было даже заключить мирный трактатъ, ибо въ странѣ остались собственно однѣ женщины, а прежній народъ погибъ окончательно. „Какой народъ выростетъ изъ потомства этихъ женщинъ, ищущихъ себѣ мужей на минуту всякими неправдами,—это интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальный для человѣчества вопросъ“. Много такихъ и подобныхъ имъ вопросовъ возбуждается въ умѣ читателя поучительными очерками А. С. Іонина.

Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1892. Стр. 299. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой книгѣ собраны статьи, напечатанныя авторомъ въ разное время въ „Русской Мысли“ и посвященныя нѣкоторымъ изъ основныхъ вопросовъ научной соціологіи. Статьи имѣютъ отчасти характеръ рефератовъ о произведеніяхъ иностранной соціологической литературы—о книгахъ Лебона, Лестеръ-Уорда, Липперта, Вейсенгрюна и Летурно̀; но авторъ пользуется и трудами другихъ писателей и развиваетъ свои собственныя идеи, въ которыхъ отражаются наши старые литературные споры о „субъективномъ методѣ“ и о цѣлесообразномъ воздѣйствіи на ходъ человѣческаго прогресса. Г. Николаевъ думаетъ, что существуетъ или возможна „дѣйственная (?) соціологія“ (стр. 5); но если „соціологія“ есть наука теоретическая, а не прикладная, то она столь же мало можетъ быть „дѣйственною“, какъ и всякая другая область научнаго знанія и изслѣдованія.

Г. Гефдингъ, проф. копенгагенскаго университета. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. журнала „Вопросы философіи и психологіи“. Москва, 1892. Стр. VIII и 422. Ц. 2 р. 50 к.

Трудъ Гефдинга принадлежитъ къ числу лучшихъ научныхъ сочиненій по психологіи въ новѣйшей европейской литературѣ, и изданіе этой книги въ русскомъ переводѣ можетъ значительно облегчить для нашей образованной публики „ознакомленіе съ психологіею въ той ея формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ современному уровню науки“. Книга переведена подъ редакціею гг. Козлова и Колубовскаго и напечатана столь же изящно, какъ и другія изданія почтеннаго московскаго журнала, редактируемаго проф. Гротомъ, и основаннаго имъ же московскаго психологическаго общества.

Слава Россійская. Комедія 1724 г., съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 92. Стр. 29. Ц. 60 к.

Въ предисловіи подробно объяснено происхожденіе этого курьезнаго литературнаго памятника самыхъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра В., найденнаго недавно въ г. Нѣжинѣ. Вотъ полный титулъ комедіи, объясняющій ея содержаніе и время перваго представленія (написано по-латыни и по-русски): „Слава Россійская, дѣйства Вседержавнѣйшаго Императора Всероссійскаго, Петра Перваго, благодѣянія Россіи показавшаго и изъ Неславы Славу Россійскую сотворившаго, гласящая въ торжественный всероссійскій Тріумфъ коронованія всепресвѣтлѣйшія Государыни Императрицы Екатерины Алексіевны, дѣйствіемъ персональнымъ изображенно въ Московской Гошпиталѣ“. На оборотѣ отмѣчено по латыни: „На этой комедіи угодно было присутствовать Его Императорскому Величеству и Всепресвѣтлѣйшей Императрицѣ. Мая 18, 1724 г.“.

Педагогическій Календарь на 1892—93 годъ. Годъ третій. Составилъ П. А. Воскресенскій. Спб. 92. Стр. 228. Ц. 50 к.

Мы уже не разъ указывали на это полезное во многихъ отношеніяхъ изданіе: учащіе и родители найдутъ въ немъ полезныя указанія, относящіяся къ предметамъ, интересующимъ ихъ, главнымъ образомъ, по начальному народному образованію. Желательно было бы на будущее время видѣть въ этомъ календарѣ нѣкоторое расширеніе: онъ ограничивается начальными народными училищами, а слѣдовало бы дополнить этотъ отдѣлъ свѣдѣніями о постановленіяхъ для „городскихъ“ училищъ, по Положенію 1872 г. Въ Календарѣ, издаваемомъ въ Петербургѣ, необходимо также помѣщать свѣдѣнія о начальныхъ народныхъ училищахъ, содержимыхъ на счетъ города, и о ихъ организаціи.